71:01-7/43-5 1т

ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МИНАКОВ Сергей Тимофеевич

СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА 20-х ГОДОВ

(состав, социокультурные особенности, политическая роль)

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Военно-Ученый Архив
https://warlib.site
https://t.me/warlib_site

Президиум ВАК России
(решение от "16" 02 2001 г., № 8/40
присудил ученую степень ДОКТОРА
исторических наук
Начальник управления ВАК России

ОРЕЛ – 2000

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение---------- 3
Глава 1 . СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ---------- 103
1.1. Советская военная элита в общественном мнении
и официальной пропаганде РСФСР-СССР.---------- 105
1.2. «Наполеоновская легенда» в русском зарубежье.---------- 139
1.3. Складывание советской военной номенклатуры.---------- 187
1.4. Командный состав и военная элита Западного фронта 1922-1924 гг. ---------- 207
Глава 2 . СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
20-х ГОДОВ: ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ---------- 244
2.1. Лидеры и внутрикорпоративные группировки военной элиты.---------- 244
2.2. «Группа Тухачевского» в военно-политическом
социуме Советской России.---------- 339
Глава 3 . РОЛЬ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
БОРЬБЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 20-х ГОДОВ---------- 473
3.1. Слухи о «военном заговоре» в Красной Армии.---------- 473
3.2. «Дело Варфоломеева» и «чистка» военной элиты в 1923 г.---------- 497
3.3. «Германский Октябрь» и советская военная элита.---------- 517
3.4. Военная элита в политической борьбе конца 1923-начала 1924 гг.---------- 540
3.5. Военно-политические аспекты и
последствия армейской реформы1924-1925 гг. ---------- 603
Глава 4 . СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ 20-х ГОДОВ---------- 633
4.1. Внутрикорпоративные группировки военной
элиты второй половины 20-х годов.---------- 633
4.2. «Военная тревога» 1926-1927 гг. и советская военная элита.---------- 690
4.3. Социокультурные и политические аспекты модернизации
Красной Армии и появление новой военной элиты.---------- 741
Заключение ---------- 802
Библиографический список использованной литературы ---------- 812
Список сокращений ---------- 831

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ВВЕДЕНИЕ.

Весь исторический путь развития России, вплоть до нынешних дней, предопределялся, по большому счету, доминирующей ролью оборонного фактора. Это было, и ныне обусловлено, непреодоленным цивилизационным противоречием между обширностью территории и относительно малой численностью населения, низкой его плотностью. Таким образом, геополитический фактор в истории России приобрел несколько гипертрофированный характер. Этими обстоятельствами обусловлены в значительной мере и господствующие по своему типу формы политического устройства, идеологическая устремленность, смыслообразующие стимулы социокультурных настроений, ментальность. В конце концов, это цивилизационное противоречие создавало мощную макроисторическую предпосылку и для отставания России в процессе модернизации, и для ее великой революции, и для ее трагической и победоносной судьбы во второй мировой войне. Действует он и ныне. Поэтому оборонные проблемы в России издавна не являются лишь проблемами оборонного ведомства или государства. Это, как правило, проблемы общенациональные, это проблемы в значительной мере стимулирующие даже творческие явления в культуре вообще.

...Революция в России, в сущности, обозначила два фундаментально важных аспекта итогов многовекового ее предшествовавшего исторического развития. Во-первых, она обнаружила исчерпанность прежнего способа «выживания» российской (можно назвать «евразийской» или как-то иначе, суть от этого не изменится) «цивилизации». Революция оказалась своеобразным результатом неудачи России на пути «модернизации» и ее несостоятельности перед небывалым испытанием 1-й мировой войной. При этом, вся культурная элита России (хотя можно говорить о персональных исключениях) не нашла не то, что верной, но социально и политически убедительной «модели» разрешения «цивилизационной проблемы» без Революции. В ходе Революции и Гражданской войны свои услуги в ее решении предлагали уже «новые люди - «красные», «белые», но не «старорежимные». Во-вторых, Революция и Гражданская

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

война, в сущности, были тоже одним из способов модернизации России, попыткой насильственного перераспределения мировых ценностей. И что не получилось в результате реформ С.Витте, П.Столыпина, надеялись обеспечить «огнем и мечом» «Мировой революции».

…«Архетип Революции», сложившийся на основе Великой Французской, обозначил две альтернативные «модели» ее судьбы: «революционные-наполеоновские войны», и тогда, Революция венчается Наполеоном; или «террор» внутри страны – и тогда она венчается Робеспьером. По К.Марксу, разница лишь в том, что в одном случае «террор» обрушивается на соседей, в коих видят «врагов нации», а в другом на соотечественников, в части которых ищут и находят «врагов народа». Слова Дантона - «революция пожирает своих детей» - скрывают, кажется, некий «закон истощения Революции»: «революционеры» гибнут либо на полях сражений «революционных и наполеоновских войн» (французский вариант), либо на «гильотине» от рук своих прежних товарищей, ожидающих (не зная об этом) своей очереди «на эшафоте». Это уже «российский вариант» «истощения» Революции. Однако такой вывод можно сделать ныне, ретроспективно определяя и оценивая случившееся. В начале 20-х годов определение вектора развития революции стояло еще под вопросом. Многое еще зависело не только от мировой социально-экономической, политической, социокультурной коньюнктуры, но и от качественного состава, поведения, способностей, выбора элит и их лидеров. В социокультурном и политическом переплетении напряженности сознательного и неосознанного с середины 20-х годов должен был обозначиться кроваво-романтический «наполеоновский» или кроваво-прозаический «робеспьеровский» вариант «истощения» Революции, судьбы страны и ее культуры. Этот выбор и предопределял на ближайшие десятилетия доминирующую роль «политической» или «военной» элиты в указанных процессах. Именно одна из указанных элит в процессе «революционного истощения» присваивала и аккумулировала не только «политические» или «военные» свойства и потенциал, но всю органически нерасчлененную, многовекторную и многозначную совокупность культурного и цивилиза-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ционного развития страны. Все рождалось из ее «революционного» потенциала. Все «творила» «революционная элита», однако качество грядущего развития на данном этапе зависело от доминирования ее «наполеоновских» или «робеспьеровских» свойств. Все зависело от «политической» или «военной элиты», рожденных Революцией и сложившихся в недрах «революционной элиты».

Нынешнее, вновь для России кризисное во всех отношениях, время, в условиях распада прежних социальных, политических, культурных элит, при размывании прежних и зыбкой неустойчивости новых ценностей, вызывает резонанс в революционной эпохе первой четверти 20 в. Драматичный опыт российского постреволюционного становления, исторгнутый из прошлого, вновь обретает актуальность. В виду этого приобретает актуальность и исследование советской военной элиты послереволюционного периода, как одной из влиятельных социально-политических и социокультурных сил в системообразующих процессах становления государства и общества, выраставших из российской революции.

Как таковых специальных строго научных, научно-популярных исследований, популярных очерков, посвященных советской военной элите 20-х годов, нет. Однако имеются исследования и популярные издания, политические очерки, в которых в той или иной мере эта проблема затрагивается. Поэтому имеет смысл обратить на них внимание, чтобы иметь представление об уровне изученности данной проблемы.

Интерес к советской военной элите, остававшийся практически неудовлетворенным в Советской России и СССР вплоть до 60-х годов, проявлялся, пожалуй, с еще большей силой за рубежом, особенно в русском зарубежье, среди политической и военной эмиграции в первую очередь. Это понятно. В числе главных, наиболее нетерпимых оппонентов советской власти были вчерашние соперники в борьбе за Россию, оказавшиеся по итогам гражданской войны вне ее. Однако учитывая специфическую духовную атмосферу, рожденную еще первой мировой войной и приобретшей ментальную устойчивость в годы революции и гражданской войны, «вождистские» представления о характере и сущ-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ности тех или иных социальных, политических или военных явлений оказались ключевыми в стремлении получить представление и понять те или иные события, те или иные социальные, политические или военно-политические структуры, рожденные бурными событиями 1914-1921 гг. в России. Поэтому возникший за рубежом интерес к советской военной элите первоначально стремились удовлетворить через информацию и политическую оценку «вождей Красной Армии», «революционных генералов». Я не буду задерживать внимание на публикациях, посвященных отдельным, наиболее известным или популярным «красным генералам», которые начали появляться уже в первой половине 20-х годов. Как правило, это были впечатления, весьма заметно окрашенные политическими симпатиями или антипатиями авторов этих публикаций. Содержательно, таковые публикации в своей основе являлись воспоминаниями, сопровождаемыми небольшими по объему и политическими направленности комментариями. К ним с полным основанием можно, скажем, отнести публикацию в газете «Руль» в октябре 1922 г. под заголовком «Главковерх Тухачевский», подписанную псевдонимом «Антар»[1]; и книгу П.Фервака «Михаил Тухачевский – вождь Красной Армии», изданную в Париже вначале 1928 г.[2] В силу указанной выше их содержательной специфики обе работы будут подробно проанализированы в составе мемуарных источников.

Первые подходы к исследованию, правда, не военной элиты, а в целом комсостава Красной Армии в период гражданской войны и в 20-е годы обозначились в советской военной литературе уже в 1928 г. Во 2-м томе трехтомного издания «Гражданская война. 1918-1921 гг.» тогдашний начальник управления по начальствующему составу ГУРККА Н.Ефимов поместил свой очерк «Командный состав Красной Армии»[3]. Он представляет собой главным образом подборку статистических материалов с комментариями. Статистические данные, имеющиеся в очерке, охватывают период времени до 1926 г. включительно. В этом отношении они в значительной мере соответствуют хронологиче-

[1] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335-3336.
[2] Fervacque P. Le chef de l'armee Rouge – Mikail Toukhatchevski. Paris, 1928.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ским рамкам настоящей диссертации. Цифровые данные, приводимые автором в очерке, интересны, однако социальные группировки, которые он использует для статистического анализа, малопоказательны. Н.Ефимов делит весь комсостав Красной Армии на три социальные группы: рабочие, крестьяне и прочие. Последняя из групп оказывается совершенно «глухой» и смутно отражает собственную социальную и социокультурную инфраструктуру. Кроме того, автор очерка делит весь комсостав на «высший», «старший» и «средний». Если иметь в виду, что Н.Ефимов пользуется установленной в 1924 г. номенклатурно-должностной сеткой в 14 «категорий», то в соответствие с ней к «высшему комсоставу относятся командиры с 10 по 14 категорию (от должности помощника командира дивизии или командира отдельной бригады, до должности командующего фронтом, военным округом или отдельной армией). Таким образом, понятие «высший командный состав» охватывает более многочисленную, более широкую по охвату группу «генералов», нежели понятие «военная элита», включающее лишь часть самого высокого по номенклатуре должностей слоя высших военачальников. Поэтому несущие достаточно интересную статистическую информацию подсчеты Н.Ефимова, не вносят достаточную ясность в вопрос о советской военной элите 20-х годов. Неудовлетворительны они также в плане учета и сравнения образовательного уровня комсостава в целом и высшего комсостава в частности. Н.Ефимов, во-первых, приравнивает командиров Красной Армии, окончивших Академии в старой армии и тех, кто окончил Академии и Курсы усовершенствования командного состава уже в РККА. Это сравнение вызывает сомнения в корректности. Дело в том, что уровень и содержание «академического» образования в РККА, начиная с 1921 г. был по программе «ниже» аналогичного в старой армии. Реформа Академии Генерального штаба, проведенная в 1921 г., фактически превратила ее в высшее учебное заведение, слушателям которого давалось образование на уровне оперативно-тактическом, а не на уровнях оперативно-тактическом и оперативно-стратегическом. Военная академия РККА (так она стала называться с августа

[3] Ефимов Н.А. Командный состав Красной Армии. // Гражданская война. 1918-1921 гг. - М.Госвоениздат, 1928.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

1921 г.) фактически представляла то, что сейчас именуется высшим военным училищем, а не Академией. Кроме того, годичные Курсы усовершенствования командного состава РККА никак нельзя по времени, по качеству и объему образования приравнивать к полноценному курсу Академии Генштаба. Во-вторых, Н.Ефимов выделяя ту часть командиров РККА, которые получили «академическое» образование в старой армии, не дифференцирует их в зависимости от того, какую же именно они окончили академию: Академию Генерального штаба, Артиллерийскую академию, Инженерную академию или Морскую академию. А это существенно, ибо выпускники Академии Генерального штаба, несомненно, принадлежали к особой, высшей категории офицеров с высшим образованием в старой армии. В-третьих, это то, о чем уже выше говорилось: данные по образовательному цензу для командиров РККА даются общие по всему комсоставу, без вычленения «высшего комсостава» и, тем более, «военной элиты». Таким образом, представляя продуктивный социально-статистический и социометрический фон, очерк Н.Ефимова существенно не проясняет вопрос о советской военной элите 20-х годов.

Пожалуй, одним, из самых ранних по времени и сравнительно большим по объему «ответом» на социально-политический «заказ» была серия очерков о «красных маршалах», написанных и изданных Р.Гулем в 1932-1933 гг. В них персонально воплощались зарубежные представления о советской военной элите. Они открывались небольшой книгой о М.Тухачевском (1932 г.) и были продолжены в 1933 г. очерками о Г.Котовском, В.Блюхере и К.Ворошилове. Все они сочетают в себе характер мемуарного источника и политико-публицистического исследования, а время их появления не оставляет сомнения в том, что все указанные работы были результатом прямого или косвенного политического заказа. В то же время лишь с оговорками эти очерки можно назвать комплексной работой, посвященной изучению и «освещению» советской военной элиты того времени. В выборе персоналий для своих очерков Р.Гуль руководствовался, конечно, не стремлением дать более или менее целостное

- т. 2.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

представление о советской военной элите 20-начала 30-х годов, как о некой социальной или социокультурной целостности. Хотя сам автор определял эти очерки как главы будущей большой книги. Это скорее автономные психолого-биографические журналистские исследования нескольких советских «генералов», представлявших для русского зарубежья, прежде всего, военно-политический интерес, как лидеры «политического обновления» России. В своем предисловии к этим очеркам сам автор писал: «Думается, верно мнение, что смена террористическо-коммунистической диктатуры выйдет из группы военных – руководителей Красной Армии, которая обопрется в первую очередь на крестьянство. Совсем не случайно, что именам «красных маршалов» не сопутствует обильная литература. В то время, как о «штатских» вождях изданы сотни книг, о красных «генералах» предпочитается полное молчание. Кремлевский официальный «марксизм» не любит культа «военных героев» и исторических параллелей с французской революцией. Но естественно, что в момент чрезвычайной напряженности, как международного, так и внутрироссийского положения, эти маршалы привлекают к себе интерес»[4]. Цитированный выше абзац, таким образом, объясняет причины и цели, побудившие автора предпринять написание указанных очерков. Р.Гуль как бы задается вопросом (подсказанным ему, очевидно, русской зарубежной общественностью) «кто же из красных маршалов станет ожидаемым вождем противобольшевистского движения». «Русская революция дала своих красных маршалов, - пишет во введении Р.Гуль и определяет «свой», хотя и неполный, персональный состав советской военной элиты, - Ворошилов, Каменев, Егоров, Блюхер, Буденный. Котовский, Гай...»[5]. В другом месте в состав советской военной элиты автор включает «царских генералов и полковников Каменева, Сытина, Вацетиса, Верховского..., вахмистра Буденного, портного Щаденко, гвардии поручика аристократа Тухачевского, солдата Криворучко, парикмахера Хвесина, солдата Криворучко, «великого неизвестного» псевдонима Блюхера...»[6]. Автор очерков никак не объясняет кри-

[4] Гуль Р. Красные маршалы. - М.: Терра, 1995. - С. 432.
[5] Там же, с. 433.
[6] Там же, с. 535.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

терии, по которым он персонально выделил именно этих лиц, которые должны были стать «лицом», «образом» Красной Армии. Не всех их он считает представителями именно военной элиты. В частности, Р.Гуль включил в перечень «красных маршалов», удостоенных биографических очерков, Г.Котовского, как поясняет писатель, «взятого мной из-за его анекдотической красочности и характерности для нравов гражданской войны»[7]. В первую очередь автор обращает внимание на самую интригующую в этом смысле фигуру в СССР – на М.Тухачевского.

«…Самым талантливым красным полководцем, не знавшим поражений в гражданской войне, самым смелым военным вождем красной армии 3 Интернационала оказался Михаил Николаевич Тухачевский», - пишет Р.Гуль. В этом, собственно говоря, и заключается особое к этой персоне внимание и со стороны писателя, и со стороны его предполагаемых читателей.

Очерк о М.Тухачевском оказался самым большим по объему и наиболее интересным. Это понятно, поскольку данная фигура за рубежом представлялась «знаковой» в восприятии советского высшего командования, отчасти из-за интригующей, парадоксально-смутной биографии этого «красного маршала». Эта работа интересна своей многозначностью. Она может рассматриваться одновременно, и как мемуарный источник, и как политическая биография, и как попытка дать психологический портрет М.Тухачевского. Даже в 1936 г., в связи с поездкой М.Тухачевского в Лондон и Париж, издатели монархически настроенной газеты «Возрождение», не благоволившие к «либерал-демократу» Р.Гулю, считали его работу о «красном маршале» «наиболее обстоятельной книгой о Тухачевском»[8].

В моем распоряжении нет информации, которая могла бы указывать на то, что Р.Гуль этой книгой выполнял прямой «политический заказ» тех или иных политических или военных кругов. В то же время появление этой книги именно в 1932 г. вряд ли было случайным. В июне 1931 г. М.Тухачевский, «потерявшийся» для зарубежной политической и военной общественности, вдруг

[7] Гуль Р. Красные маршалы. – С. 432.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вновь оказался в высшем руководящем звене советской военной элиты, заняв должность заместителя Председателя РВС СССР и наркома. Последние строчки книги Р.Гуля о М.Тухачевском позволяют сориентироваться во времени написания этой книги: «Теперь у Сталина Тухачевский «товарищ военного министра» заместитель Клима Ворошилова»[9].

В германских правительственных кругах особый интерес к М.Тухачевскому обозначился осенью 1931 г., после визита в Москву начальника штаба рейхсвера генерала В.Адама (в октябре 1931 г.). Международная обстановка, в которой появилась книга Р.Гуля о М.Тухачевском характеризовалась, в частности, возникновением напряженности в советско-германских отношениях. Ситуацию осложняли и начатые советским руководством переговоры с Францией о подписании договора о ненападении. Это весьма беспокоило германское правительство, которое еще активнее начало искать путей сближения с Францией на антисоветской, антибольшевистской основе.

Наконец, появился новый фактор – усиление политического влияния нацистов, которые становились одной из ведущих политических сил в Германии и их представители вот-вот должны были войти в правительство. В Германии совершенно отчетливо обозначились тенденции к усилению влияния национал-социалистических симпатий и настроений и слухов об «антисоветском развороте» германской внешней политики, вплоть до войны. Книга Р.Гуля о М.Тухачевском появилась примерно в одно время с распространением через разведслужбы слухов о националистически настроенной «военной партии» в СССР, возглавляемой М.Тухачевским. Эта информация (или дезинформация) распространялась с осени 1931 г. по каналам ОГПУ и Разведуправления Штаба РККА[10].

В книге Р.Гуля М.Тухачевский предстает аристократом, императорским гвардейцем, антидемократом и поклонником диктатуры, антисемитом, антихристианином и бонапартистом, потенциальным «русским Бонапартом». В от-

---

[8] Возрождение. – 1936. - 13 февраля.
[9] Гуль Р. Тухачевский. // Гуль Р. Красные маршалы. - С. 532.
[10] Военно-исторический архив. - М., 1997. - № 2. - С. 7-8.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

личие от П.Фервака, информацию из книги которого Р.Гуль активно и почти текстуально использует, автор книги ничего не говорит о том, что у М.Тухачевского отсутствует «наполеоновская природа». У Р.Гуля М.Тухачевский как раз «Бонапарт» и «националист», а как аристократ – «расово полноценный» и «антисемит». Это именно те качества, которые должны были бы импонировать идущим к власти нацистам и тем генералам рейхсвера, которые поддерживают нацистов.

Все высказанные соображения позволяют полагать, что Р.Гуль выполнял именно политический заказ. Хотя, скорее всего, этот заказ не был прямым, но шел через старых советских друзей Р.Гуля писателей К.Федина и И.Груздева, через издательство «Петрополис».

В качестве основных источников информации, судя по самому тексту, Р.Гуль активно, порой почти текстуально, пользовался воспоминаниями князя Ф.Касаткина-Ростовского, его публикацией «Главковерх Тухачевский» 1922 г., и материалами книги П.Фервака. Кроме того, это и дополнительная информация, порой смутная, в том числе и собственные воспоминания. «В чемпионате советских полководцев у Тухачевского нет соперников по влиянию и воинской славе, - заключает в конце книги Р.Гуль. – За исключением разве таинственной «черной маски»[11]. Так он называет В.Блюхера, получившего такое прозвание в русском зарубежье.

Р.Гуль начинает свой очерк «Блюхер» именно под впечатлением указанной выше таинственности этого «красного маршала». «Среди красных маршалов СССР В.К.Блюхер – полководец первого ранга, - начинает повествование писатель. - Послужной список Блюхера богат и блестящ. Блюхер – сильная, колоритная фигура. Но самое замечательное в Блюхере то, что ни в СССР, ни за границей никому не известно: кто же он на самом деле, этот популярный маршал Советов? Блюхер – «генерал Немо, Блюхер – «полководец под псевдонимом»[12].

---

[11] Гуль Р. Указ. соч. - С. 532.
[12] Там же, с. 575.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Р.Гуль, насколько это следует из текста и контекста очерка, считает В.Блюхера человеком «отчаянной храбрости и большой одаренности»[13]. Заинтригованный смутностью происхождения В.Блюхера, писатель, пожалуй, лишь в данном очерке и о данном «красном маршале» рассуждает как о вполне реально «состоявшемся заговорщике». Р.Гуль, увлеченный слухами о причастности В.Блюхера к «заговору Сырцова» в 1929-1930 гг., говорит о том, что «популярность его не буденновской, не ворошиловской даже чета»[14]. Автор называет В.Блюхера «героем штурма Перекопа», «покорителем Сибири», «душой северного китайского похода», «победителем китайцев». В очерке Р.Гуля этот «красный маршал» предстает настолько влиятельным, авторитетным и политически независимым, что И.Сталин и политическая элита, зная о причастности В.Блюхера к «заговору», не решились применить к нему какие-либо репрессии. «Воинственный маршал, сторонник активных действий против Японии, говорят, приходит в бешенство от дипломатических уступок, - завершает свой очерк Р.Гуль и делает многозначительный вопрос-прогноз. – Кто знает, может быть, мы еще и услышим имя Блюхера в реляциях о боях. А может быть, Блюхер мелькнет и на неизбежном повороте внутренней жизни страны при ликвидации коммунистической диктатуры»[15].

Аналогичным по смыслу и целям был и очерк о К.Ворошилове. Он гораздо меньше по объему и, в сущности, посвящен, несмотря на название «Ворошилов», также и С.Буденному. Примечательно, что уже на первых страницах этого очерка Р.Гуль по существу перечисляет состав советской военной элиты, как он виделся из-за рубежа. Судя по фактам из биографии К.Ворошилова, которыми оперирует автор, у него был хороший и вполне надежный источник (или источники) информации. Р.Гуль считает К.Ворошилова одной из самых значимых и вполне самостоятельных фигур в советской военной элите, хотя не скрывает сомнений в его оперативно-стратегических способностях. Автор неоднократно обращает внимание на способность К.Ворошилова горячо и неуст-

[13] Гуль Р. Указ. соч. – С. 577.
[14] Там же, с. 607.
[15] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

рашимо отстаивать свое мнение перед политическими вождями, будь то Л.Троцкий или И.Сталин. Очерк завершается так же, как и в случае с М.Тухачевским фразой-вопросом: «Бог весть, какой конец сужден шумной карьере военного министра СССР? Годится ли еще на крупные роли этот 52-летний первый маршал? Или, став сановником и вельможей России, министр-слесарь просто-напросто сладко дремлет в завоеванном кровью кремлевском кресле?»[16].

Несколько позднее, на сравнительно скудной источниковой основе, однако достаточно интересно и во многом верно охарактеризовал советскую военную элиту 20-30-х годов один из авторитетных военных ученых русского военного зарубежья профессор полковник А.Зайцов[17]. Его большой очерк посвящен не специально советской военной элите, а в целом Красной Армии. Этот очерк был написан им в 1934 г., т.е., когда в советских вооруженных силах полным ходом шел процесс технической модернизации. Правда, закрытость социально-политических процессов в СССР, затруднявших и в 20-е годы получение полной, всегда достоверной и адекватной своему времени информации, в частности и о Красной Армии, в 30-е годы стала еще более «плотной» и жесткой. Поэтому, судя по содержанию очерка А.Зайцова, он в общем рассуждает о Красной Армии и ее состоянии, в сущности оперируя информацией и мнением, сложившимся до 1932-1933 гг. Однако именно это обстоятельство повышает ценность данного очерка в контексте исследования советской военной элиты 20-х годов. Впрочем, сам автор, по существу, указывает на то, что предметом его исследования и изложения является Красная Армия в тех формах и в том виде, в каких она сложилась к середине 20-х годов. «Коренная реорганизация Красной Армии, - пишет А.Зайцов, - однако, была проведена лишь сменившим Троцкого Фрунзе и была завершена в трехлетие 1924-1927 гг. сперва Фрунзе, а затем его преемником Ворошиловым. Лишь с этой эпохи организация Красной

[16] Гуль Р. Указ. соч. - С. 574.
[17] Зайцов А. Шестнадцать лет «РККА». // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - М., Русский путь, 1999.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Армии приняла те формы, которые являются типичными для нее и посейчас»[18]. Таким образом, перед нами очерк о Красной Армии, в том числе и о ее комсоставе и военной элите, скорее отражающий ситуацию второй половины 20-х, чем начала 30-х годов.

Оставляя в стороне различные аспекты состояния Красной Армии, характеризующие ее как военно-политический организм, оказавшиеся в сфере рассуждений А.Зайцова, сосредоточу внимания лишь на одном из них, являющемся предметом моего исследования. Иными словами, в этом смысле интересны оценки автора, относящиеся к советской военной элите. Как выше уже отмечалось, военная элита как таковая во всей своей определенности и целостности не является предметом исследования А.Зайцова, однако он фактически исследует и ее в сравнительно небольшом, но емком разделе «Руководящие верхи Красной Армии». Разумеется, это понятие содержательно не «поглощает» всю военную элиту. В определенном смысле оно даже противоречит понятию «военная элита». Тем не менее, частично оно все-таки позволяет получить представление о мнении автора по интересующему нас вопросу.

Прежде всего, следует обратить внимание на критерии, по которым автор определяет принадлежность тех или иных представителей высшего комсостава РККА к «руководящим верхам». «...Для ответа на вопрос, кто же в действительности сейчас правит Красной Армией, - поясняет автор, - нужно знать, кто из высших ее командиров занимает высшие посты и в аппарате управления коммунистической партии.... Зная структуру высших органов управления коммунистической партии, остается только посмотреть – кто же из высших командиров Красной Армии занимает и какие именно в них посты»[19].

Определив, таким образом, критерий отнесения к «руководящим верхам» тех или иных «советских генералов», А.Зайцов в состав таковых включает лишь военачальников, входивших в состав высших партийных выборных органов. «Поэтому, - вновь приведу красноречивую и ясную по смыслу выдержку из очерка А.Зайцова, - можно сказать, что правящей верхушкой Красной Армии

[18] Зайцов А. Шестнадцать лет РККА. - С. 228.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

являются (если исключить невоенного Гамарника): Ворошилов и затем, в порядке их удельного веса, его сотрудники: Якир, Блюхер, Тухачевский, Егоров, Буденный и Уборевич. Другими словами, это: народный комиссар по военно-морским делам, его помощник, начальник Генерального штаба, инспектор конницы и три командующих войсками важнейших пограничных округов»[20].

Данное суждение автора, правда, содержит в себе некоторое противоречие, учитывая его замечание об «удельном весе», определяющем очередность вышеперечисленных фамилий, ибо далее, при персональной характеристике каждого из упомянутых «генералов», А.Зайцов фактически выстраивает этот ряд в иной «иерархической» последовательности: К.Ворошилов, М.Тухачевский, А.Егоров, И.Уборевич, И.Якир, В.Блюхер, С.Буденный[21]. Нижеследующее же пояснение А.Зайцова позволяет окончательно утвердиться в представлениях автора о его подходах к пониманию того, кто относится к «руководящим верхам Красной Армии». «В общем, - продолжает А.Зайцов, имея в виду вышеперечисленных «советских генералов», - конечно, занимаемые ими военные посты и так ставили их во главе армии, но все же основываться на одном этом признаке в Красной Армии нельзя. Так, например, другой помощник Ворошилова, бывший Главнокомандующий во время гражданской и польско-советской войны, Каменев и командующий войсками столичными – Московского военного округа – Корк, несмотря на занимаемые ими посты, в иерархии коммунистической партии никакой должности не занимают и тем самым являются только исполнителями, не принимающими участия в действительном руководстве жизнью армейских органов управления»[22]. Таким образом, судя по контексту, автор включает в состав высшего советского военного руководства, фактически, также С.Каменева и А.Корка. В сфере внимания А.Зайцова, оказываются, в качестве ведущих руководителей профессиональной подготовки комсостава РККА, Б.Шапошников (как начальник Военной Академии РККА) и

---

[19] Зайцов А. Указ соч. - С. 256.
[20] Там же.
[21] Там же, с. 256-259.
[22] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лучшие профессора А.Свечин и А.Верховский[23]. Вышеотмеченные А.Зайцовым фамилии «советских генералов», очевидно, и мыслятся им как руководящее звено Красной Армии, хотя сам он, как отмечалось выше, вполне ясно ограничивает его персональный состав лишь теми «генералами», которые оказались в составе ЦК или Политбюро ЦК ВКП(б).

Давая квалификационную оценку указанной группе «руководящих верхов Красной Армии», А.Зайцов склонен выделить лишь одного, вполне соответствующего своему номенклатурному положению. «Тухачевский, бесспорно, является самым крупным советским военным специалистом из числа лиц, занимающих высшие посты в Красной Армии», - делает свой вывод автор очерка[24]. Он воздерживается от каких-либо оценок И.Уборевича, однако из контекста краткой характеристики этого военачальника, данной ему А.Зайцовым, заметно, что автор склонен к положительному мнению о военно-профессиональных возможностях «советского генерала»[25]. Что же касается всех остальных, то к их профессиональному потенциалу автор относится с более или менее ясно выраженным скептицизмом. Общий вывод-оценка возможностей «руководящих верхов» РККА у А.Зайцова достаточно сдержанный, однако явно скептический. Он говорит об их «очень невысокой» «общеобразовательной и военной подготовке». «Несомненным его преимуществом, - завершает свою характеристику «руководящих верхов Красной Армии» А.Зайцов, - является лишь длительное занятие им руководящих постов в армии»[26].

В заключение своего развернутого очерка о Красной Армии А.Зайцов вновь возвращается к комсоставу РККА. Хотя он и говорит о нем в целом, не вычленяя военную элиту, но суждение это относится и к ней. Утверждая в качестве главного вывода низкую боеспособность РККА, А.Зайцов считает, что «основным ее пороком является неподготовленность и некультурность ее ко-

---

[23] Зайцов А. Указ. соч. - С. 253.
[24] Там же, с. 257.
[25] Там же, с. 258.
[26] Там же, с. 259.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мандного состава, к тому же связанного по рукам и ногам тенетами политического аппарата»[27].

Завершая анализ мнения и оценок, даваемых А.Зайцовым части советской военной элиты, следует вновь отметить, что они касаются все-таки ее состояния в 1934 г. Именно к этому времени вышеотмеченная группа «генералов» оказалась в составе ЦК ВКП(б). Ситуация 20-х годов была существенно иной, и для тех лет критерии определения персонального состава «руководящих верхов Красной Армии», избираемые А.Зайцовым, оказываются непригодными. Кроме того, автор очерка не ставил перед собой задачу рассмотреть, пусть даже в качестве частного вопроса, советскую военную элиту как социокультурное явление. Он рассматривал именно командный состав и ту его часть, в руках которой при тогдашний внутриполитической коньюнктуре находилось руководства армией, а не военную элиту. Последняя, все-таки, предполагает в своем составе не только, не столько и не обязательно «генералов», располагающих высшей военной властью по «номенклатуре». Военная элита, особенно в 20-е годы, включала как раз ту часть советского «генералитета», которая не обязательно прямо, не непосредственно, но, весьма часто, в скрытых формах доминировала и влияла на принятие важнейших военно-политических решений. И именно процесс «выдавливания», «партийного подчинения» или номенклатурной замены, характерный для образа и состояния советской военной элиты 20-х годов, представляется реальным предметом исследования. Этот процесс оказался вне сферы внимания А.Зайцова.

В завершении характеристики работы А.Зайцова, следует указать на то обстоятельство, что он и в последующие годы неоднократно в своих статьях обращался к анализу и оценке «руководящих верхов Красной Армии», однако они хронологически относились к 30-м годам и, следовательно, за пределами проблематики настоящего исследования.

Некоторые аспекты исследования советской военной элиты слегка затрагиваются и в очерках Н.Пятницкого, Е.Месснера[28]. Впрочем, первый из назван-

---

[27] Зайцов А. Указ соч. - С. 260.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ных авторов в своем очерке «Эволюция красной военной доктрины (1917-1937)», судя и по самому названию, обращается лишь к военно-доктринальным аспектам истории Красной Армии. В контексте этого вопроса он касается и персонального состава советских «генералов», так или иначе причастных к разработке военной теории, истории и оперативно-стратегической доктрины РККА. В рамках краткого экскурса Н.Пятницкий упоминает фамилии М.Тухачевского, А.Свечина, А.Верховсного, Н.Какурина, А.Готовского, В.Триандофиллова, а также В.Новицкого, Н.Соллогуба, М.Бонч-Бруевича, С.Каменева, Б.Шапошникова и некоторых других, в основном генштабистов старой русской армии. Впрочем, о них речь в очерке ведется лишь в связи с вышеотмеченными сюжетами. Данный очерк интересен тем, что в нем нашли отражение мнения специалистов русского военного зарубежья о военно-научных взглядах интеллектуальной элиты Красной Армии. Автор акцентирует внимание на состоянии этого вопроса к середине 30-х годов, весьма скептически оценивая военно-теоретические установки советской военной элиты в 20-е годы. В частности, имеется в виду его отношение к концепциям «революционной войны» или «революции извне». Н.Пятницкий не склонен признать за военно-научной мыслью Красной Армии выработку каких-либо военно-доктринальных новаций. «Долгими и извилистыми путями Красная армия пришла, наконец, к тому, что просто и быстро давала всем военная наука», - считает автор, подводя итоги военно-научного процесса в СССР 1917-1937 гг.[29] Констатируя итоги этого процесса, хронологически полагая таковыми репрессии 1937 г., автор констатирует: «Военная мысль Красной Армии еще бродит, ее доктрина еще колеблется, но общая линия уже видна. Красная Армия после 20 лет блужданий вернулась к старым испытанным берегам военной науки, регулярной армии и подготовки к большой войне»[30]. Обращая вполне обоснованно внимание на то, что «значение расчетов В.Триандофиллова огромно», Н.Пятницкий, однако, как представляется, не смог или не пожелал, усмотреть в

[28] Пятницкий Н. Эволюция Красной военной доктрины. //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции.; Месснер Е. Души в кандалах. – Там же.
[29] Пятницкий Н. Эволюция красной военной доктрины. - С. 264.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

работе упомянутого советского военного теоретика именно новое и самое главное: основы теории «глубокой операции». Вспоминая книгу В.Триандофиллова, автор дает ей не тот заголовок, под которым она появилась в 1929 и была переиздана в 1932 гг. Книга В.Триандофиллова, имевшая название «Характер операций современных армий», названа в очерке Н.Пятницкого «Новое в оперативном искусстве», что, несомненно, несколько размывает и смещает смысловые акценты в исследовании советского военного теоретика. Быть может, именно эти обстоятельства отчасти не позволили автору очерка адекватно оценить значимость упомянутой книги, а не только, безусловно, присутствующую в очерке политическую предвзятость Н.Пятницкого.

Автор очерка не без оснований, в связи с новыми тенденциями в развитии советской военной мысли, считает, что «при этом перегнули палку в другую сторону»[31]. Н.Пятницкий считает, что «прошлое пренебрежение техникой сменилось увлечением машиной, принявшим вид какого-то поклонения, доходящего до подлинной «машинолатрии»[32]. Хотя в рассуждениях автора, это вполне понятно и, можно сказать, естественно для бывшего офицера белой армии, отсутствует чрезмерное восхищение достижением советской военной науки, характерное для советской пропаганды тех лет (да и последующих), Н.Пятницкий, тем не менее, как это уже было отмечено выше, весьма положительно оценивает процессы, имевшие место в советской военной мысли в конце 20-х – первой половине 30-х годов. Он со скрытым сожалением и скептическим отношением к будущему Красной Армии констатирует: «Вся верхушка красного командования, проводившая в СССР эти «военно-научные новшества», попала под подозрение Сталина – была признана политически неблагонадежной и попала под расстрел»[33]. Н.Пятницкий считает, что в результате этого в Красной Армии произошел «откат к старому». «Но этот откат к старому, - делает вывод автор, - оказался гораздо опаснее прежнего. Все мало-мальски культурное было отправлено в «штаб Генерала Духонина», как это было в 1917 году, а на верхи

[30] Пятницкий Н. Указ. соч. – С. 264.
[31] Там же.
[32] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военного управления выплыли прежние герои гражданской войны и партизанской вольницы: матрос Дыбенко, столяр Федько, рабочий Белов были назначены на самые ответственные должности командующих тремя западными пограничными военными округами, а на «опасный» пост командира столичного Московского округа был вознесен бывший вахмистр «Маршал» Семен Буденный»[34].

Завершая очерк, Н.Пятницкий считает, что блуждание советской военной мысли «может кончиться в СССР лишь в день падения коммунистического ига, поставившего вновь, как двадцать лет тому назад, ставку на самый отсталый, темный и некультурный слой нации. При этих условиях как бы не насыщал Сталин свою армию современной техникой, как бы не увеличивал ее силы, Красная Армия всегда будет колоссом на глиняных ногах»[35].

Я намеренно оставлю без комментариев вывод Н.Пятницкого, главным образом потому, что анализ его может увести слишком далеко в сторону от проблемы, обозначенной предметом и хронологией исследования. Замечу лишь, что оценки и мнение, выраженные Н.Пятницким, интересны с точки зрения характеристики мнений о советской военной элите 20-30-х годов со стороны военных специалистов русского зарубежья. Однако, как отмечалось выше, указанный автор, как и предшествующий из вышеупомянутых, не исследует советскую военную элиту в качестве самостоятельного объекта научных интересов. Более того, очерк Н.Пятницкого, основанный на сравнительно скудной информационной базе, естественно, не претендует на объективное научное исследование даже того вопроса, который обозначен в его названии.

Следует упомянуть также и о еще одной работе Н.Пятницкого, написанной и опубликованной им еще в 1932 г. – «Красная армия СССР»[36]. Эта работа интересна, в основном, статистическим материалом по комсоставу Красной Армии. В значительно своей части статистика и некоторые социометрические

---

[33] Пятницкий Н. Указ. соч. - С. 265.
[34] Там же.
[35] Там же, с. 266.
[36] Пятницкий Н. Красная армия СССР. – Париж. - 1932.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сведения, касающиеся комсостава РККА, почерпнуты автором из ранее отмеченной статьи Н.Ефимова.

Все вышесказанное об очерке Н.Пятницкого вполне применимо и к небольшим по объему очеркам другого военного специалиста из бывшей белой армии Е.Месснера. Они посвящены не советской военной элите 20-х годов, а явившимся во многом эмоциональным выражением крайне отрицательного отношения к массовым репрессиям в Красной Армии 1937-1938 гг.[37]

Несколькими годами раньше вышеохарактеризованных очерков А.Зайцова, Н.Пятницкого, Е.Месснера в Париже в 1931 г. появился очерк французского генерала А.Эруа и Л.Тевенена «Красная Армия и социальная война»[38]. В нем дается достаточно пространный анализ военно-теоретических разработок ведущих советских военных теоретиков, которые в то время были для французского генералитета воплощены в А.Свечине, А.Верховском и М.Тухачевском. Однако, что касается советской военной элиты того времени в целом, то авторы касаются этого вопроса столь же «слегка», как и вышеупомянутые писатели русского военного зарубежья (не считая А.Зайцова). Поэтому, будучи достаточно интересной как отражение впечатлений французской военной элиты о военно-политических и стратегических взглядах некоторых лидеров военной элиты советской, эта работа мало чем полезна при изучении советской военной элиты 20-х годов в целом.

В фундаментальной, сохранившей и ныне значительную долю своей ценности в качестве научного исследования, книге И.Б.Берхина, посвященной военной реформе в Красной Армии в 1924-1925 гг.[39], также затрагиваются некоторые аспекты, касающиеся комсостава РККА 20-х годов. Это достаточно информативные статистические сведения, подсчеты, но, к сожалению, относящиеся к командному составу Красной Армии в целом. В тех же случаях, когда исследователь дифференцирует его, подразделяя на младший, средний, старший и высший, он тем не менее, не вычленяет «военную элиту» из высшего

---

[37] Месснер Е. Кровавый год. // Русский инвалид. – 1938. - № 111; его же: «Души в кандалах». // Русский инвалид. – 1938. - № 116.
[38] Heroys A. et Thevenin L. L'Armee Rouge et la guerre sociale. – Paris. - 1931.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

комсостава. Поэтому, как и в очерке Н.Ефимова, в книге И.Берхина советская военная элита не появляется в качестве объекта исследования, даже в качестве частного аспекта исследования или в частных проявлениях.

Специального внимания и комментариев заслуживает одна из первых книг, посвященных «делу Тухачевского» и в этом контексте советской военной элите «межвоенного периода», появившаяся после 20 съезда КПСС и «разоблачения культа личности». Это написанная и изданная в 1959 г. В.Александровым книга под этим названием – «Дело Тухачевского».

Хотя основное внимание автора, из русских эмигрантов «первой волны», военного корреспондента в составе американской армии, сосредоточено на личности М.Тухачевского, фактически он охватывает проблему шире. Правда, В.Александров, это понятно из самого названия книги, стремится выяснить предпосылки и причины репрессий, проведенных И.Сталиным в высшем комсоставе Красной Армии накануне «большой войны». Поэтому, В.Александров, главным образом, касается военно-политических событий и советской военной элиты 30-х годов. Его исследование, предназначенное для широкого круга преимущественно западных читателей, очевидно, выполнявшее функции «ответа» на социальный заказ, порожденный хрущевскими реабилитациями, осуществлено было на материале мемуарных источников, зарубежного происхождения. Указанные особенности исследования значительно снижают его научную ценность. Эта книга, несомненно, идеологически заряжена и политизирована, но ее существенным, если не главным недостатком, является весьма небрежное отношение к фактическому материалу, в частности и к хронологии исследуемых событий. Все это вынуждает относиться к книге В.Александрова и сообщаемым им фактам с определенной осторожностью. Впрочем, почти вся информация, приводимая В.Александровым, проверяема. Другое дело, что источники его информации, сведения мемуаристов сами по себе и ныне нуждаются в проверке по другим, более объективным материалам. В.Александров, объясняя мотивы «чистки» советского высшего командования, в принципе опирается на версию

[39] Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925 гг.). - М., 1958.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В.Кривицкого[40] и материалы белоэмигрантской прессы 30-х годов. Он не рассматривает и не изучает советскую военную элиту 20-х годов. Однако он приводит некоторые сведения, относящиеся к военно-политическим событиям первой половины 20-х годов, которые более нигде не встречаются. В частности, сообщенные ему лично и устно Ф.Раскольниковым факты, или точнее, слухи о фактах, вовлечения представителей советской военной элиты, в частности М.Тухачевского, в политическую, внутрипартийную борьбу 1923-1924 гг. В контексте косвенных данных, сообщаемых вполне достоверными источниками, эта информация В.Александрова представляется так же вполне достоверной и весьма интересной.

Указанные выше авторы, с учетом приведенных оговорок и комментариев, не концентрировали внимание, даже в контексте исследования тех или иных вопросов истории Красной Армии этого периода, специально на высшем командном составе РККА, и более узко – советской военной элиты. Исключение составляет до сей поры не утратившее своей ценности большое исследование высшего комсостава РККА Дж.Эриксона[41]. Однако и оно, по объективным причинам, строилось, преимущественно, на материалах мемуарных, зарубежных источников, прессы. Внимание его сосредоточено, преимущественно, на советском генералитете 30-х годов. Это понятно. Массовые репрессии, обрушившиеся на комсостав Красной Армии в 1937-1938 гг., причины и смысл которых и ныне еще не поддаются однозначному объяснению и осмыслению, притягивали и притягивают внимание исследователей именно к судьбам советского высшего комсостава 30-х годов. Тем более, что с этими событиями оказываются генетически связанными трагические неудачи Красной Армии в 1941 г., как, впрочем, и само вторжение гитлеровских войск в СССР 22 июня 1941 года. Впрочем, следует заметить, что Дж.Эриксон, во-первых, исследует не специально советскую военную элиту, а в целом высшее командование Красной Армии, не вычленяя из его состава военную элиту. Хотя, надо сказать, фактически, внимание исследователя сосредоточено именно на представителях военной элиты. Одна-

[40] Кривицкий В. Я был агентом Сталина. - М.: Современник, 1996.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ко в сфере внимания Дж.Эриксона, в основном, оказывается определенный, достаточно ограниченный круг лиц. Это М.Тухачевский, И.Якир, И.Уборевич, А.Егоров, Б.Шапошников, В.Блюхер, А.Седякин, В.Путна, В.Примаков, С.Буденный и некоторые другие. Во-вторых, Дж.Эриксон рассматривает советское высшее командование в рамках временного пространства так называемого «межвоенного периода», т.е. 20-30-х годов. Поэтому и процессы военно-политического характера, в которые так или иначе были вовлечены представители советского высшего командования, традиционно воспринимаются как неделимые с начала 20-х до второй половины 30-х гг. Таким образом, советское высшее командование, в сущности, воспринимается автором как некая корпоративная целостность, сложившаяся уже в начале 20-х годов и по своему составу в сущности не менявшаяся до конца 30-х годов. Иными словами, автор исследования в качестве предмета исследования определил для себя «высшее командование Красной Армии» в целом, т.е., можно сказать, весь советский «генералитет». При этом, что весьма существенно, хронологически, а, следовательно, и предметно, рассматривая его как нерасчленимую целостность на всем протяжении 20-30-х годов, в так называемый «межвоенный период». Таким образом, при изучении вопроса автор не обращает достаточного внимания на внутрикорпоративную социокультурную динамику. В основном такой подход, несомненно, обусловлен обстоятельствами «дела Тухачевского» и последовавшими вслед за ним и в связи с ним массовых «чисток» и репрессий в комсоставе РККА. Именно «дело Тухачевского» оказывается концептуально-организующим принципом исследования Дж.Эриксона, определяя хронологическое пространство и персональный состав предмета изучения. Поэтому, волей-неволей, целью исследования Дж.Эриксона оказывается выяснение предпосылок и причин «Дела Тухачевского» и массовых репрессий в Красной Армии во второй половине 30-х годов. К этому, по существу, неизбежно, в конечном счете, должны были сводиться вопросы взаимоотношений политической и военной элиты в СССР в «межвоенный период». Такого рода мотивация иссле-

[41] Erickson J. The Soviet High Command: A Military-Political history 1918-1941. - London-New-York, 1962.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

дования весьма основательна и, можно сказать, соблазнительна, однако она, в значительной мере, затушевывает проблематику изучения военной элиты как, в известной мере, автономный, даже самодостаточный предмет исследования. Именно изменение парадигмы исследования открывает возможность несколько оторваться от традиционного и эмоционально довлеющего феномена «дела Тухачевского» при изучении советской военной элиты «межвоенного периода». Это позволяет обратить внимание и на те аспекты проблемы, которые оказываются более заметными для исследователя, в частности состав элиты, внутрикорпоративные отношения. Это позволяет занять несколько «независимую» позицию по отношению к кажущемуся финалу, ее историко-предметной завершенности в виде «дела Тухачевского». Это позволяет обратить внимание на внутрикорпоративную социокультурную динамику и поставить вопрос о целостности не только самой военной элиты, но и хронологических рамок исследуемого объекта. Иными словами – целесообразно ли исследовать советскую военную элиту как некое социокультурное и военно-политическое единство, сформировавшееся уже к началу 20-х годов и пребывавшую в практической неизменности вплоть до «дела Тухачевского». Это позволяет, в свою очередь, несколько иначе подходить к вопросам политической ангажированности советской военной элиты социально-политическими процессами 20-30-х годов, равно как и к проблеме «фатальной» предопределенности массовых репрессий в Красной Армии второй половины 30-х годов, возникшей еще в 20-е годы. Именно такого рода настроения, как правило, господствуют над ментальными установками исследователя, изучающего эти сюжеты.

В-третьих, следует отметить, что, отмечая фундаментальность исследования Дж.Эриксона, надо иметь в виду, что она относительна. И ныне, не говоря о 50-60-х годах, когда автор проводил свои исследования, источниковая основа данного объекта исследования оставляет желать лучшего. Дж.Эриксон исследовал советское высшее командование на основе, главным образом, мемуарной литературы, советской и зарубежной прессы, а также архивных документов зарубежных архивов. Эти обстоятельства, несомненно, требовали от автора

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

усиление роли концептуально-умозрительных конструкций и реконструкций. Однако, надо отметить, что Дж.Эриксон делал это с большой осторожностью, всякий раз оговаривая сомнительность или «приблизительность» тех или иных сведений, которые, по тем или иным причинам, «не подчинялись» проверке не достоверность.

В-четвертых, следует отметить, что автор книги большое внимание уделяет отношениям Красной Армии и Рейхсвера. Это обусловлено, скорее всего, и наличием в распоряжении автора относительно большого материала источников (преимущественно германского и французского происхождения). В силу этого обстоятельства, представляется несколько преувеличенной роль этого фактора в военно-технических и военно-политических процессах, протекавших в Красной Армии. Во всяком случае, именно в связи с этими процессами Дж.Эриксоном и высвечиваются те или иные персоны из высшего комсостава РККА. Этот фактор, думается, не всегда и не столь непосредственно влиял на процессы «комплектования» и «ротации» советской военной элиты в 20-е годы. В этом контексте, как мне представляется, несколько упрощенно толкуется роль М.Тухачевского, равно как и процесс технической модернизации Красной Армии.

Следует обратить внимание и на некоторые частные случаи, касающиеся внутрикорпоративных группировок в РККА, в его высшем комсоставе. Прежде всего, не учитывается динамика их формирования, распада, изменения по персональному составу. Это вызывает некоторые сомнения в составе, скажем, персоналий так называемой «группы Тухачевского», как их определяет Дж. Эриксон. Он включает в это «группу», кроме М.Тухачевского, И.Якира, И.Уборевича, Я.Алксниса, И.Халепского, А.Седякина, А.Корка, Р.Эйдемана[42]. Некоторые из перечисленных лиц, действительно, были близки к маршалу, но оказались в его «группе» лишь в 30-е годы (И.Якир, И.Уборевич). Другие, такие как А.Седякин, Я.Алкснис, не входили в состав этой «группы». Совершен-

[42] Erickson J. Op. cit. - P. 327.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

но очевидно, что вопрос этот автором специально не «просматривался» и мнение сложилось, скорее всего, под влиянием трагических событий 1937-1938 гг.

В целом можно сказать, что работа Дж.Эриксона, и ныне не утратившая своей научной ценности, мало что дает в плане исследования проблемы собственно советской военной элиты именно 20-х годов. Этот объект исследования, как таковой, находится практически вне поля зрения Дж.Эриксона. Он, в сущности, если и изучает советскую военную элиту, то как высшее командование Красной Армии 30-х годов и лишь постольку обращает внимание на некоторые аспекты ее происхождения в 20-е годы. Значительная часть персоналий советской военной элиты 20-х годов, их внутрикорпоративных отношений, вовлеченности в политические процессы 20-х годов, социо-ментальные настроения, политические и военно-политические «иллюзии» оказались вне сферы внимание Дж.Эриксона.

Р.Гартхоф в своей книге «Советская военная политика»[43] специально не исследует вопрос о советской военной элите, однако неоднократно затрагивает отдельные аспекты, касающиеся советского высшего комсостава. Хотя Р.Гартхоф не исследует советскую военную элиту 20-х годов, однако, примечательно, что он определяет рубеж, с которого ведет хронологию новой советской элиты – 1931 г.[44] Он связывает этот рубеж с началом модернизации Красной Армии. Таким образом, он как бы невольно рассекает «межвоенный период» в истории советского высшего комсостава на два самостоятельных: до 1931 г. и после 1931 г. По мнению автора, начавшийся с этого года период в истории Красной Армии и комсостава, завершается в 1937 г. То, что 1937 г. представляется рубежной и «роковой» датой для советского комсостава, не вызывает удивления и не подлежит опровержению. Примечательно другое. Р.Гартхоф полагает, что период в истории советского комсостава и Красной Армии в целом с 1931 по 1937 гг., во-первых, является своего рода возрождением дореволюционных норм, что не совсем лишено оснований. Во-вторых, для автора

[43] Garthoff R. L. Soviet military policy. - Washington-New-York, 1966.
[44] Ibid, p. 34.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

книги это период лидерства М.Тухачевского.[45] Это вызывает определенные сомнения и не может быть принято безоговорочно. Такое мнение у автора сложилось, как мне представляется, под впечатлением номенклатурного положения М.Тухачевского, которое он занял в 1931 г. Эту позицию автора, во всяком случае, можно поставить под вопрос. Хорошая статистическая информация, имеющаяся в книге Р.Гартхофа, в основном взята автором из книг Н.Ефимова и Н.Пятницкого.

Другая книга, которая, в сущности, посвящена также судьбе советской военной элиты «межвоенного периода» это книга В.Раппопорта и Ю.Геллера «Измена Родине». В первом зарубежном, нью-йоркском издании 1985 г. она имела более развернутое название – «Измена Родине. Очерки истории Красной Армии». Эта книга охватывает практически всю историю Красной Армии до второй половины 30-х гг., до массовых репрессий. В ней еще в большей мере, чем в работе Дж.Эриксона проявляется главный мотив исследования – «дело Тухачевского» и его последствия.. Собственно говоря, само название книги В.Раппопорта и Ю.Геллера указывает на то, что она посвящена истокам, предпосылкам и причинам массовых репрессий в РККА. Поэтому, строго говоря, авторы не ставили перед собой задачу исследовать советскую военную элиту, хотя именно ей, особенно М.Тухачевскому, И.Якиру, И.Уборевичу и другим «генералам», оказавшимися вместе с ними на скамье подсудимых 11 июня 1937 г., уделяется наибольшее внимание. Авторы специально не выделяют в качестве объекта исследования военную элиту 20-х годов. Исследование в основном посвящено высшему комсоставу Красной Армии, сложившемуся к середине 30-х годов и обстоятельствам его уничтожения. Поскольку книга в основном была написана уже к середине 80-х годов, она, в силу отсутствия объективных возможностей обратиться к архивным материалам, большая часть которых оставалась засекреченной еще спустя почти десять лет, написана на основе мемуарных источников, прессы, устных свидетельств и зарубежных, преимущественно тоже мемуарных, источников. Поэтому, разумеется, наряду с интересными и

[45] Garthoff R.L. Op. cit. – P. 35.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ные малоизвестными фактами (главным образом из устных свидетельств), приводимыми авторами книги, в ней содержится много информации, не подтверждаемой документально или вызывающей сомнения в своей достоверности. Это своего рода устные предания и слухи, заменявшие в свое время недоступные исследователям архивные документы. Хотя авторы, фактически, исследуют проблему взаимоотношений власти и армии, политиков и генералов, в основном в 30-е годы, однако исследование этого вопроса остается в русле мировоззренческой установки, слишком «демонизирующей» поведение и роль И.Сталина в массовых репрессиях, обрушившихся на армию в 30-е годы. Думается, что роли И.Сталина и других партийно-политических деятелей, равно как и «генералов», их личные и политические взаимоотношения, как и внутрикорпоративные связи и конфликты были сложнее, подчас менее «демоничны», а истоки репрессий не столь и не всегда фатально предопределенными чуть ли со времен гражданской войны. Вообще взаимоотношения политической и военной элиты в «межвоенный период» имеют свою, «внутреннюю» периодизацию и хронологическую автономность. Трагедия Красной Армии второй половины 30-х годов, несомненно, подпитывалась определенными обстоятельствами, имевшими место еще в 20-е годы, однако имела в качестве доминирующих причины, возникшие уже в 30-е годы. Эти предпосылки и причины вряд ли могут быть выведены исключительно из поля военно-политического и межличностного взаимодействия И.Сталина, политической и военной элиты СССР. Многие из них лежали за пределами этого «поля» и были глубже по истокам, чем честолюбие, властолюбие, личная дружба или неприязнь тех или иных лидеров. Поскольку внимание В.Раппопорта и Ю.Геллера сосредоточены, в основном на репрессиях, их предпосылках и причинах, что относится к 30-м годам, а, следовательно, выходит за хронологические рамки и проблематику настоящего исследования, я не буду останавливаться на критическом анализе указанных вопросов. В равной мере, не вижу необходимости специально обращаться к сюжетам из эпохи гражданской войны. Хотел бы только отметить, что затрагиваемые в работе вопросы внутрикорпоративных связей и группировок совет-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ского высшего командования далеко не всегда получают верный ответ. Их определение, в основном отталкивается от межличностных ситуаций, сложившихся в ходе репрессий 1936-1938 гг. Однако далеко не всегда групповые связи, обозначенные следствием и в интересах следствия или судебными процессами, соответствовали действительным внутрикорпоративным генеральским группировкам. Кроме того, сами по себе эти группировки внутри высшего комсостава РККА менялись по составу, возникали и разрушались, не всегда были устойчивыми и долголетними. Их взаимосвязи и взаимодействия, равно как и вражда, обусловлены были не только личной дружбой или неприязнью. Принципиальные вопросы военного строительства, военной политики, военной науки и политики в целом порой играли не меньшую роль. Эти факторы подчас заставляли генералов преодолевать, хотя бы временно, и личную неприязнь, и вражду. Во всяком случае, внутрикорпоративные отношения в советской военной элите – это вопрос для специального исследования. Но авторы книги, скорее всего, не ставили перед собой эту задачу. В сфере внимания авторов были отношения между определенной частью советского высшего командования, так или иначе, тяготевшего или, пусть даже косвенно, связанного с М.Тухачевским, И.Якиром, И.Уборевичем и др., и И.Сталиным, «сталинистами» и той частью высших офицеров, которые были с ними связаны.

Таким образом, в книге В.Раппопорта и Ю.Геллера, содержащей представляющие ценность свидетельства, верные суждения, подчас догадки, подтверждаемые ныне документально, все-таки прямо не ставится цель исследовать советскую военную элиту как социокультурный феномен. Военная элита 20-х годов вообще не вычленяется как самостоятельный и исторически самодостаточный объект исследования. Несмотря на то, что в книге много внимания уделяется обстоятельствам смены власти в Красной Армии весной 1924 г., объяснение причин падения «армейского аппарата» Л.Троцкого, смещение Э.Склянского, что означало фактическое отстранение Л.Троцкого от руководства вооруженными силами, на сегодняшний день представляется недостаточным. В сущности, авторы книги объясняют это внутрипартийными интригами,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

затеянными И.Сталиным и Г.Зиновьевым, и отказом самого Л. Троцкого от сопротивления с оттенком даже какого-то внутрипартийного «благородства»: он отказался от использования в борьбе такого мощного рычага, находившегося в его руках, как армия. Это объясняет ситуацию лишь отчасти. И все-таки отказ Л.Троцкого от своих возможностей в качестве руководителя военного ведомства, даже когда начальник ПУР В.Антонов-Овсеенко уже сделал первый шаг с угрозами в адрес И.Сталина и Г.Зиновьева своим известным письмом от 27 декабря 1923 г., остается пока без исчерпывающего ответа. Авторы утверждают, что «Фрунзе, достаточно самостоятельный и популярный деятель»[46], чем объяснялась отчасти его роль. Оба определения закрепились в репутации М.Фрунзе уже постфактум, после его смерти, стали частью своеобразного агитационно-пропагандистского клише. Но так ли это было и в такой ли степени? Многие факты из биографии М.Фрунзе ставят под сомнение сложившиеся представления и требуют более внимательного отношения.

Еще одно положение, весьма существенное для характеристики советской военной элиты второй половины 20-х годов, нуждающееся в проверке. «Тухачевский возглавил генеральный штаб очень молодым – в 32 года, - намечают авторы основные штрихи состояния, проблем Красной Армии и ее высшего комсостава. - В прошлом ему не приходилось заниматься штабной работой. Его стратегические концепции были еще очень незрелыми. Главное направление деятельности Тухачевского в это время – попытка организовать техническое перевооружение армии. Достичь удалось немногого. Правда, в 1926 году было заключено секретное советско-германское соглашение о военном сотрудничестве. В обход стеснительных статей Версальского договора рейхсвер получал на территории СССР танковые полигоны и аэродромы, взамен немцы обучали красных командиров в своих учебных заведениях. В 1928-1929 годах Якир, Тухачевский, Блюхер, Тимошенко и ряд других прослушали курс в германской Академии генштаба»[47]. Уже в этом абзаце содержится целый ряд положений, требующих уточнения. Ошибочность некоторых из этих положений

[46] Раппопорт В., Геллер Ю. Измена Родине. – М.: РИК «Стрелец», 1995. - С. 119.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лишь на первый взгляд кажется несущественной. Действительно, М.Тухачевскому до этого «не приходилось заниматься штабной работой», однако он являлся не начальником войскового штаба, а высшим оперативно-стратегическим руководителем всей армии при отсутствии над ним и рядом с ним военного специалиста. Его функциональные обязанности были гораздо шире чисто штабных: он фактически выполнял функции и Главнокомандующего. В этом смысле, он находился на своем месте. Что касается «незрелости его стратегических концепций», то именно в это время он прекрасно сотрудничал со своим будущим яростным оппонентом А.Свечиным и другими военными специалистами. Их стратегическое видение оборонных проблем в это время было в сущности единым. Оппонировали М.Тухачевскому не «генштабисты», а «царицынское» окружение И.Сталина: С.Буденный, А.Егоров, а также П.Дыбенко, М.Левандовский. Объектом же их критики как раз были «генштабисты», в компанию которых были включены М.Тухачевский и сотрудники его штаба. Далее, существенная ошибка: в это время М.Тухачевский вовсе не занимался техническим перевооружением армии. Его больше всего занимала проблема ее профессиональной и боевой подготовки на всех уровнях. Это была хроническая болезнь Красной Армии, начиная с гражданской войны и до Великой Отечественной. Проблемы технического вооружения целиком и полностью находились в компетенции 2-го заместителя наркома И.Уншлихта, с 1923 по 1930 гг. Обучаться в германской Академии генштаба советские высшие командиры начали в основном с конца 1927 г., т.е. почти одновременно с уходом М.Тухачевского с должности начальника Штаба РККА. Кстати сказать, М.Тухачевский никогда не возглавлял Генеральный штаб, но Штаб РККА. Ошибка здесь не в названии, а по существу. Более или менее правильным было бы величать «генеральным штабом» тот Штаб РККА, который существовал с 1921 по март 1924 г. В 1924 г. он был практически расчленен. Генеральный штаб в Красной Армии не был полностью восстановлен даже в 1935 г., когда Штабу РККА вновь было присвоено это наименование. Именно проблема Ге-

[47] Раппопорт, Ю.Геллер. Измена Родине. - С. 129.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нерального штаба, по существу, больше всего занимала М.Тухачевского в те годы, а не техническое перевооружение армии. Последняя не обрела еще той остроты, которая возникла на рубеже 20-30-х годов. Следует заметить, и это существенно, что ни М.Тухачевский, ни В.Блюхер не учились в германской Академии генштаба.

Таким образом, получается, что частичная оценка состояния Красной Армии и ее военной элиты во второй половине 20-х годов, в пору руководства Штабом РККА М.Тухачевского, подчеркиваю – лишь частичная – заметно искажает ситуацию.

Не могут не вызвать критической реакции и последующие ошибочные положения, выраженные авторами. «Чтобы дать армии необходимую технику, следовало в процессе индустриализации создать особую оборонную промышленность, - пишут авторы. – Обо всем этом Тухачевский написал в докладной записке 1927 года. Сталину и Ворошилову было не до него. Шла смертельная схватка с оппозицией за право руководить партией и страной. Посмотрев записку Тухачевского, Сталин выразился кратко: «Ахинея». (В 1930 г., когда Тухачевский написал об этом повторно, реакция была та же. Сталин отозвался примерно так: это курс на милитаризацию страны; ни один марксист в здравом уме на это не пойдет.)»[48]. Эти вопросы (вполне понятно, по объективным причинам – отсутствия возможности обратиться к архивным материалам – авторы пользовались мемуарными данными) сейчас могут получить более правильный ответ. В докладной записке М.Тухачевского не содержалось столь радикальных предложений как в записке 1930 г. Возможно, со стороны И.Сталина действительно была такая реакция. Это нуждается в проверке. Но, изучая ситуацию более скрупулезно, можно предполагать, что указанная сталинская реакция имела место в отношении записки 1930 г., а не 1927-го. Сам М.Тухачевский видел суть своего конфликта с К.Ворошиловым не в проблеме технического переоснащения. Эта проблема вышла на первый план лишь к 1929 году. Во всяком случае, данное положение, приведенное авторами книги для характеристики

[48] Раппопорт В., Геллер Ю. Измена Родине. - С. 129.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ситуации в высшем армейском руководстве нуждается в исследовании и в представленном виде не может быть признана удовлетворительной.

Более осторожного отношения требуют и далеко не всегда убедительные рассуждения и выводы авторов по проблемам оперативно-стратегического характера. Главный их порок, что они тяготеют к сфере отвлеченных академических споров, к поиску некой абсолютной стратегической истины. Мне бы не хотелось углубляться в эти проблемы. Они являются серьезным и весьма масштабным самостоятельным объектом исследования. Критика оперативно-стратегических взглядов и действий М.Тухачевского во многом справедлива, однако, следует более критично относиться и к оперативно-стратегическим позициям А.Свечина.

Безусловно, талантливый военный ученый, генерал, профессор А.Свечин был, несомненно, академически более эрудирован, чем М.Тухачевский. Не следует, однако, забывать, что А.Свечин, хотя и стал к концу мировой войны начальником штаба фронта, однако его реальный оперативно-стратегический опыт, фактически, был ограничен уровнем командира полка. Что касается М.Тухачевского, то, при множестве его недостатков и оперативно-стратегических ошибок, он, в отличие от А.Свечина, имел достаточный опыт руководства высшими войсковыми объединениями в масштабе армии и фронта и часто с большим успехом руководил вверенными ему войсками. Возможная ссылка на то, что гражданская война, мол, это малая война, не в пример 1-й мировой, не может быть принята в качестве серьезного аргумента. Ширина фронтов, глубина оперативных решений и темпы развития операций в гражданской войне часто превосходили аналогичную практику русской армии периода 1-й мировой войны. Как бы критично мы не относились к боевому опыту Красной Армии в гражданской войне, но с теми задачами, которые возникли перед всеми воюющими сторонами в этой войне, ее командиры и командующие справились лучше своих соперников и лучше русских генералов, в общем не сумевших справиться со своими боевыми проблемами в период 1-й мировой войны. Сложившееся мнение об изначальной непримиримости М.Тухачевского и

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

А.Свечина в оперативно-стратегических вопросах нуждается в проверке и уточнениях. Во всяком случае, вплоть до 1927 года обнаружить это трудно. В то же время был целый ряд принципиальных вопросов стратегического и организационного, оперативного характера, в которых М.Тухачевский и А.Свечин оказывались единомышленниками.

А.Свечину, как и многим другим генштабистам, особенно из тех, кто не принимал непосредственного или активного участия в боевых действиях гражданской войны, было свойственно необоснованно третировать боевой и оперативно-стратегический опыт этой войны. А он имел свои особенности. Гражданская война, как всякая другая, имела свою специфику, была несхожа с предшествующими войнами, как и, естественно, не могла быть похожа на последующие. И М.Тухачевский, и А.Свечин, и большинство генштабистов, и «красных маршалов» допускали, в сущности, одну и ту же ошибку: они полагали, что будущая война будет такой же, как предшествующие. Только военачальники-ветераны гражданской считали, что она будет в основном как гражданская война в России, а генштабисты, в том числе и А.Свечин отталкивались от опыта 1-й мировой. В обоих случаях явное тяготение к шаблону, к образцу для подражания. Проблема обострилась, когда оба шаблона на рубеже 20-30-х годов оказались непригодными. На это время и приходится обострение дискуссий между М.Тухачевским и А.Свечиным.

Представляется в корне ошибочным тезис авторов, что «стратегический уровень мышления» М.Тухачевского, «всегда отставал от оперативно-тактического». Все как раз наоборот. М.Тухачевский имел природный дар именно стратега. У него был в то же время малый опыт в тактике. Ему не приходилось в боевых условиях достаточно покомандовать даже ротой, не говоря о батальоне, полке, бригаде, дивизии. Он допускал ошибки на уровне оперативных решений. Дело в том, что многовековый опыт больших и малых войн свидетельствует, что сфера оперативно-тактического применения войск как раз требует не только обязательной учебно-теоретической подготовки, но и необходимой боевой практики. На этом уровне от командира, начиная с взводного и

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

до командира дивизии или корпуса, как правило, не требуется «наполеоновской гениальности». Его способности могут быть средними, но необходимо профессиональное образование и боевой опыт. Сфера стратегии, как и политики, требует в гораздо большей мере природных дарований, которые в определенных случаях могут компенсировать недостаток опыта и образования. Стратегия, как во многом и оперативное мышление, в большей мере тяготеют к искусству, где велик удельный вес «прозрения», «озарения», в то время как тактика – в большей мере покоится на хороших ремесленных навыках, на обретенном в боях «мастерстве». Поэтому весьма часто прекрасные боевые командиры, поднявшись выше уровня командира дивизии, обнаруживают свою несостоятельность. В то же время хороший стратег может обнаружить неумение в командовании даже ротой, если его не обучили элементарным навыкам военного ремесла.

Не представляется вполне верным и следующие утверждения авторов. «В середине двадцатых вокруг Тухачевского сложилась группа единомышленников, военных деятелей, которые пытались начать перестройку армии. Это, прежде всего, помначштаба В.К.Триандофиллов, инспектор бронесил К.Б.Калиновский, молодые командиры разных рангов Н.Е.Варфоломеев, С.М.Белицкий, А.М.Вольпе, Г.С.Иссерсон, активно вовлеченные в военно-научную работу. Все они отдавали предпочтение решительным действиям с использованием современных технических средств. Именно в этой области они достигли значительных успехов»[49]. Главная ошибка данного утверждения заключается в том, что в середине 20-х годов группы в таком составе вокруг М.Тухачевского не было. Можно лишь отметить, что в середине 20-х годов в разработках оперативно-стратегического характера к М.Тухачевскому был близок Н.Варфоломеев, Е.Шиловский. По-прежнему к нему были близки Н.Какурин, И.Троицкий. В.Триандофиллов появился в числе близких сотрудников М.Тухачевского только в 1925 г., а помначштаба РККА он стал уже после ухода М.Тухачевского с должности начальника Штаба Красной Армии. Впервые В.Триандофиллов стал заметен как молодой военный теоретик лишь в 1926 г., когда опубликовал

[49] Раппопорт В., Геллер Ю. Указ. соч. - С. 145.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

свою военно-теоретическую работу «Размах операций современных армий». В ней в основном разрабатывалась, как и Н.Варфоломеевым, концепция «последовательных операций», выдвинутая еще в 1920 г. М.Тухачевским. Лишь в 1929 г. с опубликованием вызвавшей острые споры его книги «Характер операций современных армий» можно говорить о признании В.Триандофиллова в качестве выдающейся и самоценной фигуры в области советской военной теории. Что касается К. Калиновского, то в 1924-1926 гг. он находился в Китае. В число близких к М.Тухачевскому теоретиков он вошел на рубеже 20-30-х годов. И это понятно. До 1930 г. в Красной Армии, в сущности, не было бронетанковых войск. Все упомянутые деятели действительно «пытались начать перестройку армии», но только это относилось не к середине 20-х годов, а к 1929-1930 гг. и сначала без М.Тухачевского. Во всяком случае, высказанные положения также нуждаются в исследовании. С.Белицкий никогда не являлся единомышленником и близким сотрудником М.Тухачевского. Скорее как раз наоборот. С определенными оговорками, по крайней мере для 20-х годов, это можно сказать и о А.Вольпе. Вряд ли можно согласиться с авторами, когда они в число выдающихся военных теоретиков включают И.Вацетиса, С.Каменева, А.Брусилова. Это были более или менее успешные практики, но не теоретики.

В комментариях нуждается еще один аспект, затронутый авторами книги. Говоря о массовых арестах среди бывших генштабистов старой армии – генералов и полковников – они пишут: «Собственно говоря, о характере обвинений не было известно почти ничего. Шепотом говорили, что эти пожилые люди составили монархический заговор. Они надеялись, надо полагать, что у них достанет сил сломить мощь Красной Армии и НКВД. Тем не менее, некоторые уверовали в реальность генеральского комплота. Например, бывший поручик и дворянин Михаил Тухачевский не только принял версию Сталина-Ворошилова, но и подвел под нее военно-научную базу. Сегодня, с исторической дистанции, это представляется невероятным. Мы успели уже привыкнуть к тому, что во

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

всех без исключения мемуарах, вышедших после посмертной реабилитации Тухачевского, он изображается как воплощенный ангел»[50].

Совершенно справедливо мнение авторов, что М.Тухачевский не был «воплощенным ангелом». Его доклад 25 апреля 1931 г. в Ленинградском отделении Коммунистической Академии «О стратегических взглядах Свечина» с «извращением чужих взглядов и фальсификации фактов» ни в коей мере не может свидетельствовать о высоком уровне нравственности. Вряд ли об этом может свидетельствовать рьяное стремление М.Тухачевского представить А.Свечина в качестве представителя осужденного партией «правого уклона». Это уже, что называется, навешивание политических ярлыков.

Мнение авторов и их нравственная позиция в данном вопросе естественна и заслуживает уважения, однако она не представляется в настоящее время удовлетворительной в научном отношении. Сейчас, в связи с доступом к информации, который был закрыт для авторов книги, известно, что М.Тухачевский в октябре 1930 г. сам обвинялся в подготовке «антисоветского заговора». Его вчерашние друзья, тоже генштабисты, шедшие по тому же, что А.Свечин, «делу», после применения недозволенных методов следствия, вынуждены были дать показания для такого обвинения. Они вынуждены были подтвердить их на очной ставке с М.Тухачевским в январе 1931 г. Именно тогда, в конце 1930-начале 1931 г. в верхах обсуждался вопрос о его аресте, как вожде заговора, тоже в связи с «правым уклоном». Сам М.Тухачевский с осени 1930 г. подвергся широкомасштабной критике и дискредитации в военной печати, обвиненный на самом высоком политическом уровне в стремлении к замене социализма «красным милитаризмом».

Учитывая все это, думается и отношение к выступлению М.Тухачевского против А.Свечина весной 1931 г. нуждается в существенной корректировке. Я бы считал целесообразным говорить о том, что оба, и А.Свечин, и М.Тухачевский, и многие другие, по-разному, но являлись в то время жертвами одного и того же губительного процесса. Отношения между А.Свечиным и

[50] Раппопорт В., Геллер Ю. Указ. соч. - С. 181.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевским были многозначнее, споры многоплановыми, а политические позиции не столь упрощенными. Воинского честолюбия было с избытком у обоих. Если соглашаться с утверждением авторов, что «революция отняла у Тухачевского не одно офицерское звание, но и понятие о воинской чести», то в той или иной мере оно применимо, думаю, ко всем бывшим офицерам старой армии, оказавшимся в РККА, по крайне мере, к концу 20-началу 30-х годов, не исключая, пожалуй, с некоторыми оговорками, и А.Свечина.

Еще одно положение книги нуждается в критическом комментарии. Авторы пишут: «В 1930 Сталин во второй раз пренебрежительно отверг призыв Тухачевского вооружить Красную Армию современной военной техникой, для чего требовалось создание оборонной промышленности. Но в мае 1931 г. Тухачевского назначили заместителем наркома и начальником вооружения РККА. Это произошло буквально сразу после постыдного участия в ошельмовании Свечина и как бы в награду за преданность начальству. Причины, разумеется, лежат глубже. Открывается новая глава в биографии Красной Армии – самая славная за ее недолгое двадцатилетнее существование»[51].

Сразу же замечу, что «новая глава» открылась все-таки раньше, еще в 1929 г. а оборонная промышленность создавалась уже до этого. Что касается перемещения М.Тухачевского на должность заместителя наркома (официально не в мае, а 11 июня 1931 г.), то вовсе не «в награду за преданность начальству», думается и не в первую очередь в связи с проблемами перевооружения и модернизации Красной Армии. На этом я остановлюсь более детально в тексте диссертации в соответствующем разделе.

Авторы выдвигают тезис о существовании двух групп высших командиров, ставивших, но по-разному, проблему модернизации обороны страны, делая упор на различные варианты решения этой проблемы. «Первое (направление) было связано с техническим оснащением армии и созданием оборонной промышленности; на высшем уровне оно было представлено Тухачевским, Триандофилловым, Муклевичем, Алкснисом, Халепским.

---

[51] Раппопорт В., Геллер Ю. Указ. соч. - С. 186.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Вторая группа ратовала за строительство линии стратегических укреплений вдоль западной и южной границ, подобно тем, которые возводились в Германии и Финляндии. Относительно состава этой группы у нас нет точных данных, но с большой вероятностью сюда можно отнести Якира, вернувшегося после учебы в Германии, Уборевича, Гамарника.... Это были две разные группы, хотя впоследствии, через несколько лет, они сомкнулись. Косвенное свидетельство тому – книга Триандофиллова «Характер операций современных армий» (1929), которая играла роль манифеста Тухачевского и его сторонников. В книге яростно защищается концепция механизированной армии, изложены принципы последовательных операций, из которых вышла теория «глубокого» наступления, но ни слова не говорится о целесообразности стратегических укреплений. Сие неудивительно, потому что тогда команда Тухачевского в стратегии отдавала решительное предпочтение наступлению.

...Сталину, Ворошилову и их старому дружку Егорову, начальнику Штаба РККА, было не до тонких различий. По существу взгляды обеих групп были им чужды. Они собирались воевать без затей – шашкой и винтовкой. И конечно – наступать»[52].

Хотя А.Егорова и можно назвать «старым дружком» И.Сталина, но он не был вовсе «дружком» К.Ворошилова, и самое главное, А.Егоров совсем не являлся апологетом конницы. Он не менее активно, чем многие «механизаторы» выступал за внедрение бронетанковой техники в войска. Его действительно близкие дружеские отношения с С.Буденным вовсе не определяли его позиции в отношении технической модернизации армии.

Авторы говорят о двух группах «модернизаторов». Это действительно было так, точнее, были и порой существенные расхождения по концепции технической модернизации Красной Армии в высшем комсоставе, но определялись они не отношением к укрепрайонам. Эта проблема вырастала из поисков новых оперативно-тактических методов с применением бронетанковой и авиатехники в контексте «стратегии сокрушения» и вышла на первый план к 1932

[52] Раппопорт В., Геллер Ю. Указ. соч. - С. 189.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

г., когда доминанта оборонных проблем СССР сместилась на Дальний Восток. Именно тогда и встал вопрос об оборонительной политики и стратегии на западных и южных границах. И по вопросу об укрепрайонах расхождений между М.Тухачевским, И.Якиром, И.Уборевичем не было. Расхождения возникли во взглядах на более фундаментальные вопросы, касавшиеся и принципов военно-экономического строительства, инфраструктуры военно-промышленного комплекса, и соотношения тех или иных видов техники в структуре и оперативно-тактических разработках вооруженных сил. Доминирующими и оппонирующими фигурами в этой ситуации выступали не М.Тухачевский и И.Якир, а М.Тухачевский и И.Уборевич. И.Якир, несомненно, являлся в то время, пожалуй, самой сильной в военной элите фигурой в политическом смысле, но уступал И.Уборевичу и, конечно же, М.Тухачевскому в оперативно-стратегическом. Нет также никаких оснований включать в «группу Тухачевского» Р.Муклевича, Я.Алксниса, с которыми у него возникали в то время постоянные разногласия. Вопрос о группировках в военной элите, таким образом, выдвинутый авторами, нуждается, однако, в изучении и обосновании, когда речь идет о персональном их составе.

Вышеприведенными критическими замечаниями я хотел бы ограничиться, поскольку последующие сюжеты, рассмотренные в книге, выходят за хронологические рамки моего исследования и относятся к существенно иной проблематике.

В очень интересной книге Н.Якупова «Трагедия полководцев»[53] внимание исследователя, опирающегося на весьма значительный пласт архивных источников, также сосредоточено преимущественно на исследовании обстоятельств массовых репрессий в высшем командном составе Красной Армии в 1936-1938 гг. В контексте именно этой проблемы автор затрагивает некоторые аспекты, касающиеся советской военной элиты, однако, как и в отмеченных выше работах, советской военной элиты первой половины 30-х годов. Новым в работе Н.Якупова является то, что он обращает, пожалуй, впервые внимание на

[53] Якупов Н. Трагедия полководцев. – М., 1992.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

внутрикорпоративные, межгрупповые, межличностные отношения в советском высшем командовании. Этого не было у его предшественников, как советских, так и зарубежных. Однако лишь в самой фундаментальной по составу и характеру, преимущественно, архивных материалов, прежде не использовавшихся и не фигурировавших в исследованиях предшественников, книге О.Сувенирова[54] освещается сама технология «чистки» комсостава Красной Армии в 1936-1938 гг.

Книга О.Сувенирова посвящена исследованию массовых репрессий в Красной Армии в самом широком плане: не только в высшем комсоставе, к чему, фактически, сводилось исследование этого вопроса в предшествующих по времени работах, а в целом в командном, политическом и пр. составе РККА. Как и в книге Н.Якупова, автор затрагивает, порой, аспекты межличностных отношений командиров РККА различного уровня, хотя специально не изучает эти вопросы. Правда, что касается 20-х годов, то О.Сувениров этот период практически не рассматривает. Исключение составляют эпизодические вкрапления некоторых событий тех лет в контексте проблемы, находящейся в сфере внимания указанного автора.

Отчасти проблематика, касающаяся советской военной элиты, затрагивается В.Роговиным в его многотомном исследовании советской партийно-государственной истории 20-30-х годов[55]. Но советская военная элита не является специальным или самостоятельным, автономным объектом внимания автора. Более или менее подробно он касается лишь, как и вышеотмеченные авторы, репрессий в Красной Армии 1936-1938 гг. Однако и этот вопрос исследуется им, все-таки, в контексте более широком – военно-политическая обстановка, борьба и репрессии 30-х годов в целом и главным образом в партии. Что же касается 20-х годов, то изучая политические процессы, в это время происходившие, политическую, внутрипартийную борьбу, автор оставляет вне сферы

[54] Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938. - М.: Терра, 1998.
[55] Я использовал главным образом его монографии из этой серии: Роговин В. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. - М.: Терра, 1992; 1937. - М., 1996; Партия расстрелянных. - М., 1997.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

своего внимания роль армии, высшего комсостава и степень их ангажированности этими событиями.

Из работ самых последних лет необходимо выделить небольшое по объему, но весьма интересное исследование Г.И.Герасимова «Советское военное руководство 1921-1941 гг.»[56]. Как это можно понять из самого названия работы, автор не исследует советскую военную элиту и не расчленяет советское военное руководство внутри указанного «межвоенного периода». В этом отношении он следует уже ранее сложившейся традиции, о которой упоминалось выше. Как мне приходилось отмечать выше, на мой взгляд, целесообразно все-таки делить этот период на два. В своей небольшой статье автор выделяет два аспекта исследования советского военного руководства 20-30-х годов – высшие военные коллегиальные органы и оценку руководством боеготовности вооруженных сил. В статье дается интересный социокультурный анализ, правда, главным образом, статистического характера. Однако все это касается советского военного руководства, которое Г.Герасимов рассматривает примерно в том же направлении, что и А.Зайцов: с точки зрения военно-политической номенклатуры. Кроме того, автор, очевидно, тяготеет хронологически к 30-м годам, что понятно. К сожалению, в той постановке проблемы, которая представлена в настоящей диссертации, социокультурные и социометрические выводы автора почти не работают. Тем не менее, статья Г.Герасимова может служить хорошим материалом для реконструкции социокультурного контекста рассматриваемой мною проблемы.

Вслед за научно-историческими исследованиями вышеуказанных авторов следует упомянуть также и о книгах, так или иначе посвященных советской военной элите 30-50-х годов, принадлежащих перу Е.Парнова, Н.А.Занкевича, А. Колпакиди и Е.Прудниковой, Б.Соколова, А.Корольченко а также небезызвестному В.Суворову[57]. Перечисленные авторы и их работы весьма различны и по

---

[56] Герасимов Г.И. Советское военное руководство. 1921-1941 гг. // Круг идей: историческая информатика на пороге 21 века. - Москва-Чебоксары, 1999.

[57] Зенкович Н.А. Маршалы и генсеки. – Смоленск: Русич, 1997; Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000; Суворов В. Очищение. - М.: «Издательство АСТ», 1998.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

степени научности и идеологической ориентированности. Следует, пожалуй, обратить внимание на книгу Е.Парнова «Заговор против маршалов», впервые изданную в 1989 г. и переизданную в 1997.

Сам автор свою книгу определяет как «исторический детектив». Действительно, книга написана в жанре художественно-публицистической исторической прозы. Однако, несмотря на очевидные «мелкие вольности» с реконструкцией диалогов реальных исторических деятелей по мелким аспектам больших событий, книга это строится на вполне достоверных, преимущественно опубликованных (но и некоторых, правда, немногих, неопубликованных) материалах «дела Тухачевского». Все внимание автора направлено на изложение причин и событий 1936-1937 гг., которые, в общем, излагаются в русле версии о «фальшивке Гестапо», инспирированной И.Сталиным и спровоцировавшей истребление высшего комсостава РККА. Как известно, эта версия в настоящее время подвергается серьезному и не лишенному оснований сомнению в качестве главной причины репрессий в Красной Армии. Что же касается проблемы советской военной элиты 20-х годов, то первостепенный интерес представляют те небольшие по объему документы, опубликованные автором в книге, которые относятся к 1923 г. Они связаны с, условно обозначая, «персональным делом» М.Тухачевского, которое слушалось в ЦКК.

Что касается книг Н.А.Занкевича, А.Колпакиди и Е.Прудниковой и В.Суворова, то мне бы не хотелось давать развернутый критический анализ этих совсем не бесспорных (особенно, что касается книги В.Суворова) работ. Упомянутые авторы затрагивают, причем, как мне представляется, фрагментарно и коньюнктурно те или иные аспекты весьма неоднозначных и, в сущности, не изученных социально-политических процессов того времени. Однако в них не исследуется проблема советской военной элиты 20-х годов. Эти работы носят популярный характер и заметно идеологизированы и политизированы политико-ментальным контекстом нашего времени.

Книга А.Колпакиди и Е.Прудниковой «Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи», в сущности, посвящена той же проблеме, что и

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

книга В.Раппопорта и Ю.Геллера «Измена родине». Авторы сами говорят о том, что «основной темой книги» является «военный заговор во главе с маршалом Тухачевским». Иными словами, их исходный тезис, в противоположность В.Раппопорту и Ю.Геллеру, «заговор Тухачевского» был.

Я не хочу задерживать внимание на весьма распространенном сейчас и не только в публицистике, несколько «ерническом» стиле даже при рассуждении о весьма серьезных, сложных и трагических эпизодах нашей сравнительно недавней истории. Он характерен и для рассматриваемой книги А.Колпакиди и Е.Прудниковой. Не в этом суть. Не хотелось бы акцентировать внимание и на демонстративной предвзятости не только в оценках личностей М.Тухачевского, И.Якира, И.Уборевича и др. Здесь много оснований для скептических замечаний о «моральной устойчивости» и нравственной чистоте» указанных лиц. Однако это не может служить достаточным основанием для легковесных и совершенно неквалифицированных суждений, касающихся их полководческих данных, военно-политической роли и пр. Такая установка лишает авторов возможности провести объективное исследование вопроса. В силу этих свойств книги, проблема ими поднятая и изучаемая, в сущности, выходит из сферы серьезного научного исследования, и становится упрощенным и весьма неаккуратным и некорректным исполнением сиюминутного социального заказа, который сам по себе весьма сомнителен в морально-этическом плане. Понятно, что М.Тухачевский авторам книги лично не нравится. Однако важнее другое, подобно В.Суворову, они не только путем всевозможных натяжек, как бы априори определяют «виновность» М.Тухачевского и расстрелянной И.Сталиным советской военной элиты. В конце концов, это нравственный выбор авторов, поскольку он сделан именно априори и без достаточного, хотя бы, стремления установить истинное положение дел. Суть в другом. Данная книга строится на нескольких тезисах, опирающихся на селективно подтасованную информацию различных по качеству достоверности, и на совершенно необоснованных, умозрительных мнениях авторов. В частности, авторы совершенно безосновательно утверждают, что М.Тухачевский был «любимцем Троцкого» и, ссылаясь на

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

другого, не менее в этом смысле «легкомысленного», автора, утверждают что «Примаков – это Буденный Троцкого, а Тухачевский – его Ворошилов»[58]. Это в корне противоречит содержанию всей совокупности имеющихся на этот счет свидетельств достоверных источников. Однако этот тезис весьма важен авторам. Отталкиваясь от него и его развивая, они гальванизируют один из главных тезисов обвинений советской военной элиты, в том числе М.Тухачевского, казненной в 1937 г.

Не менее «легко» касаясь теоретических разногласий между М.Тухачевским и А.Свечиным, авторы книги приписывают первому не присущую категоричность суждений в защиту «стратегии сокрушения», каковую категоричность, с не меньшим успехом, можно было бы приписать и А.Свечину, правда, в защиту «стратегии измора». Полемическая заостренность в обстановке устной дискуссии в данном случае, и не только авторами данной книги, выдается за концептуальность подходов, которые и у первого, и второго были не столь однозначны, абсолютны и категоричны. Авторы книги не знают или, скорее не хотят отметить, что сторонниками «стратегии сокрушения» М.Тухачевского, на стороне которой, по мнению авторов, «выступили в основном молодые красные офицеры, «поручики-командармы» с их специфическим опытом гражданской войны и крайне слабой теоретической подкованностью», были и известные военачальники старой русской армии. Генералы А.Брусилов, и А.Зайончковский, полковники-генштабисты Н.Какурин, А.Готовский, М.Баторский также являлись ее приверженцами. «Стратегия сокрушения» определяла мировоззрение Наполеона Бонапарта и А.Суворова, М.Скобелева, была в основе военных доктрин всех армий, начавших войну в 1914 г. Авторы не отмечают, что дискуссии между сторонниками «стратегии сокрушения» и «стратегии измора» возникли задолго до 1917 г. и во многом были порождены поражениями в русско-японской войне. Именно методы «измора» и обороны, определявшие оперативно-стратегические взгляды русского главного командования в той войне, по мнению российской военно-научной общественности,

[58] Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. - С. 255.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

считались одной из причин поражения России. Но дело даже не в этом. Драматизм столкновения М.Тухачевского и А.Свечина, если говорить о существе проблемы, предопределялся совокупностью очень многих факторов, не в последнюю очередь, явлением новой техники и отсюда – смутностью представлений о том, какую роль она будет играть в будущей войне. Ясно было одно, что новая «техника моторов» разрушает казавшиеся ранее столь устойчивыми «геополитические гарантии» обороны, значительно нейтрализует хронотоп оборонных возможностей России. Это была драма прежних, казавшихся незыблемыми, законов войны и стратегии, на которых готовились поколения не только российских генштабистов.

«В декабре 1927 года Тухачевский направил Сталину записку, где говорил о технической отсталости нашей армии и предлагал планы перевооружения, - пишут авторы книги. – Планы были таковы, что Сталин схватился за голову и срочно отправил ретивого начштаба командовать Ленинградским военным округом»[59]. Авторы ошибаются: вовсе не докладная записка 1927 г. послужила причиной отставки М.Тухачевского. Они к тому же преувеличивают степень прямого влияния И.Сталина на дела военного ведомства в 1927 г. Правда, тут же авторы приводят другую причину отставки М.Тухачевского: не сработался с К.Ворошиловым. Это действительно было так. Но стремление к воссозданию Генерального штаба РККА было свойственно не только М.Тухачевскому, если говорить об этом намерении последнего, как главной причине конфликта с К.Ворошилову. Этого мнения придерживались все военные профессионалы в Красной Армии, все генштабисты.

Уж совсем некорректно цитировать фрагмент из воспоминаний Г.Жукова (не упоминая автора) о случае, свидетелем которому будущий маршал оказался в 1936 году при обсуждении нового Полевого Устава 1936 г., утверждая, что оно относится к началу 1928 г. Позволю себе процитировать этот небольшой фрагмент и по другому поводу.

---

[59] Колпакиди А., Прудникова Е. Указ. соч. - С. 264.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Принимая во внимание колоссальные амбиции и склочный характер Тухачевского, - пишут авторы, - можно себе представить как это выглядело (т.е. конфликты с К.Ворошиловым). Например, так: «Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок». «Почему?» «Потому что ваши поправки являются некомпетентными, товарищ нарком». Простите, но это уже хамство, - так комментируют данный диалог 1936 года авторы книги, коньюнктурно датируя его 1928 годом. – Нарком обороны – это вам не комиссар дивизии. Весовые категории у соперников были все-таки разные»[60]. Так считают авторы книги, но они ошибаются. Когда происходил цитированный выше диалог в 1936 г., М.Тухачевский был уже 1-м заместителем Наркома обороны. В некомпетенции К.Ворошилова упрекали большинство членов Военного совета при Наркоме обороны. В 1940 году актом отставки К.Ворошилова это фактически и документально признал и И.Сталин. И почему в этой вполне корректной, но похвально-принципиальной позиции военного специалиста авторами усматривается «хамство»? Только в том, что М.Тухачевский возражал вышестоящему начальнику? Что касается разновеликости «весовых категорий» К.Ворошилова и М.Тухачевского, то ни для кого не было секретом, ни в военной, ни в политической элите СССР, ни тем более за рубежом, что «весовые категории» у этих «генералов» действительно, разные: М.Тухачевский был с 20-х годов общепризнанным, и в СССР, и за рубежом, лидером и главным стратегическим и военным авторитетом Красной Армии. К.Ворошилов в значительной мере, особенно в самых существенных оборонных вопросах, являлся «декоративной» «креатурой» И.Сталина. Просто к 1936 г. его пребывание в должности наркома обороны начало уже вызывать особые опасения в военной и политической элите. Опасения за обороноспособность страны.

Не хотелось бы останавливаться на некорректной критике записки М.Тухачевского 1930 г., касавшейся модернизации РККА. Внимательное прочтение архивных документов, в том числе и переписки М.Тухачевского с И.Сталиным по этому вопросу свидетельствует, что никакой фантастики в его

[60] Колпакиди А., Прудникова Е. Указ. соч. – С. 265.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

предложениях не было. Если же авторы книги утверждают, что у них в связи с содержанием записки (которую они, судя по всему, не читали) «невольно возникают сомнения в психической полноценности автора», то, будучи последовательными, они должны будут усомниться в психической полноценности всего политического и военного руководства СССР того времени. Дело в том, что в 1932 г. И.Сталин, в сущности, согласился с предложениями М.Тухачевского, и модернизация Красной Армии, – надо сказать успешная – проведенная им, была в основе своей осуществлена к середине 30-х годов. В том же стиле авторы характеризуют и изображают других представителей советской военной элиты. Дальнейший анализ суждений и фактов, приводимых указанными авторами, во всех аспектах выдержан в том же стиле и на основе тех же методов. Сказанного выше, как я думаю, вполне достаточно для того чтобы оценить уровень научности данной книги и степень коньюнктурно-идеологической ангажированности авторов. Последующий анализ этой работы лишен смысла и потому, что касается событий, выходящих за хронологические и тематические рамки моей диссертации.

Все вышесказанное при оценке книги А.Колпакиди и Е.Прудниковой в целом и методов их работы с фактическим материалом в гораздо большей мере применимо к книге известного В.Суворова «Очищение». Анализировать и критиковать ее с научно-исторических позиций не имеет смысла. Она являет собой развернутую идеологически-коньюнктурную, нравственно беспардонную и необоснованную, с научной точки зрения, декларацию мнения, повторяющего официальную версию «чистки» комсостава РККА, восходящую к 1937 году.

Как выше уже отмечалось, специальных исследований или просто популярных работ по советской военной элите 20-х годов нет. Хотя имеются книги и очерки биографического характера, посвященные отдельным ее представителям: М.Фрунзе, А.Брусилову, А.Снесареву, Н.Какурину, А.Свечину, И.Уборевичу, А.Егорову, В.Блюхеру, Г.Котовскому, Г.Гаю, Г.Хаханьяну, И.Федько, Г.Эйхе, П.Дыбенко, С.Вострецову, И.Кожанову, Р.Эйдеману,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Левандовскому, Я.Лацису, Н.Томину и др.[61] В контексте этих биографий и биографических очерков можно проследить и отдельные наблюдения, касающиеся советской военной элиты в целом. Однако уже в 30-е годы, и особенно после массовых репрессий 1937-1938 гг., было практически полностью утрачено адекватное представление о реальном составе советской военной элиты 20-х годов. Оно не было восстановлено и после массовых реабилитаций некогда репрессированных генералов. Это обусловило и порой причудливую выборочность внимания публицистов к трагически погибшим военачальникам, многие из которых, собственно говоря, никогда в состав военной элиты и не входили. Наоборот, оказались прочно забытыми для общественного мнения те, кто участвовал тогда в принятии армейских и политических решений, подчас был весьма, хотя и кратковременно, популярен. Не было восстановлено адекватное представление о советской военной элите и потому, что она, и в этом вполне объяснимы кажущиеся парадоксы нашего времени, практически до 90-х годов оставалась, скорее объектом политических представлений и манипуляций, нежели предметом исторического восприятия и исследования. Отсюда «селективный» подход к персонам «генералов» и «некрологически-юбилейный», «агио-

---

[61] Гареев М.А. М.В.Фрунзе – военный теоретик. - М.: Воениздат, 1985; М.В.Фрунзе. Военная и политическая деятельность. - М.: Воениздат, 1984; Сиротинский С.А. Путь Арсения. - М.: Воениздат, 1980; Николаев В. Отдаю себя революции... . М.: Политиздат, 1972. (О М.Фрунзе написано много книг, в основном, мемориального характера. В данном случае указаны только некоторые из последних по времени). См. также Пильняк Б. Повесть непогашенной луны. - М., 1989; Ростунов И.И. Генерал Брусилов. - М., 1964; Семанов С. Брусилов. - М.: Молодая гвардия, 1980; Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность). - М.: Наука, 1973; Ненароков А.П. Историк гражданской войны (о Н.Е.Какурине). // Военно-исторический журнал. – 1965. - № 11; Ненароков А.П. Об авторе и его труде (вступительная статья о Н.Какурине, публикация писем и комментарии). // Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М.: Политиздат, 1990, в 2-х тт.; Кавтарадзе А. Выдающийся офицер Генерального штаба. Вехи биографии А.Свечина.. //Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - М.: Русский путь, 1999; Савостьянов В., Егоров П. Командарм первого ранга (И.П.Уборевич). - М.: Политиздат, 1966; Алдан-Семенов А.И. Слово о командарме. - М.: Политиздат, 1981; Ненароков А.П. Верность долгу. О Маршале Советского Союза А.И.Егорове. - М.: Политиздат, 1989; Карпов В. Расстрелянные маршалы. - М.: Вече, 2000; Соколов Б. Истребленные маршалы. - Смоленск: Русич, 2000; Корольченко А. Выбитый генералитет. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2000; Кондратьев Н. Маршал Блюхер. - М.: Воениздат, 1965; Душенькин В. Пролетарский маршал. (О в.К.Блюхере). - М.: Политиздат, 1973; Бурин С. Григорий Котовский. – М.: Олимп - Смоленск: Русич , 1999; Казаков В.Г. Красный комбриг. - М.: Политиздат, 1981; Айрапетян Г.А. Железный Гай. - М.: Воениздат, 1980; Новохатко В. Шесть дней июля. О Г.Д.Гае. - М.: Политиздат, 1987; Айрапетян Г.А. Комкор Хаханьян. – Ереван: Айастан, 1970; Обертас И.Л. Командарм Федько. - М.: Воениздат, 1973; Кондратьев Н. На линии огня. (Эпизоды из жизни командарма Ивана Федько). - М.: Политиздат, 1974; Тарасов Е.П. Красном Генрих Эйхе. - М.: Воениздат, 1975; Киршнер Л.А. Колокол громкого боя. Документальная повесть о П.Е. Дыбенко. - Л.: Лениздат, 1985; Жигалов И. Повесть о балтийском матросе. - М.: Политиздат, 1973; Тимофеев Е.Д. С.С. Вострецов. - М.: Воениздат, 1981; Варгин Н.Ф. Флагман флота Кожанов. - М.: Воениздат, 1980; Панков Д. В моем сердце Отчизна одна. - М.: ДОСААФ СССР, 1977; Соломин Н.И. Легенда о командарме. (О командарме 2-го ранга М.К.Левандовском). - М.: Политиздат, 1989; Королев В.Г. Ян Лацис. - М.: Политиздат, 1980; Плющев В.А. Николай Томин. - М.: Воениздат, 1966.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

графически-житийный» характер большинства биографических статей им посвященных. В определенной мере этот подход имеет место и сейчас. Впрочем, и такого рода очерков не очень много. Перечень всех такого рода публикаций дается в библиографическом указателе, прилагаемом к данной работе. Лишь некоторые из книг и биографических очерков, посвященных тем или иным военачальникам Красной Армии, привлекают внимание своей научностью. Это биографические исследования А.Ненарокова о маршале А.Егорове и Н.Какурине, А.Кавтарадзе о А.Свечине, Г.Айрапетяна о Г.Гае и Г.Хаханьяне, В.Савостьянов и П.Егорова об И.Уборевиче, В.Плющева о Н.Томине, М.Гареева о М.Фрунзе, очерк военной и политической деятельности М.Фрунзе (коллектив авторов). Эти книги и очерки написаны на основе архивных материалов и представляют собой не только целостный и научно-выверенный портрет того или иного военачальника, но и содержат интересную архивную информацию.

Особое место в контексте исследования военной элиты занимает вопрос о политической роли неформального лидера Красной Армии и ее военной элиты – М.Тухачевского. Вопрос этот имеет двоякий смысл: политическая роль самого М.Тухачевского и политическая роль, значение его имени, его образа, «легенды Тухачевского», «харизмы» Тухачевского. Частным, но исключительно важным аспектом этого двуединого вопроса оказывается взаимосвязь личности и «легенды» М.Тухачевского, происхождение последней, микросоциальная и социо-культурная почва ее породившая и питавшая.

М.Тухачевский, неформальный лидер советской военной элиты 20-30-х годов, был естественно наиболее популярной и интригующей личностью в ее составе. Туманные легенды и по сей день, в силу долговременной закрытости (в значительной мере сохраняющейся и ныне), засекреченности архивных материалов, привлекают внимание исследователей к этой личности. Работы ему посвященные можно разделить на три группы: изданные до 1937 г. в СССР; изданные в СССР и России после 1961 г.; изданные за рубежом.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Одной из самых первых, по времени появления, работ, посвященных ему, был развернутый биографический очерк «Тухачевский», опубликованный в 1926 г. в энциклопедическом словаре «Гранат»[62]. Этот очерк, написанный Г.Новиковым, носит в основном биографически-информационный характер, хотя и акцентирует внимание на основных заслугах М.Тухачевского в период гражданской войны. Он в основном адекватно отражает эти заслуги и военно-политическую роль М.Тухачевского. В последующие годы в СССР не было более или менее развернутых биографических работ, посвященных М.Тухачевскому вплоть до 1963 г.,

Следует, однако, отметить, что в 20-30-е годы М.Тухачевский привлекал внимание писателей и публицистов за рубежом. Известны, по меньшей мере, две появившиеся и распространенные тогда книги о М.Тухачевском. Это книги П.Фервака и Р.Гуля. Первая из названных книг, будучи по существу воспоминаниями автора, отнесена мной к разряду исторических источников. Вторая была рассмотрена выше.

К фигуре М.Тухачевского в СССР возвращаются в 1947 г., посвящая ему один из небольших очерков в известной книге Сайерса и Кана «Тайная война против Советского Союза»[63]. Эта книга, будучи заказом советских официальных лиц, предназначена была не только для советской, но и для зарубежной общественности. В сущности, ничего нового в оценках М.Тухачевского здесь не содержалось по сравнению с 1937-1938 гг.

Специально посвященные М.Тухачевскому книги биографического по содержанию и апологетического по идейной направленности появляются в СССР вскоре после 22 съезда КПСС, на котором была осуществлена публичная и шумная реабилитация маршала и других репрессированных военачальников. После реабилитации маршала вышел сравнительно небольшой биографический очерк «Маршал Тухачевский», написанный А.Тодорским[64]. Почти в то же время был опубликован и биографический очерк о М.Тухачевском, помещенный

[62] Новиков Г. Тухачевский М.Н. // *Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь «Гранат».* - М.: Гранат, 1989. - С. 160-163.
[63] Сайерс и Кан. Тайная война против Советского Союза. - М.: Госиздат, 1947.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

во вводной части к его «Избранным произведениям», написанный Маршалом Советского Союза С.Бирюзовым[65]. В 70-80-е годы появились еще несколько более или менее развернутых биографических очерков о М.Тухачевском. По существу своих оценок они мало чем принципиально отличались друг от друга. Книги А.С.Попова[66], В.М.Иванова[67], Я.Р.Горелика[68], как, впрочем, и очерки А.Хорева[69] и В.О.Дайнеса[70], в целом представляли М.Тухачевского в прежнем аспекте, обозначенном еще работами Л.Никулина и А.Тодорского. Правда, они, несомненно, были написаны на более основательном использовании архивных документов, особенно это отличает очерк В.О.Дайнеса, и пополняли уже известные сведения о М.Тухачевском новыми фактами. Однако в этих книгах речь шла о М.Тухачевском-полководце. В этом отношении очерк В.Дайнеса отличается, несомненно, большей критичностью в оценках М.Тухачевского, чем у его коллег. Книга «Красный маршал» Ю.А.Щетинова и Б.А.Старкова[71] в этом отношении является еще более критически направленной и в большей мере расширяет спектр представлений о М.Тухачевском как личности, а не только как о военачальнике. Последняя по времени книга, посвященная маршалу – Б.Соколова «Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала»[72]. Книга интересна, информативна. Эта книга как раз отличается от предшествующих очень большим вниманием автора именно к личности, даже, можно сказать интимным сторонам жизни М.Тухачевского. Автор вводит в оборот малоизвестный информационный набор, в основном мемуарного и зарубежного происхождения. Впрочем, несмотря на привлечение материалов «Справки... ЦК КПСС», его вывод о политической роли М.Тухачевского в 20-30-е годы мало чем отличается от выводов предшественников. Однако в ней, как и во многих работах последних лет, посвященных этой личности или в той или иной мере

---

[64] Тодорский А.И. Маршал Тухачевский. - М.: Политиздат, 1963.
[65] Тухачевский М.Н. Избранные произведения. - М.: Воениздат, 1964. - Т.1,2.
[66] Попов А.С. Труд, талант, доблесть. - М.: Политиздат, 1972.
[67] Иванов В.М. Маршал М.Н.Тухачевский. - М.: Воениздат, 1985 и 1990.
[68] Горелик Я.Р. Маршал М.Н.Тухачевский. - Пенза, 1986.
[69] Хорев А. Маршал Тухачевский. // Красная звезда. – 1988. - 4 июня; его же: «Маршал Тухачевский». //Реабилитирован посмертно. - М.: Юридическая литература, 1989. - Выпуск № 1-2.
[70] Дайнес В.О.Михаил Николаевич Тухачевский. //Вопросы истории. – 1989. - № 10.
[71] Щетинов Ю.А., Старков Б.А. Красный маршал. - М.: Молодая гвардия, 1990.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

обращающих на нее внимание, автор отмечает и осуждает М.Тухачевского за жестокое подавление Кронштадта и Тамбовского восстания. Отдается дань и критике оперативно-стратегических взглядов маршала и его нравственно-политической позиции в контексте его дискуссий с А.Свечиным. В сжатом виде автор выразил те же оценки и в биографическом очерке о М.Тухачевском, помещенном в своей последней книге «Истребленные маршалы»[73].

В 80-90-е годы появляются и новые биографические исследования, посвященные М.Тухачевскому, изданные за границей. Это книги Т.Г.Батсона[74], Д.М.Глантца[75], П.П.Вечеркевича[76], Р.Штребингера[77]. В них содержится малоизвестный мемуарный материал, информация о происхождении маршала, любопытные впечатления близких и знакомых молодого М.Тухачевского, некоторые детали его личной жизни. Впрочем, о политической стороне жизни маршала сообщается также мало нового. В основном авторы придерживаются уже высказанных их предшественниками мнений.

Таким образом, следует констатировать отсутствие биографических исследований, посвященных М.Тухачевскому, в которых бы если не акцентировались, то достаточно обстоятельно рассматривались аспекты политической или военно-политической деятельности маршала. В этом плане его личность рассматривается либо в контексте работ, посвященных «заговору» или «делу» М.Тухачевского, либо приходится довольствоваться главным образом вышеназванными книгами П.Фервака и Р.Гуля.

При освещение общих и частных вопросов истории Красной Армии в межвоенный период, иными словами, военно-политического и социально- политического контекста, в котором, так или иначе, действовала советская военная элита и ее отдельные представители, привлекались исследования отечественных и зарубежных историков. В том числе, ставшие почти хрестоматийными. Впрочем, работ посвященных «межвоенному периоду» истории Красной

---

[72] Соколов Б. Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала. – Смоленск: Русич, 1999.
[73] Соколов Б. Истребленные маршалы. – Смоленск: Русич, 2000.
[74] Butson Th. G. The Tsar's Lieutenant – The Soviet Marshal. - New-York, 1984.
[75] Glantz D.M.Stumbling Colossus. The Red Army on the Eve of World War. - Lawrence (Kansas), 1998.
[76] Wieczorkiewicz P.P. Sprawa Tuchaczewskiego. - Warszawa, 1994.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Армии сравнительно немного. Некоторые из них, в частности, Д.Эриксона, выше уже упоминались. Другая - это появившееся после книги А.М.Антошина[78] большое исследование военной реформы 1924-1925 гг. И.Б.Берхина. Оно сохраняет значительную долю актуальности и для современного исследователя, особенно в частных аспектах истории развития Красной Армии, однако в концептуальном плане, да и в источниковом базисе во многом уже морально устаревшее[79].

Это также интересные работы, касающиеся частных аспектов истории Красной Армии «межвоенного периода», М.Захарова, В.Данилова, Г.Иссерсона, Г.Мещерякова, И.Короткова, А.Рыжакова[80] и др. К работе над диссертацией привлекались также развернутые исторические очерки, посвященные различным военным округам: Белорусскому, Киевскому, Московскому, Ленинградскому и др. По степени научности они различны. В целом же, будучи в меру информативными, они в основном имеют характер популярных очерков[81]. Следует указать также и ряд исследований зарубежных авторов Ф.Карстена, Г.Кастелляна, посвященных советско-германскому военному сотрудничеству 1922-1933 гг., а также Р.Гартхофа, Р.Селья, Дж.Зонтага и др.[82] Рассматривая вопрос об участии представителей советской военной элиты в «германском Октябре» 1923 г., я обращался к исследованиям М.Орловой,

---

[77] Strobinger R. Stalin enthauptet die Rote Armee. - Stuttgart, 1990.
[78] Антошин А.М. Военная реформа 1924-1928 гг. - М.: Воениздат, 1951.
[79] Берхин И.Б. Военная реформа в СССР 1924-1925 гг. - М.: Наука, 1958.
[80] Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. - М.: Воениздат, 1971; его же: «О теории глубокой операции». //Военно-исторический журнал. – 1970. - № 10; Данилов В. От Штаба РККА к Генштабу Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 1924-1935. //Военно-исторический журнал. – 1978. - № 8; Иссерсон Г. Развитие теории советского оперативного искусства в 30-е годы. //Военно-исторический журнал. – 1965. - № 1, 3; Мещеряков Г. Зарождение советской военной науки (1918-1924). //Военно-исторический журнал. – 1959. - № 11; Коротков И.А. История советской военной мысли. - М.: Наука, 1980; Рыжаков А.К. К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной Армии в 30-е годы. //Военно-исторический журнал. – 1968. - № 8.
[81] Краснознаменный Белорусский военный округ. - М.: Воениздат, 1983; Киевский краснознаменный. История Краснознаменного Киевского военного округа. 1919-1972. - М.: Воениздат, 1974; Ордена Ленина Московский военный округ. - М.: Воениздат, 1971; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. - М.: Воениздат, 1974; Краснознаменный Закавказский. Очерки истории Краснознаменного Закавказского военного округа. - М.: Воениздат, 1969; Краснознаменный Туркестанский. - М.: Воениздат, 1976; Краснознаменный Приволжский. Исторический очерк. Куйбышев, 1980; Краснознаменный Уральский. - М.: Воениздат, 1983 и др.
[82] Carsten F. Les relations germano-sovietiques de 1933-1939. //Survey. – 1962. - № 44-45; Castellan G. Le rearmement clandestine du Reich. 1930-1935. - Paris, 1954; Castellan G. Reichswehr et Armee Rouge. 1920-1939. //Les relations germano-sovietiques de 1933 a 1939. - Paris, 1954; Garthoff R.L. Soviet Military Policy. - Wash.-New-York, 1966; Garthoff R.L. Soviet Military Doctrine. - New-York, 1962; Sella R.A. Red Army doctrine and training on the eve of the Second World War. //Soviet Studies. – 1975. - Vol. 27. - № 2.; Sontag J.L. The Soviet War Scare of 1926-1927. //The Russian Review. – 1975. - Vol. 34. - № 1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Д.Давидович, Л.Безыменского, а также к книгам В.Кривицкого, Г.Беседовского, Э.Порецки, В.Пятницкого, которые можно рассматривать и в качестве первоисточника[83].

Касаясь вопросов модернизации Красной Армии в конце 20-х начале 30-х годов, я также обращался к фундаментальной монографии по истории советского военно-промышленного комплекса, написанной Н.Симоновым[84]. Привлекались также общие работы по истории Советских Вооруженных Сил[85].

Подводя итог краткому историографическому обзору, с учетом выше сделанных критических оценок и оговорок, можно считать, что, в сущности, отсутствуют научные исследования, научно-популярные работы и публикации очеркового характера, которые были бы посвящены изучение советской военной элиты 20-х годов. Тем более это с полным основанием можно констатировать, если учесть ранее достаточно детально означенную направленность и аспекты исследования советской военной элиты данного периода.

Таким образом, неизученность проблемы и актуальная необходимость ее исследования обуславливают определение цели и основных задач настоящей диссертации.

Целью настоящего исследования является советская военная элита как более или менее определенное и автономное социокультурное явление и субъект политического действия в период с 1922 по 1931 гг. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи исследования:

- определить сущность и свойства военной элиты 20-х годов в качестве предмета исследования;

---

[83] Орлова М.И. Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика коммунистической партии. - М.: Московский Университет, 1973; Давидович Д.С. Гамбург на баррикадах. - М.: Наука, 1985; Кривицкий В. Я был агентом Сталина. - М.: Современник, 1996; Э.Порецки. Тайный агент Дзержинского. - М.: Современник, 1996; Беседовский Г. На пути к Термидору. - М.: Современник, 1997; Пятницкий В. Заговор против Сталина. - М.: Современник, 1998; Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. - М.: Вече, 2000.

[84] Симонов Н. Военно-промышленный комплекса СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. - М.: РОССПЭН, 1996.

[85] 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968; Советские Вооруженные силы. История строительства. - М.: Воениздат, 1978.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

- изучить советскую военную элиту означенного периода как феномен общественного мнения Советской России-СССР и русского военного зарубежья с учетом ее персонального состава и лидеров;
- выявить истоки и процесс становления, структурирования и персонального состава советской номенклатурной военной элиты на начальном этапе ее становления;
- Исследовать внутрикорпоративную инфраструктуру советской военной элиты первой половины 20-х годов, основные «генеральские группировки»;
- специально исследовать вопрос о доминирующей внутрикорпоративной группировке и проблему «харизматического» лидера советской военной элиты;
- изучить характер и степень вовлеченности военной элиты в политическую борьбу 1923-1924 гг. и меру ее активности в этой ситуации. В связи с этим:
- проследить взаимодействие социокультурных, психоментальных «явлений» общественного мнения и социально-политических свойств военной элиты и ее лидеров политических процессах;
- проследить тенденции социокультурной, социометрической эволюции военной элиты и изменения в персональном ее составе в связи с политической борьбой середины 20-х годов и политической реформой;
- исследовать влияние «военной тревоги» 1926-1927 гг. на изменение персонального состава военной элиты и ее социокультурную эволюцию в конце 20-х годов;
- проанализировать проблему технической модернизации Красной Армии и ее влияние на радикальное изменение персонального состава и социокультурной характеристики военной элиты на рубеже 20-30-х годов с учетом политизации данного процесса.

Определяя объект исследования как «советскую военную элиту 20-х годов», я как бы уже даю и хронологические рамки исследования. Расшифровывая и более строго определяя их, хочу отметить, что речь пойдет об изучении советской

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военной элиты в пределах с 1922 года до 1931-го. Нижний хронологический предел обусловлен окончанием гражданской войны и началом переструктурирования советской военной организации в соответствии с «мирным временем».

«Верхняя» хронологическая граница определяется целым рядом перемен, происходивших в 1929-1931 гг. как внутри СССР, так и в ее международном, геополитическом положении. Эти обстоятельства обусловили начало, именно в эти годы, радикальной технической модернизации Красной Армии. Это не могло не сказаться самым решительным образом на судьбе Красной Армии, ее командного, высшего командного состава и ее военной элиты.

Во всяком случае, эти факторы мне представляются достаточным побудительным мотивом для концептуально-теоретического определения хронологического диапазона вычленения советской военной элиты в качестве автономного объекта исследования. По крайней мере, этого достаточно для выдвижения тезиса и постановки перед собой проблемы исследования советской военной элиты 20-х годов как вполне самодостаточной.

Определяя в качестве объекта исследования советскую военную элиту 20-х годов, я вижу его не столько фрагментом специально военной истории или истории военного искусства, сколько автономным и корпоративно-самодостаточным субъектом социальной истории Отечества в 20-е годы. В этом отношении новейшие широкомасштабные исследования и работы отечественных историков И.Д.Ковальченко, Л.В.Милова, Б.Н.Миронова, А.К.Соколова и др.[86] по социальной истории России дореволюционной и послереволюционной служат необходимым и полезным методологическим основанием.

В связи с этим в центре внимания оказывается сама по себе советская военная элита 20-х годов, ее персональный состав, лидеры, социометрические и

---

[86] Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. - М.: Наука, 1987; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М.: Наука, 1998; Миронов Б.Н. Социальная история России. - СПб, 1999, тт. 1-2; Соколов А.К. Курс Советской истории. 1917-1940. - М.: Высшая школа, 1999; Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения. //Социальная история. Ежегодник. - 1998/99. - М., 1999. См. также Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала 20 века: новые материалы, методы, результаты. - М.,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

социокультурные характеристики, персональные особенности, внутрикорпоративные межличностные связи и отношения, степень влияния на решения профессиональных и политических вопросов, отношения элиты в целом и персонально к своим лидерам.

Одним из важных аспектов изучаемой проблемы оказывается вопрос о ротации состава советской военной элиты. Вопрос этот обнаруживает сложность в связи с переплетением нескольких причин в этом процессе. Мотивы профессиональной целесообразности изменения состава элиты переплетались с политической мотивировкой. Особенно усложняется решение этого вопроса в контексте процесса технической модернизации Красной Армии в 1929-1931 гг.

Избранная мною для изучения проблема, хотел бы это подчеркнуть, находится в контексте социокультурных, социоментальных аспектов социальной истории и истории культуры. При этом я исхожу из более широкого представления о войне и армии, офицерском корпусе как парадоксальном, своеобразном, но вполне «законном» и «естественном» явлении культуры в целом.

Принятие советской военной элиты 20-х годов в качестве объекта исследования вызывает необходимость сделать некоторые предварительные замечания.

Особенности данного периода обусловлены, прежде всего, динамизмом всех социокультурных, социально-экономических и политических процессов в Советской России и в СССР. Этот динамизм был присущ и такому, казалось бы, консервативному и, по своей природе, косному, институту, как армия. Поэтому и для советской военной элиты в изучаемый период времени были свойственны преимущественно динамические качества, а не статические. Это обусловливалось, как выше уже отмечалось, не только динамическими особенностями эпохи как таковой, но и, конечно же, драматичной динамикой внутриполитической борьбы. Процесс становления государственно-политической системы в СССР в 20-30-е годы шел в органичном единстве с процессом становления советских вооруженных сил. Это, вполне естественно, сказывалось, прежде всего, на

1996; Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. //Социальная исто-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

структуре и персональном составе элиты. Кроме того, следует иметь в виду, что советская военная элита вырастала из революционного хаоса, из «революционной смуты» и сохраняла многие годы спустя генетическую связь со стихией ее породившей. Так сказать, «геном» русской революции был заложен и в структуру, и в плоть, и в дух советской военной элиты.

Требует внимания и еще один фактор. В экономически разрушенной к началу 20-х годов стране и продолжавшей оставаться социально-экономически слабой в последующее десятилетие, стимулом социального оптимизма общества, государства и военной элиты, выросших из революции, было грядущее, а не настоящее. Общество и армия выстраивались, исходя не из цивилизационных и социально-экономических возможностей, но, как и во время революции, из желаемого и при помощи тех или иных форм воли и насилия, находивших нравственное оправдание и осмысление в ожидаемом грядущем.

Нужно учитывать и еще одного обстоятельство. Как не покажется это парадоксальным, но, хотя красноармейцы распевали, что «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней», в 20-е годы Красной Армии, как силы, способной обеспечить оборону страны, практически не существовало. Это обстоятельство ставило перед военной элитой и политическим руководством проблемы мучительного поиска формулы создания «реальной армии». Для развития вооруженных сил и их элиты характерны были очень частые смены парадигм развития. Цель была одна: найти способ наиболее быстрого создания наиболее современного типа армии.

Сначала, армия оставалась такой, какой она вышла из гражданской войны, и затем несколько лет господствовала «доктрина революционной войны» М.Тухачевского, хотя в то же время была проведена реформа М.Фрунзе. Затем произошла переориентация на «германскую модель». Затем, уже с начала 30-х годов была принята, фактически, программа модернизации вооруженных сил, предложенная вновь М.Тухачевским.

рия. Ежегодник. 1998/99. - М., 1999.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

И это все происходило на протяжении примерно 15 лет в обстановке драматически напряженной внутриполитической борьбы, в которой формировалась весьма специфическая государственнно-политическая система, осложняемой внешнеполитическими факторами. Эти обстоятельства, естественно смещали внимание не только военной элиты, но и широкого круга комсостава Красной Армии в сферу военно-теоретических, военно-исторических споров и дискуссий, как правило, с заметным привкусом политической и идеологической борьбы, происходившей в сферах партийно-политических.

Наконец, последнее: из гражданской войны Красная Армия в кадровом, «офицерском» и элитарном смысле вышла крайне неоднородной. В ее комсоставе и в составе ее элиты присутствовали военные специалисты-генштабисты из старой русской армии, просто кадровые офицеры старой армии, офицеры военного времени, бывшие солдаты и унтер-офицеры, лица вообще никогда не служившие. В ее комсоставе оказались и тысячи бывших офицеров белых армий. Комсостав и военная элита заметно изменились и в этно-социальном плане. Они несли в себе различный духовно-нравственный и политический заряд.

Хрестоматийно известно и то, что Красная Армия возникла и оставалась двуединым механизмом, в котором соединили две, так и не ставшие органически едиными части: командиры, военные профессионалы (независимо от этно-социального происхождения, образовательного ценза, политических убеждений) и военные комиссары, контролировавшие политическую благонадежность командиров всех уровней и всех настроений.

Уже к началу 1920 г., собственно говоря, определились две парадигмальные модели структурирования комсостава и военной элиты: «модель» Л.Троцкого и «модель» М.Тухачевского.

Л.Троцкий, исходя из принципа неизменности природы войны и, соответственно, неизменности оперативно-тактических и стратегических принципов ведения военных действия, а, следовательно, и организации регулярной армии, в сущности, восстановил прежнюю систему и структуру старой русской армии. Соответственно и комплектование и персональный состава командиров и воен-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ной элиты осуществлялось на дореволюционных принципах: военно-образовательный ценз, стаж службы, чин в старой армии и служебная репутация должны были по возможности соблюдаться.

Л.Троцкий, таким образом, подводил к выводу и утверждал, что политические цели и задачи страны и государства определяются политиками. Задача армии и ее командования выполнить приказ политического руководства. Армия, ее элита в данном контексте представлялась как совокупность профессионалов, ремесленников, находящихся «вне политики»[87].

Несомненно, и это следует отметить, Председатель РВСР, «вождь Красной Армии», находился под заметным влиянием «военно-образовательного» авторитета «военспецов-генштабистов» старой русской армии. Они, имевшие богатый фронтовой опыт 1-й мировой войны, скептически и снисходительно относились войне гражданской и ее «полководцам» и «революционным генералам». Опыт и итоги 1-й мировой войны, пережитые и осмысленные военспецами-генштабистами старой армии, давали понять, что средства обороны сильнее средств наступления[88]. Этим, собственно говоря, и объяснялся затяжной характер войны и смещение доминанты факторов, определявших выигрыш в войне из оперативно-тактической, оперативно-стратегической, вообще из военной сферы, в сферу социально-экономическую. Войну начали, вели и проиграли генералы, исповедывавшие «стратегию сокрушения». Их оппонентами и критиками стали сторонники «стратегии измора», как, например, один из самых выдающихся военных историков и теоретиков Красной Армии генерал А.Свечин, убежденные в том, что средства обороны сильнее средств наступления[89].

Справедливости ради, однако, надо сказать, что всякая последующая война не похожа на предшествующую. Всякая новая война ставит перед командирами и генералами свою специфическую совокупность боевых, оперативно-тактических проблем. И с точки зрения оценки уровня полководческого мас-

---

[87] Троцкий Л. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. //Военная наука и революция. - 1921. - № 2.

[88] Тухачевский М.Н. Новые вопросы войны. //Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах 1917-1940. - М.: Воениздат, 1965.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

терства тех или иных генералов важно не то, сколько в войне принимало участие людей, солдат, офицеров, генералов и сколько их погибло. Важно то, насколько быстро и верно определил для себя тот или иной генерал свойства и специфику данной войны и сумел подобрать эффективные, победоносные стратегические и оперативно-тактические приемы для решения возникающих перед ним боевых задач. В этом отношении, можно выразить сомнения не только в отношении генералов и генштабистов старой русской армии, но и в отношении, с оговорками, почти всех высших начальников армий, противоборствовавших в годы 1-й мировой войны. В общем, они не смогли ни предвидеть характера этой войны, ни подготовиться к ней, ни найти эффективных оперативно-тактических способов для решения фронтовых проблем, которые она породила. Исход 1-й мировой войны оказался в зависимости не столько от армий и их высших начальников, сколько от социального и экономического состояния и потенциала воевавших стран. Поэтому высокомерие и снисходительность «генштабистов» не во всем были обоснованы. В этом отношении способы решения боевых задач, которые во фронтовой обстановке гражданской войны находили «красные» и «белые» командиры, по своей эффективности производили большее впечатление. Однако именно это зачастую порождало уже с их стороны «легкость в мыслях необыкновенную» в военно-теоретических вопросах.

М.Тухачевский сформулировал в конце 1919 г. свою «доктрину революционной, гражданской войны». Он считал, что характер войн меняется и гражданская война в России, как и революционные войны вообще, имеют свою принципиальную специфику. М.Тухачевский считал, что оперативно-стратегические ориентиры в гражданской войне обусловлены социально-политическими и социокультурными факторами. В этом смысле стратегическое мышление и стратегические решения в значительной мере оказываются политизированными. Из этого делался вывод, что комсостав и военная элита Красной Армии естественно структурируются иначе, чем в старой русской армии. И комсостав, и военная элита «рождаются» самой революцией и гражданской

[89] Свечин А.А. Сокрушение и измор. //Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - М.,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

войной. Они могут включать и представителей старой военной элиты и офицерского корпуса, но не обязательно и не по преимуществу[90]. Гражданская война в России, по емкому определению Н.Какурина, «маневренная война на широко растянутых фронтах», как будто бы реабилитировала «доктрину сокрушения» под названием « революционная наступательная война» или «революция извне», как ее определял М.Тухачевский[91]. Миллионные армии 1-й мировой войны с господствующей ролью пехоты и артиллерии, уступили место разреженным боевым порядкам, прерывистым фронтам и господствующей ролью конницы. Собственно говоря, именно конница способствовала повышенной маневренности и «красной», и «белой» «революционных армий». Именно в обстоятельствах противоборства «революционных армий», сохранявших в большей или меньшей мере дух «партизанщины», индивидуального «удальства», относительно слабой дисциплины, пронизанных чувством «классовой солидарности» или «классовой непримиримости», роль военных «вождей» значительно возрастала. Не командир, назначенный сверху, а «атаман», избранный «снизу» оказывался более типичным для «революционных армий» эпохи гражданской войны, чем для нормальной регулярной армии времен 1-й мировой. Именно такой тип командира, «вождь», «герой», характерен был для лучших боевых частей и соединений как красной, так и белой армий. Подчас именно такие командиры являлись и организаторами, и создателями боевых частей и соединений. В специфических оперативно-тактических и оперативно-стратегических условиях гражданской войны в России, разрушавшей своими боевыми и фронтовыми реалиями все стереотипы и нормы «регулярной», «большой войны», сложившиеся в представлениях образованных и опытных «генштабистов», требовали от командира не столько знаний, сколько, подчас, природных дарований, интуиции..., авантюризма. Именно к таким военным «вождям» и «красных» и «белых» армий, как М.Тухачевский, С.Буденный, В.Примаков, Г.Котовский, Н.Скоблин, А.Туркул, В.Манштейн, В.Каппель, А.Пепеляев и др.

1999.

[90] Тухачевский М.Н. Стратегия национальная и классовая. //Тухачевский М.Н. Избранные произведения. - М.: Воениздат, 1964. - Т. 1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

применима оценка, данная одному из них: «для него гражданская война была раскрытой книгой, которую он читал с закрытыми глазами»[92]. Революция, отвергавшая всем своим существом «традицию», опыт предшествующих поколений, скептически относилась к любому, в том числе военному опыту; к любой профессиональной подготовке, полученной при «старом режиме»; к любому нормальному образованию – сомнительному по своей ценности и подозрительному по политическим и идеологическим свойствам, - как рожденному «старым режимом», свергнутым и отвергнутым Революцией.

В противоположность Л.Троцкому, всеми своими рассуждениями М.Тухачевский подводил к мысли и утверждал, что армия должна быть политически ангажирована и ориентирована, «политизирована». Военная элита должна знать и определить, по выражению М.Фрунзе, «какую и для каких целей мы готовим армию»[93].

Две пунктирно обозначенные выше позиции в отношении армии, следовательно, и в отношении ее элиты, столкнулись в 1921-1922 гг. в «дискуссии о единой военной доктрине», начавшейся в военной периодике и публицистике с известной статьи М.Фрунзе. Эти позиции определяли проблему на принципиальном политическом и социокультурном уровнях: является ли армия инструментом действий, объектом политических манипуляций политической власти или она является органической частью этой власти. Однако в контексте обозначившейся проблемы достаточно отчетливо проглядывал и третий вариант: армия как субъект политического действия, самостоятельная, а, в определенных обстоятельствах, возможно, доминирующая политическая сила, приходящая к власти через политические структуры, созданные Революцией. Это то, что в 19 веке получило название – «бонапартизм».

Определяя в качестве объекта исследования советскую военную элиту, следует обратить внимание на то, что она по своему номенклатурному и персональному составу вовсе не вбирает весь «генералитет» того времени и даже не

---

[91] Тухачевский М.Н. Революция извне. //Революция и война. – 1920. - № 3.
[92] Марковцы в боях и походах в освободительной войне за Россию 1918-1920 гг. - Париж, 1962. - Т. 2. - С. 322-323.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

поглощает весь высший комсостав. Советская военная элита 20-х годов (оставлю в стороне вопрос о составе советской военной элиты последующих десятилетий) – это лишь часть высшего комсостава, принципы выделения которой я постараюсь определить ниже. Замечу кстати, что в конкретно-исторических исследованиях высшего комсостава, генералитета других армий (особенно часто гитлеровского генералитета) часто используется понятие «военная элита». Однако смысловое содержание этого понятия, как правило, размыто. Критерии отнесения тех или иных генералов к «военной элите» четко не определяются или оказываются скорее эмоционально-прихотливыми. Например, в книге К.Барнетта «Военная элита Рейха», увидевшей свет в 1996 г. и через два года появившейся в русском переводе[94], автор книги дает свою классификацию групп немецких генералов, включенных в военную элиту. По мнению автора книги, германская военная элита «третьего Рейха» состояла: из группы «генералов, противостоявших нацизму»; группы «кабинетных генералов»; группы «полководцев»; группы «генералов-новаторов». Разумеется, и такое структурирование военной элиты вполне приемлемо. Однако этот подход трудно принять в качестве хотя бы методологической модели применительно к иной эпохе, иной стране. Это обстоятельство еще более утверждает в мысли, что исследование военной элиты в любой конкретно-исторической ситуации, особенно, в период социально-политического становления общества, вырастающего из широкомасштабного цивилизационного кризиса, как это было с Россией в 20-30-е годы, скорее всего, будет настоятельно требовать выработки и использования методов, адекватных специфическим свойствам самой проблемы, эпохи и времени.

Исследуя советскую военную элиту 20-х годов и предваряя вопросы и замечания определенного характера, хотел бы заранее оговориться: я не ставлю перед собой задачу углубляться в сферу политологических и культурологических рассуждений, касающихся различных теорий элит. Однако некоторые базисные положения современного понимания «элиты» имеет смысл отметить.

---

[93] Фрунзе М.В. Единая военная доктрина и Красная Армия. //Армия и революция. – 1921. - № 1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Любое исследование элит исходит из презумпции власти, независимо от того, артикулировано это или нет», - считает современный исследователь этой проблемы[95]. Разумеется, это положение относится, прежде всего, к политической элите. «Политическая элита – это та часть политического класса, которая реально использует власть в данном обществе в данный момент», - считает современный политолог[96]. При этом он поясняет, что политическим классом являются группы, имеющие политическую власть и влияние, непосредственно ангажированные в борьбе за политическое лидерство»[97]. К сожалению, в политических и политологических исследованиях, касающихся различных видов элит (политической, экономической, интеллектуальной, культурной и пр.), военная, как правило, редко выделяется в качестве самостоятельного объекта исследования. Однако ясно, что, отталкиваясь от классического положения К.Клаузевица – «война есть продолжение политики другими средствами» - можно с достаточным основанием считать, что военная элита является разновидностью элиты политической. Во всяком случае, и исследование военной элиты так же, очевидно, «исходит из презумпции власти». В контексте приведенных выше рассуждений и возникает суть исследования проблемы советской военной элиты 20-х годов.

Несомненно, опираясь на накопленный в области политологии и культурологии фонд исследований разного рода элит и сформулированных на этой основе соответствующих концепций, я использую теоретические, концептуальные и методологические наработки в этой области знания применительно к конкретно-исторической ситуации. Советская военная элита 20-х годов, как любое другое историческое явление, во многом характеризуется специфическими свойствами. Именно историко-прикладной характер рассмотрения вопроса о «военной элите» требует комплексного использования опыта политологических и культурологических исследований, применения часто элементов

---

[94] Барнетт К. Военная элита Рейха. – Смоленск: Русич, 1999.
[95] Крэстева Д. Власть и элита в обществе без гражданского общества. //Психология и психоанализ власти. - М.: Бахрах, 1999. - Т. 1. - С. 100.
[96] Крэстева Д. Власть и элита в обществе… . С. 107.
[97] Крэстева Д. Указ соч. - С. 107.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

различных концептуальных построений. Поэтому для меня вопрос о военной элите носит преимущественно конкретно-исторический характер, а использование самого термина «элита» - сугубо инструментальный смысл. Это, тем более приходится учитывать и ограничивать применение данного понятия, потому что на протяжении сравнительно непродолжительного времени – 1922-1931 гг. – конкретно-историческое, социокультурное содержание «советской военной элиты» менялось, при этом изначально несло на себе сочетание различных смыслов. Советская военная элита на изучаемом отрезке времени – это явление, находящееся в процессе динамического становления, формирующееся и окончательно не сформировавшееся, политически и социокультурно не определившееся полностью и за пределами указанного выше хронологического периода. Поэтому, исследуя само явление – советскую военную элиту 20-х годов – ее структуру и состав, мне представляется целесообразным ввести в последующие рассуждения три критерия определения ее военно-политических, социокультурных «границ» и классификации: популярность, боевые заслуги и номенклатурность. С их помощью, надеюсь, мне удастся лучше и точнее отразить сложность и динамизм формирования, состояния и эволюцию системообразующих принципов и структуры советской военной элиты. Учитывая конкретно-историческую определенность и специфичность советской военной элиты 20-х годов, хотел бы, предваряя все последующие рассуждения и обоснования объекта исследования, отметить ее ярко выраженные динамические свойства и статическую неустойчивость. Выше уже неоднократно употребляемое выражение и установка – «презумпция власти» в исследовании элиты, в данном случае военной элиты – как раз весьма характерна для исследования советской военной элиты 20-х годов. Ведь динамизм ее, в сущности, выражался (чаще всего в скрытой форме) именно в столкновении политической элиты, стремившейся удержать, усилить, видоизменить формы властного контроля над армией, с элитой военной, пытавшейся сопротивляться этому контролю, ослабить его и, быть может, в какие-то кризисные моменты – полностью устранить, возможно, даже подчинить себе элиту политическую. Впрочем, высказанные соображения и яв-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ляются одним из аспектов настоящего исследования, проверки высказанных тезисов и предположений.

Критерий «популярности», прежде всего, применим к тому составу советской военной элиты, который сформировался, в значительной мере стихийно в общественном мнении и в Советской России-СССР, и за рубежом, в частности, в русском зарубежье. Это относится, преимущественно к первой половине 20-х годов, когда государство только начинало вырабатывать нужные идеологические «клише», позволявшие сделать процесс формирования общественного мнения управляемым и «прихотливым». В первой же половине 20-х годов представления о советской военной элите складывались спонтанно, вырастая из «смутной» и идеологически неоднозначной эпохи гражданской войны. Во второй половине 20-х годов рассуждать о стихийном формировании в советском общественном мнении представлений о военной элите уже не приходится. В сущности уже в это время этот процесс обретает направленный характер, и руководство им в основном уже находится в руках партийно-государственных идеологических структур.

В пределах применения понятия «номенклатурная военная элита» речь будет идти о военной элите, определяемой далеко не всегда подлинными военными заслугами, но, во всяком случае, военными чинами, званиями, должностями, знаками различия и отличия, установленными официальной государственной властью. Иными словами, это военная элита, определяемая с точки зрения государственной власти, за заслуги перед нею и всецело ею контролируемая и управляемая.

Однако, наряду с «номенклатурной» частью военной элиты, всегда существует и иная, как правило, меньшая по численности. Для ее вычленения я в качестве «рабочего» термина ввожу новую «операнду»[98] – «меритарная» военная элита. Так условно мною определяется часть военной элиты, сформировавшаяся в результате реальных выдающихся военных заслуг тех или иных «генералов». Это - военачальники, проявившие во фронтовой обстановке действитель-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ные выдающиеся боевые и полководческие качества, решающим образом влиявшие на военные действия и военную политику. Не каждый из них и не всегда пользуются адекватной их заслугам популярностью и не всегда получают соответствующую «номенклатурную оценку». Все системы определения и квалификации состава военной элиты, при наложении их одна на другую, не тождественны, хотя в определенных «персоналиях» могут совпадать.

Хочу отметить, что в рассуждениях о «номенклатурной военной элите», а речь будет идти в основном о процессе унификации советской военной элиты именно в этом понятии. Оно охватывает вовсе не весь высший командный состав Красной Армии. Во-первых, это та часть советского «генералитета», которая осуществляла руководство теми или иными военно-территориальными образованиями, военными регионами (фронты, военные округа, отдельные армии, флоты); Штабом Красной Армии и центральными управлениями, непосредственно подчиненными Председателю РВС СССР и наркому по военным и морским делам.

Во-вторых, это только именно «командный состав». В сферу исследования не входят «политработники», комиссарский состав. Исследованию подвергается лишь военные профессионалы – «командиры» высшего ранга. Однако, учитывая вышесказанное, к «военной элите» Красной Армии я отношу не только командующих фронтами, военными округами, отдельными армиями, начальника Штаба РККА и начальников центральных армейских управлений, непосредственно подчиненных наркому, но и их заместителей или помощников («дублеров»), а также начальников их штабов («исполнительная власть»). Эти три категории высших командиров вместе и составляли «ядро» командной структуры вышеуказанных региональных или ведомственных частей армии. Именно эти три категории высших командиров и оказывались в совокупности в состоянии осуществлять реальное руководство вышеозначенными военно-территориальными или военно-ведомственными структурами. С введением в 1924 г. «категориальной» 14-степенной номенклатурной сетки, в которой, в от-

[98] Операнда – понятие, употребляемое в культурологии для обозначения того или иного понятийного инстру-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

личие от петровской «Табели о рангах» высота воинского ранга или «категории» соответствовала величине цифры, высшим командирам указанного должностного уровня была присвоена соответствующая категория. Все командующие фронтами, военными округами, отдельными армиями, начальник Штаба РККА и начальники основных центральных военных управлений получили 14-ю «категорию» (К-14), а их начальники штабов, помощники и заместители 13-ю (К-13). Позднее неофициально в войсках их именовали «командармы 1-го ранга» (генерал армии) и «командармы 2-го ранга» (генерал-полковники).

Учитывая вышесказанное о социокультурной и социоментальной ориентации исследования, в сфере моего пристального внимания оказываются не только «факты и события» «реальной» (назовем это так) отечественной военной истории 20-х годов, политической жизни, явлений и социокультурной обстановки тех лет. Это также «факты и события» социокультурных, социоментальных представлений, сформировавшихся в общественном сознании (в широком смысле и узкокорпоративном масштабе). Речь идет о том, что в обыденном восприятии называется «слухами», «мнениями», которые в определенной социокультурной обстановке и при определенном социоментальном настрое рассматриваются как информация о «реальной действительности». Воспринятые определенным социумом или совокупностью микросоциумов эти «слухи» и «мнения» обретают свойства факторов, реально воздействующих на поведение тех или иных лиц, социокультурных групп, их лидеров. Иными словами, независимо от происхождения и степени достоверности, в той или иной конкретной ситуации эти «слухи» и «мнения» выполняют функции реальных причин и оказываются реально действующими конкретно-историческими «фигурами», «событиями» и «фактами».

Это, наконец, и интереснейший аспект, пользуясь определением М.Фуко, «истории настоящего», в которой, в каждую конкретную эпоху, каждым поколением, в каждой более или менее определенной, автономной «ментальной панораме» происходит, подчас, весьма драматичное столкновение, конфликт или

ментария. «Меритарный» от лат. Meritum – заслуга и meritus – заслуженный.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

диалог «реального» и «феноменального», условно-эмпирического события и «воображаемой истины». Поэтому в работе с материалом источников, самого разнообразного характера, в этом направлении мне приходилось использовать не только свойственные исторической науке методы исследования, но также, по необходимости, методы и методики культурологического и, даже психоаналитического происхождения. В этом отношении, я опирался на концептуальные и методологические подходы М.Вебера, С.Московичи, К.-Г.Юнга, Э.Аронсона, Э.Эриксона, О.Кабанеса и Л.Насса, В.Булдакова, а также на известные работы Н.Бердяева, М.Бахтина, Ю.Лотмана и др.[99]

В этом контексте специального внимания и исследования требовал вопрос о «харизматических лидерах» Красной Армии 20-х годов. Не считая одной из задач настоящей работы исследование этого вопроса в концептуально-теоретическом плане, что чревато неизбежным отвлечением в политологическую или культурологическую сферы, полагаю, однако, целесообразным привести некоторые, вполне хрестоматийные, положения, касающиеся понятия «харизма».

По М.Веберу, «харизма» - это «определенное качество индивидуальной личности, на основе которого она оценивается как исключительная, и к ней относятся как к личности, наделенной сверхъестественными, сверхчеловеческими или исключительными возможностями или качествами»[100].

Одна из последовательниц М.Вебера, А.Уиллнер считает: «Харизматическая власть не основана ни на должности, ни на статусе, а вытекает из способ-

---

[99] Московичи С. Век толп. - М.: Центр психологии и психотерапии, 1998; его же: «Машина творящая богов». – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998; Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. - М.: Центр психологии и психотерапии, 1999; Булдаков В. Красная смута. - М.: РОССПЭН, 1997; Бердяев Н.А. Ставрогин. //Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. - М.: Искусство, 1994. - Т.2; Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли 19 века и начала 20 века. //Бердяев. Русская идея. Судьба России. - М.: Сварог и К, 1997; Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.: Мысль, 1990; Бердяев Н.А. Новое средневековье. //Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. - М.: Искусство, 1994. - Т. 1; Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990; его же: Поэтика Достоевского. //Бахтин М.М. Проблемы творчества. Поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1994.; Лотман Ю. Беседы о русской культуре. – СПб.: Искусство-СПб, 1994. См. также известных русских философов и публицистов начала 20 века в сборниках «Вехи» и «Интеллигенция в России». //Вехи. Интеллигенция в России. 1909-1910. - М.: Молодая гвардия, 1991.

[100] M.Weber, Economy and Society. - N.Y., 1968.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ности конкретной личности вызывать и поддерживать веру в себя как источник легитимности»[101].

«Харизма, по всей видимости, является идеей, пронизывающей нас, - комментирует взгляды М.Вебера другой известный психолог и культуролог С.Московичи, - идеей, которую мы разделяем, без которой ничего не создается. Она может быть заумной и туманной, но, тем не менее, оказывать в высшей степени конкретное действие, при условии, что она остается единственной. Она абстрактна и неопределенна, а между тем, полна действенности. Ее символическая, то есть воображаемая и сложная природа мешает нам отреагировать на нее логически, и мы вынуждены испытать ее влияние наподобие физической реальности. Стало быть, общественное положение человека может напрямую соотноситься с обладанием им харизмой. Считается, что власть является результатом харизмы, а в некоторых случаях она определяет престиж партии или веры»[102].

«В теологии харизма означает благодать и божьи дары, которые позволяют людям выполнить исключительную задачу. Эта сверхъестественная возможность дает им силу и обязывает..., - объясняет истоки представлений о «харизме» С.Московичи. - По мере своего перехода на социальную территорию это понятие сохраняет точный смысл. Оно означает «благодать» одновременно в теологическом смысле божественного выбора и в психологическом смысле внутренней уверенности выбора и в психологическом смысле внутренней уверенности и магнетической притягательности для других. Имеется в виду, что некая личность господствует посредством «призвания» и обладает исключительными качествами, которые даруют ей притягательность. В результате, харизма представляет собой одновременно наличие чрезвычайной силы и чрезвычайное отсутствие силы в нарождающемся обществе, где «люди себя чувствуют полноправными членами своего сообщества». Это эмоциональная жизненная сила, которая обладает возможностью в случае необходимости произвести восполнение интенсивности и жизненной силы в отношениях между людь-

[101] Willner A.R. The Spellbinders: Charismatic Political Leadership. - New Haven, Yale University Press, 1984. - P. 4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ми...»[103]. «Какую бы интерпретацию мы ей не дали, - продолжает указанный автор, - харизма представляет собой нечто дорациональное, но это дорациональность истоков, если можно так сказать, времени, когда все между людьми происходило непосредственно, в личном и субъективном плане. Точнее сказать, она проявляет себя словно в скобках религиозных и политических установлений и экономических интересов каждого. С этой точки зрения, харизма – это «власть анти-экономического типа», отказывающаяся от всякого компромисса с повседневной необходимостью и ее выгодами»[104]. По мысли М.Вебера, «харизматическая власть может быть только в исключительном случае разлома» и кризиса общества[105], хотя «кризис – это необходимое, но недостаточное условие для появления харизматического лидера»[106].

Осуществляя психоментальную и социокультурную реконструкцию личностей отдельных лидеров, в частности, М.Тухачевского, я опирался на психоментальный опыт художественно-публицистического творчества Ф.Достоевского, а также на соответствующий опыт и методы в такого рода исследованиях Н.Бердяева, С.Булгакова, К.Ясперса, З.Фрейда, Э.Фромма, П.Ковалевского, М.Бахтина, Ю.Лотмана, Е.Марасиновой, Э.Эриксона, Р.Такера, Р.Гуля, А.Ноймайра, И.Лесны, и В.Шкуратова, В.Мазера[107]. Привле-

---

[102] Московичи С. Машина, творящая богов. - М.: Центр психологии и психиатрии, 1998. - С. 176.
[103] Там же, с. 188-189.
[104] Московичи С. Машина, творящая богов. С. 188-189.
[105] Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. - М., 1992. - С. 47.
[106] Там же.
[107] Достоевский Ф.М. Бесы. //Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. - М.: Советский писатель, 1957. - Т. 7; Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. //Там же, тт. 9,10; Достоевский Ф.М. Дневник писателя. - М.: Современник, 1989; Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. - М.: Мысль, 1991; Бердяев Н.А. Ставрогин. //Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. - М.: Искусство, 1994. - Т. 2; Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. //Там же; Булгаков С.Н. Русская трагедия. //Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. - М.: Наука, 1993. - Т. 2; Ясперс К. Стриндберг и Ван-Гог. – СПб: Прогресс, 1999; Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминание детства. - Ростов-на-Дону, 1990; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. - М.: Республика, 1994; Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы из истории. - М.: Терра, 1995. - Т.1-2; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979; Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. //Бахтин М.М. Проблемы творчества. Поэтики Достоевского. - М.: Советский писатель, 1994; Бахтин М.М. К переработке книги о Достоевском. Проблемы поэтики Достоевского. //Там же; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (18 – начало 19 века). СПб: Искусство-СПб, 1994; Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. - М.: Книга, 1987; Лотман Ю.М. Пушкин. - М., 1985; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети 18 века. - М.: Наука, 1999; Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. - М.: Медиум, 1996; Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. История и личность. - М.: Прогресс, 1990; Гуль Р. Красные маршалы. - М.: Терра, 1995; Ноймайр А. Диктаторы в зеркале медицины. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1997; Лесны И. О недугах сильных мира сего. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1998; Шкуратов В.А. Историческая психология. - М.: Смысл, 1997; Мазер В. Адольф Гитлер. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1998; Теплов Б.М. Ум полководца. - М.: Педагогика, 1990.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

кались также работы Ч.Ламброзо, М.Нордау, классиков психоаналитической культурологии и «психоистории» З.Фрейда, К.Г.Юнга[108].

Обращаясь к изучению советской военной элиты 20-х годов, я, естественно, не ставил перед собой цель осуществить исчерпывающее исследование данного вопроса. Выше уже неоднократно оговаривалось, что данный объект исследования, представляет в настоящей работе интерес, прежде всего, как социокультурный феномен, ангажируемый политическими процессами. При этом лишь фрагментарно затрагивается аспект, требующий самостоятельного и достаточно большого исследования: «генералы» и «политики». Я рассматриваю этот аспект, скорее, в постановочном порядке, определяя некоторые ориентиры возможных и нужных исследований в этом направлении.

Я не буду слишком пространно останавливаться на характеристике исторических источников, материал которым был привлечен мною для осуществления настоящего исследования. Их перечень прилагается в конце книги. Замечу лишь, что они разнообразны и разнохарактерны.

Все источники можно подразделить на несколько групп. Это ранее не публиковавшиеся архивные документы из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского Государственного военного архива (РГВА), Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Государственного архива Орловской области (ГАОО). Это и архивные документы, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Прежде всего, следует указать на документы из фондов Российского Государственного военного архива (РГВА), в частности из фондов 4, 7, 104 (РВС СССР, Штаба РККА, штаба Западного фронта), 37605, 33987, 33988, значительная часть которых до недавнего времени была закрыта для широкого круга исследователей-историков.

---

[108] Ламброзо Ч. Гениальность и помешательство. - М.: Республика, 1995; Нордау М. Вырождение. Современные французы. - М.: Республика, 1995; Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. - М.: Ренессанс, 1992; Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. - Киев-Москва: Порт-Рояль - Совершенство, 1997; Юнг К. Психологические типы. – СПб: Прогресс-Универс, 1995; Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. - М.: Прогресс-Универс, 1996.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Наибольший интерес из указанных фондов представляют собой алфавитные списки комсостава Западного фронта за 1921-1924 гг. В них дается информация о прохождении службы в войсках Западного фронта командного и политического состава по должностному положению от командира батальона (эскадрона) до командира корпуса включительно, а также комсостава артиллерии, авиации, инженерных частей и пр. в том же должностном диапазоне. Кроме того, это приказы штаба фронта за 1921-1924 гг. Эти документы позволяют проследить перемещения комсостава, включая командующего фронтом (кадровые перестановки, командировки, выезды с инспекционными проверками, полевые выездки, маневры и пр.). Штабные приказы фронта в ряде случаев позволяют уточнить информацию послужных списков, а так же обнаруживают некоторые «нюансы» в прохождении службы теми или иными командирами, которые не нашли, по разным причинам, отражения в послужных списках. Это касается, в частности, случаев криминального или криминально-политического свойства. В составе указанных документов штатные списки должностных лиц командования и штаба Западного фронта.

Ряд документов из указанных выше фондов, представляющих большой интерес и ранее недоступных исследователям, это стенограммы пленумов РВС СССР 20-30-х годов, приказы РВСР и РВССССР, докладные записки М.Тухачевского на имя К.Ворошилова и И.Сталина, касавшиеся проблем модернизации армии, системы и структуры управления войсками.

Это также несколько десятков послужных списков «генералов» 20-х годов. К ним вплотную примыкает сделанный и изданный ограниченным тиражом для внутреннего пользования «Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА (к 1 марта 1923 г.)». В нем, также содержаться послужные списки на более чем 700 военнослужащих Красной Армии указанной категории. Во многих случаях они оказываются более точными, детальными и в целом, информативными, что касается прохождения службы в старой армии и в РККА, чем вышеупомянутые послужные списки из Управления по начальствующему составу, находящиеся в РГВА.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Особого внимания и некоторого комментария заслуживает комплект документов из фондов РГВА «Маршал М.Н.Тухачевский (1893-1937 гг.)» из 19 наименований с июня 1918 по июль 1936 г. Это ксерокопии неопубликованных архивных документов, за единичным исключением, представляющие собой ранее засекреченные и открытые для свободного исследования в 1994 г. Комплект составлен отделом научного использования документов архивного фонда России. К сожалению, составители этого комплекта не обеспечили его научным комментарием и примечаниями, ограничившись лишь краткой вводной биографической заметкой о М.Тухачевском и перечнем ксерокопированных документов. В комплекте отсутствуют указания номера фонда, описи, дела и единая нумерация страниц всего комплекта. Поэтому в дальнейшем при использовании этих документов в тексте диссертации ссылки будут на название архива, название комплекта, а страницы будут указаны в соответствии с названием и номерами страниц каждого из документов, включенных в данный комплект.

Интереснейший материал для исследования проблемы представляет, так называемый, «дневник» генерала А.фон Лампе (ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1). До недавнего времени он также был закрыт для свободного исследования. «Так называемый» он потому, что, наряду с огромным по величине фондом собственно дневниковых записей генерала, которые он вел со времен гражданской войны и до преклонных лет (он умер в 1967 г.), насчитывающих десятки «книг» и десятки тысяч листов, в «дневнике» содержится многочисленные письма, справки, вырезки из газет и пр. документы. Все они представляют собой богатейший материал для исследователя.

К ранее не публиковавшимся и впервые вводимым в научный оборот архивным документам принадлежат многостраничные «списки по старшинству офицеров» л-г. Преображенского, л-г. Семеновского, л-г. Егерского и некоторых других полков императорской гвардии из Российского Государственного военно-исторического архива (РГВИА. Фонды 291, 2576, 2577, 2583, 2584, 2740, 3547).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

К исследованию привлекались, по необходимости, архивные материала Государственного Архива Орловской области (ГАОО).

Многие архивные документы привлекались мною и по уже сделанным их публикациям в различных сборниках документов. В их числе и документы из архивов ФСБ.

Вторую группу источников составляют архивные документы, опубликованные в разного рода сборниках документов. В числе таковых сборников документов следует отметить сборник «Сталинское Политбюро в 30-е годы, а так же 2-томник «Большевистское руководство. Переписка 1912-1927 гг.» и «Советское руководство. Переписка 1928-1941», в котором опубликованы соответствующие документы, до недавнего времени находившиеся в закрытых фондах ГАРФ и РГАСПИ (РЦХИДНИ)[109].

В числе опубликованных документов (232 документа в 1-м томе и 258 во 2-м), особенно во втором сборнике «Советское руководство. Переписка 1928-1941» достаточно много материалов (свыше 60 документов), преимущественно переписки К.Ворошилова, насыщенных информацией, касающейся социокультурных аспектов, военно-политических проблем и личных взаимоотношений представителей советской военной элиты конца 20-начала 30-х годов.

Кроме того, это сборник ранее закрытых для исследования документов, в основном из фондов 33987 и 339888 РГВА, касающихся сотрудничества Красной Армии и Рейхсвера в период с 1922 по 1933 гг. Он был составлен и издан Ю.Л.Дьяковым и Т.С.Бушуевой под названием «Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922-1933. Неизвестные документы»[110]. Всего в сборнике опубликовано 200 документов и фрагментов документов. Архивные материалы, помещенные в этом сборнике весьма информативны, в том числе и в аспекте изучения советской военной элиты 20-начала 30-х годов. Недостатком сборника являются часто «глухие» комментарии, примечания к публикуемым документам, порой содержащие су-

[109] Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. - М.: РОССПЭН, 1996; Советское руководство. Переписка. 1928-1941. - М.: РОССПЭН, 1999.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

щественные неточности. Весьма часто публикуемые документы не имеют названия или название того или иного документа дается фразой из текста. Это снижает уровень научности и академичности в подборе и обработке архивных документов, представленных к публикации. Кроме того, следует иметь в виду, что многие документы этого сборника фрагментарны, при этом фрагменты в ряде случаев выбраны с заметным коньюнктурно-политизированным подходом. Поэтому помещенные в сборнике документы из указанных фондов иногда требуется проверять по оригиналам.

Своеобразным продолжением этого сборника, по тематике, является публикация ряда документов из тех же фондов в Военно-историческом журнале под названием «Немцы вели и будут вести двойную политику...». Рейхсвер глазами командиров Красной Армии. (Документы 20-30-х гг.)[111].

10 документов, посвященные проблеме советско-германского военного сотрудничества в 20-начале 30-х годов, опубликованы в советско-германском издании «Рейхсвер и Красная Армия. Документы из военных архивов Германии и России. 1925-1931»[112]. В этот сборник вошли архивные материалы, которых нет в двух вышеуказанных изданиях. Следует отметить, что документы публикуются на языке оригинала. При этом германские материалы сопровождаются краткими аннотациями на русском языке, а российские – соответственно на немецком. Несмотря на то, что данные документы сопровождаются достаточно пространными комментариями и аннотациями, последние также не лишены недостатков. Это, в основном, некоторые неточности биографического характера в соответствующих справках, касающихся деятелей советско-германского военного сотрудничества.

В этой группе источников находятся и опубликованные в различных периодических изданиях, в основном военных, отдельные архивные документы из РГВА, ГАРФ. Это, в частности, доклад М.Фрунзе на Пленуме РВС СССР в но-

---

[110] Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922-1933. Неизвестные документы. - М.: Советская Россия, 1992.
[111] Военно-исторический журнал. – 1997. - № 2.
[112] Рейхсвер и Красная Армия. Документы из военных архивов Германии и России 1925-1931. - Кобленц - Москва, 1995.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ябре-декабре 1924 г. «Об итогах реорганизации Красной Армии»[113], который является частью стенографического отчета указанного пленума, материалы которого совсем недавно были рассекречены и используются в настоящем исследовании. Это стенограмма заседания РВС СССР с командующими войсками МВО, УВО и БВО и начальниками морских сил Балтийского и Черного морей 8 мая 1928 г.[114] Это Письмо И.Уборевича к Г.Орджоникидзе 18 августа 1936 г.[115] Это и отдельные документы по советско-германскому военному сотрудничеству 20-начала 30-х годов.

В качестве вспомогательного источника привлекаются также документы из фондов РГВА, изданные еще в 1969-1978 гг. в 5 томах «Директивы Главного командования Красной Армии (1918-1920)» и «Директивы командования фронтов Красной Армии (1918-1922)».

Особую группу опубликованных архивных документов представляют материалы из Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ). В первую очередь следует обратить внимание на большое количество документов из архива ФСБ, недавно опубликованных впервые в начальных 2-х книгах перспективного большого издания документов «Русская военная эмиграция 20-х-40-х годов. Документы и материалы». В этих 2-х книгах содержаться 306 документов из архива ФСБ за 1920-1922 гг.[116] Они касаются различных аспектов начальной истории русского военного зарубежья и в разной мере позволяют использовать их при исследовании проблемы советской военной элиты 20-х годов. Прежде всего, речь идет о процессе становления советской военной элиты. Тематически к указанному изданию примыкает подборка из 268 документов (часто фрагментарно), включенных в сборник «Политическая история русской эмиграции 1920-1940 гг. Документы и материалы»[117].

---

[113] Военно-исторический журнал. – 1966. - № 6, 8.
[114] Военно-исторический журнал. – 1993. - № 4;
[115] Письмо 1936. И.П.Уборевич – Г.К.Орджоникидзе. //Факел-90. - М., 1990.
[116] Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. - М.: Гея, 1998. - Т. 1, кн. 1,2.
[117] Политическая история русской эмиграции 1920-1940 гг. Документы и материалы. - М.: Владос, 1999.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Интересные материалы (всего 170 документов) содержатся в сборнике «Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар госбезопасности»[118]. Тематически и по содержанию эти документы весьма разнообразны. Для настоящего исследования наиболее интересными представлялись следственные показания самого Г.Ягоды, его ближайших сотрудников и некоторых советских военачальников, относящиеся к 1935-1937 гг., однако содержащие информацию касающуюся событий 20-начала 30-х годов. Сюда же можно отнести изданный еще в 1938 г. и переизданный в 1997 г. Судебный отчет по «бухаринскому» процессу 1938 г.[119] К этой же группе документов относятся и опубликованные следственные показания маршала М.Тухачевского от 1 июня 1937 г.[120] В них также содержаться сведения, относящиеся к 20-началу 30-х годов. Эти и вышеуказанные документы из сборника «Генрих Ягода...», несомненно, весьма специфичны и требуют очень осторожного отношения с точки зрения достоверности содержащихся в них сведений. Вне всякого сомнения, фразеология и политико-криминальная заостренность квалификации тех или иных поступков лиц, дававших «признательные» показания, событий, в которых они принимали участие, не могут быть приняты в качестве достоверных без строгой объективной и достоверной документальной проверки. Таковой не имеется. Что же касается событий и фактов, сообщаемых в «показаниях» М.Тухачевского, Г.Гая, Г.Ягоды и др., то многие из них вполне проверяемы и представляются достоверными. Поэтому материалы указанных выше «признательных показаний» используются в настоящей работе при условии их проверяемости посредством других, более объективных и, безусловно, достоверных источников, без коньюнктурной, явно подтасованной криминально-юридической квалификации и с учетом высокой степени вероятности того или иного факта, обозначенного в следственных материалах.

---

[118] Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР Генеральный комиссар госбезопасности. Сборник документов. - Казань, 1997.
[119] Судебный отчет Материалы. Военная коллегия Верховного Суда СССР. - М.: Международная семья, 1997.
[120] Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. //Кровавый маршал. Михаил Тухачевский. 1893-1937. – СПб: КОРОНА, 1997; Показания маршала Тухачевского. //Военно-исторический журнал. – 1991. - № 8,9.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Для работы над диссертацией привлекались также партийные и советские документы. В частности, это ранее закрытые документы по внутрипартийной дискуссии 1923-1924 гг., впервые опубликованные в «Известиях ЦК КПСС» в 1990-1991 гг., материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года, опубликованные в журнале «Вопросы истории» и материалы заседаний и постановлений Политбюро ЦК августа-октября 1923 г. в связи с революционными событиями в Германии[121]. Кроме того, это изданные еще в 1924-1925 гг. стенографические отчеты 6 и 7 Всебелорусских Съездов Советов[122].

В особую группу источников представляется целесообразным выделить «Справку о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре», составленную Комиссией Президиума ЦК КПСС под председательством Н.Шверника 26 июня 1964 г.[123] К ней по характеру информации примыкают также ряд справок, касающихся обвинений группы советских военачальников, включая С.Буденного, Г.Кулика, И.Конева и др.[124], которые не подвергались арестам и репрессиям. Вышеуказанная «Справка о проверке обвинений...» на сегодняшний день является основным, если не единственным, официальным источником информации по так называемому «делу Тухачевского» или «делу о военно-фашистском заговоре». Естественно, что материалы «Справки» освещают главным образом период 30-х годов и, прежде всего, обстоятельства репрессий в Красной Армии 1936-1938 гг. Это весьма ценный, достаточно информативный, очень интересный, но, к сожалению, на сегодняшний день явно фрагментарный документ. Его научная ценность ослаблена отсутствием квалифицированных научных комментариев и справочного аппарата. Ни один документ в «Справке» не цитируется полно-

---

[121] Внутрипартийные дискуссии 20-х годов. //Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 5, 6, 7, 10, 12; 1991. - № 3, 4. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б). //Вопросы истории. – 1992. - № 2-12; 1993. - № 2, 5-10; 1994. - № 1, 2, 6, 8, 10, 12; 1995. - № 1-9, 11-12. Источник. – 1995. - № 5.

[122] 6-й Всебелорусский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Стенографический отчет. - Минск, 1924; 7-й Всебелорусский съезд Советов. Май 1925 г. Стенографический отчет. - Минск, 1925.

[123] Военные архивы России. - М., 1993. - Выпуск № 1; Военно-исторический архив. - М., 1997. - Выпуск 1, 2; 1998. - Выпуск 3.

[124] Военно-исторический журнал. – 1992. - № 10-12; 1993. - № 1-3, 5-8, 10-12; 1994. - № 1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

стью, а фрагменты документов даются без соответствующей ссылки на архив или иной первоисточник. Вне всякого сомнения, подборка информационного материала осуществлена была не менее коньюнктурно, чем соответствующие подборки периода репрессий. Тем не менее, и ныне эти материалы весьма полезны для рассмотрения вопроса о политической ангажированности советской военной элиты, в частности и в 20-е годы. К указанным выше документам примыкают по характеру, содержанию и тематике «Дело о так называемой «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии» – сокращенный вариант вышеотмеченной «Справки», опубликованный в «Известиях ЦК КПСС» в 1989 г.[125] Полезным и информативным дополнением к данным материалам служат «Записки военного прокурора» Б.А.Викторова[126].

Самостоятельную группу источников представляют работы советских военных деятелей, главным образом, известных, особенно в 20-30-е годы советских военачальников. Это работы по военно-политическим, оперативно-стратегическим, военно-историческим вопросам, статьи и заметки по текущим проблемам военного строительства, военной политики, военной доктрины, рецензии, дискуссионные материалы М.Тухачевского, М.Фрунзе, Л.Троцкого, Б.Шапошникова, Н.Какурина, В.Триандофиллова, П.Лебедева, И.Уборевича, С.Каменева, А.Свечина, В.Меликова, Н.Варфоломеева и др. Всего около 150 такого рода работ. Эти работы относятся главным образом к 20-м годам и были опубликованы преимущественно в центральных и региональных военных журналах «Военная наука и революция», «Военный вестник», «Революция и война», «Армия и революция», «Революционный фронт», «Красная присяга» и др., а также в газете «Красная Звезда». Некоторые работы советских военачальников в 20-е годы были опубликованы отдельными книгами и брошюрами. Небольшая часть этих работ, в основном, М.Тухачевского, М.Фрунзе, С.Каменева были переизданы (порой фрагментарно) в 60-90-е годы.

Автономную группу источников представляют разнообразные, в том числе опубликованные архивные материалы, публицистика политических и воен-

[125] Известия ЦК КПСС. – 1989. - № 4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ных авторов, представителей культуры из русского зарубежья: А.Деникина, А.фон Лампе, А.Керенского, П.Милюкова, И.Ильина и др., а также некоторые статьи Л.Троцкого в изгнании. Эти работы относятся преимущественно к середине-второй половине 30-х годов. Они интересны не только мнениями, оценками указанных выше и других авторов, которые они давали политическим и военно-политическим процессам в СССР, но и вкрапленными в работы весьма ценными и достаточно информативными фрагментами мемуарного характера, содержательно относящимися к 20-м годам. В числе данных материалов чрезвычайный интерес представляет переписка известного русского философа, идеолога «белого дела» И.А.Ильина и генерала П.Н.Врангеля 1923-1928 гг. из так называемого «Гуверовского архива США». Она была опубликована известным отечественным исследователем белого движения В.Бортневским в одном из сборников «Русское прошлое» в 1996 г.[127] В этой переписке всего 33 письма, с марта 1923 по март 1928 г. Особый интерес в этой переписке представляет своего рода справка, составленная И.Ильиным и представленная через генерала А.фон Лампе П.Врангелю о социально-политической ситуации в Советской России и перспективах ее развития. Она датируется октябрем 1923 г. Подробнее она будет анализироваться в самом тексте данной работы. Это представляется более целесообразным, поэтому я пока ограничусь вышесказанным.

Значительное место и большую роль в исследовании проблемы занимали и играли источники мемуарного характера, в том числе советские, из русского зарубежья и иностранные. Особого внимания заслуживают, в частности, сборники воспоминаний об известных советских военачальниках 20-30-х годов, изданные в 60-80-е годы. Это сборники воспоминаний о М.Тухачевском, И.Якире, И.Уборевиче, М.Фрунзе, С.Буденном, В.Блюхере, Я.Гамарнике, А.Тодорском, О.Городовикове, а также документы и воспоминания об А.Корке[128]. В этих воспоминаниях содержится большой материал мемуарного

---

[126] Викторов Б.А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. - М.: Юридическая литература, 1990.
[127] И.А.Ильин и П.Н.Врангель: 1923 – 1928 гг. Вводная статья, подготовка текста и комментарий В.Г.Бортневского. //Русское прошлое. Историко-документальный альманах. - СПб, 1996. - Книга 6.
[128] Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - М.: Воениздат, 1965; Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. – М.: Воениздат, 1965; Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратни-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

характера, хотя на всех этих сборниках лежит весьма заметный отпечаток некоторой «приглаженности» сведений об объектах воспоминаний. Слишком бросается в глаза выпячивание нарочитой безконфликтности этих личностей. В этих воспоминаниях слишком заметна официозность, «агиографичность» содержания и идеологической установки. В большей или меньше мере то же можно сказать и о «процеженных» через официальную цензуру воспоминаниях А.Брусилова, М.Бонч-Бруевича, А.Верховского, А.Самойло[129].

В качестве мемуарных источников привлекались также воспоминания ряда советских маршалов и генералов С.Буденного, Г.Жукова, А.Василевского, К.Мерецкова, Н.Воронова, Н.Яковлева, Г.Софронова, С.Калинина, А.Черепанова, А.Благодатова, М.Казакова, А.Белякова, С.Красовского, М.Лобанова, А.Хренова, Н.Хлебникова, М.Качелина, И.Дубинского, С.Аралова, И.Спатареля[130].

Самостоятельную группу в составе мемуарных источников, использованных в настоящем исследовании, составляют воспоминания Г.Беседовского, В.Кривицкого, А.Бармина, П.Судоплатова, А.Орлова, Г.Агабекова, Э. Порецки[131].

ков. – М.: Воениздат, 1964; О Михаиле Фрунзе. Воспоминания, очерки, статьи современников. - М.: Политиздат, 1985;Страницы большой жизни. Сборник воспоминаний о Маршале Советского Союза С.М.Буденном. - М.: Воениздат, 1983; Блюхер Г. С Василием Константиновичем Блюхером – шесть лет. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 3, 4, 5; 1990. - № 1; Александр Тодорский. Воспоминания друзей и соратников. - М.: Воениздат, 1986; Ока Городовиков. Воспоминания, исследования, документы. - Элиста, 1974; Август Корк. Документы и материалы. – Таллин: Ээсти раамат, 1981.

[129] Брусилов А.А. Мои воспоминания. - М.: Воениздат, 1962; Брусилов А.А. Мои воспоминания (2-я часть). //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 10, 12; 1990. - № 2; 1991. - № 2; Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. - М.: Воениздат, 1964; Верховский А.И. На трудном перевале. - М.: Воениздат, 1959; Верховский А.И. Россия на Голгофе. (Из походного дневника 1914-1918 гг.). //Военно-исторический журнал. – 1992. - № 10-12; 1993. - № 1, 3, 4, 5, 7, 8, 10; Самойло А.А. Две жизни. - М.: Воениздат, 1965.

[130] Буденный С.М. Пройденный путь. - М.: Воениздат, 1958-1973, в 3-х тт.; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. - М.: Политиздат, 1996; Василевский А.М. Дело всей жизни. Воспоминания. - М.: Политиздат, 1988. - Т. 1-2; Мерецков К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. - М.: Политиздат, 1968; Воронов Н.Н. На службе военной. - М.: Воениздат, 1963; Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. - М.: Воениздат, 1981; Софронов Г.П. Неподвластное времени. - М.: Воениздат, 1976; Калинин С.А. Размышляя о минувшем. - М.: Воениздат, 1963; Черепанов А.И. Поле ратное мое. - М.: Воениздат, 1984; Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925-1927 гг. - М.: Наука, 1975; Казаков М.И. Над картой былых сражений. - М.: Воениздат, 1965; Беляков А.В. В полет сквозь годы. - М.: Воениздат, 1981; Красовский С.А. Жизнь в авиации. - М.: Воениздат, 1968; Лобанов М.М. Мы – военные инженеры. - М.: Воениздат, 1977; Хренов А.Ф. Мосты к победе. - М.: Воениздат, 1982; Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. - М.: Воениздат, 1979; Качелин М.М. Дальний костер. - М.: Воениздат, 1968; Дубинский И. Портреты и силуэты. - М.: Советский писатель, 1987; Аралов С.И. Ленин вел нас к победе. - Политиздат М., 1989; Спатарель И.К. против черного барона. - М.: Воениздат, 1967.

[131] Беседовский Г. На путях к Термидору. - М.: Современник, 1997; Кривицкий В. Я был агентом Сталина. - М.: Современник, 1996; Бармин А. Соколы Троцкого. - М.: Современник, 1997; Судоплатов П. Разведка и Кремль. -

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Весьма своеобразным источником информации является книга Ф.Чуева «Молотов. Полудержавный властелин»[132]. По существу своего содержания она представляет собой воспоминания В.Молотова, изложенные в форме своеобразных интервью и бесед с ним в разные годы писателя Ф.Чуева. Эти мемуарные материалы представляют собой воспоминания В.Молотова о разных политических, военных деятелях, сопровождаемые его рассуждениями, высказыванием мнений, соображений, предположений. Несмотря на свою ярко выраженную тенденциозность, они порой содержат очень интересный материал, хорошо освещающий политическую атмосферу 20-30 гг., «закулисные» настроения и пр.

Привлекались также сведения, содержавшиеся в воспоминаниях А.Деникина, П.Врангеля, Я.Слащова, Б.Энгельгардта, П.Махрова, П.Колтышева, А.Гучкова, М.Гамелена, Ж.Табуи, К.Шпальке и других мемуаристов[133].

Особый интерес представляют некоторые источники мемуарного характера из русского зарубежья, которые нуждаются в более детальном и специальном источниковедческом анализе. Прежде всего, хотел бы обратить внимание на публикацию в газете «Руль» в октябре 1922 г. под заголовком «Главковерх Тухачевский», подписанную псевдонимом «Антар». Публикация состоит в основном из воспоминаний однополчан-семеновцев о подпоручике л-г. Семеновского полка М.Тухачевском, а также небольшой вводной части политически оценочного заключения. Ввиду того, что материалы этой публикации впоследствии неоднократно использовались в книгах и воспоминаниях о М.Тухачевском, имеет смысл обратить на этот исторический источник более

М.: Гея, 1996; Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. - М.: Автор, 1991; Агабеков Г. Секретный террор. - М.: Современник, 1996; Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. - М.: Современник, 1996.

[132] Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999.

[133] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. - М.: Наука, 1991; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. - М.: Наука, 1991; Деникин А.И. Путь русского офицера. - М.: Современник, 1991; Врангель П.Н. Записки. Ч. 1-2. - М.: Голос, 1995; Слащов-Крымский Я.А. Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. - М.: Наука, 1990; Энгельгардт Б.А. Воспоминания камер-пажа. //Военно-исторический журнал. – 1993. - № 12; 1994. - № 1-7, 9; Махров П.С. В штабе генерала Деникина. //Русское прошлое. - СПб, 1992. - № 3; Колтышев П.В. На страже русской чести (Париж, 1940-1941 гг.). //Русское прошлое, СПб. – 1992. - № 3; Александр Иванович Гучков рассказывает.... Беседы А.И.Гучкова с Н.А.Базили. (История стенограмм). //Вопросы истории. – 1991. - № 7-12.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

пристальное внимание, задерживаясь на некоторых существенных для его характеристики деталях. Поскольку фамилии и имена авторов воспоминаний в тексте публикации и в комментариях к ней не указываются, для их идентификации целесообразно начать с анализа текста.

Автор публикации пишет: «от одного из людей, бывшего с Тухачевским в боях с начала войны 1914 года, до того времени, пока Тухачевский попался в плен, удалось получить некоторые сведения о характеристике последнего…»[134]. Следовательно, речь идет о сослуживце М.Тухачевского, тоже офицере л-г. Семеновского полка.

Далее в тексте воспоминаний автор говорит о себе, как «вернувшемся из отставки в полк». Он противопоставляет себя молодым офицерам, с которыми не был знаком. Следовательно, это был человек, старше их по возрасту. Однако совершенно точно идентифицировать личность мемуариста представляется возможным при сопоставлении одного из фрагментов воспоминаний этого офицера, помещенных в публикации «Главковерх Тухачевский», и воспоминаний о М.Тухачевском старшего сослуживца последнего, полковника л-г. Семеновского полка князя Федора Николаевича Касаткина-Ростовского, опубликованных им в 1935 г. в «Семеновском бюллетене», а затем перепечатанных в журнале «Часовой» в феврале 1936 г. Позволю оба фрагмента процитировать полностью для сопоставления и сравнения текстов.

В публикации «Главковерх Тухачевский» автор воспоминаний рассказывает следующий красноречивый эпизод, точно датируемый 10 октября 1914 г., 5 часами вечера. «…Ползите сюда, влево», - услышал я чей-то голос и, обернувшись, увидал Тухачевского. Он лежал, согнувшись, в трех шагах влево от меня, большой воронке от снаряда…. Я подполз к нему и поздоровался. «Надо дождаться темноты», - деловито сказал он…». Далее оба офицера начали разговор, в котором М.Тухачевский поинтересовался, чем вызвано было возвращение его собеседника, человека уже немолодого, из отставки в полк. Когда тот ответил, что главным побудительным мотивом было чувство патриотизма,

[134] ГАРФ. Ф. 5358. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевский начал говорить о своих мотивах участия в войне. «Ах, да поймите меня, - вдруг горячо заговорил он. Нет! Это совсем другое. Я никому неизвестный человек, что у меня впереди? *В лучшем случае через много, много лет служебной лямки пост бригадного генерала!* Кому они нужны, что даст им жизнь впереди? Поэтому между мной и вами на войне большая разница. **Для меня война все!** *Или погибнуть, или отличиться, сделать себе* ***карьеру, достигнуть*** *сразу того, что в мирное время невозможно!* Вы пришли сюда за идею помощи России. Я, чтобы выдвинуться, достичь той цели, которую себе наметил. В войне мое будущее, моя карьера, моя цель жизни! Уже и теперь за эти короткие два месяца, что я в боях, я убедился, что для достижения того, что я хочу, даже не надо много знаний, - главное смелость и вера в себя, а я верю в свою звезду!». Он долго говорил на эту тему, развивая ее и увлекаясь. Глаза его горели и испачканное комьями грязи лицо его было выразительно, напускная обычная холодность исчезла»[135].

В воспоминаниях князя Ф.Касаткина-Ростовского 1935-1936 гг. тоже рассказывается об осени 1914 года, когда случайно в воронке от снаряда подпоручик М.Тухачевский оказался вместе с князем Ф.Касаткиным-Ростовским, капитаном л-г. Семеновского полка, человеком пожилым, вернувшимся в полк из отставки. «Тухачевский спросил, что побудило его, пожилого человека вернуться в полк и отправиться на фронт. Тот ответил, что чувство патриотизма. Касаткин-Ростовский, в свою очередь осведомился у Тухачевского: разве не то же чувство побуждает воевать и его? «Ну, я другое дело, - ответил Тухачевский. – **Для меня война все!** Чем бы я был бы без войны? *В лучшем случае через много лет батальонным командиром* или пошел бы в Генеральный штаб! *А здесь я могу выдвинуться; кто знает, если меня не убьют, чего можно* ***достигнуть*** *на войне! Это – мое призвание!* ***Карьера!*** Помните ландскнехтов? Дрались они где и когда возможно за тех, кто их нанимает, и главное, не для

[135] ГАРФ. Ф. 5853, Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

каких-то высоких идей, которые вами руководят, а для себя, чтобы взять от войны все, что она может дать! Для меня это главное!»[136].

Нет нужды пространно доказывать не только содержательно-смысловое единство обоих фрагментов, но даже текстуальные повторы фраз и частей фраз. Даже сравнения с ландскнехтами в воспоминаниях князя 1935-1936 гг. обнаруживается, правда, в другом месте публикации 1922 г. Там автор публикации пишет, рассуждая о людях, подобных М.Тухачевскому: «они ландскнехты по существу и служат тем, кто им платит»[137].

Мне представляется, что, таким образом, автором большей части воспоминаний о М.Тухачевском за период с августа 1914 по февраль 1915 г., помещенных в публикации 1922 г. «Главковерх Тухачевский», является его сослуживец капитан (позже – полковник) л-г. Семеновского полка князь Ф.Касаткин-Ростовский. Примечательно, что князь Ф.Касаткин-Ростовский оказывался фактически единственным, но неоднократным «свидетелем» поведения М.Тухачевского в полку, и в 1922 г., и в 1935 г. Князь был, пожалуй, самым родовитым из всех офицеров л-г. Семеновского полка в это время. Быть может его внимание и стремление понять поступок М.Тухачевского (переход к большевикам) было обусловлено как раз тем «аристократическим» поведением, которое всячески демонстрировал молодой подпоручик. Впрочем, скорее всего князь Ф.Касаткин-Ростовский передал в своих воспоминаниях не только собственные впечатления о М.Тухачевском. Таковыми, в собственном смысле этого слова, возникли из описанного им эпизода «в воронке». Надо иметь в виду, что князь Ф.Касаткин-Ростовский (1875-1940), выпускник Пажеского корпуса, вернулся в полк из отставки. В августе 1914 г. он, в чине капитана, занимал в полку должность младшего штаб-офицера 4-го батальона. М.Тухачевский же тогда был младшим офицером 7-й роты во 2-м батальоне. Вряд ли первоначально он мог привлекать особое внимание старшего офицера, который был почти на двадцать лет старше его. М.Тухачевский стал известен в полку и в 1-й гвардейской дивизии только после «дела под Кржешувом», где он особенно отличился (см.

[136] Часовой, 1936, № 162, 15 января, с. 12.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

об этом ниже). Скорее всего, князь Ф.Касаткин-Ростовский характеризовал подпоручика М.Тухачевского со слов капитана Ф.Веселаго (1877-1915), непосредственного начальника молодого офицера, командира 6-й роты. В эту роту М.Тухачевский был переведен из 7-й в конце августа 1914 г. Именно человек, непосредственно и постоянно наблюдавший М.Тухачевского, его соратник и боевой товарищ мог дать ему нижеследующую характеристику. «...Не могу сказать, чтобы он пользовался особенной симпатией товарищей. Первый боевой успех, конечно, вскружил ему голову и это не могло не отразиться на его отношениях с другими. Его суждения часто делались слишком авторитетными. Чуждаясь веселья и шуток, он всегда был холоден и слишком серьезен, что совсем не было свойственно его возрасту, часто с апломбом рассуждая о военных операциях и предположениях. С товарищами был вежлив, но сух, и это особенно бросалось в глаза в нашем полку, где все жили одной дружной семьей. Строевой офицер он был хороший...». Конечно, все это весьма похоже на характеристику командира, у которого М.Тухачевский был постоянно на виду. Известно, что капитан Ф.Веселаго, как и князь Ф.Касаткин-Ростовский, окончил Пажеский корпус, только годом позже князя. Однако, старший брат капитана, А.Веселаго, также до 1906 г. офицер л-г. Семеновского полка, был ровесником и сокурсником князя по Пажескому корпусу. «Пажи» всегда весьма чутко проявляли чувства «землячества». Они составляли в полках своего рода микрокорпорацию. Очевидно, таким образом, капитан Ф.Веселаго был дружен с князем и подробно охарактеризовал ему ставшего известным и интересным подпоручика М.Тухачевского.

В публикации «Главковерх Тухачевский» помещены в пересказе воспоминания еще одного офицера-однополчанина М.Тухачевского, который рассказал следующий эпизод. «В 1919 году один из его бывших сослуживцев был вызван неожиданно в Козлов в ставку командующего одной из советских армий, - так излагал событие князь. – Удивленный таким приглашением, г-н Х. принужден был поехать, и там, к удивлению, узнал, что командующий этой армией

---

[137] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

был Тухачевский. Обласкав г-на Х., Тухачевский стал убеждать его поступить на службу к Советам, говорил о возрождении армии, о реформах им вводимых, о возрождении дисциплины и т.д. Видимо, опьяненный своею ролью и осуществлением своей мечты, он восторженно строил планы покорения всего, что противится новому строю, говорил, что это настоящее служение народу. По его словам, надо было, прежде всего, покорить все, что противится армии, возродить ее на старых основаниях, он говорил, что не все ли равно кому служить, веря в непобедимость русского солдата, который, по его мнению, остался тем же, что и раньше, только надо его дисциплинировать....Дав Тухачевскому, предложившему ему в своей армии дивизию, уклончивый ответ и отправившись для устройства своих дел в отпуск, г-н Х., переодевшись кочегаром, бежал в армию генерала Деникина». В публикации не называется фамилия этого офицера. Предположительно, это был капитан Казаков С.М. (1891-1919). Он был, как и М.Тухачевский, выпускником Александровского военного училища. В этом отношении – однокашником «красного Бонапарта». В августе 1914 г. С.Казаков, в чине подпоручика занимал должность начальника обоза 1-го разряда л-г. Семеновского полка. В октябре 1915 г. он был прикомандирован для занятий к Главному штабу. Из всех оставшихся в живых к этому времени офицеров-сослуживцев М.Тухачевского, не оставшихся в Петрограде, в Москве или не перешедших уже к Юденичу или Деникину, и в то же время, по своему происхождению живших сравнительно недалеко от Козлова, С.Казаков наиболее подходящая фигура. Он принадлежал к дворянам Тульской губернии и, следовательно, жил где-то в ее пределах. К тому же он являлся однокашником М.Тухачевского по военному училищу и его ровесником, тоже младшим офицером. В то же время, С.Казаков был кадровым офицером и получившим определенное академическое образование. М.Тухачевский мог рассчитывать на его честолюбие. Примечательно, что в последующие годы, лишь князь Ф.Касаткин-Ростовский выступал в печати с воспоминаниями о М.Тухачевском. Более – никто из однополчан «красного маршала». Вряд ли С.Казаков, будь он жив, удержался бы от самостоятельного свидетельствования. Он умер от тифа, буду-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

чи офицером штаба генерала П.Врангеля, где собралась целая группа семеновцев-генштабистов. Князь Ф.Касаткин-Ростовский мог с ним общаться уже с февраля 1919 г., когда он оказался при штабе ВСЮР, бежав из Киева. М.Тухачевский в описываемое время был сначала помощником командующего Южным фронтом, штаб которого располагался в Козлове, а затем – командующим 8-й армией. В этом качестве он оставался до марта 1919 г. До указанного времени и должна была произойти эта встреча. Впрочем, С.Казакова хорошо знал полковник А.фон Лампе. В это время они как раз вместе служили в штабе генерала П.Врангеля. Не исключено, что данную информацию мог передать князю Ф.Касаткину-Ростовскому, проживавшему в 1922 г. в Берлине, А.фон Лампе, находившийся там же в качестве резидента генерала П.Врангеля. Это могло быть так и потому, что в своих воспоминаниях о М.Тухачевском 1935 г. князь ее не повторяет. Иными словами, он как бы не считает ее собственными воспоминаниями. Вообще говоря, отсутствие свидетельств о М.Тухачевском со стороны других однополчан 1914-начала 1915 гг., вероятно, отчасти объясняется тем, что многие из них погибли в боях 1-й мировой войны. В частности, из офицеров 6-й роты, с которыми М.Тухачевский тогда постоянно общался, в живых остались лишь он сам и А.Типольт, оставшийся в Советской России. Капитан Ф.Веселаго погиб в бою под Ломжей 19 февраля 1915 г., когда сам М.Тухачевский и попал в плен. Подпоручик Г.Эссен был убит 27 июля 1915 г. Из офицеров 7-й роты, в составе которой М.Тухачевский начал свою службу, ее командир, капитан П.Брок остался в СССР и был арестован, осужден и расстрелян в апреле 1931 г. по, так называемому, «семеновскому делу». Такой же была судьба и младшего офицера этой роты, подпоручика (в 1917-м – капитана) Д.Комарова. Естественно, что никаких письменных воспоминаний они просто не могли и не успели оставить. За границей, в эмиграции оказался лишь один из офицеров этой роты – поручик (капитан) А.Иванов-Дивов 2-й. С офицерами других рот 2-го батальона М.Тухачевский, в силу и своего характера, и по служебным обстоятельствам, вряд ли был столь тесно связан как со своими ротными сослуживцами. Правда, он был дружен с подпоручиком (полковником)

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Б.Энгельгардтом из 5-й роты. Однако этот офицер публичных воспоминаний о М.Тухачевском не оставил. Другой офицер 5-й роты, прапорщик А.Чистяков погиб в 1916 г. Командир 8-й роты, капитан В.Мельницкий 1-й оказался в Добровольческой армии и умер в 1920 г. Кстати говоря, он был близким приятелем и сослуживцем А.фон Лампе по врангелевскому штабу. Младший офицер этой роты подпоручик А.Пенхержевский 2-й погиб в 1914 г. Другой младший офицер роты прапорщик Н.фон Фольборт 2-й остался в СССР, арестовывался по «семеновскому делу» в 1930-1931 гг. и был репрессирован в 1938 г. Понятно, что и он не имел благоприятных возможностей и не успел «поделиться» своими воспоминаниями о М.Тухачевском в СССР. Из ротных командиров и младших офицеров 2-го батальона неизвестна лишь судьба командира 5-й роты штабс-капитана (полковника) Н.Тавилдарова и младшего офицера 8-й роты прапорщика А.Штильберга. Что касается батальонного командования в лице командира, полковника М.Вешнякова, младшего штаб-офицера А.Свечникова, то сомнительно, чтобы они могли сколько-нибудь часто общаться с подпоручиком М.Тухачевским, чтобы иметь о нем какие-либо особые впечатления. Тем более что оба, еще осенью 1914 г. были переведены на новые должности и выбыли из полка. Батальонный адъютант И.Толстой 2-й остался в СССР и судьба его неизвестна. По тем же причинам, что и вышеупомянутые офицеры-семеновцы П.Брок, Д.Комаров и др., он воспоминаний о М.Тухачевском не оставил.

Таким образом, большая часть текста публикации «Главковерх Тухачевский» представляет собой воспоминания офицеров-сослуживцев подпоручика М.Тухачевского периода 1914-начала 1915 гг. Главным образом, полковника князя Ф.Касаткина-Ростовского, капитана С.Казакова и капитана Ф.Веселаго. Однако представляется, что и автором всего текста публикации являлся князь Ф.Касаткин-Ростовский. Косвенными признаками тому можно считать, во-первых, стилистику текста, единую и для фрагментов воспоминаний, и для комментариев к ним. Во-вторых, на это указывает, также косвенно, псевдоним «Антар», которым подписана публикация. «Антар» – это имя легендарного и

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

популярного средневекового арабского воина-поэта. Псевдоним с таким смыслом наиболее подходил именно князю Ф.Касаткину-Ростовскому, который еще в Пажеском корпусе считался «корпусным поэтом». Позже он продолжал писать стихи, печатался. Для его поэтической стилистики свойственно было избрать для прикрытия несколько вычурный, но достаточно прозрачный для угадывания псевдоним. Для «семеновской семьи» должно было быть понятным, что у них поэтом и воином одновременно являлся лишь он, князь ф.Касаткин-Ростовский. В-третьих, в Берлине, где в 1922 г. появилась данная публикация в газете «Руль», из бывших офицеров-семеновцев, имевших уже профессиональные навыки в литературной деятельности, проживал только он один.

Другой мемуарный источник, требующий специального комментария, это книга П.Фервака «Михаил Тухачевский – вождь Красной Армии», изданная на французском языке в Париже в начале 1928 г. Появление этой книги в Париже в указанном году представляется ответом на социально-политический заказ в тогдашней внешнеполитической коньюнктуре. Однако, по своему содержанию, данная книга представляет собой воспоминания указанного выше ее автора о М.Тухачевском, с которым автору, тоже офицеру, но французской армии, довелось быть в германском плену вместе с русским гвардейским подпоручиком. Как известно, Пьер Фервак – это псевдоним журналиста, бывшего саперного лейтенанта французской армии Реми Рура. Особенностью данного источника является то, что он, при всей своей информационной насыщенности и соответствии традициям мемуарных документов, несет на себе отчетливый отпечаток «политического заказа». Прежде всего, это особая политическая коньюнктура времени появления книги – январь 1928 г. Об этом подробнее будет сказано в соответствующем разделе основного текста. В связи с этим, автор, подобно «Антару», в дополнение к своим воспоминаниям, относящимся к 1916-1917 гг., привлекает фрагменты воспоминаний других лиц, относящихся к 1919-1921 гг. Соединяя весь информационный фонд, П.Фервак делает достаточно четкие выводы, которые заметно выводят его собственные воспоминания, как и саму книгу, за пределы мемуаров, придавая ей отчетливый политический смысл. По-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

этому, рассматривая эту книгу в качестве мемуарного источника по преимуществу, приходится иметь в виду ее «двойное назначение» – и как документ политико-публицистический.

Заслуживает более пространного комментария и анализа еще один интересный, интригующий, но вызывающий сомнения на предмет достоверности, мемуарный источник. Это воспоминания некой Лидии Норд (Загорской). Они были опубликованы в нескольких номерах журнала «Возрождение» в Париже в 1957 г. Автор воспоминаний о маршале М.Тухачевском, находясь в эмиграции в Париже, куда она попала, судя по контексту мемуаров, уже после второй мировой войны, утверждает, что она является свояченицей М.Тухачевского и весьма близким к нему человеком и его конфидентом. Она представляется как жена друга и сослуживца М.Тухачевского и сообщает, что начало ее знакомства с будущим маршалом относится к 1922 г.

Последняя попытка идентифицировать автора мемуаров относится к 1999 г. Эту попытку предпринял Б.Соколов, автор книги «Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть маршала». Б.Соколов считает, что Л.Норд является вдовой судимого и расстрелянного вместе с М.Тухачевским его близкого друга комкора Б.Фельдмана. Таковая идентификация личности мемуаристки, оказывается в значительной мере отправной точкой для «ориентирования» в информации и сведениях, сообщаемых в данных воспоминаниях. Однако мне представляется, что эта идентификация ошибочна и не имеет под собой необходимых оснований.

Действительно, Л.Норд ни разу не упоминает Б.Фельдмана, который, как известно, был достаточно близок к М.Тухачевскому. Однако близкие приятельские, даже дружеские отношения между ними, видимо, установились только с 1928 г., когда М.Тухачевский был перемещен в мае указанного года в Ленинград командующим округом. Начальником штаба Ленинградского военного округа с 1927 г. уже был Б.Фельдман. Кроме того, Л.Норд сама называет своего

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мужа Николаем[138]. Это обстоятельство уже никак не позволяет идентифицировать его как Бориса Мироновича Фельдмана.

Упоминая военачальников и офицеров, окружавших М.Тухачевского, наряду с фамилиями известными (М.Фрунзе, А.Егоров, Н.Петин, С.Меженинов, Я.Фабрициус, И.Федько и др.), Л.Норд называет людей, о которых информацию можно встретить либо в архивных документах, либо, в лучшем случае, в литературе по специальным военно-историческим вопросам. При этом, все это фамилии офицеров-артиллеристов. Кроме того, в тексте воспоминаний относительно подробно для женщины, не являвшейся военнослужащей, рассказывается об эпизодах, имевших место в лагерях для артиллерийских стрельб. Иными словами, из контекста воспоминаний представляется относительно более близкое отношение мемуаристки именно к военнослужащим-артиллеристам. В частности, Л.Норд часто упоминает, как близкого сослуживца М.Тухачевского по Западному фронту, инспектора артиллерии фронта В.Садлуцкого. Кстати замечу, более нигде в мемуарной литературе не встречается не только сведений о служебной близости М.Тухачевского и В.Садлуцкого, но и вряд ли в каком-либо энциклопедическом словаре можно найти биографическую справку об этом человеке. В то же время Л.Норд ни словом не обмолвилась о самых ближайших сотрудниках М.Тухачевского. К примеру, о А.Виноградове. Она упоминает несколько раз о С.Меженинове, но ни разу не отметила, что он являлся начальником штаба Западного фронта. В то же время она точно знает, что В.Садлуцкий занимал по штату должность инспектора артиллерии фронта. Практически все эпизоды внеслужебной жизни М.Тухачевского, описанные в мемуарах, происходили в присутствие сопровождавшего его В.Садлуцкого. Л.Норд упоминает также Н.Роговского. Он действительно занимал в 1922-1924 гг. на Западном фронте должность помощника начальника артиллерии 5-го стрелкового корпуса. Она упоминает старых артиллерийских офицеров В.Городисского, Л.Андрияшева. Следует иметь в виду, что и неоднократно упоминаемый в воспоминаниях С.Меженинов также был артиллерийским офи-

[138] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. //Возрождение. - Париж, 1957. - Тетрадь № 66. - С. 108-111.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

цером. Л.Норд упоминает даже некого артиллериста Внукова, сопровождавшего М.Фрунзе. Все указанные косвенные признаки позволяют предполагать, что ее муж, скорее всего, тоже был артиллеристом. Среди артиллерийских командиров Западного фронта с 1922 по 1924 гг., которые по своему положению могли быть в дружеских отношениях с М.Тухачевским (в составе начальников корпусной, дивизионной артиллерии, помощников начальников, в управлении инспектора фронтовой артиллерии) встречаются лишь два командира с именем Николай. Один из них Николай Матвеевич Трущенко (1893-19??), начальник отделения складов и мастерских Управления начальника артиллерии Западного фронта с июля 1922 г. Он был из крестьян, окончил школу прапорщиков в Петрограде, был женат. Другой Николай Германович Эссен (1886-19??), русский, из дворян, выпускник Александровского военного училища, подполковник артиллерии, женатый. К началу 1923 г. у него была дочь 1916 г. рождения. Надо думать, что в брак он вступил в 1915 г. Следовательно, его жене в 1923 г. было лет 27. Н.Эссен с июня 1918 г. служил в Красной Армии на Западном фронте. С декабря 1922 г. он занимал должность начальника отдела материальной части артиллерийского управления начальника артиллерии Западного фронта. Иными словами, Н.Эссен был непосредственно подчинен В.Садлуцкому и являлся, таким образом, близким сотрудником и сослуживцем последнего. Весьма вероятно, что В.Садлуцкий и Н.Эссен были связаны приятельскими отношениями еще с Александровского военного училища, которое также оканчивал начальник артиллерии фронта в 1905 г. Но ведь выпускником этого же училища был и М.Тухачевский. Все они были «александронами». Это сближало. Подробности, касающиеся определенных случаев, в которые оказывались вовлечены М.Тухачевский и сопровождавший его В.Садлуцкий, могли быть изложены либо очевидцем, либо получены от самого М.Тухачевского или В.Садлуцкого. Учитывая, что Л.Норд называет своего мужа другом М.Тухачевского, можно полагать, что всех троих офицеров должна было сближать принадлежность к одному военному училищу и совместная ратная деятельность на Западном фронте. Мне представляется, что мужем Л.Норд мог быть, скорее всего, именно

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Н.Эссен. То, что в лесничество М.Тухачевский приехал с В.Садлуцким, можно объяснить и стремлением последнего познакомить М.Тухачевского с молодыми особами в лесничестве. Привезти или пригласить их мог Н.Эссен, женатый на одной из «племянниц» лесничего. Косвенным образом на то, что мужем Л.Норд был Н.Эссен указывает и осуждение его по «делу о РОВС» в Красной Армии. Об этом следует сказать особо.

Действительно, М.Тухачевского и И.Уборевича обвиняли в связях с РОВС, однако эти обвинения появились лишь в 1938 году, как говорится, «пост фактум». Само «дело РОВС» начали «раскручивать только с июля 1937 г., а суды и расстрелы по этому «делу» датируются январем-маем 1938 г. Возможно, оно было связано с «показаниями» генерала Е.Миллера, похищенного в конце сентября 1937 г. Таким образом, не следует понимать буквально свидетельства Л.Норд о том, что ее муж был репрессирован вместе с М.Тухачевским. Вместе, т.е. «заодно» с маршалом, как и многие другие офицеры Красной Армии. Вряд ли комкор Б.Фельдман мог быть включен в РОВС. Туда включались, как правило, бывшие офицеры. В частности, кроме М.Тухачевского и И.Уборевича, также генерал А.Свечин, комкор (подполковник) М.Василенко и др. Бывший подполковник, дворянин из известной фамилии, беспартийный Н.Эссен вполне вписывался в эту «компанию».

Воспоминания Л.Норд крайне сбивчивы и путаны в той части, которая касается служебных дел М.Тухачевского. Это естественно для жены офицера, до которой через мужа и женские сплетни доходит обрывочная и расплывчатая информация о тех или иных офицерах и, конечно же, о самом командующем М.Тухачевском.

В воспоминаниях Л.Норд можно лишь «пунктирно» проследить место службы ее мужа. Неоднократное упоминание И.Федько к началу 30-х годов, который никогда не числился среди близких друзей М.Тухачевского, свидетельствует о том, что в 1928 – 1930 гг. муж Л.Норд служил в артиллерии Ленинградского военного округа. В то время командующим Ленинградским военным округом был М.Тухачевский, помощником командующего – И.Федько.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Поэтому и М.Тухачевский, и И.Федько, и Л.Норд с мужем, другом маршала, могли оказаться в одном застолье.

Л.Норд подробно излагает в мемуарах слухи о якобы подстроенной смерти Я.Фабрициуса в авиакатастрофе в 1929 г., упоминая в связи с этим вновь И.Федько. Возможно, что об этом она тоже узнала от мужа во время его службы в Северо-Кавказском военном округе в 1931-1932 гг. Этим округом в то время командовал И.Федько. Я.Фабрициус же, как известно погиб на побережье моря в Гаграх, т.е. на территории СКВО.

Б.Соколов предполагает, что женитьба М.Тухачевского на «Лике» относится к 1921 г. в период его начальствования над Военной академией РККА. Такая датировка проистекает из ложного предположения, что мужем Л.Норд был Б.Фельдман, в то время обучавшийся в Военной академии. Однако Б.Фельдман к 13 октября 1921 г. уже окончил академию и отправился в Тамбовскую губернию. М.Тухачевский же 5 августа только получил новое назначение начальником Военной Академии. Кроме того, сама Л.Норд говорит о Смоленске и Западном фронте, на территории которого и располагалось лесничество, где жила «Лика». В поездках М.Тухачевского в лесничество его сопровождал В.Садлуцкий, уже находившийся на должности инспектора артиллерии Западного фронта. Известно, что он занял эту должность в апреле 1921 г. Однако, в мае 1921 г. М.Тухачевский получил назначение в Тамбовскую губернию. Вряд ли у него была возможность вместе с В.Садлуцким часто ездить в лесничество под Смоленском на свидания с «Ликой». Кроме того, в воспоминаниях говорится, что их венчание в церкви происходило зимой. В зиму с 1921 на 1922 г. М.Тухачевского не могло быть в Смоленске. С мая 1921 г. и до июля М.Тухачевский находился в Тамбовской губернии, а 5 августа, как выше отмечалось, получил назначение в Москву. Вернулся же он в Смоленск только в начале февраля 1922 г. Л.Норд сообщает, что после полученного согласия родных невесты выдать ее замуж за М.Тухачевского до венчания их в церкви прошел месяц. Согласие родных и невесты было получено зимой, и венчание в церкви тоже было зимой, через месяц. До этого были поездки в лесничество, что не

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

могло происходить ежедневно. Новое назначение было вызвано «военной тревогой». Вряд ли в первые недели после назначения у командующего фронтом было много времени, чтобы ездить на свидания в лесничество. Ожидались военные действия. «Отбой военной тревоги» наступил только к осени 1922 г. Поэтому, скорее всего, встреча и знакомство М.Тухачевского с «Ликой» в лесничестве могли иметь место в ноябре-декабре 1922 г. Упоминание же в качестве «свидетеля» М.Тухачевского «комкора Уборевича» явная ошибка в памяти мемуаристки. И.Уборевич на Западном фронте, командующим войсками Минского района пробыл с июля до августа 1921 г. Как раз тогда, когда М.Тухачевского там не было. Зимой 1921-1922 г. или зимой 1922-1923 г. И.Уборевич находился очень далеко от Смоленска, на Дальнем Востоке. Он вернулся туда только летом 1931 г.

Таким образом, вышесказанного, мне представляется, вполне достаточно для того, чтобы с большой долей вероятности считать автором воспоминаний жену (вдову) одного из близких к М.Тухачевскому в 1922-1924 гг. его сослуживцев, артиллерийского офицера, подполковника Н.Эссена. Воспоминания Л.Норд по своему содержанию представляются вполне типичными и характерными по спонтанности набора информации, хронологической сбивчивости впечатлениям человека, непосредственно не связанного с военной службой. Она вспоминала обрывки домашних разговоров, случайных встреч, преимущественно внеслужебного характера. Ее воспоминания ценны общим информационным фоном, впечатлениями от встреч с М.Тухачевским и другими военачальниками, если угодно, слухами и сплетнями тех лет, но вряд ли могут служить надежным источником для освещения каких-либо конкретных фактов и «большой» или «малой» истории Красной Армии и ее комсостава. Во всяком случае, для этого необходимо привлекать для их проверки материалы других источников.

Этой весьма пространной, но крайне необходимой характеристикой вышерассмотренного, весьма своеобразного мемуарного источника, я ограничусь,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

не анализируя подобным же образом другие воспоминания. Они не представляют аналогичных сложностей при определении степени их достоверности.

Отдельную группу источников составили материалы советской военной периодики 20-х годов. В частности, это журналы «Военная наука и революция», «Военный вестник», «Революция и война», «Армия и революция», «Революционный фронт» и др. К ним можно присовокупить и журнал русского военного зарубежья, орган РОВС «Часовой» за 1929-1938 гг., а также отдельные номера «Семеновского бюллетеня». В эту же группу источников входит советская военная периодика, главным образом, газета «Красная звезда» за 1924-1927 гг. Сюда же включены газеты русского зарубежья «Возрождение», «Последние новости», «Новая Россия» за 1935-1938 гг. В них содержатся некоторые материалы, касающиеся отдельных событий и представителей военной элиты 20-х годов.

Приведенный перечень и краткая характеристика охватывает, разумеется, не весь массив привлекавшихся к исследованию источников. Я остановил внимание на основных, часто анализируемых и используемых. Впрочем, далее по тексту исследования мне придется порой более детально останавливаться на анализе тех или иных источников, в том числе и не упомянутых в обзоре, на сообщаемых ими сведениях, сравнении и сопоставлении информации из различных источников, поэтому все недостатки в приведенной выше краткой характеристике источников будут по необходимости восполнены. В равной мере это замечание применимо и к беглому историографическому очерку. Полностью весь перечень источников приводится в библиографии, прилагаемой к настоящей диссертации.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ.

Советская военная элита начала формироваться в экстраординарной социально-политической и социокультурной обстановке, в которой оказалась Россия в 1917-1921 гг. В разоренной, опустошенной и голодной стране, недавно именовавшейся «Российской Империей», тотально-«спасающую» функцию обрела «надежда и вера». Многообразие этно-культурных групп и исповеданий, культурно-бытовых привычек, «книжная культура», пропущенная сквозь призму этно-социальных архаических традиций, и ранее существовавших в тесном переплетении, иррационально перемешавшихся в хаосе и смуте революции, обнажали, порой до примитивной, упрощенной первобытности «архетипическое» восприятие настоящего и схему грядущего. В слоях общества, мало-мальски способных осмыслить происходившее, доминирующую конструктивную роль играл архетип «Великой Французской Революции» со всеми ее часто для многих «непонятными» понятиями и «словечками»: Революция, комиссары, маршалы, трибуналы, комиссии, термидор, брюмер и пр. Со всеми ее знаковыми именами-мифологемами: Робеспьер, Дантон, Карно, Марат, Бонапарт, Мюрат, Фуше и др. «Псевдонимность» вождей русской революции рождала псевдонимность революционной фразеологии и революционных институтов, находя отражение в своеобразном «революционном карнавале», «политическом театре русской революции», оказавшемся прирожденном ее свойством, как, впрочем, свойством любой другой революции. На подмостках этого театра, на трибунах и площадях русской революции В.Ленин оказывался Робеспьером, а Л.Троцкий - то Карно, то Дантоном. К.Радек как бы играл роль Марата, а Ф.Дзержинский – то ли Великого инквизитора, то ли Фуше. В Красной Армии «личина» М.Тухачевского скрывала Бонапарта, а Мюрат рядился в С.Буденного, или наоборот.

На полях сражений гражданской войны в России с 1917 по 1922 гг., на волнах революции стремительно поднимались на гребень славы и столь же стремительно в бездну позора и бесславия устремлялись многие «герои».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

А.Муравьев, И.Сорокин, П.Дыбенко, Автономов, Ю.Саблин, Е.Ковтюх, Б.Думенко, Ф.Миронов, П.Славен, И.Вацетис, В.Блюхер, братья И.и Н.Каширины, С.Буденный, М.Тухачевский, И.Уборевич, Г.Эйхе, А.Павлов, В.Путна, В.Примаков, Г.Гай, В.Шорин и другие. Это – «красные». Л.Корнилов, А.Колчак, А.Деникин, С.Марков, М.Дроздовский, Н.Тимановский, Н.Скоблин, А.Туркул, В.Манштейн, В.Каппель, А.Пепеляев, Я.Слащов, А.Шкуро, В.Покровский и др. Это – «белые». А между ними – Н.Махно, В.Антонов, «зеленые»: «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных, пока не побелеют!». И лишь, сравнительно немногие, остались в числе «триумфаторов» 1920-1922 гг., твердо и надолго занявшие свои места в перечне «вождей» Красной Армии. Впрочем, в подавляющем своем большинстве погибли и они, неправедно обесславленные в 1937-1938 гг. Они были уже не нужны «революции», как не нужна была, в сущности, и сама «революция». Революция исчезала, «пожирая собственных детей».

В разоренной и не совсем успокоившейся России, чья еще не растраченная революционная энергия, продолжала фокусироваться в «мировой революции», важно было не только то, что думают о «революционных военных вождях» внутри ее. Не менее важно было и то, как их воспринимают и «ранжируют» за пределами России и Красной Армии, в «русском зарубежье». Участь страны в ее «советском, большевистском обличии» в это время зависела от решения одного главного вопроса: будет или не будет новая война. Большевистское руководство, осознававшее экономическую немощь России, узость социальной базы большевизма и крайне неустойчивое положение «социалистической власти», отсутствие армии, способной выдержать натиск интервенции или вторжения белых войск, боялось войны. На Балканах и в Польше еще неразоруженными и в боевых порядках находились части Белой армии. Так или иначе, но формирование и структурирование советской военной элиты в эти годы в значительной мере зависели и от «общественного мнения» за рубежом. Важно было восприятие Красной Армии и оценка ее генералов на Западе, среди ло-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

яльных или нелояльных к Советской России кругов, будь то западные политики, коммунисты и социалисты, или белая эмиграция.

«...Россия – это ледяная пустыня, по которой бродит лихой человек», - как-то мрачно заметил К.Победоносцев. В начале 20-х по разоренной и разрушенной, опустошенной стране, совсем недавно называвшейся «Российской Империей» бродил ее «хозяин» и он же ее «жертва» – «человек с ружьем». В распавшемся некогда мощном государственном организме, оплоте великодержавного могущества и «спасительной» надежды на всесильную царскую милость и защиту «Помазаника Божия», ныне уповали на силу и почти первобытную решимость «человека с ружьем», верили в «виртуальное» могущество «полевого командира», в его «харизму». Он был «и бог, и царь, и воинский начальник».

1.1. Советская военная элита в общественном мнении и официальной пропаганде в РСФСР-СССР.

Философ И.Ильин, высланный из Советской России и оказавшийся в Берлине в октябре 1922 г. сообщал о настроениях в Красной Армии, обстановке в РСФСР и в Москве относящихся к сентябрю 1922 г.[1] Оценивая политическую ситуацию в СССР, И.Ильин был убежден в скорой «бонапартизации» советской власти. Рассуждая о грядущем «русском Бонапарте», он писал, называя лидеров Красной Армии, обозначившихся в общественном мнении Советской России: «Такая фигура может попытаться «вынырнуть» из революции, поставив ее силу к своим услугам и не напрягая ее против себя. На этом покоятся, конечно, расчеты Брусилова, Зайончковского, Слащева, может быть, Троцкого (вряд ли), полковника Каменева и Буденного. Брусилова и Зайончковского я знаю: оба старчески хитры и трусливо-расчетливы. Поэтому сами ничего не сделают, ес-

[1] С 1918 по 1922 гг. И.Ильин шесть раз подвергался арестам и дважды прошел через суд по обвинению в «антисоветской и контрреволюционной деятельности». Он не скрывал своих монархических взглядов. Он считал себя и считался идеологом «белого дела». Последний раз в РСФСР он подвергся аресту 6 сентября 1922 г. и прямо из заключения 22 сентября 1922 г. был выслан за границу. Таким образом, познакомиться с М.Тухачевским он мог только до начала сентября 1922 г., однако вряд ли раньше июля.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ли их не сделают события. Слащева - не знаю… Полковник Каменев - просто штабной спец из радикалов. Буденный будет еще служить царю. Троцкий – умен, выдержан, прекрасный актер, глубоко беспринципен, тактически большой ловкач; думаю, что он – давнишний сотрудник немцев»[2].

Наибольший интерес представляет следующее замечание И.Ильина: «Тухачевский – очень честолюбив, фаталистичен, молчалив; кажется, не умен[3]; может стать центром заговора; вряд ли справится»[4].

Отношение к А.Брусилову в общественном мнении и военно-политических кругах в сущности было выражено самим философом: «старчески-хитер и трусливо-расчетлив». Считали, что А.Брусилов «слишком состарился и не представляет ничего интересного»[5]. Аналогичное мнение сложилось и о генерале А.Зайончковском. Тем не менее в официальных высших военно-политических кругах СССР принимали «во внимание значение имени Брусилова для работающих у нас старых военных специалистов»[6].

Дополняя информацию, переданную И.Ильиным, бывший полковник белой армии, оказавшийся с 1921 г. сотрудником Штаба РККА П.Дилакторский в марте 1923 г. сообщал: «Троцкий величина большая, но его популярность не верна…»[7].

Комментируя сказанное, полковник отмечал, что «при Троцком большую роль играет Павел Сытин, которого я знаю давно, человек умный, но крайне нечистоплотный и особенно в денежном отношении…[8].
Он считал также, что при Председателе РВСР «Балтийский в силе…»[9].

Полковник П.Дилакторский оказался в марте 1923 г. в Берлине, как он сам объяснял, «в качестве начальника отдела Генерального штаба при Тухачевском, который ведет здесь какие-то переговоры с немцами». И хотя «Тухачевского он расценивает низко», - записал в своем дневнике генерал А.фон Лампе,

---

[2] Ильин И.А. Записка о политическом положении…. //Русское прошлое. - СПб, 1996. - № 6. - С. 220.
[3] Оценка И.Ильина созвучна с мнением полковника Делакторского.
[4] Ильин И.А. Записка о политическом положении…. - С.220.
[5] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 88.
[6] Там же, с. 375.
[7] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4133.
[8] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

- однако «считает его...модным» и влиятельным, поскольку «при нем старается сделать карьеру»[10].

Определяя и характеризуя персональный состав лиц, фактически осуществлявших к октябрю 1923 гг. высшее руководство Красной Армией, Политбюро ЦК считало, что «...основная работа в Реввоенсовете находится в руках тов. Склянского и группы беспартийных спецов, состоящих из Главкома Каменева, Шапошникова и Лебедева. Эта группа – очень добросовестные, трудолюбивые и знающие дело работники»[11].

Среди перечисленных выше общепризнанных фактических руководителей Красной Армии в это время, по распространенному среди высшего комсостава мнению, генерал-майор Павел Павлович Лебедев (1872-1933) играл ведущую роль.

«Это человек, - вспоминал о нем генерал А.Брусилов, - который действительно работал много, будучи несколько лет начальником штаба Красной Армии, и, в сущности, создал все дело и поставил на рельсы весь механизм ее. Это чрезвычайно умный человек, и, собственно говоря, работал он, а главнокомандующий Каменев, как очень недалекий человек, был пешкой в его руках...»[12]. Таким образом, по общему мнению, распространеному в военных кругах в РСФСР, именно П.Лебедев, фактически, организовывал всю собственно военную работу в Красной Армии. Однако П.Лебедев, при всем своем профессиональном и должностном авторитете, не воспринимался ни собственным окружением, ни в широких кругах РККА, тем более в стране, как военно-политический лидер.

В войсках, среди высшего комсостава Красной Армии, даже среди генштабистов, близко знавших его, полковник Генштаба Борис Михайлович Шапошников (1882-1945) не пользовался большим авторитетом. За ним закрепи-

---

[9] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4133.
[10] Там же.
[11] Ответ членов Политбюро ЦК РКП (б) на письмо Л.Д.Троцкого от 8 октября 1923 г. 19 октября 1923 г. //Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 7. - С.183.
[12] Брусилов А.А. Мои воспоминания. //Военно-исторический журнал. – 1991. - № 2. - С. 39.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лась несколько ироничная репутация «кабинетного Наполеона»[13], «рутинера»[14], второстепенного военачальника[15]. «Шапошников, еще в довоенное время считался посредственностью, - выразил свое мнение его сослуживец по старой армии, - и он ни в какой мере не выдвинулся и во время войны»[16]. Его, как и С.Каменева, считали «бесцветным и осторожным»[17].

...Генерал А.Брусилов, достаточно хорошо знавший старый русский генералитет, чтобы дать квалифицированную оценку многим генералам, «правой рукой» П.Лебедева, его alter ego, считал Г.Н.Хвощинского[18]. «Должен сказать, - вспоминал А.Брусилов, - что это исключительно энергичный и добрый человек, много помогавший бывшим людям»[19].

Нет необходимости пространно рассуждать о популярности Семена Михайловича Буденного (1883-1973), бывшего драгунского вахмистра, полного георгиевского кавалера из иногородных крестьян Области Войска Донского. Мнение, сложившееся о нем в Советской России было весьма своеобразным. «В оперативном отношении Буденный, кроме Уборевича, - самый способный командарм и самый дисциплинированный, - так характеризовал «красного Мюрата» его непосредственный начальник весной 1920 г. М.Тухачевский. – ...Конечно, простоват как унтер-офицер. Вот мое мнение о Буденном»[20].

---

[13] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. - Париж, «Возрождение», 1957. - Тетрадь № 65. - С. 71.
[14] Расправа. Прокурорские судьбы. - М.: Юридическая литература, 1990. - С. 140.
[15] Письмо И.П.Уборевича – Г.К.Орджоникидзе. 17 августа 1936 г. //«Факел-90». - М., 1990. - С. 237.
[16] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1080. Л. 7, с. 10. См. также: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. – М., 1992. - С. 355.
[17] Пятницкий Н. Эволюция красной военной доктрины (1917-1937). //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - М.: Русский пусть, 1999. - С. 262.
[18] Дворянин, из древнего и весьма разветвленного рода, к которому принадлежало много офицеров и генералов, Георгий Николаевич Хвощинский (1878-1928) был военным человеком «до мозга костей». После окончания кадетского корпуса, он, получив образование в Константиновском военном училище, в 1899 г. начал службу подпоручиком артиллерии. В 1905 г. он окончил Николаевскую Академию Генерального штаба. К 1917 г. Г.Хвощинский был уже генерал-майором Генерального штаба.

Оказавшись в составе Красной Армии с ее возникновения, Г.Хвощинский в апреле 1918 г. стал начальником Тульской стрелковой дивизии, а с мая 1918 г. – был назначен начальником одного из управлений штаба Московского военного округа.

С 25 ноября 1918 и до 16 февраля 1921 г. он являлся 1-м помощником начальника Полевого Штаба РВСР, т.е. П.Лебедева. С П.Лебедевым он был знаком и достаточно близко еще с 1915 г. по штабу Западного фронта. Г.Хвощинский был тогда ближайшим сотрудником и помошником П.Лебедева в управлении генерал-квартирмейстера Западного фронта.

После объединения Полевого Штаба РВСР и Всероглавштаба Г.Хвощинский был переведен «в распоряжение начальника Штаба РККА», т.е. остался по-прежнему ближайшим помощником П.Лебедева, возглавившего единый Штаб Красной Армии.
[19] Брусилов А.А. Мои воспоминания. //Военно-исторический журнал. – 1991. - № 2. – С.39.
[20] РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 128. Л. 65.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Незаурядные способности Буденного я заметил еще под Царицыном, в боях на Южном фронте, - отмечал генерал А.Снесарев. – Воевал он хорошо благодаря врожденному военному таланту»[21].

Политическая репутация С.Буденного вызывала в первой половине (да и позднее) 20-х годов у партийного руководства серьезную озабоченность и опасения. «Буденный… слишком крестьянин, чересчур популярен и весьма хитер, - писал К.Ворошилов в феврале 1923 г. И.Сталину. – В представлении наших врагов, Буденный должен сыграть роль какого-то спасителя (крестьянского вождя), возглавляющего «народное» движение…. Если действительно произошло бы когда-нибудь серьезное столкновение… интересов между пролетариатом и крестьянством, Буденный оказался бы с последним[22]. …Сегодня комиссар 1-й Конной т. Тер сообщил мне случай из жизни эскадрона при штарме 1-й Конной. На вопрос молодому красноармейцу, за что он будет драться, последний ответил: «За Буденного»[23].

Следует отметить также, что Главное командовение Красной Армии в качестве «лучших командармов» выделяло также А.Корка и И.Уборевича[24], хотя они и не были популярны в общественном мнении. В то же время среди общепризнанных «героев гражданской войны» числились командиры более низкого ранга: Г.Котовский, В.Примаков, Г.Гай, Я.Фабрициус, А.Павлов, В.Путна, В.Блюхер, С.Вострецов, И.Федько, В.Чапаев, В.Азин, Е.Ковтюх.

Таким образом, общественное мнение РСФСР к 1923 г. «лидерами» Красной Армии считало: Л.Троцкого, П.Лебедева, С.Каменева, М.Тухачевского, Б.Шапошникова, С.Буденного, А.Брусилова, А.Зайончковского, Я.Слащова, Г.Хвощинского, П.Сытина, А.Балтийского. Однако только о М.Тухачевском сложилось мнение, что он «может стать центром заговора», только его считали «модным и влиятельным», только он, таким образом, обретал репутацию возможного военно-политического «вождя».

---

[21] Снесарева Е.А. Наш сосед. //Страницы большой жизни. Страницы воспоминаний о Маршале Советского Союза С.М.Буденном. - М.: Воениздат, 1983. - С. 55.
[22] Письмо К.Ворошилова – И.Сталину от 1 февраля 1923 г. //Военные архивы России. – Выпуск № 1. – С.408-410.
[23] Там же, с. 408.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Уже летом 1920 г. Председатель Совнаркома считал необходимым в принятии важных кадровых решений по военным вопросам советоваться не только с официальным Главным командованием Красной Армии (Главкомом С.Каменевым), но и с М.Тухачевским. «За замену Гиттиса товарищем Фрунзе (смотри мнение Главкома и Тухачевского)», - направляет свою записку В.Ленин 20 августа 1920 года[25].

Для И.Сталина уже в феврале 1920 г. М.Тухачевский являлся «демоном гражданской войны..., победителем Колчака и завоевателем Сибири»[26].

Для Л.Троцкого к лету 1921 года - «тов.Тухачевский – один из даровитейших наших молодых военных работников»[27].

«Тухачевский, – рекламировал в Исполкоме Петросовета в марте 1921 г. Г.Зиновьев, - один из самых лучших командующих Республики, который победоносно воевал в Сибири и на целом ряде других фронтов...»[28].

Авторитет М.Тухачевского к весне 1921 г. был настолько высок, что высшее партийно-политическое руководство сочло необходимым именно М.Тухачевскому поручить взятие крепости Кронштадт и подавление восстания матросов. Именно в это время он, по сути дела, «диктует» свои условия лояльности и поддержки большевикам. Он отвергает идею расформирования регулярной Красной Армии и превращения ее в милиционную структуру (всеобщее вооружение народа»), выдвинутую и проводимую в жизнь Л.Троцким. Он требует и доказывает необходимость сохранения регулярной армии. Эти мысли он изложил в отдельной брошюре, в специальном письме, направленном в адрес В.Ленина, и получил возможность (само по себе знаменательно) изложить на страницах газеты «Правда» [29]. В этом же смысле – высокого авторитета

---

[24] Август Корк. Документы и материалы. - Таллин, 1981. - С. 43.
[25] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. - Т. 54. - С. 430.
[26] Никулин Л. Тухачевский. - М.: Воениздат, 1964. - С. 92; Попов А.С. Труд, талант, доблесть. - М.: Политиздат, 1972. – С. 52.
[27] Троцкий Л.Д. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. //Военная наука и революция, 1921. - № 2. - С. 222.
[28] Из стенографического отчета о заседании Исполнительного комитета Петроградского губернского Совета – информация Г.Е.Зиновьева о кронштадтских событиях событиях и положении в Петрограде. 1921 г. 8 марта. //Кронштадтская трагедия 1921 г. Документы. - М., 1999. - Т. 1. - С. 291.
[29] Тухачевский М.Н. Война и милиционная армия. //Правда. – 1921. - 26 февраля; его же: О социалистической армии. //Правда. – 1921. - 12 марта. См. также: Тухачевский М.Н. Красная Армия и милиция. – Смоленск, 1921;

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевского, в том числе и за рубежом, - интересна записка Э.Склянского В.Ленину перед назначением М.Тухачевского командующим войсками Тамбовской губернии. «...Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания, - писал зам. Председателя РВСР. – В последнее время там нет улучшения и даже местами ухудшение. Получится несколько большой политический эффект от этого назначения. В особенности за границей. Ваше мнение?»[30]. Как известно, В.Ленин согласился[31]. Иными словами, назначение М.Тухачевского на указанную должность, по мнению Э.Склянского, могло обнаружить серьезность Тамбовского восстания для Запада и белой эмиграции, обнаружить слабость Советской власти, если последняя направляет туда самого лучшего своего генерала.

В июле 1921 г., опасаясь военных действий со стороны Польши и белых частей на Западе, советское руководство решило «испугать» потенциальных противников демонстративным направлением на Западный фронт, в Минск М.Тухачевского[32]. М.Тухачевский обрел уже к этому времени «знаковую репутацию» воплощенной идеи «революционной наступательной войны».

В военной публицистике начала 20-х годов также явственно просматривается выделение в качестве наиболее авторитетных «вождей Красной Армии» двух: Л.Троцкого и М.Тухачевского.

Начальник ГУВУЗ РККА Д.Петровский в программной статье, отражающей позицию высшего руководства Красной Армии, «Русская революция и строительство Красной Армии» писал: «Переход от добровольческих отрядов, возникших по преимуществу в крупных центрах, куда входили передовые рабочие и сознательные крестьяне, к регулярным частям Красной Армии совер-

---

Письмо М.Н.Тухачевского В.И.Ленину об отрицательных последствиях введения милиционной системы вместо армии в связи с настроениями рабочих и строительством социализма в военной обстановке из-за постоянной внешней угрозы. 10 марта 1921 г. //Кронштадтская трагедия 1921 г. Документы. - Т. 1. - С. 350-351. Этот вопрос настолько волновал М.Тухачевского и был для него важен, что даже в разговоре по прямому проводу с Главкомом С.Каменевым, вызывавшим его в Петроград 3 марта 1921 г., он не мог удержаться от критики милиционной системы. «Слушая, - заметил М.Тухачевский, - я думаю, что Подвойский с Петроградской милицией сел не только в лужу, но даже в помойную яму». //Кронштадтская трагедия.... Т. 1. - С. 157.

[30] Записка Э.М.Склянского от 26 апреля 1921 г. //В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. - М.: РОССПЭН, 1999. - С. 428.

[31] Там же, с. 429.

[32] Там же, с. 459-460.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

шился с необычайной быстротой. «Первая армия», возглавляемая т.Тухачевским, представляла собой организованную, дисциплинированную вооруженную силу еще летом того же 1918 года. Конечно, переход к регулярности произошел не сразу…, но нет сомнения в том, что т. Троцкий значительно легче справился с делом строительства регулярной армии революции, чем Кромвель в середине 17 века»[33]. Смысл этого пассажа очевиден: Л.Троцкий – это не Кромвель, он лучше, способнее и значительнее Кромвеля. Рядом с Л.Троцким и О.Кромвелем - М.Тухачевский. Итак, оказывается, что регулярную Красную Армию создавали два человека: в центре – Л.Троцкий, а на фронте - М.Тухачевский. Больше ни одной фамилии, ни одного из «революционных генералов» в статье упомянуто не было. Важно, что статья эта была помещена в первом номере нового, центрального военно-научного журнала «Военная наука и революция», вышедшем в августе 1921 г. Примерно в это же время в региональном журнале «Армия и революция» (орган Вооруженных сил Украины и Крыма) М.Тухачевский именуется «столь авторитетным нашим военным деятелем», на мнение которого ссылаются[34]. Генштабист Б.Савельевский в статье на «О военно-исторических темах» оперирует несколькими фамилиями знаменитых военачальников – А.Суворова, Наполеона, кайзеровского генерала фон дер Гольца. В их число «представителем Красной Армии», включен М.Тухачевский[35]. В журнале «Красная Армия» (орган ВНО при Военной Академии РККА) в октябре 1922 г. помещена была статья В.Драгилева «Ф.Энгельс как военный писатель»[36]. В ней автор статьи ставит М.Тухачевского в один ряд с Ф.Энгельсом и Л.Троцким[37]. Примечателен «иконостас» «священных Учителей» Красной Армии: Л.Троцкий, М.Тухачевский в кампании Ф.Энгельса, Наполеона Бонапарта, О.Кромвеля, А.Суворова, К.Клаузевица, Ф.Бернгарди, фон дер Гольца. Происходит, таким образом, по существу, прижизненная мифологизация не только Л.Троцкого, но и М.Тухачевского. Своего восхищения кни-

[33] Петровский Д. Русская революция и строительство в Красной Армии. //Военная наука и революция. – 1921. - № 1. - С. 26.
[34] Армия и революция. – 1921. - № 2-3. - С. 224.
[35] Савельевский Б.В. О военно-исторических темах. //Армия и Революция. – 1921. - № 2-3. - С. 152-153.
[36] Красная Армия. – 1922. - № 18-19.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

гой М.Тухачевского «Война классов» не скрывает и еще один автор этого журнала, К.Соколов[38]. Рецензируя сборник статей М.Тухачевского в 1921 г., он пишет: «Наша революция вверх дном перевернула все военное дело.... И тут вспыхивают новые веяния в пролетарской стратегии. Первая статья «Стратегия национальная и классовая», читанная в виде опытных лекций, в Академии Генерального штаба в конце 1919 года, несомненно, блестяща. В статье каждая строка разноцветна, мысли новы и поэтому они глубоко запоминаются». Останавливаясь и далее на важнейших положениях концепции «революционной войны», выдвинутой М.Тухачевским в его статьях, и приветствуя их, автор заключает: «В общем, будущая кафедра по классовой войне, которая еще до сих пор не учреждена в нашей военной академии, выпьет много полезного и новояркого из этой заревной книги, ибо в ней каждая маленькая буква налита горячей и живой и красной кровью нашей большевистской стратегии. Это очень важно теперь, когда в науке, которая изучает войну, висит новый кризис, обусловливаемый общими социальными условиями и перспективами социальных войн впереди»[39]. Что касается журнала «Революция и война», то там пропаганда взглядов М.Тухачевского и похвалы, ему адресованные, были еще более масштабны.

Пик популярности М.Тухачевского приходится на лето 1923 – январь 1924 гг. В своем доносе на М.Тухачевского заместитель полномочного представителя ГПУ по Западному краю, направляя компрометирующие материалы Г.Ягоде, сетовал на то, что не имеет «права наблюдать... без разрешения центра... за такой крупной фигурой, как Тухачевский»[40].

Лишь Л.Троцкий и М.Тухачевский удостоились чести в 1923 г., раньше других «вождей и героев Красной Армии» и партийных деятелей, «увекове-

---

[37] Красная Армия. – 1922. - № 18-19. - С. 53.
[38] Соколов-Страхов Константин Иванович (1896-1937), бывший офицер, член РКП (б) с 1917 г. В 1935 г. – комбриг. Последняя должность в РККА – заместитель начальника военно-исторического отдела Генштаба РККА. Был арестован 20 января 1937 г., осужден и расстрелян 22 августа 1937 г. Реабилитирован посмертно. В 1921 г. являлся слушателем Военной академии РККА. //Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938. - М.: Терра, 1998. - С. 412.
[39] Соколов К. (Сахаров). Рецензия на книгу М.Тухачевского «Война классов». //Красная Армия, 1921. - № 3-4. - С. 53-54.
[40] Документ опубликован в кн.: Парнов Е. Заговор против маршалов. - М., 1997. - Т. 2. - С. 17.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

чить» свою фамилию в названии города. Как известно, с 1923 г. Гатчина была переименована в честь «вождя Красной Армии» и стала называться «Троцком». Однако мало известно, что «на имя командующего Западным фронтом, - как сообщалось в июньском номере за 1923 г. журнала «Военный вестник», - получена следующая телеграмма: «Руководителю пятой армии – освободителю Урала от белогвардейщины и Колчака – в день четвертой годовщины взятия Урала Красной Армией, - Миасский горсовет им шлет пролетарский привет; в ознаменование дня город Миасс переименовывается в город Тухачевск – вашего имени»[41].

Совершенно очевидно, что в ходе гражданской войны и по ее результатам на вершину популярности в качестве самых лучших «красных маршалов» выдвинулись М.Тухачевский и С.Буденный. К 1922 г. они уже явно составляли конкуренцию за право именоваться «вождем Красной Армии» некогда единственному и бесспорному ее лидеру Л.Троцкому. Во всяком случае, к 1922 г. лишь трое – Л.Троцкий, М.Тухачевский, С.Буденный – из всех героев и предводителей Красной Армии были осенены «харизмой» ее вождей. Это были «харизматические», а не номенклатурные лидеры советских вооруженных сил, «знаковое» воплощение Красной Армии. Красноречиво в этом смысле высказывание С.Каменева, утверждавшее именно «харизматическую» репутацию М.Тухачевского: «Судьба стояла у колыбели этого счастливчика»[42].

Очевидные изменения в номенклатуре «вождей» Красной Армии начинаются после апреля 1924 г. Временную стабилизацию эти изменения обретают к 1926 году. «Иконостас» «вождей» Красной Армии заметно меняется и по составу и по «происхождению»: все большее значение начинают иметь «номенклатурные вожди», чей рейтинг ныне определялся уже не уровнем популярности в военных массах и в населении, а должностью и официальной пропагандой. К этому времени непродолжительный период весьма относительного «плюрализма мнений» и внутрипартийно-ограниченной «гласности» завершается. Состав

[41] Военный вестник. – 1923. - № 25. В 1926 г. городу возвратили его прежнее название. Это – весьма симптоматично для официальной политической репутации М.Тухачевского.
[42] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1049. Л. 257.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

официальных «вождей» и «героев» Красной Армии к 1926 году очень четко и ясно определяется в справочно-биографических томах энциклопедического словаря «Гранат». Через это издание советской общественности и общественному мнению за рубежом предлагался официальный, «канонический иконостас» политических и военных «вождей» СССР.

В состав «выдающихся партийных и государственных деятелей революции и гражданской войны в СССР» из военных деятелей были включены (в алфавитном порядке): В.Альтфатер, В.Антонов-Овсеенко, С.Аралов, А.Бубнов, С.Буденный, И.Вацетис, А.Векман, К.Ворошилов, С.Гусев, П.Дыбенко, В.Зоф, С.Каменев, Г.Котовский, В.Лазаревич, М.Лашевич, Н.Маркин, Н.Муралов, Ф.Раскольников, Э.Склянский, И.Смилга, Л.Троцкий, М.Тухачевский, И.Уншлихт, М.Фрунзе, Д.Фурманов, В.Чапаев[43]. Итак, всего 26 фамилий. Все перечисленные фамилии принадлежат людям, которые во время гражданской войны сыграли заметную роль как собственно «полководцы», организаторы армии и политические комиссары. Однако сначала о Л.Троцком. Вопреки ожиданиям, он оказался включенным в перечень отнюдь не как «вчерашний» «вождь Красной Армии». Об этом в его биографической статье практически ничего не сказано. Он оказался представленным в качестве выдающегося деятеля революционного и социалистического движения. При этом в статье всячески выделялись те моменты в биографии, которые свидетельствовали о его «политических ошибках» и борьбе против В.Ленина и партии.

Э.Склянскому, «правой руке» Л.Троцкого по руководству Красной Армией посвящена была коротенькая биографическая справка, в которой о его военно-административной деятельности сказано было буквально следующее: «После переезда правительства в Москву и открытия фронтов гражданской войны принимал как член коллегии Наркомвоена, деятельное участие в организации и снабжении Красной Армии. При приближении фронта к Волге, когда все члены Наркомвоена выехали на фронт, Склянский вел текущую работу Наркомвоена.

---

[43] Деятели СССР и революционного движения России. // Энциклопедический словарь «Гранат». - М., 1989 (1927). - С. 348, 349, 351, 370, 371, 377, 383, 393, 399, 410, 421, 430, 453, 465, 474, 489, 525, 557, 618, 667, 675, 720, 724, 732, 740, 741, 750.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

С сентября 1918 г., когда был учрежден Реввоенсовет, Склянский был назначен заместителем Наркомвоена и заместителем председателя Реввоенсовета. На этом посту пробыл до 1924 г.»[44]. Из этой краткой аннотации читателю представлялся заурядный высокопоставленный военный бюрократ, который оставался в тылу для «текущей работы», в то время как все другие работники «выехали на фронт». В этом просматривается даже намек на то, что это, мол, был трусливый человек.

М.Фрунзе была посвящена не очень пространная, но вполне выразительная биографическая статья. Из ее содержания следовало, что М.Фрунзе обладал безупречными социально-политическими характеристиками: из бедных крестьян и интернациональной семьи (отец – «румын-молдованин», мать – русская крестьянка). Сам М.Фрунзе «старый большевик»-каторжанин, «ветеран 1905 года», «верный ленинец», не участвовавший ни в каких внутрипартийных оппозициях, активный участник Октрябрьской революции. В то же время это военный самородок. Не имея военного образования, М.Фрунзе сразу становится выдающимся пролетарским полководцем. В 1919 году на Восточном фронте «под его командованием южная группа армий восточного фронта нанесла решительное поражение войскам Колчака»[45]. Итак, «первый подвиг» - победа над Колчаком. До 1925 г. «победителем Колчака и завоевателем Сибири» считался М.Тухачевский. «После того Фрунзе находится во главе всего восточного фронта, а затем руководит операциями по очищению Туркестана»[46]. «Второй подвиг» – «завоевание Туркестана». «В августе (1920 г.)... очищает Бухарскую республику от войск эмира»[47]. «Третий подвиг» – «завоеватель Бухары». «В сентябре 1920 г. Фрунзе командует южным фронтом, действуя против Врангеля. После занятия Крыма и ликвидации врангелевского фронта в ноябре Фрунзе становится командующим войсками Украины и Крыма и уполномоченным Реввоенсовета при Украинской ССР. Под его руководством ликвидируется петлюровщина и махновщина». Четвертый, пятый и шестой «подвиги» – разгром

[44] Деятели СССР и революционного движения России. - С. 667.
[45] Там же, с. 741.
[46] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Врангеля, Петлюры и Махно. Таким образом, по количеству и значимости «воинских подвигов» М.Фрунзе оказывается одним из самым выдающихся «вождей» Красной Армии. Из трех самых главных врагов Революции – Колчака, Деникина, Врангеля – М.Фрунзе разгромил двух.

В период гражданской войны М.Фрунзе, несомненно, проявил незаурядные качества военачальника. Однако, рядом с ним можно было бы поставить и ряд других, не менее способных и известных командиров, которым не нашлось места в числе «избранных». Прежде всего, можно вспомнить И.Уборевича, А.Егорова, А.Корка, В.Шорина. Поэтому, можно считать, что выбор «в пользу» М.Фрунзе все-таки определялся в значительной мере «номенклатурными» соображениями. М.Фрунзе был «старым партийцем», революционером-подпольщиком и наркомом по военным и морским делам. М.Фрунзе до 1925 г. для окружающей военной и гражданской общественности, в России и за рубежом, особо выдающимся «вождем» Красной Армии (подобно С.Буденному или М.Тухачевскому) не представлялся.

М.Фрунзе не был единственным из старых партийцев, «политкаторжан», попытавшихся испытать свои дарования на полководческой стезе. Оставлю в стороне фигуру Л.Троцкого. Надо отдать ему должное: «вождь Красной Армии» никогда не претендовал на лавры выдающегося полководца. Он никогда непосредственно не командовал ни фронтовыми, ни армейскими, ни даже дивизионными соединениями. Однако в качестве командармов пробовали свои способности и Н.Муралов, и М.Лашевич, и Г.Сокольников, и К.Ворошилов,... и М.Фрунзе. Незаурядные способности руководить войсками в армейском и фронтовом масштабах из них обнаружили в 1919-1920 гг. лишь М.Фрунзе и Г.Сокольников. Однако ни контрнаступление, возглавленное М.Фрунзе на Восточном фронте в мае-июне 1919 г., где все-таки решающую роль уже начала играть 5-я армия М.Тухачевского, ни его победоносный туркестанский поход не явились чем-то экстраординарным. Справедливости ради, следует отдать значительную долю заслуг М.Фрунзе его боевым соратникам. В апрельской

[47] Деятели СССР и революционного движения в России. – С. 741.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

операции 1919 г. на Урале это был генерал Ф.Новицкий, а также подполковник Генштаба В.Лазаревич. Его туркестанские победы расценивались как «второстепенные». Они «также мало способствовали продвижению его в первые ряды советских вождей гражданской войны. Однако громадным его преимуществом по сравнению с ними в глазах большевиков был его революционный стаж...»[48]. Операция по окружению и ликвидации Русской армии в Северной Таврии в октябре 1920 г., несмотря на совместное ее проведение С.Каменевым и М.Фрунзе, несмотря на участие в ней лучших командармов Красной Армии (А.Корка, В.Лазаревича, С.Буденного, Ф.Миронова), окончилась неудачей. Врангелевские войска, хотя и с большими потерями, но сумели уйти в Крым. Крымская же операция, при шестикратном превосходстве в вооруженных силах М.Фрунзе над П.Врангелем, когда Главком Русской армии, фактически, уже принял решение об эвакуации своих войск, никак не может рассматриваться как выдающееся явление военного искусства. Несмотря на то, что с 1920 г. до 1924 г. под его командованием находились войска Украины и Крыма и самый обширный по территории, самый крупный по числу войсковых соединений Украинский военный округ, М.Фрунзе не обрел соответствующей по их масштабам военной репутации. Известно, что его заместителями и помощниками с 1920 по 1924 гг. были известные и опытные «генштабисты» С.Харламов, Н.Соллогуб, А.Корк, И.Уборевич, Н.Петин. Впрочем, должность командующего Украинским военным округом и после М.Фрунзе (не считая промежутка с апреля 1924 по ноябрь 1925 гг.) считалась «партийно-политической» номенклатурой. В высших партийных кругах М.Фрунзе расценивался прежде всего как «политработник». Примечательно, что, когда в начале 1924 г. наметились кадровые перестановки в высшем руководстве РККА, ему был предложен пост Начальника ПУРККА, вместо В.Антонова-Овсеенко. Иными словами, высшее политическое руководство полагало его более подходящим именно к этой должности. Правда, М.Фрунзе отказался от этой должности и заявил претензии на должность Заместителя Председателя РВС СССР и наркома. Впрочем, и эта должность счи-

[48] Зайцов А. Шестнадцать лет РККА. //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - М.,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

талась вплоть до 1930 г. тоже политической, а не военной. Вот почему М.Фрунзе в сознании военной общественности Красной Армии до 1924 г. не занял особого места. Его известность наступила позднее, с назначением на должность заместителя Председателя РВС СССР и Наркома в апреле 1924 г. Они, таким образом, имеют в заметной мере номенклатурное происхождение.

Едва 31 октября 1925 г. умер М.Фрунзе, как началась его интенсивная «канонизация» по инициативе политического руководства. Еще год назад Л.Троцкий был «вождем Красной Армии» и это положение было даже занесено в качестве идеологического и агитационно-пропагандистского в Устав РККА, а уже в своей речи на 14-й Московской губпартконференции 13 декабря 1925 г. новый нарком К.Ворошилов утверждает: «...Лучший полководец и вождь Красной Армии – наш незабвенный, дорогой друг Михаил Васильевич Фрунзе»[49]. Примечательны некоторые строчки из статьи К.Ворошилова «Памяти дорогого друга Михаила Васильевича Фрунзе», напечатанной в «Правде» 11 ноября 1925 года. Вспоминая о подготовке операции против врангелевских войск, К.Ворошилов писал: «Мы начинаем обсуждать стратегический план нанесения решительного и последнего удара барону Врангелю. И вчерашний подпольщик, большевик Арсений, с изумительной ясностью и поражающим авторитетом истинного полководца развивает в деталях предстоящие решительные операции Красной Армии. Главком т. Каменев и наштаресп т. Лебедев внимательны, сосредоточены. Незначительные замечания, краткий обмен мнений – и план, оперативный план большевика Арсения-Фрунзе утвержден. Судьба Врангеля предрешена»[50]. Перед нами уже в этом фрагменте формула не только «канонизированного» М.Фрунзе, не только «легенды Фрунзе», но и идеологическая основа для «легендированной истории гражданской войны и Красной Армии». «Вчерашний подпольщик», «большевик» М.Фрунзе является «истинным полководцем», который может без всяких «академий», без всякого военного образования «утереть нос» и полковнику-генштабисту Главкому С.Каменеву, и ге-

---

1999. - С. 229.
[49] Ворошилов К.Е. Статьи и речи. - М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. - С. 12.
[50] Там же, с. 11.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нералу-генштабисту Начальнику Полевого штаба Республики П.Лебедеву. Без их помощи, т.е. без помощи военспецов-генштабистов, М.Фрунзе разрабатывает стратегически решающий оперативный план разгрома врангелевских войск. Он это сделал так хорошо, что ни С.Каменеву, ни П.Лебедеву нечего добавить. А это ведь, лучшие из «генштабистов» (иначе бы они не занимали свои высшие в Красной Армии военные должности). Нужны ли вообще Красной Армии «генштабисты», если достаточно обладать определенными способностями, а главное – стажем подпольной работы и принадлежностью к большевистской партии? Один большевик-подпольщик М.Фрунзе, таким образом, вполне заменяет двух опытных генштабистов старой армии. Речь здесь, разумеется, идет не о полководческих способностях М.Фрунзе, а о конструировании «номенклатурной истории и идеологии» гражданской войны и Красной Армии. В 1926 г. в русле указанных процессов город Пишпек, переименовывают в город Фрунзе, а город Тухачевск, кстати говоря, вновь переименовывается в Миасс.

В отличие от М.Фрунзе, М.Тухачевский представляется в биографической статье сугубо военным человеком, полководцем. Следует отметить, что ему была посвящена по объему более пространная статья. Судя по тексту статьи, М.Тухачевский оспаривает, или лучше сказать, делит с М.Фрунзе лавры «победителя Колчака». «В период кризиса обстановки на восточном фронте, - пишет автор этой статьи, - при организации прорыва через Уральский хребет, Тухачевский применил смелый маневр, избрав не уфимско-златоустинское направление, а направив глубоким обходом главные силы армии по долине р. Юрюзань на Златоуст.... Операция закончилась полной победой, открыв Красной Армии прямую дорогу в Сибирь»[51]. Далее, после перечисления последующих боевых операций, проведенных М.Тухачевским на Восточном фронте, автор статьи завершает Омской операцией, которая «закончилась полным разгромом колчаковских войск»[52]. Все-таки, пока «победителем Колчака» еще считается М.Тухачевский. Далее, отмечая деятельность М.Тухачевского на Кавказском фронте, автор статьи заключает: «26 марта был взят Новороссийск, после

[51] Деятели СССР и революционного движения. - С. 725.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

чего армия Деникина закончила свое существование»[53]. Итак, М.Тухачевский - «победитель Деникина». Весьма «мягко» изложив действия М.Тухачевского и его поражение на Западном, «польском», фронте, автор пишет: «Результатом кампании 1920 г. явилось освобождение советской Белоруссии»[54]. М.Тухачевский – «завоеватель Белоруссии». После этого автор статьи перечисляет дальнейшие «воинские подвиги» М.Тухачевского: «ликвидацию вторжения Булак-Булаковича», «ликвидацию кронштадтского восстания». Особое внимание автор биографической статьи обращает на действия М.Тухачевского во главе войск Тамбовской губернии: «На антоновском фронте Тухачевским были применены новые методы по увязке боевой работы войск с закреплением на местах советской власти, и восстание было диквидировано методически, по расписанию, в сорокадневний срок»[55].

Достаточно выразительно представлена «выдающаяся деятельность» М.Тухачевского и в послевоенный период. В качестве заместителя начальника Штаба РККА в 1924 г. он «работал над реорганизацией Красной Армии»[56]. Для сравнения: в статье о М.Фрунзе ничего не было сказано об аналогичной или еще более заметной «выдающейся деятельности» этого военачальника в 1924-1925 гг. Автор статьи ограничился перечислением и последовательностью занимавшихся им должностей. Наконец, в статье указывается, что М.Тухачевский «возглавляет работу по подготовке высшего комсостава Красной Армии»[57], будучи Главным руководителем по стратегии в Военной академии РККА. Итак, М.Тухачевский – главный стратег Красной Армии, «учитель» и «вождь» всех советских «генералов». Таким образом, следует отметить, что и к 1926 г. М.Тухачевский официально представлен как лидер советских вооруженных сил и советской военной элиты. М.Фрунзе еще не занял ведущего и «сакрального» места в официальной иерархии высшего комсостава РККА.

---

[52] Деятели СССР и революционного движения. – С. 725.
[53] Там же.
[54] Там же, с. 726.
[55] Там же.
[56] Там же.
[57] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Главком С.Каменев в словаре был представлен авторизованной биографией. Иными словами, он сам отметил для своего «официального портрета», для «публики» факты собственной «выдающейся деятельности». Биографическая статья, ему посвященная, оказалась весьма обширной, намного превышая в объеме статьи «Фрунзе» и «Тухачевский»[58]. В статье достаточно подробно для такого рода публикаций описывается дореволюционный период жизни полковника С.Каменева, его переход на сторону Советской власти и особенно подробно военно-организаторская деятельность в качестве Главкома Вооруженных сил Республики. Военная деятельность С.Каменева в его авторизованной биографии не отмечена особыми личными полководческими «подвигами», как это было в статьях, посвященных М.Фрунзе и М.Тухачевскому. С.Каменев явно не претендует на роль «вождя» и «героя» Красной Армии. Однако из текста его биографии следует, что все «выдающиеся подвиги» Красной Армии и ее «вождей» были умело организованы им, С.Каменевым. С.Каменев не предстает «военным гением», как М.Тухачевский и М.Фрунзе, но оказывается «выдающимся военным деятелем».

Видимо, в еще большей мере, чем С.Каменев, не надеясь, что его роль будет адекватно отражена в биографической статье для словаря, другой бывший Главком Вооруженных сил Республики И.Вацетис представил для «публики» и пропаганды свою автобиографию, претендующую на «официальный» собственный образ. Она еще более обширна, чем авторизованная биография его преемника на посту Главкома и его соперника[59]. Впрочем, почти вся она оказалась посвященной дореволюционной жизни полковника И.Вацетиса в стремлении представить себя по происхождению «социально-близким» Октябрьской, большевистской революции. В качестве же своих «выдающихся подвигов», совершенных в защиту Советской Республики, И.Вацетис отмечает разгром «польского корпус генерала Довбор-Мусницкого. Как он считает, «это первая русско-польская война кончилась разгромом поляков под городом Рогаче-

[58] Деятели СССР и революционного движения. - С. 430-435.
[59] Там же, с. 377-383.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вым»[60]. Другим своим «подвигом» И.Вацетис считает «подавление лево-эсеровского восстания в Москве»[61]. В заслугу себе он ставит также создание 5-й красной армии и организацию 62-х корпусов, сведенных в 16 армий[62].

В.С.Лазаревич (1882-1938), подполковник Генштаба, так же как С.Каменев и И.Вацетис, беспартийный, представлен был для словаря достаточно пространной авторизованной биографией[63]. Значительная часть ее была посвящена дореволюционному периоду его жизни с нарочитым стремлением показать революционные и социалистические настроения, овладевшии его сознанием еще задолго до 1917 г. В.Лазаревич достаточно скрупулезно представляет свои воинские заслуги перед Революцией и Советской властью. Он так определяет свои главные «подвиги» в гражданской войне. «С назначением М.В.Фрунзе командующим 4-й армией, - пишет биограф В.Лазаревича, - становится его начальником штаба и сначала в этой должности, а затем в должности начальника штаба южной группы участвует в борьбе с Колчаком, организуя тот фланговый удар из района Бузулука, который нанес армии Колчака решительное поражение и заставил ее откатиться из-под самой Самары в направлении на Уфу»[64]. Таким образом, В.Лазаревич стремиться оспорить лавры «победителя Колчака» у М.Тухачевского и М.Фрунзе. Или, по крайней мере, стать третьим «триумфатором». Второй важнейшей своей заслугой В.Лазаревич считал и это, фактически, официально признается, свою выдающуюся роль в разгроме врангелевских войск. Во главе 4-й армии он «под Чонгаром непосредственно организует и руководит атакой сильно укрепленных неприступных позиций с прорывом на Джанкой, чем способствует полному разгрому войск Врангеля»[65], - так считает он сам и его биограф. Наконец, третий его «подвиг»: «с февраля 1921 г. Лазаревич командует Туркестанским фронтом, изгоняет окончательно из Восточной Бухары эмира бухарского, ликвидирует его шайки...»[66].

---

[60] Деятели СССР и революционного движения.... - С. 382.
[61] Там же.
[62] Там же.
[63] Там же, с. 474-476.
[64] Там же, с. 475.
[65] Там же.
[66] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В.Лазаревич, был, безусловно, выдающимся военачальником времен гражданской войны. Но вряд ли его можно было бы поставить выше И.Уборевича, А.Егорова, А.Корка, В.Шорина. Думается, что и в данном случае также сыграл свою роль «номенклатурный» принцип: В.Лазаревич был ближайшим соратником М.Фрунзе в 1919-1920 гг. Он в значительной мере участвовал в подготовке и достижении «фрунзенских» побед. В.Лазаревич, военный специалист, подполковник Генерального штаба, пожалуй, играл, рядом с М.Фрунзе, в 1919 и 1920 гг. роль одного из «создателей» его побед. В действительности, фактически, именно В.Лазаревич, в должности начальника штаба 4-й армии (командующий М.Фрунзе), затем начальника штаба Южной группы (командующий М.Фрунзе) организовал фланговый удар из района Бузулука, который определил начало успешного контрнаступления против войск Колчака. Именно В.Лазаревич во главе 4-й армии вместе с А.Корком (командующий 6-й армии) своим прорывом у Чонгара и сивашским маневром в значительной мере определил победу над Врангелем и занятие Крыма. Фамилия В.Лазаревича оказалась в тени фамилии М.Фрунзе и в последующие годы незаслуженно затушеванной в перечне выдающихся военачальников Красной Армии. Конечно, он не добился того победоносного блеска, который высветил для Красной Армии и для зарубежья имена-символы – «Тухачевский», «Буденный». Однако, появление В.Лазаревича в списке «Граната» вполне заслуженно и в этом смысле не «номенклатурно». «Номенклатурность» же появления его фамилии можно усмотреть в том, что в списке не оказалось И.Уборевича, гораздо более значимого среди «революционных генералов», выдвинутых гражданской войной. В списке не оказалось А.Егорова, В.Шорина, А.Корка - эти лица внесли гораздо больший вклад в победу Красной Армии. Эта «выборочность», своего рода «селекция» новых «вождей» Красной Армии, в данном случае, определявшаяся близостью В.Лазаревича к новому Наркому и Председателю РВС СССР М.Фрунзе, конечно же, носила «номенклатурный» характер. То же самое можно сказать и о помещении в списке Г.Котовского и В.Чапаева.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Что касается первого из названных, Г.Котовского, то нет нужды комментировать эту личность, его легендарную славу. В этом отношении он был подлинным «героем гражданской войны», заработавшим эту репутацию самостоятельно, всей своей незаурядной, легендарной, героической личностью. Он был хорошо известен не только в Советской России, на Украине, в Молдавии, но и за рубежом, особенно среди белых. Неоднозначное мнение о «Котовии» также усиливало его славу. «Номенклатурность» же в его случае, хотя бы отчасти, сказывалась в том, что, к примеру, не менее популярным «героем гражданской войны» был В.Блюхер. В плане полководческой деятельности, он, пожалуй, даже превосходил Г.Котовского. Его деятельность под Перекопом, его командование Народно-революционной армией Дальневосточной Республики, его четыре Ордена Красного Знамени вполне позволяли В.Блюхеру занять место в списке «Граната».

Весьма популярен был и Г.Гай, легендарный организатор и командир 24-й Железной стрелковой дивизии. Прославлены были в Красной Армии в годы гражданской войны командиры 27-й Омской стрелковой дивизии А.Павлов и В.Путна.

Пожалуй, на Украине не меньшей славой пользовался и командир «червонных казаков» В.Примаков. Не буду называть других «героев гражданской войны». То, что выбран был Г.Котовский, в известной мере определялось также его должностной и личной близостью к М.Фрунзе. Но не только. Г.Котовский, впрочем, как и М.Фрунзе, представлял Молдавию. Его имя в списке должно было играть и пропагандистскую роль. То же можно сказать и о В.Чапаеве, хотя его действительная слава, несомненно, уступала славе Г.Котовского. Пожалуй, более В.Чапаева были прославлены С.Вострецов, И.Федько, Е.Ковтюх, Я.Фабрициус, И.Якир, Р.Эйдеман, Г.Эйхе, А.Лапин. «Деятельность партизанского отряда Чапаева, - пишет биограф, - создала ему легендарную известность». Кроме этого, в качестве «подвига» В.Чапаева значится освобождение Уральска и оттеснение казаков к Гурьеву. Конечно же в случае с В.Чапаевым не особые выдающиеся полководческие заслуги создали ему «имя», а наоборот:

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«легенда» подняла В.Чапаева в ряды героев. При этом следует отметить, что речь идет не столько о стихийно возникшей популярности, сколько о талантливом превращении региональной героической легенды в общероссийскую.

Региональные и локальные «легенды о героях» возникали в годы гражданской войны на каждом фронте, в каждой армии, в каждой дивизии. В порядке примера можно обратить внимание на список «героев» 5-й армии в армейском журнале «Красная Армия на Востоке» за август 1922 г. В статье, посвященной памяти начальника штаба 5-й армии Я.Ивасиова, «героями 5-й армии» названы: М.Тухачевский (командарм-5), Я.Ивасиов (наштарм-5), А.Павлов (начдив-27), Г.Эйхе (начдив-26), Боряев (комполка-454), С.Вострецов (комполка-242), Д.Косич (комполка-226), К.Нейман (начдив-35), А.Глазков (комполка-308)[67]. В то же время на Украине, в Вооруженных силах Украины и Крыма пропагандировали своих «героев». «Из самого революционного гнезда Советской власти – РККА, первыми вылетели два орла: Блюхер и Якир», - писали в 1922 г. в войсковом журнале «Красная рота»[68]. Среди «наших героев» назывался И.Грязнов[69]. Далеко не все из поименованных «региональных героев» тогда или со временем обрели общегосударственную, общесоюзную славу.

Официальная пропаганда в стремлении к «канонизации» В.Чапаева не останавливалась (впрочем, это было обычным делом еще со времен революции и гражданской войны) перед откровенной фальсификацией. В газете «Правда» от 6 февраля 1926 г., т.е. до выхода в свет биографического справочника энциклопедии «Гранат» была помещена весьма примечательная заметка, опиравшаяся на информацию ОГПУ. Она называлась: «Арест убийцы Чапаева». В этой заметке буквально было сказано следующее: «Пенза, 5 февраля. Местным ГПУ арестован колчаковский офицер Трофимов-Мирский, убивший в 1919 г. попавшего в плен пользовавшегося легендарной славой начальника дивизии тов. Чапаева. Мирский служил счетоводом в артели инвалидов в Пензе»[70].

---

[67] Красная Армия на Востоке. - № 7. - Август 1922. - С. 15,17.
[68] Красная рота. – 1922. - № 8.
[69] Там же.
[70] Правда. - 1926. – 6 февраля.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В «гранатовской» биографии В.Чапаева о гибели В.Чапаева пишется так: «В г. Лбищенске Чапаев был врасплох захвачен казацким отрядом и во время боя утонул в Урале»[71]. Более пространно и выразительно с художественной точки зрения именно эта, «апокрифическая» версия смерти В.Чапаева изложена в романе Д.Фурманова «Чапаев». Кажется, именно роман Д.Фурманова сыграл главную роль в распространении, популяризации «чапаевской легенды» и прославлении имени начдива-25. Это было, пожалуй, первое крупное и весьма удачное художественное произведение, посвященное личности одного из «героев гражданской войны». Рассчитанное на массового советского читателя, оно сыграло главную роль в популяризации В.Чапаева, сразу выделив его из числа других (подчас, быть может, более значимых) «героев гражданской войны» и Красной Армии. Следует иметь в виду, что Д.Фурманов был близок к М.Фрунзе. Кроме того, В.Чапаев воевал на Восточном фронте и на Туркестанском фронте под командованием М.Фрунзе. Включение в «гранатовский» список В.Чапаева и Д.Фурманова, вообще следует рассматривать вместе. Д.Фурманов, в значительной мере, создал «героическую легенду» о В.Чапаеве, который, в свою очередь, сделал известным самого Д.Фурманова.

Популярность С.Буденного и уже сложившаяся его «легенда» исключали необходимость в специальной и дополнительной пропаганде. Его автобиография, помещенная в словаре «Гранат», акцентировала внимание читателя на дореволюционном периоде его жизни. Это необходимо было для того, чтобы, как и в биографиях других «вождей» и «героев», показать логику и закономерность его прихода в Революцию и в Красную Армию.

Рабоче-Крестьянский Красный Флот был представлен в словаре своими «вождями» и «героями». Несомненно, за подлинные заслуги в революции и гражданской войне в их число попал Ф.Раскольников, особенно отличившийся в боях с чехословаками на Волге в 1918 г., под Царицыном, а также в обороне Астрахани. Ф.Раскольников к 1926 г. был уже давно «опальным» и «списан-

[71] Деятели СССР и революционного движения в России. - С. 751.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ным» в дипломатическую ссылку (с 1921 г.). Однако исключить его из числа действительных героев гражданской войны было тогда еще невозможно.

В число моряков-героев Революции и гражданской войны был включен также адмирал В.Альтфатер, перешедший в 1917 г. на сторону большевиков и назначенный командующим всеми морскими силами Республики. Он умер в 1919 г. в сущности не заявив о себе сколько-нибудь выдающимися подвигами. Другим героем был погибший в 1918 г. в боях с чехословаками Н.Маркин.

Наконец, еще одна фамилия, в годы гражданской войны ничем особенным не выделявшаяся среди военспецов-морских офицеров, оказавшихся в «красном» Военно-Морском Флоте – А.Векман (1884-1955), бывший капитан 2-го ранга. Он был активным участником гражданской войны, однако, выделение именно его из числа других морских командиров, кажется, было обусловлено его службой рядом и под непосредственным командованием М.Фрунзе. С 1920 г. А.Векман, сначала был командующим Черноморским флотом, а затем, помощником командующего Войсками Украины и Крыма по морской части, т.е. морским заместителем М.Фрунзе[72]. Пожалуй, включение этого военного моряка- профессионала в список «Граната» было в основном «номенклатурным» и выбор именно его был обусловлен близким положением к М.Фрунзе.

В.Зоф занял место среди «выдающихся военных деятелей», скорее всего, по номенклатуре. Он являлся с 1925 г. новым начальником военно-морских сил СССР.

И.Уншлихт, назначенный с февраля 1925 г. заместителем председателя РВС СССР и Наркомвоенмора, включен был в число «вождей и героев» не только в соответствие с номенклатурой своей новой должности. Он являлся давним руководителем разведки ВЧК-ГПУ и советской военной разведки. С осени 1923 г. И.Уншлихт начал заниматься армейским тылом. В словаре он представлен как ближайший сотрудник М.Фрунзе « в проведении всех важ-

[72] Деятели СССР и революционного движения. - С. 383-384.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нейших мероприятий, направленных к укреплению вооруженных сил Союза в условиях мирной обстановки»[73].

Что касается В.Антонова-Овсеенко, С.Аралова, П.Дыбенко, Н.Муралова, М.Лашевича, А.Бубнова, К.Ворошилова, то все они оказались в «номенклатуре» «деятелей СССР и революционного движения» за свои партийно-революционные, а не за военные заслуги.

«Персоны» и их биографии в словаре «Гранат» являются по сути дела первым опытом в создании государственной, официальной номенклатуры «вождей» и «героев» Революции и Гражданской войны. В этом отношении весьма важно выявить принципы включения тех или иных лиц в состав государственной номенклатуры советских военных «вождей и героев».

Прежде всего, следует выделить группу уже покойных к 1926 г. и официально «канонизированных» в качестве «выдающихся деятелей революции и гражданской войны». Это: В.Альтфатер, Г.Котовский, Н.Маркин, Э.Склянский, В.Чапаев. К этой группе можно присоединить также «здравствовавших» «героев революции и гражданской войны», так или иначе связанных с Красной Армией: Н.Крыленко, П.Дыбенко, С.Аралов, Н.Муралов.

Затем, это группа «высшей военной администрации» в составе: народных комиссаров по военным и морским делам, Председателей РВС СССР и их заместителей. Это: Л.Троцкий, М.Фрунзе, Э.Склянский, М.Лашевич, И.Уншлихт.

К третьей группе следует отнести начальников Политического Управления РВСР и РВС СССР: В.Антонова-Овсеенко, А.Бубнова, С.Гусева, И.Смилгу.

В группу собственно «революционных генералов», «красных маршалов» – высших военных чинов РККА вошли: С.Буденный, И.Вацетис, К.Ворошилов, П.Дыбенко, С.Каменев, Г.Котовский, В.Лазаревич, Н.Муралов, М.Тухачевский, а также руководители советского военно-морского флота: В.Зоф и А.Векман.

Наконец, Д.Фурманов оказался включенным в этот перечень, видимо, как бывший военный комиссар 25-й стрелковой дивизии, которой командовал

[73] Деятели СССР и революционного движения.... - С. 733.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В.Чапаев и как автор известного одноименного романа, которым и была создана «чапаевская легенда».

Деление на группы, мною предложенное, носит ориентировочный, приблизительный характер. Дело в том, что некоторые из вышеперечисленных деятелей вполне могли бы быть отнесены к нескольким группам.

Из всех включенных в число «выдающихся военных деятелей СССР», как они были выбраны и определены к 1926 г., выдвинулись за собственные выдающиеся заслуги в гражданской войне, именно как выдающиеся военачальники и полководцы, независимо от номенклатуры: М.Тухачевский, С.Буденный. М.Фрунзе к 1926 году, с учетом его несомненных выдающихся заслуг, оказался в списке, прежде всего, как фигура с «номенклатурной» значимостью. Н.Муралов, разумеется, не может считаться ни «полководцем», ни «героем» гражданской войны, ибо главная его заслуга перед большевистской революцией заключалась в том, что он осуществил ее в Москве в 1917 году. Его «полководческая» деятельность на Восточном фронте в конце 1918- начале 1919 гг. была неудачна. В последующие годы, вплоть до 1924 г. Н.Муралов был бессменным командующим Московским военным округом. В списке он оказался, таким образом, не за военные заслуги, а за революционные, партийно-политические. П.Дыбенко больше всего прославился в 1917 году как Председатель Центробалта, сыгравшего одну из важнейших ролей в успехе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Хотя в последующие годы П.Дыбенко принимал активнейшее участие в гражданской войне в качестве командира разных дивизий, и после окончания войны он остался в Красной Армии, став профессиональным военным. Однако вряд ли его полководческая деятельность в годы гражданской войны может быть признана эффективной. Воевал, однако, он отважно, трижды был награжден орденами Красного Знамени и приобрел репутацию «героя гражданской войны». Впрочем, в 20-30-е гг. и в Красной Армии, и за рубежом, у него была весьма устойчивая репутация малоспособного военачальника. В списке, он оказался, скорее всего, как «герой Октября». И известность его в этом качестве обеспечила ему и в последующие

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

годы, «номенклатурную» славу «героя». Ф.Раскольников, активный участник «Октябрьских событий» 1917 года и гражданской войны, в 1921 году покинул военную службу и перешел на дипломатическую работу. В списке он оказался, подобно П.Дыбенко, отчасти Н.Муралову, как «герой Октября» и «герой гражданской войны», ибо, кроме успешных действий его речной флотилии на Волге в период борьбы с чехословаками в 1918 году, какой-либо особой полководческой роли в войне он не сыграл.

Из всего вышесказанного можно сделать один главный вывод: к 1926 году совершенно определился процесс создания «номенклатурной легенды» гражданской войны и ее истории, как одной из главных основ формирующейся структуры и системы власти. Эта «легенда» выстраивала иерархию ценностей и «персоналий», носителей этих ценностей, вокруг М.Фрунзе. Подлинные «вожди» Красной Армии, выросшие из самой гражданской войны, - Л.Троцкий, С.Буденный, М.Тухачевский и др. - их репутация и слава, рожденные самой военной стихией, спонтанно независимо от власти и неноменклатурно, представляли политическую опасность. Сразу отбросить их и заменить «номенклатурной легендой» было невозможно. Поэтому, в списке оставались и Л.Троцкий, и Э.Склянский, и М.Тухачевский, и С.Буденный. В статьях о М.Тухачевском и С.Буденном, помещенных в биографическом словаре «Гранат», в общем, все соответствовало действительной их роли в войне. Л.Троцкий уже выступает не как «вождь Красной Армии», а главным образом как партийно-политический деятель, к тому же чаще всего оказывавшийся в оппозиции В.Ленину и партии. Именно поэтому – как «отставной вождь», как бы «забракованный». Ничего о его популярности, о его значении для организации РККА уже особенно не подчеркивается и не говорится.

Зато «номенклатурная легенда» о гражданской войне и Красной Армии выстраивается вокруг М.Фрунзе и его «соратников» – В.Лазаревича, Г.Котовского, А.Векмана, В.Чапаева. С ним связаны С.Каменев, Д.Фурманов. Эта «легенда» на данном этапе еще тесно связна была с подлинной историей гражданской войны и Красной Армии: М.Фрунзе, Г.Котовский, В.Чапаев не

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

были придуманными «героями». Они действительно сыграли важную, выдающуюся роль в войне и армии. Это их связывало с С.Буденным, М.Тухачевским, Л.Троцким. Однако они прихотливо и коньюнктурно были «выбраны» из ряда им подобных. Они хорошо подходили для «легендирования» и «мифологизации» истории гражданской войны и Красной власти. Они были подходящими для создания «номенклатурного мифа». Таким образом, к 1926 г. М.Фрунзе в качестве «вождя Красной Армии» в официальной пропаганде, формирующей общественное мнение, начинает вытеснять и Л.Троцкого, и М.Тухачевского.

...В своем докладе на 15-м съезде партии в декабре 1927 года К.Ворошилов не назвал ни одного имени из высшего комсостава РККА, кроме покойного М.Фрунзе. Однако, в выступлении Ю.Ларина, в связи с угрозой новой войны на Западе, прозвучала большая цитата из только что изданной в Польше книги Ю.Пилсудского[74]. Он вставил в свое выступление цитату, прославлявшую М.Тухачевского, тем более, что она являла собой лестную для «красного Бонапарта» характеристику из уст его авторитетного противника, Ю.Пилсудского[75].

Итак, на партийном съезде, на фоне высокопоставленного военного чиновника, каковым был К.Ворошилов, рядом с ним, «номенклатурным» «вождем Красной Армии», по инициативе Ю.Ларина еще появляется реальный (по характеристике Ю.Пилсудского и по оценке П.Фервака) «вождь Красной Армии» М.Тухачевский. Однако уже в следующем году центральная, прежде всего военная, пресса и периодика начинают превращать его в «анти-героя», в «анти-вождя».

---

[74] Пилсудский Ю. Война 1920 года. //Тухачевский М. Поход за Вислу. Пилсудский Ю. Война 1920 года. - М.: Новости, 1992. Книга Ю.Пилсудствого была издана в Польше в 1924 г. Затем она была переведена на французский и издана в Париже в 1926 и переиздана в 1929 г.

[75] «Движение войск г-на Тухачевского, - цитировал Ю.Ларин, - продолжалось безостановочно.... Столь длинные марши, прерываемые к тому же боями, могут служить к чести как для армии, так и для ее руководителей. Особенно же нельзя отнести к числу средних величин и посредственностей главнокомандующего, который имеет достаточно сил и энергии, воли и умения, чтобы проводить подобную военную работу. С таким маршем его будет поздравлять каждый историк, каждый исследователь. Влияние этого марша было громадным.... Безостановочный марш г-на Тухачевского значительно превысил своим значением и влиянием предыдущие события.....

Этот процесс разложения сил, этот процесс ломки нашей воли, был, по моему мнению, самым большим триумфом, который я могу приписать г-ну Тухачевскому».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

...31 марта 1928 г. в центральном печатном органе Красной Армии газете «Красная звезда» была помещена развернутая информация о защите диссертации В.Меликова в Военной Академии им. М.В.Фрунзе «Марна-Висла-Смирна»[76]. В ней резкой критике подверглась оперативно-стратегическая деятельность М.Тухачевского во время «похода за Вислу».

«Стратегия ва-банк (он имел в виду «стратегию М.Тухачевского») создается тогда, - утверждал В.Меликов, - когда мы видим варварское нарушение военного искусства. Стратегия сокрушения есть неотъемлимое право величайшего полководца, стратегия же ва-банк говорит о том, что есть тоже полководческое искусство, но оно покоится в кавычках»[77]. Критика М.Тухачевского, его действий в 1920 г., таким образом, вышла за пределы научно-корректной дискуссии. Это уже были прямые оскорбления. Начальник Штаба РККА уподоблялся карточному игроку-авантюристу, лишенного каких-либо действительных полководческих способностей и заслуг. Это была откровенная дискредитация, на которую В.Меликов вряд ли осмелился без санкции или даже побуждения «сверху» [78]. В.Меликов не был единственным критиком оперативно-стратегических взглядов М.Тухачевского. К кампании критики М.Тухачевского был привлечен его прежний соратник и единомышленник по оперативно-стратегическим вопросам Н.Варфоломеев[79]. В число критиков М.Тухачевского, вольно или невольно, оказался вовлечен и другой его соратник по гражданской войне и «польскому походу» В.Путна. На его книгу «К Висле и обратно», в которой критически оценивалась стратегические взгляды и действия

---

[76] Красная звезда. - 1928 г. – 31 марта.

[77] Там же.

[78] Это было тем более удивительно и даже неожиданно, если учесть, что в 1925 г. он был соавтором Н.Какурина при написании и издании книги о русско-польской войне. В ней оценки деятельности М.Тухачевского в 1920 г. были совсем иными. Это было неожиданно и потому, что В.Меликов с 1924 г. был в числе близких сотрудников М.Тухачевского по Штабу РККА. Позднее и сам В.Меликов осознавал то, что он сделал и в узком кругу высказывал по этому поводу сожаление.

[79] Признавая целесообразность стратегии М.Тухачевского, ориентированной на «социально близкие» «базы впереди» фронта для «внутренней гражданской войны», Н.Варфоломеев, писал: «Опыт войны на Западном фронте с белополяками в 1920 г. для нас тем более актуально важен, что эта борьба явилась по существу первой пробой в войне, тебующей точного учета собственных возможностей, не рассчитывая на «базы впереди».

Мнение Н.Варфоломеева было тем более значимо, что он являлся с 1925 г. заместителем Главного руководителя по стратегии в Военной академии РККА, т.е. заместителем М.Тухачевского. - См. Варфоломеев Н. Стратегическое нарастание и истощение в гражданской войне. // Гражданская война в СССР 1918-1921 гг. - М., 1928. - Т. 2. - С. 280.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевского в «польском» походе, ссылались и ее цитировали в 1928 г.[80] В этом же направлении шла критика «стратегии Тухачевского» в «польской кампании» и со стороны А.Вольпе[81]. Вскоре, в 1929 г. появилась еще одна фундаментальная работа, в которой критиковались действия М.Тухачевского в «польской кампании», а виновниками поражения Красной Армии в советско-польской войне определялись М.Тухачевский и С.Каменев. Это книга А.Егорова «Львов-Варшава. 1920 г. Взаимодействие фронтов»[82].

Номенклатурная «легенда» о К.Ворошилове начала быстро развиваться с 1929 г. под сенью номенклатурной «легенды» о И.Сталине, в контексте известной ворошиловской, программной статьи «Сталин и Красная Армия». Если в перечне военачальников, чьи биографии или автобиографии в 1926 г. появились в словаре «Гранат», преобладают «победители Колчака и Врангеля», то теперь это «герои Царицына и победители Деникина». Главным «вождем и героем Красной Армии» с 1929 г. фактически и, можно сказать, официально становится И.Сталин. «Младшими вождями и героями» – К.Ворошилов, С.Буденный и, в гораздо меньшей мере, иногда – А.Егоров. Вообще, следует заметить, что нарочитой популяризации советских военачальников со стороны власти с этого времени не наблюдается. Уже тогда было заметно стремление официальной пропаганды ограничиться в этом деле, прежде всего, наркомом К.Ворошиловым. Однако, можно сказать, что к концу 1929-началу 1930 гг. официальные и неофициальные «вожди» Красной Армии были представлены К.Ворошиловым, С.Буденным и прославившимся на КВЖД, ставшим после этого очень популярным – В.Блюхером. Кроме указанных лиц, следует отметить и уже ранее «канонизированных» покойных «вождей-героев» Красной Армии: М.Фрунзе, Г.Котовского, В.Чапаева. Они как бы «благославляли» указанных «вождей», прочно и надолго заняв места своего рода «небесных патронов». «Житийный» стиль и характер их биографий должен был способствовать

---

[80] «Мы пытались методы и шаблоны внутренней гражданской войны, - писал В.Путна, - механически применить и в войне, хотя и классовой, революционной, но все же, по существу, внешней и притом – в условиях недостаточного классового расслоения во вражеской стране». // Гражданская война в СССР 1918-1921 гг. - Т.2. - С. 279.

[81] Вольпе А. Преследование в гражданской войне. //Гражданская война в СССР. - Т. 2. - С. 233-253.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

их популяризации и успеху правительственной пропаганды. Она превращала «номенклатурных» здравствующих «вождей Красной Армии» в «истинных».

...Закулисные политические интриги, борьба за власть, за ее укрепление, а также проблемы радикальной модернизации Красной Армии обусловили стремление И.Сталина найти среди «генералов» человека талантливого, дельного, честолюбивого, но политически «бесчувственного». И.Сталину нужна была своя «шпага», настоящая, а не «плакатная» в облике К.Ворошилова. «Генералом», который, будучи сталинской креатурой, по мнению И.Сталина, мог вытеснить из армейского руководства, из общественного мнения и из памяти Красной Армии «старых вождей», оказался появившийся летом 1930 г. на первых ролях в армии - И.Уборевич. Впрочем, «вождем» Красной Армии И.Уборевич пробыл недолго. Его «звезда» сияла на политическом небосклоне до лета 1931 г. Видимо, он оказался не тем, кого ожидал в нем увидеть И.Сталин.

Между тем, октябре того же 1930 года поднялась новая волна «разоблачений» и дискредитации оперативно-стратегического авторитета М.Тухачевского. Высказывания В.Меликова, без каких-либо ограничений в определениях и сравнениях, резких и оскорбительных в отношении М.Тухачевского появились в октябрьском номере за 1930 г. журнала «Война и революция»[83]. В статье «Сражение на Висле в свете опыта майско-августовской кампании 1920 г.» автор всю полноту вины за поражение под Варшавой в августе 1920 г. «сваливает» лишь на М.Тухачевского и С.Каменева[84]. Сомнительно, что это делалось без благосклонного отношения со стороны И.Сталина, хотя, скорее всего, без его прямого вмешательства или указаний. Но ведь почти одновременно, 23 марта 1930 г. в письме к К.Ворошилову, выражая свое мнение о

---

[82] Егоров А.И. Львов-Варшава. 1920 год. Взаимодействие фронтов. - М.: Госвоениздат, 1929.
[83] Меликов В. Сражение на Висле в свете опыта майско-августовской кампании 1920 г. //Война и Революция. – 1930. - № 10.
[84] Меликов В.А. Сражение на Висле в свете майско-августовской кампании 1920 г. - С. 39-40.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

действительном «лидере» Красной Армии, И.Сталин писал: «Ты знаешь, что я очень уважаю т. Тухачевского, как необычайно способного товарища»[85].

В 1932 г., после почти пятилетней «опалы», вновь на официальном уровне началась популяризация М.Тухачевского. В феврале 1933 г. за выдающиеся успехи в перевооружении Красной Армии его наградили Орденом Ленина. В 1934 году он, наряду с К.Ворошиловым, делал доклад на 17 съезде партии и был избран кандидатом в члены ЦК ВКП (б). В 1934 г. был упразднен РВС СССР, и руководство Красной Армией оказалось у номенклатурной «тройки». «Первая тройка» советской военной элиты включала: К.Ворошилова (наркома обороны СССР), Я.Гамарника (начальника ПУ РККА и 1-го заместителя наркома), М.Тухачевского (2-го заместителя наркома). Особенно часто о нем стали писать и помещать его фотографии в центральных газетах, особенно в «Красной звезде» с января 1935 года.

В передовой статье газеты «Правды» от 1 февраля 1935 г. была дана сложившаяся тогда для общественного мнения страны иерархия «вождей и героев» Красной Армии. «Мы оказались победителями потому, - было написано в этой статье, - что наша армия была подлинной армией рабочих и крестьян, завоевавших свою свободу и защищавших свои законные права.... Потому что наша армия имела своих талантливых полководцев: своего Фрунзе, своего Ворошилова, Буденного, Тухачевского, Блюхера, Егорова, Гая, Якира, Кутякова, Чапаева, Федько...»[86]. Однако популярность «героя гражданской войны», слава начдива 24-й Железной, включение Г.Гая в число «талантливых полководцев» Красной Армии не уберегло его от репрессий в том же году. В июле 1935 г. он был арестован НКВД за то, что, «будучи выпивши, в частном разговоре с беспартийным сказал, что «надо убрать Сталина, все равно его уберут»[87]. А в следующем, 1936 году, в глазах широкой советской общественности военная элита СССР весьма красноречиво была представлена на плакате. (Монтаж был со-

[85] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 58. Машинописная копия. Опубликовано: Исторический архив. 1998, № 5-6, с. 147-152; Советское руководство. Переписка 1928-1941. - М., 1999. - С. 113.
[86] Правда. - 1935 г. – 1 февраля.
[87] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 82. Л. 77. – Документ опубликован в сборнике: Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар госбезопасности. Сборник документов. - Казань, 1997. - С. 452.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ставлен для печати еще в 1935 году, поэтому помещенные на плакате лица военачальников и их очередность отражали ситуацию 1935 года). «Для массы» советских граждан Красная Армия была представлена 14-ю «вождями», расположенных в соответствие с явно неслучайной и непроизвольной иерархией:

1.Ворошилов К.Е.	8.Каменев С.С.
2.Гамарник Я.Б.	9.Орджоникидзе Г.К.
3.Тухачевский М.Н.	10.Буденный С.М.
4.Егоров А.И.	11.Алкснис Я.И.
5.Халепский И.А.	12.Муклевич Р.А.
6.Орлов В.М.	13.Эйдеман Р.П.
7.Якир И.Э.	14.Уборевич И.П.

Впрочем, и М.Тухачевский, как и другие «военные вожди» уже в значительной мере утратили свою подлинную «меритарность». Все они превратились в «номенклатурных». Их порядок и места, на которые они были помещены, определялись «свыше». М.Тухачевский был лишь «третьим», И.Якир, командующий главным на территории европейской части СССР, Киевским военным округом – 7-м, а И.Уборевич, командующий одним из важнейших военных округов – «последним», 14-м в списке. В.Блюхеру же вообще не нашлось места в данном «списке вождей Красной Армии».

Номенклатурное положение М.Тухачевского и его покорность власти красноречиво передал в своих впечатлениях А.Бармин, после долгого перерыва, вернувшись из-за границы, посетивший его в 1934 г.

«Моя первая встреча с Тухачевским после долгой разлуки прочно осталась в моей памяти, - вспоминал А.Бармин. - Маршал вышел из-за стола мне навстречу с непринужденной вежливостью, с какой он всегда обращался с младшими. Он пополнел, виски его были тронуты сединой. Но лицо его было по-прежнему молодым и оживленным. Он был так же уверен в себе, так же внимателен к собеседнику. Во время беседы зазвонил телефон. Маршал спокойно взял трубку, но вдруг неожиданно вскочил на ноги и заговорил совсем другим

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

голосом: «Доброе утро, Клементий Ефремович.... Так точно, как вы скажете, Клементий Ефремович.... Будет выполнено, Клементий Ефремович...». Так он говорил с Ворошиловым. Этот случай произвел не меня тяжелое впечатление. Глядя, как этот замечательный военачальник получает и реагирует на приказы, я стал понимать, почему на то, чтобы дать ответ на мой вопрос требуется несколько дней. Даже Тухачевский уже не мог принимать решения, он просто выполнял приказы.... В ходе последующих контактов с ним я сделал вывод, что его воля была сломлена; в огромной бюрократической машине он стал простым винтиком. Из лидера он превратился в простого служащего»[88]. Таким образом, «меритарный» принцип формирования персонального состава советской военной элиты, доминировавший в общественном мнении в Советской России и СССР в первой половине 20-х, с их второй половины начал активно «разбавляться» государственно-номенклатурным. К началу 30-х годов представление о военной элите, о «вождях и героях» Красной Армии, в советском общественном мнении полностью формировалось официальной пропагандой, проводившую подбор «персоналий» по политической и идеологической номенклатуре. Лидирующую «тройку вождей Красной Армии» 20-х годов – Л.Троцкого, М.Тухачевского, С.Буденного – сменил уже в начале 30-х новый состав: И.Сталин, К.Ворошилов, М.Фрунзе, М.Тухачевский и С.Буденный. Учитывая, что политическая коньюнктура, социо-культурные процессы и общественное мнение в РСФСР и СССР в 20-е годы в значительной мере предопределялись коньюнктурой международной, в частности, особой политической ролью «русского белого зарубежья», возникает насущная необходимость обратить внимание на общественное мнение о советской военной элите, сложившееся и «за кордоном».

[88] Бармин А. Соколы Троцкого. - М.: Современник, 1997. - С. 259-260.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

1.2.«Наполеоновская легенда» в русском зарубежье.

Состав советской военной элиты в общественном мнении этого времени формировался и на основе информации и мнений компетентных кругов русской военной эмиграции. Они прекрасно знали ряд военных специалистов, служивших в Красной Армии, еще по дореволюционной их служебной и профессиональной деятельности. Одних по совместной службе или учебе, приятельским отношениям, других – по репутации, сложившейся в ходе гражданской войны. К концу 1922 г. в русском монархическом зарубежье иерархия «лидеров» Красной Армии по военно-политической значимости и популярности выстраивалась в следующем порядке: М.Тухачевский, С.Каменев, П.Лебедев, А.Брусилов[89]. В 1923 г. иногда появляются фамилии Э.Склянского, Б.Шапошникова и М.Фрунзе[90].

Первое упоминание о М.Фрунзе в дневнике А.фон Лампе относится лишь к 8 апреля 1924 г[91]. Следует отметить, что в последующих записях А.фон Лампе 1924-1926 гг. М.Фрунзе упоминается мимоходом лишь один раз[92]. До 1924 г. в газете «Русская правда» однажды упоминается в искаженном прочтении фамилия «Фрумзе»[93]. В разведматериалах «ближнего зарубежья» порой встречаются фамилии И.Якира и В.Левичева[94]. «Совершенно точно и документально установлено, - представляет свой состав советской военной элиты А.фон Лампе 6 июня 1923 года, - …что в Германии ни одного из представителей Красного командования (вроде Тухачевского или Буденного) или видного офицера Генерального штаба (вроде Гатовского, Свечина, Бонч-Бруевича, Гутора и др.) никогда не было и нет…»[95].

К 1922 г. и для русского белого зарубежья не было секретом, что действительным руководителем Красной Армии, стоящим за спиной у Главкома

---

[89] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 88.
[90] Там же, с. 89.
[91] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 66.
[92] Там же, Д. 19. Л. 8506.
[93] Там же, Д. 14. Л. 6572.
[94] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 89.
[95] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 5817.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

С.Каменева, «в его тени», является начальник Штаба РККА П.Лебедев. Берлинский резидент и конфидент генерала П.Врангеля, генерал А.фон Лампе, 16 ноября 1922 г. отразил эти представления, записав в своем дневнике, что «Троцкий выкуривает» генерала П.Лебедева «с должности начальника Штаба Каменева, которого Лебедев забрал в свои руки»[96]. Отражая уже давно устоявшееся в русском зарубежье мнение, Р.Гуль писал о нем, несомненно, по отзывам лиц, хорошо знавших П.Лебедева: «Талантлив и тонок...Талантливый, но в тени, начштаба П.П.Лебедев, слывший «Борисом Годуновым» при «Федоре Иоанновиче» (С.Каменеве)»[97].

В апреле - июле 1923 г. в дневниковых записях А.фон Лампе упоминаются А.Снесарев, А.Геккер, командующий Отдельной Кавказской армией А.Егоров, его начальник штаба С.Пугачев[98], командующий Петроградским военным округом В.Гиттис[99]. Автор дневника знал его еще по службе в старой армии[100].

«Схожий тип представляет собою «правая рука» Троцкого генерал Балтийский[101], - писал в 1923 г. генерал А.Геруа, высвечивая представителей реальной советской военной элиты, - но только по сравнению с Брусиловым он, конечно, всегда плавал более мелко. Слишком искательный и угодливый перед военным министром генералом Сухомлиновым, он был за это с началом революции отставлен от активной службы. С пришествием большевиков он, недолго думая, предложил свою помощь Троцкому, с которым сделался неразлучен. На его активе с той поры числятся «Брестский договор», и расстрел 54000 офи-

---

[96] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3341.
[97] Гуль Р. Красные маршалы. С. 92-93.
[98] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 4881.
[99] Там же, Д. 12. Л. 5140.
[100] Там же, Д. 24. Л. 11295.
[101] Балтийский Александр Алексеевич (1870-1939), Генштаба генерал-лейтенант, окончил также Морскую академию. Перешел на сторону советской власти одним из первых высших офицеров русской армии С.декабря 1917 г. – помощник начальника Генштаба. С апреля по июнь 1918 г. военный руководитель Высшей военной инспекции. С августа по октябрь 1918 – начальник штаба 4-й армии Восточного фронта, затем до января 1919 г. – командующий 4-й армией. С января по август 1919 г. для особых поручений при командующем Южной группы Восточного фронта (командующий М.Фрунзе). С августа 1919 и по апрель 1920 г. (с перерывами) – начальник штаба Туркестанского фронта (у М.Фрунзе). В апреле-октябре 1920 г. командующий Заволжским военным округом, вел борьбу с бандитизмом. С октября 1920 г. – в распоряжении Главкома, а с октября 1921 г. – в резерве Штаба РККА. После этого на преподавательской работе. В 1930 г. был арестован по «делу генштабистов» в ходе операции «Весна», затем, после освобождения, через несколько был вновь арестован в 1938 г. Расстрелян и реабилитирован. – См. «Список лиц с высшим военным образованием...».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

церов старой армии, бывших товарищей по оружию этого генерала»[102]. На Западе в это время об А.Балтийском отзывались как о «русском Мольтке и мозге Троцкого»[103]. Считали, что его цель – «пренебрегая предрассудками русской военной среды, сберечь неприкосновенность границ России… и армии»[104].

Товарищи по старой армии, оказавшиеся в эмиграции называли также генерала П.Сытина и оставили о нем[105] свои, крайне субъективные, однако весьма красноречивые характеристики. «С внешностью и с содержанием гоголевского героя-шулера, знаменитого Ноздрева, - так начинает характеризовать П.Сытина один из его старых приятелей, - в молодости исключенный из Генерального штаба за нечистую карточную игру, переведенный за это «в наказание» в артиллерию (точно этот род оружия мог терпеть шулеров?), во время Великой войны добрался до должности начальника дивизии…»[106].

Следует отметить, что из «революционных генералов», известностью и своеобразной популярностью в белом зарубежье пользовались лишь двое - С.Буденный и М.Тухачевский. В русском военном зарубежье поговаривали, что «Буденный… белых вождей не ругает, а считает себе равными» и заявляет, что «мы не получили бы Крыма, если бы его не продали»[107]. «Буденный будет еще служить царю», - так его характеризует И.Ильин[108]. «Необходимо внушить не только старым офицерам Красной Армии, - рассуждали белоэмигрантских кругах в начале 1924 г., - но и таким как Буденный, что против них ничего нет и с ними будут работать.... Буденному надо дать Анну первой степени и генеральство – почему нет – ведь Павличенко генерал…»[109].

---

[102] Геруа А. Стихия гражданской войны. //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. С. 185.
[103] Там же.
[104] Там же.
[105] Сытин Павел Павлович (1870-1938), из семьи военного чиновника, Генштаба генерал-майор, участник русско-японской и 1-й мировой войны. С декабря 1917 г., избранный командировм корпуса, перешел на сторону советской власти. С января 1918 г. добровольно вступил в РККА. С марта до ноября 1918 г. командовал Брянской группой Западного участка отрядов завесы; вел переговоры с германским командованием в Харькове; был начальником 2-й Орловской пехотной дивизии; командовал Южный участком отрядов завесы и Южным фронтом. В 1918-1920 гг. был начальником военно-административного отдела управления делами РВСР. В 1920-1921 гг. – военный атташе в Грузии. В последующие годы на преподавательской работе. С 1934 г. в отставке. Репрессирован в 1938 г. Реабилитирован.
[106] Геруа А. Стихия гражданской войны. - С. 186-187.
[107] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3287.
[108] Ильин И.А. Записка о политическом положении…. //Русское прошлое. - № 6. - С. 220.
[109] ГАРФ. Ф. 5853. Оп.1. Д. 14. Л. 6965.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Весьма примечательно, что уже с начала 20-х годов в русских военно-эмигрантских кругах большое внимание привлекал М.Тухачевский. «Среди военспецов и главковерхов Красной Армии, почти с первых дней большевистского владычества… часто повторяется имя Тухачевского, молодого, способного офицера, которому советская власть поручала за эти годы ряд ответственных задач…»[110], - отмечалось в газете «Руль» в октябре 1922 г. «Тухачевский, бесспорно, является самым крупным советским военным специалистом из числа лиц, занимающих высшие посты в Красной Армии», - считал его однополчанин и известный военный историк полковник А.Зайцов[111]. М.Тухачевский становится блуждающим, таинственным и внушающим надежды «призраком» русского белого зарубежья. «Мифологическое» присутствие «загадочного Тухачевского» мерещилось везде, где веяло дыханием политической тайны или тянуло «революционным дымком». Фигура М.Тухачевского заняла особое место и фактически вытеснила, в сознании русской эмиграции, других советских военачальников. В каждом заметном и важном военно-политическом событии виделся М.Тухачевский. Он превращался, таким образом, в своеобразный синоним, символ или «знак» «революционного генерала» Красной Армии.

«Если верить газетам, ему (М.Тухачевскому) поручили действия против Приморских правителей», отмечается в «Руле» осенью 1922 г[112]. В «Русской правде», другой эмигрантской газете, читатели неоднократно информировались о том, что «по приказу Совнаркома на Юг послан командарм Тухачевский, чтобы подавить народное движение»[113]. «У меня есть слухи, - сообщает в своем письме от 22 октября 1922 г. А.фон Лампе, - что под фамилией Скорина, в Берлине Тухачевский…»[114]. «…Тухачевский ведет здесь какие-то переговоры с немцами, - записал в своем дневнике А.фон Лампе 22 марта 1923 г. – О них я пока ничего не мог узнать»[115]. Вспоминая о событиях накануне «немецкого Ок-

[110] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.
[111] Зайцов А. Шестнадцать лет РККА. //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - С. 257.
[112] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.
[113] Там же, Д. 14. Л. 6572.
[114] Там же, Д. 9. л. 3463.
[115] Там же, Д. 10. Л. 4133.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

тября» 1923 г., В.Орлов писал, что в Берлин «под фамилией Полянина приехал Тухачевский, молодой человек крупного телосложения, с непроницаемым выражением лица и крючковатым носом, очаровавшим всю Фридрихштрассе своими размерами»[116].

Для эмиграции М.Тухачевский представлял интерес, прежде всего, как умный, решительный и безжалостный генерал, способный любой ценой подавить «народное восстание». Он сумел сделать то, с чем не справились ни Л.Корнилов, ни А.Колчак, ни А.Деникин, ни П.Врангель.

Информация, поступавшая из Советской России, формировала в русском белом зарубежье мнение о популярности М.Тухачевского в «Совдепии», в Красной Армии, о его «разладе» с большевистской властью, с подозрением относившейся к «революционному генералу». 16 ноября 1922 г. А.фон Лампе записал в своем дневнике: «Некто Цветков[117], который служил в красной академии и много мне рассказывал,...что Тухачевского Троцкий назначил начальником академии потому, что боялся его популярности на фронте, а из академии его выкурила коммунистическая ячейка. Рассказывают, что он вел себя много лучше, чем теперешний начальник академии настоящий генерал Лебедев...»[118].

...Истоки «бонапартистской легенды» М.Тухачевского в русском зарубежье уходят в эпоху гражданской войны. Еще в марте 1920 г., наблюдая за гибельным для белых войск генерала А.Деникина исходом битвы за Северный Кавказ, полковник А.фон Лампе высказал в своем дневнике знаковое соображение: «Какая ирония: Тухачевский бьет Деникина! Не Наполеон ли?»[119]. В конфиденциальной разведсводке «Комсостав и военспецы Красной Армии» от 15 февраля 1922 года, составленной в берлинском представительстве генерала П.Врангеля значилось: «...Лица, близко знающие Тухачевского, указывают, что он человек выдающихся способностей и с большими административными и военными талантами. Но он не лишен честолюбия и, сознавая свою силу и авто-

[116] Орлов В. Двойной агент. - М.: Современник, 1998. - С. 113.
[117] Возможно, это Цветков Николай Сергеевич, бывший офицер, преподаватель Военной академии РККА участник подпольной контрреволюционной организации «Национальный центр» в 1918-1919 гг. Близкий приятель известного военного инженера генерал-лейтенанта К.Величко.
[118] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3340.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ритет, мнит себя русским Наполеоном. Даже говорят, он во всем старается подражать Наполеону и постоянно читает его жизнеописание и историю. В дружеской беседе Тухачевский, когда его укоряли в коммунизме, не раз говорил: «Разве Наполеон не был якобинцем?»... [120] Молодому офицерству, типа Тухачевского и других, примерно до 40-летнего возраста, занимающему командные должности, не чужда мысль о единой военной диктатуре»[121]. ...Глубоко озабоченный будущим России, «белого дела» и судьбой русской эмиграции, монархист генерал А.фон Лампе вынужден искать новые пути. Размышления, вновь и вновь появляющиеся на страницах его дневника, отражают, несомненно, настроения определенного круга лиц русской военной эмиграции. «Мне кажется, что монархистам придется перейти к идеям прямого бонапартизма, - склоняется к этой мысли А.фон Лампе в дневниковой записи 12 марта 1923 г[122]. – Я лично считаю, что царем на Руси должен быть тот, кто сумеет этого добиться[123].... Это возможно только внутри самой России![124].... Если бонапартизм Врангеля был не мифом, я пошел бы за ним[125].... Ну да все равно, пусть хоть Буденный

---

[119] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 422.

[120] Как это видно из текста, источником информации о М.Тухачевском являлись «лица, близко знающие Тухачевского». Возникает вопрос: кто эти «лица», имеющие возможность информировать представителей русской военной эмиграции о настроениях в комсоставе РККА и которые, в то же время, настолько близки к М.Тухачевскому, что он позволяет себе в их присутствии столь политически «опасные и подозрительные» откровения? В целом по своей смысловой тональности и по контексту, приведенная выше информация весьма напоминает воспоминания Л.Сабанеева, который, оказавшись в эмиграции, вспоминал о том, что в юности М.Тухачевский «снимался в позах Наполеона, усваивал себе надменное выражение лица..., заявлял, будучи уже командармом и комфронта: «Я не большевик,... но сейчас мне по пути с большевиками». Поэтому, не исключено, что прямо или косвенно информация о внешнем «наполеонизме» М.Тухачевского могла попасть в разведсводку и через Л.Сабанеева, во время одной из его командировок за границу. - Цитируется по: Опишня И. Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства. – Возрождение, Париж, 1955. - № 39. - С. 110.

Впрочем, источником информации мог стать и В.Готовский, бывший генерал Генерального штаба, приезжавший в Берлин в январе 1922 г. с конфиденциальными поручениями и на похороны своего брата С.Готовского, оказавшегося во время гражданской войны в составе белой армии. – ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3463.

Младший из братьев А.Готовский, бывший ротмистр л-г.Кирасирского Ее Величества полка в 1920-1922 гг., благодаря Н.Какурину и А.Зайончковскому оказался в кругу, весьма близких к М.Тухачевскому бывших офицеров Генерального штаба. Среди них оказался и старший из братьев, упомянутый выше В.Готовский. Несомненно, во время пребывания в Берлине у него была возможность поделиться своими впечатлениями с бывшими сослуживцами и приятелями по старой армии, оказавшимися в эмиграции. - Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА (к 1 марта 1923 г.). - М.: Штаб РККА, 1923. - С. 47. Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году.... //Военные архивы России. – Выпуск № 1. - С. 110.

[121] Цитируется по книге Щетинова Ю.А. и Старкова Б.А. Красный маршал. С. 6.

[122] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4125

[123] Там же, Д. 11. Л. 4708.

[124] Там же, Д. 10. Л. 4125.

[125] Там же, Д. 11. Л. 4708.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

или Тухачевский!»[126]. Отвергая в качестве «кандидата в Наполеоны» Л.Троцкого, А.фон Лампе вновь возвращается к «бонапартистским размышлениям» 18 марта 1923 г.: «Повидимому России придется пройти и через «красного Наполеона», должен сказать, что при всем том, что сейчас прямо иду к исповеданию бонапартизма, я не могу пойти за жидом! Не атавизм ли?!»[127]. В январе 1924 г. А.фон Лампе заключает в своем дневнике: «...Троцкий, повидимому, не может опереться на Красную Армию, то есть, она не в его руках – это повышает значение спецов...»[128].

Ожидания и надежды на внутрироссийское, «национально-бонапартистское» перерождение Советской России и решающую роль в этом деле советской военной элиты характерны были в это время для значительной части «белой» военной элиты. «К сожалению,- информировал Главкома П.Врангеля начальник информационного отделения его штаба полковник А.Подчертков в феврале 1922 г., - даже в верхи старого генералитета и кадрового офицерства все более проникает мысль о бесцельности борьбы с большевизмом, о необходимости примириться с ним и честно, не вдаваясь ни в какую политическую игру, работать с Советской Россией на пользу общему «национальному» делу[129]. Пожалуй, наиболее красноречиво об этой тенденции можно судить по одной из эмигрантских военных организаций, которую возглавлял полковник Анисимов[130]. Он ратовал за возвращение личного состава Русской армии в Советскую Россию. Как он заявлял, «свою настоящую деятельность он не направляет... на разрушение Русской армии, а исключительно ведет борьбу с ее командованием, которое, по его мнению, препятствует естественному и неизбежному слиянию двух Русских армий – Белой и Красной – и может привес-

[126] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4125.
[127] Там же, Л. 4131.
[128] Там же, Д. 14. Л. 6264.
[129] Сводка Генерального штаба Русской армии о провале попыток создания резерва для армии. – Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. (Сборник документов из Центрального архива ФСБ). - М.: Гея, 1998. - Т.1, кн. 2. - С. 178.
[130] Анисимов Иван Дмитриевич (1886-1938), полковник. Окончил Алексеевское военное училище (1907). В Русской армии генерала П.Врангеля занимал административно-хозяйственные должности. В Красной Армии с 1921 г. В 1924-1926 гг. в центральном аппарате Разведупра Штаба РККА. В 1926-1936 гг. состоял в распоряжении 4 Управления Штаба РККА. 1936-1937 – начальник сектора Разведупра Генштаба РККА. Арестован 11 декабря 1937, расстрелян 22 августа 1938.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ти к новому пролитию крови между ними» [131]. В этом плане интересны размышления генерала А.фон Лампе, в общем, также усматривавшего «единоутробное» «революционное» происхождение и Красной Армии, и Белой. Он обращал внимание на однородные социо-культурные и неформальные инфраструкутурные свойства советской и «белой» военной элиты. Склонность усматривать некое «коренное» единство «красной» и «белой» армий проявляется уже весной 1920 г. в записях А.фон Лампе. «Меня очень интересует сущность Красной Армии, - записал он в своем дневнике в апреле 1920-го. – Создана она была социалистическим бредом, но борьба с нами, введение в нее настоящих офицеров, постепенное возвращение к дореволюционным порядкам – это тоже глава в той книге, о которой я мечтаю»[132]. «Я не могу верить, что эти господа с Каменевым во главе стали коммунистами»[133], - записал А.фон Лампе в мае 1920 г. в связи с учреждением Особого Совещания при Главкоме вскоре после начала советско-польской войны. Он имел в виду включение в это Совещание генералов А.Брусилова, А.Зайончковского, А.Цурикова, Д.Парского, В.Клембовского и др. «Ну, если наши генералы и на этот раз не сумеют забрать в руки Красную Армию и вырвать влияние у советских воров, - продолжает рассуждать автор дневника, - тогда я готов признать, что нам нужна Советская власть.... Цуриков приезжал в Екатеринодар, Зайончковский готовится быть с нами.... Словом, коммунисты они маринованные, и это случай, который не повторится. Наличие Брусилова с его способностью приспособляться, едва ли поможет делу, но все же возможность открывается уж очень большая!»[134].

Генерал А.фон Лампе выразил очень интересную и продуктивную мысль о единой природе «красной» и «белой» «революционных армий», однако не довел ее до логического завершения в силу причин, на которых не хотелось бы в данном случае задерживать внимание. Сопоставляя обе «революционные армии», генерал А.фон Лампе писал в 1929 г.: «В отношении военной подготовки,

---

[131] Агентурные сведения, полученные Иностранным отделом ГПУ об организации полковника Анисимова. 25 апреля 1922 г. – Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Т. 2. - С. 265.
[132] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 456.
[133] Там же, Л. 476.
[134] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

боевого опыта и технических знаний у руководителей армии – все преимущества были, конечно, на стороне белых. В этом отношении вождей можно было бы разделить на три группы: старые начальники Русской Армии; начальники, выдвинувшиеся из рядового офицерства; и, наконец, начальники, выдвинутые волной революции и революционнной борьбы. В числе лиц, - продолжает генерал, - принадлежавших к первой группе, белые армии имели в своих рядах почти всех выдающихся русских вождей европейской войны. Мы видим в рядах белых двух Верховных Главнокомандующих – Алексеева и Корнилова; мы видим главнокомандующих армиями фронта – Деникина, Драгомирова и Иванова; мы видим в рядах белого генералитета почти исключительно лиц с высшим военным образованием или теоретическим цензом в лице генералов Врангеля и Краснова, или кроме того и со служебным – Каледин, Марков, Дроздовский, Богаевский, Лукомский, Казанович, Май-Маевский, Юденич, Флуг, Миллер, Эрдели, Марушевский, Мурузи, Сахаров, Дидерихс, Каппель и др. Что касается второй и третьей группы, то в этом отношении я не вижу никакого различия между красными и белыми рядами: если у красных были Гиттис и Тухачевский, офицеры по службе и образованию, то у белых были Покровский и Шкуро; если у красных командовали порожденные революцией матрос Дыбенко и вахмистр Буденный, то в белых рядах командовали Пепеляев, фельдшер Гайда, вышедшие из казачьих низов генералы Топорков и Павличенко...»[135].

...Полковник Анисимов, как сообщали осведомители, «всегда... старается подчеркнуть свой национализм и веру в возрождение России русскими силами, причем необходимой мерой к тому считает восстановление Красной Армии против коммунистов и военной диктатуры, идущей из Красной Армии»[136]. «По общему мнению, которое я и сам разделяю, - записал в своем дневнике 24 декабря 1923 г. А.фон Лампе, - у нас один путь для работы – союз с Красной Армией и террор в самой России»[137].

---

[135] Лампе А.А. фон. Причины неудачи вооруженного выступления белых. //Деникин А.И., Лампе А.А. Трагедия белой армии. – М., 1991.
[136] Лампе А.А. Указ соч.
[137] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 5803.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В связи с этими настроениями свое недовольство и сетования поведением П.Врангеля автор дневника выразил еще в ноябре 1922 г. «Врангель дискредитировал себя в глазах красных командиров производством Шатилова и др., т.е. тем, что он с собой ведет Тухачевским и иным новое начальство», - записал А.фон Лампе в дневнике[138]. Эти настроения усиливались благодаря всевозможным слухам и беглецам из Советской России.

«В тот же день (27 сентября 1922 г.) у меня был некто Н.Н.Алексеев, который только что бежал из Совдепии, - отметил в дневнике А.фон Лампе. – В Москве он видел Слащова, которому предлагали назначение Главнокомандующим на Дальнием Востоке, но тот, боясь выступлений против себя, не едет. По словам Алексеева, Слащов, а с ним Гильбих (не Генерального штаба) и Мильковский, живут так же, как Лазарев, припеваючи, а Слащов также и бросил пить! Все они не коммунисты и жаждут работы на воссоздание армии и в этом видят спасение России...»[139].

Генерал-лейтенант Слащов Я.А. (1885-1929) еще в 1921 г. вернулся в РСФСР. Он имел много скрытых сторонников в Русской армии П.Врангеля, будучи, фактически, оппозиционным лидером русской военной эмиграции. Вслед за ним большая группа генералов и старших офицеров Русской армии также вернулась в СССР в 1922 г. Среди них генералы Ю.Гравицкий и А.Секретев[140], пользовавшиеся достаточным авторитетом среди личного состава белой армии. Репатриировавшиеся в РСФСР белые генералы даже приобрели на некоторое время весьма заметную роль в стране, в ее политической жизни и в армии. Они были зачислены в состав Красной Армии, они преподавали в Военной Академии РККА и других военных учебных заведениях. Однако наиболее ценной

---

[138] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3341.
[139] Там же, Л. 3286-3287.
[140] Гравицкий Георгий (Юрий) Константинович (1883?-1930), полковник к 1917 г. Участник 1-й мировой войны. В Добровольческой армии с ее основания. Участник 1-го Кубанского («ледяного») похода. В Русской армии генерала П.Врангеля генерал-майор, командир Марковской дивизии. Вернулся в Советскую Россию в 1922 г. Репрессирован в 1930 г.

Секретев Александр Степанович (ок.1880-1930), генерал-лейтенант. Участник русско-японской и 1-й мировой войн. В 1917 г. полковник, командир 25-го Донского казачьего полка. В Донской армии генерала П.Краснова – командир бригады, генерал-майор. Участник рейда генерала Мамонтова в 1919 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

была в это время их деятельность и их роль по дальнейшему разложению и фактической ликвидации Русской армии.

«В Болгарии в настоящее время особую деятельность проявляет генерал Секретев и бывший командир (Марковского) полка генерал Гравицкий, - записал в своем дневнике 31 октября 1922 г. А.фон Лампе, – оба приняты на службу к большевикам. Оба генерала работают по привлечению на службу в формируемый красный корпус своих бывших товарищей и подчиненных. В распоряжении генерала Гравицкого имеется особая казарма, куда направляются записавшиеся. Оба генерала указывают при этом, что они ранее голодали, а теперь обеспечены услугами и одеждой; обещают сытую, спокойную жизнь в составе воинских частей, прекращение преследований»[141]. А.фон Лампе в это время получил информацию о том, что даже «с Витковским велись переговоры через марковца-штаб-ротмистра Щеглова от имени генералов Бонч-Бруевича и Балтийского о переходе на сторону СССР с обещанием сохранить его в должности командира корпуса»[142].

В 1922 г. репутации Русской армии и ее руководителям был нанесен еще один удар: против армии и продолжения антисоветской деятельности выступили генералы Е.Достовалов, А.Кельчевский, С.Добророльский, В.Сидорин. В.Сидорин и А.Кельчевский были весьма популярны среди донских казаков. В 1919 г. они возглавляли Донскую армию. В.Сидорин был ветераном белого движения. Он начинал еще в августе 1917 г. вместе с генералом Л.Корниловым. А.Кельчевский, помимо прочего, был весьма авторитетным военным ученым, профессором Академии Генерального штаба. Особенно чувствителен был удар, нанесенный поступком генерала Е.Достовалова. С 1919 г. он являлся практически бессменным начальником штаба у генерала А.Кутепова, в Добровольческом корпусе, 1-м корпусе, 1-й армии. Ныне он занял откровенно «пробольшевистскую» позицию и фактически перешел на сторону Советской власти.

---

[141] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3624.
[142] Там же, Л. 3627.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Мощный деморализующий удар был нанесен армии и гибелью в ноябре 1922 г. весьма известного и популярного среди кубанских казаков генерала В.Покровского.

В 1923 г. с должности командира Корниловского ударного полка был отставлен П.Врангелем самый «старый корниловец», своего рода воплощение и один из символов «белого дела», самый молодой белый генерал, «герой белого дела» Н.Скоблин[143]. П.Врангель отправил его в отставку из-за постоянных отлучек, связанных с гастрольными поездками его жены, известной русской певицы Н.Плевицкой. Хотя Н.Скоблин никогда не был в числе «первых вождей» «белого дела», он, однако, был весьма популярен в Добровольческой и Русской армии. Репатриантские настроения возникли у Н.Скоблина уже в 1921-1922 г. Отчасти под впечатлением отъезда и уже «советской судьбы» генерала Я.Слащева. Отчасти на настроения генерала оказывала воздействие имевшая на него влияние его прославленная и капризная жена – Н.Плевицкая. Дело дошло даже до переговоров с Ф.Дзержинским. Отъезд не состоялся потому, что в то время ОГПУ, открывая возможность для возвращения самой Н.Плевицкой, не обещало амнистии ее мужу генералу Н.Скоблину[144]. Само по себе такое поведение Н.Скоблина, вызвано было и бедностью, и несомненным неверием в перспективы «белого дела» и Русской армии, и фактическим смещением ценностей в жизненной ориентации.

Появление и последующее упрочение «наполеоновской харизмы» М.Тухачевского в русском военном зарубежье, среди «белой» военной элиты, в значительной мере было обусловлено разочарованием в П.Врангеле и скептическим отношением к другим, «популярным» белым генералам, претендовавшим на «врангелевское» место «вождя белого дела».

По мнению генерала Я.Слащева, «Врангель – честолюбив, властолюбив, хитер и в душе предатель, но самый умник из оставшихся там генералов – еще

---

[143] В книге «За отворотом маршальской шинели» дается развернутая биографическая справка и персональная характеристика генерал-майора Н.В.Скоблина (1894-1938?), что делает излишним вновь пространно характеризовать эту личность. – Минаков С.Т. За отворотом маршальской шинели. – Орел: Орелиздат, 1999. - С. 237-248.

[144] См. Млечин Л. «Фермер сообщает из Парижа». - М., 1992; Млечин Л. Алиби для великой певицы. -М.: Гея, 1997.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

могу добавить: продажен и любит (очень умно) присвоить черную собственность себе на благо»[145]. Мнение Я.Слащева, несомненно, весьма субъективно: генералы были военно-политическими антагонистами. Однако это мнение, в основном, подтверждалось и другими лицами. «Генерал Врангель – самый умный генерал в Константинополе, - считал полковник Э.Гильбих; - крайне честолюбив, по слухам, питал даже надежду стать Императором России; ради своей выгоды готов потопить кого угодно; не терпит подчиненных с умом и самостоятельным характером; не держит своего слова; ставит свой интерес выше всякой идеи»[146]. «...Достаточно умный, честолюбивый, себялюбивый и страдающий манией величия, - высказывал свое мнение о «черном бароне» генерал А.Мильковский. - Хорошее образование, общее и военное. Твердости нет. Начальник штаба и начальник контрразведки имеют на него влияние. В выборе помощников не терпит людей с собственным мнением. Большой интриган. Пользуется любовью на Галлиполи, так как создал себе ореол мученика и пленника союзников, не позволяющих ему видеться с армией. Ему там верят, так как информация в его пользу. Среди беженцев и казаков любовью не пользуется. Как военный имел несколько боев»[147].

Примечательны наблюдения русской военно-морской разведки, относящиеся к лету 1921 г.: «Фактически в руках Кутепова находится вся военная сила, в то время как в руках Врангеля – только Ставка. Эта группа очень неодобрительно относится ко всем демократическим разговорам штатских людей около Врангеля, еще терпит его «новую тактику», и только полная бездарность генерала Кутепова и его дисциплинированность уничтожают ту силу, которую он фактически имет в руках.... За последнее время благодаря дикому поведению Кутепова, с одной стороны, и агитации против него, которую вел Шатилов, вес Кутепова поуменьшился, но все же Врангель с ним очень считается, а в глазах

---

[145] Ответы генерал-лейтенанта Я.А.Слащова на заданные ему в ВЧК вопросы 10.11.1921 г. //Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. – Т.1, кн. 2. - С. 91.
[146] Показания полковника Э.П.Гильбиха на допросе в ВЧК 12.11.1921 г. //Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. – Т.1, кн. 2. - С. 108.
[147] Показания капитана Б.Н.Войнаховского на допросе в ВЧК 13.11.1921 г. //Русская военная эмиграция.... – Т.1, кн. 2. - С. 119.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

гвардейского офицерства – Кутепов несомненный авторитет»[148]. И еще одно важное замечание разведки: «Кутепов – человек вполне приемлемый для берлинцев, и ими он будет поддерживаться сильнее, чем Врангель»[149]. Впрочем, генерал А.Кутепов, лидер «первопоходников» и «старых белых добровольцев», «деникинец» по старой памяти, претендовавший на роль нового «белого вождя», скептически воспринимался генералитетом, особенно из генштабистов. «Кутепов – храбрый солдат, - считал генерал А.Мильковский. - Характера твердого, жесткого. Может навести порядок и дисциплинировать часть, не останавливаясь ни перед какими угодно мерами. Как большой начальник безусловно мало пригоден: в бою теряется и управлять частями не может. Почти всегда, где распоряжался, терпел неудачи»[150]. «Генерал Кутепов – очень честолюбив; хороший фельдфебель; военная бездарность; хам; лично храбр»[151]. Так оценивал личность А.Кутепова полковник Э.Гильбих. «Командир корпуса Кутепов, - по мнению капитана Б.Войнаховского, - отличный строевой офицер и скверный организатор. Способен на должности не выше командира батальона. Честолюбивый, грубый, небольшого ума, очень твердой воли, большой интриган, как боевой начальник всегда терпел поражения»[152]. Генерал Я.Слащев не любил его и утверждал, что «Кутепов – отличный строевик-фельдфебель – годится на должность до командира батальона – всегда в поводу у своего начштаба, в военном смысле не стоит ничего»[153].

Что касается В.Витковского, то Я.Слащев считал, что это «был сколок с Кутепова и так же мало, как и он, смыслил в военном деле»[154]. «Генерал Яша» называл «их обоих хорошими фельдфебелями»[155]. «Витковский не опасен, - продолжал Я.Слащев свою характеристику, - очень глуп»[156]. По мнению пол-

---

[148] Русская военная эмиграция.... Т.1, кн. 2. - С. 57-58.
[149] Там же, с. 58.
[150] Показания генерала А.С.Мильковского на допросе в ВЧК 10.11.1921 г. //Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. - Т.1, кн. 2. - С. 97.
[151] Показания полковника Э.П.Гильбиха на допросе в ВЧК 12.11.1921 г. – Там же. - С. 108.
[152] Там же. Показания капитана Б.Н.Войнаховского на допросе в ВЧК 13.11.1921 г. //Русская военная эмиграция.... Т.1, кн. 2. - С 119.
[153] Ответы генерал-лейтенанта Я.А.Слащова на заданные ему в ВЧК вопросы 10.11.1921 г. – Там же, с. 91.
[154] Слащев Я.А. Белый Крым. 1920 год. Мемуары и документы. - М.: Наука, 1990. - С. 92.
[155] Там же.
[156] Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. - Т. 1. - С. 91.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ковника М.Мезерницкого, «Витковский – смелый офицер и интриган, глуп»[157]. Примерно то же говорил о нем и полковник Э.Гильбих: «Генерал Витковский – глуп и в военном деле бездарность»[158]. Капитан Б.Войнаховский дал ему более пространную характеристику: «Начдив Витковский. Ограниченный, честолюбивый. Как боевой начальник слаб. Военным делом не интересуется. Хороший организатор и хозяин»[159]. Можно счесть, что это весьма субъективные характеристики людей из «оппозиционной» П.Врангелю и А.Кутепову «партии Слащова». Но вот запись в дневнике генерала А.фон Лампе: «Вечер провел у Витковского – умеренность, аккуратность и... ограниченность. Вот все, что могу сказать про него»[160].

Репатриировавшиеся в РСФСР генерал Я.Слащев и «слащевцы», на допросах в ВЧК так характеризовали боевые качества, военные способности и полководческое мастерство «младших вождей и героев белого дела», молодых генералов бывшей Добровольческой и Русской армии Н.Скоблина, А.Туркула и В.Манштейна – «...молодые начальники, выдвинувшиеся в рядах Добровольческой армии. Хорошие партизаны, но на должности более крупных военных начальников совсем не подготовленные, что ныне признается даже их боевыми товарищами, по настоянию коих перед главным командованием они были выдвинуты в своих частях на ответственные посты»[161]. Их считали «смелыми офицерами, карьеристами»[162].

...Оживление интереса и внимания А.фон Лампе к политическому потенциалу М.Тухачевского и военной элиты Красной Армии обусловлено было, как мне представляется, и «свежей» информацией из Советской России, доставленной на «философском пароходе» осенью 1922 г. Ее источник – известный русский философ И.Ильин, который вскоре стал одним из друзей и единомышленников А.фон Лампе.

---

[157] Русская военная эмиграция.... – Т. 1, кн. 2. - С. 102.
[158] Там же, с. 108.
[159] Там же, с. 120.
[160] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 4710.
[161] Русская военная эмиграция 20-40-х годов. – Т.1, кн. 2. - С. 97.
[162] Там же, с. 102.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

А.фон Лампе познакомился с И.Ильиным вскоре после появления последнего в Берлине. Возможность для знакомства представилась в редакции газеты «Руль», благодаря ее редактору И.Гессену, с которым, как выше отмечалось уже, А.фон Лампе имел достаточно близкие приятельские отношения. А.фон Лампе принял участие во встрече с прибывшими в Германию «пассажирами» «философского парохода»[163]. «После этого, - записал в своем дневнике 14 октября 1922 г. А.фон Лампе, - я несколько часов говорил с профессором Московского университета Иваном Александровичем Ильиным, одним из 50 высланных из Совдепии»[164]. А.фон Лампе живо интересовался у И.Ильина всем, что происходило в Советской России и, конечно же, Красной Армией. «...Говорил (И.Ильин) также, - записал далее А.фон Лампе, - что армия (Красная) нас не знает, кроме некоторых слоев, которые на нас надеются и ждут, и нас боится»[165].

...31 октября 1923 г. И.А.Ильин вместе с личным письмом генерала А.фон Лампе передал для барона П.Врангеля специальную записку с очерком политической ситуации в СССР[166]. Оценивая ее, И.Ильин рассуждал о возможностях и перспективах «бонапартизма» в Советской России и дал краткие характеристики нескольким лидерам Красной Армии, которых можно было рассматривать в качестве кандидатов в «русские Наполеоны»: «Такая фигура может попытаться «вынырнуть» из революции, поставив ее силу к своим услугам и не напрягая ее против себя. На этом покоятся, конечно, расчеты Брусилова, Зайончковского, Слащева, может быть, Троцкого (вряд ли), полковника Каменева и Буденного. Брусилова и Зайончковского я знаю: оба старчески хитры и трусливо-расчетливы. Поэтому сами ничего не сделают, если их не сделают события. Слащева - не знаю... Полковник Каменев - просто штабной спец из радикалов. Буденный будет еще служить царю. Троцкий – умен, выдержан, прекрасный актер, глубоко беспринципен, тактически большой ловкач; думаю, что он – давнишний сотрудник немцев. Тухачевский – очень честолюбив, фатали-

[163] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3304.
[164] Там же.
[165] Там же, Л. 3307.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

стичен, молчалив; кажется, не умен[167]; может стать центром заговора; вряд ли справится»[168]. Стилистика и фразеология цитированного выше фрагмента позволяют считать данную «записку» ответом И.Ильина на запрос генерала П.Врангеля (вероятно инициированный А.фон Лампе), а не собственной инициативой философа. На это указывает характер оценок «красных генералов». И.Ильин, как бы отвечает по персональному списку, не им составленному. Если бы это было иначе, то вряд ли он упомянул бы в числе «генералов» Я.Слащова, которого он «не знает». Складывается впечатление, что именно из штаба П.Врангеля через А.фон Лампе был представлен список «красных генералов», которых в русском зарубежье и врангелевском руководстве рассматривали как кандидатов в «потенциальные Бонапарты». Косвенным образом это мнение подтверждается характером пометок, сделанных в тексте «записки» генералом П.Врангелем[169]. Он никак не отреагировал на указанные в ней фамилии «генералов», но лишь на определенные размышления и выводы И.Ильина. Это вполне естественно, если список «генеральских» фамилий был представлен самим П.Врангелем или с его ведома. То, что это был запрос, поступивший из штаба П.Врангеля, а не от А.фон Лампе, становится ясным хотя бы из наличия в списке фамилии А.Брусилова. Дневниковые записи А.фон Лампе свидетельствуют, что берлинский резидент П.Врангеля совершенно исключал А.Брусилова из кандидатов в «Бонапарты». Во всяком случае этот список интересен тем, что ориентирует в представлениях врангелевцев о военно-политических лидерах Красной Армии, обладающих «бонапартистским потенциалом». Осенью 1923 г. это были: А.Брусилов, А.Зайончковский, С.Каменев, Л.Троцкий, С.Буденный и М.Тухачевский. И.Ильин своим мнением корректировал список «кандидатов». Он назвал лишь одного, который «может стать центром заговора» – М.Тухачевского. Но и по его поводу выразил сомнения: «кажется не умен», «вряд ли справится». Впрочем, философ отметил подходящие личные данные Л.Троцкого, хотя не увидел в нем «заговорщика» и «бонапартиста». Он отметил

---

[166] Ильин И.А. Записка о политическом положении. Октябрь 1923 г. //Русское прошлое. - № 6.
[167] Оценка И.Ильина созвучна с мнением полковника П.Дилакторского.
[168] Ильин И.А. Записка о политическом положении.... //Русское прошлое. - № 6. - С. 220.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

также моральную готовность принять «реставрацию монархии» в России со стороны С.Буденного, но ничего не сказал о его заговорщических и «бонапартистских» настроениях. Судя по дневниковым записям А.фон Лампе в марте 1923 г., где он в связи с «бонапартизмом» в Советской России упоминает лишь М.Тухачевского и С.Буденного, автор дневника, видимо, сделал их уже по результатам бесед с И.Ильиным. Кажется и «переход к исповеданию бонапартизма», в котором признавался в своем дневнике А.фон Лампе, был осуществлен последним также вследствие бесед с И.Ильиным. Философ утверждал грядущую «бонапартизацию» Советской России, возможно, во главе с М.Тухачевским и, фактически, констатировал бесперспективность надежд на военно-политический потенциал «монархистов» А.Брусилова и А.Зайончковского.

Отношение к А.Брусилову в эмиграции – отрицательное, а к А.Зайончковскому – выжидательное. Еще в 1920 г. А.фон Лампе писал, что Зайончковский готовится быть с нами»[170]. «В академии, - записал А.фон Лампе 16 ноября 1922 г., - Зайончковский, который никогда не служил, сидел больше года в тюрьме, ведет себя хорошо»[171]. Что же касается А.Брусилова, то, по мнению генерала (выраженному в 1922 г.), «даже Керенский меньше виноват, чем Брусилов в распаде армии...»[172]. «Будь же проклят этот темный герой нашего безвременья! – в сердцах восклицал А.фон Лампе. – Наличие Брусилова с его способностью приспособляться, едва ли поможет делу»[173].

В своем ответном письме 28 октября 1923 г. Н.Чебышеву, которому для оценки была направлена «записка И.Ильина», А.фон Лампе писал: «...Я знаю, что Вы расцениваете автора ниже, чем делаю это я, но все же у него там не мало интересного и правильно было бы в записку вчитаться внимательно, не бросая ее как надоевшую письменность... Его прогнозы правильны и осведомлен-

---

[169] Ильин А.А. Записка о политическом положении.... //Русское прошлое. - № 6. - По тексту.
[170] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 476.
[171] Там же, Д. 9. Л. 3340. См. также: Д. 24. Л. 1194 -1197.
[172] Там же, Д. 9. Л. 3312.
[173] Там же; Д.2. Л. 476.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ность велика, если он так сходится с Бруном, которого я когда-то благословил на его путь в Москву...»[174].

Комментируя для П.Врангеля записку И.Ильина, генерал А.фон Лампе писал: «К материалам, приведенным в его записке стоит внимательно присмотреться.... Ознакомившись с содержанием записки, я не мог не обратить внимания на то, что она подтверждает многое из того, что говорил мне не только Ильин, но что я почерпал и из других источников.... Вопрос о настроениях в Советской России обрисован И.А.Ильиным совершенно тождественно с докладом недавно вырвавшегося оттуда полковника Бруна...»[175]. Кроме полковника Бруна, на которого неоднократно ссылается А.фон Лампе, и который, направленный в Советскую Россию по инициативе А.фон Лампе, к октябрю 1923 г. вернулся оттуда, информация И.Ильина подкреплялась и суждениями других лиц.

«Сегодня у меня был Колоссовский, - записал 25 октября 1923 г. в своем дневнике А.фон Лампе, - и рассказывал о своем разговоре с Вацетисом! Последний сидит здесь, с поручением от академии для сбора материалов по истории гражданской войны в России, и будирует вовсю! По его словам масса в России ждет хозяина, называя его царем, и только боится помещиков... Он говорит, что имя Врангеля популярно и его ждут.... Но каково совпадение – Брун говорит то же, что и Вацетис!!... Видимо, Вацетис не прочь поговорить с кем-либо моего типа, но боится наблюдения Чеки!...»[176].

Сообщения И.Ильина могли вызвать желание у А.фон Лампе обратиться к своему однополчанину князю Ф.Касаткину-Ростовскому, который в это время жил в Берлине, за «справкой» о М.Тухачевском и с предложением опубликовать о нем воспоминания. Впрочем, конфидентом князя мог быть и вышеупоминавшийся В.Готовский, оказавшийся в Берлине в январе 1922 г. Ровесники, они были однокашниками по Пажескому корпусу. В большой публикации в газете «Руль» под названием «Главковерх Тухачевский», появившейся в октябре

[174] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 5839.
[175] Ильин И.А. Записка... //Русское прошлое. - С. 260; ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 5841.
[176] Там же, Д. 13. Л. 5755.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

1922 г., подписанной многозначительным псевдонимом «Антар», за которым скрывался князь Ф.Касаткин-Ростовский, содержатся следующие строчки: «…Они играют в Наполеоны (не даром говорят, Тухачевский никогда не расстается с историей этого великого полководца)»[177]. В материалах к дневнику у А.фон Лампе имеется вырезка из газеты «Руль» с этой публикацией.

Само по себе появление в газете «Руль», издававшейся И.Гессеном, в конце октября 1922 г. большой публикации о М.Тухачевском весьма знаменательно. Знаменательны и начальные характеристики человека, который на Западе являл собой в то время воплощение Красной Армии, ее революционной сущности и идеологии экспорта революции «на штыках». В публикации М.Тухачевский именуется «молодым, способным офицером, которому советская власть поручала за эти годы ряд ответственных задач…»[178]. Автор публикации, таким образом, с самого начала решил воздерживаться от эмоциональных, морально-этических оценок М.Тухачевского, стараясь ненавязчиво демонстрировать объективность и нейтральность. Это само по себе примечательно.

Таким образом, цель публикации: обратить внимание политически ангажированной части русской эмиграции на личность советского военачальника из императорских гвардейцев. Благодаря воспоминаниям о М.Тухачевском, поясняет автор, «удалось получить некоторые сведения о характеристике последнего, бросающие свет на неясные для нас причины поступков этого человека»[179]. В характере и свойствах личности «красного Бонапарта», следовательно, автор публикации усматривает и его политическую сущность. Иными словами, для белоэмигрантских политических кругов, как можно это констатировать, переход и нахождение М.Тухачевского, аристократа, офицера л-г.Семеновского полка, на стороне большевиков, тем более, во главе Красной Армии вызывало недоумение, порождало ощущение противоестественности его поступка и сомнения в искренней приверженности его к большевизму. Далее автор воспоминаний и давал этому объяснение, мотивируя, как было сказано выше, поступки

[177] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.
[178] Там же, Л. 3335.
[179] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевского его характером и свойствами личности. Автор старается быть объективным и воздерживается от каких-то резкостей в оценках М.Тухачевского. Он отмечает, что последний был «хорошим строевым офицером», хотя и не пользовавшимся «особой симпатией товарищей», в силу ряда его личных качеств[180]. Впрочем, главным мотивом поведения М.Тухачевского, по мнению князя, была его «одержимость стихией войны» и чрезвычайным честолюбием. Он считал, что М.Тухачевскому не столь важен был цвет армии, сколько армия как таковая: « он говорил о возрождении армии, о реформах, им вводимых, о возрождении дисциплины...»[181].

Продолжая приводить воспоминания о настроениях и мыслях М.Тухачевского уже во время его пребывания в Красной Армии, автор пересказывает слова последнего, которыми он, как бы оправдываясь перед своим однополчанином, и объясняет переход на сторону большевиков. «Надо было, прежде всего, покорить все, - якобы говорил М.Тухачевский в 1919 г., будучи командармом, - что противится армии, возродить ее на старых основаниях,... не все ли равно кому служить, веря в непобедимость русского солдата, который остался прежним, что и раньше, только надо его дисциплинировать»[182]. Эту информацию, по словам автора публикации-воспоминаний, сообщил ему еще один однополчанин М.Тухачевского, некий «господин Х»[183]. Такого рода рассуждения, совершенно очевидно, должны были импонировать лицам, подобным А.фон Лампе. Вышеприведенные его размышления о Красной Армии в дневнике вполне созвучны с только что цитированными словами М.Тухачевского. В то же время автор воспоминаний характеризовал М.Тухачевского как «человека бесконечно самовлюбленного, не считающегося ни с чем, чтобы только дойти до своей цели, достигнуть славы и власти, не счи-

[180] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.
[181] Там же, Л. 3336.
[182] Там же.
[183] При анализе этого источника во «Введении» было высказано предположение, что «господин Х» – это однополчанин М.Тухачевского, капитан А.Казаков.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

таясь с тем, через чьи трупы она его приведет, не заботясь ни о ком, кроме себя»[184].

В заключение воспоминаний (и публикации) читателю «Руля» представляется резюме характеристики М.Тухачевского: «Тухачевский типичный авантюрист, самовлюбленный и самонадеянный, стремящийся к одному: к карьере и к власти… Тухачевский – азартный игрок, играющий карьерой и будущностью»[185]. Обобщая и, типологизируя личность М.Тухачевского, автор дает более яркую и образную оценку. «Они, - т.е. лица, подобные М.Тухачевскому, - играют в Наполеоны… Будут ли они Батыями, Тамерланами, - не все ли равно! Они строят свое благополучие на армии, они ландскнехты по существу и служат тем, кто им платит. Они неразрывно связаны с солдатами, армия их любит, верит им и в этом их сила». Вот она сущность М.Тухачевского, как ее выражает автор публикации: «…Они ландскнехты по существу, армия их любит и в этом их сила»[186]. Иными словами, М.Тухачевский представляется в оценках автора публикации как потенциальный «Цезарь» или «Бонапарт». Это и должно привлечь военно-политические круги русской белой эмиграции: М.Тухачевский – ни «белый», и ни «красный», он – «революционный генерал Бонапарт», он – бонапартист. Наконец, Ф.Касаткин-Ростовский, как бы мимоходом, ненавязчиво и пунктирно, но достаточно определенно намечает политические перспективы М.Тухачевского. В своих рассуждениях он выражает надежды на то, что М.Тухачевскому «может быть еще будет суждено сыграть в России новую роль, роль генерала Галифе, расстрелявшего для блага Франции тысячи парижских коммунаров….»[187]. Впрочем, это суждение вполне могло относиться и к репрессивным мерам М.Тухачевского по отношению к мятежным матросам Кронштадта, и Тамбовскому крестьянскому восстанию в 1921 г. Так был представлен не только образ М.Тухачевского и его соблазнительные для белой эмиграции политические возможности, но и мнение о нем его однополчан-семеновцев. Это был их кандидат в российские «Наполеоны». Они, несомнен-

[184] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.
[185] Там же.
[186] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

но, тоже выполняли функции социо-культурного фона, благоприятного для М.Тухачевского. Офицеры л-г. Семеновского полка, сослуживцы «красного маршала», охотно воспринимавшие политическую «легенду Тухачевского», могли рассматривать его как «семейного» кандидата, опираясь не только на слухи и чужие мнения, но и на собственные впечатления от близкого общения с М.Тухачевским, когда он был еще гвардии подпоручиком. Одним из источников формирования "бонапартистской репутации" М.Тухачевского, как это видно из ранее сказанного, был его сослуживец по л-г. Семеновскому полку генерал А.фон Лампе.

...Сквозь текст цитированной выше дневниковой записи А.фон Лампе – «...Тухачевский бьет Деникина! Не Наполеон ли?» - едва заметно чувствуется даже некоторое подобие гордости: «Наш семеновец-гвардеец бьет армейца-либерала Деникина»[188]. «Наш львенок!», - испытывали затаенную гордость особенно «семеновцы» старшего поколения, даже когда М.Тухачевский громил войска адмирала А.Колчака[189].

А.фон Лампе очень трепетно относился к своему гвардейскому, «семеновскому» прошлому. Он даже псевдоним себе придумал, красноречиво об

---

[187] ГАРФ. ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.

[188] Алексей Александрович фон Лампе (1885-1967), после окончания Николаевского военного инженерного училища был в 1904 г. выпущен подпоручиком в 6-й саперный батальон и в его составе вскоре оказался в Маньчжурии, на полях и сопках Русско-японской войны. Воевал он доблестно и после окончания войны, в 1908 г. был в числе особо отличившихся офицеров-фронтовиков переведен подпоручиком в л-г. Семеновский полк. В нем он оставался вплоть до 1914 г., когда был прикомандирован к штабу 18-го армейского корпуса, которым командовал генерал А.Зайончковский.

С 1916 г. А.фон Лампе в чине капитана занимал должность штаб-офицера для поручений при штабе этого корпуса. В этой должности он оставался вплоть до революции 1917 г.

Практически в течение всего 1918 г. капитан А.фон Лампе был занят подпольной контрреволюционной деятельностью вместе с полковником Штейфоном и В.Шульгиным. Лишь в конце 1918 г. он оказался в Добровольческой армии.

С мая 1919 г. уже полковник А.фон Лампе занял должность начальника оперативного отделения штаба Кавказской армии, которой командовал генерал П.Врангель. С этого времени судьба бывшего офицера-семеновца была связана с судьбой «черного барона», в штабе которого он неизменно находился при всех перемещениях П.Врангеля.

В связи с опалой и почетным изгнанием П.Врангеля после возникшего у него конфликта с главнокомандующим ВСЮР А.Деникиным, в изгнании оказался и полковник фон Лампе. С начала 1920 г. он был направлен в Константинополь представителем Главкома ВСЮР. Оттуда он и наблюдал за тем, как его однополчанин М.Тухачевский громил их с бароном обидчика, генерала А.Деникина. Отсюда понятно и естественно некоторое чувство удовлетворения «отмщением» М.Тухачевским «обид», нанесенных «гвардейцам» П.Врангелю и А.фон Лампе со стороны либерала-армейца А.Деникина.

...В эмиграции полковник, затем, генерал-майор А.фон Лампе с 1921 г. был военным представителем генерала П.Врангеля в Венгрии, затем Дании, а с 1922 г. в Германии. Там, в Берлине он и остался на десятилетия начальником 2-го отдела РОВС после его образования в сентябре 1924 г.

[189] Гуль Р. Красные маршалы. - С. 446.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

этом свидетельствующий – «Л.Г.Семеновский». Он оказался одним из самых активных деятелей русской военной эмиграции из бывших гвардейцев.

С 1920 г., как это можно отметить, судя по его вышецитированной реплике, А.фон Лампе обратил внимание на своего сослуживца-однополчанина М.Тухачевского, мобилизуя ментальный настрой и мнение всей «семеновской семьи» в белом зарубежье вокруг «наполеоновской харизмы» их бывшего товарища л-г. Семеновского полка подпоручика М.Тухачевского.

М.Тухачевский оказался в составе «семеновской полковой семьи» 12 июля 1914 г. и оставался в ней до 19 февраля 1915 г., когда в бою под Ломжей он попал в плен. По возвращении из плена, он вновь вошел в «семеновскую полковую семью» 16 октября 1917 г. и оставался в ней до конца декабря 1917 г.

Что же собой представлял л-г. Семеновский полк, его офицерский корпус, с июля 1914 по февраль 1915 г., когда там находился М.Тухачевский?

Тогда, с учетом боевых потерь, в полку было 89 офицеров[190]. В их числе: 1 генерал-майор Свиты ЕИВ - командир полка И.С. фон Эттер; 7 полковников; 11 капитанов; 12 штабс-капитанов; 15 поручиков; 29 подпоручиков; 14 прапорщиков. Все прапорщики являлись призванными из запаса лицами с гражданским образованием (за исключением двух, имевших только гимназическое образование). По образовательному цензу и профессиональной подготовке в составе офицеров полка были:

1.Выпускники Пажеского корпуса – 21.

2.Выпускники Павловского военного училища («павлонов») – 20.

3.Выпускники Александровского военного училища («александронов») – 14.

4.Выпускники Владимирского (Киевского) военного училища – 1.

5.Выпускники Николаевского военного инженерного училища – 3.

6.Выпускники Императорского Александровского лицея – 5.

7.Выпускники Императорского Училища правоведения – 7.

8.Выпускники Санкт-Петербургского университета – 3.

---

[190] Статистический анализ проводится по материалам: РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2822 Список офицеров л-г. Семеновского полка по старшинству на 25 февраля 1913 г.; там же, Д. 2973, Список офицеров л-г. Семеновского полка по старшинству на 1 января 1916 г.; Зайцов А.А. Семеновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

9.Выпускники Духовной семинарии – 1.

10.Выпускники гимназий, реальных училищ, кадетских корпусов и других средних не специальных учебных заведений, сдавшие экзамен на офицерский чин – 14.

11.Окончившие Академию Генерального штаба – 12.

Таким образом, примерно 65% офицеров полка имели профессиональное военное образование. Это офицеры, преимущественно, в чинах от штабс-капитана и выше. Зато из 58 младших офицеров от прапорщика до поручика включительно 16 имели гражданское высшее образование и 14 не имели специального образования. Иными словами на 53% не имели профессионального военного образования. В то же время, следует отметить, что ок. 20% офицеров с полным основанием можно отнести к дворянской интеллигенции (имевшие высшее гражданское образование). В их числе был даже один доктор философии и химии. К ним можно прибавить ок. 13% офицеров с академическим образованием, т.е представителей военной интеллигенции. Всего в состав полковой интеллектуальной элиты входили ок.33% офицеров. По своему происхождению и сословной принадлежности все офицеры являлись потомственными дворянами. Однако из них к русской «аристократии» принадлежали 22 офицера[191]. К старинным дворянским фамилиям немецкого происхождения принадлежали 25 офицеров, в том числе 5 баронов[192]. Впрочем, 15 из них происходили из фамилий «служилых иноземцев», появившихся в России не ранее 18 в. К старинным и аристократическим фамилиям польско-литовского происхождения принадлежали 10 офицеров[193]. Кроме того, два офицера принадлежали к выходцам из шведского дворянства, один из Голландии. Два офицера малороссийского происхождения.

---

[191] Это представители древних российских дворянских родов: Веселаго (16 в.), Вешняковы (конец 17 в.), Дирины (16 в.), Зыковы (15 в.), Ивановы-Дивовы (16 в.), Кавелины (17 в.), князья Касаткины-Ростовские (Рюриковичи, 9 в.), Купреяновы (16 в.), князья Кудашевы (17 в.), Леонтьевы (15 в.), Лялины (15 в.) Мельницкие (16 в.), Молоствовы (15 в.), Молчановы (13 в.), Орловы (14 в.), Поливановы (14 в.), Спешневы (16 в.), Тимашевы (16 в.), Толстые (13 в.), Тухачевские (13 в.), Хвостовы (13 в.), Чуфаровские (17 в.).

[192] Бароны Унгерны-Штернберги (5 в.), фон дер Лауниц, фон Эссен, фон Сиверс, фон Тимрот, фон Фольборт, фон Миних, бароны фон Типольты (16 в.), бароны Энгельгардты (14 в.), фон Лампе, фон Фохт, бароны фон Гревениц, бароны Витте, Броки, Бремеры, Рыльке, Рихтеры.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Таким образом, из 89 офицеров-семеновцев лишь 57 (в некоторых случаях с оговорками) могли считать себя принадлежащими к старинным дворянским фамилиям, к «аристократическим семействам». 22 офицера (за единичными исключениями) были выходцами из семей офицерских и генеральских.

Согласно давней армейской, и особенно гвардейской, традиции полковое офицерство делило на «коренных» и «некоренных». К первым относились, обычно, те, которые свою офицерскую карьеру начинали в данном полку. Ко вторым – все остальные, независимо от чина. Все принципиальные вопросы внеслужебного характера, но касавшиеся этики и чести поведения офицера данного полка, решались на неофициальных собраниях «коренных» офицеров полка. В их состав мог не входить даже командир полка, если он не принадлежал к «коренной» его части. Однако решениям такого рода собраний обязаны были подчиняться все офицеры полка. Однако существовала и еще одна старинная полковая традиция: направляемого в полк молодого офицера, окончившего училище, должна была принять «полковая семья». Она должна была удостовериться в его достойном происхождении, в христианском вероисповедании, в его принадлежности к российскому дворянству, в его монархических убеждениях, незапятнанности репутации, и в принадлежности к «семеновской фамилии», к «семеновской семье». Имелось в виду, что предки этого офицера уже служили в полку. Конечно, отсутствие данного качества не обязательно служило препятствием для его службы в полку. Однако определенные осложнения могли возникнуть, если собрание «коренных семеновцев» вдруг выразит нежелание принимать этого офицера в свою компанию. Если же вышестоящее начальство настаивало на своем, то полковые офицеры могли устроить полнейшую обструкцию «новичку», вынуждая его добровольно покинуть полк. В августе 1914 г. к основной «семеновской семье» принадлежали только 39 офицеров из 89[194], т.е. 44%. Однако не все они принадлежали к «коренным семе-

---

[193] Это: Азанчевские, Бржозовские (16 в.), Лобачевские, Михайловские, Пенхержевские, Соллогубы (14 в.), Сморчевские, Цвецинские, Якимовичи.

[194] В вышеозначенный период времени из числа полковых офицеров к «семеновским фамилиям» принадлежали и основу «семеновской семьи» составляли следующие офицеры:

1.Генерал-майор Свиты ЕИВ И.С.Эттер (с сер.19 в.).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

новцам». Полковых офицеров, которым были присущи оба указанных качества, оказывается всего 28, т.е. ок.32% (обозначены звездочкой). Это, собственно говоря, и есть неформальная «элита полка», отвечающая основным, хотя и неписанным требованиям, предписанным традицией. И лишь всего 17 офицеров из 89 (св.19%) несли в своих фамилиях двухвековую «семеновскую» полковую традицию, и в их числе находился М.Тухачевский. Он по основным неписанным требованиям традиции входил в «элиту полка». Таким образом, «дело Тухачевского» было «делом семейным». Судьба М.Тухачевского, по идее, должна была, так или иначе, повлиять на судьбу «семеновской семьи».

...Напомню, что князь Ф.Касаткин-Ростовский, передавая отзыв о подпоручике М.Тухачевском его ротного командира капитана Ф.Веселаго, отмечал:

2.Полковник Г.Г.фон Тимрот-1 (с пер. пол. 19 в.).
3.Полковник Л.Г.фон Тимрот-2 (с пер. пол. 19 в.)*.
4.Полковник Я.Я.фон Сиверс-1 (пер. пол. 19 в.)*.
5.Капитан Ф.Я.фон Сиверс-2 (пер. пол. 19 в.)*.
6.Полковник А.С.Зыков (первая четверть 18 в.)*.
7.Капитан А.В.Попов (конец 18 в.)*.
8.Капитан Н.К.Леонтьв (конец 17 в.)*.
9.Капитан Ф.А.Веселаго-2 (конец 18 в.)*.
10.Капитан А.А.Рихтер (втор. пол.19 в.)*.
11.Штабс-капитан А.А.Фадеев (начало 19 в.)*.
12.Штабс-капитан Н.К.фон Эссен-1 (вторая половина 19 в.)*.
13.Подпоручик Г.К.фон Эссен-2 (вторая половина 19 в.)*.
14.Штабс-капитан П.Н.Азанчевский-Азанчеев (середина 19 в.)*.
15.Поручик Г.В.Азанчевский (сеердина 19 в.)*.
16.Штабс-капитан А.А.фон Лампе (вторая половина 19 в.).
17.Поручик П.И.Молчанов (середина 18 в.).
18.Поручик А.Н.Кавелин (вторая половина 18 в.)*.
19.Поручик П.А.Купреянов (конец 18 в.)*.
20.Поручик А.В.Иванов-Дивов-1 (конец 18 в.)*.
21.Поручик А.В.Иванов-Дивов-2 (конец 18 в.)*.
22.Поручик С.П.Дирин (конец 18 в.)*.
23.Поручик Д.П.Коновалов-1 (вторая половина 19 в.)*.
24.Подпоручик Б.П.Коновалов-2 (вторая половина 19 в.)*.
25.Поручик Е.Н.фон Фохт (первая половина 19 в.).
26.Подпоручик Г.А.Бремер (вторая половина 19 в.)*.
27.Подпоручик С.М.Казаков (первая четверть 19 в.)*.
28.Подпоручик Г.Д.Баланин (вторая половина 19 в.)*.
29.Подпоручик Н.Н.Толстой-1 (первая четверть 18 в.).
30.Подпоручик И.Н.Толстой-2 (первая четверть 18 в.).
31.Подпоручик А.А.Орлов (первая половина 18 в.)*.
32.Подпоручик Б.В.Энгельгардт-1 (первая половина 18 в.)*.
33.Прапорщик И.В.Энгельгардт-2 (первая половина 18 в.).
34.Прапорщик А.А.барон фон Типольт (первая половина 19 в.).
35.Подпоручик Д.В.Комаров (середина 19 в.).
36.Подпоручик М.Н.Тухачевский-1 (конец 17 в.)*.
37.Подпоручик В.В.Степанов-2 (вторая половина 18 в.)*.
38.Прапорщик Г.К.Столица (вторая половина 19 в.).
39.Прапорщик А.М.Георгиевский (конец 19 в.).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Он всегда был холоден и слишком серьезен,... с товарищами был вежлив, но сух.... Не могу сказать, чтобы он пользовался особенной симпатией товарищей». Однако в эту оценку следует внести некоторые коррективы.

«В 1917 году Тухачевский завтракал у нас во флигеле Семеновского полка..., - вспоминала много позднее жена полковника Р.Бржозовского, командира резервного гвардии Семеновского полка. - Тухачевский произвел на меня самое отрадное и неизгладимое впечатление.... За завтраком муж шутил и пил за здоровье «Наполеона», на что Тухачевский только улыбался. Сам он пил мало. После завтрака мой муж, я и еще несколько наших офицеров[195] уехали провожать его на вокзал, так как он уезжал в Москву.... Мне почему-то казалось, что он способен стать «Героем». Я редко ошибаюсь в людях, и мне было особенно тяжело, когда впоследствие я узнала, что будто бы вполне искренне стал большевиком. Все же в душе оставалось сомнение, что это не так»[196].

Два момента в этих фрагментах воспоминаний привлекают внимание. Во-первых, это констатация дружеских отношений М.Тухачевского с полковником Р.Бржозовским и еще несколькими офицерами полка. В 1914 г. Р.Бржозовский, польский аристократ и католик был штабс-капитаном л-г. Семеновского полка. В октябре 1917 г. он был командиром резервного гвардейского Семеновского полка. Хотя он был на 8 лет старше М.Тухачевского, их могли сближать несколько общих «признаков». И Р.Бржозовский, и М.Тухачевский оба окончили Александровское военное училище, т.е. оба были «александронами», аккуму-

---

[195] На завтраке у полковника Р.Бржозовского перед проводами М.Тухачевского, скорее всего, находились старшие офицеры полка: штаб и командиры батальонов. Штаб резервного полка и его основные подразделения в октябре 1917 г. были представлены следующими офицерами:
1.Полковой адъютант – штабс-капитан Венцевич С.В.
2.Начальник хозяйственной части – полковник Дренякин Л.В.
3.Председатель полкового суда – полковник Тавилдаров Н.Н.
4.Командир 1-го батальона – штабс-капитан Георгиевский А.М.
5.Командир 2-го батальона – капитан Орлов А.А.
6.Командир 3-го батальона – капитан Лялин Н.К.
7.Командир 4-го батальона – капитан Фадеев А.А.
8.Капитан Бремер-1 Г.А.
Скорее всего, именно эти офицеры могли сидеть за завтраком во флигеле Семеновского полка в Петрограде у полковника Р.Бржозовского и его жены вместе с М.Тухачевским.
Вероятнее всего, на вокзал поехали провожать М.Тухачевского, кроме Р.Бржозовского и его жены, «сверстники» провожаемого, бывшие «подпоручики 1914 г.»: капитаны А.Орлов, Н.Лялин, Г.Бремер и штабс-капитан А.Георгиевский.

[196] Wieczorkiewicz P.P. Sprawa Tuchaczewskiego. - Warszawa, 1994.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лировавшими особый, сравнитеьно «либеральный» дух воспитателей этого училища. Тем более, что «александроны» в полку были в меньшинстве. Это не «пажи», из которых прежде всего и главным образом комплектовался гвардейский офицерский корпус. Они не были «павлонами», которые, как правило, заполняли лакуны в гвардейском офицерстве, оставленные «пажами». «Александроны» считались отражением «пореформенного либерализма» в армии и гвардии. Они сами по себе были некоторой «фрондой» в офицерском корпусе гвардии. Кроме того, вне всякого сомнения, Р.Брожозовский, как другие офицеры полка польско-литовского происхождения, считали М.Тухачевского «своим шляхтичем»[197]. Слухи о принадлежности М.Тухачевского к польской аристократии были распространены на Западе[198]. Это произошло явно не без участия его старых приятелей. Кстати говоря, и советская пропаганда, также, очевидно, активно поддерживала эти слухи в виду бывшей и будущей войны с Польшей. Выше я останавливал внимание на «польско-литовской» части офицеров-семеновцев. Они были в меньшинстве и естественно консолидировались.

Во-вторых, в контексте «польско-литовской» ментальности пребывает и «наполеоновская легенда». Собственно говоря, ведь «наполеоновская легенда», насыщенная «мессианскими настроениями» зародилась именно в Польше. Именно в Польше она стала органической частью польской национальной культуры, пронизывавшей различные слои польского населения. Этого никак нельзя было сказать о России. Если в России и был «культ Наполеона», то скорее как эстетическая игра верхнего слоя интеллектуалов. Р.Бржозовский называет М.Тухачевского «Наполеоном». И последнему это приятно, хотя он и понимает это как шутку. Это полушутливое прозвание М.Тухачевского возникло среди полковых офицеров, конечно, не в 1917 г., а еще в 1914-м. На это косвенно указывает и князь Ф.Касаткин-Ростовский, и В.Посторонкин. Итак, с большой долей основательности можно предполагать, что в «Наполеоны»

---

[197] Следует помнить, что Смоленская земля, где располагались к началу 17 в. поместья Тухачевских, была в то время спорной территорией между Москвой и Речью Посполитой. Тогда даже в документах числили Тухачевских «смоленской шляхтой». Определенный налет «полонизации» западнорусских помешиков и дворян, несомненно, коснулся и Тухачевских. В Польше эта фамилия была известна.
[198] Шпальке К. Источники истории о Михаиле Тухачевском. //Гутен Таг. – 1988. - С. 38.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевского «произвели» еще в 1914 г. его полковые товарищи. В частности тот же Р.Бржозовский.

Р.Бржозовский в октябре 1917 г. был командиром резервного гвардейского Семеновского полка, куда по возвращении из плена и был зачислен М.Тухачевский. Именно Р.Бржозовский сделал в октябре 1917 г. представление в вышестоящие армейские инстанции о производстве подпоручика М.Тухачевского, вернувшегося из плена, «в капитаны для уравнения в чинах со сверстниками». Так записано в послужном списке М.Тухачевского[199]. Судя по всему, отношения М.Тухачевского с Р.Бржозовским и предполагаемой группой офицеров-семеновцев, фронтовых приятелей подпоручика, были дружескими. Эта ситуация диссонирует с информацией, исходившей от Б.Колчигина. «Ходили слухи, - рассказывал Б.Колчигин, - что по возвращении из плена М.Н.Тухачевский поссорился с обществом офицеров на политической основе»[200]. Это как-то не вяжется с ходатайством полкового начальства произвести подпоручика М.Тухачевского сразу в чин капитана, назначением его командиром роты. Дружеские отношения с однополчанами не ограничивались у М.Тухачевского указанным кругом лиц.

Капитан барон А.фон Типольт, близкий приятель будущего маршала, вспоминал один эпизод: «Как-то Тухачевский рассказал мне, что во время мирных переговоров с Польшей ему в вагон передали визитную карточку Сологуба, бывшего офицера нашего Семеновского полка.

- Ты с ним виделся? – спросил я.
- Нет, не счел нужным. Он в трудный момент покинул родину, стал даже ее врагом...»[201].

Я не буду останавливаться на степени идентичности указанного диалога в передаче А.Типольта реальным разговорам. Интересно другое: определенная, пусть бывшая, приятельская связь между М.Тухачевским и С.Соллогубом[202].

---

[199] РГВИА, Послужной список М.Н.Тухачевского. Действительно, в резервном Семеновском полку в это время прежние «подпоручики 1914 года» – А.Орлов, Н.Лялин-2, Г.Бремер-1 – были уже капитанами и командовали батальонами.
[200] Никулин Л. Тухачевский. - С. 38.
[201] Типольт А.А. Такое не забывается. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и товарищей. - С. 21.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Один из близких соратников М.Тухачевского по 1-й Революционной армии Н.Корицкий также вспоминал эпизод, касавшийся отчасти старых полковых дружеских отношений М.Тухачевского и относившися к августу- сентябрю 1918 г. Тогда предписанием Всероглавштаба в 1-ю армию к М.Тухачевскому был направлен еще один его бывший однополчанин, капитан л-г. Семеновского полка Б.В.Энгельгардт. Со слов Б.Энгельгардта мемуарист отмечает «былые дружеские связи» М.Тухачевского с бывшим семеновским капитаном[203]. Н.Корицкий вспоминал, что Б.Энгельгардт был ему представлен М.Тухачевским как «смолянин», «земляк Тухачевского и, кроме того, как его сослуживец по Семеновскому гвардейскому полку»[204]. Б.Энгельгардт покинул Красную Армию в ноябре 1918 г.

Все приведенные выше сведения указывают на то, что у М.Тухачевского были вполне доверительные и близкие дружеские отношения, по крайне мере, с частью товарищей по полку в 1914-1915 гг., и они сохранялись таковыми, во всяком случае, в 1917-1918 гг. Уже в 1914 г. в полку за М.Тухачевским закрепилась, несколько ироничная репутация «Наполеона». В октябре 1917 г. в нем она явно начала обретать более серьезный смысл. Так или иначе, но можно констатировать, что вопрос, поставленный А.фон Лампе в дневнике в марте 1920 г. – «Тухачевский… Не Наполеон ли?» – не был случайным «угадыванием». Он опирался на уже бытовавшее в полковой среде семеновских офицеров прозвища М.Тухачевского – «Наполеон». В белом военном зарубежье некоторые бывшие офицеры-семеновцы могли не только воспринять настроения А.фон Лампе с его ожиданиями «Наполеона» в М.Тухачевском, но и активно их подпитывать. Это публично, хотя и под псевдонимом, сделал князь Ф.Касаткин-Ростовский в октябре 1922 г. Это непублично могли делать быв-

---

[202] Полковник Соллогуб Сергей Иванович (1885-19??) в 1914 г. был штабс-капитаном и полковым адъютантом. Ровесник Р.Бржозовского, он вместе с ним учился тоже в Александровском военном училище. Он также принадлежал к старинному польско-литовскому роду. В 1918 г. С.Соллогуб, как и Р.Бржозовский, уехал в Польшу. Там у него были высокопоставленные родственники. Разумеется, в 1920 г. его отношения с М.Тухачевским были обусловлены во многом принадлежкостью к враждебным армиям, но в 1914 и в 1917 г. они могли быть вполне дружескими.

[203] Корицкий Н.Н. В дни войны и в дни мира. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и товарищей. - С. 75.

[204] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

шие семеновцы в рамках «Семеновского полкового объединения» за рубежом[205].

...Особое место и роль в формировании «наполеоновской легенды» в русском «берлинском» зарубежье занимал и играл военный журнал «Война и Мир», созданный в 1922 г. по инициативе Разведывательного управления Штаба РККА через частное немецкое издательство. Он возник в обстановке «сменовеховских» настроений в русской эмиграции и издавался вплоть до лета 1925 г., выполняя роль своеобразного и неофициального посредника между Красной Армией и русской военной белой эмиграцией. Несомненно, его главной задачей было разложение остатков структур белых армий за рубежом и «перетягивание» их наиболее влиятельных представителей и лидеров на сторону Красной Армии. Идеология этих действий выстраивалась на завуалированной пропаганде смутных обещаний и надежд на «бонапартизм» советской военной элиты и грядущую «бонапартизацию» Советской России и СССР. Это был один из способов их политической нейтрализации и ликвидации указанных структур, представлявших в это время главную военно-политическую опасность для Советской России и СССР. Этот журнал от Разведуправления Штаба РККА, очевидно, курировали Б.Бортновский[206], в ведении которого находилась работа в

---

[205] Одним из активных семеновских офицеров, стремившихся объединять их за рубежом, был А.фон Лампе. Судя по записям в его дневнике, он постоятнно сетует на пассивность и отсутствие большого желания к этому у большинства семеновцев. Тем не менее, это полковое объединение действовало.

В нем активно участвовали в первую половину 20-х годов следующие офицеры-семеновцы:

1.А.фон Лампе.
2.С.Дирин.
3.Л.фон Тимрот-2
4.Н.Мельницкий-2
5.Роде-старший
6.С.Назимов
7.А.Подчертков-1
8.А.Попов
9.А.Зайцов-1
10.В.Зайцов-2
11.В.Миних
12.Даровский
13.И.Эттер
14.Сабурский.
15.Е.Новицкий.
16.Э.Экк.
17.Х.Бойе-аб-Геннес.
18.С.Петров.
19.Г.Степанов.
20.А.Иванов-Дивов-1.
21.А.Иванов-Дивов-2.
22.И.Хольмсен.
23.Гаевский.
24.Г.Альбертов.
25.П.Тилло.
26.Князь Ф.Касаткин-Ростовский.
27.К.Крузенштерн.
28.К.Леонтьев.
29.Н.Баженов.
30.А.Штейн.

[206] Бортновский Бронислав Брониславович («Бронковский», «Бронек», «Петровский) (1894-1937). Один из руководителей советской разведки. Из мещанской семьи. Член СДКП и Л с 1912 г. С 1917 г. в ВЧК. Секретарь Ф.Дзержинского. С 1919 до декабря 1921 г. заместитель и начальник разведотдела штаба фронта. С декабря 1921 до конца 1924 г. один из создателей и руководителей Центра советской военной разведки в Берлине (за-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

белоэмигрантской среде, и Г.Теодори[207], официальный рецензент материалов, публиковавшихся в журнале.

Первым главным редактором журнала был генерал-лейтенант Тимонов М.И. Под его руководством вышли первые три номера журнала в 1922 г. Начиная с № 4 (ноябрь 1922 г.) главным редактором журнала становится генерал-лейтенант, профессор А.К. Келчевский. После его внезапной смерти от инфаркта в апреле 1923 г. главным редактором журнала с этого времени и до конца существования журнала, до лета 1925 г. был полковник В.Колоссовский[208].

Лучше всего свое отношение к В.Колоссовскому и его информации выразил в своих дневниковых записях сам А.фон Лампе. Встреча генерала с В.Колоссовским произошла в Берлине 6 октября 1922 г. неожиданно для первого и по инициативе последнего. По собственному признанию, А.фон Лампе был «этому чрезвычайно рад». В.Колоссовский был в это время уже помощником редактора упомянутого выше журнала. Генерал к этому времени уже был достаточно хорошо и достоверно осведомлен о том, что журнал «Война и Мир», под видом частного и независимого военного издания, на самом деле субсиди-

---

меститель резидента Разведуправления Штаба РККА). Отвечал за проникновение агентов ОГПУ-НКВД в круги белой эмиграции. С апреля 1925 до 1929 г. помощник начальника Разведуправления Штаба РККА и одновременно начальник 2-го (агентурного) отдела. С 1929 г. на работе в Коминтерне. Репрессирован летом 1937 г.

[207] Теодори Георгий Иванович (1890-1937), капитан Генерального штаба. С июня 1918 г. консультант Оперативного отдела Наркомвоена. С октября 1918 г. – начальник штаба Управления дел РВСР (орган разведки и контрразведки). С ноября 1918 г. – консультант Регистрационного управления Полевого Штаба РВСР. 1 марта 1919 г. направлен в Прибалтику и на северный фронт для выполнения агентурной разведки. 12 марта арестован в Двинске по подозрению в шпионаже и участии в белогвардейской организации. Содержался в Бутырской тюрьме и Особом отделе ВЧК до января 1921 г. После этого служил на различных должностях в РККА. Арестован 16 апреля 1937 г. и репрессирован.

[208] Колоссовский Владимир Васильевич (1885 – 19??), давний приятель А.фон Лампе, однокурсник по учебе в Академии Генерального штаба. В 1915 г. штабс-капитан крепостной артиллерии, в мае 1917 г. – подполковник Генерального штаба, в составе штаба Юго-Западного фронта, в разведотделе, специалист по боевой технике, особенно по артиллерии и авиации. После октябрьской революции В.Колоссовский остался на Украине, был направлен гетманом П.Скоропадским в Париж в качестве его военного агента. В таковом качестве В.Колоссовский оставался до 1919 года. После крушения гетманского режима на Украине и прекращения, следовательно, в 1919 г. его аккредитации в качестве военного агента, В.Колоссовский, по собственному признанию в разговоре с А.фон Лампе, еще около двух лет оставался в Париже и пользуясь хорошим знанием французского языка жил случайными заработками, в частности, работая и мойщиком автомобилей. В Берлине он оказался в 1922 году и по приглашению своего бывшего профессора по Академии Генерального штаба А.Келчевского, возглавившим редакцию журнала «Война и Мир», стал сотрудником и членом редколлегии указанного журнала.

Видимо, приглашению способствовало благоприятное впечатление от статей, которые В.Колоссовский уже направлял в редакцию журнала. По собственному признанию, В.Колоссовский начал писать в журнал еще находясь в Париже «по предложению адмирала Максимова, бывшего морского министра у гетмана» П.Скоропадского. К октябрю 1922 г. «по его предложению, стал помощником редактора». - РГВИА, ПС (Послужной список) 330 Колоссовского В.В.; Колоссовский, Германские и австрийские авиационные части (по сведениям к 25 мая 1917 г.). 1917. – ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3296-3297.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

руется Разведуправлением Красной Армии. А.фон Лампе знал, что идеологически журнал близок к сменовеховской газете «Накануне». Ему было известно, что в составе сотрудников журнала – бывших генералов и старших офицеров русской армии – имеется две группировки: те, кто, уйдя из белой армии, выполняют пропагандистские задания из Москвы, являются фактически агентурой Разведуправления РККА; и те, кто действительно занимает аполитично-профессиональные позиции[209].

А.фон Лампе принял к сведению (и записал в дневнике) признание В.Колоссовского, «что он сам против большевиков и не хочет для них работать»[210]. Подводя итоги своим впечатлениям от первой встречи с В.Колоссовским, А.фон Лампе не скрывал некоторых своих сомнений на счет своего старого приятеля, что нашло отражение и в дневнике генерала. «Очень мне неприятно с ним хитрить, - записал А.фон Лампе, - он всегда ко мне относился очень хорошо, а в Академии даже и оказал услугу, поменявшись с Одесского на Петроградский округ! Но как же быть – я не могу не быть осторожным, ведь за мною общее дело. Думаю, что он постарается возможно больше узнать от меня… Надо быть весьма осторожным и это, повторяю, меня тяготит, так как я к нему всегда хорошо относился!»[211]. В последующие месяцы, приглядываясь к журналу «Война и Мир» и поведению В.Колоссовского, генерал А.фон Лампе, в связи со смертью генерала, профессора А.Келчевского, 1 апреля 1923 г. отмечал: «Смерть Келчевского считаю потерей – журнал по-видимому попадет в руки сменовеховцев, типа Носкова или Достовалова, и пойдет прямо на большевистскую дорожку! А пока он велся хорошо!»[212]. Следовательно, в период редактирования журнала А.Келчевским и его помощником В.Колоссовским политическое лицо редакции положительно воспринималось А.фон Лампе. Это особенно важно в отношении восприятия генералом своего приятеля В.Колоссовского. Генерал положительно воспринял и назначение новым редактором журнала В.Колоссовского, как считали все ориентиро-

[209] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3296; Д. 10. Л. 4074, 4117, 4143; Д. 11. Л. 4681, 4697, 4762.
[210] Там же, Д. 9. Л. 3296.
[211] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вавшиеся в этих вопросах, представлявшего умеренную и не большевистскую по симпатиям часть сотрудников журнала. К этому времени А.фон Лампе уже имел возможность составить о своем приятеле более определенное мнение в плане идейно-политических симпатий последнего. «Сам Колоссовский, по моему, благодаря своему украинскому периоду, - записал генерал 31 марта 1923 г. в своем дневнике, - стал национально очень гибок и теперь, на всякий случай, готовит себе возможность ухода в чешскую армию...»[213]. К концу 1923 г. А.фон Лампе уже не сомневался в том, что В.Колоссовский не работает на большевиков. В связи с этим примечательна запись в его дневнике: «...Сам В.В., видимо, страхуется на меня, и он прав, я его большевиком не считаю!»[214]. Тень сомнения, возникшая как-то у А.фон Лампе по поводу В.Колоссовского, уже летом 1924 г. исчезла, несмотря на то, что В.Колоссовский в это время размышлял над возможностью вернуться в СССР. «Вечером сидел у меня К.(Колоссовский), сам просивший назначить ему время для свидания, - записал в дневнике 21 августа 1924 г. генерал. – В конце концов, он, по-видимому, решил ехать «туда» и хочет оставить хвост на меня... ну что же, с известной оглядкой это можно. Я проверил мое впечатление от его прошлого визита, и мне показалось, что я ошибся относительно его осведомленности. Пожалуй, он случайно прошел так близко около цели»[215]. Таким образом, полковник пользовался доверием у А.фон Лампе, тем более, что, судя по дневниковым записям генерала, их встречи чаще всего происходили по инициативе В.Колоссовского. Они были не слишком частыми, и последний передавал генералу А.фон Лампе весьма интересную информацию о комсоставе Красной Армии, его настроениях, взамен ничего от своего товарища не получая.

В числе руководителей, сотрудников и авторов журнала можно определить несколько групп бывших генералов, адмиралов и офицеров русской, белой

---

[212] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 4681.
[213] Там же, Д. 10. Л. 4143.
[214] Там же, Д. 13. Л. 5755.
[215] Там же, Д. 16. Л. 7348.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

и антибольшевистских армий[216]. Особый интерес представляет факт участия в журнале в качестве авторов представителей германской армии. Среди них в то время достаточно известным в определенных политических кругах был майор Генштаба Рейхсвера Бухрукер. Он являлся одним из организаторов и руководителей так называемого «черного рейхсвера». Политические настроения членов этой военной организации вполне «вписывались» в весьма размытую идеологию «левых нацистов». Сам Бухрукер был близким другом лидера «левых нацистов О.Штрассера. Следует иметь в виду, что идеологически «левые нацисты», в частности О.Штрассер, находились под сильным, в том числе и личным, влиянием известного право-радикального философа Меллера ван ден Брука.

Связь «черного рейхсвера» в лице Бухрукера с «левыми нацистами», с одной стороны, и с Разведуправлением Штаба РККА через журнал «Война и Мир» весьма примечательна, особенно в контексте бурно развивавшихся революционных процессов в Германии в 1923 г. В связи с этим фактом стоит вспомнить, что попытки установить своеобразный политический союз с «левыми нацистами» предпринимал в 1923 г. К.Радек[217]. В контексте этих обстоя-

---

[216] В разное время среди сотрудников и авторов журнала были русские офицеры и военные специалисты генерал-лейтенант Е.Достовалов, генерал-лейтенант С.Добророльский, К.Чайковский, Н.А.Талицких, А.Б.Шершевский, А.Зайончковский, адмирал Б.В.Дюшен, адмирал Максимов, генерал-лейтенант П.Залесский, генерал-майор А.А.Носков, инженер Е.В.Цитович, инженер И.С.Лавров.

В журнале активно сотрудничали и германские военные специалисты. В их числе были и достаточно известные люди. Это генерал-от-инфантерии Франсуа, майор, полковник Генштаба Бауэр, майор К.Майер, майор Рендулич, майор Бухрукер, капитан Генштаба Риттер, капитан-лейтенант Фехтер, морской капитан Венигер, капитан Генштаба Рихтер (под псевдонимом «Гаршин»), инженер-капитан Ф.Хейгль, В.Кунц, профессор Фляйш. Были среди авторов журнальных статей и французские военные специалисты: морской капитан М.дю Шене, майор Блох

Генерал А.фон Лампе, имевший благодаря полковнику Генштаба В.Колоссовскому хорошие возможности составить представление о журнале «Война и Мир» и его сотрудниках, так характеризовал их состав.

«Состав редакции и сотрудников, - сообщал А.фон Лампе в секретной «справке» своему начальству в Париже 2 апреля 1923 г., - резко делился на две части: умеренную, настаивавшую и проводившую аполитичную линию в направлении журнала. В ее состав входили: профессор Келчевский (редактор), генерал Борисов, адмирал Максимов, полковник Колоссовский, германского Генерального штаба капитан Рихтер (псевдоним Гаршин).

И боевую сменовеховскую, сильно клонившую в сторону большевиков: генерал Носков, только что высланный французским правительством и поселившийся в Берлине, генерал Достовалов, настаивающий на публикации его документов и готовящий к печати книгу, по его словам, разоблачавшую подготовку занятия корпусом генерала Кутепова Константинополя и двуличную политику на немцев и французов в Крыму; и Дюшен, так же, как и Достовалов, всецело передавшийся на сторону большевиков и подвизающийся вместе с ними в «Накануне».

До сего времени побеждала первая группа, к которой для неизвестных мне целей, временно примыкал и появлявшийся в Берлине генерал Сидорин». – ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 4763.

[217] Подробнее об этом см. ниже.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

тельств находятся и слухи о связях с «черным рейхсвером» М.Тухачевского, приезжавшего неоднократно в Германию в 1923 г.[218]

...Почти с самого начала своего существования журнал «Война и Мир» являлся пропагандистом и популяризатором М.Тухачевского и его оперативно-стратегических взглядов и действий. В журнале исподволь утверждалась правильность его оперативно стратегических подходов во время «польской кампании» и Варшавского сражения 1920 г. Этим, по сути дела, обосновывалась концепция «революции извне» М.Тухачевского и целесообразность его стратегии на ее основе. Так, в № 2 журнала за июль 1922 г. в рубрике «Библиографический обзор французской военной печати за февраль и март 1922 г.» давалась развернутая рецензия на статью французского автора, зашифрованного под инициалами "L.F." под названием «Сражение под Варшавой»[219]. В этой рецензии автор обратил внимание на следующие положения французской статьи: «Из детального, день за днем, разбора сражения нельзя, однако не видеть, что, несмотря на то, что Красная Армия, сильно зарвавшись вперед, находилась под Варшавой в явно невыгодном положении, она, тем не менее, имела несколько случаев не только не дать развиться маневру поляков, но, может быть, даже вырвать из их рук победу»[220]. Разворачивая свою мысль, французский автор считал, что "вся правофланговая группа Красной Армии, состоявшая из конного казачьего корпуса и из 4-й армии, с отборными коммунистическими частями, в сущности, не принимает никакого частия в критическом бое соседней 15-й армии". "Были моменты, - отмечает французский автор, - когда появление 4-й красной армии на поле сражения могло сразу решить успех дела в пользу русских, и тогда охваченные паникой поляки уже не смогли бы удержаться в Варшаве"[221]. Таким образом, автор статьи прямо утверждает о возможности победоносного исхода Варшавского сражения для армий М.Тухачевского. Он объясняет поражение "красного Бонапарта" ошибочными

---

[218] Подробнее об этом см. ниже.
[219] Статья "La bataille de Varsovie" была напечатана в № 8, 9"Revue Militaire Francaise" за февраль и март 1922 г. //Война и Мир. – Берлин, 1922. - № 2 (июль).
[220] Там же, с. 92.
[221] Война и Мир. - 1922. - № 2. - С. 92-93.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

действиями 4-й красной армии. Причиной этих оперативных ошибок автор считает то обстоятельство, что "по всей вероятности, правофланговая группа оторвалась окончательно от штаба Тухачевского, а ее собственные начальники не проявили должной инициативы"[222]. Автор статьи и далее оправдывает и обосновывает правильность оперативно-стратегического поведения М.Тухачевского. "Можно ли отнестись с суровой критикой к действиям Тухачевского, красного главнокомандующего? – спрашивает французский автор и отвечает. – Положение поляков под Варшавой было таково, что если бы в городе началось восстание, то Пилсудскому пришлось бы продолжить отступление и спешно в беспорядке отходить за Вислу. Восстание могло вспыхнуть ежеминутно, и перед таким соблазном – трудно было остановиться. Взятие Варшавы имело бы решительные последствия, и потрясенная в конец польская армия, конечно, дала бы время и возможность русским войскам исправить недочеты организации, пользуясь прикрытием Вислы"[223].

Итак, автор статьи во французском военном журнале утверждает возможность победы и целесообразность поведения М.Тухачевского как командующего фронтом, а причины поражения его войск усматривает в грубых оперативных ошибках некоторых подчиненных ему высших начальников. Именно эту статью выбрал автор рецензии и именно на этих аспектах статьи он решил задержать внимание своих, преимущественно военных читателей.

Читателями же журнала "Война и Мир" являлись, главным образом, представители русской военной белой эмиграции и немецкие офицеры.

Вне всякого сомнения, данная публикация в журнале носила пропагандистский характер и направлена была на популяризацию М.Тухачевского не только в СССР, но и в русских военно-эмигрантских кругах. В журнале не указывается фамилия автора рецензии. Однако имеется ряд косвенных оснований считать таковым В.Колоссовского[224].

---

[222] Война и Мир. – 1922. - № 2. – С.92-93.
[223] Там же, с. 93.
[224] Дело в том, что В.Колоссовский начал участвовать в журнале «Война и Мир» в качестве автора и в составе редакции именно с № 2. Он приехал из Парижа в Берлин примерно весной 1922 г. В.Колоссовский, по собственному признанию, за три с половиной года он научился хорошо французскому языку», поскольку с 1918 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В январе 1923 г. вышел № 5 этого журнала, в котором также была дана развернутая рецензия на статью еще одного французского автора, посвященной "польской кампании" М.Тухачевского, которая называлась "Красная большевистская армия". Автором ее был Морис Фурнье[225]. В этой статье и рецензии как бы продолжалось обсуждение причин поражения М.Тухачевского. Автор считал, что составленный М.Тухачевским "план операции" в июле 1920 г. "заключался в двойном охватывании левого польского крыла.... Операция привела к успеху, причем главную роль здесь сыграло глубокое обходное движение конницы Тухачевского (3-й конный корпус), брошенной им на Вильну"[226]. Как отмечал рецензент, "автор считает главнейшей причиной последующих неудач то, что "высшее большевистское командование считало возможным бросить управление операциями". Две группы армий – западная и юго-западная – действовали в полной независимости друг от друга. Только в начале августа высшее командование поняло опасность этого и захотело согласовать действия обеих групп, но было уже поздно"[227].

Таким образом, читатели журнала должны были получить "объективную оценку" "польской кампании". Она утверждала, что М.Тухачевский успешно провел фронтовые операции, а потерпел поражение под Варшавой из-за просчетов Главного командования.

Думается, что этот очевидный, но научно-завуалированный, настрой на популяризацию М.Тухачевского в журнале был установлен и в определенном смысле курировался еще одним человеком, причастным к журналу. Это

находился в Париже, направленный туда военным представителем еще гетмана П.Скоропадского. Именно у В.Колоссовского были наибольшие возможности получать и иметь французские военные журналы, которые он привез с собой в Берлин. Он и в дальнейшем, владея не только французским, но также немецким и английским языками, вел в журнале военно-технический отдел, обеспечивая публикацию собственных переводов на русский язык статей зарубежных авторов по военной технике, особено по авиации. Наконец, в пользу высказанного предположения говорит и то, что в 1924 г. он оказался главным источником для А.фон Лампе по «бонапартизму» М.Тухачевского.

[225] Commandant Maurice Fournier, в журнале Revue Militaire Francaise, №№ 13, 14, за июнь- август 1922 г. //Война и Мир. – 1923. - № 5.

[226] Там же, с. 175.

[227] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

бывший капитан Генштаба Теодори Г.И.[228] Он являлся постоянным рецензентом журнала "Война и Мир" и публиковал свои рецензии в советском военном еженедельнике "Военный вестник". Г.Теодори являлся давним сотрудником советской военной разведки. По своим военным взглядам он был близок к М.Тухачевскому[229].

Таким образом, журнал "Война и Мир" и его редакция выполняли функции посредников между Красной Армией и русским военным зарубежьем через Разведуправление Штаба РККА. При этом советская военная разведка преследовала сразу несколько целей. Во-первых, политическую нейтрализацию русской военной эмиграции, привлечение на сторону советской власти и использования как средства влияния на западные военные и политические круги, а также в качестве своей агентуры, в том числе и для проникновения в белогвардейские организации. Для этого, во-вторых, нужна была "легенда Тухачевского"- "красного Бонапарта".

..."Наполеоновским соблазном", воплощенном в М.Тухачевском советские спецслужбы и верхушка политической элиты практически на протяжении всех 20-30-х годов стремилась "удержать" белых от антисоветского "активизма". Им внушали надежду на скорый "бонапартистский переворот", постоянно предлагая "ждать". Белую эмиграцию, таким образом, стремились использовать и как средство сдерживающего воздействия на западные страны. Политический "фантом Тухачевского-Наполеона" оказался, особенно в 20-е годы весьма эффективным, действенным средством закулисных действий советской внешней политики. Но что же скрывалось за этим "фантомом"?

Популярность М.Тухачевского на Западе продолжала расти вплоть до 1928 г. Косвенным образом об этом свидетельствует появление книг, ему посвященных. Они являли собой, будучи весьма различными по идеологической

---

[228] См. выше биографическую справку.

[229] Еще в августе 1924 г. Г.Теодори писал о «правильности решения тт. Тухачевского и Фрунзе в вопросе о «реальной» пехоте и «реальных» войсках вообще. Еще полтора года тому назад на докладе в Военнной академии (в феврале 1923 г.) тов. Тухачевский выдвинул ряд вопросов, вошедших ныне в жизнь». – См. Теодори Г. «Национальная» армия Франции. //Красная Звезда. – 1924. - № 196.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

направленности и отношению авторов к М.Тухачевскому, своеобразный комментарий, рассчитанный на западную и русскую эмигрантскую общественность. Так, в 1926 г. была издана книга Ю.Пилсудского «1920 год», посвященная М.Тухачевскому, его личности и оценке его полководческих действий в советско-польской войне. Согласно донесению агента ОГПУ, встречавшегося в Париже с генералом А.Кутеповым в октябре 1926 года, « в отношении Красной Армии Кутепов интерес проявлял только в области настроений – преимущественно у командного состава.... Из отдельных лиц интересовался т. Ворошиловым, Тухачевским и крупными военспецами, из числа бывших полковников, генералов. Особенный интерес проявлял почему-то к т. Тухачевскому...»[230]. В 1928 году А.Кутепов считал, что в СССР «нет человека, пользующегося в армии и у населения такой популярностью и симпатией как Тухачевский»[231].

В 1927 году написал, а в январе 1928 года издал свою книгу о М.Тухачевском в Париже П.Фервак (Р.Рур)[232]. Весьма показательно ее название: «Михаил Тухачевский – вождь Красной Армии». Ни М.Фрунзе, ни К.Ворошилов, но оживление всевозможных слухов вокруг фигуры М.Тухачевского, и особое к ней внимание. Она по своему содержанию совершенно очевидно выполняла главную задачу – дать ответ заинтересованным политическим и военным кругам, прежде всего, французским, равно как и французской общественности, на вопрос: кто такой и что такое М.Тухачевский?[233]Для написания этой книги опытным журналистом, каковым был П.Фервак, вероятно, не требовалось долгого времени[234]. Заказ к П.Ферваку на книгу о М.Тухачевском поступил примерно в конце ноября-начале декабря

---

[230] «Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году.... //Военные архивы России. – Выпуск № 1. - С. 94-95.
[231] Там же, с. 99.
[232] Fervacque P. Le chef de l'armee Rouge – Mikail Toukhatchevski. - Paris, 1928.
[233] Именно французской общественности и ее военно-политическим кругам, потому что книга была на французском языке, не переводилась на русский. Учитывая, что огромное множество русских эмигрантов так и не освоили достаточно хорошо французский язык, а то и просто не владели им, то для них текст этой книги оказывался «закрытым».
[234] Однако определенный промежуток времени для написания книги объемом примерно 200 типографских страниц (12-13 печатных листов), для ее подготовки к печати и, наконец, издания, даже в самом срочном порядке, был все-таки нужен. И этот срок вряд ли был менее 1,5-2 месяцев.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

1927 года. Не позднее[235]. Тогда же 30 января 1928 года в Москву поступило сообщение советского военного атташе в Польше И.Клочко. Он писал: «29 и 30 января вся польская пресса полна самыми фантастическими сообщениями о восстании Красной Армии; говорится о восстании 4 дивизий во главе с т.Тухачевским, наступающим будто бы на Москву; за два дня сообщения польской прессы перелетели в английскую, а оттуда они вновь перепечатывались польской прессой; характерно, что основную кампанию ведет официоз «Глос правды»...»[236]. М.Тухачевский был в глазах Европы «вождем Красной Армии» в 1927-1928 гг. По мнению Генерального штаба французской армии в 1928 г., «Тухачевский ...пользуется большой популярностью среди комсостава, особенно из числа бывших офицеров»[237].

Вероятно, своеобразной справкой о М.Тухачевском и явились рукописные воспоминания о нем некоего Посторонкина, бывшего белого офицера, датированные 15 июня 1928 г[238]. Скорее всего, это тоже был один из комментариев личности М.Тухачевского, чья популярность вызывала интерес Председателя РОВС генерала А.Кутепова.

Изменения в перечне «вождей Красной Армии» происходит в 1928-1929 гг. Тем не менее, за пределами СССР М.Тухачевский по-прежнему пользовался авторитетом. Посетивший СССР и Красную Армию с визитом в августе 1928 г. начальник штаба Рейхсвера генерал В.фон Бломберг счел необходимым персонально встретиться лишь с тремя советскими военачальниками, не считая наркома К.Ворошилова: с Б.Шапошниковым, М.Тухачевским и В.Блюхером[239].

---

[235] Еще раз отмечу, что не будучи «заказной», эта книга вряд ли могла расчитывать на широкий спрос среди французских читателей. Какое им дело до М.Тухачевского, если этот человек в той или иной мере не мог влиять или повлиять в будущем на судьбу Франции. Заказ П.Ферваку, как журналисту был тоже не случаен. Ранее уже приходилось говорить о том, что под литературным псевдонимом «Пьер Фервак» скрывался бывший в 1-ю мировую войну саперный лейтенант Реми Рур, оказавшийся в 1916-1917 гг. в немецком плену вместе с М.Тухачевский и подружившийся с последним. Примечательно, однако (и это характерно для такого рода книги), что П.Фервак наполнил книгу не только собственными воспоминаниями и впечатлениями о гвардейском подпоручике М.Тухачевском. Он дает характеристику его политических взглядов и настроений и после 1917 года, приводит информацию других лиц, видевших М.Тухачевского в окружении Л.Троцкого в период гражданской войны.

[236] Военно-исторический архив. – 1997. - Выпуск № 2. - С. 34.

[237] «Справка о проверке обвинений.... //Военные архивы России. - Выпуск №1. - С. 99.

[238] Тухачевский. По личным воспоминаниям составил Владимир Никитич Посторонкин 15 июня 1928 года в Праге Чешской. //Военно-исторический журнал. – 1990. - № 12.

[239] Erickson J. The Soviet High Command. - London-Neu York. - P. 266.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Правда, встреча с Б.Шапошниковым может рассматриваться как «протокольная»: начальник Штаба одной армии встречается с начальником Штаба другой. А вот встречи с М.Тухачевским и В.Блюхером, которые не занимали в это время каких-либо ключевых должностей – М.Тухачевский, «опальный», отставной начальник Штаба, а В.Блюхер, зам. Командующего военным округом, – знаменовали признание их реального военного авторитета в Красной Армии.

О репутации и авторитете М.Тухачевского выше говорилось достаточно много. В.Блюхер же оказался новой, «восходящей звездой» в Красной Армии. В военных и политических кругах Западной Европы прекрасно знали, кто в действительности командовал армией Чан-Кай-ши и оценили военные успехи В.Блюхера. Таким образом, можно считать, что фигура В.Блюхера уже в 1928 г. претендовала на свое место в иерархии «вождей Красной Армии» рядом с М.Тухачевским и С.Буденным.

Весьма красноречивое выражение получили представления западноевропейской общественности о «вождях» Красной Армии и иерархии этих «вождей» в 1930 г. в книге К.Малапарте «Техника государственного переворота»[240]. «Седьмое ноября.... Москва вся расцвечена красным.... В глубине площади, перед собором Василия Блаженного выстроены казаки кавалерии Буденного, пехота Тухачевского, ветераны 1918, 1919, 1921 годов, - солдаты, которых Троцкий привел к победе на всех фронтах гражданской войны...»[241]. Правда, автор книги упоминает и К.Ворошилова, по его номенклатуре – «народный комиссар обороны»[242].

Впрочем, в тех весьма специфических идеологических условиях, которые уже сложились в основном в СССР к началу 30-х годов, трудно получить достаточно определенное представление о популярности тех или иных лиц, стоявших в руководстве РККА. В этом отношении, сторонние наблюдатели, особенно пристально следившие за тем, что происходило в СССР, пожалуй, более чутко отражали эти моменты в общественном мнении. Еще раз обращусь к

[240] Малапарте К. Техника государственного переворота. - М., 1998. Книга была написана и издана впервые в 1931 году.
[241] Там же, с. 158.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Р.Гулю, который в своих развернутых очерках, посвященных «красным маршалам», дает их перечень и, можно сказать, иерархию в соответствии с рейтингом популярности и реальной значимости к 1932 г.

«Революции всегда давали много блестящих карьер. Правда, почти все эти карьеры (кроме генерала Бернадотта – короля Швеции) полны глубокого трагизма, - писал бывший офицер, корниловец-первопоходник Р.Гуль. – Их вершина – генерал Бонапарт – император Франции. Их паденья – смерти у стенки – неаполитанского короля генерала Мюрата и «князя де Москова» маршала Нея. Еще более темна и страшна смерть в застенке генерала Пишегрю Русская революция дала своих красных маршалов – Ворошилов, Каменев, Егоров, Блюхер, Буденный, Котовский, Гай, но самым талантливым красным полководцем, не знавшим поражений в гражданской войне, самым смелым военным вождем красной армии 3 Интернационала оказался Михаил Николаевич Тухачевский. Тухачевский победил белых под Симбирском, спасши Советы в момент смертельной катастрофы, когда в палатах древнего Кремля лежал тяжелораненый Ленин. На Урале он выиграл «советскую Марну» и, отчаянно форсировав Уральский хребет, разбил белые армии адмирала Колчака и чехов на равнинах Сибири. Он добил и опрокинул на французские корабли армию генерала Деникина. В войне с Польшей, отчаянным маршем во главе беспримерной полуазиатской армии он пришел к стенам Варшавы с криком – «Даешь Европу!». Он взял штурмом на льду Финского залива мятежный матросский Кронштадт. И той же весной, когда заколебалась власть Советов крестьянскими восстаниями, подавил, жестоко расстреляв, поволжскую мужицкую вольницу...»[243].Показательно, что среди перечисленных нет М.Фрунзе.

Книга была издана (в 1932 г.) в Берлине и вскоре переведена на французский, шведский и финский языки. Таким образом, приведенная писателем информация и «селекция» «красных маршалов» стала доступной и для немецких, и для французских читателей и политиков. В определенном смысле можно говорить и о том, что Р.Гуль оказался пропагандистом и идеологом, создававшего

---

[242] Малапарте К. Указ соч. – С. 158.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

в Западной Европе образа Красной Армии, воплощенной в ее «вождях». В 1931 г. во Франции был опубликован также очерк о Красной Армии, в котором в качестве ведущих советских военных теоретиков были названы М.Тухачевский, А.Верховский и А.Свечин[244].

...Долголетняя военно-политическая устойчивость М.Тухачевского была обусловлена, прежде всего, окончательно сложившейся к 1922 году устойчивой, семантически двуединой политической «легендой»: М.Тухачевский – это «красный Бонапарт», а «Бонапарт» – это «революционная наступательная война». Его имя прямо и косвенно использовалось властью, блефовавшей перед зарубежьем, будучи экономически и политически немощной и социально неустойчивой. В зависимости от внешнеполитических обстоятельств М.Тухачевского «выставляли» либо в качестве «пугала революции извне», либо в качестве вождя близкого «бонапартистского переворота». В первом случае власть стремилась напугать Запад новым «революционным вторжением», во втором – пыталась удержать Запад от интервенции, намекая на близкую свою «бонапартизацию». Так в связи с обострением отношений с Францией уже 25 июля 1921 г. в своей записке Г.Чичерину В.Ленин предлагал ему, наряду с другими «устрашающими жестами» (политический блеф), «поездку Тухачевского в Минск тоже с угрозой и помпой»[245]. Преднамеренно «устрашающий характер» имело и новое возвращение М.Тухачевского на должность командующего «Западным фронтом» в феврале 1925 г. В мае же 1925 г. во время 7-го всебелорусского съезда Советов приездом М.Тухачевского в Минск была осуществлена самая настоящая «демонстрация силы и угроз». Не без скрытой гордости и политического вызова ответственный секретарь ЦК КПБ Криницкий, представляя съезду М.Тухачевского, прямо комментировал действительную и вероятную реакцию зарубежной печати по поводу приезда в Минск командующего Западным фронтом. «...В польской печати много шумят... о приезде тов.Тухачевского в Западный округ, о приезде его в Минск, - говорил Криниц-

---

[243] Гуль Р. Красные маршалы.... С. 433.
[244] Heroy A., general, et Thevenin Leon. L'Armee Rouge et la guerre sociale. - Paris, 1931. – P. 14-15.
[245] В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. - М., 1999. - С. 459.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

кий, - и толкуют о том, что этот приезд знаменует то, что, дескать, Белоруссия или Советский Союз готовит нападение на Польшу...»[246]. Он говорил, что «весь съезд воспламеняется при лозунге «даешь Варшаву», и что «мы в ближайшие же дни в польских газетах прочтем нелепейшие сообщения о том, что Советский Союз ...имеет вождя, чтобы этот лозунг осуществить – товарища Тухачевского»[247]. Председатель съезда Червяков подхватил и продолжил рассуждения Криницкого: «К нам на Съезд Советов приехал командующий Западным военным округом тов.Тухачевский. Он пробыл тут всего несколько дней, а уже в берлинских, варшавских, виленских и других газетах разнеслись слухи, что тов.Тухачевский приехал в Минск, чтобы здесь разработать планы похода на Запад, на Польшу, а может быть и дальше...»[248]. Выступавшие, явно преднамеренно «оговаривались», называя М.Тухачевского не командующим округом, а «командующим Западным фронтом»[249]. Также представлялся делегатам и сам М.Тухачевский. Это обстоятельство, имея «знаковый смысл», усиливало «агрессивное» значение присутствия М.Тухачевского в Западном округе и в Минске. Ожидаемый и предполагаемый результат был достигнут: зарубежная пресса на приезд М.Тухачевского в Минск отреагировала так, как это нужно было Москве: «Тухачевский приехал в Минск для подготовки в ближайшее время военного вторжения на Запад»[250]. Не сомневаясь в том, что все это, равно как и выступление самого М.Тухачевского, станет вскоре известно заинтересованным лицам на Западе, «бряцание оружием» и его призыв к правительству Белоруссии «поставить в повестку дня подготовку к войне» все это было рассчитано, прежде всего, на западных политиков, журналистов и обывателей. М.Тухачевский, как и прежде, играл роль политической «страшилки» для Запада.

Популярность М.Тухачевского трудно назвать «народной». О нем не слагали стихов, не пели песен, не рассказывали анекдотов. Его стремительная и

---

[246] Стенографический отчет 7 Всебелорусского Съезда Советов. - Минск, 1925. - С. 18-19.
[247] Там же, с. 19.
[248] Там же, с. 34.
[249] Там же, с. 5-6.
[250] Там же, с. 34.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

драматичная военная карьера в Красной Армии началась сразу же с больших командных высот. Он никогда не был командиром небольшого партизанского отряда, как С.Буденный, Г.Котовский, В.Примаков. Он не был на глазах безграмотной или полуграмотной солдатско-крестьянской, казацкой массы. Для нее он никак не был своим. Всем своим обликом, внешностью в то революционное время он вызывал у этой массы настороженность, неприязнь. Он был «чужак», «золотопогонник», «белогвардейская морда». Он начал свою военную карьеру в Красной Армии сразу с командующего армией. И хотя летом и осенью 1918 г., в силу рыхлости самого армейского организма, ему иногда и приходилось с винтовкой в руках ходить в атаку, это было редко. Солдаты «революционной армии» не видели его на поле боя. Тем более, когда М.Тухачевский стал командующим фронтом. Он был для них «белой костью», «белоручкой», сторонящимся «черновой работы», как это не мог не заметить впоследствии и Г.Жуков. Для Г.Жукова или С.Кутякова, командиров подразделений в те годы, когда М.Тухачевский командовал фронтом, он не был «отцом-командиром», «впереди на боевом коне» во главе красноармейских цепей под одними и теми же белогвардейскими или белопольскими пулями. М.Тухачевский восхищал ту часть Красной Армии, которая имела хотя бы среднеобразовательный ценз (гимназия, духовная семинария, учительская семинария, кадетский корпус, военное училище) или высшее образование. С одной стороны, они видели и воспринимали русскую революцию не только эмоционально, но и стремились «нейтрализовать» в себе ее ужасы и страхи ею рожденные интеллектуальной, образовательной рефлексией. Они стремились ее осмыслить и, в конечном итоге, укротить. Они понимали, что судьба революции и революционной, гражданской войны решается не на данном конкретном поле боя, несмотря на его кровопролитность, ожесточенность и потери товарищей. И этот бой, и эти убитые, раненые, покалеченные, эти потери, даже, порой, проигрыш этого частного боя «местного значения», лишь часть более масштабной, хитроумно замысленной боевой операции, таинственным, чудесным, гениальным образом зародившейся в голове этого безусого гвардейского подпоручика. «Чудо», рожденное в «тай-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

не», создавало «авторитет» и славу полководца М.Тухачевскому в глазах не рядовых участников боев, не среди солдат непосредственно на поле сражения, а среди командиров. Это, как правило, и были люди с определенным образовательным цензом, чаще всего бывшие офицеры, в большинстве – офицеры военного времени (из разночинной интеллигенции, служащих, учащихся). Именно в этой «полуобразованной» среде и могли возникать более цельные, «книжные», однако, весьма упрощенные представления о Революции. Это были представления о русской Революции, «клишированные» с Великой Французской, о которой они читали в учебниках. Если большинство рядовых солдат, красноармейцев, подчас и понятия не имели об этой Великой Революции, то эти их командиры знали о ней «кое-что». Это «кое-что» часто умещалось в обрывки знаковых имен и понятий: Бастилия, якобинцы, террор, гильотина, Робеспьер, Мюрат, Наполеон. Именно в этой среде удобнее всего могла «разместиться» «наполеоновская легенда», придававшая оптимистический смысл и будущее самой Революции. Именно в этой среде шел спонтанный «поиск» «русского или красного Бонапарта». Благодаря знакомым им по учебникам и литературе «книжным иллюстрациям» или кинематографу внешние признаки легче всего и быстрее «угадивались» ими в М.Тухачевском. Слишком многое казалось в нем и его поведении «проявлением» «наполеоновских признаков». В целом, как среди «красных революционных командироов», так и среди «белых революционных командиров», оказавшихся неподготовленными для решения политических проблем, эти решения чаще всего и легче всего находились в «Наполеоне».

Итак, М.Тухачевский являлся «харизматическим» лидером Красной Армии не только для советской военной элиты, не только для русского военного и невоенного зарубежья, но прочно занимал таковое место в общественном мнении, особенно в 20-е годы и в СССР, и за его пределами. Более того, М.Тухачевский персонифицировал, таким образом, собой Красную Армию, становился «легендированным» ее «образом» особенно для целенаправленного влияния на формирование благоприятного для СССР отношения со стороны

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Европы. Эта «легенда» всячески поддерживалась даже после фактической утраты М.Тухачевским своей прежней влиятельной военно-политической роли в СССР в 30-е годы.

Исследование «образа» советской военной элиты, сложившегося и господствовавшего в общественном мнении в 20-30-е годы, позволяет реконструировать систему нравственно-политических ценностей советской военной элиты, сфокусированных, аккумулированных и персонифицированных в образе «харизматической личности» М.Тухачевского. Эта «легенда» приобрела свойства смыслообразующего фактора в социоментальном, социокультурном и военно-политическом настрое советской военной элиты и лидирующих военно-политических групп русского зарубежья, особенно в 20-е годы. Этот фактор играл важную роль в поддержании благоприятной коньюнктуры Советской России и СССР во внешней политике и международных отношениях 20-х годов.

1.3. Складывание советской военной номенклатуры.

Если следовать должностному принципу структурирования состава советской военной элиты, то в 1921 г. в нее можно включить в первую очередь руководителей высших центральных органов руководства Красной Армией, командующих фронтами и военными округами. Включение этой категории военных должностных лиц в состав советской военной элиты обусловлено тем, что они были «отобраны» властью как соответствующие ее представлению об «образцовых» высших военных руководителях. «Образцовость» их проявлялась, прежде всего, в «надежности», которую чувствовала власть, доверяя им руководство всеми или частью вооруженных сил в масштабе всей или части территории государства. Иными словами, это та часть высшего военного руководства, которая, располагая «доверием» со стороны государственной власти, полностью или частично осуществляла военно-территориально или военно-политически контролировала государственно- политическое пространство страны.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

К лету 1922 года, после некоторых мероприятий по реорганизации военно-территориального устройства и дислокации РККА, на территории РСФСР и СССР остались: Западный фронт, Украинский военный округ, Московский военный округ, Петроградский военный округ, Северо-Кавказский военный округ, Отдельная Кавказская армия, Приволжский военный округ, Сибирский военный округ, Туркестанский фронт, 5-я Отдельная армия, Народно-революционная армия Дальневосточной республики. Таким образом, всего 11 военных регионов. Два из них занимали особое положение и сохраняли фронтовую организационную структуру, обусловленную наиболее опасными с геостратегической точки зрения направлениями. Этими обстоятельствами объяснялось и распределение наличных стрелковых и кавалерийских дивизий по фронтам и округам. В 1922 г. количество стрелковых дивизий в Красной армии было сокращено до 35, хотя в связи с «военной тревогой» во второй половине 1923 г. их количество увеличилось до 49. Впрочем, реальное их число в 1923 г. не превышало 40, поскольку уже в начале года 9 стрелковых дивизий было переведено на территориальный принцип. В округах и на фронтах имелось 17 управлений стрелковых корпусов. В свою очередь, количество кавалерийских дивизий было сокращено до 16. Эти цифры интересны в контексте последующих рассуждений для определения степени важности того или иного фронта или военного округа.

Так, в самом большом в европейской части страны Украинском военном округе было дислоцировано 5 стрелковых корпусов в составе 9 стрелковых дивизий и 2 кавалерийских корпусов. На Западном фронте было дислоцировано 3 стрелковых корпуса в составе 8 стрелковых дивизий, 2 кавалерийских дивизии и 1 отдельная кавалерийская бригада. При этом надо иметь в виду, что в начале 1923 г. на территориальный принцип комплектования в УВО были переведены 3 стрелковых дивизии, а на Западном фронте – 1. Таким образом, фактически, в первой половине 20-х годов количество реальных стрелковых дивизий на Западном фронте было 7, а в УВО – 6. В этом отношении концентрация полноценных боевых стрелковых дивизий на Западном фронте оказывалась больше,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

учитывая и гораздо меньшее по территории пространство, занимавшееся фронтом. В первой половине 20-х годов, до 1925 г., Западный фронт, в силу геостратегических ориентаций СССР, был главной военно-территориальной единицей, а его командующий – по номенклатуре, фактически, «генералом № 1». Начиная с 1925 г. постепенно геостратегические акценты смещаются, и на первое место, не только по пространству, но и по стратегическим задачам выходит Украинский военный округ. Он сохраняет такое положение до 1932 г. Именно тогда первенство переходит к Отдельной Дальневосточной армии. Во всяком случае, на Западном фронте и в УВО в 1922-1923 гг. было дислоцировано 17 стрелковых дивизий (из них 13 «реальных», кадровых). В то же время на оставшиеся 9 (а с начала 1923 г., после упразднения ДВР и Народно-революционной армии ДВР, на 8) военно-территориальных единиц оставалось в среднем по 3-4 стрелковых дивизии. Кроме вышеозначенных двух наиболее важных и политически влиятельных военно-территориальных единиц – Западного фронта и УВО – значение оставшихся можно распределить следующим образом.

Из «фронтовых территорий» это были Туркестанский фронт, Отдельная Кавказская армия и 5-я Отдельная армия. На Туркестанском фронте велись активные боевые действия. Там был дислоцирован 13 стрелковый корпус и 11 кавалерийская дивизия, а также несколько более мелких стрелковых и кавалерийских соединений и частей.

Отдельная Кавказская армия находилась на политически-беспокойной территории трех закавказских республик. Там продолжали вспыхивать малые и относительно обширные очаги восстаний вплоть до 1924 г. Там были дислоцированы Кавказский стрелковый корпус и несколько национальных дивизий.

5-я Отдельная армия оставалась, особенно с начала 1923 г. вооруженой силой на Дальнем Востоке, контролировавшей и поддерживавшей оборону в этом отдаленном районе Советской России и СССР.

Петроградский военный округ занимал особое положение. До революции это был престижный, столичный военный округ. Теперь его территория граничила с Финляндией и республиками Прибалтики. Это направление в первой по-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ловине 20-х годов не считалось геостратегически угрожающим. Поэтому в командовании округом, как правило находились не самые «боевые генералы». С известными оговорками, Петроградский военный округ, несмотря на его местоположение, можно было бы рассматривать в ряду «внутренних округов».

Из внутренних военных округов по значимости и престижности на первом месте находился Московский военный округ, за ним шел Петроградский военный округ, затем Северо-Кавказский военный округ, за ним Приволжский и Сибирский военные округа. Как правило, командующими этими округами назначались лица политически надежные, хорошие военные администраторы, но не «полководцы». Если на один из этих округов попадал «боевой генерал», то это можно было считать одним из признаков обострения внутриполитической ситуации и подготовкой «тихого» и «замаскированного переворота» или намерением ему воспрепятствовать.

Следует иметь в виду, что неписанная иерархия значимости военно-территориальных единиц, а значит, и командующих фронтами и округами, на протяжении всего изучаемого периода менялась в зависимости от смещения доминанты политических проблем в стране и государстве. Она смещалась с внешнеполитических проблем на внутриполитические и обратно. Иногда проблемы этих двух порядков в равной мере становились острыми, создавая особую военно-политическую ситуацию.

В 1922-1924 гг. политическая и внешнеполитическая обстановка, в частности в Советской России и СССР, обозначила следующую иерархию командующих и военно-территориальных единиц: Западный фронт, Украинский военный округ, Московский военный округ, Петроградский военный округ, Отдельная Кавказская армия, 5-я Отдельная армия, Северо-Кавказский военный округ, Туркестанский фронт, Приволжский военный округ, Сибирский военный округ.

…В ходе гражданской войны принцип структурирования военной элиты, как в Красной Армии, так и в армиях белых, был в общем один и тот же – «дружинный». Отдельные воинские части и соединения либо изначально, с мо-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мента зарождения, либо в ходе боевых действий, особенно победоносных, превращались в относительно независимые боевые единицы. Это было обусловлено их успехом на полях сражений, а сам успех оказывался чаще всего результатом способностей, умения, «боевого счастья» командиров-героев. Таковыми были, в частности, 24-я Железная стрелковая дивизия, 25-я Чапаевская стрелковая дивизия, 8-я Червоноказачья кавалерийская дивизия, кавалерийская бригада Г.Котовского, 1-я Конная армия, 45-я стрелковая дивизия, 44-я стрелковая дивизия и др. Таковой была и 27-я стрелковая дивизия.

Эти «дружины» либо были сформированы «вождями-демиургами», либо обретали «вождей» в ходе боевых действий. Так или иначе, эти «дружины» выдвигали «вождей», олицетворяя и воплощая в них себя. Такого рода «вожди» «дружин» и составляли группу военных лидеров в период войны и в первые послевоенные годы «ожидания войны». Обстановка продолжающейся войны или настороженного ожидания ее возобновления или продолжения поддерживала почву для сохранения такой системы структурирования военной элиты. В ее состав входили эти «вожди-герои». Это была военная элита в своем самом непосредственном смысле: самые умные из самых храбрых, образцовые, примеры для подражания.

Структура военной элиты в это время скреплялась на следующих принципах: командир дивизии или отдельной бригады был более непосредственно связан с комсоставом, который, в свою очередь, непосредственно руководил войсками на поле сражения. Его авторитет, таким образом, определялся отношением к нему командиров на уровне ротных, батальонных, полковых. Он держался до тех пор, пока его признавали своим «вождем» снизу. Авторитет командиров выше начальника дивизии (командующий армией, командующий фронтом) складывался из его репутации в Красной Армии в целом и в стране и благодаря поддержке «снизу» со стороны командиров дивизий. Армейская репутация «вождя» была во многом обусловлена тем, как много командиров дивизий было выдвинуто им из нижестоящих командиров. Таковые «креатуры», будучи выдвинутыми вполне заслуженно, обретая авторитет в войсках, несли в

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военную массу «легенду» вождя. Молва, в такой обстановке, вполне могла соперничать с официальной пропагандой, тем более в обществе, большинство населения которого было неграмотным. В такого рода обстановке имела место как стихийно возникавшая и распространявшаяся «легенда», так и создаваемая целенаправленно и преднамеренно. Это могла делать и делала официальная пропаганда, но это могли делать и определенные социальные группы. Это весьма характерно для обстановки социального противоборства. Слава и репутация «вождя» – это всегда «легенда».

… «Они неразрывно связаны с солдатами, армия их любит, верит им и в этом их сила», - рассуждая о М.Тухачевском, писал князь Ф.Касаткин-Ростовский. В связи с вышесказанным интересны рассуждения сотрудника ГПУ, относящиеся к началу 20-х гг. «…Когда, в связи с эвакуацией Врангелевской армии, исчезла ближайшая опасность для Советской власти, - писал ответственный сотрудник ГПУ в секретном документе, - осталась другая опасность – сама Красная Армия, которую необходимо было перевести на мирное положение, т.е. иначе говоря, отнять у каждого красноармейца привилегию распоряжаться чужим имуществом как своим собственным. После долгих усилий, когда борьба с Красной армией приняла характер открытых сражений, Советской власти удалось временно устранить препятствие к полному повиновению Красной Армии, недовольной прекращением «военного времени» и начавшей форменную войну с той же Советской властью, как например, армия Буденного, Червонное казачество, Богунская, Таращанская бригады и т.д.»[251]. К этому перечню можно добавить 27-ю стрелковую дивизию, вообще войска Западного фронта, 1-ю Конную армию, кавалерийскую бригаду, а затем и конный корпус Г.Котовского. Автор цитированной записки весьма выразительно писал о «новом привилегированном сословии» – Красной Армии, начавшей бунтовать в связи с прекращением возможности легкого обогащения, лишившемуся своих советских привилегий»[252]. Государственная власть была в состоянии более или

[251] ГПУ. Бюджет и смета ГПУ, Разведывательного управления Реввоенсовета СССР и секретно-оперативной части Коминтерна. Предисловие. //ВЧК-ГПУ. Документы и материалы. - М., 1995. - С. 230.
[252] ВЧК-ГПУ. Документы и материалы. – С.230.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мене эффективно контролировать войсковые соединения этого уровня лишь в составе высших соединений и объединений Красной Армии: армии, фронта, военного округа. Таким образом, элементы «партизанской самостийности» и в начале 20-х годов сохранялись в Красной Армии на уровне бригад, дивизий, даже корпусов или армий (1-я Конная). Здесь «дружинно-выборный» принцип еще продолжал оказывать давление и влияние на должностные назначения комсостава. Его можно было нейтрализовать и подавить двумя способами: раскассированием «старых» войсковых соединений, их переформированием, и через армейские и фронтовые объединения. В последних уже сложилась номенклатурная система замещения должностей. Задача власти, таким образом, состояла в том, чтобы, во-первых, оторвать популярных, «своих» командиров от их войск, во-вторых, постепенно, незаметно раскассировать спаянные общей боевой судьбой и скрепленные совместно пролитой кровью воинские части и соединения. Это позволило бы ликвидировать «самостийный» принцип формирования военной элиты, когда выдвинувшийся в ходе победоносных боевых действий военный «вождь», благодаря лично ему преданным офицерам и солдатам, определял состав высших командиров. Необходимо было ввести номенклатурный принцип формирования военной элиты в качестве единственного и полностью подчинить армию государству и партии. Со своей стороны, командиры разных уровней, а партийные командиры делали это открыто, требовали ликвидации партийно-политического контроля и упразднения института военных комиссаров и реввоенсоветов. Нет сомнения, что объективным условием старого, «самостийного» принципа формирования и устойчивости военной элиты была обстановка перманентной войны или перманентная ее угроза, боевая готовность.

Уже в ходе гражданской войны советская власть приступила к структурированию номенклатуры государственных отличий – «званий, чинов, знаков различия и отличия» – для военнослужащих Красной Армии, в частности, для военной элиты Красной Армии. Иными словами, предприняты были первые шаги в определении основ, принципов структурирования номенклатурной сис-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

темы организации советской военной элиты и, таким образом, подчинения ее государству. В общем, они повторяли в иных внешних формах и с иным идеологическим зарядом, принципы номенклатуры отличий в дореволюционной России. Если учрежденный в 1918 г. Орден Красного Знамени был изначально определен как единственный знак отличия для «героя гражданской войны», независимо от занимаемой им военной должности, Почетное Революционное оружие стало наградой, должной отличить чрезвычайные заслуги именно «революционного генерала». Известно, что с августа 1919 года и по апрель 1922 года этой наградой были отмечены всего 20 «революционных генералов». Приведу весь список:

1.Каменев С.С., Главком Вооруженных Сил Республики – 8 августа 1919 г.
2.Шорин В.И., командующий Юго-Восточным фронтом – 8 августа 1919 г.
3.Буденный С.М., командующий 1-й Конной армией – 20 ноября 1919 г.
4.Тухачевский М.Н., командующий 5-й армией – 17 декабря 1919 г.
5.Уборевич И.П., командующий 9-й армией – 8 апреля 1920 г.
6.Фрунзе М.В., командующий Южным фронтом – 25 ноября 1920 г.
7.Корк А.И., командующий 6-й армией Южного фронта – 25 ноября 1920 г.
8.Миронов Ф.К., командующий 2-й Конной армией – 25 ноября 1920 г.
9.Каширин Н.Д., командир 3-го кавалерийского корпуса – 25 ноября 1920 г.
10.Ворошилов К.Е., военком 1-й Конной армии – 25 ноября 1920 г.
11.Тимошенко С.К., командир 4-й кавалерийской дивизии – 28 ноября 1920 г.
12.Нестерович В.С., 5 января 1921 г.
13.Балахонов Я.Ф., 2 февраля 1921 г.
14.Винников-Бессмертный В.Г., 2 февраля 1921 г.
15.Егоров А.И., командующий Юго-Западным фронтом – 17 февраля 1921 г.
16.Казанский Е.С., командующий Северной группой под Кронштадтом – 3 июня 1921 г.
17.Котовский Г.И., командир особой кавбригады - 20 сентября 1921 г.
18.Розе В.Р., 12 декабря 1921 г.
19.Хаханьян Г.Д., 12 декабря 1921 г.
20.Кутяков И.С., 28 апреля 1922 г.

Итак, приведенный список «революционных генералов» получил эту высшую военную награду для лиц высшего комсостава РККА за конкретные, определенные успехи в конкретной боевой операции. Однако в годы гражданской войны советское политическое и военное руководство ввело еще одну шкалу военной номенклатуры. Она представляла собой, пусть еще в несколько «размытой» форме, но попытку определить критерий отнесения определенной части высшего комсостава к военной элите.

Известно, что из всех старых дореволюционных военных чинов и званий в Красной Армии сохранилось одно, имевшее весьма большую военно-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

профессиональную ценность – принадлежность к Генеральному Штабу. Как известно, зачислению в состав Генштаба в русской дореволюционной армии подлежали далеко не все офицеры, окончившие Николаевскую Академию Генерального штаба. Таковой высокой квалификации – причислению к Генштабу, к «военно-интеллектуальной» элите армии – удостоивались лишь окончившие академию по первому разряду и с весьма высоким средним баллом. В Красной Армии сохранилось от старой русской армии лишь это квалификационное отличие: «Генштаба такой-то».

Начиная с 1920 г. в практику отличия представителей высшего комсостава введено было, в порядке исключения и за постоянно проявляемые полководческие способности и навыки, «причисление к Генштабу» лиц, не имевших академического образования или до революции не «причисленных к Генштабу». Таким образом, этих «революционных генералов» уравнивали с «академиками», с лицами с высшим военным образованием, причисляли к «военно-интеллектуальной элите». Всего с 1920 по 1922 год таковых оказалось 13 человек. Приведу весь список:

1.Глудин И.И., капитан, 1920 г., приказ № 14.
2.Каратыгин П.П., штабс-капитан, 1920 г., приказ № 205.
3.Бобрищев А.А., полковник л-г., Академия Генштаба (1906) 1920 г., приказ № 357.
4.Захаров И.Н., капитан, 1920 г., приказ № 357.
5.Калашников К.К., штабс-капитан, Академия Генштаба (1918) 1920 г., приказ № 503.
6.Тухачевский М.Н., подпоручик (капитан?) л-г., 22.5.1920 г., приказ № 868.
7.Фрунзе М.В., 1920 г., приказ № 2882.
8.Егоров А.И., подполковник, 1920 г., приказ № 2883.
9.Алексеев П.Н., полковник л-г., 1921, приказ № 226.
10.Алафузо М.И., капитан, Академия Генштаба (1917), 1921 г., приказ № 230.
11.Армадеров Г.А., капитан л-г., Академия Генштаба (1917), приказ № 231 от 15.8.1921.
12.Троицкий И.А., подполковник, окончил Академию Генштаба – 1921 г., приказ № 272.
13.Уборевич И.П., подпоручик артиллерии, 3.6.1922 г., приказ № 1539.

Из кратких аннотаций к персоналиям приведенного списка видно, что в нем присутствуют две группы «причисленных»: штабные руководители высших воинских соединений и командующие фронтами (или отдельными армиями, как И.Уборевич, в частности). В составе первой группы «причисленных» 4 из 6-ти формально имели высшее военное образование, они окончили Академию Генерального штаба. Это – Бобрищев А.А., Алафузо М.И., Армадеров Г.А. и Троицкий И.А. Их «причисление к Генштабу» не может рассматриваться как

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нечто чрезвычайное. Оно осуществилось в порядке, практиковавшемся еще в дореволюционной русской армии, когда лица, окончившие Академию Генштаба и сразу не причисленные к нему, могли быть «причислены к Генштабу» после определенной практической штабной службы в войсках.

Оставшиеся четверо без академического образования – Глудин И.И., Каратыгин П.П., Захаров И.Н. и Алексеев П.Н., - будучи кадровыми офицерами старой армии, еще в ее составе получили достаточно долгий опыт штабной работы. Они оказались «причисленными к Генштабу», таким образом, по профессиональной принадлежности благодаря накопленному долголетнему опыту практической штабной службы, скажем так, по «выслуге лет».

Хронология «причисления к Генштабу», приведенная выше, указывает на то, что первоначально эта практика применялась лишь к высшим офицерам фронтовых и армейских штабов. И в этом смысле являлась актом присвоения им соответствующей профессиональной квалификации. Лишь 22 мая 1920 г., когда М.Тухачевский, не штабной офицер, а строевой начальник, был «причислен к Генштабу», началась практика «причисления к Генштабу» как своего рода знак «отличия» для особо выдающихся «революционных генералов». Таким образом, для четверых из приведенного списка – М.Тухачевского, М.Фрунзе, А.Егорова и И.Уборевича – «причисление к Генштабу» являлось знаком номенклатурного признания их действительно чрезвычайных, выдающихся полководческих заслуг. Ни один из них не имел академического образования. М.Фрунзе вообще не имел военного образования. Особого внимания в контексте данных рассуждений заслуживают, несомненно, двое самых молодых «генштабистов» – М.Тухачевский (27 лет) и И.Уборевич (26 лет).

Таким образом, советская власть, используя номенклатуру «причисления к Генштабу», официально включила в состав высшего слоя советской военной элиты 1920-1922 гг. М.Тухачевского, М.Фрунзе, А.Егорова, И.Уборевича (перечисление идет в порядке «причисления»).

Несмотря на то, что эта практика «причисления к Генштабу» лиц, не имевших высшего военного образования, как видно, не получила широкого

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

распространения, она, тем не менее, вызывала недовольство «настоящих генштабистов». «Вообще с переводом в Генштаб не стесняются, - вспоминал генерал И.Данилов о времени своей службы в Красной Армии, - вероятно потому, что фармацевтам, которые теперь распоряжаются в России, неизвестно, что принадлежность к Генеральному штабу не есть чин или звание, а есть ученая степень»[253]. Следует, при этом, заметить, что придание таковой значимости «причислению к Генштабу» само по себе свидетельствует об определении «генштабистов» в качестве высшего элитарного слоя в комсоставе РККА. Попасть в состав «генштабистов» считалось престижным. В сущности, это явление свидетельствовало о восстановлении и продолжении дореволюционной традиции, характерной для старой русской армии. Нахождение в составе военной элиты требовало обязательной принадлежности к «Генштабу».

В 1922 г. вводятся нарукавные «знаки различия» для командиров Красной Армии по должностному положению. Они не являлись «персональными званиями» или (по-старому) «чинами». Однако количество «треугольников» и «квадратов» на рукавах комсостава указывало на принадлежность того или иного командира к младшим, средним, старшим или высшим «офицерам» РККА. Так государственная власть пыталась нейтрализовать процесс стихийного восстановления дореволюционных «номенклатурных» и «военно-земляческих» традиций в комсоставе Красной Армии, где было много бывших офицеров.

Своего рода «номенклатурным» признанием «вождями Красной Армии» на государственном уровне являлось и присвоение фамилий тех или иных руководителей армии городам и населенным пунктам. В 1923 г. на карте РСФСР появились города с названиями «Троцк» (Гатчина), «Тухачевск» (Миасс).

Исходя из номенклатурно-должностного положения, в состав советской военной элиты[254] к маю1922 г. вошли:

---

[253] Данилов И. Воспоминание о моей подневольной службе у большевиков. // Архив русской революции. - Берлин, 1924. - Т. 14. - С. 97.

[254] Как ранее уже оговаривалось, в состав советской военной элиты я включаю только военно-профессиональную ее часть, т.е. тех, кто имел военное образование и так или иначе проявил себя в непосредственном управлении войсками в боевой обстановке или в руководстве штабами войск.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

	Фамилия, имя, отчество.	Год Рождения	Национальность	Социальное происхождение	Образован.	Чин в старой армии	В РККА в воен. элите	Должность	Партийность
1	Каменев Сергей Сергеевич	1881	Русский	Семья офицера	АГШ	Полковник ГШ	1918 1918	Главком РККА (7.1919)	Б/п
2	Лебедев Павел Павлович	1873	Русский	Из дворян	АГШ	Ген-м. ГШ	1918 1919	Нач. Штаба РККА (2.1921)	Б/п
3	Шапошников Борис Михайлович	1882	Русский	Из мещан	АГШ	Полковник ГШ	1918 1921	1 Пом. нач. Штаба РККА (2.1921)	Б/п
4	Гарф Вильгельм Евгеньевич	1884	Немец	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918 1921	2Пом. Нач.Штаба РККА (2.1921)	Б/п
5	Хвощинский Георгий Николаевич	1878	Русский	Из дворян (14 в.)	АГШ	Ген-м. ГШ	1918 1921	Для особ. Поруч. Нач. Штаба РККА (2.1921)	Б/п
6	Шах-Тахтинский Сергей Георгиевич	1889	азербайджанец	Из дворян		Л-г. Капит.	1918 1922	Нач. Упр. Начсостав. (9.1922)	Б/п
7	Тухачевский Михаил Николаевич	1893	русский	Из дворян (13 в.)	причислен к ГШ	Л-г. подпоручик-капитан	1918 1920	Ком.Запад. фронтом (1.1922)	РКП(б)
8	Меженинов Сергей Александрович	1890	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Капитан ГШ	1918 1921	Нач. штаба Зап. фронта (11.1921)	Б/п
9	Чернавин Всеволод Владимирович	1859	русский	Из дворян	АГШ	Ген-л. ГШ	1918 1922	Пом. Ком. Зап.фронт. (5.1922)	Б/п
10	Виноградов Анатолий Николаевич	1882	русский	Из служащих	АГШ	Подполковник ГШ	1918 1921	Для особых поруч. При.ком. Зап. Фронт. (3.1921)	Б/п
11	Фрунзе Михаил Васильевич	1885	молдованин	Сын фельдшера	Причислен к ГШ	–	1918 1919	Ком.ВСУК и УВО (11.1920)	РКП(б)
12	Эйдеман Роберт Петрович	1895	латыш	Сын учителя		Подпоручик в/в	1918 1922	1Пом. Ком. ВСУК и УВО (1922)	Эсер-макс. РКП(б)
13.	Харламов Сергей Дмитриевич	1881	русский	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918 1922	2Пом. Ком. ВСУК – УВО(1922)	Б/п
14	Соллогуб Николай Владимирович	1883	Поляк (обрусевший)	Из дворян (14 в.)	АГШ	Полковник ГШ	1918 1921	Нач. штаба ВСУК УВО (12.1921)	Б/п
15	Каратыгин Петр Петрович	1887	русский	Из мещан	Причислен к ГШ	Штабс-капит.	1918 1921	Для особ. поруч. ком. ВСУК УВО	Б/п
16	Егоров Александр Ильич	1883	русский	Из мещан	Причислен к ГШ	Полковник	1918 1919	Командующий ОКА	Эсер, РКП (б)
17	Пугачев Семен Андреевич	1889	русский	Сын учителя гимназ.	АГШ	Капитан ГШ	1918 1921	Начальник штаба ОКА	Б/п
18	Шорин Васи-	1870	русский	Из ме-		Пол-	1918	Ком.	Б/п

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

	лий Иванович			щан		ковник	1919	Турк.фронт	
19	Какурин Николай Евгеньевич	1883	русский	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1920 1922	Пом.Ком. Туркфронт.	РКП(б)
20	Шафалович Федор Платонович	1884	Литовец (обрусевший)	Из мещан	АГШ	Подполковник ГШ	1918 1922	Нач штаба Туркфронт	Б/п
21	Уборевич Иероним Петрович	1896	литовец	Из крестьян	причислен к ГШ	Подпор. Артил. в/в	1918 1922	Ком 5 арм.	РКП(б)
22	Любимов Владимир Виссарионович	1886	русский	Из мещан	АГШ	Подполковник ГШ	1918 1922	Нач. шт. 5 армии	Б/п
23	Блюхер Василий Константинов.	1890	русский	Из крестьян		Унтерофицер	1918 1922	Командующий НРА ДВР	РКП(б)
24	Токаревский Вячеслав Константинов.	1882	Поляк (обрусевший)	Сын офицера	АГШ	Полковник ГШ	1918 1922	Начальник штаба НРА ДВР	Б/п
25	Петин Николай Николаевич	1876	русский	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918 1920	Пом.Главк. по Сибири	Б/п
26	Афанасьев Федор Михайлович	1883	русский	Из мещан	АГШ	Подполковник ГШ	1918 1920	Нач. шт. Пом. Главкома по Сибири	Б/п
27	Муралов Николай Иванович	1877	русский	Из служащих	_	Солдат	1918 1919	Командующий МВО	РКП(б)
28	Алафузо Михаил Иванович	1891	русский	Сын офицера	АГШ причислен к ГШ	Капитан	1918 1921	Начальник штаба МВО	Б/п
29	Гиттис Владимир Михайлович	1880	Латыш (обрусевший)	Из мещан		Полковник	1918 1921	Командующий ПВО	Б/п
30	Энден Михаил Михайлович	1887	немец	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918 1922	Начальник штаба ПВО	Б/п
31	Александров Леонид Капитонович	1876	русский	Сын офицера	АГШ	Ген-м ГШ	1918 1922	Пом.ком. ПВО	Б/п
32	Ворошилов Клемент Ефремович	1881	русский	Из рабочих			1918 1921	Командующий СКВО	РКП(б)
33	Левандовский Михаил Карлович	1890	поляк	Сын унтерофицера		Штабкапитан	1918 1921	Помощник командующего СКВО	Эсермакс. РКП(б)
34	Перемытов Алексей Макарович	1888	русский	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918 1921	Начальник штаба СКВО	Б/п
35	Оськин Дмитрий Прокофьевич	1892	русский	Из служащих		Штабкапитан в/в	1918 1921	Командующий ПриВО	РКП(б)
36	Кадомский Дмитрий Петрович	1869	русский	Из мещан	АГШ	Ген-м. ГШ	1918 1922	Начальник штаба ПриВО	Б/п
37	Мрачковский Сергей Витальевич	1888	Поляк (обрусевший)	Из рабочих			1918 1922	Ком. Зап.Сиб. ВО	РКП(б)
38	Артемьев Константин Петрович	1883	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Подполковник ГШ	1918 1922	Нач. штаба Зап.Сиб. ВО	Б/п
39	Панцержанский Эдуард Самуилович	1887	поляк	Из дворян		Лейтенант флота	1918 1921	Ком. Мор. силами Республики	Б/п

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

40	Домбровский Александр Васильевич	1882	поляк	Из дворян	МА	Капитан 1 ранга	1918 1921	Нач. штаба Морских сил Республики	Б/п
41	Викторов Михаил Владимирович	1894	русский	Из дворян		Лейтенант флота	1918 1921	Ком. морскими силами Балтийского моря.	Б/п
42	Векман Александр Карлович	1884	немец	Из дворян		Капитан 2 ранга	1918 1921	Ком морскими силами Черного моря	Б/п
43	Знаменский Андрей Александрович	1886	русский	Из служащих			1918 1922	Начальник Управления РККВФ	РКП(б)
44	Петрожицкий Иван Иосифович	1892	поляк	Из служащих		Подпоручик ВВС в/в	1918 1922	Помощник начальника Управления РККВФ	Б/п
45	Новицкий Федор Федорович	1870	Поляк (обрусевший)	Из дворян	АГШ	Ген-м. ГШ	1918 1921	Начальник штаба РККВФ	Б/п
46	Буденный Семен Михайлович	1883	русский	Из крестьян		вахмистр	1918 1920	Командующий 1 Конной армией	РКП(б)
47	Балтийский Александр Алексеевич	1870	русский	Из мещан	АГШ МА	Ген-м. ГШ	1918 1921	Советник Председателя РВСР	Б/п
48	Сытин Павел Павлович	1870	русский	Сын воен. чиновника	АГШ	Ген-м. ГШ	1918 1921	Советник Председателя РВСР	Б/п
49	Беренс Евгений Андреевич	1876	немец	Из дворян	МА	Капитан 1-го ранга	1918 1921	Для особых поруч. при Пред. РВСР	Б/п
50	Вацетис Иоаким Иоакимович	1873	латыш	Из крестьян	АГШ	Полковник ГШ	1918 1918	Ком.«германской Красной Армией»	Б/п
51.	Брусилов Алексей Алексеевич	1853	русский	Из дворян	АГШ	Ген-откавал.	1920 1922	Инспектор кавалерии.	Б/п

Статистический социо-культурный анализ дает следующие результаты.

Из 51 «генерала» 32 были русскими[255] (62,8%), 4 немцами (ок.7,9%), 8 поляками (15,7%), 3 латышами (5,9%), 1 молдованином (ок.2 %), 2 литовцами (ок.4 %), 1 азербайджанцем (ок.2%).В этно-культурном отношении доминирующей была «русско-православная» группа. Второй по значимости являлась, в этом отношении, «польско-литовская, католическая» (ок.20%). Третьей была «немецко-протестантская» (13,8%).

[255] Считали себя русскими (великорусами).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

По социальному происхождению 19 «генералов» были дворянами (37,3%), в том числе 5 из древних родов (9,8%), 5 – из офицерских семей (9,8%), 8 – из служащей интеллигенции (15,7%), 12 – из мещан (23,5%), 4 – из крестьян (7,8%), 2 – из рабочих (ок.4 %), 1 – из унтер-офицерской семьи (ок.2%).

Средний возраст этих «генералов» - 39-40 лет. От 26 до 30 лет –6 «генералов» (11,8%). От 31 до 40 лет –27 генералов (53 %). От 41 до 50 лет –11 «генералов» (21,6%). От 51 до 60 лет –5 генерала (9,8%). Свыше 60 лет –2 «генерал» (ок.4%). Таким образом, 32 «генерала» было в возрасте до 40 лет (62,7%).

41 «генерал» (80,4%) являлся кадровым офицером старой армии, в том числе 9 бывших генералов (17,6%), 18 подполковников и полковников (35,3%) и 14 младших офицеров от подпоручика до капитана (27,5%). 3 были офицерами военного времени (6,5%); 3 бывшими унтер-офицерами старой армии (6,5%); 1 был солдатом (2,2 %); 3 не служили в старой армии (6,5%). Среди «генералов» из бывших кадровых офицеров старой армии 4 вышли из императорской лейб-гвардии (8,8%) и 3 были морскими офицерами (6,5%). Из 51 «генералов» 29 (56,9%) были «генштабистами» старой армии. Кроме того, 5 (9,8%) были «причислены к Генштабу» в 1920-1922 гг. В общей сложности, таким образом, было 34 «генштабиста» (66,7%). Без военного образования было 10 человек (19,6%). Из всех перечисленных генералов всего 12 членов партии (23,5%).

К марту 1923 г., после нового цикла организационных перестроек состав и структура управления основными звеньями Красной Армии изменились. Была расформирована Народно-революционная армия Дальневосточной Республики, а территория Западно-Сибирского военного округа была включена в состав Приволжского военного округа. Это сказалось на численности и составе советской военной элиты. В марте-августе 1923 г. в советскую военную элиту входили:

№	Фамилия, имя, отчество.	Год Рождения	Национальность	Социальное происхождение	Образование	Чин в старой армии	В РККА в воен. элите	Должность	Партийность

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1	Каменев Сергей Сергеевич	1881	Русский	Из семьи офицера	АГШ	Полковник ГШ	1918	Главком РККА	Б/п
2	Лебедев Павел Павлович	1873	Русский	Из дворян	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Нач. Штаба РККА	Б/п
3	Шапошников Борис Михайлович	1882	Русский	Из мещан	АГШ	Полковник ГШ	1918	1 Пом. нач. Штаба РККА	Б/п
4	Гарф Вильгельм Евгеньевич	1884	Немец	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918	2Пом. Нач.Штаба РККА	Б/п
5	Хвощинский Георгий Николаевич	1878	Русский	Из дворян (14 в.)	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Для особ. Пор.Нач. Шт. РККА	Б/п
6	Шах-Тахтинский Сергей Георгиевич	1889	азербайджанец	Из дворян		Л-г. Капит.	1918	Нач. Упр. Начсостав.	Б/п
7	Тухачевский Михаил Николаевич	1893	русский	Из дворян (13 в.)	Причислен к ГШ	Л-г. подпоручик-капитан	1918	Ком. Зап. фронтом	РКП(б)
8	Меженинов Сергей Александрович	1890	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба Зап. фронта	Б/п
9	Чернавин Всеволод Владимирович	1859	русский	Из дворян	АГШ	Ген-л. ГШ	1918	Пом.ком. Зап. Фронт.	Б/п
10	Виноградов Анатолий Николаевич	1882	русский	Из служащих	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Для особ. Пор.Ком. Зап.фронт.	Б/п
11	Фрунзе Михаил Васильевич	1885	молдованин	Сын фельдшера	Причислен к ГШ	_	1918	Ком. ВСУК УВО	РКП(б)
12	Эйдеман Роберт Петрович	1895	латыш	Сын учителя		Подпоручик в/в	1918	1 Пом. Ком. ВСУК УВО	Эсер-макс. РКП(б)
13.	**Соллогуб* Николай Владимирович**	1883	Поляк (обрусевший)	Из дворян (14 в.)	АГШ	Полковник ГШ	1918	2. Пом.ком. ВСУК УВО	Б/п
14	**Андерс Александр Карлович**	1880	немец	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918	Нач. штаба ВСУК УВО	Б/п
15	Каратыгин Петр Петрович	1887	русский	Из мещан	Причислен к ГШ	Штабс-капит.	1918	Для особ. Пор.ком. ВСУК УВО	Б/п
16	Егоров Александр Ильич	1883	русский	Из мещан	Причислен к ГШ	полковник	1918	Командующий ОКА	Эсер, РКП (б)
17	Пугачев Семен Андреевич	1889	русский	Сын учителя гимназ.	АГШ	Капитан ГШ	1918	Начальник штаба ОКА	Б/п
18	**Корк Август Иванович**	1887	эстонец	Из крестьян	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Ком. Туркфронт.	Б/п
19	**Кирпичников Алексей Владимирович**	1889	русский	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба Туркфронт.	Б/п
20	Уборевич Иероним	1896	литовец	Из крестьян	Причис-	Подпоруч.	1918	Ком 5 арм.	РКП(б)

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

	Петрович				лен к ГШ	Артил. в/в			
21	**Артемьев Константин Петрович**	1883	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Нач. штаба 5 армии	Б/п
22	Петин Николай николаевич	1876	русский	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918	Ком. СибВО	Б/п
23	**Молкочанов Михаил Васильевич**	1877	русский	Из мещан	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Нач. штаба СибВО	Б/п
24	Муралов Николай Иванович	1877	русский	Из служащих	_	солдат	1918	Ком. МВО	РКП(б)
25	Алафузо Михаил Иванович	1891	русский	Сын офицера	АГШ причислен к ГШ	капитан	1918	Нач. штаба МВО	Б/п
26	Гиттис Владимир Михайлович	1880	Латыш (обрусевший)	Из мещан		полковник	1918	Ком. ПВО	Б/п
27	Энден Михаил Михайлович	1887	немец	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач.штаба ПВО	Б/п
28	**Шорин Василий Иванович**	1870	русский	Из мещан		полковник	1918	Пом. Ком. ПВО	Б/п
29	Ворошилов Клемент Ефремович	1881	русский	Из рабочих			1918	Ком.СКВО	РКП(б)
30	Левандовский Михаил Карлович	1890	поляк	Сын унтерофицера		Штабкапитан	1918	Пом. Ком. СКВО	Эсермакс. РКП(б)
31	Перемытов Алексей Макарович	1888	русский	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба СКВО	Б/п
32	Оськин Дмитрий Прокофьевич	1892	русский	Из служащих		Штабкапитан в/в	1918	Ком. ПриВО	РКП(б)
33	Кадомский Дмитрий Петрович	1869	русский	Из мещан	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Нач.штаба ПриВО	Б/п
34	Панцержанский Эдуард Самуилович	1887	поляк	Из дворян		Лейтенант флота	1918	Ком. Мор. силами Республики	Б/п
35	Домбровский Александр Васильевич	1882	поляк	Из дворян	МА	Капитан 1 ранга	1918	Нач. штаба Мор. сил Республики	Б/п
36	Викторов Михаил Владимирович	1894	русский	Из дворян		Лейтенант флота	1918	Ком.мор. сил. Балт. моря.	Б/п
37	Векман Александр Карлович	1884	немец	Из дворян	МКК	Капитан 2 ранга	1918	Ком.мор. сил.Черн. моря	Б/п
38	Знаменский Андрей Александрович	1886	русский	Из служащих			1918	Нач. Упр. РККВФ	РКП(б)
39	Петрожицкий Иван Иосифович	1892	поляк	Из служащих		Подпоручик ВВС в/в	1918	Пом.нач. Упр. РККВФ	Б/п
40	Новицкий Федор Федорович	1870	Поляк (обрусевший)	Из дворян	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Нач. штаба РККВФ	Б/п
41	Буденный	1883	русский	Из кре-		вах-	1918	Ком1 Кон-	РКП(

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

	Семен Михайлович			стьян		мистр		ной армией	б)
42	Балтийский Александр Алексеевич	1870	русский	Из мещан	АГШ МА	Ген-м. ГШ	1918	Советник Пред.РВСР	Б/п
43	Сытин Павел Павлович	1870	русский	Сын воен. чиновника	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Советник Пред.РВСР	Б/п
44	Беренс Евгений Андреевич	1876	немец	Из дворян	МКК МА	Капитан 1-го ранга	1918	Для особ.поруч. Пред.РВСР	Б/п
45	Вацетис Иоаким Иоакимович	1873	латыш	Из крестьян	АГШ	Полковник ГШ	1918	Ком.«германс. Красной Армией»	Б/п
46.	Брусилов Алексей Алексеевич	1853	русский	Из дворян	АГШ	Ген-от-кавал. ГШ	1920	Инспектор кавалерии	Б/п

*Жирным шрифтом выделены фамилии вновь вошедших в состав военной элиты.

Как это видно из сопоставления списка персоналий, состав военной элиты к марту 1923 г. в целом остался неизменным. В ее состав были введены А.Корк, сменивший В.Шорина в должности командующего Туркестанским фронтом, А.Андерс, новый начальник штаба ВСУК и УВО, А.Знаменский, возглавивший вместо А.Сергеева ВВС РККА и новый его помощник И.Петрожицкий.

Из 46 «генералов» теперь 28 были русскими (60,1%); 6 поляков (св.13%), 5 немцев (св.10%), 3 латыша (6,5%), 1 литовец (2,2%), 1 эстонец (2,2%), 1 молдованин (2,2%), 1 азербайджанец (2,2%). По сравнению с маем 1922 г. несколько снизился % русских в составе военной элиты. В то же время, по-прежнему, доминирующей оставалась «русско-православная» группировка в военной элите. Второе место теперь принадлежало «немецко-протестантской» (18,5%). Она вытеснила «польско-католическую» на третье место (15,2%).

В это время советская военная элита характеризуется следующими возрастными показателями. 3 «генералов» в возрасте до 30 лет (6,5%). 22 генерала имели возраст от 31 до 40 лет (47,8%). 14 «генералов» – от 41 до 50 лет (30,4%). 5 «генералов» от 51 до 60 лет (св.10%). 2 «генерала» свыше 60 лет (4,4%). Средний возраст «генералов» – 40 лет. Таким образом средний возраст военной элиты оставался прежним.

По социальному происхождению 17 «генералов» были дворянами (ок.37%), в том числе 6 из древних родов (св.13%); 3 из офицерской семьи

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

(6,5%), 1 из семьи военного чиновника (2,2%); 7 из служащей интеллигенции (15,2%), 12 из мещан (26%), 1 сын унтер-офицера (2,2%), 4 из крестьян (8,7%), 1 из рабочих (2,2%). Как это видно, несколько повысился удельный вес выходцев из дворянства и резко упал % выходцев из рабочих. Таким образом, ок.50% «генералов» были выходцами из дворянско-офицерских семей.

37 «генералов» были из кадровых офицеров старой армии (80%) и имели нормальное военное образование (военное училище мирного времени). 7 из них в старой армии были генералами (15,2%), 17 подполковниками и полковниками (37%) и 12 - офицеры от подпоручика до капитана (26%), в том числе 5 вышли из императорской лейб-гвардии (св.10%) и 2 морских офицера (4,4%). 25(54,4%) «генералов» из кадровых офицеров окончили Академию Генерального штаба, 4 были «причислены к Генштабу» в 1920-1922 гг. (8,7%). 4 «генерала» были офицерами военного времени (1 «причислен к Генштабу») (8,7%). 2 из солдат (4,4%) и 3 не служили (1 «причислен к Генштабу») (6,5%).

Всего «генштабистов» среди «генералов» было 31 (67,4%). В целом их доля среди «генералов» почти не изменилась по сравнению с 1922 г.

Из 46 «генералов» 11 были членами партии (ок.24%). Доля «партийных» среди «генералов» оставалась, таким образом, на прежнем уровне. Соответственно, ок.76% «генералов» были беспартийными.

...В октябре 1923 г., мотивируя проводимые «чистки» в советской военной элите в своем ответе Л.Троцкому, члены Политбюро во главе с И.Сталиным и Г.Зиновьевым объясняли их, во-первых, тем, что сам Л.Троцкий фактически не занимается руководством вооруженными силами. Во-вторых, они утверждали что в основном РВСР руководят его заместитель Э.Склянский и «группа беспартийных спецов» в лице Главкома С.Каменева, начальника Штаба РККА П.Лебедева и его 1-го помощника Б.Шапошникова. Признавая их добросовестность, трудолюбие и высокую профессиональную квалификацию,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

члены Политбюро фактически выразили всей этой группе недоверие по политическим соображениям[256].

Учитывая и обстоятельства внутрипартийной борьбы, противостояние между «тройкой» (И.Сталин, Г.Зиновьев, Л.Каменев) и Л.Троцким, следует признать, что приведенная мотивация «чистки» военной элиты не была лишена основания. Впрочем, рассуждения по этому поводу будут приведены ниже. Здесь же мне хотелось обратить внимание на два взаимосвязанных аспекта: на скрытую, но реальную конструкцию властного «ядра» Красной Армии и на степень реального влияния и представительства этого «ядра» в выработке и принятии политических решений. Эта конструкция состояла из Председателя РВСР Л.Троцкого, его заместителя Э.Склянского, Главкома С.Каменева, начальника Штаба РККА П.Лебедева, командующего Западным фронтом М.Тухачевского. Л.Троцкий в этой конструкции выполнял функции «политического вождя армии»; Э.Склянский являлся главным «военным администратором»; С.Каменев – Главнокомандующим; П.Лебедев – начальником «Генерального штаба»; М.Тухачевский командовал основным «боевым ядром» Красной Армии, реальными войсками – Западным фронтом. Однако реальное соотношение военно-политических «ролей» укзанных фигур в данной номенклатурно-персональной «конструкции» было иным.

Л.Троцкий, как об этом свидетельствовали сотрудники центрального аппарата, не обладал той мерой влияния, какая была представлена в общественном мнении и пропаганде времен гражданской войны. Его внимание в 1923 г. уже было переключено на иные, неармейские проблемы.

Э.Склянский и С.Каменев в силу личностных свойств, по существу, были «чиновниками», исполнителями рутинной руководящей работы. Фактически реальное «инициативно-творческое» начало военной власти находилось в руках П.Лебедева и М.Тухачевского. Ближайшими сотрудниками «исполнительного аппарата» П.Лебедева являлись Б.Шапошников, В.Гарф, Г.Хвощинский и С.Шах-Тахтинский. Второй имел перед первым преимущество в популярности,

[256] Ответ членов Политбюро ЦК РКП (б) на письмо Л.Д.Троцкого от 8 октября 1923 г. – 19 октября 1923 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

партийности и во власти над «реальными» войсками. В случае обострения внешнеполитической обстановки, особенно при непосредственной угрозе войны или во время войны на Западе, реальное политическое влияние М.Тухачевского на политические процессы должно было возрасти неадкаватно его номенклатурному положению или роли в высших политических структурах – РВСР, ЦК и пр. Это обстоятельство обусловливалось сформировавшимися еще в годы гражданской войны характерными и в то же время специфическими отношениями его с командным составом и в целом войсками Западного фронта.

1.4. Командный состав и военная элита Западного фронта в 1922-1924 гг.

Социо-культурная среда комсостава и военной элиты Западного фронта была, несомненно, одним из информационных и социо-ментальных «полей», где формировалась и аккумулировалась «бонапартистская легенда» и «наполеоновская репутация» М.Тухачевского. Особого внимания заслуживают обстоятельства возвращения М.Тухачевского на должность командующего Западным фронтом 24 января 1922 г. Выступления Л.Троцкого в это время, в которых нарочито утверждалось о подготовке новой интервенции с Запада против Советской России, как бы мотивировали это событие. Однако, согласно разведсводке ИНО ВЧК от 10 февраля 1922 г., никаких определенных намерений со стороны Польши начать военные действия против РСФСР не было замечено[257]. Более того, в разведсводке ИНО ВЧК от 13 апреля 1922 г. сообщалось: «Польша не намерена в своей русской политике идти рядом с Румынией, напротив, - она определенно склоняется к русофильской политике Балтийских государств. Польша считает, что в случае вторжения советских войск в Румынию, поскольку это будет результатом провокации со стороны Врангеля, поляки должны сохранить нейтралитет»[258].

//Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 7. - С. 183.

[257] Сводка Иностранного отдела ВЧК о дислокации войск Русской армии, о положении беженцев за границей, внутреннем положении и внешней политике Польши, Румынии, Сербии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Болгарии, Турции, от 10 февраля 1922 г. //Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. – Т.1, кн. 2. - С.562-567.

[258] Русская военная эмиграция.... Т.1, кн. 2. - С. 244.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Таким образом, несмотря на всю сложность и напряженность отношений между РСФСР и Польшей, советское руководство не имело достаточных оснований для того, чтобы ожидать нападения Польши на Советскую Россию в 1922 г. Гораздо большее беспокойство могли вызывать отношения РСФСР с Румынией. Согласно уже цитировавшейся разведсводки ИНО ВЧК от 10 февраля 1922 г., опиравшейся на информацию из зарубежных правительственных кругов, «в румыно-русских взаимоотношениях назревает очень серьезный конфликт»[259]. Конфликт этот, как полагали в западных политических кругах, вызван был отказом румынского правительства удовлетворить требования РСФСР о том, «чтобы обе договаривающиеся стороны объявили о своем взаимном нейтралитете. Румыния не могла пойти на это предложение ввиду того, что она связана договором с Польшей, согласно которого, в случае нападения Красной Армии на Польшу, Румыния должна объявить войну Совроссии. Нежелание Румынии дать обещание о нейтралитете и было, главным образом, причиной разрыва между ней и Совроссией»[260]. В этом контексте вновь всплыл вопрос о Бессарабии и ее возвращении в состав Советской Украины. Таким образом, обострение советско-румынских отношений провоцировалось опасением, что Красная Армия собирается напасть на Польшу. Врангелевская разведка, в свою очередь, прямо обвиняла советское руководство в провокационных действиях. Весьма показательна информация начальника Константинопольского Информационного пункта Русской армии генерала П.Врангеля генерал-майора Глобачева по результатам разведовательной работы в Советской России от 26 марта 1922 г. В ней, в частности, говорилось об усилении «самых нелепых слухов, распускаемых в беженской среде советскими агентами. Передаются слухи о том, что 26 марта должен последовать приказ о возглавлении Великим князем Николаем Николаевичем всего белого движения, о предстоящей в связи с этим мобилизации, о возобновлении активных действий белых армий против Советской России....

---

[259] Русская военная эмиграция.... – Т. 1, кн. 2. - С. 567.
[260] Там же, с. 568.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В общем, - заключал генерал, - все эти слухи имеют целью создать впечатление, что предстоит возобновление военных действий против Советской России; муссируемые советскими агентами эти слухи, как достоверные, передаются в Совдепию, где они служат материалом для воинственных речей Троцкого и других коммунистов-империалистов, замышляющих новую военную авантюру и нуждающихся для борьбы с «демобилизационным настроением», охватившем часть компартии, в доказательствах, что усиление Красной Армии необходимо ввиду предстоящей интервенции»[261].

В западных политических кругах и во врангелевском руководстве считали еще в начале февраля 1922 г., что «развивая свою агитацию и доказывая, что Антанта вредит России, большевики утверждают, что Советское правительство создает могучую русскую армию, которая могла бы посчитаться с врагами России»[262].

Следует отметить, что на Западе и во врангелевском руководстве знали о якобы состоявшемся в Москве «тайном заседании Главного командования, на котором обсуждались меры подготовки к будущей войне с Польшей и Румынией, которая якобы должна будет вспыхнуть весной 1922 года»[263]. На основании информации своей агентуры, разведка П.Врангеля сообщала о «решении Советского правительства начать активные военные действия на Польском и Румынском фронтах после окончания распутицы», утверждая, что данные сведения вполне достоверные[264]. В разведсводке от 13 апреля 1922 г. сообщалось о том, как представляют себе планы и намерения советского правительства и командования Красной Армии на Западе. Там были убеждены, что « главное ядро Красной Армии с большими массами кавалерии сосредоточено в районе Смоленска. Южная группа Красной Армии сосредоточена у Днестра и снабжена с избытком артиллерией. По заявлению представителей Врангеля, Красная Армия, в случае победоносного похода на Польшу, будет продвигаться на Верх-

[261] Русская военная эмиграция.... - С. 210.
[262] Там же, с. 560.
[263] Там же, с. 569.
[264] Там же, с. 213.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нюю Силезию»[265]. При этом характерно, что «в Париже (и не только в политических кругах, но и в главном штабе) верят в русскую опасность, в возможное наступление Красной Армии, во всеуничтожающее нашествие голодных масс, двинутых советской властью против Польши и Румынии»[266]. В разведсводке ИНО сообщалось, что «французский Генеральный штаб только о том и мечтает, чтобы какой-нибудь провокацией вызвать военные действия со стороны России,... чтобы окружить новую войну против России ореолом борьбы за право и справедливость»[267]. Однако в информации ИНО ВЧК в то же время отмечалось, что «определенных агрессивных планов Франция не имеет, по крайней мере, до выяснения результатов Генуэзской конференции»[268]. Кроме того, говорилось, что «о поддержке русских контрреволюционеров говорят как о единственной мере для подготовки союзников на случай войны с Россией, причем, однако, здесь высказываются против преувеличения этой поддержки»[269]. По сообщению руководства ИНО ВЧК, «шумиху об интервенции французы объясняют: 1) докладной запиской Фоша, представленной Пуанкарэ по случаю обсуждения военных кредитов в палате; в этой записке Фош указывает на необходимость всестороннего контроля военных сил России; французы допускают, возможность, что записка попала в руки советского правительства;

2) недобросовестностью некоторых агентов советской разведки, заинтересованных в том, чтобы раздуть опасность и получить новый кредит на военную информацию»[270].

Итак, вновь речь шла об опасениях Запада на предмет агрессии Советской России против Польши и Румынии, а не наоборот. Однако насколько позволяют судить об этом разведдонесения и разведсводки ИНО-ВЧК, ни Польша, ни Врангель не проявляли стремления к войне и интервенции к 24 января 1922 г. 13 апреля 1922 г. ИНО ВЧК информировал советское руководство о том, что Польша не желает вооруженного столкновения. На основании послед-

---

[265] Русская военная эмиграция.... – Т. 1, кн. 2. - С. 246.
[266] Там же.
[267] Там же, с. 247.
[268] Там же.
[269] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

них разведданных ИНО утверждало, что во Франции «предприятие Врангеля считается проигранным. Даже Румыния отказалась от союза с Врангелем, не желая из-за этого вступать в конфликт с Россией»[271]. Кроме того, считали, что «франко-сербские деньги обеспечивают существование армии Врангеля на несколько месяцев и возможно, что благодаря этим деньгам, Врангелю придется отказаться от своих наступательных планов и ограничиться выжиданием событий в России»[272].

Что касается интервенционистских намерений П.Врангеля, то слухи о них появились в начале марта 1922 г. Очевидно, они имели под собой и достаточно конкретные основания в форме начавшихся еще в январе 1922 г. составления списков личного состава Русской армии, регистрацией всех бывших военных чинов белых армий и определения возможностей русского белого флота. Уже к 10 февраля 1922 г. ИНО ВЧК был проинформирован своей агентурой о дислокации частей Русской армии, переброшенной к началу 1922 г. на Балканы для последующего наступления против Советской России[273].

Было известно, что «высадку войск Врангель предполагает в двух пунктах: 1) в бухте Жуглы на Кавказе, севернее Поти или южнее Новороссийска, где местность наиболее удобная для легкого подъезда и завязывания связи с повстанцами Пржевальского; 2) в Бессарабии по линии Днестра в 60 верстах от Бендер, где в районе Тирасполя существует повстанческая организация профессора Байкова, объединяющая остатки карательной экспедиции, сформированной еще при генерале Шиллинге. Высадке на Кавказе должно будет предшествовать восстание...»[274]. В конце апреля 1922 г. ИНО ВЧК стало известно и о последних подготовительных мерах П.Врангеля.

Уже в начале марта 1922 г. «вопрос о возобновлении военных действий считался принципиально решенным и подлежал обсуждению...»[275]. В присутствии представителей Франции, Болгарии и Сербии на совещании в Белграде 5-

---

[270] Русская военная эмиграция.... – С. 247.
[271] Там же, с. 248.
[272] Там же.
[273] Там же, с. 581-585.
[274] Там же, с. 582-583.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

12 марта 1922 г. были приняты следующие решения: «военные действия должны начаться по почину Красной Армии. Последняя принуждена будет выступить против Польши и Румынии в том случае, если Генуэзская конференция не даст никаких результатов или если весною в России разовьется широкое повстанческое движение. Боевая готовность должна последовать к концу русской весны и началу лета, т.е. к первой половине мая месяца». Согласно принятому оперативному плану в Россию намечалось вторжение трех групп: «группы Врангеля с Юга, группы войск «Спасения родины» и Западной группы под командою Краснова. Все три группы будут объединены под одним командованием… Наступление предполагается вести в двух главных направлениях – на Петербург и Москву, и на второстепенном на Киев. С Юга операцию должны обеспечивать десанты. Не исключена возможность содействия французского флота как на Черном море, так и на Балтийском. Большая надежда возлагается на военное повстанческое движение»[276].

Вполне определенно о высадке десантов врангелевских войск предположительно в Одессе и Новороссийска при поддержке французской эскадры стало известно ИНО ВЧК уже во второй половине марта 1922 г. 25 марта 1922 г. руководство ИНО ВЧК информировало советское руководство о том, что «штаб Врангеля ведет лихорадочную работу по подготовке новой авантюры. Все войска из Турции переброшены в Сербию и Болгарию»[277]. В начале апреля 1922 г., на основании сведений, поступивших из Германии, ИНО ВЧК информировало о том, что «Врангель решил во что бы то ни стало начать военные действия, так как очень опасается, что к будущему году они будут немыслимы ввиду все больше и больше возрастающего желания среди беженцев возвратиться обратно в Россию»[278]. Сообщалось, что П.Врангель «ведет переговоры с французами о предоставлении ему для военных действий и флота, который находится в настоящий момент в Бизерте»[279]. Указывалось на то, что якобы « в случае начала

---

[275] Русская военная эмиграция…. - С. 608.
[276] Там же, с. 609.
[277] Там же, с. 207.
[278] Там же, с. 217.
[279] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

наступления на Россию войска будут переброшены в Бессарабию, их поддержат румыны, Петлюра и, возможно, даже сербы»[280]. Однако по оценке германской разведки, ставшей доступной ИНО ВЧК, «состояние частей армии Врангеля не такое блестящее, как то принято было считать до настоящего времени… Старший командный состав высказывается против наступательных действий против Советской России. Идея интервенции встречает наибольшее сочувствие в низшем командном составе. Всякая наступательная попытка обречена на неудачу из-за отсутствия необходимых материальных средств и вооружения, а также за неимением оперативного базиса и невозможности создать этапные пункты»[281]. Германская разведка считала, что у П.Врангеля «все военные планы сводятся к сохранению армии, чтобы в случае решительного восстания в России двинуться туда»[282]. По мнению немцев, «отсутствие наступательных намерений у Врангеля подтверждается его нежеланием опереться на иностранную помощь»[283]. Однако 22 апреля 1922 г. из Берлина поступило сообщение о том, что «весной 1922 года готовится новое врангелевское наступление на Россию и части пройдут через Восточную Пруссию – Польшу, и он имеет задание начать наблюдать и сосредоточивать всех русских батраков (солдат) в Восточной Пруссии в имениях»[284]. Это, в сущности, единственное упоминание о связи планируемого врангелевского наступления на Советскую Россию с боевыми действиями на советско-польской границе. Однако и оно относится к весне 1922 г. Впрочем, планируемые десантные операции в районе Одессы и Новороссийска, наступление врангелевцев совместно с петлюровцами и румынами из Бессарабии не состоялись. Планам этим не суждено было осуществиться. Попытка государственного переворота в Болгарии, предпринятая при активном участии частей Русской армии под командованием генерала А.Кутепова. Она вызвала арест последнего, разоружение его частей и изгнание их из Болгарии. Кроме того, удачные для Советской России итоги Генуэзской конференции, русско-германское

[280] Русская военная эмиграция.... – С. 217.
[281] Там же, с. 223.
[282] Там же.
[283] Там же, с. 224.
[284] Там же, с. 496.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

соглашение в Рапалло, были главными факторами разрушившими планы возобновления войны белых против красных в России. Уже к июню 1922 г. возможное выступление Русской армии связывалось исключительно с восстаниями внутри Советской России.

В контексте всего вышесказанного о «военной тревоге» 1922 года возвращение М.Тухачевского на должность командующего войсками Западного фронта нельзя рассматривать как откровенное политическое «блефование». Учитывая, что Польша сама по себе не испытывала большого желания возобновить боевые действия против РСФСР, следует рассматривать перемещение М.Тухачевского как угрозу начала боевых действий Красной Армии против Польши в случае начала интервенционистских действий врангелевских войск на юге России при поддержке французского флота. Таким образом, перемещение М.Тухачевского на Западный фронт являлось мерой стратегического характера: не обязательно начало войны против Польши, но как угроза наступления Красной Армии под командованием М.Тухачевского на западе.

…В 1922 – 1924 гг. в состав войск Западного фронта входили три стрелковых корпуса: 4-й, 5-й, 16-й. Кроме того, – две кавалерийские дивизии – 6-я и 7-я – и 4-я отдельная кавалерийская бригада. Соответственно, в состав 4-го стрелкового корпуса входили 2-я, 5-я и 27-я стрелковые дивизии. В состав 5-го стрелкового корпуса входили 4-я и 8-я стрелковые дивизии. В состав 16-го стрелкового корпуса – 29-я, 33-я и 37-я стрелковые дивизии.

Следует отметить, что 16-й стрелковый корпус и его дивизии начали развертываться лишь с лета 1922 г. еще в Приволжском военном округе. Это были самые «молодые» соединения Западного фронта. Особенно 33-я и 37-я дивизии. В 1923 г. еще шел процесс их формирования и укомплектования. 33-я стрелковая дивизия начала перебрасываться на Западный фронт с Приволжского военного округа только в сентябре 1923 г. 37-я дивизия в это время находилась в процессе формирования и укомплектования. Таким образом, 16-й стрелковый корпус во второй половине1923 г. еще не был полностью развернут и, следовательно, еще не представлял полноценного боевого соединения. К марту 1924 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

в его составе фактически была 29-я стрелковая дивизия, почти полностью передислоцированная на Западный фронт – 33-я стрелковая дивизия. В то же время, уже в начале 1923 г. на положение территориальной была переведена, в порядке эксперимента, 2-я стрелковая дивизия. Лишь весной 1923 г. с Украинского военного округа на Западный фронт была переведена 7-я кавалерийская дивизия. 6-я кавалерийская дивизия была переведена в состав войск Западного фронта лишь после расформирования 1-й Конной армии (в состав которой она входила) 26 октября 1923 г. Она могла появиться на Западном фронте не ранее ноября 1923 г.

Таким образом, боеспособное и действенное (в военно-политическом смысле) ядро Западного фронта на протяжении всего рассматриваемого периода составляли 4-й и 5-й стрелковые корпуса в составе 5-й, 27-й, 4-й, 8-й стрелковых дивизий, управление 16-го стрелкового корпуса и 7-я кавалерийская дивизия. Поэтому нижеследующий статистический, социо-культурный и социоментальный анализ комсостава в целом и высшего комсостава Западного фронта будет касаться прежде всего и главным образом указанных выше соединений.

Нравственная и политическая атмосфера на Западном фронте в это время была весьма примечательной. По оценкам ответственных работников Политуправления фронта «командный состав в полках, штабах бригад и дивизий в большинстве своем политически малограмотен, несмотря на интеллигентность»[285]. Речь идет о старшем и высшем командном составе и работниках штабов, т.е., бывших офицерах и, часто, с академическим образованием. В качестве примера указывалось, что «в штабе одной из бригад нашего фронта был опрошен весь комсостав, и выяснилось, что ни один из них не читал конституции РСФСР. Все они были с законченным средним образованием, один – с высшим, все служащие в Красной Армии с 1918 г. В их числе были комбриг и наштабриг. В трех полках той же бригады почти все комбаты имели очень смутное

[285] Литке С.Р. Нужны ли сейчас Красной Армии военные комиссары. //Революция и война. – 1922. - № 14-15. - С. 48.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

представление о сущности советской власти»[286]. Указанный политработник обратил внимание на полнейшее политическое равнодушие и безразличие командиров. «Нашелся комроты (бывший офицер, до службы учащийся), прослуживший в свое время у Колчака. На вопрос о разнице между белой и Красной Армией ответил, что белые носят погоны, а красные – нарукавные знаки. Дальнейшие распросы в этой области показали, что указанный комроты действительно не подозревал иной разницы»[287]. Представитель Политуправления фронта возмущался тем, что « в политических беседах политруков с красноармейцами эта группа комсостава почти никогда не бывает, в политпросветработе участия не принимает. В лучшем случае можно видеть их участвующими в постановке спектакля»[288]. Вся атмосфера повседневности, военного быта пронизана была равнодушием к политике, идеологической пропаганде. Это характеризовало не только беспартийных командиров. «Партийные комполки, комбриги и начдивы немногим выделяются в лучшую сторону от беспартийных, - с горечью и тревогой констатировал неравнодушный политработник. – Пренебрежение к политработе, незнание ее, специфический военный дух свойственны всему комсоставу»[289].

На западном фронте было много командиров, исключенных из партии. Среди них был даже один прославленный герой гражданской войны, командир 4-го стрелкового корпуса А.Павлов. Представитель Политуправления с сожалением наблюдал за постепенным возрождением дореволюционных военно-бытовых привычек и традиций. «Очень часто, - обращал он внимание на некоторые факты такого рода, - можно слышать с удовольствием рассказываемые истории о «цуке» в военных училищах, о разных дикостях царской армии. Бывают разговоры о неправильных чинопроизводствах и о том, как можно было бы быть уже поручиком, если бы не помешала революция. Многие командиры Красной Армии упорно делят себя на «павлонов», «александронов», «алексеевцев» и т.д., смотря по училищу, какое пришлось кончить. Даже канты гвардей-

[286] Литке С.Р. Нужны ли сейчас Красной Армии военные комиссары. – С. 48.
[287] Там же.
[288] Там же, с. 49.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ских полков нашиваются еще на гимнастерки...»[290]. М.Тухачевскому, как командующему фронтом, «ставили на вид» в приказе, что на Западном фронте «процветает самый отвратительный пережиток офицерщины – дуэли»[291]. «Ностальгия» по дореволюционному офицерскому быту находила свое выражение в стремлении к «буржуазным» ценностям жизни. Показательно в этом отношении «персональное дело» В.Довбора. Бывший офицер старой армии В.Довбор, занимавший в 1923 г. должность помощника начальника информационного отделения Разведывательной части штаба Западного фронта, был исключен из партии (в которой он состоял с 1918 г.) в июле 1920 г. за пьянство. Направленный на переговоры с поляками в качестве делегата комиссии от штаба 16-й армии, он явился на них в пьяном виде. В.Довбор неоднократно, и в 1922, и в 1923 гг. подавал заявления о повторном принятии его в партию, но получал отказ. Одна из мотивировок отказа был весьма примечательна: склонность к «буржуазному», «интеллигентскому» образу жизни. Это выражалось в том, что он, якобы после службы, с удовольствием переодевался в штатский модный костюм, надевал шляпу, брал тросточку и шел гулять и развлекаться[292]. Взяточничество и воровство были распространенными должностными пороками в частях и соединениях Западного фронта. Особенно эти случаи были часты в 4-м стрелковом корпусе, 2-й, 5-й, 8-й стрелковых дивизиях, в 7-й кавалерийской дивизии[293]. Несмотря на строгость наказаний, подобные преступления совершались и старшими командирами. Начальник дивизионной школы 5-й стрелковой дивизии С.Эбергардт был предан суду Революционного военного трибунала за то, что дал за корову быка меньшего веса[294]. Впрочем, спустя месяц он был освобожден и получил назначение временно исполняющим дела помощника командира 15-го стрелкового полка.

Известно, что по обвинению в хищении казенного имущества было заведено «дело» на командира 7-й кавалерийской дивизии прославленного Г.Гая.

---

[289] Литке С.Р. Указ соч. - С. 50-51.
[290] Там же, с. 49.
[291] Норд Л..А. Маршал М.Н.Тухачевский. //Возрождение. - Париж, 1957. - Тетрадь № 63. - С. 55.
[292] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 17.
[293] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Однако, вмешался командующий фронтом М.Тухачевский, и «дело» было закрыто[295]. «За преступление по службе» 18 января 1922 г. был арестован ЧК Белоруссии начальник воздушной эскадрильи-2 Е.Пятосин. Это был кадровый офицер, капитан, летчик с 1913 г., воевавший в 1919-1921 гг. в составе войск Западного фронта. Осужденный на 2,5 года, он, однако, был вскоре амнистирован, а 13 сентября 1922 г. назначен начальником штаба ВВС фронта[296].

...Пьянство было бичом комсостава Западного фронта, несмотря на то, что это считалось весьма серьезным нарушением норм нравственности и партийной этики. В ЦКК поступала в связи с этим информация о М.Тухачевском, командирах корпусов А.Павлове, П.Дыбенко[297]. Выговор, как минимум, а то и строгий выговор и даже исключение из партии, как выше уже отмечалось, было, в таком случае, обычным делом.

Комсостав Западного фронта, если учитывать только командование и штаб фронта, командиров и начальников штабов корпусов, дивизий, полков, начальников ВВС и артиллерии фронта, а также начальников корпусной артиллерии, в 1922 – марте 1924 гг., насчитывал свыше 320 человек (с учетом кадровых перемещений) на 60 штатных должностей.

Из них 63 человека составляли командование и штаб фронта (в том числе 12 руководящих работников разведовательного отдела штаба фронта). За редким исключением, все эти лица были кадровыми офицерами старой армии. Свыше 20 из них были офицерами Генштаба старой армии. Остальные имели достаточно большую практику штабной работы в частях и соединениях. По социальному происхождению это в основном были выходцы из дворян, служащих и интеллигенции.

---

[294] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 138.
[295] Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 169.
[296] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1194. Л. 47.
[297] «Выпивка, хотя бы по случаю Нового Года, да еще грубость...рассматривались как очень серьезные проступки, - вспоминал один из начдивов тех лет. – Коммунисты видели в этом склонность к излишествам, особенно недопустимую в тяжелое время».
Если же такое случалось с членом партийного бюро, особенно, известным человеком, то, по необходимости, можно было «обвинить всю парторганизацию в попустительстве и других самых смертных грехах». - См.: Софронов Г.П. Неподвластное времени. - М., 1976. - С. 312-313.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Свыше 70 человек являлись начальниками штабов корпусов, дивизий полков, их помощниками и начальниками оперативно-строевых частей соответствующих штабов. За редким исключением (в основном в корпусных штабах) это были кадровые обер-офицеры старой армии без академического образования. Некоторые из них окончили Военную академию РККА в 1922 г. В основном это были выходцы из служащих и интеллигенции. Оставшиеся ок.190 человек были командирами корпусов, дивизий, полков, начальниками корпусной или дивизионной артиллерии, помощниками указанных командиров. В подавляющем большинстве это были младшие офицеры военного времени. По социальному происхождению они были служащими, интеллигенцией, казаками, крестьянами. Однако среди них встречались лица и дворянского происхождения и даже из старинных дворянских фамилий.

Доля членов большевистской партии среди комсостава Западного фронта была сравнительно невелика. Среди фронтового командования лишь сам М.Тухачевский являлся членом РКП (б). Состав фронтового штаба был беспартийным (за исключением руководства Разведовательным отделом штаба). Среди командиров стрелковых корпусов И.Блажевич был беспартийным, А.Павлов в 1923 г. был исключен из партии. П.Дыбенко уже исключался из партии, а осенью 1923 г. вновь получил партийное взыскание. Руководство и состав корпусных штабов, за единичными исключениями, были беспартийными. Большинство командиров дивизий являлись членами РКП (б), однако их штабы оставались беспартийными. Большинство командиров полков, их помощников и начальников полковых штабов были беспартийными. Беспартийными являлись артиллерийские и авиационные командиры.

В комсоставе Западного фронта на разных уровнях встречались и лица, ранее служившие в «белых армиях». Даже на самом высоком уровне, начальник ВВС фронта С.Корф до начала 1920 г. служил в армии адмирала А.Колчака. Отдельные командиры имели родных братьев, служивших в «белых армиях» и оказавшихся в эмиграции (братья А.Виноградова, В.Дьякова, Ю.Навроцкого и др.).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

По национальному составу или этно-культурной принадлежности 56% командного состава всех вышеозначенных уровней были великорусами (или таковыми себя считали), 23% - «польско-литовско-белорусского» происхождения, 9% - латыши, 8% - украинцы или «кубанцы» малороссийского происхождения. Кроме того, в комсоставе фронтовых соединений и частей были 4 немца, 4 еврея, 3 эстонца, 2 армянина, 1 грузин. Они вместе составили ок.4%. Следует отметить, что те или иные этно-культурные группы доминировали в отдельных соединениях фронта. Так в 27-й стрелковой дивизии и отчасти в 5-й преобладала «польско-литовско-белорусская» этно-культурная группа. 2-я стрелковая дивизия считалась «белорусской» по этно-культурному составу. В целом, можно сказать, указанная этно-культурная группа доминировала в 4-м стрелковом корпусе. В 4-й стрелковой дивизии заметную роль играли латыши, хотя в целом в 5-м стрелковом корпусе домирировал великорусский этно-культурный элемент (впрочем, в его составе могло находится много белоруссов и украинцев, считавших себя великорусами). В кавалерийских соединениях этнокультурный состав в основном был представлен «казаками» (донские, кубанские, «иногородные») и украинцами.

Разные по своей этно-культурной ментальной ориентации, они в подавляющем большинстве принадлежали к «золотопогонникам» – младшему офицерству военного времени, которое и оказалось вызванным к жизни Мировой и гражданской войнами.

За этот период смена лиц, занимавших указанные должности, происходила 186 раз[298]. Это значит, что в среднем на каждой из отмеченных выше должностей трижды произошла замена. То есть, с июля 1922 по март 1924 г. (включительно) находившийся в одной из указанных должностей офицер пробыл 6 – 7 месяцев. При этом надо иметь в виду, что командование корпусами за этот период времени не менялось. Перемещения комсостава, в основном, происходили на дивизионном и полковом уровнях. На этих уровнях офицеры менялись в

[298] Информация о перемещениях комсостава соединений и частей Западного фронта в 1922-1924 гг. содержится в ранее упомянутом «Алфавите...» и в штабных приказах Западного фронта. – РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173, 174; Оп. 5. Д. 1192, 1193, 1194.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

среднем 3 – 4 раза. Срок их пребывания в должности оказывался более коротким: 5 – 6 месяцев. В этом отношении особое внимание привлекает 4-й стрелковый корпус и входившие в него дивизии и полки. Это было самое сильное боевое соединение Западного фронта, с лучшими дивизиями: 2-й, 5-й и 27-й. Здесь наблюдалось за указанный период времени 100 перемещений командиров, их помощников и начальников штабов. То есть, около 4 раз. Особенно в 5-й и 27-й стрелковых дивизиях. Следует иметь в виду, что в перемещениях указанной группы комсостава в целом по фронту принимали участие 120 «офицеров», а в масштабе соединений и частей 4-го стрелкового корпуса – 76. Это значит, что в движении комсостава принимала участие ограниченная группа командиров из числа тех, кто занимал вышеуказанные должности в пределах фронтовых соединений и частей. Примечательно, что из их числа 20% всех перемещений приходится на 8 командиров, которые перемещались с должности на должность по 5-6 раз. Больше половины из них - ветераны 27-й стрелковой дивизии: Р.Сокк, В.Мозолевский, Г.Христович, И.Хабаров[299]. Около 40 % перемещений осуществлялось за счет 17 командиров. Приток командиров «извне» был минимальным. Это движение обнаруживает определенную «неустойчивость» и «нервозность». Командиры, занимавшие свои должности по 5 – 6 месяцев, не успевали адаптироваться к своим соединениям и частям. Это, помимо прочего, может свидетельствовать об определенном недоверии руководства в Москве к командирам указанных уровней на Западном фронте. Опасались «привыкания» командиров к своим частям. Это вызывало беспокойство за их «покорность».

Многие командиры были старыми боевыми соратниками М.Тухачевского в 1918-1921 гг. Близкие дружеские или хорошие приятельские отношения, память о боевом сотрудничестве связывали М.Тухачевского с Г.Гаем, А.Павловым, В.Путной, П.Шаранговичем, А.Колесинским, Г.Хаханьяном, К.Нейманом, Я.Лацисом. Давней дружбой были связаны Г.Гай и Э.Вилумсон.

---

[299] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 72, 78, 127.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Таким образом, из десяти войсковых соединений Западного фронта командиры шести были лично преданы командующему фронтом. Командиры двух стрелковых корпусов из трех, входивших в состав Западного фронта (4-го и 16-го) являлись «ветеранами» 27-й стрелковой дивизии, ее бывшие командиры: А.Павлов и И.Блажевич. Начальником штаба 16-го стрелкового корпуса с сентября 1922 г. стал бывший бессменный начальник штаба 27-й стрелковой дивизии П.Шарангович. Командирами двух из трех стрелковых дивизий, входивших в состав 4-го стрелкового корпуса (5-й и 27-й) были также «ветераны» этой дивизии: К.Нейман и В.Путна (которого потом сменили тоже «ветераны» дивизии В.Мозолевский и Г.Хаханьян). Во второй половине 1922 г. командирами двух из трех стрелковых полков 5-й стрелковой дивизии оказались также ветераны 27-й, переведенные из состава последней на должности полковых командиров 5-й: Р.Сокк (командиром 15-го стрелкового полка) и А.Зайцев (командиром 14-го стрелкового полка).

Таким образом, имеются все основания утверждать, что 27-я стрелковая дивизия, фактически оказалась «развернутой» по своему комсоставу на два стрелковых корпуса (из трех), оказываясь, тем самым, не только ядром, но и «плотью» войск Западного фронта. Это обстоятельство дает мне основание рассмотреть комсостав этого соединения отдельно и специально.

В период командования М.Тухачевским Западным фронтом с 24 января 1922 г. по 26 марта 1924 г. командный состав 27-й стрелковой дивизии на уровне дивизионного и полкового командования был представлен следующими лицами:

1.Командиры дивизии:

а) Путна В.К.(1893-1937) с 17 декабря 1919 г. до 8 сентября 1922 г., литовец, из крестьян, реальное училище, коммерческое училище, художественное училище, школа прапорщиков, прапорщик, член РКП (б), в дивизии с апреля 1919 г.;

б) Шарангович П.М.(1893-1938) врид командира с 8 сентября 1922 г. до 27 октября 1922 г., литовец-белорусс, учитель, кадровый офицер, поручик, с декабря 1917 г. на стороне Советской власти, неоконченные курсы Академии Генерального штаба, беспартийный, в дивизии с мая 1919 г.;

в) Мозолевский В.К.(18 -19) врид командира с 27 октября 1922 г. до 25 декабря 1922 г., литовец;

г) Хаханьян Г.Д.(1895-1939) с 25 декабря 1922 до 26 ноября 1923 г., армянин, неоконченное филологическое образование в Московском университете, школа прапорщиков, прапорщик, член РКП (б) с 1917 г., военком, в дивизии с мая 1919 г.;

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

д) Майстрах Б.В.(1895-1965) врид командира с 26 ноября 1923 г. до апреля 1924 г.

2.Помощники командира дивизии:

а) Мозолевский В.К.(18 -19) с 1920 по 25 декабря 1922 г., (см. выше);

б) Ольшевский Ф.И.(1890-1937) с 21 июля 1923 г. до 26 ноября 1923 г., беспартийный, в дивизии с ноября 1923 г.;

в) Блинов Н.И.(18 -19) с 26 ноября 1923 г. до апреля 1924 г. в дивизии с ноября 1923 г.

3.Начальники штаба дивизии:

а) Шарангович П.М.(1893-1938) с 16 мая 1919 г. до 8 сентября 1922 г., (см. выше);

б) Колесинский А.К.(1887-19) врид начальника штаба дивизии с 8 сентября 1922 г., начальник штаба с 5 сентября 1923 г. до 13 декабря 1923 г., русский (из обрусевших поляков), уроженец Петербурга, из мещан, юридический факультет Петербургского и Дерптского университетов, экзамен на прапорщика, поручик, беспартийный, мобилизован в РККА в марте 1919 г., в дивизии (в штабе) с апреля 1919 г.

4.Помощник начальника штаба дивизии и начальник оперативной части:

а) Колесинский А.К.(1887-19??) с 1921 г. до 8 сентября 1922 г., (см. выше);

б) Петрусевич Б.В.(1897-1938) с 8 сентября 1922 г. до июля 1923 г., литовско-польского происхождения, член РКП (б) с 1919 г., в дивизии с 1919 г.;

в) Иванов А.И.(18 -19??) с марта 1923 г. до 12 декабря 1923 г.;

г) Киреев А.П.(18 -19??) с 12 декабря 1923 г. до 1924 г.

5.Командиры 79 стрелкового полка:

а) Сокк Р.И (1896-1932) с 12 июня 1922 г. до 15 августа 1922 г., эстонец, из крестьян, прапорщик, беспартийный, в РККА с 1918 г., в дивизии с 1918 г.;

б) Анников С.М.(18 -19??) врид командира с августа 1922 г. до 23 октября 1922 г., русский, из дворян, поручик л-г. Семеновского полка, беспартийный,в дивизии с 1921 г.

в) Пронин Н.Н.(18 -19??) с 23 октября 1922 г. до 5 мая 1924 г., русский, в дивизии с 1922 г.

6.Помощники командира 79 стрелкового полка:

а) Березовский И.Н. (1891-1961) с 12 июня 1922 г. до 26 сентября 1922 г., поляк, офицер, беспартийный, в дивизии с 1919 г;

б) Агапов И.О.(18 -19??) с 28 августа 1922 г, 26 сентября 1922 г., русский;

в) Мейендорф М.Э.(1887-19??) врид с 12 января 1923 г., помощник с 18 апреля 1923 г. до 18 июля 1923 г., русский, дворянин из Петербурга, неоконченное физико-математическое образование Петербургский университет, Павловское училище, подпоручик л-г.Семеновского полка, беспартийный, в дивизии с 1923 г;

г) Ассарит Я.Я.(18 -19??) с 23 августа 1923 г. до 2 февраля 1924 г.

д) Мейендорф М.Э. с 2 февраля 1924 г. до 5 мая 1924 г.

7.Начальники штаба 79 стрелкового полка:

а) Аленкин А.А.(18 -19??) с 1922 г. до 24 января 1923 г.;

б) Руллис В.И. (18 -19??) с 24 января 1923 г. до 1924 г.

8.Командиры 80 стрелкового полка:

а) Хабаров И.Н.(18 -19??) с 14 июня 1922 г. до января 1924 г.;

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

б) Мозолевский В.А. с января 1924 г. до 1924 г.

9.Помощники командира 80 стрелкового полка:

а) Малицкий М.И.(18 -19??) с 24 октября 1922 г. до 15 ноября 1922 г.;

б) Симонов А.А.(1890-19??) с 15 ноября 1922 г. до 18 октября 1923 г.;

в) Огородников Ф.Е.(1867-1939) с 19 ноября 1923 г. до 29 апреля 1924 г.

10.Начальники штаба 80-го стрелкового полка:

а) Дашичев И.Ф.(18 -19??) с 20 июля 1922 г. до 1924 г.

11.Командиры 81-го стрелкового полка:

а) Анников Г.М.(1896-19??) врид командира с 12 июня 1922 г. до 10 сентября 1925 г.

12.Помощники командира 81-го стрелкового полка:

а) Христович Г.В.(18 -19??) с 20 июня 1922 г. до 12 февраля 1923 г.;

б) Крейцберг Ж.Л.(18 -19??) с 20 августа 1923 г. до 9 мая 1924 г.

13.Начальники штаба 81-го стрелкового полка:

а) Гаусман Е.А.(18 -19??) с 12 июля 1922 г. до 1924 г.?

Всего 29 командиров. С января 1922 по март 1923 г. 19 из 23 командиров, осуществлявших дивизионное и полковое руководство (на 13-ти должностях), являлись «ветеранами» дивизии. Это составляет 83% ее командного состава указанного уровня.

К сентябрю 1923 г. в командовании дивизией и ее полками 9 из 13 командиров были «ветеранами» дивизии. Это составляет ок. 70% ее командного состава данного уровня.

К январю 1924 г. в командовании дивизией и ее полками 6 из 13 командиров были «ветеранами» дивизии. Это составляет ок. 45% ее командного состава.

Наконец, к апрелю 1924 г. в командовании дивизией и ее полками 5 из 12 командиров были «ветеранами» дивизии. Это также составляет ок. 45% ее командного состава.

Таким образом «вымывание» из дивизионного и полкового руководства 27-й стрелковой дивизии ее «ветеранов» в основном происходило с марта 1923 г. до января 1924 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В полковом командовании уже к февралю 1923 г. лишь 50% командиров принадлежала к «ветеранам дивизии. «Чистка» была осуществлена, как это можно проследить по выше приведенному списку комсостава дивизии, в основном с октября 1922 г. по январь 1923 г. Это состояние с комсоставом полков сохранилось до апреля 1924 г.

Во главе 27-й стрелковой дивизии к началу 1922 г. по-прежнему оставался начдивом В.Путна, помощником начдива В.Мозолевский, начальником штаба П.Шарангович, помощником начальника штаба А.Колесинский, начальником оперативной части Б.Петрусевич. За исключением Б.Петрусевича, остальные (т.е. почти все 100%) перечисленных командиров занимали свои должности с 1919-1920 гг. А.Павлов, В.Путна, П.Шарангович, Г.Хаханьян, А.Колесинский, К.Нейман являлись «креатурами» М.Тухачевского, выдвигавшего их на командные должности в дивизии и других соединениях 5-й армии и Западного фронта.

Все вышеназванные командиры были бывшими офицерами (в основном военного времени) в чинах от прапорщика до штабс-капитана. Из 14 перечисленных выше командиров, лишь 2 были членами большевистской партии. Остальные были беспартийными. Связаны они были и иными узами.

Следует обратить внимание также на то, что руководство дивизии – В.Путна, В.Мозолевский, П.Шарангович, А.Колесинский, Б.Петрусевич, Г.Христович, М.Малицкий, а также бывшие командиры дивизии А.Павлов и И.Блажевич – были польско-литовско-белорусского происхождения. Они, таким образом, были спаяны и определенным единым психо-культурным архетипом. Нужно учесть, при этом, что и в социальном отношении их отличала однородность: это были представители разночинной интеллигенции мещанско-крестьянского происхождения.

В.Путна, получил образование в коммерческом и реальном училищах. Закончив затем художественное училище, он стал профессиональным художником. П.Шарангович, прежде чем стать кадровым офицером, получил профессию учителя. Сельским белорусским учителем и агрономом был до службы в

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

армии А.Павлов. А.Колесинский получил военное образование и офицерский чин, окончив к этому времени юридический факультет Петербургского и Дерптского университетов. Все они были младшими офицерами – от прапорщика до поручика – получив свои погоны в период 1-й мировой войны. Это важно. Чувствительность к золотым офицерским погонам в сочетании с совершенно очевидным вкусом к войне, проявившемся у этих людей в ходе гражданской войны, свидетельствуют об отсутствии у них равнодушия к военной карьере. Вряд ли стоит сомневаться в наличии в душе у каждого из них своеобразного «бонапартистского подсознания». Одно обстоятельство также обращает на себя внимание – не все указанные лица являлись членами РКП (б). Если таковыми являлись В.Путна и Б.Петрусевич, то П.Шарангович, В.Мозолевский, А.Колесинский оставались беспартийными военными специалистами. Следовательно, партийность вряд ли можно рассматривать тем стержнем единства, который, несомненно, связывал их всех в организме 27-й стрелковой дивизии. Это был тот костяк дивизии, который превратил ее в органичное целое. Служебные отношения в ней уже давно сцементировались отношениями личной дружбы, можно сказать, определенной «дивизионной ментальности». Как личности эти люди сформировались именно в боевой жизни 27-й стрелковой дивизии. Они были частями единого организма, поведение которого предопределяло поведение каждой его части, каждого из вышеперечисленных людей. При этом следует отметить, что 27-я стрелковая дивизия, подобно 1-й Конной армии, Червонноказачьему корпусу, бригаде Котовского, 44-й и 45-й стрелковым дивизиям и некоторым другим частям и соединениям Красной Армии, была одной из самых боеспособных и надежных соединений РККА и Советской России. В то же время, ей, как и вышеперечисленным соединениям присущ был своеобразный «дружинный дух», определенные «самостийные» настроения. Достаточно сильное чувство «корпоративного единства» пронизывало весь комсостав дивизии и ее полков. Все командиры были выходцами из ее рядов, они назначались на должности в соответствии с их авторитетом и репутацией в личном составе

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

дивизии. Это была «дивизионная семья», спаянная общей боевой славой, подвигами и совместно пролитой кровью.

27-я стрелковая дивизия особенно прославилась в боях на Восточном фронте в составе 5-й армии М.Тухачевского, являясь боевым «ядром» последней. Она прославилась на Западном фронте, вновь под командованием М.Тухачевского. Он выбрал ее как самое надежное и боевое соединение для проведения Кронштадтской операции. Это было «его соединение», это была «его гвардия».

Польско-литовско-белорусская этно-культурная ментальная ориентация социо-культурная однородность, принадлежность большинства комсостава к младшим офицерам военного времени – все эти факторы в совокупности определяли ментальный настрой комсостава дивизии на «революционную войну», на «реванш» за Варшавское поражение 1920 г. Все они, несомненно, могли связывать грядущую «вспышку» своей военной карьеры с «советизацией» Западной Белоруссии, Польши и Литвы. В этом смысле они, и вместе с ними вся дивизия, представляли собой весьма благодатный военно-политический и социокультурный материал для новой «революции извне». В этом смысле они были естественной и вполне назависимой военной опорой М.Тухачевского. Но в силу высказанных соображений, они вызывали опасение и у центральной московской власти.

Учитывая все вышесказанное, можно обозначить своеобразную «элитарную группу», находившуюся в подчиненном отношении к М.Тухачевскому и составлявшую одну из его опорных возможностей военно-политического характера. Эта «элитарная группа» концентрировалась вокруг командира 4-го стрелкового корпуса А.Павлова. В нее входили «ветераны» 27-й стрелковой дивизии, «креатуры» М.Тухачевского и А.Павлова:

1.Павлов А.В. – командир 4-го стрелкового корпуса;

2.Блажевич И.Ф. – командир 16-го стрелкового корпуса;

3.а) Путна В.К. – командир 27-й стрелковой дивизии;

б) Хаханьян Г.Д. – командир 27-й стрелковой дивизии;

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

4.а) Шарангович П.М. – начальник штаба 27-й стрелковой дивизии; начальник штаба 16-го стрелкового корпуса;

б) Колесинский А.К. – начальник штаба 27-й стрелковой дивизии;

5.Нейман К.А. – командир 5-й стрелковой дивизии.

Эта «элитарная группа» являлась связующим звеном между войсками и «элитарным ядром» фронта, сложившимся вокруг М.Тухачевского из верхнего слоя высшего комсостава фронта.

В высший комсостав фронта в 1922-1924 гг. входили следующие лица:

1. Тухачевский М.Н. – командующий фронтом;

2.а) Чернавин В.В. – помощник командующего фронтом (28.7.1922-5.1924);

б) Уборевич И.П. – помощник командующего фронтом (12.11.1923-1.2.1924);

в) Корк А.И. – помощник командующего фронтом (13.12.1923-6.4.1924).

3.Виноградов А.Н. – для особых поручений при командующем фронтом.

4.а) Меженинов С.А. – начальник штаба фронта (23.11.1921-6.7.1923);

г) Глудин И.И. – временный начальник штаба фронта (6.7.1923-13.9.1923);

д) Кук А.И. – начальник штаба фронта (13.9.1923-1.12.1926).

5.а) Варфоломеев Н.Е. – 1-й помощник начальника штаба фронта (24.11.1921-13.12.1922);

б) Кеппен А.Г.– временный 1-й помощник начальника штаба фронта (13.12.1922-18.5.1923);

в) Бежанов-Сакварелидзе С.Г.– 1-й помощник начальника штаба фронта (18.5.1923-7.7.1924).

6.Глудин И.И. – 2-й помощник начальника штаба фронта.

7.Садлуцкий В.К. – начальник артиллерии фронта.

8.а) Корф С.Я. – начальник ВВС фронта (1.2.1922-8.1923);

б) Кожевников А.Т. – начальник ВВС фронта (9.1923-8.1.1930).

9.Дьяков В.А. – начальник ВОСО фронта.

10.Павлов А.В. – командир 4-го стрелкового корпуса (1922-5.6.1924).

11.Вилумсон Э.Ф. – начальник штаба 4-го стрелкового корпуса.

12.а) Соллогуб Н.В. – командир 5-го стрелкового корпуса (5.8.1922-30.10.1922);

б) Дыбенко П.Е. – командир 5-го стрелкового корпуса (30.10.1922-5.1924).

14.а) Янсон К.И. – врид начальник штаба 5-го стрелкового корпуса (4.1922-30.1.1923);

б) Подгурский С.Ф. – начальник штаба 5-го стрелкового корпуса (30.1.1923-11.1923);

в)Ляпунов К.А.– начальник штаба 5-го стрелкового корпуса (13.12.1923-1924).

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

15.Блажевич И.Ф. – командир 16-го стрелкового корпуса (9.1922-6.1926).

16.а) Шарангович П.М. – начальник штаба 16-го стрелкового корпуса (8.9.1922-13.12.1923);

б) Климовских В.Е. – врид начальника штаба 16-го стрелкового корпуса (13.12.1923-15.5.1924).

17.а) Грибов С.Е. – временно исполняющий обязанности командира 2-й стрелковой дивизии (11.2.1922-20.7.1922);

б) Штейгер П.К. – командир 2-й стрелковой дивизии (6.9.1922-3.1923);

в)Фабрициус Я.Я.- командир 2-йстрелковой дивизии (3.1923-4.10.1923);

г) Локтионов А.Д. – врид командира 2-й стрелковой дивизии (5.10.1923-1924).

18.а) Мельников П.В. – начальник штаба 2-й стрелковой дивизии (19.3.1922-13.2.1924);

б) Ершов И.П. – и.д. начальника штаба 2-й стрелковой дивизии (13.2.1924-1924).

19.а) Лацис Я.Я. – командир 4-й стрелковой дивизии (24.3.1922-27.9.1923);

б) Кимундрис А.Г. – временный командир 4-й стрелковой дивизии (27.11.1923-26.3.1924).

20.а) Шутович Н.А. – временный начальник штаба 4-й стрелковой дивизии (22.2.1922-7.9.1923);

б) Веселов Н.И. – врид начальника штаба 4-й стрелковой дивизии (7.9.1923-26.3.1924).

21.Нейман К.А. – командир 5-й стрелковой дивизии (22.2.1922-5.6.1924).

22.а) Климовских В.Е. – начальник штаба 5-й стрелковой дивизии (21.4.1921-13.12.1923);

б) Колесинский А.К. – врид начальника штаба 5-й стрелковой дивизии (13.12.1923-3.1925).

23.а) Розен М.И. – командир 8-й стрелковой дивизии (22.2.1922-7.2.1923);

б)Пулко-Дмитриев А.Н.– временный командир 8-й стрелковой дивизии (7.2.1923-25.6.1923);

в) Штейгер П.К. – временный командир 8-й стрелковой дивизии (25.6.1923-31.12.1923);

г) Кривенко А.Н. – временный командир 8-й стрелковой дивизии (31.12.1923-8.3.1924).

24.а) Ляпунов К.А. – начальник штаба 8-й стрелковой дивизии (19.2.1922-9.1923);

б) Снарский В.А. – начальник штаба 8-й стрелковой дивизии (9.1923-1924).

25.а) Путна В.К. – командир 27-й стрелковой дивизии (17.12.1919-8.9.1922);

б) Шарангович П.М. – врид командира 27-й стрелковой дивизии (8.9.1922-27.10.1922);

в) Мозолевский В.А. – и.о. командира 27-й стрелковой дивизии (27.10.1922-25.12.1922);

г) Хаханьян Г.Д. – командир 27-й стрелковой дивизии (25.12.1922-9.1923);

д) Ольшевский Ф.И. – временный командир 27-й стрелковой дивизии (9.1923-26.11.1923);

е) Майстрах Б.В. – временный командир 27-й стрелковой дивизии (14.12.1923-10.7.1924).

26.а)Шарангович П.М. – начальник штаба 27-й стрелковой дивизии (22.5.1919-8.9.1922);

б) Колесинский А.К. – начальник штаба 27-й стрелковой дивизии (8.9.1922-13.12.1923).

27. Спильниченко С.А. – командир 29-й стрелковой дивизии (1924).

28.а) Василенко Л.Д. – начальник штаба 29-й стрелковой дивизии (1923-17.1.1924);

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

б) Захаров А.Ф. – врид начальника штаба 29-й стрелковой дивизии (17.1.1924-3.1924).

29.а) Герасимов М.Н. – врид командира 33-й стрелковой дивизии (10.11.1923-19.1923);

б) Варес К.Я. – командир 33-й стрелковой дивизии (19.11.1923-12.1923);

в) Браиловский М.И. – командир 33-й стрелковой дивизии (12.1923-20.3.1924).

30.а) Житов А.А. – и.д. начальника штаба 33-й стрелковой дивизии (29.5.1922-1923);

б) Зарако-Зараковский Б.Ф. – начальник штаба 33-й стрелковой дивизии (1923-1924).

31.Григорьев Л.Ф. – помощник командира 37-й стрелковой дивизии (12.1923-26.3.1924).

32.Житов А.А. – и.д. начальника штаба 37-й стрелковой дивизии (1923-3.1924).

33.Городовиков О.И. – командир 6-й кавалерийской дивизии (1923-1925).

34. Цымбал - начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии.

35.а) Блюм Н.Я. – временный командир 7-й кавалерийской дивизии (31.3.1923-6.6.1923);

б) Гай Г.Д. – командир 7-й кавалерийской дивизии (6.6.1923-1924).

36.а) Снарский В.А. – начальник штаба 7-й кавалерийской дивизии (1922-15.2.1923);

б) Кравченко А.Ф. – врид начальника штаба 7-й кавалерийской дивизии (3.4.1923-1.10.1923).

Таким образом, выделенные выше 36 командно-штабные должности с начала 1922 г. и до конца марта 1924 г. занимало 60 человек.

Из общего указанного выше числа (60) «генералов» 51 являлись бывшими офицерами старой армии (св. 88%). В том числе: 11 – кадровые офицеры Генштаба (19% всех «генералов» и 23% бывших офицеров);10 – кадровые обер-офицеры (2 «причислены» к Генштабу). Они составляли св.18% всех «генералов» и ок.23% бывших офицеров;2 – получили академическое образование в 1922 г. (ок.3,5% всех «генералов» и 4,5% бывших офицеров); 28 – офицеров военного времени (1 «причислен» к Генштабу). Они составили св. 48% всех «генералов» и 51% всех бывших офицеров.

30 из 35 «генералов», первоначально (в первой половине 1922 г.) занимавших обозначенные выше командные должности, являлись бывшими офицерами. В том числе: 6 – кадровые офицеры Генштаба старой армии (17% всех «генералов» и 20% бывших офицеров); 8 – кадровые обер-офицеры (2 «причислены» к Генштабу). Они составляли 23% всех «генералов» и ок.27% бывших

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

офицеров; 16 – офицеры военного времени (2 также окончили Академию в 1922 г.). Они составляли 46% всех «генералов» и ок. 54% бывших офицеров.

Из 32 «генералов» (из 36-ти), к марту 1923 г. входивших в высший комсостав Западного фронта, 10 – кадровые офицеры Генштаба старой армии (ок. 23% всех «генералов» и 27% бывших офицеров); 15 – кадровые обер-офицеры (2 «причислены» к Генштабу). Они составляли 35% всех «генералов» и 41% бывших офицеров; 7 – офицеров военного времени (ок. 20% «генералов» и ок. 23% бывших офицеров).

Таким образом, вместе бывшие кадровые офицеры, получившие нормальное военное образование составляли среди «генералов» Западного фронта 58% и 68% бывших офицеров.

К сентябрю 1923 г. в высшем комсоставе Западного фронта из 26 «генералов» (всего 29) было: 5 – кадровых офицеров Генштаба старой армии (св.17% «генералов» и ок.20% бывших офицеров); 13 – кадровых обер-офицеров старой армии (2 «причислены» к Генштабу). Они составляли 48% всех «генералов» и 50% бывших офицеров; 8 – офицеров военного времени (27,5% всех «генералов» и 32% бывших офицеров).

К январю 1924 г. в высшем комсоставе Западного фронта из 33 «генералов» (всего 36) было: 5 – кадровых офицеров Генштаба старой армии (14% всех «генералов» и св.15% бывших офицеров); 15 – кадровых обер-офицеров старой армии (2 «причислены» к Генштабу). Они составляли 42% всех «генералов» и 46% бывших офицеров; 13 – офицеров военного времени (1 «причислен» к Генштабу). Они составляли 36% «генералов» и 38% бывших офицеров.

Проведенный статистический анализ указывает не только на соотношения тех или иных категорий лиц в высшем комсоставе Западного фронта. Он также свидетельствует о динамике этого соотношения.

Когда М.Тухачевский вступил в командование фронтом, в первой половине 1922 г. кадровые «генштабисты» старой армии, «элита», составляли в «генералитете» Западного фронта 17-20%. Их число заметно возросло к марту 1923 г. – до 23-27%. С этого времени началось резкое их сокращение до 14-15%

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

в январе 1924 г. Характерно, что в марте 1923 г. и в январе 1924 г. численность высшего комсостава фронта практически одна и та же (соответственно: 36-32 и 36-33). В то же время наблюдается весьма примечательная динамика изменения % офицеров военного времени в высшем комсоставе Западного фронта: с 46-54% в первой половине 1922 г. их доля в высшем комсоставе фронта сокращается в марте 1923 г. до 20-23%. Затем, к январю 1924 г. она вновь возрастает до 36-38%. Из них 20 великорусов (в том числе 2 из обрусевших немецких фамилий). 8 украинцев; 20 - представлены польско-литовско-белорусской этно-культурной группой; 10 – латышей; 2 эстонца.

Таким образом, 33% всех «генералов» были представителями польско-литовско-белорусской этно-культурной группы. Вместе с латышами и эстонцами они составляли свыше 50% всего высшего комсостава Западного фронта. Поэтому настроения и ментальная ориентация этой части высшего комсостава, в конечном счете, должна была, если не определять, то влиять на военно-политическую ориентацию руководства фронта. В среднем на каждой из указанных должностей один раз за указанный промежуток времени произошла замена. Однако ральная динамика перемещения высшего комсостава данного уровня обнаруживает свои особенности. Во-первых, из 39-ти случаев замены командиров 5 приходится на осень 1922 г.; 9 - на декабрь 1922 - февраль-март 1923 г.; 5 – на август-сентябрь 1923 г.; 14 - на ноябрь-декабрь 1923 г. Остальные 6 единичных случаев относятся к первой половине 1922 г., июню-июлю 1923 г. и к октябрю 1923 г.

Перемещения высшего комсостава на протяжении 1922 г. обусловлены были оперативно тактическими нуждами в обстановке ожидаемой войны. Они не вызывают особого политического интереса. А вот начиная с декабря 1922 г. эти перемещения обусловлены были уже иными причинами, скорее всего военно-политическими. Случаи замены высшего комсостава с декабря 1922 до декабря 1923 г. составляют ок.75% всех должностных перемещений.

Иными словами, динамика должностных перемещений высшего комсостава Западного фронта, начиная с конца 1922 г. и до конца 1923-го резко воз-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

растает, увеличиваясь с 25 до 75%. Она не была обусловлена оперативно-тактическими интересами фронта. 41 «генерал» из указанного числа находился в высшем комсоставе Западного фронта с 1922 по 1924 гг., принимая участие во «внутренних» кадровых перестановках. Из них 8 занимали свои должности «временно». Соответственно – св. 80% и менее 20%. 20 высших офицеров были «привлечены» извне для замены тех или иных высших начальников Западного фронта. 7 из них занимали свои должности «временно». Соответственно – ок. 68% и ок. 32%.

Таким образом, среди лиц, привлеченных для замены высшего комсостава Западного фронта «извне» третья часть использовались временно. В целом же, ок. 25 % «генералов» занимали свои должности «временно» и, следовательно, «временно» входили в высший командный состав Западного фронта, в состав руководства фронта и его боевых соединений. Это значит, что лишь 75% указанных выше лиц являлись полноправными членами этой своеобразной «корпоративной группы». Лишь 75 % «генералов» чувствовали себя уверенно и были способны к принятию более или менее самостоятельных, независимых решений. При этом следует иметь в виду, что до марта 1923 г. из 41 «генерала» только 10 были «временными» командирами и начальниками штабов (ок. 22%). Из 36 «генералов», занимавших определенные выше должности с марта до сентября 1923 г., 10 также были «временными» (ок. 26%). Из 36 «генералов», принадлежавшие к высшему комсоставу Западного фронта в периодс сентября по ноябрь 1923 г. лишь 8 были временными (21%). Из 38 «генералов» высшего комсостава Западного фронта с ноября 1923 г. по март 1924 г. 12 были временными (ок. 33%).

Таким образом, даже при таком усредненном статистическом анализе движения высшего комсостава по указанным периодам, заметно, что доля «временных» высших командиров на Западном фронте с 1922 по 1924 гг. была обычно не ниже 21-22%. Однако с марта по август 1923 г. она заметно повышается, обнаруживая некоторую «нервозность» в кадровых перестановках высшего комсостава фронта. Эта «нервозность» резко возрастает в конце 1923 – нача-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ле 1924 гг. Уже 33% «генералов» оказываются на своих должностях «временно». Это способствовало росту «неустойчивости» командования фронтом и «парализовало» активность значительной части высшего комсостава, снижало «потенциал авантюризма» и самостоятельности в принятии военно-политических решений.

В «элитарное ядро», управлявшее главной «боевой» территориальной структурой РККА в 1922 – 1924 гг. - Западным фронтом –входили:

1. Тухачевский М.Н. – командующий фронтом.

2.а) Чернавин В.В. – помощник командующего фронтом (22.7.1922-5.1924);

б) Уборевич И.П. – помощник командующего (12.11.1923-1.2.1924);

в) Корк А.И. – помощник командующего (13.12.1923-6.4.1924).

3.Виноградов А.Н. – для особых поручений при командующем фронтом (6.6.1920-4.1924)[300].

4.а) Меженинов С.А. – начальник штаба фронта (23.11.1921-6.7.1923);

б) Глудин И.И. – врид начальника штаба фронта (6.7.1923-13.9.1923);

в) Кук А.И. – начальник штаба фронта (13.9.1923-1.12.1926).

5.а) Варфоломеев Н.Е. – 1-й помощник начальника штаба фронта (24.11.1921-13.12.1922);

б) Кеппен А.Г. – врид 1-го помощника начальника штаба фронта (13.12.1922-18.5.1923);

в) Бежанов-Сакварелидзе С.Г. – 1-й помощник начальника штаба фронта (18.5.1923-7.7.1924).

6.Глудин И.И. – 2-й помощник начальника штаба фронта (24.11.1922-15.5.1924)[301].

7.а) Будкевич С.Р. – начальник разведовательного отдела штаба фронта (15.3.1922-21.3.1923);

б) Иссерсон Г.Д. – начальник разведовательного отдела штаба фронта (21.3.1923-29.2.1924);

в) Петрусевич Б.Б. – врид начальника разведовательного отдела штаба фронта (19.2.1924-1924).

8.а) Корф С.Я. – начальник ВВС фронта (1.2.1922-8.1923);

б) Кожевников А.Т. – начальник ВВС фронта (9.1923-1.1930).

9.Садлуцкий В.К. – начальник (инспектор) артиллерии фронта (20.4.1921-1.4.1924).

10.Дьяков В.А. – начальник ВОСО фронта (3.5.1920-1924).

---

[300] Официально указанную должность А.Виноградов занял 1.3.1921 г. Однако, фактически, он стал «правой рукой» М.Тухачевского, появившись в штабе Западного фронта в июне 1920 г. Во время «польской кампании» М.Тухачевского А.Виноградов часто исполнял обязанности начальника штаба фронта. Таким образом, он уже тогда стал одним из самых ближайших сотрудников «красного Бонапарта».

[301] Глудин И.И., находясь в штабе Западного фронта еще с 10.3.1920 г., фактически начал исполнять свои обязанности 2-го помощника начальника штаба уже с 1.1.1921 г. Его должность получила официальный статус 2-го помощника в связи с общеармейской перестройкой структуры штабов с 24.11.1921 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Включение в состав «элитарного ядра» именно указанных выше лиц объясняется следующими соображениями.

М.Тухачевский входил в него, естественно, как командующий фронтом. В.Чернавин, И.Уборевич, А.Корк – как помощники командующего, которые осуществляли руководство фронтом в отсутствие М.Тухачевского. С.Меженинов, А.Кук входили в состав «элитарного ядра» как начальники штаба фронта, т.е. руководители «рабочего аппарата» командующего фронтом. И.Глудин, Н.Варфоломеев, С.Бежанов-Сакварелидзе, ответственные за оперативное планирование и организационно-мобилизационную работу, кроме того, часто исполняли обязанности начальника штаба фронта, в случае отсутствия такового. В таких ситуациях они являлись непосредственными сотрудниками М.Тухачевского.

С.Будкевич, Г.Иссерсон, Б.Петрусевич как руководители фронтовой разведки, хотя и входили, согласно штатному расписанию, в число подчиненных начальника штаба, в соответствие с устоявшейся практикой, как главы информационной службы связаны были и непосредственно с командующим фронтом. В составе штаба фронта начальник разведовательного отдела занимал автономное положение. Особое место в составе «элитарного ядра» фронта занимал А.Виноградов. Следует отметить, что функциональная «элитарная» значимость А.Виноградова, входившего в «элитарное ядро» Западного фронта, определялась отношением к нему М.Тухачевского. Последний доверял А.Виноградову, пожалуй, более чем другим своим сотрудникам, и он выполнял по сути дела функции еще одного помощника командующего фронтом. Включение в состав «элитарного ядра» В.Садлуцкого, С.Корфа и В.Дьякова не нуждается в пространных комментариях.

Это «элитарное ядро» имело свои особенности. Во-первых, оно было «неустойчиво» по своему составу. В 1922-феврале 1923 гг. оно включало 10 «постоянных» членов. С февраля до апреля 1923 г. в его составе произошли изменения: происходили временные замены отдельных лиц в составе «ядра» (выбыл Н.Варфоломеев, временно был отстранен от командования

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевский). Появился один «временный» человек в «элитарном ядре»: А.Кеппен. С марта 1923 г. и до января 1924 г. в составе «элитарного ядра» также произошли изменения. Оно численно увеличилось до 12 человек

Оно не было однородно по национальному признаку. Впрочем, правильнее будет говорить не о «национальной», а об этно-культурной принадлежности лиц, входивших в состав «элитарного ядра». Согласно анкетным данным, в его составе из 18 указанных выше лиц было 12 великорусов. В их числе 2 обрусевших немца (А.Кеппен и С.Корф), 1 обрусевший поляк (В.Садлуцкий) и 1 обрусевший грузин (С.Бежанов-Сакварелидзе). Все они считали себя великорусами. В составе «элитарного ядра» было также 3 поляка-литовца (И.Уборевич, С.Будкевич и Б.Петрусевич)[302], 2 эстонца (А.Кук и А.Корк) и 1 еврей (Г.Иссерсон).

Таким образом, в этно-культурном контексте состав «элитарного ядра» из однородного (в целом, если не считать С.Будкевича) до марта 1923 г., к январю 1924 г. усложнился до трех этно-культурных групп: «русско-православной», «польско-литовско-католической» «немецко-протестантской» (эстонской)[303]. Сам по себе этот факт свидетельствует о том, что «элитарное ядро» Западного фронта в этно-культурном отношении потеряло устойчивость и к январю 1924 г. стало «рыхлым» и более «слабым», чем к началу 1923 г. Обозначилась вполне определенная тенденция к «саморазрушению» или «разрушению» извне. Во всяком случае, к этно-культурному качественному его изменению.

Фронтовое «элитарное ядро» был крайне неоднородно по возрастному составу. Самым молодым, И.Уборевичу, Б.Петрусевичу и Г.Иссерсону было 27 лет, а самому старому, В.Чернавину – 64 года. Начальник штаба фронта С.Меженинов, его помощники Н.Варфоломеев и И.Глудин, С.Корф вместе с М.Тухачевским входили в одну возрастную группу (им было 31-32 года).

---

[302] В данном случае сложно однозначно определить национальную принадлежность указанных лиц к полякам или литовцам. Такие фамилии встречаются и среди поляков, и среди литовцев. Все они, видимо, по этно-культурной принадлежности и происхождению являлись полонизированными литовцами. На это косвенно указывают и их имена и отчества – Иероним Петрович Уборевич, Станислав Ричардович Будкевич, Бронислав Бенедиктович Петрусевич. Они, несомненно, принадлежали к «польско-католической культуре», хотя, в частности, И.Уборевич и Б.Петрусевич считали себя литовцами.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

А.Виноградов, С.Бежанов-Сакварелидзе, А.Кеппен, В.Дьяков, В.Садлуцкий и С.Будкевич относился к поколению 80-х гг. (от 35 до 40 лет).

В составе данного «элитарного комплекса» В.Чернавин, А.Виноградов, С.Меженинов, А.Кеппен, С.Бежанов-Сакварелидзе, В.Дьяков, А.Кук, А.Корк и Н.Варфоломеев были офицерами Генерального штаба. М.Тухачевский, И.Глудин, В.Садлуцкий, С.Корф не имели академического образования, однако М.Тухачевский и И.Глудин в 1920 г. были «причислены» к Генштабу «за особые заслуги». Не говоря о том, что это обстоятельство их сближало, они, таким образом, также вошли в состав «генштабистов». Поэтому, можно отметить, что в составе «элитарного ядра» Западного фронта 7 из 10 были «генштабисты». Это была еще одна корпоративная структура.

По социальному происхождению 8 из 10 лиц, входивших в состав «элитарного ядра» до сентября 1923 г., были дворянами (в том числе из древних фамилий М.Тухачевский и С.Меженинов) и 2 из интеллигенции. Иными словами, и в этом отношении просматривалась скрытая корпоративная структура.

Все три корпоративные структуры – «генштабисты», «русско-православная» ментально-ориентированная группа и «дворяне» – до сентября 1923 г., можно сказать, «совмещались».

К началу 1924 г. Из 12 членов «элитарного ядра» 4 были дворянами (1 – М.Тухачевский из древнего рода), 4 были из крестьян, 1 из интеллигенции и 1 из казаков. Иными словами, состав «элитарного ядра» по социальному происхождению стал «разночинным» и внутри – социально-противоречивым.

М.Тухачевский, С.Меженинов, Н.Варфоломеев, С.Корф, А.Кук, А.Корк и И.Глудин были в старой армии кадровыми обер-офицерами (капитанами), в то время как В.Дьяков, С.Бежанов-Сакварелидзе, А.Кеппен, В.Садлуцкий и А.Виноградов являлись старшими офицерами (соответственно, полковником и подполковниками), В.Чернавин же достиг чина гвардейского генерал-лейтенанта. Это обстоятельство – разность в чинах по службе в старой армии – не могла не влиять на отношения внутри этого «элитарного ядра». Несомненно,

---

[303] Названия указанный этно-культурных групп приняты мной как условные, для определения «культурно-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

старший по возрасту бывший генерал-лейтенант, командовавший гвардейским корпусом в 1-ю мировую войну, вряд ли был удовлетворен тем, что им командуют «мальчишки», вчерашние подпоручики и капитаны.

М.Тухачевского, В.Чернавина и С.Бежанова-Сакварелидзе сближала принадлежность к «императорской гвардии». Однако М.Тухачевского, С.Меженинова, А.Кеппена и С.Корфа могла объединять принадлежность к старинному российскому дворянству.

М.Тухачевского, А.Виноградова, С.Корфа, С.Будкевича, В.Чернавина сближало свободное владение иностранными языками[304].

Чувство корпоративного единства, несомненно, в определенной мере присутствовало в отношениях М.Тухачевского, С.Бежанова-Сакварелидзе и В.Садлуцкого. Они, хотя и в разное время, окончили Александровское военное училище, были «александронами». При этом С.Бежанов-Сакварелидзе и М.Тухачевский, как лучшие в своем выпуске, удостоились занесения их фамилий на мраморную доску. Кроме того, М.Тухачевский и С.Бежанов-Сакварелидзе в 1914-1915 гг. служили в одной, 1-й гвардейской пехотной дивизии. Вполне вероятно, они были знакомы еще с тех времен, благодаря совместному участию в одних и тех же боях.

«Элитарное ядро» М.Тухачевского не обладало достаточной прочностью, ибо одна из фигур в него входившая в данное время – С.Меженинов – занимал особое место в его составе. Он не принадлежал ни к давним сослуживцам или боевым соратникам М.Тухачевского, ни к его друзьям или приятелям. С.Меженинов оказался в качестве начальника штаба фронта в ноябре 1921 г. С.Меженинов и его 1-й помощник Н.Варфоломеев, будучи одногодками, окончили одно и то же Казанское военное училище, в одном и том же 1910 г. Иными словами они достаточно хорошо знали друг друга еще с юнкерских времен. Весьма вероятно, что Н.Варфоломеев был назначен 1-м помощником начальника штаба фронта по рекомендации С.Меженинова. Старые связи служебного

ментальной» ориентации лиц, входивших в эти группы.

[304] Как известно, М.Тухачевский владел французским и немецким, А.Виноградов - немецким, С.Корф владел французским и английским, С.Будкевич владел французским, В.Чернавин владел французским.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сотрудничества сближали также С.Меженинова с И.Глудиным. В пору командования С.Межениновым 12-й армией Южного фронта (сентябрь 1919- июнь 1920 гг.) И.Глудин занимал у него должность помощника начальника управления формированиями. Таким образом, можно считать, что штаб Западного фронта в 1922-1923 гг. был единым рабочим организмом. Начальник штаба и его помощники составляли одну команду. Эта команда была сформирована 24 ноября 1921 г. С.Межениновым. С.Меженинов был также связан боевым сотрудничеством в марте-августе 1919 г. с В.Садлуцким, который как раз с приходом в качестве командарма в 3-ю армию Восточного фронта, стал начальником ее артиллерии. Несомненно, определенные «земляческие» чувства могли сближать С.Меженинова и С.Корфа. Оба окончили Киевскую школу летчиков-наблюдателей, правда, С.Корф окончил ее в 1912 г., а С.Меженинов – в 1916 г.

В то же время, как приходилось уже отмечать при характеристике «окружения М.Тухачевского», А.Виноградов, В.Чернавин, а также Н.Варфоломеев, И.Глудин, С.Корф, В.Дьяков, В.Садлуцкий и С.Будкевич принадлежали к давним сослуживцам и близким сотрудникам М.Тухачевского.

Напомню, что В.Чернавин еще в 1920 г. являлся инспектором пехоты Западного фронта, став с июля 1922 г. помощником командующего фронтом. И.Глудин был ответственным сотрудником штаба М.Тухачевского еще с апреля 1920 г. С короткими перерывами он оставался начальником Орготдела, а затем 2-го помощника начальника штаба Западного фронта вплоть до апреля 1924 г.

Н.Варфоломеев, как ранее уже отмечалось, и В.Дьяков были «людьми» Н.Соллогуба еще по 16-й армии в 1919-1920 гг. В.Дьяков с мая 1920 г. был начальником ВОСО фронта, получив эту должность при М.Тухачевском. Н.Варфоломеев вслед за Н.Соллогубом и, скорее всего, по его рекомендации, оказался в штабе Западного фронта во главе Оперативного управления уже в 1921 г. Хотя, как выше отмечалось, Н.Варфоломеев являлся единомышленником М.Тухачевского в оперативно-теоретических вопросах.

С.Будкевич в составе «элитарного ядра» Западного фронта стоял несколько особняком. Человек с университетским образованием, вовлеченный в

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

революционное движение с 1905 г., он, однако, давно и близко знал по совместной службе и М.Тухачевского, и Н.Варфоломеева, и И.Глудина (с 1919 г.).

В составе фронтового «элитарного ядра» трое были членами партии: М.Тухачевский (с 1918 г.), С.Будкевич (с 1905 г. член ППС), В.Садлуцкий (с 1918 г.). Остальные были беспартийными.

Персонально, М.Тухачевский был дольше и ближе всего связан с «неноменклатурной» фигурой А.Виноградова. Как выше уже отмечалось неоднократно, с 1920 г. во всех своих служебных перемещениях он «тянул» за собой А.Виноградова. Назначенный в январе 1922 г. вновь командующим Западным фронтом, он опять «потянул» за собой А.Виноградова в Смоленск.

Таким образом, М.Тухачевский и его «тень» (А.Виноградов) составляли основу «команды Тухачевского» в составе данного «элитарного ядра». С В.Садлуцким он дружил. С.Корфа он называл «мой Корф». В состав этой «команды» входили также из давних сослуживцев и соратников «красного Бонапарта» еще по «польской кампании» И.Глудин, С.Будкевич, Н.Варфоломеев[305], В.Чернавин, В.Дьяков. Так или иначе, во фронтовом «элитарном ядре» была «трещина», которая в кризисной ситуации могла его «расколоть». Как выше уже было сказано, оно не обладало достаточной внутренней прочностью и органичным единством.

Доминантная фигура данного «элитарного ядра» – М.Тухачевский – являлся членом партии, следовательно, так или иначе, ангажированным политикой. Важнейшей особенностью и неповторимостью данного «элитарного ядра» было то, что его поведение, ментальную, деятельную, военную и политическую ориентацию определяла фигура самого молодого «члена», но, при этом самого авторитетного в РККА, «героя гражданской войны», «красного Бонапарта» – М.Тухачевского. Его слава, военный и политический авторитет не были произ-

[305] Напомню, что Н.Варфоломеев единодушен был с М.Тухачевским в отношении к концепции «последовательных операций». Он придерживался, как и М.Тухачевский, наступательной «стратегии сокрушения. Однако он, как и С.Меженинов, критиковал тактику безостановочного наступления на Варшаву, которой упрямо придерживался М.Тухачевский в 1920 г. Как и С.Меженинов, Н.Варфоломеев считал, что причиной катастрофы под Варшавой было, отсутствие резервов, необходимость которых тогда, в 1920 г. М.Тухачевский отвергал, исходя из собственной концепции «революции извне». Как и С.Меженинов, Н.Варфоломеев считал ошибочным нежелание М.Тухачевского остановить войска на р.Буг для перегруппировки, пополнения.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

водным от его происхождения, профессиональной подготовки в старой армии. Более того, принадлежность к старинному дворянскому роду, к офицерскому корпусу императорской гвардии, скорее являлись «подозрительными» характеристиками, «сомнительными достоинствами» М.Тухачевского.

В военно-политическом и тогдашнем социо-культурном контексте эти «признаки» скорее могли обеспечить поддержание нормальных микросоциальных связей с людьми «близкими» по происхождению, воспитанию, образу мысли, стилю поведения, но отрицательно влиять на его судьбу и карьеру в макросоциальных и макрополитических отношениях. В своей военно-политической ориентации он, скорее всего, должен был оглядываться на настроения «революционных генералов» и «красных командиров». Специалисты-генштабисты из старой русской армии могли играть роль внутренней, скрытой опоры. В этом смысле они нуждались в М.Тухачевском больше, чем он в них. В частности, С.Корф, бывший офицер колчаковской белой армии.

Особенности личности М.Тухачевского, его жизненной и военной судьбы, в значительно мере обусловившей его «автономность» внутри «элитарного ядра», предопределяли слабую внутриструктурную «сцепку». В его структуре отсутствовали какие-либо элементы того или иного «традиционализма». Потому «ядро» чревато было сравнительно легким разрушением при «внешнем» воздействии. Однако следует иметь в виду, что исключение из этого «ядра» С.Меженинова, даже В.Чернавина, вряд ли могло существенным образом повлиять на «элитарное» поведение, действенность и военно-политический потенциал М.Тухачевского. «Разрушительные», чувствительные последствия для поведения, ориентации и действенности М.Тухачевского могли иметь место, если бы из «комплекса» был изъят А.Виноградов.

...Подводя некоторые итоги исследованию становления советской военной элиты, следует выделить несколько наиболее важных и характерных особенностей этого процесса.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Прежде всего, обращает на себя внимание взаимодействие в этом процессе тенденций к интеграции «рейтинговых», «меритарных» и «номенклатурных» признаков и принципов структурирования советской военной элиты.

Кроме того, можно считать, что к весне 1923 г. сложилась более или менее устойчивая должностная номенклатура советской военной элиты. В состав советской номенклатурной военной элиты вошли в основном представители «меритарной» элиты как она сложилась к концу гражданской войны. Несмотря на частичные кадровые перестановки, происшедшие с мая 1922 по март 1923 г. персональный состав номенклатурной советской военной элиты почти не изменился.

Господствующее положение в составе военной элиты занимали беспартийные бывшие кадровые офицеры, в большинстве своем «генштабисты», принадлежавшие к «русско-православной» этно-культурной группе. Доминирующую и решающую роль в составе военной элиты играли П.Лебедев, опиравшийся на сформировавшийся вокруг него «аппарат» в лице, прежде всего, Г.Хвощинского и Б.Шапошникова, и М.Тухачевский, располагавший войсками Западного фронта, лично преданное ему ядро которого составляли соединения и части, возглавляемые бывшими командирами и «ветеранами» 27-й стрелковой дивизии. Эти обстоятельства открывали возможность для активизации независимого политического потенциала советской военной элиты.

В процессе становления советской военной элиты обозначилась даже видимость определенного вектора ее структурирования на основе не только «красных революционных генералов», но и готовность принять участие в этом процессе «белых революционных генералов». В значительной мере, как об этом свидетельствует анализ мнений, сложившихся в «красных» и «белых» военных кругах, это было обусловлено репутацией М.Тухачевского. В нем «двуединая» «красно-белая» военная элита в это время усматривала перспективу возможного «бонапартистского» перерождения Советской России.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Это обстоятельство, само по себе, уже становилось непредсказуемым по последствиям фактором вовлеченности советской военной элиты и ее лидеров в политические процессы.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Глава 2.СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 20-х ГОДОВ: ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2.1. Лидеры и внутрикорпоративные группировки военной элиты.

Полнота представлений о советской военной элите первой половины 20-х годов вряд ли возможна без анализа ее социокультурной и персонально-групповой инфраструктуры.

Обычно высший командный состав и военную элиту Красной Армии, сложившуюся к 1921-1922 гг. по ее дореволюционному происхождению делят на несколько групп: генералы, старшие офицеры (полковники и подполковники)-«генштабисты», старшие офицеры без академического образования, капитаны и штабс-капитаны- «генштабисты», кадровые обер-офицеры (от подпоручика до капитана включительно), получившие нормальное военное образование к августу 1914 г., офицеры военного времени (обычно от прапорщика до штабс-капитана, редко – до капитана), бывшие унтер-офицеры, бывшие солдаты и не служившие в старой армии (чаще всего, из военных комиссаров). Однако во внутрикорпоративных, социокультурных отношениях эта градация оказывалась более дробной и сложной. Факторами социально-оценочного характера, которые способствовали образованию внутрикорпоративных группировок, личных связей, отношений среди «генералов», оказывались и их этно-социальное происхождение, и социокультурные ориентиры, симпатии, и образовательный уровень, в том числе и уровень военного образования, и иные интересы. Прежде всего, конечно, следует отметить неформальное, но весьма устойчивое деление «красных генералов» на «генштабистов», кадровых офицеров, офицеров военного времени и «краскомов» без какого-либо стажа в старой армии. Большую роль играли старые приятельские отношения, сложившиеся за время учебы, особенно в военных училищах и в Академии Генерального штаба. В меньшей мере – учеба в кадетских корпусах. Кроме того, - служба в одном и том же полку или в войсковых штабах, особенно длительное время. В соответствие с вышесказанным учитывалось какое военное училище оканчивал тот или иной

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«красный генерал» из бывших офицеров и когда. При этом надо иметь в виду, что военные училища в дореволюционной России, выпускавшие младших офицеров в войска, отнюдь не были равноценными по качеству профессиональной подготовки и по социальному составу обучаемых юнкеров и по возможностям, которые они открывали для выпускника, начинавшего свою военную карьеру. Эти учебные заведения можно распределить по «престижности» и сгруппировать следующим образом.

1.а) Пажеский корпус.

б) Александровский Императорский Лицей.

2.а) Павловское военное пехотное училище.

б) Александровское военное пехотное училище.

в) Николаевское военное кавалерийское училище.

3.а) Константиновское артиллерийское училище.

б) Михайловское артиллерийское училище.

в) Николаевское военное инженерное училище.

г) Алексеевское военное пехотное училище.

д) Киевское военное пехотное училище.

4.Юнкерские училища, которые позднее тоже переименовали в «военные», расположенные в различных губернских центрах России: в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Вильно, Иркутске, Тифлисе и т.д.

Несомненно, самым привилегированным из военных учебных заведений дореволюционной России считался Пажеский корпус. Его выпускники, будучи детьми военной и бюрократической элиты императорской России, как правило выпускались подпоручиками в гвардейские полки.

Следующими по престижу считались Павловское и Александровское военные училища, хотя первое из названных, все-таки считалось более престижным. Значительная часть выпускников Павловского военного училища также направлялась в гвардию. В гвардейские полки направлялась обычно и группа выпускников Александровского военного училища. Выпускники указанных училищ, по выпускному баллу не получавшие возможность «взять» гвардей-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

скую вакансию, имели право на вакансии (в соответствие с «престижностью») в гренадерских, стрелковых и обычных армейских пехотных полках. Этот же принцип действовал и для выпускников Николаевского кавалерийского училища, выпускники которого шли обычно в гвардейскую кавалерию, а также в кавалерию армейскую. Контингент юнкеров этих училищ комплектовался, как правило, из лиц, окончивших кадетские корпуса. По своему социальному происхождению это были преимущественно потомственные дворяне или офицерские дети.

Алексеевское пехотное, Константиновское, Михайловское артиллерийские и Николаевское военно-инженерное училища считались более скромными по происхождению своих юнкеров. Их выпускники обычно направлялись в армейские части, соответственно в пехоту, артиллерию, инженерно-саперные части.

Юнкерские училища, в сущности, были открыты для представителей разных соловий и контингент юнкеров этих училищ был «разночинным». Соответственно выпускников этих училищ распределяли по армейским полкам, по вакансиям, оставленным выпускниками вышеуказанных привилегированных военных учебных заведений. Офицеры, выпущенные из этих училищ чаще всего и составляли командный состав стрелковых и пехотных полков, дислоцированных на периферии и окраинах Российской империи.

Следует иметь в виду, что офицеры, оказавшиеся в гвардии, получали, в соответствие с установленными правилами преимущества перед армейцами: старшинство в один чин. Это, несомненно, ускоряло их военную карьеру. Редко, кто из гвардейских офицеров заканчивал свою военную карьеру в чине, ниже армейского полковника. Многие выходили в отставку в чине генерал-майора, не говоря о тех, кто сумел сделать карьеру при дворе или уйти в Генеральный штаб. Эти обстоятельства еще в дореволюционные времена рождали глухую неприязнь между офицерами гвардии и армии. Она перешла и в Красную Армию и сохраняла свои следы в отношениях между бывшими офицерами, оказавшимися в Красной Армии.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

…К концу гражданской войны острота «красно-белого» противостояния в значительной мере притупилась. Причиной тому было слишком много обстоятельств, в частности, и возрождение патриотических настроений в обстановке советско-польской войны среди «красных командиров», включение в комсостав РККА многих бывших офицеров и командиров «белых армий». Ясно обозначившаяся «слабость» мобилизационных возможностей идеи «мировой революции» способствовала стихийному возрождению дореволюционных армейских традиций в офицерском быту. Революционная ликвидация всех дореволюционных персональных чинов, званий, знаков различий и отличий и отсутствие таковых, рожденных революцией, привела к возникновению вакуума на месте привычной и традиционно-необходимой внутриармейской иерархической инфраструктуры. Она создавала предпосылки для возрождения той неофициальной воинской иерархии, которая не была формально упразднена. Испытывая потребность в иерархическом дифференцировании и внутрикорпоративном различении, что было обусловлено профессионально-ментальным настроем и социокультурными привычками, бывшие офицеры в Красной Армии группировались по принадлежности к «генштабистам», выпускникам дореволюционных военных училищ, к гвардейским полкам. Стихийно вводились неуставные элементы обмундирования, которые и обозначали признаки принадлежности к указанным учебным заведениям или воинским частям. Это отражалось на отношениях даже высших командиров. М.Тухачевский оказался весьма чувствителен и проявлял повышенное расположение к бывшим офицерам-своим сотрудникам, которые, как и он кончали Александровское военное училище. В его хороших отношениях с Главкомом С.Каменевым и начальником Штаба РККА П.Лебедевым свою роль играло и то обстоятельство, что они тоже являлись «александронами», т.е. выпускниками того же Александровского военного училища. М.Тухачевский поддерживал приятельские и устанавливал служебные отношения со своими однополчанами по л-г. Семеновскому полку А.Типольтом, П.Ермолиным, Б.Энгельгердтом, М.Мейендорфом, С.Анниковым.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Достаточно заметной была тенденция к некоторому «обособлению» и группированию бывших офицеров-гвардейцев, оказавшихся в высшем комсоставе РККА. В штабах и в приятельских кампаниях вокруг бывших гвардейцев М.Тухачевского и А.Зайончковского, занявших влиятельное и авторитетное положение за годы мировой или гражданской войны, группировались тоже бывшие офицеры-гвардейцы Н.Соллогуб, П.Ермолин, М.Баторский, В.Готовский, А.Готовский, В.Ладыженский, В.Чернавин, С.Бежанов-Сакварелидзе.

«...Вообще должен сказать, - вспоминал генерал А.Брусилов, - что так называемая «белогвардейская пресса» за границей много вредила своей болтовней тем, кто оставался в России. Постоянно арестовывались люди по ее намекам, а иногда и прямым указаниям. Одновременно с этими арестами много говорили о каких-то секретах, выданных за границу. Это повторялось периодически, арестовывалось множество людей, иногда без всяких видимых оснований. В один из таких разов похватали целыми группами в Петрограде и в Москве бывших преображенцев...»[306]. Вплотную к вышецитированным воспоминаниям А.Брусилова примыкает официальная информация начальника КРО ОГПУ А.Артузова в отчете за ноябрь 1924 года, в которой он, в частности, отмечал: «Зарегистрированы почти во всех крупных центрах СССР террористические ячейки. По преимуществу это молодые безработные офицеры и исключенные студенты вузов. Ячейки небольшие, обособленные, что весьма затрудняет разработку и требует большой агентуры.... Примером организации кастовых групп с террористическими настроениями служат: группа офицеров гвардии в Ленинграде и в Москве (группа преображенцев, семеновцев, измайловцев)...»[307].

...Группа «семеновцев» возникла в Петрограде еще в январе 1918 г., когда два офицера-семеновца И.Толстой и Д.Комаров тайком привезли и спрятали в алтаре бывшей полковой церкви л-г. Семеновского полка знамя своего полка, расформированного в декабре 1917 г. Примерно в то же время была

[306] Брусилов А.А. Мои воспоминания. //Военно-исторический журнал. – 1991. - № 2. - С. 39-40.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

создана нелегальная, так называемая, «Семеновская управа» во главе с генерал-майором Л.фон Тимротом (бывшим полковником-семеновцем), в 3-м Советском стрелковом полку (бывший резервный гвардейский Семеновский полк), в которую вошли фактически все бывшие офицеры-семеновцы, оставшиеся в Советской России. Как известно, весной 1919 г. во время наступления войск генерала Юденича на Петроград, отправленный на фронт 3-й Советский стрелковый полк почти в полном составе перешел на сторону белых. Однако в Петрограде, по различным соображениям, в том числе и конспиративным, осталось еще много бывших офицеров полка. Это «семеновское полковое объединение», можно сказать, л-г. Семеновский полк, «в кадре» как бы продолжал свое нелегальное существование, поскольку сохранилось знамя полка, вплоть до 1930 г. Примерно 28 % оставшихся в живых бывших кадровых офицеров, сослуживцев М.Тухачевского остались в Советской России и СССР[308]. Это достаточно большая часть. Для сравнения стоит отметить, что бывших «преображенцев» осталось на родине гораздо меньше. Несомненно, «фактор-Тухачевский» сыграл в этом не последнюю роль. Однако пока речь шла лишь о тех кадровых офицерах-семеновцах, которые служили вместе с М.Тухачевский в 1914-1915 гг. Всего же бывших офицеров л-г. Семеновского полка в Советской России и затем в СССР оставалось гораздо больше. Среди них кадровых офицеров, так называемых «коренных» «семеновцев», был 21 человек. Это:

---

[307] Источник. – 1995. - № 4. – С.75.

[308] В связи с вышеизложенным имеет смысл обратить внимание на судьбы офицеров л.г. Семеновского полка после 1917 г. Они определились следующим образом. Из 89 кадровых офицеров полка, с которыми М.Тухачевский вместе начинал свою военную и фронтовую карьеру в августе 1914 г и служил вплоть до 19 февраля 1915 г. (до своего пленения), 26 погибли на фронте в 1914-1917 гг.

31 офицер оказался в Добровольческой армии (в том числе 2 умерли от тифа и один погиб в 1920 г.), в армии генерала Юденича, а затем в эмиграции, в Германии, Сербии, Франции. 2 офицера уехали в Польшу.

4 старших офицера к 1917 г. стали генералами и выбыли из полка. Установить точно их судьбу мне не удалось. Однако, учитывая, что полковник А.С.Зыков, командир 3-го батальона, имея академическое образование, отсутствовал среди «генштабистов» РККА, можно полагать, что и он оказался в эмиграции. Скорее всего, эта же судьбы была у М.А.Цвецинского, бывшего флигель-адъютанта и любимца Николая 2, у М.С.Вешнякова и у А.А.Свешникова.

Таким образом, в составе белых армий и в эмиграции оказались 35 офицеров.

14 офицеров (включая М.Тухачевского и П.Ермолина) остались в Советской России. Достоверно известно, что 5 из них служили в Красной Армии.

Судьба 14 офицеров мне неизвестна.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

1.Брок Петр Николаевич (1876 – 1931)[309].

2.Веселаго Александр Александрович (1875 - ?)[310].

3.Гревениц Александр Николаевич (1877-1925) барон фон[311].

4.Давыдов Георгий Александрович (1874 - ?)[312].

5.Дренякин Леонид Васильевич (1884-1931)[313].

6.Ермолин Павел Иванович (1884-1938).

7.Кавтарадзе Николай Алексеевич (1861-1931)[314].

8.Комаров-1 Дмитрий Виссарионович (1885-1931)[315].

9.Лялин-2 Николай Константинович (1889-1925)[316].

10.Поливанов Алексей Матвеевич (1879-1931)[317].

11.Пронин-2 Борис Семенович (1873-1925)[318].

12.Рихтер Алексей Александрович (1876-1925)[319].

13.Сиверс-1 Яков Яковлевич (1869-1931) барон фон[320].

---

[309] Выпускник Пажеского корпуса, полковник л-г. Семеновского полка. В августе 1914 г. командир 7-й роты, в которой под его непосредственным начальством начинал свою службу младшим офицером роты подпоручик М.Тухачевский. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден и расстрелян 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

[310] Выпускник Пажеского корпуса, одноклассник князя Ф.Касаткина-Ростовского. Полковник Генерального штаба. Служил в л-г. Семеновском полку до 1905 г. Родной брат капитана Ф.Веселаго (1877-1915), командира 6-й роты полка, в которой с конца 1914 г. служил младшим офицером М.Тухачевский.

[311] Выпускник Пажеского корпуса. Полковник л-г. Семеновского полка. С 1904 г. был в составе дворцовой службы, офицером Сводного Е.И.В. полка. Арестован, осужден и расстрелян 3 июля 1925 г. по «делу лицеистов».

[312] Выпускник Санкт-Петербургского юнкерского пехотного училища. Полковник л-г. Семеновского полка. Приписан преподавателем к Высшим офицерским стрелковым курсам, известным в Красной Армии как школа «Выстрел». Там он продолжал служить и после октября 1917 г. Вплоть до 1931 г.

[313] Выпускник Александровского военного училища. Полковник л-г. Семеновского полка. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден и расстрелян 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

[314] Выпускник Пажеского корпуса. Полковник л-г. Семеновского полка. Обер-полицмейстер Гатчины с 1901 г. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден и расстрелян 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

[315] Сдал экзамен на офицерский чин при Главном управлении учебными заведениями. Зачислен в состав л-г. Семеновского полка по личному указанию Николая 2. (Отец Д.Комарова, генерал-лейтенант В.А.Комаров, являлся командиром Сводного Е.И.В. полка). М.Тухачевский начинал свою службу в 7-й роте л-г. Семеновского полка младшим офицером. Другим младшим офицером роты в то время был поручик Д.Комаров. Они, таким образом, в августе 1914 г. были приятелями по службе. Был последним, выборным, командиром гвардейского Семеновского полка в 1917 г. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден и расстрелян 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

[316] Выпускник Императорского Царскосельского лицея. Капитан л-г. Семеновского полка. Арестован, осужден и расстрелян 3 июля 1925 г. по «делу лицеистов».

[317] Выпускник Павловского военного училища. Полковник л-г. Семеновского полка. В 1917 г. – выборный командир полка. В 1918-1923 (лето) гг. служил в РККА. Внук Н.Кропоткина по матери. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден и расстрелян 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

[318] Выпускник Павловского военного училища. Полковник л-г. Семеновского полка. Арестован, осужден и расстрелян 3 июля 1925 г. по «делу лицеистов».

[319] Выпускник Пажеского корпуса. Полковник л-г. Семеновского полка. Арестован, осужден и расстрелян 3 июля 1925 г. по «делу лицеистов».

[320] Выпускник Пажеского корпуса. Окончил Николаевскую Академию Генерального штаба. Генерал-майор Генерального штаба. В л-г. Семеновском полку до 1917 г. в 1918-1923 гг. служил в РККА. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден и расстрелян 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

14.Столица Георгий Константинович (1888- ?)[321].

15.Типольт Александр Александрович (1885- ?) барон фон[322].

16.Толстой-2 Иван Николаевич (1891- ?)[323].

17.Тухачевский Михаил Николаевич (1893-1937).

18.Фольборт-2 Николай Владимирович (1888-1938) барон фон[324].

19.Хвостов Иван Сергеевич (1889- ?)[325].

20.Шелехов Дмитрий Александрович (1867-1931)[326].

21.Шрамченко Владимир Владимирович (1882-1931)[327].

Кроме вышеперечисленных кадровых, «коренных» бывших офицеров л-г.Семеновского полка в Советской России, а затем в СССР остались бывшие офицеры-«семеновцы» военного времени. Это:

22.Анников Сергей Михайлович[328].

23.Гильшер-1 Георгий Иванович[329].

24.Кудрявцев Ефим Иванович (18??-1931)[330].

25.Куликов П.П.[331].

26.Мейендорф Михаил Эдуардович (1887- ?) барон фон[332].

---

[321] Выпускник Училища правоведения. Поручик л-г. Семеновского полка. В 1914-1915 гг. – прапорщик, младший офицер 15-й роты полка. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден на 5 лет 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

[322] Выпускник Императорского Училища правоведения. Капитан л-г. Семеновского полка в 1917 г. В 1914-1915 гг. прапорщик, младший офицер 6-й роты, в которой с конца августа 1914 г. оказался и М.Тухачевский. Близкий приятель будущего маршала. Служил в РККА с 1918 по 1923 г.

[323] Выдержал экзамен на офицерский чин при Владимирском военном училище. Капитан л-г. Семеновского полка в 1917 г. В 1914-1915 гг. поручик, батальонный адъютант 2-го батальона полка.

[324] Выпускник Императорского Царскосельского лицея. В 1914-1915 гг. прапорщик л-г. Семеновского полка, младший офицер 8-й роты. Привлекался по «делу лицеистов» и «семеновскому делу». Репрессирован 11 октября 1938 г.

[325] Выпускник Императорского Александровского лицея. В 1914-1915 гг. прапорщик л-г. Семеновского полка, младший офицер 3-й роты. Привлекался по «делу лицеистов».

[326] Выпускник Павловского военного училища. Полковник л-г. Семеновского полка. В полку до 1913 г. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден и расстрелян 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

[327] Выпускник Пажеского корпуса. Штабс-капитан л-г. Семеновского полка. В полку – до 1913 г. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден и расстрелян 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

[328] Прапорщик л-г. Семеновского полка в 1917 г. Служил в РККА. В 1922-1923 гг. на Западном фронте в составе 27-й стрелковой дивизии и при штабе 16-го стрелкового корпуса.

[329] Штабс-капитан л-г. Семеновского полка в 1917 г. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден на 10 лет 27 апреля 1931 г.

[330] Прапорщик л-г. Семеновского полка в 1917 г. Из унтер-офицеров полка. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден и расстрелян 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

[331] Прапорщик л-г. Семеновского полка в 1917 г. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден на 10 лет 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

[332] Выпускник Павловского военного училища. Подпоручик л-г. Семеновского полка в 1917 г. С 1918 по 1931 гг. в РККА. С 1920 по 1929 г. служил в войсках Западного фронта- Западного военного округа- Белорусского военного округа. В 1923-1925 гг. командир 79 полка 27-й стрелковой дивизии.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

27.Полосин Я.С[333].

28.Радкевич М.Р[334].

29.Розе Б.Я.[335].

30.Смирнов К.П. (18??-1931)[336].

31.Томашевский Николай Викторович (1887- ?)[337].

32.Трубников Кузьма Петрович (1888-1974)[338].

33.Тухачевский Николай Николаевич (1890-1937)[339].

34.Тухачевский Александр Николаевич (1895-1937)[340].

35.Христофоров Сергей Игнатьевич (1893-1931)[341].

Таким образом, в общей сложности в Советской России и затем в СССР остались 35 бывших офицеров л-г. Семеновского полка. Известно, что лишь 12 из них служили в Красной Армии. Из всех оставшихся в СССР офицеров полка 9 были так или иначе связаны с М.Тухачевским. Родственными узами (братья будущего маршала), совместной службой в подразделениях полка (А.Типольт, П.Брок, Д.Комаров) или близким сотрудничеством в Красной Армии и земляческими узами (П.Ермолин), совместной службой в полку и в Красной Армии (М.Мейендорф, С.Анников), совместной службой в полку с родственниками (А.Веселаго).

Вполне понятно, что подпоручик М.Тухачевский, будучи знакомым со всеми офицерами л-г. Семеновского полка, со всей «полковой семьей», в наиболее близких приятельских отношениях, естественно, находился с офицерами 7-й и 6-й рот. В 7-ю роту он был первоначально определен, а в 6-ю был не-

---

[333] Прапорщик л-г. Семеновского полка в 1917 г. Из унтер-офицеров полка. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден на 10 лет 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».
[334] Прапорщик л-г. Семеновского полка в 1917 г. Арестован 25 октября 1930 г. 27 апреля 1931 г. признан невиновным по «семеновскому делу».
[335] Подпоручик л-г. Семеновского полка в 1917 г. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден на 5 лет 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».
[336] Прапорщик л-г. Семеновского полка в 1917 г. Из унтер-офицеров полка. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден и расстрелян 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».
[337] Выпускник Петербургского университета. В л-г. Семеновском полку с 1915 г. В 1917 г. – штабс-капитан, командир 12 роты. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден на 5 лет 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».
[338] Прапорщик л-г. Семеновского полка в 1917 г. Из унтер-офицеров полка. С 1918 г. в Красной Армии. Генерал-лейтенант Советской армии. Участник Великой Отечественной войны.
[339] Старший брат М.Тухачевского. Прапорщик л-г. Семеновского полка в 1917 г. С 1918 по 1937 гг. в РККА.
[340] Младший брат М.Тухачевского. Прапорщик л-г. Семеновского полка в 1917 г. С 1918 по 1937 гг. в РККА.
[341] В л-г. Семеновском полку с 1915 г. Подпоручик в 1917 г. Арестован 25 октября 1930 г. Осужден и расстрелян 27 апреля 1931 г. по «семеновскому делу».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сколько позже переведен. В 7-й роте его окружали: командир роты капитан П.Брок, поручик А.Иванов-Дивов-2[342] и подпоручик Д.Комаров-1[343]. Весьма вероятно, что Д.Комаров ближе познакомил М.Тухачевского с А.Типольтом, который учился в Императорском Училище Правоведения вместе с Д.Комаровым. Приятельские отношения между М.Тухачевским и А.фон Типольтом укрепились еще более, когда в конце августа 1914 г. подпоручика М.Тухачевского перевели младшим офицером из 7-й в 6-ю роту. Командиром ее был капитан Ф.Веселаго, а кроме А.Типольта и М.Тухачевского, третьим младшим офицером был подпоручик Г.фон Эссен-2. И Ф.Веселаго, и Г.фон Эссен погибли в 1915 г. Из старых ротных товарищей у М.Тухачевского к 1917 г. остался один А.фон Типольт[344].

Следует иметь в виду, что большинство из вышеперечисленных офицеров проживали в Петрограде-Ленинграде. Это в определенной мере обусловило поддержание между ними отношений прежней «полковой дружбы». В то же время, все они, несомненно, были так или иначе связаны с «семеновцами», оказавшимися в близком окружении М.Тухачевского, поддерживавшими с ним приятельские, а не только служебные отношения (А.Типольт, П.Ермолин, С.Анников, М.Мейендорф). Наличие в Красной Армии столь влиятельной и авторитетной фигуры как М.Тухачевский, несомненно, вселяло в них чувство «социальной защищенности» («свой семеновец всегда сумеет защитить») и, не

---

[342] А.Иванов-Дивов-2 эмигрировал за границу после 1917 г.

[343] Дмитрий Виссарионович Комаров (1885-1931), дворянин, был сыном весьма близкого к Николаю 2 генерал-лейтенанта В.А.Комарова, командира л-г. Сводного полка, а затем с 1914 г. начальника Петроградского дворцового управления. Д.Комаров окончил Императорское Училище правоведения. В 1908 г. он сдал экзамен на чин прапорщика запаса армейской пехоты, а спустя 2 года, по личному указанию императора, был переведен подпоручиком в л-г. Семеновский полк. Личное указание понадобилось, поскольку Д.Комаров очень плохо сдал экзамены. В августе 1914 г. Д.Комаров был подпоручиком и, подобно М.Тухачевскому, младшим офицером 7-й роты. В конце 1917 г. он был уже капитаном, а в январе 1918 г., после расформирования полка, именно он вместе с другим офицером, капитаном И.Толстым тайно привез в Петроград знамя полка и спрятал его в полковой церкви. Это обстоятельство впоследствие и послужило одной из главных причин его ареста по так называемому «семеновскому делу» в октябре 1930 г. и гибели в апреле 1931 г.

[344] РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2973. Л. 32, Послужной список А.А.Типольта. См. также: Зайцов А. Семеновцы в 1914 г. - С. 11. Барон Александр Александрович фон Типольт (1885-19??) происходил из древнего остзейского рода. Он получил образование в Императорском Училище правоведения и перед самой войной в 1914 г. сдал экзамен на чин прапорщика по гвардейской пехоте и в августе 1914 г. почти одновременно с М.Тухачевским оказался младшим офицером 6-й роты л-г. Семеновского полка. Оба молодых офицера сдружились. Возможно, этому способствовало то обстоятельство, что оба несколько выделялись из общей среды офицеров-семеновцев. И А.Типольт, и М.Тухачевский не были выпускниками Пажеского корпуса или Павловского военного училища. М.Тухачевскому всегда больше импонировали офицеры с хорошим штатским образованием. Он сам тяготел к лицам, чьи интересы и запросы выходили за рамки сугубо военно-профессиональные.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

исключено, - какие-то политические мечты и надежды («Тухачевский-Бонапарт»).

…Офицеры другого гвардейского полка , оставшиеся в Советской России и СССР, группировались вокруг генерала А.Зайончковского. Как бывший командир л-г. Егерского полка и командир 1-й (Петровской) бригады 1-й пехотной гвардейской дивизии[345], генерал-от-инфантерии «по гвардейской пехоте», а также как один из наиболее авторитетных высших начальников старой армии, оставшихся в СССР и в РККА (наряду с А.Брусиловым), А.Зайончковский «стягивал» на себя бывших гвардейцев. Прежде всего, речь идет о бывших офицерах л-г. Егерского полка. Их в СССР и в Красной Армии было достаточно много. В первую очередь отмечу кадровых, «коренных» егерей-генштабистов.

1.Бармин Александр Александрович (1880- ?)[346].

2.Бежанов-Сакварелидзе Сергей Георгиевич (1884- ?)[347].

3.Верховский Борис Клавдиевич (1893-1938)[348].

4.Волков Матвеевич (1871-19??)[349].

5.Гебель Дмитрий Александрович (1891- ?)[350].

---

[345] А.Зайончковский с 1908 по 1912 г. командовал 1-й бригадой 1-й гвардейской пехотной дивизии. – См. РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 228, Послужной список А.Зайончковского.

[346] Выпускник Павловского военного училища, окончил Академию Генерального штаба. Из училища был выпущен в армию, но с 1901 г. – подпоручик л-г. Егерского полка, в списках которого оставался до 1906 г. Затем на штабных должностях. В Красной Армии с марта 1918 г. Занимал должности в системе Управления ВОСО РККА. В июле 1921 г. был назначен начальником оперативно-строевого отдела Управления связи Красной Армии. – См. «Список лиц с высшим военным образованием…».

[347] Выпускник Александровского военного училища. Окончил его в 1902 г. как самый лучший «с занесением фамилии на мраморную доску» (также, как и М.Тухачевский в 1914 г.). Был выпущен в л-г. Егерский полк подпоручиком. В полку прослужил до конца 1915 г. В чине капитана гвардии был переведен старшим адъютантом штаба 21-го армейского корпуса в начале 1916 г. В 1914 г. окончил Академию Генерального штаба. В 1917 г. – полковник Генерального штаба. В Красной Армии – с 1918 г. в штабе и начальник штаба ТАОН. С начала 1926 г. на преподавательской работе в Военной Академии РККА. – РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 288. Послужной список С.Г.Сакварелидзе-Бежанова. См. также «Список лиц с высшим военным образованием….». - С. 195.

[348] Верховский Борис Клавдиевич (1893-1938). Из дворян Костромской губернии, родился в Тобольске. Окончил Пажеский корпус. С 1913 г. подпоручик л-г. Егерского полка, младший офицер 10-й роты. – РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 228, Послужной список Б.К.Верховского.

С 1918 г. Б.Верховский в РККА. Его служба проходила в основном на штабных должностях в кавалерии. В 1924 г. он был назначен начальником штаба вновь сформированного 3-го конного корпуса под командованием Г.Гая. В середине 30-х годов в звании «комбриг» являлся помощником инспектора кавалерии РККА. Был арестован 8 июня 1937 г. Осужден и расстрелян 22 марта 1938 г. – См. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937-1938. - М., 1998. - С. 403.

[349] Сергей Матвеевич Волков (1871-19??), из дворян Сант-Петербургской губернии, сдал экзамен на чин прапорщика. С 1890 г. прапорщика л-г. Егерского полка. В полку пробыл до 1902 г. В 1900 г. окончил Академию Генерального штаба. К 1917 г. генерал-майор Генерального штаба. В РККА с 1918 г. – РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

6.Железнов Николай Васильевич (1883- ?)[351].

7.Ладыженский Владимир Алексеевич (1887 ?)[352].

8.Мартынов-1 Евгений Николаевич (1880- ?)[353].

9.Мартынов-2 Николай Николаевич (1885- ?)[354].

10.Суворов Андрей Николаевич (1873- ?)[355].

Из перечисленных выше «офицеров-егерей» следует особое внимание обратить на С.Г.Бежанова-Сакварелидзе[356]. Судя по его послужному списку, С.Бежанов-Сакварелидзе был достаточно близок по службе и к А.Зайончковскому, и М.Тухачевскому. В частности с октября 1919 по март 1920 г. он был начальником оперативного управления штаба 13-й армии. Штаб в это время возглавлял А.Зайончковский. С мая 1923 г. до июля 1924 г. он являлся 1-м помощником начальника штаба Западного фронта и часто исполнял обязанности начальника штаба фронта. Таким образом, являлся одним из ближайших сотрудников М.Тухачевского. Не исключено, что его привлечение в руководство штаба фронта М.Тухачевским состоялось не без рекомендаций А.Зайончковского.

Д. 195, 198, Послужной список С.М.Волкова. См. также «Список лиц с высшим военным образованием....». - С. 42.

[350] Дмитрий Александрович Гебель (1891-19??), из дворян Могилевской губернии, окончил Пажеский корпус (с занесением фамилии на мраморную доску). В 1910 г. был выпущен подпоручиком в л-г. Егерский полк младшим офицером 3-й роты. С 1913 г. в Академии Генерального штаба. – РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 228, Послужной список Д.А.Гебеля.

[351] Николай Васильевич Железнов (1883-19??), из дворян Новгородской губернии. Уроженец Санкт-Петербурга. Получил высшее образование в Санкт-Петербургской Политехническом институте. Выдержал экзамен в Павловском военном училище. В 1909 г. выпущен подпоручиком в л-г. Егерский полк младшим офицером 6-й роты. К 1917 г. капитан Генерального штаба. В РККА с 1918 г. – РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 228, Послужной список Н.В.Железнова. См. также «Списко лиц с высшим военным образованием....». - С. 77.

[352] О нем см. подробнее ниже.

[353] Евгений Николаевич Мартынов-1 (1880-19??), потомственный дворянин, уроженец СПб. В 1900 г. окончил Павловское военное училище. С 1900 г. подпоручик л-г. Егерского полка и. Окончил Николаевскую Академию Генерального штаба. – РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 195, Список офицеров л-г. Егрского полка по старшинству на 1 января 1900 г.

[354] Николай Николаевич Мартынов-2 (1885-19??), Потомственный дворянин, уроженец Варшавы. В 1904 г. окончил Пажеский корпус и был выпущен прапорщиком в л-г. Егерский полк. К 1917 г. он был полковником Генерального штаба. В РККА с 1918 г. – РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 228, Послужной список Н.Н.Мартынова. См. также «Список лиц с высшим военным образованием....». - С. 139.

[355] Андрей Николаевич Суворов (1873-19??), из дворян Калужской губернии. После окончания Александроского военного училища выпущен в 1891 г. прапорщиком в л-г. Егерский полк. В 1903 г. окончил Академию Генерального штаба. К 1917 г. генерал-майор Генерального штаба. В РККА с 1918 г. – РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д. 195, 198. См. также «Список лиц с высшим военным образованием....». - С. 215.

[356] В документах его фамилию приводят по-разному, и Бежанов-Сакварелидзе, и Бежанов-Секварелидзе, и Сакварелидзе-Бежанов, и просто – Бежанов.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Несомненно, в их отношениях положительную роль играло и еще одно обстоятельство: и М.Тухачевский, и С.Бежанов-Сакварелидзе оба являлись выпускниками Александровского военного училища, оба окончили его как самые лучшие, с «занесением фамилии на мраморную доску» училища. Оба они, видимо, были пронизаны духом своеобразного «либерализма», царившем в Александровском военном училище, отличавшем это учебное заведение от Павловского или Константиновского[357].

Следует выделить и еще одного «егеря»: Ладыженского Владимира Алексеевича (1887-19??)[358]. В Красной Армии В.Ладыженский занимал должность начальника штаба 8-й стрелковой дивизии (в 1919 г.)[359], а с февраля 1920 по январь 1921 гг. находился для особых поручений и в распоряжении начальника штаба Западного фронта[360]. Иными словами, в период «польского похода» входил в близкое штабное окружение М.Тухачевского. Как и в случае с С.Бежановым-Сакварелидзе, служебное сотрудничество В.Ладыженского с М.Тухачевским подкреплялось несомненно присутствовавшим чувством корпоративной солидарности выпускников -«александронов».

В 20-е годы продолжали действовать приятельские отношения, сложившиеся между сокурсниками по Академии Генерального штаба Н.Какуриным, Н.Соллогубом, Б.Шапошниковым, И.Троицким и др.

---

[357] Мне уже приходилось отмечать присутствовавшее у М.Тухачевского чувство «корпоративной солидарности» при встрече или знакомстве с однокашниками, выпускниками этого училища. Давал я также и характеристику нравственной и духовной атмосферы, царившей в стенах училища. Это придавало ему особую репутацию, которой выпускники училища весьма гордились.

[358] РГВИА. Ф. 2576. Оп. 2. Д.228, Послужной список В.А.Ладыженского. Подобно С.Бежанову-Сакварелидзе и М.Тухачевскому, он также был выпускником Александровского военного училища 1908 г. Выпущенный в л-г. Егерский полк, он прослужил в нем до конца 1916 г. Как окончивший в 1915 г. Академию Генерального штаба в начале 1917 г. он был переведен капитаном Генерального штаба на должность старшего адъютанта штаба 6-го армейского корпуса. Его несколько неожиданное зачисление в резерв штаба Киевского военного округа 30 августа 1917 г., а затем в конце сентября перевод на преподавательскую работу в Александровское военное училище, возможно, было связано с причастностью к «корниловскому выступлению».

[359] У В.А.Ладыженского было два брата. Один из них, младший Сергей Алексеевич Ладыженский (1892-19??), штабс-капитан, также окончил Александровское военное училище в 1916 г. С июля 1918 г. он находился в РККА, служил Регистрационном бюро (Разведотделе) Оперативного отдела Всероглавштаба. В 1920 г. служил в 71-м стрелковом полку. Позже был инспектором для поручений при инспекции кавалерии РККА. Он вплоть до марта месяца 1924 г. включительно выполнял обязанности секретаря у генерала А.Брусилова. В апреле 1924 г. был демобилизован из РККА. – См. Брусилов А.А. Мои воспоминания. //Военно-исторический журнал. – 1990. - № 2. - С. 59.

Другой брат, Александр Алексеевич Ладыженский в 1918-1919 гг. был членом подпольной контрреволюционной организации Национальный центр. //Красная книга ВЧК. - М., 1990. - Т. 2. - С. 329-330, 457, 464.

[360] Список лиц с высшим военным образованием.... - С. 126.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

…Примечательно, что именно кадровые офицеры, особенно генштабисты и гвардейцы, в 20-е годы, будучи образцом военно-профессиональной подготовленности, образованности, воспитания, становились «образом» для уподобления во всех смыслах не только для «краскомов», но и для известных «революционных генералов», вышедших из унтер-офицерской и солдатской массы. Поддерживавшие «старорежимный» облик в тщательно подогнанном обмундировании, тщательно выбритые, гладко причесанные «на гвардейский пробор» М.Тухачевский, А.Верховский, Б.Шапошников, С.Каменев, Н.Соллогуб оказывались примером и для И.Уборевича, и для С.Буденного, и для К.Ворошилова и для многих молодых «красных академиков».

Особую группу в высшем командном составе и военной элите Красной Армии составляли бывшие младшие офицеры военного времени. Одни из них, вчерашние студенты или гимназисты, выходцы из обеспеченных дворянских, мелкобуржуазных семей, из интеллигенции или служащих, получили офицерский чин, пройдя ускоренный курс подготовки в военных училищах и школах прапорщиков. Другие, из унтер-офицеров и фельдфебелей, были произведены в офицеры за храбрость или по выслуге лет во время войны. В поведении, нравственной и социокультурной ориентации этих офицеров военного времени были общие черты, но и различия, обусловленные их разнородным социальным и этнокультурным происхождением. Через войны и через офицерские погоны они оказались приобщенными к традиционной, привычной, скрыто-желанной, хотя и привычно-ненавистной социо-культурной атмосфере Российской империи. Несомненно, было определенное чувство сожаления, что им не довелось прочувствовать морально-психологическое удовлетворение от вхождения в эту социальную элиту России – «офицерство». Старая Россия оказалась разрушена Революцией. Хотя вполне объяснимое удовлетворение от этого крушения «старого» несправедливого мира, с еще большей несомненностью охватывало все их существо. Невозможность «покрасоваться» в «золотых погонах», обретая последующую легитимность от продвижения по военной службе при «старом режиме», сполна компенсировалась открывшейся широкой возможностью в ус-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ловиях «революционной войны» достать из своего «солдатского ранца маршальский жезл». Далеко не всегда партийная принадлежность служила идеологической мотивировкой их доблести и боевой энергии и самоотверженности, а призрак грядущего «маршальского жезла», казавшегося им скоро и обязательно достижимым. Такого рода настрой, усугублялся и обострялся в связи с реформами, начавшимися в Красной Армии. Они были тесно взаимосвязаны с процессом перехода от армии «военного времени» к армии «мирного времени», с процессом резкого и значительного сокращения армии. В ходе этого реформирования была упразднен и расформирован структура «армии». Теперь фронтовому (или военно-окружному) командованию непосредственно подчинялся командир корпуса. Аналогичным образом было сокращено число командных звеньев в дивизии. Была упразднена структура «бригады». Командующие армиями превращались в командиров корпусов, а командиры бригад переводились в категорию командиров полков, а командиры полков становились командирами батальонов. Многих охватывало разочарование, окончание войны, в такой ситуации, казалось приводит к крушению военной карьеры. «Бывают разговоры, - отмечал один политработник, характеризуя настроения такого рода командиров, - о неправильных чинопроизводствах и о том, как можно было бы быть уже поручиком, если бы не помешала революция»[361].

В этом контексте примечательны рассуждения Ю.Саблина, прапорщика военного времени. «Ведь у моего отца было имение, - размышлял он вслух, обращаясь к сослуживцу. - Большевики забрали его. А где родители – до сих пор не знаю. В царской армии я мог дослужиться до высокого офицерского звания. А теперь, что меня ждет?».[362] А ведь Ю.Саблин был одним из творцов Октябрьской революции, сначала видный член партии левых эсеров, затем член РКП (б), и рассуждения, непривычные для партийного командира.

«Человек он был незаурядный, - вспоминал один из сослуживцев о другом прапорщике военного времени В.Путне. – Вспоминаю его одухотворенное лицо с небольшими бакенбардами, лицо, словно сошедшее с гравюры пушкин-

[361] Революция и война. – 1922. - № 14-15. - С. 48-49.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ской эпохи. На фронте сразу же проявились его блестящие командирские качества...»[363]. В.Путна не сразу стал строевым начальников. Оказавшись в Красной Армии, бывший прапорщик и бывший художник сначала некоторое время был военным комиссаром. В таковом качестве с ним в 1918 г. встретился А.Серафимович. «Передо мной открытое юное лицо политического комиссара бригады, - передавал свое впечатление писатель и журналист. – Чистый открыты лоб, волнистые светлые, назад, волосы, и молодость, смеющаяся, безудержная молодость брызжет из голубых, радостных глаз, из молодого рдеющего румянца, от всей крепкой фигуры, затянутой в шинель и перетянутой ремнями, от револьвера и сабли»[364]. Рассуждения В.Путны дополняют штрихи к образу этого прапорщика военного времени. «Политком должен на такой недосягаемой высоте стоять, и – твердость, ни малейшей уступки, - делился он своими представлениями о нравственных качествах военного комиссара. – Уступил – все пропало! И это не во внешних отношениях. Тут с ним и шутишь, и балуешься, а как только к делу, политком для них – бог, на высоте. И чтоб ни одного пятнышка! Другой может устать, политком – нет. Другой захочет выпить, ну душе хоть немного отвести, это же естественно, политком – нет. Другой поухаживает за женщиной, политком – нет. Другой должен поспать шесть-семь часов в сутки, политком бодрствует двадцать четыре часа в сутки. И так и есть. И в этом сила. А в красноармейских массах – признание правоты всего этого. И от этого та глубокая почва, на которой вырастают побеги железной дисциплины»[365].

Несколько меняя тему беседы В.Путна обозначает иные штрихи своей личности. «Я литвин, - говорит он, глядя на меня серо-голубыми глазами, - мой отец крестьянин. Знаете, у нас народ такой неподатливый, упорный, но твердый. Вот и у отца бедность тяжелая, но он молча и упорно пробивал жизнь железным трудом. Я смотрю на него: белолицый, под ушами бачки. Молодой, а

---

[362] Качелин М.М. Дальний костер. - М., 1968. - С. 26-27.
[363] Куксин И.Е. Витовт Путна. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 1. - С. 127.
[364] Серафимович А.С. Собрание сочинений в 4-х томах. - М., 1987. - Т. 3. - С. 111.
[365] Там же, с. 111-112.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

фигура железная, видно – крестьянский сын, но движения руки – интеллигента»[366].

Таков был и другой, подпоручик военного времени, тоже «литвин из крестьян» – И.Уборевич. Такова же природа и у кадровых офицеров-генштабистов И.Вацетиса, А.Кука, А.Корка. Тоже из крестьян, тоже из бедности, тоже молча и своим трудом.

А вот - «буденновские соратники» из прапорщиков военного времени. «Начдив Тимошенко в штабе, - записывает в своем дневнике И.Бабель. – Колоритная фигура. Колосс, красные полукожаные штаны, красная фуражка, строен, из взводных, был пулеметчиком, артиллерийский прапорщик в прошлом. Легендарные рассказы»[367].

«Тупое, страшное лицо, крепкая сбитая фигура..., - такое впечатление произвел на И.Бабеля другой офицер военного времени. – Апанасенко – жаден к славе, вот он новый класс..., организатор отрядов, просто против офицерства, 4 Георгия, службист, унтер-офицер, прапорщик при Керенском, председатель полкового комитета, срывал погоны у офицеров..., непререкаемый авторитет, профессионал военный.... Ненависть Апанасенки к богатым, к интеллигентам, неугасимая ненависть»[368].

«Штабс-капитан Седякин, - бросает мимолетную характеристику этому офицеру военного времени генерал барон А.Будберг, - из бывших мордобоев сделавшийся в марте ярым революционером, а затем перекинувшийся в большевика»[369]. Впрочем, не один А.Седякин имел смутное представление о политическом смысле множества партий, мелькавших после февраля 1917 г. «К концу 1916 года стал сближаться с несколькими товарищами-членами РСДРП, - вспоминал И.Уборевич, - точно оттенков большевизма, меншевизма не знал»[370].

По оценкам ответственных работников Политуправления Западного фронта «командный состав в полках, штабах бригад и дивизий в большинстве

---

[366] Серафимович А.С. Указ. соч. – С. 111-112.
[367] Бабель И. Конармейский дневник 1920 г. //Бабель И. Конармия. - М., 1990. - С. 140.
[368] Там же, с. 178-179.
[369] Будберг А. Дневник. //Архив русской революции. - М., 1991. – Т. 11-12. - С. 227.
[370] И.П.Уборевич. Автобиография. 1924 г. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 2. - С. 81.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

своем политически малограмотен, несмотря на интеллигентность»[371]. Речь идет о старшем и высшем командном составе и работниках штабов, т.е., бывших офицерах и, часто, с академическим образованием. В качестве примера указывалось, что «в штабе одной из бригад нашего фронта был опрошен весь комсостав, и выяснилось, что ни один из них не читал конституции РСФСР. Все они были с законченным средним образованием, один – с высшим, все служащие в Красной Армии с 1918 г. В их числе были комбриг и наштабриг. В трех полках той же бригады почти все комбаты имели очень смутное представление о сущности советской власти»[372]. Указанный политработник обратил внимание на полнейшее политическое равнодушие и безразличие командиров. «Нашелся комроты (бывший офицер, до службы учащийся), прослуживший в свое время у Колчака. На вопрос о разнице между белой и Красной Армией ответил, что белые носят погоны, а красные – нарукавные знаки. Дальнейшие распросы в этой области показали, что указанный комроты действительно не подозревал иной разницы»[373]. Представитель Политуправления фронта возмущался тем, что « в политических беседах политруков с красноармейцами эта группа комсостава почти никогда не бывает, в политпросветработе участия не принимает. В лучшем случае можно видеть их участвующими в постановке спектакля»[374]. Вся атмосфера повседневности, военного быта пронизана была равнодушием к политике, идеологической пропаганде. Это характеризовало не только беспартийных командиров. «Партийные комполки, комбриги и начдивы немногим выделяются в лучшую сторону от беспартийных, - с горечью и тревогой констатировал неравнодушный политработник. – Пренебрежение к политработе, незнание ее, специфический военный дух свойственны всему комсоставу»[375].

Подобная профессиональная аполитичность характерна была и для многих кадровых офицеров, оказавшихся добровольно или по мобилизации в составе РККА. Командовавший в 1922-1924 гг. 3-м стрелковым корпусом, а до

---

[371] Литке С.Р. Нужны ли сейчас Красной армии военные комиссары. //Революция и война. - 1922. - № 14-15. - С. 48.
[372] Там же.
[373] Там же.
[374] Там же, с. 49.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Октября 1917-го «подполковник Грушецкий считался в полку отличным стрелком и хорошим гимнастом. До войны неоднократно получал призы за меткую стрельбу, - вспоминал А.Черепанов. – Он был вежлив с солдатами, и те относились к нему неплохо. В то же время Грушецкий мало интересовался делами батальона и большую часть времени проводил за карточным столом»[376].

Подражая «старорежимному» офицерскому «стилю» среди комсостава Красной Армии в первой половине 20-х годов нашли широкое распространение дуэли. Особенно это характерно было для Западного фронта, Петрограда, Москвы[377]. По некоторым сведениям даже в 1925 г. произошло 90 дуэлей и 60 из них со смертельным исходом, несмотря на введенное наказание – до 6 лет лишения свободы[378].

…Поддерживались и иные, вековечные, скажем так, своеобразные офицерские «традиции». Одна из них – пьянство. Распространенная и среди белых, и среди красных командиров эта «традиция», несмотря на достаточно суровые наказания, даже для известных «генералов», продолжала процветать и в 20-е годы.

Вот эпизод из фронтового быта 1918 года. «Алафузо оказался гостеприимным хозяином, - вспоминал П.Софронов о капитане Генштаба М.Алафузо, в будущем занимавшем высшие штабные должности в РККА, - и предложил мне напиться чаю…. Конечно, же я охотно согласился. Не успели мы выпить по глотку чая, как я заговорил: «Михаил Иванович, мне как-то Эйдеман прислал в штаб бутылку коньяку – захватили у белых. И поверите, до сих пор целехонька. Все жду особо приятного случая…». Алафузо выжидающе поднял на меня глаза, а я, не дождавшись его ответа, вдруг выпалил: «А не распить ли нам эйдеманов подарок без особого случая?». – «И то резонно, - отозвался Михаил Иванович. – На особый случай хоть из-под земли, а чего-нибудь достанем. А сейчас не смею отказываться от такой роскоши». Я принес бутылку коньяку, а заодно и воблу. Ничего более в запасе не оказалось. «Да и у меня хоть шаром покати, -

---

[375] Литке С.Р. Нужны ли сейчас Красной Армии…. - С. 50-51.
[376] Черепанов А.И. Поле ратное мое. - М., 1984. - С. 8.
[377] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. - Тетрадь № 63, с. 55 ; ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 11501.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

как бы извиняясь, сказал Алафузо, увидев воблу. – Что же, закусим сахарком». Алафузо оказался общительным человеком. Мы быстро перешли с ним на «ты»....».[379]

«...Т. Серго! Получил сообщение, что Вы + командарм 14 пьянствовали и гуляли с бабами неделю..., - пишет В.Ленин в январе 1920 г. гневную записку Г.Орджоникидзе. - Скандал и позор! А я-то Вас направо-налево всем нахваливал!! и Троцкому доложено...

Ответьте тотчас:

1) Кто Вам дал вино?
2) Давно ли в РВС 14 у вас пьянство?

С кем еще пили и гуляли?

3) – тоже – бабы?
4) Можете по совести обещать прекратить или (если не можете) куда Вас перевести? Ибо позволить Вам пить мы не можем.

Командарм 14 – пьяница? Неисправим? Ответьте тотчас...»[380]. Командарм-14 – это 23-летний И.Уборевич.

...В августе 1922 г. Ф.Дзержинский докладывал в ЦК РКП (б) о пьянстве и крупной картежной игре Главкома С.Каменева, заместителя Председателя РВСР Э.Склянского, С.Коссиора и Н.Подвойского[381].

О «подвигах на пьяном и женском фронтах» М.Тухачевского в сентябре 1923 г. доносил Г.Ягоде ответственный сотрудник ОГПУ на Западном фронте. ЦКК объявило «красному Бонапарту» строгий выговор за «некоммунистическое поведение». Командир 4-го стрелкового корпуса Западного фронта А.Павлов за пьянство исключен из партии. За пьянство объявлен выговор другому «комкору» Западного фронта П.Дыбенко[382].

Л.Норд в своих воспоминаниях, несомненно, идеализировавшая М.Тухачевского, тем не менее вспоминала об одной его встрече с М.Фрунзе:

---

[378] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 11501.
[379] Софронов Г.П. Неподвластное времени. - М., 1976. - С. 148.
[380] В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. - С. 317.
[381] Шульгин В.В. Три столицы. - М., 1991. - С. 435.
[382] Парнов Е. Заговор против маршалов. - С. 17.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Обычно Тухачевский пил редко и мало, но в тот день он часто чокался с любившим выпить Фрунзе...»[383].

Особенно широко было известно о пьянстве близкого друга М.Фрунзе, «героя гражданской войны» К.Авксентьевского. «...Мне стало известно, что тов. Авксентьевский по-прежнему подвержен своей болезни, - срочно с тревогой сообщал Л.Хинчук К.Ворошилову из Берлина 5 января 1931 г. – Так, уже на третий день своего здешнего пребывания, он напился и в этом виде проделывал много неприятных историй и, в конце концов, очутился в своей бывшей санатории с букетом цветов и шампанским. Врачи санатория по телефону обращались в посольство для унятия т. Авксентьевского. 2-го января ко мне позвонил тов. Любимов, не могу ли я устроить у себя т.Авксентьевского, так как он в пансионе скандалит. Любимов поехал в пансион, и ему еле удалось отвезти Авксентьевского в сопровождении т. Александрова в его бывшую санаторию. Со слов того же Любимова, он тут же требовал к себе врача, профессора, требовал от врача, чтобы он сел с ним играть в карты и тому подобное. Санатория согласилась оставить т. Авксентьевского у себя только при условии, если останется в санатории кто-либо из русских товарищей.... Ко мне явились тт. Егоров и Дыбенко, сообщали, что они принимали все меры к успокоению т. Авксентьевского, что они старались его не допускать к проявлению болезни. Но все это напрасно. Они передавали целый ряд фактов скандального положения, при котором дискредитировались и они.... И по-человечески, и по-товарищески мне жаль тов. Авксентьевского, но факты говорят против него. Так, вчера вечером, разговаривая со мною, он, при приходе тов. Александрова, заявил, что поедет к нему поужинать и вместе с ним приедет. Так и было. Однако, когда Александров с женой провожали его в полпредство, он у одного ресторана сказал: «подождите меня, я куплю сигары, чтобы иметь возможность при их помощи хорошенько уснуть». Он зашел и так как оставался более продолжительное время, чем нужно на покупку сигар, то т. Александров зашел в ресторан и застал его

[383] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. //Тетрадь № 63. - С. 63.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

там за питьем коньяка. По словам Александрова ему насилу удалось извлечь оттуда т.Авксентьевского и привезти в полпредство»[384].

Обособленную группу в высшем комсоставе Красной Армии, в русле неписанной дореволюционной традиции, составляли «генштабисты». Пиетет к бывшим офицерам-генштабистам, интеллектуальной элите, «мозгу армии», сохранялся и в Красной Армии. Весьма красноречиво в этом отношении признание бывшего офицера военного времени, а затем генерала Советской Армии А.Черепанова. «Мне в бытность командиром роты старой армии, - вспоминал он, - приходилось видеть офицеров Генерального штаба разве что издалека. В нашем представлении это были люди необыкновенные, своего рода жрецы военного искусства, владеющие какими-то особыми его тайнами, непостижимыми для нас, смертных офицеров военного времени»[385].

Акцентируя внимание на профессионально-армейских аспектах и демонстрируя аполитичность, как характерное отношение военспецов-генштабистов к советской власти, большевизму и «революционности», генерал А.Свечин, находясь в составе РККА, в 1919 г. писал: «Белая, серая, или красная армия, это дело вкусов организатора вооруженных сил. Красная милиция может быть в такой же степени, как может быть красный хлеб»[386]. Весьма примечательны в этом отношении признания капитана Генерального штаба М.Алафузо, оказавшегося в составе РККА в 1918 г.

«Работать с красным я пошел не добровольно, - признавался капитан-генштабист, а по приказанию начальника Академии Генерального штаба Андогского.... Вам, - говорит, - слушателям старшего курса академии, необходим стаж работы в крупных штабах. Все равно – у белых или у красных...». «Но как же ты можешь работать честно у красных, если победы желаешь белым?» – спросил у М.Алафузо его приятель. «Не скрою, - отвечал капитан, - я сочувствую белым, но никогда не пойду на подлость. Я не хочу вмешиваться в политику. У нас в штабе поработал совсем немного, а уже чувствую, что становлюсь

[384] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 22-23. - Опубликовано в сборнике архивных документов: Советское руководство. Переписка 1928-1941. - С. 150-151.
[385] Черепанов А.И. Поле ратное мое. - С. 93.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

патриотом армии.... Я честный офицер русской армии и верен своему слову, а тем более – клятве.... Не изменю. Задача офицера, как сказано в наших уставах, защищать родину от врагов внешних и внутренних. И этот долг, если я поступил к вам на службу, я выполню честно»[387].

Красноречивы и откровения генерала С.Одинцова, перешедшего на сторону Советской власти. «Это был храбрый и толковый начальник, но нравственности низкой – сухой и беспринципный эгоист, не брезговавший ничем ради карьеры», - вспоминал не без заметной предвзятости генерал П.Врангель. «Я был и остался монархистом, - признавался генерал С.Одинцов. – Таких как я у большевиков сейчас много. По нашему убеждению – исход один – от анархии прямо к монархии.... В политике не может быть сантиментальностей и цель оправдывает средства»[388].

Один из военспецов, наблюдавший генерал-лейтенанта В.Чернавина в это время, оставил весьма примечательные, но не лишенные заметной субъективности и тенденциозности, воспоминания о нем.

«Чернавин представляет собой яркий пример гвардейского генерала, который, не будучи коммунистом, добросовестно служит советской власти, получая за это все блага жизни в Совдепии, - рассказывал генерал И.Данилов. – Генерала Чернавина я еще прежде знал, до войны, по совместной службе в Финляндии. Это был императорский стрелок, впоследствии командир 7-го Финляндского стрелкового полка, наиверноподданнейший Императора, при всех случаях во время командования склонявший кстати и некстати «Царь-батюшка» и «Царица-матушка».

Будучи как офицер 4-го стрелкового Императорской фамилии полка, лично известен Императору, он проделал быструю карьеру, именно на рекламировании своей преданности Монарху и даже состоял преподавателем и воспитателем Великих Князей Кирилла и Бориса Владимировичей. Впоследствии он командовал 3-й гвардейской дивизией, а на войне и гвардейским корпусом.

---

[386] Свечин А.А. Милиция как идеал (Критика тезисов Л. Троцкого). //Военное дело. – 1919. -№ 11-12. – С.438.
[387] Софронов Г.П. Неподвластное времени. - С. 148-149.
[388] Врангель П.Н. Записки. - СПб, 1991. - Т. 1. - С. 57, 105-106.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Больно и обидно было мне читать его приказы в качестве инспектора пехоты Западного фронта, в которых он громил подчиненных за саботаж, нежелание искренне служить советской власти и призывал всех бывших офицеров сплотиться вокруг нее и своим опытом и знаниями принести ей пользу, угрожая в противном случае репрессиями. Своим личным примером в этом деле, знаниями воспитания и подготовки солдата к бою, которые, несомненно, у него были, он отдался весь службе советской власти и требовал этого и от инспекции пехоты старой армии. Если бы это был не Чернавин, то с этим можно было бы как-нибудь и помириться, но это был именно тот Чернавин, которого я знал по его прежним монархическим убеждениям. Как может низко пасть человек!»[389].

В контексте приведенных выше и ранее свидетельств о «монархизме» «революционных генералов» из дворян, воевавших за Советскую власть в гражданскую войну примечательны нижеследующие рассуждения одного из малоизвестных свидетелей революционных событий в России.

«И так характерно то, - записал в своей книжке Г.Князев, - что такие люди, как один бывший морской офицер старинной дворянской фамилии, владелец нескольких имений и каменных домов в Петрограде, конечно, убежденнейший монархист, вышедший в отставку из-за несогласия переименования судов с именами Государей в «Товарища» и «Волынцев» и т.д., так вот он, страшно недовольный начавщимися было 18 июня нашими днями возрождения и спасения народной чести и свободы – теперь радуется всему случившемуся… «Все идет как нельзя лучше», - заявляет он. – «Они должны привести себя “ad Absurdum”. Тогда у нас снова будет монарх»…. У него, у этого аристократа с чисто русской родовой фамилией, такие же узкоклассовые интересы, как у самого распропагандированного большевика. Потому их дороги и сошлись, противоположности сходятся»[390].

По свидетельству капитана л-г. Семеновского полка Б.Энгельгардта, близкого приятеля М.Тухачевского, летом-осенью 1918 г. некоторое время про-

---

[389] Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. //Архив русской революции. - Т. 16. - С. 172.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

служившего в штабе 1-й Революционной армии, командование армией, а доверительные отношения у него были, прежде всего, именно с командармом М.Тухачевским, так объясняло свою службу у «красных»: «Мы убежденные монархисты, но не восстанем и не будем восставать против советской власти потому, что раз она держится, значит народ еще недостаточно хочет царя. Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем их бить самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А там, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчитаемся»[391].

И в 1923 г. настроения со скрытыми симпатиями к «белым» были весьма характерны для военспецов, служивших в Красной Армии. И.Ильин, приехавший в Берлин из Советской России в октябре 1922 г., говорил о «некоторых слоях» Красной Армии, «которые на нас надеятся и ждут»[392]. Находясь осенью 1923 г. в Берлине, в приватном разговоре с редактором журнала «Война и Мир» В.Колоссовским И.Вацетис ругал «власть жидов»[393] в Советской России, заявлял, что «масса в России ждет хозяина, называя его царем, и только боится помещиков»[394]. Он говорил, «что имя Врангеля популярно и его ждут»[395].

Скрытое уважение к более высоким профессиональным качествам «белого» командного состава проявляли и «вожди Красной Армии» М.Тухачевский и

---

[390] Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915-1922 гг. //Русское прошлое. - 1991. - № 2. - С. 160-161.

[391] Деникин А.И. Очерки русской смуты. //Вопросы истории. – 1992. - № 11-12. - С. 121, 123.

[392] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3307.

[393] «Вчера у меня был после большого перерыва В.В.Колоссовский..., - записал в своем дневнике Генерал А.фон Лампе 23 сентября 1923 г. - Я высказал согласие повидаться самому с Вацетисом, хотя мне это и неприятно морально, так как ведь никто как он своей работой против нас и Колчака укрепил ту самую власть жидов, которых он сейчас так не жалует! Не поздно ли спохватился. В свое время такой вывод мог дать России сокращение власти насилия на несколько лет! Не говорит ли в нем только оскорбленное повышенное самолюбие латыша, которого спихнул с хорошего и видного места новый человек. Не даром в разговоре с Колоссовским он говорил отрицательно главным образом о Каменеве, сменившем его на посту Главковерха! Все люди одинаковы, почему же ему быть иным!». - Там же, Д. 12. Л. 5186.

[394] «Сегодня у меня был Колоссовский и рассказывал о своем разговоре с Вацетисом! Последний сидит здесь с поручением от академии для сбора материалов по истории гражданской войны в России и будирует вовсю! По его словам, масса в России ждет хозяина, называя его царем, и только боится помещиков... Он говорит, что имя Врангеля популярно и его ждут.... В силу последнего сменовеховцы Достовалов и Добророльский стараются чернить проходимца-Врангеля и готовят книгу для распространения ее с этой задачей в России!... Видимо, Вацетис не прочь поговорить с кем-либо моего типа, но боится наблюдения Чеки! А было бы противно, но интересно! Ведь он с нами дрался на Юге, а как выгнали большевики из Главнокомандующих – пошел против своих же господ! Такой же сменовеховец как оба генерала!...». - Там же, Д. 13. Л. 5755.

[395] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

С.Буденный. В одной из своих статей начала 20-х годов, как бы мимоходом и «кстати», М.Тухачевский выразил свое, не лишенное некоторого скрытого восхищения, отношение к белому офицерству: «Белогвардейщина предполагает людей энергичных, предприимчивых, мужественных.... Они были у Деникина, Колчака, а теперь у Врангеля»[396].

Приехавшие из Советской России в 1922 г. сообщали о «заявлении Буденного, который познакомился со Слащевым, а остальных белых вождей не ругает, а считает себе равными»[397]. С.Буденный говорил, что «мы не получили бы Крыма, если бы его не продали»[398].

Бывший полковник старой армии и командир дивизии с Красной Армии В.И.Солодухин на вопрос об отношении комсостава РККА к возвращению офицеров из эмиграции с Россию дал весьма примечательный ответ: «Новый коммунистический состав отнесся бы хорошо, но старый офицерский состав – явно враждебно»[399]. Он объяснял это тем, «что оценивая эмиграцию высоко с точки зрения умственной и зная, что в Красной Армии даже бывший белогвардеец может хорошо пойти, боялись бы его ранее всего как конкурента, а кроме того, будучи в душе контрреволюционерами и все еще надеясь на помощь эмиграции, в каждом переходящем они видели бы прямого предателя...»[400].

...Определяя и характеризуя персональный состав лиц, фактически осуществлявших в 1922-1923 гг. центральное руководство Красной Армией, Политбюро ЦК констатировало (процитирую еще раз ранее приводившееся высказывание): «...Основная работа в Реввоенсовете находится в руках тов. Склянского и группы беспартийных спецов, состоящих из Главкома Каменева, Шапошникова и Лебедева. Эта группа – очень добросовестные, трудолюбивые и знающие дело работники»[401].

---

[396] Тухачевский М.Н. Инвалидное дело. – В кн.: Тухачевский М.Н. Война классов. – Революция и война. 1920 г., № 1, с. 134-137.
[397] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3287.
[398] Там же.
[399] Там же, Д. 10. Л. 4143.
[400] Там же.
[401] Ответ членов Политбюро ЦК РКП (б) на письмо Л.Д.Троцкого от 8 октября 1923 г. 19 октября 1923 г. //Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 7. - С. 183.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Среди перечисленных выше общепризнанных фактических руководителей Красной Армии в это время, по распространенному среди высшего комсостава мнению, П.Лебедев играл ведущую роль[402]. К 1922 г. и для русского белого зарубежья не было секретом, что действительным руководителем Красной Армии, стоящим за спиной у Главкома С.Каменева, «в его тени», является начальник Штаба РККА П.Лебедев. Берлинский резидент и конфидент генерала П.Врангеля, генерал А.фон Лампе, 16 ноября 1922 г. отразил эти представления, записав в своем дневнике, что «Троцкий выкуривает» генерала П.Лебедева «с должности начальника Штаба Каменева, которого Лебедев забрал в свои руки»[403]. Р.Гуль писал, несомненно, по отзывам лиц, хорошо знавших П.Лебедева: «Талантлив и тонок...Талантливый, но в тени, начштаба П.П.Лебедев, слывший «Борисом Годуновым» при «Федоре Иоанновиче» (С.Каменеве)»[404].

«Разговор, - вспоминал генерал Нокс о беседе с П.Лебедевым, - коснулся доли тягот, выпавших на долю каждого из союзников, и маленький Лебедев, горячий патриот, увлекся вовсю. Он сказал, что история осудит Англию и Францию за то, что они месяцами таились, как зайцы в своих норах, свалив всю тяжесть на Россию. Я, конечно, спорил с ним и указывал ему, что если бы не Англия, то Архангельск и Владивосток были бы заблокированы и Россия вынуждена была бы заключить мир весной 1915 г. Я напоминал ему, что, хотя в мирное время мы имели лишь ничтожную армию, сейчас ее численная сила почти равна русской, и это, несмотря на то, что численность нашего населения всего 45000000, а России – 180000000. Относительно Франции я повторил слова Делькассе, что для того, чтобы усилия России достигли уровня напряжения Франции, первая должна была бы мобилизовать 17000000. Лебедев ответил, что не желает сравнивать, что сейчас делает каждая из армий, но он сожалеет, что в Англии не понимают, что текущая война непосредственно грозит ее существованию. Несомненно, что Англия делает много, но она не делает всего, что она

---

[402] Брусилов А.А. Мои воспоминания. //Военно-исторический журнал. – 1991. - № 2. - С. 39.
[403] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3341.
[404] Гуль Р. Красные маршалы. - М., 1990. - С. 92-93.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

могла бы делать. Россия же ничего не бережет и все отдает; что может быть дороже, чем жизнь ее сынов? Но она широко ими жертвует. Англия же широко дает деньги, а людей своих бережет. Число людей, которыми Россия готова пожертвовать, ограничивается лишь возможностями их вооружения. Эти возможности, как я знаю, ограничены. Англия ведет эту войну как будто это обыкновенная война, но это не так. Из всех союзников России легче всего заключить сепаратный мир. Правда, она при этом может потерять Польшу, но Польша России совсем не нужна. России придется заплатить контрибуцию, но через двадцать лет после этого Россия восстановит все свои силы. Не таково положение Англии. Если Германия выиграет войну, то через 20 лет Германия будет иметь флот в три раза сильнее английского. Затем он сказал мне: «Мы же продолжаем войну. Мы отдаем все. Думаете ли вы, что нам легко видеть длинные колонны населения, убегающего перед вторгающимися немцами. Мы прекрасно осознаем, что дети на этих повозках не доживут до весны». Что я мог ответить на это, ибо я знал, что многое из того, что говорил Лебедев, было правдой...»[405].

Князь В.Друцкой-Соколинский оставил свои впечатления о генерале П.Лебедеве, с которым он впервые встретился в 1916 г., также на Западном фронте. Они, вне всякого сомнения, заметно субъективны и тенденциозны, однако, несмотря на это, существенно дополняют представления о П.Лебедеве, оставленные генералом Ноксом. Вспоминая о генерал-квартирмейстере штаба фронта П.Лебедеве, князь отметил: «Последний мне определенно не понравился. Это был молодой генерал Генерального штаба, маленький и толстый, с несуразно большой головой и густыми черными волосами, щетиной, поднимавшимися над низким, узким лбом. Широкое жирное лицо с коричнево-желтой кожей освещалось маленькими, хитрыми, бегающими близорукими глазками,

[405] Цитируется по: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. //Военно-исторический журнал. – 1993 - № 11. - С. 55. Английский советник при Ставке Верховного Главнокомандования генерал Нокс встретился впервые с П.Лебедевым в октябре 1915 г., в штабе войск Западного фронта, где П.Лебедев занимал должность генерал-квартирмейстера. Эта встреча имела место, как видно из воспоминаний английского генерала, задолго до того, как П.Лебедев возглавил Штаб Красной Армии. Никто не мог предполагать тогда ни судьбу страны, ни судьбу этого русского генерала. Однако рассуждения и высказывания будущего начальника Штаба

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

немного насмешливо смотревшими из-за стекол пенсне. Я чувствовал, что передо мною был, несомненно, очень неглупый человек, но скрытный, себе на уме и очень неискренний. Доверия к себе он абсолютно не внушал, и странно, что это мое первое впечатление о генерале Лебедеве получило свое полное подтверждение в дни революции, когда он, откровенно приветствуя переворот, определенно отмежевывался от главнокомандующего, а по отношению ко мне сделал все от него зависящее, чтобы добиться моего отрешения от должности. Ныне Лебедев занимает очень высокое положение в Красной Армии, перейдя на службу к большевикам сейчас же после захвата ими власти. Я бы не удивился, если бы узнал, что еще во время империи Лебедев был членом социал-демократической партии»[406]. Мемуарист неоднократно и далее подчеркивал в своих воспоминаниях, что «Лебедев был известен своими крайними политическими взглядами»[407].

Все вышесказанное свидетельствует о моральной, да и политической готовности П.Лебедева принять большевистскую власть, однако имеется информация, что не все было так просто. Арестованный в 1919 г. по делу о военной организации «Национального центра» полковник А.Флейшер так характеризовал П.Лебедева: «Личного мнения о начальнике Полевого Штаба Павле Павловиче Лебедеве я не имею, так как совершенно не знаю его ни с какой стороны, - давал показания арестованный полковник, - но от других слышал, что он очень хороший человек и отличный начальник штаба. Его работа чрезвычайно полезна, продуктивна и т.д., что он энергичный, честный работник, работает для пользы Советской Российской Республики, не покладая рук. Слышал я это не только от лиц, не имеющих понятия о военном заговоре, но и от контрреволюционеров, таких как Ступин, Зверев, которые говорили, что при всем желании к Павлу Павловичу не подступиться никак, даже косвенно, не вовлечешь его в

РККА достаточно характеризуют и его политические, и стратегические настроения и его нравственную позицию.

[406] Друцкой-Соколинский В.А., князь. На службе отечеству. Записки русского губернатора (1914-1918 гг.). - Орел, 1994. - С. 103-104.

[407] Там же, с. 277.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

орбиту контрреволюции. В.С.Ступин его особо хвалил как выдающегося генштабиста и как начальника Полевого штаба»[408].

В связи с вышесказанным примечательны некоторые, но весьма существенные штрихи к характеристике П.Лебедева, которые содержатся в показаниях бывшего начальника Всероглавштаба генерала Н.Стогова. В 1919 г. на допросе по вышеупомянутому делу Н.Стогов сказал: «Странно, что все мы – я, Архангельский А.П., А.Мочульский, П.П.Лебедев и многие другие – пошли на службу к большевикам с благославения правых национальных кругов[409] специально, чтобы не дать формироваться армии, и они (то есть А.М.Мочульский, П.П.Лебедев) предались на сторону Советской власти и работают на жидов против русских»[410].

Один из руководителей «Национального центра» Н.Щепкин, оценивая тогда, в 1919 г., политические настроения П.Лебедева, заметил: «Есть основания думать, что в душе он на нашей стороне, но трусит»[411].

Таким образом, этот умный военный профессионал высокого класса, политически осторожный генерал, отнюдь не пробольшевистских настроений, а напротив, великодержавно-националистических симпатий и убеждений, фактически, организовывал всю собственно военную работу в Красной Армии. Однако П.Лебедев, при всем своем профессиональном и должностном авторитете, не обладал качествами военно-политического лидера. Он на это не претендовал и таковым не воспринимался ни собственным окружением, ни в широких кругах РККА, тем более в стране.

Главком Вооруженных Сил Республики, член РВССССР, полковник Генерального штаба Сергей Сергеевич Каменев (1881-1936) оказался в составе советской военной элиты по своему номенклатурному положению. Что представлял собой человек, возглавлявший Красную Армию, определявший ее доктринальные направления, стратегические установки, оперативные планы.

---

[408] Красная книга ВЧК. - М., 1990. - Т. 2. - С. 402.
[409] Т.е., правого крыла «Национального центра».
[410] Красная книга ВЧК. - Т. 2. - С. 408.
[411] Там же, с. 251.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

По свидетельству близкого соратника генералов А.Деникина и П.Врангеля генерал-майора П.Махрова, вспоминавшего своего брата, оказавшегося потом в Красной Армии, и других своих товарищей по старой русской армии, «мы оба[412] хорошо знали по совместной службе в Виленском военном округе командующего красным Восточным фронтом Сергея Сергеевича Каменева, отбросившего армии Колчака к Уралу. Каменев был одного выпуска со мной из Академии Генерального штаба, и мы с ним были в дружеских отношениях. Несмотря на его усидчивость, академия давалась ему трудно. На последнем дополнительном курсе его положение было критическим по общей сумме баллов. Для того, чтобы быть причисленным к Генеральному штабу, ему нужно было получить не меньше 11 баллов за работу по стратегической теме. На его счастье, ему досталась та же тема, которую защищал мой брат Николай Семенович Махров за два года до него, в 1905 г. Каменев обратился к моему брату с просьбой через меня прислать ему срочно его доклад, что мой брат, служивший в это время в штабе Виленского военного округа и сделал. Каменев вызубрил присланную моим братом «тему», и его доклад был оценен в 12 баллов. Попав вместе с нами на службу в Вильну, Каменев не раз вспоминал эту историю и сердечно благодарил нас с братом. Он был хорошим офицером Генерального штаба и отлично командовал полком в конце войны. Его политических убеждений я не знал, но во время революции он умел ладить с комитетами, а потом, попав в Красную Армию, он служил большевистскому правительству так же честно, как и царю, и Временному правительству»[413].

И.Ильин, характеризуя в своей записке, адресованной П.Врангелю «вождей» Красной Армии, считал (несомненно, со слов знакомых ему офицеров и генералов старой армии – А.Брусилова, А.Зайончковского, Н.Какурина, И.Троицкого), что «полковник Каменев просто штабной спец из радикалов»[414].

---

[412] Автор воспоминаний имеет в виду своего приятеля генерала П.Маркодеева.
[413] Махров П.С. В штабе генерала Деникина. //Русское прошлое. – 1992. - Выпуск 3. - С. 157.
[414] Ильин И.А. Записка о политическом положении. Октябрь 1923 г. //В кн: Русское прошлое. – 1996. - Выпуск 6. - С. 220.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Его считали «бесцветным и осторожным»[415]. По мнению М.Тухачевского, «Сергей Сергеевич Каменев – отличный военный специалист, но только чиновник»[416].

Характеристика С.Каменева, которую оставил другой генерал М.Бонч-Бруевич, в чем-то смыкаясь в оценках с П.Махровым, в целом противоположная по содержанию. «Я давно и довольно близко знал Каменева, - вспоминал он о событиях 1919 года, связанных с назначением С.Каменева на должность Главкома, - и понимал, что не сработаюсь с ним. Его нерешительность, известная флегма, манера недоговаривать и не доводить до конца ни собственных высказываний, ни принятых оперативных решений – все это было не по мне. В начале минувшей войны Сергей Сергеевич занимал скромную должность адъютанта оперативного отделения в штабе армии Ренненкампфа. Между тогдашним его положением и моим была огромная разница, но во мне говорило не обиженное самолюбие, а боязнь совместной работы с таким офицером, которого я никак не считал способным руководить давно превысившей миллион бойцов Красной Армией».

Человек, имевший возможность по своему должностному положению весьма близко наблюдать С.Каменева и сотрудничать с последним, Л.Троцкий так характеризовал Главкома: «Каменев отличался оптимизмом, быстротой стратегического воображения. Но кругозор его был еще сравнительно узок»[417]. Сравнивая С.Каменева с его предшественником на посту Главкома И.Вацетисом, Л.Троцкий отмечал следующее: «...Оба они были полковниками Генерального штаба старой царской армии. Между ними шло несомненное соревнование... Трудно сказать, кто из двух полковников даровитее. Оба обладали несомненными стратегическими качествами, оба имели опыт великой войны, оба отличались оптимистическим складом характера, без чего командовать

---

[415] Пятницкий Н. Эволюция красной военной доктрины (1917-1937). //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - С. 262.
[416] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. – Тетрадь № 64. - С.65. В общем это же мнение М.Тухачевского о С.Каменеве пересказывал в своих показаниях арестованный в 1937 г. бывший приятель М.Тухачевского Н.Кузьмин. См. Бобренев В. Большевик Николай Кузьмин. //Расправа. Прокурорские судьбы. - М., 1990. - С.140.
[417] Троцкий Л.Д. Сталин. - М., 1990. - Т.2. - С.104-105.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

невозможно...Каменев был несравненно покладистее и легко поддавался влиянию работавших с ним коммунистов... Каменев был, несомненно, способным военачальником, с воображением и способностью к риску. Ему не хватало глубины и твердости. Ленин потом сильно разочаровался в нем и не раз очень резко характеризовал его донесения: «Ответ глупый и местами неграмотный»[418].

Как это видно из приведенных оценок С.Каменева разными лицами, будучи номенклатурным руководителем Красной Армии, опытным военным профессионалом, в целом справлявшимся со своими обязанностями, он, однако, не лидировал в центральном руководстве войсками. Он также не воспринимался в ответственных кругах военных профессионалов РККА как подлинный военный или военно-политический лидер.

Долголетним и близким сотрудником П.Лебедева был 1-й помощник начальника Штаба РККА Генштаба полковник Борис Михайлович Шапошников (1882-1945). Еще с 1919 г. он возглавлял Оперативное управление Полевого Штаба РВСР, а с февраля 1921 г. был назначен на указанную выше должность после объединения аппаратов Полевого Штаба и Всероглавштаба. Это был один из самых квалифицированных штабных работников, «операторов» в Штабе РККА в течение длительного времени. Официальная оценка Б.Шапошникова как работника штаба была, пожалуй, выражена в приказе о награждении его орденом Красного Знамени в 1921 г.

«В течение своей деятельности на высокоответственной должности начальника оперативного управления Полевого Штаба РВС Республики тов. Шапошников являлся непосредственным активным сотрудником всей оперативной работы во всех ее подробностях.... Занимая указанную должность, вполне соответствующую по значению самостоятельной должности начальника штаба фронта, с первых же дней активной беспримерной борьбы республики с окружавшими ее кольцом врагами вплоть до настоящего момента – почти прекращения серьезных боевых действий против бандитов, тов. Шапошников с при-

[418] Троцкий Л. Сталин. - Т. 2. - С.104, 105, 106, 107.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сущей ему инициативой… вынес на себе тяжесть последних, работая с полным самоотвержением днем и ночью»[419].

Один из его «учеников», принадлежавший к так называемой «шапошниковской школе» штабных работников, будущий Маршал Советского Союза М.Захаров так характеризовал личность Б.Шапошникова: «Он был последовательным поборником строгой дисциплины, но врагом окрика. Грубость вообще ему была органически чужда. Его нельзя назвать «отцом-командиром» в общепринятом смысле этих слов: он не похлопывал подчиненного по плечу, не спрашивал заботливо, пообедал ли тот. Он был глубоко убежден, что солдат, тем более командир, должен и может сам вовремя поесть, другое дело – побеспокоиться об организации снабжения и обеспечения войск, чтобы продовольствие всегда имелось во всех частях, этого он никогда не забывал»[420].

Со слов уже упомянутого выше «ученика» М.Захарова, «лично знавшие его (Б.Шапошникова) люди говорили о нем: и умница необыкновенный, и в работе самозабвенен, и очень корректен в обращении»[421].

Впрочем, приведенные выше высказывания и характеристики М.Захарова, представителя «шапошниковской школы» именно в силу последнего обстоятельства, разумеется, заметно страдают определенной идеализацией и апологетикой «учителя».

На генерала В.фон Бломберга, познакомившегося с Б.Шапошниковым в августе 1928 г., он произвел впечатление «расчесанного на пробор, выхоленного офицера английского типа…»[422].

Б.Шапошников начал публиковаться в военной печати еще до 1-й мировой войны. Однако, несмотря, на весьма обширное научное наследие Б.Шапошникова, особую ценность представляет его фундаментальный 3-томный труд «Мозг армии», изданный в 1929 г. и посвященный Генеральному штабу и штабной деятельности вообще. В этом смысле, Б.Шапошников, несомненно, должен быть признан одним из самых выдающихся теоретиков штаб-

---

[419] Цитируется по кн.: Захаров М.В. Ученый и воин. - М., 1974. - С.46.
[420] Там же, с. 56.
[421] Там же, с. 72.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ной работы[423]. К достоинствам его научного метода, несомненно, относится научная фундаментальность, однако она же и оказывается недостатком. Именно заметная отвлеченность от боевой практики самого Б.Шапошников и чрезмерное увлечение военно-историческими аналогиями, за что его часто упрекали критики, в рассуждениях о недавних боевых событиях и были недостатками его метода[424]. Б.Шапошников оставался отличным штабным работником, который практически не имел никакого опыта руководства фронтовыми частями, соединениями, не говоря уже о войсковых объединениях. Военно-политические взгляды и симпатии Б.Шапошникова были созвучны «брусиловским» и «лебедевским», хотя сам он, будучи осторожным человеком, старался дистанцироваться от прямого выражения своих политических и идеологических пристрастий. Возможно, это было результатом одного «неудачного» с его стороны опыта.

«Во время польской войны, - вспоминал Л.Троцкий, - в военном журнале появилась грубо шовинистическая статья о «природном иезуитстве ляхов» в противовес «честному и открытому духу великороссов». Особым приказом журнал был прикрыт, а автор статьи, офицер Генерального штаба Шапошников, отстренен от работы»[425]. Л.Троцкий считал, что «Шапошников – образованный и исполнительный офицер старой армии, но без стратегического дара и инициативы»[426].

В войсках, среди высшего комсостава Красной Армии, даже среди генштабистов, близко знавших его, Б.Шапошников не пользовался большим авторитетом. За ним закрепилась несколько ироничная репутация «кабинетного На-

---

[422] Erickson J. The Soviet High Command. - London-New-York, 1962. - P. 266.

[423] Среди других его научных работ серьезного внимание заслуживает также книга «На Висле. К истории кампании 1920 года», изданной в 1924 г. Она появилась как критический ответ на курс лекций, прочитанных М.Тухачевский в феврале 1923 г. в Военной академии РККА «Поход за Вислу».

В этих двух работах Б.Шапошникова и М.Тухачевского нашли выражение две точки зрения на «польскую кампанию» М.Тухачевского: его собственная и Штаба РККА. Это, в то же время, было одно из ранних открытых противостояний двух военачальников, которые со временем превратились в устойчивую неприязнь.

Несмотря на скрупулезность и научную обоснованность критики, в этой своей книге, как и в «Мозге армии», Б.Шапошников обнаружил достоинства и недостатки своего военно-научного метода.

[424] Вообще говоря, военная история была «слабостью» Б.Шапошникова, а ретроспективный метод определенно не способствовал его открытости в решении актуальных проблем организации и боевой подготовки армии.

[425] Троцкий Л. Сталин. – Т.2. - С. 273.

[426] Троцкий Л. Обезглавление Красной Армии. //Бюллетень оппозиции. - Париж, 1937. - № 56-57. - С. 3.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

полеона»[427]. «Шапошников, еще в довоенное время считался посредственностью, - выразил свое мнение его сослуживец по старой армии, - и он ни в какой мере не выдвинулся и во время войны»[428]. Его считали «бесцветным и осторожным»[429]. Действительно, будучи полковником Генштаба, за 1914 – 1917 гг. Б.Шапошников в штабной службе достиг уровня и.д. начальника штаба кавалерийской дивизии[430]. М.Тухачевский считал Б.Шапошникова «рутинером»[431], «кабинетным Наполеоном»[432], слишком «осторожным»[433] в решении принципальных военных вопросов человеком. Второстепенным военачальником считал Б.Шапошникова и И.Уборевич[434].

Делая некоторые общие выводы, можно сказать, что Б.Шапошников, вне всякого сомнения, являлся отличным штабным работником, опытным, образованным, научно подготовленным, в то же время, человеком без особых выдающихся природных военных дарований. Это был прекрасный и аккуратный исполнитель, но отнюдь не личность, способная к военно-политическому лидерству, к творческому осмыслению и решению актуальных проблем армии и военного искусства.

…Генерал А.Брусилов, достаточно хорошо знавший старый русский генералитет, чтобы дать квалифицированную оценку многим генералам, «правой рукой» П.Лебедева, его alter ego, считал Г.Н.Хвощинского. «Должен сказать, - вспоминал А.Брусилов, - что это исключительно энергичный и добрый человек, много помогавший бывшим людям»[435].

Дворянин, из древнего и весьма разветвленного рода, к которому принадлежало много офицеров и генералов, Георгий Николаевич Хвощинский (1878-1928) был военным человеком «до мозга костей». После окончания кадетского

---

[427] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. - Тетрадь № 65. - С.71.
[428] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1080. Л. 7; См. также: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992, с. 355.
[429] Пятницкий Н. Эволюция красной военной доктрины (1917-1937). //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - С.262.
[430] «Список лиц с высшим военным образованием…». - С. 247-248. К примеру, Н.Соллогуб, его ровесник, тоже полковник Генштаба, в 1917 г. исполнял должность начальника штаба Западного фронта.
[431] Расправа. Прокурорские судьбы. - М., 1990. - С. 140.
[432] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. - Тетрадь № 65. - С.71.
[433] Ладухин В.Н. Славное имя. //В кн.: Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 182-183.
[434] Письмо И.П.Уборевича – Г.К.Орджоникидзе. 17 августа 1936 г. //«Факел-90». – 1990. - С. 237.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

корпуса, он, получив образование в Константиновском военном училище, в 1899 г. начал службу подпоручиком артиллерии. В 1905 г. он окончил Николаевскую Академию Генерального штаба. К 1917 г. Г.Хвощинский был уже генерал-майором Генерального штаба. Оказавшись в составе Красной Армии с ее возникновения, Г.Хвощинский в апреле 1918 г. стал начальником Тульской стрелковой дивизии, а с мая 1918 г. – был назначен начальником одного из управлений штаба Московского военного округа. С 25 ноября 1918 и до 16 февраля 1921 г. он являлся 1-м помощником начальника Полевого Штаба РВСР, т.е. П.Лебедева. С П.Лебедевым он был знаком и достаточно близко еще с 1915 г. по штабу Западного фронта. Г.Хвощинский был тогда ближайшим сотрудником и помошником П.Лебедева в управлении генерал-квартирмейстера Западного фронта. После объединения Полевого Штаба РВСР и Всероглавштаба Г.Хвощинский был переведен «в распоряжение начальника Штаба РККА», т.е. остался по-прежнему ближайшим помощником П.Лебедева, возглавившего единый Штаб Красной Армии.

...Напомню, что сотрудник Штаба РККА полковник П.Дилакторский в марте 1923 г., в Берлине, делясь впечатлениями о состоянии Красной Армии и ее лидерах со своими старыми приятелями, заметил: «...Балтийский в силе!». Генерал-лейтенант Алексей Алексеевич Балтийский (1870-1939), монархист и националист, не занимал в номенклатуре советской военной элиты какое-либо место, но продолжал играть роль негласного советника Л.Троцкого. Следует, однако отметить, что его фронтовая карьера в составе Красной Армии в годы гражданской войны была тесно переплетена с военной деятельностью М.Фрунзе, К.Авксентьевского, А.Андерса. С августа по октябрь 1918 г. он был начальником штаба 4-й армией Восточного фронта, а затем до января 1919 г. был командармом-4. С должности командующего 4-й армией его «вытеснил» М.Фрунзе. Впрочем, он, видимо ценя образованность и опыт своего предшественника, оставил А.Балтийского при себе «для особых поручений». Позднее, с августа 1919 по апрель 1920 г., в бытность М.Фрунзе командующим Туркестан-

[435] Брусилов А.А. Мои воспоминания. – Военно-исторический журнал. – 1991. – № 2. – С. 39.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ским фронтом, А.Балтийский был у него начальником штаба. Затем с октября 1920 г. он оказался, как и А.Андерс, помощником командующего войсками Заволжского военного округа у К.Авксентьевского. Таким образом, А.Балтийский входил в круг «военспецов» в 1919-1920 гг., окружавших М.Фрунзе, однако с октября 1920 г. он оказался в распоряжении Главкома, а затем, после пребывания в резерве Штаба РККА (с октября 1921 г.), был отправлен на преподавательскую работу. Знавшие А.Балтийского по службе в старой армии оставили некоторые штрихи его характеристики, позволяющие получить некоторое представление о личности этого «генерала».

«Схожий тип представляет собою «правая рука» Троцкого генерал Балтийский, - писал в 1923 г. генерал А.Геруа, - но только по сравнению с Брусиловым он, конечно, всегда плавал более мелко. Слишком искательный и угодливый перед военным министром генералом Сухомлиновым, он был за это с началом революции отставлен от активной службы. С пришествием большевиков он, недолго думая, предложил свою помощь Троцкому, с которым сделался неразлучен. На его активе с той поры числятся «Брестский договор», и расстрел 54000 офицеров старой армии, бывших товарищей по оружию этого генерала»[436].

На Западе в это время об А.Балтийском отзывались как о «русском Мольтке и мозге Троцкого»[437]. Считали, что его цель – «пренебрегая предрассудками русской военной среды, сберечь неприкосновенность границ России… и армии»[438].

…«При Троцком большую роль играет Павел Сытин, - со слов полковника П.Дилакторского, сотрудника Штаба РККА, в марте 1923 г. записал в своем дневнике А.фон Лампе, - которого я знаю давно, человек умный, но крайне нечистоплотный и особенно в денежном отношении»[439].

---

[436] Геруа А. Стихия гражданской войны. //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - С.185.
[437] Там же.
[438] Там же.
[439] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л.4133.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Павел Павлович Сытин (1870-1938), из семьи военного чиновника, генерал-майор Генштаба. Он оказался в Красной Армии добровольно и одним из первых генералов старой армии и в 1918 г. играл весьма заметную роль в руководстве Красной Армии. Он был военным руководителем Брянской группы Западного участка отрядов завесы, Южного участка отрядов завесы, командующим южным фронтом. Позднее, в 1919-1920 гг. П.Сытин возглавлял военно-административный отдел Управления делами РВСР. После кратковременного пребывания в качестве военного атташе в Грузии в 1920-1921 гг. он оказался на преподавательской работе. Однако, судя по мнению человека из центрального военного аппарата, П.Дилакторского, П.Сытин и в 1923 г. продолжал весьма существенно влиять на принятие важнейших решений в руководстве РККА. Очевидно, он оставался одним из негласных и неофициальных военных советников Л.Троцкого, будучи своеобразным «серым кардиналом».

Генерал А.Деникин на исходе дней своих вспоминал о П.Сытине, как об одном из своих однокашников по Киевскому военному училищу выпуска 1892 г. «Военно-училищный курс окончил тогда, выйдя подпоручиком в артиллерию, Павел Сытин, - писал бывший Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. – Впоследствии он прошел курс Академии Генерального штаба и был возвращен в строй. В конце мировой войны в чине генерала командовал артиллерийской бригадой. С началом революции неудержимой демагогией и «революционностью» ловил свою фортуну в кровавом безвременье. И преуспел: поступив одним из первых на службу к большевикам, занял вскоре, но ненадолго, пост главнокомандующего Южным красным фронтом»[440].

Примечателен также эпизод, относящийся к 1917 году, касающийся П.Сытина, о котором тоже вспоминает А.Деникин. «Приезжало много прожектеров с планами спасения России, - писал в своей главной книге о русской революции и гражданской войне генерал А.Деникин. – Был у меня, между прочим, и нынешний большевистский «главком», тогда генерал, Павел Сытин. Предложил для укрепления фронта такую меру: объявить, что земля – помещи-

[440] Деникин А.И. Путь русского офицера. - М., 1991. - С.53.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

чья, государственная, церковная – отдается бесплатно в собственность крестьянам, но исключительно тем, которые сражаются на фронте. «Я обратился, - говорил Сытин – со своим проектом к Каледину, но он за голову схватился: «что вы проповедуете, ведь это чистая демагогия!...»[441].

По впечатлениям полковника П.Дилакторского, относящимся тоже к марту 1923 г., «такие генералы как он (т.е. П.Сытин) «в случае», если кто-либо из белых попадется в Совдепии «без предварительных гарантий» подвесит и еще подхихикивать будет»[442]. Товарищи по старой армии, оказавшиеся в эмиграции оставили о П.Сытине свои, крайне субъективные, однако весьма красноречивые характеристики.

«С внешностью и с содержанием гоголевского героя-шулера, знаменитого Ноздрева, - так начинает характеризовать П.Сытина один из его старых приятелей, - в молодости исключенный из Генерального штаба за нечистую карточную игру, переведенный за это «в наказание» в артиллерию (точно этот род оружия мог терпеть шулеров?), во время Великой войны добрался до должности начальника дивизии...»[443].

П.Сытин в первой половине 20-х годов входил в число, в основном бывших генералов старой армии, группировавшихся вокруг, пожалуй, наиболее авторитетного, особенно в военно-ученых слоях Красной Армии, генерал-лейтенанта Генштаба Андрея Евгеньевича Снесарева (1867-1937). В близких дружеских отношениях с последним, кроме П.Сытина, находились видные военные ученые С.Лукирский, В.Новицкий, Д.Надежный, А.Де-Лазари, А.Свечин, К.Величко.

Сам А.Снесарев, в 1918 г. недолго занимавший должность командующего Северо-Кавказским фронтом, затем до 1921 г. возглавлял Академию Генерального штаба. Будучи общепризнанным выдающимся военным ученым-востоковедом, профессором Военной академии РККА, он формально не входил в номенклатуру советской военной элиты, однако, вне всякого сомнения влиял

---

[441] Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. - М., 1991. - С.163.
[442] Там же.
[443] Там же, с.186-187.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

своим авторитетом и знаниями не только на приятелей-генералов, слушателей академии, но и на советское военное руководство. Вряд ли без влияния А.Снесарева возникли и обрели устойчивость идеи Л.Троцкого и М.Фрунзе распространить «пожар мировой революции» на Восток.

Весьма красноречиво характеризует личность А.Снесарева один штрих, нашедший отражение в воспоминаниях С.Буденного, находившегося в довольно близких приятельских отношениях с генералом. «Помню, - вспоминал С.Буденный, - вместе с членом Реввоенсовета 10-й Красной Армии И.В.Сталиным Андрей Евгеньевич приехал на участок 37-й стрелковой дивизии.... Когда нас, группу командиров, представили А.Е.Снесареву, я увидел высокого пожилого человека с безукоризненной военной выправкой, в полной форме генерал-лейтенанта старой русской армии. Меня, как и других, прежде всего удивило, почему Снесарев в генеральских погонах: ведь красноармейцы относились к «золотопогонникам» с неприкрытой враждой, и носить погоны было небезопасно. Кто-то даже сказал ему об этом. Андрей Евгеньевич ответил: «Погоны – знак военных заслуг перед отечеством. К тому же меня никто не разжаловал»[444]. Погоны, да и вся военная карьера в старой армии были дороги для А.Снесарева. В отличие от того же М.Тухачевского или А.Свечина, чья офицерская карьера была естественной в силу дворянского происхождения, А.Снесарев, родившийся в семье священника, благодаря офицерским, а затем и генеральским погонам определил для себя новый, более предпочтительный в условиях старой России социальный и сословный статус. То, что М.Тухачевскому, А.Свечину или А.Зайончковскому, А.Брусилову, А.Верховскому было «подарено» происхождением, А.Снесареву приходилось добывать личными способностями, усердием, потом и кровью военной службы. И генеральские погоны для него не были одним из аттрибутов принадлежности к элитным слоям староросийского общества, но, пожалуй, главным, обретенным им лично, своим трудом и заслугами.

---

[444] Буденный С.М. Слово о старшем друге. //Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность). - М., 1973. - С.5.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Степень психологического воздействия А.Снесарева на офицеров, обучавшихся в военных училищах или в Академии Генерального штаба, как до революции, так и в послереволюционный период оставалась равновеликой. «Передо мной, как живой, встал мой преподаватель военной географии в Павловском военном училище полковник Снесарев, - вспоминал много позже подполковник Генштаба А.Кеппен. – Серьезный, но в то же время сердечный, остроумный (он любил подсмеяться над юнкерами, но добродушно, без злобы и очень метко). Строгий учитель, но справедливый, очень живо и образно преподавал эту науку, описывал Туркестан и Индию. Помню даже, что под влиянием его рассказов о Туркестане наш старший потрупей-юнкер, т.е. один из первых учеников, взял вакансию в Туркестанский стрелковый полк в Кушку, т.е. туда, куда всегда выходили пять последних учеников, хотевшие получить большие прогоны для проезда от Петербурга до Кушки. Баллы ставил очень строго и требовал знаний, но умел так преподавать свой предмет, что юнкера его учили с охотой и не были в претензии на полковника Снесарева»[445].

Не меньшее впечатление лекции А.Снесарева производили и на «краскомов», приходивших с фронтов гражданской войны в академические аудитории. «Краском» А.Бармин, оказавшийся в Академии Генерального штаба в 1921 г. вспоминал с каким «воодушевлением очертил нам задачи работы в приграничных странах Среднего Востока, где встречаются Российская и Британская империи» профессор А.Снесарев. Лекция А.Снесарева, запомнившаяся А.Бармину, является своеобразным объяснением мотивов и идейных убеждений, примирявших бывшего генерала с большевиками и превративших его в военного специалиста, служившего в Красной Армии не по вульгарно-карьерным соображениям (как П.Сытина и ему подобных), не за страх, а по совести и убеждениям.

«…Со времен Петра Великого Россия неуклонно продвигалась к теплым морям и Индийскому океану, - объяснял «краскомам» генерал А.Снесарев жизненно важнейшие, по его мнению, геополитические и геостратегические задачи

[445] Цитируется по: Смирнов Д.Л. Психологические и педагогические взгляды профессора А.Е.Снесарева.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

России. – На пути у русских всегда стояли англичане.... В 19 веке путь к Персидскому заливу и теплым морям, имеющий для нас большое значение, снова постоянно преграждали англичане. Чтобы открыть этот путь, мы вели несколько войн в Персии и Центральной Азии, но за нашими противниками всегда стояла Британская империя. Точно так же Британия старалась лишить нас плодов наших побед на Балканах.

Вы спросите меня, почему я говорю вам все это, когда советская революция отбросила идею империализма. Это верно, что Советская Республика не имеет империалистических целей. Цель советской революции в мировом масштабе – освободить угнетенные народы от империалистической эксплуатации, и особенно принести свободу народам Востока. Но самым серьезным препятствием на пути остается британский империализм. Если мы хотим принести свободу народам Азии, мы должны подорвать власть британского империализма. Он по-прежнему остается смертельным врагом этих народов, так же как и нашим врагом. В этом заключается ваша задача, и вы должны учиться на нашем опыте, как ее решать»[446].

Совершенно очевидно, что высказанные А.Снесаревым соображения перекликаются с рассуждениями пленного гвардейского офицера М.Тухачевского, его идеями «революционной войны» и четко выраженными им (о чем далее в тексте) геостратегическими представлениями. Они перекликаются и с мыслями полковника Генштаба Н.Какурина. Все эти офицеры старой русской армии, так или иначе, видели в идее «мировой социальной революции» мощное оружие, с помощью которого России (не имеет значения, какой России) удастся, наконец, разрешить давние русско-британские геополитические и геостратегические противоречия в свою пользу. Одним из близких друзей А.Снесарева был другой генерал – А.Свечин.

...А.Свечин (1878-1938) – генерал-майор старой армии, имевший богатый боевой опыт русско-японской и 1-й мировой войн (до начальника дивизии и начальника штаба армии включительно), с начала организации Красной Армии

//Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельнсть). - С.54.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

оказался в ее рядах. Это был один из выдающихся офицеров старой русской армии, известный своими способностями, умом, образованностью, но и строптивостью и «оппозиционностью» еще в дореволюционные времена. В характеристике, данной генерал-майору А.Свечину вышестоящим начальством в 1916 г. говорилось, что в во всех боевых действиях полка, которым он командовал, генерал-майор А.Свечин проявил «распорядительность, способность быстро уяснить себе боевую обстановку и личную храбрость. Отлично военно-образован, деятелен и энергичен и владеет недюжим военным талантом.... Лично руководит своими батальонами, находясь всегда в сфере ружейного огня. Сильный духом, мужественный генерал-майор Свечин всегда поддерживает среди офицеров и стрелков отличное настроение, бодрость и энергию. Как хозяин установил в полку блестящий порядок. В обращении с подчиненными... не всегда одинаково спокоен, обладает не всегда уравновешенным характером, горяч, вспыльчив, а потому иногда бывает резок, что служило причиной имевших место недоразумений. Достоин выдвижения на должность как строевую, так и по Генеральному штабу «вне очереди»[447].

После непродолжительной службы в составе войск Западных отрядов завесы и кратковременного пребывания во главе Всероглавштаба, всю оставшуюся жизнь посвятил военно-научной и военно-педагогической деятельности, являясь ведущим профессором Военной академии РККА.

«Свечин Александр Андреевич, - так начинает характеристику выдающегося военного ученого, военного историка и стратега, один из руководящих работников наркомата по военным и морским делам Р.Муклевич, - весьма талантливый человек, остроумный профессор.... Является ценнейшим профессором в Военной академии. Его занятия по стратегии, благодаря неизменно оригинальности замысла, всегда простого и остроумного, являлись в настоящем учебном году одним из больших достижений на старшем курсе. ...Парадоксальный по своей натуре, чрезвычайно ядовитый в общежитии, он не упускает случая подпустить шпильку по всякому поводу, однако работает чрезвычайно плодотвор-

[446] Бармин А. Соколы Троцкого. - М., 1997. - С.104-105.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

но. Монархист, конечно, по своим убеждениям, он, будучи трезвым политиком, учел обстановку и приспособился… с достоинством, с чувством критического отношения к политическим вопросам, из коих по каждому у него имеется свое мнение, которое он выражает…. Свечин – самый выдающийся профессор академии»[448].

Несмотря на то, что А.Свечин еще до революции в военно-научных кругах имел репутацию “enfant terrible” («ужасного ребенка») русской армии, несмотря на вышецитированные характеристики его личности, было бы ошибочным считать его человеком, «принужденным» к Советской власти. Во всяком случае, на каком-то этапе он, весьма критично относившийся к дореволюционным порядкам России вообще и русской армии, в частности, подобно части других генштабистов (к примеру, Н.Какурина), считал реальной перспективу внутреннего перерождения Советской власти. Возможно, по «бонапартистской модели». Скорее всего именно этим можно было бы объяснить его желание вступить в РКП (б) в 1921 г. Однако партбюро РКП (б) Академии Генерального штаба «при рассмотрении вопроса о вступлении А.Свечина в кандидаты в члены партии 24 января 1921 г. постановило «отклонить до ознакомления с партийной программой». 17 марта того же года оно решило считать А.Свечина «чуждым Советской власти» и воздержаться от «всякой политической аттестации»[449]. Несмотря на это, и в последующие годы А.Свечин, не воздерживаясь от достаточно откровенной критики, и не только в военных вопросах, стремился занимать активную, в некотором смысле, даже «революционную» позицию в оперативно-стратегических вопросах. Чтобы в этом убедиться, достаточно перелистать хотя бы его статьи за 1917-1925 гг.

Другой неординарной личностью, наряду с А.Свечиным, имевшей репутацию самого выдающегося военного ученого в Красной Армии в 20-е годы, был генерал-майор Александр Иванович Верховский (1886-1938). Русский дворянин, генштабист, ветеран русско-японской и 1-й мировой войн, храбрый

---

[447] Постижение военного искусства. Идейное наследство А.Свечина. М., 1999, с. 643.
[448] Там же, с. 646-647.
[449] Там же, с. 646.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

офицер и бывший военный министр Временного правительства он был человеком неординарным, талантливым и неуравновешенным.

«Верховский был первым учеником в классе и был назначен фельдфебелем, - вспоминал бывший паж Б.Энгельгардт. – Любовью товарищей он не пользовался. Был он… полон самомнения, считал себя вправе смотреть на всех окружающих свысока»[450]. За «вольные» политические рассуждения в период революции 1905 г. А.Верховского исключили из Пажеского корпуса, разжаловали в унтер-офицеры и отправили на фронт в Маньчжурию. Спустя несколько лет, уже вскоре после Февральской революции Б.Энгельгардту довелось вновь столкнуться с уже подполковником Генштаба А.Верховским как докладчиком-фронтовиком. «Докладывал он толково и умно, - признавал спустя годы мемуарист, - но все, что он сообщал нам, было мне в достаточной степени известно…. Верховский показался мне интересным собеседником…»[451].

«Он не был сторонником революции, - вспоминал А.Гучков об А.Верховском, - а был профитером революции. Ему казалось, что можно не мелкий свой карьеризм (удовлетворить), а сыграть большую роль. Ему казалось, что если он к этой революционной стихии подойдет, то сумеет ее вовремя захватить и на этой волне продвинуться…. Мне казалось, у него были некоторые черты вырождения, какие-то симптомы отсутствия равновесия, он был способен s'emballer (его могло занести)»[452]. В контексте именно этих впечатлений А.Гучкова находятся и некоторые штрихи, характеризующие личность А.Верховского, сохранившиеся в памяти директора Пажеского корпуса генерала Н.Епанчина. Он вспоминает случай, когда 6 января 1905 г. во время крещенского водосвятия в присутствии императора Николая 2 при традиционном орудийном салюте с Петропавловской крепости был произведен, как полагали, случайно, выстрел боевым картечным зарядом. «6 января во время водосвятия, - вспоминал Н.Епанчин, - дежурным камер-пажом при Государе был фельдфебель 1-й роты корпуса Александр Иванович Верховский. Когда я приехал до-

---

[450] Энгельгардт Б.А. Воспоминания камр-пажа. //Военно-исторический журнал. – 1994. - № 9. - С.55.
[451] Там же.
[452] А.И.Гучков рассказывает…. //Вопросы истории. –1991. - № 9-10. - С.206.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мой, командир 1-й роты доложил мне, что выстрел произвел на Верховского такое сильное впечатление, что он рыдал в карете, когда он с ротным командиром возвращался в корпус. Верховский, как и все после этого печального случая в первое время считал, что это было покушение на государя, и страшно возмущался; по приезде в корпус его пришлось поместить в лазарет»[453].

Генерал Н.Епанчин, хорошо знавший семью Верховских, дает достаточно пространное объяснение поведению А.Верховского и в связи с упомянутым выстрелом, и по случаю его исключения из Пажеского корпуса, и как бы расшифровывает впечатление А.Гучкова о признаках «вырождения», наблюдавшихся в личности и поступках будущего военного министра Временного правительства.

«Я знал Верховского еще ребенком, - вспоминал Н.Епанчин, - его отец, моряк Иван Парфенович, был хорошо принят в семье моего отца; отец Верховского был весьма нервный и не совсем уравновешенный человек, а мать его – еще более нервная, страдала неврастенией. Несомненно, что эти свойства обоих родителей могли влиять на характер их сына Верховского. Верховский был очень способный, развитой юноша; он был переведен в Пажеский корпус из 1-го кадетского корпуса с отличной аттестацией, учился отлично и был образцового поведения; как фельдфебель он был требователен по службе, что не всем нравилось. Таким лицам, как известно, окружающие много не прощают; он был из тех, которые по пословице «не по хорошу мил, а по милу хорош»; он был хороший воспитанник и хороший фельдфебель, но не был мил товарищам. Как умный юноша, он это, конечно, понимал и держал себя с большим тактом, не давая ни малейшего повода к неудовольствию товарищей. Но такому сдержанному поведению мешала унаследованная им нервность, которая, в общем, не проявлялась, но резко обнаружилась 6 января после злополучного выстрела на Иордани.... Равновесие было сильно нарушено, пришлось поместить Верховского в лазарет корпуса, и немного нужно было, чтобы оно нарушилось в более значительной степени»[454].

---

[453] Епанчин Н.А. На службе трех императоров. - М., 1996. - С.315.
[454] Там же, с. 317.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Генерал Н.Епанчин считал, что «нетактичный отзыв» А.Верховского о Великом князе Сергее Александровиче в связи с убийством последнего в феврале 1905 г., в тогдашней нервозной обстановке был необоснованно «раздут» «патриотами», которые говорили мне, что если бы Верховский был их сын, они «задушили бы его своими руками»,... требовали сослать его на Колу»[455]. Расследовавший это дело генерал-адъютант О.Рихтер «пришел к заключению, что Верховский за недостаточно тактичное поведение подлежит дисциплинарному взысканию и что дело это вообще не представляется важным»[456]. Сам генерал Н.Епанчин полагал, что А.Верховский «должен быть смещен с должности фельдфебеля за недостаточно тактичное поведение»[457]. Однако Великий князь Константин Константинович, как выразился генерал Н.Епанчин, «несколько нервно отнесся» к «делу Верховского»[458]. А.Верховского исключили из Пажеского корпуса. Перевели вольноопределяющимся в Маньчжурскую армию. В боевых действиях во время русско-японской войны он заслужил солдатский Георгиевский крест, был произведен в офицеры, затем поступил в Академию Генерального штаба и успешно ее окончил.

«Когда окончившие ее представлялись Государю, - вспоминал Н.Епанчин, - Его Величество милостиво сказал Верховскому, что Он надеется, что Верховский забыл старое и будет служить как следует.... Но, конечно, в душе Верховского остался осадок тех излишних злобных нападок на него со стороны «патриотов», и это чувство постарались использовать во время революции 1917 г. левые элементы, особенно Керенский, назначивший Верховского военным министром, и это, разумеется, вскружило ему голову, и впоследствии он оказался в лагере большевиков»[459].

Политические симпатии и настроения «генералов» «группы Снесарева» просматриваются в следственных показаниях А.Свечина в 1931 г.

---

[455] Епанчин Н. А. На службе трех императоров. - С. 318.
[456] Там же.
[457] Там же.
[458] Там же.
[459] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Несмотря на очевидное стремление следствия, проводившегося ОГПУ в 1931 г., придать антисоветский, контрреволюционный и антигосударственный смысл показаниям арестованного А.Свечина о разговорах и настроениях, царивших в «группе Снесарева», эти показания, несомненно, отражают существо этих настроений.

В частности, А.Свечин говорил, что в Военной Академии вокруг него группировались лица, «жившие надеждой на эволюцию Советской власти вправо и на уменьшение обострения классовой борьбы в СССР»[460]. А.Свечин признавался: «В этом я от них не слишком отделялся. Появившаяся в самой партии так называемая левая оппозиция Троцкого вызывала симпатии, но вследствие своей демагогической тенденции эти симпатии быстро рассеялись[461]. ...Политические убеждения большинства этих людей были республиканско-демократические, хотя некоторые из них были ближе к монархии...».

«...Советскую власть я встретил враждебно, - признавался профессор, - и никогда полностью ее не воспринял.

Мы, бывшие офицеры старого Генерального штаба, терявшие те привилегии, то положение и те перспективы, которые сулило нам прошлое, очутившись в условиях Советской власти, в течение всего периода ее существования переплели свое враждебное отношение к ней с надеждой на перерождение Советской власти в буржуазно-демократическую республику, которая открыла бы для нас большой простор и большую свободу...»[462].

«В организацию бывших офицеров Генерального штаба, создавшуюся на почве указанных выше настроений, я был введен А.Е.Снесаревым в 1923 г., - продолжал генерал свои признания. - Основная цель этой организации – объединение и сплочение посредством пропаганды бывшего офицерства, которое могло бы в критические моменты послужить своей Родине....

В нашей организации я играл только роль одного из идеологов и никакой практической работы не вел, за исключением агитационной работы.... В моей

---

[460] Показания на допросе 24 февраля 1931 г. //Постижение воннго искусства. Идейное наследие А.Свечина. - С.649.
[461] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

научной литературной деятельности я проводил свои политические взгляды, находившиеся в части оппозиции и противоречившие установкам компартии и коммунистического Интернационала...»[463].

В чем же признавал себя виновным А.Свечин?

Во-первых, в том, что он и его единомышленники, бывшие генштабисты, надеялись на эволюцию Советской власти «вправо», на «уменьшение обострения классовой борьбы».

Во-вторых, в том, что он и они чувствовали себя ограниченными в правах и возможностях.

В-третьих, в том, что надеялись на превращение СССР в буржуазно-демократическую республику, где они смогли бы свободно реализовать свои способности и знания. Во всем этом не было преступного деяния. С точки зрения режима, это можно было назвать «преступными мыслями и надеждами». Нет необходимости пространно доказывать, что все это было на самом деле. А.Свечин никогда особенно не скрывал таковых своих настроений. Более того, часто демонстративно обнаруживал их в лекциях и в неофициальном общении. Все это находило отражение в аттестационных характеристиках А.Свечина.

Таким образом, А.Свечин не мог не признаться в том, что было на самом деле, что было очевидным, широко известным в его поведении, и не считалось политически-криминальным до конца 20-х годов. Все это обрело характер «преступления» лишь в конце 20-начале 30-х гг.

Более серьезно выглядело обвинение в причастности к «организации бывших офицеров Генерального штаба». Но в чем была сущность этой «организации» по признаниям А.Свечина?

«Основная цель этой организации, как разъяснял А.Свечин, - объединение и сплочение посредством пропаганды бывшего офицерства, которое могло бы в критические моменты послужить своей Родине».

Иными словами, не какие-либо прямые действия, направленные на насильственное устранение Советской власти, не подготовка к государственному

---

[462] Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - С. 649.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

или военному перевороту, но лишь пропаганда. А.Свечин и его единомышленники, таким образом, стремились «объединить и сплотить» бывших офицеров, предполагая, что в какой-либо «критический момент» политического или военно-политического характера они могли бы выступить «спасителями Отечества и государства».

И это тоже невозможно было скрыть, оно было очевидно. Это был образ мысли, доминанта «культурного архетипа» бывших кадровых офицеров старой армии – патриотизм.

Не будучи преступными (хотя и оппозиционными) еще в середине 20-х годов, такого рода мысли и пропаганда к началу 30-х гг. уже квалифицировались как политически-криминальные.

Близкими друзьями А.Снесарева были также А.Брусилов и С.Буденный. «Однажды вечером, вернувшись из военной академии, где он преподавал, - вспоминала дочь генерала, Е.Снесарева, - отец оповестил семью, что сегодня к нам придут Алексей Алексеевич Брусилов и Семен Михайлович Буденный. Было это, вероятно, в 1924 или в 1925 году, сейчас точно не помню. Я уже знала, что А.А.Брусилов работает вместе с Буденным.... Алексея Алексеевича я хорошо знала, а Буденного видела только издали, когда он подходил к своему автомобилю, направляясь на службу, или возвращался домой после работы»[464].

...Несмотря на весьма солидный возраст, однако сохраняя свой прежный военный авторитет, одним из персональных центров притяжения в первой половине 20-х годов в военной элите РККА был генерал А.Брусилов.

Алексей Алексеевич Брусилов (1853-1926), генерал-от-кавалерии, самый прославленный, самый популярный и, пожалуй, самый результативный русский военачальник 1-й мировой войны, оказывал, несомненно, сильное ментальное воздействие на поведение и настроение бывших офицеров, находившихся в Красной Армии. С этим приходилось считаться. И в 1927 г., уже после смерти

---

[463] Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. – С. 649.
[464] Снесарева Е.А. Наш сосед. //Страницы большой жизни. Сборник воспоминаний о Маршале Советского Союза С.М.Буденном. - М., 1983. - С.54.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

генерала, К.Ворошилов в официальных документах обращал внимание на «значение имени Брусилова для работающих у нас военных специалистов»[465].

Вероятно, не без учета и этого фактора, 1 февраля 1923 г. было решено ввести А.Брусилова в «номенклатуру» советской военной элиты. Он был назначен на должность инспектора кавалерии РККА. Это была должность высокономенклатурная, но в значительной мере «декоративная». Особенно, учитывая солидный возраст самого А.Брусилова.

Репутация «героя Великой войны» генерала А.Брусилова в военных кругах был крайне неоднозначной.

Еще в июне 1917 г. близко и хорошо знавший его другой известный русский военачальник тех лет генерал М.Алексеев сделал для себя достаточно пространную запись-характеристику А.Брусилова.

«Брусилов не изменился с тех пор, когда судьба близко заставила узнать его внутреннее содержание по обязанностям начальника штаба Юго-Западного фронта, - писал генерал М.Алексеев. – Тогда Брусилов командовал 8-й армией. Пока счастье на нашей стороне, пока оно дарит своей улыбкой, Брусилов смел, а больше самонадеян. Он рвется вперед, не задумываясь над общим положением дел. Он не прочь, в особенности в присутствии постороннего слушателя, пустить пыль в глаза и бросить своему начальству, что его, Брусилова, удерживают, что он готов наступать, побеждать, а начальник не дает разрешения, средств. И себе имя составляется, и начальник взят под подозрение, в смысле способностей, характера, порыва вперед.... Но не всегда военное счастье дарит нас своей улыбкой. Нередко оно оборачивается к нам спиной, и неудача становится нашим уделом. Вот пробный камень для полководца: сохранить в этом положении ясный ум, спокойствие духа, способность оценки положения, умение найти средство и выход – вот качества, без наличия которых нет полководца.... Генерал Иванов немало жаловался на отсутствие живой и уверенной самодеятельности Брусилова в дни наиболее трудного положения»[466].

---

[465] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 375.
[466] Алексеева-Борель В.М. Аргентинский архив генерала М.В.Алексеева. //Военно-исторический журнал. – 1993. - № 3. – С.46.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Эти оценки, не лишенные изрядной доли субъективизма, даны еще до перехода А.Брусилова на сторону советской власти и касались лишь его полководческих качеств, в которых, конечно, же проявлялась личность этого человека. Разумеется, блестящий успех «брусиловского прорыва», значимость которого не смогла перечеркнуть и незавершенность самой операции Юго-Западного фронта в 1916 г., не мог не вызывать вполне естественную ревность, порой обыкновенную человеческую зависть. Генерал М.Алексеев, имевший заслуженную репутацию лучшего стратега русской армии тех лет, вряд ли рождал свои суждения из обыденных человеческих эмоций. Тем более, это характеристика А.Брусилова-генерала, а не А.Брусилова-гражданина и человека.

«Я был очень низкого мнения о Брусилове как о человеке, как о стратеге, - вспоминал незадолго до смерти А.Гучков. – У него были большие свои успехи, которые я приписывал не столько ему, сколько обстановке и хорошим сотрудникам.... Тем более, что к моим впечатлениям присоединились еще за первые дни революции, просто определенные справки о том, как он в первые дни повел себя. Раболепно прополз он на брюхе перед солдатской демагогией, в то время как Алексеев вел себя с большим достоинством»[467].

Не испытывая особой доброжелательности к А.Брусилову, генерал Н.Епанчин все-таки пытался объяснить переход прославленного генерала на сторону советской власти. Он вспоминал о беседе, которая состоялась у него с А.Брусиловым. «Эту беседу я забыть не могу, - писал на склоне лет автор воспоминаний, - и она может объяснить многое о последующем поведении генерала Брусилова....

«Вы меня хорошо знаете, - говорил он, - и вы меня понимаете; надо стараться поддержать новый порядок и забыть старый... Мы с вами служим давно, и что же мы делали до сих пор – мы наказывали, расстреливали...».

---

[467] Александр Иванович Гучков рассказывает.... Беседы А.И.Гучкова с Н.А.Базили (история стенограмм). //Вопросы истории. – 1991. - № 7-8. – С.201.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Я скажу вам доверительно, что через месяц мы начнем наступательные действия, а до тех пор нужно все сделать, чтобы «овладеть душой» офицеров и солдат, и тогда с ними можно сделать все»[468].

Генерал Н.Епанчин высказал некоторые соображения, которые, по его мнению, могли бы служить объяснением тех предпосылок, которые в какой-то мере предопределили поведение А.Брусилова.

«...Мой разговор с Брусиловым запутался в оценке текущих событий, - продолжал свои воспоминания генерал. - Он был человек умный и по своему положению мог быть вполне в курсе деятельности Государственной думы, Временного правительства, Совета рабочих и солдатских депутатов и всех властей и лиц того времени, и, казалось бы, ему сравнительно легко было сделать должную оценку всего происходившего в России и, особенно, в армии; во всяком случае, бессознательного отношения к событиям с его стороны, казалось, не могло быть. Но могло быть тщеславие, надежда, что «новые господа» воздадут ему «по делам его».

Надо сказать, что Брусилов был армянского происхождения[469] и, возможно, что в нем говорила его кровь; возможно, что тут имело место значение влияния его жены; она была дочерью известной писательницы Желиховской. Какого направления она была до революции, я не знаю, но, живя в Каменец-Подольске в первое время революции, она вела себя крайне бестактно. Так, встречая офицеров и солдат на улице, она вступала с ними в разговоры и горячо уверяла их, что ее муж, «ваш Главнокомандующий, старый революционер», что он не изменит новому строю и пр.»[470].

Весьма энергичная, активная женщина, намного моложе своего мужа, Надежда Владимировна Желиховская (1864-1938), вторая жена генерала А.Брусилова, действительно оказывала на него сильное влияние.

Она была дочерью в те годы достаточно известной писательницы В.П.Желиховской (урожденной Ган) и, в силу родственных связей, родной пле-

---

[468] Епанчин Н.А. На службе трех императоров. – С.470-471.

[469] Видимо, имеется в виду одна из его бабушек (по отцу или по матери). Родители генерала жили и поженились в Тифлисе.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мянницей известной Е.П.Блаватской (тоже урожденной Ган), сестры ее матери. Это обстоятельство, несомненно, усиливало элементы мистицизма, некоторое увлечения спиритизмом не только Н.Желиховской, но и самого А.Брусилова. Впрочем, в своих воспоминаниях он как-то обмолвился, вспоминая о себе и наиболее близких к нему генералах Р.Яхонтове (двоюродном брате жены) и Д.Лагофете, «мы все трое мистики»[471].

Собственное идейно-политическое credo А.Брусилов выразил в своих воспоминаниях, не предназначенных к публикации, по крайней мере, при его жизни.

«Я был всю жизнь националистом, таковым и умру, - признавался он. - ...Воля народная для меня закон и против народа я не шел....Мое глубокое убеждение, что спасти положение может только национальный флаг, иначе мы окажемся под тяжелой пятой иностранцев, которым мы нужны как сырой материал для их выгод.

Мировой революции мы пока не видим, быть может, она и будет, но, вероятно, весьма не скоро. До нее не только нас, русских, но и многих других народов, населяющих бывшую Россию, успеют истолочь в ступе и скушать до основания.

Теперь есть еще время объединить эти народы с Великороссией, крепко спаяв не на одном коммунизме, который не спаял большинство населения, а породил массу недоразумений.

Стомиллионный народ, почти сплошь безграмотный и разноязычный, не может в 2-3 года доразвиться до коммунистической точки зрения, даже если допустить, что коммунизм приемлем и желателен для всего человечества. Необходимы многие годы для того, чтобы подготовить народ к тому миросозерцанию, которое даст возможность принять это новое учение.

Мы видим, что до интернационала и коммунизма в высоком и чистом их значении люди не доросли. Многое уже сделано для этого, но нужно натянутые вожжи, чтобы они не лопнули, ослабить и приглядеться, не лучше ли будет это

---

[470] Епанчин Н.А. На службе трех императоров. – С.471.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

для будущего не только нашего Отечества, но и для мирового значения этих идей.

Мы видим, - продолжал рассуждать старый генерал, - что христианство в течение почти двух тысяч лет не могло осуществить идеала единого стада и единого пастыря, что же сказать об учении, о котором народ еще три года назад не слыхал ничего.

В настоящее время деревня, как и в старые времена, управляется палкой, и такой вынужденный способ управления едва ли может укрепить армию и дать ей стойких бойцов. Идеалы интернационала для большинства в настоящее время совершенно недоступны, и из-за него сомневаюсь, чтобы народная масса охотно шла на смерть. Не следует забывать, что народ пошел за революцией, в особенности старая императорская армия, с лозунгами:

1) немедленный мир;
2) немедленно даровую землю;
3) освобождение от каких бы то ни было обязательств по отношению к государству, и не следует забывать, что они теперь разочаровались в своих надеждах.

Тем не менее народ наш прожил тысячелетие, имея на своем стяге свою веру в Россию, и в 2-3 года коренным образом переменить миросозерцание народное нельзя.

Подавляющее большинство делает вид, что приняло новые идеалы, но просто скрывает свои старые чувства и верования и по мановению пальца новых властей не может изменить то, что внедрялось в него веками.

Если вы хотите поднять его дух и заставить его смело и храбро сражаться с внешним врагом, то не спешите менять в корне пока еще неискоренимые его убеждения»[472].

Как известно, А.Брусилов фактически не принимал участия в гражданской войне, прямо отказавшись от соответствующих предложений со стороны белых и «мягко» отвергнув предложения со стороны красных, ссылаясь на воз-

---

[471] Брусилов А.А. Мои воспоминания. //Военно-исторический журнал. – 1990. - № 2. – С.58.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

раст и болезнь. Он оказался в составе Красной Армии лишь с мая 1920 г., возглавив Особое совещание при Главкоме в связи с наступлением польских войск и начавшейся советско-польской войной.

Сам А.Брусилов так объяснял свои политические позиции в тот период. «Для меня было непостижимо, как русские белые генералы ведут свои войска заодно с поляками, - размышлял он на страницах своих воспоминаний, - как они не понимали, что поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития. Как они недопонимают, что большевизм пройдет, что эта временная, тяжелая болезнь, наносная муть.... Я думал, что, пока большевики стерегут наши бывшие границы, пока Красная Армия не пускает в бывшую Россию поляков, мне с ними по пути. Они сгинут, а Россия останется...»[473].

Как это вытекает из приведенной информации, эти убеждения и политические настроения А.Брусилова разделяли ближайшие его друзья и приятели.

По собственному признанию А.Брусилова, в число его близких друзей входили генералы Д.Н.Логофет (1865-1923), Р.Н.Яхонтов (1858-1924), А.М.Зайончковский (1862-1926), В.Н.Готовский, А.Е.Снесарев (1865-1937), А.В.Новиков, В.Н.Клембовский (1860-1923), А.А.Цуриков (1858-1923), К.И.Величко (1856-1927), Н.И.Раттель (1875-1938), А.Е.Гутор (1868-1938), Н.А.Бабиков (1866-19??), П.А.Лечицкий (1856-1923), А.А.Поливанов (1855-1920). В основном это были его соратники и подчиненные в период боевых действий 1914-1916 гг. Некоторые из них, как это видно из предшествовавшего текста, сами являлись центрами самостоятельных внутрикорпоративных «генеральских группировок» (А.Зайончковский, А.Снесарев).

Несмотря на вышеприведенную информацию о политической позиции и убеждениях, высказанных А.Брусиловым, отношение к нему в эмиграции – отрицательное. По мнению генерала А.фон Лампе (выраженному в 1922 г.), «даже Керенский меньше виноват, чем Брусилов в распаде армии...»[474]. «Будь же

---

[472] Брусилов А.А.Мои воспоминания. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 10. - С. 68.
[473] Там же, с. 67.
[474] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3312.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

проклят этот темный герой нашего безвременья! – в сердцах восклицал А.фон Лампе. – Наличие Брусилова с его способностью приспособляться, едва ли поможет делу»[475].

Из «революционных генералов» сравнительно близки к А.Брусилову были С.Буденный и А.Егоров.

В моем распоряжении нет проверяемой информации о встречах А.Брусилова с М.Тухачевским за исключением свидельств П.Фервака, источник которых он не указывает.

П.Фервак в своей книге о М.Тухачевском сообщает, что, прежде чем перейти на сторону советской власти, гвардии подпоручик (капитан?) М.Тухачевский «встретился с Брусиловым и посоветовался со старым генералом: почему Брусилов решил пойти на службу к Советам? «Распространяя идею Интернационала, - ответил ему Брусилов, - советское правительство укрепляет национальное самосознание русских и возбуждает их дух патриотизма»[476].

Итак, проверяемых сведений об отношениях М.Тухачевского с А.Брусиловым нет, а вот о приятельских отношениях М.Тухачевского с А.Зайончковским информация имеется. Через последнего, близкого друга А.Брусилова, у М.Тухачевского вполне были вероятны и контакты со старым генералм – «героем германской войны». В равной мере, косвенным образом М.Тухачевский был связан с А.Брусиловым и через В.Готовского. Кроме того, не следует забывать, что А.Брусилов, как и А.Зайончковский, как и М.Тухачевский были приверженцами наступательной «стратегии сокрушения».

Выше уже упоминалось о близких дружеских отношениях между А.Снесаревым и С.Буденным.

...«В 1923 г. меня назначили помощником Главкома по кавалерии и членом РВС республики, - вспоминал С.Буденный. – В Москве я узнал, что А.Е.Снесарев преподает в Академии РККА. Однажды я пригласил его к себе на квартиру. Наша встреча была исключительно теплой и сердечной.... В тот день

[475] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3312; там же, Д.2. Л. 476.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мы говорили о многом. В последующем А.Е.Снесарев часто, не менее двух раз в неделю, бывал у меня и неизменно наши беседы превращались в дружескую дискуссию по вопросам общей тактики, оперативного искусства и стратегии»[477].

Эта дружба людей разных по возрасту, образованию, чину в старой армии, популярности объяснялась не только благодатными свойствами характера А.Снесарева, тягой к знаниям С.Буденного и его учебой у генерала, но и донским происхождением самого А.Снесарева. Последнее обстоятельство часто приводило на ипподром всех троих: А.Брусилова, С.Буденного и А.Снесарева[478]. А.Снесарев, можно сказать, был и идейным вдохновителем создания такого крупного кавалерийского соединения как 1-я Конная армия[479].

Нет необходимости пространно рассуждать о популярности Семена Михайловича Буденного (1883-1973), бывшего драгунского вахмистра, полного георгиевского кавалера из иногородных крестьян Области Войска Донского.

«В оперативном отношении Буденный, кроме Уборевича, - самый способный командарм и самый дисциплинированный, - так характеризовал «красного Мюрата» его непосредственный начальник весной 1920 г. М.Тухачевский. – Если он и отклонялся иногда от буквы приказов, то после оказывалось, что по обстановке так и было нужно. Лично Буденный также дисциплинирован.... Конечно, простоват как унтер-офицер. Вот мое мнение о Буденном»[480].

«Незаурядные способности Буденного я заметил еще под Царицыном, в боях на Южном фронте, - отмечал генерал А.Снесарев. – Воевал он хорошо благодаря врожденному военному таланту»[481].

«Поведение самого Буденного, - докладывает Ф.Дзержинскому известный Я.Петерс, - он ни с кем не может больше разговаривать и страдает манией величия. Необходимо, чтобы его перестали расхваливать...»[482].

---

[476] Fervacque P. Le chef de l'armee Rouge – Mikail Toukhatchevski. - P.112.
[477] Буденный С.М. Слово о старшем друге. //Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность). – С.8-9.
[478] Снесарева Е.А. Наш сосед. //Страницы большой жизни. Страницы воспоминаний о Маршале Советского Союза С.М.Буденном. – С.55-56.
[479] Буденный С.М. Слово о старшем друге. - С. 6.
[480] РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 128. Л. 65.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Вспоминал и давал своеобразную характеристику С.Буденному и генерал А.Брусилов. «Сам по себе вахмистр Буденный ко мне относился всегда очень почтительно, только жаль, что еле-еле умел подписывать свою фамилию и за него писали статьи и приказы другие, даже и офицеры-академики, сумевшие затушевать свою «белую кость» и подладиться к коммунистам»[483].

«В Буденном, знаменитом кавалерийском генерале, - вспоминал Ф.Шаляпин, - приковали мое внимание сосредоточенные этакие усы, как будто вылитые, скованные из железа, и совсем простое со скулами солдатское лицо. Видно было, что это тот самый российский вояка, которого не устрашает ничто и никто, который если и думает о смерти, то всегда о чужой, но никогда о своей собственной»[484].

«Я знаю Семена Михайловича с 1920 года как человека приятного, веселого, себе на уме, как человека честолюбивого, тщеславного, человека позы и некоторой доли актерства», - вспоминала Цешковская-Егорова[485].

В русском военном зарубежье поговаривали, что «Буденный… белых вождей не ругает, а считает себе равными» и заявляет, что «мы не получили бы Крыма, если бы его не продали»[486].

«Буденный будет еще служить царю», - так его характеризует И.Ильин[487]. «Необходимо внушить не только старым офицерам Красной Армии, - рассуждали белоэмигрантских кругах в начале 1924 г., - но и таким как Буденный, что против них ничего нет и с ними будут работать.... Буденному надо дать Анну первой степени и генеральство – почему нет – ведь Павличенко генерал…»[488].

В.Орлов, один из источников представлений о политических и военных «вождях» Советской России в русском белом зарубежье оставил следующую характеристику С.Буденного.

---

[481] Снесарева Е.А. Наш сосед. – Страницы большой жизни.... – С.55.
[482] Цитируется по: Генис В.Л. Первая конная армия: за кулисами славы. – Вопросы истории, 1994, № 12, с. 67.
[483] Брусилов А.А. Мои воспоминания. //Военно-исторический журнал. – 1990. - № 2. – С.61.
[484] Шаляпин Ф.И. Маска и душа. //Новый мир. – 1988. - № 6. – С.192.
[485] Судьбы генеральские.... //Военно-исторический журнал. – 1994. - № 1. – С.21.
[486] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3287.
[487] Ильин И.А. Записка о политическом положении.... //Русское прошлое. - № 6. – С.220.
[488] ГАРФ. Ф. 5853. Оп.1. Д. 14. Л. 6965.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Семен Буденный – сын украинского епископа, сбежал из духовной семинарии после того, как прибил гвоздями к полу галоши учителя латинского языка, был отправлен на конный завод, поступил на службу в Изюмский гусарский полк и через три месяца получил повышение, став заместителем старшины. Учился в офицерской школе, в составе Нижегородского драгунского полка был направлен в Тифлис, попал на фронт, после революции дезертировал, был призван в формировавшуюся Красную кавалерию, произвел благоприятное впечатление на Троцкого и черз шесть месяцев стал командиром полка. Прорвал линию фронта Добровольческой армии под Орлом и к началу польского наступления командовал армейским корпусом. Был привержнцем строгой дисциплины и окружил себя офицерами императорской кавалерии...»[489].

Как видно из цитированного выше фрагмента, сведения о личности и происхождении С.Буденного были достаточно смутные и часто весьма приблизительные. Однако сложившееся позднее представление о нем, как о части «двуединого тела Буденный-Ворошилов» не отражает реалий 20-х годов. В равной мере и отношения С.Буденного с партийно-политическими «вождями» Л.Троцким и И.Сталиным, как и с К.Ворошиловым, был неоднозначными и не столь простыми, как это воспринималось в позднейшей советской политической «агиографии».

Политическая репутация С.Буденного вызывала в первой половине (да и позднее) 20-х годов у партийного руководства серьезную озабоченность и опасения. «Буденный... слишком крестьянин, чересчур популярен и весьма хитер, - писал К.Ворошилов в феврале 1923 г. И.Сталину. – Зарубежная белая пресса очень часто пишет о Буденном в минорных тонах не без задней мысли. Внутренняя контрреволюция тоже очень уповает на будущее, в этом будущем, в представлении наших врагов, Буденный должен сыграть роль какого-то спасителя (крестьянского вождя), возглавляющего «народное» движение.... Если действительно произошло бы когда-нибудь серьезное столкновение... интере-

[489] Орлов В.Двойной агент. - М., 1998. – С.158.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сов между пролетариатом и крестьянством, Буденный оказался бы с последним»[490].

К.Ворошилов приводил в доказательство обоснованности своих опасений характерный пример. «...Наши милые товарищи (в центре), не отдавая себе отчета, чересчур уж много кричат о Буденном, «буденновской» армии, «буденновцах» и прочем, что ни в какой мере не отвечает ни партийным, ни общереволюционным задачам, - писал К.Ворошилов. - Сегодня комиссар 1-й Конной т. Тер сообщил мне случай из жизни эскадрона при штарме 1-й Конной. На вопрос молодому красноармейцу, за что он будет драться, последний ответил: «За Буденного»[491].

С.Буденный являлся подлинно «народным героем». Рядовые солдаты видят этого военачальника непосредственно на поле сражения, они могут оценить его храбрость, мужество. При этом, даже не обязательно данный военачальник должен побеждать. Он должен, подобно простым солдатам, уметь рисковать собственной жизнью, проливать свою кровь. Он должен быть таким же как и они. Лучше их в этих проявлениях. Они признают в нем своего «вожака», если он сильнее их, храбрее их, самоотверженнее их. Это та категория командиров, которым в силу должностного положения, приходится непосредственно руководить, командовать солдатами в бою. Это отделенные, взводные, ротные, батальонные, полковые командиры. В специфических обстоятельствах гражданской войны и благодаря особенностям «революционных армий» – это даже командиры бригад и часто даже командиры дивизий. Это командиры, решающие во главе своих солдат тактические задачи низшего и среднего уровня. Особенно это характерно для кавалерийских частей.

С.Буденного, как и В.Чапаева, Г.Котовского, В.Примакова, Г.Гая и др., красноармейцы часто видели во главе, на виду, на поле сражения. «Буденный – наш братишка!» – эти слова известной песни-марша точно отражали отношение красноармейцев к такого рода командирам.

---

[490] Письмо К.Ворошилова – И.Сталину от 1 февраля 1923 г. //Военные архивы России. – Выпуск № 1. – С.408.
[491] Там же, с.409.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

…С определенными оговорками можно выделить еще одну внутрикорпоративную группу в советской военной элите. Эта группа сформировалась в годы гражданской войны из высших командиров и штабных работников 6-й отдельной армии, воевавшей на севере против войск генерала Е.Миллера. В составе этой внутрикорпоративной группы, благодаря совместной фронтовой работе, были А.Самойло, В.Гиттис, А.Геккер, Н.Петин, Н.Лисовский, И.Уборевич. Своеобразным «крестным отцом» этой группы являлся генерал М.Бонч-Бруевич, занимавший в марте-августе 1918 г. должность военного руководителя Высшего военного совета. В его ведении тогда находилось дело формирования командных кадров для фронтов разворачивавшейся гражданской войны.

Как свидетельствовал в марте 1923 г. один из сотрудников Штаба РККА полковник П.Дилакторский, сам «Бонч-Бруевич значения не имеет»[492]. Это было так. Игравший весьма важную, даже в какой-то момент, ведущую роль в советской военной элите в 1918-первой половине 1919 г., генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (1869-1956) к 1923 г. уже сам непосредственно существенной роли не играл.

Близким другом М.Бонч-Бруевича был генерал-майор Генштаба А.Самойло, также игравший в 1918-1919 гг. весьма важную роль в складывавшейся советской военной элите. «С Самойло мы вместе воспитывались. Сын врача Лефортовского военного госпиталя, он учился одновременно со мной в Константиновском межевом институте. В юнкерском мы стояли друг другу в затылок; я, как портупей-юнкер, командовал взводом, он – отделением. Дружеские отношения наши выдержали испытание добрых семидесяти лет, и судьбы оказались схожи…»[493]. Однако, подобно своему другу, он также отошел на вторые роли в начале 20-х годов.

Зато один из ближайших друзей и соратников указанных генералов полковник Генштаба Н.Петин был в 20-е годы весьма заметной фигурой в советской военной элите.

---

[492] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4133.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Полковник Генштаба Николай Николаевич Петин (1876-1937), дворянин, по образованию военный инженер, по своей последней должности в старой армии был генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западного фронта. Пока еще оставались организационные структуры старой армии, он с февраля по апрель 1918 г. занимал должность начальника штаба Юго-Западного фронта. Н.Петин не сразу согласился служить в Красной Армии. С.Аралов, возглавлявший Оперативный отдел Высшего военного совета в 1918 г., оценивая Н.Петина как «большого знатока штабной работы», вспоминал о нем: «Петин был убежденный монархист, к Советской власти относился с презрением, и с ним пришлось немало поработать индивидуально, прежде чем рассеять его враждебные настроения, склонить на сторону Красной Армии. Берзин давал ему читать ленинские статьи, повез его однажды на собрание, где выступал Ленин. Наконец, усилия увенчались успехом. У генерала[494] появились проблески понимания, отчего произошла революция. В один прекрасный день Петин заявил, что будет честно работать, что он «кое-что понял»[495]. Зная о его монархических убеждениях и выдающихся оперативных способностях, старые приятели и сослуживцы Н.Петина в Вооруженных силах Юга России обращались к нему с предложениями о переходе на сторону белых. Однако он отверг эти предложения.

Н.Петин был волевым, решительным, властным «генералом». Примечательный штрих к характеристике его личности промелькнул в разговоре М.Тухачевского и С.Каменевым по прямому проводу в августе 1920 г. В связи с решением о передаче трех армий Юго-Западного фронта М.Тухачевскому, последний заметил Главкому: «Если Петин не будет задираться»[496]. Характерно, что М.Тухачевский, сам человек властный и волевой, говорил не о командующем Юго-Западном фронта А.Егорове, а о его начальнике штаба Н.Петине.

С июня 1918 г. Н.Петин фактически начал свою службу в составе Красной Армии в качестве начальника мобилизационного управления Беломорского

---

[493] Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. - М., 1964. – С.224.
[494] С.Аралов ошибочно называет Н.Петина генералом.
[495] Аралов С.И. Ленин вел нас к победе. - М., 1989. – С.53.
[496] Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920). - М., 1969. – С.654.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военного округа под руководством А.Геккера (военно-политического комиссара) и Ф.Огородникова (военного руководителя).

С конца ноября 1918 г. А.Самойло, ставший командующим 6-й отдельной армии Северного фронта, взял к себе в качестве начальника штаба Н.Петина, остававшегося в этом качестве до мая 1919 г.

В период обострения фронтовой обстановки под Петроградом командующий Западным фронтом В.Гиттис, знавший очень хорошо профессиональные свойства Н.Петина еще по боевому опыту 6-й армии, запросил его к себе начальником штаба фронта. Он оставался на этой должности до середины октября 1919 г. К этому времени натиск войск генерала Юденича был уже отражен и как специалиста, прекрасно справившегося с весьма сложными оперативными проблемами, Н.Петина направляют начальником штаба Южного фронта к А.Егорову. И командующий, и его начальник штаба представляли новое руководство фронтом и оказались во главе его в самый тяжелый, кризисный момент. Плодотворное боевое сотрудничество А.Егорова и Н.Петина продолжалось вплоть до апреля 1921 г.: на Южном, затем на Юго-Западном фронтах и в руководстве Киевским военным округом, который Н.Петин возглавлял с апреля 1921 по январь 1923 г. С января 1923 г. он занимал должность командующего Западно-Сибирского военного округа.

Следует заметить, что, как опытный и весьма способный военный специалист Генштаба, Н.Петин, в сущности, являлся решающей фигурой в успешном отражении войск Юденича под Петроградом, Деникина – на Южном фронте и в боевых операциях Юго-Западного фронта против польских войск.

Он был беспартийным человеком, к тому же с весьма сомнительными политическими симпатиями, поэтому большая часть лавров победителей досталась В.Гиттису и А.Егорову. Однако реальная значимость фигуры Н.Петина была ясна как центральному военному руководству, так и высшим военным кругам. «Человек огромной работоспособности и энергии. Отличный организатор Петин прекрасный начальник штаба фронта», - так характеризовал его М.Фрунзе.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Н.Петин расценивался как один из главных оперативных авторитетов и среди молодых «революционных генералов», выросших на полях гражданской войны. В частности это можно сказать об И.Уборевиче, также являвшемся «младшим» представителем указанной внутрикорпоративной группы.

В начале 20-х годов Н.Петин выдвинул концепцию «психологического уничтожения» армии противника. Смысл этой концепции сводился, в сущности, к тому, что вовсе не обязательно в ходе военных действий физическое уничтожение живой силы противника. Вполне достаточно сильным ударом подавить его волю к сопротивлению, когда потерпевший поражение неприятель, психологически будучи сломленным, прекратит сопротивление. Жестким оппонентом Н.Петина оказался М.Тухачевский, весьма критично отнесшийся к таковым его взглядам в своей статье «Война клопов»[497].

Однако И.Уборевич, в противоположность М.Тухачевскому, с сохранившимся пиететом к Н.Петину еще с тех времен, когда он начинал свою военную карьеру в Красной Армии в составе войск 6-й армии, одним из руководителей которой был Н.Петин, и потом, воюя под подавляющим воздействием оперативных решений этого «генерала» на Южном и Юго-Западном фронтах, стал активным сторонником его концепции.

Выступая с докладом «Принципы ведения боя и значение их в деле воспитания и обучения Красной Армии» на съезде командного и политического состава Сибири 3 июня 1922 г., И.Уборевич говорил: «Уже тов. Петин в своем пространном докладе доказал, что идея войны, это не истребление поголовное противника, а внушение ему сознания о бесцельности дальнейшего сопротивления. Момент – победа с одной стороны и поражение с другой стороны – имеет место как психологическое решение людских масс, начиная с начальника и кончая рядовыми. Несмотря на страшное развитие техники, побежденная армия это не значит уничтоженная с точки зрения числа»[498].

---

[497] Тухачевский М.Н. Война клопов. //Тухачевский М.Н. Избранные произведения. - М., 1964. - Т. 1.
[498] Уборевич И. Принципы ведения боя и значение их в деле воспитания и обучения Красной Армии. (Стенограмма доклада на съезде ком. и политсостава Сибири 3 июня 1922 г.). //Красная Армия на Востоке. – 1922. - № 8. – С.6.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

...Иероним Петрович Уборевич (1896-1937) - литовский крестьянин из Ковенской губернии. Благодаря свойствам характера и природным способностям окончил Двинское реальное училище и поступил в Петербургский политехнический институт[499]. За участие в бунте против полиции был отдан под суд. Бежал в Петроград, где был призван в армию и направлен в Константиновское артиллерийское училище. Весной 1916 г., после окончания училища, оказался младшим офицером в 15-м тяжелом артдивизионе подпоручиком. Затем – фронт, бои на Висле, в Румынии.

После февральской революции, в марте 1917 г., И.Уборевич оформил свое членство в большевистской партии. По собственному признанию, он в то время «точно оттенков большевизма, меньшевизма не знал», поэтому оказался связанным с большевизмом преимущественно эмоционально. В бурные дни и месяцы революции И.Уборевич – командир революционного полка, вел бои с румынами и австро-венграми. В феврале 1918 г. раненый попал в плен, из которого, спустя полгода, бежал. Вскоре на Северном фронте Советской Республики он становится командиром артиллерийской батареи, затем командиром бригады. Его доблесть в боях была отмечена орденом Красного Знамени. Отмечен он был и в штабе интервентов.

«Иероним Уборевич, 22 года, математический склад ума, специальность артиллерист», - так значилось в разведсводке. Вскоре он был назначен командиром 18-й стрелковой дивизии в составе 6-й армии[500].

Последующая военная карьера И.Уборевича была стремительна. Уже осенью 1919 г. он – командующий 14-й армией, сыгравшей решающую роль в Орловско-Кромском сражении и поражении деникинских войск[501].

---

[499] Как он сам писал в автобиографии, «средств не было, пришлось заняться уроками, а потом и совсем в 1915 г. вернуться в деревню на сельское хозяйство». //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 2. – С.81.

[500] «Говорят, что командующим назначен Уборевич, бывший поручик царской армии, - появилась информация у англичан о его новом назначении. – Мало найдется английских офицеров, которые будут отрицать, что он знает свое дело...». – Цитируется по книге В.Савостьянова и П.Егорова. Командарм первого ранга. - М., 1966. – С.24.

[501] В период крайне опасного для Советской России обострения оперативно-стратегической обстановки на Южном фронте 6 октября 1919 г. И.Уборевич назначается командующим 14-й армией. И.Уборевичу по праву принадлежала львиная доля заслуг в организации и координации войск, штурмовавших Орел.
Ранней весной 1920 г. он, переведенный на Кавказский фронт, во главе 9-й армии с успехом участвовал в завершении разгрома деникинских войск.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В качестве командующего разными армиями на Кавказском, Юго-Западном фронтах, в Приморье во главе Народно-революционной армии И.Уборевич проявил выдающиеся способности военачальника. К ноябрю 1923 г. он занимал должность командующего 5-й Отдельной армией, на правах командующего фронтом. К этому времени он получил заслуженное признание в войсках и репутацию одного из самых лучших и самых молодых «революционных генералов».

«На каждом фронте есть один из командармов, играющих первую скрипку, - считал Главком С.Каменев, - таковой скрипкой...был Уборевич – на Юго-Западном»[502].

М.Тухачевский считал И.Уборевича (наряду с С.Буденным) «в оперативном отношении самым способным командармом и самым дисциплинированным»[503].

По мнению маршала И.Конева, И.Уборевич был «самым крупным военным деятелем» той эпохи. Он «высоко оценивал его опыт в период гражданской войны. Высоко оценивал его как командующего округом, как человека,

---

Вскоре его вновь возвращают на должность командующего 14-й армией уже в составе Юго-Западного фронта, во главе которой он участвует в «польской кампании». Однако в самый разгар победоносного продвижения Красной Армии на Запад, в наступление перешла Русская армия генерала П.Врангеля. И.Уборевич переводится на должность командующего 13-й армией, основной задачей которой было парализовать наступление врангелевских войск на Донбасс и воспрепятствовать их взаимодействию с польской армией.

Именно соединения 13-й армии под командованием И.Уборевича сумели овладеть плацдармом на берегу Днепра у Каховки, создать там мощную хорошо укрепленную базу для наступления во фланг и тыл врангелевских войск, с которой его так и не смогли сбить генералы белой Русской армии. Это обеспечило, в конечном итоге, поражение Русской армии и отход ее в Крым. В 1921 г. И.Уборевич руководил войсками по ликвидации петлюровских отрядов в должности помощника командующего войсками Украины и Крыма, затем участвует в подавлении Тамбовского восстания в качестве заместителя командующего войсками Тамбовской губернии. Летом, командуя войсками Минской губернии, он ликвидирует отряды С.Булак-Балаховича.

В августе 1921 г. И.Уборевич получает назначение командующим 5-й армией и Восточно-Сибирским военным округом. В таковом качестве он довольно быстро уничтожил остатки белых частей в Восточной Сибири и войска барона Р.Унгерна в Монголии.

К этому времени полководческий авторитет И.Уборевича укрепился настолько, что его, 25-летнего командарма, офицера военного времени, без высшего академического образования, сочли достойным «причислить» в июне 1922 г. к Генеральному штабу.

Назначенный в августе 1922 г. Главнокомандующим Народно-революционной армией и военным министром Дальневосточной республики, И.Уборевич в октябре 1922 г. наносит окончательное поражение белым войскам в районе Спасска, в Приморье, завершив, таким образом, советизацию Дальнего Востока.

С ноября 1922 г., после слияния Народно-революционной и 5-й армий, И.Уборевич назначается командующим 5-й Отдельной армии (на правах командующего фронтом).

[502] РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 387. Л. 386.

[503] Там же, Д. 128. Л. 65; см. также Генис В.Л. «Батайская пробка». //Вопросы истории. – 1993. - № 1. – С.158.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

прекрасно знавшего войска, пристально и умело занимавшегося боевой подготовкой, умевшего смотреть вперед и воспитывать кадры»[504].

И.Конев считал, что «Уборевич был человеком с незаурядным военным дарованием»[505]. Педантичный, по-немецки пунктуальный и аккуратный, И.Уборевич был требовательным и строгим человеком. «Уборевич больше занимался вопросами оперативного искусства и тактикой.... Он был большим знатоком и того и другого и непревзойденным воспитателем войск, - вспоминал много позже один из его «учеников» маршал Г.Жуков. – В этом смысле он, на мой взгляд, был на три головы выше Тухачевского, которому была свойственна некоторая барственность, небрежение к черновой работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание»[506].

Вновь возвращаясь к личности И.Уборевича, Г.Жуков, для которого командарм слишком много значил в полководческом становлении, отмечал: «Уборевич был бесподобным воспитателем, внимательно наблюдавшим за людьми и знавшим их, требовательным, строгим, великолепно умевшим разъяснить тебе твои ошибки. Очевидность их становилась ясной уже после трех-четырех его фраз. Его строгости боялись, хотя он не был ни резок, ни груб. Но он умел так быстро и так точно показать тебе и другим твои ошибки, твою неправоту в том или ином вопросе, что это держало людей в напряжении»[507].

Другой его «ученик», маршал К.Мерецков отмечал в характере И.Уборевича некоторую «сухость» и «резкость» и в то же время «собранность и организованность».

---

[504] Симонов К. Беседы с Маршалом Советского Союза И.С.Коневым. //Симонов К. Глазами человека моего поколения. - М., 1988. - С. 395.
[505] Там же.
[506] Там же: К биографии Г.К.Жукова. - С. 382. Несомненно, в оценках и характеристиках как И.Конева, так и Г.Жукова присутствует определенный субъективизм. Есть здесь и отпечаток «классовой неприязни» к «бывшим», характерная для «красных командиров» «рабоче-крестьянского» происхождения периода гражданской войны. Заметен и пиетет к И.Уборевичу, их «учителю», человеку социально-близкому (тоже из крестьян). М.Тухачевский для них все-таки «золотопогонник», «белогвардеец», которого они, к тому же, редко могли наблюдать непосредственно. Для них он изначально представлялся неким «небожителем», а потом «поверженным демоном».
[507] Симонов К. Указ. соч. - С. 386.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Генералу С.Калинину также «И.П.Уборевич запомнился как подлинный новатор в обучении и воспитании войск»[508].

Н.Крестинский, хорошо знавший И.Уборевича, считал его «достаточно властным» командующим. В этом отношении показателен конфликт, возникший между И.Уборевичем (тогда командующим 13-й армией) и новым командующим Южным фронтом М.Фрунзе, намеревавшимся восстановить в его армии РВС.

«...При таком взгляде Ревсовета Республики на мою работу во время единоначалия, - заявил в ответ в разговоре по прямому проводу 1 октября 1920 г. И.Уборевич, - для себя не считаю возможным остаться в 13-й армии. Прошу командировать меня на Западный фронт, хотя в качестве начдива»[509].

Подобно большинству молодых «революционных генералов», поднявшийся на гребне революционной волны к вершинам ранней воинской славы и власти, он был пронизан честолюбивыми настроениями. По свидетельству своих приятелей по военному училищу, И.Уборевич еще в юнкерские времена как-то обронил знаменательное признание: «Ну, уж если Наполеону суждено появиться, то им буду я»[510].

Достаточно яркая и стремительная военная карьера (хотя, быть может, и менее эффектная и драматичная чем у М.Тухачевского), молодость, некоторая созвучность с «наполеоновской» судьбой, несомненно, стимулировали развитие этих настроений в его мировоззрении.

Превратности боевой судьбы сводили И.Уборевича с военачальниками, которые оказывали влияние на формирование его полководческого почерка, воспитывали в нем профессиональные навыки, восполняли пробелы в его военно-теоретических знаниях. До конца дней он сохранял дружеские отношения с

---

[508] Калинин С.А. Размышляя о минувшем. - М., 1963. - С. 117.

[509] Несмотря на уговоры М.Фрунзе, И.Уборевич продолжал протестовать. «...Как военный человек, - возражал он, - я не признаю коллегиальности, с этим вы должны согласиться, поскольку вам приходится командовать. Я всюду проводил в своих армиях идею революционного единоначалия».

М.Фрунзе, старавшийся успокоить своего строптивого подчиненного и смягчить его позицию, ответил, что придерживается таких же взглядов «относительно единоначалия..., и тем не менее, как видите, работаю в условиях иных». Однако И.Уборевич упрямо стоял на своем: «Докладываю, что работать я не смогу. Я прошу не перерешать, а отправить меня на Западный фронт». //Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922). - М., 1974. - Т. 3. - С. 403.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

А.Егоровым, Н.Петиным, А.Самойло, А.Геккером, Глаголевым и др. Это был тот круг авторитетных для него в те годы лиц, с которыми он был связан своей полководческой судьбой в годы гражданской войны. Весьма близкие дружеские отношения, сложившиеся еще в 1919 г. в пору Орловско-Кромской операции, связывали И.Уборевича и Г.Орджоникидзе. Бывало, что Г.Орджоникидзе и командарм-14 И.Уборевич в 1920 г. «пьянствовали и гуляли с бабами неделю»[511].

В первой половине 20-х годов И.Уборевич находился в достаточно близких приятельских отношениях с А.Егоровым своим бывшим непосредственным начальником по Южному (в 1919 г.) и Юго-Западному (в 1920 г.) фронтам, которыми командовал последний. Кроме того, оба «генерала», приятельствовавшие, несмотря на значительную разницу в возрасте, в шутку называли друг друга «свояками». Это потому, что были женаты на близких между собой подругах. Наконец, их связывало и общее покровительство, которое им оказывал И.Сталин, с которым А.Егоров был близко знаком еще с царицынских времен. А.Егоров был с И.Сталиным «на ты», во времена обороны Царицына им приходилось порой спать, укрываясь одной шинелью.

И.Уборевич, при всех своих природных военных дарованиях, считался «креатурой» И.Сталина. «Командармом 13 только что назначен Уборевич, которому Сталин вполне доверяет и которого сменять не собирается», - писал Н.Крестинский В.Ленину в июле 1920 г.[512]

Равнозначная негативная политическая репутация А.Егорова и И.Уборевича, сложившаяся у партийной и советской общественности к 1921 г., в весьма значительной степени «погружала» этих «генералов» в зависимость от политического «протежирования» И.Сталина. Этому имеется весьма красноречивое свидетельство.

Когда в 1921 г. А.Егорова выдвинули в члены ВЦИК, то делегаты большинством голосов отклонили его кандидатуру. Тогда именно И.Сталин своим

---

[510] Возрождение. – 1937.- 24 июня.
[511] Об этом идет речь в записке В.Ленина от 5 января 1920 г., адресованной Г.Орджоникидзе. //В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. - С. 317.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

авторитетом все-таки сумел «протолкнуть» свою «креатуру». Интересна была его аргументация-характеристика и А.Егорова, и И.Уборевича: «Говорят, что Егоров плохой коммунист, - убеждал И.Сталин делегатов. – Ну и что же? Уборевич тоже плохой коммунист, но хороший командующий, и как хорошего командующего его надо избрать»[513]. Впрочем, и сам И.Уборевич не заблуждался относительно глубины понимания политического мира, в который он был погружен. Даже в 1924 г. он признается в своей автобиографии: «В смысле политобразования я в значительной мере практик и не все еще успел преодолеть в теории социологических наук»[514].

Александр Ильич Егоров (1883-1939), из мещан, полковник (1917) старой армии, бывший эсер (до 1918 г.), несмотря на высокие посты, которые он занимал в годы гражданской войны, в общественном мнении и в оценках военных специалистов не обрел широкой популярности. Во всяком случае, на фоне «легенд» о М.Тухачевском или С.Буденном А.Егоров был известен сравнительно менее широкому кругу, в основном военных прфессионалов. К середине 20-х годов у него была репутация весьма авторитетного «революционного генерала». Однако его не считали «знаковой» фигурой, которая могла бы представлять Красную Армию, как М.Тухачевский, С.Буденный, С.Каменев, И.Вацетис.

Более или менее пространные впечатления, оставшиеся у лиц, близко знакомых с А.Егоровым или случайно с ним встретившихся, дают возможность представить этого «генерала».

«...Егоров. Командующий Южным фронтом. Высокий, крепкого сложения. Грубоватое, простодушное лицо. Приплюснутый нос. Глубоко сидящие глаза. Посмеивается», - таким увидел его Джон Рид в 1919 г.[515]

«Молодцеватость и внешняя собранность очень его украшали, - вспоминала об А.Егорове писательница Г.Серебрякова. – Идеально прямая спина, тонкая талия, перехваченная ремнем. Легкость и уверенные жесты, свидетельство-

---

[512] В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. - С. 353.
[513] Цитируется по: Ненароков А. Александр Ильич Егоров. //Советский воин. – 1988. - № 4. - С. 17.
[514] И.П.Уборевич. Автобиография. 1924 г. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 2. - С. 83.
[515] Старцев А.Русские блокноты Джона Рида. - М., 1977. - С. 224; Ненароков А. Верность долгу. - М., 1983. - С. 52.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вали о тренировке.... Он умел заинтересовать и умными рассказами о былях российских глубинок, о старателях и разных бывалых людях. Была в нем завидная твердость взглядов, убежденность в правоте избранной цели»[516].

Главком С.Каменев достаточно скептично оценивал А.Егорова в годы гражданской войны. При назначении его командующим Южным фронтом в сентябре 1919 г., сделанном по инициативе И.Сталина, поддержанной Л.Троцким, Главком выразил красноречивые сомнения: «...По личным свойствам вряд ли справится с такой трудной задачей...»[517].

Невысокого мнения об А.Егорове был и Л.Троцкий. «...Егоров, подполковник великой войны – расплывчатая посредственность», - вспоминал бывший Председатель РВСР[518].

Как свидетельствует К.Симонов, И.Конев, видимо отражавший мнение, сложившееся в высшем комсоставе РККА, «Егорова и Корка считает людьми средних способностей, образованными, знающими, выдержанными, но не блиставшими сколько-нибудь заметными военными дарованиями»[519].

В русском военном зарубежье и в германских военных кругах репутация А.Егорова-военачальника была не очень высокой.

Полковник А.Зайцов, один из самых авторитетных в военных кругах русского зарубежья, военный теоретик и историк так оценивал А.Егорова. «В отличие от Тухачевского Егоров свою военную карьеру сделал благодаря политике и особенно благодаря близости к Сталину, - писал он в своей большой работе, посвященной Красной Армии. – Военные его дарования, особенно по опыту польско-советской войны, более чем спорны. Можно прямо сказать, что именно его действия были главной причиной проигрыша этой кампании Красной Армией.... Сейчас Егорову 50 лет, и он, уже три года состоя начальником Генерального штаба, является, таким образом, кандидатом на пост начальника штаба при Ворошилове на случай войны. Конечно, по сравнению с Ворошиловым

---

[516] Серебрякова Г. О других и о себе. Полководцы. //Серебрякова Г. Собрание сочинений. - М., 1979. - Т. 5.
[517] Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1922). - М., 1969. - С. 463.
[518] Троцкий Л. Обезглавление Красной Армии. //Бюллетень оппозиции. - Париж, 1937. - № 56-57. - С. 3.
[519] Симонов К. Беседы с Маршалом Советского Союза И.С.Коневым. //Симонов К. Глазами человека моего поколения. - С. 395.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

он более подготовлен для его занятия, но все-таки его общеобразовательный и военный стаж более чем скромен для подобного поста, и вряд ли сочетание этих двух красных генералов сможет толково руководить армией в военное время»[520].

В военных кругах Рейхсвера А.Егорова оценивали по-разному. «Егоров – бесцветная личность.... Он упорным трудом выдвинулся вперед...». Таково было одно из мнений. Другие считали, что после М.Тухачевского, И.Уборевича «Егоров...считается одним из самых способных красных командиров»[521].

В 20-е годы представления советской общественности о личности А.Егорова были несколько искаженными, благодаря фальсификации его биографии официальным и целенаправленным образом осуществленной в центральном военном ведомстве. Еще в начале 1919 г. в газете «В пути», издававшейся в поезде Председателя РВСР, появилась статья о только что назначенном командарме-10 А.Егорове. В ней говорилось о том, что он рабочий, участник революционного движения с 1904 г., чуть ли не самоучка, который, едва окончив Казанское военное училище, ушел из армии, был артистом, грузчиком, молотобойцем, а призванный с началом «империалистичской войны» в армию, дослужился до чина подполковника и организовывал солдатские комитеты после Февраля 1917 г.[522]

Как полагали некоторые ответственные политработники, для красноармейских масс А.Егоров должен быть «своим человеком», пролетарского происхождения, даже если для этого нужно было сфальсифицировать его биографию. Эта «биографическая легенда» А.Егорова просуществовала много десятилетий. Однако в 20-е годы она, возможно, снимала известные ментальные препятствия в отношениях между бывшим кадровым штаб-офицером (полковником) старой армии, участвовавшим в подавлении крестьянского восстания в Грузии в 1905

---

[520] Зайцов А. Шестнадцать лет РККА. //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - С. 257-258.
[521] «Новое лицо Красной Армии». Из статьи в немецком журнале «Верфронт». //Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922-1933. Неизвестные документы. - М., 1992. - С. 355.
[522] Ненароков А.П. Александр Ильич Егоров. //Советский воин. - 1988, № 4. - С. 15.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

г., и «революционными генералами», вышедшими из рабоче-крестьянских слоев.

Впрочем, А.Егоров был прекрасным боевым офицером. Он начал 1-ю мировую войну в чине штабс-капитана и закончил полковником. Воевал с охотой и отважно: два тяжелых ранения, три контузии, шесть орденов и Георгиевское оружие – красноречивые свидетельства его доблести и мужества[523].

Характеризуя лидеров и внутрикорпоративные группы советской военной элиты первой половины 20-х годов, необходимо обратить внимание еще на одного «красного генерала».

«...Небольшого роста, коренастый и плотно сколоченный..., с лицом римского гладиатора и всепонимающим взглядом Сократа», - такое впечатление производила на окружающих внешность И.Вацетиса[524]. В период ожиданий «германского Октября» 1923 г. он был направлен в Берлин с секретной миссией для организации и командования «германской Красной Армией». В это время казалось, что бывший Главком вновь возвращается в военную элиту.

Иоаким Иоакимович Вацетис, или правильнее, «Вациетис», (1873-1938) из латышских крестьян-батраков вышел в офицеры, окончил Академию Генерального штаба и, закончив участие в 1-й мировой войне полковником, командиром 5-го Земгальского полка латышских стрелков, в сентябре 1918 г. стал Главкомом Вооруженных Сил Советской республики. Он, спасший советскую власть и большевистское правительство в июле 1918 г., беспощадно и решительно, «по-наполеоновски» пушками разметавший мятежные отряды левых эсеров, вместе с Л.Троцким создававший регулярную Красную Армию и организовавший первые ее победы, в июле 1919 г. был остранен, и вскоре арестован как участник «заговора в полевом Штабе РВСР». И хотя подозрения не подтвердились, боевая карьера честолюбивого Главкома-латыша на этом завершилась. Он оставался в рядах Красной Армии, «за прежние выдающиеся заслуги», и, видимо, не ожидал нового своего взлета в 1923 г.

---

[523] Ненароков А.П. Верность долгу. - М., 1989. - С. 49-51.
[524] Дубинский И. Портреты и силуэты. - М., 1987. – С. 16-17.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«...Когда я в чине полковника преподавал тактику в Академии Генерального Штаба, - вспоминал генерал М.Бонч-Бруевич, - поручик Вацетис был только слушателем, и притом мало успевавшим»[525]. Оценка генерала весьма субъективная, хотя бы потому, что отношения его с Главкомом были неприязненными. В М.Бонч-Бруевиче, несомненно, говорило и оскорбленное чувство генерала, коньюнктурно обойденного его вчерашним учеником-«выскочкой», протежируемым Л.Троцким.

Сравнивая своего protegee со сменившим его новым Главкомом, тоже бывшим полковником, С.Каменевым, Л.Троцкий считал, что «Вацетис был упрямее, своенравнее и поддавался, несомненно, влиянию враждебных революции элементов»[526]. Л.Троцкий отмечал «вспыльчивость и капризность» Главкома[527].

«...Вацетис был предприимчив, активен и находчив.... В противоположность другим военным академикам, он не терялся в революционном хаосе, а жизнерадостно барахтался в нем, пуская пузыри, призывал, поощрял и отдавал приказы, даже когда не было надежды на их выполнение. В то время, как прочие «спецы» больше всего боялись переступить черту своих прав, Вацетис, наоборот, в минуты вдохновения издавал декреты, забывая о существовании Совнаркома и ВЦИКа. Через год, примерно, Вацетиса обвинили в сомнительных замыслах и связях, так что пришлось его сместить. Но ничего серьезного за этими обвинениями не крылось. Возможно, что на сон грядущий он почитывал биографию Наполеона и делился нескромными мыслями с двумя-тремя офицерами»[528].

Человек прямодушный, грубоватый, И.Вацетис трудно переносил чей-либо контроль над собой. Окружавшие его отмечали в нем «импульсивность»[529]. Он был чрезвычайно самостоятельным, волевым, стремившимся и умевшим подчинять себе других. «Обычно Главком И.И.Вацетис старался об-

---

[525] Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. - М., 1964. - С. 336.
[526] Троцкий Л. Сталин. - Т. 2 - С. 106.
[527] Там же, с. 100.
[528] Троцкий Л. Моя жизнь. - М., 1990. - Т. 2. -С. 127.
[529] Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891-1922. - С. 256.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ходиться без советников, - вспоминал позднее один из сотрудников его штаба, - как в штабе, так и на заседаниях РВС, упорно добивался проведения в жизнь своих решений»[530]. Как любил повторять и позднее сам И.Вацетис, «командир в бою – это все. Даже при комиссаре. Это диктаторская власть. Без этого нет победы...»[531].

Несомненно, отставка с поста Главкома и арест произвели шокирующее впечатление на полковника. Обида на советскую власть и ревность к своему преемнику весьма часто прорывалась в несдержанных откровениях И.Вацетиса. Это порой просматривалось и в беседах, в которых он обязан был вести себя весьма сдержанно. «Много сделал на своем посту Сергей Сергеевич, но кое-что было сделано и до него», - как бы напоминал вскользь и о своих заслугах бывший Главком[532].

Оказавшись в августе 1923 г. в Германии, в Берлине, в разговорах с представителями русского военного зарубежья И.Вацетис давал волю своим чувствам, всему накопившемуся в его душе недовольству властью, всем своим обидам.

«Вчера у меня был после большого перерыва В.В.Колоссовский, - записал в своем дневнике 23 сентября 1923 г. А.фон Лампе. - ...Я высказал согласие повидаться самому с Вацетисом, хотя мне это и неприятно морально, так как ведь никто как он своей работой против нас и Колчака укрепил ту самую власть жидов, которых он сейчас так не жалует!... Не говорит ли в нем только оскорбленное повышенное самолюбие латыша, которого спихнули с хорошего и видного места новый человек. Не даром в разговоре с Колоссовским он говорил отрицательно главным образом о Каменеве, сменившем его на посту Главковерха!»[533].

«...Видимо, Вацетис не прочь поговорить с кем-либо моего типа, но боится наблюдения Чеки, - записал в своем дневнике А.фон Лампе 25 октября

---

[530] Панов А. В Полевом штаба РВСР. //Военно-исторический журнал. – 1962. - № 7. - С. 68.
[531] Дубинский И. Портреты и силуэты. - С. 17.
[532] Там же, с. 25.
[533] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 5186.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

1923 г., - ...Как выгнали большевики из Главнокомандующих – пошел против своих же господ...»[534].

Несмотря на отставку, неуживчивый нрав, политическую «неуравновешенность и неустойчивость», И.Вацетис не только в первой половине 20-х годов сохранял репутацию весьма ценного военного специалиста, хорошего организатора вооруженных сил, но и во второй половине 20-х годов, и в 30-е годы. Поэтому неудивительно, что именно его кандидатура оказалась наиболее подходящей для организации и последующего руководства создаваемой «германской Красной Армией». Тем более, что его настроения и военная судьба могли в достаточной мере импонировать русским офицерам в белом зарубежье. Их ведь намеревались привлечь к активному участию в создании Красной Армии в Германии. Впрочем, «германский Октябрь» не состоялся и кратковременное, хотя и скрытое, возвращение И.Вацетиса в советскую военную элиту закончилось к январю 1924 г., когда бывший Главком был возвращен в СССР.

Надо сказать, что, вероятно, в силу своего характера, И.Вацетис, сохраняя к себе уважение со стороны высшего комсостава РККА, в том числе, в частности, и со стороны М.Тухачевского, не был и не стал в будущем персональным центром притяжения «генералов» и «красных командиров». Особая внутрикорпоративная генеральская «группа Вацетиса» не сложилась. Он был прежде и оставался впредь одиноким, независимым, строптивым, грубоватым солдатом из крестьян-латышей.

...Особое место в составе советской военной элиты в первой половине 20-х годов занимал М.В.Фрунзе.

Давать объективную оценку и характеристику Михаилу Васильевичу Фрунзе (1885-1925) весьма трудно. Эта фигура сразу же после своей скоропостижной и загадочной, обросшей криминальными слухами смерти, усилиями партийной пропаганды была превращена в официальную «икону». Эта «икона» была «табуирована» от какой-либо критики. Такое отношение к М.Фрунзе со временем стало социо-культурной и ментальной привычкой.

---

[534] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 5755.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В силу этого все воспоминания и отзывы людей знавших М.Фрунзе жестко редактировались и подвергались цензуре, в подавляющем большинстве своем они появились вскоре после смерти М.Фрунзе и, как правило, несли на себе отпечаток официального некролога: de mortuis aut bene, aut nihil. Поэтому, ныне воссоздать адекватное представление об этой личности крайне сложно. Объективная информация для таких оценок крайне скудна. Часто приходится обращаться к фрагментам воспоминаний, к беглым, мимолетным штрихам, косвенным данным. Отсюда особую ценность представляют те воспоминания и тех лиц, которые, по разным причинам, оказались свободны от вышеозначенных недостатков, хотя и они были несвободны от субъективизма оценок.

Он еще не был популярен в Красной Армии как М.Тухачевский, С.Буденный или С.Каменев, однако лица, служившие с ним, весьма высоко оценивали его природные дарования и боевые заслуги.

Л.Троцкий, не без ревности и достаточно скупо характеризуя своего преемника на посту Председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам, считал что «Фрунзе был серьезной фигурой. Его партийный авторитет, благодаря каторжным работам в прошлом, был выше, чем молодой еще авторитет Склянского. Фрунзе обнаружил, кроме того, во время войны несомненные способности полководца. Как военный администратор, он был несравненно слабее Склянского. Его увлекали абстрактные схемы, он плохо разбирался в людях и легко подпадал под влияние специалистов, преимущественно второстепенных»[535].

Л.Троцкий неоднократно в своих мемуарно-публицистических работах возвращался к фигуре М.Фрунзе. «Моим преемником, - писал он свыше десятилетия спустя, - стал Фрунзе, старый революционер, проведший годы на каторге. Он не был политически крупной фигурой, но обнаружил в гражданской войне несомненные качества полководца и твердый характер»[536].

М.Тухачевский достаточно рано и весьма высоко оценил М.Фрунзе. «Командюжгруппы Востфронта тов. Фрунзе необычайно талантливый человек», -

[535] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.2. - С. 253-254.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

писал он в своем докладе летом 1919 г.[537] Тем не менее отношения между М.Тухачевским и М.Фрунзе не были столь просты и однозначны. Далеко не всегда мнения этих военачальников совпадали, а отношения были лишены каких-либо трений, о чем выше уже говорилось.

Имевший возможность близко и достаточно долго наблюдать М.Фрунзе Э.Волленберг охарактеризовал его как «не блестящего, но интеллигентного и независимого по характеру» человека[538].

Опираясь на впечатления близко знавших М.Фрунзе людей, биограф отмечает, что «его соратников поражали необычайная для тех жестоких лет мягкость в общении, скромность, напоминающая порой застенчивость, врожденная корректность и сдержанность по отношению к подчиненным. Эстонского военного атташе покорили его простота и искренняя любезность. Юная Г.И.Серебрякова навсегда запомнила его неповторимую приветливость, благодушие и доброту, но ощутила какое-то противоречие между ореолом этого немногословного и серьезного человека и его способностью оставаться «необыкновенно нежным семьянином, веселым и по-мальчишески шаловливым». Друзей пленяли в нем внутренняя правдивость и гармоничность, прямодушие и открытость, естественность, доходившая почти до детской непосредственности, и легкость, с которой он шел навстречу опасности. И практически все, не сговариваясь, определяли основную особенность его личности одним понятием: обаяние»[539].

Ф.Шаляпин, как бы мимоходом, столкнувшийся с М.Фрунзе, вспоминал: «Я знал, что у Буденного я встречу еще одного военачальника, Фрунзе, про которого мне рассказывали, что при царском режиме он во время одной рабочей забастовки, где-то в Харькове, с колена расстреливал полицейских. Этим Фрунзе был в партии знаменит. Полемизируя с ним однажды по какому-то военному вопросу, Троцкий на партийном съезде иронически заметил, что «военный опыт тов. Фрунзе исчерпывается тем, что он застрелил одного полицейского

---

[536] Троцкий Л.Д. Сталин. - Т. 2. - С. 258.
[537] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 4. Л. 207.
[538] Новая Россия. – 1938. - № 51. - С. 6.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

пристава.... Я думал, что встречу человека с низким лбом, взъерошенными волосами, сросшимися бровями и с узко поставленными глазами. Так рисовался мне человек, с колена стреляющий в городовых. А встретил я в лице Фрунзе человека с мягкой русой бородкой и весьма романтическим лицом, горячо вступающего в спор, но в корне очень добродушного»[540].

«Ни самолюбования Троцкого, ни его артистических способностей, ни его убежденности в собственной правоте, не ограниченной нравственными критериями, у Фрунзе не было, - суммируя наблюдения окружающих современников, констатирует один из биографов советского военачальника. – Несмотря на свой жизненный путь экстремиста, каторжника и полководца в братоубийственной войне, он сохранил какие-то иллюзии юности, ценил дружбу и вызывал симпатии окружающих. В немалой степени способствовало этому обостренное чувство ответственности за порученное ему дело и доверившихся людей – качество, сделавшее его блестящим исполнителем, но мешавшее продвижению в категорию вождей. В отличие от бескомпромиссных пламенных революционеров, он мог иной раз и усомниться в средствах, предлагаемых для достижения заветной цели, но после окрика сверху практически безропотно выполнял команду. Его честолюбие удовлетворяла точная и аккуратная реализация отданных ему распоряжений; от этого люди, мало с ним знакомые, видели в нем «ничтожество», не обладавшее ни характером, ни силой»[541].

Полковник А.Зайцов в русском военном зарубежье, ссылаясь на «отзывы всех соприкасавшихся с ним лиц», считал, что «Фрунзе обладал большим здравым смыслом и способностью уловить существо дела в военных вопросах, несмотря на полное отсутствие военно-теоретической подготовки. По-видимому, он прислушивался к советам всегда окружавших его военных специалистов из бывших специалистов Генерального штаба старой русской армии»[542]. Бывший генштабист-белогвардеец, резюмируя свой отзыва о М.Фрунзе, считал: «Во

---

[539] Тополянский В. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. - М., 1996. - С. 124.
[540] Шаляпин Ф.И. Маска и душа. //Новый мир. - 1988. - № 6. - С. 192.
[541] Тополянский В. Вожди в законе. Очерки физиологии власти.- С. 134-135; Толстая А.Д. Дочь. - М., 1992. - С. 73.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

всяком случае, ни до, ни после него Красная Армия не имела столь выдающегося руководителя»[543].

В партийных, «околосталинских» кругах отношение к М.Фрунзе внешне было благодушно-снисходительное. По свидетельству Б.Бажанова, И.Сталин «с Фрунзе… держал себя очень дружелюбно, никогда не критиковал его предложений»[544]. «И у них со Сталиным были очень хорошие отношения», - отмечал В.Молотов[545]. «Между тем, - вспоминал Б.Бажанов, - Сталин вел себя по отношению к Фрунзе скорее загадочно. Я был свидетелем недовольства, которое он выражал в откровенных разговорах внутри тройки по поводу его назначения…»[546]. И.Сталин считал М.Фрунзе «зиновьевским ставленником»[547]. Последнее из суждений Б.Бажанова подтверждается вполне достоверным свидетельством. В своем письме к Л.Каменеву 30 июля 1923 г. Г.Зиновьев возмущался стремлением И.Сталина к «единодержавию». «…Прикрывать все эти свинства, - заявлял Г.Зиновьев своему конфиденту, - я, по крайней мере, не намерен. Во всех платформах говорят о «тройке», считая, что и я в ней имею не последнее значение. На деле нет никакой тройки, а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав…». Иными словами, Г.Зиновьев считал, что следовало прислушаться к совету В.Ленина, выраженному в известном «письме к съезду» о смещении И.Сталина с должности Генерального секретаря ЦК.

---

[542] Зайцов А. Шестнадцать лет «РККА». //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - С. 230.

[543] Там же.

[544] Бажанов Б. Кремль, 20-е годы. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. //Огонек. – 1989. - № 41. - С. 20.

[545] «Это в доме отдыха, - вспоминал В.Молотов. – Я был секретарем ЦК…Это в 1924-1925-м примерно году. Там же отдыхали Кржижановский и Фрунзе. Под Москвой, около Внукова. Ну, Фрунзе конник, привык ездить верхом, а я верхом никогда не ездил. Он мне: «Ну что, поехали. Я тебе дам свою лошадь. А себе здесь возьму». А лошадь очень бойкая, будто бы цирковая. Я на нее сел, мы вместе из ворот выехали, и в лес. Она прибавляет ходу, а у меня из стремян ноги выскочили, еле держат. Она прет в лес по дорожке, чувствует, что неопытный всадник, и это, видимо, ее заводит, что ею не управляют. Я еле-еле. Наркомовская лошадь довольно крепкая была. По лесной дорожке понесла меня, вытащила в поле, потом через овраг, наконец, до забора – тут ей некуда, и она сдала. Я уже овладел стременами, почувствовал себя и потихоньку доехал. Она больше не крутилась

- А он смотрел? – спрашивает Малашкин.
- Да, он сзади ехал.
- Он мог бы сказать: отпустите поводья, она станет.
- Где там отпустите – она меня понесла так, что черт его знает. Сбросить она меня легко могла. Как я уцелел, я и сам думая, чудом каким-то уцелел.
- Он должен был сказать.
- Нет, у нас были хорошие отношения». //Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. (Беседы с В.Молотовым). – М., 1999. – С.630.

[546] Бажанов Б. Кремль, 20-е годы…. - С. 20.

[547] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Но что меня удивило, - продолжал свои признания-размышления Г.Зиновьев, - так это то, что Ворошилов, Фрунзе и Серго думают почти так же»[548]. Таким образом, судя по суждениям Г.Зиновьева, позиция М.Фрунзе в отношении И.Сталина, его «единодержавия и диктатуры», отставки с поста Генерального секретаря ЦК была сходной с «зиновьевской». Это давало основания И.Сталину считать М.Фрунзе «зиновьевским ставленником», хотя на деле все было не столь однозначно. Позиция М.Фрунзе была сходной с «зиновьевской», но не потому, что этот «революционный генерал» являлся «зиновьевским ставленником».

«…Отношение к Фрунзе у нас было самое хорошее, хотя он довольно путался, - заметил как-то В.Молотов[549]. – Помню, что он дружил с Иваном Никитичем Смирновым – это правая рука Троцкого»[550]. «Пошел я как-то в гостиницу «Националь», вспоминал В.Молотов, - к этому Смирнову. Прихожу – сидят Смирнов, Фрунзе, Аросев… Вот Фрунзе с этим Смирновым… Фрунзе был довольно запутанный человек»[551].

В другом случае В.Молотов, вновь возвращаясь к личности М.Фрунзе, заметил:

…«Фрунзе был хороший человек. Иногда он недостаточно учитывал сложность момента. В 1921 году был в Турции, приехал: «Мы нарушаем обещание». – «Какое обещание?» - «Мы же обещали Турции помогать». «Не можем же мы каждый год в таких тяжелых условиях помогать. У нас голод, мы сами еле-еле на ногах держимся». В 1920 году мы их ободрили и помощь оказали. Он: «Мы не можем нарушать обязательства!». Тут мы его поправили»[552].

Некоторые примечательные штрихи к характеристике М.Фрунзе просматриваются и в хорошо «отцензуренных» воспоминаниях генерала М.Бонч-Бруевича. «Примерно в час дня в штаб прибыл Фрунзе, - вспоминал старый генерал. – Михаила Васильевича я видел впервые, и он сразу привлек меня своим

---

[548] Г.Е.Зиновьев – Л.Б.Каменеву, 30 июля 1923 г., Кисловодск. //Известия ЦК КПСС. – 1991. - № 4. - С. 198.
[549] Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. (Беседы с В.Молотовым). - С. 267.
[550] Там же, с. 629.
[551] Там же, с. 630.
[552] Там же, с. 630-631.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

открытым взглядом и обросшим курчавящейся бородой простым русским лицом. Командующего Туркестанским фронтом сопровождал конвой, почему-то одетый в ярко-красные шелковые рубахи при черных штанах. Эта наивная пышность никак не вязалась ни со скромными манерами Фрунзе, ни со всем его обликом профессионального революционера, и я отнес ее за счет необходимости хоть чем-нибудь удовлетворить восточную тягу к парадности и украшениям»[553].

Лица близко знавшие М.Фрунзе свидетельствуют о том, что «еще в детстве, когда его спросили, кем бы он хотел стать, сказал: «Генералом!»[554]. Конечно, это была шутка, однако «старший брат Костя (тоже, разумеется, в шутку) иногда обращался к нему со словами «Ваше превосходительство»[555]. Все это обнаруживает, несомненно, некоторый, порой полушутливый, оттенок тщеславия.

Однако за легким налетом тщеславия некоторые мемуаристы просматривали и честолюбивые настроения М.Фрунзе.

Интерес к воинской славе у М.Фрунзе, по свидетельству окружающих, обнаружился еще с юности. Он рано проявлял внимание к биографиям выдающихся полководцев, их походам, сражениям. Он любил оружие, но, вопреки устоявшимся и недостоверным слухам, кажется, ни разу не использовал его против людей, даже в боевых экстремальных ситуациях[556]. Будто бы боялся убивать, при наличии несомненной отваги, храбрости и готовности к самопожертвованию. И в последующие годы он проявлял особое пристрастие именно к военному делу и военным вопросам[557]. Это обстоятельство могло, в определенных обстоятельствах, стать предпосылкой к развитию воинского честолюбия.

«Старый революционер, видный командир гражданской войны, Фрунзе был очень способным военным, - вспоминал секретарь И.Сталина Б.Бажанов. – Человек очень замкнутый и осторожный, он произвел на меня впечатление иг-

---

[553] Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советов. - С. 356-357.
[554] Николаев В. Отдаю себя революции.... - М., 1972. - С. 7.
[555] Там же.
[556] Тополянский В. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. - С. 125.
[557] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

рока, который играет какую-то очень большую игру, но карт не показывает. На заседании Политбюро он говорил очень мало и был целиком занят военными вопросами»[558]. Б.Бажанов считал, «что Фрунзе видит для себя в будущем роль русского Бонапарта», добавляя, что «Сталин разделял мое ощущение»[559].

Разумеется, к воспоминаниям сталинского секретаря-невозвращенца следует относиться осторожно. В ряде случаев в них обнаруживаются неточности – явное следствие попавших на страницы воспоминаний слухов, чужих, весьма субъективных, мнений. И в данном случае, рассуждая о скрытом «бонапартизме» М.Фрунзе, Б.Бажанов, очевидно, передавал сложившееся у И.Сталина и в околосталинских кругах мнение, которое В.Молотов интерпретирует в несколько завуалированной форме: «В то время из военных он был, пожалуй, наиболее сильным...»[560].

Однако впечатление о М.Фрунзе как о «сильном» в военно-политическом отношении человеке, если сопоставить серию нескольких весьма существенных фактов из его военно-политической биографии, оказывается неоднозначным.

Когда «для разоружения кавалерийских частей, якобы завязавших сношения с басмачами, Фрунзе предложили скрытно окружить мятежные отряды во время совещания с их предводителями», он возмутился, «назвал этот план вероломным и... согласился»[561].

Протесты М.Фрунзе были проигнорированы, когда по прибытию из Туркестана в Москву ВЧК подвергло обыску его поезд в поисках «награбленных туркестанских сокровищ»[562].

Когда в октябре 1920 г. от командования 6-й армией был отстранен его близкий друг и давний соратник К.Авксентьевский, с мнением протестующего М.Фрунзе не посчитались. И он согласился[563].

11 ноября 1920 г. он в обращении к «чинам» врангелевской армии «гарантирует сдающимся, включительно до лиц высшего комсостава, полное про-

---

[558] Бажанов Б. Кремль, 20-е годы.... //Огонек. – 1989. - № 41. - С. 20.
[559] Там же, с. 21.
[560] Чуев Ф. Молотов.... - С. 631.
[561] Тополянский В. Вожди в законе.... – С. 125.
[562] Там же, с. 138, 140.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

щение в отношении всех проступков, связанных с гражданской борьбой. Всем нежелающим остаться и работать в социалистической России будет дана возможность беспрепятственного выезда за границу...»[564]. Однако тотчас последовало крайнее недовольство В.Ленина, а затем небывалые дотоле массовые расстрелы с оставшимися в Крыму бывшими офицерами врангелевской армии. И М.Фрунзе не проявил никакой заметной протестующей реакции.

Внешнюю полнейшую безучастность обнаружил М.Фрунзе и тогда, когда начала проводиться широкомасштабная «чистка» высшего комсостава ВСУК и УВО во второй половине 1923 г. Смещение с занимаемых должностей Н.Соллогуба, А.Андерса, Н.Махрова и др. и назначение на должность его начальника штаба высокопоставленного сотрудника Украинского ГПУ Р.Лонгвы также не вызвало со стороны М.Фрунзе заметного протеста. А ведь, в частности, полковника Генштаба А.Андерса он знал хорошо, давно, еще с 1919 г., как почти бессменного работника его штаба, которого он высоко ценил как специалиста, сопровождавшего М.Фрунзе в «турецкой миссии» 1922 г.[565]

В равной мере странной оказывается покорность, с которой М.Фрунзе, против своей воли «лег на операционный стол». Я ограничился лишь некоторыми фактами. Число их можно увеличить, познакомившись с более пространными биографическими очерками, посвященными М.Фрунзе.

Впрочем, до 1924 г. по своему влиянию и авторитету М.Фрунзе уступал и Л.Троцкому, и М.Тухачевскому. Это хорошо видно в пору дискуссии о «военной доктрине Красной Армии в 1921-1922 гг.

Л.Троцкий и его ближайшие помощники основной удар своей развернутой критики по этому вопросу в военных журналах и публичных выступлениях обрушили именно на М.Фрунзе.

Идеи «революции извне» М.Тухачевского, так же подверглись критике со стороны Л.Троцкого и его помощников, однако в весьма мягкой, «скользящей» форме и в гораздо меньших масштабах. Кроме того, чаще всего, в журналах,

---

[563] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922). - Т. 3. - С. 466.
[564] Фрунзе М.В. Избранные произведения. - М., 1957. - Т. 1. - С. 418.
[565] Аптекарь П. Пушки вместо Маркса. //Родина. – 1998. - № 5-6. - С. 144.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

где напрямую, «склоняя фамилию Фрунзе», военные публицисты критиковали его взгляды, от критики М.Тухачевского не только воздерживались, но, в определенном смысле, опирались на него, как на один из признанных высших «авторитетов» Красной Армии[566].

Таким образом, это лишний раз указывает на социо-ментальную ситуацию в военных кругах в первой половине 20-х годов, заметно отличающуюся от той, которая начала складываться после 1924 г., возвышая авторитет М.Фрунзе с одновременным и заметным снижением авторитета не только Л.Троцкого, но и М.Тухачевского.

Представление о М.Фрунзе как о «сильном» политическом деятеле в военной элите вполне сформировалось к осени 1925 г. Косвенно оно обнаруживается и в слухах о его внезапной и криминально-загадочной смерти. Выразительным свидетельством такого рода может служить фрагмент из письма Б.Николаевского Б.Суварину. «Между прочим, - сообщал Б.Николаевский, - встретил человека, - профессор Военной академии Фрунзе, - который рассказал, что Тухачевский (они были товарищами по Михайловскому училищу) ему в 1925 г. говорил, что «операция» у Фрунзе была убийством, совершенным с согласия самого Фрунзе, чтобы избежать разоблачения, так как раскрылись-де его связи с Охранкой.... Расказчик заслуживает полного доверия. Не хвастун, действительно, хорошо знал Тухачевского»[567].

Приведенная информация, в данном случае, интересна не как повод для соблазнительных рассуждений о «таинственной смерти командарма Гаврилова»[568], но как свидетельство о слухах, муссировавших в военных верхах. Именно тогда, вероятно, представителям военной элиты, таким как М.Тухачевский, было, очевидно, не совсем понятно, почему такой, казавшийся политически «сильным», независимым и весьма самостоятельным, как М.Фрунзе «покорно»

---

[566] Троцкий Л. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. //Военная наука и революция. – 1921. - № 2; Петровский Д. «Единая военная доктрина». Рецензия на статью М.Фрунзе. //Военный вестник. – 1921. - № 4; Огородников Ф.Е. Единая военная доктрина и Красная Армия. //Революция и война. – 1921. - № 9-10; Огородников Ф.Е. От доктрины к делу. //Революция и война. – 1922. - № 14-15.

[567] Письмо опубликовано в журнале Вопросы истории. – 1998. - № 10. - С. 117.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лег на операционный стол, без особой на то необходимости, зная об угрозе смертельного исхода операции.

Кем-то пущенный слух о его связях с Охранкой должен был, очевидно, дать его непонятному для «генералов» поведению, не свойственному натуре и политической репутации М.Фрунзе, более или менее логичное объяснение. Однако, не ставя перед собой задачу «расследования» источников данного слуха, думаю уместным высказать предположение, что, учитывая и несомненное влияние свойств личности и характера М.Фрунзе, его поведение в политически и военно-политически ответственных ситуациях могло быть обусловленным и прямым давлением на него с использованием, быть может, и каких-то компрометировавших его репутацию документов или фактов биографии.

...М.Фрунзе не был единственным из старых партийцев, «политкаторжан», попытавшихся испытать свои дарования на полководческой стезе. Оставлю в стороне фигуру Л.Троцкого. Надо отдать ему должное: «вождь Красной Армии» никогда не претендовал на лавры выдающегося полководца. Он никогда непосредственно не командовал ни фронтовыми, ни армейскими, ни даже дивизионными соединениями. Однако в качестве командармов пробовали свои способности и Н.Муралов, и М.Лашевич, и Г.Сокольников, и К.Ворошилов,... и М.Фрунзе.

Незаурядные способности руководить войсками в армейском и фронтовом масштабах из них обнаружили в 1919-1920 гг. лишь М.Фрунзе и Г.Сокольников.

Однако думается, не стань М.Фрунзе в 1925 г. Председателем РВС СССР и наркомом, а пойди он по административно-хозяйственному, партийно-политическому пути, возможно о его действительно незаурядных военных способностях, обнаруженных на полях гражданской войны, просто забыли. Как это случилось с посмертной репутацией Г.Сокольникова. Но М.Фрунзе остался военным человеком. Однако ни организация контрнаступления на Восточном

---

[568] «Командарм Гаврилов» – главный герой скандально-известной «Повести непогашенной луны» Б.Пильняка, появившейся в печати в 1926 г. вскоре после смерти М.Фрунзе. Считали (не без оснований), что под именем «командарма Гаврилова» писатель вывел М.Фрунзе.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

фронте в мае-июне 1919 г., где все-таки решающую роль уже начала играть 5-я армия М.Тухачевского, ни его победоносный туркестанский поход не явились чем-то экстраординарным. Примечательно, что М.Фрунзе был «причислен к Генштабу» за выдающиеся полководческие заслуги одновременно с А.Егоровым в декабре 1920 г. (М.Тухачевский – в мае 1920 г.). Очевидно, все предшествовавшие «врангелевскому разгрому» боевые успехи М.Фрунзе и на официальном уровне не рассматривались в качестве выдающихся. Во всяком случае, справедливости ради, следует отдать значительную долю заслуг М.Фрунзе его боевым соратникам. «Советская военная история превозносит сейчас стратегию Фрунзе, - критически оценивали полководческую репутацию этого «революционного генерала» специалисты, - и считает высоким ее образцом его апрельскую операцию на Урале. На деле это обстояло несколько иначе. При нем начальником штаба состоял в то время генерал Новицкий, бывший профессор Военной Академии и, несомненно, что все стратегическое руководство лежало именно на этом последнем»[569]. Выдающуюся роль сыграл и командарм В.Лазаревич.

Весьма известный военный специалист и историк гражданской войны А.Зайцов считал, что и «дальнейшие действия Фрунзе в 1919 и 1920 гг. на второстепенном Туркестанском фронте также мало способствовали продвижению его в первые ряды советских вождей гражданской войны. Однако громадным его преимуществом по сравнению с ними в глазах большевиков был его революционный стаж…»[570].

М.Фрунзе получил признание за разгром Русской армии П.Врангеля. Однако и в данном случае, для специалистов в этом деле не было проявления выдающегося примера военного искусства. Операция по окружению и ликвидации Русской армии в Северной Таврии в октябре 1920 г., несмотря на совместное ее проведение С.Каменевым и М.Фрунзе, несмотря на участие в ней лучших командармов Красной Армии (А.Корка, В.Лазаревича, С.Буденного, Ф.Миронова), окончилась неудачей. Врангелевские войска, хотя и с большими

[569] Зайцов А. Шестнадцать лет РККА. – Военная мысль в изгнании…. - С. 229.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

потерями, но сумели уйти в Крым. Крымская же операция, при шестикратном превосходстве в вооруженных силах М.Фрунзе над П.Врангелем, когда Главком Русской армии, фактически, уже принял решение об эвакуации своих войск, никак не может рассматриваться как выдающееся явление военного искусства.

«На врангелевском фронте не могло быть и речи ни о каком искусстве, - писал в 1921 г. И.Уборевич, - а было просто превосходство сил»[571]. К этому мнению, в более завуалированно-академической форме склонялся и Н.Какурин[572].

Вот почему М.Фрунзе, несмотря на победоносное завершение борьбы с Врангелем, в сознании военной общественности Красной Армии в 1921 г. не занял особого места. Его известность и слава наступили позднее, с назначением на должность заместителя Председателя РВС СССР и Наркома в апреле 1924 г. Они, таким образом, имеют номенклатурное происхождение.

Еще со времен гражданской войны вокруг М.В.Фрунзе также образовалась «группа» военачальников, близкую служебную связь и личные отношения с которыми новый нарком сохранил и в 1924-1925 гг., став во главе Красной Армии. В числе таковых, прежде всего, следует указать Константина Алексеевича Авксентьевского (1891-1941).

Уроженец Вологодской губернии, из семьи волостного письмоводителя, К.Авксентьевский был по образованию учителем, а во время 1-й мировой войны, окончив курсы Владимирского пехотного училища, в мае 1916 г. стал прапорщиком. Революция застала его в чине подпоручика. В октябре 1917 г. он вступил в большевистскую партию.

В 1918 г, когда М.Фрунзе занимал должность Ярославского окружного военкома, он познакомился с К.Авксентьевским – вологодским губвоенкомом – и между ними завязалась крепкая дружба. С тех пор и почти без перерыва до лета 1922 г. М.Фрунзе во всех своих служебных и должностных перемещениях

---

[570] Зайцов А. Указ. соч. – С.229.
[571] Уборевич И.П. О значении маневра в гражданской войне». //Военный вестник. – 1921. - № 4. - С. 8.
[572] Какурин Н.Е. Как сражалась революция. - М., 1990. - Т. 2. - С. 341-349.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«тянул» за собой К.Авксентьевского. Последний занимал должности командарма, помощника командующего фронтом и, наконец, с 1921 г. – он был помощником командующего Вооруженными силами Украины и Крыма.

«Внешне К.А.Авксентьевский производил впечатление человека самой природой созданного для суровой военной жизни, - характеризовал этого «революционного генерала» его биограф, - крепкого сложения, собранного, с командирской осанкой. Словом, сразу чувствовалось, что это настоящий боевой командир. Случалось гневался, но оставался справедливым и незлопамятным; не терпел подхалимов и склочников; был щедр душой и всегда был готов прийти на помощь человеку, попавшему в беду. Если добавить е этому яркую самобытную речь и широкий размах подлинно русской натуры – станет понятным, почему его так любили красноармейцы»[573].

Несмотря на то, что он в годы гражданской войны занимал высокие военные должности (командарма, помощника командующего фронтом, командующего внутренним военным округом), К.Авксентьевский не проявил качеств выдающегося военачальника. Действия же его в качестве командующего 6-й армией осенью 1920 г. под Каховкой оказались настолько неудачны, что Главком С.Каменев, благоволивший М.Фрунзе (тогда командующему Южным фронтом) и знавший о близких дружеских отношениях последнего с К.Авксентьевским, не мог не выразить своего крайнего неудовлетворения и возмущения. В разговоре по прямому проводу 12 октября 1920 г., объясняя причины своих неудач, М.Фрунзе, в частности, отметил, что «6-я свое наступление закончила безрезультатно.... Авксентьевский сделал не то, что я требовал, а именно – вместо удара крупными силами он пустил в ход лишь две бригады с дивизионной конницей...»[574]. Главком С.Каменев отреагировал немедленно и резко: «...Как мог Авксентьевский не понять ваши директивы и атаковать только двумя бригадами? Это непонимание настолько существенно, что я поднимаю вопрос, соответствует ли он той задаче, которая на нем лежит»[575]. Примечательна и харак-

[573] Вепринский В. Командарм К.А.Авксентьевский. //Военно-исторический журнал. – 1967. - № 3. - С. 39.
[574] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922). - Т. 3. - С. 445-446.
[575] Там же, с. 446.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

терна была реакция М.Фрунзе на известие о смещении К.Авксентьевского с должности командующего 6-й армией и переводе его в штаб фронта помощником командующего. Она также, по своему, обнаруживает близкие дружеские отношения и доверие между М.Фрунзе и К.Авксентьевским. «С командармом 6 мы в крайнем смущении, - весьма эмоционально выразил М.Фрунзе свой протест в разговоре с Главкомом С.Каменевым, - приказ Реввоенсовета, конечно, выполним, но это, повторяю, нами не считается правильным. Разрешите в виде компенсации представить командарма 6 к награде, он несомненно достоин этого за ту кипучую деятельность, которая проявлена и которая уже теперь дала свои плоды. Сам он всегда бывал в опасных местах, поднимая настроение у красноармейцев»[576].

В обстановке развернувшейся внутрипартийной борьбы и «чистки» в высшем комсоставе РККА и, в частности, в Украинском военном округе, М.Фрунзе продвигает в августе 1923 г. К.Авксентьевского на должность командира 6-го стрелкового корпуса. Став Председателем РВС СССР и наркомом, М.Фрунзе, в стремлении восстановить свой контроль над Вооруженными силами Украины и Крыма, утраченный в апреле 1924 г., назначает К.Авксентьевского в феврале 1925 г. помощником командующего ВСУК. Не исключено, что в дальнейшем М.Фрунзе намерен был «вытеснить» А.Егорова с должности командующего ВСУК и передать ее К.Авксентьевскому.

Другим давним соратником и преданным М.Фрунзе человеком был молодой офицер военного времени Роберт Петрович Эйдеман (1895-1937), также человек партийный. С 1921 г. Р.Эйдеман занимал должность 1-го помощника командующего ВСУК. По свидетельству Л.Троцкого, «Эйдеман… принадлежал к ближайшему окружению Фрунзе»[577].

В напряженный период весны 1924 г. М.Фрунзе, переведенный заместителем Председателя РВС СССР назначил Р.Эйдемана временно исполняющим дела командующего ВСУК. После кратковременного пребывания командую-

[576] Директивы командования фронтов Красной Армии. – Т.3. - С. 446.
[577] Троцкий Л. Обезглавление Красной Армии. //Бюллетень оппозиции. – 1937. - № 56-57. - С. 5.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

щим Сибирским военным округом, в феврале 1925 г. Р.Эйдеман получил должность начальника Военной академии РККА.

Среди близких и доверенных лиц среди высшего комсостава РККА следует назвать так же находившегося при нем «для особых поручений» с мая 1921 г. Генштаба штабс-капитана Петра Петровича Каратыгина (1887-1938).

П.Каратыгин не кончал Академию Генштаба, однако, еще в старой армии служил в войсковых штабах. Он был «причислен к Генштабу» в 1920 г. К этому времени, находясь в Красной Армии с 1918 г., П.Каратыгин с апреля 1919 г. служил под непосредственным начальством М.Фрунзе. Сначала – начальником оперативного отделения штаба Туркестанской армии Восточного фронта. Затем, он был с августа 1919 и по май 1921 гг. бессменным начальником оперативного управления в штабах войсковых объединений, возглавлявшихся М.Фрунзе: Туркестанского фронта, Южного фронта, войск Украины и Крыма.

Как выше уже отмечалось, с мая 1921 г. П.Каратыгин становится ближайшим военным советником М.Фрунзе и оставался таковым вплоть до 1924 г. Отправившийся в 1922 г. с военно-дипломатической миссией в Турцию, М.Фрунзе взял с собой в качестве лиц, которым он особенно доверял в военно-профессиональном отношении, - А.Андерса, о чем выше уже говорилось, и П.Каратыгина.

Близкими соратниками М.Фрунзе в годы гражданской войны, сохранявшими дружеские отношения с М.Фрунзе и после ее окончания, были генерал-майор Генштаба Федор Федорович Новицкий (1870-1944) и подполковник Генштаба Владимир Саламанович Лазаревич (1882-1938).

Еще с 1918 г., со времени руководства Ярославским военным округом, М.Фрунзе был знаком с полковником Генштаба Иваном Христофоровичем Паукой (1883-19??). Латыш по национальности, из батраков, он был кадровым офицером старой русской армии. И.Паука прослушал неполный курс Академии Генерального штаба к 1915 г. и в ходе 1-й мировой войны с осени 1915 г. служил в штабах армейских соединений. С мая 1918 г. И.Паука находился в распоряжении начальника штаба Ярославского военного округа. Штаб этого округа в

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

июле 1918 г. возглавил генерал Ф.Новицкий, а сам округ, с августа 1918 по январь 1919 г. – М.Фрунзе. Оценив профессиональные и личные данные И.Пауки, М.Фрунзе назначил его в декабре 1919 г. начальником оперативно-разведывательного отдела штаба округа. Впрочем, в этом качестве, И.Паука более продолжительное время прослужил под руководством К.Авксентьевского.

Таким образом, И.Паука начал свою активную военную карьеру и на сравнительно высокой штабной должности в Ярославском военном округе, став одним из ближайших сотрудников М.Фрунзе, Ф.Новицкого и К.Авксентьевского. Правда, последующая, уже боевая и фронтовая его служба, начавшаяся с марта 1919 г. проходила на Южном фронте, сначала в качестве начальника штаба, а затем начальника 42-й стрелковой дивизии. В этой должности он оставался до февраля 1920 г., когда был назначен командующим 13-й армией.

Получивший это назначение, скорее всего, по рекомендации начальника штаба Юго-Западного фронта Н.Петина, высоко ценившего И.Пауку по предшествовавшей службе, и с согласия командующего фронтом А.Егорова, он однако, не смог справиться со своими оперативными задачами. После поражения, нанесенного 13-й армии наступавшими врангелевскими войсками, И.Паука был заменен Р.Эйдеманом и переведен в штаб Юго-Западного фронта. Вскоре Н.Петин взял его к себе в качестве начальника оперативного управления штаба фронта. С образованием Южного («противоврангелевского») фронта и назначением на должность его командующего М.Фрунзе, И.Паука, по рекомендации Н.Петина и желанию М.Фрунзе становится начальником штаба фронта, оставаясь в этом качестве вплоть до упразднения фронтового аппарата в декабре 1920 г. Когда была создана структура руководства Вооруженных сил Украины и Крыма в составе Харьковского, Киевского военных округов и крымской войсковой группы, по желанию Н.Петина, назначеннного командующим Киевским военным округом, И.Паука становится начальником его штаба. После реорганизации Киевского военного округа в Киевский военный район, а затем с формированием из войск, дислоцированных в его пределах, 14-го стрелкового кор-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

пуса, И Паука становится, сначала начальником штаба этого военного района и затем – начальником штаба указанного корпуса. Последующая его карьера также показательна. С апреля по декабрь 1924 г. И.Паука занимал должность начальника штаба ВСУК и УВО при командующем А.Егорове, а после смещения последнего, переводится начальником штаба в отдаленный и второстепенный Сибирский военный округ. Там он оставался в указанной должности под началом Н.Петина вплоть до конца 20-х годов.

Вышеозначенная военная карьера И.Пауки свидетельствует о том, что он являлся отличным специалистом штабной службы. По службе был связан и близок и с М.Фрунзе, и с А.Егоровым, и с Н.Петиным. Однако, все-таки его служебные и личные отношения в большей мере связывали его с Н.Петиным. Не только долгое и плодотворное фронтовое сотрудничество, но и социокультурная ориентация, профессиональное положение – оба беспартийные, военные специалисты, полковники Генерального штаба – сближали этих людей.

Александр Карлович Андерс (1880-1938), немец, беспартийный, полковник Генштаба[578]. Находясь с апреля 1918 г. в составе РККА, с начала мая 1919 г. занимал высокие штабные должности в войсках, которыми командовал М.Фрунзе. Однако должность начальника штаба 4-й армии А.Андерс занял 1 мая 1919 г., когда командующим армией стал К.Авксентьевский. Он оставался в этой должности до января (в послужном списке – до 25 февраля) 1920 г. и при смене командующих: при Лазаревиче В.С. и Восканове Г.К.

Судя по временным параметрам его военной карьеры, А.Андерс был перемещен на должность временно исполняющего дела начальника штаба Туркестанского фронта вслед за К.Авксентьевским, перемещенным туда на должность помощника командующего фронтом.

Аналогичным образом А.Андерс был перемещен в начале мая 1920 г. на должность помощника командующего Заволжским военным округом тем же К.Авксентьевским. Последний занял должность командующего округом.

---

[578] РГВА, Послужной список №5406 А.К.Андерса. См. также послужной список А.К.Андерса по «Списку лиц с высшим общим военным образованием…». Далее военная карьера А.Андерса освещается по указанным документам.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Затем, когда К.Авксентьевский в сентябре 1920 г. стал командующим 6-й армией Южного фронта, он вновь «потянул» за собой А.Андерса на должность помощника командующего армией. Когда в октябре 1920 г. К.Авксентьевский был переведен на должность помощника командующего Южным фронтом, вслед за ним и А.Андерс был перемещен на должность помощника начальника штаба фронта. В этой должности он оставался и после преобразования Южного фронта в ВСУК до августа 1922 г. Лишь в августе 1922 г. он, наконец, был назначен начальником штаба ВСУК.

Таким образом, А.Андерс был, скажем так, «человеком Авксентьевского», и у же постольку был близок по службе к М.Фрунзе. Хотя, следует отметить, что именно А.Андерс, высоко ценимый командующим ВСУК и УВО как специалист, сопровождал М.Фрунзе в качестве военного советника во время поездки в Турцию в 1921 г. К этой группе «генералов», скорее всего, примыкал и бывший подполковник старой армии, дворянин, армянин, член РКП (б) с 1919 г. Гаспар Карапетович Восканов (1886-1937).

С апреля 1919 г. по апрель 1920 г. он командовал 4-й армией Восточного фронта. В этот период времени начальником штаба у него был А.Андерс. Затем они находились вместе с К.Авксентьевским в руководстве Заволжского военного округа в 1920 г. К.Авксентьевский являлся его командующим, Г.Восканов – помощником командующего, а А.Андерс занимал должность начальника штаба этого округа. «Генералы» вновь встретились в 1922 г. в войсках Украинского военного округа, где вплоть до сентября 1923 г. Г.Восканов занимал должность командира 6-го стрелкового корпуса, К.Авксентьевский командовал 8-м стрелковым корпусом, а А.Андерс, как отмечалось выше, являлся начальником штаба ВСУК и Украинского военного округа.

2.2.«Группа Тухачевского» в военно-политическом социуме Советской России.

Анализируя внутрикорпоративные группировки в самой военной элите и учитывая «харизматическое» воздействие личности М.Тухачевского на окру-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

жающих, целесообразно, прежде всего, и наибольшее внимание уделить той группировке «генералов», которая сформировалась и концентрировалась вокруг этой фигуры. Однако в первую очередь я попытаюсь выявить комплекс ментальных и социо-культурных мотиваций, позволяющих хотя бы ориентировочно воссоздать, реконструировать «внутренний образ» М.Тухачевского. В дальнейшем это позволит сопоставить его с «внешним образом» «красного Бонапарта», сконструированным военным микросоциумом, его окружавшим. Таким образом представляется возможность обнаружить степень соответствия «образов», что, так или иначе, играло существенную роль в военно-политическом поведении военной элиты.

В качестве методологической основы реконструкции «внутреннего образа» М.Тухачевского мною использованы работы Э.Аронсона и одного из основателей междисциплинарных «психоисторических» исследований Э.Г.Эриксона «Идентичность: юность и кризис», «Детство и общество» и главным образом «Молодой Лютер»[579].

Кроме того, в данном исследовании я применяю некоторые методологические приемы и понятийные элементы психоаналитической культурологии К-Г.Юнга[580].

Реконструкция «внутреннего образа» М.Тухачевского предпринимается также с опорой на концепцию «диалогической» природы личности М.Бахтина и отдельные аспекты его работ по «карнавальной культуре»[581].

Изучая некоторые аспекты мотивации поведения, поступков М.Тухачевского, установок его сознания, я пользовался также опытом культурно-исторических исследований Ю.Лотмана и Е.Марасиновой[582].

Мне думается, что нет необходимости пересказывать достаточно известные факты биографии Михаила Николаевича Тухачевского (1893-1937). Тем

---

[579] Аронсон Э. Общественное животное. - М., 1998; Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. - М., 1996; его же: Молодой Лютер. - М., 1996; его же: Детство и общество. - СПб., 1996.
[580] Юнг К-Г. Писхологические типы. - СПб, 1995; его же: Проблемы души нашего времени. - М., 1996.
[581] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979.
[582] Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (18 – начало 19 века). - СПб, 1994; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети 18 века. - М., 1999.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

более, что в контексте последующих рассуждений о многих из них придется напоминать.

...К 1917-1918 гг. уже сформировались основные мировоззренческие и ментальные установки, определявшие личность М.Тухачевского и мотивацию его поступков.

В пензенские гимназические годы «научных интересов у Михаила Тухачевского не было; он ходил одиночкой, «диким мальчиком», не вызывавшим ни симпатий, ни дружеского расположения. В нем отсутствовала всякая грубость, но – полная оторванность от товарищей, аристократичность, замкнутость в себе и ко всем – подчеркнутая надменность»[583].

Он «был стройным юношей, весьма самонадеянным, чувствовавшим себя рожденным для великих дел»[584], - вспоминал о нем - юнкере Александровского военного училища близкий друг семьи Тухачевских известный музыкант Л.Сабанеев.

«...Властный и самолюбивый, но холодный и уравновешенный Тухачевский был постоянно настороже...», - так характеризовал его сверстник, тоже юнкер[585].

«Строевой офицер он был хороший, - вспоминал о подпоручике М.Тухачевском его однополчанин, полковник князь Ф.Касаткин-Ростовский, - ...хотя не могу сказать, чтобы он пользовался особенной симпатией товарищей»[586]. Продолжая свои воспоминания о сослуживце. Князь заметил, что «...он всегда был холоден и слишком серьезен,... с товарищами вежлив, но сух»[587].

Другой сослуживец и близкий приятель М.Тухачевского в ту пору (1914-начало 1915 г.) прапорщик А.Типольт также отмечал наиболее заметные свойства характера молодого подпоручика. «Бросалась в глаза его сосредоточен-

---

[583] Гуль Р. Тухачевский. //Гуль Р. Красные маршалы. - С. 435.
[584] Цитируется по статье: Опишня И. Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства. //Возрождение. – 1955. - Тетрадь № 39. - Т. 110.
[585] Посторонкин В. Тухачевский. //Военно-исторический журнал. – 1990. - № 12. - С. 90.
[586] «Антар» (князь Ф.Касаткин-Ростовский). Главковерх Тухачевский. //Руль. – 1922. - октябрь. //ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.
[587] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ность, подтянутость. В нем постоянно чувствовалось внутреннее напряжение, обостренный интерес к окружающему»[588]. Вспоминая о встрече, уже осенью 1917 г., когда М.Тухачевский, бежав из плена, вернулся в полк, А.Типольт рассказывая о бурных обсуждениях политической ситуации, отметил, что «Михаил сосредоточенно прислушивался к нашей полемике, но сам высказаться не спешил. Чувствовалось, что в нем происходит напряженная внутренняя работа»[589].

На другого однополчанина М.Тухачевский в 1919 году произвел «впечатление человека бесконечно самовлюбленного, не считающегося ни с чем, чтобы только дойти до своей цели, достигнуть славы и власти, не считаясь с тем, через чьи трупы она его приведет, не заботясь ни о ком, кроме себя»[590].

…Находившийся по роду службы рядом с М.Тухачевским, в бытность последнего командующим Западным фронтом в 1920 году, и постоянно с ним встречавшийся военспец, встретив своего старого сослуживца, «очень «хвалил» Тухачевского – умный, энергичный, твердый, но подлый до последней степени – ничего святого, кроме своей непосредственной выгоды; какими средствами достигается – безразлично»[591].

По мнению П.Фервака, «у него была холодная душа, которую разогревал только жар честолюбия…. В жизни его интересовала только победа, а ценой

---

[588] Типольт А.А. Такое не забывается. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 19. Типольт Александр Александрович (1885-19), барон, принадлежал к старинному «остзейскому» роду, восходящему еще к тевтонским рыцарям. Это обстоятельство, кстати заметить, могло способствовать сближению с ним М.Тухачевского, который, как выше я обращаю на это внимание, весьма ревниво относился к своему происхождению. А.Типольт принадлежал также, как и М.Тухачевский к старой «семеновской» фамилии. Его предки служили в полку и в прошлом. В силу этой традиции, его выпускника Училища Правоведения, сдавшего экзамен на офицерский чин, и направили с началом войны из запаса в л-г. Семеновский полк прапорщиком. Он был назначен младшим офицером в 6-ю роту. Сюда же, как выше отмечалось, был в конце августа 1914 года переведен и М.Тухачевский. А.Типольт был старше своего приятеля на восемь лет, он не был кадровым офицером и принадлежал к мирной гражданской профессии. Он окончил привилегированное учебное заведение. Вообще, примечательно, что и позднее М.Тухачевский легче сближался с лицами, получившими высшее гражданское образование. Он явно тяготел к ним, тянулся к представителям интеллигенции. У него, как раз, возникали сложности в отношениях с гвардейскими кадровыми офицерами, военными «до мозга костей». Эти обстоятельства, очевидно, способствовали возникновению и укреплению приятельских отношений между А.Типольтом и М.Тухачевским. После октября 1917 г. капитан А.Типольт был одним из тех, сравнительно немногих офицеров л-г. Семеновского полка, который служил в Красной Армии, а в 1920-1921 гг. состоял в штабе М.Тухачевского. Возможно, именно старые приятельские связи с «красным Бонапартом» сыграли свою роль в таком выборе бывшего гвардейского офицера и аристократа с высшим юридическим образованием. – См. также РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2973. Л. 32.

[589] Типольт А.А. Такое не забывается. - С. 20-21.

[590] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.

[591] Савинков В. Записки. //Родина. – 1999. - № 7. - С. 63.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

каких жертв она будет достигнута – это его не заботило. Не то, чтобы он был жестоким, просто он не имел жалости»[592].

По отзывам людей, находившихся с ним вместе с плену, «карьеризм и оппортунизм Тухачевского – чудовищны». М.Тухачевский, произносивший верноподданническую речь в адрес Императора и Императрицы, вскоре, едва стало известно о Февральской революции, «был первым сорвавшим с себя погоны и нацепившим красный бант»[593].

По впечатлениям философа И.Ильина (позволю себе процитировать их еще раз), относящимся к 1922 г., «Тухачевский – очень честолюбив, фаталистичен, молчалив, кажется, не умен»[594].

Однако уместно привести и официальную служебную характеристику М.Тухачевского, относящуюся к тому же 1922 году, когда он занимал должность начальника Военной академии РККА.

«...В высокой степени инициативен, - писалось в ней, - способен к широкому творчеству и размаху. Упорен в достижении цели. Текущую работу связывает с интенсивным самообразованием и углублением научной эрудиции. Искренне связан с революцией, отсутствие всяких внешних показных особенностей (не любит угодливого чинопочитания и т.д.). В отношении красноармейцев и комсостава, прям, откровенен и доверчив, чем сильно подкупает в свою пользу. В партийно-этическом отношении безупречен. Способен вести крупную организационную работу на видных постах республики по военной линии»[595].

«Замкнут, умен, сдержан», - сообщал о М.Тухачевском германский посол фон Дирксен в 1931 году[596].

---

[592] Fervacque P. Op. cit. - P. 79.
[593] Возрождение. – 1936. - 13 февраля.
[594] Ильин И.А. Записка о политическом положении. //Русское прошлое. – 1996. - № 6. - С. 220. Эти беглые впечатления И.Ильина, очевидно, подкреплялись более основательными мнениями генерала А.Зайончковского, которого философ, по собственному признанию, «хорошо знал». Можно, таким образом, приведенные оценки считать и мнением генерала, с которым М.Тухачевский в 1921-1926 гг. был в достаточно близких приятельских отношениях.
[595] Цитируется по: Хорев А. Маршал Тухачевский. //Красная звезда. – 1988. – 4 июня.
[596] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 267-269; Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. - С. 121.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Тухачевский, гвардии подпоручик старой армии, чрезвычайно умен и честолюбив, - информировал руководство Рейхсвера побывавший в Москве и встречавшийся с М.Тухачевским в марте 1928 г. полковник Х.фон Миттельбергер. – Это один из выдающихся талантов Красной Армии, однако, известно, что он является коммунистом исключительно по соображениям карьеры. Он может переходить с одной стороны на другую, если это будет отвечать его интересам. Здесь отдают себе отчет в том, что у него хватит мужества, способности и решимости рискнуть и разорвать с коммунизмом, если в перспективе последующих событий ему это покажется целесообразным» [597].

Надо сказать, что в советских партийно-политических и военных кругах вышецитированная характеристика М.Тухачевского не вызывала удивления. Будучи в 30-е гг. сотрудником Абвера, генерал К. фон Шпальке в разговоре с комкором С.Урицким (в 1936 г.) «намекнул на то, что…изменение мнения у Тухачевского не является неожиданностью». «Я всегда считал его переменчивым, - вспоминал много лет спустя этот офицер, - к сожалению, даже слишком лабильным». Из весьма дипломатичного ответа (комкора С.Урицкого) я «между строк» мог услышать, что моя краткая и осторожная оценка Тухачевского верна…»[598].

Косвенно на «переменчивость» М.Тухачевского в зависимости от влияния обстоятельств или лиц, его окружавших, указывает и И.Смирнов, являвшийся членом РВС 5-й армии при командарме М.Тухачевском в 1919 г. «Командарм Тухачевский - …Смелый до авантюризма. Мягкий, поддающийся влиянию…», - характеризовал командарма состоявший при нем комиссар[599].

Другой офицер Рейхсвера, имевший возможность наблюдать М.Тухачевского в 1931 г. полковник Мирчински «описывал Тухачевского, как

---

[597] Цитируется по статье: Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920-1933. //Новая и новейшая история. – 1990. - № 5. - С. 16.
[598] Шпальке К. Источники истории о Михаиле Тухачевском. //Гутен Таг. – 1988. - № 10. - С. 38.
[599] Цитируется по книге: Наше Отечество. Опыт политической истории. - М., 1992. - Т. 2. - С. 86.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

чрезвычайно тщеславного и высокомерного позера, человека, на которого ни в коем случае нельзя было положиться»[600].

Правда, в Штабе Рейхсвера считали, что «на людей типа Бломберга Тухачевский произвел хорошее впечатление, потому что он, владея прекрасными специальными знаниями и светскими манерами, приятно выделялся из группы тогда еще неотесанных пролетарских коллег»[601].

Общее мнение о М.Тухачевском в руководстве Рейхсвера было выражено одним полковником весьма кратко, но выразительно: «Высоко интеллигентен, но не без изъянов в характере»[602].

«Он казался всегда несколько самоуверенным, надменным, но то было сознание силы, привычка молниеносно решать, отвечая за других, предельная собранность и организованность...Маршал не убегал от встречного взгляда и отвечал собеседнику резко, прямо, как бы скрещивая с ним шпаги на бой или мир», - таким он остался в памяти Г.Серебряковой[603].

Маршал Г.Жуков, ближе познакомившийся с М.Тухачевским, отмечал, что «у него был глубокий, спокойный и аналитический ум», однако «ему была свойственна некоторая барственность, небрежение к черновой, повседневной работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание....

При всем своем спокойствии Тухачевский умел проявить твердость и дать отпор, когда считал необходимым...Он умел давать резкий отпор именно в таком спокойном тоне, что, конечно, не нравилось»[604]. В одной из бесед, характеризуя Н.Крестинского, В.Молотов назвал его «барином». На вопрос же собеседника - «А Тухачевский?» - сталинский соратник, - и это примечательно - с

---

[600] Шпальке К. Источники истории о Михаиле Тухачевском. – С. 38. Мирчински в чине подполковника приезжал в СССР в составе группы артиллеристов в 1931 г. на две недели в 51-й артиллерийский полк, расквартированный в Одессе. В составе этой группы, кстати сказать, был и будущий гитлеровский фельдмаршал, а тогда еще майор, Модель. – РГВА, ф. 33988, оп. 3, д.202, л. 124. Документ опубликован в сборнике: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. - С. 277.

[601] Шпальке К. Источники истории о Михаиле Тухачевском.... – С. 18. Посетивший с инспекцией германские объекты в СССР в августе 1928 г. полковник В.фон Бломберг встречался с М.Тухачевским в Ленинграде и назвал его «личностью, заслуживающей особого внимания». - Erickson J. The Soviet High Command. - London-Neu York, 1962. - P. 266.

[602] Шпальке К. Указ. Соч. - С. 17.

[603] Серебрякова Г. О других и о себе. //Серебрякова Г. Собрание сочинений. - М., 1979. - Т. 5. - С. 478.

[604] Маршал Жуков. Воспоминания. (По записям К.Симонова). //Огонек. – 1986. - № 48. - С. 7.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

учетом его неприязни к маршалу, уточнил: «Тот больше аристократ»[605]. Об аристократических привычках, преднамеренно и дразняще им демонстрировавшихся, ходило много слухов. Рассказывали, будто во время командования Ленинградским военным округом (1928-1931 гг.) М.Тухачевский жил под Ленинградом в бывшем дворце царицы. «Тухачевский каждую субботу принимал подчиненных в своем кабинете, сидя на царском троне, - убеждал очевидец. – Перед ним на столе лежали разложенные пачками деньги, которыми он одаривал за хорошую службу – по-барски и даже –по-царски»[606]. Возможно, это «апокриф», однако он, несомненно, отражает сложившееся в общественном мнении устойчивое впечатление, рожденное личностью М.Тухачевского.

Один из близко наблюдавших М.Тухачевского его сослуживцев в 1919 г. вспоминал, что «одно время Тухачевский носил ярко-красную гимнастерку, но при этом всегда был в воротничке, в белоснежных манжетах и руки имел выхоленные с отточенными ногтями»[607].

Даже перед Военным трибуналом, судившем его в 1937 –м, «Тухачевский старался хранить свой аристократизм и свое превосходство над другими…»[608]. Указанные свойства личности обеспечили М.Тухачевскому еще в училищную пору репутацию «новоявленного князя Андрея Болконского»[609].

Итак, учитывая меру субъективизма, благожелательности или неприязни мемуаристов, можно констатировать их единодушное свидетельство о доминирующем свойстве личности и поведения М.Тухачевского: аристократизме. Оно сформировалось и сохраняло устойчивость, благодаря ряду причин и обстоятельств, на которых имеет смысл задержать внимание.

…Парадигмальная длительность и устойчивость образовательных и воспитательных норм, правил, характерная для европейской культуры вплоть до второй четверти 20 века, обусловили значимость и доминирующую роль «книги» в формировании личности. «Книга» предопределяла осознанный выбор по-

---

[605] Чуев Ф. Молотов…. – С. 258.
[606] Там же.
[607] Савинков В. Записки. //Родина. – 1999. - № 7. - С. 63.
[608] «Справка о проверке обвинений…». //Военные архивы России. - Выпуск 1. - С. 56.
[609] Никулин Л. Тухачевский. – С. 25.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

веденческой нормы для «образованного» европейца, продолжавшего верить в «сакральность» знаков, запечатленных в «книге».

«Мир» внешний и внутренний воспринимается личностью, сквозь призму заложенного в ней «культурного архетипа», как текст книги. Следовательно, сохраняется соблазн «прочитать» и «расшифровать» свое «происхождение», свою тайну.

Расшифровка «культурного архетипа» усложняется «густотой» «знаков» и «символов» «книжной культуры». Она обусловлена контекстом конкретно-исторического бытия личности.

«Книжность» была важнейшим условием формирования мировоззренческого «архетипа» М.Тухачевского. На это обратили свое внимание его французские приятели по плену. «В его поведении многое было навеяно литературой», - вспоминал П.Фервак. Их поражала начитанность М.Тухачевского, но начитанность весьма бессистемная, богемного характера. С определенной долей иронии в связи с этим французы переиначили его фамилию, в шутку прозвав «Тушатушским» – умеющим порассуждать «обо всем»[610].

По воспоминаниям П.Фервака, «история была одним из больших увлечений М.Тухачевского. Ему не наскучивали знаменитые личности, которые, благодаря их энергии, либо отсутствию посредственных качеств, либо игнорированию ими предрассудков, либо, наконец, благодаря их гениальности, подавляли людей. Он восхвалял Бонапарта за то, что тот использовал в своих целях якобинцев и сумел найти защиту у Робеспьера. Он рукоплескал Екатерине 2 за умение удовлетворить все ее аппетиты. Желание быть великой у этой женщины, говорил он, было обусловлено ее любовными страстями: одно было функцией другого. По тем же причинам он одобрял жестокость Петра Великого»[611]. Известно также, что он увлекался «Войной и Миром» Л.Толстого, с которым был знаком его отец, особенно фигурой князя Андрея Болконского. Будучи «солдатом», М.Тухачевский имел репутацию «образованного» человека, гуманитария, «книжника». Сравнивая его с Г.Жуковым, В.Молотов отметил: «Обо-

[610] Fervacque P. Le chef de l'armee Rouge – Mikail Toukhatchevski. - P. 60.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

их знаю, но они разные. У Жукова твердость и, безусловно, практика. Тухачевский более образованный человек, но, конечно, менее военный...»[612]. П.Фервак, обративший внимание на внешнее сходство М.Тухачевского с Наполеоном, считал, что у его русского приятеля « не было практицизма Бонапарта. ...Это был фантазер, который шел туда, куда его влекло собственное воображение»[613]. «Все это, батенька мой, фантазерство увлекающегося поручика», - так чаще всего оценивались многие инициативы М.Тухачевского в период гражданской войны генералами-генштабистами[614].

Учитывая вышесказанное, следует особо отметить именно «книжный», несистематический характер его образованности и эрудиции, хотя и весьма обширной и разнообразной. Такого рода образованность правильнее было бы называть «начитанностью». В сущности М.Тухачевский не получил даже того, что формировало исключительно военное мировоззрение[615]. Несомненная тяга к «книге», к науке, к теоретизированию, к умозрительным схемам просматривается в его деятельности на всем протяжении его жизни. На это обратил внимание и его противник Ю.Пилсудский, причислив М.Тухачевского «к умам абстрактным»[616]. Указанные свойства ментальности, культурного архетипа наложили отпечаток и на поведение М.Тухачевского-полководца.

Л.Троцкий, близко наблюдавший «революционных генералов» в период гражданской войны, вспоминал: «...Тухачевский, несомненно, обнаружил выдающиеся стратегические таланты. Ему не хватало, однако, способности оценить военную обстановку со всех сторон. В его стратегии всегда был явственен элемент авантюризма[617].... Мне приходилось, также подвергать критике попыт-

---

[611] Fervacque P. Op. cit. - P. 33, 79.
[612] Чуев Ф. Молотов.... – С. 375.
[613] Fervacque P. Op. cit. - P. 126-127.
[614] Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 86.
[615] Среднее образование он получил в гимназии и лишь в последнем классе перешел в кадетский корпус, в котором проучился всего год. Поэтому, собственно военное образование М.Тухачевский получил в Александровском военном училище. Правда, он показал себя самым лучшим в выпуске, однако, на этом его систематическое военное образование завершилось. Поступая в гвардию, он совершенно очевидно (и по собственным его признаниям), как бедный дворянин и без связей при дворе, рассчитывал продолжить ускоренную гвардейской службой карьеру в Академии Генерального штаба. Но этому не суждено было случиться.
[616] Пилсудский Ю. Война 1920 года. - С.143.
[617] На это качество М.Тухачевского-военачальника указывают и другие лица, имевшие возможность дать оценку его военной деятельности. Независимо от Л.Троцкого наблюдал М.Тухачевского во главе 5-й армии в 1919 году, член ее РВС старый партиец-большевик И.Смирнов. Он так характеризовал молодого полководца: «Ко-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ки Тухачевского создать «новую военную доктрину» при помощи наспех усвоенных элементарных форм марксизма. Не забудем, однако, что Тухачевский был в те годы очень молод и совершил слишком быстрый скачек из рядов гвардейского офицерства в лагерь большевизма...»[618]. Критикуя в 1921 г. «красного Бонапарта», Председатель РВСР мимоходом, но ясно и емко отметил, что «тов. Тухачевский один из даровитейших наших молодых военных работников»[619].

...Выше я уже отмечал, что в основе социокультурного поведения личности, мотивации ее поступков, самосознания находятся ее отношения с ближним и дальним социальным, точнее, социокультурным окружением.

«Я осознаю себя, становлюсь самим собой, только раскрывая себя для другого и с помощью другого, - писал М.Бахтин. – Важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому самосознанию, «к ты».... Не то, что происходит внутри, а то, что происходит на границе своего и чужого сознания, на пороге. И все внутреннее не довлеет себе, повернуто вовне, диалогизировано, каждое внутреннее переживание оказывается на границе, встречается с другим, и в этой напряженной встрече – вся его сущность...»[620]. Замечу, кстати, что и самооценка (в данном случае самооценка М.Тухачевского) тоже является диалогом, в который вступает внутренний мир, «дух», «личность» с индивидуумом (самим собой), природа которого социально и исторически обусловлена. Таким образом, каждая интерпретация и самоинтерпретация вполне истинна, но истинна и «сущностна» в той мере, в какой она

мандарм Тухачевский – 28 лет..., человек, безусловно, свой, смелый до авантюризма. Мягкий, поддающийся влиянию, с тактичным комиссаром будет в любом месте отлично командовать не только армией, но и фронтом». //Наше Отечество. Опыт политической истории. - Т. 2 - С. 86.

По мнению маршала И.Конева, несомненно, опиравшегося на устоявшиеся в высших военных кругах оценки «красного Бонапарта» (вряд ли прославленный полководец Великой Отечественной войны имел возможность долго и близко наблюдать М.Тухачевского лично), «Тухачевский – человек даровитый, сильный, волевой, теоретически хорошо подкованный. Это его достоинства. К его недостаткам принадлежал известный налет авантюризма...». //Симонов К. Глазами человека моего поколения. - С. 394-395.

[618] «...С того времени, - продолжал Л.Троцкий, - он, видимо, прилежно учился, если не марксизму (этому в СССР ныне не учится никто), то военному делу. Он научился понимать новую технику и, не без успеха, играл роль «механизатора» армии. Удалось ли ему приобрести необходимое равновесие внутренних сил, без чего нет вообще великого полководца, могла бы, пожалуй, обнаружить только новая война, в которой Тухачевскому заранее отводилась роль генералиссимуса...». - См. Троцкий Л.Д. Обезглавление Красной Армии. //Бюллетень оппозиции. – 1937. - № 56-57. - С. 4.

[619] Троцкий Л. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. //Военная наука и революция. - 1921. - № 2. - С. 230.

[620] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979 - С. 311-312.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

отражает свойства данного «знака», «лика» в конкретном духовно-нравственном и социально-историческом диалоге, т.е. в контексте определенного культурно-исторического поля. Как отмечают психоаналитики, «имеются периоды истории, когда радикально меняется образ мира, традиционные идеологии пребывают в упадке, рушится социальный порядок»[621]. В такой ситуации индивиды, особенно молодые, «испытывают страх, тревогу, бессмысленность существования – необходим новый ответ на вопросы, которые ставит история. Этот ответ всегда включает в себя не только совокупность рациональных подходов к проблемам внешнего мира, но и экзистенциальное решение, веру, которая дает смысл жизни»[622]. Иными словами, возникает устойчивая потребность в оберегании каких-либо «вечных ценностей», точнее, - «вечных индивидуальных ценностей». Они позволяют сохранять индивиду устойчивость своего психокультурного состояния, самообладания, внутреннюю психическую защищенность от превратностей истории. Каждый раз, в период «экзистенциально-исторического» кризиса личность, таким образом, вынуждена вновь и вновь задаваться вопросом: «Кто я и зачем?». Иными словами, вновь идентифицировать себя в конкретно-историческом процессе и социо-культурной среде.

«Я назвал главный кризис юности, - писал Э.Г.Эриксон, - кризисом идентичности; он происходит в тот период жизненного цикла, когда каждый молодой человек должен выработать из действенных элементов детства и надежд, связанных с предвидимым совершеннолетием, свои главные перспективы и путь, т.е. определенную работающую цельность; он должен определить значимое сходство между тем, каким он предполагает увидеть себя сам, и тем, что, по свидетельству его обостренного чувства, ожидают от него другие»[623].

По мнению Э.Эриксона, мир обладает «идеологической связностью», которая подтверждает или отрицает идентичность. Каждый индивид включен в историю, в поток социальных изменений[624]. «Исследование психосоциальной

---

[621] Руткевич А.М. «Психо-история» Э.Г.Эриксона. //Эриксон Э. Молодой Лютер. Психоаналитическое исследование. – М., 1997. – С. 17.
[622] Там же.
[623] Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. - С. 33-34.
[624] Там же, с. 16.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

идентичности зависит поэтому от трех взаимодействующих сторон..., а именно: личностной связи индивида с ролевой интеграцией в его группе; направляющих его образов – с идеологиями его времени; его жизненной истории - с историческим моментом»[625]. В подобной ситуации «входящий в социальный мир молодой человек, - как считают психоаналитики, - теряется среди конфликтующих предписаний, ролей идей. Обостренно переживаемый кризис идентичности подталкивает к решению не только своих собственных, но и социально-исторических проблем»[626].

«Идентичность – это социализированная часть нашего «Я», - утверждают специалисты-психоаналитики. Каждое общество представляет собой репертуар идентичностей: от идентичности ребенка, отца, матери, до профессиональных, политических и т.д. Некая невидимая лотерея распределяет и приписывает их различным индивидам. Одни из них предписаны нам с рождения и лишь в малой степени изменяемы (пол, раса); другие приходят позже, по доброй воле или против нее – священника или бизнесмена, фермера или инженера, налогоплательщика или преступника. Мы получаем их во взаимоотношениях с другими, которые так нас обозначают и идентифицируют. Только в том случае, если идентичность подтверждается другими, она реальна и для самого индивида....[627] Идентичность является продуктом взаимодействия самоидентификации и идентификации другими – это относится и к тем идентичностям, которые произвольно создаются самим индивидом»[628]. В контексте вышесказанного, М.Тухачевский, чье социальное окружение, в условиях социально-экономического, политического и идеологического кризиса России, оказывалось крайне неустойчивым и менялось достаточно часто, переживал кризис идентификации, вынуждавший его вновь искать собственную идентичность. М.Тухачевский, неоднократно оказывался в ситуации экзистенциального кризиса. Этот фактор, несомненно, наложил отпечаток на его характер, влиял на формирование его психо-культурного архетипа поведения.

---

[625] Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. – С. 16.
[626] Там же, с. 18.
[627] Там же, с. 12.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

...Наряду с необходимыми положительными, «светлыми» сторонами, способствующими социальной стабильности индивида, как полагают психоаналитики, «идентичность обладает темной, негативной стороной – совокупностью тех вытесненных и отрицаемых идентификаций и фрагментов, которые нежелательны, несовместимы с идеалами и представлениями о самом себе»[629]. Это чаще всего выявляется в условиях кризиса групповой идентичности. Индивид, принадлежавший к отвергнутой или «преследуемой» социальной группе, порой придерживается идентичности, которую никто, или большинство, уже не считает действительной. Она превращается в негативную, темную, идентичность. В такой ситуации «негативная идентичность предстает в качестве позитивной, становится желанной и доминирующей в идеологиях, трансформирующих чувство неполноценности в чувство превосходства над другими»[630].

«...По-видимому, он был лишен каких бы то ни было принципов, - обращал внимание уже упоминавшийся Л.Сабанеев, - тут в нем было нечто от «Достоевщины», скорее от «ставрогинщины». Он видимо, готовился в сверхчеловеки»[631]. Именно воплощенного героя «Бесов», так сказать, «выродившегося Андрея Болконского», «угадывали» в М.Тухачевском некоторые представители русской эмигрантской интеллигенции[632].

Я позволю себе остановиться подробнее на «образе Ставрогина», поскольку он, как мне представляется «по-книжному» определял базисные ментальные установки и ориентиры М.Тухачевского.

Поясняя образ Н.Ставрогина, сам Ф.Достоевский указывал, что «Николай Ставрогин – тоже мрачное лицо, тоже злодей. Но мне кажется, что это – лицо трагическое.... По моему мнению, это и русское, и типическое лицо[633].... Это

---

[628] Руткевич А.М. Психоистория Э.Г. Эриксона. – С. 12.
[629] Там же, с. 16.
[630] Там же.
[631] Цитируется по публикации: Опишня И. Тухачевский и Скоблин. - С. 110.
[632] Гуль Р. Тухачевский. - С.491.
[633] Достоевский Ф.М. Письма. - М., 1928-1959. - Т. 2. - С. 288-289. «Поражает отношение самого Достоевского к Николаю Всеволодовичу Ставрогину, - не без оснований полагает Н.Бердяев. – Он романтически влюблен в своего героя, пленен и обольщен им. Никогда ни в кого он не был так влюблен, никого не рисовал так романтично. Николай Ставрогин – прельщение, грех Достоевского. Других он проповедовал как идеи, Ставрогина он знает как зло и гибель. И все-таки любит и никому не отдаст его, не уступит его никакой морали, никакой религиозной проповеди». //Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. - М., 1994. - Т. 2. - С. 176.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

целый социальный тип, в моем убеждении, наш тип, русский.... Это человек, не верующий вере наших верующих и требующий веры полной совершенно иначе»[634]. По словам одного из героев «Бесов» Кириллова, «Ставрогин, если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует»[635]. Люди, подобные Н.Ставрогину, как правило, «любят повелевать другими.... Это вовсе не обязательно связано со стремлением к политической власти.... Но им непременно нужно, чтобы на них смотрели снизу вверх...»[636]. «Ставрогин привык первенствовать среди собутыльников, привык, что на него с обожанием смотрят женщины...», - отметил один из исследователей творчества Ф.Достоевского[637]. «Все ждут от него чего-то необыкновенного и великого»[638], - дополняет Н.Бердяев. «Николай Ставрогин, прежде всего, аристократ, аристократ духа и русский барин»[639], - считает русский мыслитель.

Для П.Верховенского Н.Ставрогин - «кумир», объект «культа» и «политических надежд»[640]. Он выводит емко выраженную «формулу Ставрогина»: «Аристократ, когда он идет в демократию, обаятелен». «Барство Ставрогина

---

[634] Достоевский Ф.М. Письма. - Т .4 - С. 297. Давая весьма пространную характеристику Николаю Ставрогину, Ф.Достоевский весьма интересные и важные штрихи его личности и нравственного облика. Они отчасти перекликаются характером М.Тухачевского. Во всяком случае, в контексте проводимого исследования, целесообразно процитировать эту характеристику. «Напомню опять читателю, - пишет Ф.Достоевский в своем романе, - что Николай Всеволодович принадлежал к тем натурам, которые страха не ведают. На дуэли он мог стоять под выстрелом противника хладнокровно, сам целить и убивать до зверства спокойно. Если бы кто ударил его по щеке, то, как мне кажется, он бы и на дуэль не вызвал, а тут же, тотчас же убил бы обидчика; он именно был из таких, и убил бы с полным сознанием, а вовсе не вне себя. Мне кажется даже, что он никогда не знал тех ослепляющих порывов гнева, при которых уже нельзя рассуждать. При бесконечной злобе, овладевавшей им иногда, он все-таки всегда мог сохранять полную власть над собой, а стало быть и понимать, что за убийство не на дуэли его непременно сошлют в каторгу; тем не менее он все-таки убил бы обидчика и без малейшего колебания... Николай Всеволодович может быть отнесся бы к Лунину (имеется в виду декабрист М.Лунин, известный своей безрассудной смелостью и бесстрашием) свысока, даже назвал бы его вечно храбрящимся трусом, петушком, - правда, не стал бы высказываться вслух. Он бы и на дуэли застрелил противника, и на медведя сходил бы, если би только надо было, и от разбойника отбился бы в лесу – так же успешно и так же бесстрашно, как и Лунин, но зато уж безо всякого ощущения наслаждения, а единственно по неприятной необходимости, вяло, лениво, даже со скукой. В злобе, разумеется, выходил прогресс против Лунина, даже против Лермонтова. Злобы в Николае Всеволодовиче было, может быть, больше, чем в тех обоих вместе, но злоба эта была холодная, спокойная и, если можно так выразиться, - разумная, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая может быть. Еще раз повторяю: я и тогда считал его и теперь считаю... именно таким человеком, который, если бы получил удар в лицо или подобную равносильную обиду, то немедленно убил бы своего противника, тотчас же, тут же на месте и без вызова на дуэль». – Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. - М., 1957. - Т. 7. - С. 217-219.

[635] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. - Л., 1972-1984. - Т. 10. - С. 469.

[636] Муравьев А.Н. Ставрогин Достоевского и Каразин М.Горького. //Достоевский. Материалы и исследования. - Л., 1985. - Выпуск 6. - С. 161.

[637] Там же, с. 161-162.

[638] Бердяев Н.А. Ставрогин. //Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. - Т. 2. - С. 176.

[639] Там же, с. 179.

[640] Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. - Т. 7. - С. 438.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

всех прельщает – аристократ в демократии обаятелен, - и никто не может ему простить его барства, - весьма проникновенно полагает Н.Бердяев. – Барство – метафизическое свойство Ставрогина, оно – ноуменально в нем. Его трагическая судьба связана с тем, что он – обреченный барин и аристократ. Барин и аристократ обаятелен, когда идет в демократию, но он ничего не может с ней сделать.... Только барин и аристократ мог бы быть Иваном Царевичем и поднять за собой народ. Но он никогда этого не сделает, не захочет этого сделать и не будет иметь силы этого сделать».[641]

Все вышесказанное можно было бы употребить лишь в качестве литературного сопоставления, если бы, по свидетельству близких к М.Тухачевскому людей, он в плену не проявил столь пылкого увлечения как раз романом Ф.Достоевского «Бесы», в особенности теми его разделами, которые и вывели вышецитированную «формулу Ставрогина» – «Аристократ в демократии обаятелен». Она очень нравилась молодому гвардии подпоручику. Эта формула весьма хорошо укладывается в ранее приводившиеся свидетельства о высокомерии, надменности М.Тухачевского, его подчеркнутом аристократизме, барственности, презрении к окружающим и пр. Приведенные выше свидетельства и размышления дают достаточно оснований для того, чтобы не исключать в мотивах поведения и поступков М.Тухачевского присутствие и влияние своеобразного «ставрогинского архетипа». Цитированное выше мнение Н.Бердяева о Н.Ставрогине будто бы заведомо угадывает психокультурную сущность М.Тухачевского и в значительной мере предопределяет его политическую судьбу.

---

[641] Бердяев Н.А. Ставрогин. - С. 183. В собственной автобиографической книге «Самопознание» Н.Бердяев признавался: «Вспоминая себя мальчиком и юношей, я убеждаюсь, какое огромное значение для меня имели Достоевский и Л.Толстой. Я всегда себя чувствовал очень связанным с героями романов Достоевского и Л.Толстого, с Иваном Карамазовым, Версиловым, Ставрогиным, князем Андреем и дальше с тем типом, который Достоевский назвал «скитальцем земли русской», с Чацким, Евгением Онегиным, Печориным и др.

В этом, быть может, была моя самая глубокая связь с Россией, с русской судьбой. Также чувствовал я себя связанным с реальными людьми русской земли: с Чаадаевым, с некоторыми славянофилами, с Герценым, даже с Бакуниным и русскими нигилистами, с самим Л.Толстым, с Вл.Соловьевым. Как и многие из этих людей, вышел из дворянской среды, и порвал с ней. Разрыв с окружающей средой, выход из мира аристократического в мир революционный – основной факт моей биографии, не только внешней, но и внутренней». //Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. - М., 1991. - С. 33.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевскому, несомненно, хотелось, чтобы его считали и называли «Ставрогиным»[642]. Пожалуй, даже, М.Тухачевскому хотелось иметь репутацию и толкования такого «Ставрогина», каким его представлял П.Верховенский. Появление и весьма назойливое проявление «ставрогинского архетипа» на окружающих проистекало, разумеется, не только как результат «книжности», влияния Ф.Достоевского, вообще как издержки образованности и культурности. Это приобретало особую значимость ввиду его озабоченности проблемой идентификации или самоидентификации при прочтении «текста» собственного бытия в культурно-историческом и социально-политическом контексте эпохи. «Аристократ в демократии», «Ставрогин» – один из соблазнительных образов для уподобления (облик, маска), увлекших М.Тухачевского, и эта мировоззренческая тональность, несомненно, способствовала и в известной мере предопределяла его культурно-исторический и социально-политический выбор в «русской революции», в «русской смуте». Выбор этот был предопределен, думается не только «узнаваемостью», «угадыванием» М.Тухачевским в себе «ставрогинских» признаков, но и субъективным ощущением их острой в себе недостаточности. Это обусловлено было (отчасти) наличием в самосознании М.Тухачевского своеобразного «комплекса», рожденного особенностями происхождения.

…«Чтобы не действовало в темных подпочвах души, - писал К.Г.Юнг, - разумеется, на этот счет существуют разнообразные мнения, - несомненно, по крайней мере, одно: прежде всего это особые аффективные содержания, так называемые *комплексы*, которые обладают определенной автономией»[643]. Как по-

---

[642] Соблазн «ставрогинской» самоидентификации, кажется, был характерен для аристократического поиска в прогрессирующей маргинализации России во второй половине 19-начале 20 вв. Н.Бердяев признавался в «Самопознании». «У каждого человека кроме позитива есть и свой негатив, - считает философ. – Моим негативом был Ставрогин. Меня часто в молодости называли Ставрогиным, и соблазн был в том, что это мне нравилось (например, «аристократ в революции обаятелен», слишком яркий цвет лица, слишком черные волосы, лицо, походящее на маску). Во мне было что-то ставрогинское, но я преодолел это в себе. Впоследствии я написал статью о Ставрогине, в которой отразилось мое интимное отношение к его образу». //Бердяев Н. Самопознание. - С. 28-29.

[643] Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. - М., 1996. - С. 94.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лагал К.Г.Юнг, «углубление учения о комплексах последовательно приводит нас к проблеме *возникновения комплексов*»[644].

Расшифровывая суть учения о комплексах, один из классиков психоанализа отмечал, что «комплексы всегда содержат в себе нечто вроде конфликта или, по крайней мере, являются либо его причиной, либо следствием. Во всяком случае, комплексам присущи признаки конфликта, шока, потрясения, неловкости, несовместимости. Это так называемые «больные точки»,... о которых не очень-то хочется вспоминать и еще меньше хочется, чтобы о них напоминали другие, но которые, зачастую самым неприятным образом, напоминают о себе сами»[645].

Далее великий психоаналитик дает весьма интересный комментарий к сказанному. «Очевидно, комплексы представляют собой своего рода неполноценности в самом широком смысле, - пишет он, - причем я тут же должен заметить, что комплекс или обладание комплексом не обязательно означает неполноценность. Это значит только, что существует нечто несовместимое, неассимилированное, возможно даже, какое-то препятствие, но это также и стимул к великим устремлениям и поэтому, вполне вероятно, даже новая возможность для успеха. Следовательно, комплексы являются в этом смысле прямо-таки центром или узловым пунктом душевной жизни, без них нельзя обойтись, более того, они должны присутствовать, потому что в противном случае душевная деятельность пришла бы к чреватому последствиями застою. Но они означают также и неисполненное в индивиде, область, где, по крайней мере сейчас, он терпит поражение, где нельзя что-либо преодолеть или осилить; то есть, без сомнения, это *слабое место* в любом значении этого слова»[646].

Из всего сказанно К.Г.Юнг делает весьма важный для последующих рассуждений вывод: «Комплекс становится для нас диагностически ценным симптомом индивидуальной диспозиции»[647].

---

[644] Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. - С. 95.
[645] Там же.
[646] Там же.
[647] Там же, с. 96.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Как объясняет психоаналитик, «индивидуальная диспозиция вовсе не приобретается в течение жизни, а, являясь врожденной, становится очевидной уже в детстве. Поэтому родительский комплекс есть не что иное, как проявление столкновения между действительностью и непригодным в этом смысле свойством индивида. Следовательно, первой формой комплекса должен быть родительский комплекс, потому что родители – это первая действительность, с которой ребенок может вступить в конфликт. Поэтому существование родительского комплекса как ничто другое выдает нам наличие у индивида особых свойств»[648]. Особое внимание К.Г.Юнг обращает на то, «как этот комплекс проявляется в индивиде»[649].

Как выше уже отмечалось, отец М.Тухачевского принадлежал к старинному дворянскому роду, мать же была простой крестьянкой. Это обстоятельство уже существенно не нарушало правовых норм Российской империи конца 19 века. Однако резко, как и лет двести-сто назад, оно диссонировало с неписанными нормами и традициями дворянско-аристократической культуры, особенно в узкокорпоративных микросоциальных структурах. М.Тухачевский не прошел полный курс обучения в кадетском корпусе. Это отчасти было обусловлено тем обстоятельством, что отец его, в отличие от всех предков, в силу отмеченных выше матримониальных обстоятельств, не был офицером и не служил в императорской гвардии или армии. Уже в этом таились некоторые ментальные неудобства, ощущение сословно-корпоративной неполноценности. М.Тухачевский провел в кадетском корпусе всего один год. Поэтому на него начальное военное обучение практически не оказало заметного воздействия. Ему не были привиты столь традиционные, обычные для кадрового офицера русской армии привычки, закладывавшие основы, что называемой, «военной косточки». Будучи физически сильным и гордым, богемно-интеллигентски воспитанным (подробнее об этом ниже) и, к тому же, «старшим кадетом», М.Тухачевский не признавал «цука»[650]. А в этом, в сущности, зарождался ин-

---

[648] Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – С. 96.
[649] Там же.
[650] Никулин Л. Тухачевский. - С. 25.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

стинкт иерархии и чинопочитания в ментальности кадрового офицера. Он, таким образом, не признал «закона», и потому в среде кадетов оказывался «горделивым изгоем» - «новоявленным князем Андреем Болконским». Так его с некоторой иронией называли товарищи. И вновь – корпоративно неполноценным.

Он, не получивший «нормального» образования в кадетском корпусе, не будучи сыном офицера, оказался не в столичном Павловском военном училище, из которого, как и из Пажеского корпуса, в подавляющем большинстве попадали в гвардию, а в московском Александровском. Это было обусловлено и отцовским мезальянсом, и бедностью семьи. В Москве учиться М.Тухачевскому было дешевле. Здесь жила семья. Здесь проживало много родственников.

Александровское военное училище, считавшееся вторым по престижности после Павловского и третьим (или даже четвертым, если учитывать Николаевское кавалерийское) после Пажеского корпуса, имело репутацию либерального по духу образования[651]. Впрочем, либеральная образовательная атмосфера в этом училище вполне устраивала отца будущего маршала и, скорее все-

[651] Учитывая, что в кадетском корпусе М.Тухачевский проучился всего один год, а в полку пробыл несколько месяцев, да и то, во фронтовой обстановке, наибольшее формирующее личность воздействие на него оказало, конечно, пребывание в Александровском военном училище. Полковые традиции, вряд ли успели сильно повлиять на личность М.Тухачевского. В условиях фронта они, несомненно, сглаживались и даже нейтрализовались. Что же касается училища, то там он оказался одним из лучших. Честолюбие и тщеславие его должно было быть удовлетворено. Оно открыло ему путь в гвардию, в военную карьеру. Известно, что М.Тухачевский окончил его в 1914 г. «первым» по баллам и с отличием, с «занесением фамилии на мраморную доску». Это было первое сильное впечатление от армии, которое должен был испытать «красный Бонапарт». Как любое другое учебное заведение с устоявшимися и престижными традициями, Александровское военное училище формировало определенный стереотип поведения. «Александроны», как и «павлоны», как и «николаевцы» имели свое лицо, свой облик, свои традиции. Как вспоминал генерал А.Спиридович, « о каждом училище имелись свои подробные сведения. Александровское училище в Москве – не строгое, даже распущенное, офицеры не подтягивают, смотрят на многое сквозь пальцы, учиться не трудно, устраиваются хорошие балы. Из двух пехотных Петербургских – Константиновское много легче Павловского. Отношение офицеров хорошее, похожее на корпусное; расположено около Обуховского моста; прозвище – Обуховские институтки. Павловское училище самое строгое: муштровка сильная, дисциплина страшная, солдатчина. Требуют строй и гимнастику. Зовут – павлоны-солдафоны.». – Спиридович А.И. При царском режиме. //Архив русской революции. – 1993. - Т. 15-16. - С. 97. Хотя в воспоминаниях сокурсников о М.Тухачевском сохранились впечатления, как о человеке исключительно требовательном, строгом, жестком и честолюбивом (см. воспоминания В.Посторонкина), он все-таки был выпускником-александровцем, «александроном». Судя по его собственным высказываниям, в его памяти и привычках сохранились самые лучшие впечатления о времени, проведенном в училище. По воспоминаниям В.Ладухина, тоже выпускника этого же училища, в 1920 г., его, назначенного в штаб М.Тухачевского, последний спросил: «Имеете военное образование?»...Я отвечал не твердо: «Бывшее Александровское училище... в военное время... ускоренный выпуск». Тухачевский сразу преобразился: «Э-э, да мы, значит, однокашники! Только я окончил это училище перед войной. И, знаете, товарищи, там совсем неплохо готовили офицеров». – Ладухин В.Н. Славное имя. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 177.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

го, больше соответствовала характеру и духовному настрою самого М.Тухачевского. Вероятно, выбор именно Александровского военного училища для получения военного образования был мотивирован не духовно-нравственными предпочтениями, а чрезвычайной скудостью денежных средств отца будущего маршала. Обучение М.Тухачевского в Москве было для семьи гораздо дешевле, чем в любом военном училище Петербурга. В Москве жила семья, здесь же проживали и большинство родственников Тухачевских. Однако, для военной карьеры обучение в этом училище, несомненно, создавало гораздо большие сложности, особенно - для выпуска в гвардию. А это было крайне необходимо для последующего продвижения по службе, для связей в свете, во влиятельных военных и придворных кругах. Весь его путь к славе и воинским почестям, вся карьера родовитого, но бедного дворянина, с матерью-крестьянкой, без связей мог строиться исключительно на потенциале личных способностей, отличий в образовании и профессиональной подготовленности, в стремлении выделиться, чтобы заметили. Поэтому и приходилось приложить максимум усилий и способностей для того, чтобы стать первым по баллам на выпуске, с чином фельдфебеля и получить, таким образом, право первым выбирать вакансии. Гвардейских вакансий для Александровского училища было очень мало. Все это, имеется в виду, необходимое рвение в службе и учебе, не способствовало складыванию близких дружеских отношений М.Тухачевского с сокурсниками[652]. Итак, вместо Пажеского корпуса и Павловского военного училища, Александровское. Все это, по нарастающей, лишь усиливало и делало все более заметным «комплекс» сословно-корпоративной «неполноценности». Для открытия удачной военной карьеры очень важно было попасть в гвардию. Лучше – в «старую гвардию». Для карьеры и связей, для престижа, если нет средств для службы в гвардейской кавалерии, то только л-г. Преображенский полк[653]. Однако, консерватизм традиций в них был особенно устойчив и весьма

---

[652] Посторонкин В. Тухачевский. //Военно-исторический журнал. – 1990. - № 12. - С. 89-90.

[653] «Была весна. Надо было торопиться и выбрать полк, - вспоминал молодой князь В.С.Трубецкой, решивший в 1912 г. поступить на военную службу. – Но чем руководствоваться при выборе того или иного полка? В свете про один полк говорили, что он хорош. Другие хаяли… Мне казалось, что нужно выбрать такой полк, который квартирует в большом городе и у которого покрасивее форма… Я показывал невесте таблицы с пестрыми фор-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

заметно, даже демонстративно, культивировался. Мезальянс аристократа-дворянина и простой крестьянки, давший жизнь большому потомству, в том числе и М.Тухачевскому, кажется, отразился на судьбе отца будущего маршала (такой брак закрывал возможности для службы в элитных гвардейских частях и на некоторых иных поприщах). Он, несомненно, «подпортил» родословную и М.Тухачевскому. Это обстоятельство, конечно, ограничивало диапазон выбора[654]. Второй старейший полк гвардейской пехоты, Семеновский, формально был равноценным своему «полку-близнецу», однако по составу офицеров, по их родовитости, по их связям при дворе, все-таки уступал Преображенскому. Но и прохождение М.Тухачевского как первого по баллам выпускника-александровца в л-г. Семеновский полк не могло быть обеспечено лишь уровнем успеваемости.

Вновь направленные в гвардейские полки выпускники военных училищ проходили еще фильтрацию через офицерские собрания данных полков, где весьма требовательно относились к происхождению, социальным характеристикам кандидата и его ближайшего окружения. Кандидат должен был обладать также безупречной репутацией по политическим взглядам, по мировоззре-

---

мами, и мы с ней вдвоем на них гадали, не зная, на чем остановиться, покуда не приехала из Лондона мама, которая сразу направила дело о выборе полка в надлежащее русло. Для нее было совершенно очевидным, что если уж быть военным, то конечно, гвардейцем. Гвардия давала положение в свете. В смысле карьеры там были лучшие перспективы. Главное же, в гвардию принимали людей с разбором и исключительно дворян. Гвардейский офицер считался воспитанным человеком в светском смысле слова. В армии же такой гарантии не могло быть. Армейский кавалерийский шик, конечно, не нравился матери. Именно потому, что это был шик. Раз шик, то, стало быть, уже дурной тон (мать ненавидела даже само это слово). Если хотите, в гвардейских полках тоже был известный шик, но уже более утонченный и благородный, и это, конечно, тоже было не совсем хорошо. Только два полка в глазах матери были вне всякого шика и были действительно по-настоящему порядочными полками – знаменитый исторический лейб-гвардии Преображенский пехотный полк и кавалергардский. У них был сверхшик, заключавшийся во всяком отсутствии шика. Это было уже какое-то «рафинэ» джентльменства». – Трубецкой В.С., князь. Записки кирасира. //Князья Трубецкие. Россия воспрянет. - М., 1996. - С. 370-371.

[654] «Отец моей матери – дедушка, князь Владимир Андреевич Оболенский, в молодости был кавалергардом. Другой мой дедушка, со стороны отца, князь Николай Петрович Трубецкой, в молодости был преображенцем. Муж сестры моей матери, графини М.Д.Апраксиной, командовал в свое время кавалергардским полком, и двоюродные братья матушки, Оболенские и Озеровы, тоже служили в этих же полках. В оба эти полка поступал цвет высшего дворянского общества. Это были действительно исключительные аристократические полки, куда принимали офицеров с особенным разбором. Носить громкую дворянскую фамилию и обладать средствами и придворными связями было еще далеко недостаточно, чтобы поступить в один из этих рафинированных полков. Туда мог попасть только безупречно воспитанный молодой человек, о репутации и поведении которого полком собирались тщательные справки. А кавалергарды в некоторых случаях еще и копались в родословной представлявшегося в полк молодого человека и проверяли за несколько поколений назад его бабушек и прабабушек: не затесалась ли среди них какая-нибудь мадам, не подходящая по своему происхождению и тем самым портящая родословную. Ведь она могла бы передать по наследству плебейские черты своему потомству. Здесь никакие протекции не помогали. Случаи, когда сыновья министров и высших сановников при представлении в эти полки получали отказ, не были исключением». – Трубецкой В.С., князь. Записки кирасира. - С. 371.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нию, ничем в этом отношении быть незапятнанным. Важную роль (порой даже решающую) играла принадлежность кандидата к старой «полковой фамилии». Предки М.Тухачевского начали служить в л-г. Семеновском полку еще с первого его набора, с конца 17 века[655]. Служили они в полку и в начале 19 в., в его составе принимали участие в Отечественной войне 1812 года[656]. В этом отношении М.Тухачевский, принадлежавший к «семеновской фамилии», оказался в полку «своим». Наконец, офицер одного из старейших полков императорской гвардии должен был иметь достаточно средств, чтобы позволить себе вести сопряженную со значительными денежными расходами жизнь столичного гвардейского офицера[657]. Этих средств, конечно, у М.Тухачевского не было[658].

С учетом всего вышесказанного, конечно же, формальных оснований для отказа М.Тухачевскому в праве начать офицерскую карьеру в л-г.Семеновском

---

[655] Со слов самого М.Тухачевского, его двоюродный дед, наставляя будущего маршала, рекомендовал ему «выйти в Семеновский полк. В Семеновском служил с начала его основания при Петре, наш предок Михаил Артамонович Тухачевский». //Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. – Возрождение. - Тетрадь № 64. - С. 63.

[656] С 1811 по 1820 гг. в л-г. Семеновском полку служил прадед М.Тухачевского, Тухачевский Александр Николаевич. Он был «коренным» семеновцем. Начав службу в 1811 г. с подпрапорщиков, к 1812 г. был произведен в прапорщики. В 1813 г. стал подпоручиком. В 1815 г. – поручиком; в 1817 г. – штабс-капитаном; в 1820 г. – капитаном и командиром роты. После так называемого «семеновского дела» в 1820 г. был переведен подполковником в Галицкий пехотный полк.

С 1817 г. в л-г. Семеновском полку служил и его родной брат Николай Николаевич Тухачевский. Он начал службу в л-г. Кавалергардском полку, и в 1817 г. был переведен подпоручиком в л-г. Семеновский. После упомянутого выше «семеновского дела», вместе с братом был также переведен в 1821 г. в л-г. Московский полк. – Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. - СПб, 1883. - С. 168.

У Н.Тухачевского военная карьера сложилась более успешно. В 1831 г. он был произведен в генерал-майоры, награжден орденами: Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 3-й степени, Св. Станислава 1-й и 2-й степеней. Некоторое время, в 1846 г. был наказным атаманом Войска Донского В 1847 г. был «уволен со службы с мундиром и пенсионом полного жалования». Он уехал в Орловскую губернию в свое имение в Дмитровском уезде, где и умер. – ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 25. Л. 23-24.

[657] «Имея безупречную родословную, громкую фамилию, а равно и подходящее воспитание, я имел все то, что было нужно, дабы сделаться кавалергардом или преображенцем, - вспоминал князь В.Трубецкой, - однако от преображенцев я сам отказался наотрез, поскольку хотел служить в коннице. В отношении же кавалергардов у матери у самой возникли некоторые сомнения. Одно дело – быть холостым кавалергардом. Для этого не нужно было иметь особых средств, ибо кавалергарды вели себя скромно (без показного шика). Другое дело – быть женатому, семейному кавалергарду. Холостой мог жить у какоей-нибудь тетушки или же на холостяцкой квартире. Он мог довольствоваться одним лакеем или денщиком. Женатый же должен был иметь не угол, а приличную, хорошую квартиру в столице и иметь такие средства, чтобы не отставать от требований общепринятого в полковой среде светского образа жизни, да еще вдобавок в условиях столицы. Моя мать опасалась, что не сможет дать мне таких средств. Ей не хотелось, чтобы ее сын довольствовался лишь минимумом того, что было нужно для семейного кавалергарда. По ее понятиям он должен был иметь нечто большее». – Трубецкой В.С., князь. - Записки кирасира. - С. 371-372.

[658] В этом отношении интересно одно весьма красноречивое «Свидетельство» от 20 июня 1913 г. : «Дано потомственному дворянину Николаю Николаевичу Тухачевскому в том, что он состояния крайне бедного, обременен семейством, состоящим из 9 человек детей, жены и матери и никаких имуществ, как движимых так и недвижимых или других средств существования не имеет, что удостоверяю подписью моей и приложением печати. Смоленский Губернский предводитель дворянства. Секретарь дворянства. (Подписи)». – РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

полку не было. Однако видимо, еще одно обстоятельство сыграло свою положительную роль в судьбе М.Тухачевского.

По свидетельству человека, знавшего его в юнкерский период, портупей-юнкер М.Тухачевский в 1913 году во время Романовских торжеств (празднования 300-летия Дома Романовых) нес караульную службу в Кремлевском дворце. «Здесь же впервые Тухачевский был представлен Его Величеству, обратившему внимание на службу его и, особенно, на действительно редкий случай для младшего юнкера получения портупей-юнкерского звания. Государь выразил удовольствие, ознакомившись из краткого доклада ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского»[659]. Была ли затем прямая рекомендация М.Тухачевского царем в гвардию или нет, не столь существенно, если уже сложилось мнение о юнкере, как отмеченном вниманием Николая 2. Этот случай оказался эпизодом, но весьма характерным, хотя, очевидно, не усилившем любовь М.Тухачевского к царю.

Известны факты совершенно иного отношения будущего маршала к Николаю 2. В частности, один из приятелей М.Тухачевского по кадетскому корпусу вспоминал, как в 1912 году, во время «Бородинских торжеств» в Москве, во время парада и прохождения Николая 2 вдоль строя кадет, М.Тухачевский шепнул своему товарищу, указывая на монарха: «Вот бы его убить!»[660]. Наверное, это был юношеский эпатаж, навеянный демонической героикой эсеровских «подвигов», но и он показателен. Кроме того, к вышеприведенному свидетельству примыкает еще одно, относящееся к тому же году.

Н.Кулябко, познакомившись именно тогда с семейством Тухачевских, по собственному признанию, «не без предубеждения отнесся к юнкеру Тухачевскому. «Будущая опора трона», - подумал я о нем. Однако не кто иной, как сам Михаил Николаевич, тут же заставил меня усомниться в правильности этого моего предположения. Братья сообщили Михаилу, что они готовятся к посещению Кремлевского дворца, где обязательно будут «августейшие» особы. К моему удивлению, он встретил это сообщение довольно скептически. – Что же, ты

[659] Посторонкин В. Тухачевский. - С. 89.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

не пойдешь? – удивились братья. – Меня это не очень интересует, - пожал плечами Михаил и заторопился к себе в училище. Из дома мы вышли вместе. По дороге завели разговор о революции пятого года. Михаил с острым интересом расспрашивал меня, и я окончательно убедился, что мой спутник – юноша серьезный, думающий, отнюдь не разделяющий верноподданнических взглядов, характерных для большинства кадетов и юнкеров. Постепенно я все больше проникался симпатией к Михаилу Николаевичу. Наши беседы раз от разу становились все более откровенными. Михаил не скрывал своего критического отношения к самодержавию и так называемому «высшему обществу»[661]. Участие Николая 2 в судьбе М.Тухачевского могло лишь усилить в нем ощущение «незаконнорожденности» в обстановке сохранявших господство традиций «петербургской империи». В русле достоевско-бахтинских размышлений позволю себе назвать это ощущение «незаконнорожденности» – «комплексом Смердякова».

Смердяков – четвертый, незаконнорожденный, из братьев Карамазовых – существо с внутренним, драматичным диалогом-ссорой, «войной» высокородного и низменного, «подлого», «ничтожного», ни тем, ни другим в полной мере не являющимся. Его обуревает хроническая тоска по целостности, по «воплощению». Это – призрак, стремящийся обрести лицо. Это существо – вне закона, отторгнутое культурно-исторической традицией. Это – «культурная аномалия», «болезнь Культуры» и традиции. Это – маргинал. Это – «оборотень». Это, несомненно, фигура «карнавальная» по существу. Это – трикстер, шут[662]. Это –

---

[660] Бенуа Г. Сорок три года в разлуке. //Простор. – 1967. - № 9. – С. 70.

[661] Кулябко Н.Н. Я рекомендовал его в партию. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 26-27.

[662] «Трикстер» - в мифологии - пародийный, отрицательный вариант «культурного героя», «демиурга». В характерных мифологических сюжетах о «братьях-близнецах», родоначальниках и «зачинателях культуры» трикстер, т.е. отрицательный брат-близнец, наделяется одновременно демоническими и комическими чертами «плута-озорника» (трикстера). В греческой мифологии к «трикстеру» близок обожествленный Гермес. Трикстер нарушает самые строгие табу, нормы обычного права, общепринятой морали. Озорные проделки «трикстера» большей частью служат удовлетворению его прожорливости или похоти. Нарушение табу и профанирование «святынь» порой имеет характер «незаинтересованного» озорства. В мифах проделки «трикстера» имеют характер пародии на священные ритуалы, на шаманское камлание, на самые серьезные деяния. В типе «трикстера» как бы заключен некий универсальный комизм, распространяющийся и на одураченных жертв плута, и на высокие ритуалы, и на асоциальность и невоздержанность самого плута. Этот универсальный комизм сродни той карнавальной стихии, которая проявлялась в элементах самопародии и распущенности, имевших место в римских сатурналиях, средневековой масленичной образности, «праздниках дураков» и др. Первоначальное сочетание в одном лице серьезного «культурного героя» и «трикстера» (близнецы это в сущности «двуличие»,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

отторжение от традиции, культурного космоса, от «бога», от «Отца». Это – отторжение, таким образом, от «блага» и «добра». Это – дитя Хаоса и Беззакония, Войны и Смерти. Это – существо, несущее Смерть и Разрушение. «Демон», погруженный в «небытие», в «незаконность», в «произвол», во «зло». И Смердяков, восхищаясь Иваном Карамазовым, как П.Верховенский, Н.Бердяев и М.Тухачевский восхищаются Н.Ставрогиным, идеализирует в своем кумире как раз то, что несет разрушение культурно-исторической традиции, «отчества», карамазовский рационализм-революционаризм. «Путь безбожного своеволия человека, - заметил Н.Бердяев, - должен вести к отцеубийству, к отрицанию отчества. Революция всегда ведь есть отцеубийство»[663]. Смердяков, рождением своим поставленный вне закона, т.е. «вне Отца», вне «отечества», устремлен к своему идеалу противоотеческому, высокомерно-рационалистическому, разрушительному аристократизму. Он устремлен к «обаятельному», завораживающему «аристократу в демократии». Думается, эта формула стала доминантной в психо-культурном настрое М.Тухачевского, прямо или косвенно предопределявшей его «нравственную бесчувственность» и склонность к эстетическим приоритетам. В контексте вышесказанного становится более понятной и устойчивость ментально-мировоззренческой формулы М.Тухачевского, сквозным образом определявшей его поведенческую модель – «аристократ в демократии обаятелен». Попранный Революцией «аристократизм» допускается в качестве формулы поведения для М.Тухачевского в порядке индивидуального исключения, ибо он с лихвой компенсируется для Революции его «военно-революционными услугами». Таким образом, выделяется его «индивидуальная неповторимость», его «оригинальность», его «избранность». Таким образом

оборотничество одной фигуры), вероятно, объясняется и тем, что их зарождение и действия относится ко времени до установления строгого миропорядка – к мифическому времени. «Революция», с ее «разрушением до основания» «старого мира» и нахождением между ним и «созиданием» на «чистой доске» «нового мира», оказывается как бы возвратом к этому самому «мифическому времени». Это как бы вновь «время» до установления строгого миропорядка, а следовательно, «вседозволенности» и творческой свободы, проявляющейся в прихотливом, незаинтересованном «творящем озорстве». – См. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. - М., 1991; Мелетинский Е.М. Культурный герой. // Мифы народов мира. - М., 1994. - Т. 2. - С. 25-28; Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. - Киев-Москва, 1997.

[663] Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. //Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. - М., 1994. - Т. 2. - С. 69. Вспоминается цитированное выше высказывание кадета М.Тухачевского в отношении царя: «Вот бы его убить!», т.е. убить «царя-батюшку».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

компенсируется его «комплекс бастарда», «комплекс Смердякова». Революция – это разрушение, война, получающая свое нравственное оправдание лишь в «светлом будущем», в грядущем «царстве справедливости». Если же таковой веры нет, если личность «живет разрушением, войной», то негативная идентичность в нем может находит проявления и в поклонении «демонам», в демонстративном кощунстве над «божественными» ценностями, в насмешке над ними. Личности импонирует ее причастность к «демоническому», свойственно любование собственным «демонизмом». «Демон» – как-то назвал М.Тухачевского в разговоре И.Сталин, пользуясь, вероятно, «семинаристским» семантическим рядом[664].

…Однажды, вспоминал П.Фервак, «я застал Михаила Тухачевского очень увлеченного конструированием из цветного картона страшного идола. Горящие глаза, вылезающие из орбит, причудливый и ужасный нос. Рот зиял черным отверстием. Подобие митры держалось наклеенным на голову с огромными ушами. Руки сжимали шар или бомбу, что именно, точно не знаю. Распухшие ноги исчезали в красном постаменте.... Тухачевский пояснил: «Это – Перун. Могущественная личность. Это – бог войны и смерти»[665]. И Михаил встал перед ним на колени с комической серьезностью. Я захохотал. «Не надо смеяться, - сказал он, поднявшись с колен. – Я же вам сказал, что славянам нужна новая религия. Им дают марксизм, но в этой теологии слишком много модернизма и цивилизации. Можно скрасить эту сторону марксизма, возвратившись одновременно к нашим славянским богам, которых христианство лишило их свойств и их силы, но которые они вновь приобретут. Есть Даждь-бог – бог Солнца, Стрибог – бог Ветра, Велес – бог искусств и поэзии, наконец, Перун – бог грома и молнии. После раздумий я остановился на Перуне, поскольку марксизм, победив в России, развяжет беспощадные войны между людьми. Перуну я буду каждый день оказывать почести»[666].

---

[664] Никулин Л. Тухачевский. - С. 92.
[665] Fervacque P. Le chef de l'armee Rouge – Mikail Toukhatchevski. - P.73-74.
[666] Ibid, p. 74.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

По свидетельству Л.Сабанеева, «когда Тухачевский стал «персоной», членом Реввоенсовета и командармом, им был составлен проект уничтожения христианства и восстановления древнего язычества, как натуральной религии. Докладная записка о том, чтобы в РСФСР объявить язычество государственной религией, была подана Тухачевским в Совнарком». Л.Сабанеев, хорошо знавший «красного Бонапарта», считал, что «он явно издевался, но в малом Совнаркоме его проект был поставлен на повестку дня и серьезно обсуждался»[667]. Далее Л.Сабанеев вспоминал о реакции на это: «Тухачевскому только это и было нужно. Он был счастлив, как школьник, которому удалась шалость»[668]. Известно, что в бытность его командующим Западным фронтом в 1922-1924 гг. у М.Тухачевского была собака, которую он, кощунствуя и забавляясь, назвал «Христосик»[669]. Еще ранее, в плену М.Тухачевский рассказывал своему французскому приятелю: «У нас была француженка-гувернантка, которую я выводил из себя. Я и мои братья дали трем котам в доме священные имена Отца, Сына и Святого Духа. И когда мы их искали, мы издавали ужасные вопли: «Где этот черт Бог Отец?». Мама сердилась, но не очень, а гувернантка-француженка осыпала нас проклятиями»[670]. Подобного же рода была музыкальная шутка, когда с приятелем, известным музыкантом Н.Жиляевым М.Тухачевский сочинил «марксистскую файв-о-клокию». Такое откровенное издевательство, теперь уже над «революционной верой», шокировало даже противобольшевистски настроенных людей[671]. По воспоминаниям П.Фервака, «кощунствуя спокойно и весело, он затем галантно осведомлялся: «Я вас не шокирую? Мне было бы очень досадно...»[672].

В целом же все это было типичным проявлением «карнавальной культуры». Впрочем, замечу кстати, «карнавальна» по существу сама формула поведения – «аристократ в демократии». Очевидно «карнавальна» и «смердяковская личина». Напоминая его явные предпочтения эстетическим приоритетам перед

---

[667] Цитируется по: Опишня И. Указ. соч.. - С. 110.
[668] Там же.
[669] Соколов Б. Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала. - Смоленск, 1999. – С. 250.
[670] Fervacque P. Op. cit. - P. 20.
[671] Опишня И. Указ. соч. - С. 110.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

моральными, хочу обратить внимание на то, что именно в этой формуле (эстетической по сути своей) уже совершенно отчетливо обнаруживается его склонность к «эстетике диссонанса». В этом же отношении, мне представляется весьма любопытным и характерным диалог между М.Тухачевским, только что успешно подавившим Кронштадтское восстание, и Главкомом С.Каменевым. Примечательна стилистика и своеобразная метафоричность их переговоров по прямому проводу.

«ТУХАЧЕВСКИЙ:...В общем, полагаю, что наша гастроль здесь закончилась. Разрешите возвратиться восвояси.

ГЛАВКОМ: Ваша гастроль блестяще закончена, в чем я и не сомневался, когда привлекал Вас к сотрудничеству в этой истории...

ТУХАЧЕВСКИЙ:...Я очень прошу меня не задерживать дольше завтрашнего дня...

ГЛАВКОМ: Приму все меры, чтобы удовлетворить Ваше желание, план развозки не составляйте, а лишь сообщите мне, какие части прибыли к Вам и какие надо обратно вывезти, другой справки не надо. Поздравляю Вас еще раз...»[673].

Вышецитированный диалог очень напоминает разговор между заезжей «звездой сцены» и провинциальным культорганизатором. Командующий Западным фронтом М.Тухачевский представляется артистом, который, как обычно, до банальности скучно-блестяще, провел свой бенефис на сцене провинциального театра или клуба, и торопится на гастроли в другие места.

Отмеченные психокультурные свойства М.Тухачевского, равно как и серия не лишенных своеобразной поэтичности его статей о «революции извне» и «коммунистическом империализме», признанным идеологом коих он считался, были насыщены и предопределены специфической духовной атмосферой, окутывавшей М.Тухачевского с рождения.

«Вольтерьянский» настрой – «если бога нет, то его надо выдумать» – усвоенный и унаследованный М.Тухачевским от отца[674], родственные связи се-

---

[672] Fervacque P. Op. cit. - P. 20.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мейства с французами (Делоне) и итальянцами (Липранди)[675], свободное владение французским языком создавали весьма характерный культурный фон. В семействе Тухачевских господствовал дух творческого многообразия, интеллектуальной разбросанности, и в то же время изящного эстетизма, даже богемности, живым воплощением каковых были отец и бабушка[676]. Все это позволило генералу К.Шпальке отметить в М.Тухачевском, спустя десятилетия, бросавшиеся в глаза, особенно, как вспоминал генерал, на фоне «неотесанных пролетарских коллег его», прекрасные специальные знания и светские манеры[677], - производившие впечатления на немецкий и французский (аристократический по преимуществу) генералитет. И как весьма выразительно резюмировал свою характеристику М.Тухачевского генерал К.Шпальке, «всем своим типом он больше соответствовал идеалу элегантного и остроумного офицера французского генерального штаба...»[678]. Предания о «латинских предках», подкрепленные художественно-поэтической ориентацией, во многом благодаря родственным и дружеским отношениям семейства с И.Тургеневым, Л.Толстым, А.Фетом, Киреевскими[679], были «оплодотворены» всепроникающим воздействием музыкального гения А.Скрябина. Он был лично близок семейству через их бабушку, друзей композитора Л.Сабанеева и Н.Жиляева – активных пропагандистов, знатоков его музыки и музыкальных воспитателей братьев Тухачевских[680].

«Музыка – вторая моя страсть после военного дела»,- часто повторял М.Тухачевский[681]. Возможно, что на подсознательном уровне именно скрябин-

---

[673] Запись разговора по прямому проводу С.С.Каменева с М.Н.Тухачевским о занятии Кронштадта и об отъезде Тухачевского на Западный фронт. 18 марта 1921 г. //Кронштадтская трагедия 1921 г. Документы. - М., 1999 - Т. 1 - С. 502.
[674] Никулин Л. Указ. соч. - С. 12-14, 20; Арватова-Тухачевская Е.Н., Тухачевская О.Н. Он любил жизнь. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 12.
[675] Декабристы. Бтографический справочник. - М., 1988. - С. 102.
[676] Никулин Л. Указ. соч. - С. 14; Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 13.
[677] Шпальке К. Источники истории о Михаиле Тухачевском. - С. 38.
[678] Там же.
[679] Возрождение. – 1936. - 13 февраля; Никулин Л. Тухачевский. - С. 14, 18; РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.
[680] Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 13; Никулин Л. Тухачевский. - С. 14; Опишня И. Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства. //Возрождение. – 1955. - Тетрадь № 39. - С. 110.
[681] Ладухин В.Н. Славное имя. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и товарищей. - С. 185.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ская музыкальная апокалиптика, преображая «демона войны», овладевшего М.Тухачевским, рождала и первую его страсть.

«Для меня война – все! Или погибнуть, или отличиться, сделать себе карьеру, достигнуть сразу того, что в мирное время невозможно! Вы пришли сюда за идею помощи России. Я, чтобы выдвинуться, достичь той цели, которую себе наметил. В войне мое будущее, моя карьера, моя цель жизни!» – откровенничал гвардии подпоручик М.Тухачевский осенью 1914 года[682]. Полемизируя с однополчанином капитаном князем Ф.Касаткиным-Ростовским, подпоручик М.Тухачевский обозначил свой идеал. «...Помните ландскнехтов? – с увлечением рассуждал он. – Дрались они, где и когда возможно за тех, кто их нанимает и, главное, не для каких-то высоких идей, которые вами руководят, а для себя, чтобы взять от войны все, что она может дать! Для меня это главное!»[683]. Так в сознании М.Тухачевского действовала еще одна поведенческая ориентация – «ландскнехт», «наемник». Однако эта поведенческая ориентация все-таки была производной от «комплекса Смердякова». Другим его как бы «оборотным» проявлением и поведенческим ориентиром был повышенный интерес к родословной по отцу.

Специфическое социальное окружение, особенно в л-г. Семеновском полку уязвляло самолюбие бедного, без связей подпоручика М.Тухачевского, к тому же «худородного» по матери и это ощущение собственной «незаконнорожденности» естественно могло компенсироваться повышенным вниманием к родословной по отцу, аристократической асоциальностью и обостренным честолюбием. Все это отражалось на его поведении и на его отношениях с окружавшими. По свидетельству лиц, знавших М.Тухачевского еще в гимназические годы в Пензе, « заносчивый, необщительный, холодный, пренебрежительный Тухачевский держался от всех «на дистанции», не смешиваясь с массой

---

[682] «Антар». Главковерх Тухачевский.... //ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335. См. также, «Семеновский бюллетень». – 1935. - № 15; Часовой. – 1936. - № 162. - С. 12.

[683] Князь Ф.Касаткин-Ростовский. Воспоминания о Тухачевском. //Семеновский бюллетень. – 1935. - № 15; то же: Часовой. – 1936. - № 162 - С. 12.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

товарищей. У него был лишь свой «дворянский кружок», где велись разговоры о родословных древах, древности родов, гербах и геральдике»[684].

Согласно старинным, признанным достоверными и официальными, родословцам, Тухачевские происходили (как и Толстые, Дурново, Молчановы, Молоствовы, Васильчиковы, Даниловы, Пещуровы и Федцовы) от некого графа Индриса, выехавшего с сыновьями «из цесарской земли»[685]. В семейном кругу Тухачевских бытовало весьма устойчивое предание, пользовавшееся репутацией вполне достоверного, что граф Индрис был сыном графа Фландрии Балдуина (Бодуэна) 9 (1171-1205?), из рода французских королей, участника 4-го крестового похода, одного из создателей Латинской империи, возникшей на месте поверженной Византийской империи[686]. В силу своего происхождения и принадлежности к королевскому роду, Балдуин 9 был в 1205 г. избран первым императором Латинской империи. Во время сражения с болгарским царем Калояном он попал к нему в плен и погиб в плену при весьма темных обстоятельствах. Согласно семейным преданиям, его сын граф Индрис с сыновьями и вассалами ок середины 13 века попадает сначала в Одессу, а затем на службу к Черниговскому князю[687]. Оттуда примерно в середине 14 века его потомки перемещаются в Московское княжество. Во всяком случае, по семейной поколенной росписи, Богдан Григорьевич Тухачевский уже получил от великого князя Московского Василия 2 Темного вотчины, как выезжий боярин, в том числе Тухачев и Тухачевскую волость[688].

Я не буду далее углубляться в историю рода Тухачевских с выяснением степени достоверности вышеизложенных преданий. В контексте мировоззрения М.Тухачевского важно было не то, насколько эти предания соответствовали реальным историческим фактам, а то, что и семья, и сам М.Тухачевский были вполне убеждены в их достоверности. Более того, он очень хотел верить в их достоверность. Убежденность, что он, М.Тухачевский является потомком из-

---

[684] Гуль Р. Тухачевский. //Гуль Р. Красные маршалы. - С. 435.
[685] РГВИА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-46.
[686] Ikonnikov N. La noblesse de Russie. - Paris, 1962; Butson G. The Tsar's lieutenant the soviet marshal. - New-York. 1984, p. 7-8.
[687] Ibid.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вестного крестоносного вождя, графа Фландрского, первого императора Латинской империи в Византии, отпрыска королевской династии Капетингов, компенсировало ощущение ущербности происхождения по матери. Все это, несомненно, влияло на его отношение с окружающими. Видимо в данном случае срабатывал психо-культурный феномен, сходный с тем, который время от времени проявлялся в семействе Плантагенетов. Легендарными семейными преданиями о «демоническом» происхождении своего рода короли-Плантагенеты снимали с себя индивидуально-личностную ответственность за собственные поступки (и преступления), мотивируя все своим происхождением, своей «природой» и «породой»[689]. Впрочем, в 20-30-е годы, особенно за рубежом, в частности, в Германии, было распространено мнение, что Тухачевский принадлежат к польской аристократии[690]. Это, видимо, было обусловлено звучанием его фамилии. С другой стороны, известно, что в начале 17 века Тухачевских иногда числили в составе, так называемой, «смоленской шляхты»[691]. Смоленск и его округа в 15-17 вв. были объектом постоянных споров и войн между Россией и Польшей, переходя в состав то одного, то другого государств. Эти обстоятельства, несомненно, послужили основанием для причисления Тухачевских к «смоленской» или шире – к «польской шляхте». Выше я достаточно подробно изложил официальную версию происхождения и родословной М.Тухачевского. Мнение же о его принадлежности к «польской аристократии» интересно и важно, прежде всего, в том смысле, что обеспечило ему несомненные симпатии со стороны «соплеменников». Вокруг него группировались бывшие офицеры, генштабисты, красные командиры, среди которых было много поляков или представителей полонизированных литовско-белорусских фамилий. Легенда о «польском» происхождении М.Тухачевского, несомненно, поощрялась и даже распространялась советскими спецслужбами. В ее контексте, видимо, следует понимать и один из мотивов назначения М.Тухачевского командующим Запад-

---

[688] Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 10. - С. 38-39.
[689] Добиаш-Рождественская О. Крестом и мечом. Приключения Ричарда 1 Львиное Сердце. - М., 1991; Кесслер У. Ричард 1 Львиное Сердце. – Харьков-Ростов-на Дону, 1997. - С. 159, 189; Гарднер Дж. Жизнь и время Чосера. - М., 1986. - С. 139.
[690] Шпальке К. Источники истории о Михаиле Тухачевском. - С. 38.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ным фронтом в 1920 г. Для «польских» поляков и польской армии, М.Тухачевский, как и многие другие красные командиры в подчинении, должны были восприниматься как «свои», а не «москали».

...«Личностный кризис идентичности отягощается..., - напомню мнение психоаналитиков, - во время кризиса исторического». Для М.Тухачевского он выразился в Войне и Революции. Учитывая весь вышеочерченный его психокультурный архетип, положительное для него разрешение этого кризиса социальной идентичности могло воплотиться в «книжном» по своему происхождению мифе – в «Наполеоне».

...Осенью 1916 года, после очередного неудачного побега из плена, он оказался в Ингольштадте – интернациональном лагере для особо беспокойных военнопленных офицеров-«бегунов» из армий Антанты. Французский лейтенант, вспоминая позже первое впечатление, которое произвел на него появившийся в замке «новичок», лейб-гвардии Семеновского полка подпоручик Михаил Тухачевский, отмечал: «Это был молодой человек, аристократически-раскованый, худой, но весьма изящный в своей потрепанной форме. Бледность, латинские черты лица, прядь волос, свисавшая на лоб - придавали ему заметное сходство с Бонапартом времен Итальянского похода»[692].

Известный исследователь русской дворянской культуры 18-19 вв. Ю.Лотман в связи с этим же писал: «...Интересны случаи, когда именно природой данная внешность истолковывается человеком как знак, т.е. когда человек подходит к себе самому, как к некоторому сообщению, смысл которого ему самому предстоит расшифровать (т.е. понять по своей внешности свое предназначение в истории, судьбе человечества и прочее)»[693]. Ю.Лотман приводит пример аналогичной с «казусом Тухачевского» функциональной зависимости поведения и внешности «казус Пестеля»[694].

---

[691] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. - М., 1990. - Книга 5. - Т. 9-10. - С. 101.
[692] Fervacque P. Le chef de l'armee Rouge – Mikail Toukatchevski. - P. 13.
[693] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (18 – начало 19 века.). - С. 382.
[694] «Вот запись священника Мысловского, познакомившегося с Пестелем в крепости: «Имел от роду более 33 лет, среднего роста, лица белого и приятного с значительными чертами и физиономиею; быстр, решителен, красноречив в высшей степени; математик глубокий, тактик военный превосходный; увертками, телодвижени-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Это, как считают психоаналитики, особенно характерно для молодых людей. «Подросток может долгое время проводить перед зеркалом, разговаривать с самим собой вслух, ведет дневник – он как бы осваивает себя, заново с собой знакомится»[695]. Это обстоятельство, конечно же, не могло быть не замеченным самим М.Тухачевским. Он мог «находить» сходство с «корсиканцем» и в своем происхождении: как и у Бонапарта, у него отец тоже принадлежал к старинному дворянскому роду, а мать была простой женщиной. Еще в юности, по воспоминаниям Л.Сабанеева, «он снимался в позах Наполеона, усваивал себе надменное выражение лица»[696]. Развитию своеобразного романтического «наполеонизма» в мировоззренческих установках русских офицеров подкреплялось неофициальным «культом Наполеона» в курсах по военной истории в кадетских корпусах и военных училищах. Это обстоятельство, наряду с другими мотивами, вероятно, также стимулировало интерес молодого М.Тухачевского к жизнеописаниям Наполеона. Иными словами, образом для уподобления, для самоидентификации М.Тухачевскому служил, прежде всего, несомненно, «книжный Наполеон». По свидетельству П.Фервака, в плену он с увлечением читал «Мемориал Святой Елены» Лас-Каза[697]. Одной из его любимых книг была «Война и Мир» Л.Толстого, а литературным героем – весьма «соблазнительный» образ для подражания – князя Андрея Болконского[698]. «Соблазнительность» его заключалась в том, что его «аристократизм» романтически «просветлял» в нем Наполеона. Князь Ф.Касаткин-Ростовский ссылается в своих воспоминаниях на то, что «говорят Тухачевский никогда не расстается с историей этого великого полководца»[699]. В одной из разведсводок зарубежного белогвардейского центра в 1922 г. значилось, что М.Тухачевский «мнит себя русским Наполеоном. Даже говорят, он во всем старается подражать Наполеону и постоянно читает его

ем, ростом, даже лицом очень походил на Наполеона. И сие-то самое сходство с великим человеком, всеми знавшими Пестеля единогласно утвержденное, было причиною всех сумасбродств и самых преступлений».

Аналогичные суждения окружавших вызывало поведение другого декабриста С.Муравьева-Апостола. «Сергей Муравьев-Апостол... имел к тому же еще необычайное сходство с Наполеоном 1, - вспоминала В.Оленина, - что, наверное, не мало разыгрывало его воображение». – Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. - С. 382.

[695] Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. - С. 15.

[696] Опишня И. Тухачевский и Скоблин.... - С. 110.

[697] Fervacqe P. Le chef de l'armee Rouge – Mikail Toukatchewski. - P. 33.

[698] Никулин Л. Тухачевский. - С. 18.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

жизнеописания и историю». Стилистика приказов М.Тухачевского в период гражданской войны свидетельствует о несомненном «наполеоновском» на них влиянии».

Однако не только фактор «книги» играл роль в возникновении «наполеоновского» варианта социальной идентификации и самоидентификации М.Тухачевского в обстановке исторического кризиса, но и фактор близкого окружения. Если не все, то многие, близкие ему люди, внушавшие ему, пусть даже скрытый, авторитет, собственным мнением влияли на формирование его «самомнения». Л.Норд свидетельствовала об одном, в этом смысле, весьма примечательном разговоре с М.Тухачевским.

«Слушай! – как-то признался он. - Военным делом я стал интересоваться очень рано. Этим я заразился от двоюродного деда, который был до мозга костей военным человеком. Он был генералом. Я всегда смотрел на него с восторгом и с увлечением слушал его рассказы о сражениях. Дед это заметил и раз, посадив меня на колени к себе, мне было тогда лет семь-восемь, он спросил: «Ну, Мишук, а кем ты хочешь быть? – «Генералом», - не задумываясь, ответил я. – «Иш ты! – рассмеялся он. – Да ты у нас прямо Бонапарт – сразу в генералы метишь». И с тех пор дед, когда приезжал к нам, спрашивал: «Ну, Бонапарт, как дела?». С легкой руки моего деда, меня дома и прозвали «Бонапартом»[700]. Над «наполеоновскими» замашками и «полководческим апломбом» не по чину иронизировали его товарищи по л-г. Семеновскому полку в 1914 г. После своего первого, но весьма прославившего его боевого успеха под Кржешовым, по свидетельству князя Ф.Касаткина-Ростовского, «о Тухачевском начали говорить и интересоваться им.... Первый боевой успех, конечно, вскружил ему голову и это не могло не отразиться на его отношениях с другими. Его суждения часто делались слишком авторитетными: чуждаясь веселья и шуток, он всегда был холоден и слишком серьезен; часто с апломбом рассуждал о военных операциях и предположениях...»[701]. Встретившийся поздней осенью с

---

[699] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.
[700] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. //Возрождение. – 1957. - Тетрадь № 64. - С. 63.
[701] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевским, В.Посторонкин вспоминал в связи с вышесказанным, что М.Тухачевский «особенно восторженно говорил о своих боевых действиях, о том, что он известен уже в целой дивизии»[702]. Надо полагать, что уже тогда, видимо, полковые приятели с иронией стали называть его «Наполеоном». В связи с этим вспоминаются ранее уже приводившиеся свидетельство жены командира запасного гвардейского Семеновского полка полковника Р.Бржозовского, генерала А.фон Лампе.

Таким образом, «зеркало» мнений многих близких людей, в которое в разное время с доверием «вглядывался» М.Тухачевский, стремясь «узнать» и «прочитать» себя, отражало «Наполеона». Однако напомню уже вышесказанное: «личностный кризис идентичности отягощается… во время кризиса исторического». Обостренно переживаемый кризис идентичности подталкивает к решению не только своих собственных, но и социально-исторических проблем. Катастрофа под Варшавой в августе 1920 года, знаменитое «Чудо на Висле» было событием трагическим и роковым для судьбы М.Тухачевского, глубоко травмировавшим его самосознание, мировоззрение, его психокультурный архетип, его «наполеоновскую» идентификацию. Помятуя беглую реплику П.Фервака об отсутствии у Тухачевского «натуры Наполеона», следует иметь в виду: Наполеон вырос из рационализма Просвещения, а М.Тухачевский – из «русского декаданса», из «серебряного века» русской поэзии, из «русского ренессанса» начала 20 столетия.

Итак, вышеизложенные наблюдения позволяют констатировать обусловленность поведения и поступков М.Тухачевского к 1917 г. несколькими доминирующими психо-ментальными установками или «индивидуально-культурными архетипами». Это: «Ставрогин» («Аристократ в демократии»), «Смердяков», «Наполеон», «наемник-ландскнехт». При более пристальном рассмотрении это разные выражения, в зависимости от ситуации, в сущности, одной модели поведения. Наиболее емким из всех указанных выше «культурных архетипов» поведения М.Тухачевского, «втягивавшим» все остальные, все-таки

[702] Посторонкин В.Н. Тухачевский. - С. 90.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

является «Ставрогин» – «Аристократ в демократии». Именно им, в конечном счете, в значительной мере предопределялся его выбор в моменты экзистенциальных кризисов, рожденных кризисами историческими. Впрочем, спроецированный в революционно-политическую ситуацию, он проявлялся как «аристократически» интерпретированный «наполеоновский архетип».

…Один из важнейших моментов в биографии М.Тухачевского, в значительной мере предопределивших его последующую судьбу, конечно же, был переход его на сторону большевиков. Для многих людей, окружавших М.Тухачевского до революции, в Александровском военном училище, в полку, особенно тех, кто оказался в рядах белой армии и в эмиграции, его политический выбор до конца его дней оставался загадкой. Многие пытались обнаружить мотивы такого выбора и давали объяснения ему, подчас исключавшие друг друга. Действительно, несмотря на устоявшиеся официальные факты, период, в который он совершил свой выбор, остается достаточно смутным. Это момент того самого «бахтинского» диалогического обретения собственной идентификации в момент социального кризиса, пропущенного «сквозь призму» личности.

Определенные предпосылки переходу М.Тухачевского, аристократа, офицера императорской гвардии, монархиста, на сторону большевиков и советской власти некоторые мемуаристы и биографы его «нащупывают» задолго до 1917 г. Они полагают, что необходимые для такого поступка настроения в сознании М.Тухачевского складывались постепенно. Несомненно, следует учитывать и бедность гвардейского поручика из старинной дворянской семьи. Это обстоятельство с, несомненно, присутствовавшим в его психо-культурном архетипе «комплексом бастарда», нарастающем ощущении собственной «маргинальности», как бы «пунктирно» намечало один из возможных путей его судьбы. Однако, следует отметить и некоторые конкретные факты, действовавшие на сознание и лишь подкреплявшиеся подсознанием, ментальностью.

Мемуаристы и некоторые биографы считали обстоятельства боя под Кржешовом в сентябре 1914 г. и его последствия, назовем так, «первым сигна-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лом», вызвавшим неприязнь к режиму и посеявшем сомнения в его справедливости в сознании подпоручика л-г. Семеновского полка.

«…Под Кржешовом – первое дело, где выявилась безоглядная храбрость Тухачевского, - писал в своем очерке ему посвященном Р.Гуль. – Кржешов приказано было взять. Фронтальный бой семеновцев с австрийцами был горяч, упорен, безрезультатен. Командир приказал второму батальону, в шестой роте которого был Тухачевский, идти в обход австрийскому флангу. Батальон обход сделал быстро, незаметно, глубоко, и в решительный момент боя неожиданно появился во фланге австрийцев. Австрийцы смялись, кинулись в отступление, стараясь только взорвать мосты через Сан. Но один из деревянных, приготовленных к взрыву мостов стал «лодийским мостом» Михаила Тухачевского. С 6-й ротой Тухачевский бросился на горящий мост; по горящему мосту пробежала пехота, преследуя смявшихся австрийцев, и пошла в атаку на том берегу. Были взяты пленные и трофеи. В бригаде, в дивизии, в корпусе оценили дело под Кржешовым. О юном подпоручике заговорили однополчане. Но первое дело не только не удовлетворило, а озлобило Тухачевского. Командир полка вызвал капитана Веселаго и подпоручика Тухачевского, пожимая руки, сообщил, что представляет к наградам: командира роты к Георгиевскому кресту, младшего офицера к Владимиру 4 степени с мечами. Безусый, молчаливый, красивый подпоручик не понравился командиру. Тухачевский счел себя явно обойденным. Захват горящего моста приписывал только себе и этого не скрыл на отдыхе за обедом в офицерском собрании»[703]. Именно Р.Гуль сделал из данного события многозначное умозаключение: «Очень может быть, что даже дорого обошелся старой России этот Владимир с мечами. Он стал первым недовольством Тухачевского старой армией, замершей в иерархии и бюрократизме, не оценивающей «гениальных способностей» будущего красного Бонапарта»[704].

Совершенно очевидно, что одним из главных источников информации по этому событию из биографии М.Тухачевского был его однополчанин полковник князь Ф.Касаткин-Ростовский. Вот как он описывал это событие в своих

[703] Гуль Р. Тухачевский. //Гуль Р. Красные маршалы. - С. 440-441.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

воспоминаниях о М.Тухачевском в 1922 г. «Первый раз заговорили о Тухачевском, - вспоминал князь, - при взятии нами города Кржешова. Второй батальон, в 6-й роте которого находился Тухачевский, сделав большой обход, неожиданно появился с правого фланга австрийцев, ведших с остальными нашими батальонами фронтальный бой, и принудил их поспешно отступить. Обход был сделан так глубоко и незаметно, что австрийцы растерялись и так поспешно отошли на другой брег реки Сан, что не успели взорвать приготовленный к взрыву деревянный высоководный мост через реку. По этому горящему мосту, преследуя убегающего неприятеля, вбежала на другой берег 6-я рота со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским. Мост затушили, перерезали провода, подошли другие роты, переправа была закреплена, причем были взяты трофеи и пленные. За этот бой командир роты капитан Веселаго получил Георгиевский крест, Тухачевский -–Владимира 4 степени с мечами, чем явно был недоволен, считая, что Георгия заслужил он. С этих пор о Тухачевском начали говорить, и интересоваться им»[705].

Попытку дать объективное изложение и оценку боя под Кржешувом, 2 сентября 1914 г. сделал другой однополчанин М.Тухачевского. Полковник А.Зайцов, известный в эмиграции русский военный историк и ученый, так излагал события. «Взять в лоб Кржешовский тет-де-пон, однако, несмотря на потери и доблестное фронтальное наступление наших батальонов, было нам не по силам. Слава Кржешовского боя, разделенная всеми его участниками, все же в особенности принадлежит нашему 2-му батальону, командир которого полковник Вешняков решил, по собственному почину, обойти Кржешовский тет-де-пон и атаковать его с юго-востока, прорываясь вдоль Сана к переправе. Командир 6-й роты капитан Веселаго, во главе своей роты, бросился на горящий мост и перейдя по нему р. Сан, овладел переправой. Кржешов пал и Семеновцы перешли через р. Сан, захватывая пленных, пулеметы и трофеи. Смелый почин нашего 2-го батальона и удар 6-й роты дали нам Кржешовский тет-де-пон и

---

[704] Гуль Р. Красные маршалы. – С. 441.
[705] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3335.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сломили фронт сопротивления австрийцев по Сану»[706]. Как результат этой частной победы, этого тактического успеха – « на следующий день, 3 сентября, 1-я австрийская армия оставила фронт р. Сана и начала свой отход на подступы к Кракову, за реку Дунаец (в западной Галиции)»[707].

А.Зайцов не упоминает даже имени подпоручика М.Тухачевского. Возможно, казалось не этичным вспоминать об «изменнике». Однако из его изложения становится ясным, что инициатива захватить мост возникла на месте, в конкретно сложившейся ситуации, на страх и риск командования 6-й роты. Полковник князь Ф.Касаткин-Ростовский, однокашник и сверстник капитана Ф.Веселаго по Пажескому корпусу, потому и знал хорошо М.Тухачевского, что мог получить о нем информацию от командира роты. Этим, кстати замечу, видимо, и объясняется, почему именно он оказался главным мемуаристом М.Тухачевского в пору службы его в л-г. Семеновском полку. Потому он и столь подробно описал сам бой. Это было, собственно говоря, описание самого капитана Ф.Веселаго. Надо полагать, что оба офицера – капитан Ф.Веселаго и подпоручик М.Тухачевский бежали по горящему мосту во главе своих солдат. Более того, скорее всего, зная характер М.Тухачевского, можно с изрядной долей уверенности утверждать, что именно молодой, честолюбивый и еще не очень осторожный подпоручик и был инициатором этого боевого решения. Он же и пошел первым со своим взводом или рядом с капитаном. Потому и считал себя незаслуженно обойденным. Высказанные соображения находят почти прямое подтверждение в одном из сентябрьских номеров газеты «Русское слово». В газете, пусть с неточностями, но изложено было «свежее» впечатление о событии и главных действующих лицах: «Подпоручик Тухачевский и поручик Веселаго взорвали мост в тылу у неприятеля, судьба героев неизвестна»[708].

Следует обратить внимание на примечательный штрих в тексте заметки: первым из «героев» упомянут младший по чину, подпоручик М.Тухачевский. Это значит, что корреспонденту газеты было сообщено, или в донесении изла-

---

[706] Зайцов А.А. Семеновцы в 1914 году. - С. 32-33.
[707] Там же, с. 34.
[708] Цитируется по книге Л.Никулина. Тухачевский. - С. 30.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

гался подлинный, первоначальный «рельеф» события, не отредактированный сознанием мемуаристов и военных историков под влиянием идейно-политических установок и личных симпатий и антипатий. У М.Тухачевского, видимо, имелись определенные мотивы выражать недовольство в распределении наград «героям» события.

Полковник Вешняков приказ о захвате моста не отдавал и тем более в его взятии участия не принимал. Несомненно, с подпоручиком М.Тухачевским обошлись несправедливо. Отсюда могла возникнуть очень сильная обида на вышестоящее начальство и на порядки, господствовавшие в армии. Несомненно, это событие могло стать сильным толчком и одной из моральных мотиваций для М.Тухачевского в решении уйти к большевикам. Но лишь одной и не самостоятельной. Все-таки это решение он принимал не осенью 1914 г., а осенью 1917 – весной 1918 гг.

Князь Ф.Касаткин-Ростовский так описывает судьбу М.Тухачевского, начиная с Ломжинского боя. «Тухачевский, как передавали случайно вырвавшиеся из немецкого кольца люди, в минуту окружения, по-видимому, спал в бурке, в окопе. Когда началась стрельба, видели, как он выхватил шашку и, стреляя из револьвера, отбивался от немцев. Потом стало известно, что он был взят в плен, откуда три раза пытался бежать, но неудачно. После Брест-Литовского мира он вернулся в Россию и, по-видимому, очень скоро предложил свои услуги Советской власти»[709]. Для сравнения процитирую еще две версии пленения М.Тухачевского. Каждая из версий (в том числе и только что процитированная и принадлежащая князю Ф.Касаткину-Ростовскому) обнаруживает отношение рассказчика к М.Тухачевскому. По воспоминаниям бывшего офицера из гвардейских стрелков Г.Бенуа (он, в свою очередь, возможно воспользовался рассказом своего брата, офицера-преображенца Бенуа) «в 1915 году, в феврале под городком Ломжей, после упорных и тяжелых боев его полк (Семеновский), имея далеко впереди себя 6-ю роту, окопался и занял оборону. Ночью, перед рассветом, поднялся густой туман. Пользуясь им, как дымовой завесой, баталь-

[709] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 3336.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

он немцев обрушился без выстрела с гранатами на передовую роту. Силы были неравны. Ротный командир был убит, многие солдаты геройски погибли и только человек сорок успели, отстреливаясь отойти к своим. Человек тридцать попали в плен, вместе с ними получивший удар прикладом по голове подпоручик М.Тухачевский, которого подобрали в бессознательном состоянии»[710].

Другой мемуарист, человек так же хорошо знавший М.Тухачевского, правда еще по Александровскому военному училищу, событие описывает несколько иначе. «В Ломжинских боях, - рассказывал В.Посторонкин, - в ночь с 20 на 21 февраля 1915 года Тухачевский при невыясненных обстоятельствах попадает в плен... Немцы окружили с тыла 6-ю роту семеновцев, положение коей усугублялось поднявшейся метелью, ветром и ночной порой. При внезапном появлении противника, что называется, «на носу» и с тыла, постепенно и решительно окружавшего железным кольцом указанную роту, люди вначале достаточно растерялись от неожиданности, но потом оправились и вступили в отчаянную схватку, упорно отбиваясь штыковым боем от численно превосходивших их немцев. Командир роты , капитан, на ходу вступает в командование группами людей и в страшном штыковом бою пал смертью героя: он был убит, на его теле, найденном нами впоследствии и опознанном по тому лишь признаку, что на трупе был нетронутым Георгиевский крест, было обнаружено более 20 пулевых и штыковых ран, что указывает на упорную личную борьбу капитана Веселаго. Подпоручик Тухачевский лежал в легком наносном окопчике и спал, завернувшись в свою черную бурку, по-видимому, в ужасный момент появления врага он спал или дремал. Пробужденный шумом, он с частью людей принял участие в штыковом бою, но, не будучи раненным и, вероятно, не использовав всех средств для ведения боя, был захвачен в плен...»[711].

Р.Гуль так рассказывает о пленении М.Тухачевского. «Из блиндажа 6-й роты выскочившего командира капитана Веселаго четверо немецких солдат закололи штыками; на теле, найденном впоследствии, остался нетронутым Георгиевский крест и было более двадцати штыковых ран. Мало кто из семеновцев

[710] Бенуа Г. Сорок три года в разлуке. //Простор. – 1967. - № 9. – С. 70-71.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

в эту ночь вырвался из немецкого кольца. Вырвавшиеся рассказывали, что Тухачевский в минуту окружения, завернувшись в бурку, спал в окопе.... Но когда началась стрельба, паника, немецкие крики, Тухачевский вскочил, выхватил револьвер, бросился, стреляя направо и налево, отбивался от окружавших немцев. Но ворвавшимися немецкими гренадерами был сбит с ног и вместе с другими взят в плен»[712].

Последнее из цитированных описаний пленения М.Тухачевского совершенно очевидно представляет собой пересказ свидетельства князя Ф.Касаткина-Ростовского. Поэтому, нет необходимости на нем специально задерживать внимание. В.Посторонкин в своем описании явно стремился указать на отсутствие у М.Тухачевского главных достоинств бойца и офицера: храбрости и чести.

Однако В.Посторонкин не был свидетелем. Он не служил в 1-й Гвардейской пехотной дивизии. В этом отношении наиболее точен князь Ф.Касаткин-Ростовский. Он был офицером л-г. Семеновского полка. Он рассказывает со слов очевидцев («...как передавали случайно вырвавшиеся из немецкого кольца люди...»). Он, в отличие от В.Посторонкина и Р.Гуля (оба пользовались воспоминаниями князя), лишь предполагает, что М.Тухачевский «повидимому спал в бурке, в окопе», однако точно не знает как все началось. Зато он знает точно, со слов очевидцев («...видели как...»), что «когда началась стрельба,... он выхватил шашку и, стреляя из револьвера, отбивался от немцев». Таким образом, князь Ф.Касаткин-Ростовский фактически опровергает В.Посторонкина, предполагавшего, что М.Тухачевский «не использовал всех средств для ведения боя». Князь не знает точно, как его приятель оказался в плену. В полковых документах, по крайней мере, вплоть до 1917 г. М.Тухачевский считался (подобно некоторым другим офицерам-семеновцам) «пропавшим без вести». Полагали даже, что он погиб. Г.Бенуа в своих воспоминаниях утверждает, что Тухачевский попал в плен «в бессознательном состоянии» как «получивший удар прикладом по голове». Выше я уже отмечал, что информация у Г.Бенуа была более

---

[711] Посторонкин В.Н. Тухачевский. - С. 90.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

достоверная, чем у В.Посторонкина. Он могла идти от его брата офицера-преображенца. Л-г. Преображенский полк действовал в непосредственной близости от л-г. Семеновского, как полки одной Петровской бригады. Нет оснований подозревать М.Тухачевского в трусости, объясняя этим его плен.

Уход М.Тухачевского к большевикам был подготовлен и сложившимися представлениями о России и Революции, порожденными, главным образом, «книжными» впечатлениями. Они закрепились в нем долговременной рефлексией, обусловленной вынужденным длительным бездействием его деятельной натуры в условиях плена.

...Однажды, рассуждая в плену, в кругу приятелей-французов о революции в России, подпоручик М.Тухачевский заявил, что «наша революция, я думаю, слишком отлична от вашей. И Достоевский хорошо предвидел.... У нас западная цивилизация поверхностна и от нее ничего не останется после потрясения. Мы можем более легко менять богов»[713].

Итак, в сформировавшемся мировоззрении «аристократа-ландскнехта» Тухачевского русская революция была пропущена сквозь призму «Бесов» Ф.Достоевского. Суть происходивших в России событий М.Тухачевский видел в «смене богов», смене идей, кумиров, т.е. в смене некой внешней оболочки, в самом формальном принципе изменчивости.

Как уже отмечалось, русская революция привела мировоззрение подпоручика М.Тухачевского, в условиях интернационального плена, в состояние катастрофической напряженности, обостряя и обнажая наиболее чувствительные его грани. Ситуация «диалога культур», в которой невольно оказался подпоручик М.Тухачевский, как нельзя лучше провоцировала его на высказывания, так или иначе касавшиеся сопоставления или противостояния разных, но преимущественно русской и «западной» культур. Поводом, вынуждавшим остро реагировать на экстремальное состояние России, ввергнутой в Революцию, естественно, служили события «новой смуты». М.Тухачевский, с пафосом воодушевления и надежд созерцавший издалека события и перспективы русской револю-

---

[712] Гуль Р. Красные маршалы. - С. 445.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ции, мотивировал свое к ней отношение собственной трактовкой, собственным пониманием. В русской революции, как свидетельствовал П.Фервак (Р.Рур), М.Тухачевский усматривал, как выше уже отмечалось, прежде всего, смену идей, «смену богов», внешнего обряда. Она была для него, по большому счету, эстетическим феноменом, явлением культуры и духовности. Он это красноречиво комментировал в ответе, на обращенный к нему вопрос:

«Месье Мишель, а скажите, вы верите в Бога?

В Бога? – Тухачевский выразил удивление… - Я не задумывался над Богом… Большинство русских вообще атеисты. Все наше богослужение – это только официальный обряд…. Да, я атеист. И поверьте мне, большинство русских – тоже. Обедня для нас всего лишь официальная церемония, нечто в роде дипломатического раута. Не забывайте, что Император – обладатель короны и тиары. Он – папа. У нас религиозная война не мыслима. У нас есть секты, но нет ересей. Ваши муки религиозной совести нам неизвестны. Заметьте, что мы презираем попов, они для нас – всего лишь самые худшие из чиновников. «Попович» – это оскорбление. Однако, все мы верующие, но именно потому, что у нас нет веры»[714]. «…Я хочу сказать, - продолжал М.Тухачевский свой диалог с французским лейтенантом, - что мы, русские, все религиозны, но именно потому, что у нас нет религии. Я – не христианин, - эпатировал 23-летний подпоручик своего собеседника, - больше того, я даже ненавижу нашего Владимира Святого, который крестил Русь, отдав ее во власть западной цивилизации. Мы должны были сохранить наше грубое язычество, наше варварство…»[715]. Однажды, как-то вновь возвращаясь к этим проблемам веры и неверия, религии и атеизма, М.Тухачевский сказал своему французскому приятелю: «…Мы – народ поэтов. Это правда, так как поэты – бесы; слово это вы переводите как «одержимые бесом». Демон или Бог, кто-то из них вдохновляет нашу расу. Мы

---

[713] Fervacque P. Op. cit. - P. 83.

[714] Ibid, p.18-19. Уместно вспомнить, что известный русский военный деятель и ученый генерал Н.Головин, анализируя глубинные причины разложения русской армии и революции, также отмечал, что отношение русских людей (солдат) к церкви и религии преимущественно языческое. Это отношение к таинственному, непонятному, но сакральному обряду. Это восприятие литургии - как магического действия, своего рода колдовства. Стоит вспомнить и мнение О.Шпенглера, относившего русско-византийскую культурную традицию к «магическому типу» культурной системы.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

пьянствуем потому, что еще не можем упоить мир. Но это будет. Достоевский – само воплощение России – всю жизнь сражался с этим богом, который живет в нас. Он хотел изгнать его из своего тела и также со своей Родины. Однако он, в то же время знал, что как только этот бог уйдет, то его гений и гений его расы тоже перестанет существовать. Вот тайна его творчества.... Эта потребность в покаянии, который мы одержимы и которую вы не понимаете, считая ее за проявление религиозности, это – особая форма нашей гордыни. Когда мы смиренно каемся в наших грехах, то хорошо знаем, что эти грехи и это смирение – условия нашего величия. Мы хотим загладить наши грехи, но мы не хотели бы их не совершать. Заметили вы, как Достоевский любит своих «бесов»? Он их обожает: Ставрогина, которого он наделил многими своими свойствами; Верховенского, который является его демоном, его демиургом. Верховенский хотел бы преобразить своего хозяина, заново крестить Россию, пусть даже кровавым образом; Шигалева, Кириллова и Шатова-жертву, и даже – Федьку-каторжника. Все они – частицы большой России. Надо любой ценой найти вновь сказочного Ивана-царевича. Иван – это наша душа, она пока темна, но воссияет однажды»[716].

Вряд ли стоит доверять рассуждениям о внезапно возникших в его сознании революционно-коммунистических симпатиях, побудивших его уже 5 апреля 1918 г. оформить членство в большевистской партии. Однако вернемся к рассуждениям М.Тухачевского в плену. Именно в них можно уловить господствующую культурно-цивилизационную парадигму, предопределявшую в сознании и взглядах подпоручика-маршала М.Тухачевского его отношение к России и внешнему миру. Подлинная Русь, русский дух, в его воображении, коренился в дохристианском языческом варварстве. Сущность «западного мира» и «западной цивилизации» – в христианстве. Весьма вероятно, что эти взгляды

---

[715] Fervacque P. Op. cit. - P. 19.

[716] Ibid, p. 68-69. Примечательно, что однополчанин М.Тухачевского генерал А.фон Лампе, рассуждая о перспективах монархизма в России через ее «бонапартизацию», отметил в своем дневнике в августе 1924 г.: «...Царем, по моему, все же будет тот, кто сумеет им стать!». – ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 7360.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

формировались в представлениях М.Тухачевского под влиянием Ф.Ницше[717]. По некоторым свидетельствам, М.Тухачевский, в духе времени и присущей эпохе литературной моды, был увлечен прозой К.Гамсуна[718], творчество которого, как известно также формировалось под сильным влиянием Ф.Ницше. Таковая установка в представлениях М.Тухачевского определяла и достаточно стройную и логичную, хотя и субъективно-прихотливую ретроспективу, образ русской истории и ее основных ценностей. В Петре Великом М.Тухачевский усматривал не столько «вестернизатора» России, сколько «грандиозного варвара, и именно русского». Что примечательно: в условиях развернувшейся русской революции М.Тухачевский, симпатизировавший присущей, как он полагал, и необходимой России самодержавной монархии, монархии деспотического типа, считал, что России нужен «именно такой», как Петр Великий, деспот-реформатор. Именно реформатор, ибо далее М.Тухачевский как бы поясняет и мотивирует свои симпатии к Петру Великому: «Что же вы думаете, он хотел сделать из Петербурга Версаль и навязать нашему народу вашу культуру? Нет! Он только взял у Запада секрет его силы, но именно для того, чтобы укрепить наше варварство...»[719].

Нет нужды особенно напрягать воображение и вызывать ассоциации, чтобы не заметить связь между симпатиями М.Тухачевского к Петру Великому и его самоотверженной службой В.Ленину, И.Сталину, большевикам. В двух названных вождях, он, несомненно, пытался разглядеть черты «деспотического» облика Петра Великого - варвара-преобразователя. Отталкиваясь от подобного рода рассуждений, вызванных размышлениями о судьбе России и русской революции, М.Тухачевский пытается расшифровать себе и своим приятелям-французам сущность и генетические корни «западной цивилизации», причины своего неприятия ее. Выразив свою ненависть по отношению к христианству, М.Тухачевский далее заявляет: «Евреи принесли в мир христианство. Этого достаточно, чтобы я их ненавидел.... Это именно евреи сеют везде своих опас-

[717] В статьях советского военачальника спустя десять лет проскальзывали ницшеанские цитаты без кавычек. Впрочем, кто не читал в России Ф.Ницше в начале века?
[718] Раковский Л. Михаил Тухачевский. - Л., 1977. - С. 32.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ных блох, стараясь привить нам заразу цивилизации, навязывая всем свою мораль денег – мораль капитала.... Все великие социалисты – евреи, и социалистическая доктрина, собственно говоря, - ветвь всемирного христианства. Мне же мало интересно, как будет поделена земля между крестьянами и как будут работать рабочие на фабриках. Царство справедливости не для меня. Мои предки-варвары жили общиной, но у них были ведшие их вожди. Если хотите – вот философская концепция.... Нам нужны отчаянная богатырская сила, восточная хитрость и варварское дыхание Петра Великого. Поэтому нам больше подходит одеяние деспотизма"[720].

Даже поверхностно осмысливая только что процитированное высказывание М.Тухачевского, весьма ясно определенное им самим, как его собственная «философская концепция», первое, что можно отметить, так это несомненное созвучие социально-политических и социо-культурных симпатий М.Тухачевского с представлениями «евразийцев». Несомненно и другое – явное воздействие на формирование социо-культурных взглядов М.Тухачевского художественного и публицистического творчества, оценок Ф.Достоевского, в частности, в отношении социализма, евреев, да и христианства, если иметь в виду высказывания русского писателя о западном, католическом христианстве. Впрочем, столь декларативно выраженный антисемитизм молодого гвардейского подпоручика, отчасти, вероятно, отражает традиционные взгляды гвардейского офицерства, отчасти – является эпатажем. Во всяком случае, он носит преимущественно морально-этический характер. Вряд ли этот фактор мировоззрения М.Тухачевского был одним из определяющих. Известно, что среди его приятелей, даже в числе друзей, были евреи – И.Якир, Б.Фельдман. Но, истины ради, следует заметить, что близость М.Тухачевского к этим людям сложилась в весьма специфических обстоятельствах и уже в 30-е годы. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что цепочка – «евреи-христианство-социализм» – постольку беспокоила сознание М.Тухачевского, поскольку, в его понимании она разрушала исконные, «коренные» ценности России, спасительно концен-

[719] Fervacque P. Op. cit. - P. 19.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

трировавшиеся в формуле деспотического самодержавия. И именно это триединое разрушительное начало (евреи, христианство, социализм) и представлялось ему сущностью «западной цивилизации», зиждившейся, по мнению, весьма расхожему в то время, на деньгах, т.е. на материальной основе бытия, на капитале. Иными словами, сутью противоречий между Россией, как цивилизацией, и Западом для М.Тухачевского являлась разность фундаментальных цивилизационно-культурных основ: для России – дух, язычески воплощавшийся миллионами религиозно заряженных воль в харизматической личности – «земном Боге», в «человекобоге», или по-Ницше – в «Сверхчеловеке» (в «Антихристе», если мыслить по-христиански); для «Западной цивилизации» – в материальных ценностях, в теле, получившем концентрированное воплощение в деньгах, в капитале, и носителях этой идеи – евреях, христианах (западных), социалистах (большевиков М.Тухачевский, видимо, настоящими социалистами не считал).

В последующих беседах с П.Ферваком (Р.Руром) М.Тухачевский рассуждал и о частных явлениях западной культуры. «Латинская и греческая культура, - провоцировал полемику будущий «красный Бонапарт», - какая это гадость! Я считаю Ренессанс, наравне с христианством, одним из несчастий человечества.... Гармонию и меру – вот что нужно уничтожить прежде всего!... В России, у себя в литературе я любил только футуризм. У нас есть поэт Маяковский. У вас бы я был, вероятно, дадаистом...»[721]. Следует заметить, что и позднее М.Тухачевский оказался поборником всего нового: «мировой революции», Д.Шостаковича, радикальной технической модернизации армии и пр. Вышеприведенные свидетельства, касающиеся мировосприятия М.Тухачевского, структурировавшегося на основе непримиримых полярных оппозиций – «мир духа» (Россия) и «мир тела» (запад), - получают своеобразное завершение. Оно подводит определенный итог, создающий некую целостность мировосприятия подпоручика гвардии. Разрешение этого «цивилизационно-культурного» противоречия – Россия-Запад – в ряде нижеследующих рассуждений и перспектив,

[720] Fervacque P. Op. cit. - P. 24-25.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

просматривавшихся М.Тухачевским. Они весьма существенны для понимания его поступков и позиций во время революции и в последующие годы. П.Фервак вспоминал: «Однажды мы вместе, на откосе форта читали, я не помню, какое место из Достоевского.... Михаил Тухачевский с воодушевлением, вспыхнув, как костер, в котором ворошат угли, произнес следующие знаменательные слова: «Не важно, как мы реализуем наш идеал: пропагандой или оружием! Если Ленин будет способен освободить Россию от хлама старых предрассудков, разъевропеезировать ее, я за ним последую. Но нужно, чтобы он превратил ее в «tabula rasa», и мы свободно устремимся в варварство. Какой чистый источник: с марксистскими формулами, перемешанными перепевами демократии, которые смогут возмутить мир. Права народов находятся в их распоряжении! Вот он, магический ключ, который откроет России ворота Востока и закроет их для англичан.... Так, и только так мы сможем овладеть Константинополем. Но новая религия нам необходима. Между марксизмом и христианством я выбираю марксизм. Под знаменем марксизма мы скорее, чем с нашим крестом, войдем в Византию и вновь освятим Святую Софию»[722]. Прервав тираду подпоручика, П.Фервак, напомнил ему, что таковые геополитические устремления «лишают вас Польши, Финляндии, а, может быть, и еще чего-нибудь». На это М.Тухачевский ответил: «Вот тут-то и пригодятся марксистские формулы. Революционная Россия, проповедница борьбы классов, распространяет свои границы далеко за пределы, очерченные договорами.... Что касается меня, то я бы сделал все, что будет в моих силах, чтобы Варшава осталась русской, хотя бы под Красным знаменем...»[723]. Вся вышеприведенная геополитическая семантика, в принципе, не несет чего-либо нового: Великобритания на протяжении почти всего 19 века, да и позже, рассматривалась в качестве главного соперника России в контексте геополитических и геостратегических проблем. Достаточно вспомнить хотя бы высказывания и геополитические расчеты М.Скобелева, чьим большим поклонником с детства являлся М.Тухачевский. То же можно

---

[721] Fervacque P. Op. cit. - P. 65.
[722] Ibid, p. 57-59.
[723] Ibid, p. 52.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сказать и о традиционном великодержавном настрое большей части российского офицерства. Важно другое: столь обширное вышецитированное высказывание М.Тухачевского как бы предвосхищает его политические и военно-политические позиции в отношении к «внешнему миру» в 20-30-е годы, хотя и фразеологически, и идеологически, эти мысли и настроения обретали, в соответствии с духом новой эпохи, новое звучание и иную социо-культурную семантику. Что же касается его высказываний о марксизме-новой религии, то отношение к этому М.Тухачевского можно было бы назвать двойственным: он, может быть, грубовато ценил марксизм именно как новую религию, что-то вроде «нового язычества»; в то же время, и это логично, весьма иронично относился к фанатикам марксизма. В этом смысле весьма красноречиво вышеупоминавшееся свидетельство Л.Сабанеева о сочинении М.Тухачевским и Н.Жиляевым «большевистской мессы», какого-то марксистского служения, названного им «марксистская файв-о-клокия»[724]. Таким образом, в рассуждениях о новой религии, марксизме-религии, о возрождении языческой религии со стороны М.Тухачевского было много очевидно игрового, мальчишеские шалости. Однако и в них просматривается нечто глубинно-серьезное для его духовной и душевной направленности. Апокалиптический пафос разрушения и войны, о чем уже приходилось упоминать, пожалуй, был глубинной, уходящей в подсознание, интенцией, находившей в сознании М.Тухачевского мотивацию в межцивилизационных и геополитических спорах России и Запада. Во всяком случае, настроения, которые совершенно очевидно охватывали поэтическим вдохновением всю натуру и личность М.Тухачевского, не вызывают сомнения.

«Мы встряхнем Россию, как грязный ковер, а затем мы встряхнем весь мир.... Мы войдем в хаос и выйдем из него, только полностью разрушив цивилизацию»[725]. Это слова М.Тухачевского. Их своеобразным продолжением можно назвать похожий на поэму-заклинание приказ командующего Западным фронтом М.Тухачевского, составленный и подписанный им 2 июля 1920 года. Достаточно вспомнить хотя бы следующие его строки, чтобы почувствовать их

[724] Опишня И. Тухачевский и Скоблин. - С. 110.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

генетическую связь с вышецитированными: «Путь мирового пожара пройдет через труп белой Польши...»[726]. Огненные, «апокалиптические» метафоры в высказываниях М.Тухачевского позволяют думать, что глубинный смысл его неприятия Запада, словесные вызовы Англии, «западной цивилизации», третирование античной и ренессансной меры и гармонии, в войне, разрушении, апокалиптическом мироощущении. Это похоже на духовный, творческий экстаз, вдохновение, которое может охватить художника, поэта, творца. Само апокалиптическое «горение» в боготворческом «огне преображения тварного мира», его «обожение» вызывает ощущение высочайшей осмысленности собственного бытия. Все вышеприведенные размышления, кажется, позволяют отметить и применительно к личности М.Тухачевского скрытый в его жизненной установке, в его отношении к миру, «апокалиптический пафос» «мирового пожара», «войны священной». «Мы тяжелы на подъем, но разрушители по природе», - как- то бросил фразу подпоручик М.Тухачевский[727], невольно выдавая скрытые за своей оценкой натуры русского народа, собственные глубинные настроения. Быть может, во всем вышесказанном и всех вышеприведенных свидетельствах, размышлениях и заключается возможность для понимания всей последующей деятельности М.Тухачевского.

По мнению П.Фервака, М.Тухачевский, будучи еще пленным гвардии подпоручиком, «совершенно игнорировал социалистическое учение. Вопросы о собственности, состояниях, земле занимали его мало. Презрение к деньгам было полное. Он охотно выкладывал содержимое своего кошелька на стол, а если у него не было денег, то он, совершенно не смущаясь, пользовался деньгами своих товарищей. В революции, я уверен, он никогда не видел социального аспекта. И еще меньше видел сторону человеческую или лучше сказать – нечеловеческую. В жизни его интересовала только победа, а ценой каких жертв она будет достигнута – это его не заботило. Не то, чтобы он был жестоким, просто

---

[725] Fervacque P. Op. cit. - P. 75, 90.
[726] Полностью приказ был опубликован в приложении к статье Дадиани Г.Л. Советско-польская война 1919-1920 гг. //Военно-исторический журнал. – 1990. - № 5. - С. 30-31.
[727] Fervacque P. Op. cit. - P. 22.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

он не имел жалости»[728]. В одном из разговоров с близкими людьми он как-то признался: «Я не большевик…, но сейчас мне по пути с большевиками». Примечательно, что осенью 1918 года бывший капитан л-г.Семеновского полка Б.Энгельгардт, близкий приятель-однополчанин и земляк-смолянин М.Тухачевского, информировал генерала А.Деникина о настроениях командования 1-й Революционной армии, из которой он «ушел» и которой командовал М.Тухачевский. У Б.Энгельгардта были вполне доверительные отношения с командующим. «Мы убежденные монархисты, - передавал признания М.Тухачевского и его штабных офицеров «семеновец», - но не восстанем и не будем восставать против Советской власти потому, что раз она держится, значит народ еще недостаточно хочет царя. Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем их бить самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А там, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчитаемся»[729]. Незадолго до этого, находясь в плену, в беседах со своими французскими приятелями, откровенничая, быть может, по-юношески эпатируя окружающих, М.Тухачевский, в частности, выражал неприятие социализма, который, в его представлении, был, в соответствии с взглядами и суждениями Ф.Достоевского и Ф.Ницше (оба автора были им активно читаемы) «ветвью христианства», а христианство – сущностью западной цивилизации. Он мечтал сбросить ее с России, выпустив на волю, по его мнению, подлинную натуру русского народа, его варварскую первозданность. Как это напоминает ницшеанский пафос «белокурой бестии».

Рассуждая о характере будущей российской государственности после революции, М.Тухачевский заявлял: «Я думаю, что конституционный режим будет означать конец России. Нам нужен деспот!… Мы – варвары! Вы можете представить себе всеобщее избирательное право у наших мужиков?» – и засмеялся…»[730]. В плену «Тухачевский называл себя убежденным монархистом», -

---

[728] Fervacque P. Op. cit. - P. 24-25.
[729] Деникин А.И. Очерки русской смуты. //Вопросы истории. – 1992. - № 11-12. - С. 121, 123.
[730] Fervacqe P. Op. cit. - P. 21-22.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

подтверждали позднее его товарищи по плену из русских офицеров, эмигрировавших после революции и гражданской войны в Париж[731]. Они вспоминали эпизод, когда, «получив подарки от Красного Креста, Тухачевский от имени всех произнес верноподданническую речь и зачитал благодарственный адрес. Речь его отличалась исключительной льстивостью по отношению к Государыне и Государю»[732].

...Нет точной даты принятия М.Тухачевским решения о переходе к большевикам. Известно, что, совершив, наконец, успешный пятый по счету побег, подпоручик М.Тухачевский в сентябре 1917 г. оказался в Швейцарии, а затем - во Франции, в Париже. Здесь при содействии русского военного агента генерала А.Игнатьева, он переправился, начала в Англию, а затем – в Россию. В Петроград М.Тухачевский прибыл 16 октября 1917 г. По прибытию отправился в запасной гвардейский Семеновский полк. Спустя два дня, т.е. 18 или 19 октября он выехал из Петрограда в Киев и оттуда в Подволочиск, рядом с которым, в деревне Тарноруды был расквартирован основной гвардейский Семеновский полк. Известно, что через два дня после его отъезда в Петрограде произошло большевистское восстание или Октябрьская революция. Там в это время проходили службу два его брата-прапорщика: старший, Николай Тухачевский (1890 – 1937) и младший, Александр Тухачевский (1895 – 1937). Возможно, это обстоятельство и подтолкнуло его к поездке из Петрограда в Киев и Подволочиск. Тем более, что официально, М.Тухачевский числился в кадрах основного полка. Здесь он пробыл, очевидно, до 4-5 ноября[733].

---

[731] Возрождение. – 1936. - 13 февраля.
[732] Там же.
[733] Точной даты его отъезда из полка нет. Однако известно, что до 20 ноября, когда М.Тухачевский возвратился в Петроград, но уже побывав дома, в имении Вражеское Пензенской губернии, он успел вернуться в Петроград с Украины, а из Петрограда отправиться домой, во Вражеское. По свидетельству сестер во время этого первого после бегства из плена и прибытия Петроград приезда домой, он пробыл в имении всего трое суток: «Через трое суток, вспоминали сестры, - Михаил опять покинул нас и отправился в полк». - Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 15.
Учитывая имеющиеся факты, можно ориентировочно считать, что во Вражеском он был в этот первый раз с 14 по 16 или 17 ноября (если на дорогу из Петрограда во Вражеское Пензенской губернии определить 2-3 суток). Однако надо учесть, что из Петрограда в Пензенскую губернию он, естественно, ехал через Москву. В Москве он задержался и провел несколько дней. Учитывая это, можно предполагать что, он отправился из Петрограда в Пензенскую губернию ориентировочно 8-9 ноября, а из Подволочиска в Петроград (чтобы оказаться там к этому сроку) он должен был выехать (с учетом «революционного времени») 4-5 ноября. Таким образом, по моим, весьма приблизительным подсчетам, М.Тухачевский провел в полку, деревне Тарноруды, время с 22-23 октября до 4-5 ноября. Это представляется близким к действительности.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Его близкий в то время полковой товарищ капитан барон А.Типольт вспоминал в связи с вышесказанным: «Мы встретились с М.Н.Тухачевским лишь поздней осенью 1917 года, после его счастливого побега из плена. Стали видеться почти ежедневно. Нам было что вспомнить, о чем поговорить. Случилось так, что моя комната превратилась в своего рода полковой клуб. Сюда набивались офицеры, унтер-офицеры, солдаты. Шум, споры, облака табачного дыма. Впечатление такое, будто все проснулись после многолетней спячки и каждый сейчас же, немедленно должен получить ответы на вопросы, терзавшие всех нас в последние месяцы. Михаил сосредоточенно прислушивался к нашей полемике, но сам высказаться не спешил. Чувствовалось, что в нем происходит напряженная внутренняя работа»[734].

Итак, после кратковременно пребывания дома, во Вражеском, М.Тухачевский 20 ноября вернулся в Петроград. На этот раз он был зачислен в состав запасного гвардейского Семеновского полка и в декабре 1917 г. был избран командиром 7-й роты. Согласно сложившимся за революционные месяцы традициям и правилам он был «избран» на эту должность с согласия полкового комитета. Он провел в полку время до декабря. Во всяком случае, его сестры вспоминали, что «он вернулся к нам зимой, примерно в декабре»[735]. Затем, опять же, по свидетельству сестер, «в январе 1918 года Миша опять оставил нас – уехал в Москву». Надо полагать, что он не надолго задержался в Москве. Просто-напросто в Москве ему в это время было нечего делать. Очевидно, из Москвы он вновь отправился в Петроград, в полк. Как известно, запасной гвардейский Семеновский полк фактически не расформировывался. Во-первых, потому, что это была самая боеспособная часть в Петрограде. Во-вторых, она была боеспособной частью именно потому, что в наименьшей степени подверглась революционному разложению. Офицеры и солдаты, в отличие от боль-

[734] Типольт А.А. Такое не забывается. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 20. Свидетельства капитана А.Типольта подтверждают факт его пребывания в основном полку и именно в указанное время. Во-первых, потому, что капитан А.Типольт находился именно там, на фронтовых позициях рядом с Подволочиском в должности командира пулеметной команды. На это указывают полковые документы. Во-вторых, он датирует свою встречу с М.Тухачевским поздней осенью 1917 г. Это не противоречит моим расчетам.
[735] Типольт А.А. Такое не забывается. - С. 15.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

шинства других полков, представляли, действительно, настоящую «полковую семью». Это было достигнуто, не в последнюю очередь, очевидно, и благодаря достаточно большому числу младших офицеров из числа бывших фельдфебелей и унтер-офицеров полка. В то же время в запасной гвардии Семеновский полк было зачислено много кадровых фронтовых офицеров из основного гвардейского Семеновского полка, расформированного в конце декабря 1917 г.[736] В контексте всего вышесказанного, можно представить тогдашние настроения и политические симпатии М.Тухачевского. Начнем, с косвенных признаков.

Согласно послужному списку М.Тухачевского, сразу же по прибытию, в октябре 1917 г. (т.е. примерно с 20 по 31 октября) командиром резервного гвардейского Семеновского полка полковником Р.Бржозовским он был представлен к производству в «капитаны»[737]. Как указывалось в его послужном списке, «для уравнения в чинах со сверстниками»[738]. Все это свидетельствует о том, что настроения М.Тухачевского вполне вписывались в настроения большинства офицеров полка. Его приняли как «своего».

Другим косвенным указанием на таковые, скажем так – небольшевистские – настроения, является факт избрания его командиром роты.

Еще одним свидетельством являются воспоминания жены вышеупомянутого командира запасного гвардейского Семеновского полка полковника Р.Бржозовского. «В 1917 году Тухачевский завтракал у нас, во флигеле Семеновского полка..., - вспоминала эта женщина много лет спустя, находясь в эмиграции. – Тухачевский произвел на меня самое отрадное и неизгладимое

---

[736] Не следует забывать и еще одно обстоятельство: Семеновский полк и до революции считался одним из самых верноподданически настроенных. Ведь именно он подавил декабрьское восстание в Москве в 1905 г. Многие офицеры, принимавшие в этом участие, еще продолжали служить в полку. Разнообразные документы свидетельствуют, что и после октября 1917 г. гвардейский (запасной) Семеновский полк был и самой боеспособной, и самой контрреволюционной частью. Среди солдат, в крайнем случае, были правоэсеровские, антибольшевистские настроения. Они решительно защищали своих офицеров. Известно, что в апреле 1919 г. при наступлении Юденича на Петроград, весь полк, в это время называвшийся 3-м Советским, с солдатами и офицерами, перешел на сторону белых. Во главе полка, с июня 1917 г. стоял кадровый офицер, бывший командир пулеметной команды, полковник Р.Бржозовский.

[737] РГВИА, Послужной список Тухачевского М.Н.

[738] Там же. Все его товарищи, которые начинали войну вместе с ним в чинах подпоручиков и даже прапорщиков, уже были капитанами. Однако, М.Тухачевский был кадровым офицером, прославившим полк еще осенью 1914 г. подвигом на Кжешувском мосту. Просто было неприлично и нецелесообразно, его, кадрового, «настоящего» офицера, ставить под начало прибывшим из запаса, вчерашним сугубо штатским и «скороспелым» штабс-капитанам. Есть информация, что он был произведен в поручики и в штабс-капитаны, и после этого, представлен в капитаны.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

впечатление. Красивые лучистые глаза, чарующая улыбка, большая скромность и сдержанность. За завтраком муж шутил и пил за здоровье «Наполеона», на что Тухачевский только улыбался. Сам он мало пил. После завтрака мой муж, я и еще несколько наших офицеров уехали провожать его на вокзал, так как он уезжал в Москву. Одет он был в черное штатское пальто и высокую каракулевую шапку, увеличивавшую его рост. После предыдущих разговоров я была полна энтузиазма и мне почему-то казалось, что он способен стать «Героем». Во всяком случае, он был выше толпы. Я редко ошибаюсь в людях, и мне было особенно тяжело, когда впоследствии я узнала, что он будто бы вполне искренне стал большевиком. Все же в душе оставалось сомнение, что это не так. После второго звонка, в отделении второго класса, я сказала ему, когда мы расставались: «Прощайте! Благословляю Вас на Великие Дела!». Поцеловала его в лоб и, три раза, мелко перекрестила. Он поцеловал мне руку, посмотрел на меня искренним серьезным взглядом и сказал: «Постараюсь». Поезд тронулся, после третьего звонка. Тухачевский стоял у окна и смотрел серьезно и грустно на нас… Больше я его никогда не видела. В Петербург он не возвращался»[739].

Приведенные воспоминания интересны в нескольких аспектах. Прежде всего, вопреки некоторым другим свидетельствам (полковника князя Ф.Касаткина-Ростовского, В.Посторонкина) настоящие свидетельства указывают на дружественные отношения М.Тухачевского с полковыми офицерами. Данные воспоминания, кроме того, указывают на имевшие место достаточно откровенные разговоры, обмен мнениями среди указанных лиц. Причем М.Тухачевский, очевидно, высказывал такие политические суждения, которые дали, пусть даже в шутку, основания полковнику Р.Бржозовскому называть его «Наполеоном». Более определенно о его настроениях в это время свидетельствует другой офицер. В.Савинков в своих записках сообщал о рассказе поручика Леонова. «Последний, - пояснял автор записок, - вместе с Тухачевским служил в запасном батальоне л-гв. Преображенского полка. Как-то вскоре после Февральской революции, за каким-то праздничным обедом или ужином, в офицер-

[739] Wieczorkiewicz P.P. Sprawa Tuchaczewskiego. - Warszawa, 1994.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ском собрании, офицеры жаловались на то, что солдаты распущенны, что с ними ничего поделать невозможно, что служить стало невозможно и т.п. Тухачевский долго молчал, а потом сказал, что сами офицеры во всем виноваты, что это офицеры позволяют командовать сволочи, а что он, Тухачевский, готов пари держать, что через два года он будет командовать этой сволочью и, что она будет ходить туда, куда он ее погонит, как ходила при царе»[740]. Вспоминается еще один разговор, который имел место в плену, в 1917 г. между М.Тухачевским и его французскими приятелями. По смыслу он несколько перекликается с предшествующим свидетельством. «Если Вы сейчас вернетесь в Россию, Вы, дворянин, Вы будете расстреляны, - говорили ему, чтобы удержать от очередного побега, французские офицеры. – Расстрелян? - засмеялся он, отвечая им. – Я стану в двадцать пять лет генералом...»[741]. Эти рассуждения молодого подпоручика гвардии позволяют сделать вывод: если у него и были какие-либо определенные взгляды или симпатии к той или иной форме политического устройства, то, скорее всего, к вульгарно выраженному деспотическому самодержавному монархизму. И вполне банальна для кадрового офицера «наполеоновская» формула его политического выбора в революции[742].

Все вышеприведенные свидетельства, и прямые, и косвенные, вполне достаточны для представления о настроениях М.Тухачевского после возвращения из плена. Они явно были не в пользу советской большевистской власти.

---

[740] В пересказанном со слов поручика Леонова есть ряд явных несоответствий тогдашней реальности. Во-первых, разговор не мог состояться после Февральской революции, потому что М.Тухачевский, как об этом выше детально рассуждалось, прибыл в Петроград из плена только 16 октября 1917 г. Во-вторых, М.Тухачевский служил с ноября 1917 г. в запасном Семеновском, а не Преображенском полку (до февраля 1917 г. – это были запасные батальоны). Впрочем, поскольку информация В.Савинкова дана им в пересказе, то такого рода искажения вполне допустимы. Важна суть рассуждений М.Тухачевского, о которых поведал поручик-преображенец Леонов. Несколько замечаний по поводу этого поручика Леонова. В списках л-г. Преображенского полка есть Леонов Сергей Митрофанович (1883 —1938), дворянин Екатеринославской губернии. После окончания кадетского корпуса, а затем Павловского военного училища он был выпущен в л-г. Преображенский полк подпоручиком в 1904 г. Известно также, что он умер в Париже 24 апреля 1938 г. и похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в чине полковника. Не исключено, что он был из тех кадровых офицеров, которые возвратились в полк из отставки во время войны, а полковником он стал уже к концу гражданской войны. Впрочем, возможно, В.Савинков мог перепутать чин этого офицера, как спутал время эпизода с М.Тухачевским. Это, конечно, мог быть и другой Леонов, брат или однофамилец вышеотмеченного, офицер военного времени, призванный из запаса (как братья того же М.Тухачевского). Преображенский полк понес очень большие потери в офицерском составе в 1914-1917 гг. – См. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 865, Списки офицеров л-г. Преображенского полка по старшинству на 1 января 1914 г.; Российская Императорская гвардия на кладбище Сен-Женевьев де Буа. //Русское прошлое. - № 4. - С. 346.

[741] Lacouture J. De Gaulle. - Paris, 1969. - P. 30.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Поэтому высказывания М.Тухачевского в плену, в которых он заявлял о своей готовности последовать за В.Лениным и под знаменем новой «марксистской религии», еще не означали, что его выбор был уже тогда предопределен. Из всего вышесказанного ясно, что в октябре-декабре 1917 г. М.Тухачевский оставался среди своего круга лиц, среди офицеров Петровской гвардейской бригады, среди семеновцев и преображенцев. Более того, он был в весьма хороших дружеских с ними отношениях. Его называли «Наполеоном», его представили в капитаны, его избрали командиром роты. Он в это время был «своим» для них. Он разделял господствовавшие среди них взгляды на политическую ситуацию и их к ней отношение. В контексте всего вышесказанного вполне достоверным представляется свидетельство приятеля М.Тухачевского капитана Д.Голумбека. По его свидетельству, в 1917 году М.Тухачевский присоединился к бывшим офицерам царской армии, которые организовывали белогвардейские части для борьбы с большевиками. Капитану Д.Голум-беку, по секрету, М.Тухачевский сообщил о своем решении порвать с белыми. «Я спросил его, рассказывал впоследствии капитан, - что же он намерен делать». На это М.Тухачевский ответил: «Откровенно говоря, я перехожу к большевикам. Белая армия ничего не способна сделать. У нас нет вождя». Несколько минут он ходил по комнате, потом остановился и воскликнул: «Не подражай мне, если не хочешь, но я думаю, что поступаю правильно. Россия будет теперь совсем другая»[743]. Когда это могло иметь место? Есть лишь первая в этом направлении дата – 5 апреля 1918 г. он становится членом большевистской партии и 5 апреля 1918 г. начало его службы в Красной Армии[744]. Дата 5 апреля вполне могла

---

[742] Ранее уже отмечалось: когда друзья «его укоряли в коммунизме, Тухачевский не раз говорил: «Разве Наполеон не был якобинцем?».

[743] Сейерс и Кан. Тайная война против Советской России. - М., 1947.

[744] По всем имеющимся свидетельствам М.Тухачевский начал свое сотрудничество с советской властью, а именно, работу в военном отделе ВЦИК в марте 1918 г., после того, как правительство В.Ленина и все руководящие политические учреждения переехали в Москву. Это произошло 11 марта 1918 г. Следовательно, его работа во ВЦИК могла начаться только после 11 марта. По приведенным выше свидетельствам, М.Тухачевский уехал из запасного Семеновского полка, из Петрограда в Москву в декабре 1917 г. В совокупности со свидетельствами его сестер, в тот раз он выехал из Петрограда в Москву, чтобы оттуда отправиться домой, в Пензенскую губернию, в имение Вражеское. Там он пробыл до января 1918 г. Напомним, что сестры отметили, что М.Тухачевский уехал из Вражеского в январе 1918 г. в Москву. Как мне пришлось на этот счет заметить, Москва могла быть не последним пунктом назначения. Оттуда он мог вновь отправиться в Петроград. Это уже было время после разгона Учредительного собрания. Это было время уже начавшихся антибольшевистских конспираций. Жена полковника Р.Бржозовского утверждает, что после отъезда М.Тухачевского в декабре 1917 г. она

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

первоначально быть проставлена по «старому стилю», т.е спустя пять дней после гибели генерала Л.Корнилова. Тогда мотивация перехода М.Тухачевского к большевикам, как он ее определил в разговоре со своим приятелем, вполне логична. Сразу же после этого он мог и предложить свои услуги военному отделу ВЦИК. Старый дореволюционный товарищ М.Тухачевского, который считал себя, своего рода «крестным отцом» будущего маршала в его службе советской власти Н.Кулябко, вспоминал: «Мы встретились вновь лишь в марте 1918 года. Он уже успел поработать в Военном отделе ВЦИКа, а меня 4-й Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов избрал членом ВЦИК. После переезда правительства в Москву я был назначен военным комиссаром штаба обороны Москвы, потом стал заместителем председателя Всероссийского бюро военных комиссаров. В эти дни как раз и возобновились наши дружеские связи с Михаилом Николаевичем»[745]. Учитывая хронологию политических событий того времени и возникновения всякого рода «революционных» учреждений, в том числе Всероссийского бюро военных комиссаров, «эти дни» могли иметь место лишь в апреле 1918 г. Поэтому «дружеские связи» Н.Кулябко с М.Тухачевским «возобновились» не в марте, а в апреле 1918 г. [746] Возможно, известная дата

его больше не видела. Это можно объяснить и тем, что сам Р.Бржозовский с женой, отказавшись принимать участие в «красно-белом» противостоянии, уехал в Польшу. Как и другой однополчанин Р.Бржозовского и М.Тухачевского, капитан С.Соллогуб. Этим и можно объяснить тот факт, что жена полковника больше никогда не видела М.Тухачевского в Петрограде (и вообще). В сообщении капитана Д.Голум-бека М.Тухачевский рассуждает о белой армии, о том, что у нее нет вождя. Сам мемуарист говорит о том, что М.Тухачевский принимал участие в организации частей белой армии. Что-либо определенное на этот счет сказать трудно. Мотивация его перехода к большевикам и убежденность в безнадежности «белого дела» со ссылкой на отсутствие «вождя», возможно, объясняется гибелью генерала Л.Корнилова 31 марта 1918 г. До этого события, утверждать, что «у нас нет вождя» было бы трудно. Все офицеры, которые намерены были сопротивляться большевикам, отправлялись на Дон именно к генералу Л.Корнилову. Он был общепризнанным «вождем» «белого дела». Известно, что Л.Корнилов уже в ноябре 1917 г. начал на Дону формирование своей Добровольческой армии. Считать, что М.Тухачевский перешел к большевикам уже в декабре 1917 г. или в январе 1918-го, также безосновательно. Если он принял такое решение в декабре или в январе, то почему его сотрудничество началось только в марте? Кроме того, нет ни одного документа, который бы хотя бы ориентировочно указывал, когда же все-таки начал работать во ВЦИК М.Тухачевский.

[745] Кулябко Н.Н. Я рекомендовал его в партию. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 28.

[746] Попытаюсь внести некоторые хронологические уточнения в свидетельства Н.Кулябко. 4-й Всероссийский съезд Советов состоялся 14-16 марта в Москве. Следовательно, Н.Кулябко был избран членом ВЦИК 16 марта 1918 г. Система отрядов Западной завесы, в систему которой входил и Московский район обороны, была создана 19 марта 1918 г. Как вспоминал Н.Кулябко, он являлся военным комиссаром штаба обороны Москвы. Следовательно, таковым он стал также примерно 19 марта 1918 г. Однако, ориентируя читателя во времени своей встречи с М.Тухачевским, Н.Кулябко сообщает, что это произошло, когда он переходил из должности военного комиссара обороны Москвы, в должность заместителя председателя Всероссийского бюро военных комиссаров. Указанная организация была создана 8 апреля 1918 г. Таким образом, встреча Н.Кулябко с М.Тухачевским должна была произойти не ранее 8 апреля 1918 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вступления М.Тухачевского в Красную Армию и в партию – 5 апреля 1918 г. – и является датой начала его работы в Военном отделе ВЦИК. А несколько позднее, возможно, тоже в апреле, по рекомендации Н.Кулябко и А.Енукидзе, М.Тухачевский и вступил в РКП (б). При таком развертывании событий и последовательности дат вполне логично согласовываются его разочарование в перспективах белого движения («у нас нет вождя»: он был убит 31 марта 1918 г.) и решение перейти к большевикам в апреле 1918 г. Есть и иные свидетельства, объясняющие причины и обстоятельства перехода М.Тухачевского на сторону большевиков. Л.Норд утверждает, ссылаясь на самого М.Тухачевского, что решающую роль в этом его поступке сыграл не Н.Кулябко, а братья Куйбышевы.

Известно, что М.Тухачевский и младший из братьев, Николай Владимирович Куйбышев, будучи одногодками, в одно и то же время учились и окончили Александровское военное училище.Правда, на протяжении всех лет службы в Красной Армии трудно было заметить между ними особенно дружественные отношения[747]. Однако Л.Норд свидетельствует об ином.

«...Судьба столкнула Тухачевского и Николаем Владимировичем Куйбышевым в 1918 г. на вокзале в Москве, - вспоминала Л.Норд. – И эта случай-

---

«В эти дни (следуя рассказу самого Н.Кулябко, после того как он стал заместителем председателя Всероссийского бюро Военных комиссаров), - еще раз процитирую мемуариста, - как раз и возобновились наши дружеские связи с Михаилом Николаевичем». Примечательно, что Н.Кулябко указывает на то, что к моменту их встречи М.Тухачевский « уже успел поработать в Военном отделе ВЦИКа». Значит утверждение некоторых биографов М.Тухачевского, что он оказался в Военном отделе ВЦИК «по рекомендации Н.Кулябко», неверно. Либо, если таковая рекомендация и была, то Н.Кулябко дал ее не «в начале марта». Во всяком случае, вся эта информация опирается исключительно на мемуарные свидетельства, а не на документы. Самой первой в этом отношении датой является 5 апреля 1918 г. – вступление М.Тухачевского в РКП (б). Впрочем, эта дата также представляется недостаточно обоснованной документально. Эта дата фигурирует в официальной биографии М.Тухачевского (кажется одной из первых его публичных биографий «для массы») 1926 г., помещенной в словаре «Гранат». Эта дата фигурирует в анкетах, заполненных самим М.Тухачевским. Однако, в его учетной карточке ноября 1925 г. время вступления его в партию обозначено 1917 годом. - Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 10. - С. 41.

Иными словами, точная дата вступления М.Тухачевского в большевистскую партию на сегодняшний день не имеет достоверного документального подтверждения. Это достаточно обычное явление для периода гражданской войны: по политическим соображениям, в пропагандистских целях преднамеренно фальсифицировались биографии «красных генералов», даты их вступления в большевистскую партию, умалчивалась информация об их членстве до этого в иных партиях. Мне представляется, таким образом, что, повстречавшись с Н.Кулябко в Москве во второй половине марта 1918 г. (что вполне возможно и вероятно), а, скорее всего, примерно 5-10 апреля, М.Тухачевский по его рекомендации мог оказаться в составе сотрудников Военного отдела ВЦИК, но не в марте, а в апреле 1918 г.

[747] Отношение товарищей по училищу к М.Тухачевскому было в основном не очень дружелюбное. Его не любили за жесткую, беспощадную требовательность (он был портупей юнкером и фельдфебелем на курсе) и без-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ная встреча определила дальнейшую судьбу маршала. Н.В.Куйбышев затащил его к себе и познакомил с братом. Старший Куйбышев, угадав и оценив незаурядную натуру Тухачевского, три дня уговаривал его примкнуть к большевикам. Он свел его со старшими офицерами, уже перешедшими к красным и, когда Тухачевский был завербован, В.В.Куйбышев использовал все свое влияние в партии, чтобы выдвинуть молодого поручика на ответственный военный пост. Он сам поручился за Тухачевского и нашел для него еще других поручителей»[748].

Несомненно, сам факт встречи с однокашником и определенные положительные эмоции, этим событием вызываемые, могли иметь место в то время. Однако речь идет о другом: о решающем значении этой встречи для судьбы и военной карьеры М.Тухачевского. В связи с вышеприведенными свидетельствами Л.Норд следует отметить, во-первых, что Н.В.Куйбышев вряд ли мог присутствовать в конце марта-начале апреля 1918 г. в Москве[749]. Во-вторых, другой из братьев Куйбышевых, Валериан Владимирович с конца 1917 г. находился в Самаре, где он устанавливал советскую власть и затем стал секретарем губкома РКП (б). Он приезжал в Москву лишь на короткое время 4-го съезда Советов 14-16 марта 1918 г. и сразу же по его окончанию вернулся в Самару. В тогдашней обстановке, у него просто не могло быть времени на то, чтобы три дня уговаривать гвардейского поручика, а затем устраивать его судьбу в Военном отделе ВЦИК. Наконец, в-третьих, самое главное. Сам М.Тухачевский в своих воспоминаниях о В.Куйбышеве писал буквально следующее: «В начале июля (1918 г.) Валериан Владимирович был назначен политическим комиссаром 1-й армии, которой в то время командовал я. С этого момента (!) началась

жалостность в наказаниях и взысканиях, с завистью и недоброжелательством с иронией называли «новоявленным князем Андреем Болконским», намекая на его аристократическую кичливость и холодность.

[748] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. //Возрождение. - Тетрадь № 63. - С. 75.

[749] Летом 1917 г. он был избран командиром батальона 10-го Малороссийского гренадерского полка, входившего в состав 3-й гренадерской дивизии, включенной в войска 11-й армии. 11-я армия, как известно действовала в составе армий Юго-Западного фронта. В указанное время шел процесс распада и расформирования старой армии и Н.Куйбышев находился , во всяком случае, вне Москвы. Из остатков старой армии, после заключения Брестского мира, формировались части Завесы. Поэтому случайная встреча М.Тухачевского и Н.Куйбышевым вряд ли могла состояться в Москве в марте или в апреле 1918 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

наша дружная совместная работа»[750]. М.Тухачевскому, таким образом, ничего не было известно о роли В.Куйбышева в переходе гвардейского офицера на сторону большевиков. М.Тухачевский обязательно бы указал этот факт в воспоминаниях о В.Куйбышеве, связанных со смертью последнего. «Благословение» одного из тогдашних «вождей» страны было бы для него далеко не лишним. Таким образом, информация Л.Норд о решающей роли братьев Куйбышевых в судьбе М.Тухачевского была, скорее всего, рождена слухами или предположениями, умозаключениями, сделанными на основе факта совместной учебы Н.Куйбышева и «красного Бонапарта» в Александровском военном училище. Впрочем, вполне возможно, что Н.Куйбышев мог проинформировать своего брата о М.Тухачевском перед их совместной службой в 1-й Революционной армией, в которую, как выше отмечалось, В.Куйбышев был в июле 1918 г. назначен военным комиссаром к будущему маршалу.

…Кроме Н.Кулябко в начальной военной карьере М.Тухачевского важную роль сыграли еще два человека. Это – А.Енукидзе, в те, весенние и летние месяцы 1918 г. заведовавший Военным отделом ВЦИК и давший одну из двух рекомендаций М.Тухачевскому для вступления в РКП (б). Другой человек – К.Юренев. В те месяцы он являлся членом коллегии Наркомвоена, членом коллегии по формированию Красной Армии и председателем Всероссийского бюро военных комиссаров. Именно ему подчинялся с мая 1918 г. М.Тухачевский как военный комиссар Московского района Западных отрядов Завесы. Именно К.Юренев рекомендовал М.Тухачевского на должность командующего 1-й Революционной армией[751]. Он и позднее называл бывшего гвардейского подпоручика своим «крестником», а тот, в свою очередь, это с благодарностью признавал[752].

…Важнейшим событием всемирноисторического масштаба и в то же время судьбы и личностной идентификации М.Тухачевского была «Варшавская битва». Самое блестящее и самое катастрофичное воплощение советского во-

[750] Тухачевский М.Н. Друг Красной Армии. //О Валериане Куйбышеве. Воспоминания, очерки, статьи. - М., 1983. - С. 103.
[751] Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский. - С. 42.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

енного искусства периода «революционной» Гражданской войны со всеми его достижениями и недостатками был «польский» или «Варшавский» поход М.Тухачевского. Это была полнейшая катастрофа «красного Бонапарта», это было крушение Мировой революции, это было «Чудо на Висле».

Возможность и вероятность выигрыша Варшавской битвы М.Тухачевским не могла быть исключена полностью, однако катастрофическое поражение его войск под Варшавой было необратимо.

Его поведение после 1920 года и «на всю оставшуюся жизнь», несомненно, сохраняло отпечаток этого «душевного ранения», «шрама», нанесенного его психике. По собственным признаниям М.Тухачевского, открывшаяся перед ним во время Варшавской битвы грозная опасность для его левого фланга ужаснула его, и он «...несколько часов оставался в глубоком раздумье»[753]. «Когда Тухачевскому стала ясна картина уже разразившейся катастрофы, и когда он уже ничего не мог сделать, он заперся в своем штабном вагоне и весь день никому не показывался на глаза.... Долгие годы спустя, в частной беседе он сказал только, что за этот день постарел на десять лет»[754]. Примечательно, что указания на его «молчаливость», как свойство, бросающееся в глаза, относятся уже ко времени после 1920 года. Усилилась, несомненно, и его осторожность. «Чудо на Висле», конечно же, поселило в нем назойливую устремленность к реваншу, к новой войне на Западе. После этого события, развернувшем его «наполеоновскую судьбу» в каком-то неведомом направлении, затуманенном завесой тайны, он должен был все явственнее ощущать, что он не «Наполеон», а «Тухачевский русской революции» - особый «знак» особого события.

В «мире», поглощаемом им «извне», осмысленном через «книгу» и сконструированном им «в себе», начала смутно прорисовываться пугающая, несопоставимая ни с чем, «исторически-одинокая», новая, «его» идентификация – «Тухачевский». Впрочем, когда в его чрезвычайно драматичной судьбе произошло много рожденного его собственной, «тухачевской», природой, «напо-

---

[752] Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский. – С. 43.
[753] Иссерсон Г. Судьба полководца. //Дружба народов. – 1988. - № 5. - С. 184.
[754] Там же, с. 187.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

леоновские настроения» и ориентиры все-таки остались, правда, скорее всего, на уровне «ментальных привычек».

…Итак, М.Тухачевский, несомненно, не являлся тем “образом”, который сформировался и в кругах русской военной эмиграции, и у его ближайшего окружения. Он не был “Наполеоном”. Он был “Ставрогиным” со “смердяковским “отпечатком” на психо-культурной установке, “аристократом в демократии”. Он был “оборотнем” и “наемником-ландскнехтом”. Его отношение к различным “идеологемам”, “революционным ценностям” носило преимущественно “игровой”, “карнавальный”характер, хотя и не было лишено определенной, порой весьма сильной, “романтической” увлеченности и воображения. Аристократическая ирония, исходившая из его существа, пронизывала все окружавшие его “ценности”, делая их “призрачными”, неустойчивыми. Он тяготел к динамически неустойчивому миру, а не к мировой статике. Он, быть может, способен был осуществить, при определенных обстоятельствах, “18 Брюмера”, но, кажется, не испытывал большой потребности в его властных результатах. Смыслообразующим его устремлением была “война”- это, пожалуй, наиболее впечатляющее проявление мировой динамики. И если ему могла понадобиться власть, и если он при определенной коньюнктуре, ее захватил, или получил бы, то именно для “войны”. М.Тухачевский был воплощенной “войной”.

Однако общественное мнение, коему вряд ли были доступны представления о “внутреннем образе” М.Тухачевского, психо-ментальных мотивах его поступков и поведения, сформировало “внешний образ” этой “харизматической личности” благодаря “угадыванию” в нем архетипических признаков “Наполеона”. Это особенно характерно оказалось для военной среды из бывших офицеров, как в Советской России, так и в русском белом зарубежье. Это обстоятельство, как выше отмечалось, весьма способствовало концентрации ее политических настроений и ожиданий вокруг М.Тухачевского, в определенной мере обусловив масштабы и состав внутрикорпоративной “группы Тухачевского”.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В свою очередь, и поведение М.Тухачевского в значительной мере предопределялось и определялось его ближним окружением, особенно в ситуации нового политического кризиса, явно обнаружившегося в 1923-1924 гг. В связи с этим имеет смысл вновь обратиться к проблеме идентификации индивида. "Идентификация, - по мнению Э.Аронсона, - это реакция индивида, вызванная желанием походить на человека, оказывающего социальное влияние. ...При идентификации мы ведем себя соответствующим образом не потому, что данное поведение само по себе приносит удовлетворение, скорее мы принимаем данный тип поведения, потому что он обеспечивает удовлетворяющие нас отношения с человеком или людьми, с которыми мы себя идентифицируем. Идентификация отличается от подчинения тем, что мы все же начинаем верить (хотя и не слишком сильно) в правильность мнений и ценностей, которые мы принимаем. Так, если некий человек или группа людей привлекает или притягивает нас, то мы склонны к тому, чтобы поддаться их влиянию и воспринять их ценности и аттитьюды. Это может происходить... просто потому, что мы стремимся походить на этого человека или на членов этой группы"[755]. Напомню, что, по мнению близко наблюдавших М.Тухачевского, он "легко поддавался влиянию", мог "легко менять свои" политические ориентиры.

Анализируя и исследуя данную внутрикорпоративную группировку, не буду останавливаться на отношениях М.Тухачевского с близкими родственниками. Об этом достаточно хорошо и определенно рассказали его сестры[756]. Одно можно отметить, что семейство это было весьма дружное. В трудные годы гражданской войны именно М.Тухачевский «оберегал» всех своих близких. Братья находились при нем, в его штабе[757]. В его штабном поезде с ним часто жили сестры[758]. Затем, когда он стал командующим Западным фронтом и ему, очевидно, в награду за заслуги перед Республикой, фактически вернули имение

---

[755] Аронсон Э. Общественное животное. //Психология и психоанализ власти. - М., 1999. - Т. 2. - С. 213-214.
[756] Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 10-18.
[757] Там же, с. 79.
[758] Там же, с. 16.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

в Смоленской губернии, где жили его мать с сестрами[759]. Все его близкие, в свою очередь, жестоко пострадали, когда маршал был репрессирован.

Хотел бы обратить внимание на окружение, несомненно, влиявшее на него, как зеркало, в котором он получал свое отражение и, таким образом, свою идентификацию. В этом близком окружении он как бы самоопределялся в своей эпохе, в своем времени, в военно-революционном процессе. Свидетельства на этот счет весьма противоречивы.

Прежде всего, следует отметить, что он достаточно легко сближался с людьми, но как сообщают некоторые мемуаристы, и достаточно легко мог менять свои дружеские привязанности. В его дружеских связях с его стороны никогда не замечалось большой сердечности. Его холодность и рассудочность (отмечаемые мемуаристами) в отношении с окружавшими, как выше говорилось, объяснимые аристократическим самомнением, видимо, обуславливали характер его связей с друзьями и приятелями. Близкие к нему люди считали, что друзей среди мужского окружения, по большому счету у него не было[760]. «По моим наблюдениям, - вспоминала Л.Норд, - он вообще чувствовал себя с женщинами лучше, чем с мужчинами и держался куда проще. Это не означало, что он очень любил ухаживать: его самой большой приятельнице, жене начарта округа М.М.Белавинцевой, было далеко за пятьдесят лет.... Мне кажется, что тут играло роль и то, что почти на всех женщин внешность Тухачевского и его обаятельность (а он мог быть таким, когда хотел) действовали неотразимо, и это льстило ему. М.М.Белавинцева обожала его так, как не всякая мать обожает своего сына. Усомниться при ней в каких-нибудь достоинствах Михаила Николаевича было нельзя. Однажды я это сделала и надолго испортила свои отношения с ней»[761]. Отвечая незримому собеседнику на возникающий в контексте приведенных рассуждений вполне банальный вопрос – «были ли у него настоящие, глубокие романы?» - Л.Норд, учитывая многочисленные слухи о лю-

---

[759] Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. //Архив русской революции. - Т. 14. - С. 97.
[760] Норд Л.А. Маршал М.Н.Тухачевский. - Тетрадь № 63. - С. 62.
[761] Там же, с. 62-63.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

бовных «похождениях» М.Тухачевского, отвечала: «Пожалуй, нет… Увлечения кончались у него очень быстро»[762].

Как известно, слухи и сплетни о многочисленных «амурных похождениях» М.Тухачевского имели достаточно веские основания в его жизни на протяжении всей карьеры маршала. Л.Норд приводит и те, которые активно обсуждали в «светских» и высших армейских кругах Западного фронта в 1922-1924 гг.

«По гарнизону поползли всякие слухи, - вспоминала Л.Норд. – Одни утверждали, что командарм двоеженец и это послужило поводом для разрыва[763]. Другие говорили, что его первая жена давно покончила жизнь самоубийством, и при этом добавляли, что Тухачевский даже не поехал на похороны, поручив распорядиться о них своему адъютанту. Третьи доходили до того, что рассказывали о садизме Тухачевского, который, якобы бил жену тонким хлыстом до крови…»[764].

Действительно, первая жена М.Тухачевского М.В.Игнатьева, с которой он был знаком еще с гимназических лет в Пензе, застрелилась в его штабном вагоне еще в 1920 году при неясных обстоятельствах[765]. Второй его женой ста-

---

[762] Норд Л. Указ соч. - Тетрадь № 66. - С. 111.
[763] С его второй женой Ликой.
[764] Норд Л.А. Указ. соч. - Тетрадь № 63. - С. 54.
[765] Там же; Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 55. Р.Гуль в своей книге «Тухачевский» излагает одну из версий трагической гибели первой жены М.Тухачевского, Марии Владимировны Игнатьевой, дочери пензенского машиниста, за которой он ухаживал еще с гимназических лет. Она застрелилась в 1920 г. в его штабном вагоне. В годы гражданской войны в поезде М.Тухачевского всегда «жил» кто-то из его близких родственников. В поездках по фронтам его сопровождала жена, М.Игнатьева. В его штабе служили братья Н.Тухачевский и А.Тухачевский, в прошлом бывшие офицеры л-г. Семеновского полка, его старый приятель и учитель музыки Н.Жиляев. Р.Гуль так излагает версию гибели М.Игнатьевой, которая произошла в начале 1920 г. «И жена Михаила Тухачевского, Маруся Игнатьева, та самая хорошенькая гимназистка, гулявшая с ним под руку по пензенской Поповой горе, ездила в поезде мужа. Маруся, пустенькая, легкомысленная, хорошенькая женщина, вроде Жозефины, но помельче. Она вся в женских, обывательских интересах, поэтому и стала жертвой жестокости бредившего мировой славой мужа. У Маруси родители простые люди, отец машинист на Сызранско-Вяземской железной дороге, Маруся не голубой, как Тухачевский, крови. Может быть, Маруся никогда бы и не сделала рокового шага, но русский революционный голод во вшивой, замершей стране был страшен. А жена командарма Тухачевского может ехать к мужу экстренным поездом, ей дадут в охрану и красноармейцев и не обыщут, как мешочницу. Маруся из любви к родителям, по-бабьи, возила в Пензу домой мешки с мукой и консервными банками. Не то выследили враги (врагов у Тухачевского пруд пруди) – о мешках стало известно в Реввоенсовете фронта. И, наконец, командарму Тухачевскому мешки поставлены на вид. Мешки с рисом, мукой, консервными банками везет по голодной стране жена побеждающего полководца?! Я думаю, слушавшему «красную симфонию» и глядевшему не на небесные звезды, а на свою собственную, Тухачевскому от этих мешков прежде всего стало эстетически невыносимо. Мировой пожар, тактика мировой пролетарской войны – и вдруг мешки с мукой для недоедающих тестя и тещи! Какая безвкусица! Тухачевский объяснился с женой: церковного развода гражданам РСФСР не требуется, и она свободна. Маруся была простенькой женщиной, но тут она поступила уж так, чтоб не шокировать мужа: она застрелилась у него в поезде. Вра-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ла 16-летняя «Лика» младшая дочь лесничего (так о ней свидетельствует Л.Норд, которая, по собственным уверениям, являлась ее двоюродной сестрой). Брак был заключен по любви и по желанию новобрачной (вопреки нормам партийной этики) – в церкви (Л.Норд)[766]. Однако брачные отношения М.Тухачевского со второй женой оказались сравнительно недолгими: в 1923 г. жена «Лика» ушла от М.Тухачевского. Причиной разрыва, по свидетельству Л.Норд, послужила любовная связь командующего фронтом с Татьяной Сергеевной Чернолузской (как утверждает Л.Норд, сводной сестрой А.Луначарского). Впрочем, говорили, что до этого М.Тухачевский «слегка ухаживал за ее сестрой, менее красивой, но очень изящной маленькой брюнеткой Наташей (Натальей Сергеевной Чернолузской). Говорили, что М.Тухачевский будто бы «афишировал свои встречи» с Т.Чернолузской[767]. Однако имеются указания на то, что в это время у М.Тухачевского была «женой» («одной из жен», по документам 1937 года[768]), некая Протас, к 30-м годам уже разведенная с ним. По штабным документам Западного фронта 1922- 1923 гг. прослеживается Амалия Яковлевна Протас. Согласно «Списку сотрудниц женщин управлений и отделов Штазапа, Пузапа и Упвосозапа по состоянию на 1 августа 1923 года», «Протас Амалия Яковлевна – адъютант командующего Западным фронтом (т.е. М.Тухачевского), девица, образование среднее, беспартийная, место службы – вагон командующего. Убыла со службы 25 августа

ги, донесшие на Тухачевского, посрамлены, а Тухачевский женился еще раз». – Гуль Р. Тухачевский. //Гуль Р. Красные маршалы. - С. 492-493. В.Александров в своей книге «Дело Тухачевского», очевидно, опираясь на слухи, циркулировавшие в эмигрантских кругах, а возможно, отталкиваясь от версии того же Р.Гуля, коротко замечает, что «первая жена Тухачевского погибла из-за него». – Alexandrov V. L'affaire Toukhatchevsky. - Paris, 1962. – P. 227.

Л.Норд, в своих воспоминаниях о М.Тухачевском, в которых присутствует очень много слухов, пытаясь, видимо, как-то оправдывать отношения М.Тухачевского с женщинами, с его первой женой, приводит один «пассаж» из разговоров с «красным Бонапартом». В нем присутствует будто бы намек на обстоятельства разрыва М.Тухачевского с женой. Разоткровенничавшись, М.Тухачевский, якобы, сказал Л.Норд: «...Я когда-то тоже полюбил на всю жизнь, и также мучился, но женщина которую я любил, не щадила моего чувства. С тех пор я перестал верить, что у женщины есть сердце». //Возрождение. – 1957. - Тетрадь № 65. - С. 76.

[766] Там же, тетрадь № 63. - С. 53.

[767] Там же, с. 58.

[768] Когда в августе 1937 г. К.Ворошилов представил начальника летного отделения штаба ВВС РККА майора А.И.Ильина на должность командующего ВВС КБФ, политотдел штаба ВВС дал А.И.Ильину отрицательную партхарактеристику. Его характеризовали как человека заносчивого, поддерживающего знакомства с «врагами народа» и, в частности, «с одной из жен Тухачевского – Протас». – Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938. - М., 1998. - С. 72. (Автор ссылается на РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 836. Л. 3.).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

1923 года»[769]. Учитывая, что режим службы М.Тухачевского в должности командующего Западным фронтом в 1922-1924 гг. был в основном «на колесах» (постоянные разъезды по фронту, в командировки в Москву, Минск и др. города), он жил в своем служебном вагоне[770]. Там же располагался и его штаб. А.Протас с 1922 г., в силу своего служебного положения, сопровождала М.Тухачевского в его постоянных разъездах. В самом Смоленске М.Тухачевский, судя по графику его служебной деятельности, бывал сравнительно мало. Учитывая все вышесказанное о режиме службы М.Тухачевского, возрасте и служебном положении А.Протас, нет необходимости пространно рассуждать о том, что Амалия Яковлевна Протас являлась его «действительной женой». Для «другой жены» в «хронотопе» жизнедеятельности М.Тухачевского просто не находилось места. Возможно, именно Амалия Протас и была той «Ликой», о которой пишет в своих воспоминаниях Л.Норд. (Само имя Амалия вполне могло приобрести в отношениях между близкими людьми уменьшительно-сокращенную форму «Лика»). Косвенным свидетельством в пользу такового предположения могут быть и обстоятельства разрыва М.Тухачевского с А.Протас. Судя по штабным документам, с 13 января 1923 года ее отправляют в полуторамесячный отпуск. Затем отпуск продлевается до 21 апреля 1923 г[771]. Однако, А.Протас неожиданно возвращается из отпуска 15 марта 1923 г. и вновь сопровождает командующего в поездке по фронту (так записано в приказе по штабу фронта)[772]. 21 апреля 1923 г. А.Протас исключают из списков служащих по собственному желанию. В июне того же года она вновь оказывается адъютантом командующего и сопровождает М.Тухачевского в Москву[773]. Затем с 11 июля вновь отправляется в отпуск[774]. Наконец, с 14 августа 1923 г. считается окончательно уволенной со службы[775]. Все это напоминает импульсивные женские капризы, а не распланированный режим службы адъютанта коман-

[769] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 29. Л. 73.
[770] Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. – С. 173.
[771] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 2, 40, 55.
[772] Там же, Л. 41.
[773] Там же, Л. 55, 72, 80.
[774] Там же, Л. 80.
[775] Там же, Л. 100.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

дующего фронтом. Л.Норд, много рассуждая о взаимоотношениях М.Тухачевского с «Ликой», также обращает внимание на вскоре начавшиеся между ними конфликты, ссоры, внезапные отъезды «Лики» и ее возвращение[776]. Наконец, - окончательный разрыв. Продолжая рассуждать на эту тему, мемуаристка, считала, что «чем ярче разгоралась звезда Тухачевского, тем больше женщин кружилось вокруг него. Тогда у Михаила Николаевича стала проявляться избалованность и, даже, рисовка»[777].

«С мужчинами Тухачевский, в большинстве случаев, держал себя замкнуто. Настоящих друзей среди них у него было немного...»[778]. Г.Иссерсон, имевший возможность, в силу служебных обстоятельств, наблюдать М.Тухачевского еще с весны 1923 г., оставил на этот счет такое мнение. «Тухачевский...не имел никакого своего окружения и не группировал вокруг себя так называемых «любимчиков»[779]. Считали, что «у Михаила Николаевича были особые понятия о дружбе – по его мнению, он мог располагать друзьями как и когда хотел»[780]. А вот о его ответственности перед друзьями существуют разные мнения.

...Известно, что М.Тухачевский, назначенный в августе 1921 г. начальником Военной академии РККА, забрал туда с собой целую группу своих соратников-генштабистов. В их числе были: Н.Какурин, И.Троицкий, бывший командарм-16 Н.Соллогуб, бывший начальник оперативного управления, начальник штаба 16-й армии и помощник начальника штаба Западного фронта Е.Шиловский, другой бывший помощник начальника штаба фронта П.Ермолин, генерал Ф.Огородников.

Н.Какурин в 20-е годы являлся, пожалуй, одним из самых близких друзей и единомышленников М.Тухачевского, поэтому данная личность заслуживает специального внимания и характеристики.

---

[776] Норд Л.А. Маршал М.Н.Тухачевский. //Возрождение. - Тетрадь № 63. - С. 54-58.
[777] Там же, тетрадь № 66. - С. 112.
[778] Там же, тетрадь № 63. - С. 62-63.
[779] «Справка о проверке обвинений...». //Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 58.
[780] Норд Л.А. Указ. соч. - Тетрадь № 65. - С. 71.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Образованный, интеллигентный генштабист. Отличный начальник штаба, а также хороший строевой начальник, умеет правильно поставить служебные взаимоотношения и пользуется общим уважением. Настойчивый в работе. Выдающийся»[781]. Так характеризовал Н.Какурина его начальник, М.Тухачевский в 1922 г.

Николай Евгеньевич Какурин (1883-1936) родился в г.Орле в семье полковника (завершившего свою военную карьеру генерал-лейтенантом) Е.Н.Какурина, занимавшего тогда должность начальника штаба 36-й пехотной Орловской дивизии[782]. Его отец, Евгений Николаевич Какурин принадлежал к старинному дворянству Орловской губернии[783]. После окончания Житомирской гимназии, а затем Михайловского артиллерийского училища Н.Какурин с 1904 г. начал службу подпоручиком. В 1910 г. он успешно завершил обучение в Академии Генерального штаба и вскоре продолжил свою военную карьеру на штабных и строевых должностях, приняв активное участие в 1-й мировой войне[784]. Последняя его должность в старой русской армии – командир 7-го Кавказского стрелкового полка[785].

В Красной Армии Н.Какурин оказался не сразу. Он крайне отрицательно отнесся к захвату власти большевиками и остался в Киеве. Киев в конце 1917-начале 1918 гг. представлял собой место своеобразной концентрации монархи-

---

[781] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 122. Л. 38. См. так же: Ненароков А.П. Об авторе и его труде (вводная статья к изданию). //Какурин Н.Е. Как сражалась революция. - М., 1990. - Т. 1. - С. 5.

[782] ГАОО, Памятные книги Орловской губернии за 1878 – 1882 гг.

[783] Какурины появились в орловском крае почти одновременно с появлением самого г. Орла. Уже в 1594 г. Курбат Сазонович Каурин владел 50 десятинами земли в Орловском уезде. Согласно документам, удостоверявшим древнее дворянское происхождение Какуриных, значилось, что «Какурин Порфирий Иванович служил в 1677-1679 гг. в полковой сотенной службе и имел поместный оклад в 1000 четвертей и денежный в 67 рублей с полтиной, да крестьян в Карачевском уезде в разных деревнях». Его двоюродный брат Какурин Степан Ермолаевич в те же годы служил в копейщиках. В последующие годы, десятилетия и века продолжали Какурины служить по военной службе и получили земли в Орловском, Мценском уездах. Уже в 19 веке семейство это в Орловской губернии было весьма многочисленным и разветвленным. Какурины чинами не блистали, но делами во славу отечества отличались. Николай Михайлович Какурин, штабс-капитан Ширванского пехотного полка оказался в числе особо отличившихся в Бородинском сражении во время атаки на захваченную французами батарею Раевского, будучи под командою своего, куда более знаменитого земляка-орловца, генерала А.П.Ермолова, будущего «покорителя Кавказа». Поручик же Семен Федорович Какурин в 1822 г., по поручению Орловского губернатора Шредера, составил план городского сада в Орле, положенный в основу разбивки ныне существующего и известного всем орловцам «тургеневского парка». Многие Какурины получили военное образование в Орловском Бахтина кадетском корпусе. В их числе и сын упомянутого выше героя Бородинского сражения и отец Н.Какурина, Евгений Николаевич Какурин. – ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 64, Дворянская родословная книга Орловской губернии, ч. 6, «Родословная и доказательства рода Какуриных», л. 56-57, 157, 166, 179, 182; д. 67, «Алфавитный указатель лиц, внесенных в дворянскую родословную книгу Орловской губрнии.

[784] «Список лиц с высшим военным образованием… на 1 марта 1923 г.». - С. 95-96.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

чески настроенной части русского общества и армии. Этот период жизни Н.Какурина изучен сравнительно плохо. Известно, что с 1918 по конец 1919 г. он находился в составе так называемой Галицийской армии[786]. После ее поражения и в период отступления деникинских войск с Украины Н.Какурин, очевидно, со многими частями Галицийской армии, перешедшими на сторону «красных», оказался, как полковник Генштаба, в распоряжении начальника Всероглавштаба[787]. Оттуда, 14 июля 1920 г. он был направлен на Западный фронт в распоряжение начальника штаба 16-й армии. 25 июля Н.Какурин был назначен начальником штаба 8-й стрелковой дивизией. Вскоре он стал командиром 10-й стрелковой дивизии[788]. Замеченный М.Тухачевским[789] Н.Какурин назначается временным командующим 4-й армией (с 17 октября), а затем (с 24 октября) – командующим 3-й армией. Оценивший выдающиеся оперативные способности Н.Какурина, командующий Западным фронтом М.Тухачевский назначает его в конце декабря 1920 г. своим 2-м Помощником[790].

Особенно сблизились они в период подавления Тамбовского восстания, когда Н.Какурин занимал должность начальника штаба войск Тамбовской губернии, которыми командовал М.Тухачевский[791]. В июле – сентябре 1921 г. Н.Какурин, оставаясь подчинении М.Тухачевского, успешно руководит группой войск Витебского района (в составе Западного фронта) по ликвидации бандформирований. После сравнительно кратковременного пребывания вместе с М.Тухачевским в Военной Академии РККА в должности Главного руководителя по тактике[792], 25 марта 1922 г. Н.Какурин назначается командующим войсками Бухаро-Ферганского района в составе Туркестанского фронта а 17 июня -

---

[785] «Список лиц с высшем военным образованием...». - С. 96.
[786] Ненароков А.П. Историк гражданской войны. //Военно-исторический журнал. – 1965. - № 11. - С. 43; См. также вводную статью Ненарокова А.П. к изданию: «Какурин Н.Е. Как сражалась революция. - М., 1990. - Т. 1. - С. 4-5.
[787] «Список лиц с высшим военным образованием... на 1 марта 1923 г». - С. 96.
[788] Там же; См. так же «Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922). - Т. 4. - С. 559, 560, 535-536.
[789] Очевидно, по рекомендации командарма-16 Н.Соллогуба.
[790] «Список лиц с высшим военным образованием...». - С. 96.
[791] Там же.
[792] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

помощником командующего войсками Туркестанского фронта[793]. Впрочем, в этой должности он пробыл недолго. В связи с тяжелым и хроническим заболеванием лихорадкой его эвакуируют в Москву. Здесь он вскоре, в конце 1922 г. оказывается в должности старшего руководителя по тактике Военной академии РККА[794]. Оставаясь в этом качестве и в последующие годы, Н.Какурин получает в качестве служебного совмещения с 1923 г. должность начальника отделения (части) по истории гражданской войны в Уставном отделе Оперативного управления Штаба РККА[795].

Н.Какурин пережил свою драму «хождения по мукам», свою «белую гвардию». Он был и против «красных», и среди «галицийцев», и в составе Красной Армии выполнял патриотический долг в советско-польской войне, и участвовал в кровавом подавлении «крестьянской войны», и в Туркестане воевал за целостность «имперского пространства России». Его дореволюционный духовный настрой, видимо, являл собой монархический и великодержавно-патриотический традиционализм, свойственный ментальности русского офицера. Однако привычная психо-ментальная ориентация Н.Какурина, пронизанная и деформированная опытом гражданской войны и личной драмы человека и русского офицера, нашла, видимо, оптимальную адаптацию к «новой России» в так называемом «бонапартизме», воплотившемся в «легенде» и личности М.Тухачевского. Очевидно, и этот фактор сыграл свою роль в решении Н.Какурина стать в 1921 г. членом РКП (б). Будучи человеком незаурядным, выдающимся офицером Генерального штаба, преподавателем Военной академии РККА и плодовитым военным ученым, историком и теоретиком, Н.Какурин стал главным создателем «образа Тухачевского». Созданный в основных своих чертах именно Н.Какуриным, этот «образ» способствовал формированию с 1921 г. устойчивой самоидентификации М.Тухачевского и идентификации его в общественном мнении.

В каких же «значениях» был сконструирован «образ Тухачевского»?

---

[793] «Списко лиц с высшим военным образованием...». – С. 96..
[794] Там же.
[795] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В 1921 г. Н.Какурин назвал М.Тухачевского «одним из наших военных авторитетов, чутко откликающихся на все новые явления в области военной жизни»[796]. Работу М.Тухачевского «Стратегия национальная и классовая» Н.Какурин назвал «чрезвычайно интересной и открывающей обширные горизонты,... единственной в своем роде попыткой установить и ввести ряд новых понятий в... стратегию»[797].

«Варшавский поход Красной Армии» под предводительством М.Тухачевского Н.Какурин называл «одной из блестящих страниц» истории Красной Армии и «мировой военной истории»[798]. Он сопоставлял в пользу М.Тухачевского его поход с «походами революционных армий первой Французской республики». Иными словами, сравнивал М.Тухачевского, ставя его выше, с генералами французской «революционной армии», т.е. и с Бонапартом. В 1924 г. Н.Какурин утверждал, что «вехи будущей пролетарской стратегии с достаточной четкостью намечены в трудах М.Н.Тухачевского»[799].

Примечательно, что, если вышецитированное мнение его о работе М.Тухачевского «Стратегия национальная и классовая» в 1921 г. он высказал через издательство Западного фронта, то в 1924 г. это было сделано уже через главный военно-теоретический журнал Красной Армии «Военная мысль и революция». Если в 1921 г. он говорит о «брошюре» М.Тухачевского, то в 1924 г. о «трудах М.И.Тухачевского».

В 1928 г. Н.Какурин утверждал решающую роль в разгроме армий адмирала Колчака Златоустовского сражения. «Златоустовское сражение от начала до конца было проведено товарищем М.Н.Тухачевским»[800]. Н.Какурин писал об «искусном маневре» «товарища Тухачевского»[801].

В 1927 г. Н.Какурин сформулировал уже развернутую оценку специфики гражданской войны и определил в ней роль М.Тухачевского.

---

[796] Какурин Н.Е. Стратегия пролетарского государства. - Смоленск, 1921. - С. 8.
[797] Там же.
[798] Какурин Н.Е. На пути к Варшаве. //Революция и война. – 1921. - № 4-5. - С. 120.
[799] Какурин Н. Замысел и подготовка революционной операции. //Военная мысль и революция. – 1924. - № 7. - С. 2.
[800] Какурин Н.Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. - М., 1928. - С. 64-65.
[801] Там же, с. 65.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

« Тактическая подготовка Красной Армии, - писал он, - слагалась под влиянием двух данных: с одной стороны военной доктрины, основывающейся главным образом на опыте мировой войны и находившей свое определенное выражение в действующих уставах, а с другой стороны, под влиянием, так сказать, творчества мест, искавших научного оформления тех способов и приемов действий, которых требовала своеобразная обстановка маневренной войны на растянутых фронтах. Наиболее полное и законченное выражение эти взгляды приобрели у командующего Западным фронтом тов. Тухачевского». Проведя краткий, но четкий анализ особенностей гражданской войны, как войны «маневренной», но «с растянутыми фронтами», Н.Какурин, обозначив М.Тухачевского как практика и как теоретика этой войны, указал: «Эти взгляды (М.Тухачевского), свидетельствующие о правильном понимании сущности и основ военного искусства, с большей или меньшей законченностью и четкостью были распространены и среди его ближайших сотрудников» [802].

Таким образом, Н.Какурин к 1927 году, как главный авторитет в научном осмыслении опыта гражданской войны, утверждал, что М.Тухачевский, во-первых, самый лучший полководец этой войны; во-вторых, что М.Тухачевский – главный теоретик этой войны; в-третьих, что имеется, можно сказать, настоящая «школа Тухачевского» – его «ближайшие сотрудники». К ним принадлежали в первую очередь И.Захаров, А.Виноградов, П.Ермолин, сам Н.Какурин, а также С.Будкевич, Р.Эстрейхер-Егоров, С.Корф, В.Садлуцкий. К указанным лицам можно добавить тех, кто также относился к бижайшим сотрудникам М.Тухачевского, хотя он и находились рядом с ним более короткое время. Это Н.Соллогуб, А.Готовский, М.Баторский, Е.Шиловский, Н.Варфоломеев.

Таков был «образ Тухачевского», созданный Н.Какуриным. Он способствовал самоидентификации М.Тухачевского в новом, послевоенном «контексте» своего «конкретно-исторического бытия». Это и были «признаки» его новой

[802] Какурин Н.Е. Стратегический очерк гражданской войны. (Машинопись). – М., 1927. – С. 8.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«тухачевской идентификации», определявшейся после Варшавской катастрофы.

Следует, однако, обратить внимание на еще один фактор. Когда известный русский философ давал в октябре 1923 г. генералу П.Врангелю характеристику лидерам Красной Армии, лишь об одном из них, о М.Тухачевском он сказал: «Очень честолюбив, фаталистичен..., может стать центром заговора»[803]. Не будучи близко знаком с советским «генералом», философ мог получить эту информацию лишь от генерала А.Зайончковского или подполковника И.Троицкого, которые, в свою очередь, несомненно пользовались сведениями, полученными от Н.Какурина. Вероятнее всего, только он мог с основанием делать выводы об этих качествах личности М.Тухачевского, близко и долго наблюдая последнего.

Итак, именно, по мнению Н.Какурина, М.Тухачевский был «очень честолюбив, фаталистичен» и «мог стать центром заговора». Это уже – политическая оценка и формируемая ею репутация «революционного генерала». Позволительно, таким образом, утверждать, что Н.Какурин оказался одним из создателей «легенды Тухачевского».

...Через Н.Какурина М.Тухачевский близко познакомился с Иваном Александровичем Троицким (1879-1939) подполковником Генерального штаба. Знакомство это, очевидно, произошло в 1921 г. во время подавления Тамбовского восстания[804]. В то время И.Троицкий являлся начальником оперативного отдела боевого участка, входившего в состав группы войск Тамбовской губернии, которой командовал М.Тухачевский. С Н.Какуриным И.Троицкий был знаком и дружен еще со времени учебы в Академии Генерального штаба[805]. Его мать, Мария Ивановна, урожденная Ханыкова, принадлежала к дворянам Орловской губернии. Так что, вполне возможно, предпосылки этих дружеских отношений были заложены еще их родителями. С 1922 г., будучи уже преподава-

---

[803] Ильин И.А. Записка о политическом положении.... //Русское прошлое. - № 6. – С. 220. Подробнее об этой записке см. ниже, а также в разделе «Наполеоновская легенда» в русском зарубежье».
[804] «Список лиц с высшим военным образованием...». - С. 231.
[805] Примечания А.П.Ненарокова ко 2-му тому издания: «Какурин Н.Е. Как сражалась революция». - М., 1990. – Т. 2. - С. 400. См. также: Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 105, 110.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

телем Военной Академии РККА, Н.Какурин с семьей проживал в доме, где жили и другие офицеры-преподаватели академии. В их числе был и И.Троицкий. Он жил вместе с матерью и сестрой Лидией Александровной, в замужестве Ронжиной. Отношения его с М.Тухачевским стали близкими дружескими особенно с августа 1921 г., когда он оказался, также, на преподавательской работе в Военной Академии. Впрочем, летом 1923 г. И.Троицкий был направлен военным атташе в Турцию, откуда возвратился только в 1925 г. По его собственным признаниям, «вернувшись из Турции, я восстановил связи с Тухачевским и Какуриным. У Тухачевского я сделался частым гостем. У него собирались почти каждый день...»[806]. М.Тухачевский тоже посещал квартиру И.Троицкого, был близко знаком с его матерью и сестрой[807]. «В двадцатые годы, когда мы иногда наезжали в Москву на неделю или на полторы и примащивались на это время у тетки – других возможностей не было, - вспоминал К.Симонов[808], - я видел пришедшего в гости к Ивану Александровичу (ее деверя звали Иван Александрович) высокого и красивого Тухачевского»[809].

И.Троицкий не был чисто военным человеком, хотя и являлся кадровым офицером с академическим образованием. Прежде этого, он окончил юридический факультет Московского университета. Официально к Генштабу он был причислен в 1922 г., «за особые заслуги»[810]. Это указывало на то, что он был выдающимся офицером и интеллигентным человеком.

Как и Н.Какурин, И.Троицкий до 1930 г. принадлежал к самым близким друзьям М.Тухачевского, несомненно, на него влиявшим и им восхищавшимся. «...Я являлся агитатором достоинств Тухачевского, - признавался позже И.Троицкий. – Восхвалял при всех удобных случаях его таланты...»[811]. Он, в свою очередь, столь же, несомненно, невольно ориентировался на их социально-политические, нравственные и интеллектуальные настроения.

---

[806] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 105.
[807] Там же, с. 110.
[808] Он приходился дальним родственником И.Троицкому.
[809] Симонов К. Глазами человека моего поколения. – С. 64.
[810] «Список лиц с высшим военным образованием...». - С. 231.
[811] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 105.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

...В августе 1921 г., став начальником Военной Академии РККА, М.Тухачевский непосредственно и лично познакомился с одним из профессоров этой академии, читавшим курс по стратегии, бывшим генералом-от-инфантерии А.М.Зайончковским (1862-1926). Свидетели вспоминали, что после одной из первых лекций по «стратегии революционной войны», прочитанной в академии М.Тухачевским бывший генерал отреагировал своеобразно. «Да! – покачивая головой, говорит мне Андрей Медардович Зайончковский. – Заставит меня этот Мишенька на старости лет прочитать «Капитал» вашего Маркса...»[812]. Впрочем, весьма близкие дружеские отношения между двумя «генералами» с разницей в возрасте в 30 лет сложились, видимо, несколько позднее, после возвращения из Туркестана Н.Какурина и благодаря ему, являвшемуся родным племянником генерала по матери, которая приходилась последнему родной сестрой[813]. Впрочем, Какурины и Зайончковские знали друг друга давно, как дворяне Орловской губернии[814]. Отец Н.Какурина, как и А.Зайончковский были выпускниками Орловского Бахтина кадетского корпуса[815]. Поэтому установленные матримониальные связи оказались не случайными. Н.Какурин был весьма близок к своему дядюшке. Он даже внешне был на него похож, что не могло не импонировать старому генералу.

Гвардейский генерал-от-инфантерии Генерального штаба Андрей Медардович Зайончковский, бывший командир л-г. Егерского полка, затем – Петровской бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, был известен еще до 1914 г.

«Я знал Зайончковского уже давно, - вспоминал генерал А.Брусилов, его близкий друг, - и считал его отличным и умным генералом. У него была масса недругов, в особенности среди его товарищей по службе Генерального штаба. Хотя вообще офицеры Генерального штаба друг друга поддерживали и тащили кверху во все нелегкие, но Зайончковский в этом отношении составлял исключение, и я редко видел, чтобы так нападали на кого-либо, как на него. Объяс-

---

[812] Корицкий Н.Н. В дни войны и в дни мира. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 97.
[813] ГАОО. Ф. 220.
[814] Там же, Ф. 68. Оп. 1. Д. 67.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

няю себе это тем, что по складу и свойству его ума, очень едкого и часто злого, он своим ехидством обижал своих штабных соратников.... Это был человек очень ловкий и на ногу не давал себе наступать, товар же лицом показать умел. Что касается меня, то я его очень ценил, считая его одним из лучших наших военачальников, не взирая на его недостатки»[816].

Приведенная характеристика отчасти совпадает с отзывом об А.Зайончковском (как, впрочем, и о самом А.Брусилове) его близкого знакомого, известного русского философа И.Ильина. «Брусилова и Зайончковского я знаю; оба старчески-хитры и трусливо-расчетливы...».

Хорошо знавший А.Зайончковского по совместной службе А.фон Лампе вспоминал, что это был «человек тонкого ума, очень честолюбивый, пользовался придворным влиянием... Иностранных гостей всегда присылали к нам, так как Зайончковский мог принять их как никто»[817].

В русском военном зарубежье отношение к А.Зайончковскому было выжидательное. «В академии, - записал А.фон Лампе 16 ноября 1922 г., - Зайончковский, который никогда не служил, сидел больше года в тюрьме, ведет себя хорошо»[818]. Убежденный, что переход А.Зайончковского на сторону большевиков, не более, чем политическая «мимикрия» с его стороны, А.фон Лампе в мае 1920 г. сделал в своем дневнике весьма примечательную запись, полную надежд на успех «белого дела» генерала А.Зайончковского. Узнав, что А.Зайончковский, вместе с А.Брусиловым и другими генералами, вошел в состав Особого совещания при Главкоме, он записал в дневнике: «...Цуриков приезжал в Екатеринодар, Зайончковский готовится быть с нами... Словом, коммунисты они маринованные...»[819].

Действительно, генерал А.Зайончковский неоднократно подвергался арестам в 1918-1920 гг. как член подпольных «контрреволюционных, белогвардейских» организаций. Первый раз он был арестован ВЧК по обвинению в шпио-

---

[815] ГАОО. Ф. 512. Оп. 1.: «Список бывших воспитанников Орловского-Бахтина кадетского корпуса, окончивших курс за время первого пятилетия, Приказ № 35.
[816] Брусилов А.А. Мои воспоминания. - М., 1943. - С. 163.
[817] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 11297.
[818] Там же, Д. 9. Л. 3340. См. также: Д. 24. Л. 11294 -11297.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

наже и контрреволюционной деятельности, но освобожден в январе 1919 г. за недоказанностью вины[820]. Вторично он был арестован в мае 1920 г., вскоре после назначения вместе с А.Брусиловым в состав Особого совещания при Главкоме в связи с начавшейся советско-польской войной также по подозрению в участии в «заговоре» против советской власти. Обвинение не было доказано и его вскоре освободили[821], хотя, судя по информации А.фон Лампе, какие-то основания для этого имелись. В третий раз А.Зайончковский был арестован в начале 1921 г. и освобожден в январе 1922 г. Видимо, на этот раз его конспиративная «контрреволюционная» деятельность была доказана. Однако он избежал наказания и был освобожден, скорее всего, согласившись стать «секретным сотрудником» ВЧК-ГПУ, каковым он был, начиная именно с 1922 г.[822]

А.фон Лампе, уже будучи в эмиграции, видимо, под впечатлением былой службы, весьма лояльно относился к генералу. Возможно, что он не потерял окончательно надежды на то, что А.Зайончковский сможет сыграть в благоприятных условиях свою положительную роль в победе «белого дела». «Я много мог бы написать о нем, - вспоминал А.фон Лампе своего бывшего начальника в связи с его смертью, - но менее всего я мог думать, что он пойдет к большевикам, да еще в строй. Это не было на него похоже. Может быть, что сыграло какую-нибудь роль то обстоятельство, что он был в личной дружбе с Брусиловым. Кстати, они и умерли почти одновременно»[823]. А.фон Лампе свидетельствовал о «ярко выраженных монархических убеждениях» А.Зайончковского, о его «дружбе с царем»[824]. Генерал А.Свечин, имевший репутацию «либерала», считал, что «Зайончковский, по методам своего мышления, представляет собой реакционера 80-х годов, восьмидесятника с ног до головы, и ни одной крупинки он не уступил ни Октябрьской революции, ни марксизму, ни всему нашему

---

[819] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 476.
[820] В.И.Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922). - М., 1975. - С. 139-140.
[821] Брусилов А.А. Мои воспоминания. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 10. - С. 72.
[822] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 101.
[823] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 11297.
[824] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

марксистскому окружению»[825]. Политическое руководство Военной Академии РККА полагало, что А.Зайончковский весьма «топорно» приспосабливался к советской власти и новой коммунистической идеологии («сочувствует коммунистической партии»)[826].

Как уже говорилось выше, личное дружеское сближение между М.Тухачевским и А.Зайончковским при активном содействии Н.Какурина наблюдается с 1922 г. По свидетельству дочери генерала, М.Тухачевский приходил в гости к А.Зайончковскому, особенно часто, видимо, в 1923-1924 гг.[827] На квартире А.Зайончковского в эти годы образовался своеобразный «салон», где персональным центром «стягивания» постоянных посетителей – родственников, друзей, приятелей – оказались А.Зайончковский и его племянник Н.Какурин. Достаточно близкие отношения между М.Тухачевским и А.Зайончковским, видимо, сохранялись до самой смерти генерала в марте 1926 г. Известно, что именно М.Тухачевский написал предисловие к исследованию А.Зайончковского, посвященному истории 1-й мировой войны[828]. Это было понятно и во многом объяснялось их единодушием в оперативно-стратегических взглядах. Как М.Тухачевский, так и А.Зайончковский разделяли наступательную концепцию «стратегии сокрушения»[829]. А.Зайончковский, как и его племянник Н.Какурин, поддерживал «стратегию революционной войны», выдвинутую М.Тухачевским[830].

К числу ближайших и долговременных сотрудников М.Тухачевского относился и Павел Иванович Ермолин (1884-1938). Он родился в семье отставного офицера и происходил из дворян Пензенской губернии[831], являясь, таким об-

---

[825] Стенограмма выступления А.Свечина в обсуждении доклада М.Тухачевского «О характере современных войн в свете решений 6 Конгресса Коминтерна. //Коммунистическая Академия. Записки. - М., 1930. - Т. 1. - С. 52.
[826] Военно-исторический журнал. – 1966. - № 9. - С. 117-118.
[827] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 110.
[828] В предисловии к исследованию А.Зайончковского «Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальних планов. М., 1926 г.», М.Тухачевский писал: «Самое изучение империалистической войны на русском фронте без ознакомления с книгой тов. Зайончковского будет затруднительным и неполным». – Указанное издание. - С. 14.
[829] Зайончковский А.М. Лекции по стратегии, читанные на Военно-академических курсах высшего комсостава и в Военной академии РККА в 1922-1923 гг., ч. 2. - С. 34-36.
[830] Там же, с. 47.
[831] См. РГВИА, Ф. 2584. Оп. 1. Д. 2756, 2822, Послужные списки Ермолина П.И., а также РГВА, ПС № 82387, 82388, 82389, 82390 Ермолина П.И.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

разом, «земляком» М.Тухачевского[832]. После окончания Симбирского кадетского корпуса П.Ермолин поступил в Александровское военное училище и был выпущен из него в 1904 г. подпоручиком в л-г. Семеновский полк[833]. Тот же путь проделал десять лет спустя и М.Тухачевский. П.Ермолин пробыл в л-г. Семеновском полку до 1910 г. Он поступил в Академию Генерального штаба, которую закончил в 1912 г. и в декабре этого же года был произведен в штабс-капитаны. До октября 1914 г. он все еще числился по спискам своего полка. Таким образом, он должен был быть знаком с М.Тухачевским не только по Пензе, но и по полку, и по фронту. Впрочем, в октябре 1914 г. П.Ермолин уже служил в армейских частях на штабных должностях[834]. С начала 1918 г. он оказался в составе Красной армии[835]. Здесь М.Тухачевский и П.Ермолин, - два земляка, два «александрона», два «семеновца» – встретились вновь. С конца ноября 1918 г. П.Ермолин был начальником штаба 5-й армии, которой с апреля 1919 г. командовал М.Тухачевский.

При весьма смутных обстоятельствах, которые нуждаются в отдельном исследовании, 27 июля 1919 г. П.Ермолин был смещен с должности в самый разгар побед 5-й армии[836]. Таким образом, никаких видимых причин оперативно-стратегического характера для его отстранения не было. Нет оснований видеть таковые причины и в каких-либо личных трениях П.Ермолина с командующийм армией М.Тухачевским. Наоборот, последующая военная карьера П.Ермолина свидетельствует об их весьма доверительных служебных отноше-

---

[832] Как известно, семья Тухачевских вплоть до 1909 г. жила в Пензе, а дед будущего маршала был уездным предводителем дворянства в Пензенской губернии. Скорее всего, семьи Тухачевских и Ермолиных были знакомы по Пензе.

[833] РГВИА, ПС Ермолина П.И.

[834] С ноября 1914 г. П.Ермолин был старшим адъютантом штаба 84-й пехотной дивизии. Затем, с октября 1915 и до 11 марта 1917 г. он – на должности исполняющего дела штаб-офицера для поручений при штабе 26-го армейского корпуса. После этого, в течение нескольких месяцев П.Ермолин занимал должность исполняющего дела начальника штаба 192-й и 111-й пехотных дивизий. Последняя должность в старой армии, которую занимал П.Ермолин до начала 1918 г. – начальник штаба 3-й пехотной дивизии. Он закончил службу в старой армии в чине подполковника Генерального штаба. – См. «Список лиц с высшим общим военным образованием...». - С. 75.

[835] Согласно послужным спискам П.Ермолина, в Красной Армии он оказался добровольно с мая 1918 г. Сначала он был прикомандирован, с мая 1918 г., к штабу Петроградского укрепленного района. Затем, в июне 1918 г. П.Ермолин был направлен в распоряжение управления начальника инженеров штаба 5-й армии. В этом штабе, с 20 октября 1918 г. он занимал должность начальника оперативного отдела, а с 22 ноября – стал начальником штаба армии. – См. РГВА, ПС № 82387, 82388, 82389, 82390 Ермолина П.И.

[836] Директивы командования фронтов Красной Армии (1918-1922). - Т. 4. - С. 537.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ниях. Возможно, его неожиданная отставка была связана каким-то образом с так называемым «заговором с Полевом Штабе РВСР», раскрытом в начале июля 1919 г. Дело в том, что П.Ермолин был отстранен от руководства штабом 5-й армии 27 июля 1919 г., а штатным руководителем практических занятий в Академию Генерального штаба он был назначен, согласно записи в послужном списке, лишь с 1 октября 1919 г., одновременно включенным в состав Военно-исторической комиссии[837], т.е. два месяца спустя. Если следовать записям в его послужном списке, в промежутке между исполнением должности начальника штаба 5-й армии и службой в академии, т.е. с 28 июля по 30 сентября 1919 г., П.Ермолин не занимал никакой должности, и не находился «в распоряжении РВСР или Главкома». Известно, что арестованный по этому же делу бывший Главком И.Вацетис находился под следствием до сентября 1919 г., т.е., примерно, в то же время, когда «вне службы» оказался и П.Ермолин. Направление его на преподавательскую работу в академию было тем более странно, что П.Ермолин был боевым офицером-генштабистом, в которых была большая нужда в Красной Армии, еще молодой (ему было всего 35 лет), в то же время он не имел соответсвующей военно-научной квалификации, для полезного использования на преподавательской работе в академии. Однако, в феврале 1920 г., по настоятельным требованиям только что назначенного командующим Кавказским фронтом М.Тухачевского, П.Ермолин поступает в его распоряжение. После этого, очевидно, высоко ценимый М.Тухачевским как штабной оперативный работник, старый приятель, однокашник и однополчанин, П.Ермолин следует за «красным Бонапартом» по всем ступенькам служебной лестницы. Всюду М.Тухачевский «тянет» за собой П.Ермолина вплоть до начала 1922 г[838]. С апреля по декабрь 1920 года он – помощник начальника штаба Западного фронта. С декабря 1920 по август 1921 года – он начальник штаба фронта. С переводом М.Тухачевского начальником Военной академии РККА, как выше уже отмечалось, П.Ермолин переводится туда же «в распоряжение начальника

[837] Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920). – С. 818-819. См. также «Список лиц с высшим общим военным образованием». - С. 75.
[838] См. РГВА, ПС Ермолина П.И. и «Список лиц с высшим общим военным образованием...». - С. 75.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

академии». Их пути разошлись лишь в конце января 1922 г., когда М.Тухачевский получил назначение вновь командующим Западным фронтом, а П.Ермолин остался на преподавательской работе в Военной академии РККА[839].

С введением, так называемой, таблицы «категорий» для военнослужащих РККА, П.Ермолину в 1924 г. была присвоена «категория – 10» (К-10)[840]. Это примерно соответствовало будущему персональному званию «комбриг» или «бригадному генералу». В 1926 г., в соответствии с проведенной аттестацией, П.Ермолин был квалифицирован и аттестован как « соответствующий занимаемой должности и должности наштакора»[841]. Весьма примечательная ремарка в аттестации, характеризовавшая личность П.Ермолина: «Предложить обратить внимание на желательность усиления активности в общественной работе»[842].

П.Ермолин был, таким образом, достаточно типичный профессионал-генштабист, военный специалист, стремившийся всячески отстраняться от общественно-политической деятельности. Может быть, это было следствием «урока» 1919 года?

В числе ближайших соратников, помощников и, в силу долговременного должностного положения, конфидентов, М.Тухачевского был подполковник Генерального штаба Анатолий Николаевич Виноградов (1882-19??). А.Виноградов, из семьи земского служащего, прошедший через окопы 1-й мировой войны, где он был трижды ранен и контужен, похоже, познакомился с М.Тухачевским еще весной 1918 г. в штабе обороны Москвы[843]. Вновь их судьбы соединились на Западном фронте в 1920 г. А.Виноградов был назначен в

---

[839] С 1 января 1922 г. П.Ермолин являлся старшим руководителем групповыми лекциями. Затем, с 1 октября 1922 г. – руководителем практических занятий по стратегии и тактике. С 1 августа 1923 г. П.Ермолин назначается штатным преподавателем по кафедре ведения операций. В 1930 г. ему присваивается звание « преподаватель высшего военного учебного заведения» и он назначается заведующим «циклом тактики». Трудно сказать, подвергался ли П.Ермолин аресту в 1930-1931 гг. по «делу Генштабистов» во время «операции – Весна». Это обстоятельство, естественно, не нашло отражение в послужных списках. Скорее всего, это так. Впрочем, последняя его должность в РККА – начальник кафедры Военной академии им.М.В.Фрунзе. В этой должности он был арестован 22 июля 1937 г., т.е. вскоре после «процесса Тухачевского» и, возможно, в связи с ним. П.Ермолин был осужден на 8-летнее заключение, и умер в тюрьме. – См. РГВА, ПС Ермолина П.И. и Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937-1938 гг. - М., 1998.

[840] РГВА, ПС Ермолина П.И.

[841] Там же.

[842] Там же.

[843] Там же, Послужной список № 42179, Виноградова А.Н.; Список лиц с высшим общим военным образованием. - С. 39.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

распоряжение штаба Западного фронта и с этого времени и до весны 1924 г. становится бессменным ближайшим сотрудником и доверенным лицом М.Тухачевского[844].

Сначала, в июне-ноябре 1920 г. он выполнял обязанности офицера для особых поручений при начальнике Оперативного управления штаба Западного фронта. А затем, состоял для особых поручений при М.Тухачевском. Часто, в период «польского похода» 1920 г. А.Виноградов исполнял обязанности начальника штаба фронта, в случае служебных отлучек последнего. А.Виноградов был рядом с М.Тухачевским и во время подавления Кронштадта, и в Тамбовской губернии, и в Военной Академии РККА, и вновь, на Западном фронте. Он неизменно сопровождал М.Тухачевского в служебных командировках в Москву и в Германию[845]. Учитывая сказанное об этом человеке и информацию штабных документов Западного фронта 1922-1924 гг., А.Виноградов был настоящей «тенью» М.Тухачевского, в определенной мере – его alter ego. В этом смысле, постоянно принимая активное участие в выработке решений командующего Западным фронтом, А.Виноградов, фактически, в эти годы выполнял функции реального помощника и заместителя М.Тухачевского по руководству фронтом. Это позволяет отнести А.Виноградова к числу, так сказать, «неформальных» членов советской военной элиты 1922-1924 гг. Их служебное сотрудничество прекратилось лишь в 1924 г., когда М.Тухачевский был переведен в Москву в Штаб РККА, а А.Виноградов в ноябре 1924 г. назначен помощником начальника отдела Управления по устройству войск ГУРККА[846]. На этой должности он оставался, во всяком случае, и в 1925 г.

А.Виноградов, пожалуй, пробыл дольше других близких сотрудников рядом с М.Тухачевским. В общей сложности – около пяти лет. Последующие их отношения проследить, к сожалению, не представляется возможным. Однако нет оснований предполагать, что они, хотя бы до 1930 г., стали невозможны. С ноября 1925 г. М.Тухачевский вновь оказался в Москве. Поэтому физических и

---

[844] Список лиц с высшим общам военным образованием. - С. 39.
[845] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 41, 99.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

географических препятствий для продолжения приятельских и служебных контактов между ними не было. Что касается нравственных, то слишком много совместных мыслей и действий связывали их в прошлом, чтобы узы приятельства между ними можно было резко прервать без грубого воздействия на них извне.

Весьма существенным фактом «анкетных данных» А.Виноградова было наличие у него старшего брата Михаила Николаевича Виноградова (1870-1960), генерал-майора, с конца 1917 г. оказавшегося в Добровольческой белой армии, «первопоходника», затем одного из генералов Вооруженных Сил Юга России и Русской армии генерала П.Врангеля. Он эвакуировался вместе с остатками войск генерала П.Врангеля, проживал в Югославии и состоял в РОВС[847].

К числу близких и долговременных сотрудников М.Тухаческого принадлежал еще один офицер – Николай Иванович Захаров (1885-1930). Капитан (по другим сведениям – подполковник), по рекомендации М.Тухачевского, в 1920 г. он был переведен в Генштаб. Впрочем, еще с лета 1917 г. И.Захаров занимал штабные должности в старой русской армии. С июня 1918 г. он, почти одновременно с М.Тухачевским, оказался в руководстве 1-й Революционной армией, заняв должность начальника оперативного отдела штаба армии. Вскоре, с июля 1918 г. И.Захаров стал, по рекомендации М.Тухачевского, начальником штаба армии. Он прослужил в штабе 1-й армии до марта 1920 г. Назначенный командующим Кавказским фронтом М.Тухачевский 4 марта 1920 г. вновь «забрал» к себе И.Захарова в качестве 1-го помощника командующего фронтом. На эту же должность он последовал за М.Тухачевским в апреле 1920 г., когда последний был назначен командующим Западным фронтом. О высоком доверии М.Тухачевского к И.Захарову и высокой оценке командных и штабных качеств последнего свидетельствует и назначение его временно исполняющим дела командующего Западного фронта – с марта по июль 1921 г. – когда М.Тухачевский проводил «кронштадтскую операцию» и командовал войсками Тамбовской губернии. Назначенный начальником Военной академии РККА

[846] РГВА, Послужной список № 42179 А.Н. Виноградова. Известно, что в 1925 г. А.Виноградов оставался в этой должности. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевский вновь «взял с собой» И.Захарова в качестве своего заместителя. В ноябре 1921 г. И.Захаров был назначен начальником Управления по комплектованию и службе войск Штаба РККА и оставался в этой должности до марта 1924 г. После реорганизации Штаба РККА с апреля 1924 г. и до конца жизни (он умер 19 октября 1930 г.) И.Захаров занимал должность заместителя начальника Учебно-строевого Управления ГУРККА.

Таким образом, И.Захаров и А.Виноградов, учитывая все вышеотмеченное, являлись ближайшими и самыми ценимыми долговременными сотрудниками М.Тухачевского, с которыми он не расставался начиная с гражданской войны и до конца 20-х годов.

Близким сотрудником и соратником М.Тухачевского, особенно в период советско-польской войны, был Н.В.Соллогуб. Отношения между ними, во многом благодаря Н.Какурину и А.Зайончковскому, поддерживались и в 20-е годы. Он обучался и окончил Николаевскую Академию Генерального штаба в 1910 г., одновременно с Н.Какуриным. Это обстоятельство способствовало возникновению их близких приятельских отношений, в том числе и с семейством генерала А.Зайончковского. Примечательно, что Н.Какурин, после перехода из Галицийской в Красную Армию, пройдя «фильтрацию», был направлен на Западный фронт в распоряжение командующего 16-й армией, каковым тогда, в 1920 г. был Н.Соллогуб. В составе штаба и войск 16-й армии, т.е. рядом и под начальством Н.Соллогуба, Н.Какурин оставался вплоть до октября 1920 г.

Николай Владимирович Соллогуб (1883-1937), из старинного дворянского рода польско-литовского происхождения (род Соллогуб-де-Войно был известен с 14 в.). после окончания Павловского военного училища в 1904 г. начал службу в лейб-гвардии 2-м Царскосельском стрелковом полку подпоручиком. После окончания в 1910 г. Николаевской Академии Генерального штаба он был направлен в 1913 г. в Виленский военный округ на должность помощника старшего адъютанта штаба округа. Там он познакомился с будущим Главкомом С.Каменевым. Впрочем, более длительный период его совместная с

[847] Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга Рос-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

С.Каменевым служба продолжалась в штабе 1-й армии. С.Каменев почти всю войну прослужил в этом штабе, в управлении генерал-квартирмейстера. Н.Соллогуб пробыл в этом штабе в должности штаб –офицера для поручений и помощника старшего адъютанта указанного отделения до ноября 1915 г. Это обстоятельство, несомненно, сыграло свою роль в дальнейшей судьбе Н.Соллогуба, в его службе в РККА. Последующая его служба проходила в гвардейских штабах, в штабе 11-й армии и в штабе Западного фронта. Он проявил себя выдающимся офицером-генштабистом.

Близкий друг и непосредственный его начальник генерал Б.Геруа оставил красноречивую, пространную и весьма любопытную характеристику Н.Соллогуба.

«Начальника отделения (оперативного), - вспоминал он много позднее, - приходилось просить со стороны, из числа офицеров, которые имели уже в этом деле опыт. В этом отношении мне очень повезло: предложили начальника оперативного отделения 1-й армии, составившего себе отличную репутацию. Это был подполковник Николай Владимирович Соллогуб, который, со своей стороны стремился перевестись в войска гвардии, - сам бывший гвардеец (начал службу в лейб-гвардии 2-м Царскосельском стрелковом полку)». Генерал Б.Геруа, сам вышедший из офицеров л-г. Измайловского полка, назначенный генерал-квартирмейстером штаба войск гвардии, так характеризовал личные качества Н.Соллогуба. «Это был умный, знающий, тактичный, уравновешенный человек и превосходный организатор, - писал он. – Ловкими своими руками он быстро слепил из имевшегося материала основное отделение штаба, постепенно завоевавшее себе авторитет и всеобщий почет. Вместе с тем он объединил вокруг себя подчиненную ему молодежь Генерального штаба, сделав для них работу приятной и интересной. Благодаря Соллогубу спокойная и уверенная атмосфера водворилась сначала в круге его непосредственного влияния, а затем ею заразились и соседи. С этим выдающимся офицером мне суждено бы-

---

сии. (Материалы к истории Белого движения). - М., 1997. - С. 65.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ло работать, с маленьким перерывом, вплоть до фактического окончания войны, то есть до осени 1917 г.»[848].

В Красной Армии Н.Соллогуб оказался с июня 1918 г.[849] До августа 1919 г. он успел прослужить и начальником штаба Восточного фронта, членом Высшей военной инспекции, начальником оперативного управления штаба Западного фронта. В августе 1919 г. он был назначен командующим 16-й армией Западного фронта, пробыв в этой должности вплоть до конца сентября 1920 г. В этом качестве он принял активное участие в «польском походе» М.Тухачевского, командуя главной ударной силой фронтовых войск. С начала октября и по декабрь 1920 г. Н.Соллогуб был начальником штаба Западного фронта, оказавшись, таким образом, одним из самых ближайших сотрудников М.Тухачевского.

О высокой оценке его военных способностей и боевого опыта, прекрасной репутации одного из «революционных генералов» свидетельствует назначение Н.Соллогуба в декабре 1920 г. начальником штаба Вооруженных сил Украины и Крыма.

Когда М.Тухачевский был назначен начальником Военной Академии РККА, он взял туда с собой, как человека с выдающимся боевым опытом гражданской войны, Н.Соллогуба. Впрочем, как и М.Тухачевский, он не долго оставался на преподавательской работе. Уже в декабре 1921 г. Н.Соллогуб возвращается на должность начальника штаба ВСУК. Летом 1922 г., когда возникла «тревога» и ожидания новой войны на Западном фронте, Н.Соллогуб вновь назначается под начало М.Тухачевского командиром 5-го стрелкового корпуса. С октября 1922 по ноябрь 1923 г. Н.Соллогуб был 2-м помощником командующего ВСУК и Украинского военного округа.

Политическая репутация Н.Соллогуба была весьма смутная. Вряд ли даже ВЧК-ГПУ имело изначально исчерпывающую информацию о политических симпатиях и антипатиях Н.Соллогуба. В связи с этим вопросом представляет серьезный интерес один факт из его дооктябрьской жизни.

---

[848] Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. - Париж, 1970. - Т.2. - С. 126.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Как вспоминал генерал Б.Геруа, «во второй половине августа (1917 года) ко мне приехал из штаба Деникина офицер Генерального штаба с конфиденциальным поручением нащупать почву, - готов ли я включиться в работу по скрытой подготовке к задуманному перевороту в пользу военной диктатуры. Так же, есть ли у меня люди, которые могли бы при этом помогать в штабе и в войсках, и верность которых была бы вне сомнения»[850]. Рассказывая далее, Б.Геруа сообщил: «Я сейчас же посвятил в дело Н.В.Соллогуба. Мы оба выразили свое согласие... Соллогуб, со своей стороны, привлек в конспирацию своих верных спутников со времени штаба войск гвардии и Особой армии, четырех офицеров, переведенных теперь в штаб 11-й армии. (Судя по штатному расписанию, это могли быть Ф.Афанасьев, Е.Шиловский, В.Любимов и В.Токаревский[851]. –

---

[849] Послужной список Н.Соллогуба см. в «Списке лиц с высшим общим военным образованием....». - С. 209.

[850] Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. - Т. 2. - С. 211.

[851] В связи с поставленным вопросом, считаю необходимым обратить внимание на некоторых лиц, которые состояли в то время в числе подчиненных и сотрудников аппарата генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии, т.е. Н.Соллогуба.

Это Афанасьев Федор Михайлович (1883-1935), полковник Генерального штаба, начальник связи штаба 11-й армии, затем старший адъютант генерал-квартирмейстера штаба армии.

Любимов Владимир Виссарионович (1881-1937), подполковник Генерального штаба, тогда помощник старшего адъютанта генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии.

Токаревский Вячеслав Константинович (1882-1929), полковник Генерального штаба, с декабря 1916 по октябрь 1917 г. старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии.

Шиловский Евгений Александрович (1888-1952), капитан Генерального штаба, в то время находившийся в отделении генерал-квартирмейстера и и.д. старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии.

Все указанные лица с 1918 г. находились в Красной Армии. В годы гражданской войны они занимали высшие штабные должности (начальники штабов армий и фронтов). Все они весьма вероятно были причастны к «корниловскому заговору». Трудно предположить, что генерал-квартирмейстер штаба 11-й армии Н.Соллогуб ведет «конспиративную» работу, а его ближайшие сотрудники, аппарат, ничего не ведает. Без ведома этих офицеров Н.Соллогуб не мог вести никакой оперативной и «конспиративной» работы. Прежде всего, такого рода подозрения касаются В.Токаревского и Е.Шиловского. Не исключено, что именно этих офицеров, на называя фамилий, имел в виду Б.Геруа, вспоминая о ближайших сотрудниках Н.Соллогуба, привлеченных последним к «заговору».

Сказанное выше приобретает еще большую значимость, если учесть, что Е.Шиловский, находясь с 1918 г. на службе в РККА, уже с октября 1919 г. и до октября 1920 г. был начальником оперативного управления штаба 16-й армии, которой в этот период как раз командовал Н.Соллогуб.

Несомненно, что по рекомендации Н.Соллогуба, назначенного с начала октября 1920 г. начальником штаба Западного фронта, Е.Шиловский был назначен начальником штаба 16-й армии.

Таким образом, давнее, дореволюционное сотрудничество этих офицеров, возобновилось и плодотворно продолжилось с 1919 г. Оба они оказались в кругу ближайших сотрудников М.Тухачевского.

В частности, Е.Шиловский был затем временным командующим 16-й армии, затем помощником начальника штаба Западного фронта и вместе с Н.Соллогубом привлечен в Военную Академию РККА М.Тухачевским в сентябре 1921 г., когда последний был назначен ее начальником.

Известно также, что, начиная с 1921 г. Е.Шиловский жил в одном доме с другими преподавателями академии. Его семья была дружна с семьей И.Троицкого. Надо полагать – и Н.Какурина. Известно также, что Е.Шиловский разделял военно-теоретические воззрения М.Тухачевского, в частности, был последователем и разработчиком оперативной концепции-теории «последовательных операций», выдвинутой М.Тухачевским. Во всяком случае, до конца 20-х гг. они придерживались единых позиций в оперативных взглядах.

Итак, в окружении М.Тухачевского, в лице Н.Соллогуба и Е.Шиловского, находились не только близкие соратники по «польскому походу», но и «заговорщики-корниловцы». И не столь важно, знал ли об их «корнилов-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

С.М.). Мы завязали небольшие ячейки в ближайших войсках и ждали указаний из штаба фронта. Таковых было мало»[852].

Как известно, «выступление генерала Корнилова» окончилось полной неудачей в самом начале. Начала работать следственная комиссия. Однако, естественно, далеко не все участники «корниловского мятежа» или причастные к нему были тогда выявлены и арестованы. Вызванные 1 сентября 1917 г. в следственную комиссию, Б.Геруа и Н.Соллогуб дали показания, однако, в силу, очевидно, непрофессионального ведения следствия, в их действиях ничего «преступного» обнаружить не удалось. «Мы были оправданы», - вспоминал Б.Геруа[853]. Оба «корниловца» возвратились на прежнее место службы в штаб 11-й армии.

Таким образом, Н.Соллогуб являлся участником «корниловского заговора», иными словами был одним из тех офицеров, которые стояли у истоков «белого движения».

Совершенно в духе «корниловских настроений» было поведение Н.Соллогуба сразу же после Петроградского вооруженного восстания и установления советской власти в Петрограде. Большевистскую революцию он, как и большинство других старших офицеров и генералов, встретил враждебно и принял участие в попытках противостоять ей на фронте. Он тогда, в октябре-ноябре 1917 г., занимал должность генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта. Примечательно, что никого из окружения Б.Геруа и Н.Соллогуба, тех сотрудников штаба, которых к «заговору» привлек Н.Соллогуб, не арестовывали и на допросы не вызывали.

ском» прошлом сам М.Тухачевский. Важно то, что эти люди однажды решились на военно-политическую «конспирацию». Они на нее были способны. Они имели соответствующие настроения на «военную диктатуру». Кто мог поручиться, что эти настроения исчезли, а не усилились.

[852] Там же, с. 212. В смутных обстоятельствах зарождения и организации «корниловского выступления» следственная комиссия «в потемках» подозревала очень многих офицеров в симпатиях, причастности и прямом участии в «деле Корнилова». В тогдашней революционной обыденности вообще всех офицеров считали реальными или потенциальными «корниловцами».

«Дошла очередь и до меня с Соллогубом, - вспоминал Б.Геруа. – Мы с Соллогубом были взяты под подозрение, о нас донесли в учрежденную следственную комиссию в Бердичев, а в ожидании вызова туда для снятия допроса мы очутились в положении поднадзорных». – Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. - Т. 2. - С. 212-213.

[853] Геруа Б.В. Указ соч. - С. 213.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Характеризуя окружение М.Тухачевского и останавливая столь пристальное внимание на Н.Соллогубе, нельзя обойти стороной еще одну личность, несомненно, принадлежащую к близким сотрудникам и единомышленникам указанных лиц.

Баторский Михаил Александрович (1890-1938), выпускник Пажеского корпуса, с 1909 г. – корнет л-г. Кирасирского Ее Величества полка. Он прослужил в полку до 1915 г. и в чине штаб-ротмистра, как окончивший в 1914 г. Академию Генерального штаба, продолжил службу в штабах высших соединений русской армии[854]. С 1916 г. он в основном служил в разных должностях в штабах войск гвардии. Там он впервые встретился с Н.Соллогубом. Там, видимо, возникли у них приятельские отношения, возобновившиеся позже во время службы в Красной Армии. Они служили вместе в штабе гвардейского корпуса и Особой армии в 1917 г. Однако близкое служебное сотрудничество между ними относится к 1919-1921 гг. Оказавшийся в Красной Армии с сентября 1918 г. М.Баторский с сентября 1919 г. занял должность начальника штаба 16-й армии, которой командовал Н.Соллогуб. Очевидно, их служебное сотрудничество было настолько плодотворно и боевое единомыслие, равно как и сложившиеся приятельские отношения, столь сильны, что, когда М.Тухачевский взял к себе в качестве начальника фронта Н.Соллогуба (в октябре 1920 г.), то последний забрал с собой из штаба 16-й армии М.Баторского. Он занял должность помощника начальника штаба фронта. Здесь в штабе фронта успешно сотрудничали в то время и Н.Соллогуб, и М.Баторский, и П.Ермолин. С уходом Н.Соллогуба в штаб ВСУК в декабре 1920 г. и назначением начальником штаба Западного фронта П.Ермолина М.Баторский сохранил за собой свою должность.

М.Баторский, как ранее отмечалось, подобно Н.Какурину в целом разделял и взгляды М.Тухачевского на «революционную войну». После ухода из штаба фронта П.Ермолина, его должность начальника фронтового штаба с ию-

---

[854] Михаил Александрович Баторский (1890-1938), из дворян Санкт-Петербургской губернии. После окончания Пажеского корпуса выпущен в 1909 г. корнетом в л-г. Кирасирский Ее Императорского Величества императрицы Марии Федоровны полк. В РККА с 1918 г. В 1935 г. ему было присвоено звание «комкор». 17 июля 1937 г. был арестован в должности начальника кафедры Академии Генерального штаба. Осужден и расстрелян 7 фев-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ня 1921 г. занял М.Баторский. Таким образом, он возглавлял штаб и при М.Тухачевском, и потом, после перевода последнего в Военную академию РККА, оставался в таковой должности и при исполнявшем обязанности командующего фронтом И.Н.Захарове.

Все это косвенным образом свидетельствует о единстве взглядов и единстве сотрудничества ближайшего окружения М.Тухачевского во время его командования Западным фронтом.

В декабре 1921 г. М.Баторский вернулся в Петроград на должность начальника Высшей кавалерийской школы (бывшего Николаевского кавалерийского училища), которую возглавлял до августа 1924 г.

Александр Николаевич Готовский (1888-19??) также принадлежал к ближайшим сотрудникам, соратникам и приятелям М.Тухачевского. После окончания Николаевского кавалерийского военного училища он был выпущен корнетом в л-г. Кирасирский Ее Величества полк, в котором прослужил вплоть до 1914 г.[855] Он, таким образом, был однополчанином ранее упоминавшегося М.Баторского.

Окончив в 1913 г. Академию Генерального штаба, А.Готовский накануне 1-й мировой войны был назначен обер-офицером при штабе 3-го армейского корпуса[856]. Вплоть до конца 1917 г. он прослужил на различных штабных должностях. Оказавшись в РККА с лета 1918 г., А.Готовский до мая 1919 г. служил в штабах войск Петроградского военного округа. Затем с мая 1919 до января 1920 г. он был, сначала помощником начальника Высшей кавалерийской школы в Петрограде (бывшее Николаевское кавалерийское училище), а затем - начальником оперативного управления штаба Южного фронта.

Его боевое сотрудничество с М.Тухачевским и, естественно, личное знакомство начались с весны 1920 г. на Западном фронте. Сначала А.Готовский был начальником Смоленских кавалерийских курсов, до января 1921 г. Затем,

---

раля 1938 г. – РГВИА. Ф. 3547. Оп. 1. Д. 139. Послужной список М.А.Баторского. См. также «Список лиц с высшим военным образованием….». - С. 22. См. также: Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937-1938. - С. 377.

[855] РГВИА. Ф. 3547. Оп. 1. Д. 128: Список офицеров л-г. Кирасирского Е В Марии Федоровны полка по старшинству на январь 1907 г.

[856] РГВА, Послужной список № 51338 Готовского А.Н.; Список лиц с высшим военным образованием. - С. 47.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

переведенный в Тамбовскую губернию, возглавил войска Борисоглебского уезда. С назначением М.Тухачевского командующим войсками Тамбовской губернии в мае 1921 г. А.Готовский, высоко ценимый новым командующим как кавалерийский начальник, был назначен начальником кавалерийского лагерного сбора Тамбовского района. После перевода М.Тухачевского в Военную Академию РККА, А.Готовский возвратился в Петроград на должность начальника 2-й Петроградской кавалерийской школы. В этом качестве он оставался до начала 1923 г.[857] В конце мая 1923 г. по не совсем ясным причинам А.Готовский был отстранен от должности и отправлен в распоряжение Штаба РККА, где находился до конца марта 1924 г. Последующая его военная карьера была малопримечательна. С марта 1924 и до 1930 г. он находился на преподавательской работе в Высшей пограничной школе ОГПУ[858], а в 30-е гг. служил в Управлении Механизации и Моторизации РККА при И.Халепском[859].

Следует отметить, что у А.Готовского было два брата: старший В.Н.Готовский, также бывший офицер императорской лейб-гвардии, затем генерал Генштаба, близкий друг генералов А.Зайончковского и А.Брусилова, и младший С.Н.Готовский, после 1917 г. служивший в белых армиях генералов А.Деникина и П.Врангеля. Последний умер в 1922 г. в Берлине. Старший же брат, В.Готовский подвергался аресту органами ГПУ по обвинению в «контрреволюционной деятельности». Он был также достаточно близко знаком с М.Тухачевским.

Что же касается других вышеперечисленных лиц из «группы Какурина-Зайончковского», то некоторые из них заслуживают также пространной характеристики.

Близким к генералу А.Зайончковскому человеком был Дмитрий Дмитриевич Зуев (1890- ?). Этот дворянин Псковской губернии был своим человеком в доме А.Зайончковского еще с давних дореволюционных времен. Его отец, генерал Д.П.Зуев, приятель и единомышленник А.Зайончковского в доре-

---

[857] РГВА, Послужной список № 51338 Гатовского А.Н.
[858] Там же.
[859] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 109.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

волюционных дискуссиях по военным вопросам[860], передал своему сыну по наследству благорасположение и дружбу в этом доме.

Выпускник Пажеского корпуса, свободно владевший немецким и французским языками, Д.Зуев начал свою военную службу подпоручиком л-г. Преображенского полка в 1909 г[861]. Несмотря на два ранения (в 1915 и 1916 гг.), военная карьера Д.Зуева складывалась весьма успешно. Возможно, сказывался авторитет и связи отца-генерала. Быть может и авторитет А.Зайончковского. Во всяком случае, в 1916 г. он был уже капитаном гвардии и командиром самой почетной, 1-й Е.И.В. («государевой») роты л-г. Преображенского полка[862]. На эту должность обычно назначались убежденные монархисты, люди с безупречной нравственной и политической репутацией, отличные строевики, лучшие гвардейские офицеры, исключительно преданные императору. К концу 1916 г. Д.Зуев стал, назначенный на должность полкового адъютанта, начальником штаба Л-г. Преображенского полка[863]. В 1917 г., 26 лет от роду, он был произведен в полковники гвардии и переведен в ставку Верховного Главнокомандующего – императора Николая 2[864]. Даже для человека, находящегося под высочайшим покровительством, это была блестящая карьера – гвардии полковник в 26 лет! Перевод из гвардии в армию, как правило, обеспечивал такого рода офицерам сразу же должность командира полка со скорым производством в генералы. Все это свидетельствовало не только о прекрасной карьере, но и, несомненно, о незаурядных способностях Д.Зуева. Однако все рухнуло в феврале 1917-го.

Несмотря на то, что бывший гвардии полковник Д.Зуев был зачислен в состав РККА еще в январе 1918 г., первое свое назначение, при этом с правом занимать лишь административно-командные должности, он получил лишь в

---

[860] Жилин П. Дискуссии о единой военной доктрине. (Из истории развития военно-теоретической мысли). – Военно-исторический журнал, 1961, № 5, с. 63.
[861] РГВИА, ф. 2583, оп. 2, д. 865. Л-г. Преображенский полк. Списки офицеров по старшинству на 1914 г. Зуев Д.Д.; РГВА, Послужные списки Д.Д.Зуева № 95125 (1924 г.) и № 95126 (25.4.1925 г.).
[862] РГВИА, 2583, оп. 2, д. 866, л-г. Преображенский полк, списки офицеров по старшинству.
[863] Там же.
[864] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сентябре 1919 г. «по личному распоряжению Л.Троцкого»[865]. Примерно до середины 1921 г. Д.Зуев служил в войсках Петроградского военного округа. Затем, возможно не без участия со стороны А.Зайончковского и Н.Какурина был направлен на Туркестанский фронт, в штаб Бухарско-Ферганской группы войск (с апреля 1922 г.), которой командовал Н.Какурин. Позднее опыт их совместной службы в Туркестане найдет отражение в их совместном исследовании, посвященном боевым действиям в Туркестане[866]. По возвращении из Туркестана в мае 1924 г. Д.Зуев был назначен помощником начальника отдела войсковой подготовки штаба Ленинградского военного округа[867]. С ноября 1925 г. он уже занимает должность начальника общего отдела инспектората ЛВО с присвоением «К-11»[868]. Впрочем, в скором времени, в 1926 г., возможно не без содействия А.Зайончковского и Н.Какурина, Д.Зуев переводится в Москву в 1-е Оперативное управление Штаба РККА под непосредственное руководство М.Тухачевского. Вполне возможно, однако, что этот перевод был осуществлен по инициативе самого М.Тухачевского, лично знавшего Д.Зуева, видимо, еще задолго до знакомства с Н.Какуриным и А.Зайончковским. Следует вспомнить, что в 1914 г. М.Тухачевский и Д.Зуев оба являлись младшими офицерами двух полков, входивших в одну, 1-ю гвардейскую пехотную (Петровскую) бригаду и принимали, как правило, участие в одних и тех же боях. Офицеры обоих полков находились в постоянном приятельском контакте друг с другом, особенно, - сверстники. Поэтому знакомство Д.Зуева и М.Тухачевского уже в августе 1914 г., вне всякого сомнения, имело место. М.Тухачевский, как правило, ставивший интересы дела выше личных связей, вряд ли, даже по просьбе лучших друзей мог найти «синекуру» для приятеля в Оперативном управлении Штаба РККА. Д.Зуев был ему интересен и как образованный, дельный специалист. В условиях развивавшегося советско-германского военного сотрудничества, в котором

---

[865] РГВА, послужной список Д.Д.Зуева № 95126 (25.4.1925 г.).
[866] Там же.
[867] Там же.
[868] Согласно принятой в 1924 г. должностной сетки для комсостава РККА, состоявшей из 14 категорий, «категория 11» («К-11») входила в 4-ю группу – «Высший комсостав» (категории 10-14) – и присваивалась, как правило, командирам дивизий или соответствовавшим этой должностям штабной или военно-административной

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевский играл не последнюю роль, ему особенно были нужны близкие и опытные, образованные сотрудники, особенно владевшие немецким языком. Д.Зуев в этом отношении был весьма ценным работником Штаба РККА. Уже в 1927 г. он, по рекомендации М.Тухачевского, был командирован в Германию[869].

Судьба Д.Зуева после отставки М.Тухачевского с должности начальника Штаба РККА в мае 1928 г. известна мне фрагментарно. Известно, что к 1930 г. он уже являлся преподавателем заочного отделения Военной академии РККА и в конце 1930 или в начале 1931 г. был арестован по «делу генштабистов»[870]. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Однако вряд ли имеются достаточные основания утверждать возникновение между ними в то время обязательно близких приятельских или дружеских отношений. Но было еще одно обстоятельство, которое, даже при наличии всех выше означенных, сыграло решающую роль в переводе Д.Зуева в Москву, в Штаб РККА, в число ближайших сотрудников М.Тухачевского.

В результате каких-то не до конца ясных обстоятельств, в 1923 г. Д.Зуев вынужден был согласиться выполнять функции нештатного «секретного сотрудника» ОГПУ, первоначально в рамках так называемой «операции «Трест»[871]. Затем, когда с 1924 г. ОГПУ приступило к агентурной разработки «дела – «Генштабисты», а с 1926 г. начало специальное агентурное наблюдение за М.Тухачевским, Д.Зуев, наряду с дочерью генерала А.Зайончковского, был специально уполномочен выполнять роль секретного агента ОГПУ, наблюдающего за поведением М.Тухачевского и регулярно о нем информирующего. В этих целях, конечно же, целесообразно было определить ему место службы рядом с начальником Штаба РККА.

Среди ближайших сотрудников и сослуживцев Н.Соллогуба и М.Тухачевского по службе в Красной Армии следует отметить еще одного. Это – Николай Ефимович Варфоломеев (1890-1939), штабс-капитан Генерального

службы. По нынешним воинским званиям «К-11» соответствовала примерно званию «генерал-майор» или «дивизионный генерал».

[869] РГВА, ф. 33987, оп. 3, д. 87, л. 125.

[870] Там же, ф. 37605, оп. 2, д. 1, л. 10-11.

[871] Военные архивы России. - Выпуск № 1. – С. 101.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

штаба. Начав службу в Красной Армии с марта 1918 г.[872], Н.Варфоломеев с октября 1919 г. служил помощником начальника оперативного отделения штаба 16-й армии, которой командовал Н.Соллогуб, а непосредственным его начальником в штабе был начальник оперативного управления штаба 16-й армии Е.Шиловский. Сотрудничество Н.Варфоломеева с Е.Шиловским и Н.Соллогубом было достаточно долгим. Свои обязанности он исполнял хорошо, поэтому с ноября 1919 г. уже возглавил оперативное отделение штаба армии, а с июня 1920 г. и до ноября 1920 г. он был начальником оперативного управления штаба армии. С июня 1921 г. Н.Варфоломеев был уже помощником начальника оперативного управления штаба Западного фронта, находясь в непосредственном штабном окружении М.Тухачевского. Назначенный в ноябре 1921 г. 1-м помощником начальника штаба Западного фронта Н.Варфоломеев оставался таковым вплоть до декабря 1922 г., до момента своего ареста. Впрочем, об этом будет говориться отдельно и специально в соответствующем параграфе.

В дополнение к сказанному, необходимо отметить, что Н.Варфоломеев был единомышленником Е.Шиловского и М.Тухачевского в разработке теории «последовательных операций». Трое упомянутых лиц в 1926 г. даже издали свой совместный труд, посвященный разработке указанной теории. Кроме того, немаловажно, что М.Тухачевский, ставший с августа 1924 г. Главным руководителем по стратегии всех академий РККА, привлек в качестве своего заместителя по этой должности именно Н.Варфоломеева (с начала 1925 г.).

Среди близких приятелей М.Тухачевского в первой половине 20-х годов следует указать и Владимир Константинович Садлуцкий (1885-19??), из обрусевших поляков, подполковник артиллерии, подобно М.Тухачевскому, выпускник Александровского военного училища (1905). Выпущенный в войска в 1905 г. подпоручиком артиллерии, В.Садлуцкий в феврале 1918 г. вступил в РККА и стал тогда же членом РКП (б). В 1918-1919 гг. на высших командных должностях по артиллерии он воевал на Восточном, «колчаковском» фронте в составе

[872] См. РГВА, Послужной список Н.Е.Варфоломеева. См. также «Список лиц с высшим образованием....». - С.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

3-й армии. С 1920 по март 1924 г. В.Садлуцкий был начальником артиллерии 3-й армии Западного фронта, а с апреля 1921 г. – начальником (инспектором) артиллерии фронта. С переводом М.Тухачевского в руководство Штаба РККА. В апреле 1924 г., В.Садлуцкий также был переведен в центральный аппарат, став начальником Артиллерийского Управления РККА, оставаясь в этой должности до мая 1925 г.

Если опираться на воспоминания Л.Норд, в 1922-1924 гг. М.Тухачевский и В.Садлуцкий находились в весьма близких приятельских отношениях. Вообще в этот период времени М.Тухачевский очень был увлечен проблемами применения артиллерии. Несомненно, в этом деле заметно было сильное влияние В.Садлуцкого. На близкие служебно-приятельские отношения между ними косвенно указывает и факт перевода В.Садлуцкого вместе с М.Тухачевским в центральное руководство РККА в апреле 1924 г.

В числе ближайших сотрудников М.Тухачевского, которых он весьма высоко ценил, следует обязательно отметить Семена Андреевича Пугачева (1889-1939) и Александра Васильевича Павлова (1880-1937).

Хорошие служебные и приятельские отношения сложились у М.Тухачевского еще с 1919 г. с Александром Васильевич Павловым (1880-1937). Из белорусских крестьян, агроном, офицер военного времени (поручик в 1917 г.), А.Павлов был назначен М.Тухачевским командиром 27-й стрелковой дивизии весной 1919 г. Во главе этой дивизии он весьма отличился в составе 5-й армии, которой командовал М.Тухачевский. М.Тухачевский высоко ценил боевые и полководческие способности А.Павлова. После своего «восточного похода» он постоянно «тянет» к себе А.Павлова: на Кавказский фронт, где последний командовал 10-й армией; на Западный фронт, где А.Павлов командовал особой сводной группой. Наконец, в 1922-1924 гг., когда М.Тухачевский вновь командовал Западным фронтом, А.Павлов был в его непосредственном подчинении в качестве командира 4-го стрелкового корпуса. Характеристика, данная М.Тухачевским А.Павлову в это время, красноречиво подтверждает

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вышесказанное. «Выдающийся работник, - писал М.Тухачевский о А.Павлове. - Обладает блестящим оперативным мышлением. Характера твердого и смелого. В походной жизни вынослив, искренне революционно настроен и предан Советской власти. Много работает в военно-научном деле. Вполне достоин и вполне подготовлен к должности командарма и командокра»[873]. Впрочем, пути их близкого сотрудничества весной 1924 г. разошлись. М.Тухачевский уехал в Москву на должность помощника начальника Штаба РККА, а А.Павлов вскоре был назначен помощником командующего Западным военным округом. В феврале 1926 г. он был переведен на ту же должность в Приволжский военный округ, что было фактическим явным понижением. В 1931 г. он был перемещен на преподавательскую работу в Военную Академию РККА.

В близком окружении М.Тухачевского находились также Г.Гай, А.Колесинский, Р.Эстрейхер-Егоров.

Нет необходимости слишком пространно останавливаться на фигуре Гая Дмитриевича Гая (Бжишкян) (1887-1937)[874].

Одаренный военачальник-самородок, за храбрость награжденный в период 1-й мировой войны «георгиевскими крестами» и произведенный в офицеры (последний чин – штабс-капитан), он стал ближайшим соратником, подчиненным и близким другом М.Тухачевского еще с начала их общей военной карьеры в Красной Армии – с лета 1918 г. на Восточном фронте. Как известно, их военные судьбы пересекались и переплетались неоднократно. В 1918 г. на Восточном фронте против «чехословаков» Г.Гай командовал 24-й стрелковой Железной дивизией в составе 1-й Революционной армии М.Тухачевского. На Западном фронте в 1920 г. Г.Гай вновь под началом М.Тухачевского командовал 3-м кавалерийским корпусом. В 1923-1925 гг., там же, на Западном фронте и Западном военном округе, Г.Гай снова оказался под началом М.Тухачевского. Он командовал 7-й кавалерийской дивизией, а затем 3-м конным корпусом. Это был прославленный и весьма известный в те годы «герой гражданской вой-

[873] Цитируется по: Краснопольский Н.В. Орел молодой. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 153.
[874] См. Айрапетян Г.А. Железный Гай. - М., 1980.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ны». Он поддерживал тесные связи со своими сослуживцами, соратниками по указанным соединениям, в том числе, со своим приятелем и почти бессменным начальником своего штаба Э.Вилумсоном.

Судя по вышецитированным фрагментам воспоминаний, некоторые сотрудники штаба 24-й стрелковой дивизии Г.Гая также входили в близкое окружение М.Тухачевского в 1925-1930 гг.

В числе друзей и частых посетителей квартиры М.Тухачевского Н.Какурин упоминает некого «Колесинского»[875].

Это Колесинский Алексей Казимирович (1887- ?), поляк (видимо, из обрусевших), хотя в послужном списке он назвал себя великорусом, уроженец Санкт-Петербурга, из мещан. Родился в семье канцелярского служащего и получил образование с Петербургской 6-й гимназии, а затем к 1912 г. – высшее юридическое образование в Санкт-Петербургском и Дерптском университетах. Свободно владел французским и немецким языками[876]. Одним словом – это был высокообразованный и культурный человек.

Будучи прапорщиком запаса (с 1913 г.), в период 1-й мировой войны он был призван в армию и в 1917 г. был поручиком в Главном Судном управлении Военно-морского флота. Как человек с высшим юридическим образованием, он первоначально, видимо, не имел намерений делать карьеру в Красной Армии. Беспартийный (каковым он оставался и в дальнейшем), в РККА он оказался лишь в марте 1919 г. по мобилизации. Уже в апреле 1919 г. он был назначен на должность младшего помощника начальника штаба 27-й стрелковой дивизии в составе 5-й армии, оказавшись на Восточном фронте, таким образом, одновременно с М.Тухачевским[877]. В штабе 27-й стрелковой дивизии А.Колесинский оставался вплоть до декабря 1923 г. В 1920 г. он стал старшим помощником начальника штаба, одновременно являясь начальником оперативной части штаба, а с сентября 1922 г. - начальником штаба дивизии.

---

[875] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 103.
[876] РГВА, Послужной список А.К.Колесинского.
[877] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Он был, таким образом, участником победоносного «восточного похода» М.Тухачевского, «польского похода», взятия Кронштадта. Все это время А.Колесинский являлся ближайшим сотрудником начальника штаба 27-й стрелковой дивизии П.Шаранговича и ее командиров – А.Павлова и В.Путны.

В весьма смутных обстоятельствах декабря 1923 г. А.Колесинский был переведен временно исполняющим дела начальника штаба 5-й дивизии (Западного фронта). Он оставался в этом качестве до марта 1925 г., когда был назначен начальником штаба 29-й стрелковой дивизии Западного военного округа. Впрочем, вскоре после перевода М.Тухачевского в Москву военная карьера А.Колесинского, можно сказать, была закончена. В 1926 году из боевых частей его перевели на должность военного руководителя Каменец-Подольского института народного образования[878]. Точных данных о дальнейшей судьбе А.Колесинского у меня в распоряжении нет. Во всяком случае, к 1930 г. он был уже в Москве.

Скорее всего, их дружба зародилась еще в 1919 г. и серьезно укрепилась особенно в период «кронштадтских событий» 1921 г. Интерес М.Тухачевского к образованным, интеллигентным людям, имевшим университетское или военно-академическое образование, был заметен. Он тяготел к ним гораздо больше, чем к военным профессионалам «до мозга костей». Этому, несомненно, способствовало и его домашнее полубогемное воспитание, и либеральный дух «александронов».

Среди упомянутых Н.Какуриным завсегдатаев «посиделок» у М.Тухачевского или Г.Гая был еще один человек, связанный с М.Тухачевским давними узами совместной службы и, судя по всему, -хорошими приятельскими отношениями. Это Эстрейхер-Егоров Р.А. Известно, что этот человек - австриец по фамилии Эстрейхер, бывший лейтенант австро-венгерской армии, в 1916 г. попавший русский плен, вступивший в 1917 г. в РКП (б) и взявший себе русский псевдоним – «Егоров». Известно также, что в 1918 г. он был начальником Особого отряда, а с августа 1918 г. – начальником разведывательного от-

[878] РГВА, Послужной список А.К.Колесинского.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

дела штаба 3-й армии. В июле 1919 г. он стал комиссаром Оперативного управления Полевого Штаба РВСР, а затем – комиссаром высших штабных курсов Западного фронта[879]. В штабе Западного фронта он оставался до 1921 г., сначала комиссаром Высших объединенных курсов, а затем комиссаром Оперативного управления штаба Западного фронта[880]. Последующая военная судьба Р.Эстрейхера-Егорова мне неизвестна. Ясно, что в 1925-1930 гг. он находился в Москве и часто бывал у М.Тухачевского, поддерживая с последним, таким образом, прежние дружеские отношения.

Весьма высоко ценил М.Тухачевский еще одного своего ближайшего сотрудника и подчиненного по Западному фронту. Это Семен Яковлевич Корф (1891-1970)[881]. Военная судьба этого человека для тех лет была неординарна. Ее отдельные этапы могли резко оборвать ход его военной карьеры, если бы, очевидно, не его незаурядные боевые качества. Уроженец Екатеринослава, летчик-штабс-капитан (1917 г.) С.Корф в 1919 г. оказался в армии адмирала Колчака, где оставался до января 1920 г.[882] Это обстоятельство, однако, не помешало ему, зачисленному в Красную Армию, возглавить на Западном фронте, сначала авиаотряд, а с августа 1920 г. стать начальником штаба ВВС Западного фронта[883].

М.Тухачевский после своего «польского похода», высоко оценивая С.Корфа как летчика и организатора авиации, брал его с собой и в Петроград, для проведения «кронштадтской операции», и в Тамбовскую губернию. Вновь возглавив Западный фронт, М.Тухачевский затребовал к себе в качестве начальника ВВС фронта С.Корфа, занимавшего к этому времени должность начальника ВВС Московского военного округа[884]. Их пути разошлись в конце 1923 г., когда С.Корфа отозвали в Москву, а спустя несколько лет перевели на преподавательскую работу, а затем – в Гражданскую авиацию.

---

[879] Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920). Сборник документов. - С. 835-836.
[880] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 195. Л. 43.
[881] Там же, Оп. 5. Д. 1194. Л. 45.
[882] Там же.
[883] Там же.
[884] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Одним из близких сотрудников М.Тухачевского, которого он высоко ценил, являлся Александр Иванович Кук (Кукк) (1886-1932). Эстонец, из крестьян, после окончания Юрьевского городского училища, А.Кук поступил в Санкт-Петербургское юнкерское училище. Выпущенный в 1909 г. подпоручиком в 1-й Восточно-Сибирский полк, А.Кук был произведен в поручики в 1914 г., уже на фронте, после начала 1-й мировой войны. С февраля 1916 г., будучи штабс-капитаном, он впервые оказался среди сотрудников штаба 4-го армейского корпуса. Неоднократно награжденнвй и проявивший способности и склонность к штабной службе, А.Кук в январе 1917 г. направляется в Академию Генерального штаба. В Красной Армии А.Кук оказался в марте 1918 г. В основном он воевал, находясь на высших командных и штабных должностях, на Западном фронте. Он особенно отличился в должности начальника штаба 15-й армии и командарма-16 во время советско-польской войны. Именно в этот период его профессиональные и человеческие качества мог оценить М.Тухачевский. Нельзя сказать, что А.И.Кук был близким другом М.Тухачевского, однако именно по ходатайству последнего он был назначен в сентябре 1923 г. начальником штаба Западного фронта. Именно М.Тухачевский в 1927 г. дал А.Куку рекомендацию в партию.

А.Кука вряд ли можно было бы безоговорочно назвать членом той или иной «генеральской группировки», чьей-то «креатурой». Его ценили многие представители советской военной элиты как специалиста-профессонала, подчас лица, неприязненно относившиеся друг к другу или коих нельзя было бы назвать приятелями или доброжелателями. А.Кук заслужил, таким образом, высокую оценку и М.Тухачевского, и Б.Шапошникова, и А.Снесарева. Последний из названных, кажется отметил в своей характеристике А.Кука как раз те свойства его личности, которые и обеспечили ему вышеотмеченную репутацию в высшем комсоставе РККА. «Благодаря своему служебному и общежитейскому такту и выдержке, - писал генерал А.Снесарев, - он в то же время являлся весьма желательным и приятным помощником и сотрудником»[885].

[885] Военно-исторический журнал.- 1976. - № 1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

А.Кук довольно рано обнаружил качества, необходимые для военного дипломата и разведчика, еще в ходе гражданской войны, возглавляя разведотделы в штабах армий, участвуя в мирных переговорах в качестве военного эксперта. С 1921 по сентябрь 1923 г., ценимый как опытный работник военной разведки, А.Кук становится помощником начальника Разведуправления Штаба РККА.

Если говорить о его близких друзьях, то, из числа представителей военной элиты, это был, пожалуй А.Корк. Их происхождение и военные судьбы были сходны, а карьера часто взаимосвязанной.

Август Иванович Корк (1887-1937), эстонец, из крестьян, окончил Чугуевское военное пехотное училище, Николаевскую Академию Генерального штаба (1914), участник 1-й мировой войны, капитан (подполковник) Генерального штаба.

С 1918 г. А.Корк находился в Красной Армии. Первоначально на штабных должностях, но уже с 1919 г. А.Корк – командующий армиями.

Об А.Корке в это время вспоминал А.И Черепанов: «Подчеркнуто вежливый и пунктуальный, с виду даже мягкий, А.И.Корк на деле был волевым и твердым начальником. Если уж отдавал приказ, то добивался безупречного исполнения.... Августу Ивановичу Корку во всем была свойственна точность и аккуратность»[886]. Во время «польской кампании» 1920 г. М.Тухачевского А.Корк занимал должность командующего 15-й армии. «Корк – это моя гордость, - восторгался его действиями в этом качестве Главком С.Каменев в разговоре по прямому проводу с М.Тухачевским. – Как на каждом фронте есть всегда один из командующих, играющий первую скрипку, таковой скрипкой на Восточном фронте были вы, так у нас на Западном фронте Корк, а Уборевич – на Южном...»[887].

Таким образом, Главком сравнивал А.Корка с М.Тухачевским и И.Уборевичем, выдвигая всех трех в число лучших командармов Красной Армии.

---

[886] Август Корк. Документы и материалы. - Таллин, 1981. - С. 39-40.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В том же 1920 г. А.Корк успешно командовал 6-й армией Южного фронта, сыгравшей решающую роль в разгроме врангелевских войск. После этого М.Фрунзе оставил его под своим командованием в качестве командующего внутренним Харьковским округом до лета 1922 г. «Знаю с октября 1920 года. Крупный военный работник с большим опытом и отличной теоретической подготовкой, - так характеризовал его М.Фрунзе. – Обладает большой инициативой, огромной энергией и работоспособностью. Зарекомендовал себя прекрасно как командарм. Политически вполне лоялен, своему назначению соответствует вполне»[888]. Характеристика хорошая, однако, М.Фрунзе, как это видно из сказанного им выше, не считал А.Корка достойным выдвижения на должность командующего военным округом, как это иногда рекомендовалось в отношении некоторых других командармов.

«...Большой такт и выдержку, умение разбираться в сложных политических вопросах, энергию и упорно осуществлять поставленные перед ним задачи»[889], - как присущие А.Корку качества отмечал в нем начальник Разведуправления Штаба РККА Я.Берзин. «Характер твердый, решительный – продолжал свою аттестацию «генерала» Я.Берзин. - Во взаимоотношениях иногда слишком официален и суховат. Весьма аккуратен и дисциплинирован. Безусловно, честен и предан делу. Политически достаточно развит. Военное дело любит....»[890]. К.Ворошилов утверждал: «Август Иванович Корк – честнейший человек...»[891]. Но были и иные оценки. Маршал И.Конев считал А.Корка человеком «средних способностей, образованным, знающим, выдержанным, но не блиставшим сколько-нибудь заметными дарованиями»[892]. Скептически относился к способностям А.Корка и другой маршал – К.Мерецков. «Вынужден отметить, - вспоминал он, - что совместная служба с новым командующим войсками округа А.И.Корком не производила на меня столь благоприятного впе-

---

[887] РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 387. Л. 386; См. также: Август Корк. Документы и материалы. - С. 43.
[888] Там же, с. 85.
[889] Август Корк. Документы и материалы. - С. 128.
[890] Там же.
[891] Черепанов А.И. Строители Красной Армии. //От Зимнего до Перекопа. Сборник воспоминаний. - М., 1978. - С. 50-51.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

чатления, как ранее служба вместе с К.Е. Ворошиловым, Г.Д.Базилевичем и И.П.Уборевичем. Я не воспринял от своего непосредственного начальника почти ничего, что содействовало бы моему дальнейшему росту и улучшению военно-профессиональной подготовки.... Меня раздражала, например, непоследовательность Корка в приказах, порой проистекавшая из его забывчивости. Он любил для памяти заносить кое-что в записную книжечку, а в другой записной книжечке, являвшейся чем-то вроде указателя к первой, отмечал, где и что у него записано. И все же путаница получалась. Досадовал я на то, что командующий мог сообщать вышестоящим лицам непроверенные сведения»[893].

Оба маршала принадлежали к так называемой «школе Уборевича» и, вероятнее всего, придерживались того же мнения об А.Корке, что и их «учитель и воспитатель» И.Уборевич. Он, как известно, вообще с некоторым снисходительно-насмешливым пренебрежением относился к представителям «старой школы» – генштабистам старой русской армии[894].

Мнение же И.Якира об А.Корке, как о личности, было вообще отрицательным. «Я знал всегда, что Корк очень нехороший человек, чтобы не сказать более крепко», - заявлял И.Якир[895].

Нельзя обойти вниманием еще одного офицера-гвардейца, долгое время бывшего ближайшим сотрудником М.Тухачевского. Это генерал-лейтенант В.Чернавин.

Выпускник Павловского военного училища Владимир Всеволодович Чернавин (1859-1938) в 1877 г. стал подпоручиком л-г. 4-го Императорской фамилии стрелкового батальона и почти всю свою последующую карьеру про-

---

[892] Симонов К.М. Беседы с Маршалом Советского Союза И.С.Коневым. //Симонов К. Глазами человека моего поколения. - С. 395.

[893] Мерецков К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. - М., 1968 - С. 108-110.

[894] По воспоминаниям генерала С.Калинина, «способности И.П.Уборевича как военачальника, организатора обучения и воспитания войск, а вместе с тем и вдумчивого руководителя штабной работы были поистине неистощимы. Однако большому человеку, даже очень талантливому, нередко присущи и недостатки.

Не был в этом отношении исключением и Уборевич. При нем в округе существовало ничем не оправданное неофициальное деление старшего командного состава на две так называемые «школы» – старую и новую. Практически это выражалось в том, что часть командного состава (представители «новой школы») получала всевозможные привилегии, пользовалась особым уважением командующего, а другая часть (представители «старой школы, к которой Уборевич относил всех, чья точка зрения на обучение и воспитание войск не совпадала с его взглядами) находилась как бы в тени, далеко не всегда получала поддержку даже в осуществлении ценных начинаний». – Калинин С.А. Размышляя о минувшем. - М., 1963. - С. 118.

[895] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 45-46.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вел в составе и во главе гвардейских стрелков и в войсках императорской гвардии.

В.Чернавин, будучи «коренным» гвардейским стрелком, пройдя путь от подпоручика до полковника, командира л-г. 4-го стрелкового Императорской фамилии полка, затем командира 2-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии, стал начальником этой дивизии в чине генерал-лейтенанта и, наконец, в 1917-м – командиром 2-го гвардейского пехотного корпуса. Вместе с войсками корпуса он еще в ноябре 1917 г. перешел на сторону советской власти.

Во время гражданской войны В.Чернавин занимал должности командира стрелковой дивизии, 8-й армии, инспектора пехоты при Полевом Штабе РВСР. С апреля 1919 г. он назначается инспектором пехоты Западного фронта. В этом качестве он оставался во время «польского похода» М.Тухачевского, а с назначением последнего вторично командующим фронтом в начале 1922 г., В.Чернавин становится помощником М.Тухачевского. Он был переведен в распоряжение РВС СССР только после смещения М.Тухачевского с должности командующего.

Среди лиц, окружавших М.Тухачевского, был ряд друзей и приятелей совершенно особого склада ума, настроений и политических ориентаций. Это – революционеры, коммунисты – поляки. Один из них – Томаш Домбаль (1890-1938). Он был польским революционером, известным деятелем международного крестьянского движения. Во время 1-й мировой войны он служил в австро-венгерской армии офицером-легионером. В 1918 году руководил крестьянским революционным движением в Средней Галиции и стоял во главе «Тарнобрекской республики». С 1921 г. стал членом коммунистической партии Польши, депутатом сейма. В том же году был приговорен к тюремному заключению за выступления в защиту СССР. В 1923 г. по обмену заключенными Т.Домбаль приехал в СССР. Он вошел в руководство МОПР, затем, с 1930 г. стал заместителем Генерального секретаря Крестинтерна и секретарем Аграрной комиссии ИККИ. Редактировал газету на польском языке «Советская трибуна». В конце

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

1936 г. Т.Домбаль был арестован как польский шпион и умер в заключении. Спустя свыше двадцати лет его реабилитировали.

Арестованного в 1937 г. М.Тухачевского обвиняли, в частности, и в шпионских связях с Т.Домбалем. Поэтому в следственных показаниях маршала содержатся достаточно любопытные его признания об отношениях с Т.Домбалем.

«Около 1925 г., - показывал М.Тухачевский в 1937 г., - я познакомился с Домбалем, командуя в то время Белорусским военным округом. Встречи и знакомства были короткие, если не ошибаюсь, в поезде, по пути из Минска в Смоленск. В дальнейшем, когда я был начальником штаба РККА, Домбаль возобновил свое знакомство. Во все эти встречи Домбаль постоянно возвращался к вопросам о войне между Польшей и СССР, говорил о том, что его, Домбаля, авторитет в рабочем классе Польши велик, что помимо того довольно значительные слои польского офицерства не сочувствуют Пилсудскому и что в этих слоях он также имеет большие связи, что он уверен в том, что в будущей войне наступающая Красная Армия встретит полную польскую пролетарскую революцию. Домбаль говорил, что он офицер-пулеметчик и всегда проявлял исключительный интерес к военному делу и к подготовке войны»[896].

Учитывая, что это были следственные показания, данные в весьма специфической обстановке и при тенденциозном отношении к нему следователей НКВД, тем не менее, следует отметить, что информация, сообщенная М.Тухачевским о его отношениях с Т.Домбалем, в сущности, никакого криминала не содержит. Правда, вызывает некоторое недоумение то обстоятельство, что М.Тухачевский утверждает начало своего знакомства с Т.Домбалем 1925 г., не ранее февраля месяца, когда он приступил к своим обязанностям командующего Западным округом. Однако М.Тухачевский и Т.Домбаль познакомились гораздо раньше. Гораздо раньше, по признанию самого Т.Домбаля, между ними возникла крепкая дружба. «Настоящую статью посвящаю как доказательство нашей сердечной дружбы дорогому товарищу Михаилу Николаевичу Тухачевскому», - писал Т.Домбаль, публикуя свою статью «Военная политика

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Польши» в № 21 за 1923 г. журнале «Революция и война»[897]. Этот военно-научный журнал издавался под редакцией М.Тухачевского, С.Меженинова, Ф.Огородникова, М.Лузгина командованием и РВС Западного фронта.

В указанном номере журнала печатались статьи и другие материалы, поступившие в редакцию журнала к маю месяцу 1923 г. Следовательно, уже к маю 1923 г. М.Тухачевский и Т.Домбаль были, по выражению последнего, «сердечными друзьями», а М.Тухачевский для польского офицера и революционера был «дорогим товарищем». Почему следователи НКВД, инспирировавшие «признательные показания» М.Тухачевского 1937 г., игнорировали этот, можно сказать, очевидно, афишировавшийся факт? Почему они предпочитали, чтобы М.Тухачевский «начал дружить» с Т.Домбалем лишь с февраля 1925 г.? Сказать трудно. Во всяком случае, здесь я не буду задерживать внимание на исследовании этого вопроса. Ясно одно, М.Тухачевский и Т.Домбаль к маю 1923 г. уже были «сердечными» и «дорогими» друзьями.

Близкое сотрудничество, единодушие и солидарность в решимости вести наступательную «революционную войну», попытаться осуществить «революцию извне» связывало также М.Тухачевского с еще одним польским революционером Будкевичем Станиславом Ричардовичем (1887-1937)[898].

Уроженец Г.Лодзи, выпускник гимназии, во время эмиграции в Бельгии он окончил Брюссельский университет. С.Будкевич был с 1905 г. членом Польской Партии Социалистов, ее левого крыла, от которого и был избран в Петросовет в 1917 г. В 1919 г. его избрали членом Центрального исполнительного комитета Польской компартии. Впрочем, в том же году, в ноябре 1919 г., он оказался в составе РККА.

Назначенный военным комиссаром управления штаба 16-й армии, до марта 1920 г. он был ближайшим сотрудником Н.Соллогуба, М.Баторского, Е.Шиловского, Н.Варфоломеева. С марта 1920 г. по январь 1921 г. он, будучи переведенным в штаб Западного фронта, служил военным комиссаром админи-

---

[896] Показания Тухачевского М.Н. о 1 июня 1937 года. //Кровавый маршал. Михаил Тухачевский. 1893-1937. - СПб, 1997. - С. 82-83. См. также: Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 71.
[897] Революция и война. – 1923. - № 21.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

стративного управления и членом РВС Западного фронта, в июле-августе временно исполняя должность военного комиссара штаба фронта[899]. Здесь он находился в постоянном и тесном сотрудничестве с М.Тухачевским. После выполнения ответственной работы в составе Штаба РККА с января 1921 г. по март 1922 г., С.Будкевич вновь возвращается на Западный фронт, когда его командующим вновь был назначен М.Тухачевский. С марта 1922 по март 1923 г. С.Будкевич являлся начальником и военкомом Разведывательного управления (отдела) штаба Западного фронта под псевдонимом «М.П.Бобровский»[900]. Он был смещен с занимаемой должности в марте 1923 г. в связи с «делом Варфоломеева» и отправлен в резерв Разведуправления Штаба РККА. Это было несомненное наказание. Его сотрудничество с М.Тухачевским возобновилось в 1924 г., когда последний был назначен, сначала помощником, а с июля - заместителем и исполняющим обязанности начальника Штаба РККА. В это время С.Будкевич являлся начальником 3-го, информационно-статистического отдела Разведуправления Штаба РККА, а с ноября 1924 г. – помощником начальника Разведуправления Штаба[901]. После пребывания военным атташе во Франции, в сентябре 1926 г. С.Будкевич вновь возвращается в состав ответственных сотрудников Разведуправления Штаба РККА. Он был назначен начальником только что учрежденного 4-го отдела (внешних сношений). В это время Штаба РККА вновь возглавлял М.Тухачевский. С.Будкевич был смещен со своей должности и отправлен в распоряжение Председателя РВС СССР в августе 1928 г. вслед за отставкой М.Тухачевского. Это была очевидная «опала» и одно из проявлений «чистки» Штаба РККА от ближайших сотрудников и единомышленников М.Тухачевского. После этого С.Будкевич занял скромное место ученого секретаря Военной энициклопедии. Он был арестован 6 июня 1937 г.[902]

Внутрикорпоротивное единство «группы Тухачевского» скреплялось и идеологически. Концептуальной основой этому идеологическому единству

---

[898] Колпакиди А.. Прохоров Д. Империя ГРУ. - М., 2000. - Т. 2. - С. 226-228, 322.
[899] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922). - Т. 3. - С. 76, 83-85, 91, 740; РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 195. Л. 15.
[900] Там же, Д. 168. Л. 3, 41.
[901] Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. - С. 226-228.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

служила теория так называемой «революции извне», выдвинутая и сформулированная М.Тухачевским еще в 1920 г.

Идея «революционной наступательной войны» не была чем-то новым и необычным в мировоззрении лидеров и членов большевистской партии, хотя и относились они к ней по-разному. Хорошо известно, с каким упорством отстаивали этот тезис «левые коммунисты» в 1918 г. Н.Бухарин и в 1920 г., обосновывая правомочность и целесообразность «красного империализма» во внешнеполитической практике Советской России, писал: «Мы живем на переломе, на границе между пролетарской обороной и пролетарским наступлением на твердыни капитализма. Решить этот вопрос мы должны будем не сегодня, так завтра»[903]. Другой известный «левый коммунист» Е.Преображенский писал в 1922 г.: «Если революция на Западе заставить себя слишком долго ждать, такое положение могло бы привести к агрессивной социалистической войне России с капиталистическим западом при поддержке европейского пролетариата»[904].

Однако создание и разработка теории или «доктрины», так называемой, «революционной (или классовой, гражданской) войны» было делом революционных военачальников Красной Армии и, в первую очередь, М.Тухачевского. В его статьях 1920 – 1923 гг. и были выражены основные положения теории «революции извне» – наиболее радикально-агрессивного варианта идеологии «революционной войны».

Еще летом 1919 г. в сборнике статей сотрудников штаба 5-й армии, которой в то время, как известно, командовал М.Тухачевский, была помещена его статья «Стратегия национальная и классовая». Позднее, по рекомендации В.Ленина, она была прочитана в форме лекции командармом-5 профессорско-преподавательскому составу Академии Генерального штаба. В этой статье, в частности, говорилось, что «гражданская война по самому своему существу

---

[902] Там же, с. 322. См. также: Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937-1938. - С. 415.
[903] Цитируется по: Радек К.Б. Комментарии к Третьему Конгрессу Коммунистического интернационала. //Красная Новь. – 1921. - № 1. - С. 266.
[904] Преображенский Е. Крах капитализма в Европе. //Красная Новь. – 1922. - № 3 (7). - С.152.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

требует решительных, смелых, наступательных действий...»[905]. Несколько позже, в январе 1920 г. в статье «Политика и стратегия в гражданской войне» М.Тухачевский писал: «Пролетарское государство становится островом среди моря прочих – буржуазных государств. Социалистический остров в таком море невозможен, буржуазия не может допустить его существования. Он или должен погибнуть под ударами буржуазии, или должен распространить социалистическую революцию путем гражданской войны во всем мире... Диктатура пролетариата, хотя бы из чувства самозащиты, должна поставить целью для своей армии свержение власти буржуазии во всем мире»[906]. Впрочем, главные положения своей доктрины «революции извне» М.Тухачевский изложил в «Письме к товарищу Зиновьеву», написанном в июле 1920 г. в самый разгар побед на Западном фронте, его стремительного продвижения к Варшаве, и в статье «Революция извне». «Главными положениями стратегии классовой, т.е. гражданской войны, на которой приходится строить все расчеты, - писал М.Тухачевский, - будут таковы: 1) война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата, так как социалистическому острову мировая буржуазия не даст существовать спокойно... Социалистический остров никогда не будет иметь с буржуазными государствами мирных границ. Это всегда будет фронт, хотя бы в скрытом виде»[907]. Продолжая свои рассуждения, он разъяснял: «В общем, захват государственной власти в буржуазной стране может идти двумя путями: во-первых, путем революционного восстания рабочего класса данной страны и, во-вторых, путем вооруженного действия со стороны соседнего пролетарского государства. Оба эти случая имеют одинаковую задачу – произвести социалистическую революцию, а потому, естественно, должны быть равноценны для рабочих всех стран»[908]. Сознавая возможную неготовность рабочего класса соседней страны к революционным действиям, отсутствие в ней революционной ситуации, М.Тухачевский убеждал в легком преодо-

---

[905]Тухачевский М.Н. Стратегия национальная и классовая. Лекция, читанная в Академии Красного Генерального Штаба 24 декабря 1919 года. - Ростов-на-Дону, 1920.
[906] Тухачевский М.Н. Политика и стратегия в гражданской войне. //Революционный фронт. – 1920. - № 2 - С. 14.
[907] Тухачевский М.Н. Письмо к товарищу Зиновьеву. //Тухачевский М.Н. Война классов. - Смоленск, 1921. - С. 138-139.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лении указанного препятствия. По его мнению, следовало готовить пролетариат соседней страны к принятию «революции извне». «Эта подготовка, - писал «красный Бонапарт», - должна выразиться в коммунистической работе. Она должна воспитать рабочий класс в духе взаимной выручки, развивая международный пролетарский прием «движения на выстрелы»[909]. При этом, М.Тухачевский отмечал и подчеркивал, что только «общее революционное потрясение, зажигающее ярким огнем революционного духа, создает неудержимое по стремительности и мужеству наступательное движение, необходимое для разрушения старого и созидания нового строя»[910].

Таким образом, по М.Тухачевскому, революционная ситуация в любой стране могла быть искусственно создана распространением «революционного духа» (!) в пролетарских массах, что оказывалось решающим фактором успеха «революции извне». В сущности, социальная революция оказывалась следствием идейной революции, «революции в духе», смены одной идеологической системы другой, чему должен был способствовать классовый инстинкт пролетариата. Вспомним трактовку подпоручиком М.Тухачевским русской революции как «смены богов», «смены религии». Все это перекликается с мыслями Ж.Сореля, считавшего распространение политических идей и «мифов» в массах решающим средством активизации их политической энергии.

Ранее уже представлялась возможность подробнейшим образом останавливаться на формировании основ будущих «революционных» взглядов М.Тухачевского под влиянием Ф.Достоевского, отчасти Наполеона. К этим именам следует добавить и других «духовных учителей» М.Тухачевского, ссылки на которых встречаются в его статьях и выступлениях. Это – К.Клаузевиц, Ф.Бернгарди и, вероятно, вышецитированный Ж.Сорель – один из идеологов анархо-синдикализма. Его поклонником и проводником его идей был неоднократно упоминавшийся французский приятель М.Тухачевского по плену, лейтенант Р.Рур (П.Фервак).

---

[908] Тухачевский М.Н. Революция извне. //Революция и война. – 1921. - № 3. - С. 46.
[909] Там же, с.52.
[910] Там же, с.47.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Все упомянутые авторы в той или иной мере пропагандировали мысли, которые четче и определеннее всего звучали у Ж.Сореля, утверждавшего, что «движущей силой отныне станут доступные массам демагогические мифы: басни, химеры, которые вообще не нуждаются в правде, разуме, науке».

В целом, характеризуя «революционное мировоззрение» вчерашнего подпоручика императорской гвардии, ярого сторонника самодержавного деспотизма, можно повторить сказанное о Ж.Сореле: «Революционный миф для него – плод воображения и воли, который имеет те же корни, что и любая религия, поддерживающая моральный тонус и жизнестойкость масс».

Как бы резюмируя основные высказанные М.Тухачевским идеи «революции извне», уместно процитировать сказанное им в его очерке «Милиционная армия», появившемся в январе 1921 г. Полемизируя со сторонниками «милиционного» устройства Красной Армии и будучи безусловным адептом регулярной и профессиональной армии, М.Тухачевский писал: «Мне пришлось слышать, как ярые проповедники милиционной системы очень уверенно считают себя сторонниками вооруженного могущества РСФСР и даже не без гордости говорят о «коммунистическом империализме». Что за смешная мысль! Я бы лично не стал возражать против милиционной системы, если бы она действительно означала «коммунистический империализм»[911].

Итак, суть доктрины «революции извне» – «коммунистический империализм», «движение на выстрелы». Это вооруженное движение туда, откуда эти «выстрелы» слышатся. Весь «внешний», окружающий Советскую Россию мир является потенциально враждебным в стремлении ее уничтожить и, следовательно, служит потенциальным полем «классовой войны» и коммунистической экспансии. Если при этом вспомнить высказывания подпоручика М.Тухачевского, то это значило непримиримый конфликт между двумя в корне противоположными цивилизациями и культурами: русской и «западной». Надо сказать, что и в последующие годы М.Тухачевский продолжал придерживаться

[911] Тухачевский М.Н. Красная Армия и милиция. - Смоленск. 1921. – С. 20.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

этих взглядов, хотя открыто, публично и печатно он их высказал и повторил в 1923 и в декабре 1929 г.

Концепция «революции извне», сформулированная М.Тухачевским и упрямо им утверждаемая, имела не только пропагандистский и сугубо стратегический и внешнеполитический смысл. Она таила в себе, и М.Тухачевский делал это вполне осознанно, существенные внутриполитические положения и основания. Отстаивая идею «революции извне», «революционной войны», М.Тухачевский утверждал, как это видно из цитировавшихся выше фрагментов его статей, «перманентность» состояния «революционной войны», в котором оказалась Социалистическая Россия-СССР. В крайнем случае, это могла быть временная пауза между «революционными войнами», во время которой страна, окончив одну, напряженно готовилась к следующей «революционной войне». Это социально-политическое и геополитическое состояние, вполне естественно, как считал и утверждал М.Тухачевский, обуславливало необходимость сохранения кадровой, постоянной профессиональной армии и психо-ментальную, психо-культурную ориентацию на войну. При этом напомню откровение М.Тухачевского в экстремальной ситуации: «Война для меня все!». Оно знаменательно как устойчивая мотивация политического поведения и политических поступков М.Тухачевского. По уже цитированному выше свидетельству ближайшего соратника, сотрудника, единомышленника и друга М.Тухачевского, бывшего полковника Генерального штаба Н.Какурина, «эти взгляды с большей или меньшей законченностью и четкостью были распространены и среди ближайших сотрудников М.Тухачевского».

В числе этих ближайших сотрудников М.Тухачевского, как выше уже отмечалось, были А.Виноградов, Н.Захаров, П.Ермолин, Н.Соллогуб, Н.Шварц, М.Баторский, С.Пугачев. Все они в разное время занимали должность начальника штаба при М.Тухачевском или были его помощниками по фронтовому командованию. Наиболее же последовательным сторонником этих взглядов, разрабатывавшим «доктрину Тухачевского», был сам Н.Какурин. В 1921 г. он опубликовал свой развернутый очерк «Стратегия пролетарского государства», в

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

котором он разработал вышеизложенные взгляды и идеи М.Тухачевского. Он писал, в частности: «Под войной классовой мы разумеем войну, не преследующую никаких своекорыстных целей, служащую целям освобождения эксплуатируемых всего мира, целям всего человечества»[912]. Из этого положения он делал вывод: «По своему роду и характеру эта война должна быть чисто наступательной и явиться показателем готовности пролетариата приступить к решению возложенных на него историей задач в общемировом масштабе»[913]. И далее: «...Цели эти будут преследовать освобождение родственного класса трудящихся от власти эксплуататоров. Следовательно, цель стратегии, которая будет поставлена политикой, будет заключаться не в завоевании территории, а в освобождении ее от враждебной нам власти и влияния. Если империалистическое государство внешне будет достаточно крепко, а таков именно и будет рассматриваемый нами случай, ибо, в случае противного, трудящиеся данной страны сами свергли бы эксплуатирующую их власть, не прибегая к помощи извне, то для достижения этой цели стратегии придется использовать способ нападения...»[914].

«Доктрина Тухачевского» поддерживалась и другими соратниками и сотрудниками будущего маршала, в том числе А.Готовским, С.Будкевичем[915]. Начальник повторительных курсов при штабе Западного фронта, бывший генерал Ф.Огородников в своей рецензии на работу М.Тухачевского «Стратегия национальная и классовая» писал: «Исследования М.Н.Тухачевского... в кратких и общих чертах намечают, как бы вехи, по которым следовало бы пойти в путь исследования того «нового» в стратегии, которое родилось, несомненно, в колоссальной борьбе классов, свидетелями которой мы являемся»[916].

Ярый сторонник «стратегии сокрушения» (в чем он был единодушен с М.Тухачевским), аналогичную позицию занимал в отношении к «революции

---

[912] Какурин Н.Е. Стратегия пролетарского государства. - Смоленск, 1921. - С. 10.
[913] Там же.
[914] Там же, с. 14.
[915] Пятницкий Н. Эволюция красной военной доктрины (1917-1937). //Военная мысль в изнании. Творчество русской военной эмиграции. - С. 262; Будкевич С.Р. Операции польских армий на Висле в 1920 г. //Коммунистическая академия. Записки. - М., 1931. - № 2. - С. 64, 74-75.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

извне» и бывший генерал-от-инфантерии, один из ведущих профессоров Академии Генерального штаба А.Зайончковский. В курсе лекций по стратегии, читавшихся им в Военной Академии РККА в 1922 – 1923 гг., он утверждал, что «стратегия обороняющаяся, нерешительная, не соответствует идее классовых войн»[917].

Что усматривали генералы и полковники старой армии во взглядах и действиях М.Тухачевского, выражавших содержание и смысл «революционной войны», пожалуй, достаточно откровенно выразил Н.Какурин в статье «На пути к Варшаве» (1921 г.), где он, в частности, выражая восхищение блестящим «блиц-маршем» «красного Бонапарта», писал: «Варшавский поход Красной Армии является одной из блестящих страниц не только ее истории, но и вообще мировой военной истории… Только походы Революционных армий первой Французской Республики, и то в значительно меньшем размере, напоминают собой нечто подобное. Русская революция постепенно превращалась в мировую, уже теперь значительно превысила и своим размахом, и масштабами совершающихся событий некогда величайшую из революций – первую Французскую Революцию…»[918]. Начальник же штаба Западного фронта, полковник Генерального штаба М.Баторский совершенно определенно утверждал: «Чем объяснить победы Наполеона, как не революционным духом!… Время лишь меняет лозунги и стимулы самой борьбы…»[919]. «Будем учиться у Наполеона искусству вести «революционную войну», - призывал другой офицер-генштабист старой армии[920]. Генерал А.Свечин утверждал, что «многие историки видят в бонапартизме необходимое, заключительное звено всякой глубоко всколыхнувшей народные массы революции»[921].

---

[916] Огородников Ф.Е. Стратегия Красной Армии во внешней войне. //Военная наука и революция. – 1921. - кн. 2.
[917] Зайончковский А.М. Лекции по стратегии, читанные на военно-академических курсах высшего комсостава и в Военной академии РККА в 1922-1923 гг., ч. 2. - М., 1923. - С. 47.
[918] Какурин Н.Е. На пути к Варшаве. //Революция и война. – 1921. - № 4-5. - С. 120-121.
[919] Баторский М.А. Несколько мыслей о факторах, влияющих на формы будущих войн. //Революция и война. – 1921. - № 13. - С. 68.
[920] Савельевский Б.В. О военно-исторических темах. //Армия и революция. – 1921. - № 2-3. - С. 154.
[921] Свечин А.А. Культурно-классовые типы армий. // Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - М., 1999 - С. 186.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Критически относясь к оперативно-стратегическому поведению М.Тухачевского в «польском походе», генерал А.Свечин, тем не менее, дал ему квалификацию в духе вышецитированных высказываний других «генштабистов». «Стилем сокрушения была проникнута большая часть наступления Красной Армии от берегов Двины к Висле в 1920 г., - писал А.Свечин в своей «Стратегии». - …Наполеоновская оглобля, одним ударом решавшая войну, как бы воскресла, окрасившись в красный цвет»[922].

Таким образом, можно считать, что для бывших кадровых офицеров-генштабистов, генералов, активно сотрудничавших с Советской властью и большевиками в составе РККА, взгляды и способы действий, слава М.Тухачевского, выросшие из «революционной наступательной войны», воспринимались как своеобразное рождение в России «наполеоновской традиции». Наполеон Бонапарт считался духовным и идейным наставником сторонников «революционной войны». Поэтому, когда Л.Троцкий, критически относясь к стратегическим взглядам М.Тухачевского и его единомышленников, утверждал, что «бонапартизм вырос из революционной войны»[923], он не только присоединялся к мнению старых генштабистов. Хотя его и их отношение к «бонапартизму» были диаметрально противоположны, в своих суждениях они, как и Л.Троцкий, фактически отталкивались от марксовой оценки и характеристики Наполеона Бонапарта.

«Наполеон был олицетворением последнего акта борьбы революционного терроризма против провозглашенного той же революцией буржуазного общества и его политики, - писал К.Маркс в своей работе «Святое семейство». – Он завершил терроризм, поставив на место перманентной революции перманентную войну».

В обыденно-образованном военном сознании в России к 1917 г. аксиоматичным было представление о Наполеоне – воплощении «революционной войны». Поэтому и для М.Тухачевского, и для других офицеров, оказавшихся в

---

[922] Свечин А. Стратегия. //Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - С. 321.
[923] Троцкий Л. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. – Военная наука и революция, 1921, № 2, с. 223.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Красной Армии, и, в целом, для политически ангажированной и мало-мальски образованной общественности были понятны и доходчивы емкие «марксистские» формулировки Л.Троцкого. Они были авторитетны как постулаты «вождя». Пожалуй, это была самая ранняя официальная (хотя и не откровенно прямая) квалификация политической позиции и политических настроений М.Тухачевского со стороны человека, наряду с В.Лениным, воплощавшего высший авторитет новой власти. М.Тухачевский, выдвинувший и отстаивавший идею «революции извне», «революционной войны» был, таким образом, квалифицирован как «бонапартист».

Таким образом, часть «военспецов», как это видно, весьма активно поддерживала М.Тухачевского. Она восхищалась им и ожидала увидеть «русского Бонапарта», который рано или поздно, при благоприятных условиях, станет душеприказчивом и наследником большевистской революции. Доктрина М.Тухачевского «революции извне» или «коммунистического империализма» формулировалась в редко произносимом, но постоянно мыслимом понятии «бонапартизм», со всеми вытекающими отсюда представлениями и отношениями к «внешнему миру» как объекту военной экспансии, исходя из геополитических интересов России.

Взгляды М.Тухачевского на «революционную войну» и его отношение к «внешнему (значит, буржуазному и враждебному) миру» нашли горячий, эмоциональный отклик у молодых «краскомомв-генштабистов»[924].

...Специального внимания заслуживает такой аспект социо-культурной характеристики военной элиты, ее лидеров и внутрикорпоративных группировок, как отношения с представителями советской политической элиты.

Я не буду вновь цитировать оценки, которые давали М.Тухачевскому «вожди» Советской России в 1920-1921 гг. Они свидетельствуют о равновысоком военном авторитете М.Тухачевского в восприятии и В.Ленина, и Л.Троцкого, и Г.Зиновьева, и И.Сталина. В мемуарной литературе периода реабилитации М.Тухачевского, особенно подчеркивалось весьма благожелательное к нему

[924] Военный вестник. – 1921. - № 6. - С. 22.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

отношение со стороны В.Ленина. В частности, Н.Кулябко в своих воспоминаниях сообщает, что «когда на Волге вспыхнул мятеж белочехов, я имел случай доложить о Тухачевском В.И.Ленину. Владимир Ильич очень заинтересовался им и попросил привести «поручика-коммуниста». Присутствовать при состоявшейся вскоре беседе Владимира Ильича с Тухачевским мне не пришлось. Но со слов самого Михаила Николаевича кое-что знаю о ней. Владимир Ильич сразу же задал ему два вопроса: при каких обстоятельствах он бежал из немецкого плена и как смотрит на строительство новой социалистической армии? Тухачевский ответил, что не мог оставаться в плену, когда в России развернулись революционные события, и затем стал подробно излагать свои мысли о том, как соединить разрозненные красногвардейские отряды в настоящую армию. Видимо, эти мысли понравились Владимиру Ильичу, и очень скоро вчерашний поручик получил назначение на пост командующего 1-й Революционной армией Восточного фронта»[925]. О том, что М.Тухачевский оказался на Восточном фронте после встречи с В.Лениным в мае 1918 г. и по рекомендации последнего, вспоминает и близкий соратник М.Тухачевского по 1-й армии Н.Корицкий[926]. Однако он не указывает источник этой информации. С М.Тухачевским он познакомился в Пензе во второй половине июля 1918 г. Так что таковым источником мог быть сам М.Тухачевский. Однако, если учесть, что Н.Кулябко говорит, что встреча М.Тухачевского с В.Лениным имела место после восстания чехословаков, это значит она состоялась после 25 мая 1918 г. На май месяц указывает и Н.Корицкий. В связи с этой информацией следует иметь в виду, что М.Тухачевский в конце апреля 1918 г. был направлен Военным отделом ВЦИК проинспектировать военные комиссариаты Рязанской, Тамбовской, Воронежской губерний и Области Войска Донского Донской Советской республики). Он вернулся из командировки к 18 мая 1918 г. За отлично проделанную работу М.Тухачевский был 21 мая рекомендован начальником Военного отдела ВЦИК А.Енукидзе на должность губернского военного комис-

[925] Кулябко Н.Н. Я рекомендовал его в партию. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 29.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сара. Однако по предложению К.Юренева, председателя Всероссийского бюро военных комиссаров, 27 мая М.Тухачевский был назначен военным комиссаром штаба Московского района отрядов Западной завесы[927]. Если, следуя свидетельству Н.Кулябко и Н.Корицкого, М.Тухачевский после встречи с В.Ленином в мае 1918 г. был рекомендован последним на должность командарма-1, то почему же эта рекомендация не была принята во внимание. На Восточный же фронт он был направлен, без назначения на определенную должность, только 19 июня 1918 г.

В ленинской «Биохронике» за май-июнь и в целом за 1918 г. эта встреча В.Ленина с М.Тухачевским не подтверждается. Сам М.Тухачевский нигде об этом не упоминал, в том числе и в своих воспоминаниях о командовании 1-й Революционной армией в 1918 г. Не вспомнил он о причастности В.Ленина к назначению его командующим этой армией и в воспоминаниях о В.Куйбышеве. Однако имеется вполне достоверная информация о том, что командующим 1-й армией он был назначен по рекомендации К.Юренева, являвшемся тогда председателем Всероссийского бюро военных комиссаров[928]. Однако, если быть совсем точным, то К.Юренев рекомендовал М.Тухачевского начальнику Оперативного отдела Наркомвоенмора С.Аралову, а последний направил гвардейского подпоручика на Восточный фронт в распоряжение командующего фронтом подполковника М.Муравьева с предписанием возложить на М.Тухачевского «наиболее важную и ответственную работу по борьбе с чехословаками». М.Муравьев же 26 июня 1918 г. назначил М.Тухачевского командующим 1-й армией[929].

Таким образом, командармом-1 М.Тухачевский стал, хотя и по рекомендациям К.Юренева и С.Аралова, но по распоряжению М.Муравьева. Поэтому достаточных оснований считать В.Ленина, непосредственно причастным к военной карьере М.Тухачевского в Красной Армии нет. С учетом всего вышеука-

---

[926] Корицкий Н.Н. В дни войны ив дни мира. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 56-57, 81.
[927] Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 10. - С. 41-42.
[928] Там же, с. 43.
[929] Там же, с. 42.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

занного по поводу этой встречи М.Тухачевского с В.Лениным, есть основания считать ее «апокрифической», как и вторую их встречу, о которой вспоминал Н.Корицкий, относя ее к марту 1919 г. Н.Корицкий утверждает, что М.Тухачевский был назначен на должность командующего 5-й армией вопреки желаниям Л.Троцкого и Главкома И.Вацетиса, а также командующего Восточным фронтом С.Каменева, по настоянию В.Ленина[930]. Однако и ленинской «Биохронике» факт этой второй встречи также не находит подтверждения. Зато известно, что приказ о назначении был подписан Л.Троцким 23 марта 1919 г.

Достоверно известно и подтверждается документально встреча М.Тухачевского с В.Лениным 19 декабря 1919 г. в Москве. В беседе речь шла о нехватке комсостава на Южном фронте, о переброске 5-й армии на Южный фронт, в частности ее комсостава. В.Ленин предложил М.Тухачевскому подготовить доклад на имя Э.Склянского об опыте подготовки «краскомов» в 5-й армии[931]. Именно с этого времени информация об отношениях между М.Тухачевским и В.Лениным имеет уже достоверный характер. В 1920 г. авторитет М.Тухачевского как военного специалиста расценивается В.Лениным на уровне Главкома С.Каменева. М.Тухачевскому пришлось встречаться с В.Лениным в апреле 1921 г. после подавления Кронштадтского восстания. Соображения, высказанные М.Тухачевским, при обсуждении вопроса о Тамбовском восстании, были заложены в основу его последующей ликвидации. Как выше отмечалось, фактически, по инициативе В.Ленина он был назначен командующим войсками Тамбовской губернии в мае 1921 г. М.Тухачевский направлял В.Ленину и свои соображения против милиционной системы и за сохранение регулярной армии. В 1921 г. В.Ленин считал М.Тухачевского одним из самых лучших «генералов» Советской России, а для «Запада» - символом «революционной наступательной войны».

Отношения М.Тухачевского с Л.Троцким были неровными. Во всяком случае, М.Тухачевский не являлся «креатурой» «вождя Красной Армии». «Тухачевский никогда не был троцкистом», - вспоминал и признавался годы спустя

[930] Корицкий Н.Н. В дни войны и в дни мира. - С. 81.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Л.Троцкий[932]. Он признавался, что с М.Тухачевским у него «произошло несколько столкновений, впрочем, дружественных по форме»[933]. Известно, в частности, что с должности командующего 1-й армией в ноябре 1918 г. М.Тухачевский был смещен Л.Троцким из-за конфликта, возникшего между командармом и военкомом армии[934]. Л.Троцкий и Главком И.Вацетис намеревались вновь сместить М.Тухачевского с должности командарма-5 в мае 1919 г. из-за конфликта между ним и командующим Восточным фронтом А.Самойло[935]. В 1920-1922 гг. Л.Троцкий публично критиковал идеи «революции извне», выдвинутые М.Тухачевским. Поведение М.Тухачевского порой откровенно провоцировало его конфликты с Председателем РВСР. «Однажды, во время гражданской войны, - вспоминала Л.Норд, - на фронт к Тухачевскому приехал Троцкий. Тухачевский наносил в это время на карту план сражения. Троцкий сделал несколько замечаний. Командарм встал, положил перед ним карандаш, которым отмечал на карте и вышел. – Куда же вы? – крикнул в окно Троцкий. – В ваш вагон, - спокойно ответил Тухачевский. – Вы, Лев Давыдович, видимо, решили поменяться со мной постами. Таких стычек у Михаила Николаевича было очень много. Особенно с комиссарами. Институт комиссаров Тухачевский всегда считал ненормальным наростом на шее армии, мешающим ей шевелить головой»[936]. Возможно данный случай относится к разряду слухов, но слухов весьма показательных и отражающих в общем отношения между «красным Бонапартом» и «вождем Красной Армии». Конфликтная ситуация возникла между М.Тухачевским и Л.Троцким и в конце 1923 г. Подробнее об этом будет сказано в следующей главе.

Признавая за М.Тухачевским «выдающиеся стратегические таланты», видя в нем «даровитейшего из молодых наших военных работников», Л.Троцкий, как выше неоднократно уже отмечалось, в завуалированной форме считал М.Тухачевского «авантюристом» и «бонапартистом». Информация о неприяз-

---

[931] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Нояюбрь 1919- июнь 1920 гг. - М., 1977. – Т. 8. - с. 130.
[932] Троцкий Л. Обезглавление Красной Армии. //Бюллетень оппозиции – 1937. - № 56-57. - С. 3.
[933] Там же.
[934] Дайнес В.О. Указ. соч. - С. 44.
[935] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ненных отношениях между М.Тухачевским и Л.Троцким и подозрениях последнего была распространена и в русском зарубежье[937]. Говорили, что «Тухачевского Троцкий назначил начальником академии (в 1921 г.) потому, что боялся его популярности на фронте»[938].

Представление об отношениях между М.Тухачевским и И.Сталиным сложились под определяющим и сильным воздействием впечатлений от трагедии 1937 года. Однако, думается, эти отношения в 20-е годы не были столь однозначны и просты. Они сложились и развивались не только под влиянием драмы 1920 года. Не следует забывать, что именно И.Сталин в феврале 1920 г. настоял на назначении М.Тухачевского командующим Кавказским фронтом, лапидарно обозначив последнего «победителем Колчака и завоевателем Сибири». Несмотря на остроту военно-политической ситуации в августе 1920 г. и катастрофическое поражение М.Тухачевского под Варшавой, одним из виновников которого считался И.Сталин; несмотря на то, что И.Сталин стремился переложить вину за это поражение на командование Западным фронтом и отдать его под суд, он же вплоть до 1937 г. признавал М.Тухачевского одним из наиболее авторитетных «генералов». В этом отношении весьма красноречиво замечание И.Сталина, брошенное им в письме к К.Ворошилову в марте 1930 г.: «Ты же знаешь, что я очень уважаю т. Тухачевского, как необычайно способного товарища»[939].

Таким образом, несмотря на то, что все три «вождя» высоко ценили военный авторитет М.Тухачевского, ни с одним из них последний не находился в близких и доверительных отношениях. Все трое относились к нему с большей или меньшей долей недоверия, настороженности, а кто-то из них – и враждебностью. Отношение В.Ленина отличалось, преимущественно, свойственным ему, политическим прагматизмом. Л.Троцкий – воспринимал М.Тухачевского,

---

[936] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. //Возрождение. – 1957. - Тетрадь № 63. - С. 51.
[937] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6278.
[938] Там же, Д. 9. Л. 3340.
[939] И.В.Сталин – К.Е.Ворошилову 23 марта 1930 г. – РГАСПИ, ф. 74, оп. 2, д. 38, л. 58. //Документ опубликован: Исторический архив, 1998, № 5-6, с. 147-152; Советское руководство. Переписка 1928-1941. - М., 1999. - С. 113.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ценя его, с некоторой ревностью. И.Сталин, не сумев превратить в свою «креатуру», - с неприязнью.

Сравнительно близкие личные отношения, но не на уровне приятельских или дружеских, скорее как близкое знакомство, деловые контакты были у М.Тухачевского с Г.Орджоникидзе, В.Куйбышевым, А.Енукидзе, С.Гусевым. Л.Норд приводит множество фактов достаточно близких приятельских отношений между М.Тухачевским и В.Куйбышевым[940]. Она представляет последнего в качестве своеобразного «заступника» М.Тухачевского перед И.Сталиным. Во всяком случае, известно, что письмо с критикой Л.Троцкого в конце 1923 г. М.Тухачевский писал В.Куйбышеву, тогда одному из секретарей ЦК РКП (б). В.Куйбышев был и автором статьи в «Правде», посвященной М.Тухачевскому в связи с присвоением последнему в ноябре 1935 г. персонального звания «Маршал Советского Союза». В свою очередь, М.Тухачевский поделился своими воспоминаниями лишь о В.Куйбышеве и Г.Орджоникидзе. Г.Орджоникидзе, следует это тоже отметить, был вторым из высокопоставленных «партийцев», с которым М.Тухачевский со времен гражданской войны находился в относительно близком знакомстве. В частности, именно кандидатуру Г.Орджоникидзе предлагал М.Тухачевский на должность Председателя РВС СССР в ноябре 1925 г. после смерти М.Фрунзе[941]. Достаточно доверительные отношения сохранялись у М.Тухачевского с А.Енукидзе.

Особого внимания заслуживают отношения М.Тухачевского и М.Фрунзе, занимавшим промежуточное место между элитой «политической» и элитой «военной».

М.Тухачевский достаточно рано и весьма высоко оценил М.Фрунзе. В своем докладе, направленном в июле 1919 г. в РВСР он, в частности, писал: «Среди старых специалистов трудно найти хороших командующих. Уже пришло время заменять их коммунистами. Например, командюжгруппы Востфронта тов. Фрунзе необычайно талантливый человек и под его командой положе-

---

[940] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. //Возрождение. - Тетрадь № 63. – С.74-75.
[941] Телятников Н.А. Вникая во все. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 170.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ние на фронте быстро бы изменилось»[942]. Тем не менее отношения между М.Тухачевским и М.Фрунзе не были столь просты и однозначно благодушны. Далеко не всегда мнения этих военачальников совпадали, а отношения были лишены каких-либо трений, как это можно себе представить на основании обыденного мнения, сформированного популярной, апологетической литературой.

На совещании военных делегатов 11 съезда РКП (б) в апреле 1922 г. М.Фрунзе считал, что для действий Красной армии и ее командования во время гражданской войны характерны были «решительность, смелость и широта оперативного замысла». «Это наше свойство, - утверждал М.Фрунзе, -я ставлю в связь с классовой природой ставших во главе Красной Армии пролетарских элементов»[943]. Ему тогда оппонировали по этому положению и Л.Троцкий, и М.Тухачевский[944]. И М.Фрунзе вынужден был оговаривать и объяснять такой вывод. Впрочем, он от него полностью не отказался. Трения между М.Фрунзе и М.Тухачевским возникали и ранее, в том числе по вопросам личного свойства. Юлия Соколова, знакомая с М.Тухачевским еще в его юнкерские времена, позднее, в 1919 г. оказалась в политотделе 4-й армии, подчиненной М.Фрунзе. Как она сама вспоминала, «после гибели мужа Юлию стал опекать сам командующий, и настолько настойчиво, что ей пришлось подать рапорт о переводе в другую армию. И однажды, во время одной неприятной сцены между командующим и его подчиненной внезапно появился друг детства Юлии – командующий соседней армией Михаил Тухачевский – и... после крутого мужского разговора между двумя командармами Тухачевский увез Юлию с собой в свою армию»[945].

Таким образом, вряд ли М.Тухачевского и М.Фрунзе связывали отношения близкой дружбы. Скорее всего, они были обусловлены взаимным уважением к способностям и боевому опыту. Это были отношения продуктивного сотрудничества.

---

[942] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 4. Л. 207.
[943] Фрунзе М.В. Основные военные задачи момента. //Фрунзе М.В. Избранные произведения. - М., 1957. - Т. 2. - С. 104-105.
[944] Там же, с. 104.
[945] Пятницкий В. Заговор против Сталина. - М., 1998. - С. 38-39.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Подводя некоторые итоги рассмотрению данного аспекта межкорпоративных отношений, в случае с М.Тухачевским, можно считать, что он не являлся в жестком смысле «креатурой» кого-либо из «партийно-политических вождей». Отношения его с представителями «политической элиты» носили преимущественно служебный характер, а личная близость не выходила за рамки близкого знакомства. Во всяком случае, вряд ли имеются основания кого-либо из представителей «политической элиты» считать близким другом или приятелем М.Тухачевского в первой половине 20-х годов.

Итак, наиболее близкими к М.Тухачевскому в служебном и внеслужебном отношениях «генералами», входившими в «группу Тухачевского» можно назвать Н.Какурина, И.Троицкого, А.Зайончковского, А.Виноградова, А.Готовского, В.Готовского, В.Садлуцкого, Н.Соллогуба, С.Корфа, Н.Варфоломеева, В.Чернавина, А.Колесинского, а также П.Ермолина, Н.Захарова, М.Баторского, Д.Зуева, Г.Гая, А.Павлова, Э.Вилумсона, С.Будкевича, Т.Домбаля. При этом следует отметить, что эта «группа» состояла как бы из нескольких частей: близкое окружение М.Тухачевского на Западном фронте (Н.Варфоломеев, В.Чернавин, А.Виноградов, Г.Гай, А.Колесинский, В.Садлуцкий, С.Корф, А.Павлов, Э.Вилумсон, С.Будкевич), в Москве (Н.Какурин, А.Зайончковский, В.Готовский, А.Де-Лазари, Д.Зуев, П.Ермолин, Н.Захаров), в Петрограде (А.Готовский, М.Баторский), в Харькове (Н.Соллогуб, И.Троицкий).

Сохранившийся с дореволюционных времен пиетет перед «генштабистами», официальное признание за ними и в Красной Армии статуса высшего слоя командного состава армии, «мозга армии», интеллектуальной ее элиты, не могло не рождать невольного стремления к признанию своих воинских заслуг и авторитета со стороны «генштабистов» и у М.Тухачевского. Его активная военно-научная деятельность в первой половине 20-х годов, по крайней мере, отчасти была спровоцирована и этим стремлением. «Причисленный к Генштабу» в 1920 г. без академического образования М.Тухачевский, к чьим военно-стратегическим концепциям многие «генштабисты» относились весьма скеп-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

тично, хотел не формального, но реального принятия в этот «орден посвященных в тайны военного знания». Поэтому отношение к нему со стороны «генштабистов» Н.Какурина, А.Зайончковского, А.Виноградова и др. было в высшей степени важно. Это и был способ идентификации, т.е. «желанием походить на человека, оказывающего социальное влияние», как считал Э.Аронсон, «стремлением походить… на членов этой группы».

Больше половины вышеперечисленных лиц, которых, так или иначе, можно считать входившими в «группу Тухачевского», были «генштабистами» по дореволюционному образованию. Почти все они были дворянами по происхождению, в том числе и из древних родов. Большинство «генштабистов» начинали свою службу, подобно М.Тухачевскому в императорской гвардии. Н.Какурин, С.Корф ранее служили в «антисоветских армиях», у А.Виноградова старший брат был белым генералом, А.Зайончковский, Н.Соллогуб, Д.Зуев, В.Готовский, так или иначе, в разное время были членами подпольных «контрреволюционных групп», следовательно им были свойственны соответствующие социокультурные привычки и установки, политические симпатии и настроения. Это, прежде всего, великодержавный национализм, традиционный монархизм, аристократизм и «служебный антисемитизм», почва для «расцвета» которого в указанные годы была очень хорошо подготовлена.

Н.Какурин, М.Баторский, А.Готовский, А.Зайончковский открыто пропагандировали идеи революционной войны М.Тухачевского, мысля ее как «колыбель бонапартизма».

Все сказанное выше позволяет с достаточной долей уверенности считать, что в 1922-1924 гг. М.Тухачевский, в «стремлении походить… на членов этой группы» генштабистов-дворян-гвардейцев, «оказывавших на него социальное влияние», идентифицировал себя с «их образом и подобием». В политическом аспекте это означало идентифицировать себя потенциальным «русским Бонапартом». Тем более, что идея наступательной «революционной войны» пользовалась широкой поддержкой «революционных генералов» и «красных командиров», в том числе и в особенности, в близком окружении М.Тухачевского.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Подводя некоторые итоги исследованию внутрикорпоративной инфраструктуры советской военной элиты первой половины 20-х годов, можно отметить, по «меритарной» шкале нескольких действительных, реальных, а не формально-номенклатурных лидеров военной элиты и Красной Армии. Кроме Л.Троцкого, М.Тухачевского, С.Буденного, это также Н.Петин, А.Снесарев, А.Брусилов. Однако наиболее сильным «полем персонального притягивания» обладали, пожалуй два человека: М.Тухачевский и А.Снесарев. М.Фрунзе, будучи признанным способным «революционным генералом», все-таки оставался, подобно Л.Троцкому, военно-политической фигурой, человеком «партийным». Фактически его нельзя было назвать лидером особой внутрикорпоративной группы в военной элите.

Существовавшие внутрикорпоративные группировки военной элиты первой половины 20-х годов сложились в основном на базе «фронтового землячества»: «пятоармейцы Тухачевского», «конармейцы Буденного», «украинская группировка Петина-Егорова», «ветераны 6-й армии», «брусиловцы». Хотя между внутрикорпоративными группировками наблюдалось глухое соперничество, возникшее еще в период гражданской войны и прорывавшееся порой на страницы военной периодики в форме полемических статей по оперативно-стратегическим или военно-историческим проблемам, острые межперсональные конфликты были незаметны. В то же время нельзя было уже в этот период не заметить отношения настороженности, доходившей порой до неприязни, соперничества, скрытой враждебности между М.Тухачевским и Л.Троцким, М.Тухачевским и Б.Шапошниковым, М.Тухачевским и А.Егоровым, А.Тухачевским и Н.Петиным, М.Тухачевским и И.Уборевичем, М.Тухачевским и С.Буденным, М.Тухачевским и И.Сталиным, М.Тухачевским и В.Гиттисом.

Большинство представителей военной элиты были едины в приятии концепции «революционной наступательной войны», выступали за сохранение регулярной и постоянной армии, признавали приоритет морального фактора перед военно-техническим, уповали на идею «мировой революции», как мощное идеологическое оружие, способное обеспечить успех «революционной войны».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Все были против комиссарского контроля над командирами Красной Армии. Разногласия возникали по геостратегическим приоритетам, оперативно-тактическим приемам. Победа в гражданской войне не вызывала у большинства номенклатурного состава советской военной элиты сомнений в оптимальности и непревзойденности боевого опыта Красной Армии. Однако с каждым годом удаления от побед в гражданской войне на первый план все отчетливее выступали проблемы военно-политической роли Красной Армии, ее военной доктрины, ее геостратегических ориентиров и соответствие ее боевой и морально-политической подготовки. Все это вместе быстро повышало удельный вес военно-теоретических дискуссий. В этом контексте вновь просматривались военные и военно-политические проблемы, обозначившиеся еще в военной элите дореволюционной русской армии после русско-японской войны. В частности, вновь начал набирать силу спор между сторонниками «сокрушения» и «измора», германской и французской ориентаций, «западных» и «восточных» приоритетов», между предпочтениями опыта мировой и гражданской войн.

В социокультурном поведении «революционных генералов» парадоксальным образом сочетались увлеченность военно-теоретическим, военно-историческим и просто литературным «сочинительством» с частыми групповыми застольями, пьянками, в которых в эти годы были весьма заметны и С.Каменев, и М.Тухачевский, и И.Уборевич, и А.Егоров, и С.Буденный, и А.Павлов, и П.Дыбенко и другие, и особенно К.Авксентьевский.

Весьма характерен был для «революционных генералов» и «амурный беспредел», выражавшийся и в «смене жен», и в многочисленных любовницах. Приметны в этом были И.Белов, С.Буденный, И.Уборевич, П.Дыбенко, А.Седякин, но особенно М.Тухачевский.

«Революционные генералы» благосклонно относились к стихийному возрождению в войсках и в комсоставе «старорежимных» военных традиций, в том числе и дурных, вроде дуэлей. Кадровый офицер дореволюционной армии, и особенно «генштабист», в глазах многих «краскомов» казался образцом для подражания, главным образом, по внешнему виду.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Итак, советская военная элита первой половины 20-х годов преимущественно представлена была бывшими кадровыми офицерами старой армии, среди которых негласным авторитетом пользовались «генштабисты». Надо сказать, что общие настроения в комсоставе Красной Армии этого времени были далеки от желаемых в высших политических кругах страны. Самая «мягкая» их оценка – аполитичность.

Несомненно, М.Тухачевский играл среди них и в целом в военной элите доминирующую, «харизматическую» роль. К нему тяготели и вокруг него, по разным причинам и с различными скрытыми целями, группировались не только представители старого российского «генштаба», но и «красные маршалы» разночинного происхождения и принадлежавшие к различным этно-культурным группам. С М.Тухачевским многие из окружавших его лиц связывали тайные надежды на превращение Красной Армии, ее военной элиты в самостоятельную политическую силу. Казалось, что для этого в 1923-1924 гг. складывалась весьма благоприятная политическая и военно-политическая коньюнктура.

https://warlib.site/
71:07 - 7/43 - 1
https://t.me/warlib_site

Глава 3.РОЛЬ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 20-х ГОДОВ.

3.1.Слухи о «военном заговоре» в Красной Армии.

Первые попытки представителей советской военной элиты заявить о себе в качестве самостоятельной политической силы относятся еще ко временам гражданской войны.

…23 июля 1919 года заместитель председателя Особого отдела ВЧК И.Павлуновский представил В.Ленину и членам Политбюро ЦК итоговый доклад по «делу», которое можно вполне квалифицировать как самый ранний случай проявления политической нелояльности и антиправительственной конспиративной деятельности со стороны представителей советской военной элиты. Название представленного секретного документа говорило само за себя и содержало квалификацию события: «Доклад по делу о белогвардейской организации в Полевом штабе Революционного военного совета Республики». В этом докладе И.Павлуновский сообщал следующее (имеет смысл процитировать этот сравнительно небольшой документ целиком). «Арестованная в ночь с 8 на 9 июля с.г. группа лиц Полевого штаба, - информировал И.Павлуновский, - в составе: для поручений при главкоме Исаева, начальника разведывательного отделения Кузнецова, для поручений при начальнике штаба Малышева и преподавателя Академии Генерального штаба Григорьева по данным следствия ставила перед собой следующие задачи: а) Установление связи со штабами Деникина и Колчака.

б) Свержение Советской власти путем внутреннего переворота.

в) Захват аппарата управления армией в свои руки под видом воссоздания Генштаба….

Следствием установлено, что белогвардейская группа Полевого штаба находилась в первоначальной стадии своей организации, т.е. она только что создавалась, намечала свои задачи и планы и приступила лишь к частичной их

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

реализации, причем была еще настолько невлиятельна, что ее нахождение в Полевом штабе не отражалось на ходе операций на фронтах. Таковое положение могло продолжаться лишь до момента установления связи со штабами Колчака и Деникина. Очевидно, что с установлением этой связи, которая, по словам Григорьева, имелась бы «недели через две», роль организации существенно изменилась бы и нахождение ее в Полевом штабе уже безусловно отражалось бы на развитии операции на фронтах; возможность этого влияния предупредил арест белогвардейской организации 9 июля сего года»[946].

События, приведшие к этому «делу» назревали еще с мая 1919 г. и были связаны так или иначе с белогвардейской организацией в Петрограде, изменами ряда «военспецов», перешедших на сторону генерала Юденича и сдачей нескольких фортов на подступах к Петрограду. В связи с этими событиями возникли, не лишенные вовсе определенных оснований, подозрения в отношении начальника Полевого штаба РВСР генерал-лейтенанта Ф.Костяева. 15 июня 1919 г. он был смещен с занимаемой должности и арестован.

«Способный генерал Костяев, - вспоминал впоследствии Л.Троцкий, - не внушал доверия и мне. Он производил впечатление чужого человека. Вацетис, однако, отстаивал его, и Костяев недурно дополнял вспыльчивого и капризного главного командующего. Заместить Костяева было нелегко. Никаких данных против него не было...»[947].

3 июля 1919 г. был смещен с должности Главкома и арестован И.Вацетис. Объясняя ситуацию отсутствовавшему в Москве Л.Троцкому в телеграмме, отправленной в его адрес 8 июля 1919 г. сообщалось: «Вполне изобличенный в предательстве и сознавшийся Доможиров дал фактические показания о заговоре, в котором принимал деятельное участие Исаев, состоящий издавна для поручений при Главкоме и живший с ним в одной квартире. Много других улик, ряд данных, изобличающих главкома в том, что он знал об этом заговоре. Пришлось подвергнуть аресту главкома»[948].

---

[946] Документ частично опубликован в сборнике документов «В.И.Ленин и ВЧК». - М., 1975. - С. 236
[947] Троцкий Л. Сталин. - М., 1990. - Т. 2. - С. 100.
[948] В.И.Ленин и ВЧК. - С. 226.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Комментируя много позднее арест И.Вацетиса по подозрению в причастности к «заговору в Полевом штабе РВСР», Л.Троцкий писал: «...Вацетиса обвинили в сомнительных замыслах и связях, так что пришлось его сместить. Но ничего серьезного за этими обвинениями не крылось. Возможно, что на сон грядущий он почитывал биографию Наполеона и делился нескромными мыслями с двумя-тремя молодыми офицерами»[949].

«Я полагаю, - отмечал в своей другой книге Л.Троцкий, - осведомленность его о заговоре была сомнительна. Весьма вероятно, что недовольный смещением с поста главнокомандующего, он вел неосторожные беседы с близкими к нему офицерами. Я никогда не проверял этого эпизода.... Я и сейчас не знаю, что тут верно, в какой мере дело действительно шло о «заговоре» и в какой мере Вацетис был посвящен в него»[950].

Во время следствия причастность И.Вацетиса к «заговору в Полевом штабе» установлена не была. Дело было передано во ВЦИК. После рассмотрения «дела Вацетиса» в Президиуме ВЦИК 7 октября 1919 г. было принято постановление. «Поведение бывшего главкома, - говорилось в нем, - как оно выяснилось на данных следствия рисует его как крайне неуравновешенного, неразборчивого в своих связях, несмотря на свое положение. С несомненностью выясняется, что около главкома находились элементы, его компрометирующие. О принимая во внимание, что нет оснований подозревать бывшего главкома в непосредственной контрреволюционной деятельности, а также принимая во внимание бесспорно крупные заслуги его в прошлом, дело прекратить и передать Вацетиса в распоряжение Военного ведомства»[951]. Впрочем, в ноябре 1919 г. были амнистированы и все остальные арестованные участники «заговора в Полевом штабе»[952]. Некоторые из них впоследствии вновь занимали весьма высокие должности в Красной Армии. В частности, Б.Кузнецов в 1923-1924 гг. являлся начальником штаба Отдельной Кавказской армии.

---

[949] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1990. - Т. 2. - С. 127.
[950] Троцкий Л. Сталин. - Т. 2. - С. 108.
[951] В.И.Ленин и ВЧК. - С. 237.
[952] Там же, с. 284.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Как отмечалось выше, в том числе и в докладе Особого отдела ВЧК, как таковой связи с белыми армиями у «заговорщиков» не было. Вся же военно-политическая подоплека «заговора», военно-политический смысл поведения «заговорщиков» отчасти объясняет позицию представителей советской военной элиты и в 20-е годы. Офицеры-генштабисты, оказавшиеся в Красной Армии, как это следовало из их показаний на следствии, стремились восстановить «большой Генеральный штаб», путем выдвижения «своих людей на соответствующие должности во всех высших звеньях аппарата управления. Один из участников этой группы заявил, что они хотели создать «сильный Генеральный штаб, который влияет на все отрасли жизни страны в целях ее военной мощи, независимо от того, что стоит во главе правления»[953]. В контексте такого рода военно-политических настроений они хотели установить контакты с выпускниками Академии Генерального штаба, служившими у А.Деникина и А.Колчака[954].

Думается, что нет необходимости в подтверждение распространенности таких настроений у генштабистов, служивших в РККА, вновь цитировать красноречивые в этом смысле ранее уже цитировавшиеся признания капитана М.Алафузо или информацию о намерениях части генштабистов врангелевской армии в 1920-1922 гг. Интересно другое – политическая модель, альтернативная и «большевистской», и «белогвардейской», предлагавшаяся «заговорщиками-генштабистами». Они хотели, в сущности, подчинить властные политические структуры Генштабу, определяя в качестве приоритетных направлений в государственном строительстве и государственной организации «национальную оборону» и армию. Далее будет возможность убедиться в том, что эти аспекты и в 20-е годы также характеризуют мотивы участия военной элиты в постановке и решении политических проблем.

---

[953] РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 40; Липицкий С.В. Ленинское руководство обороной страны. 1917-1920. - М., 1979. - С. 208-209.
[954] Липицкий С.В. Указ. соч. - С. 209.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Другой эпизод, весьма интересный в контексте рассматриваемого вопроса, как своего рода «пролог», это загадочные события, обозначившиеся осенью 1920 г.

Дело в том, что 8 сентября 1920 г. член РВС Юго-Западного фронта С.Гусев сообщил В.Ленину о предложениях «псевдонима», поручика Яковлева, перебежавшего из Русской армии генерала П.Врангеля и оказавшегося в штабе фронта со следующими предложениями. «Во врангелевской армии образовалась тайная офицерская организация, - сообщал поручик Яковлев, - с целью взорвать Врангеля изнутри и передать всю его армию Советской власти. В организацию входит 30 генштабистов, находящихся в главнейших штабах Врангеля. Организация намерена низвергнуть Врангеля и объявить его армию красной Крымской под командою Брусилова. От русского правительства требуются действительные гарантии полной амнистии всей армии без исключения, а также соответствующее обращение Главкома. В качестве доказательства серьезности предложения Яковлев готов выдать главарей врангелевской организации, оперирующей в Советской России в целях... подготовки вооруженного восстания. Временно, впредь до прибытия Брусилова, командование красной Крымской армией поручается генштаба Соколовскому – главарю заговора против Врангеля»[955].

В своих воспоминаниях А.Брусилов достаточно пространно останавливается на этом эпизоде. «Склянский мне рассказал, - вспоминал генерал, - что в штабе и даже в войсках Врангеля происходит настоящее брожение. Что многие войска не хотят сражаться с красными, ни тем более бежать за границу, что их заставляют силою драться и покидать родную землю, что состав офицеров определенно настроен против распоряжений высшего начальства. Он задал мне вопрос, соглашусь ли я принять командование врангелевской армией, если она останется в России без высшего начальства. Я отвечал ему, что очень мало склонен теперь принимать какую-либо армию, что стар и болен. Но что если будет необходимо, я приду на помощь русским офицерам, солдатам и казакам,

[955] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. - М., 1982. - Т. 51. - С. 276, 277, 452-453.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

постараюсь быть для них руководителем, и согласовать их действия с планами Советской республики.... Я думал: армия Врангеля в моих руках плюс все те, кто предан мне внутри страны и в рядах Красной Армии. Конечно, я поеду на юг с пентаграммой, а вернусь с крестом и свалю захватчиков или безумцев в лучшем случае. Я пригласил в тот ж вечер нескольких людей, которым вполне верил, но с которыми очень редко виделся, чтобы распределить роли. Мы все обдумали. Не называю лиц, так как они все семейные и все там, в плену в Москве. Я пишу эту последнюю часть моих записок вне досягаемости чекистов и завещаю их напечатать после моей смерти или переворота в России, но все же подводить под какую-либо случайность их не имею права. Они сами себя назовут, если захотят и когда это для них будет возможно.

Итак, мы все обдумали, распределили должности.... Мы ждали день, другой, третий. Склянский ничего не давал знать. А гораздо позднее он сообщил мне при случае, что сведения были неверные, бунта никакого не было и что все таким образом распалось...»[956].

Впрочем, действительно в это время начальник врангелевского штаба генерал-лейтенант П.Шатилов вел тайные переговоры с красным командованием об условиях перехода врангелевцев на сторону Красной Армии[957]. Все «распалось», видимо, по иным причинам.

В связи с вышецитированными фрагментами имеет смысл обратить внимание на нижеследующую информацию агента ВЧК от 1 октября 1920 г. Он сообщал, на основании утверждения А.Гучкова, «что имеется достаточная связь... с военной организацией в Красной Армии, с которой он в связи и на которую очень рассчитывает». Далее тот же агент пояснял: «По имеющимся сведениям, во главе военной организации в России стоят следующие генералы: Поливанов, Гутор, Клембовский, Сытин 1, Сытин 2. Гучков с давних времен еще до первой революции был в близких отношениях с генералом Поливановым, в бытность его товарищем военного министра, и вместе с ним составлял

[956] Брусилов А.А. Мои воспоминания. – Военно-исторический журнал. – 1989. - № 12. - С. 57.
[957] Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. - Т. 1, кн. 1. - С. 21.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

оппозицию правительству»[958]. Не те ли это «главари врангелевской организации, оперирующей в Советской России в целях подготовки вооруженного восстания», о которой сообщал «поручик Яковлев» и которых он обещал выдать? Косвенным образом данная информация как бы подтверждается арестами А.Зайончковского, В.Клембовского, А.Гутора, П.Лечицкого и их исключением из состава Особого совещания при Главкоме, а также с ранее цитированными дневниковыми записями А.фон Лампе, свидетельствовавшими о связях А.Зайончковского и А.Цурикова с белыми. Кроме того, П.Фервак сообщает со слов британских журналистов, что после поражения под Варшавой М.Тухачевский будто бы «размышлял о государственном перевороте»[959]. Возможно, эта информация возникла, как результат «преображенных» слухов о действительно имевшем место конфликте между М.Тухачевским, РВС Западного фронта, И.Смилгой с одной стороны, и Политбюро ЦК – с другой по вопросу о мирных переговорах с Польшей.

Дело в том, что 20 августа 1920 г. войскам Западного фронта за подписью М.Тухачевского. начальника его штаба Н.Шварца и члена РВС фронта И.Смилги был отдан приказ, в котором, в частности, говорилось: «...Польское правительство, недавно так усиленно просившее о мире, теперь резко изменило политику. Польская мирная делегация в Минске самым подлым образом срывает мир. Сплошь состоящая из шпионов и контрразведчиков польская делегация пытается использовать свое положение для целей разведки.... Очевидно, что только на развалинах белой Польши может быть заключен мир. Только окончательно разгромив дело бандитов, мы обеспечим России спокойный труд. Победоносно начатое наступление должно быть победоносно закончено. Позор тому, кто думает о мире до Варшавы...»[960].

Политбюро ЦК отреагировало сразу же. За подписью В.Ленина в штаб Западного фронта вскоре поступило постановление: «Политбюро постановляет:

---

[958] ЦАФСБ РФ, ф. 1, оп. 4, д. 323, л. 63. Сообщение агента ВЧК о деятельности южной группы «Союза Верных» и по другим вопросам. Документ опубликован в сборнике документов из ЦА ФСБ «Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. - Т.1, кн. 1. - С. 181-182.
[959] Fervacque P. Op. cit. - P. 130.
[960] Приказ опубликован полностью в Военно-историческом журнале. – 1990. - № 5. - С. 31.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

выразить самое суровое осуждение поступку тт. Тухачевского и Смилги, которые издали, не имея на то никакого права, свой хуже, чем бестактный приказ, подрывающий политику партии и правительства»[961]. Политбюро поручило РВСР отменить приказ РВС Западного фронта и «поставить на вид» неправильность его действий, а также поручило главе советской делегации на переговорах К.Данишевскому ознакомить польскую делегацию с этим постановлением[962]. Однако некоторые делегаты 9-й партийной конференции, состоявшейся в сентябре 1920 г. предлагали Л.Троцкому по этому поводу «следственную комиссию, чтобы обследовать поступки товарищей, которые совершили достаточную политическую и стратегическую безграмотность. В частности, я думаю о минском инциденте...»[963]. Очевидно в связи с высказанным предложением и было начато следствие по «делу Тухачевского и Смилги». По этому поводу Главком С.Каменев обращался к Э.Склянскому с просьбой: «...Опасаюсь, что на Западном фронте создается очень тяжелая атмосфера для гладкой работы. Быть может, вы найдете желательным ознакомиться с этим вопросом и внести некоторое, но совершенно необходимое, спокойствие в работу чрезвычайной комиссии на Западном фронте»[964].

Не исключено, что одним из поводов к вышецитированному приказу М.Тухачевского и И.Смилги послужил эпизод, о котором сам М.Тухачевский позднее рассказал своему близкому приятелю. «Как-то Тухачевский рассказал мне, - вспоминал его однополчанин-семеновец А.Типольт, - что во время мирных переговоров с польшей ему в вагон передали визитную карточку Соллогуба, бывшего офицера нашего Семеновского полка. «Ты с ним виделся? – спросил я. – Нет, не счел нужным. Он в трудный момент покинул родину, стал даже ее врагом», - ответил М.Тухачевский[965].

---

[961] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. - Т. 54. - С. 431.
[962] Ленин В.И. Биохроника. - М., 1978. - Т. 9. - С. 205.
[963] Девятая конференция РКП (б). Протоколы. - М., 1972. - С. 41.
[964] Директивы Главного командования Красной Армии 1917-1920 гг. Сборник документов. - М., 1969. - С. 807.
[965] Типольт А.А. Такое не забывается. – Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 21. Сергей Иванович Соллогуб (1885- годы смерти мне неизвестны), выпускник Александровского военного училища, Академии Генерального штаба, полковник л-г. Семеновского полка (1917). После октября 1917 г. уехал в Польшу. В 1920-1921 гг. состоял офицером для связи между военным министерством, министерством ино-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Впрочем, вся приведенная выше информация относится к приоду гражданской войны. Однако вновь слухи о «конспиративной антисоветской» деятельности представителей советской военной элиты оживляются к 1923 году.

…Молва об антисоветской организации в РККА и «заговоре» появляются в Берлине уже с весны 1923 г. Особенно чутко на них реагировавший А.фон Лампе 2 апреля 1923 г. в своем дневнике отметил «слухи о заговоре в Кавказской армии»[966]. Упоминались имена командующего и начальника штаба этой армии – А.Егорова и С.Пугачева. А.фон Лампе, в связи с этим отметил в дневнике, что в советское полпредство в Берлине поступило «опровержение Наркомвоена». В разъяснении Наркомвоена говорилось о том, что «заговор был, но среди младшего комсостава из донских и кубанских казаков». Говорилось о «вспышках в Туапсе, Сочи, Майкопе»[967].

25 июля 1923 г. А.фон Лампе получил информацию о том, что «венгр Бела Кун и латыш Гиттис… составили против советского правительства заговор с целью поставить во главе России 12 интернационалистов-коммунистов, так как де современная советская власть слишком националистична»[968]. Эта информация, как пояснял А.фон Лампе, поступила к нему из прессы. Однако со ссылкой на «Петроградскую правду» А.фон Лампе добавлял, что командующий Петроградским военным округом «Гиттис находился в тесном контакте с белогвардейскими организациями, арестован и предан суду за контрреволюционную деятельность»[969]. Своеобразным добавлением к этой информации можно считать еще одну запись в дневнике А.фон Лампе 19 августа 1923 г. Со ссылкой на «перебежчика из Советской России», автор дневника отмечает, что «…В.Гиттис не латыш, но в котором-то поколении происходит от жидов…»; «что Гиттис стал совершенным карьеристом»[970].

странных дел Польши и русскими белогвардейскими частями в Польше. Действительно, находился в составе польской делегации на мирных переговорах с Советской Россией.

[966] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 4881.

[967] Там же.

[968] Там же, Д. 12. Л. 5140.

[969] Там же.

[970] Там же, Л. 5163.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Надо сказать, что слухи о причастности командующего Петроградского военного округа В.Гиттиса к «антисоветскому заговору» весьма настойчиво циркулировали и в СССР, в Петрограде. «Весной 1925 года, - рассказывал один из «беглецов» из СССР некий А.Клингер, в Петрограде возникло громкое дело бывших воспитанников Александровского лицея... Незадолго до того (надо думать, в 1924 г. - С.М.) ГПУ было осведомлено о существовании в Красной Армии обширного антисоветского заговора. Несмотря на тщательные поиски, раскрыть заговор не удалось (пострадал лишь командующий петербургским военным округом Гиттис, смещенный со своего поста)»[971]. Тот же автор в другом месте, рассказывая о мятеже Соловецкого полка, упоминает о подчинении этой части командующему Петроградским военным округом, «известному Гиттису, недавно смещенному за «контрреволюцию» и противодействие ГПУ»[972].

Официально, В.Гиттис был действительно смещен с должности в октябре 1925 г. Это было сделано не в связи с перемещением его на другую должность, а фактически, как отставка и наказание. Его перевели в распоряжение Наркома по военным и морским делам. Это было равноценно временной отставке человека, попавшего под политическое подозрение. В связи с вышеприведенной информацией, представленной, преимущественно слухами, догадками и домыслами, имеется и вполне достоверная, о которой в «белом» Берлине либо вообще не знали, либо были информированы в чрезвычайно «преображенном» виде.

Как ранее отмечалось, уже в марте 1923 г. М.Тухачевский среди русской военной эмиграции в Берлине уже считался лидером «бонапартистов» в Советской России.

...16 февраля 1924 г. генерал А.фон Лампе помещает в своем дневнике вырезку из газеты «Руль» (датированную тем же числом) с заметкой под заголовком: «Тухачевский и Советская власть». В ней сообщалось следующее: «Выступление Троцкого против «тройки» заставило ее насторожиться против тех военных начальников, которые особенно близки к председателю реввоенсо-

[971] Клингер А. Советская каторга. – Архив русской революции. - М., 1993. - Т. 19-20. - С. 197.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вета. Среди них видное место занимает Тухачевский, командующий Западным фронтом и имеющий пребывание в Смоленске. Тухачевскому был предложен перевод в Москву, чтобы держать его под непосредственным надзором. Хотя перевод был сопряжен с повышением, но и от позолоченной пилюли Тухачевский отказался. Тогда ему предложение было повторено в ультимативной форме, а Тухачевский вновь категорически отказался. Тройка кипит негодованием, но ничего сделать не может. Не идти же походом на Смоленск!»[973]. Информация о политической позиции М.Тухачевского, помещенная в «Руле» была, очевидно, получена И.Гессеном от А.Гучкова, с которым он поддерживал личные и политические отношения, сложившиеся еще до революции. Это подтверждается текстом протокола заседания Русского национального комитета 29 февраля 1924 года в Париже[974]. Кстати сказать, на этом заседании присутствовал приехавший специально по этому поводу в Париж генерал А.фон Лампе[975]. В протоколе заседания было записано следующее: «Сообщение А.И.Гучкова об информации из России…Утверждение, что раскол велик и непоправим, вне насильственного переворота выхода нет. Переворот возможен только военный, либо дворцовый, либо в более широком масштабе. Сама власть так слаба, что свержение ее неизбежно. На ее место водворится красная диктатура. Типичной фигурой является Тухачевский, сидящий в Смоленске. По сведениям одного осведомленного немца, он пользуется большим обаянием в массах. Некоторое время назад он был взят под подозрение, вызван в Москву. Предполагалось дать ему почетный, но невлиятельный пост. Он отказался выехать по вызову. В Смоленске погромные настроения против коммунистов и евреев…. В оценке немцами положения в России за последнее время произошли перемены. Раньше они верили в эволюцию. Теперь они считают, если и не неизбежным, то веро-

---

[972] Клингер А. Советская каторга. - С. 161.
[973] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6292.
[974] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1295. Л. 1-2, копия; Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и Рейхсвер. - М., 1992. - С. 57.
[975] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6327.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ятным военный переворот. Указывают так же на Тухачевского.... Подозрительные элементы в армии уничтожают»[976].

Из контекста сообщения «Руля» следует, что «Тухачевскому был предложен перевод в Москву, чтобы держать его под непосредственным надзором», после «выступления Троцкого против «тройки». Это выступление, как известно, началось 8 октября 1923 г. письмом Л.Троцкого[977]. Автор заметки в «Руле» считал, что именно это обстоятельство «заставило насторожиться против тех военных начальников, которые особенно близки к председателю реввоенсовета. Среди них видное место занимает Тухачевский...». Вслед за этими фразами и шла речь о попытках «выманить» «красного Бонапарта» в Москву. Автор заметки, таким образом, представляет дело так, что вслед за началом конфликта и было сделано соответствующее предложение М.Тухачевскому. Иными словами, с конца августа и по октябрь включительно. Но М.Тухачевского можно было соблазнить лишь «переводом с повышением», предложить ему «позолоченную пилюлю», как это называет «Руль». «Но от позолоченной пилюли Тухачевский отказался». Да и мог ли он пойти на это в ожидании своего «звездного часа», близкого реванша за Варшавскую неудачу?

В стенограмме сообщения А.Гучкова от 29 февраля 1924 г. обстоятельства с попытками «выманить» М.Тухачевского в Москву описывается с весьма примечательными штрихами.

«По сведениям одного осведомленного немца, - сообщал А.Гучков, - он (М.Тухачевский) пользуется большим обаянием в массах. Некоторое время назад он был взят под подозрение, вызван в Москву. Предполагалось дать ему по-

---

[976] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1295. Л. 1-2; Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч.... - С. 57.

[977] Письмо Л.Д.Троцкого членам ЦК и ЦКК РКП (б) 8 октября 1923 г. – Известия ЦК КПСС. - М., 1990. - № 5. - С. 165-173. Само письмо было спровоцировано двумя акциями со стороны И.Сталина, Г.Зиновьева и их сторонников.

Во-первых, вопреки протестам со стороны Л.Троцкого, в состав РВСР 28 августа 1923 г. была введена большая группа «цекистов» (в основном противников Председателя РВСР), в том числе и самого И.Сталина. Это, несомненно, ограничивало и даже парализовало господствующее положение «вождя Красной Армии» в Реввоенсовете. – Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 5. - С. 173-174.

Во-вторых, на расширенном Пленуме ЦК 23-25 сентября 1923 г. было решено (по инициативе И.Сталина и Оргбюро) создать Президиум РВСР в составе 5 человек (включая Л.Троцкого и И.Сталина). – Там же, с. 174-175. В знак протеста против данного решения Л.Троцкий покинул заседание Пленума. 23 – 26 октября конфликт уже достиг высокого уровня напряженности.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

четный, но невлиятельный пост. Он отказался выехать по вызову»[978]. «Одним осведомленным немцем» мог быть Е.Беренс.

Адмирал Е.Беренс (1876-1928) был немцем по национальности и германофилом по убеждениям[979]. В конце октября 1923 г. он был направлен Л.Троцким в Берлин для встречи А.Гучковым. С последним посланец Председателя РВС СССР был в весьма доверительных отношениях в период работы во Временном правительстве. А.Гучков рассказал И.Гессену о своей встрече с Е.Беренсом. Правда, много позже. В своей записной книжке И.Гессен записал 30 ноября 1923 г.: «Гучков сам рассказывал мне, что к нему приезжал один из его наиболее видных и ответственных сотрудников по военному министерству (Временного правительства) для переговоров о возвращении на Родину. Вслед за этим пришлось видеть письмо Троцкого к упомянутому сановнику, письмо, в котором Троцкий предлагал ему вернуться в Россию, оборвав переговоры с эмиграцией»[980].

Л.Троцкий посылал Е.Беренса на переговоры с А.Гучковым в период ожидания приближавшегося «немецкого Октября»[981]. Однако речь у них шла не только (и не столько) о возвращении А.Гучкова в Россию. Е.Беренс вел переговоры с бывшим военным министром Временного правительства, как с руководителем так называемого «кружка Гучкова». Так условно именовалась группа военно-политических экспертов из числа российских эмигрантов с весьма разветвленной агентурой и личными связями в европейских военно-политических кругах. Речь шла о возможности беспрепятственного прохода частей Красной Армии через территорию Польши[982]. Однако активизация Антанты, эмигрантских военных формирований на западных границах СССР, возможное их вы-

---

[978] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1295. Л. 1-2; Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч.... - С. 57.

[979] На заседании Чрезвычайной следственной комиссии 27 января 1920 г. адмирал А.Колчак, хорошо знавший Е.Беренса так характеризовал взгляды последнего: «Беренс всегда был убежденным германофилом. Он всегда был убежден в необходимости связи с Германией и считал величайшей ошибкой наше участие в войне против нее. Это было его глубокое убеждение, и с этой точки зрения он рассматривал все происходившие события. Поэтому я понимал точку зрения Беренса, - она могла быть объективно оправдана, так как Германия во время войны обнаружила необычайно высокую постановку дела во флоте». – Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. (Стенографический отчет). // Арестант пятой камеры. - М., 1990. - С. 342.

[980] Гессен И. Годы изгнания. Жизненный отчет. //Русская идея. - М., 1994. - Т. 1. - С. 345.

[981] Пятницкий В. Заговор против Сталина. - М., 1998. - С. 326-327.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ступление на Дальнем Востоке и неудача «немецкого Октября» сделали эти переговоры бесполезными. Л.Троцкий отправил Е.Беренсу шифровку, в которой предлагал представить эти переговоры как частную инициативу самого Е.Беренса[983]. Примечательно, что советский посланец показал А.Гучкову текст этой шифровки, как об этом свидетельствует И.Гессен. Это свидетельствует о весьма доверительном общении старых соратников. Надо полагать, что А.Гучков был любопытен, а Е.Беренс – откровенен. Информацией по военным и военно-политическим вопросам внутри СССР Е.Беренс, очевидно, обладал обширной и вполне достоверной. Возможно, именно после этой встречи А.Гучков в письме П.Врангелю от 28 октября 1923 г. советовал сместить доминанту политической борьбы в СССР. Он предлагал перейти к активной деятельности в России, где «возможности для революционной работы… и, в частности, для организации террора имеются налицо». Он был убежден, что «власть большевиков над Россией держится маленькой бандой кремлевских владык», а «сама власть окружена таким морем ненависти», что при первых же «серьезных трещинах в фундаменте кремлевской стены, общая картина может быстро измениться – рухнет престиж, распадется дисциплина, исчезнет покорность»[984].

Именно такую обстановку с СССР А.Гучков обрисовал и в своем выступлении 29 февраля 1924 г. В конце ноября 1923 г. А.Гучков рассказал И.Гессену о своей встрече с Е.Беренсом. К 16 февраля 1924 г. он сообщил ему некоторые подробности о политической позиции М.Тухачевского.

Политическая ситуация в СССР находилась в состоянии выбора. В русском зарубежье возник вопрос о властных перспективах в России после смерти В.Ленина. «Красный Бонапарт-Тухачевский» воспринимался как один из вариантов. Не было смысла скрывать имевшуюся информацию. В ближайшие дни А.Гучков все равно должен был поведать об этом достаточно широкому кругу политиков русского зарубежья на заседании Русского национального комитета.

---

[982] Пятницкий В. Заговор против Сталина. – С. 326-327.
[983] Там же.
[984] Цитируется по: Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля. - СПб, 1996. - С. 34-35.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

…28 января 1924 г. генерал-майор А.фон Лампе записал в своем дневнике: «Был Колоссовский, по его словам, основанным на словах проезжего коммуниста Грачева Арсения – в Смоленске, вокруг Тухачевского группируется часть спецов и недовольных наличием жидов в армии – группа эта естественно идет против Троцкого! Это интересно: – по-видимому, в этой группе и Вацетис! Он уехал из Берлина обратно в Россию!»[985].

Спустя два дня, 30 января 1924 г. А.фон Лампе направил в парижскую штаб-квартиру РОВС Е.Миллеру и П.Кусонскому официальную и совершенно секретную справку по поводу вышецитированной информации. «По заслуживающим доверия сведениям, проехавший недавно через Берлин в Париж коммунист Арсений Грачев, ранее игравший крупную роль в Туркестане[986], сооб-

---

[985] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6278.

[986] С полной уверенностью идентифицировать «Арсения Грачева» не представляется возможным. Совершенно понятно, что его имя – «Арсений Грачев» – это псевдоним. Коммуниста с таким именем и фамилией, «игравшим крупную роль в Туркестане» до 1924 г. не было. Наиболее вероятно, личностью, скрывавшеся под этими именем и фамилией, был Борис Николаевич Иванов (Краснославский, Голощекин) (1884-1938). Это был видный сотрудник военной разведки. Русский, из дворян, бывший офицер. До революции он был сначала меньшевиком, затем, с 1919-до 1918 г. – член эсеровской партии.

Арестованный в 1906 г. он тогда же сумел эмигрировать и до 1913 г. жил во Франции, в Париже. Там он в 1913 г. окончил Парижский университет.

Следовательно, это был человек, свободно владевший французским, имевший политические связи в Париже. Понятно, что именно такого человека целесообразно было направить во Францию, в Париж «для ознакомления там с настроениями русской эмиграции».

В то же время Б.Иванов, под фамилией Голощекина с июля 1918 г. до июня 1919 г. находился в Туркестане. Там он был сначала командующим войсками Закаспийского, Ашхабадского, Красноводского фронтов Туркестана. Затем с мая по июнь 1919 г. являлся начальником Главного штаба войск Туркестанской республики. Так что, действительно «играл крупную роль в Туркестане».

Он принимал активное участие в подавлении Кронштадтского мятежа в 1921 г., находясь при командующем Южной группы и начальником Полевого штаба Кронштадтской группы. Таким образом, являлся близким соратником М.Тухачевского в этой операции. В силу должностного положения он имел тесные контакты с работниками штаба 27-й стрелковой дивизии, находившейся в составе Южной группы. В их числе, а следовательно, в числе лиц, с которыми тесно и активно сотрудничал Б.Иванов во время «кронштадтских событий», был и А.Колесинский. Как выше отмечалось, А.Колесинский был близким приятелем М.Тухачевского и помощником начальника штаба 27-й стрелковой дивизии. Он вполне мог стать для Б.Иванова-Арсения Грачева источником информации о «группе-организации Тухачевского» в конце 1923 г. или в самом начале 1924 г. во время его проезда через Смоленск. Впрочем, можно лишь гадать или предполагать, откуда мог получить информацию о «группе-организации Тухачевского» «Арсений Грачев».

После этого Б.Иванов находился в распоряжении Разведывательного управления Штаба РККА. У него был богатый опыт работы среди комсостава белой армии. В 1921-1923 гг. он являлся резидентом военной разведки в Болгарии, где проводил работу по репатриации офицерского и высшего комсостава Русской армии П.Врангеля в Советскую Россию. Следует отметить, что ему удалось добиться больших успехов в этом деле. Именно после Болгарии он и был направлен во Францию.

Не исключено, что решено было использовать его способности и опыт в «переманивании» бывших генералов белой армии на сторону Советской России в Германии и во Франции, среди той части русской военной эмиграции, которая оказалась в Берлине и в Париже. Следует также отметить, что позднее, в 1927 г. Б.Иванов оказался в Научно-уставном отделе Штаба РККА, когда последний возглавлялся М.Тухачевским.

Ко всему сказанному следует добавить, что с 1903 по 1919 гг. Б.Иванов трижды менял политические симпатии и ориентации. С1903 по 1906 г. он был меньшевиком. Арестованный в 1906 г., он в том же году оказался в эмиграции, во Франции и вышел из партии. С 1909 по 1918 гг. – он эсер. В 1918 г. вышел из партии эсеров, очевидно в связи с «левоэсеровским мятежом. А с мая 1919 г. он уже член РКП (б).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

щил, что в толще Красной Армии имеется значительная организация, поставившая себе целью производство переворота в стране и в самой армии. Группа эта основой своей противоправительственной пропаганды ставит выступление против еврейского засилья и в силу одного этого не примыкает к оппозиции, возглавляемой Троцким, и действует не только не зависимо, но и против него. Возглавляется группа командующим Западным фронтом, бывшим подпоручиком л-г. Семеновского полка Тухачевским, находящимся с Троцким лично в неприязненных отношениях. Находится вся организация в Смоленске, где расположен штаб Западного фронта. Грачев после пребывания в Париже и ознакомления там с настроениями русской эмиграции предполагает вернуться в Россию через Берлин. Есть основания предполагать, что к упоминаемой выше группе принадлежит и уезжавший недавно из Германии обратно в Советскую Россию бывший главнокомандующий Красной Армией Вацетис»[987].

О «существовании в Красной Армии обширного антисоветского заговора» в 1924 г. говорит и уже цитированный А.Клингер, другой свидетель из «Совдепии», из Петрограда. Этот факт усиливает достоверность информации «Арсения Грачева». Усиливает ее достоверность и мотивация объединения «спецов» вокруг М.Тухачевского и против Л.Троцкого: «служебный антисемитизм».

Таким образом, его политические «привязанности», как видно, не были устойчивыми и вряд ли основывались на глубоких идейных убеждениях. Его политический выбор, видимо, был весьма коньюнктурным.

Кроме того, вряд ли он был доволен, когда с высокой должности начальника Главного штаба войск Туркестанской республики его, до этого занимавшего должность командующего фронтом, отправили военным атташе в Афганистан. Карьера «революционного генерала» была сорвана.

Б.Иванов оказался весьма искусным в агитации высших чинов белой Русской армии генерала П.Врангеля перейти к «красным» в 1921-1923 гг. Очевидно, он мог находить с ними общий язык и быть среди них «своим».

Такой человек, в определенной ситуации вполне мог присоединиться к «военным заговорщикам», а при ее изменении – «предать их». Так что его откровенность с редактором «Войны и Мира», с В.Колоссовским, в свете всего вышесказанного вряд ли может вызвать удивление и выглядеть неожиданной и необычной. Такой человек как Б.Иванов, если даже когда-то к революционному движению он примкнул по идейным или эмоциональным причинам, в РКП (б) оказался уже явно по соображениям коньюнктурным, а к 1923 г. в этом отношении был совершенно деморализован и «беспринципен».

Это явление – идейная и нравственная эволюция части революционных активистов —можно сказать, было типично для определенной их части. Достаточно вспомнить судьбу И.Дзевалтовского-Гинтовта или В.Нестеровича (Ярославского), их гибель в 1925 г.

Такой человек, даже будучи «коммунистом Арсением Грачевым», вполне мог сам являться членом «группы-организации Тухачевского».

[987] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6477.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Антиеврейские настроения в этот период стали характерной особенностью социокультурных обыденных настроений. «Евреи всюду, - пишет своем дневнике Г.А.Князев. – Неужели эта диктатура пролетариата превратилась в диктатуру евреев.... Среди самых коммунистов зреет страшное недовольство. Некоторые и вышли бы из партии, если бы это было возможно.... Все высшие должностные лица – евреи, все низшие – русские»[988]. Спустя два года, в 1922 г. те же эмоции вновь выплескиваются на страницы дневника: «Все бы ничего. Со многим можно примириться, - говорил сегодня мне один знакомый, - но евреи нами правят, вот что нестерпимо обидно. Всюду евреи. И, действительно, везде и всюду евреи»[989]. И вновь возвращение к тому же вопросу: «Ненавичть к евреям у русских людей перешла всякие границы. Только «страх возмездия» и удерживает от самых крайних действий. Многие мечтают о «ВЭП» (Всероссийском еврейском погроме). Даже Горький не выдержал и предупреждал еврейского писателя о том, какие последствия могут быть для евреев от такого вмешательства в русскую жизнь. Действительно, у нас, у многих такое чувство, что мы под властью завоевателя. Подчиняемся, но до поры до времени. Унижаемся, но в кармане кулаки от злости сжимаем...[990]. Интересно, что головные уборы (шляпы) красноармейцев зовут в просторечьи «синагогами»[991].

О широком распространении антисемитизма в эти годы во всех слоях общества и в разных регионах, в том числе в Смоленской губернии, в Белоруссии, поступала информация в ОГПУ через его агентуру[992]. Сообщалось, в частности, об антисемитском «инциденте в пивной» в конце 1923 г. С.Есенина и трех других писателей – Орешина, Клычкова и Ганина[993]. Сообщалось также о причастности Ганина к организации «Ордена русских фашистов», ликвидиро-

---

[988] Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента (1919-1922 гг.). – Русское прошлое. - СПб, 1994. - № 5. - С. 186.
[989] Там же, с. 220.
[990] Князев Г.А. Из записной книжки.... - С. 223.
[991] Там же, с. 222.
[992] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1096. Л. 72-95. Опубликовано под общим заголовком « Монархия погибла, а антисемитизм остался». (Документы Информационного отдела ОГПУ 1920-х гг.) – Неизвестная Россия 20 век. Сборник документов. - М., 1993. - Т. 3. - С. 327-356.
[993] ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1096. Л. 65-71. См. «Монархия погибла, а антисемитизм остался». – Неизвестная Россия 20 век. - Т. 3. - С. 349.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ванной в октябре 1923 г.[994] Поступала информация о «контрреволюционной организации» «белогвардейской интеллигенции» из числа воспитанников 1-го Московского кадетского корпуса. «Почти все 12 обвиняемых, проходивших по данному делу, - зафиксировано в справке ИНФО ОГПУ, - сами заявляют, что они видят засилье евреев и признают, что государственная власть находится в руках последних. С целью борьбы с еврейским засильем они и пытались создать организацию»[995]. Обращая внимание на «Орден русских фашистов» и группировку выпускников 1-го Московского кадетского корпуса, в ИНФО ОГПУ подытоживали: «Последние два факта говорят за то, что антисемитское настроение не только широко прививается другим, но и выливается в определенную форму контрреволюционных организаций и группировок»[996]. Ряд штабных документов Западного фронта 1922-1923 гг. также свидетельствуют о бытовом и «служебном» антисемитизме в командном и политическом составе фронтовых управлений, среди членов партии[997].

…Проанализируем источники, которые предоставляли генералу А.фон Лампе вышецитированную информацию.

И дневниковая запись от 28 января, и подробности о «группе-организации» и «заговоре Тухачевского», изложенные в «справке» исходили от одного человека – от В.Колоссовского[998]. Ссылка же полковника на «Арсения Грачева» предполагает их получение непосредственно от этого «проезжего коммуниста».

А.фон Лампе датирует получение информации о «группе Тухачевского» 28 января 1924 г., однако, скорее всего, сам «Арсений Грачев» проезжал через Берлин раньше и В.Колоссовский получил ее гораздо раньше 28 января. Не исключено, что к В.Колоссовскому информация «Арсения Грачева» поступила до

---

[994] Неизветсная Россия. – Т. 3. – С. 349-350.
[995] Там же, с. 350.
[996] Там же.
[997] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 19. Л. 81, 83.
[998] Информационная стилистика дневника генерала достаточно точна.
Сообщая о каком-либо событии, он, как правило, оговаривает источники информации. В комментариях к заметке, помещенной в «Руле» 16 февраля «Тухачевский и Советская власть» А.фон Лампе допускает характерное замечание: «…если припомнить все, что сказал мне Колоссовский, становится интересным положение с Тухачевским…».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

28 января 1924 г., но не ранее 4-5 декабря 1923 г. [999] Однако, дневниковая запись 28 января и «справка» 30 января имеют существенные различия по содержанию информации.

В записи 28 января М.Тухачевский является фигурой политически-притягательной, но пассивной, «группа» или «группировка» не является «организацией», а М.Тухачевский не является инициатором ее создания или ее организатором. В ней сообщается лишь об антисемитских настроениях части военспецов в окружении командующего Западным фронтом, считающих себя притесняемыми со стороны евреев в Красной Армии; о неприязненных отношениях М.Тухачевского с Л.Троцким; о стремлении и надежде указанных военспецов в своих настроениях встретить единомыслие и защиту со стороны М.Тухачевского.

Иной смысл содержит «справка», направленная А.фон Лампе своему начальству в Париж 30 января 1924 г. Ее информация оказывается более подробной и включает ряд весьма существенных моментов, отсутствующих в дневниковой записи от 28 января.

В «справке» от 30 января 1924 г. речь идет о «группе-организации», возглавляемой М.Тухачевским. Причем это «организация заговорщиков», планирующих государственный переворот. М.Тухачевский в контексте данной информации выступает уже скорее как инициатор и организатор «группы заговорщиков», а не политически пассивный объект притяжения недовольных и обиженных.

Однако генеральский дневник обнаруживает, как правило, текстуальное и содержательное несовпадение «справок-донесений» и предшествующих им дневниковых записей на одну и ту же тему. В сравнительно скупой и стилистически не отшлифованной дневниковой записи генерал обычно выражает сугубо

---

[999] Контакты А.фон Лампе с В.Колоссовским осуществлялись по инициативе последнего и не очень часто. В дневнике генерала имеется примечательная запись около этого времени. 12 января 1924 г. он записал: «Пока никто не знает о моем возвращении, - завтра начинаю с Гессена и Ильина». Дело в том, что 5 декабря 1923 г. А.фон Лампе уехал в Будапешт и пробыл там до 11 января 1924 г. Таким образом, В.Колоссовский знал об отъезде А.фон Лампе, но не знал о его возвращении. Он вполне мог полагать, что генерала вплоть до 28 января 1924 г. в Берлине нет. Вплоть до 28 января генерал не упоминает о встречах с В.Колоссовским. – ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6259.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

личное, эмоционально более определенное отношение к сущности и существу события или личности. Поэтому и суть информации о «группе, организации и заговоре Тухачевского» содержится уже в дневниковой записи от 28 января. Уже в ней, как мне представляется, генерал А.фон Лампе отметил и записал именно то, что для него и было самым существенным.

Сравнивая тексты дневниковой записи и «справки», необходимо заметить, что А.фон Лампе достаточно небрежно употребляет понятия «группировка», «группа», «организация». Он лишает их смыслового различия, используя как синонимы. «Цель» же этой «группы-организации» – «производство переворота в стране и в самой армии» (в «справке») - фактически, расшифровывается как «идти против Троцкого» (дневниковая запись). То есть, - его низвержение.

Учитывая приведенные комментарии, можно считать, что смыслового различия между «дневниковой записью» и «справкой» нет. Косвенным указанием на то, что А.фон Лампе считал М.Тухачевского именно главой военно-конспиративной группы или организации (что для генерала одно и то же), может служить его ремарка к вышецитированной заметке в «Руле» от 16 февраля 1924 г. Комментируя эту заметку, А.фон Лампе записал в дневнике: «Если припомнить все, что сказал мне Колоссовский, становится интересным положение Тухачевского, так как ему, конечно, придется открыть свои карты…». Говоря о том, что «ему (Тухачевскому)… придется открыть свои карты», генерал указывает на «их зарытость», т.е., пользуясь метафорой, имеет в виду «конспиративную группу Тухачевского». При этом М.Тухачевский воспринимается генералом как активная и «ведущая», а не пассивная фигура. Кроме того, А.фон Лампе своим замечанием дает понять, что таковым представил ему М.Тухачевского полковник В.Колоссовский. Иными словами, как бы, свидетельствует о том, что данные о М.Тухачевском как главе «организации», приведенные в «справке», сообщены ему тоже В.Колоссовским. Других информаторов по этому вопросу А.фон Лампе не упоминает.

…Едва вернувшись из Парижа, А.фон Лампе 16 марта записал в дневнике весьма важную и тревожную для него новость: «Сразу поразило меня сообще-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ние В.В.Колоссовского, бывшего у Веры, - записал генерал, - что в Совдепии раскрыта организация Тухачевского, что он сам и многие из участников заговора, арестованы и все пропало....

Это меня очень угнетает, так как на них я возлагал большие надежды! Неужели же действительно ликвидация советской власти может идти только путем длительной эволюции...»[1000].

Вышецитированные фрагменты из дневника А.фон Лампе обнаруживают еще один источник его информированности о делах в Красной Армии и в СССР. Это – некая Вера, у которой бывал В.Колоссовский и, очевидно, пользовался ее доверием. Скорее всего «Вера» – это Вера Ивановна Гладыш, урожденная Манусевич-Мануйлова. В это время она находилась во главе берлинского отдела «Общего дела» В.Бурцева[1001].

[1000] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 6331.

[1001] Этот отдел считался одним из главных и наиболее информированных разведывательных центров белой эмиграции, имевший много агентов, в том числе и известного и весьма осведомленного о советских делах - В.Орлова. Уже к январю 1922 г. Иностранный отдел ВЧК был достаточно хорошо информирован о деятельности разведцентра Веры Гладыш. Судя по информированности русской военно-морской разведки в Лондоне (по крайне мере на июль 1921 года) Вера Гладыш и возглавляемый ею берлинский центр «Общего дела» получали информацию о событиях в Советской России, а затем и из СССР из центра разведки, находившегося в Берлине «под руководством действительного статского советника Орлова. Отсюда отправляются агенты в Советскую Россию через Литву, где нет еще пункта, и через Ригу и Ревель, где есть разведывательные пункты; особенно сильный в Ревеле». Известно, что в Ревеле одним из агентов русской военной эмиграции, который с образованием РОВС в 1923 г., стал его представителем, подчиненным А.фон Лампе, был полковник Б.Энгельгардт – бывший офицер л-гв. Семеновского полка, сослуживец и приятель М.Тухачевского. Летом-осенью 1918 г. Б.Энгельгардт служил в 1-й Революционной армии под началом М.Тухачевского. Впрочем, никаких прямых указаний на контакты А.фон Лампе с Б.Энгельгардтом в дневнике генерала не прослеживается. Что касается В.Орлова, то с 1921 г. он официально считался руководителем контрразведки при канцелярии военного агента генерала Врангеля в Берлине, т.е. у генерала А.фон Лампе (с 1922 года). Однако фактически, не получая никаких средств от П.Врангеля, В.Орлов опирался главным образом на финансовые средства, получаемые из Франции от В.Бурцева. Поэтому, судя по контексту дневниковых записей А.фон Лампе, с последним В.Орлов своей информацией непосредственно не делился. Он вообще весьма ревниво и аккуратно обращался с информацией о своей агентуре и никого не посвящал в механизм своей разведывательной деятельности. В Иностранном отделе ВЧК-ОГПУ уже с 1921 г. на основании донесений агентуры сложилось весьма устойчивое мнение, что «в кругах, приближенных к Орлову,... по-видимому, хорошо и подробно осведомлены о всем, что делается в России». Агенты ВЧК-ГПУ, оценивая белоэмигрантскую разведку, выделяли В.Орлова. «Я, зная отлично Орлова, нахожу, что это один из самых работоспособных, находчивых, подвижных и опытных работников противного лагеря». Агент ВК в январе 1922 г. сообщал, характеризуя деятельность разведывательной организации В.Орлова: «В Берлине Орлов учредил обширный разведывательный аппарат, который располагает даже органами наружного наблюдения... Средства для своей настоящей деятельности Орлов получает из французских источников через известную представительницу Бурцева – госпожу Гладыш. Располагая такими большими деньгами, Орлову легко удалось завязать сношения со многими немецкими и русскими организациями и получать на них известное влияние. При этом установлено, что он не прекратил своих связей с советскими агентами». С Верой же Гладыш, как это можно узнать из текста дневника генерала, А.фон Лампе непосредственно старался не общаться, предпочитая делать это через В.Колоссовского. Последний, таким образом, выполнял по сути дела функции связного между А.фон Лампе и берлинским центром «Общего дела». Однако, судя по контексту дневника, А.фон Лампе достаточно хорошо был знаком с Верой Гладыш. Он называет ее в дневнике просто «Вера». В 1923-1924 гг. по тексту дневника не просматривается получение А.фон Лампе информации о Красной Армии и СССР непосредственно от В.Орлова. Однако, учитывая, что Вера Гладыш именно от последнего получала сведения о событиях в СССР, можно считать, что через Веру Гладыш и

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Обращает на себя внимание сама конструкция фразы, содержащей сообщение В.Колоссовского, полученного от «Веры»: «что в Совдепии раскрыта организация Тухачевского…». Складывается впечатление, что для В.Колоссовского информация об «организации Тухачевского» была новостью. Если бы это было не так, то фраза должна была бы строиться иначе: «что организация Тухачевского в Совдепии раскрыта…». Иными словами, смысловой акцент в первом случае сделан на слове «организация», а во втором – на слове «раскрыта». Однако, учитывая все вышесказанное по поводу «дневниковой записи 28 января» и «справки 30 января», скорее всего В.Колоссовский передал А.фон Лампе текст информации в той смысловой конструкции, в которой получил ее от «Веры». Следовательно, не для В.Колоссовского наличие «организации Тухачевского» было новостью, а для «Веры».

Подводя определенные итоги анализа информации, содержащейся в дневнике А.фон Лампе по поводу «группы-организации Тухачевского», можно считать, что изначально В.Колоссовский сообщил именно о «группе» или «организации», возглавлявшейся М.Тухачевским, который играл не пассивную (объект «политических надежд и притяжений»), а ведущую роль.

Примечательно, что официальная «справка» по данной информации А.фон Лампе не была составлена и не была отправлена, несмотря на чрезвычайную важность сообщения. Возможно, генерал ожидал дополнительной, подтверждающей информации. И он ее получил.

8 апреля генерал записал в дневнике: «Абеле[1002] звонил мне, что по его словам Тухачевский и Буденный вызваны в Москву и отправлены в Реввоенсовет, то есть кончены. Бывший генерал Лебедев сменен на посту всероссийского начальника штаба бывшим студентом Фрунзе, который сейчас вынес свою кан-

---

В.Колоссовского генерал А.фон Лампе получал также информацию и от В.Орлова. Об уровне ее достоверности можно судить, например, по его осведомленности об участии видных политических и военных деятелей из СССР в событиях накануне «немецкого Октября» 1923 года. В.Орлов был даже осведомлен и персонально и визуально о резиденте советской разведки в Берлине. Уровень его информированности о советских делах считался в ИНО ОГПУ очень высоким и потому сообщаемую им информацию следует признать в основном достоверной.

[1002] Барон Абеле, венгерский военный агент в Берлине. Он находился с А.фон Лампе в близких дружеских отношениях. Ихдружба завязалась еще в пору пребывания генерала в Будапеште в качестве представителя барона П.Врангеля. Барон Абеле являлся одним из надежных информаторов А.фон Лампе.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

дидатуру на советского Наполеона!...»[1003]. Теперь генерал считал возможным составить и отправить официальную «справку» по этому поводу, которую он на следующий день отправил в Париж.

«По заслуживающим доверия сведениям, - сообщалось в справке, - Тухачевского правительству, наконец, удалось заполучить в Москву, где он смещен со своей должности командующего Западным фронтом в Смоленске и назначен на более наблюдаемое властью место в Реввоенсовете. Туда же смещен и Буденный»[1004]. Выражения, которые использует А.фон Лампе в дневниковой записи и в «справке» – М.Тухачевский «отправлен», «кончен», его «удалось заполучить» – косвенно указывают на жестко-принудительный характер отставки советского командующего Западным фронтом. По смыслу и впечатлению это вполне согласуется информацией от 16 марта о его аресте.

...Смутные сведения и слухи о политической неблагонадежности и подозрительном поведении М.Тухачевского, поступавшие в Особый отдел ОГПУ с конца 1923 г.[1005], спровоцировали начало с 1924 г. агентурной разработки «дела генштабистов», из которого в 1926 г. было выделено наблюдательное «дело Тухачевского»[1006].

[1003] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 13-14 (в данном случае нумерация листов дается в порядке, определенном для «дела № 15»).

[1004] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 137.

[1005] 2 сентября 1923 г. заместитель полномочного представителя ГПУ по Западному краю направил спецдоклад Г.Ягоде, касавшийся политической неблагонадежности М.Тухачевского. В связи с этим было разбирательство «дела Тухачевского» в ЦКК в октябре 1923 г.

Подозрительные кадровые перестановки в комсоставе фронта, которые провел М.Тухачевский в конце декабря 1923 г., также вызвали тревогу в центре. Тогда же были предприняты безуспешные попытки «изъять» М.Тухачевского с Западного фронта и заменить его И.Уборевичем. Муссировали слухи о переговорах начальника ПУ РККА В.Антонова-Овсеенко с М.Тухачевским о возможности совершения «дворцового переворота».

Чтобы не подвергать риску известную «операцию Трест», именно в конце 1923- начале 1924 г было решено прекратить «игру» с фамилией М.Тухачевского в рамках «трестовской легенды».

Видимо, все эти обстоятельства и заставили ОГПУ на рубеже 1923-1924 гг. прибегнуть к услугам секретных сотрудников для агентурного наблюдения М.Тухачевского и ряда других «генералов» из «генштабистов». - Подробнее см. нижеследующие параграфы.

[1006] Первые конкретные сведения секретного сотрудника ОГПУ Овсянникова в ответ на вышеотмеченные слухи поступили в декабре 1925 г.

«В настоящее время, - сообщал он, - среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выявилось 2 течения: монархическое... и бонапартистское, концентрация которого происходит вокруг М.Н.Тухачевского». Это донесение сексота, очевидно, и послужило мотивом «открытия» в 1926 г. уже специального агентурно-наблюдательного «дела Тухачевского». Обращает на себя внимание, при этом, во-первых, указание на «течения», а не на «организацию». Таковая оказалась «не обнаруженной».

Во-вторых, как и в дневниковой записи А.фон Лампе 28 января 1924 г., речь идет о «концентрации бонапартистов» вокруг М.Тухачевского (в «Дневнике» – о «группирующихся вокруг Тухачевского части спецов и недовольных»). И никаких сведений об «организации заговорщиков».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Именно «смутность» представлений в ГПУ о «заговоре Тухачевского в Красной Армии» в 1924 г. утверждает и беглец из СССР А.Клингер. Позволю себе еще раз процитировать его красноречивое свидетельство: «...ГПУ было осведомлено о существовании в Красной Армии обширного антисоветского заговора. Несмотря на тщательные поиски, раскрыть заговор не удалось»[1007]. Однако есть достаточно оснований предполагать, что информация об «организации и заговоре Тухачевского» в январе 1924 г. к началу 30-х годов уже находилась в распоряжении Г.Ягоды[1008] и использовалась советскими спецслужбами в оперативных «играх» с западными странами. Попытаемся теперь выяснить, что же таилось за информацией об "организации и заговоре Тухачевского". Что послужило основой для этой информации.

Таким образом, характер первых агентурных донесений указывает на отсутствие в распоряжении ГПУ каких-либо достоверные сведения о «конспиративной» деятельности «генштабистов» и М.Тухачевского. В то же время, все сказанное выше обнаруживает присутствие «сигналов», поступавших в ОГПУ, порождавших серьезные сомнения в политической лояльности М.Тухачевского и «генштабистов». //Военные архивы России. – Выпуск № 1. - С. 100.

[1007] Клингер А. Советская каторга. – Архив русской революции. - Т. 19-20. - С. 161.

[1008] Однако необходимо обратить внимание на еще один интересный факт.

...В декабре 1932 г. в ОГПУ начали поступать из Берлина сведения о наличии в СССР «военной партии», подготавливающей государственный переворот. Сообщалось, что «эта партия развивает в настоящее время большую активность». Говорилось, что «партия эта стоит на антикапиталистической платформе, но в то же время национальна и хочет отстранить евреев от руководства государством».

Вскоре поступило уточнение, что «на самом деле, какой-либо организационно оформленной особой партии, стоящей вне ВКП (б), не существует, а существуют только определенные националистические настроения, охватившие широкие круги руководства Красной Армии».

Как видно из приведенной информации, идеологический настрой и ориентация, так называемой «военной партии» 1932 г., совершенно совпадает с идейной позицией «группы-организации Тухачевского» января 1924 г. «Идеологическим головой», руководителем «этого течения» оказался тоже М.Тухачевский. Интересно, однако, что руководство ОГПУ в лице Г.Ягоды с раздражением отмахнулось от нее, квалифицировав как дезинформацию.

Ответственные сотрудники КРО ОГПУ в несколько туманной форме объясняли ее появление, как «возвращение» собственно «дезинформации», запущенной для оперативной «игры» с французской и польской разведками.

Однако именно Г.Ягоде был направлен доклад заместителя полномочного представителя ОГПУ по Западному краю 2 сентября 1923 г. Именно Г.Ягода оказался у истоков «дела Тухачевского», которое к концу октября 1923 г. начало приобретать весьма опасное направление. И в 1932 г. именно Г.Ягода знал подоплеку информации о «военной партии». Именно он с раздражением заявлял А.Артузову и его подчиненным, что это «дезинформация» и «несерьезный материал». //Военно-исторический архив. - М., 1997. – Выпуск № 2. - С. 7-10.

Примечательно, что новое ее появление в декабре 1932 г. и опять с именем М.Тухачевского в качестве лидера, связано было с его поездкой в Германию, встречей с генералом К.фон Шлейхером и рейхспрезидентом К.фон Гинденбургом в виду уже очевидного и скорого прихода к власти нацистов – националистов и антисемитов.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

3.2. «Дело Варфоломеева» и «чистка» военной элиты в 1923 г.

...В штабе Западного фронта 13 декабря 1922 года произошло чрезвычайное событие -- сотрудниками особого отдела ГПУ были арестованы: 1-й помощник начальника штаба фронта Н.Е.Варфоломеев[1009], начальник Мобилизационного отдела штаба фронта И.Т.Алексеев[1010]. 25 декабря 1922 г. был отстранен от должности командира 27-й стрелковой дивизии В.Мозолевский[1011]. 28 декабря 1922 г. был отстранен от должности командира 15-го стрелкового полка (5-й стрелковой дивизии) и взят под следствие ветеран 27-й стрелковой дивизии Р.И.Сокк[1012]. Начальник штаба 79 стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии А.Аленкин (24 января 1923 г.) и временный командир 79 стрелкового полка С.Анников (28 апреля) были смещены со своих должностей[1013]. 28 декабря 1922 г. был переведен («понижен») на должность помощника командира 15-го стрелкового полка начальник оперативно-строевой части штаба 4-го стрелкового корпуса и арестован П.Г.Лаппо[1014].

Официально до 9 февраля 1923 г. Н.Варфоломеев, хотя и был уже арестован, однако оставался в прежней должности[1015]. Очевидно, он начал давать показания, его компрометировавшие именно к этому времени, поскольку 9 февраля 1923 г. он был «прикомандирован к штабу Западного фронта для работы в РВС фронта»[1016]. Иными словами, формально его сместили с прежней должно-

---

Примечательно, что вновь информацию о «военной партии», возглавляемой М.Тухачевским и исповедующей национализм и антисемитизм, начали муссировать на Западе, в Германии в 1936-1937 гг. – Там же, с. 15.

[1009] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 174. Л. 20.

[1010] Там же, Оп. 3. Д. 168. Л. 3-4, 112; Алексеев Иосиф Терентьевич (1882-19??), из крестьян. Русский, беспартийный, капитан Генштаба (1917). В РККА с августа 1918 г. С 1919 г. – в штабах 9-й и 11-й армий. Начальник Мобилизационного управления штаба Западного фронта (20.5.1922-12.1.1923). В резерве Штаба РККА с 21.1.1923 г. Затем – инспектор вневойсковой подготовки комсостава. – См. РГВА, Послужной список Алексеева И.Т. 12 января 1923 г. и 1 февраля отправлен в резерв Штаба РККА; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА (к 1 марта 1923 г.) М., 1923, с. 12.

[1011] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 72.

[1012] Там же, Л. 110.

[1013] Там же, л. 2, 3, 72. До августа 1922 г. в течение долгого времени 79-м полком командовал ветеран дивизии, взятый с 28.12.1922 г. Р.Сокк. Скорее всего, перемещение указанных командиров, его старых сослуживцев и ближайших сотрудников было обусловлено его арестом.

[1014] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 65. П.П.Лаппо 1.1.1923 г. был переведен на должность помощника командира 15-го стрелкового полка. Вскоре был освобожден от должности и арестован. 2.9.1923 г. он был уволен из РККА.

[1015] РГВА. Послужной список Варфоломева Н.Е.

[1016] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сти только в первой декаде февраля. Видимо, в это время он начал называть фамилии офицеров, прямо или косвенно «скомпрометированных» отношениями с ним, выходящими за рамки служебных и политически лояльных. Скорее всего, именно в связи с указанными выше обстоятельствами 1 февраля 1923 г. отстраняется от должности начальник оперативного отдела штаба фронта В.Шестун[1017] и переводится на должность преподавателя курсов временного комсостава Западного фронта[1018]. В тот же день, 1 февраля 1923 г. со своей должности начальника информационного отделения разведотдела штаба фронта был смещен Г.Эрман. Был смещен со своей должности помощник начальника Управления 2-го помощника начальника штаба фронта Б.А.Нигель. Он отвечал непосредственно за работу Мобилизационного отдела и его начальника арестованного И.Алексеева. Через несколько дней, 6 февраля 1923 г., был освобожден от занимаемой должности вышеупомянутый П.Лаппо и арестован. 8 февраля 1923 г. с должности члена РВС фронта был отозван И.Перепечко[1019]. На его место был временно назначен В.Касаткин, начальник ПУ фронта, повышенный в ранге до «помощника командующего по политической части»[1020].

С 27 февраля по 4 марта 1923 г. в Москве по «делу Варфоломеева» давали показания начальник штаба фронта С.Меженинов, военком штаба фронта С.Клюсек и состоявший для особых поручений при начальнике штаба фронта Б.Бострем[1021]. После этого, со своих должностей были сняты военком штаба С.Клюсек, военком 1-го управления штаба фронта Б.Толпыго, секретарь военкома штаба фронта А.Куликов и адъютант начальника штаба фронта Н.Егоров[1022].

[1017] Шестун Василий Викторович (1878-19??), украинец, из мещан. Окончил в 1900 г. Елизаветградское кавалерийское училиещ, а в 1908 г. Николаевскую Академию Генерального штаба. В 1917 г. подполковник Генштаба. В РККА – добровольно с апреля 1918 г. С 1918 г. на штабных должностях в соединениях Западного фронта. В октябре 1919 – апреле 1921 г. в штабе Южного фронта. С мая 1921 г. вновь в штабе Западного фронта. Последняя должность – начальник оперативного отдела Управления 1-го помощника начальник штаба фронта с 15 декабря 1922 г. Позднее, с 22 мая 1923 г. – преподаватель тактики Борисоглебской Ленинградской кавалерийсой школы. – РГВА. Послужной список Шестуна В.В.

[1018] Там же.

[1019] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 3; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922). М., 1978, с. 530.

[1020] Там же; РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 14.

[1021] Там же, Д. 168. Л. 23.

[1022] Там же, Л. 3, 23, 112.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Состав шифровального отделения был почти полностью обновлен: со своих должностей к марту 1923 г. были смещены (и, возможно, арестованы) начальник отделения М.Филиппов, его помощник В.Буш и старший шифровальщик И.Шохин[1023]. 21 марта 1923 г. был смещен со своей должности начальник Разведывательного отдела Управления 1-го помощника начальника штаба фронта и отправлен в резерв Разведовательного управления Штаба РККА С.Р.Будкевич[1024]. Вместе с ним был отставлен состоявший для поручений по войсковой разведке (адъютант) М.П.Горанский.

15 марта 1923 г. от должности командующего Западным фронтом был отстранен М.Тухачевский[1025]. Возвращение ему этих функций обнаруживается лишь в приказе № 50 по штабу Западного фронта от 29 марта 1923 г[1026].

В этой ситуации обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Именно в это время М.Тухачевского отправили в «интересную» командировку в Германию с предложением новой «интересной и хорошей» должности[1027]. М.Тухачевский, согласно штабным приказам Западного фронта, инспектировавший войска фронта, на самом деле, с 15 по 22 марта находился в Берлине и вел переговоры «с немцами». Уже 22 марта М.Тухачевский был в Смоленске.

[1023] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 3, 23, 112.

[1024] С.Р.Будкевич в это время проходил по штабным документам фронта под псевдонимом «Бобровский М.П.». - РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 41.

[1025] Там же, Л. 32.

[1026] Там же, Л. 41. Любопытно, что предшествовавший ему приказ № 48 был датирован 31 марта. Можно предполагать, что приказ № 50 был датирован «задним числом», хотя на самом деле появился на свет не ранее 31 марта или даже 1 апреля. При этом важно отметить, что как такового приказа о восстановлении М.Тухачевского в должности командующего фронтом не было. Из контекста приказов о перемещении лиц, сопровождавших командующего в командировках (А.Виноградова и А.Протас), появившихся после 31 марта 1923 г., должно было следовать, что никакого отстранения М.Тухачевского от должности не было. Просто с 15 по 22 марта 1923 г. он находился в поездке по фронту. Считать, что С.Меженинов, его начальник штаба, был назначен временно исполняющим обязанности командующего фронтом на период недельного отсутствия М.Тухачевского, отправившегося инспектировать соединения и части фронта, было бы абсурдным. Абсурдна сама ситуация лишения командующего его полномочий, когда он их отправился фактически и непосредственно исполнять. К тому же это был, по сути дела, единственный случай, когда в отсутствие М.Тухачевского его обязанности временно передавались другому лицу. Дело в том, что за все время командования фронтом М.Тухачевский значительную часть служебного времени проводил в командировках. При этом бывали случаи, когда почти по месяцу, по 2 – 3 недели, находясь за пределами дислокации войск фронта, но и тогда он не лишался даже на время прав командующего. Здесь же, он должен был отсутствовать всего фактически 5 дней в пределах фронта. Наконец, непонятно, почему вообще следовало назначать С.Меженинова временным командующим фронтом, когда по штату фронтового командования существовала должность помощника командующего, которую в это время занимал Генштаба В.Чернавин, который и исполнял административные функции командующего при его отсутствии. Таким образом, «постфактум» отданные приказы, должные объяснить отсутствие М.Тухачевского в Смоленске его командировкой по фронту, скорее всего, призваны были затушевать или как-то объяснить казус с его отставкой.

[1027] См. выше сообщение в дневнике А.фон Лампе от 22 марта 1923 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Достоверно известно, что в этот день он выступал с докладом на заседании ВНО фронта[1028]. Однако его восстановление в правах командующего, видимо, состоялось примерно 29 марта – 1 апреля 1923 г. Этой кратковременной, но весьма знаменательной, отставке М.Тухачевского предшествовала уже начавшаяся «чистка» в его ближайшем служебном окружении, в секретариате командования фронтом.

6 января 1923 г. была отправлена в длительный отпуск, а затем, 21 апреля 1923 г., «по собственному желанию» уволена адъютант М.Тухачевского, А.Протас[1029]. Уже в марте 1923 г. к штабу фронта, был прикомандирован для исполнения обязанностей адъютанта (вместо А.Протас) командир роты 15-го стрелкового полка 5-й стрелковой дивизии М.Михайлов-Морозов[1030]. Со своих должностей были смещены входившие в состав секретариата командующего: старший делопроизводитель М.Напольский (март 1923 г.), состоящий для поручений при РВС фронта П.Кулик (март 1923 г.)[1031]. Следует заметить, что Л.Гейман, состоявший для поручений при командующем фронтом, фактически перестает исполнять свои обязанности уже с апреля 1923 г. Таким образом, из восьми членов секретариата командующего к апрелю 1923 г. пятеро были так или иначе отстранены от своих должностей и заменены другими лицами.

Вместо отстраненного от должности М.Тухачевского с 16 марта 1923 г. временно исполняющим обязанности командующего фронтом был назначен С.Меженинов[1032]. В сущности, за внешним «повышением», также было «скрыто» отстранение С.Меженинова от должности начальника штаба фронта. Он оказался во «временном» положении, лишенным своей «постоянной» должности. Таковым же оказалось и положение А.Кеппена, «временно» занявшим должность начальника штаба фронта[1033].

ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4133.
[1028] Революция и война. – 1923. - № 20. - С. 268.
[1029] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 2, 40, 41.
[1030] Там же, Л. 41.
[1031] Там же, Д. 173. Л. 3, 85, 127.
[1032] Там же, Д. 168. Л. 32.
[1033] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В конце марта 1923 г. С.Меженинова вновь вызвали в Москву в качестве свидетеля по «делу Варфоломеева»[1034]. Вскоре после этого его отправили в отпуск, из которого он возвратился только в начале мая[1035]. Однако, прослужив не более полутора месяцев, 18 июня 1923 г. С.Меженинов фактически был отстранен от занимаемой должности[1036], а 6 июля это отстранение было оформлено приказом[1037].

«Мягкие» репрессии ожидали и А.Кеппена. До 18 мая 1923 г. он временно занимал должность 1-го помощника начальника штаба фронта. Затем был возвращен на свою старую должность начальника оперативного отдела, а 27 июня 1923 г. его «убрали» из штаба фронта, назначив помощником начальника штаба 4-го стрелкового корпуса[1038]. Она была вакантна с апреля месяца. Это было очевидным понижением.

Возможно, его отставкая произошла бы и раньше. Дело в том, что на вакантную должность 1-го помощника начальника штаба фронта московские власти не хотели назначать А.Кеппена, как «скомпрометированного» «делом Варфоломеева», который был его непосредственным начальником. На эту должность был назначен С.Г.Бежанов-Сакварелидзе. Он прибыл в Смоленск лишь в середине мая 1923 г. введение его в дела штаба фронта, который для него был малознаком, требовало определенного времени. Поэтому с отставкой С.Меженинова пришлось немного подождать.

В ходе следствия по «делу Варфоломеева», которое продолжалось до мая 1923 г., 6 апреля 1923 г. был арестован помощник начальника штаба 4-го стрелкового корпуса В.Д.Залесский и временно исполнявший обязанности начальника оперативно-строевой части штаба корпуса И.М.Мерклинг (16 апреля 1923 г.)[1039].

[1034] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 34.
[1035] Там же, Л. 54.
[1036] Там же, Л. 68.
[1037] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922). - Т. 4. - С. 530.
[1038] РГВА. Послужной список Кеппена А..Г. № 112849.
[1039] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 45, 76. В.Д.Залесский, по окончании следствия был отправлен 18 сентября 1923 г. в резерв РККА, а И.М.Мерклинг – 28 августа 1923 г. уволен из РККА. Мерклинг Иван Михайлович (1879-19??), из дворян, полковник, участник русско-японской и 1-й мировой войны, беспартийный. В РККА с декабря 1917 г. В штабе 4-го стрелкового корпуса с 1922 г. После освобождения из-под ареста – начальник ад-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Получалось, что «делом Варфоломеева» оказались скомпрометированы: командующий фронтом М.Тухачевский (временно **отстранен** от должности 15.3-29.3.1923); член РВС фронта И.Перепечко (**отставлен** 8.2.1923); начальник штаба фронта С.Меженинов (**отставлен** 18.6.1923); военком штаба фронта С.Клюсек; 1-й помощник начальника штаба фронта Н.Варфоломеев (**арестован** 13.12.1922); военком 1-го Управления штаба Б.Толпыго; начальник оперативного отделения В.Шестун; его помощник А.Бредов; начальник разведовательного отдела С.Будкевич; начальник информационного отделения Г.Эрман; начальник шифровального отделения М.Филиппов; его помощник В.Буш; помощник начальника 2-го Управления штаба фронта Нигель Б.А.; начальник мобилизационного отдела И.Алексеев (**арестован**); помощник начальника штаба 4-го стрелкового корпуса В.Залесский (**арестован**); начальник оперативно-строевой части штаба 4-го стрелкового корпуса П.Лаппо (**арестован** и уволен); временно исполняющий должность начальника оперативно-строевой части 4-го стрелкового корпуса И.Мерклинг (**арестован** и уволен).

Оставляя в стороне факты смещения со своих должностей военных комиссаров разных уровней, поскольку они выполняли функции политического надзора и контроля. В сложившейся данной ситуации их отставка была обусловлена тем, что они не сумели выполнить своих функций. Я хочу обратить внимание на тех лиц, которые подверглись «репрессиям» и на степень «наказания», примененную к каждому из этих лиц.

Аресту подверглись прежде всего высшие офицеры фронтового штаба, отвечавшие за оперативное и мобилизационное планирование: Н.Варфоломеев, И.Алексеев. После закрытия «дела» эти лица уже не были допущены к штабной работе в войсках. Они были переведены на преподавательскую работу. Это могло означать, что преднамеренного преступного действия с их стороны допущено не было (следствие, видимо, не обнаружило таковых фактов). В противном случае они могли быть преданы суду (этого не произошло) или, по крайней мере, уволены из армии.

министративно-хозяйственной части инженерного полигона ВТУ РККА с 1923 г. – См. РГВА. Послужной спи-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Обращает на себя внимание тот факт, что полностью было «вычищено» шифровальное отделение, непосредственно подчиненное начальнику штаба фронта. Кроме того, со своих должностей оказались смещенными начальник разведывательного отдела С.Будкевич (М.Бобровский), его помощник по войсковой разведке М.Горанский и начальник информационного отделения Г.Эрман. Это могло значить, что разведывательная информация по войсковым вопросам каким-то образом вышла за пределы Управления 1-го помощника начальника штаба фронта. Н.Варфоломеев оказался тем ответственным лицом к которому должны были стекаться сведения по войсковой разведке (М.Горанский), по всякого рода разведывательной информации (Г.Эрман), оперативное планирование (А.Кеппен, В.Шестун, А.Бредов). Кроме Н.Варфоломеева доступ к этой информации имели начальник штаба фронта С.Меженинов и, конечно, командующий фронтом М.Тухачевский.

Таким образом, утечка информации могла произойти и на уровне начальника штаба фронта и на уровне командующего. Косвенно на возможность «утечки информации» через М.Тухачевского указывает доклад заместителя полномочного представителя ГПУ по Западному краю от 2 сентября 1923 г., в котором «докладчик» сообщает о «секретных документах», оставленных командующим фронтом у «стенографистки-полюбовницы»[1040]. Речь, очевидно, шла об адъютанте М.Тухачевского А.Протас, о фактическом отстранении которой от дел и увольнении в апреле 1923 г. выше уже говорилось.

Таким образом, «дело Варфоломеева» можно было бы квалифицировать как разновидность «шпионского дела». Однако, следует иметь в виду, что в ОГПУ часто прибегали к такого рода «прикрытию», когда официально арест военнослужащего, внешне мотивированный «шпионским делом», «утечкой секретной информации», на самом деле скрывал политическую подоплеку[1041]. Однако попытка отнять у М.Тухачевского в марте 1923 г. фронтовое командо-

---

сок Мерклинга И.М.

[1040] Подробнее об это «докладе» см. ниже.

[1041] В 1930 г. в своем письме И.Сталину по поводу ареста Н.Какурина и И.Троицкого в связи с «заговором группы Тухачевского» писал, что официально, чтобы «не спугнуть» других членов этой «группы» и самого

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вание окончилась неудачей. В начала апреля 1923 г. М.Тухачевский вновь был командующим Западным фронтом, хотя вынужден был примириться с «чисткой» своего окружения и штаба.[1042]

Такой ход событий, развернувшихся после ареста Н.Варфоломеева, очевидно, связан был не только с мощным авторитетом и большой популярностью М.Тухачевского. Это не было также лишь следствием сильной для него военно-политической опоры в лице друзей, ветеранов-соратников в соединениях и частях Западного фронта. Следует обратить внимание и еще на некоторые обстоятельства, которые, видимо, способствовали восстановлению М.Тухачевского в должности командующего фронтом и стабилизации его военно-политического положения.

Выше отмечалось, что обозначенная с 15 по 22 марта 1923 г. в штабных приказах поездка М.Тухачевского «по фронту», на самом деле была прикрытием его кратковременной поездки в Германию, в Берлин. Об этом свидетельствует генерал А.фон Лампе[1043]. В этой поездке М.Тухачевского сопровождали А.Виноградов, бывший белый полковник П.Дилакторский, В.Солодухин[1044]. Судя по составу этой «делегации» и персональных возможностях ее членов, «миссия Тухачевского» должна была решить несколько задач для достижения одной цели. Эта цель – подготовка к совместному русско-германскому вооруженному выступлению в случае начала военных действий против французских и польских войск. Для этого, как свидетельствовал А.фон Лампе, М.Тухачевский «вел какие-то переговоры с немцами». Это не были переговоры с главнокомандующим Рейхсвера генерал-полковником Г.фон Сектом, с которым М.Тухачевский познакомился лишь осенью 1925 г. В контексте имеющейся смутной информации пребывание М.Тухачевского в Берлине в 1923 г. свя-

---

М.Тухачевского, их арест объяснялся «шпионским делом». Такая же ситуация могла иметь место и в связи с арестом Н.Варфоломеева.

[1042] Впрочем, следует отметить, что его адъютант и «жена» А.Протас, как и состоящий при нем для поручений Л.Гейман к лету 1923 г. также возвратились к исполнению своих обязанностей. Они были вторично, уже окончательно смещены позже: А.Протас была уволена 14 августа 1923 г. – РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 100; Д. 29. Л. 73. Л.Гейман – переведен в распоряжение ПУ фронта 15 октября 1923 г. – РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 127.

[1043] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 4133.

[1044] Они упоминаются там же, Л. 4133, 4143.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

зано было с проблемами «черного рейхсвера». Учитывая, что командующий «черным рейхсвером» майор Генштаба Бухрукер, являлся сотрудником журнала «Война и Мир», пропагандировавшим достоинства М.Тухачевского, последний, скорее всего, прибыл в Берлин для обсуждения вопроса об участии «черного рейхсвера» в возможных боевых действиях против французских войск (может быть и польских), если таковые начнутся. Эти переговоры М.Тухачевский мог вести с одним из ближайших сотрудников генерала Г.фон Секта майором К.фон Шлейхером, возглавлявшим военно-политический отдел в командовании Рейхсвера и являвшимся посредником в отношениях между Рейхсвером и «черным рейхсвером»[1045]. П.Дилакторский, в белой армии генерала Е.Миллера являвшийся ближайшим сотрудником генерала Марушевского, должен был, вероятно, наладить контакты с русской военной эмиграцией в Берлине на предмет содействия Красной Армии в случае войны. Генерал Марушевский в это время являлся одним из ближайших сотрудников П.Врангеля в Париже. Он имел многообразные связи в военных и политических кругах Франции и других стран, предпринимая поездки в том числе в Германию. Восстановление контактов П.Дилакторского с Марушевским должно было способствовать успеху «миссии». Наконец, и П.Дилакторский, и В.Солодухин вступили в тесные контакты с руководством журнала «Война и Мир» и представителями русской военной эмиграции в Берлине. Об этом выше говорилось достаточно подробно. Обстоятельства и предполагаемые цели и задачи «миссии Тухачевского» в Берлине в марте 1923 г., несомненно, поднимали его военно-политический авторитет и укрепляли в сложившейся «фронтовой» ситуации должностные позиции.

Надо сказать, что имеются сведения о еще одной «секретной» командировке М.Тухачевского в Германию, в связи с указанными проблемами. 30 мая 1923 г. он вместе с М.Фрунзе был в Штеттине[1046]. Косвенным образом это под-

---

[1045] Вероятно, это обстоятельство, а именно, знакомство М.Тухачевского с К.фон Шлейхером еще в марте 1923 г., в значительной мере обусловило направление именно М.Тухачевского в сентябре 1932 г. в Германию на маневры и переговоры с генералом К.фон Шлейхером, ставшим к этому времени военным министром и почти занявшим пост рейхсканцлера Германии.

[1046] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 89.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

тверждается и штабными приказами фронта. С 17 мая по 12 июня 1923 г. он, вместе с А.Виноградовым, считался в «полевой поездке»[1047]. Так объяснялось его отсутствие в штабе фронта в Смоленске.

Учитывая все вышесказанное, можно считать, что, видимо, «дело Варфоломеева» не обнаружило достаточно реальных оснований криминального характера для серьезных «репрессивных» выводов в отношении комсостава РККА на Западном фронте и за его пределами[1048]. Таким образом, «дело Варфоломеева» не смогло стать достаточным основанием для смещения М.Тухачевского с должности командующего Западным фронтом. Однако как мне представляется, именно оно послужило толчком, даже началом, или, главным образом, поводом для крупномасштабной «чистки» высшего комсостава РККА летом-осенью 1923 г. и основанием для распространившихся в русском белом зарубежье слухов о «группе организации и военном заговоре Тухачевского».

Сразу же по завершении «дела Варфоломеева» (к середине мая 1923 года), 2 июня 1923 г. Пленум ЦКК РКП (б) принял постановление об обследовании военного ведомства. Председателем комиссии был назначен В.Куйбышев, смененный в сентябре С.Гусевым. Обследованию должны были подвергнуться Западный фронт, Украинский военный округ, Московский военный округ и Северо-Кавказский военный округ. В результате деятельности этой комиссии

[1047] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 63.

[1048] Из числа ранее упоминавшихся арестованных командиров и штабных работников, прямо или косвенно связанных с «делом Варфоломеева», бывший подполковник И.Мерклинг, бывший полковник П.Лаппо и бывший офицер л-г.Семеновского полка С.Анников были уволены из РККА. Но это все были командиры среднего звена. Что касается высших сотрудников штаба Западного фронта, то начальник оперативного отделения В.Шестун был в начале февраля 1923 г. переведен преподавателем курсов временного комсостава Западного фронта, а затем уволен из РККА. Впрочем, в 1925 г. он вновь числился на преподавательской работе в военных учебных заведениях (по крайней мере, до 1926 г.).

И.Алексеев был освобожден из-под ареста в 1923 г. и назначен инспектором вневойсковой подготовки комсостава.

В.Залесский в сентябре 1923 г. был освобожден из-под ареста, отправлен в резерв штаба РККА, но вскоре, 1 октября 1923 г. был назначен помощником командира 28-й стрелковой Горской дивизии (т.е. «сослан» на Кавказ). Он продолжал служить, в основном на штабных должностях в боевых частях вплоть до апреля 1929 г.

Наконец, Н.Варфоломеев из-под ареста был освобожден 7 мая 1923 г. и переведен в распоряжение Штаба РККА. Уже 22 мая его назначили руководителем, а в начале июня 1924 г., старшим руководителем, практических занятий в Военной академии РККА. 1 июня 1925 г., по инициативе М.Тухачевского, он становится заместителем Главного руководителя по стратегии всех военных академий РККА. (Главным руководителем с августа 1924 г. был сам М.Тухачевский). – РГВА. Ф. 4. Оп. 5. Д. 1192. Л. 2, 65, 76; Послужной список Шестуна В.В. ; Послужной список Алексеева И.Т.; Список лиц с высшим общим военным образованием.... - С. 5.; РГВА. Ф. 4. Оп. 5. Д. 1192. Л. 45; Послужной список Залесского В.Д. № 899000, 899001, 899002, 899003.; Послужной список Варфоломеева Н.Е.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

весьма масштабной «чистке» подвергся высший комсостав не только указанных округов, но особенно Украинского военного округа.

…В июле 1923 г. был смещен с должности заместителя начальника УВУЗ ВСУК и УВО и начальника школы усовершенствования высшего комсостава УВО ранее упоминавшийся друг М.Тухачевского подполковник Генштаба И.Троицкий. Его отправили военным атташе в Турцию. Такого рода назначения высших офицеров всегда расценивались как «опала» и «наказание».

В августе 1923 г. с должности командира 6-го стрелкового корпуса был смещен Г.Восканов и через некоторое время отправлен в «горячую точку», на дальний Туркестанский фронт помощником командующего. Такого рода служебно-должностные перемещения, обычно, но неофициально, воспринимались как «опала» и выражение недоверия «генералу», если его с должности «командира» переводили на должность «заместителя командира», хотя и с формальным будто бы повышением. В сущности после этого дальнейшая служебная карьера Г.Восканова была «сломана». Он недолго прослужил на Туркестанском фронте. Пробыв некоторое время заведующим военным сектором Всесоюзного комитета по стандартизации, с апреля 1926 г. он на долгое время оказался на военно-дипломатической службе в качестве военного атташе в разных странах.

Вскоре после его отставки, осенью 1923 г. был смещен с должности и его ближайший сотрудник начальник штаба 6-го стрелкового корпуса ротмистр Генштаба И.Бартельс. Во главе наиболее боеспособного и полнокровного соединения УВО 6-го стрелкового корпуса после смещения Г.Восканова был поставлен друг М.Фрунзе, который пользовался у него большим доверием, К.Авксентьевский.

В августе же 1923 г. с должности начальника штаба Вооруженных сил Украины и Крыма и Украинского военного округа был смещен и отправлен в распоряжение РВС СССР А.Андерс. Вслед за ним был смещен с должности 2-го помощника командующего ВСУК и УВО Н.Соллогуб и переведен, фактически» на преподавательскую работу, что, как известно, и ныне в военных кругах

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

воспринимается как выражение «недоверия» и «опалы». Он был назначен начальником Академии ВВС РККА.

Давней совместной службой в штабе 1-й армии в период 1-й мировой войны с Н.Соллогубом был связан и Главком С.Каменев. Главком С.Каменев еще с дореволюционных времен находился в дружбе с начальником оперативного отдела штаба УВО и ВСУК генералом Генштаба Н.Махровым, занимавшим эту должность с мая 1921 г. Совместная служба в руководстве ВСУК и УВО с 1921 г. связывали Н.Махрова с Н.Соллогубом и А.Андерсом. Н.Махров также был отправлен в отставку.

Примечательно, что безупречная репутация специалиста-генштабиста и друга С.Каменева у Н.Махрова сочеталась с крайне «подозрительной» политической: оба его брата – П.Махров и В.Махров – всю гражданскую войну прослужили в армиях А.Деникина и П.Врангеля и находились в эмиграции. Более того, генерал П.Махров занимал в деникинской и врангелевской армиях очень высокую должность начальника штаба Вооруженных сил Юга России.

Примечательно, что в связи с отставкой А.Андерса и Н.Махрова сначала в качестве помощника, а затем и временного начальника штаба ВСУК и УВО был назначен Р.Лонгва, занимавший до этого должность начальника Разведуправления Штаба ВСУК, член коллегии ГПУ УССР. Р.Лонгва был, как известно, «человеком Уншлихта», до конца августа занимавшего должность заместителя начальника ОГПУ и куратора советской военной разведки. Как и отставка Н.Соллогуба, А.Андерса, Н.Махрова, так и указанное назначение были более, чем знаменательны и имели явно выраженную политическую подоплеку.

Очевидно, эта «чистка» была проведена в связи с некоторыми обстоятельствами разгоравшейся внутрипартийной борьбы 1923 г. и не вопреки, а, скорее всего, с согласия М.Фрунзе. В связи с этими обстоятельствами следует обратить внимание на некоторые факты.

31 июля 1923 г. Г.Зиновьев в письме И.Сталину из Кисловодска, в частности писал и подавал совет: «Тут был на днях Раковский. Приезжал к Троцкому, к нам не заходил. Украину, по-моему, надо серьезно укрепить новыми

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

крупными людьми. Заключаю это из разговоров с Фрунзе»[1049]. Судя по контексту тревогу о партийно-политической обстановке на Украине выразил именно М.Фрунзе. Известно, что именно в июле 1923 г. Х.Раковский, известный сторонник Л.Троцкого в начавшейся внутрипартийной борьбе, был смещен с должности Председателя Совнаркома УССР и отправлен на дипломатическую работу. Беспокойство вызывали и «протроцкистсткие» настроения в войсках ВСУК и УВО. В частности, командир 1-го кавалерийского корпуса В.Примаков, практически все его соратники выразили свою поддержку Председателю РВСР.

...Когда 28 ноября 1941 г. был арестован старший преподаватель кафедры конницы Военной академии им. М.В.Фрунзе генерал майор Г.Армадеров, ему, в числе прочих обвинений, «припомнили», что еще «в 1922 году вместе со своим сослуживцем по старой армии Н.В.Соллогубом он был вовлечен в офицерскую заговорщическую организацию для поддержки Троцкого»[1050]. Говорилось также, что он якобы, продолжал в ней состоять до 1926 года[1051].

Действительно, военная карьера Г.Армадерова, бывшего капитана гвардии, была весьма успешной. К концу гражданской войны он занимал высшие штабные должности: начальник штаба 10 Терско-Дагестанской армии и врид командарма-10. В 1921 г. его, в числе немногих выдающихся командиров Красной Армии, не имевших военно-академического образования, за особо выдающиеся заслуги перевели в Генштаб. Иными словами приравняли к лицам с академическим образованием. В последующие годы его военная карьера также была прекрасной. В конце 1922 года он был уже временно исполняющим обязанности командира 1-го кавалерийского корпуса у В.Примакова. В ноябре 1923 г. (по другим сведениям в январе 1924 г.)[1052] Г.Армадеров был назначен начальником штаба 6-го стрелкового корпуса, затем – начальником штаба 2-го кавалерийского корпуса. Наконец, 1 марта 1926 года его назначают инспекто-

---

[1049] Г.Е.Зиновьев – И.В.Сталину, 31 июля 1923 г., Кисловодск. – Опубликовано в Известиях ЦК КПСС. – 1991. - № 4. - С. 200.
[1050] Военно-исторический журнал. – 1992. - № 12. – С. 13.
[1051] Там же.
[1052] РГВА. Послужные списки Г.А.Армадерова № 9148, 9149, 9150.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ром кавалерии Украинского военного округа[1053]. И вдруг, - 8 сентября 1926 г. он был уволен в резерв РККА. Ему в это время исполнилось 38 лет. Явно, возраст не пенсионный! Весьма примечательна и тревожна была формулировка увольнения: «зачислен в резерв с откомандированием вне военного ведомства (стекло-фарфор объединние ВСНХ СССР, инженером)»[1054]. Человек, имевший в соответствие с должностью «К-12», что можно было приравнять к чину генерал-лейтенанта, отправлен на сугубо гражданскую работу, не по специальности, простым инженером. Более того, в 1930 г., согласно записи в послужном списке, Г.Армадеров, «инженер, уволен в запас за невозможностью соответствующего использования в РККА в мирное время». Эта формула для сведущих людей означала арест. Только 13 ноября 1932 г. он вновь оказался возвращен в кадры РККА на преподавательскую работу, руководителем по тактике Военно-инженерной академии. Ему была присвоена, на это следует обратить внимание, «категория-10», т.е. «комбрига». Это – на два ранга ниже той, в которой он состоял до увольнения[1055]. Для такого жесткого решения в отношении преуспевающего молодого «красного генерала», очевидно, нужны были достаточно серьезные и, думается, реальные основания.

В 1926-м же году преподавателем Военно-политической академии становится Н.Соллогуб, в 1922-1923 гг., занимавший до этого должность Помощника командующего Вооруженными силами Украины и Крыма[1056].

В связи с вышесказанным достаточно загадочно воспринимается реплика Л.Троцкого в выступлении 26 октября 1923 г. на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК. Отметая обвинения в «протежировании» с его стороны начальнику ВОСО РККА Аржанову, Л.Троцкий заметил: «...Аржанов. Он также близок мне как Сологуб или Аренс...»[1057]. Замечание Л.Троцкого являлось как бы опроверже-

---

[1053] РГВА. Послужные списки Г. А. Армадерова № 9148, 9149, 9150.
[1054] Там же.
[1055] Там же.
[1056] Список лиц с высшим общим военным образованием. - С. 212.
[1057] Черновая запись заключительных речей Л.Д.Троцкого и И.В.Сталина на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП (б) 26 октября 1923 г. – Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 10. - С. 184. Цитата приводится с подлинной орфографией записи. Фамилия «Аренс», видимо, приведена с явной ошибкой в стенограмме. Судя по контексту, «Сологуб» – это Н.Соллогуб, Помощник командующего Вооруженными Силами Украины и Крыма. «Аренс», упомянутый рядом с «Сологубом», - А.Андерс, начальник штаба Вооруженных Сил Украины и Крыма.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нием слухов о «близости» Аржанова, Н.Соллогуба, А.Андерса к Председателю РВС СССР. Все это вполне смыкается с информацией, оказавшейся в составе обвинения генерала Г.Армадерова в ноябре 1941 г. Напомню, в нем говорилось об «офицерской заговорщической организации в поддержку Троцкого», в которую в 1922 г. были вовлечены Г.Армадеров со своим другом Н.Соллогубом.

…С июля по ноябрь 1923 г. со своих должностей, как правило с понижением, были смещены следующие «генералы»:

1.Меженинов С.А., капитан Генштаба – начальник штаба Западного фронта (18.6. (официально с 6.7.)1923).

2.Чернавин В.В., генерал-лейтенант – помощник командующего Западным фронтом (фактически с 11.1923 г., официально – 5.1924).

3.Корф С.Я., штабс-капитан – начальник ВВС Западного фронта (9.1923).

4.Андерс А.К., полковник Генштаба – начальник штаба Украинского военного округа (8.1923).

5.Соллогуб Н.В., полковник Генштаба – 2-й помощник командующего Украинского военного округа (10.1923).

6.Махров Н.С.,генерал-майор Генштаба – 1-й помощник начальника штаба Украинского военного округа (8.1923).

7.Восканов Г.К., подполковник – командир 6-го стрелкового корпуса УВО (16.8.1923).

8.Бартельс И.И., капитан Генштаба – начальник штаба 6-го стрелкового корпуса УВО (6.11.1923).

9.Граужис И.И., капитан Генштаба – начальник штаба 7-го стрелкового корпуса УВО.

10.Троицкий И.А., подполковник Генштаба – начальник школы усовершенствования высшего комсостава Украинского военного округа (7.1923).

11.Новицкий Ф.Ф., генерал-майор Генштаба – начальник штаба Управления ВВС РККА (8.1923).

12.Петрожицкий И.И., поручик – помощник начальника Управления ВВС РККА (7.1923).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

13.Надежный Д.Н., генерал-лейтенант Генштаба – командир 2-го стрелкового корпуса МВО (11.1923).

14.Грушецкий В.Ф., подполковник – командир 3-го стрелкового корпуса МВО (11.1923).

15.Афанасьев Ф.М., полковник Генштаба – помощник начальника Военной Академии РККА (11?1923).

16.Уборевич И.П., подпоручик – командующий 5-й Отдельной армии (12.11.1923).

17.Артемьев К.П., подполковник Генштаба – начальник штаба 5-й Отдельной армии (11.1923).

18.Буденный С.М. – командующий 1-й Конной армией (28.8.1923).

Таким образом, судя по указанным выше лицам, в результате обследования, проведенного комиссией ЦКК, были фактически «вычищены»: командное ядро Западного фронта, Украинского военного округа, 5-й Отдельной армии, 1-й Конной армии, командование ВВС РККА, а также командование стрелковых корпусов МВО (полностью) и УВО (частично).

Следует обратить внимание на то, что 2-й помощник командующего Украинским военным округом Н.Соллогуб, соратник М.Тухачевского, являлся старым приятелем и «креатурой» Главкома С.Каменева. «Креатурой» Главкома был и 1-й помощник начальника штаба УВО Н.Махров. Их удаление – означало, несомненно, ослабление позиций С.Каменева.

Начальник штаба УВО А.Андерс был давним сослуживцем К.Авксентьевского, близкого приятеля М.Фрунзе. Он сопровождал М.Фрунзе в поездку с миссией с Турцию. А.Андерс служил в Туркестане и с некоторыми оговорками может рассматриваться как «человек Фрунзе». Однако и он был отставлен. Ни Л.Троцкий, ни М.Фрунзе не воспрепятствовали «чистке», хотя ее результаты вели к очевидному ослаблению их политического влияния и роли. У центральной власти оставалась нерешенной лишь проблема с М.Тухачевским, изъятие которого с Западного фронта не удавалось. Так или иначе, но состав

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военной элиты к ноябрю 1923 г. заметно изменился. После проведенной «чистки» он был представлен следующими лицами:

	Фамилия, имя, Отчество.	Год Рождения	Национальность	Социальное происхождение	Образование	Чин в старой армии	В РККА в воен. элите	Должность	Партийность
1	Каменев Сергей Сергеевич	1881	Русский	Из семьи офицера	АГШ	Полковник ГШ	1918	Главком РККА	Б/п
2	Лебедев Павел Павлович	1873	Русский	Из дворян	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Нач. Штаба РККА	Б/п
3	Шапошников Борис Михайлович	1882	Русский	Из мещан	АГШ	Полковник ГШ	1918	1 Пом. нач. Шт. РККА	Б/п
4	Гарф Вильгельм Евгеньевич	1884	Немец	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918	2Пом.Нач. Шт. РККА	Б/п
5	Хвощинский Георгий Николаевич	1878	Русский	Из дворян (14 в.)	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Для особ. Пор. Нач. Шт. РККА	Б/п
6	Шах-Тахтинский Сергей Георгиевич	1889	азербайджанец	Из дворян		Л-г. Капит.	1918	Нач. Упр. Начсостав.	Б/п
7	Тухачевский Михаил Николаевич	1893	русский	Из дворян (13 в.)	Причислен к ГШ	Л-г. подпоручик-капитан	1918	Ком.Зап. фронт.	РКП(б)
8	**Кук Александр Иванович**	1886	эстонец	Из крестьян	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба Зап. Фронт. **(15.9.1923)**	Б/п
9	Чернавин Всеволод Владимирович	1859	русский	Из дворян	АГШ	Ген-л. ГШ	1918	Пом. Ком. Зап. Фронт.	Б/п
10	Виноградов Анатолий Николаевич	1882	русский	Из служащих	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Для особ. Пор. Ком. Зап. Фронт.	Б/п
11	Фрунзе Михаил Васильевич	1885	молдованин	Сын фельдшера	Причислен к ГШ	_	1918	Ком. ВСУК УВО	РКП(б)
12	Эйдеман Роберт Петрович	1895	латыш	Сын учителя		Подпоручик в/в	1918	1. Пом.ком. ВСУК УВО	Эсермакс. РКП(б)
13.	**Левандовский Михаил Карлович**	1890	Поляк (обрусевший)	Сын унтерофицера		Штабкапитан	1918	2Пом. Ком. ВСУК УВО **(11.1923)**	Эсермакс. РКП(б)
14	**Чернышев Виктор Николаевич**	1880	русский	Из мещан	АГШ	Полковник ГШ	1918	Вр.Нач. шт. ВСУК УВО **(8.1923)**	Б/п
15	Каратыгин Петр Петрович	1887	русский	Из мещан	Причислен к ГШ	Штабс-капит.	1918	Для особ.пор. Ком. ВСУК УВО	Б/п
16	Егоров Александр Ильич	1883	русский	Из мещан	Причислен к ГШ	полковник	1918	Ком.ОКА	Эсер, РКП (б)
17	Кузнецов Борис Иннокентьевич	1889	русский	Сын офицера	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба ОКА	Б/п
18	Пугачев Семен	1889	русский	Сын учи-	АГШ	Капи-	1918	Ком. Тур-	Б/п

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

	Андреевич			теля гимназ.		тан ГШ		кфронт.	
19	**Восканов Гаспар Карапетович**	1886	армянин	Из дворян		подполковник	1918	Пом. Ком. Туркфронт. **(8.1923)**	РКП(б)
20	**Шуваев Александр Дмитриевич**	1886	русский	Из дворян	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Нач. штаба Туркфронт. **(8.1923)**	Б/п
21	Уборевич Иероним Петрович	1896	литовец	Из крестьян	причислен к ГШ	Подпоруч. Артил. в/в	1918	Ком. 5 арм.	РКП(б)
22	**Перемытов Алексей Макарович**	1888	русский	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. шт. 5 армии	Б/п
23	Петин Николай николаевич	1876	русский	Из дворян	АГШ 1907	Полковник ГШ	1918	Ком. СибВО	Б/п
24	Гайлит Ян Петрович	1894	латыш	Из крестьян		Подпоручик в/в	1918	Пом.ком. СибВО	РКП(б)
25	Молкочанов Михаил Васильевич	1877	русский	Из мещан	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Нач. штаба СибВО	Б/п
26	Муралов Николай Иванович	1877	русский	Из служащих	_	Солдат	1918	Ком.МВО	РКП(б)
27	Алафузо Михаил Иванович	1891	русский	Сын офицера	АГШ причисл. ГШ	Капитан	1918	Нач. штаба МВО	Б/п
28	Гиттис Владимир Михайлович	1880	Латыш (обрусевший)	Из мещан		Полковник	1918	Ком. ПВО	Б/п
29	Энден Михаил Михайлович	1887	немец	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба ПВО	Б/п
30	Шорин Василий Иванович	1870	русский	Из мещан		Полковник	1918	Пом. Ком. ПВО	Б/п
31	Ворошилов Клемент Ефремович	1881	русский	Из рабочих			1918	Ком.СКВО	РКП(б)
32	**Великанов Михаил Дмитриевич**	1893	русский	Сын священника		Поручик в/в	1918	Пом. Ком. СКВО **(12.1923)**	Б/п
33	Мрачковский Сергей Витальевич	1888	Поляк (обрусевший)	Из рабочих			1918	Ком. ПриВО	РКП(б)
34	Артемьев Константин Петрович	1883	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Нач.штаба ПриВО	Б/п
35	Панцержанский Эдуард Самуилович	1887	поляк	Из дворян		Лейтенант флота	1918	Ком. Мор. Сил.Респ.	Б/п
36	Домбровский Александр Васильевич	1882	поляк	Из дворян	МА	Капитан 1 ранга	1918	Нач. штаба Мор. сил Республики	Б/п
37	Викторов Михаил Владимирович	1892	русский	Из дворян		Лейтенант флота	1918	Ком. мор.силами Балт. моря.	Б/п
38	Векман Александр Карлович	1884	немец	Из дворян		Капитан 2 ранга	1918	Ком. мор.сил. Черн. моря	Б/п
39	Розенгольц Аркадий Павлович	1889	еврей	Из мещан			1918	Нач. Упр. РККВФ	РКП(б)
40	Корк Август Иванович	1887	эстонец	Из крестьян	АГШ	Подполковник ГШ	1918	1 Пом. Нач. Упр. РККВФ	Б/п

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

41	**Меженинов Сергей Александрович**	1890	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба РККВФ **(8.1923)**	Б/п
42	Балтийский Александр Алексеевич	1870	русский	Из мещан	АГШ МА	Ген-м. ГШ	1918	Советник Пред.РВСР	Б/п
43	Сытин Павел Павлович	1870	русский	Сын воен. чиновника	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Советник Пред.РВСР	Б/п
44	Беренс Евгений Андреевич	1876	немец	Из дворян	МА	Капитан 1-го ранга	1918	Для особ. Пор. Пред. РВСР	Б/п
45.	**Буденный Семен Михайлович**	1883	русский	Из крестьян		вахмистр	1918	Пом. Главкома по кавалерии **(23.8.1923)**	РКП(б)

Из 45 вышеперечисленных «генералов» 27 русских (60%), 4 поляка (8,9%), 3 немца (6,7%), 3 латыша (6,7%), 2 эстонца (4,4%), 1 еврей (2,2%), 1 молдованин (2,2%), 1 литовец (2,2), 1 армянин (2,2%), 1азербайджанец(2,2%).

15 «генералов» дворяне по происхождению (33,3%), в том числе 4 из старинных (аристократических) семейств (8,9%). 4 «генералов» происходили из офицерских семей (8,9%). 11 «генералов» из мещан (24,4%) и 6 – из служащей интеллигенции (13,3%). 5 «генералов» из крестьян (11,1%), 2 из рабочих (4,4%) и 1 сын унтер-офицера (2,2%), 1 сын священника (2,2%).

В возрастном отношении 5 «генералов» – до 30 лет (11,1%). От 31 и до 40 лет – 23 «генерала» (51,1%). От 41 до 50 лет – 13 «генералов» (28,9%). От 51 до 60 лет – 3 «генерала» (6,7%). Свыше 60 лет – 1 «генерал» (2,2%). Средний возраст «генералов» 38-39 лет.

34 «генерала» являлись кадровыми офицерами (из них 4 офицера (8,9%) императорской лейб-гвардии) и получили нормальное военное образование (75,5%). В том числе 5 генералов (11,1%), 17 подполковников и полковников (37,8%), 12 офицеров от подпоручиков до капитанов (26,7%). 24 «генерала» окончили Академию Генштаба (53,3%) или «причислены к Генштабу» (3 – 6,7%). 3 «генерала» вышли из офицеров военного времени (6,7%). 1 из них причислен к Генштабу (2,2%).

Только 13 «генералов» являлись членами партии (28,9%).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

4 «генерала» не служили (8,9%) и один служил солдатом (2,2%). Все они не имели военного образования и вышли из «профессиональных революционеров». В их числе 1 «причислен к Генштабу» (2,2%).

Таким образом, по «генштабу» числилось 57,7% «генералов».

Однако самое важное это то, что с марта до октября 1923 г. были осуществлены 15 перемещений в номенклатуре военной элиты. Они затронули ок.34% «генералов». В составе военной элиты за это время было «заменено» 8 «генералов» (18%). Иными словами, в ее составе появилось 8 «новых» членов.

…В результате перемещений и «чистки», проведенных с марта по октябрь 1923 г. высший командный состав Западного фронта в октябре 1923 г. был представлен следующими лицами[1058]:

1.Тухачевский М.Н. – командующий фронтом.

2.Чернавин В.В. – помощник командующего фронтом.

3.Виноградов А.Н. – для особых поручений при командующем фронтом.

4.Кук А.И. – начальник штаба фронта[1059].

5.Бежанов-Сакварелидзе С.Г. – 1-й помощник начальника штаба фронта.

6.Глудин И.И. – 2-й помощник начальника штаба фронта.

7.Кожевников А.Т. – начальник ВВС фронта.

8.Садлуцкий В.К. – инспектор и начальник артиллерии фронта.

9.Дьяков В.А. – начальник ВОСО фронта.

10.Павлов А.В. – командир 4-го стрелкового корпуса.

11.Вилумсон Э.Ф. – начальник штаба 4-го стрелкового корпуса.

12.Дыбенко П.Е. – командир 5-го стрелкового корпуса.

13.Подгурский С.Ф. – начальник штаба 5-го стрелкового корпуса.

14.Блажевич И.Ф. – командир 16-го стрелкового корпуса.

15.Шарангович П.М. – начальник штаба 16-го стрелкового корпуса.

16.Локтионов А.Д. – врид командира 2-й стрелковой дивизии.

[1058] Информация о командном и начальствующем состава Западного фронта дается по данным послужных списков и по «Алфавиту командного состава частей фронта». Из фонда управления армиями Западного фронта, Мобилизационного управления Штаба Западного фронта. – РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

17.Мельников П.В. – начальник штаба 2-й стрелковой дивизии.

18.Кимундрис А.Г. – временный командир 4-й стрелковой дивизии.

19.Веселов Н.И. – врид начальника штаба 4-й стрелковой дивизии.

20.Нейман К.А. – командир 5-й стрелковой дивизии.

21.Климовских В.А. – начальник штаба 5-й стрелковой дивизии.

22.Штейгер П.К. – временный командир 8-й стрелковой дивизии.

23.Снарский В.А. – начальник штаба 8-й стрелковой дивизии.

24.Ольшевский Ф.И. – временный командир 27-й стрелковой дивизии.

25.Колесинский А.К. – начальник штаба 27-й стрелковой дивизии.

26.Гай Г.Д. – командир 7-й кавалерийской дивизии.

27.Кравченко А.Ф. – врид начальника штаба 7-й кавалерийской дивизии.

В высшем комсоставе фронта появилось 9 новых «генералов», занявших места «отставленных». Это составило св.33 %. В общем это почти столько же, сколько и в военной элите РККА.

Однако еще один, внешнеполитический фактор сыграл свою роль в осложнении военно-политической обстановке на Западном фронте, в целом в военной элите Красной Армии на рубеже 1923 – 1924 гг. Это так называемый «немецкий Октябрь».

3.3. «Германский Октябрь» и советская военная элита.

…Так называемый «Рурский кризис», разразившийся в Германии в январе 1923 г., давший толчок новому подъему революционного движения и складыванию революционной ситуации, возродил надежды на близкую «мировую революцию».

В сложившейся нравственной и политической обстановке, в ожидании надвигающейся волны новых «революционных войн» М.Тухачевского приглашают в Москву для чтения курса по истории его «польского похода». Как главный идеолог и практик «революции извне» М.Тухачевский 3 февраля 1923 г.

[1059] Жирным шрифтом выделены новые лица в высшем комсоставе фронта.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

отправился в столицу и там, до 20 февраля прочитал серию лекций для слушателей дополнительного курса в Военной Академии РККА, который был в том же году опубликован под названием «Поход за Вислу». В рамках этого лекционного курса М.Тухачевский одну из лекций назвал «Революция извне». Перспективы разворачивавшегося в Германии нового революционного кризиса, несомненно, вдохновляли автора, который, вспоминая о лете 1920 г., когда его армии подходили к Варшаве, утверждал: «...Рабочий класс Западной Европы от одного наступления нашей Красной Армии пришел в революционное движение. Никакие национальные лозунги, которые бросала польская буржуазия, не могли замазать сущности разыгравшейся классовой войны. Это сознание охватило и пролетариат, и буржуазию Европы, и революционное потрясение ее началось. Нет никакого сомнения в том, что если бы мы вырвали из рук польской буржуазии шляхетскую армию, то революция рабочего класса в Польше стала бы совершившимся фактом. А этот пожар не остался бы ограниченным польскими рамками. Он разнесся бы бурным потоком по всей Западной Европе. Этот опыт революции извне Красная Армия не забудет. И если когда-либо европейская буржуазия вызовет нас на новую схватку, то Красная Армия сумеет ее разгромить и революцию в Европе поддержит и распространит»[1060]. Полемизируя со своими оппонентами, «красный Бонапарт» считал: «то, что мы видели в занятой нами части Польши, безусловно, сочувствовало социалистическому наступлению и готово было воспринять его... Разговоры о пробудившемся национальном чувстве среди польского рабочего класса в связи с нашим наступлением являются, конечно, следствием проигрыша нами кампании.... Расчет на революцию в Польше, как встречу нашего наступления, как следствие разгрома орудия принуждения в руках польской буржуазии, имел под собой серьезные основания и, если бы не наше поражение, он увенчался бы полным успехом. Могла ли Европа ответить на это социалистическое движение взрывом революции на Западе? – ставил вопрос М.Тухачевский и отвечал на него. – События говорят, что да. Наше стремительное победоносное наступление взбудоражило,

[1060] Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. //Тухачевский М. Поход за Вислу. Пилсудский Ю. Война 1920 года. -

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

всколыхнуло всю Европу и загипнотизировало всех и вся, привлекши общие взоры на Восток.... Германия революционно клокотала и для окончательной вспышки только ждала соприкосновения с вооруженным потоком революции.... Нет никакого сомнения в том, что если бы на Висле мы одержали победу, то революция охватила бы огненным пламенем весь Европейский материк... Революция извне была возможна. Капиталистическая Европа была потрясена до основания, и если бы не наши стратегические ошибки, не наш военный проигрыш, то, быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией Октябрьской и революцией западноевропейской»[1061].

Итак, по мнению М.Тухачевского, «наше стремительное победоносное наступление взбудоражило, всколыхнуло всю Европу...» и «если бы на Висле мы одержали победу, то революция охватила бы огненным пламенем весь Европейский материк...»[1062]. «Красный Бонапарт», таким образом, успех европейской революции ставит в зависимость от военных побед «революционной армии». Он был убежден в этом в 1920 г., он сохранил это убеждение и в 1923 г. Более того, вышеприведенные им факты и доводы, свидетельствуют о том, что он готов исправить военные ошибки 1920 г. Он желает их исправить. Он, по сути дела, призывает это сделать в 1923 г.

...Об участии М.Тухачевского в подготовке «немецкого Октября» 1923 г. существует много слухов. В своей книге «Дело Тухачевского» В.Александров, со ссылкой на Э.Волленберга[1063], писал по этому поводу следующее.

«...Тухачевский многократно бывал в Германии с официальными миссиями до прихода нацистов к власти. В 1923 г., в частности, он был в составе «специальной группы», составленной из 6 членов под руководством Пятакова,

---

М., 1992. - С.88.

[1061] Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. - С. 62-63.

[1062] Там же, с.63.

[1063] Эрих Волленберг (1892-19??), бывший в 1923 – 1924 гг. оргсекретарем партийного комитета КПГ Рурской области и руководителем военно-политического отдела Юго-Западной области Германии, знал несомненно много о событиях «немецкого Октября». Оказавшийся с 1924 г. в СССР, в РККА, он был близко знаком с М.Тухачевским и другими «красными маршалами». Вернувшийся в 1931 г. в Германию, он в 1933 г. вышел из КПГ и руководства «Союза Красных фронтовиков». В период массовых репрессий в СССР, в том числе в Красной Армии, Э.Волленберг написал целый ряд статей, посвященных Красной Армии и ее погибшим «вождям». В них достаточно много интересной информации, однако, она далеко не всегда отличается точностью и досто-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

который должен был, в случае победы революции в Германии, взять на себя командование германской Красной Армией. Эта группа расположилась на Унтер ден Линден 7, в меблированных комнатах посольства СССР. В конце ноября (1923 г.), когда стало очевидным, что немецкая революция провалилась, Пятаков и пять потенциальных инструкторов германской Красной Армии покинули Берлин, Тухачевский остался там и был представлен советским послом Крестинским как «агент для связи» между верховным командованием Красной Армии (Реввоенсоветом) при Рейхсвере, уполномоченным подготовить советско-германские военные соглашения. Однако Тухачевский не нашел взаимопонимания с Крестинским и к концу второго месяца (пребывания) потребовал своего отзыва в Советский Союз»[1064].

Выше говорилось о том, что с 15 по 29 марта 1923 года М.Тухачевский уже ездил с миссией в Берлин, а не в поездку по фронту, как указывалось в приказе по штабу Западного фронта[1065]. Этот факт расшифровывается информацией из дневника А.фон Лампе[1066].

В июне 1923 г. в польский Генштаб поступила информация о том, что «Фрунзе и Тухачевский находятся в данное время в Штеттине»[1067]. Вполне вероятно, что это так и было. Согласно приказам Западного фронта, с 17 мая по 12 июня 1923 г. М.Тухачевский находился в полевой поездке[1068]. Вновь за этой формулой мог скрываться выезд в Германию. Ранее упоминавшийся В.Орлов, весьма хорошо осведомленный о российских делах и событиях накануне «немецкого Октября» в Германии, вспоминал, что летом 1923 г. «в Берлин прибыл Вацетис. Он был одним из высших командиров Красной Армии и известным специалистом по Гражданской войне в России. Туда же под фамилией Полянин приехал Тухачевский, молодой человек крупного телосложения, с непроницае-

---

верностью. Поэтому то, что написано было В.Александровым об участии М.Тухачевского в «немецком Октябре» нуждается в проверке и уточнении.

[1064] Alexandrov V. L'affaire Toukhatchevsky. - Paris, 1962. - P. 147-148.

[1065] РГВА, Ф.104. Оп.3. Д.173. Л.41.

[1066] ГАРФ. Ф. 5853. Оп.1. Д. 10. Л.4133.

[1067] Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре. //Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 89.

[1068] РГВА. Ф.104. Оп.3. Д.173. Л.63.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мым выражением лица и крючковатым носом, очаровавшим всю Фридрихштрассе своими размерами»[1069]. О пребывании И.Вацетиса в Берлине, как отмечалось выше, сообщал в своем дневнике А.фон Лампе[1070]. Это подтверждается официальными сведениями о прибытии И.Вацетиса в Берлин в августе 1923 г[1071].

Штабные документы Западного фронта свидетельствуют, что М.Тухачевского в Смоленске не было с 6 по 14 августа и с 20 августа по 3 сентября 1923 г[1072]. В указанные сроки он находился в командировках в Москве. Время это примечательно. Дело в том, что на 21 августа было назначено экстренное заседание Политбюро ЦК, на которое из отпуска вернулись и Л.Троцкий, и Г.Зиновьев. Экстренность этого заседания была обусловлена резким обострением революционной обстановки в Германии. Именно на этом заседании обсуждались перспективы германской революции и были приняты принципиальные решения и установки на «немецкий Октябрь».

Теперь, что касается «группы Пятакова». Постановлением Политбюро ЦК РКП (б) от 4 октября 1923 г. начало «немецкого Октября» было определено на 9 ноября указанного года, а для подготовки и руководства восстанием в Германию направлялась группа в составе Г.Пятакова, К.Радека, Я.Рудзутака и В.Куйбышева[1073]. Несколько дней спустя, вместо двух последних, в состав группы были включены В.Шмидт и Н.Крестинский. Таким образом, в нее, во

[1069] Орлов В. Двойной агент. - М., 1998. - С. 113.
[1070] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 5186; Д. 13. Л. 5755.
[1071] Орлов В. Двойной агент.... - С. 330. Интересно то, что Л.Троцкий в своем выступлении на заседании Политбюро ЦК 21 августа 1923 г. упомянул о письме «т. Брандлера в ЦК РКП, датированное...июля. Это просьба дать воен. спецев для штаба, который будет руководить военной стороной дела германской революции». Далее в своем выступлении Л.Троцкий вновь возвращается к этому сюжету. «У меня есть доклад военспеца, - сообщал Председатель РВСР, - работающего при Брандлере. У этого спеца не может быть широкого политического подхода к событиям, есть излишнее пристрастие к схемкам и чертежам... Военно-стратегическую сторону дела этот спец все же нюхом, чутьем военного человека учитывает правильно». Исходя из сказанного Л.Троцким, к 21 августа 1923 г. требуемый руководством ГКП военный специалист был уже направлен в Берлин. Речь, видимо, идет о И.Вацетисе.
[1072] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 93, 99, 104, 110. Не исключено, что и М.Тухачевский вместе с И.Вацетисом отправился в Берлин в период своей, так называемой «московской командировки» с 6 по 14 августа. Даже учитывая время, затраченное на дорогу по маршруту Смоленск – Москва – Берлин и обратно, он мог быть в Берлине с 8 по 11 августа. Именно он мог и доставить Л.Троцкому доклад И.Вацетиса и собственные впечатления об уровне военной готовности ГКП и германской революции. Возможно, в связи с этим М.Тухачевский и был вызван в Москву на 21 августа, к заседанию Политбюро ЦК, посвященному вопросам германской революции. Не исключено, что после обсуждения вопроса его вновь отправили в Берлин для выяснения обстановки с организацией немецкой Красной Армии.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

всяком случае, официально, не был включен М.Тухачевский. Эта группа выехала в Германию 19-20 октября. К.Радек, который, как главный знаток германских дел и фактический руководитель группы и будущего восстания, утверждал, что прибыл в Берлин 22 октября[1074]. М.Тухачевского вместе с ним и в составе группы не было. Согласно штабным приказам фронта, с 15 октября по 2 ноября 1923 г. М.Тухачевский в сопровождении своих адъютантов А.Виноградова и М.Михайлова-Морозова находился в полевой поездке по фронту[1075].

… Как отмечалось выше, на заседании Политбюро ЦК 21 августа 1923 г., оценивая перспективы развития революционной ситуации в Германии и опираясь на выводы специалистов, Л.Троцкий считал, что Германскую Коммунистическую партию «характеризует ее военное бессилие»[1076]. Опираясь на информацию военного специалиста при Брандлере, Л.Троцкий заявил, что его «доклад прямо говорит о возможности военного поражения». «В общем, - продолжал Л.Троцкий, - доклады военного спеца, о которых я говорю, проникнуты тем, что мы будем не готовы к революции. Тот же доклад с чисто военным чутьем говорит о том (и это верно), что революция – дело ближайших месяцев, или даже ближайших недель»[1077]. Позиция К.Радека, «главного специалиста», претендовавшего на фактическое «лидерство» в грядущей германской революции, с весны 1923 г. оставалась неизменной. Он считал, что «необходимо выставить лозунги, могущие привлечь под знамена революции возможно большее количество мелкой буржуазии. Одним из таких лозунгов должна быть революционная война с Францией»[1078]. Он считал, что «благодаря такому лозунгу, можно будет добиться на определенный промежуток времени сотрудничества с националистическими кругами, группирующимися вокруг графа Ревентлова.

[1073] Постановление Политбюро ЦК РКП (б) «Вопросы комиссии Политбюро по международным делам» от 4 октября 1923 г. //Источник. – 1995. - № 5. - С. 138.
[1074] Радек К.Б. (Автобиография). //Деятели СССР и революционного движения России. - Энциклопедический словарь «Гранат». - М., 1989. - С. 609.
[1075] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 127, 139.
[1076] Запись обсуждения вопроса «О международном положении» на заседании Политбюро ЦК РКП (б) от 21 августа 1923 г.… //Источник. – 1995. - № 5. - С. 123.
[1077] Там же, с. 124.
[1078] Беседовский Г. На путях к Термидору. - М., 1997. - С. 90.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Основная задача – удар по социал-демократии и по левым буржуазным группировкам»[1079]. К.Радек говорил: «Немецкая социал-демократия гораздо опаснее для нас, чем националисты. Она отнимает у нас рабочие массы, без которых мы не можем раскачать революционного движения в Германии. Националисты сыграют положительную роль. Они мобилизуют большие массы и бросят их на Рейн против «французского империализма» вместе с первыми красногвардейскими отрядами немецкого пролетариата. В процессе этой революционной войны неизбежно полевение немецкой мелкой буржуазии, большая часть которой перейдет окончательно на нашу сторону, а меньшая часть создаст германскую Вандею»[1080]. В связи с этим К.Радек даже отправил частное письмо Г.Брандлеру 15 июля 1923 г. с критикой воззвания ЦК КПГ против фашизма от 12 июля 1923 г.[1081] По этому поводу Г.Зиновьев жаловался Л.Каменеву в письме 30 июля 1923 г., что, «поговорив с интриганом Радеком, Сталин сразу решил, что германский ЦК ничего не понимает, что я, Бухарин, Цеткин, Брандлер не разобрались в вопросе, и что надо поддержать болтуна Радека, который чуть-чуть не «уговорил» уже фачистов своей речью о Шлагеттере»[1082]. По свидетельству находившегося тогда с секретной миссией В.Кривицкий вспоминал, что с сепаратистами (профранцузски настроенной частью населения) «компартия боролась… всеми доступными ей способами. Лозунг Коминтерна был: «Война Штреземану и Пуанкаре!». Лозунг нацистов и их союзников – националистов: «Война Пуанкаре и Щтреземану!». Именно в эти дни французскими военными властями был казнен нацистский террорист Шлагетер. Казнь Шлагетера осталась бы не замеченной ни кем за пределами узкого круга его единомышленников, если бы Карл Радек, самый умный пропагандист Коминтера не довел это факт до сознания немецкого народа. «Вступайте в компартию, и вы добьетесь национального и социального освобождения своей родины», - призывал он. Шли даже переговоры между Радеком и некоторыми лидерами нацистской и националистической партий, к последней принадлежал граф Ревентлов. Ос-

[1079] Беседовский Г. На путях к Термидору. – С. 90.
[1080] Там же.
[1081] Известия ЦК КПСС. – 1991. - № 4. - С. 199.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

новой сотрудничества служил тот факт, что единственным шансом на успех для националистической партии было заключение союза с большевиками против Франции и Великобритании»[1083]. Вспоминая далее о событиях тех дней, В.Кривицкий освещает некоторые аспекты сотрудничества коммунистов и националистов. «Националисты боролись против сепаратистов средствами отдельных террористических актов, - писал он. – Компартия призывала устроить контрдемонстрацию протеста против «сепаратистских предателей». Когда обе конфликтующие стороны столкнулись на перекрестке двух магистралей города, я впервые в жизни увидел, как коммунисты бьются бок о бок с националистическими террористами и немецкой полицией.... Мы... уже поддерживали немецких националистов против французов, находившихся в Рейнской области и Рурском бассейне»[1084].

В связи с вышесказанным в том числе К.Радеком и обозначенными им политическими установками уместно привести свидетельства одного из активных «левых национал-социалистов» О.Штрассера. Эти свидетельства относятся именно к 1923 году. «Лучшие представители левых и правых, - вспоминал О.Штрассер об обстановке летом и осенью 1923 г., - могли бы составить прекрасный союз. В попытках прийти к взаимному согласию не было недостатка, но все они оказались иллюзорными и безрезультатными. Последняя подобная попытка, предпринятая по инициативе Гитлера, провалилась, как и все остальные. Я хорошо помню неудачное сближение между Гитлером и Третьим Интернационалом. Оно произошло вскоре после казни Шлагетера в Руре. Депутат-националист граф фон Ревентлов, который вскоре стал ярым поклонником Гитлера, выпускал тогда правую газету “Reichswacht” («Рейхсвахт»), а Радек из Третьего Интернационала издавал газету “Rote Fahne” («Роте Фане»). При активном посредничестве нацистской партии эти двое нашли общий язык и договорились о сотрудничестве. В результате изумленные читатели “Reichswacht” обнаружили на страницах газеты написанную Радеком статью о Шлагетере, где

[1082] Г.Е.Зиновьев – Л.Б.Каменеву, 30 июля 1923 г., Кисловодск. //Известия ЦК КПСС. – 1991. - № 4. - С. 198.
[1083] Кривицкий В. Я был агентом Сталина. - М., 1996. - С. 49-50.
[1084] Там же, с. 50.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

он назывался «пилигримом на пути в никуда»[1085]. В контексте сказанного следует помнить, что у К.Радека, еще с 1918 г. (если не ранее) были доверительные отношения с генералами из близкого окружения фельдмаршала Э.фон Людендорфа. Последний, как известно, в 1923 г. считался одним из лидеров молодой НСДАП, наряду с А.Гитлером и Шойбнер-Рихтером, активно настроенным на «революционную войну» против Франции[1086].

Примечательно, что, как и Л.Троцкий, К.Радек «отозвался с большими сомнениями о пригодности германской коммунистической партии к роли гегемона»[1087]. Опасался он также непригодности «будущих членов германского совнаркома, импортированных из Москвы»[1088]. Он боялся, что «московские товарищи, склонные направлять каждую революцию по образцу российской, не смогут дать пригодных для германской обстановки директив»[1089]. Эти же, в сущности, идеи и мысли К.Радек высказал и на заседании Политбюро ЦК 21 августа 1923 г. «Первый вопрос, в оценке которого мы может быть расходимся, - говорил он, - тот, что по-моему, занятие Германии союзниками угрожает не созданием контрреволюционного тыла, а национальной войной. Второе. Я боюсь, что в Германии сейчас не коммунизм придет после фашизма, а фашизм после коммунизма. Мы удержать массы не можем»[1090]. К.Радек вновь указывал на то, что «огромное значение там будет иметь зато мелкая буржуазия (главным образом как фашисты)». К.Радек считал, что «не только не надо входить в столкновения с фашистами, но надо всячески избегать их, пока экономическая обстановка не разложит фашизм»[1091]. Наконец, К.Радек прямо заявлял: «Мы должны выступать как партия защиты Германии»[1092].

Примечательно его отношение к господствовавшему мнению, что революция в Германии будет означать новую советско-польскую войну. Ссылаясь

[1085] Штрассер О. Гитлер и я. - Ростов-на-Дону, 1999. - С. 40-41.
[1086] Фишер Л. Жизнь Ленина. - М., 1997. - Т. 1. - С. 464-465.
[1087] Беседовский Г. На пути к Термидору. – С. 90.
[1088] Там же.
[1089] Там же.
[1090] Запись обсуждения вопроса «О международном положении» на заседании Политбюро ЦК РКП (б) от 21 августа 1923 г. //Источник. Документы русской истории. Вестник архива Президента Российской Федерации. – 1995. - № 5. - С. 122.
[1091] Источник. – 1995. - № 5. - С. 122.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

на кулуарные разговоры с высокопоставленными и ответственными представителями Польши, К.Радек пересказал откровения Кнолля: «Единственная реальная политическая цель Польши – присоединение Восточной Пруссии»[1093]. К.Радек передал удивление Кнолля «укрепившемуся в России мнению, что мобилизация в Польше неизбежно должна вызвать мобилизацию в России. Что война исторически неизбежна – это совершенно ясно, но возможна и передышка в несколько месяцев после революции»[1094]. Иными словами, внимание следует акцентировать не на военные действия войск Западного фронта против Польши и не на ожидание военного натиска поляков на границы СССР, а на организацию вооруженного сопротивления французской агрессии в самой Германии. Речь, таким образом, велась о «революционной войне» против Франции. Следовательно, ставился вопрос о том, где целесообразнее использовать М.Тухачевского: на Западном фронте против Польши или в Германии, на «Западном фронте» против Франции. Ранний национал-социализм характеризовало гораздо большее соответствие между его действительным политическим содержанием и названием самой партии. Тогда, в 1923 г. в лозунгах этого движения доминировали идеи революции, национального социализма, антикапитализма и войны против Франции.

В контексте указанных выше размышлений в Москве и принималось решение о посылке М.Тухачевского в Германию вместе с группой лиц-членов «германского совнаркома». Как вспоминал Г.Беседовский, «в Коминтерне работа шла полным ходом. Намечались будущие члены правительства советской Германии. Из числа русских советских деятелей отбиралась крепкая группа, которая должна была служить ядром будущего германского совнаркома. Эта группа состояла из самых разнообразных работников. Здесь были хозяйственники как Пятаков и Ларин; военные в лице Уншлихта, Берзина и Тухачевского...»[1095]. Г.Беседовский называет, таким образом, три фамилии военных руко-

---

[1092] Источник. – 1995. - № 5. – С. 122.
[1093] Там же.
[1094] Там же.
[1095] Беседовский Г. На путях к термидору. - С. 82.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

водителей. Каждый из них должен был выполнять свои функции в военной организации «германского Октября».

Известно, что И.Уншлихт, «вчерашний» 1-й заместитель Председателя ОГПУ, являлся куратором советской военной разведки. Под его руководством в Берлине и других городах Германии действовали сотрудники советской военной разведки. В частности, в Берлине это были А.Сташевский, Б.Бортновский, В.Скоблевский-Горев (В.Розе), С.Пупко-Фирин, С.Жбиковский. Они выполняли функции по организации воинских подразделений и частей КПГ, так называемых, «красных сотен» и органов будущей «госбезопасности» – германской «ЧК». В частности: С.Жбиковский под псевдонимом «Алоис» являлся руководителем Военного аппарата КПГ; С.Пупко-Фирин руководил подготовкой вооруженного восстания; В.Скоблевский-Горев (В.Розе) организовывал германскую «ЧК». Военным специалистом КПГ являлся бывший капитан Генштаба австро-венгерской армии О.Штейнбрюкк. Б.Бортновский, возглавляя Берлинский разведывательный центр (резидентуру в Берлине) координировал деятельность всех указанных лиц и непосредственно курировал агентурную работу в среде русской военной эмиграции в Берлине. Главным военным специалистом по организации «германской Красной Армии» являлся прибывший в Берлин в августе 1923 г. бывший Главком И.Вацетис. Судя по его контактам и высказываниям, он должен был обеспечить привлечение в качестве «военспецов» русских офицеров-эмигрантов.

Я.Берзин в это время уже был заместителем начальника Разведывательного управления Штаба РККА и, в силу своего должностного положения, непосредственно должен был руководить всеми своими подчиненными, всей работой по организации «германской Красной Армии».

Какие же функции оставались М.Тухачевскому? Как отмечалось выше, М.Тухачевский входил в состав «русско-германской военной комиссии» по реализации договоренностей между Красной Армией и «Черным Рейхсвером», принятым еще в 1922 г.[1096] До 1925 г. М.Тухачевский дважды был в Германии в

[1096] Alexandrov V. L'affaire Toukhatchevsky. - P. 147-148.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

связи с работой этой «комиссии», не считая своего пребывания в Берлине в августе 1923 г. в связи с подготовкой «германского Октября»[1097]. Надо полагать, что одной из них была поездка М.Тухачевского в Берлин в марте 1923 г.

В Бранденбурге в целом и в Берлине, в частности, «черный рейхсвер» возглавлял майор Генштаба Бухрукер. Все политические вопросы, связанные с «черным рейхсвером» и его отношениями с Рейхсвером, относились к компетенции «особого отдела» (Т-1-111) министерства Рейхсвера, который возглавлял майор К.фон Шлейхер[1098]. После окупации французскими войсками Рурской области в начале 1923 г. между министерством Рейхсвера и руководством «черного рейхсвера», майором Бухрукером возникли разногласия[1099]. Бухрукер и «черный рейхсвер» готовились к войне против Франции. А руководство Рейхсвера занимало сдержанную позицию. Известно также, что майор Бухрукер являлся одним авторов, печатавшихся в журнале «Война и Мир»[1100]. Иными словами, он находился в тесных контактах с редакцией этого журнала, т.е. с полковником В.Колоссовским и, возможно, с одним из сотрудником Раведывательного управления штаба РККА капитаном Генштаба Г.Теодори.

Вся приведенная информация позволяет считать, что включение М.Тухачевского в состав «военной секции» немецкого «совнаркома», наряду с И.Уншлихтом и Я.Берзиным, предполагало использование его, М.Тухачевского, деловых контактов с руководством «черного рейхсвера», именно, скорее всего, - с майором Бухрукером. Весьма вероятно, что именно с ним (или с ним и майором К.фон Шлейхером) М.Тухачевский вел переговоры (как об этом свидетельствовал А.фон Лампе) в Берлине в марте 1923 г.

Позволю себе сделать предположение, что «путч майора Бухрукера», назначенный на 29-30 сентября 1923 г.[1101] мог иметь какую-то связь с маневрами Западного фронта, которые проводил М.Тухачевский с 16 сентября по 3 октяб-

---

[1097] Alexandrov V. Op. cit. – P. 147-148.
[1098] Мюллер В. Я нашел подлинную родину. Записки немецкого генерала. - М., 1974. - С. 107, 160-168; Benoist-Mechin. Histoire de l'armee Allemagne. - Paris, 1964. - T. 2. - P. 270;
[1099] Ibid, p. 272.
[1100] Война и Мир - 1923. - № 8; Военный вестник. – 1924. - № 3.
[1101] Мюллер В. Я нашел подлинную родину. - С. 90; Benoist-Mechin. Histoire de l'armee Allemagne. - T. 2. - P. 272.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ря 1923 г. Не было ли между ними договоренности о «провоцировании» войны с Францией и Польшей? Последние умозаключения не более, чем определение сюжетов для специального исследования.

К сказанному следует сделать еще некоторые дополнения. После провала «путча Бухрукера» все руководство «черного рейхсвера» (В.Стеннес, Бухрукер, О.Штрассер) ушло к А.Гитлеру, в НСДАП и СА[1102]. Они так и остались «левыми нацистами-революционерами», и в 1930 г., после отказа принять новый политический курс А.Гитлера, были исключены из его партии[1103].

Необходимо заметить, что в 20-е годы, в частности во время революционного кризиса 1923 г., в Германии возникло особое радикально-политическое течение, которое в литературе квалифицируют как «национал-революционное» или «национал-большевизм»[1104]. Именно к этому течению, в идеологии которого сочетались антикапиталистические, антиимпериалистические, социалистические идеи, идея геополитического союза с Советской Россией и СССР и идеология национализма принадлежали уже упомянутые О.Штрассер, В. Стеннес, Бухрукер, позднее Э.Никиш, а также отчасти национал-милитаристские союзы, примыкавшие к «черному рейхсверу»: «Викинг», «Вервольф», «Оберланд» и даже «Стальной шлем»[1105]. В это время и А.Гитлер, во всяком случае, в своих речах и лозунгах, в действиях, также являлся «национал-революционером», во главу угла своих действий ставивший войну против Франции и идеи немецкого социализма[1106].

Еще одно замечание, весьма важное, для рассмотрения вопроса о политических связях «левых» и «правых», коммунистов и «нацистов» в 1923 г. В это время А.Гитлер находился под сильным идейным и духовным воздействием «русского немца», эмигранта из Прибалтики М.Э.фон Шойбнера-Рихтера[1107]. М.Э.фон Шойбнер-Рихтер воодушевлен был идеей русско-германского национального единения и совместной борьбы с французским империализмом. У не-

---

[1102] Benoist-Mechin. Op. cit. – P. 272.
[1103] Штрассер О. Гитлер и я. - С. 157-158.
[1104] Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии. - СПб, 1997. - С. 442-450.
[1105] Там же, с. 443.
[1106] Штрассер О. Гитлер и я. - С. 25.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

го были тесные, в том числе, личные отношения с генералом В.Бискупским, вместе с которым они организовали русско-германское монархическое общество «Ауфбау»- «Возрождение». В свою очередь, В.Бискупский, как, впрочем, и М.Э.Шойбнер-Рихтер находились в контакте с генералом А.фон Лампе. В контексте вышесказанного примечательна запись, сделанная А.фон Лампе в дневнике 21 ноября 1923 г.: «...Шойбнер всегда держался взгляда, что русским пора отплатить за гостеприимство и... идти против Франции! Он был глава Ауфбау и один из инициаторов Рейхенгалля.... Он смотрел на Россию при помощи г-на Бискупского»[1108].

Однако вернемся к информации о включении М.Тухачевского в «военную секцию» германского «совнаркома». Если следовать свидетельствам Г.Беседовского, это решение было принято в конце августа или в начале сентября 1923 г.[1109] Это значит, что высшие советские партийно-правительственные круги, Политбюро ЦК, решили «отправить» М.Тухачевского в Германию и, по возможности, избежать войны с Польшей. Сам акт удаления М.Тухачевского с Западного фронта должен был послужить красноречивым и выразительным «знаком» миролюбия СССР в отношении Польши. Он мог означать перемещение «революционных» акцентов с «революции извне» на «революцию изнутри». Специальные дипломатические представители пытались «уговорить» польское правительство «предоставить свободный транзит по польским железным дорогам из советской России в Германию»[1110]. Однако ему намекали и на то, что «возможен проход нескольких советских кавалерийских бригад в Германию через узкую полосу так называемого Виленского коридора, но что это отнюдь не явится враждебным по отношению

[1107] Митрополит Иоанн. Самодержавие Духа. Очерки русского самосознания. - Саратов, 1995. - С. 264-265.
[1108] ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 5879. Замечу в качестве соображения для специального исследования: не исключено, что назначение полковника В.Колоссовского, бывшего сотрудника гетмана П.Скоропадского, редактором журнала «Война и Мир», могло иметь смысл в виду как раз ориентации на генерала В.Бискупского (тоже близкого к П.Скоропадскому и немцам человека), Шойбнера-Рихтера, руководимого им А.Гитлера и «национал-революционеров» из НСДАП и «черного рейхсвера». Не исключено, что контакты между В.Колоссовским и майором Бухрукером могли возникнуть на вышеуказанной почве.
[1109] Там же. Дело в том, что Г.Беседовский пишет, что он «в начале сентября 1923 г. через Москву выехал в Варшаву». О составе «германского совнаркома», о включение в него М.Тухачевского ему стало известно до отъезда в Варшаву. Следовательно, вопрос о направлении М.Тухачевского в Берлин был решен, скорее всего, в конце августа 1923 г. Вероятно, на заседании или в период заседания Политбюро 21 августа 1923 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

к Польше актом»[1111]. Г.Беседовский пояснял, что с советской стороны было оговорено: «убытки населению будут немедленно покрыты, а вся операция продлится не дольше трех дней. Формально поход будет самочинным актом, и ни советское, ни польское правительства не будут нести за него никакой ответственности»[1112]. В обмен на согласие, польской стороне обещали «свободу рук» в Восточной Пруссии. Иными словами, - готовы были согласиться на оккупацию Восточной Пруссии польскими войсками[1113]. Как отмечалось выше, выступая на заседании Политбюро ЦК 21 августа 1923 г., К.Радек сказал, ссылаясь на Кнолля, «что единственная реальная политическая цель Польши – присоединение Восточной Пруссии…»[1114]. Примечательны и соображения, высказанные на заседании И.Сталиным. «…Надо усилить нашу силу в лимитрофных государствах, - предлагал он. – Надо собрать и бросить туда коммунистов этих национальностей. Для нас очень важен и нужен общий кусочек границы с Германией. Нужно постараться сорвать одно из буржуазных лимитрофных государств и создать корридор к Германии. К моменту революции это нужно подготовить»[1115]. Таким образом, сказанное Г.Беседовским обсуждалось и решалось в Политбюро в августе 1923 г. Итак, установка на вооруженное вмешательство Красной Армии в германской революции была принята в Политбюро ЦК. Решался вопрос: как это осуществить.

Прежнее решение о сокращении численности Красной Армии «в конце августа… было отменено под влиянием событий в Германии и заменено поручением разработать план усиления армии»[1116]. Другой мерой, направленной на подготовку войск Западного фронта к боевым действиям явилась переброска боевых, в том числе кавалерийских, соединений на Западный фронт из других округов. Летом 1923 г. на Западный фронт был переброшен из ПриВО 16-й

[1110] Беседовский Г. На путях к Термидору…. - С. 94.
[1111] Там же.
[1112] Там же.
[1113] Там же, с. 94-95.
[1114] Запись обсуждения вопроса «О международном положении» на заседании Политбюро ЦК РКП (б) от 21 августа 1923 г…. //Источник. – 1995. - № 5. - С. 122.
[1115] Там же, с. 124.
[1116] Письмо Л.Д.Троцкого членам ЦК и ЦКК РКП (б) 8 октября 1923 г. //Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 5. - С. 171.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

стрелковый корпус (пока в составе 29-й стрелковой дивизии, а в сентябре к ней присоединилась 33-я стрелковая дивизия из того же округа) и 6-я кавалерийская дивизия из 1-й Конной армии с Северного Кавказа. «Большой кавалерийский «кулак»[1117] концентрировался на том участке советско-польской границы, где Советский Союз тонкой полоской польской территории отделяется от Литвы и, следовательно, от Восточной Пруссии»[1118]. По свидетельству Г.Беседовского, в силу его должностных возможностей прекрасно ориентировавшегося в этих обстоятельствах, «в Москве было твердо решено, что добровольно или силой, но Польша должна будет уступить… Для того, чтобы польское правительство оказалось более податливым, решено было действовать двумя способами – кнутом и пряником. Вопрос о прянике еще не был окончательно решен, что касается кнута, то, помимо придвинутых к границе корпусов Красной Армии, было отдано распоряжение польской коммунистической партии усилить деятельность, а военно-диверсионная организация получила приказ расширить работу…»[1119].

…28 августа 1923 г. М.Тухачевский уже возвратился из Германии в Смоленск вместе со своим адъютантом М.Михайловым-Морозовым[1120]. Далее в Москву поехал его ближайшее доверенное лицо, состоящий для особых поручений А.Виноградов[1121]. Он также сопровождал командующего в Берлин. Для сопровождения А.Виноградова он 28 августа направляет в Москву из Смоленска своего старого адъютанта Л.Геймана[1122]. Очевидно, А.Виноградов должен был отвезти информацию и отчет о поездке. 3 сентября он уже вернулся. М.Тухачевский сам не поехал в Москву в связи с обострением военно-политической обстановки на советско-польской границе в связи с надвигающимся «германским Октябрем». Видимо, также через А.Виноградова и

[1117] На Западном фронте находились 6-я кавалерийская дивизия под начальством С.Тимошенко, 7-я кавалерийская дивизия под начальством Г.Гая и 4-я отдельная кавалерийская бригада. Видимо, так называемый кавалерийский «кулак», это –7-я кавдивизия, дислоцированная в Минске. Кроме того, Г.Гаю по опыту 1920 г. был хорошо знаком маршрут из Минска на Вильно и далее, в Восточную Пруссию.
[1118] Беседовский Г. На путях к Термидору. - С. 83-84.
[1119] Там же, с. 84.
[1120] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 104.
[1121] Там же, Л. 110.
[1122] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Л.Геймана командующий фронтом добивался скорейшего назначения к нему нового начальника штаба фронта на вакантную с середины июня должность. Пока обязанности начальника штаба фронта временно исполнял 2-й помощник начальника фронтового штаба И.Глудин. Однако он являлся специалистом по административно-организационным, а не по оперативным проблемам. В виду надвигающейся войны с Польшей, эту должность должен был занять опытный начальник штаба, хорошо знакомый с возможным театром военных действий. По некоторым свидетельствам, М.Тухачевский просил направить к нему в качестве такового давно ему известного и высоко ценимого, как специалиста, А.Кука[1123]. Это был отличный специалист-генштабист, старый соратник М.Тухачевского со времен «польского похода». Впрочем, назначение А.Кука на должность начальника штаба Западного фронта было обусловлено и тем, что он лучше других кандидатов в начальники фронтового штаба ориентировался в том, что происходило в Германии, а также в Польше и Прибалтике. Известно, что с 21.5.1921 по 12.9.1923 г. А.Кук являлся помощником (заместителем) начальника Разведывательного управления Штаба РККА. Известно также, что многие бывшие руководители разведки Западного фронта и его соединений в 1920 г. ныне находились в Германии и активно участвовали в подготовке «германского Октября». Все они, в том числе и А.Кук, равно как и начальник Раведывательного отдела штаба ВСУК и УВО Р.Лонгва, действовали, как и в 1920 г., под руководством И.Уншлихта, заместителя председателя ОГПУ. Именно он вплоть до 1930 г. курировал советскую военную разведку. Назначение А.Кука на должность начальника штаба фронта являлось, таким образом, одной из мер, причем не только фронтового командования, по подготовке к военным действиям. А.Кук был назначен на должность начальника штаба Западного фронта 13 сентября, и уже 15 сентября прибыл в Смоленск и приступил к исполнению

[1123] Горелик Я.М. Красный командарм. //Вопросы истории. – 1987. - № 7. - С. 180. М.Тухачевский и А.Кук были в весьма доверительных отношениях. М.Тухачевский, несколько позднее, когда А.Кук подал заявление о вступлении в РКП (б), дал ему рекомендации. В ней, в частности, говорилось: «А.И.Кук – товарищ образцовой честности и долга перед Советской страной, работает над развитием своего политического кругозора и имеет большие заслуги в гражданской войне». – Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

своих обязанностей[1124]. Очевидно, его прибытия ждал М.Тухачевский, чтобы на следующий день, 16 сентября, начать большие двусторонние маневры войск Западного фронта. Они продолжались до 3 октября включительно. То есть, почти двадцать дней[1125]. Маневры Западного фронта осенью 1923 г. очень были похожи на «пролог» к началу военных действий на западной границе. Это было завуалированной формой мобилизации войск Западного фронта, приведения их в боевую готовность. В ходе этих маневров прекрасно показал себя командир 4 стрелкового корпуса А.Павлов[1126]. Ему в предстоящих военных действиях, видимо, отводилась важная роль. Под прикрытием маневров можно было осуществить достаточно легко необходимую для предстоящих боевых действий передислокацию войсковых частей и соединений. В сущности, именно Красная Армия, именно та ее часть, которая дислоцирована на Западном фронте, именно его командующий, М.Тухачевский в сложившейся обстановке военного бессилия «немецкого Октября» могла оказаться, как опасалось партийно-политическое руководство СССР, главной и решающей силой грядущей «мировой революции».

Информация о небоеспособности ГКП и германской революции, полученная к 21 августа от И.Вацетиса и, очевидно, подтвержденная результатами поездки в Берлин М.Тухачевского, предопределяла смещение акцентов на вооруженную помощь «немецкому Октябрю» «штыками Тухачевского». Этим, видимо, и объясняется активизация командования Западного фронта и «миссия Беренса»[1127].

Наконец, еще одной мерой была подготовка Л.Троцким проекта приказа о посылке частей Красной Армии в Германию, чтобы «разжечь пламя пролетар-

---

[1124] РГВА, Послужной список № 141792 Кука А.И.; Там же, Ф. 104. Оп. 3. Д. 173. Л. 109.

[1125] Столь длительных маневров в Красной Армии не проводили ни до, ни после этого (до 1937 г. включительно, по крайней мере). Обычно войсковые маневры в Западном или Белорусском, в Украинском или Киевском округах продолжались от 5 до 10 суток. Даже большие Одесские маневры 1927 г. продолжались всего 12 дней, а знаменитые «большие» маневры Киевского военного округа в 1935 г. продолжались всего 6 суток.

[1126] «...С особым блеском и силой А.В.Павлов проявил воинский талант на больших белорусских маневрах осенью 1923 г., - писали его биографы, - ...А.В.Павлов командовал «красной стороной». Маневры, как известно, закончились тем, что противная сторона была наголову разбита. Еще несколько лет после маневров среди командиров Белорусского военного округа были живы воспоминания о них и о смелом, неожиданном решении А.В.Павлова».- Герасимов М.Н., Санович Г. Комдив А.В.Павлов. //Военно-исторический журнал. – 1966. - № 10. - С. 113.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ской революции в Европе». Этот проект был составлен в самый разгар маневров Западного фронта и был представлен Л.Троцким для одобрения пленуму ЦК РКП (б) 25 сентября 1923 г.

Эти меры и эти перспективы развития событий усиливали позиции и авторитет Л.Троцкого, М.Тухачевского, Красной Армии в целом. Эти обстоятельства вызвали опасения у политического руководства. Не исключено, что опасались и самовольного выступления «красного Бонапарта». Беспокоил и рост, так сказать, и рейтинга его популярности. Как один из признаков этого, появление в августе 1923 г. в популярном военном еженедельнике «Военный вестник» интересной заметки. «На имя командующего Западным фронтом получена следующая телеграмма, - было напечатано в № 25, - «Руководителю пятой армии – освободителю Урала от белогвардейщины и Колчака – в день четвертой годовщины взятия Урала Красной Армией, - Миасский горсовет им шлет пролетарский привет; в ознаменование дня, город Миасс переименовывается в город Тухачевск – вашего имени»[1128].

В сентябре 1923 г. в массовом военном журнале «Красная присяга» в своей статье «Красная Армия на 6-м году революции» М.Тухачевский писал: «Итак, к концу шестого года советской власти, назревает новый взрыв социалистической революции, по меньшей мере, в европейском масштабе. В этой революции, в сопровождающей ее гражданской войне в процессе самой борьбы, также, как и прежде у нас **создается** могучая, но уже **международная Красная Армия**. А **наша армия**, как старшая ее сестра, должна будет **вынести на себе главные удары** капиталистических вооружений. К этому она должна быть готова и **отсюда вытекают ее текущие задачи**. ...Она должна быть **готова к нападению мирового фашизма** и должна быть **готова**, в свою очередь, **нанести ему смертельный удар разрушением основ Версальского мира и установлением Всеевропейского Союза Советских Социалистических Республик»**[1129]. Суть цитированного выше фрагмента выступления М.Тухачевского,

---

[1127] Пятницкий В. Заговор против Сталина. - М., 1998. - С. 326-327.
[1128] Военный вестник. – 1923. - № 25.
[1129] Тухачевский М.Н. Красная Армия на 6-м году Революции. //Красная присяга. – 1923. - № 18. - С. 22-23.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

таким образом, заключается в следующем: «мировой фашизм» – это «Версальский мир», т.е. страны Антанты и, прежде всего, Франция. Красная Армия «должна быть готова к нападению мирового фашизма», т.е. к нападению Франции. Красная Армия «должна быть готова нанести смертельный удар» основам Версальского мира, т.е. по Франции и ее союзникам. В этой новой «социалистической революции» «европейского масштаба» именно Красная Армия должна будет «вынести на себе главные удары капиталистических вооружений».

Таким образом, М.Тухачевский выражает позицию, согласно которой решающей силой «германской революции» должна стать Красная Армия, а не ее «филиалы» в Европе, не «германские коммунисты» и не германские националисты. Это – завуалированная формула «революции извне», экспорта «революции на штыках» Красной Армии. В свете политических настроений творца теории «революции извне» и многократных высказываний апологета «коммунистического империализма», к тому же жаждущего реванша за Варшавскую катастрофу, это весьма многозначительные декларации. Развернувшиеся на Западном фронте маневры должны были пугать. Следовало торопиться, пока власть не оказалась поставленной перед фактом войны, развязанной прославленным генералом. Проект приказа, составленного Л.Троцким и представленный на утверждение 25 сентября 1923 г. был отвергнут пленумом. «Тов. Троцкий уже в сентябре 1923 г. написал проект приказа по армии о польском вопросе, - объясняло свою позицию большинство членов Политбюро ЦК 19 октября 1923 г. – Опубликование такого приказа было бы в тот момент крайне опасно и, несомненно, обострило бы положение. Решением большинства Политбюро публикация этого приказа была задержана. Большинство Политбюро считает такой путь в данный момент в высшей степени опасным.... Мы не можем в данный момент делать такие предложения, которые могут выставить нас как застрельщиков разрыва и инициаторов войны с Польшей, привести нас к раз-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

рыву или полуразрыву еще до наступления германской революции»[1130]. В обстановке надвигавшейся германской революции и целях предотвращения войны между СССР и Польшей, « в связи необходимостью разрешить вопрос о транзите через Польшу в Германию польско-советские отношения приобрели специальное значение»[1131].

Советское правительство сводило свои требования «к тому, что польское правительство должно предоставить свободный транзит по польским железным дорогам из советской России в Германию». В.Копп, направленный на переговоры с польской стороной в Варшаву, «должен был намекнуть польскому правительству, что возможен проход нескольких советских кавалерийских бригад в Германию через узкую полосу так называемого Виленского коридора, но что это отнюдь не явится враждебным по отношению к Польше актом. Убытки населению будут немедленно покрыты, а вся операция продлится не дольше трех дней. Формально проход будет самочинным актом, и ни советское, ни польское правительства не будут нести за него никакой ответственности».[1132] За эту «услугу» советская сторона предлагала Польше свободный транзит польских товаров через советскую территорию на Ближний и Дальний Восток; уплату 30 миллионов золотом, в качестве скрытой контрибуции, предусмотренной Рижским договором; свободу действий в Восточной Пруссии[1133]. Такой, компромиссный, вариант решения проблемы устраивал Л.Троцкого. Однако советской тайной дипломатии не удалось убедить польскую сторону открыть «корридор» в Германию. В октябре 1923 г. советскому руководству стало ясно, что Красная Армия и СССР к новой войне на Западе не готовы. Сохранение за М.Тухачевским командования Западным фронтом, вызывая у соседей страх перед новой «революцией извне», провоцировало нагнетание «военной тревоги» и обострение внешнеполитических проблем для СССР. Поэтому политическая перспектива конца августа -октября 1923 г. подталкивала к действиям, направ-

[1130] Ответ членов Политбюро ЦК РКП (б) на письмо Л.Д.Троцкого от 8 октября 1923 г. – 19 октября 1923 г. //Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 7. - С. 181.
[1131] Беседовский Г. На путях к Термидору. - С. 83-84.
[1132] Там же, с. 94.
[1133] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ленным на «почетное» и безболезненное устранение «красного Бонапарта» с «передовой линии» германской революции.

…Как ранее уже отмечалось, 28 августа Оргбюро ЦК ввело в состав РВС СССР большую группу членов ЦК, в основном из числа сторонников И.Сталина, Г.Зиновьева. Среди них оказался и С.Буденный. Этот человек внушал власти не меньше опасений, чем М.Тухачевский[1134].

Отрыв С.Буденного от 1-й Конной армии осуществлялся постепенно, исподволь путем перевода ее дивизий в различные военные регионы. 11-я кавалерийская дивизия была отправлена на Туркестанский фронт, 6-я кавалерийская дивизий в 1923 г. была переброшена на Западный фронт. К августу 1923 г. в Северо-Кавказском военном округе фактически осталось одно лишь управление войсками 1-й Конной армии. Она, в сущности, была расформирована как единое кавалерийское соединение. Приглашенному к 21 августа 1923 г. в Москву С.Буденному было предложено отказаться от командования 1-й Конной армией в обмен на «высокую», но политически невлиятельную должность и членство в РВС СССР. Косвенным образом на это указывает письмо С.Буденного, адресованное и отправленное И.Сталину перед отъездом из Москвы 22 августа 1923 г.

«Сегодня уезжаю и очень жалею, что перед отъездом мне удалось повидаться с Вами, ибо уезжаю с очень тяжелым чувством, - писал С.Буденный. – Дивизии 1-й Конной армии переходят на новые стоянки, и, если не иметь за ними постоянного наблюдения, их боеспособность падет, а наблюдать за ними из Ростова мне совершенно невозможно. Прошу Вас лично возможно скорее вывести этот вопрос из неопределенного положения. Со своей стороны считаю, что единственным полезным для дела решением, которое даст мне возможность поднять всю кавалерию республики на должную высоту, это есть назначение меня помощником Главкома по кавалерии и членом РВСР. Мне должна быть дана возможность иметь небольшое управление, где должны быть сосредоточены все вопросы, относящиеся к кавалерии: ее организация, обучение, ремонт и

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

инспектирование. Это же управление будет включать кадры полевого штаба 1-й Конной армии. Очень прошу Вас, уважаемый Иосиф Виссарионович, провести решение этого вопроса в самом срочном порядке...»[1135].

Уже на следующий день И.Сталин короткой запиской, адресованной С.Буденному, принял его пожелания. «Буденному, - писал он. – Можете быть уверены, что проведем Вас членом РВСР и помощником Главкома, и начальником кавалерии республики»[1136]. Вопрос этот обсуждался и принципиально был предопределен в решении уже давно. По свидетельству самого С.Буденного, «я... ждал этого, был предупрежден о возможном перемещении еще год назад...»[1137].

Как уже отмечалось выше, 28 августа 1923 г. Оргбюро ЦК приняло решение о введении С.Буденного в состава РВСР и назначении помощником Главкома по кавалерии. Таким образом, вроде бы повысив в ранге – член РВС СССР (!) – его удалось оторвать от 1-й Конной армии. Сама же 1-я Конная была расформирована[1138].

Очевидно, эту же «модель» рассчитывали использовать и для военно-политической нейтрализации М.Тухачевского. Выше отмечалось, что М.Тухачевский 21-22 августа 1923 г. тоже был в Москве. «Позолоченной пилюлей», от которой «Тухачевский отказался», очевидно, тоже должен был стать пост члена РВС СССР и должность помощника Главкома по пехоте. Однако он, судя по смутной информации, не захотел обменять «жезл» командующего Западного фронта на «высокое», но практически маловлиятельное членство в РВС СССР. Тогда и было решено, видимо, «удалить» М.Тухачевского с Западного фронта при помощи «компромата» на него.

«Чистка» советской военной элиты и высшего командного состава Красной Армии в целом, начавшаяся с июля-августа 1923 г., расформирование 1-й

[1134] Эти опасения высказал еще 1 февраля 1923 г. К.Ворошилов в письме И.Сталину. //Военные архивы России. – Выпуск № 1. – С. 408-410.
[1135] Там же, с. 410.
[1136] Там же.
[1137] Буденный С.М. Пройденный путь. - М., 1973. - Т. 3. - С. 322.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Конной армии и удаление С.Буденного в центр, а также неудачная попытка «отнять» у М.Тухачевского войска Западного фронта по существу получили объяснение в официальных партийных документах. Члены Политбюро ЦК так объясняли Л.Троцкому и членам ЦК и ЦКК предпринятые меры и начавшиеся в в руководстве Красной Армии процессы. «Сам тов. Троцкий в последние годы уделял армии совершенно недостаточно внимания, - отвечали они 19 октября 1923 г. Л.Троцкому. - Основная работа в Реввоенсовете находится в руках тов. Склянского и группы беспартийных спецов, состоящей из Главкома Каменева, Шапошникова и Лебедева. Эта группа – очень добросовестные, трудолюбивые и знающие дело работникию Но в момент, когда ЦК решил в несколько раз увеличить нынешний состав армии, и когда нам стало ясно, что надвигается время, когда армия вновь будет решать судьбы республики, мы, естественно, пришли к выводу, что нельзя вверять судьбу армии исключительно названной группе»[1139].

Учитывая всю известную коньюнктуру политической борьбы в партийной элите, спровоцированной фигурой и поведением Л.Троцкого в ситуации ухода В.Ленина с политической арены, вышецитированный фрагмент, несомненно, отражал вполне реальные опасения и невысказанные подозрения партийного руководства, касающиеся непредсказуемости поведения военной элиты в складывающихся политических условиях. Беспокойство обострялось фактическим неповиновением командующего Западным фронтом М.Тухачевского.

3.4. Военная элита в политической борьбе конца 1923- начала 1924 гг.

…2 сентября 1923 года заместитель полномочного представителя ГПУ по Западному краю[1140] направил «служебную записку» заместителю начальника

[1138] 1-я Конная армия была расформирована 26 октября 1923 г. С.Буденный был переведен в центральный военный аппарат заместителем Главного инспектора кавалерии РККА. Главным инспектором тогда был А.Брусилов, отставка которого была уже предрешена.

[1139] Ответ членов Политбюро ЦК РКП (б) на письмо Л.Д.Троцкого от 8 октября 1923 г. – 19 октября 1923 г. //Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 7. - С. 183.

[1140] Л.Норд, вспоминая об этом периоде военной карьеры М.Тухачевского, в качестве начальника Особого отдела Западного фронта (эта должность с 1922 г. совмещалась с должностью полномочного представителя ОГ-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ОГПУ и начальнику Особого отдела ОГПУ Г.Ягоде. «Глубокоуважаемый Генрих Григорьевич!» – обращался региональный ответственный сотрудник ГПУ, излагая всевозможные сведения, компрометировавшие командующего Западным фронтом М.Тухачевского[1141]. Сообщалось что М.Тухачевского «помимо воли могут склонить к шпионажу». «У нас есть сведения, - сообщал сотрудник ОГПУ, - что в Польше интересуются его романами». Говорилось, что М.Тухачевский связан с «разного рода женщинами не нашего класса», что он оставляет «секретные документы в комнате стенографистки-полюбовницы», что «ходит масса анекдотов о его подвигах на пьяном и женском фронтах», что «каждый месяц возит семью в бронированном вагоне спецназначения», что «прилетал на аэроплане а свое имение...» и пр. Автор докладной записки ссылался на рекомендацию начальника Политуправления Западного фронта В.Касаткина, предлагавшего «дать все имеющиеся материалы и установить наблюдение». В заключении докладчик просил санкции для «слежки» за М.Тухачевским, мотивируя свою просьбу тем, что «мы не имеем права наблюдать за коммунистами без разрешения центра, тем более за такой крупной фигурой, как Тухачевский»[1142].

Судя по содержанию этой служебной записки, основные проступки М.Тухачевского сводились к его аморальному поведению. Итак, на основе приведенной выше компрометирующей М.Тухачевского информации выстраивается достаточно вульгарная, но вполне определенная и, по тем временам, убедительно-настораживающая власти схема. Насколько же информация в ней содержавшаяся соответствовала действительности?

ПУ по Западному краю) называет Смирнова. В последующих воспоминаниях она неоднократно упоминает этого человека, характеризуя его как недруга М.Тухачевского. Л.Норд ошибается. Полномочным представителем по Западному краю и начальником Особого отдела ОГПУ в то время был И.Апетер. Однако, вспоминая Смирнова, она могла иметь в виду Станислава Марциановича Глинского (1894-1938), который в это время занимал должность помощника председателя ГПУ БССР под именем «Николая Смирнова». Как известно в это время три должности – полномочного представителя по Западному краю, начальника Особого отдела Западного фронта и председателя ГПУ БССР - совмещались в руках одного должностного лица. Это касается и должностных обязанностей его помощников. Учитывая все вышесказанное, можно полагать, что помощником полномочного представителя ОГПУ по Западному краю, направившим 2 сентября 1923 г. вышецитированное донесение Г.Ягоде, был С.Глинский-Смирнов. Он был смещен с занимаемой должности 14 марта 1924 г. и переведен помощником начальника отделения КРО ОГПУ в Москву. С 1925 г. он был переведен в ИНО ОГПУ и отправлен на «закордонную работу» в Польше, Финляндии, Латвии, Чехословакии, Франции.

[1141] Документ частично опубликован в книге: Парнов Е. Заговор против маршалов. – Кн. 2. - С. 17.

[1142] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Исходный элемент этой схемы: связь с «разного рода женщинами не нашего класса». Эту информацию трудно опровергнуть. Амалия Протас («Лика»?) из среды мелкого дворянства, с гимназическим образованием, адъютант командующего фронтом; Татьяна Сергеевна Чернолузская, Наталья Сергеевна Чернолузская – родственницы А.Луначарского; наконец, будущая жена М.Тухачевского Нина Евгеньевная Гриневич из старинного польского дворянского рода, «отнятая» им у Л.Аронштама[1143]. Все они действительно являлись «разного рода женщинами не нашего класса». Отсюда, по информации ответственного сотрудника ОГПУ, и «масса анекдотов о подвигах» М.Тухачевского «на пьяном и женском фронтах». С этими обстоятельствами информатор ОГПУ прямо связывает «забытые» или «оставленные» М.Тухачевским «секретные документы в комнате стенографистки-полюбовницы».

В штате секретариата командующего Западным фронтом в 1923 г. было всего две женщины: Амалия Яковлевна Протас, «жена» и адъютант командующего, и Эйшинская Софья Ильинична. Напомню, что А.Протас находилась в отпуске с 6 января по 15 марта 1923 г. Затем, с 15 по 22 марта 1923 г. она вновь сопровождала командующего фронтом, и с 22 марта по 21 апреля 1923 г. опять была отправлена в отпуск. По окончании отпуска, 21 апреля 1923 г. А.Протас была уволена и, таким образом, освобождена от обязанностей адъютанта командующего. Правда, с 27 июня 1923 г. она оказывается вновь адъютантом командующего, сопровождает его в поездках и окончательно увольняется и исключается из списков служащих Западного фронта 14 августа 1923 г. Скорее всего, именно ее имел в виду сотрудник ОГПУ, говоря о «стенографистке-полюбовнице». Учитывая приведенные выше обстоятельства ее службы и перерывы в ней, эпизод с «секретными документами» мог иметь место, видимо, между 27 июня и 14 августа 1923 г.

[1143] Лазарь Наумович Аронштам (1896-1938), армейский комиссар 2 ранга (1935), еврей, из семьи служащего, член РКП (б) с 1915 г., в РККА с 1918 г. в 1923-1924 гг. служил в войсках Западного фронта. Он занимал должности военкома 4-й стрелковой дивизии, помощника по политической части командира 5-го стрелкового корпуса. Затем был помощником по политической части инспектора артиллерии РККА. В 1925-1926 гг. находился на подпольной работе в Польше, был арестован. Вернулся в СССР в 1928 г. С 1929 г. вернулся в кадры РККА. В 1936 г. был назначен начальником Политуправления МВО. Арестован 31 мая 1937 г., расстрелян. Реабилитирован посмертно.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Судя по контексту обстоятельств, в которых появилось «донесение» заместителя полпреда ОГПУ по Западному краю Г.Ягоде, источником и данной информации являлся начальник ПУ Западного фронта В.Касаткин. Он же мог получить эту информацию от человека, находившегося в ближайшем окружении М.Тухачевского. Из этого ближайшего окружения М.Тухачевского в его секретариате непосредственное отношение к «секретным документам» мог иметь старший делопроизводитель, или секретарь командующего. Бессменным секретарем командующего фронтом с 1922 и по 1924 г., которому он, судя по всему, вполне доверял и после обсуждения своего «персонального дела» в ЦКК, был и оставался Смиренский Николай Михайлович (1893-19??), статистик по образованию, бывший офицер. Если бы информатором В.Касаткина был этот человек, то после октябрьского обсуждения свой «персоны» в ЦКК, где указанные выше сведения фигурировали в качестве компрометировавших М.Тухачевского, последний вряд ли потерпел бы рядом с собой секретного осведомителя. Н.Смиренский же, как сказано было выше, остался при нем вплоть до перевода М.Тухачевского в Москву. Поэтому остается лишь один человек, который и мог сообщить о «секретных документах», оставленных М.Тухачевским «в комнате стенографистки-полюбовницы». Это старший делопроизводитель секретариата Западного фронта с марта 1923 г. Эйшинская Софья Ильинична. Косвенным указанием именно на нее как осведомителя В.Касаткина является факт смещения ее с указанной выше должности 1 июля 1923 г. и направлением в распоряжение Политуправления Западного фронта. Здесь же, начальник ПУ фронта В.Касаткин не счел ее человеком «провинившемся». Это обозначилось еще одним показательным фактом: С.Эйшинская была в июле же 1923 г. назначена секретарем помощника командующего Западным фронтом, т.е. того же В.Касаткина, который с марта 1923 г. являлся еще одним помощником командующего фронтом и временно исполняющим обязанности члена РВС фронта. Следовательно, В.Касаткин вполне доверял С.Эйшинской, в отличие от М.Тухачевского[1144].

[1144] Правда, можно предположить, что «стенографисткой-полюбовницей» была сама С.Эйшинская, член РКП

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

...Из связей М.Тухачевского с «женщинами не нашего класса» сотрудник полпредства ОГПУ по Западному краю, проводил линию к «сведениям, что в Польше интересуются его романами». Тоже все оказывается вполне логично. «Романы» М.Тухачевского «с женщинами не нашего класса», с польскими фамилиями (следовательно, польского происхождения) открывают «канал» для «вербовки» М.Тухачевского польской разведкой. Отсюда и вывод «доносителя»: М.Тухачевского «помимо воли могут склонить к шпионажу».

Такой вывод уже выходил за рамки «бытового разложения». Дело, таким образом, приобретало «политический» характер. Естественно у власти должен был возникнуть вопрос о доверии М.Тухачевскому, о возможности продолжения его службы в должности командующего Западным фронтом. Ведь не случайно, в резолюции М.Фрунзе в конце марта 1924 г., наложенной им на эту информацию, оказались слова: «Партия верила, верит и будет верить т. Тухачевскому»[1145].

Хорошо было известно также и то, что М.Тухачевский владел усадьбой в Смоленской губернии, до революции принадлежавшей его отцу и проданной еще в 1908 г. Уехавший в 1922 г. за рубеж генерал И.Данилов свидетельствовал: «Милость большевиков к нему (т.е. М.Тухачевскому) за его «подвиги» столь неограниченна, что ему возвращено даже, вопреки идеям большевизма,

---

(б) с 4-классным образованием. Однако она, во-первых, являлась по должности старшим делопроизводителем, т.е. человеком с определенным опытом в этой деятельности.

Во-вторых, назначенная в марте 1923 г. на указанную должность в обстановке следствия по «делу Варфоломеева», новый старший делопроизводитель вряд ли являлся случайной фигурой в штате секретариата, только что подвергнувшегося тотальной «чистке».

В-третьих, С.Эйшинская жила в самом Смоленске. Оставить «секретные документы» в «комнате стенографистки-полюбовницы» М.Тухачевский, таким образом, мог только, если он с этими документами специально поехал на квартиру к С.Эйшинской. Это возможно, но маловероятно, ибо такого рода визит трудно было бы мотивировать чисто служебными обстоятельствами. Кроме того, какой же можно было бы усмотретить «криминал» с его стороны в том, что он «оставил» эти документы старшему делопроизводителю. Документы и должны были попадать к этому служащему секретариата.

Легче было забыть «секретные документы» у «стенографистки-полюбовницы», которая живет рядом, в том же штабном вагоне. Посещение командующим своей стенографистки оказывается в основном скрытым от чужих глаз. Кроме того, какую же еще чисто служебную функцию должна была выполнять А.Протас в должности адъютанта, как не функцию «стенографистки». Ведь обязанности адъютанта при М.Тухачевском выполнял сначала Л.Гейман, а затем М.Михайлов-Морозов. Они являлись военнослужащими (соответственно, 81-го полка 27-й стрелковой дивизии и 15-го полка 5-й стрелковой дивизии).

Таким образом, скорее всего, «стенографисткой-полюбовницей» М.Тухачевского была все-таки А.Протас, а сам эпизод мог иметь место до 1 июля 1923 г., т.е. до исключения С.Эйшинской из состава секретариата командующего, если иметь в виду, что именно она и являлась информатором и осведомителем В.Касаткина при М.Тухачевском.

[1145] Викторов Б. «Заговор» в Красной Армии. Записки военного прокурора. //Правда. – 1988. – 29 апреля.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

его имение..., где хозяйничают его сестры»[1146]. Поэтому, возбуждение вопроса о владении усадьбой, о чем все давно знали, именно осенью 1923 г. представлялось также не случайным.

Из контекста приведенной выше информации становится ясным, что, во-первых, до составления этой «докладной записки» агентурного наблюдения за М.Тухачевским не велось. Во-вторых, инициатором составления и направления Г.Ягоде данной «докладной записки» были не структуры ГПУ Белоруссии, по Западному краю или по Западному фронту, а Политуправление Западного фронта. Конкретно, это был начальник ПУ фронта В.Касаткин. В-третьих, примечательно, что В.Касаткин начал проявлять активность в этом направлении именно к началу сентября 1923 г. Понятно, что если сама докладная записка ГПУ была уже подготовлена и отправлена 2 сентября 1923 г., то составляться она начала еще в августе. Следовательно, именно в это время В.Касаткин получил указание свыше о направлении «компромата» на М.Тухачевского через ГПУ в Москву. Он должен был, в соответствие с должностным своим положением и подчинением, получить такое распоряжение от своего непосредственного руководства в ПУ РККА. Согласно логике служебно-иерархических отношений, такое распоряжение мог дать ему В.Антонов-Овсеенко, начальник ПУ РККА. Ясно и другое – вряд ли сам В.Антонов-Овсеенко явился инициатором данной «операции». Проведение такой «операции» самовольно, на свой страх и риск, было бы для В.Антонова-Овсеенко слишком опрометчиво. Кроме того, это не совсем было свойственно ему как личности. Однако такое распоряжение В.Касаткин мог получить и не только как начальник ПУ фронта.

После удаления из состава РВС Западного фронта И.Перепечко 8 февраля 1923 г., временно исполняющим дела члена РВС фронта был назначен В.Касаткин. Более того, тогда же его назначили помощником командующего[1147]

[1146] Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. - Архив Русской революции. - Т. 14. - С. 97.

[1147] Один, в лице В.Чернавина, уже был. Как известно, все назначения в РККА, особенно в высшем командовании, прежде, чем попасть в приказы РВС СССР, определялись на Оргбюро и на Политбюро. Как члену РВС фронта (пусть даже временному) ему вменялось в обязанность первостепенной значимости следить за командующим, контролировать его поведение и деятельность, особенно на предмет «политической и моральной безупречности» и обязательно сообщать обо всем вышестоящим партийным и политическим властям. Поэтому,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Вряд ли В.Касаткин, не имея за собой высокого «соизволения», решился бы на столь грубое нарушение установленного порядка. Кто же мог вероятнее всего дать такое «высокое соизволение» или «пожелание»? Прежде всего, следует попытаться понять, кто в этом имел наибольшую заинтересованность.

Представляется, что все это было провокацией, преследовавшей двойную цель: убрать М.Тухачевского с Западного фронта и поссорить его с Л.Троцким, представив это «дело» как инициативу последнего. Примечательно, что отправленная 2 сентября «записка» представителя ГПУ и, очевидно, уже до 10 сентября оказавшаяся в распоряжении начальника Особого отдела ОГПУ Г.Ягоды, «молчит» вплоть до 20 сентября 1923 г.

Ни на одном из заседаний Политбюро ЦК (а они в это время проходили чуть ли не ежедневно) до указанной даты «дело Тухачевского» не рассматривалось. Оно было представлено в докладе Особого отдела ОГПУ на расширенном заседании Политбюро ЦК именно 20 сентября. Популярность и «самостийность» М.Тухачевского, несомненно, вызывала настороженность и со стороны Л.Троцкого, и со стороны высшего партийного руководства. В этом отношении, примечательно и то, с какой готовностью, решимостью и жесткостью сам Л.Троцкий на этом заседании предложил передать «материалы о т. Тухачевском в ЦКК и немедленном назначении авторитетного члена РВС Западного фронта»[1148].

Примечательно и другое: за подписью И.Сталина Политбюро по этому вопросу решило «принять» предложение Л.Троцкого, «поручив Оргбюро наметить срочно состав РВС Западного фронта и внести на утверждение Политбюро»[1149]. При внимательном прочтении «предложения Троцкого» и «решения Политбюро», едва заметен один штрих. Он, по существу, открывал возможность повернуть «дело Тухачевского» совсем не так, как полагал Председатель РВС СССР. Л.Троцкий предложил «немедленное назначение авторитетного члена РВС Западного фронта». Проведение его в жизнь означало удаление

скорее всего, В.Касаткин должен был выполнять негласные распоряжения не В.Антонова-Овсеенко, а, прежде всего, тех, кто контролировал Оргбюро и Политбюро.

[1148] Цитируется по кн.: Парнов Е. Заговор против маршалов. – Кн. 2. - С. 19.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В.Касаткина с должности временно исполняющего дела члена РВС фронта. Речь шла, таким образом, об отставке В.Касаткина и его замене, а не М.Тухачевского. Такого рода мера предполагала лишь усиление присмотра за его поведением. Это естественно со стороны Л.Троцкого как Председателя РВС СССР и Наркома, в условиях приближающейся революции в Германии и ожидания неизбежной войны с Польшей: не меняя командующего усилить политический контроль на фронте.

В «решении» же Политбюро за подписью И.Сталина предлагается «наметить срочно состав РВС» фронта. Это могло означать: поставить вопрос о сохранении за М.Тухачевским командования фронтом или, сместив его с должности, утвердить новый состав РВС Западного фронта. В то же время, такое решение не предписывало прямо и обязательно удаление В.Касаткина с Западного фронта. Это было решение И.Сталина. В итоге же оказывалось, что смещение «красного Бонапарта» осуществлялось по инициативе Л.Троцкого. Таким образом, можно предполагать, что В.Касаткин начал свои действия по указанию И.Сталина, хотя, скорее всего, не обращенному непосредственно к начальнику ПУ Западного фронта.

Учитывая все вышесказанное, можно полагать, что нейтрализовать военно-политическую активность М.Тухачевского в обстановке надвигавшегося «германского Октября» стремился не Л.Троцкий, а И.Сталин и его сторонники. Именно они предпочли бы иметь М.Тухачевского на «почетной и высокой», но политически бессильной, должности в Москве, а не во главе войск Западного фронта. Примечательно, что «компромат» на М.Тухачевского в Смоленске начали готовить «к отправке» в Москву в августе 1923 г. Именно тогда, когда его военно-политический авторитет начал «оживленно» расти. Как выше уже отмечалось, его фамилией назвали город Миасс, что вряд ли было результатом спонтанных и «самостоятельных» решений городских властей. Скорее всего, это было санкционировано свыше в связи опять же с грядущим «германским Октябрем», новой волной «мировой революции» и «революционной войны».

[1149] Парнов Е. Заговор против маршалов. – Кн. 2. - С. 19.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевский в августе 1923 г. был вызван в Москву и направлен в Германию. Тоже в связи с предстоящими «революционными действиями».

Не случайно И.Сталин вынес «военные вопросы» (о новом составе РВС СССР, о Президиуме РВС СССР, о введении в состав РВС СССР самого И.Сталина, И.Уншлихта и некоторых других «недоброжелателей» Л.Троцкого), в том числе «дело Тухачевского» 20 сентября 1923 г. Это был самый разгар военных маневров войск Западного фронта. Их масштабы вызывали опасения. В Москве, возможно, испытывали определенное беспокойство, полагая, что они, спонтанно, могут перерасти в наступательную войну. Видимо, И.Сталин полагал, что время для рассмотрения этих вопросов наступило.

Обращает на себя внимание и следующее обстоятельство. Едва «дело Тухачевского» поступило в Парткомиссию ЦКК, по его поводу был сделан запрос заместителю Председателя РВС СССР Э.Склянскому: «Парткомиссия ЦКК просит Вас срочно прислать ей все имеющиеся у Вас материалы на Тухачевского»[1150]. Однако, все «дело» оказалось сведенным к «провозке семьи» в вагоне спецназначения, полетах на аэроплане в усадьбу и в наличии самой усадьбы, которая когда-то принадлежала Тухачевским[1151]. М.Тухачевскому было направлено приглашение: «ЦКК просит Вас прибыть к члену ЦКК тов. Сахаровой 24 октября 1923 г. к 12 часам дня…»[1152] и резолюция: «По распоряжению т. Сахаровой дело сдать в архив по заслушанию личных объяснений Тухачевского»[1153]. Выражаясь иначе, закрыть дело. М.Тухачевский не явился по вызову в «высший партийный суд», в ЦКК, и ограничился краткими письменными объяснениями. Сам стиль этих объяснений обнаруживает едва заметное пренебрежение командующего Западным фронтом к члену ЦКК т. Сахаровой. «По поводу заявления сообщаю следующее: 1. Провозки семьи действительно имели место. 2. На аэроплане никогда не прилетал. 3. Усадьба, где живет моя мать, действи-

---

[1150] Парнов Е.Заговор против маршалов…. – Кн. 2. - С. 16.
[1151] Там же, с. 17-18.
[1152] Там же, с. 16.
[1153] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

тельно принадлежала моему отцу с 1908 г., потом он ее продал. Поселилась мать с сестрами во время революции»[1154].

Эти письменные объяснения М.Тухачевский отправил, совершенно очевидно, до 24 октября. Скорее всего, он отправил их в Москву, в ЦКК вместе с А.Виноградовым и своим новым адъютантом М.Михайловым-Морозовым. Оба, согласно штабным приказам фронта, находились в командировке в Москве с 3 по 11 октября 1923 г[1155]. Если быть более точным, то 3 октября завершились фронтовые маневры. В тот же день указанные офицеры выехали в Москву, где пребывали с 4 по 10 октября. На следующий день, 11 октября они уже прибыли в Смоленск. Таким образом, письменные объяснения М.Тухачевского члену ЦКК Сахаровой могли быть переданы между 4 и 10 октября. Сам М.Тухачевский с 8 сентября и до 29 октября 1923 г. в Москве не был и никто из его «порученцев», за исключением указанной выше поездки А.Виноградова и М.Морозова-Михайлова, не направлялся.

Учитывая все сказанное выше, следует полагать, что «приглашение» прибыть в ЦКК для «дачи показаний» по своему «делу» было получено М.Тухачевским до 3 октября. Лично он, таким образом, не поехал в Москву по вызову в ЦКК на 24 октября. Его отсутствие 24 октября 1923 г. в Москве на приеме у П.Сахаровой находит подтверждение в графике его командировок[1156]. В эти дни М.Тухачевский находился сначала в «полевой поездке» по фронту, а затем в Смоленске[1157]. В документах штаба фронта отмечалось, что он был болен[1158]. Трудно сказать, была ли эта болезнь действительная или она носила «дипломатический» характер[1159]. Не исключено, что в полевую поездку

[1154] Цитируется по кн. : Парнов Е. Заговор против маршало. – Кн. 2. - С. 17-18.
[1155] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 127.
[1156] Согласно штабным приказам Западного фронта, М.Тухачевский в сопровождении состоящего при нем для особых поручений Генштаба А.Виноградова и адъютанта М.Михайлова –Морозова с 15 октября отправился в полевую поездку по фронту. Он должен был находится в этой поездке до 2 ноября 1923 г. – РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 139.
[1157] Судя по штабным документам, вышеуказанная «полевая поездка» М.Тухачевского была прервана как раз к 25 октября 1923 г. его болезнью. – РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 29. Л. 147.
[1158] Там же.
[1159] Впрочем, анализируя вышецитированный документ, следует обратить внимание на то, что М.Тухачевский пишет: «По поводу заявления…». Иными словами, речь могла идти не о служебной записке сотрудника ГПУ по Западному краю, а о каком-то еще «заявлении», в котором, вполне возможно, содержалась лишь информация о полетах на аэроплане, провозках семьи в служебном вагоне и об усадьбе.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевский отправился 15 октября 1923 г. как раз в связи с получением предписания явиться в ЦКК. Возможно, он намеревался в обстановке «оперативно-стратегической игры» со своими «генералами» проверить их настроения и отношение к себе в связи с назревавшим конфликтом с партийным центром.

Судя по штабным приказам фронта, хотя эта «полевая поездка» рассчитана была до 2 ноября[1160], однако 23 октября М.Тухачевский вместе с сопровождавшим его в поездке А.Виноградовым вернулся в Смоленск из-за «болезни»[1161]. Возможно, М.Тухачевский выбрал «мягкую», завуалированную форму неподчинения центру, сохраняя за собой «путь к отступлению». Он «отказался выехать по вызову», как сообщал А.Гучков, т.е. он отказался подчиниться распоряжению из Москвы. Однако на всякий случай у него «в запасе» оставалась извиняющая его поведение причина – «болезнь».

28 октября 1923 г., очевидно, подчиняясь уже настойчивым, «ультимативным», как писалось в «Руле», требованиям Партколлегии ЦКК, М.Тухачевский «сдался» и в сопровождении своего адъютанта и врача амбулатории штаба фронта Можайского (видимо для доказательства подлинности своей болезни, извиняющей его отсутствие на приеме у П.Сахаровой) выехал в Москву. 29 октября 1923 г. он присутствовал на заседании партколлегии ЦКК, где слушалось его «дело»[1162]. Доклад, в котором были изложены обвинения М.Тухачевского в «попойках, кутежах, разлагающем влиянии на подчиненных», делал Я.Петерс, старый высокопоставленный работник ВЧК-ГПУ[1163]. Суров и «приговор»: «строгий выговор за некоммунистические поступки»[1164]. В заключение по «делу Тухачевского» партколлегия ЦКК напоминает об исключении из партии комкора-4 А.Павлова (вроде бы за «аморальное поведение»).

[1160] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 127, 139.
[1161] Там же.
[1162] Там же, Д. 168. Л. 143. – Таким образом, М.Тухачевский прервал свою «полевую поездку» и с 28 октября по 3 ноября 1923 г. находился в командировке в Москве. Выехав из Смоленска 28 октября, он должен был успеть присутствовать на заседании Партколлегии ЦКК 29 октября.
[1163] Коньюнктурный и «лицемерно-ханжеский» характер процедуры рассмотрения «дела М.Тухачевского» на Партколлегии ЦКК с обвинениями его в «аморальном поведении» и нарушении партийной этики обнаруживается хотя бы в том, что доклад по «делу» было поручено сделать Я.Петерсу. Ни для кого не были секретом широкомасштабные «подвиги» на «амурном фронте» самого докладчика. О них ходили совершенно «гомерические» легенды.
[1164] Цитируется по кн.: Парнов Е. Заговор против маршалов. – Кн. 2. - С. 18.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«А тов. Дыбенко тоже пьянствует, - указывается в документе, - и это переносится на низший состав»[1165]. Все это означало, что высший комсостав Западного фронта ведет себя «не по коммунистически» и морально-политически разлагает подчиненных.

…Исходя из всех изложенных выше фактов, можно полагать, что изменение в поведении М.Тухачевского, в его отношении к пожеланиям и приказам из центра произошли между 24 и 28 октября 1923 г. В связи с рассматриваемым вопросом уместно вновь вернуться к заметке в эмигрантской газете «Руль», озаглавленной «Тухачевский и Советская власть». Напомню, что в ней конфронтация между М.Тухачевским и «тройкой» (И.Сталиным, Г.Зиновьевым и Л.Каменевым) «датируется» временем после «выступления Троцкого против «тройки». Иными словами, после 8 октября 1923 г. В заметке говорится о двух попытках «выманить» М.Тухачевского из Смоленска: просьбой («позолоченной пилюлей») и в ультимативной форме. Надо полагать, что просьба с предложением «позолоченной пилюли» поступила к М.Тухачевскому от «тройки», видимо, одновременно с аналогичным предложением, обращенным к С.Буденному. В соответствие с высказанным выше предположением, в обоих случаях «позолоченная пилюля» выражалась в обмене командных должностей (на Западном фронте и в 1-й Конной армии) на «членство в РВС СССР». М.Тухачевскому такое предложение могли сделать только 21 августа 1923 г., во время его кратковременного пребывания в Москве в связи с поездкой в Берлин. С.Буденный согласился. 1-я Конная армия была расформирована 26 августа 1923 г., а ее бывший командующий введен 28 августа в состав РВС СССР. М.Тухачевский – отказался. Тогда и был дан сигнал в Смоленск подготовить на него «компромат». Ультимативное требование отказаться от должности командующего Западным фронтом, видимо, было направлено М.Тухачевскому вместе с «приглашением» в ЦКК ок. 3 октября 1923 г., когда все материалы к «высшему партийному суду» над ним были уже подготовлены.

[1165] Парнов Е. Заговор против маршалов. – Кн. 2. - С. 18.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Тухачевский вновь категорически отказался», - сообщала газета «Руль» 16 февраля 1924 г. «Он отказался выехать по вызову», - информировал Русский национальный комитет А.Гучков 29 февраля 1924 г. Информация запоздавшая в эмигрантские круги, но соответствовавшая событиям августа – октября 1923 г. Е.Беренс, сообщивший обо всем этом А.Гучкову, не мог знать о том, как развернулись события начиная с 28 октября 1923 г., когда М.Тухачевский вынужден был «покориться». Е.Беренс уехал из Москвы в Берлин раньше, видимо до 20 октября, в связи с грядущим «германским Октябрем»[1166].

...Итак, на заседании Политбюро ЦК по «делу Тухачевского» 20 сентября 1923 г. Л.Троцкий предложил «немедленно назначить авторитетного члена РВС Западного фронта». И.Сталин же, как Генеральный секретарь и председательствующий на Политбюро подписал решение его о принятии предложения Л.Троцкого. Однако он существенно «подкорректировал» предложение Председателя РВС СССР, «поручив Оргбюро срочно наметить состав РВС Западного фронта и внести на утверждение Политбюро»[1167]. Иными словами, как выше уже подмечалось, речь шла о новом составе РВС фронта. Такое решение не исключало и замену командующего фронтом, если не предполагало это.

[1166] Возможно, что решающим фактором, предопределившим изменение «мятежной» позиции М.Тухачевского на «покорную» между 24 и 28 октября явилась тяжелая болезнь Л.Троцкого. В обстановке тяжелого заболевания В.Ленина, могло казаться, что и Л.Троцкого ожидает та же судьба. «Руль» называет М.Тухачевского одним «из тех военачальников, которые особенно близки к Председателю Реввоенсовета». Без его поддержки М.Тухачевский не рискнул продолжать «сопротивление» И.Сталину и идти на дальнейшее обострение военно-политической ситуации.

[1167] В состав Оргбюро к ноябрю 1923 г. входили члены:

1.Андреев А.А.
2.Дзержинский Ф.Э.
3.Зиновьев Г.Е.
4.Молотов В.М.
5.Рудзутак Я.Э.
6.Рыков А.И.
7.Сталин И.В.
8.Томский М.П.
9.Троцкий Л.Д.

Кандидаты в члены Оргбюро:

10.Бухарин Н.И.
11.Зеленский И.А.
12.Калинин М.И.
13.Коротков И.И.
14.Михайлов В.М.

Как известно, Я.Рудзутак в это время был в Германии. Л.Троцкий находился в больнице с высокой температурой. В.Молотов в военных вопросах не разбирался, но, во всяком случае, поддерживал мнение И.Сталина.

Итак, единственным членом Оргбюро, разбиравшемся в военных кадрах, оказался И.Сталин.

Он, видимо, и внес предложения о новом составе РВС Западного фронта.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Очевидно, в отсутствие Л.Троцкого, было предложено направить на Западный фронт в качестве помощника командующего фронтом И.Уборевича. Это решение должно было пройти несколько инстанций: Оргбюро, Политбюро, СНК, РВС СССР. Приказ РВС СССР о назначении И.Уборевича датирован 12 ноября 1923 г. Следовательно, на Оргбюро вопрос о его назначении, скорее всего, рассматривался не позднее 6 ноября.

И.Уборевич считался «креатурой» И.Сталина. И это было так, хотя И.Сталин, «вполне ему доверявший», называл И.Уборевича «плохим коммунистом». И.Уборевич, в качестве командующего 5-й Отдельной армией на Дальнем Востоке, в силу своего характера и должностного положения в критической ситуации вполне мог проявить «самостийность». В связи с этими опасениями и «волной недоверия и подозрительности» в отношении старых генштабистов у И.Уборевича «отобрали» его начальника штаба подполковника Генштаба К.Артемьева. Его заменили опытным капитаном Генштаба А.Перемытовым. Однако известно было, что А.Перемытов, долгое время являвшийся начальником штаба Северо-Кавказского военного округа у К.Ворошилова, был «его» человеком, а не «человеком Уборевича». Этими действиями было разрушено и парализовано управленческое ядро командования 5-й отдельной армией. Удаление с Дальнего Востока самого И.Уборевича позволяло полностью устранить возможное военно-политическое влияние на происходившие события политической борьбы со стороны одного из самостоятельных, честолюбивых и авторитетных «генералов». Направление же И.Уборевича на Западный фронт позволяло, таким образом, «убить двух зайцев»: нейтрализовать и И.Уборевича, и М.Тухачевского. Человек честолюбивый и строптивый, вряд ли он мог согласиться на свое перемещение с должности командующего 5-й Отдельной армии (т.е., командующего фронтом) на должность помощника командующего фронтом. Это было «понижение». Ему нужно было дать понять, что данное назначение является фактической передачей ему функций командующего фронтом с последующим официальным утверждением в этой должности.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Иными словами, назначение И.Уборевича являлось «подталкиванием» М.Тухачевского к отставке и началом «изъятия» у него командования Западным фронтом. Командное ядро Западного фронта к этому времени фактически уже было разрушено. В феврале 1923 г. был отставлен Н.Варфоломеев, в июле с фронта убрали начальника штаба С.Меженинова. Теперь присылали нового помощника командующего фронтом. Фактически старой, «сыграной команды», всецело подчиненного М.Тухачевскому командного аппарата на Западном фронте уже не было. Вхождение в должность И.Уборевича должно было окончательно политически парализовать М.Тухачевского.

Трудно сказать, как отнесся к своему новому назначению И.Уборевич. Известно, что в Москву он прибыл только ко второй половине декабря 1923 г. На Западном фронте он так и не появился. К этому времени, 13 декабря 1923 г. туда в качестве помощника командующего фронтом был назначен А.Корк.

Появление еще одного, третьего по счету, «помощника командующего Западным фронтом», было явным «перебором», никаким штатным расписанием не предусмотренным[1168]. Такое большое число помощников у М.Тухачевского не было мотивировано оперативно-стратегической обстановкой: военные действия с Польшей и другими соседями уже не ожидались, «немецкий Октябрь» не состоялся. Следовательно, все эти перемещения носили политический характер: ограничить властные возможности М.Тухачевского на случай проявления им политической нелояльности, какого-либо сопротивления Москве с опорой на войсковые части фронта. Почему понадобилось назначить сверх штата еще одного «помощника» и кто проявил такую «инициативу»?

[1168] Напомню, что по штату на Западном фронте положено было иметь одного «помощника командующего». Официально до мая 1924 г. ее занимал В.Чернавин, хотя, вопреки записи в послужном списке (это встречается достаточно часто), он, возможно, был отстранен от нее уже в ноябре 1923 г. Этим можно было мотивировать направление на Западный фронт нового помощника командующего И.Уборевича.

В феврале-марте 1923 г., в связи с «делом Варфоломеева», была введена штатная должность «помощника командующего по политической части». Ее занял начальник ПУ и член РВС фронта В.Касаткин.

Теперь же, рядом с В.Чернавиным и В.Касаткиным в ноябре появился еще один «помощник» – И.Уборевич, а в декабре – А.Корк.

Даже если считать, что И.Уборевич направлен был на Западный фронт на замену М.Тухачевскому, то, направляя А.Корка «помощником» к И.Уборевичу (в будущем), следовало бы освободить от этой должности В.Чернавина. Он же оставался в своем качестве вплоть до мая 1924 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

И.Сталин не любил А.Корка и не очень ему доверял, считая его «бонапартистом». М.Тухачевский не оставил прямых суждений об А.Корке, однако, известно, что, например, в августе 1920 г. А.Корк, как и ряд других командующих армиями, не разделял намерений командующего фронтом продолжать безостановочное наступление на Варшаву. В последующих дискуссиях по частным вопросам «польской кампании» в начале 20-х гг. М.Тухачевский в споре между В.Путной и А.Корком, поддержал первого. А.Корк скептически относился к «революции извне» и «стратегии гражданской войны» М.Тухачевского. Однако А.Корк был не только земляком и «соплеменником», и в силу этого, другом и боевым соратником А.Кука, начальника штаба Западного фронта. Выше отмечалось, что А.Кук был назначен на эту должность с учетом и пожеланий М.Тухачевского. М.Тухачевский же, позднее, давал А.Куку и рекомендацию в партию. Эти обстоятельства косвенным образом указывают на то, что, во всяком случае, в личном плане М.Тухачевский предпочел бы иметь рядом с собой в качестве помощника командующего А.Корка, а не И.Уборевича.

В те годы И.Уборевич, как выше отмечалось, принадлежал к «генералам», группировавшимся вокруг своего бывшего командующего Юго-Западным фронтом А.Егорова. Уже это обстоятельство не могло не настораживать М.Тухачевского. И.Уборевич, в силу своего положения в военной элите, своего происхождения, партийности и честолюбия, являлся очевидным соперником М.Тухачевского и претендентом на должность командующего фронтом.

А.Корк – беспартийный генштабист – в качестве такового соперника и претендента вряд ли мог рассматриваться властями в Москве. И у него самого, занимавшего до этого времени должности не выше помощника командующего УВО, у беспартийного «золотопогонника», вряд ли имелись расчеты на на должность командующего фронтом. Разве что – на должность помощника командующего. И все-таки, следует помнить, что А.Корк был боевым соратником «красного Бонапарта» и одним из лучших его командармов в 1920 г. Во всяком случае, А.Корк входил в круг «генералов», близких к С.Каменеву и М.Тухачевскому. Учитывая все сказанное выше об А.Корке, можно считать,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

что последний не являлся «креатурой» И.Сталина и был фигурой, присутствие которой для И.Уборевича (в случае принятия им командования фронтом) в качестве его помощника на Западном фронте было нежелательным[1169].

Следует обратить внимание и на обстоятельства назначения А.Корка помощником командующего фронтом. А.Корк был направлен на Западный фронт из Главного управления РКК Воздушного Флота СССР, где он занимал должность 1-го помощника Главного начальника этого управления[1170]. В приказе по штабу Западного фронта за № 224 от 31 декабря 1923 г. было записано: «Прибывший из Главного управления РК Красного Воздушного Флота СССР Корк Август Иванович назначен помощником командующего фронтом с 15 сего декабря. Основание: приказ по войскам Западного фронта № 1016 от 30 декабря 1923 г.»[1171]. Если следовать тексту приказа, то выходит, что А.Корк был просто направлен указанным управлением по ВВФ в распоряжение командующего фронтом без конкретного назначения. Основанием для назначения А.Корка помощником командующего фронтом являлся приказ М.Тухачевского, а не РВС СССР. Действительно, ситуация с помощниками командующего была в это время совершенно запутаной. Следуя тексту штабного приказа Западного фронта, А.Корк прибыл в Смоленск еще 15 декабря. Приказом же фронта (а не РВС СССР) он был утвержден в качестве помощника командующего фронтом только 30 декабря[1172]. Для объяснения этой запутанной ситуации следует обратить внимание на весьма смутную хронологию событий, отраженных в штабных приказах Западного фронта в ноябре-декабре 1923 г.

[1169] Косвенным указанием на нежелание Москвы менять М.Тухачевского на А.Корка, а не на И.Уборевича, в командовании Западным фронтом можно считать тот факт, что после отставки М.Тухачевского, 26 марта 1924 г., А.Корк вплоть до 6 апреля оставался лишь временно исполняющим обязанности командующего. По некоторым данным, с 5 по 8 апреля он вообще был отстранен от должности. Лишь 8 апреля окончательно был решен вопрос о его утверждении в качестве командующего фронтом.

[1170] РГВА. Послужной список А.И.Корка № 127872.

[1171] Там же, Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 177.

[1172] В послужном списке А.Корка указано, что он был назначен на эту должность 13 декабря 1923 г. Однако, следует иметь в виду, что послужные списки часто составлялись или переписывались позже проведенных перемещений по службе. Датой, с которой начиналось отправление новой должности, оказывалась та, которая указывала на прекращение исполнения им прежней должности. Так обеспечивалась более «гладкая анкета». Поэтому, будучи в определенной мере коньюнктурными, послужные списки не всегда отражали реальные процессы служебной карьеры. – РГВА. Послужной список А.И.Корка № 127872

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Дело в том, что прибывший в Москву на разбирательство своего «дела» 29 октября 1923 г. вместе с адъютантом М.Михайловым-Морозовым и врачем, М.Тухачевский должен был вернуться в Смоленск 8 ноября 1923 г. Однако в последующих приказах о возвращении М.Тухачевского и его адъютанта в Смоленск ничего не говориться. Лишь уже в приказе от 29 ноября 1923 г. указывается, что М.Тухачевский вместе с тем же адъютантом вновь выехал в командировку в Москву 23 ноября и должен был возвратиться в Смоленск 28 ноября. Однако, несмотря на то, что приказ датирован 29 ноября и согласно указанным выше срокам командировки они должны были уже находиться в Смоленске, в приказе пишется об адъютанте командующего как о «находящемся в служебной командировке», а не «находившемся». Иными словами, 29 ноября М.Михайлов-Морозов, сопровождавший командующего, вопреки указанным срокам командировки, все еще находился вне Смоленска вместе с М.Тухачевским. Возвращение М.Михайлова-Морозова с командующим в Смоленск отмечается в приказе фронтового штаба лишь 3 января 1924 г. Состоявший для особых поручений при М.Тухачевском Генштаба А.Виноградов возвратился в Смоленск 29 декабря 1923 г. Судя по контексту формулировок в приказе о командировке, он в тот же день, 29 декабря, «по поручению командующего» вновь отправился в Москву. Это значит, что сам М.Тухачевский уже 29 декабря 1923 г. был в Смоленске. Все вышесказанное позволяет считать, что, по крайней мере, если не с 28 октября, то с 23 ноября и по 29 декабря 1923 г. М.Тухачевский находился вне Смоленска. Косвенным указанием на отсутствие М.Тухачевского в Смоленске в это время, служит аннотация к одному из штабных приказов, в котором говорится о «врид командующего фронтом» 11 декабря 1923 г.[1173] Таковой назначался обычно в случае длительного отсутствия командующего и нахождения его за пределами территории фронта. Иными словами, в середине декабря фронтом командовал «временный» командующий, не М.Тухачевский.

[1173] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 168. Л. 166.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Другим косвенным свидетельством этому же факту можно считать ранее приводившуюся информацию В.Александрова со ссылкой на Э.Волленберга, что в ноябре-декабре 1923 г. М.Тухачевский был направлен в Германию в качестве «офицера связи между Красной Армией и «черным рейхсвером». При этом сообщается, что у М.Тухачевского возник конфликт с полпредом Н.Крестинским, и это послужило причиной отъезда М.Тухачевского из Берлина во второй половине декабря 1923 г.[1174] Я не знаю, в чем заключалась причина конфликта. Важно другое: в тогдашнем «политическом пасьянсе» Н.Крестинский поддерживал Л.Троцкого и являлся «троцкистом». Конфликтуя с Н.Крестинским. М.Тухачевский вступал в конфликт с Л.Троцким. Наконец, следует отметить, что его отъезд из Берлина был самовольным.

...Известно, что 21 декабря М.Тухачевский уже находился в Москве и в ВНО Военной академии РККА делал доклад «О новой артиллерии». На заседании присутствовали многие высшие командиры РККА и преподаватели Военной академии[1175]. Однако известно и то, что до этого, в Смоленске, тоже в декабре 1923 г., М.Тухачевский сделал тот же доклад под названием «Пушка или гаубица» на общегарнизонном собрании командного и политического состава фронта[1176]. Понятно, что сделал он этот доклад до отъезда в Москву, не позднее 19-20 декабря. Следовательно, он вернулся, надо полагать, из Германии к этому времени, во второй половине декабря 1923 г. Эти «артиллерийские идеи» он привез из Германии.

Именно в его отсутствие в ноябре-декабре 1923 г. вместо него во главе фронта находился «врид командующего». Скорее всего, таковым был И.Уборевич, таким образом, фактически уже исполнявший обязанности коман-

---

[1174] Alexandrov V. Op. cit. - P. 147-148.

[1175] В их числе находились С.Меженинов и И.Уборевич. Оба выступили с резкой критикой взглядов М.Тухачевского. Это обстоятельство, само по себе, уже создавало предпосылки для усложнения отношений между М.Тухачевским и И.Уборевичем в случае их будущей совместной работы в командовании фронтом. В информационной заметке, помещенной в связи с этим событием в «Военном вестнике», сообщалось следующее: «...Спорных вопросов было много, и в прениях все наши артиллерийские авторитеты (тт. Шейдеман, Смысловский и др.) и ряд артиллеристов (тт. Меженинов, Уборевич) обрушились на докладчика «целой фалангой», как в заключительном слове выразился т.Тухачевский....

Положение т. Тухачевского о принятии для дивизионной артиллерии гаубицы встретило полную поддержку выступавшего в прениях профессора Свечина, который указал на настоятельную необходимость создания хорошей гаубицы и сильных групп гаубичной артиллерии....». //Военный вестник. – 1924 - № 2. - С. 67-68.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

дующего Западным фронтом. Во всяком случае, 21 декабря 1923 г. на московском совещании И.Уборевич присутствовал и жестко оппонировал М.Тухачевскому.

Учитывая все высказанные выше соображения по поводу «хронологии» командировок М.Тухачевского, нашедших отражение в штабных приказах фронта, можно полагать, что свидетельства В.Александрова-Э.Волленберга о пребывании М.Тухачевского в Германии, в Берлине, в ноябре – первой половине декабря 1923 г. в целом отражает реальное положение дел и событий. Назначение И.Уборевича 12 ноября 1923 г. помощником командующего фронта, таким образом, было мотивировано отстутствием М.Тухачевского, убывшим с секретной миссией в Берлин. И.Уборевич сумел появиться в Смоленске только в декабре месяце[1177], до 11 декабря и был назначен «врид командующего». Мотивировано было, таким образом, и направление 13 декабря в Смоленск в качестве помощника командующего фронтом и А.Корка. Это было фактическое отстранение М.Тухачевского от должности командующего фронтом. Не исключено, что и этот факт стал, по крайней мере, одной из побудительных причин, вызвавших самовольный отъезд М.Тухачевского из Берлина. Возможно, именно это действие М.Тухачевского вызвало резкое возражение полпреда Н.Крестинского и конфликт между ними, о котором упоминает В.Александров.

Неожиданно и самовольно возвратившийся в Смоленск М.Тухачевский, фактически, вновь вступил в командование фронтом. Вопрос об утверждении А.Корка его помощником остался открытым до конца декабря 1923 г. Однако примечательно, что с И.Уборевичем у М.Тухачевского возникли трения, правда, на принципиальной основе: по вопросу о месте, роли, типе артиллерии в Красной Армии. В контексте исследуемого вопроса важно одно: между командующим фронтом М.Тухачевским и его заместителем И.Уборевичем возникли принципиальные разногласия. Такое положение вещей было несовместимым для сохранения их в «одной команде».

[1176] Революция и война. - 1924. - № 1. - С. 128.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Поездка в Москву и выступление с докладом по «новой артиллерии» вряд ли была самоцелью. Это был вполне подходящий случай обменяться мнениями не только по вопросу об артиллерии. Не исключено, что именно во время этой московской командировки М.Тухачевский решил с центральным военным руководством на приемлимых для него условиях вопрос о назначении А.Корка своим помощником. Однако И.Уборевич также, может быть, лишь формально продолжал оставаться его помощником. Это обстоятельство, несколько укрепив позиции М.Тухачевского, в целом сделало ситуацию еще более напряженной. Ясно одно – именно по возвращении из командировки обратно в Смоленск 29 декабря 1923 г. М.Тухачевский отдает приказ о назначении А.Корка своим помощником с 15 декабря. Именно в это время следует серия произведенных им кадровых перемещений для укрепления собственных позиций. Все эти обстоятельства в совокупности упрочивали положение М.Тухачевского как командующего фронтом. Рядом с ним находились теперь А.Кук и А.Корк - специалисты, которым он мог вполне доверять и как своим людям. Надо полагать, что М.Тухачевскому тогда же был дан и carte blanche для «самовольных» кадровых перестановок в комсоставе Западного фронта.

Они последовали в декабре 1923 г.

Вместе с комсоставом новых соединений (развернутых в составе фронта) и учетом кадровых перемещений, проведенных в октябре-ноябре 1923 г., в начале января 1924 г. высший комсостав Западного фронта был представлен следующими лицами:

1.Тухачевский М.Н. – командующий фронтом.

2.Чернавин В.В. – помощник командующего фронтом[1178].

3.Уборевич И.П. – помощник командующего фронтом (с 12.11.1923).

4.Корк А.И. – помощник командующего фронтом (с 15.12.1923).

[1177] В справочно-биографических заметках и статьях, посвященных И.Уборевичу обычно говорится, что до декабря 1923 г. он оставался еще на Дальнем Востоке. Следовательно, действительно, И.Уборевич мог приехать с Дальнего Востока в Москву, а затем в Смоленск только в декабре.

[1178] Есть основания полагать, что В.Чернавин фактически был отстранен от своей должности еще в ноябре 1923 г., хотя, согласно его послужному списку, это произошло лишь в мае 1924 г. Впрочем, политически и военно-политически он был вполне нейтрален и не играл существенной военно-политической роли на Западном фронте.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

5.Виноградов А.Н. – для особых поручений при командующем фронтом.

*6.Кук А.И. – начальник штаба фронта[1179].

*7.Бежанов-Сакварелидзе С.Г. – 1-й помощник начальника штаба фронта.

8.Глудин И.И. – 2-й помощник начальника штаба фронта.

*9.Кожевников А.Т. – начальник ВВС фронта.

10.Садлуцкий В.К. – начальник и инспектор артиллерии фронта.

11.Дьяков В.А. – начальник ВОСО фронта.

12.Павлов А.В. – командир 4-го стрелкового корпуса.

14.Вилумсон Э.Ф. – начальник штаба 4-го стрелкового корпуса.

15.Дыбенко П.Е. – командир 5-го стрелкового корпуса.

16.Ляпунов К.А. – врид начальника штаба 5-го стрелкового корпуса (с 18.12.1923, приказ по ВЗФ № 997).

17.Блажевич И.Ф. – командир 16-го стрелкового корпуса.

18.Климовских В.А. – врид начальника штаба 16-го стрелкового корпуса (с 13.12.1923, приказ по ВЗФ № 997, вступил в должность с 4.1.1924.).

*19.Локтионов А.Д. – врид командира 2-й стрелковой дивизии.

20.Ершов И.П. – и.д. начальника штаба 2-й стрелковой дивизии.

*21.Кимундрис А.Г. – врид командира 4-й стрелковой дивизии.

*22.Веселов Н.И. - врид начальника штаба 4-й стрелковой дивизии.

23.Нейман К.А. – командир 5-й стрелковой дивизии.

24.Колесинский А.К. – врид начальника штаба 5-й стрелковой дивизии (с 13.12.1923, приказ по ВЗФ № 997, в должность вступил с 4.1.1924).

*25.Штейгер П.К. – врид командира 8-й стрелковой дивизии.

*26.Снарский В.А. – начальник штаба 8-й стрелковой дивизии.

27.Майстрах Б.В. – временный командир 27-й стрелковой дивизии (с 14.12.1923, приказ по ВЗФ № 997).

28.Киреев А.П. – временный начальник штаба 27-й стрелковой дивизии (с 13.12.1923, приказ по ВЗФ № 997).

29.Спильниченко С.А. – командир 29-й стрелковой дивизии.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

30.Захаров А.Ф. – врид начальника штаба 29-й стрелковой дивизии.

31.Герасимов М.Н. – врид командира 33-й стрелковой дивизии.

32.Зарако-Зараковский Б.Ф. – начальника штаба 33-й стрелковой дивизии.

33.Григорьев Ф. – временный командир 37-й стрелковой дивизии.

34.Житов А.А. – и.д. начальника штаба 37-й стрелковой дивизии.

35.Тимошенко С.К. – командир 6-й кавалерийской дивизии.

37.- начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии.

38.Гай Г.Д. – командир 7-й стрелковой дивизии.

39.Кравченко А.Ф. – врид начальника штаба 7-й кавалерийской дивизии.

Итак, 16 «генералов» обновили состав «элиты фронта» (41%). В целом же с августа по декабрь 1923 г. было введено в состав «элиты фронта» или перемещено внутри ее 24 «генерала» (61,5%). В их числе к январю 1924 г. было лишь 16 «генералов» (41%), на чью несомненную поддержку мог рассчитывать М.Тухачевский (А.Виноградов, А.Кук, И.Глудин, В.Садлуцкий, В.Дьяков, А.Павлов, Э.Вилумсон, П.Дыбенко, К.Ляпунов, И.Блажевич, В.Климовских, К.Нейман, А.Колесинский, Б.Майстрах, А.Киреев, Г.Гай). Из этих «генералов» 3 командира стрелковых корпусов и 3 командира дивизии. Таким образом, несмотря на то, что «генералы», готовые оказать поддержку М.Тухачевскому составляли меньше половины всего высшего комсостава фронта, они занимали ключевые войсковые должности, командовали самыми боеспособными соединениями. Особое место среди них, несомненно, в военно-политическом отношении занимала 7-я кавалерийская дивизия Г.Гая. Во-первых, ею командовал старый соратник и близкий друг М.Тухачевского. Во-вторых, все ее полки были сконцентрированы в одном месте – в районе Минска.

Сама по себе «перетасовка» высшего комсостава фронта по сути дела парализовала возможности М.Тухачевского, как командующего, манипулировать находившимися в его распоряжении войсками по «собственному усмотрению», если бы он вдруг проявил бы самостоятельную политическую активность и ам-

---

[1179] Жирным шрифтом даны фамилии вновь назначенных должностных лиц в ноябре-декабре 1923 г. «Звездоч-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

бициозность. Однако, получив возможность осуществить «самовольные перемещения» высшего комсостава «для пользы службы» из числа ветеранов и своих прежних соратников и друзей в соответствии с собственными политическими установками, М.Тухачевский существенно улучшил свое военно-политическое положение к началу 1924 г.

А.Колесинский был перемещен с должности начальника штаба 27-й стрелковой дивизии на аналогичную в 5-ю стрелковую дивизию по инициативе М.Тухачевского приказом по войскам Западного фронта[1180]. Не менее интересно с процедурной точки зрения и назначение на должность «временно исполняющего должность начальника штаба 16-го стрелкового корпуса» В.Климовских[1181].

Итак, отмеченные выше перемещения, сделанные в декабре 1923 г. М.Тухачевским, в скрытой форме являли собой стремление укрепить позиции командующего фронтом в соединениях, которые могли выйти из-под его контроля в связи с «отставкой» начальников штабов: 16-й стрелковый корпус, 5-я стрелковая дивизия, 5-й стрелковый корпус. В совокупности с поддержкой, на которую он расчитывал, в 7-й кавалерийской дивизии Г.Гая, 4-м стрелковом корпусе А.Павлова, М.Тухачевский, можно сказать, контролировал положение

кой» помечены лица, введенные в высший комсостав Западного фронта в августе-октябре 1923 г.

[1180] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 53. Дело в том, что в приказе командующего фронтом его назначении «временным начальником штаба 5-й стрелковой дивизии датировано с 13 декабря 1923 г., вступление же в должность – 4 января 1924 г.

В «послужном списке А.К.Колесинского» его назначение на указанную должность официально датируется 3 января 1924 г.

Это значит, что в центральном военном ведомстве фактически не признали «законным» его назначения на эту должность с 13 декабря 1923 г. Следовательно, данное служебное перемещение было результатом «самовольного» решения командования фронтом в лице М.Тухачевского. В этом смысле примечательна формулировка во фронтовом приказе о перемещении А.Колесинского: «для пользы службы».

[1181] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 49, 121. Занимавший с 21 апреля 1921 г. должность начальника штаба 5-й стрелковой дивизии, он был смещен с нее в ноябре 1923 г. «без назначения».

На его место «временно исполняющим должность» был назначен начальник оперативной части штаба этой дивизии Н.Тарасов. Следовательно, смещение В.Климовских не было мотивировано его новым назначением. Н.Тарасов пробыл в качестве «врид» до 13 декабря 1923 г., т.е. до назначения начальником штаба дивизии А.Колесинского.

При этом следует иметь в виду, что П.Шарангович, прежний начальник штаба 16-го стрелкового корпуса был «отправлен на учебу» в Москву в октябре-ноябре 1923 г.

Таким образом, можно считать, что и В.Климовских был отстранен от должности также в период «чистки» после обсуждения «дела Тухачевского» в ЦКК. Назначение же его было осуществлено, как и в случае с А.Колесинским, «самовольным» приказом командующего фронтом М.Тухачевским и лишь 4 (или 3) января 1924 г. утверждено в Москве. Они оба получили назначение одним и тем же Приказом по войскам Западного фронта № 997. Оба они находились на своих должностях «незаконно» почти 3 недели, с 13 декабря 1923 г. и до 4 января 1924 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

в Минске, Витебске, Полоцке, Бобруйске, Орше, Брянске, Смоленске. Укреплению политических позиций М.Тухачевского и других «генералов» способствовало и еще одно обстоятельство, которое должны были учитывать «сталинисты».

В январе 1924 г. 14 «красных генералов», в числе которых и достаточно известные в войсках, популярные, - С.Вострецов, Г.Гай, И.Грязнов, П.Дыбенко, Н.Каширин, Я.Лацис, К.Нейман, Я.Фабрициус, И.Федько, И.Якир – направили в ЦК РКП (б) докладную записку: «Об итогах строительства Красной Армии к 6-й годовщине ее существования»[1182]. Они требовали немедленно упразднить в Красной Армии институт военных комиссаров и ввести единоначалие. Они мотивировали свое требование тем, что в Красной Армии уже достаточно подготовленных командиров-коммунистов, надзор за политической лояльностью которых не нужен, излишен и вреден.

«Генералы», таким образом, требовали «политической автономии». Они желали превратиться из послушного и «подозреваемого» «объекта» в «субъект» политической системы. Следует обратить внимание на то, что среди перечисленных выше «генералов» мы встречаем: командира 5-го стрелкового корпуса П.Дыбенко; командира 2-й стрелковой дивизии 4-го стрелкового корпуса Я.Фабрициуса; бывшего командира 4-й стрелковой дивизии 5-го стрелкового корпуса Я.Лациса; командира 5-й стрелковой дивизии 4-го стрелкового корпуса К.Неймана; командира 7-й кавалерийской дивизии Г.Гая; ветерана 27-й стрелковой дивизии С.Вострецова. Это представители высшего комсостава Западного фронта. Это была весьма эффективная форма поддержки своего командующего.

Таким образом, по существу, на Западном фронте к январю 1924 г. солидарно выступили с требованиями к политическому руководству (в обмен на лояльность и поддержку) командующий Западным фронтом М.Тухачевский, командиры 4,5,16 стрелковых корпусов А.Павлов, П.Дыбенко, И.Блажевич и наи-

[1182] РГВА. Ф. 9. Оп. 7. Д. 94. Л. 70-82.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

более авторитетные командиры дивизий фронта – Г.Гай, Я.Лацис, К.Нейман, Я.Фабрициус.

Подводя некоторые итоги проведенному исследованию, можно сделать вывод, что М.Тухачевский к январю 1924 г. закрепил свое положение в качестве командующего фронта. Он вынудил московское руководство отказаться (по крайней мере, временно) от попытки заменить его И.Уборевичем, добившись назначения к нему в качестве помощника командующего А.Корка. Он сумел добиться «легализации» сделанных им перемещений («в интересах службы») в соединениях Западного фронта. М.Тухачевский, опиравшийся на подчиненный ему Западный фронт, в обстановке обострившейся внутрипартийной и политической борьбы, усугубленной смертью В.Ленина, превращался в самостоятельную политическую силу, сохраняя лидирующее положение в военной элите, определившейся к началу 1924 г. Состав ее в указанное время был следующим:

	Фамилия, имя, Отчество.	Год Рождения	Национальность	Социальное происхождение	Образование	Чин в старой армии	В РККА В воен. элите	Должность	Партийность
1	Каменев Сергей Сергеевич	1881	Русский	Из семьи офицера	АГШ	Полковник ГШ	1918	Главком РККА	Б/п
2	Лебедев Павел Павлович	1873	Русский	Из дворян	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Нач. Штаба РККА	Б/п
3	Шапошников Борис Михайлович	1882	Русский	Из мещан	АГШ	Полковник ГШ	1918	1 Пом. нач. Шт.РККА	Б/п
4	Гарф Вильгельм Евгеньевич	1884	Немец	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918	2.Пом.Нач. Шт. РККА	Б/п
5	Хвощинский Георгий Николаевич	1878	Русский	Из дворян (14 в.)	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Для особ. Пор. Нач. Шт. РККА	Б/п
6	Шах-Тахтинский Сергей Георгиевич	1889	азербайджанец	Из дворян		Л-г. Капит.	1918	Нач. Упр. Начсостав.	Б/п
7	Тухачевский Михаил Николаевич	1893	русский	Из дворян (13 в.)	Причислен к ГШ	Л-г. подпоручик-капитан	1918	Ком. Зап. фронтом	РКП(б)
8.*	*Кук Александр Иванович*	1886	эстонец	Из крестьян	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба Зап. фронта (9.1923)	Б/п
9	Чернавин Всеволод Владимирович	1859	русский	Из дворян	АГШ	Ген-л. ГШ	1918	Пом. Ком. Зап. Фронт.	Б/п
10	**Уборевич Иероним Петрович**	1896	литовец	Из крестьян	Причислен к ГШ	Подпоручик артил. в/в	1918	Пом. Ком. Зап. Фронт. **12.11.1923**	РКП(б)
11*	**Корк Август Иванович**	1887	эстонец	Из крестьян	АГШ	Подпол-	1918	Пом. Ком. Зап. Фронт.	Б/п

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

						ковник ГШ		**15.12.1923**	
12	Виноградов Анатолий Николаевич	1882	русский	Из служащих	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Для особ. Пор. Ком. Зап. Фронт.	Б/п
13	Фрунзе Михаил Васильевич	1885	молдованин	Сын фельдшера	Причислен к ГШ	_	1918	Ком. ВСУК УВО	РКП(б)
14	Эйдеман Роберт Петрович	1895	латыш	Сын учителя		Подпоручик в/в	1918	1Пом. Ком. ВСУК УВО	Эсермакс.. РКП(б)
15.	*Левандовский Михаил Карлович*	1890	Поляк (обрусевший)	Сын унтерофицера		Штабкапитан	1918	2-й Помощник командующ ВСУКУВО (11.1923)	Эсермакс. РКП(б)
*16**	***Лонгва Роман Войцехович***	1891	поляк	Сын торговца		Штабкапитан в/в	1918	Вр..Нач. штаба ВСУКУВО **(1.1924)**	СДП ПЛ менш. РКП(б)
17	Каратыгин Петр Петрович	1887	русский	Из мещан	Причислен к ГШ	Штабскапит.	1918	Для особ. Пор. Ком. ВСУК УВО	Б/п
18	Егоров Александр Ильич	1883	русский	Из мещан	Причислен к ГШ	полковник	1918	Ком. ОКА	Эсер РКП (б)
*19**	*Кузнецов Борис Иннокентьев.*	1889	русский	Сын офицера	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач.штаба ОКА (8.1923)	Б/п
20	*Пугачев Семен Андреевич*	1889	русский	Сын учителя гимназ.	АГШ	Капитан ГШ	1918	Ком. Туркфронт. (7.1923)	Б/п
*21**	*Восканов Гаспар Карапетович*	1886	армянин	Из дворян		подполковник	1918	Пом. Ком. Туркфронт. (8.1923)	РКП(б)
*22**	*Шуваев Александр Дмитриевич*	1886	русский	Из дворян	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Нач. штаба Туркфронт. (8.1923)	Б/п
*23**	*Седякин Александр Игнатьевич*	1893	русский	Из крестьян учитель		Штабкапитан в/в	1918	Ком.5 арм. (11.1923)	РКП(б)
24	*Перемытов Алексей Макарович*	1888	русский	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба 5 армии (11.1923)	Б/п
25	Петин Николай николаевич	1876	русский	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918	Ком. СибВО	Б/п
*26**	*Гайлит Ян Петрович*	1894	латыш	Из крестьян		Подпоручик в/в	1918	Пом.ком. СибВО (8.1923)	РКП(б)
27	Молкочанов Михаил Васильевич	1877	русский	Из мещан	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Нач. штаба СибВО	Б/п
28	Муралов Николай Иванович	1877	русский	Из служащих	_	солдат	1918	Ком. МВО	РКП(б)
29	Алафузо Михаил Иванович	1891	русский	Сын офицера	АГШ причислен к ГШ	Капитан	1918	Нач. штаба МВО	Б/п

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

30	Гиттис Владимир Михайлович	1880	Латыш (обрусевший)	Из мещан		Полковник	1918	Ком. ПВО	Б/п
31	Энден Михаил Михайлович	1887	немец	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба ПВО	Б/п
32	Шорин Василий Иванович	1870	русский	Из мещан		Полковник	1918	Пом. Ком. ПВО	Б/п
33	Ворошилов Клемент Ефремович	1881	русский	Из рабочих			1918	Ком.СКВО	РКП(б)
*34 **	*Великанов Михаил Дмитриевич*	1893	русский	Сын священника		Поручик в/в	1918	Пом.ком. СКВО (12.1923)	Б/п
35	*Мрачковский Сергей Витальевич*	1888	Поляк (обрусевший)	Из рабочих			1918	Ком. ПриВО (8.1923)	РКП(б)
36	*Артемьев Константин Петрович*	1883	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Начальник штаба ПриВО (11.1923)	Б/п
37	Панцержанский Эдуард Самуилович	1887	поляк	Из дворян		Лейтенант флота	1918	Ком. Мор. силами Республики	Б/п
38	Домбровский Александр Васильевич	1882	поляк	Из дворян	МА	Капитан 1 ранга	1918	Нач. штаба Мор. сил Республики	Б/п
39	Викторов Михаил Владимирович	1894	Русский	Из дворян		Лейтенант флота	1918	Ком. мор. Сил. Балт. моря.	Б/п
40	Векман Александр Карлович	1884	Немец	Из дворян		Капитан 2 ранга	1918	Ком. мор. силами Черн. моря	Б/п
41 *	*Розенгольц Аркадий Павлович*	1889	Еврей	Из мещан			1918	Нач. Упр. РККВФ	РКП(б)
42	**Петрожицкий Иван Иосифович**	1892	Поляк	Из служащих		Подпоручик в/в	1918	Пом. Нач. УРККВФ **(12.1923)**	Б/п
43	*Меженинов Сергей Александрович*	1890	Русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба РККВФ (8.1923)	Б/п
44	Балтийский Александр Алексеевич	1870	Русский	Из мещан	АГШ МА	Ген-м. ГШ	1918	Советник Пред.РВСР	Б/п
45	Сытин Павел Павлович	1870	Русский	Сын воен. чиновника	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Советник Пред.РВСР	Б/п
46	Беренс Евгений Андреевич	1876	Немец	Из дворян	МА	Капитан 1-го ранга	1918	Для особ. Пор. Пред.РВСР	Б/п

Примечания: * и курсивом указаны лица, введенные в состав военной элиты после марта 1923; курсивом обозначены представители военной элиты перемещенные но новые должности с марта до ноября 1923; жирным шрифтом даны «генералы», получившие новые назначения в ноябре-декабре 1923.

Итак, из 46 «генералов»: 26 русских (56,5%), 6 поляков (13%), 4 немца (8,7%), 3 латыша (6,5%), 2 эстонца (4,3%), 1 литовец (2,4%), 1 еврей (2,2%), 1 армянин (2,2%), 1 молдованин (2,2%), 1 азербайджанец(2,2%). В этно-ментальном отношении можно определить, условно обозначая «русско-православную» группу (56,5%), «польско-католическую» (15,4%) и «немецко-протестанскую» (19,5%). Таким образом, в этно-ментальном и психо-ментальном отношениях доминировала «русско-православная» часть военной

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

элиты. Вторая по значению оказывалась «немецко-протестантская». На третьем месте была «польско-католическая».

В их числе 16 дворян (4 из старинных аристократических фамилий) (34,8%); 4 из офицерских семей (8,7%), 10 из мещан (21,7%), 6 из служащей интеллигенции (13%), 5 из крестьян (10,9%), 2 из рабочих (4,3%), 1 из семьи торговца (2,2%), 1 сын священника (2,2%) и 1 сын унтер-офицера (2,2). Укрупняя данные социальные группы, можно констатировать, что 43,5% «генералов» были выходцами из дворянско-офицерских семей. Иными словами, они принадлежали к одной социо-ментальной группировке, составляя, таким образом, около половины всей военной элиты.

Вторая по численности социо-ментальная группировка внутри военной элиты была представлена выходцами из мелкобуржуазной среды (24%).

В образовательном отношении 34 «генералов» являлись кадровыми офицерами старой армии (3 из императорской лейб-гвардии) (ок.74%). Из них: 5 генералов (ок.11%), 16 подполковников и полковников (34,8%), 13 офицеров от подпоручика до капитана (28,3). 23 (50%) «генерала» из этой группы окончили Академии Генштаба или были причислены к Генштабу (3 – 6,5%). Всего, таким образом, 56,5% «генштабистов». 7 «генералов» из офицеров военного времени (15,2%). Из них 1 причислен к Генштабу (2,2%). 4 «генералов» прежде не служили в старой армии и не имели военного образования (8,7%). Из них 1 причислен к Генштабу (2,2%). 1 служил солдатом (2,2%). 14 «генералов» были членами РКП (б) (30,4%).

Таким образом, в числе указанных «генералов» «генштабистов» было всего 58,5%. Их доля в составе элиты стала еще меньше. По сравнению с мартом 1923 г. количество «генштабистов» сократилось почти на 20%.

В возрастном отношении 7 «генералов» были до 30 лет (св. 17%). 21 «генерал» – от 31 до 40 лет (51,2%). 11 «генералов» от 41 до 50 лет (26,8%). 1 «генерал» от 51 до 60 лет (2,4%) и 1 «генерал» в возрасте свыше 60 лет (2,4%). Средний возраст «генералов» стал несколько моложе – 37-38 лет.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

С октября 1923 г. до января 1924 г. в составе военной элиты появились еще 3 новых «генерала». Примечательна также смена помощников командующего Западным фронтом и Украинским военным округом. А в руководстве последнего появился и новый начальник штаба округа.

Следует обратить внимание на то, что на 18 вышеозначенных номенклатурных должностях (40%) с марта 1923 г. и до января 1924 г. произошла замена. Таким образом, почти половина номенклатурных должностей военной элиты поменяли своих представителей. Половина замещений и замен была проведена путем перемещения «элитарных генералов» внутри самой военной элиты. Другая половина была осуществлена посредством введения в номенклатуру военной элиты 9 новых «генералов» (ок.20%) взамен выведенных из нее. При этом, 3 новых «генерала» были из офицеров военного времени и 1 без профессионального военного образования. Иными словами обновление номенклатурное военной элиты было осуществлено на 20%.

По некоторым социметрическим параметрам также произошли заметные изменения. Хотя «русская» этно-культурная группа по-прежнему оставалась доминирующей в составе военной элиты, сама по себе она сократилась с ок. 63% до 56,5% (св.6%). Сократилась также, на 5% «польско-католическая» группа, уступив второе место «немецко-протестантской», возросшей почти на 6%, с 13,8 до 19,5%. Доминирующее положение «генералов» дворянско-офицерского» происхождения осталось почти без изменений. В то же время заметно сократилась доля бывших кадровых офицеров в составе военной элиты: почти на 6%, с 80,4 до 74%. Хотя они, как и в 1922 г. составляли большинство в военной элите. Почти на 7% сократилось число кадровых офицеров-генштабистов.

Противоборствующие политические группировки стремились перетянуть М.Тухачевского и военную элиту на свою сторону в обострившейся внутрипартийной борьбе. Смутные сведения об этом просматриваются в воспоминаниях Ф.Раскольникова и некоторых иных свидетелей политической обстановки в Москве на рубеже 1923 и 1924 гг.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

...Вспоминая о политической обстановке в Москве в начале 1924 г. Г.Бесядовский писал: «Москва переживала критические минуты. В течение двух недель мы все ждали переворота. Троцкий мог, как Пилсудский, буквально, в несколько минут овладеть властью. Письмо Антонова-Овсеенко в Политбюро с предупреждением, что «если тронут Троцкого, то вся Красная Армия встанет на защиту советского Карно», напрягла нервы сталинцев до крайности. С минуты на минуту могла совершиться катастрофа. Но Троцкий смалодушествовал. Сталин тем временем вызвал из Харькова Фрунзе, быстро все переделавшего, заменившего командный состав своими людьми с Украины. Через короткое время опасность переворота была устранена, а струсивший Троцкий безнадежно скомпрометирован»[1183]. В сущности, о том же, но с весьма примечательными деталями вспоминал Ф.Раскольников со слов К.Радека[1184].

Слегка реконструированный диалог был приблизительно следующим: «СТАЛИН: «...Ты, конечно, помнишь письмо Владимира Александровича Антонова-Овсеенко, угрожавшего нам сопротивлением армии, чтобы протестовать против того, что он назвал «гнусным отозванием советского Карно»?

РАДЕК: «Но ведь эта борьба велась против Зиновьева, а не против тебя».

СТАЛИН: «Нет, все-таки речь шла о том, что следовало бы арестовать все Политбюро, чтобы созвать Чрезвычайный съезд и чтобы на мое место выбрать нового Генерального секретаря, Троцкого, не так ли?».

РАДЕК: «Сколько было слухов».

СТАЛИН: «Ты хочешь, чтобы я освежил тебе память? Согласно некоторым планам, молодой командарм Михаил Тухачевский, без назначения должен был получить полномочия осуществить переворот по согласованию с Троцким».

РАДЕК: «Сколько было слухов. Что ты ворошишь прошлое?».

СТАЛИН: «В 1924 году ты был секретарем подпольной группы Московского округа? На тебя возложил Троцкий решение задачи наладить связь с Тухачев-

---

[1183] Беседовский Г. На путях к термидору. - С. 300-301.

[1184] Последний рассказал Ф.Раскольникову о беседе с И.Сталиным в 1936 г. Этот диалог был приведен В.Александровым в книге «Дело Тухачевского» по устному свидетельству Ф.Раскольникова. // Alexandrov V. L'affaire Toukhatchevsky. - P. 43-44.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ским и его (сторонниками)»[1185]. В числе «сторонников» М.Тухачевского Ф.Раскольников (со слов К.Радека) назвал А.Корка и В.Путну[1186].

В одном из разговоров с М.Тухачевским в 1936-37 гг., близкий друг маршала, комкор Б.Фельдман заметил: «Твои переговоры с Радеком и Пятаковым в 1924 г. – вот твоя «ахиллесова пята». На что М.Тухачевский ответил: «Переговоры! Как громко сказано! Скорее, скажем так, мы обсуждали ситуацию, и все. Кроме того, я не говорил от себя лично. Я был полностью прикрыт Антоновым-Овсеенко. Он, в конце концов, представлял Центральный комитет партии. Наконец, он являлся главой ПУРа»[1187].

Попытаюсь проанализировать приведенную информацию. Известно, что 27 декабря 1923 г. В.Антонов-Овсеенко действительно написал в Политбюро ЦК письмо, в котором в скрытой форме была услышана угроза со стороны Красной Армии «призвать к порядку зарвавшихся вождей»[1188]. В письме звучали слова в защиту Л.Троцкого[1189].

Несомненно, что направление В.Антоновым-Овсеенко в адрес Политбюро ЦК письма, столь жесткого, решительного и угрожающего вмешательством армии в политическую борьбу, опиралось на уже известную ему позицию «генералитета». Имелась информация о неофициальных совещаниях «генералов» в конце 1923 – начале 1924 гг., на которых звучали, возможно, предложения арестовать все Политбюро[1190]. В то же время в письме В.Антонова-Овсеенко 27

[1185] Alexandrov V. L'affaire Toukhatchevsky. - P. 43-44.
[1186] Ibid, p. 92.
[1187] Ibid, p. 62.
[1188] В.А.Антонов-Овсеенко – в Президиум ЦКК и Политбюро ЦК РКП (б), 27 декабря 1923 г. //Известия ЦК КПСС. – 1991. - № 3. - С. 208.
[1189] Там же, с. 207. Известно также, что в связи с этим письмом и так называемым «циркуляром ПУРа № 200» о созыве конференции партячеек военных учебных заведений В.Антонова-Овсеенко вызвали 12 января 1924 г. на заседание Оргбюро. Здесь было вынесено решение о смещении его с должности начальника ПУР. Примечательно, что специальная комиссия ЦКК, обследуя ПУР, ничего криминального в действиях В.Антонова-Овсеенко не нашла. Последний, не соглашаясь с решением Оргбюро, апеллировал к Пленуму ЦК, открывшемуся 15 января 1924 г. На Пленуме В.Антонов-Овсеенко прямо обвинил И.Сталина в стремлении без всяких на то оснований расправиться с ним, Антоновым-Овсеенко, как с человеком, занявшим независимую, внефракционную позицию. Несмотря на выступление К.Радека, заступившегося за начальника ПУР, решение Оргбюро ЦК постановлением Пленума было оставлено в силе. Официально это партийное решение датируется 17 января 1924 г. Фактическое же отстранение В.Антонова-Овсеенко от должности произошло 23 января – 5 февраля 1924 г. 23 января его место в кабинете начальника ПУР занял А.Бубнов, а 5 февраля В.Антонова-Овсеенко вывели из состава РВСССР. О месте, роли и причастности к указанным событиям М.Тухачевского можно судить лишь по косвенным данным (не считая вышеприведенной мемуарной информации).
[1190] Alexandrov V. Op. cit. - P. 43-44.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

декабря 1923 г. проскользнула фраза: «Среди военных коммунистов уже ходят разговоры о том, что нужно поддержать всем, как один, т. Троцкого»[1191].

К.Ворошилов в своем выступлении на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г., вспоминая обстановку 1923 –1924 гг., дал некоторую расшифровку словам В.Антонова-Овсеенко. «К 1923 – 1924 гг., - говорил К.Ворошилов, - троцкисты имели, как вы помните,...за собой почти всю Москву и военную академию целиком, за исключением единиц, которая была за троцкистов. И здешняя школа ЦИК, и отдельные школы – пехотная, артиллерийская и другие части гарнизона Москвы – все были за Троцкого»[1192]. Я.Гамарник добавил: «И штаб Московского округа, где сидел Муралов, был за Троцкого»[1193]. Позицию Л.Троцкого поддержали партячейки Главного управления РК Красного Военно-Воздушного флота СССР, Штаба РККА, Главного управления Военных учебных заведений РККА, частей ЧОН. Персонально это были начальники указанных войсковых объединений и управлений: Н.Муралов, А.Розенгольц, Д.Петровский, В.Путна. Разумеется, за ними следовали беспартийные военные специалисты соответствующих структур.

Примечательно, что имя М.Тухачевского в связи с этими событиями не упоминалось. Кроме того, ни в показаниях М.Тухачевского от 1 июня 1937 г., ни на самом «генеральском» процессе не только нет ни одного упоминания о связях М.Тухачевского с Л.Троцким в контексте событий 1923-1924 гг. Будто бы (а это так и было) по чьему-то настоянию «дело Тухачевского» начиналось с конца 1925 г. События же политической борьбы 1923-1924 гг. из него были вообще «изъяты». Если М.Тухачевский как-то был связан с Л.Троцким в это время, а И.Сталин об этом знал, то почему же он не использовал их для подкрепления обвинения маршала в «троцкизме». Похоже, что оснований для этого ни у И.Сталина, ни у следствия не было.

Дело в том, что М.Тухачевский в это время считался одной из решающих «антитроцкистских» сил. «Я всегда во всех случаях выступал против Троцкого,

---

[1191] Известия ЦК КПСС. – 1991. - № 3. - С. 207.
[1192] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года. //Вопросы истории. – 1994. - № 8. - С. 5.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

когда бывала дискуссия..., - заявлял он на судебном процессе 11 июня 1937 г. - Что касается моего выступления против Троцкого в 1923 году, то мною лично был написан доклад по этому поводу и послан в ЦК»[1194]. Этот факт подтвердил Г.Орджоникидзе на пленуме ЦК РКП (б) 31 января-3 февраля 1924 г.[1195] Как ранее об этом пространно говорилось, в Смоленске вокруг, «за» М.Тухачевского и «против Троцкого» группировались «военспецы» и другие командиры, настроения которых характеризовал «служебный антисемитизм». «Тухачевский никогда не был троцкистом», - свидетельствовал, в свою очередь, сам Л.Троцкий[1196].

Объективно, хотя и по разным причинам и с различными целями, в этот период и М.Тухачевский с «генералами», и И.Сталин со «сталинистами», и Г.Зиновьев с «зиновьевцами» выступали против Л.Троцкого и «троцкистов». Включение в следственные материалы 1937 года обстоятельств внутриполитической борьбы 1923-1924 гг. и роли в них М.Тухачевского могло полностью разрушить схему следствия и сценарий «генеральского процесса». Таким образом, нет оснований рассуждать о «протроцкистских» настроениях или действиях М.Тухачевского в 1923-1924 гг. Даже в распоряжении И.Сталина такой информации не было. Планы использования М.Тухачевского в качестве орудия переворота, очевидно, могли иметь место в разговорах или на совещаниях сторонников Л.Троцкого. Но исходили не от М.Тухачевского.

М.Тухачевский, по собственному признанию, принимал участие в обсуждении ситуации вместе с К.Радеком, Г.Пятаковым, В.Антоновым-Овсеенко, однако он вел «свою игру». В пересказе одного из «мемуаристов», в разговоре с М.Тухачевским, относящемся уже к 1937 году, Б.Фельдман вспомнил о переговорах маршала с Г.Пятаковым и К.Радеком в декабре 1923 г. М.Тухачевский так отреагировал на это: «Переговоры! Это громко сказано. Мы обсуждали ситуацию, вот и все. Кроме того, я выражал не свое собственное мнение. Я был

[1193] Вопросы истории. – 1994. - № 8. – С. 5.
[1194] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 61.
[1195] Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925). -М., 1958. - С. 63-64.
[1196] Троцкий Л. Обезглавление Красной Армии. //Бюллетень оппозиции. – 1937. - № 56-57. - С. 4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

полностью прикрыт Антоновым-Овсеенко. В конце-концов, он представлял Центральный Комитет Партии. В конце-концов, он был начальником ПУРа»[1197]. Если следовать тексту «разъяснений» М.Тухачевского, то он выступил своеобразным посредником между В.Антоновым-Овсеенко и «троцкистами» К.Радеком и Г.Пятаковым. Сомнительно, чтобы инициатива «переговоров» исходила от М.Тухачевского или от В.Антонова-Овсеенко. Вполне естественно и логично, что начальник ПУР В.Антонов-Овсеенко, будучи полномочным представителем ЦК РКП (б) в Красной Армии, официально ее представлял и на «политическом поле». В сложившейся ситуации, если В.Антонов-Овсеенко был «фигурой № 1», то М.Тухачевский являлся «фигурой № 2». Такая «военно-политическая конструкция» не требует пространных комментариев, если учесть, что она однажды уже имела место и функционировала вполне успешно. Это было в 1921 г. при подавлении крестьянского восстания в Тамбовской губернии.

В пересказе Ф.Раскольникова, К.Радек в своем разговоре с И.Сталиным в 1936 г., вспоминая о событиях 1923-1924 гг., бросил реплику: «Ведь эта борьба была направлена не против тебя, а против Зиновьева»[1198]. Действительно, одной из причин появления упоминавшегося выше письма В.Антонова-Овсеенко от 27 декабря 1923 г. был конфликт возникший между начальником ПУРа и Г.Зиновьевым во время дискуссии в военной Школе ВЦИК в середине декабря 1923 г. Как известно, там выступил с речью в поддержку Л.Троцкого один из близких сотрудников В.Антонова-Овсеенко, некий Дворжец. Ему весьма жестко, с угрозами оппонировал сам Г.Зиновьев, назвавший Дворжеца «прапорщиком выпуска Керенского»[1199]. Эту метафору можно было расшифровать лишь как «контрреволюционер». Вскоре Дворжец был арестован и осужден на 5 лет ссылки. В ответ на это, по свидетельству мемуаристов, В.Антонов-Овсеенко написал и направил указанное выше письма от 27 декабря 1923 г. в адрес ЦК РКП (б) с угрозой обратиться к за поддержкой к «крестьянским массам, одетым

[1197] Alexandrov V. L'affaire Toukhatchevsky.... - P. 62.
[1198] Ibid, p. 43-44.
[1199] Ракитин А.В. В.А. Антонов-Овсеенко. - Л., 1989. - С. 292.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

в кресноармейские шинели и призвать к порядку зарвавшихся вождей». В общем-то, что ни говори, это можно было расшифровать не иначе, как угрозу «военного переворота». Вызывает, однако, сомнения, что, бесспорно, эмоциональное по характеру «письмо Антонова-Овсеенко», было следствием лишь возмущения по поводу ареста Дворжеца. Арест Дворжеца можно было расценивать и как начало «репрессий» против Красной Армии. Это уже был качественно новый ход в развернувшейся внутриполитической борьбе. Оставить его без внимания, без реакции В.Антонов-Овсеенко, естественно, не мог. Но уверенно угрожать «красноармейскими шинелями» он мог, скорее всего, получив какие-то гарантии со стороны этих «шинелей».

Выше уже отмечалось такое событие, как заседание ВНО Военной Академии РККА 21 декабря 1923 г., на котором делал доклад М.Тухачевский и в котором принимали участие И.Уборевич, С.Меженинов, А.Свечин, Ю.Шейдеман и др. Было ли простым совпадением, что в тот же день В.Антонов-Овсеенко отправил в ЦК заявление по поводу дискуссионного собрания в Школе ВЦИК (надо полагать, уже после ареста Дворжеца)? Было ли совпадением, что в тот же день, 21 декабря 1923 г., без ведома ЦК, В.Антонов-Овсеенко разослал циркуляр о назначении на 1 февраля 1924 г. конференции ячеек РКП (б) военных академий, высших школ ГУВУЗА и Главвоздухфлота? Мне думается, что нет. Предпринимая указанные действия, В.Антонов-Овсеенко был, очевидно, уверен в поддержке собственных политических позиций со стороны армии. Такого рода действия, направленные на подчинение политорганов соответствующим армейским парторганизациям, были им продолжены рассылкой 24 декабря 1923 г. циркуляра № 200. Наконец, неоднократно упоминавшееся его «письмо от 27 декабря 1923 г.».

Учитывая, что в этом письме В.Антонов-Овсеенко неоднократно и открыто защищает Л.Троцкого, все-таки, существо его позиции заключалось в следующих выражениях: «Существо разногласий внутри ЦК совершенно не яс-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

но ни для партийных, ни для внепартийных масс, взвесить серьезность этих разногласий и свободно их разрешить партия не в состоянии»[1200].

Итак, по мнению В.Антонова-Овсеенко, «партия не в состоянии» ни «взвесить», ни «разрешить» возникшие серьезные политические проблемы. Кто же в состоянии? – «Красноармейские шинели», армия. Вот существо политической позиции В.Антонова-Овсеенко. В.Антонов-Овсеенко заявляет, что он «выражает возмущение тех, кто всей своей жизнью доказал свою преданность интересам партии в целом, интересам коммунистической революции». Таким образом, можно считать, что В.Антонов-Овсеенко выражал не интересы Л.Троцкого и не интересы Г.Зиновьева или И.Сталина. Он выражал интересы самостоятельной политической силы, заявившей о себе в этой политической борьбе – интересы Армии.

В контексте всего сказанного весьма вероятно, что М.Тухачевский мог встретиться с В.Антоновым-Овсеенко и согласовывать с ним свою политическую позицию или 20, или 21, или 26 декабря 1923 г. Возможно, что и неоднократно. Не исключено, что возвращение М.Тухачевского и перевод А.Корка на Западный фронт, равно как и удаление из состава РВС фронта В.Касаткина, могли явиться инициативами В.Антонова-Овсеенко и следствием согласования проблем и позиций между ним и М.Тухачевским. Во всяком случае, М.Тухачевский уехал из Москвы 28 декабря 1923 г., на другой день после того, как В.Антонов-Овсеенко написал свое «письмо-угрозу» в ЦКК и Политбюро ЦК РКП (б). Судя по срокам служебных командировок самых доверенных лиц в его окружении – адъютанта М.Михайлова-Морозова и «для особых поручений» при нем А.Виноградова – едва вернувшись в Смоленск, М.Тухачевский предпринимает активные действия. Об укреплении его позиций в войсках фронта выше говорилось достаточно подробно. Так что, нет нужды на этом останавливаться еще раз.

Из Москвы М.Тухачевский вернулся в Смоленск вместе с А.Виноградовым. Его адъютант М.Михайлов-Морозов задержался и вернулся 3

[1200] В.А. Антонов-Овсеенко – в Президиум ЦКК и Политбюро ЦК РКП (б), 27 декабря 1923 г. //Известия ЦК

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

января 1924 г. На следующий же день по поручению М.Тухачевского он выехал в Петроград, с мотивировкой, вызывающей сомнения в ее соответствии истинным целям поездки: «в отдел библиотеки Штаба РККА для выполнения поручений командзапа»[1201]. Ездил ли он в Петроград по поручению М.Тухачевского для согласования позиций с командующим Петроградским военным округом В.Гиттисом? Напомню, что устойчивые слухи об организации «антисоветского заговора» в 1924 г., как за рубежом, так и в СССР, касались лишь двух «революционных генералов» – М.Тухачевского и В.Гиттиса. Следует иметь в виду и то, что в Петрограде размещались 1-я и 2-я Высшие кавалерийские школы, которые возглавлялись бывшими близкими сотрудниками, приятелями М.Тухачевского и гвардейцами-однополчанами М.Баторским и А.Готовским. М.Михайлов Морозов вернулся лишь 11 января[1202], а спустя два дня, 14 января 1924 г. вновь отправляется в Москву «для выполнения поручений командзапа с 14 по 24 сего января[1203]. Едва возвратясь в Смоленск 29 декабря вместе с А.Виноградовым, М.Тухачевский в тот же день командирует своего «генерала для особых поручений» вновь в Москву[1204]. Он вернулся оттуда вместе с М.Михайловым-Морозовым 3 января 1924 г.[1205] Наконец, 10 января 1924 г. М.Тухачевский выезжает в Москву вместе с А.Виноградовым. Туда же 10 января «в кратковременный отпуск» (до 15 января) выехал и секретарь М.Тухачевского, Н.Смиренский[1206]. В Москву же, как отмечалось выше, 14 января (едва вернувшись из Петрограда) отправился по вызову М.Тухачевского и его адъютант М.Михайлов-Морозов. Иными словами, М.Тухачевский забрал с собой в Москву все свое самое «близкое окружение», самых доверенных лиц.

Примечательно, что он отправился в Москву именно 10 января. В этот же день в «Красной Звезде» появилась статья В.Антонова-Овсеенко с весьма красноречивым и, в известной мере, вызывающим заголовком: «На прежних пози-

---

КПСС. –1991. - № 3. - С. 207.
[1201] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 174. Л. 2.
[1202] Там же, Л. 7.
[1203] Там же.
[1204] Там же, Д. 168. Л. 175.
[1205] Там же, Д. 174. Л. 1.
[1206] Там же, Л. 4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

циях»[1207]. Надо полагать, на позициях, определенных в письме от 27 декабря 1923 г. Однако уже 12 января В.Антонова-Овсеенко вызвали на заседание Оргбюро ЦК. Его обвинили во фракционной деятельности, которая выражалась, якобы, в попытках без ведома ЦК созвать конференцию партячеек военных учебных заведений и в рассылке циркуляра № 200 без согласования с ЦК. Обвинений в «заговоре» не звучало, хотя было начато следствие в ПУРе. Таким образом, можно сказать, что уже 12 января высшее партийное руководство во главе с И.Сталиным считало свою политическую позицию достаточно сильной, чтобы начать процедуру отстранения В.Антонова-Овсеенко от должности. Можно считать, что 12 января 1924 г. В.Антонов-Овсеенко уже проиграл «бой».

Г.Беседовский, чья информация вполне проверяема и оказывается, как правило, вполне достоверной, писал, процитирую еще раз: «В течение двух недель мы все ждали переворота.... Письмо Антонова-Овсеенко в Политбюро... напрягло нервы сталинцев до крайности». Если наблюдать события в последовательности, предлагаемой Г.Беседовским, то период времени «в течение двух недель» можно датировать 28 декабря 1923 г. - 12 января 1924 г. Это вполне согласуется с хронологией вышеизложенных событий: от появления «письма» до заседания Оргбюро ЦК.

М.Тухачевский выехал из Смоленска 10 января и прибыл в Москву 11 января 1924 г. Можно было мотивировать его командировку участием в работе 12-й партконференции, но она открывалась только 16 января. Следовательно, его появление в Москве 11 января было обусловлено иными причинами. Вполне допустимо, что «решающие события» с участием В.Антонова-Овсеенко и М.Тухачевского намечались на 11 января 1924 г., но по каким-то причинам они не состоялись. Г.Беседовский в связи с указанными обстоятельствами писал, что «Троцкий мог, как Пилсудский, буквально в несколько минут овладеть властью.... Но Троцкий смалодушествовал». Косвенным образом на скрытую, но заглавную роль Л.Троцкого указывал и Ф.Раскольников. Во всяком случае, вся

[1207] Красная Звезда. – 1924. - 10 января.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

имеющаяся, весьма скудная по этому вопросу информация позволяет лишь предположительно реконструировать возможную модель «переворота». Опираясь на поддержку военных учебных заведений, расположенных в Москве, в том числе и на Школу ВЦИК, находившуюся в Кремле; на преданность командующего Московским военным округом Н.Муралова и подчиненных ему войск; на Части особого назначения (ЧОН); действуя через Г.Пятакова и К.Радека на В.Антонова-Овсеенко; Л.Троцкий мог отдать приказ об аресте Политбюро ЦК, т.е. о «дворцовом перевороте», который должен был осуществить М.Тухачевский, имевший за собой войска Западного фронта. Такой приказ мог отдать лишь Л.Троцкий. М.Тухачевский готов был выполнить лишь функцию «шпаги»[1208].

В контексте приведенных выше рассуждений, конечно, нельзя игнорировать появившуюся в начале 1924 г. из разных источников, но однозначную информацию о «военном перевороте Тухачевского»[1209]. Учитывая, что эта информация поступала, подтверждаясь, из разных источников, можно считать, что имелась в виду готовность М.Тухачевского с «группой» своих сторонников совершить военный переворот. Но, и по своим личным качествам, будучи весьма осторожным человеком, и в силу служебного положения он не намерен был его инициировать, да и не мог бы технически осуществить эту акцию без приказа Л.Троцкого. Именно Л.Троцкий, в силу «революционно-знакового» свойства своей «фигуры» был в состоянии не только объединить вокруг себя этих людей, но и придать своим и их действиям «революционно-легитимный» характер.

«Знаковый» смысл «фигуры» М.Тухачевского был иным. Это был «знак Бонапарта» - «знак контрреволюции». В столь откровенном проявлении принять его не смог бы ни Н.Муралов, ни В.Антонов-Овсеенко, ни П.Лашук, ни многие другие «красные командиры» частей и учебных заведений Красной Армии в Москве.

[1208] Впрочем, это и была модель «18 брюмера», когда генерал Бонапарт тоже выполнял роль «шпаги», используя хотя бы видимость «легитимности» своих действий. «Переворот» фактически произошел после 18 брюмера, когда генерал Бонапарт присвоил себе доминирующу. Политическую роль среди «победителей».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Почему же Л.Троцкий «смалодушествовал», как выразился Г.Беседовский? И являлось ли главной причиной именно «малодушие» «вождя Красной Армии»? Известно, что в это время Л.Троцкий очень тяжело болел, и болезнь могла бы служить вполне «извиняющим» комментарием к его поведению. Но ее можно было бы рассматривать именно как «внешнее прикрытие» политической нерешительности. Последнее свойство в известной мере и ранее неоднократно проявлялось в поведении Л.Троцкого. Она могла быть фактором, определявшим поведение Л.Троцкого в ситуациях политического кризиса. Имеются и мотивировки, скорее всего, «апокрифического» происхождения. Рассказывали в то время, что в 1923 г. к Л.Троцкому пришел командующий Московским военным округом Н.Муралов и предложил свои услуги: «Владимир Ильич указывает, что Сталин набирает необъятную власть. Я – военный человек. Мне нужен приказ. Прикажите, и я наведу порядок в партии». На это Л.Троцкий, якобы, ответил: «Красная Армия состоит из крестьян. Нельзя крестьянскими руками исправлять ошибки пролетарской революции»[1210]. Ответ, идеологически и стилистически характерный для Л.Троцкого и достаточно эффектный для демонстрации облика настоящего «большевика-революционера». Л.Троцкий вполне мог произнести эту фразу. Он, несомненно, любил «фразу», он был оратором и знал толк в риторике. Он был оратором и, следовательно, актером. Но в его высказывании отражаются и характерные для Л.Троцкого опасения за судьбу пролетарской революции перед мелкобуржуазной крестьянской стихией. Однако все это лежит в плоскости концептуально-политической, а не конкретно-политической. Ведь ситуация внутрипартийной борьбы провоцировала не крестьянское восстание, не бунт Красной Армии, а, прежде всего, «кремлевский переворот» с привлечением элитных частей и командиров.

Мне представляется, что одной из причин нерешительности, «малодушия» Л.Троцкого, заставившей его отказаться от плана «кремлевского переворота» под руководством М.Тухачевского, это смутные сведения, слухи о скры-

---

[1209] Об этом информировал генерала А.фон Лампе полковник В.Колоссовский со слов «коммуниста Арсения Грачева»; А.Гучков «по сведениям одного осведомленного немца»; Вера Гладыш (информированная В.Орловым); Ф.Раскольников со слов К.Радека.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

той «антитроцкистской», «националистической» ориентации так называемой «группы-организации Тухачевского». Кроме того, Л.Троцкий, видимо знал о письме М.Тухачевского в ЦК с критикой в адрес Председателя РВС СССР. Л.Троцкий, мысливший как и многие другие, в рамках «архетипа Великой Французской революции», опасался оказаться в роли «Барраса» или «Сиейеса», санкционировавших «18 брюмера Бонапарта», и сброшенных последним на «политическую обочину». Именно этот мотив, кстати замечу, просматривается в показаниях А.Розенгольца на процессе 1938 г.[1211] Это вполне могло быть отражением слухов и мнений, муссировавших в начале 1924 г.

Во всяком случае, так или иначе, но 11 января 1924 г. никаких приказов Л.Троцкий не отдавал. 12 января В.Антонова-Овсеенко слушали на Оргбюро ЦК. 15 января – В.Антонов-Овсеенко апеллирует к Пленуму ЦК – безрезультатно. 17 января было принято решение об отставке его с должности начальника ПУР.

Во всей этой ситуации нет места для роли М.Фрунзе, как утверждал Г.Беседовский. М.Фрунзе сыграл ее уже в следующем акте драмы, о котором речь пойдет ниже. На этом этапе главную роль сыграл, или, наоборот, не сыграл Л.Троцкий.

...23 января 1924 г. в «кресле» начальника ПУР уже находился новый человек – А.Бубнов. Именно после этого, 24 января (или даже 23 января) М.Тухачевский неожиданно уезжает или, лучше сказать, «бежит» в Смоленск[1212]. Ситуация складывалась таким образом.

...Вечером 21 января 1924 г. умирает В.Ленин. 23 января тело его перевозят в Москву и устанавливают в колонном Зале Дома Союзов для прощания. На 26 января были назначены главные траурные действия – похороны В.Ленина в

[1210] Лиходеев Л. Поле брани. - М., 1990. - С. 129.

[1211] Стремясь как-то объяснить не вызывавшее ни у кого доверия утверждение, что М.Тухачевский действует заодно с Л.Троцким, хотя было широко известно, что маршал никогда не был «троцкистом», А.Розенгольц в своих показаниях на процессе говорил: «...В разговорах выявилось также имеющееся у Троцкого опасение в отношении бонапартистских тенднций Тухачевского. В одном разговоре Седов сообщил, что Троцкий даже высказывает опасение в том отношении, что если Тухачевский удачно совершил бы военный переворот, то он возможно бы не пустил Троцкого в Москву, и в этом отношении указывал на необходимость максимальной бдительности с нашей стороны». – Судебный отчет. - М., 1997. - С. 216-217.

[1212] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 174. Л. 4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Мавзолее. Неожиданный отъезд М.Тухачевского в Смоленск, в военном отношении ничем не мотивированный, делал его отказ от участия в похоронах В.Ленина в политическом отношении грубо-некорректным, а в этическом - оскорбительным. Для такого поведения М.Тухачевскому, конечно же, нужны были слишком веские основания. Возможно, ожидая, что за отставкой В.Антонова-Овсеенко «репрессии» обрушатся на него, он решил «спасаться бегством» под защиту своих дивизий и «смоленских стен». Вплоть до 17 февраля 1924 г. (когда он вновь объявился в Москве) М.Тухачевский «отсиживался» в Смоленске и укреплял свои позиции в Минске. Он не принимал участия ни в похоронах В.Ленина, ни в Пленуме ЦК по ключевым военным вопросам 31 января-3 февраля, ни в совещании членов РВС СССР, командующих округами, начальников и комиссаров главных управлений РККА 8-9 февраля, ни в заседаниях 2-го Съезда Советов СССР 26 января-2 февраля. В центре так же весьма настороженно относились к М.Тухачевскому и его поведению. Рассматривая очередное заявление по М.Тухачевскому в ЦКК 29 января по поводу невыплаты им налогов за «имение», секретарь ЦКК вынес резолюцию: «Установить факт не удалось, так как не выгодно поднимать шум»[1213].

...Выжидательное противостояние Смоленска и Москвы обнаруживает некоторое движение 1 февраля 1924 г. На Пленуме ЦК 31 января-3 февраля 1924 г., посвященном отчету комиссии ЦК и ЦКК по обследованию армии и ее реформе, Председатель комиссии С.Гусев в своем отчете, констатируя тяжелое положение армии, объяснял это «крайне неудовлетворительным состоянием общего руководства вооруженными силами страны». С.Гусев прямо заявлял, что «Реввоенсовета СССР как руководящего коллективного органа фактически не существует...Троцкий ничего не делает в Реввоенсовете. Руководство вооруженными силами фактически целиком находится в руках заместителя Председателя РВС Э.М.Склянского и нач. Штаба РККА П.П.Лебедева, которые не обеспечили квалифицированного руководства Вооруженными Силами стра-

[1213] Цитируется по книге: Парнов Е. Заговор против маршалов. – Кн. 2. - С. 18.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ны»[1214]. Подкрепляя свое мнение, С.Гусев процитировал письмо, направленное в комиссию И.Уборевичем с резкой критикой центрального руководства Красной Армии. «От этого руководства, - писал И.Уборевич, - веет мертвящим духом старых царских спецов.... Дух старой канцелярщины (сухомлиновщины) витает над приказами РВСР... нет системы, а нажим авторитетов (или просто рвачество)»[1215]. Г.Орджоникидзе в своем выступлении, упоминая о письма И.Уборевича, заявил, что «Уборевич не одинок в оценке руководства центрального военного управления.... В том же духе написано письмо тов. Тухачевского на имя секретаря ЦК, в том же духе говорил со мною тов. Егоров. А эти тт. нашу армию и ее нужды безусловно знают»[1216]. Итак, к началу указанного Пленума противники Л.Троцкого имели против него поддержку со стороны наиболее авторитетных и популярных «генералов» М.Тухачевского, И.Уборевича и А.Егорова.

И.Уборевич был уже смещен со своей должности, поэтому его письмо должно было быть особо «весомым». Настолько, чтобы вновь возвратить ему командование 5-й армией. М.Тухачевский оставался на своей должности, так сказать, «в седле», но «седло» это сползало из-под него. И.Сталин и его ближайшие сторонники, видимо, имели смутную информацию о каких-то его разговорах с В.Антоновым-Овсеенко, даже о рассмотрении его кандидатуры на роль «Бонапарта». За этот «компромат» можно было «откупиться» использованием его письма с критикой Л.Троцкого[1217]. Возможно, М.Тухачевскому, таким образом, предлагали перейти в «партию» противников Л.Троцкого, подавали знак «лояльного» к нему отношения. Что касается А.Егорова, то шумных мер в направлении его смещения не принималось. Однако слухи о «заговоре в Кавказской армии», как известно, муссировали и в белом зарубежье. Кроме того, в биографии А.Егорова были и иные эпизоды, которые с легкостью можно было

[1214] Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925). - С. 60.
[1215] Там же, с. 62.
[1216] Берхин И.Б. Указ. соч. - С. 64.
[1217] М.Тухачевский, открещиваясь от обвинений в «троцкизме» на процессе 1937 г., сам упоминал об этом письме в ЦК против Л.Троцкого, посланном в 1923 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

использовать для его компрометации[1218]. От А.Егорова не потребовали письменной критики Л.Троцкого. Ограничились лишь ссылкой на его устное мнение, зафиксированное, однако, в стенограмме Пленума.

В обмен за «поддержку», оказанную комиссии ЦК и ЦКК, Приказом РВС СССР от 1 февраля 1924 г. И.Уборевич возвращался на прежнюю свою должность на Дальнем Востоке, в 5-ю армию, и тем самым был восстановлен в своем высоком статусе. Утверждалось назначение А.Корка помощником командующего Западным фронтом. Таким образом, демонстрировался отказ власти от намерения лишить М.Тухачевского командования войсками Западного фронта. А.Седякин, который еще в ноябре 1923 г. был назначен вместо И.Уборевича командующим Отдельной 5-й армией и, таким образом, вводился в «номенклатуру» военной элиты, оставался в ней и лишь перемещался на должность командующего Приволжским военным округом.

Эти кадровые перестановки рассчитаны были на политическое «успокоение» М.Тухачевского и других «генералов». Их провели так, чтобы не «обижать» А.Седякина, и А.Егорова и одновременно убрать из военной элиты одного из самых ярых сторонников Л.Троцкого –командующего Приволжским военным округом С.Мрачковского. Одновременно завершалась «чистка» и в комсоставе Украинского военного округа: со своей должности был смещен начальник Высшей Объединенной военной школы им. С.Каменева М.Матьясевич. Уже в ходе работы Пленума из состава РВС СССР были выведены начальник штаба РККА П.Лебедев, военный комиссар Штаба РККА С.Данилов и ряд других лиц. Спустя три дня, 5 февраля 1924 г., из состава РВС СССР был выведен В.Антонов-Овсеенко. 5, а затем 15 февраля было подтверждено сохранение за Э.Склянским должности заместителя Председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам.

«Я всегда во всех случаях выступал против Троцкого, когда бывала дискуссия, - заявлял обвиняемый маршал в 1937 г. – Что касается моего выступления против Троцкого в 1923 году, то мною лично был написан доклад по этому поводу и после в ЦК». – Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 61.

[1218] Участие в карательных акциях в Закавказье, в Грузии во время революции 1905-1907 гг., принадлежность к партии эсеров, антиленинские выступления до октября 1917 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

8-9 февраля было проведено расширенное совещание членов РВС СССР, командующих округами, начальников и комиссаров главных управлений и отделов Штаба РККА. М.Тухачевский на нем не присутствовал. Он отказывался выезжать в Москву, даже на такое представительное и важное совещание. 13 февраля М.Тухачевский выехал в Минск[1219]. Там дислоцировалась 7-я кавалерийская дивизия его друга и старого соратника Г.Гая. М.Тухачевский решил заручиться поддержкой своих войск. Он пробыл в Минске 14-15 февраля, а 16 февраля выехал в Москву[1220].

3 марта на уровне Политбюро ЦК было принято решение о назначении на должность заместителя Председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам М.Фрунзе. Думается, что расхожее мнение, прямо выраженное Г.Беседовским, о М.Фрунзе – ставленнике И.Сталина – несколько упрощенно толкует тогдашнюю военно-политическую ситуацию. Насколько известно, М.Фрунзе не являлся «сталинистом». В политических симпатиях он был достаточно свободен, а в 1923-1924 гг. скорее тяготел к Г.Зиновьеву, чем к И.Сталину[1221]. Более того, летом 1923 г. М.Фрунзе склонялся, как и ряд других высших политических деятелей, к мнению о целесообразности смещения И.Сталина с поста Генерального секретаря ЦК[1222]. Известно также, что у И.Сталина были свои кандидатуры на должность руководителя военного ведомства: К.Ворошилов, Г.Орджоникидзе. Правда, соперничать с М.Фрунзе им было трудно. Известно также, что И.Сталин предлагал М.Фрунзе должность начальника Политуправления РККА, но М.Фрунзе отказался, заявив претензии на должность заместителя Председателя РВС СССР. Не чувствовал ли он за собой поддержку со стороны М.Тухачевского, С.Каменева?

Г.Зиновьев также имел более приемлимую для него кандидатуру – М.Лашевича. Впрочем, намереваясь «сдвинуть» И.Сталина с явно ключевого

[1219] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 174. Л. 13.
[1220] Там же, Л. 15.
[1221] Г.Е.Зиновьев – Л.Б.Каменеву, 30 июля 1923 г. Кисловодск . //Известия ЦК КПСС. – 1991. - № 4. - С. 198.
[1222] По крайней мре, это следует из текста и контекста письма Г.Зиновьева – Л.Каменеву от 30 июля 1923 г. : «...На деле нет никакой «тройки», а есть диктатура Сталина. Ильич был тысячу раз прав (имеется в виду известное «письмо к съезду» с предложением о перемещении И.Сталина с должности Генсека на другую долж-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

поста в политической системе, с поста Генерального секретаря ЦК, Г.Зиновьев рассчитывал переместить его на должность руководителя военного ведомства[1223].

В то же время, судя по перипетиям закулисной военно-политической борьбы 1924-1925 гг., на ведущую роль в руководстве Красной Армией претендовал и А.Егоров. Он был в данной ситуации явным соперником М.Фрунзе. Это соперничество с М.Фрунзе и неприязненные отношения с С.Каменевым и М.Тухачевским у А.Егорова возникли еще в период гражданской войны.

Не следует преувеличивать прочность и силу собственных военно-политических позиций М.Фрунзе. Выше уже отмечалось, что высшее командование Украинского военного округа подверглось самой большой «чистке» во второй половине 1923 г. «Вычищены» были и генштабисты, прямо или опосредовано близкие к М.Фрунзе. Это косвенно политически компрометировало и самого командующего. Утверждение Г.Беседовского, что М.Фрунзе привез с Украины «своих людей» и совершил переворот, нуждается, по меньшей мере, в пространных комментариях и оговорках.

Для М.Тухачевского – командующего самым сильным и влиятельным Западным фронтом, Главкома С.Каменева и командующего Петроградского военного округа В.Гиттиса М.Фрунзе являлся гораздо более приемлимой кандидатурой, чем А.Егоров или М.Лашевич. Именно эти «генералы» должны были оказаться заинтересованными в «победе» М.Фрунзе. М.Фрунзе, в конце концов, как отмечалось выше, был более приемлем и для Г.Зиновьева, который, не без оснований, мог рассматривать А.Егорова как «креатуру» И.Сталина. А.Егорова должны были поддерживать командующий 5-й отдельной армией И.Уборевич, командующий Приволжским военным округом А.Седякин, помощник командующего Украинским военным округом М.Левандовский, командующий Северо-Кавказским военным округом К.Ворошилов, командующий Сибирским военным округом Н.Петин.

ность). Либо будет найден серьезный выход, либо полоса борьбы неминуема.... Но что меня удивило – так это то, что Ворошилов, Фрунзе и Серго думают почти так же». – Известия ЦК КПСС. – 1991. - № 4. - С. 198.

[1223] Souvarine B. Staline. Apercu historique du bolchevisme. - Paris, 1935. - P. 360.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В то же время, И.Сталин, не скрывавший своего мнения, что А.Егоров «хороший командующий, но плохой коммунист», вряд ли считал кандидатуру своего давнего соратника достаточно для себя подходящей. И.Сталин, очевидно, предпочитал иметь в руководстве РВС СССР человека, пользующегося меньшей поддержкой военной элиты, чем А.Егоров, следовательно, менее «устойчивого» на столь высоком посту, человека более ангажированного в партийные структуры, более управляемого партией и с безупречной партийной репутацией. В тот момент М.Фрунзе, видимо, и ему показался предпочтительнее А.Егорова. М.Фрунзе, как «партиец», несомненно, был гораздо авторитетнее и «чище», чем А.Егоров и Э.Склянский.

Итак, 3 марта 1924 г. Политбюро ЦК, утвердило М.Фрунзе заместителем Председателя РВС СССР и наркома. 11 марта 1924 г. Э.Склянский был отправлен в отставку, а его место занял М.Фрунзе. М.Фрунзе, назначенный заместителем Председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам 11 марта 1924 г., приступил к исполнению этих обязанностей только 14 марта, сохраняя за собой вплоть до 20 марта и командование Украинским военным округом, и Вооруженными силами Украины и Крыма. Лишь 20 марта он передал во временное командование Украинский военный округ своему 1-му помощнику по округу Р.Эйдеману. Это значит, что принимать официальные решения и подписывать приказы о кадровых перемещениях М.Фрунзе более или менее спокойно решился лишь после 20 марта. Это значит, что в промежутке между 11 и 20 марта новое руководство РККА чувствовало себя еще крайне неустойчиво.

…Как бы в ответ на готовящийся «переворот» 9 марта М.Тухачевский выехал в Смоленск, а оттуда, 10 марта – в Минск, вновь к своему другу Г.Гаю и в его 7-ю кавалерийскую дивизию[1224]. Вполне возможно, что это была демонстрация войсковой поддержки М.Фрунзе, официальное назначение которого по каким-то причинам затягивалось. Характерно, что 11 марта М.Тухачевский прибыл в Минск и в тот же день последовало постановление правительства о назначении М.Фрунзе заместителем Председателя РВС СССР.

[1224] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 174. Л. 22.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Известно, что с 13 по 16 марта 1924 г. в Минске проходил 6-й Чрезвычайный Съезд Советов Белоруссии[1225]. Это обстоятельство могло служить удобным мотивом выезда командующего фронтом в Минск, хотя он появился там уже 11 марта, в штабе 7-й кавалерийской дивизии. М.Тухачевский принимал участие в работе этого съезда, тем более, что в Минск на съезд приехал и М.Калинин. Съезд открылся 13 марта во второй половине дня. В этот день было одно, вечернее заседание, на котором и выступил М.Тухачевский. Делегатами съезда М.Тухачевский был принят, судя по их реакции, отраженной в стенограмме, весьма «прохладно». Это было заметно, учитывая популярность, которой, согласно различным свидетельствам, он пользовался на территории дислокации войск Западного фронта[1226]. Хотя М.Тухачевский, согласно принятому «советскому» ритуалу и порядку, был избран в Президиум съезда, ему было предоставлено слово лишь 7-м в «очереди» выступающих[1227]. В этом вопросе важно обратить внимание на то, что 1-м выступавшим был, что вполне логично, М.Калинин; 2-м – Ф.Кон; 3-м – секретарь временного Белорусского Бюро ЦК РКП (б) Асаткин; 4-м – член Президиума, заместитель Генерального секретаря и политический секретарь Международного Крестьянского Совета Т.Домбаль. Предоставление этим лицам первых четырех выступлений можно объяснить логикой политического содержания самого события. Однако 5-м по счету оратором оказался Председатель Центрального Бюро профсоюзов Белоруссии Ходош, а 6-м – ответственный секретарь ЦК Союза молодежи Белоруссии – Орехова. Лишь 7-м дали слово М.Тухачевскому. После него было еще три выступавших в этот день, - лица второстепенные и малоизвестные[1228]. Вне всякого сомнения, особенно в политическом контексте тех лет и с учетом известности, должностной значимости и популярности, М.Тухачевский вполне мог рассчитывать, по крайней мере, быть 5-м в списке выступавших. Во всяком случае, он

[1225] На нем решался вопрос о передаче союзной республики Белоруссии некоторых районов Смоленской губернии в связи с вхождением Белоруссии в СССР.

[1226] Это было совершенно очевидно, хотя бы из сравнения стенограмм заседания 6-го и 7-го съездов советов Белоруссии. На последнем, проходившем в мае 1925 г., М.Тухачевскому была устроена овация. На 6-м же съезде он был принят весьма спокойно и даже, можно сказать, холодно.

[1227] 6-й Всебелорусский Чрезвычайный Съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Стенографический отчет. - Минск, 1924. - С. 17-18.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

был более значащей в политическом отношении фигурой, чем руководитель белорусских профсоюзов Ходош или комсомольский вожак Орехова.

Как уже выше отмечалось, реакция съезда на его выступление была неадекватна военно-политической значимости его фигуры. Это косвенно, но вполне определенно свидетельствует о «настороженном» отношении съезда к М.Тухачевскому. Вряд ли это может свидетельствовать о его «проправительственной репутации» в то время. Напомню и тот факт, что М.Фрунзе, приступив к исполнению обязанностей заместителя Председателя РВС СССР, сохранял командование Украинским военным округом. И в этом тоже прослеживаются «опасения» и «настороженность». Можно полагать, что отъезд М.Тухачевского из Москвы перед «сменой власти» в армии, его поездка в Минск, в 7-ю кавалерийскую дивизию Г.Гая, были своеобразной «демонстрацией угрозы» политическому руководству. Но, быть может, эта поездка и не таила в себе ничего подобного, а лишь воспринималась как «демонстрация силы» в обстановке политической нервозности и болезненной подозрительности.

Трудно проследить по съездовским документам участие М.Тухачевского в работе съезда в последующие дни. Во всяком случае, он больше не выступал. На следующий день, 14 марта на утреннем заседании с приветствием выступил командир 7-й кавалерийской дивизии Г.Гай, а на вечернем заседании 14 марта выступил командир 5-го стрелкового корпуса П.Дыбенко. В своем выступлении он сослался на предшествующую речь М.Тухачевского[1229]. Кроме того, 16 марта М.Тухачевский был избран в ЦИК БССР. Следовательно, внешне никаких признаков «опалы» или чрезвычайной ситуации, в которой оказался М.Тухачевский в период работы Съезда, не обозначилось. Если следовать информации А.фон Лампе, именно в это время и был проведен необъявленный арест М.Тухачевского.

Примечательно, что назначенный заместителем Председателя РВС СССР М.Фрунзе, тоже прибыл в Москву и фактически начал выполнять свои новые должностные обязанности лишь 14 марта 1924 г. В тот же день был смещен со

[1228] 6-й Всебелорусский Чрезвычайный Съезд Советов.... - С. 17-18.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

своей должности помощник Управляющего делами РВС СССР бывший генерал Н.Пневский. В связи с вышесказанным, как мне представляется, находится и свидетельство А.Брусилова. «В 1924 году я очень болел, - вспоминал генерал. – Мне дали, наконец, отставку и назначили пенсию. Волокита была ужасная, опубликовали о назначении пенсии в 30 червонцев в марте, а начали выдавать, кажется, в июне или июле. Одновременно дали отставку и назначили такую же пенсию Павлу Ивановичу Лебедеву… Для того, чтобы решиться уволить от дел такого человека, как Лебедев, нужны были серьезные причины. Одновременно с ним был уволен, а затем и арестован его правая рука Георгий Николаевич Хвощинский...»[1230]. Известно, что А.Брусилов был уволен на пенсию 15 марта 1924 г. Он упоминает о времени своей отставки и в собственных воспоминаниях, что выше цитировалось. П.Лебедев, таким образом, был уволен на пенсию также 15 марта. Надо полагать, что увольнение и арест Г.Хвощинского имели место примерно 15 марта. Согласно послужному списку С.Шах-Тахтинского, ведавшего отделом кадров Штаба РККА, 1 апреля 1924 г. его отправили «в резерв комсостава Штаба РККА»[1231]. Такая военно-канцелярская формулировка тех лет означала увольнение из РККА. Как правило, таковая мера, особенно в отношении давнего, опытного и весьма ценного работника Штаба РККА, могла быть только чрезвычайной. В данном случае, видимо, тоже имел место арест. Указанные формулировки дают основания предполагать, что названные лица были из числа тех, к кому относилась фраза из сообщения В.Колоссовского: «раскрыта организация Тухачевского,… он сам и многие из участников заговора арестованы…»[1232].

Информация об аресте М.Тухачевского содержится лишь в дневнике А.фон Лампе. Нет необходимости вновь цитировать этот фрагмент дневниковой записи. Однако, в силу значимости самого сообщаемого факта, возникает

[1229] 6-й Всебелорусский Чрезвычайный съезд Советов. - С. 7.
[1230] Брусилов А.А. Мои воспоминания. //Военно-исторический журнал. – 1991. - № 2. -. 39.
[1231] РГВА. Послужной список С.Г.Шах-Тахтинского № 304623.
[1232] Следует кстати отметить, что один из названных командиров, Сергей Михайлович Анников, дворянин из старинного рода, в 1916-1917 гг. был офицером л-г. Семеновского полка и сослуживцем М.Тухачевского. – РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. - Алфавитный список лиц, баллотировавшихся на общем собрании для принятия в л-г. Семеновский полк офицерами 3.1.1915-28.8.1917 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

насущная необходимость разобраться в этом сообщении детально, изыскивая хотя бы косвенные ему подтверждения в других источниках. Важно также определить, хотя бы ориентировочно, дату ареста М.Тухачевского, если таковой действительно имел место. Событие это очень важное и в значительной мере предопределявшее дальнейшую судьбу не только самого М.Тухачевского, но и драму комсостава РККА.

А.фон Лампе получил эту информацию 16 марта 1924 г. Учитывая время прохождения информации из СССР в Берлин, само событие должно было произойти до указанной даты.[1233]. На основании этих фактов можно считать, что если М.Тухачевский был арестован, то это могло произойти не ранее 13 марта 1924 г., но не позднее 15-го марта. Нужно было хотя бы минимальное время на прохождение информации о его аресте от информатора в Минске до Берлина, до Веры Гладыш, до В.Колоссовского и, наконец, до А.фон Лампе. Скорее всего, это могло произойти в ночь с 13 на 14 марта и в полной тайне от «генералов», находившихся на съезде.

В качестве фактов, которые можно рассматривать как косвенные указания на исследуемые события, можно назвать кадровые перестановки в руководстве полпредства ОГПУ по Западному краю. Примечательно, что именно 14 марта 1924 г. на должность помощника начальника Особого отдела Западного фронта (помощника полномочного представителя ОГПУ по Западному краю)[1234] и одновременно (по совместительству) на должность заместителя на-

---

[1233] Хотя запись об этом событии датируется 13, 14, 15, 16 марта, логика контекста дневниковых записей позволяет считать, что столь для него важное сообщение генерал должен был записать сразу же после его получения. В качестве примера можно вновь обратиться к вышеприведенной информации барона Абеле, венгерского военного атташе в Берлине, который сообщил А.фон Лампе о смещении П.Лебедева и назначении М.Фрунзе начальником Штаба РККА. Это сообщение, как выше отмечалось, А.фон Лампе получил 8 апреля 1924 г. Официальный приказ РВС СССР об этом был подписан 1 апреля 1924 г. Опубликован он был только 4 апреля 1924 г. в газете «Красная Звезда». Итак, официальная информация советского военного руководства по этому вопросу была дана лишь 4 апреля. Однако, именно 4 апреля 1924 г. стало известно о назначении М.Тухачевского на должность помощника начальника Штаба РККА. Барон Абеле, судя по дневниковой записи генерала А.фон Лампе, об этом еще ничего не знал. М.Тухачевский выехал из Смоленска в Москву 27 марта. Следовательно, барон Абеле получил из Москвы информацию не «Красной Звезды» от 4 апреля. Это было сообщение из иных источников и датируемое промежутком времени между 28 марта и 4 апреля. Именно в этот промежуток времени М.Тухачевский оказался в Москве и получил новое назначение, официально отмеченное в приказе 1 апреля 1924 г. Итак, из Москвы сообщение данное поступило в Берлин через 5-10 дней. Из Смоленска, тем более, из Минска особенно чрезвычайной важности информация должна была поступать быстрее.

[1234] Приказом ГПУ № 77 от 17 мая 1922 г. самостоятельные Особые отделы военных окургов ликвидировались, предписывалось слить их с аппаратами соответствующих Полномочных представителей ГПУ. Полпред ГПУ или начальник губернского отдела ГПУ, как правило, являлся по совместительству и начальником Особого от-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

чальника Смоленского губернского отдела ГПУ и начальника Секретно-оперативной части назначается Я.Зирнис. Кроме того, 7 апреля 1924 г. на должность полномочного представителя ОГПУ по Западному краю и председателем ГПУ БССР был возвращен из Москвы Ф.Медведь, на место отставленного И.Апетера, занимавшего эту должность с 1922 г.

И Я.Зирнис, и Ф.Медведь были давними работниками Особого отдела Западного фронта, еще с 1919 г. Я.Зирнис, в частности, в 1920-1922 гг. находился в руководстве или руководящем звене особых отделов 15-й, 16-й армий и 27-й стрелковой дивизии. До 14 марта 1922 г. Я.Зирнис являлся заместителем начальника Витебского губернского отдела ГПУ и начальником Секретно-оперативной части. Новое назначение с «повышением» по должности и объединением в руках Я.Зирниса должностных прав помощника начальника Особого отдела Западного фронта, заместителя начальника Смоленского губернского отдела ГПУ и начальника Секретно-оперативной части этого отдела и сохранением должностных прав начальника Витебского губернского отдела ГПУ именно 14 марта 1924 г. вряд ли можно считать случайным. Скорее, это была мера «чрезвычайная» в соответствие с «чрезвычайностью» ситуации. Таким образом, Я.Зирнис контролировал действия ГПУ как по всему Западному фронту, так и непосредственно в Смоленске, где находился штаб фронта. Такого рода назначение и такого рода сотрудника ОГПУ вполне соответствовало поставленной «чрезвычайной» задаче: арестовать командующего Западным фронтом М.Тухачевского, его ближайших сотрудников и единомышленников, не допустив «волнений» в войсках.

Следует обратить внимание и на некоторые другие косвенные обстоятельства, позволяющие считать арест М.Тухачевского вполне реальным фактом. Согласно штабным документам Западного фронта, М.Тухачевский отправлялся в Минск на срок с 10 до 17 марта, т.е. до конца работы съезда. Однако возвращение М.Тухачевского с сопровождавшими его лицами – для особых поручений при нем Генштаба А.Виноградовым и адъютантом командующего

дела военного округа, штаб которого дислоцировался в том же населенном пункте. – Справочник. Кто руково-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

фронтом М.Михайловым-Морозовым – в Смоленск 17 марта, как это значилось в командировочных предписаниях, в штабных документах фронта не нашло отражения. Кроме того, штабной приказ фронта о командировке М.Тухачевского и указанных сопровождавших его лиц в Минск датируется 19 марта 1924 г., однако в нем отсутствует обычная в такого рода случаях отметка о возвращении командированных, позволяет полагать, что 19 марта ни М.Тухачевский, ни сопровождавшие его лица в Смоленск не возвратились. По неизвестным для штаба фронта причинам они оставались в Минске. О М.Тухачевском и вышеупомянутых сопровождавших его лицах в следующий раз говорилось лишь в приказе от 31 марта 1924 г.[1235] В нем отмечался их отъезд в командировку в Москву 27 марта 1924 г. Следовательно, соответствующий приказ о возвращении М.Тухачевского и сопровождавших его А.Виноградова и М.Михайлова-Морозова 17 марта в Смоленск в штабных документах отсутствует. Таким образом, «хронология» штабной документации фронта позволяет утверждать лишь одно: М.Тухачевский со своими «адъютантами» вновь появляется в Смоленске не ранее 19 и не позднее 27 марта. Известно, что М.Тухачевский был официально смещен с должности командующего фронтом 26 марта 1924 г.[1236], хотя в штабных документах фронта еще 31 марта он именуется как действующий командующий. Следовательно, документация фронтового штаба (возможно, по распоряжениям из центра) не информировала личный состав штаба фронта и фронта в целом об уже состоявшемся отстранении М.Тухачевского от должности, возможно, опасаясь «волнений».

Решение об отстранении М.Тухачевского от должности командующего Западным фронтом состоялось до 26 марта, учитывая технологию и механизм принятия кадровых решений такого уровня. Принимая во внимание, что такие кадровые решения принимались сначала на Оргбюро, затем проходили через Политбюро, а потом издавался соответствующий Приказ РВС СССР. На эту процедуру требовалось 4-5 дней. Поэтому, решение о смещение

дил НКВД. 1934-1941. - М., 1999. - С. 43.
[1235] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 174. Л. 27.
[1236] Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. 4. - С. 530.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевского с должности командующего фронтом, скорее всего, было принято 19-20 марта 1924 г. Вывезенный из Минска в Смоленск, он был отправлен в Москву 27 марта. Как записал в дневнике и сообщал в своей «справке» от 9 апреля 1924 г. А.фон Лампе, «Тухачевского правительству, наконец, удалось заполучить в Москву», «Тухачевский отправлен в Реввоенсовет, то есть кончен».

Эти фрагменты дневниковых записей А.фон Лампе обращают внимание на еще одно обстоятельство. Смещение М.Тухачевского с должности командующего фронтом состоялось официально, как указывалось выше 26 марта, а приказ о его назначении на новую должность помощника начальника Штаба РККА был подписан 1 апреля 1924 г., т.е. спустя почти неделю. Это означало, что, когда М.Тухачевский был отставлен от должности командующего фронтом, вопрос о его новом назначении не был решен. Это значит, что смещение его с фронтового командования было мерой не плановой, а чрезвычайной. Оно не было сопряжено с назначением нового командующего фронтом, для которого следовало освободить данное место.Более того, его заместитель А.Корк был назначен лишь временно исполняющим должность командующего[1237]и только 8 апреля 1924 г., наконец, - командующим уже не фронтом, а Западным военным округом[1238]. Фронтовое командование было упразднено. Таким образом, смещение М.Тухачевского было отставкой, а не переводом на новую должность. Для того, чтобы суметь М.Тухачевского «изъять» с Западного фронта, из окружения преданных ему войск, требовались чрезвычайные меры (арест).

Еще одним признаком «опалы» и «наказания» М.Тухачевского может служить полученная им 1 апреля 1924 г. новая должность «помощника начальника Штаба РККА». В соответствии со старой структурой руководства Штаба РККА у его начальника было два помощника: 1-й по оперативному планирова-

---

[1237] Таковым был А.Корк, помощник командующего фронтом. При этом и А.Корк 4 апреля 1924 г. был в этом качестве заменен начальником штаба фронта А.Кукком. - Директивы командования фронтов Красной Армии. - Т. 4. - С. 529.

[1238] Там же. В Послужном списке А.И.Корка, однако, дается другая дата его назначения – 6 апреля 1924 г. – РГВА. Послужной список А.И.Корка № 127872.

В любом случае, назначение на должность оказалось сдвинутым с 26 марта до 6 апреля. Власти в Москве колебались и не решались на назначение А.Корка. Шла скрытая борьба.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нию, 2-й по организационно-административным вопросам. Должность 1-го Помощника начальника Штаба РККА занимал с февраля 1921 г. Б.Шапошников, 2-го – Е.Гарф. 1 апреля 1924 г. Б.Шапошников по-прежнему оставался в своей должности. Вакантной оставалась должность 2-го Помощника. На нее-то и назначили М.Тухачевского, хотя официально деления на 1-го и 2-го помощников теперь не было. Все это означало, что, во-первых, М.Тухачевский получал должность, по существу, вдвое ниже той, которую занимал. Это была должность на уровне «2-го помощника командующего округом или фронтом». Во-вторых, ему были поручены функции, ему совершенно не свойственные – административно-штабные. В-третьих, он был полностью оторван от войск, именно от того рода службы, в котором он и являлся специалистом. Таким образом, назначение на такую должность являлось одной из форм «почетной отставки». На такой поворот своей служебной карьеры М.Тухачевский вряд ли мог согласиться по доброй воле. Это было явно «принудительное» перемещение. Совершить его власти могли только используя арест и предъявление М.Тухачевскому каких-то политически-компрометирующих его «доказательств». Последние должны были парализовать его волю к сопротивлению и сделать «покорным».

...В связи с информацией об аресте М.Тухачевского, обстоятельствами его смещения с должности командующего фронтом находится еще одно свидетельство. «Хорошо известно, - вспоминал один из сотрудников Политуправления Западного фронта И.Телятников, - какая нездоровая обстановка создалась вокруг Тухачевского в начале 1924 г., незадолго до назначения его помощником начальника Штаба РККА. Поползли грязные сплетни. Исходили они, как мне казалось, от начальника Политуправления В.Н.Касаткина, человека властолюбивого и, безусловно, склонного к интригам. Неблаговидную роль играл в этом и секретарь партийной организации Васильев. Его стараниями в склочное дело было вовлечено почти все партийное бюро. В результате, Тухачевский выехал к новому месту службы с очень нелестной характеристикой»[1239]. Итак,

[1239] Телятников И.А. Вникая во все. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 164-165.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«нездоровая обстановка создалась вокруг Тухачевского» до его нового назначения, до его отъезда в Москву, до его смещения с должности командующего фронтом, до его снятия с партучета в штабе фронта, т.е. до 26 марта 1924 г.

Действительно, секретарем партбюро с марта 1923 г. был Н.Васильев[1240]. В состав партбюро входили, кроме него, естественно, М.Тухачевский, В.Касаткин, комиссар штаба Западного фронта А.Булин, начальник Разведотдела штаба Западного фронта Г.Иссерсон, секретарь командующего Н.Смиренский и ряд других сотрудников штаба - членов партии[1241]. На протяжении всего 1923 г., если судить по протоколам и иным документам партбюро штаба фронта, нет ни единого, в котором хотя бы косвенным образом, как-то компрометировалась фамилия М.Тухачевского. Следовательно, хотя В.Касаткин интриговал против М.Тухачевского еще с августа 1923 г., на работе партбюро это внешне никак не отражалось. Никто в партбюро не осмеливался открыто поставить на обсуждение «персональное дело М.Тухачевского». Как выше отмечалось в докладной ответственного сотрудника ГПУ по Западному краю, М.Тухачевский был слишком «крупной фигурой». Такое становилось возможным только в том случае, если на это свыше в той или иной форме, давались санкции, а командующий утратил свою былую власть и готовность к сопротивлению. Примечателен в связи с этим штрих в воспоминаниях И.Телятникова: «На заседании партбюро, когда обсуждалась эта характеристика, Михаил Николаевич держался с завидной выдержкой и достоинством. Но у меня создалось впечатление, что защищать себя он не умеет»[1242]. Итак, М.Тухачевский молчал и не сопротивлялся. Видимо, к этому времени произошло с ним нечто, парализовавшее его волю к сопротивлению. Можно было «бесстрашно» обсуждать и утверждать отрицательную характеристику М.Тухачевского, не рекомендующую его для занятия руководящей должности в РККА.

[1240] РГВА. Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 16.
[1241] Там же.
[1242] Телятников И.А. Вникая во все. //Маршал Тухачевский.... - С. 165.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Следует обратить внимание на замечание автора воспоминаний: «Тухачевский выехал **к новому месту службы** с очень нелестной характеристикой». Это значит, что «новое место службы» для М.Тухачевского уже было определено. Иными словами, к 27 марта 1924 г. вопрос о «новой должности» М.Тухачевского был решен. Учитывая дату его смещения с должности командующего Западным фронтом и дату его отъезда в Москву, можно считать, что это заседание партбюро, где утверждалась его характеристика, состоялось 26 или 27 марта. Очевидно его новая должность к этому времени была уже определена, однако назначение состоялось официально лишь 1 апреля 1924 г. Ведь в характеристике говорилось, очевидно, о том же, о чем Н.Васильев писал в Наркомат по военным и морским делам в своем заявлении о М.Тухачевском. А заявлял секретарь партбюро о «неправильном отношении» М.Тухачевского « к коммунистам, подчиненным и даже об аморальном поведении»[1243]. В сущности, это были те же обвинения, которые поступили к Г.Ягоде в начале сентября 1923 г., переданные затем в ЦКК. Поведение партбюро штаба Западного фронта вряд ли было «независимым» и несанкционированным свыше, учитывая военно-политическую значимость М.Тухачевского. Это была позиция руководства ЦК, в скрытой форме позиция его Генерального секретаря И.Сталина. Это, корее всего, именно он был против назначения М.Тухачевского на должность помощника начальника Штаба РККА. Впрочем, вполне возможно, что первоначально его должны были назначить ни должность начальника Штаба Красной Армии. Ведь М.Фрунзе занял ее только 1 апреля 1924 г., хотя она была вакантной уже с 15 марта.

Поскольку, как вспоминал И.Телятников, «в склочное дело было вовлечено почти все партийное бюро», характеристика и ее обсуждение готовились не один день. Выезд его в Москву официально был объявлен как командировка. Однако сам он, его ближайшее окружение, в том числе партбюро, очевидно, уже знали о его отставке, и знали до 26 марта. Во всяком случае, то, что М.Тухачевский лишен командования фронтом и вызывается в Москву, что он

[1243] Викторов Б.А. «Заговор» в Красной Армии. //Правда. – 1988. - 29 апреля.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

уже не сможет воспользоваться своими властными возможностями командующего, стало известно секретарю партбюро Н.Васильеву и начальнику политуправления фронта В.Касаткину, по меньшей мере, за несколько дней до 26 марта. Следовательно, судьба М.Тухачевского, как командующего фронтом, была решена, а он уже фактически лишен этой должности, до 26 марта. Это обстоятельство косвенным образом также подтверждает факт лишения его командных возможностей по фронту, ранее 26 марта. Косвенно об этом свидетельствуют новые назначения командиров соединений, входивших в состав Западного фронта.

Приказом РВС СССР от 20 марта 1924 г. на должность исполняющего обязанности командира 5-й стрелковой дивизии был переведен П.Пшенников, командиром 33-й стрелковой дивизии был утвержден М.Герасимов, временным командиром 4-й стрелковой дивизии был назначен В.Тимофеев-Наумов, а начальником штаба - с 26 марта А.Редькин-Романовский[1244]. Еще 8 марта 1924 г. приказом РВС СССР на должность командира 8-й стрелковой дивизии был назначен К.Степной-Спижарный[1245]. Назначенный приказом М.Тухачевского временно исполняющим дела командира 27-й стрелковой дивизии Б.Майстрах так и не был утвержден РВС СССР, а летом 1924 г. смещен с этой должности. Приведенных фактов достаточно для того, чтобы увидеть, что эти кадровые изменения привели к отстранению командиров, назначенных приказом командования Западного фронта, и замене их командирами, присланными из Москвы по приказу РВС СССР.

В штабных документах Западного фронта имеются данные об увольнении или аресте некоторых командиров, в частности: в апреле 1924 г. был «уволен в резерв РККА» командир 29-й стрелковой дивизии 16-го стрелкового корпуса С.Спильниченко[1246]; тогда же был «демобилизован в аттестационном порядке» С.Анников, командир штрафного батальона при штабе 16-го стрелкового кор-

[1244] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 26, 90, 100, 121.
[1245] Там же, Л. 108.
[1246] Там же, Л. 114.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

пуса[1247]; тогда же был «исключен из списков как осужденный Военным трибуналом 4-го стрелкового корпуса» О.Конюхов, бывший помощник командира 87-го стрелкового полка 29-й стрелковой дивизии, прикомандированный к 27-й стрелковой дивизии[1248]; был «отправлен в бессрочный отпуск» бывший начальник оперативно-строевой части штаба 27-й стрелковой дивизии, командир батальона 29-й стрелковой дивизии А.Иванов[1249].

Таким образом, 20-26 марта 1924 г. приказами РВС СССР были заменены командиры 4-й, 5-й, 8-й, 27-й, 29-й, 33-й стрелковых дивизий, ряд сотрудников штаба 16-го стрелкового корпуса. Часть из них была уволена из РККА. До этого, 14-15 марта некоторые высшие офицеры, включая Г.Хвощинского, С.Шах-Тахтинского, М.Тухачевского, были негласно арестованы. Возможно, это был домашний арест или «временная изоляция». 14 марта был смещен с должности помощника начальника Управления делами РВС СССР Н.Пневский. Тогда же в отставку и «на пенсию» были отправлены П.Лебедев и А.Брусилов. Со своей должности был смещен 2-й помощник начальника штаба РККА Е.Гарф, был назначен новый начальник Разведывательного управления Штаба РККА и в аппарате Штаба РККА была проведена широкомасштабная «чистка». Примечательно, что все это с 14 марта 1924 г., когда М.Фрунзе, сохраняя за собой командование ВСУК и УВО, фактически приступил к своим должностным обязанностям заместителя Председателя РВС СССР, наркома и начальника Штаба РККА. 23 марта 1924 г. Штаб РККА был разделен на три части (т.е. расформирован как единая структура): Штаб РККА с функциями разработки оперативных и мобилизационных планов; Управление РККА с функциями руководства всей текущей жизнью армии; Инспекторат РККА с функциями боевой подготовки РККА. В качестве самостоятельных Управлений, подчиненных непосредственно наркому и РВС СССР, из структуры Штаба РККА выводились большая часть управлений, ранее подчиненных начальни Штаба РККА. Должность Главкома упразднялась. Западный фронт упразднялся и реорганизовывался в

[1247] РГВА. Ф. 104. Оп. 5. Д. 1192. Л. 2.
[1248] Там же, Л. 58.
[1249] Там же, Л. 48.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Западный военный округ. В целом была, таким образом, проведена децентрализация управления Красной Армией. Штаб РККА из высшего центрального аппарата, фактически руководившего всей армией, превращался в одно из управлений с весьма узкими, хотя и важными функциями. Упразднение должности Главкома и структуры Западного фронта означало отказ от политики и «доктрины революционной войны». Это означало принятие нового военно-политического курса на «мирное сосуществование» с соседними государствами. Это означало изменение всей парадигмы политического развития СССР и сдвиг «генералов» на «второй план» во внешней и внутренней политике. Красная Армия из доминирующего фактора внешней и внутренней политики СССР превращалась во второстепенный. Кардинально была изменена структурная основа военной власти.

В контексте политической парадигмы, структурировавшейся на принципах «перманентной революционной войны», как ее утверждал в 1920-1923 гг. М.Тухачевский, прежняя структурная основа политического доминирования Красной Армии держалась на нескольких «несущих» конструктивных элементах и персонально была воплощена в Л.Троцком (Председатель РВС СССР и Нарком), Э.Склянском (заместитель Председателя РВС СССР и наркома), В.Антонове-Овсеенко (начальник ПУР), С.Каменеве (Главком), П.Лебедеве (начальник Штаба РККА), М.Тухачевском (командующий Западным фронтом), М.Фрунзе (командующий ВСУК).

В этой конструкции Л.Троцкий выполнял функции «политического вождя» Красной Армии. Э.Склянский осуществлял военно-административное руководство (высший военный чиновник). В.Антонов-Овсеенко осуществлял политический контроль (политический комиссар). С.Каменев («генерал») осуществлял общее оперативно-стратегическое руководство армией. П.Лебедев («генерал») отвечал за оперативно-стратегическое планирование и разработку. М.Тухачевский («генерал») командовал главным оперативно-стратегическим направлением и военным регионом, где было сконцентрировано «боевое ядро» Красной Армии. М.Фрунзе руководил вооруженными силами самого крупного

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

и самого политически важного «союзного» этно-политического региона. В этом смысле М.Фрунзе прежде всего следует по функциональным характеристикам в данной конструкции квалифицировать как «военно-политического комиссара» и во вторую очередь как «генерала».

Таким образом, в этой военно-политической конструкции, состоящей из 7-ми фигур, 3 «политических комиссара», 1 «военный чиновник» и 3 «генерала». Из этих трех «генералов» в политическом отношении самым сильным являлся М.Тухачевский – он был партийным. Впрочем, не только по этой причине.

«Нервный узел», обеспечивавший функционирование данной «структурной основы» и всей Красной Армии был сосредоточен на Западном фронте, в Смоленске, в руках командующего фронтом М.Тухачевского. Западный фронт и М.Тухачевский оказывались «ключевыми» элементами данной политической системы, выросшей из гражданской войны. Таким образом, хотя численно «административно-политические» фигуры доминировали над «генералами», реально это преобладание нейтрализовалось и фактически в парадигмальном отношении доминирующая роль в принятии и реализации важных геостратегических решений принадлежала «генералам». Упразднение «фронтовой структуры» на Западе, ориентированной на «революционную войну» и отрыв М.Тухачевского от «больших батальонов» разрушало эту систему.

Новая структурная основа военной власти, с упразднение должности Главкома и дроблением Штаба РККА как «Генерального Штаба», персонифицировалась в Л.Троцком (Председатель РВС СССР и нарком), М.Фрунзе (заместитель Председателя РВССССР и наркома и начальник Штаба РККА), А.Бубнове (начальник ПУР), А.Егорове (командующий ВСУК и УВО).

Новая конструкция реальной военной власти оказывалась более простой. Она состояла из 4 фигур. Однако вместо политически «бесцветного» Э.Склянского в ней теперь был политически «заметный» и «активный» М.Фрунзе. Хотя военно-политическое руководство Украиной формально было передано «генералу», являвшемуся членом партии, реально вся конструкция

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

обнаружила подавляющее господство «административно-политических» фигур, «политических комиссаров». А.Егоров несравнимо политически малозначительной фигурой по сравнению с М.Фрунзе. Это значило, что политическое влияние на Украине будет принадлежать не ему, а его влиятельному партийно-политическому «патрону» И.Сталину.

Новая конструкция обнаруживала отказ, хотя бы временный, от «революционной войны» и от «фронтовых» настроений. В свое время К.Маркс, стремясь понять социально-политическую сущность деятельности Наполеона, писал о том, что «он завершил терроризм, поставив на место перманентной революции перманентную войну». В сложившейся ситуации в Советской России-СССР, кажется, начиналось движение в противоположном направлении: отказ от «перманентной революционной войны», при далеко неисчерпаннном революционном социальном потенциале, неизбежно вел к «перманентной революции» внутри страны и к возобновлению «терроризма». Наполеон избавил Францию от революционного террора, перенеся его на соседние страны и народы в форме «наполеоновских войн». Отказ революционной России от собственной перспективы «наполеоновских войн», возвращал или оставлял революционный террор внутри страны. В этом, как мне представляется, «знаковый» смысл ликвидации Западного фронта, «падения» М.Тухачевского и начала масштабной ротации советской военной элиты.

…В поисках причин очевидной, хотя и «молчаливой» конфронтации между высшим партийно-политическим руководством и М.Тухачевским, обозначившейся в марте 1924 г., следует обратить внимание не на замену Э.Склянского М.Фрунзе, а на намеченный политическим руководством указанный выше «государственный переворот». Он должен был найти свое содержательное выражение в намечаемой радикальной реформе РККА.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

3.5. Военно-политические аспекты и последствия армейской реформы 1924-1925 гг.

В ходе проведения военной реформы высшим политическим руководством предусматривалось решение главной задачи: сократить численность Красной Армии, превратив ее, в боеспособную и дешевую. Задача, несомненно, очень трудная. Уже к середине 1924 г. обозначилось несколько составляющих эту задачу: вопрос о территориально-милиционных формированиях; вопрос о введении единоначалия; вопрос о Штабе Красной Армии; вопрос о численности армии; вопрос об организации стрелковых частей; вопрос о стратегической доктрине РККА, который предполагал решение вопроса военно-политического курса СССР. Трудно было найти в Красной Армии крупных военачальников, которые бы были против сокращения ее для мирного времени с одновременным улучшением качества, повышения ее боеспособности. Всем было ясно, что в еще не оправившейся от разрухи стране следует изыскивать возможности более рационального использования военного бюджета. Сам же он, конечно же, должен быть сокращен из-за общей скудости бюджетных средств и бедности страны. Взгляды М.Тухачевского на то, какой должна быть Красная Армия, были давно известны военной общественности и руководству РККА.

Он, еще с 1921 году, утверждал, что Красная Армия должна быть постоянной, высокопрофессиональной и в мирное время – небольшой. По мнению М.Тухачевского, эту армию целесообразно комплектовать «классово-однородным» контингентом, всецело преданным делу социализма. В России с преобладающим крестьянским населением армия, укомплектованная крестьянством, политически неблагонадежна. Это и был один из аргументов в пользу небольшой хорошо вооруженной профессиональной армии. Такая армия, в случае наступательной «революционной войны» может быть быстро увеличена за счет представителей, так называемых, «родственных классов» страны, куда вторглись «революционные войска».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевский был категорическим противником «милиционной армии», пропагандистом введения которой в 1921 г. был Л.Троцкий. «Мне пришлось слышать, как ярые проповедники милиционной системы очень уверенно считают себя сторонниками вооруженного могущества РСФСР, - писал М.Тухачевский в январе 1921 г., - и даже не без гордости говорят о «Коммунистическом империализме». Что за смешная мысль! Я бы лично и не стал возражать против милиционной системы, если бы она действительно означала «Коммунистический империализм». Вся беда в том, что эта система повлечет за собой «Коммунистическое пораженчество». Провести у нас милиционную систему – это значит распять Советскую республику»[1250]. Отрицательное отношение к «милиционной системе» сохранились у М.Тухачевского и к 1926 году. В достаточно завуалированной форме он выражает свое критическое отношение к проведенной реформе РККА с переводом ее на смешанную, кадрово-милиционно-территориальную систему. «Территориальная система имеет отношение к всеобщему военному обучению, - писал М.Тухачевский в январе 1926 г., вскоре после смерти М.Фрунзе и своего вступления на должность начальника Штаба РККА. – Однако, применяя методы казарменного и внеказарменного воспитания, можно было бы достигнуть тех же самых результатов и без территориальной системы»[1251]. Таким образом, М.Тухачевский в период военной реформы оставался противником перевода армии на смешанную кадрово-территориальную систему. Он, по-прежнему, оставался ярым сторонником «революционной экспансии» силами Красной Армии.

М.Тухачевский еще в 1920 г. достаточно решительно и резко выразил свое отрицательное отношение к институту военных комиссаров и революционных военных советов в войсках. «Ревсоветы – это бельмо на глазу нашей стратегии, сами себя изживают в доказательство того, что существование их противоречит сути дела», - писал он в январе 1920 г.[1252] Эту позицию он сохра-

---

[1250] Тухачевский М.Н. Красная Армия и милиция. - Смоленск, 1921. – С. 20.
[1251] Тухачевский М.Н. Ленинское в терсистеме. //Красная Звезда. – 1926. - 21 января. См. также: Тухачевский М.Н. Избранные произведения. - М., 1964. - С. 271.
[1252] Тухачевский М.Н. Политика и стратегия в гражданской войне. //Революционный фронт. – 1920. - № 2. – С. 16.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нял и после гражданской войны, и в 1927 г.[1253] Таким образом, М.Тухачевский был за введение единоначалие, и как можно скорее. Однако, в период проведения военной реформы М.Тухачевский, в силу своего служебного положения, занимался особенно близко и непосредственно двумя вопросами реформы: реорганизацией Штаба РККА и повышением боеспособности стрелковых частей, так называемой, «реальной пехотой». Эти две проблемы, в его видении органично взаимосвязанные – структура высшего руководства армией и боевая подготовка (боеспособность) - сквозной линией проходят во всей его деятельности вплоть до 1937 года.

...Еще в августе 1921 года в своей статье «Новые силы», посвященной первому выпуску «красных генштабистов» из Академии Генерального штаба, М.Тухачевский выступал против «многоначалия в Красной Армии» и за «объединение разрозненных функций в одном, вполне авторитетном учреждении, построенном на вполне авторитетном в революционном отношении, составе работников Генерального Штаба» [1254]. М.Тухачевский считал условиями, оптимальными для управления Красной Армией – ликвидацию РВСР, ПУР и прочих учреждений и создание, вместо них, Генерального Штаба, который должен вобрать в себя все их функции. Для проведения такой реорганизации, онполагал необходимым заменить старых спецов-генштабистов, новыми, «красными генштабистами», рожденными в недрах революционной армии. Так, по его мнению, можно будет ликвидировать главное зло Красной Армии – многоначалие. Многоначалие это находило свое выражение, по мнению М.Тухачевского, выраженному в других его статьях, в господстве комиссарского контроля над командирами, в том числе над работниками Генерального штаба. Он отстаивал идею единого Генерального Штаба, в который бы на правах одного из управлений или отделов входил ПУР и отдельные функции РВСР[1255]. Иными словами, уже тогда было ясно, что М.Тухачевский (учитывая взгляды по различным вопросам организации управления РККА) считал что вся полнота управления ар-

---

[1253] Петров Ю. Тщетные потуги идеологов империализма. //Военно-исторический журнал. – 1969. - № 1. – С. 49.
[1254] Тухачевский М.Н. Новые силы. //Красная Армия. - № 3-4. - С. 5.
[1255] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мией должна быть сосредоточена в Генеральном Штабе, а ПУР и РВС следует упразднить. М.Тухачевский считал, что эффективность управления и политическая благонадежность Генерального Штаба достигается укомплектованием его «молодыми генштабистами», «революционного происхождения»[1256].

Таким образом, противоречия между М.Тухачевским и политическим руководством носили не столько персональный, сколько концептуально-принципиальный, можно сказать, «военно-доктринальный» характер. Не продвижение на должность заместителя Председателя РВС СССР М.Фрунзе и отставка Э.Склянского были причиной противостояния. Арест М.Тухачевского происходил по инициативе других лиц, а не М.Фрунзе и направлен он был, в частности, и на ослабление политических позиций нового заместителя наркома. Свое отношение к «делу Тухачевского» М.Фрунзе выразил решительно и предельно ясной резолюцией: «Партия верила тов. Тухачевскому, верит и будет верить»[1257].

...Результаты «переворота» в Красной Армии были обозначены в кадровых перемещениях, проведенных в конце марта-апреле 1924 г. Они получили свое красноречивое выражение в персональном составе новой номенклатурной советской военной элиты. Он был следующим:

	Фамилия, имя, отчество.	Год Рождения	Национальность	Социальное происхождение	Образование	Чин в старой армии	В РККА В военн. элите	Должность	Партийность
1.	**Фрунзе Михаил Васильевич**	1885	молдованин	Сын фельдшера	Политехническом институте		1918 1919	Зам.Пред. РВС СССР и НКВМ Нач. Штаба РККА (11.3.1924)	РКП(б)
2.	**Тухачевский Михаил Николаевич**	1893	Русский	Из дворян (13 в.)	Причислен к ГШ	Подпор капитан лейб-гвардии	1918 1920	Пом. Нач. Шт. РККА (1.4.1924)	РКП(б)
3.	Шапошников Борис Михайлович	1882	Русский	Из мещан	АГШ	Полковник ГШ	1918 1921	Пом. нач. Шт. РККА	Б/п
4.	**Каменев Сергей Сергеевич**	1881	русский	Сын офицера	АГШ	Полковник ГШ	1918 1918	Инспектор РККА (1.4.1924)	Б/п
5.	**Петин Нико-**	1876	Русский	Из дво-	АГШ	Пол-	1918	Нач.	Б/п

[1256] Тухачевский М.Н. Новые силы. С. 5-6.
[1257] Викторов Б. «Заговор» в Красной Армии. Записки военного прокурора. – Правда, 1988, 27 апреля, с. 3.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

	лай Николаевич			рян		ковник ГШ	1919	УРККА (1.4.1924)	
*6**	***Пневский Николай Вячеславович***	1875	Поляк (обрусевший)	Из дворян (16 в.)	АГШ	Ген-м. ГШ	1918 1924	Пом. Нач. УРККА (1.4.1924)	Б/п
*7**	***Ефимов Николай Алексеевич***	1897	русский	Из служащих		Подпоручик в/в	1918 1924	Нач.Упр. начсостав. (из ГПУ) (1.1924)	РКП(б)
*8**	***Уншлихт Иосиф Станиславов.***	1879	поляк	Из служащих			1923 (из ГПУ) 1923	Нач. Упр. Снаб. РККА (1.4.1924)	РКП(б)
*9**	***Якир Иона Эммануилович***	1896	еврей	Сын провизора	Базельский ун-те		1918 1924	Нач. УВУЗ РККА (1.4.1924)	РКП(б)
*10**	***Садлуцкий Владимир Константинович***	1885	Поляк (обрусевший)	Сын офицера		Подполковник артиллерии	1918 1924	Нач. ГАУ (1.4.1924)	РКП(б)
*11**	***Халепский Иннокентий Андреевич***	1893	поляк	Сын портного			1918 1924	Нач. ВТУРККА (1.4.1924)	РКП(б)
12.	**Корк Август Иванович**	1887	эстонец	Из крестьян	АГШ	Подполковник ГШ	1918 1922	Ком. Зап.ВО 26.3.1924	Б/п
13.	*Кук Александр Иванович*	1886	эстонец	Из крестьян	АГШ	Капитан ГШ	1918 1923	Нач. штаба Зап.ВО 15.9.1923	Б/п
14.	Чернавин Всеволод Владимирович	1859	русский	Из дворян	АГШ	Ген-л. ГШ	1918 1922	Пом. коман. Зап.ВО	Б/п
15.	**Егоров Александр Ильич**	1883	русский	Из мещан	Причислен к ГШ	полковник	1918 1919	Ком. ВСУК УВО 4.1924	РКП(б)
16.	Эйдеман Роберт Петрович	1895	латыш	Сын учителя		Подпоручик в/в	1918 1922	Пом. Ком. ВСУК УВО	Эсер-макс. РКП(б)
*17**	***Паука Иван Христофоров.***	1883	латыш	Из мещан	АГШ	Подполковник ГШ	1918 1924	Нач. штаба ВСУК УВО 4.1924	Б/п
18.	**Пугачев Семен Андреевич**	1889	русский	Сын учителя гимназ.	АГШ	Капитан ГШ	1918 1920	Ком. ОКА (4.1924)	Б/п
19.	Кузнецов Борис Иннокентьевич	1889	русский	Сын офицера	АГШ	Капитан ГШ	1918 1923	Нач.штаба ОКА	Б/п
20.	**Левандовский Михаил Карлович**	1890	поляк	Сын унтерофицера		Штабкапитан	1918 1921	Ком. Турк фронт. (4.1924)	Эсер-макс. РКП(б)
21.	*Восканов Гаспар Карапетович*	1886	армянин	Из дворян		Подполковник	1918 1923	Пом. Ком. Туркфронт. (8.1923)	РКП(б)
*22**	***Камкин Николай Иванович***	1889	русский	Из мещан	АГШ	Штабкапитан ГШ	1918 1924	Вр.Нач. шт. Туркфронт. (25.4.1924)	Б/п
23.	**Уборевич Иероним Петрович**	1896	литовец	Из крестьян	Причислен к ГШ	Подпоручик артил. в/в	1918 1922	Ком.5 арм. (1.2.1924)	РКП(б)
24.	**Ворошилов Клемент Еф-**	1881	русский	Из рабочих			1918 1921	Ком. МВО (4.1924)	РКП(б)

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

	ремович								
*25 *	***Базилевич Георгий Дмитриевич***	1889	русский	Из крестьян		подполковник	1918 1924	Пом. МВО (4.1924)	РКП(б)
26.	**Перемытов Алексей Макарович**	1888	русский	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918 1921	Нач. штаба МВО (4.1924)	Б/п
27.	**Гайлит Ян Петрович**	1894	латыш	Из крестьян		Подпоручик в/в	1918 1923	Ком. СибВО (4.1924)	РКП(б)
28.	Молкочанов Михаил Васильевич	1877	русский	Из мещан	АГШ	Подполковник ГШ	1918 1922	Нач. штаба СибВО	Б/п
29.	**Муралов Николай Иванович**	1877	русский	Из служащих	_	солдат	1918 1919	Ком. СКВО (4.1924)	РКП(б)
30.	*Великанов Михаил Дмитриевич*	1893	русский	Сын священника		Поручик в/в	1918 1923	Пом.ком. СКВО (12.1923)	РКП(б)
31.	**Алафузо Михаил Иванович**	1891	русский	Сын офицера	АГШ причис. ГШ	Капитан	1918 1921	Нач. штаба СКВО (4.1924)	Б/п
32.	Гиттис Владимир Михайлович	1880	Латыш (обрусевший)	Из мещан		Полковник	1918 1919	Ком. ПВО	Б/п
33.	Шорин Василий Иванович	1870	русский	Из мещан		полковник	1918 1919	Пом.ком. ПВО	Б/п
34.	Энден Михаил Михайлович	1887	немец	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918 1922	Нач. штаба ПВО	Б/п
35.	**Седякин Александр Игнатьевич**	1893	русский	Из крестьянучитель		Штабкапитан в/в	1918 1923	Ком. ПриВО (1.2.1924)	РКП(б)
36.	**Артемьев Константин Петрович**	1883	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Подполковник ГШ	1918 1922	Нач. штаба ПриВО (11.1923)	Б/п
37.	Панцержанский Эдуард Самуилович	1887	поляк	Из дворян		Лейтенант флота	1918 1921	Ком. Мор. Сил.Республики	Б/п
38.	Домбровский Александр Васильевич	1882	поляк	Из дворян	МА	Капитан 1 ранга	1918 1921	Нач. штаба Мор. сил Республики	Б/п
39.	Викторов Михаил Владимирович	1892	русский	Из дворян		Лейтенант флота	1918 1921	Ком. морс. Сил.Балтийского моря.	Б/п
40.	Векман Александр Карлович	1884	немец	Из дворян		Капитан 2 ранга	1918 1921	Ком. мор. Сил. Черн. Моря	Б/п
41.	Розенгольц Аркадий Павлович	1889	еврей	Из мещан			1918 1923	Нач. УРККВФ	РКП(б)
42.	*Петрожицкий Иван Иосифович*	1892	поляк	Из служащ.		Подпоручик в/в	1918 1923	Зам. Нач. УРККВФ (12.1923)	РКП(б)
43.	*Меженинов Сергей Александрович*	1890	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Капитан ГШ	1918 1921	Нач. штаба УРККВФ (8.1923)	Б/п

Примечания: звездочкой и курсивом обозначены лица, введенные в номенклатуру военной элиты весной 1924; курсивом без звездочки обозначены лица, получившие свои назначения после марта 1923; жирным шрифтом даны фамилии «генералов» получивших назначения в марте-апреле 1924.

Из 43 «генералов» в возрасте до 30 лет было 5(11,6%); от 31 до 40 лет – 23 (53,5%); от 41 до 50 лет – 13 (30,2%); свыше 50 лет – 2 (4,6%). Средний возраст «генералов» - 38 лет.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В этно-культурном отношении из 43 «генералов»: 22 русских (51,1%); 9 «польско-литовского» происхождения, включая И.Уборевича (ок.21%); 4 латыша (9,3%); 2 эстонца (4,6); 2 еврея (4,6); 2 немца (4,6%); 1 молдованин (2,3%); 1 армянин (2,3%). Таким образом, свыше 70% «генералов» принадлежали к «русско-православной» и «польско-католической» этно-культурным группам.

По социальному происхождению из 42 «генералов»: 11 дворян (в том числе 4 из древних фамилий) (25,6%); 4 офицерских детей (9,3%); 9 мещан (21%); 7 из «служилой интеллигенции» (16,3%);2 из семьи ремесленника (4,6%); 1 из унтер-офицерских детей (2,3%); 1 из семьи священника (2,3%); 6 из крестьян (ок.14%); 2 из рабочих (4,6%).

29 (67,4%) «генералов» были кадровыми офицерами. В их числе: 2 генерала (4,6%); 15 штаб-офицеров (34,9%); 12 обер-офицеров (27,9%). В их числе – 5 членов РКП (б) (11,6% от группы). 18 «генералов»(ок.42%) окончили Академию Генерального штаба. 2 офицера были «причислены к Генштабу» (4,6%). 6 «генералов» – офицеры военного времени (ок.14%). Все они являлись членами РКП (б). Среди них – один «причислен к Генштабу» без высшего военного образования (2,3%). 2 «генерала» из солдат (4,6%). Все члены РКП (б). 6 «генералов» в армии не служили (ок.14%). Все члены РКП (б). Всего членов РКП(б) – 20 (46,5%).

Кадровые перестановки, проведенные весной 1924 г. затронули 56% состава военной элиты, а вместе с кадровыми перестановками лета-осени 1923 г. – 67,5%. Иными словами, около 70% военной элиты поменяли свои должности. При этом в состав военной элиты с лета 1923 по весну 1924 гг. было введено 16 (св.32%) новых «генералов», в том числе 9(20,9%) в 1923 и 7(16,3%) – в 1924 г. Таким образом, военная элита была обновлена примерно на треть и большей частью еще летом-осенью 1923 г. во время ее «чистки».

В результате проведенных кадровых перестановок и введения в состав военной элиты новых «генералов» ок.25% военной элиты была представлена «креатурами» тех или иных представителей партийной элиты или находились

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

под ее покровительством. Следовательно, эти «генералы» были уже тем самым скованы в принятии и осуществлении самостоятельных военно-политических решений.

Таким образом, по сравнению с маем 1922 г. и январем 1924 г. произошли существенные социо-культурные изменения в составе военной элиты. В этнокультурном отношении значительно сократилось число «русских» среди «генералов»: с 60% в марте 1923 г., до 56,5% - в январе 1924 г. и до 51% - в апреле 1924 г. Наполовину сократилось и число немцев среди «генералов».

По сравнению с мартом 1923 г. сократилось число «генералов» из дворян: с 37% в марте 1923 г., до 34,8% - в январе 1924 г. и до 25,6% - в апреле 1924 г. В целом наблюдается тенденция к снижению общего % «генералов» из «образованных слоев» (офицерские дети, из семей служилой интеллигенции и дворян). По сравнению с мартом 1923 г. (58,7%) он понизился до 51,2% в апреле 1924 г., хотя по-прежнему «генералы», происходившие из указанных слоев общества составляли большей половины всей военной элиты.

Произошли заметные изменения в составе военной элиты по военно-образовательному уровню. Если в марте 1923 г. кадровые офицеры среди «генералов» составляли 80%, то в январе 1924 г. их было уже 74%, а в апреле 1924 г. – 67,4%. Особенно же заметно было резкое уменьшение доли «генштабистов» в составе военной элиты. В марте 1923 г. их было 54,4%, в январе 1924 г. – 50%, а в апреле 1924 г. - 42%. Таким образом, по сравнению с мартом 1923 г. «генштабисты» сократились на 12,4%. В то же время возросло число «генералов»-членов РКП (б). В марте 1923 г. их было в составе военной элиты 24%, в январе 1924 г – 30,4%, а в апреле 1924 г. – 46,5%, т.е их доля возросла на 22,5%.

Можно сказать, что в результате произведенного «переворота» в Красной Армии в социально-политическом отношении военная элита стала более «благонадежной», однако за счет резкого снижения уровня профессиональной подготовки и образованности.

…Впрочем, начатые в январе-апреле 1924 г. кадровые «метаморфозы» и армейские реформы лишь открыли новый, «переходный» период политической

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

и военно-политической нестабильности. 17 апреля 1924 года в Москву из длительного отпуска возвратился Л.Троцкий, Председатель РВС СССР и Наркомвоенмор, а 7 мая он выступил в Военной Академии РККА с докладом «Наши военные задачи», в котором он много говорил об «уставе гражданской войны» и реорганизации армии. В частности, рассуждая об организации и реорганизации армии, Л.Троцкий сослался на опыт М.Тухачевского в 1918 году при организации и боевой подготовке 1-й революционной армии, признавая его правильным и положительным[1258]. В устах «вождя Красной Армии» упоминание М.Тухачевского в таком контексте несомненно имело политическое звучание: М.Тухачевский как организатор вооруженной силы, с которого следует брать пример. М.Тухаческий – это образец. Примечательным было в этом докладе и обращение к проблеме «устава гражданской войны».

Напомню, что в 20-е гг. бесспорным для всей армейской общественности было признание М.Тухачевского главным теоретиком «революционной», «классовой», «гражданской» войны. Он был автором «доктрины гражданской войны». Он, можно сказать, был «живым военным классиком» для революционной Красной Армии. Известно также и то, сколь активно, достаточно резко, хотя и вполне корректно, Л.Троцкий и его сторонники в военном ведомстве в 1921-1922 гг. критиковали взгляды М.Тухачевского и его единомышленников по вопросу как раз «революционной войны». Тогда Л.Троцкий даже бросил слегка завуалированный анонимный намек, однако явно ориентировавший читателя и слушателя на М.Тухачевского, что из «революционной войны» вырос «бонапартизм»[1259]. Иными словами, именно Л.Троцкий в завуалированной форме квалифицировал М.Тухачевского и его единомышленников как «бонапартистов». Теперь же сам Л.Троцкий заявил о принятии теории «революционной», «гражданской войны», «бонапартизма» М.Тухачевского и заявил о необходимости разработки соответствующего «Устава». Это, вне всякого сомнения, реверанс в сторону М.Тухачевского и его «любимого детища».

[1258] Троцкий Л. Наши военные задачи (основные мысли доклада т.Троцкого в академии РККА 7 мая 1924 г.). – Красная Звезда, 1924, № 103.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

29 июля 1924 года на заседании правления ВНО при Военной академии РККА Л.Троцкий выступил с большим докладом на тему: «Вопросы гражданской войны»[1260]. Не буду останавливаться на детальном анализе содержания этой речи и ее идеологии, однако считаю необходимым обратить внимание на несколько весьма существенных и знаменательных ее положений. Рассуждая о необходимости разработки «Устава гражданской войны», Л.Троцкий возвращается к революционным событиям в Германии в 1923 г. Нет нужды пояснять, что этот экскурс понадобился Л.Троцкому в связи с обострением внутрипартийной борьбы между ним и «тройкой» в лице И.Сталина, Г.Зиновьева и Л.Каменева. Выступая на заседании ВНО при Военной академии РККА, Л.Троцкий, таким образом, обращался к «революционным генералам». «Наш устав, - прямо говорил Л.Троцкий, - должен быть в первую голову предназначен для руководящих кадров, для командного состава революции»[1261]. Он объяснял причины неудачи «немецкого Октября» - «великого поражения», по его выражению - и указывал виновников этой неудачи. Л.Троцкий утверждал, что «в Германии политика партии толкнула шар в сторону поражения»[1262]. Себя же он относил к той части высшего политического руководства, которая с «пораженческими настроениями» (И.Сталина, Г.Зиновьева) была несогласная. «Исключительная и беспримерная революционная ситуация сошла на нет, - объяснял он, - ...потому, что политика не получила в необходимый момент необходимого продолжения другими, т.е. вооруженными средствами»[1263]. И в качестве своеобразного вывода из неудачного опыта «немецкого Октября» Л.Троцкий делал совершенно конкретный в военно-политическом смысле вывод: «Мы должны уметь сочетать навязанную нам оборонительную войну Красной Армии с гражданской войной в стане наших врагов. В этом смысле устав гражданской войны должен стать одним из необходимых элементов военно-революционной учебы учебы высше-

---

[1259] Троцкий Л. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. //Военная наука и революция. – 1921. - № 2. - С. 223.
[1260] Красная Звезда. – 1924. - 21 августа.
[1261] Красная Звезда. - 1924. – 22 августа.
[1262] Красная Звезда. – 1924. – 23 августа.
[1263] Красная Звезда. - 1924. – 24 августа.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

го типа»[1264]. Этот вывод был вполне созвучен многим положениям концепции «революционной войны» и «революции извне» М.Тухачевского 1920-1923 гг.

Вскоре после выступления Л.Троцкого на заседании правления ВНО, 13 августа 1924 г. приказом РВС СССР М.Тухачевский назначается Главным руководителем всех военных академий по стратегии. Иными словами, отныне именно «стратегическая доктрина Тухачевского» и становится, по сути дела, официальной для Красной Армии. Реакция М.Тухачевского на выступление Л.Троцкого и на свое новое назначение нашла выражение в «Красной Звезде» в его заметке «Съезд ВНО».

«В 1922 году мы имели в ВНО новую большую дискуссию о применении марксизма к военному делу, - писал М.Тухачевский, - но ряды на этот раз перепутались, а самая дискуссия заглохла, не будучи доведенной до конца. Тов. Троцкий выступил, между прочим, с критикой легкомысленного применения марксизма к основам военного дела. Надо сказать, что это здоровое начинание имело и печальные последствия: дискуссия, не будучи доведенной до конца, создала впечатление, что теория марксизма вообще неуместна в военно-научных вопросах. Сейчас, новые работы ВНО, начатые по инициативе тов. Троцкого, кладут конец этим сомнениям»[1265]. Примечательна очевидная многим «деликатность», с которой М.Тухачевский не сказал прямо, что именно Л.Троцкий тогда отвергал идею применения марксизма к военному делу. На этом выстраивал свою теорию М.Тухачевский. В то же время, теперь, он представил Л.Троцкого, тоже нарочито, как «предводителя» сторонников «революционной войны» (применения марксизма к военному делу). В этих обстоятельствах 25 августа 1924 г. Л.Троцкий при поддержке М.Тухачевского принял решение о созыве 1-го съезда ВНО 15 ноября 1924 г. Главным предметом обсуждения на этом съезде был вопрос об «Уставе гражданской войны». Иными словами, Л.Троцкий, явно стремясь опереться на поддержку М.Тухачевского, известного апологета «революционной войны», полагал возможным развернуть политическую критику И.Сталина и Г.Зиновьева, как главных виновников по-

[1264] Красная Звезда. – 1924. – 24 августа.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ражения «германского Октября» из-за неумения организовать «революцию». Именно этот вопрос и являлся основой «Устава гражданской войны». Характерен подбор основных докладчиков на предстоящем съезде ВНО: Л.Троцкий, М.Тухачевский, Н.Муралов[1266].

Едва заметный реверанс в сторону Л.Троцкого в связи с вопросом о так называемом «уставом гражданской войны» сделал и командующий Вооруженными силами Украины и Крыма А.Егоров. В одной из бесед с корреспондентом «Красной Звезды в октябре 1924 г. А.Егоров положительно высказался о намеченном съезде ВНО. Рассуждая о реорганизации Красной Армии, он обращал внимание на «вопросы боевой подготовки и особенно выработки новых уставов». А.Егоров заявил, что эта проблема должна быть «включена в повестку дня съезда. В частности, следовало бы обсудить вопросы об уставе гражданской войны»[1267].

В связи с вышесказанным следует обратить внимание еще на несколько очень важных фактов, уже организационного характера. Несколько ранее, 18 июля 1924 г. М.Тухачевский назначается заместителем начальника Штаба РККА и в тот же день – исполняющим обязанности начальника Штаба РККА. И это не было связано с отъездом М.Фрунзе. Изъятие руководства Штаба РККА у М.Фрунзе и передача его М.Тухачевскому не было мотивировано текущими обстоятельствами. Это, как мне представляется, было очевидным признаком политического «заигрывания» Л.Троцкого с М.Тухачевского в стремлении перетянуть последнего на свою сторону в последней попытке Л.Троцкого выиграть «бой» за Красную Армию.

Похоже на то, что ряд кадровых перемещений, в частности, в Западном военном округе, преследовали ту же цель и являлись одним из средств сближения Л.Троцкого с М.Тухачевским. Имеется в виду назначение А.Павлова помощником командующего Западным военным округом (5.6.1924), назначение П.Шаранговича помощником начальника штаба Западного военного округа

[1265] Тухачевский М. Съезд ВНО. //Красная Звезда. – 1924. - 17 августа.
[1266] Красная Звезда. - 1924. - 27 октября.
[1267] Красная Звезда. – 1924. - 23 октября.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

(7.7.1924), назначение Э.Вилумсона помощником начальника снабжения Западного военного округа, назначение К.Неймана командиром 4-го стрелкового корпуса (5.6.1924), назначение С.Вострецова командиром 27-й стрелковой дивизии (10.7.1924), назначение С.Бежанова-Сакварелидзе помощником начальника штаба ВСУК и УВО (7.7.1924), развертывание 7-й кавалерийской дивизии Г.Гая в 3-й кавалерийский корпус под его же командованием и с назначением в качестве начальника штаба С.Верховского. В контексте этой же военной политики, очевидно, следует рассматривать временную «отставку» И.Уборевича в июне 1924 г., как «сталинской креатуры», и назначение новых командующих ВВС: в МВО – И.Павлова (7.1924), в УВО – Ф.Ингауниса (9.1924). Все это означало укрепление Западного военного округа бывшими близкими соратниками М.Тухачевского, «ветеранами» 27-й дивизии, 5-й армии и Западного фронта. Это было очевидное укрепление позиций М.Тухачевского.

Совет по подготовке РККА, определенный в июле 1924 г., красноречиво свидетельствует о том, кто персонально оказался в составе неформальной военной элиты. Это:

1.М.Фрунзе (председатель) - заместитель Председателя РВС СССР и наркома.

2.С.Каменев - Инспектор РККА.

3.П.Лебедев - бывший начальник Штаба РККА.

4.А.Бубнов - начальник ПУР.

5.Н.Петин - начальник Управления РККА.

6.М.Тухачевский - заместитель и и.о. начальника Штаба РККА.

7.Б.Шапошников - помощник начальника Штаба РККА.

8.Р.Муклевич - военный комиссар Военной академии РККА.

9.И.Якир - начальник УВУЗ РККА.

10.А.Розенгольц - начальник Управления ВВС РККА.

11.С.Меженинов – начальник штаба Управления ВВС РККА.

12.Э.Панцержанский – начальник ВМС РККА.

13.В.Зоф – военный комиссар ВМС РККА.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

14.В.Путна – начальник Управления войсковой подготовкой при Инспекторе РККА.

15.В.Селицкий – от инспектора кавалерии РККА.

16.С.Венцов-Кранц – начальник 2-го (Организационно-мобилизационного) правления Штаба РККА.

17.А.Вольпе – ответственный секретарь[1268].

18.Воронин, член РВС ЛВО – введен в состав Совета в августе 1924 г.

Примечательно, что на третьем месте по-прежнему оставался «опальный» П.Лебедев, официально считавшийся на пенсии и в отставке, а на 6-м – «опальный» М.Тухачевский. Примечательно также и то, что ответственным за подготовку кавалерии был выдвинут не инспектор этого рода войск С.Буденный, а военспец В.Селицкий. Обращает на себя внимание и включение в состав Совета (элиты) В.Путны и С.Венцова-Кранца. По номенклатуре должностей это были лица «второго ряда».

…В результате кадровых перестановок, проведенных в мае-августе 1924 г., состав номенклатурной военной элиты почти не изменился. В нее были введены лишь три новых «генерала»: В.Левичев, А.Павлов и Б.Кондратьев и выведены Н.Петин и И.Уборевич. Существенно другое: повысился должностной статус М.Тухачевского. Он стал фактическим начальником Штаба РККА. Его позиции укрепились также включением в номенклатуру военной элиты А.Павлова. Это усилило позиции и влияние М.Тухачевского в Западном военном округе.

В то же время исключение из военной элиты Н.Петина и И.Уборевича должно было несколько ослабить позиции А.Егорова. Однако включение в состав элиты В.Левичева, пожалуй, должно было даже несколько их укрепить. В.Левичев, считавшийся близким к А.Егорову человеком, представлялся более управляемым, чем склонные к независимой позиции Н.Петин и И.Уборевич.

С учетом указанных кадровых перестановок и определенной «радикализации» военно-политических ориентиров, очевидно, была предпринята в начале

[1268] Военный вестник. – 1924. - № 27.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сентября 1924 г. поездка М.Тухачевского «по делам службы в Западный военный округ»[1269]. В это же время в Минск выехал и С.Буденный[1270].

Похоже, что эти поездки М.Тухачевского и С.Буденного проходили в контексте не только вышеочерченной «новой» военной политики Л.Троцкого, но и событий, смутное, и отчасти «апокрифическое» отражение которой обнаруживается в воспоминаниях Г.Беседовского. Находясь в центре «дипломатической кухни» он вспоминал о том, что в 1924 г. в условиях ущемления национально-культурных прав украинского и белорусского населения в той части Украины и Белоруссии, которые находились в составе Польши, было заметно нарастающее социальное возбуждение, чреватое открытым восстанием. Оно в значительной мере подготавливалось и работниками Коминтерна, Разведупра Штаба РККА, ИНО ОГПУ. «...Кое-кто из руководителей советской политики мечтал о том, - писал Г.Беседовский, - чтобы использовать такое восстание на манер знаменитой инсценировки Орджоникидзе, захватившего демократическую Грузию. Высказывались соображения (их особенно поддерживал покойный Фрунзе, игравший, не в пример ничтожному Ворошилову, большую роль в Политбюро), что под шумок такого восстания можно нанести Польше короткий военный удар, дойдя до линии Буга и закрепившись на ней, то есть восстановить линию Керзона. Главная работа с этой целью производилась органами Разведупра, создавшими вдоль польско-советской границы ряд специальных пунктов. Эти пункты, во главе которых одно время стоял талантливый красный генерал Семенов (это был одессит, по фамилии Шалит), создали на польской Волыни большую боевую организацию, включавшую в свои ряды около десяти тысяч человек. Организация эта была создана по военному образцу: она делилась на полки, батальоны и роты, которые должны были служить кадрами развернутых повстанческих частей после первых успехов восстания. Всю работу по созданию этой организации провел Разведупр с согласия и под руководством Фрунзе, причем, как во всех, впрочем, странах, советское военное ми-

[1269] Красная Звезда. - 1924. - 25 сентября.
[1270] Красная Звезда. – 1924. - 2 сентября.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нистерство и не подумало согласовывать этого вопроса с Комиссариатом иностранных дел»[1271].

Эта ситуация, в то же время, внушала оптимизм в плане своего «военного решения» и соответствующими антипольскими настроениями в Германии и в германских правительственных кругах. Официальные дипломатические представители Германии зондировали «почву» среди советского руководства на предмет совместного с Германией «оттеснения Польши в этнографические границы»[1272] путем вооруженного вмешательства. В такой обстановке важным подспорьем оказывался так называемый «виленский вопрос». Он служил причиной хронически нестабильных и враждебных отношений между Польшей и Литвой, толкавших последнюю на сторону Германии и СССР.

Напряженная обстановка сохранялась в сентябре и в октябре 1924 г. М.Тухачевский оставался в Западном военном округе до конца октября 1924 г.[1273] В октябре на юго-западную границу выехал и М.Фрунзе[1274]. В связи со сложившейся ситуацией пришлось перенести открытие съезда ВНО с 15 ноября на середину декабря 1924 г. из-за отсутствия председателя организационной комиссии по созыву этого съезда М.Тухачевского[1275].

Проведенные кадровые перестановки почти не изменили персональный состав номенклатурной военной элиты. Они свидетельствуют о попытках вновь вернуться к парадигме «революционной войны» в военно-политических вопросах, что само собой должно было вновь сместить доминанту в постановке и решениях политических проблем от «политиков» к «генералам». Косвенным образом на это указывает фактическое возвращение М.Тухачевского на Западный фронт, назначение его Главным руководителем по стратегии всех академий РККА при сохранении за ним должности помощника начальника Штаба РККА. На это же указывает и проведенное несколько ранее назначение А.Павлова на должность помощника командующего Западным военным округом.

[1271] Беседовский Г. На путях к Термидору. - С. 123-124.
[1272] Ахтамзян А. Рапалльская политика. - М., 1974. - С. 132-133.
[1273] Красная Звезда. - 1924. - 11 октября.
[1274] Красная Звезда. – 1924. - 14 октября.
[1275] Красная Звезда. - 1924. - 11 октября; 27 октября.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

...Однако нанесение «короткого удара» по Польше с тем, чтобы «оттеснить Польшу в ее этнографические границы», натолкнулось, как и прежде на неготовность Красной Армии к такому «предприятию». Военно-реваншистские настроения советского генералитета приходилось сдерживать: на ноябрьско-декабрьском пленуме РВС СССР 1924 г. М.Фрунзе успокаивал своих коллег: «Нужно подождать, нужно иметь передышку.... Если бы встала задача выступления на поле сражения, мы должны сказать, что это нам сейчас не под силу.... И надо надеяться, что в текущем году будут более крупные достижения»[1276]. Это обстоятельство вновь переместило доминанту споров и дискуссий в руководящее звено РККА. Вновь острому обсуждению подверглись вопросы о методах и способах решения проблемы боевой подготовки Красной Армии.

Напомню, что приказом М.Фрунзе от 23 марта 1924 г. прежний Штаб РККА был разделен на три части: собственно Штаб РККА, Управление РККА и Инспекторат РККА. Такое дробление единого Штаба РККА было осуществлено для совершенствования руководства войсками. Однако думается, что, прежде всего, такое реформирование Штаба РККА было вызвано соображениями политическими. Преследовалась цель – резко уменьшить политическую роль Штаба РККА и, ослабив его влияние на дела, превратить Штаб РККА в технический, даже, бюрократический аппарат[1277]. В соответствии с реорганизацией от 23 марта 1924 г., компетенция Штаба РККА была значительно урезана. Штаб РККА был разделен на три части: собственно Штаб РККА, функции которого

[1276] Фрунзе М.В. Доклад «Об итогах реорганизации Красной Армии». - Опубликован в Военно-историческом журнале. – 1966. - № 8. -. 68.

[1277] Дело в том, что до 23 марта 1924 г. руководство РККА осуществлялось по следующей схеме и на основе следующей структуры: во главе всего ведомства находился РВС СССР, которому подчинялись Наркомат по военным и морским делам. В свою очередь, Наркомату подчинялся Главком, Штаб РККА, Главное артиллерийское управление РККА, Главное военно-инженерное управление РККА, Главное управление воздушного флота РККА, Инспекция при РВС СССР, Главный начальник снабжения РККА, Военно-финансовый отдел, ПУР РККА, ГУВУЗ РККА, Военно-санитарное управление РККА, ВВРС, Управление делами НКВМ и РВС СССР. В непосредственном подчинении Главкома находились: Штаб РККА, Главный начальник Военно-учебных заведений, начальник артиллерии РККА, начальник инженерных войск, помощник Главкома по кавалерии, военно-санитарная инспекция при Главкоме. Таким образом, Штаб РККА, будучи исполнительным аппаратом НКВМ по организации обороны на всей территории СССР, в то же время, ведал разработкой оперативно-стратегических планов и вопросов по поручению Главкома, т.е. – исполнительным аппаратом и Главкома. Такая структура руководства военным ведомством, это совершенно очевидно, фактически превращала Штаб РККА в главный и решающий элемент данной структуры. От его функционирования зависел и НКВМ и Главком. Укомплектованный беспартийными спецами-генштабистами Штаб РККА обеспечивал и разработку оперативно-стратегических планов, и организационное, и мобилизационное планирование, и разведку, и кадровое обеспечение и боевую подготовку и пр.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

были ограничены исключительно оперативно-плановыми вопросами, Управление РККА, ведавшее всей текущей жизнью армии и Инспекторат РККА, обеспечивавший подготовку войск. Сразу же можно отметить, что Инспекторат, в сущности, являлся преемником упраздненного ведомства Главкома. Поэтому, реорганизация центрального аппарата выглядела как разделение Штаба РККА на две части - Штаб РККА и Управление РККА - а также, лишение Штаба РККА функций исполнительного аппарата НКВМ и Главкома. По сути дела, исполнительный аппарат НКВМ теперь был разделен на три ведомства. То, что такая реорганизация носила умозрительный, бюрократический характер и руководствовалась в первую очередь соображениями политическими, было ясно хотя бы из того, что на практике оказывалось весьма трудно определить функции этих трех управляющих ведомств. Это обстоятельство разжигало трения между ними, усугублявшиеся личными амбициями. Последние приобретали политический оттенок в условиях острой политической борьбы в партийно-политических верхах.

М.Тухачевский, являясь сторонником единого Генерального штаба, стремился, если не в полной мере, то, хотя бы частично, ликвидировать «штабное многовластие». Он считал, что в интересах дела и более эффективной подготовки войск необходимо присоединить Инспекторат к Штабу РККА. Он был поддержан бывшим Главкомом С.Каменевым. Собственно, ключевым аспектом данной проблемы был вопрос о том, кто будет руководить боевой подготовкой войск – Штаб РККА или самостоятельная структура - Инспекторат. Проблема, в общем, так и не была разрешена до конца: 31 октября 1924 г. было решено ввести Инспекторат в состав Штаба РККА, однако, в войсках, в округах, инспекция, включая боевую подготовку, оказалась подчиненной командующему округом, а не начальнику штаба.

Главным оппонентом М.Тухачевского и С.Каменева выступал командующий Вооруженными силами Украины и Крыма А.Егоров. Основная и весьма острая полемика между М.Тухачевским и А.Егоровым по проблеме боевой подготовки Красной Армии и функциональному отношению к ее решению

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Штаба РККА развернулась на расширенном Пленуме РВС СССР 24 ноября-1 декабря 1924 г.

Считая, что функции боевой подготовки армии должны находится в Штабе РККА, а это означало интегрирование Инспектората в структуру Штаба РККА, М.Тухачевский полагал реализацию этого принципа не только в центре, но и в военных округах. «Я утверждаю, - говорил М.Тухачевский, - что командующий всегда будет сидеть в штабе, если у него будет 10 подчиненных инспекторов и будет перегружен этими делами, а войсковой работой некогда будет заниматься»[1278]. По мысли М.Тухачевского, «командующий должен заниматься войсковой работой и строевой»[1279]. В этом его основные функциональные и должностные обязанности. М.Тухачевский считал, что общее руководство боевой подготовкой войск и в округах должен осуществлять штаб военного округа, подчиняющийся как командующему, так и Штабу РККА. «Когда говорят, что для этого есть помощник (командующего округом), то тем же самым противоречат себе, - рассуждал М.Тухачевский. – какая же инстанция лучше – помощник или начальник штаба? Конечно, начальник штаба. В том виде, как мы сейчас хотим его изобразить, мы превращаем его во вредную фигуру, который ничего не будет знать, какие у него войска, на что он может рассчитывать»[1280]. М.Тухачевский достаточно четко определил стурктуру подготовки войск: «Управление ведет повседневную работу, штаб готовит оперативные планы, но на основании конкретной известной обстановки и проводит подготовку войск»[1281].

Оппонировавший М.Тухачевскому командующий ВСУК и УВО А.Егоров считал, что «предложение тов. Тухачевского сведет дело к тому, что, в конце концов, начальник штаба будет ведать всем, и оперативной обстановкой, опирающейся на знание войск, и разработкой планов. По-моему, все принадлежит командующему войсками, а начальник штаба разрабатывает оперативные пла-

---

[1278] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 317.
[1279] Там же.
[1280] Там же.
[1281] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ны»[1282]. Делая выводы из своего выступления, А.Егоров утверждал: «Командующий войсками отвечает за оперативную часть, а не начальник штаба. Линию боевой подготовки в округах не включать в штаб, а... оставить под непосредственной опекой и вниманием» командующего округом[1283].

М.Фрунзе несколько колебался, но потом присоединился к большинству мнений, которые склонялись в сторону А.Егорова[1284]. Это решение было принято на ноябрьско-декабрьском пленуме РВС СССР 1924 г. Победила точка зрения А.Егорова.

К декабрю 1924 г. был проведен ряд кадровых перестановок, выразившися в нижеследующих персональных назначениях:

1.Баранов П.И. – начальник ВВС РККА (с 12.1924).

2.Зоф В.И. – начальник Морских сил РККА (с 12.1924).

3.Уборевич И.П. – помощник командующего и начальник штаба ВСУК и УВО (с 12.1924).

Несомненно, что уступки М.Фрунзе и «тройки» М.Тухачевскому по вопросу о Штабе РККА, а также по «стратегической доктрине» были обусловлены и политическими соображениями: стремлением оторвать его от Л.Троцкого. В этих целях, во-первых, в ноябре 1924 г. открытие съезда было перенесено на декабрь. Во-вторых, принято предложение М.Тухачевского об объединении Штаба РККА и Инспектората (вместе с боевой подготовкой). В-третьих, в начале декабря 1924 г. М.Фрунзе подтвердил назначение М.Тухачевского Главным руководителем по стратегии всех академий РККА. В-четвертых, было принято предложение М.Тухачевского о создании в составе Штаба РККА Управления по исследованию и использованию опыта войн. Наконец, М.Тухачевскому было обещано вернуть командование Западным военным округом, что означало возвращение к активной военной политике на Западе, и ввести его в состав РВС СССР. Что действительно было осуществлено в начале февраля 1925 г. Кроме того, на должность начальника объединенных Штаба

[1282] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 60. Л. 318..
[1283] Там же.
[1284] Там же, Л. 319.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

РККА и Инспектората назначили его сторонника С.Каменева, а заместителем к последнему - «протеже» М.Тухачевского – С.Пугачева.

Были сделаны уступки М.Тухачевскому и в весьма важном вопросе: подготовка к ближайшей наступательной «революционной войне» из Белоруссии. Об этом громогласно под бурные аплодисменты и крики одобрения М.Тухачевский, как командующий Западным военным округом, заявил на 7-м Всебелорусском съезде Советов в Минске в мае 1925 г., призвав правительство Белоруссии «поставить в повестку дня вопрос о войне»[1285].

Это были те ключевые аспекты военно-политической позиции М.Тухачевского. Принятие их политическим и военным руководством позволяло «отсечь» М.Тухачевского от Л.Троцкого и лишить последнего сколько-нибудь существенной поддержки в военной элите. Смещение Л.Троцкого с должности Председателя РВС СССР и Наркома по военным и морским делам 25 января 1925 г. было, наконец, осуществлено. В результате новых масштабных кадровых перестановок состав советской военной элиты в феврале 1925 г. был следующим:

	Фамилия, имя, отчество.	Год Рождения	Национальность	Социальное происхождение	Образование	Чин в старой армии	В РККА в воен. элите	Должность	Партийность
1.	**Фрунзе Михаил Васильевич**	1885	Молдов.	Сын фельдшера	Политех. Ин-т		1918 1919	Пред.РВС НКВМ 1.1925	РКП (б)
2.	**Уншлихт Иосиф Станиславович**	1879	поляк	Из служащ.			1923 (ГПУ) 1923	Зам. Пред.РВС и НКВМ (2.1925)	РКП (б)
3.	**Каменев Сергей Сергеевич**	1881	русский	Сын офицера	АГШ	Полковник ГШ	1918 1918	Нач. Штаба, Инспек. РККА (1.1925)	Б/п
4.	**Пугачев Семен Андреевич**	1889	русский	Сын учителя гимназ.	АГШ	Капитан ГШ	1918 1920	Зам. Нач. Шт. РККА (2.1925)	Б/п
5.	*Левичев Василий Николаевич*	1891	Русский	Из крестьян учитель		Штабс-капитан в/в	1918 1924	Нач. ГУРККА (9.1924)	РКП (б)
6*	***Путна Витовт Казимирович***	1893	Литовец	Из крестьян художн.		Прап. в/в	1918 1925	Пом.нач. ГУРККА (2.1925)	РКП (б)
7.	Ефимов Николай Алексеевич	1897	русский	Из служащих		Подпоручик в/в	1918 1924	Нач. Упр. Начсостав. (1.1924)	РКП (б)

[1285] Стенографический отчет 7 Всебелорусского Съезда Советов. - Минск, 1925. - С. 231.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

8.	**Оськин Дмитрий Прокофьевич**	1892	русский	Из служащ.		Шт-к. в/в	1918 1922	Нач. Упр. Снаб.РККА (2.1925)	РКП (б)
9.	Якир Иона Эммануилович	1896	еврей	Сын провиз.	Базел ун-т		1918 1924	Нач. УВУЗ РККА (4.1924)	РКП (б)
10.	Садлуцкий Владимир Константинович	1885	Поляк (обрусевший)	Сын офицера		П-полк артил.	1918 1924	Нач. ГАУ (4.1924)	РКП (б)
11.	Халепский Иннокентий Андреевич	1893	поляк	Сын портн.			1918 1924	Нач. ВТУ (4.1924)	РКП (б)
12.	**Тухачевский Михаил Николаевич**	1893	русский	Из дворян (13 в.)	прич. ГШ	П-пор. Капит. Л-гв.	1918 1920	Ком. ЗВО (1.1925)	РКП (б)
13.	Кук Александр Иванович	1886	эстонец	Из крестьян	АГШ	Капит. ГШ	1918 1923	Нач.штаба ЗВО (9.1923)	Б/п
14.	*Павлов Александр Васильевич*	1880	белорусс	Из крестьян агроном		Поруч в/в	1918 1924	Пом. Ком. ЗВО (6.1924)	Б/п
15.	Егоров Александр Ильич	1883	русский	Из мещан	Прич. ГШ	полковник	1918 1919	Ком. ВСУ-КУВО (4.1924)	РКП (б)
16	***Авксентьевский Константин Алексеевич.***	1890	русский	Из служащ учитель		Подпоручик в/в	1918 1925	Пом. Ком. ВСУКУВО (2.1925)	РКП (б)
17.	**Меженинов Сергей Александрович**	1890	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Капит. ГШ	1918 1921	Нач. штаба ВСУКУВО (2.1925)	Б/п
18.	**Корк Август Иванович**	1887	эстонец	Из крестьян	АГШ	подполковник ГШ	1918 1922	Ком. ОКА	Б/п
19.	Кузнецов Борис Иннокентьевич	1889	русский	Сын офицера	АГШ	Капит. ГШ	1918 1923	Нач. штаба ОКА8.1923	Б/п
20.	Левандовский Михаил Карлович	1890	поляк	Сын унтер-офицера		Шт-капит.	1918 1921	Ком. Туркфронт (4.1924)	Эсер РКП (б)
21.	***Куйбышев Николай Владимирович***	1893	русский	Сын офицера		Капит.	1918 1925	Пом. Ком. Туркфронт. (1.1925)	РКП (б)
22.	Кондратьев Борис Николаевич	1889	русский	Из мещан	АГШ	Капит. ГШ	1918 1924	Нач. Штаба Туркфронт (1924)	Б/п
23.	Ворошилов Клемент Ефремович	1881	русский	Из рабочих			1918 1921	Ком. МВО (4.1924)	РКП (б)
24.	Базилевич Георгий Дмитриевич	1889	русский	Из крестьян		П-полк	1918 1924	Пом. Ком. МВО 1924	РКП (б)
25.	Перемытов Алексей Макарович	1888	русский	Из мещан	АГШ	Капит. ГШ	1918 1921	Нач. Штаба МВО (4.1924)	Б/п
26	***Лашевич Михаил Михайлович***	1884	еврей	Из мещан			1918 1925	Ком. Сиб-ВО (2.1925)	РКП (б)
27.	**Петин Николай Николаевич**	1876	русский	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918 1920	Пом. Ком. СибВО (2.1925)	РКП (б)
28.	*Паука Иван Христофорович*	1883	русский	Из мещан	АГШ	П-полк ГШ	1918 1924	Нач. штаба СибВО (12.1924)	Б/п
29.	**Уборевич Иероним Петрович**	1896	литовец	Из крестьян	прич. ГШ	Подпор арт. в/в	1918 1922	Ком. СКВО (2.1925)	РКП (б)
30.	Гайлит Ян Петрович	1894	латыш	Из крестьян		Поруч. в/в	1918 1923	Пом. Ком. СКВО (4.1924)	РКП (б)
31.	Алафузо Михаил Иванович	1891	русский	Сын офицера	АГШ прич.	Капит.	1918 1921	Нач. штаба СКВО	Б/п

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

					ГШ			(4.1924)	
32.	Гиттис Владимир Михайлович	1880	Латыш (обрусевший)	Из мещан		Полковник	1918 1919	Ком. ЛВО (1921)	Б/п
33.	**Шапошников Борис Михайлович**	1882	русский	Из мещан	АГШ	Полковник ГШ	1918 1921	Пом. Ком. ЛВО (2.1925)	Б/п
34.	Энден Михаил Михайлович	1887	немец	Из мещан	АГШ	Капит. ГШ	1918 1922	Начальник штаба ЛВО (1922)	Б/п
35.	Седякин Александр Игнатьевич	1893	русский	Из крестьянучитель		Шт-к. в/в	1918 1923	Ком. ПриВО (11.1923)	РКП (б)
36.	**Великанов Михаил Дмитриевич**	1893	русский	Сын священ.		Поруч в/в	1918 1923	Пом. Ком. ПриВО (2.1925)	РКП (б)
37.	Артемьев Константин Петрович	1883	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	П-полк ГШ	1918 1922	Нач. штаба ПриВО (11.1923)	Б/п
38.	*Зоф Вячеслав Иванович*	1889	чех	Из рабочих			1918 1924	Начальник ВМС СССР (12.1924)	РКП (б)
39.	*Панцержанский Эдуард Самуилович*	1887	поляк	Из дворян		Лейтенант флота	1918 1921	Начальник ВМС ЧМ (12.1924)	Б/п
40.	*Векман Александр Карлович*	1884	немец	Из дворян		Капит. 2 ранга	1918 1921	Нач. МС БМ (12.1924)	Б/п
41.	*Баранов Петр Ионович*	1892	русский	Из рабочих		солдат	1918 1924	Нач. Упр. РККВФ (12.1924)	РКП (б)
***42**	***Муклевич Ромуальд Адамович***	1890	поляк	Из рабочих			1918 1925	Зам. Нач. УРККВФ (2.1925)	РКП (б)
43.	**Соллогуб Николай Владимирович**	1883	Поляк (обрусевший)	Из дворян (14 в.)	АГШ	Полковник ГШ	1918 1920	Пом. Нач. УРККВФ (2.1925)	Б/п
44.	*Хорьков Сергей Гаврилович*	1890	Русский	Из рабочих		Поруч в/в	1918 1924	Нач. Штаба УРККВФ (7.1924)	Б/п
45.	Буденный Семен Михайлович	1883	Русский	Из крестьян		вахмистр	1918 1920	Инспектор кавалерии (8.1923)	РКП (б)

Примечания: * и курсивом набраны фамилии вновь введенные номенклатуру военной элиты; курсивом набраны фамилии, получившие назначения в 1924; жирным шрифтом выделены фамлии «генералов», получивших назначение в январе-феврале 1925.

В возрастном отношении из 45 «генералов» только 3 имели возраст до 30 лет (6,6%). 28 «генералов» имели возраст от 31 года до 40 лет (62,2%). 14 «генералов» имели возраст от 41 года до 50 лет (31,1%). Советская военная элита немного «помолодела». Ее средний возраст теперь составлял 37 лет (в 1923 г. – 39-40 лет).

По этно-культурному составу: 25 «генералов» были русские (55,5%), 6 поляков (13,3), 2 литовца (4,4%), 3 латыша (6,6%), 2 эстонца (4,4%), 2 немца (4,4%), 2 еврея (4,4%), 1 чех (2,2%), 1 молдованин (2,2%), 1 белорусс (2,2%). В

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

целом «русско-православная» этно-культурная группа заметно увеличилась в составе военной элиты. Она составила ок.58% (в апреле 1924 г – 51,1%). Второй по этно-культурной значимости, как и прежде, оставалась «польско-католическая» группа – ок.18%. Однако сама по себе она несколько сократилась (в апреле 1924 г. она составляла 21%).

В составе военной элиты было: 7 дворян (4 из древних родов) (15,5%); 5 сыновей офицеров (11,1%); 6 из служащих и интеллигенции (13,3%); 10 из крестьян (22,2%); 8 из мещан (17,8%); 5 из рабочих (11,1%); 1 сын унтер-офицера (2,2%); 1 сын провизора (2,2%); 1 сын портного (2,2%); 1 сын священника (2,2%). Таким образом, дворяне в составе военной элиты утратили «большинство». Для сравнения: к январю 1924 г. они составляли почти 35%, а вместе с офицерскими сыновьями – 43,5%. Теперь даже вместе с выходцами из офицерских семей их было всего 25,6%. Большинство в военной элите составляли крестьяне (22,2%) и мелкая буржуазия (26,6%). Вместе они составляли почти 50%.

По образовательному цензу: 24 бывших кадровых офицера старой армии (53,3%). В их числе: 11 старших офицеров (полковников и подполковников) (24,4%); 13 младших офицеров (от подпоручика до капитана) (28,9%). Среди перечисленных «генералов» 11 офицеров военного времени (24,4%), 2 солдата (4,4%) и 8 не служивших (17,8%). Таким образом, присутствие в военной элите кадровых офицеров старой армии заметно сократилось. Если в марте 1923 г. они составляли 80%, к январю 1924 г. – 74%, а в апреле 1924 г. – 67,4%, то теперь, в феврале 1925 г. – 53,3%. В результате «чисток» второй половины 1923 и 1924 гг. их стало почти на 27% меньше. Из состава военной элиты исчезли бывшие генералы, а число бывших штаб-офицеров (полковников и подполковников) сократилось, по сравнению с мартом 1923 г. на 13%. Это сокращение было заметно даже по сравнению с апрелем 1924 г. (более чем на 10%). Если же учитывать и генералов старой армии, то доля генералов и старших офицеров в составе военной элиты, по сравнению с мартом 1923 г.(52,2%) сократилась к февралю 1925 г. до 24,4%, т.е. почти на 28%.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

15 генералов окончили Академию Генерального штаба (33,3%) и 4 были «причислены к Генштабу» (8,8%). По сравнению с мартом 1923 г. число «генштабистов» в составе военной элиты также сократилось на 20%. Учитывая всю вышеприведенную статистику, включая во состав «генштабистов» и «причисленных к Генштабу» за особо выдающиеся заслуги, можно считать, что высококвалифицированные «генералы» в составе военной элиты к февралю 1925 г. составляли 42%. Иными словами, если в марте 1923 г. в военной элите доминировали военные профессионалы, то теперь они оказались в меньшинстве.

26 «генерала» являлись членами РКП (б) (57,8%). Таким образом, почти 60% «генералов» теперь контролировались парторганизациями. 9 «генералов» явно «протежировались» представителями партийной элиты и являлись, таким образом, их «креатурами». В контексте сказанного следует учесть, что 20 «генералов»(44,4) состава военной элиты были введены в нее в 1924-1925 гг., в том числе, 8 (почти 18%) – в декабре 1924-феврале 1925 г. Иными словами, с оговорками, можно считать, что в феврале 1925 г. св.40% «генералов» были «номенклатурными». В целом, таким образом, сохранялись те же тенденции, о которых достаточно пространно говорилось применительно к итогам апреля-мая 1924 г.

…Военная реформа в Красной Армии, проводившаяся под руководством М.Фрунзе в 1924-1925 гг. и связанная с его именем исследована достаточно полно и квалифицированно. По этой прблеме имеется, хотя и давняя, но фундаментальная монография Берхина И.Б. Поэтому я не вижу необходимости обращаться к этому вопросу. Впрочем, он и не является предметом моего исследования. Ее значение и результаты неоднозначно оценивались современниками и потомками. В основном реформирование Красной Армии, проведенное за короткое время руководства М.Фрунзе заслужило исключительно положительную оценку. Чтобы отвлечься от штампов советского времени, которые в контесте апологии покойного М.Фрунзе. превратив его в «икону» Красной Армии, «канонизировали» и проведенную им реформу, обращусь к автору, вполне авторитетному, и в то же время, независимому, критически настроенному. Это

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

бывший сослуживец М.Тухачевского по л-г. Семеновскому полку, известный в русском зарубежье военный ученый А.Зайцов. Он так оценивал личность М.Фрунзе как руководителя РККА и проведенную им военную реформу.

«По отзывам всех соприкасавшихся с ним лиц, Фрунзе обладал большим здравым смыслом и способностью уловить существо дела в военных вопросах, несмотря на полное отсутствие военно-теоретической подготовки, - писал А.Зайцов. – По-видимому, он прислушивался к советам всегда окружавших его военных специалистов из бывших специалистов Генерального штаба старой русской армии.... Ни до, ни после него Красная Армия не имела столь выдающегося руководителя (А.Зайцов писал в 1934 г.)»[1286]. А.Зайцов, не без оснований считал, что «главными данными, содействовавшими» успеху М.Фрунзе в проведении военной реформы, «были, наряду с его природными качествами и образованием, желание считаться с мнением специалистов, с одной стороны, и его большой удельный партийный вес – с другой. Во всяком случае, он сумел найти какую-то равнодействующую между стремлениями партии и интересами военного дела. Поэтому его реформы в сущности и положили основание современной Красной Армии. Все, что было сделано после него, как раз лишено этого равновесия»[1287].

Достаточно детально для статьи, посвещенной не только и не специально военной реформе М.Фрунзе, анализируя основные аспекты проведенным им военных преобразований, А.Зайцов акцентировал внимание на принципиальных основах реформы. «...Реформой Фрунзе была реорганизация Красной Армии на основании опыта Мировой войны.... Победа красных в гражданскую войну, в глазах выдвинутого ею командного состава, оправдала применявшиеся в ней приемы, и многие из них, не видавшие настоящей войны или участвовавшие в ней на самых низших постах, поверили, что именно в них-то и лежит истина. Упоение победой заставляло их считать, что именно ими найдено последнее слово. Опыт же гражданской войны совершенно исказил истинное пред-

[1286] Зайцов А. Шестнадцать лет РККА. //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - М., 1999. - С. 230.
[1287] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ставление о современной армии.... Изжить все эти заблуждения и перейти на современные рельсы было совсем не легко. И тем не менее, Фрунзе удалось, более или менее, вывести Красную Армию из этого сумбура. Принятая Фрунзе и затем, после него, лишь совершенствовавшаяся организация Красной Армии, поэтому является компромиссом между опытом гражданской войны и принципами устройства современных армий»[1288].

Нет необходимости втягиваться в спор о том, насколько А.Зайцов верно судил о существе «современной армии» (в 1934 году). Боевые действия Второй мировой войны внесли слишком существенные и драматичнские коррективы в такого рода суждения. Автор, по сути дела, «современной» считал такую армию для России-СССР, которая возвращалась к организационным и оперативно-стратегическим, оперативно-тактическим нормам подготовки, каковой была дореволюционная русская армия. События Второй мировой войны показали, что это было не так.

Критическая оценка оперативно-тактического и организационного опыта гражданской войны в России со стороны А.Зайцова была в значительной мере обусловлена и победой «красных», которые сумели адекватные формы и методы организации и подготовки своей армии и выиграли войну. Она была обусловлена и стремлением «реабилитировать» русский дореволюционный «Генштаб», оказавшийся не в состоянии, несмотря на «военную образованность» и опыт «Мировой войны», противопоставить «красным» соответствующую вооруженную силу. Критика А.Зайцова была направлена и против «доктрины» М.Тухачевского, главного идеолога «революционной войны», хотя, надо отдать должное автору, он достаточно высоко оценивал военно-организаторские способности своего старого полкового приятеля[1289].

Не отвлекаясь на все аспекты военной реформы М.Фрунзе, замечу лишь, что принципы подготовки кадров, и самое главное, кадровые методы в формировании высшего комсостава и военной элиты Красной Армии, заложенные в 1924-1925 гг. не бесспорны. Трудно сказать, какую бы политику в этом направ-

[1288] Зайцов А. Шестнадцать лет РККА. - С. 232.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лении проводил М.Фрунзе, если бы его жизнь и военная карьера не прервались осенью 1925 г., однако то, что делал его преемник под патронажем «сталинского руководства» вызывает серьезные сомнения. А.Зайцов справедливо и верно заметил, что М.Фрунзе был, возможно в силу и своего характера, прошлого жизненного, революционно-партийного опыта, человеком компромисса. Во время именно его руководства РККА М.Фрунзе, в частности попытался соединить концептуально-стратегические подходы двух идеологов-антиподов: М.Тухачевского с его «стратегией сокрушения» и А.Свечина, имевшего репутацию сторонника «стратегии измора». Первый, назначенный еще в 1924 г. Главным руководителем по стратегии всех академий РККА, в 1925 г. получил в качестве одного из своих заместителей в этой должности А.Свечина. Сама его реформа организации и системы комплектования Красной Армии, равно как и система управлению ею, обнаруживали повсеместный компромисс. Выше мне приходилось останавливать внимание на острой дискуссии по проблеме Штаба РККА, места и роли Инспектората, между М.Тухачевским и А.Егоровым, на проблеме «реальной пехоты», когда многие «генералы» оппонировали тому же М.Тухачевскому. М.Фрунзе в этих ситуациях занимал позицию посредника, ориентируясь на «перевес» того или иного мнения. Был ли такой, компромиссный подход М.Фрунзе к важным вопросам устройства вооруженных сил обусловлен текущей, вынуждающей ситуацией, или это являлось отпечатком его личности? Смог бы он в ситуации, когда требовалась действительная жесткая решимость, проявить ее или нет? Определенный ответ на поставленные вопросы, исходя из наблюдения предшествовавшей деятельности М.Фрунзе в качестве руководителя РККА, дать трудно. И этот вопрос – соотношения реалий в формировании и эволюции советской военной элиты после 1925 г. и намерений М.Фрунзе в этом отношении – нуждается в расмотрении.

В контексте рассмотрения указанного вопроса следует иметь в виду принятие в период руководства М.Фрунзе одного из самых важных решений, оказавших существовенное влияние на последующую ротацию советской военной

[1289] Зайцов А. Шестнадцать лет РККА. - С. 257.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

элиты и на ее персональный состав. На основании решений ЦК РКП (б), принятых, несомненно под давлением высшего комсостава РККА, РВС СССР издает 2 марта 1925 г. приказ о введении единоначалия в Красной Армии. Это еще не было актом полного упразднения военных комиссаров, но уже началом курса на полное их отстранение от командования частями и соединениями РККА. Именно в условиях настойчивой реализации этого курса и доведения его до логического завершения происходили кадровые изменения в составе номенклатурной советской военной элиты сразу же после неожиданной смерти Председателя РВС СССР и наркомвоенмора М.Фрунзе 31 октября 1925 г.

...Итак, информация о «военном заговоре» в Красной Армии в 1923-1924 гг. (по мнению весьма серьезных наблюдателей из русского военного зарубежья, вполне достоверная) обнаруживает разнообразные, чаще косвенные, подтверждения объективного характера.

В обстановке острого кризиса власти, коньюнктура которого оказалась обусловленной совпадением во времени сохранявшейся социально-экономической и социокультурной напряженностью в стране; политической и последовавшей за ней физической смертью В.Ленина; «германским Октябрем», чреватым новой войной; болезнью и заметной политической растерянностью Л.Троцкого; отсутствием безусловного и неоспоримого «наследника Ленина» в партийно-политической элите – все эти, органично проросшие друг друга обстоятельства, начиная с весны 1923 и до весны 1924 гг., несомненно, повысили удельный вес советской военной элиты в обстановке «политической прострации», охватившей страну.

Советская военная элита, дотоле ограниченная партийно-политическим надзором даже в руководстве сугубо армейскими делами, неожиданно получила шанс стать своего рода арбитром в решении политических споров, как внутри страны, так и за ее пределами. Ее лидер М.Тухачевский – оказался перед вполне реальной перспективой сыграть решающую роль в определении политического будущего Советской России и СССР. Начавшаяся еще с весны 1923 г., с «дела Варфоломеева», «чистка» военной элиты лишь красноречиво свиде-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

тельствовала о тревожных опасениях партийно-государственной власти, рожденных все более явной непокорностью военной элиты, воплощенной в поведении ее лидера М.Тухачевского, в распоряжении которого оказались самые лучшие в Красной Армии и преданные ему «большие батальоны».

Несмотря на противоречивость и смутность политической ситуации, в которой оказался М.Тухачевский, подготавливаемый им «антитроцкистский» военно-политический переворот состоялся. Правда, его исполнителем оказался М.Фрунзе. Это обстоятельство, в значительной мере, способствовало продолжению и расширению «чистки» и «обновлению» военной элиты, ее растущему подчинению элите партийно-политической.

Можно считать, что, независимо от последующих военно-политических процессов, «падение Тухачевского» состоялось именно в 1924-1925 гг. Сохраняя внешне свое лидирующее положение в военной элите и Красной Армии, он, по существу, начиная с весны 1924 г., постепенно терял свое реальное влияние на военно-политическую ситуацию. В его лице это влияние теряла советская военная элита, сложившаяся по итогам гражданской войны.

Несостоявшийся «рецидив» революционный войны в связи с «германским Октябрем» фактически завершил эпоху «революционных, наполеоновских войн» в России. Это обстоятельство, в конечном счете, предопределило крушение перспектив советской военной элиты и ее лидера на самостоятельную политическую роль и их «вымывание» из военно-элитарного слоя «красных генералов».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Глава 4. СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 20-х ГОДОВ.

4.1. Внутрикорпоративные группировки в военной элите во второй половине 20-х годов.

Вопреки ожиданиям большинства высшего комсостава Красной Армии, 6 ноября 1925 г. на должности Председателя РВС СССР и наркомвоенмора, вместо покойного М.Фрунзе, оказался Климент Ефремович Ворошилов (1881-1969). Правда, К.Ворошилов был достаточно известен в военно-политических кругах со времен гражданской войны. Однако репутация его была, с точки зрения нового высокого назначения, сомнительна.

В рамках настоящего исследования мне не представляется возможным всесторонне охарактеризовать личность и роль этого человека. Суждения о нем в значительной мере замутнены официальной пропагандой, генетически связанной с теми или иными периодами советской истории. Период восхваления «первого маршала», «первого красного офицера», сменился периодом умолчания, а затем и периодом «разоблачений». Думается, что независимо от оценок К.Ворошилова как высшего руководителя Красной Армии, каковым он оставался на протяжении 15 лет, личность эта не была столь проста и однозначна, как она порой представлена в публицистике. Речь, конечно же, может идти именно о публицистике, поскольку научной биографии К.Ворошилова пока нет. Далеко не все близко знавшие К.Ворошилова оставили для потомства свое о нем мнение. Те же, кто это сделал, вряд ли были во всех случаях объективны. Коньюнктура политической борьбы подчас мешала быть непредвзятыми в оценках К.Ворошилова. Тем не менее, даже в этих случаях они ценны. Не претендуя на целостность и, тем более, объективность, они, однако, отмечают некоторые, несомненно, присущие К.Ворошилову свойства личности, характера, поведения.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Биография Ворошилова, - характеризуя его вряд ли достаточно объективно, вспоминал Л.Троцкий, - свидетельствует о жизни рабочего революционера: руководство стачками, подпольная работа, тюрьма, ссылка. Но как многие другие в руководящем ныне слое, Ворошилов был только национальным революционным демократом из рабочих.... В февральской революции Ворошилов, как и Сталин, поддерживал правительство Гучкова-Милюкова слава. Это были крайние революционные демократы, отнюдь не интернационалисты.... Хотя Ворошилов был из луганских рабочих, из более привилегированной верхушки, но по всем своим повадкам и вкусам он всегда гораздо больше напоминал хозяйчика, чем пролетария. После октябрьского переворота Ворошилов естественно сделался средоточием оппозиции унтер-офицеров и партизан против централизованной военной организации, требовавшей военных знаний и более широкого кругозора.... В кругах Ворошилова с ненавистью говорили о спецах, о военных академиках, о высоких штабах, о Москве»[1290].

М.Тухачевский, в изложении Л.Норд, дал наркому краткую, но своеобразную оценку: «...Ворошилов, надо сказать, очень дубоват, но у него есть то положительное качество, что он не лезет в мудрецы и со всем охотно соглашается...»[1291].

Возможно, более объективными, хотя и чрезвычайно фрагментарными представляются мимолетные впечатления лиц, чье отношение к будущему наркому было политически нейтральным и карьерно-незаинтересованным. «Ярким контрастом Буденному служил присутствовавший в вагоне Клим Ворошилов..., - вспоминал, делясь своими мимолетными впечатлениями, Ф.Шаляпин, - добродушный, как будто слепленный из теста, рыхловатый. Если он бывший рабочий, то это был рабочий незаурядный, передовой и интеллигентный. Меня в его пользу подкупало крепкое, сердечное пожатие руки при встрече и затем приятное напоминание, что до революции он приходил ко мне по поручению рабочих просить моего участия в концерте в пользу их больничных касс. Заявив се-

[1290] Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. - М., 1990. - т. 2. - С. 172-173.
[1291] Норд Л. Маршал М.Н.Тухачевский. – Тетрадь № 66. - С. 115.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

бя моим поклонником, Ворошилов с улыбкой признался, что он также выпрашивал у меня контрамарки»[1292].

«Ворошилов, коротенький, седеющий, в красных штанах с серебряными лампасами, - записал в своем дневнике И.Бабель, - все время торопит, нервирует, подгоняет Апанасенку.... Ворошилову не терпится, он пускает в атаку всех, кто есть под рукой»[1293].

При всей приблизительности и «вторичности» оценок, представляется, однако, что характеристики К.Ворошилова, оставленные представителями русского зарубежья наиболее объективны. Во всяком случае, для того времени. Они, разумеется, не претендуют на адекватность, но, будучи «из вторых рук», отражают некое устойчиво-усредненное мнение новом наркоме, сложившееся в СССР и перенесенное в русское эмигрантское зарубежье. В этом отношении полезными представляются оценки, данные К.Ворошилову в одноименном очерке Р.Гуля. «Климентий Ефремович Ворошилов – русский, народный, низовой. И ладно скроен и крепко сшит.... Ворошилов весь – безудержность и русская бесшабашность. Сотрудники Ворошилова, бывшие генералы и полковники говорят: «Если Климентий Ефремович вспылит – ураган!». И Ворошилов сам сознается, что «излишне горяч».... Кроме бунтарского темперамента, у военного министра России нет ничего. Простому уму Ворошилова чужды теории и схемы.... Ни интеллигентности, ни наследственной культуры у Ворошилова нет.... Ворошилов – боевой генерал. Хоть в стратегии и тактике не Бог весть уж как разбирается бывший слесарь, зато в бою в грязь лицом не ударит»[1294].

«Ворошилов – главнокомандующий Красной Армией в случае войны, - так начинает свою характеристику новому Председателю РВС СССР и наркому по военным и морским делам профессор, полковник А.Зайцов. – Военная его подготовка для этой роли уже очерчена выше, и ее можно признать равной нулю. Заняв пост народного комиссара по военным и морским делам, Ворошилов быстро усвоил внешнюю военную выправку. Он ходит всегда в форме и даже

[1292] Шаляпин Ф.И. Маска и душа. //Новый мир. – 1988. - № 6. - С. 192.
[1293] Бабель И. Конармейский дневник 1920 года. //Бабель И. Конармия. - М., 1990. - С. 199.
[1294] Гуль Р. Ворошилов. //Гуль Р. Красные маршалы. - М., 1995. - С. 533, 534,545.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

по-светски щеглевато одетым. На парадах носит кубарскую шапку, к которой почему-то всегда питали слабость все деятели русской гражданской войны на обеих сторонах. Научился править автомобилем, лихо выезжает на парады на вороном коне и славится своей стрельбой из винтовки и револьвера. Таким образом, внешняя военная выправка им усвоена полностью, и с этой точки зрения его нельзя спутать со штатскими коммунистами. Вопрос только в том, достаточно ли для будущего главнокомандующего в наше время обладать военной выправкой, быть видным коммунистом, но с багажом общеобразовательной подготовки в размерах 2-х классовой земской школы и военной, приобретенной только на службе. Правда, что многие из маршалов Наполеона не много по своей подготовке превосходили Ворошилова, но зато ими руководил Наполеон и свои жезлы они получили на полях сражений, а не партийной линии, как Ворошилов...»[1295].

Назначение К.Ворошилова вызвало серьезное недовольство в значительной части советской военной элиты. Против его назначения на должность Председателя РВС СССР и наркомвоенмора были и М.Тухачевский, и А.Егоров, и И.Уборевич, и С.Буденный. Словом, «вожди Красной Армии», выросшие из гражданской войны, у которых К.Ворошилов пользовался репутацией, не дававшей ему морального права и профессиональных оснований возглавить вооруженные силы СССР. Впрочем, назначенный на самую высокую должность в Красной Армии К.Ворошилов первые годы не пользовался особым авторитетом не только в советской военной элите, в высшем комсоставе РККА, но и за рубежом. Куда более значительные влияния на дела, особенно в сфере военного сотрудничества с Рейхсвером, в сфере военной разведки оказывал его 2-й заместитель И.Уншлихт. Несомненно в высшем комсоставе, да и в партийной элите гораздо большее значение имел ставленник Г.Зиновьева, тоже видный комиссар, даже командарм в гражданскую войну М.Лашевич. Однако доминирующей по влиянию фигурой оставался «неформальный лидер» армии М.Тухачевский. «Позиция Уншлихта по отношению к нашей совместной рабо-

[1295] Зайцов А. Шестнадцать лет «РККА». //Военная мысль в изгнании. - С. 256-257.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

те метко охарактеризована Вами, - писал один из руководителей германского военного министерства Ф.Фишер представителю Рейхсвера в СССР Лит-Томсену в январе 1926 г. – Центром тяжести он считает все вопросы снабжения, в то время как мы более всего заинтересованы в том, чтобы вскоре приобрести еще большее влияние на русскую армию, Воздухфлот и флот. Профессор Геллер с благодарностью признает поэтому, что Вы при первом же случае искали через Уншлихта пути к Ворошилову и в особенности к тов. Тухачевскому»[1296]. Этот фрагмент деловой переписки идеологически независимых ответственных лиц отражает их представление о реальной иерархии «лидеров» Красной Армии: М.Тухачевский, К.Ворошилов, И.Уншлихт. По своему и в свою очередь на лидирующую роль М.Тухачевского в Красной Армии, отражая представления французских военно-политических кругов, указывает и название неоднократно упоминавшейся книги П.Фервака, написанной в 1927 и изданной в начале 1928 г.: «Михаил Тухачевский – вождь Красной Армии». Эти представления характерны были и для руководства русских зарубежных военных организаций, в частности, РОВС. Агент ОГПУ Власов, встречавшийся в октябре 1926 г. в Париже с А.Кутеповым, отмечал, что генерал «интересовался т. Ворошиловым, Тухачевским и крупными военспецами из числа бывших полковников и генералов. Особенный интерес проявлял почему-то к т.Тухачевскому…»[1297]. Итак, М.Тухачевский в 1926 году оставался общепризнанным лидером армии и наиболее влиятельной фигурой в советской военной элите.

…В результате кадровых перемещений, проведенных сразу же после смерти М.Фрунзе, к декабрю 1925 г. номенклатурный состав военной элиты был следующим:

[1296] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 151. Л. 60. – Документ опубликован в сборнике документов: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. - С. 140.
[1297] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 94-95.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

	Фамилия, имя, отчество.	Год Рождения	Национальность	Социальное происхождение	Образование	Чин в старой армии	В РККА в воен. элите	Должность	Партийность
1.	**Ворошилов Клемент Ефремович**	1881	русский	Из рабочих			1918 1921	Предс. РВС НКВМ (11.1925)	РКП (б)
2.	**Лашевич Михаил Михайлович**	1884	еврей	Из мещан		солдат	1918 1925	1 зам. Пред. РВС и НКВМ (11.1925)	РКП (б)
3.	**Уншлихт Иосиф Станиславович**	1879	поляк	Из служащих			1923 (ГПУ) 1923	2 зам. Пред. РВС и НКВМ (11.1925)	РКП (б)
4.	**Тухачевский Михаил Николаевич**	1893	русский	Из дворян (13 в.)	прич. ГШ	П-пор. Капит. Л-гв.	1918 1920	Нач. Штаба РККА (10.1925)	РКП (б)
5.	**Каменев Сергей Сергеевич**	1881	русский	Сын офицера	АГШ	Полковник ГШ	1918	Инспектор РККА (10.1925)	Б/п
6.	Пугачев Семен Андреевич	1889	русский	Сын учителя гимназ.	АГШ	Капит. ГШ	1918 1920	Зам. Нач. Шт. РККА (2.1925)	Б/п
7.	Левичев Василий Николаевич	1891	Русский	Из крестьян учитель		Шт-к в/в	1918 1924	Начальник ГУРККА (9.1924)	РКП (б)
8.	Ефимов Николай Алексеевич	1897	русский	Из служащих		Подпоручик в/в	1918 1924 (ГПУ)	Нач. Упр. Начсостав. (1.1924)	РКП (б)
9.	Оськин Дмитрий Прокофьевич	1892	русский	Из служащих		Шт-к. в/в	1918 1921	Нач. Снаб. РККА (2.1925)	РКП (б)
10.	**Путна Витовт Казимирович**	1893	литовец	Из крестьян художн.		Прап. в/в	1918 1925	Нач. УВУЗ РККА (11.1925)	РКП (б)
11*	***Дыбенко Павел Ефимович***	1889	Украин.	Из крестьян		матрос	1918 1925	Нач. ГАУ (5.1925)	РКП (б)
12.	Халепский Иннокентий Андреевич	1893	поляк	Из портных			1918 1924	Нач. ВТУ (4.1924)	РКП (б)
13.	**Корк Август Иванович**	1887	эстонец	Из крестьян	АГШ	П-полк ГШ	1918 1922	Ком. ЗВО (11.1925)	РКП (б)
14.	Кук Александр Иванович	1886	эстонец	Из крестьян	АГШ	Капит. ГШ	1918 1923	Нач. штаба ЗВО (9.1923)	Б/п
15.	Павлов Александр Васильевич	1880	белорусс	Из крестьян агроном		Поруч в/в	1918 1924	Пом. Ком. ЗВО (6.1924)	Б/п
16.	**Якир Иона Эммануилов.**	1896	еврей	Сын провизора	Базел у-нт		1918 1924	Ком. УВО (11.1925)	РКП (б)
17*	***Каширин Николай Дмитриевич***	1888	русский	Сын станич. Атамана		Подъесаул	1918 1925	Пом. Ком. УВО (11.1925)	РКП (б)
18.	**Лебедев Павел Павлович**	1873	русский	Из дворян	АГШ	Ген-м. ГШ	1918 1919	Нач. штаба УВО (11.1925)	Б/п
19.	**Левандовский Михаил Карлович**	1890	поляк	Сын унтерофицера	ВлУ	Шт-к	1918 1921	Ком. ОКА (11.1925)	Эсер-мак. РКП (б)
20.	Кузнецов Борис Иннокентьевич	1889	русский	Сын офицера	АГШ	Капит. ГШ	1918 1923	Нач. штаба ОКА (8.1923)	Б/п
21.	**Авксентьевский Констан-**	1890	русский	Из служащ.		П-пор. в/в	1918 1925	Ком. Туркфронт.	РКП (б)

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

	тин Алексеевич							(11.1925)	
22.	Куйбышев Николай Владимирович	1893	русский	Сын офицера		Капит.	1918 1925	Пом. Ком. Туркфронт. (1.1925)	РКП (б)
23.	Кондратьев Борис Николаевич	1889	русский	Из мещан	АГШ	Капит. ГШ	1918 1928	Нач. штаба Туркфронт. (1924)	Б/п
24.	**Базилевич Георгий Дмитриевич**	1889	русский	Из крестьян		П-полк	1918 1924	Ком. МВО (11.1925)	РКП (б).
***25**	***Белов Иван Панфилович***	1893	русский	Из крестьян		Унтер-офицер	1918 1925	Пом. Ком. МВО (11.1925)	РКП (б)
26.	Перемытов Алексей Макарович	1888	русский	Из мещан	АГШ	Капит. ГШ	1918 1921	Нач. штаба МВО (4.1924)	Б/п
27.	**Петин Николай Николаевич**	1876	русский	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918 1919	Ком. СибВО (11.1925)	Б/п
28.	Паука Иван Христофоров.	1883	русский	Из мещан	АГШ	Подполковн. ГШ	1918 1924	Нач. штаба СибВО (12.1924)	Б/п
29.	Уборевич Иероним Петрович	1896	литовец	Из крестьян	прич. ГШ	П-пор. арт. в/в	1918 1922	Ком. СКВО (2.1925)	РКП (б)
30.	Гайлит Ян Петрович	1894	латыш	Из крестьян		Поруч в/в	1918 1923	Пом. ком. СКВО (2.1925)	РКП (б)
31.	Алафузо Михаил Иванович	1891	русский	Сын офицера	АГШ прич. ГШ	Капит.	1918 1921	Нач. штаба СКВО (4.1924)	Б/п
32.	**Шапошников Борис Михайлович**	1882	русский	Из мещан	АГШ	Полковник ГШ	1918 1921	Ком. ЛВО (10.1925)	Б/п
***33**	***Сергеев Евгений Николаевич***	1887	русский	Сын художника	АГШ	Подполковник ГШ	1918 1925	Пом. Ком. нач. штаба ЛВО (11.1925)	Б/п
34.	Седякин Александр Игнатьевич	1893	русский	Из крестьянучитель		Шт-к. в/в	1918 1923	Ком. ПриВО (2.1924)	РКП (б)
35.	Великанов Михаил Дмитриевич	1893	русский	Сын священ.		Поручик в/в	1918 1923	Пом. Ком. ПриВО (2.1925)	РКП (б)
36.	Артемьев Константин Петрович	1883	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Подполковник ГШ	1918 1922	Нач. штаба ПриВО (11.1923)	Б/п
37.	Зоф Вячеслав Иванович	1889	чех	Из рабочих			1918 1924	Начальник ВМС СССР (12.1924)	РКП (б)
38.	Панцержанский Эдуард Самуилович	1887	поляк	Из дворян		Лейтенант флота	1918 1921	Начальник ВМС ЧМ (12.1924)	Б/п
39.	Векман Александр Карлович	1884	немец	Из дворян		Капит. 2 ранга	1918 1921	Нач. ВМС БМ (12.1924)	Б/п
40.	Баранов Петр Ионович	1892	русский	Из рабочих		солдат	1918 1924	Нач. Упр. РККВФ (12.1924)	РКП (б)
41.	Муклевич Ромуальд Адамович	1890	поляк	Из рабочих			1918 1925	Зам. Нач. РККВФ (2.1925)	РКП (б)
42.	Меженинов Сергей Александрович	1890	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Капит. ГШ	1918 1921	Пом. Нач. РККВФ	Б/п

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

43.	Хорьков Сергей Гаврилович	1890	русский	Из рабочих		Поруч в/в	1918 1924	Нач. штаба РККВФ (7.1924)	Б/п
44.	Буденный Семен Михайлович	1883	русский	Из крестьян		вахмистр	1918 1920	Инсп. Кав. РККА (8.1923)	РКП (б)

Примечание: 8 и курсивом набраны фамилии введенных в номенклатуру военной элиты; жирным шрифтом набраны фамилии получивших новые назначения в ноябре-декабре 1925.

Проведенные после февраля и главным образом в октябре-ноябре 1925 г. кадровые перестановки в составе военной элиты затронули почти 41% «генералов» в нее входивших. В состав военной элиты были введены еще 4 «генерала». Вместе с вошедшими в нее в декабре 1924-феврале 1925 гг. «новые генералы» составили 27,3%. В целом же, начиная с «чистки» августа 1923 г. «новые генералы» в военной элите составляли 56,8%. Иными словами, военная элита обновилась почти на 57%. Следовательно «номенклатурные генералы» составляли теперь значительное большинство.

В возрастном отношении из 44 «генерала» только 3 имели возраст до 30 лет (6,8%); 29 – от 31 года до 40 лет (65,9%); 11 – от 41 года до 50 лет (25%); 1 – свыше 50 лет (2,3%). Советская военная элита немного «помолодела». Ее средний возраст составил 36-37 лет.

В этно-культурном отношении: 27 «генералов» - русские (61,4%); 6 – поляки (13,6%); 2- евреи (4,6%); 2 – литовцы (4,6%); 2 – латыши (4,6%); 2 – эстонцы (4,6%); 1 – украинец (2,3%), 1 – белорусс (2,3%); 1 немец (2,3%); 1 – чех (2,3%). Приведенные процентные данные позволяют констатировать заметное увеличение числа русских среди «генералов» и в целом «русско-православной» этно-культурной группы (соответственно на 8 и 11% по сравнению с февралем 1925 г.). По-прежнему на втором месте по численности оставалась польско-литовская группа.

Из 44 «генералов» – 7 дворяне (4 из древних родов) (ок.16%); 5 сыновья офицеров (11,4%); 6 – из служащих и интеллигенции (13,6%); 5 – из мещан (11,4%); 12 – из крестьян (27,3%); 5 – из рабочих (11,4%); 1 из солдатских детей (2,3%); 1 – сын священника (2,3%), 1 – сын провизора (2,3%); 1 – сын портного (2,3). Таким образом, заметно уменьшился % мещан и в целом выходцев из

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мелкой буржуазии, зато самой крупной социальной группой в военной элите оказалась крестьянская. Однако в ее отношении следует сделать некоторые оговорки и внести коррективы. Дело в том, что в составе «крестьян» встречаются учителя сельских школ из крестьян, художники, агрономы. В составе военной элиты в это время их 11,4%. Собственно говоря, эту часть «крестьян» с полным основанием можно отнести к разночинной интеллигенции и рассматривать вместе с социо-культурной группой «служащие и интеллигенция». В таком случае, в совокупности служащие, интеллигенция, дети священников и сельская интеллигенция составят в военной элите 25%. Вместе с социокультурной группой дворян и офицерских детей (27,4%) это будут самые большие социо-культурные группы. Вместе они составят свыше 50% «генералов».

Образовательный ценз вышеперечисленных «генералов» распределялся в следующем порядке: 22 кадровых офицера старой армии (50%). В их числе: 1 генерал (2,3%), 9 старших офицеров (полковники и подполковники) (20,4%) и 12 младших офицеров (от подпоручика до капитана) (27,3%). 11 «генералов» были из бывших офицеров военного времени (25%). 5 «генералов» служили солдатами и матросами (11,4%) и 6 не служили (13,6%). 14 «генералов» окончили Академию Генерального штаба (31,8%). 2 были «причислены к Генштабу» как выдающиеся военачальники (4,6%). 26 «генералов» являлись членами партии (59%).

Таким образом, по-прежнему наблюдалась тенденция к сокращению числа бывших кадровых офицеров старой армии в военной элите. Особенно – бывших старших офицеров. Бывшие кадровые офицеры уже не составляли большинства в ее составе к концу 1925 г. Это происходило за счет увеличения % офицеров военного времени и особенно – бывших солад, унтер-офицеров и вообще не служивших. Эти категории представителей военной элиты увеличили долю в ее составе с 22,2% в феврале до 25% в ноябре 1925 г. Параллельно продолжался рост % членов партии в военной элите. В ноябре 1925 г. они составляли почти 60% всех «генералов». Напомню, что в марте 1923 г. их было 24%, а в январе 1924 г – 30,4%. Все это может свидетельствовать о сохранив-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

шемся процессе заметного снижения военно-профессионального уровня советской военной элиты по сравнению с мартом 1923 г.

Весьма заметными оказались кадровые перестановки в номенклатуре военной элиты. Они коснулись почти половины ее персонального состава. Следует обратить особое внимание на удаление из номенклатурной военной элиты одного из самых главных и авторитетных оппонентов М.Тухачевского, М.Фрунзе, С.Каменева – командующего Вооруженными силами Украины и Крыма А.Егорова. Он был направлен сначала в Китай военным атташе, а затем переведен в военный отдел ВСНХ. Иными словами, фактически «изъят» из армии. О причинах удаления А.Егорова из военной элиты РККА позднее говорил он сам. Соперничество на персональной основе, неразрывно связанное с разногласиями по принципиальным вопросам военного строительства, обозначившееся у А.Егорова с М.Фрунзе и М.Тухачевским в 1924 г., привело в конце 1925 г. к конфликту с новым наркомом.

…«Накануне назначения Ворошилова, - показывал на следствии А.Егоров, - я беседовал с Буденным, который так же как и я, был резко враждебно настроен к Ворошилову, считая его назначение неправильным, а мое удаление из РККА – ударом и по нему лично»[1298]. Хотя данный документ и весьма специфичен, учитывая особые обстоятельства, в которых он возникал, тем не менее, в основном он отражал общеизвестные личные связи, симпатии и антипатии, соперничество «генералов» между собой. Поэтому, принимая во внимание особенности фразеологии, характерной для такого рода «признаний», они могут служить одним из источников по изучению внутрикорпоративных социао-культурных отношений советской военной элиты в изучаемый период. «Было какое-то озлобление Буденного в отношении Ворошилова, - продолжал свои воспоминания А.Егоров о ситуации осенью 1925 г. после смерти М.Фрунзе. – Дело дошло до такого положения, когда Буденный прямо сказал, что не допустит, чтобы Ворошилов был наркомом и что он готов скорее его

[1298] Судьбы генеральские…. «Справка» НКВД на С.М.Буденного. //Военно-исторический журнал. – 1994. - № 1. - С. 16.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

убить, чем согласиться с этим назначением»[1299]. Объясняя эти конфиденциальные разговоры, А.Егоров пояснял: «С Буденным меня связывала старинная дружба еще с 1919 года по Царицыну. Вся наша последующая работа до конца гражданской войны проходила под знаком полной гармонии в личных отношениях…»[1300]. А.Егоров говорил также о том, что с 1926 г. к их «группировке» присоединился П.Дыбенко. «Дыбенко называл Буденного «генералом без армии», «неудачным Мюратом», что еще более настраивало Буденного против Ворошилова…. Так, на протяжении 1925-1927 гг. сложилась наша «тройка»…», - вспоминал А.Егоров[1301].

Признания А.Егорова подтверждал и П.Дыбенко. «После смерти Фрунзе встал вопрос о новом наркоме, - вспоминал он, - и вновь возникла борьба между различными группировками в армии за продвижение на этот пост своих кандидатов…. К этому же времени (1925-1926 гг.) относится мое сближение с Егоровым и Буденным…. Моя поддержка Егорова и Буденного сблизила нас… нас даже называли в армии триумвиратом»[1302]. Вспоминая свои отношения с названными «генералами», П.Дыбенко отмечает: «Будучи в Москве, я посещал Егорова на его квартире, либо встречался с ним у Буденного…»[1303]. П.Дыбенко также объяснял свое сближение с С.Буденным и А.Егоровым в частности и соображениями военно-политическими. «В период 1926 года, - указывал он, - сложилась наша группа и мы начали подбирать своих сторонников в армии вначале под флагом групповой борьбы против Ворошилова…»[1304].

В указанное время в эту «группировку генералов» вошел еще один их старый соратник – М.Левандовский. «С Егоровым и Дыбенко… я сошелся еще с 1926 года»[1305]. К «группировке Егорова-Буденного» и еще один «генерал» – Н.Каширин[1306]. По-прежнему близкие приятельские отношения сохранялись у С.Буденного со своими соратниками и командирами из 1-й Конной армии. «Ле-

---

[1299] Судьбы генеральские…. - С. 16.
[1300] Там же.
[1301] Там же.
[1302] Там же, с. 17.
[1303] Там же.
[1304] Там же.
[1305] Там же, с. 18.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

том 1925 года, - вспоминал один из кавалерийских начальников, - на квартире Горячева была выпивка по случаю возвращения Тимошенко из Венгрии. Присутствовали Буденный с его первой женой, Тимошенко, Горбачев, Сакен и я...»[1307].

По свидетельству арестованной в 1938 г. жены маршала А.Егорова, Г.Цешковской, у С.Буденного «собирались соратники по Конной армии, ветераны походов во времена гражданской войны: Апанасенко, Косогов, Тюленев, Щаденко, Тимошенко, Городовиков, Кулик». Г.Егорова-Цешковская обращала внимание на «тщеславие, наигранную позу, стремление быть на виду, ревность ко всему молодому, обгоняющему их», считая все эти качества «характерными чертами этой кампании»[1308]. Несомненно, следует иметь в виду, что показания подследственной, которая давала их, в силу обстоятельств, высвечивая лишь одну, важную для следствия сторону.

«Возглавлял ее (группу) Семен Михайлович Буденный. Он, как в зеркале, отражал в себе все недостатки и достоинства каждого из них и оберегал каждого человека от всякого рода посягательств», - продолжала свидетельствовать жена маршала[1309].

Упомянутый выше Н.Каширин был связан дружескими отношениями с группой «революционных генералов», во второй половине 20-х годов примыкавших к «группе Егорова-Буденного-Дыбенко». Некоторые из них в результате военной реформы 1924-1925 гг. вошли в состав военной элиты.

...Арестованный еще 15 мая 1937 г. комкор И.Кутяков, бывший ближайший соратник В.Чапаева, командовавший в свое время 25-й стрелковой «чапаевской» дивизией, категорически отверг обвинения в антисоветской деятельности и причастности к «группе Тухачевского». Он заявлял, что «политически никогда не сочувствовал Тухачевскому и Уборевичу, считал их «белой костью», представителями вновь нарождающейся военной аристократии»[1310]. По

[1306] Судьбы генеральские.... //Военно-исторический журнал. – 1994. - № 1. - С. 18.
[1307] Там же, с. 20.
[1308] Там же, с. 21.
[1309] Там же.
[1310] Викторов Б.А. «Без грифа секретно». - М., 1990. - Выпуск № 3. - С. 259.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

свидетельству лиц, хорошо и близко знавших И.Кутякова, он действительно выражал и порой открыто свою неприязнь к выходцам «из нетрудовых слоев»[1311]. Он относился к ним подозрительно, недолюбливал их и не доверял им. Как вспоминал позднее генерал Н.Хлебников, «Кутяков..., будучи сам пролетарского происхождения,...недолюбливал людей «бывших», говорил об этом прямо и открыто. В частности, он не любил командующего войсками МВО Корка, называл его нередко «золотопогонником», высказывал иногда недовольство Тухачевским, называл его «белоручкой»[1312]. В одном из своих заявлений на имя К.Ворошилова, поданном в 1936 г., с жалобой на П.Дыбенко (с которым он окончательно рассорился к этому времени), комкор И.Кутяков писал: «...Дыбенко восхваляет Тухачевского и Уборевича, влюблен в эту сволочь»[1313]. И.Кутяков давал нелицеприятные характеристики не только указанным военачальникам и наркому, но и другим представителям высшего комсостава – покойному М.Фрунзе, Б.Шапошникову. Ввиду таких, мягко говоря, «недружелюбных» отношений с указанными военачальниками, И.Кутяков и не был включен в «группу Тухачевского»[1314]. В это никто бы не поверил. Однако, на следствии И.Кутяков, отвергая свою причастность к «группе Тухачевского», признал в то же время, «что входил в группу Седякина-Ковтюха. Они были недовольны Ворошиловым за то, что он их «затирал»[1315]. Он признавался, что враждебно относился к наркому К.Ворошилову. И.Кутяков заявлял, что «Ковтюх считал себя обиженным по службе так же, как и я»[1316].

Епифан Иович Ковтюх (1886-1938), из кубанских крестьян, штабс-капитан военного времени, прославленный А.Серафимовичем под именем «Кожуха» в романе «Железный поток», герой «кубанского похода» Таманской армии 1918 г., считал, что он достоин не меньшей славы и популярности, чем В.Чапаев.

[1311] Викторов Б.А. «Без грифа секретно». – С. 260.
[1312] Там же.
[1313] Якупов Н. Трагедия полководцев. - М., 1992. - С. 96.
[1314] Викторов Б.А. «Без грифа секретно». - С. 260.
[1315] Там же, с. 259.
[1316] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В числе недовольных К.Ворошиловым он назвал также комкора М.Великанова, также входившего в «группу Седякина-Ковтюха»[1317]. Все указанные «генералы», так же, как и И.Кутяков, считали, «что нарком Ворошилов не справляется с работой»[1318]. Он признавался, что «подрывал его авторитет, высказывал свое отношение к Ворошилову близким мне людям (Ковтюху, Седякину), а в пьяном виде допускал мат и считал, что он не является для меня авторитетом»[1319]. Эти показания сущности подтверждаются и другими фактами.

Одной из самых заметных и честолюбивых фигур в данной «генеральской группе» был Александр Игнатьевич Седякин (1893-1937), с февраля 1924 г. введенный в номенклатуру советской военной элиты. «Сибиряк», из крестьян, окончивший высшее начальное и землемерное училища, он прошел действительную военную службу в л-г. Преображенском полку. В 1915 г. он окончил Иркутское военное училище и вскоре оказался на Северном фронте прапорщиком. К Февральской революции А.Седякин был уже штабс-капитаном и в мае 1917 г. вступил в партию большевиков. Насколько искренними были его большевистские убеждения сказать трудно. Во всяком случае, усилению сомнений способствует, во-первых, служба А.Седякина в «первом полку императорской гвардии», куда шел весьма тщательный отбор солдат, в частности по мировоззрению и убеждениям. Они должны были быть, безусловно монархическими и «верноподданническими». Позднее в своих автобиографиях А.Седякин демонстративно, с долей вульгарной саморекламы подчеркивал свои выдающиеся личные качества и приверженность социал-демократическим убеждениям. В автобиографии 1935 г. он писал, что в 1915 г. «считали меня образованным, храбрым офицером в полку и, между прочим, в шутку называли социал-демократом»[1320]. Во-вторых, - его характеристика со стороны командования: «Штабс-капитан Седякин, из бывших мордобоев, сделавшийся в марте ярым

[1317] Викторов Б.А. «Без графа секретно». – С. 259.
[1318] Там же.
[1319] Там же, с. 260.
[1320] Александр Игнатьевич Седякин. Автобиография. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 3. - С. 78.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

революционером, а затем перекинувшийся в большевика»[1321]. Жесткость А.Седякина как командира отмечали и те, кто служил по его начальством в Красной Армии и после гражданской войны. «Я глубоко уважал своего… командующего Александра Игнатьевича Седякина, как человека честного, прямого, правдивого, очень доброго вне службы, как солдата в самом лучшем понимании этого слова, - вспоминал генерал С.Калинин. -–Однако когда дело касалось службы, Седякин становился совсем иным – придирчивым до мелочей, сверх меры строгим, скупым на слова, малообщительным, словно он опасался, что его природная доброта может быть использована подчиненными во вред делу»[1322]. «Александр Игнатьевич Седякин, - вспоминал другой его сослуживец, - педантичный, с виду сухой, необщительный, а на самом деле человек большой доброты и доброжелательности»[1323]. «Седякин не терпел верхоглядства и неряшливости, - вспоминал один из его подчиненных. – Во всем – будь то большое задание или сравнительно несложное одноразовое поручение, он требовал абсолютной добросовестности, аккуратности и глубокого знания дела…. Высокий, подтянутый, стройный…, сильный, несгибаемый человек»[1324].

…Высшее партийно-политическое и военное руководство СССР по-прежнему не без оснований усматривало и в М.Тухачевском и его «группе» политически-опасный потенциал, который мог с успехом реализоваться в военном или государственном перевороте. Имелся в виду, наверное, и многократный «конспиративный опыт» самого М.Тухачевского, пять раз замыслившего и организовавшего свои побеги из плена. Этот его «опыт» могли расценивать так: М.Тухачевский в дискомфортной социальной ситуации проявляет способности, навыки и стремления к «заговору»; упорен в достижении поставленной цели; решителен в реализации задуманного и морально готов к «рецидиву» в случае неудачи. Впрочем, на такого рода предприятие «в государственном масштабе» он, как полагали, способен пойти, скорее всего, при одном и весьма существен-

---

[1321] Будберг А.Дневник. //Архив русской революции. – Т. 11-12. - С. 227.
[1322] Калинин С.А. Размышляя о минувшем. - М., 1963. - С. 106.
[1323] Корицкий Н.Н. В дни войны и в дни мира. – Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 68.
[1324] Лобанов М.М. Мы – военные инженеры. Мемуары. - М., 1977. - С. 134-138.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ном условии: кто-то из авторитетных политических руководителей или какая-либо партийно-политическая группировка должны были взять на себя ответственность и поручить М.Тухачевскому и его «группе» осуществить этот «государственный переворот».

...Учитывая информацию, сообщаемую «Справкой...ЦК КПСС... по делу о «военном заговоре», следственные показания Г.Ягоды, Г.Прокофьева, самого М.Тухачевского в 1937 г., в которых нет ни слова о «группе-организации и заговоре Тухачевского» в начале 1924 г., и в то же время, открытие с 1924 г. наблюдательного «дела генштабистов», можно полагать, что в распоряжении ОГПУ были в лучшем случае «слухи». Резолюция М.Фрунзе в марте 1924 г. на материалы, политически компрометировавшие М.Тухачевского – «Партия верила т. Тухачевскому, верит и будет верить» – вполне логично сочеталась с его выступлением на Пленуме РВС СССР в ноябре-декабре 1924 г. М.Фрунзе обратил внимание на «постоянные конфликты между командирами и представителями особых отделов»[1325]. «Факты вмешательства в дела учебы представителей особого отдела, говорил М.Фрунзе, - должны вызвать со стороны РВС самый твердый отпор. Нужно сейчас, если подобного рода факты имеются, путем соответствующих приказов, объявленных в округах, вырвать их с корнем»[1326]. М.Фрунзе говорит о частном случае конфликта между командованием РККА и Особыми отделами ОГПУ. Надо полагать, что это было отражением общей ситуации: руководство РВС СССР в лице М.Фрунзе препятствовало вмешательству Особых отделов ОГПУ в армейские дела.

В контексте данной обстановки отчасти можно объяснить и то, почему слухи об участии командующего Ленинградским военным округом В.Гиттиса в «заговоре в Красной Армии», причем слухи циркулировавшие в Ленинграде в СССР еще в 1924 г., а не за рубежом, никак не отразились на его служебном положении. Примечательно, что В.Гиттис был отправлен в отставку со своей должности только 20 октября 1925 г. М.Фрунзе к этому времени, с 30 сентября

[1325] Доклад М.В.Фрунзе «Об итогах реорганизации Красной Армии» на ноябрьско-декабрьском Пленуме РВС СССР 1924 г. // Военно-исторический журнал. – 1966. - № 8. - С. 69.
[1326] Доклад М.В.Фрунзе.... - С. 69.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

1925 г. уже находился в больнице и готовился к операции. Фактическим руководителем РВС СССР и Наркомата являлся его заместитель И.Уншлихт, который, в частности, в руководстве РВС СССР курировал военную разведку и контрразведку, т.е. наблюдение за комсоставом РККА. Решение об отставке В.Гиттиса принималось им, вероятно, с санкции вышестоящих властных структур. В контексте всего вышесказанного назначение М.Тухачевского на должность начальника Штаба РККА 13 ноября 1925 г., по рекомендации уже покойного М.Фрунзе, представляется нелогичным с точки зрения нового Председателя РВС СССР и наркома К.Ворошилова. К тому же новый начальник Штаба РККА был против нового наркома. Однако следует, видимо, иметь в виду информацию о том, что М.Тухачевский был назначен начальником Штаба РККА еще до 6 ноября 1925 г., когда ЦК РКП (б) и ЦИК приняли решение о назначение К.Ворошилова. Ответственный сотрудник Политуправления Западного военного округа И.Телятников в связи обстановкой, сложившейся вскоре после смерти М.Фрунзе вспоминал: «Я входил в состав небольшой делегации Западного военного округа, прибывшей на похороны Михаила Васильевича Фрунзе. М.Н.Тухачевский тогда уже служил в Москве, но в почетном карауле у гроба М.В.Фрунзе он стоял вместе с нами. А вечером Михаил Николаевич пришел к нам в вагон...»[1327]. Кроме того, именно во время этого «вагонного разговора» М.Тухачевский и выразил свое мнение по поводу кандидатуры Г.Орджоникидзе на должность Председателя РВС СССР и наркомвоенмора[1328]. Он как бы подсказывал своим бывшим сослуживцем, кого нужно выдвигать в наркомы.

Как известно, похороны М.Фрунзе состоялись 3 ноября 1925 г. К этому времени М.Тухачевский уже служил в Москве, будучи по рекомендации М.Фрунзе назначенным начальником Штаба РККА. Скорее всего, негласно М.Тухачевский был назначен начальником Штаба РККА еще в октябре (если не во второй половине сентября) 1925 г., после возвращения из Германии, где он находился на маневрах Рейхсвера с 27 августа и по 20-е числа сентября 1925 г.

[1327] Телятников И.А. Вникая во все. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 169.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Косвенным указанием на кадровые перестановки в руководстве Штабом РККА, начавшиеся с конца августа 1925 г. указывает назначение начальника 1-го отдела Оперативного управления Штаба РККА В.Триандофиллова начальником этого управления с 1 сентября 1925 г. Сам приказ был датирован, следовательно, решение принято, 10 августа. Похоже, что В.Триандофиллов ездил на маневры в Германию вместе с М.Тухачевским и принять Управление в августе не мог.

Итак, исходя из вышеприведенных рассуждения, можно полагать, что назначенный 6 ноября 1925 г. Председателем РВС СССР и Наркомом К.Ворошилов был поставлен перед уже сложившейся ситуацией: М.Тухачевский уже был начальником Штаба РККА. Таким образом, он не был выдвинут на эту должность новым наркомом. Поэтому все последующие действия наркомата в отношении М.Тухачевского оказываются вполне логичными. Они шли, как мне представляется в двух направлениях. Во-первых, смерть М.Фрунзе снимала своеобразный «мораторий» на агентурную разработку слухов о «заговоре в Красной Армии». Первым, как мне думается, результатом этого было вышеотмеченное смещение В.Гиттиса с должности командующего ЛВО. Вторым – агентурное наблюдение за М.Тухачевским.

Уже в декабре 1925 г. секретный агент ОГПУ Овсянников информировал руководство о том, что «в настоящее время среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выявилось 2 течения: монархическое... и бонапартистское, концентрация которого происходит вокруг М.Н.Тухачевского»[1329]. Вскоре тот же агент уже называл ряд командиров РККА из бывших офицеров, «которые якобы входили в кружок Тухачевского», который стали называть «бонапартистским»[1330]. В составе, так называемого, «бонапартистского кружка» М.Тухачевского с этого времени встречаются фамилии А.Виноградова, Н.Какурина, И.Троицкого, А.Зайончковского, А.Готовского, В.Готовского,

---

[1328] Телятников И.А. Вникая во все. // Маршал Тухачевский. Воспоминания.... - С. 170.
[1329] «Справка о проверке обвинений...». //Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 100.
[1330] Там же, с. 100-101.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Н.Соллогуба, Д.Зуева, А.Де-Лазари[1331]. Н.Какурин добаваляет фамилии участников этого «кружка»: «Колесинский, Эстрейхер-Егоров, Гай, Никонов, Чусов, Ветлин, Кауфельдт»[1332]. Характеристику «красных генштабистов» и «красных командиров», группировавшихся вокруг Н.Какурина, я начну с Ф.Кауфельдта.

Кауфельдт Федор Петрович (1894-19??), латыш, уроженец Лифляндской губернии, из крестьян. Его отец – батрачил, сам же он, сначала учился на землемера, затем, в 1913 г. сдал экстерном экзамен за курс реального училища и в 1916 г. окончил школу прапорщиков в Гатчине[1333]. Его военная карьера началась в июне 1916 г. в составе 6-го Тукумского латышского стрелкового полка. В 1917 г. он уже был штабс-капитаном и членом РКП (б)[1334]. Фактически начав службу в красной гвардии, а затем и в Красной Армии с декабря 1917 г., Ф.Кауфельдт в августе 1919 г. оказался слушателем высших штабных курсов Западного фронта, когда, очевидно, и близко познакомился с вышеупомянутым Р.Эстрейхером-Егоровым. После этого, начиная с января 1920 г. он служил и в оперативном отделении штаба Западного фронта, начальником штаба 23-й стрелковой бригады 8-й стрелковой дивизии, командиром 24-й стрелковой бригады той же дивизии. Попав в августе 1920 г. в плен к полякам, Ф.Кауфельдт вернулся оттуда в ноябре и вскоре был назначен начальником штаба 10-й стрелковой дивизии[1335], где и познакомился близко с Н.Какуриным. В своих воспоминаниях Ф.Кауфельдт писал, что «Николая Евгеньевича Какурина…знал еще по Западному фронту и с которым крепко дружил, несмотря на разницу в возрасте»[1336]. Уже в январе 1921 г. он был назначен командиром 10-й стрелковой дивизии и направлен в группу войск Тамбовской губернии, которая вела боевые действия с войсками Антонова. Здесь его назначили командовать Воронежским участком. В Тамбовской и Воронежской губернии Ф.Кауфельдт про-

---

[1331] Военные архивы России. – Выпуск № 1. - С. 110.
[1332] Там же, с. 103.
[1333] РГВА. Послужной список Кауфельдта Ф.П. № 111428.
[1334] Там же.
[1335] Там же.
[1336] Кауфельдт Ф.П. Светлые воспоминания. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 137.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вел до октября 1921 г. В это время он, благодаря Н.Какурину, ближе и непосредственно познакомился с М.Тухачевским[1337].

Трудно сказать бывал ли Ф.Кауфельдт и как часто у М.Тухачевского в Москве до 1928 г., однако после перевода М.Тухачевского на должность командующего Ленинградского военного округа, Ф.Кауфельдт стал одним из его ближайших сотрудников с мая 1928 до января 1929 г.[1338] Хотя в своих воспоминаниях Ф.Кауфельдт говорит, что в 1928 г. он был начальником штаба Ленинградского военного округа, однако он не совсем точен. Официально он занимал должность заместителя начальника штаба ЛВО с 1 ноября 1926 г. и, вероятно, какое-то время замещал начальника штаба округа. Вскоре же возможности для общения с М.Тухачевским оказались ограниченными, когда Ф.Кауфельдт был назначен начальником сектора ПВО г. Ленинграда[1339].

Видимо, участие Ф.Кауфельдта в частых встречах на квартире у М.Тухачевского или у Г.Гая в Москве, о которых сообщал Н.Какурин, имели место с января 1929 по январь 1930 г., когда Ф.Кауфельдт учился в КУВНАС[1340]. Общежитие этих курсов располагалось на той же Никольской улице, в том же Чижевском подворье, где находилась и квартира М.Тухачевского. В январе 1930 г. Ф.Кауфельдт уехал по назначению на запад начальником Полоцкого укрепрайона[1341].

В своих показаниях 1930 г. Н.Какурин среди частых гостей М.Тухачевского назвал также Никонова Федора Павловича (1894- ?) бывшего

[1337] Как вспоминал сам Ф.Кауфельдт, после назначения командующим войсками Тамбовской губернии М.Тухачевского и передачи 10-й стрелковой дивизии в его распоряжение, он должен был представиться новому командующему и получить от него задание. «Приехав в Тамбов, - писал Ф.Кауфельдт в своих воспоминаниях, - прежде всего навещаю начальника штаба (войсками Тамбовской губернии) Николя Евгеньевича Какурина... Как всегда, беседа с Какуриным затянулась. Я украдкой поглядываю на часы: не запоздать бы к командующему. Какурин перехватил мой взгляд и успокоил:

- Не тревожьтесь, Федор Петрович, к Михаилу Николаевичу можно идти в любое время...

Поднимаюсь на второй этаж и без всяких проволочек попадаю в кабинет Тухачевского...

...Тухачевский шагнул мне навстречу.

- Хорошо, что приехали. Очень ждал вас. Хочется узнать, как воевали с бандитами. Нам сейчас дорог такой опыт. Да и о дальнейших действиях надо договориться...».

Так началось непосредственное знакомство с М.Тухачевским, переросшее позднее в хорошие приятельские отношения. Правда, это произошло значительно позднее. – Кауфельдт Ф.П. Светлые воспоминания. //Маршал Тухачевский. Воспоминания.... – С. 137.

[1338] РГВА. Послужной список Кауфельдта Ф.П. № 111428.

[1339] Там же.

[1340] Там же.

[1341] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

подпоручика л-г. Гренадерского полка. Из крестьян. Окончивший ускоренный курс Павловского военного училища в 1916 г., он был выпущен л-г. Гренадерский полк в мае 1916 г. Его военная карьера в Красной Армии началась с февраля 1918 г. Оставшийся беспартийным Ф.Никонов в 1922 г. окончил Военную Академию РККА и с 1925 г. занимал штабные должности в Ленинградском и Московском военном округах. В сентябре 1926 г. он был зачислен адъюнктом по истории военного искусства в Военную Академию РККА. Видимо именно с этого времени определилось его дружеское сближение с Н.Какуриным, который ввел Ф.Никонова в дом М.Тухачевского.

Иван Григорьевич Чусов (1896- ?) вошел в число ближайших сотрудников, приятелей Н.Какурина и М.Тухачевского, видимо, еще с 1921 г., когда указанные лица возглавляли Тамбовскую группу войск. И.Чусов, бывший подпоручик военного времени, младший офицер пулеметного полка (1917 г.) с июня 1921 по сентябрь 1922 г. был ближайшим помощником Н.Какурина, сначала в качестве начальника оперативного отдела штаба войск Тамбовской губернии, затем начальника оперативного управления того же штаба, а потом, очевидно, увлечен Н.Какуриным в Туркестан. Назначенный командующим Бухарской группой войск, Н.Какурин забрал с собой И.Чусова в качестве своего начальника оперативного отдела, затем – начальника штаба группы войск[1342]. Оказавшийся в Москве в адъюнктуре Военной Академии РККА, И.Чусов, благодаря Н.Какурину также стал постоянным гостем квартиры М.Тухачевского в 1925-1930 гг.

В подобном же положении, видимо, был и Григорий Александрович Ветлин (1898-1937), также оказавшийся среди приятелей М.Тухачевского, благодаря приятельским отношениям с Н.Какуриным.

Среди частых гостей М.Тухачевского, которых упомянул в своих показаниях Н.Какурин, не упомянуты еще несколько, которые, несомненно, также входили в число лиц, окружавших его. Прежде всего следует отметить Арватова Юрия Игнатьевича (1896-1937), дворянина, бывшего капитана, летчика, от-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

личившегося в 1920 г. в боях на Южном фронте против Русской армии генерала П.Врангеля, а затем на Туркестанском фронте, где он пробыл до 1924 г. Дело в том, что Ю.Арватов, подобно Н.Какурину, в 1918-1919 гг. также служил в Галицийской армии и вместе с Н.Какуриным оказался в Красной Армии в 1920 г. Вряд ли будет ошибкой утверждение, что оба офицера были знакомы еще по службе в Галицийской армии. А в 1922 г. оба оказались в Туркестане, где Ю.Арватов служил сначала помощником командира 2-го авиаотряда ВВС Туркестанского фронта, затем командиром отряда 57-й авиаэскадрильи и командиром 57-й авиаэскадрильи в Московском военном округе.

Возможно, что и в данном случае Н.Какурин познакомил летчика-капитана с М.Тухачевским. Вскоре Ю.Арватов стал близким родственником «красного Бонапарта», женившись на его сестре М.Н.Тухачевской.

Не вызывает сомнения, что достаточно близок к Н.Какурину был еще один бывший офицер, связанный с авиацией. Это – Лавиновский Борис Яковлевич (1896-1936). Крещеный ингуш по национальности, из крестьян, уроженец Владикавказа, он в 1915 г., после окончания Николаевского кавалерийского военного училища, выпущен был корнетом[1343]. Это, несомненно, был незаурядный человек. В 1917 г. Б.Лавиновский был уже ротмистром, командиром кавалерийского дивизиона. Он свободно владел, кроме родного русского языка, также немецким, французским, турецким, латышским и курдским[1344]. Несмотря на то, что Б.Лавиновский так и остался до конца своих дней беспартийным, в Красную Армию он вступил добровольно в феврале 1918 г., а по другим сведениям, даже раньше, в декабре 1917 г.[1345] В 1920 г. он служил на Западном фронте, сначала инструктором отдельного Тавлижского отряда, затем командиром 3-го кавалерийского полка и в составе войск М.Тухачевского участвовал в походе на Варшаву[1346]. Как хорошего кавалерийского начальника М.Тухачевский взял с собой Б.Лавиновского и в Тамбовскую группу войск в мае 1921 г. Там он про-

---

[1342] РГВА. Послужной список Чусова И.Г. См. также «Список лиц с высшим общим военным образованием». С. 247.
[1343] РГВА. Послужной список Лавиновского Б.Я.
[1344] Там же.
[1345] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

служил до июля 1921 г. командиром 2-го кавалерийского полка 14-й отдельной кавалерийской бригады, а затем – помощником командира этой бригады[1347]. Ценимый не только М.Тухачевским, но и Н.Какуриным, Б.Лавиновский в 1922 г. оказался на Туркестанском фронте в составе возглавляемой Н.Какуриным Бухарской группы войск в качестве начальника боевого участка[1348]. На Туркестанском фронте он пробыл до ноября 1926 г., отличился, был награжден орденом Красного Знамени. С 1926 г. его перевели в авиацию. После окончания курсов усовершенствования школы летчиков-наблюдателей, Б.Лавиновский служил в штабах авиационных частей Московского военного округа, а затем – преподавателем и начальником кафедры тактики Академии Военно-Воздушных Сил[1349].

Особенно близкими служебными и внеслужебными в это время – 1925-1928 гг. у М.Тухачевского были с Семеном Андреевичем Пугачевым (1889-1939). Сын учителя гимназии, капитан Генштаба, беспартийный специалист он вступил в Красную Армию в 1918 г. и в годы гражданской войны занимал высокие штабные должности. Знакомство М.Тухачевского с С.Пугачевым состоялось в феврале 1920 г., когда «победитель Колчака и завоеватель Сибири», по настоянию И.Сталина был назначен командующим Кавказским фронтом. В это время С.Пугачев, бывший капитан Генерального штаба являлся начальником оперативного управления штаба фронта[1350]. Он очень хорошо зарекомендовал себя у прежнего командования фронтом В.Шорина и его начальника штаба Ф.Афанасьева. Ф.Афанасьев «лестно отзывался о его работоспособности, военных знаниях, умении отстаивать свою точку зрения перед командованием»[1351]. По свидетельству тогдашних его сослуживцев, именно «по рекомендации Шорина и Афанасьева, поддержанной начальником Полевого Штаба РВСР П.П.Лебедевым, новый комфронтом М.Н.Тухачевский и член РВС

[1346] РГВА. Послужной списко Лавиновского Б.Я..
[1347] Там же.
[1348] Там же.
[1349] Там же.
[1350] Список лиц с высшим общим военным образованием. - С. 172.
[1351] Ладухин В.Н. Славное имя. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 178.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Г.К.Орджоникидзе дали согласие на назначение С.А.Пугачева начальником штаба фронта»[1352].

Служебные отношения между М.Тухачевским и С.Пугачевым складывались хорошо и вскоре укрепились отношениями дружескими. Во всяком случае, когда в январе 1925 г. М.Фрунзе был назначен Председателем РВС СССР и Наркомом по военным и морским делам, а руководство Штабом РККА и Инспекторатом РККА объединил в руках С.С.Каменева, то, «по рекомендации М.Н.Тухачевского», С.Пугачев был приглашен на должность заместителя начальника Штаба РККА. Фактически же, с февраля и по ноябрь 1925 г. Он выполнял функции начальника Штаба Красной Армии. С.Каменев был занят работой в Инспекторате РККА, и вся работа по руководству Штабом лежала на С.Пугачеве. До этого, С.Пугачев уже успел прослужить на очень высоких и ответственных должностях командующего Туркестанским фронтом и Отдельной Кавказской армии.

Идея привлечь С.Пугачева в центральный аппарат управления РККА возникла у М.Тухачевского еще в 1924 г. По свидетельству В.Ладухина, который в это время, будучи близким приятелем С.Пугачева, служил под его начальством в ОКА, в 1924 г. «к нам в Тбилиси проездом на отдых прибыл Тухачевский...Он настойчиво добивался, не нуждается ли Семен Андреевич в чем-либо? Не имеет ли желания перейти на работу в центральный аппарат, где очень нужны опытные боевые командиры?»[1353]. М.Тухачевский и С.Пугачев часто встречались на протяжении всего 1925 г., а в ноябре, когда М.Тухачевский возглавил Штаб РККА, он «попросил С.А.Пугачева остаться его заместителем. Содержание этого разговора, - как вспоминал В.Ладухин, - мне в тот же вечер передал Семен Андреевич. Тухачевский сказал, что, близко наблюдая работу Штаба РККА в течение ряда лет, он одобряет деятельность Пугачева и будет продолжать, как он выразился, линию Фрунзе»[1354].

[1352] Ладухин В.Н. Верный сын Родины. //Военно-исторический журнал. – 1964. - № 2. - С. 76.
[1353] Ладухин В.Н. Славное имя. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 179.
[1354] Там же, с. 184.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Косвенным свидетельством тому, что М.Тухачевского связывали с С.Пугачевым и единодушие в служебной деятельности, и личные дружеские отношения, можно считать еще одно обстоятельство. Когда в мае 1928 г. М.Тухачевского сместили с должности начальника Штаба РККА, вскоре, в августе того же года с должности заместителя начальника Штаба РККА сняли и С.Пугачева. Он был переведен в распоряжение наркома. Т.е. его сняли с должности без назначения. Позднее, когда начались массовые аресты среди старых генштабистов, когда были арестованы близкие друзья М.Тухачевского Н.Какурин и И.Троицкий в 1930 г., когда встал вопрос об аресте самого М.Тухачевского как «заговорщика», был арестован и С.Пугачев.

В собственноручно написанном заявлении Н.Кузьмин сообщал: «К числу лиц, окружавших Тухачевского, относятся Дыбенко, Уборевич, Корк, Путна, Примаков. Нужно отметить исключительно дружественность взаимоотношений между Тухачевским, Уборевичем и временами приезжавшим в Москву Якиром. Обычно мы встречались в домашней обстановке»[1355]. И.Троицкий, вернувшийся из Турции в начале 1925 г., вспоминал: «...Я восстановил связи с Тухачевским и Какуриным. У Тухачевского я сделался частым гостем. У него собирались почти каждый день...»[1356]. «В Москве, - пояснял Н.Какурин, - временами собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки[1357]. В Ле-

---

[1355] Цитируется по очерку: Бобренев В. Большевик Николай Кузьмин. //Расправа. Прокурорские судьбы. – М., 1990. – С. 139-140.

[1356] Военные архивы России. – Выпуск № 1. - С. 105.

[1357] Там же, с. 103. На основе имеющейся в моем распоряжении информации эту «цыганку» трудно идентифицировать. В порядке сюжета для размышлений: возможно, «цыганкой» была жена Л.Каменева (сестра Л.Троцкого) О.Каменева. Весьма примечательные воспоминания, не лишенные известной скандальности, оставил генерал Д.Фокке, принимавший в конце 1917 г. участие в качестве военного эксперта в переговорах в Брест-Литовске.

«Навстречу нам, - вспоминал генерал, - с ободранного дивана гибким движением поднялась безукоризненно одетая и красиво причесанная, с драгоценным кулоном на шее, моложавая дама лет тридцати. У нее невольно запоминающаяся наружность: черные, как смола, отливающие волосы, смуглое лицо восточного – я бы сказал, цыганского, - типа и большие красивые глаза. Не каждый день встречаются такие женские лица, отмеченные энергией и женственной силой, умеющей подчинять и не склонной подчиняться.

«Цыганка» вопросительно оглядывает нас с головы до ног.... Оказалось, что в лице секретаря Исполкома мы имели дело с женой нашего знакомца по Брест-Литовску и сестрой самого Троцкого. Это одна из характернейших женских фигур большевицкой революции. На должности с канцелярским названием секретаря и на кабинетной работе «цыганка»-Каменева оставалась недолго. Женщина прежде всего, ищущая от положения в верхах максимальных удовольствий, она впоследствии разошлась с Каменевым и стала героиней многих историй.

...В столовой народных комиссаров Каменева оживленно разговаривала с нами, обдавая нас запахом своих тонких духов, поблескивая живыми темными глазами, задавая вопросы и вставляя замечания, обнаруживавшие ее живой ум, очень часто гораздо более серьезные, чем мы выслушивали от таких спутников по поездке в

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нинграде собирались у Тухачевского. Лидером всех собраний являлся Тухачевский...»[1358]. На этих встречах, естественно, были и женщины. «Наши встречи возобновились только в Москве, - вспоминала К.Павлова-Давыдова, хорошо знавшая М.Тухачевского еще с 1918 г., - на новогодних вечерах у Г.Д.Гая»[1359]. «Но особую привлекательность приобрел дом Тухачевских с переводом Михаила Николаевича в Москву (в конце 1925 г.), - делилась своими воспоминаниями Л.Гусева. – Какие там встречались люди! Часто звучала чудесная музыка, исполняемая первоклассными музыкантами!.... Михаил Николаевич и Нина Евгеньевна умели создать обстановку непринужденности. У них каждый чувствовал себя легко, свободно, мог откровенно высказать свои мысли, не боясь, что его прервут или обидят»[1360]. «О какой-либо политической группировке не было и речи, - показывал в 1930 г. арестованный И.Троицкий, - но все члены компании молча соглашались друг с другом, что центром объединения является Тухачевский и его политическое будущее.... За период 1926-1930 гг. я являлся агитатором достоинств Тухачевского. Восхвалял при всех удобных случаях его таланты...»[1361].

Застольные и обычные приятельские разговоры, особенно в обстановке обострения военных, военно-политических и просто политических проблем страны в 20-е годы среди лиц, окружавших М.Тухачевского, бывали порой достаточно откровенны и политически- заинтересованными. Сам М.Тухачевский, порой нарочито откровенно демонстрировал свое отношение к политической ситуации, кадровым перестановкам в военном руководстве, выражал свое мнение. «Говорили на разные темы, в том числе и о вопросах военного строительства, - вспоминал Н.Кузьмин. - Все эти разговоры носили доброжелательный характер, обычно сводились к обсуждению политики партии. При этом правильность линии ЦК бралась под сомнение. По мнению Тухачевского, из числа

Брест, как Иоффе или Карахан». – Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров). //Архив русской революции. - Т. 20. - С. 62-63.

[1358] Военные архивы России. – Выпуск № 1. – С. 103.

[1359] Павлова-Давыдова К.М. Незабываемое. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 109.

[1360] Гусева Л.В. Весь для людей. //Там же, с. 154-155.

[1361] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 105.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военных в Реввоенсовете было только два человека – он и С.С.Каменев, а все остальные, в том числе и нарком, - только политическими работниками. Военных работников Белова, Шапошникова, Егорова и других, близких к наркому, Тухачевский считал «рутинерами», недостаточно понимающими современное военное дело. Тухачевский, как он мне тогда говорил, своей основной задачей ставил добиться назначения нескольких ориентирующихся на него командующих войсками членами Реввоенсовета в целях усиления влияния чисто военных на деятельность Реввоенсовета»[1362]. Частенько рассуждения об армейских проблемах переходили в военно-политическую и чисто политическую плоскости. «Возвратившись из Туркестана в Москву, в 1926 году я близко сошелся с Тухачевским, Уборевичем, Корком, Уншлихтом и другими военачальниками, - вспоминал Н.Кузьмин. - Я разделял господствовавшее среди них недовольство Сталиным и Ворошиловым, отправляясь от казавшихся мне ошибочными решений Сталина и Ворошилова по вопросам армейского строительства, индустриализации и коллективизации СССР, тактических позиций Коминтерна»[1363].

Еще при обсуждении вопроса о преемнике М.Фрунзе на посту Председателя РВС СССР и Наркомвоенмора, М.Тухачевский говорил с оттенком некоторого высокомерия, обращаясь к собеседникам: «Я не знаю, кого вы называли в беседах с членами ЦК и ЦКК, а я, не делая секрета, хотел бы предложить кандидатуру Серго Орджоникидзе. Мне кажется, что только он, с присущим ему талантом и душевностью, с его работоспособностью и другими достойными качествами, мог бы стать приемлемой для всех кандидатурой на пост наркомво-

---

[1362] Бобренев В. Большевик Николай Кузьмин. – С. 139-140. Н.Кузьмин в своем заявлении пояснял, что речь идет о 1930-1932 гг., однако, судя по перечисленным фамилиям «генералов», с которыми находился в дружеских отношениях М.Тухачевский, временной диапазом был более широкий. В частности, уже с 1926 г. начинается охлаждение отношений между М.Тухачевским и П.Дыбенко, который с этого времени входит в «группу А.Егорова и С.Буденного», а 16 апреля 1928 г. подписывает вместе с ними письмо против М.Тухачевского, направленное К.Ворошилову.

Кроме того, мнение М.Тухачевского, что в составе РВС СССР только «два военных» человека – он и С.Каменев – может относиться лишь ко времени до лета 1930 г., когда в его состав были введены И.Уборевич и И.Якир. Однако введены они был в состав РВС СССР вовсе не в качестве «креатур» М.Тухачевского.

Поэтому информация Н.Кузьмина, изложенная им в заявлении, относиться, очевидно, ко всему периоду с 1926 по 1932 г.

[1363] Достоверность и соответствие действительным реалиям такого рода обмена мнений Н.Кузьмина с упомянутыми военачальниками придает записанный после цитированных выше показаний окрик следователя, зафиксированный в протоколе допроса: «Перестаньте путать следствие болтовней!...». – Цитируется по фрагменту протокольной записи, опубликованной в статье: Бобренев В. Большевик Николай Кузьмин. //Расправа. Прокурорские судьбы. - М., 1990. - С. 136.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

енмора...»[1364]. Косвенным образом это являлось выражением его отрицательного отношения к кандидатуре К.Ворошилова.

«Нам было известно, что Тухачевский настроен оппозиционно к Ворошилову, что он имеет группу своих людей, и что эта группа разделяет настроение Тухачевского», - сообщал в своих показаниях 25 апреля 1937 г. Г.Прокофьев[1365].

«Застольный» характер дружеских общений, несомненно, располагал к «раскованности» и словесным вольностям. Весьма характерно в этом отношении «признание» одного из друзей М.Тухачевского и завсегдатаев застолий Г.Гая. Обращаясь к Г.Ягоде «герой гражданской войны» Г.Гай каялся, что «совершил весьма тяжелое, ужасное преступление перед партией – тов. Сталиным, будучи выпивши, в частном разговоре с беспартийным сказал, что «надо убрать Сталина, все равно его уберут».... Перебороть окончательно влияние товарищей, влияние шушукающей среды, я не мог. И вот вырвало все это по адресу вождя партии, по адресу тов. Сталина, в такой гнусной форме и словах.... Осознав всю глубину совершенного мною преступления, я хочу окончательно и бесповоротно порвать с товарищами и средой, которые оказывали на меня влияние...»[1366]. Трудно сказать с определенностью, кого конкретно имел в виду Г.Гай под «товарищами» и «средой», однако совсем недавно в числе таковых были М.Тухачевский, Н.Какурин, И.Троицкий, А.Колесинский, Ф.Кауфельд и др. завсегдатаи квартиры М.Тухачевского, Н.Какурина или самого Г.Гая. Хотя вышецитированные строчки из письма Г.Гая относятся к ноябрю 1935 г. и написаны им вскоре после ареста, его пьяные рассуждения, возможно, отражают содержание бесед у М.Тухачевскогов период с 1925 по 1930 гг. Г.Гай не испытывал уважения к И.Сталину еще с гражданской войны. А его перевод на преподавательскую работу при К.Ворошилове вряд ли способствовал дружескому расположению к новому наркому и его «патрону».

[1364] Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 170.
[1365] ЦА ФСБ. Д. 11472. Л. 55-67. //Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар госбезопасности. Сборник документов. – Казань, 1997. - С. 522-523.
[1366] ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 82. Л. 77-79. //Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар госбезопасности. - С. 452.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Примечательны мотивы антисталинских высказываний Г.Гая, как он сам их определял. «Это гнусное преступление я совершил под влиянием двух основных факторов, - объяснял свое поведение автор уже цитированного выше письма к Г.Ягоде. – а) под влиянием личной неудовлетворенности своим общественным положением и занимаемой должностью, и б) под влиянием антипартийных разговоров с некоторыми близкими мне большевиками (даже «старыми» большевиками), фамилии которых следствию известны»[1367].

«Группа Тухачевского», о персональном составе которой ранее очень много и пространно приходилось рассуждать, так называемые «бонапартисты», сложилась из нескольких «группировок», различных по своему социокультурному и этно-культурному происхождению и ментальным ориентациям.

Это собственно «группировка Тухачевского» (Н.Какурин, И.Захаров, П.Ермолин, И.Троицкий, Н.Соллогуб, А.Кук, А.Корк, Е.Шиловский, Н.Варфоломеев, А.Зайончковский, Т.Домбаль, С.Будкевич, В.Чернавин, А.Колесинский, Г.Гай, А.Павлов, В.Путна, П.Шарангович, Г.Хаханьян и др.)

Это «группировка Какурина-Зайончковского» (Н.Какурин, А.Зайончковский, И.Троицкий, В.Готовский, А.Гатовский, Н.Соллогуб, А.Де-Лазари, М.Баторский, Д.Зуев, А.Малевский, Е.Шиловский, Н.Варфоломеев, П.Ермолин, Ф.Кауфельдт, Ф.Никонов, И.Чусов, Г.Армадеров, С.Бежанов-Сакварелидзе и др.). Обе указанные «группировки» пересекались благодаря дружеским или приятельским связям между лицами, входившими в состав и одной, и другой «группировок». Однако, социо-культурная инфраструктура всей «группы Тухачевского» и «группировок» ее составлявших была достаточно сложная в силу социо-культурной и ментальной неоднородности ее персонального состава. Во-первых, в составе «группы Тухачевского» совершенно отчетливо просматривается «гвардейский» микросоциум. М.Тухачевский, А.Зайончковский, П.Ермолин, Н.Соллогуб, М.Баторский, В.Готовский, А.Готовский, В.Чернавин, С.Бежанов-Сакварелидзе, Г.Армадеров, Д.Зуев – вышли из кадровых офицеров императорской гвардии. Во-вторых, это «аристо-

[1367] Генрих Ягода.... - С. 453.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

кратический» микросоциум. М.Тухачевский, А.Зайончковский, Н.Соллогуб, М.Баторский, Н.Какурин, Н.Шиловский, В.Готовский, А.Готовский принадлежали к старинным дворянским фамилиям. Если же учесть дворянское происхождение Д.Зуева, С.Бежанова-Сакварелидзе, А.Де-Лазари, П.Ермолина, В.Чернавина, Г.Армадерова, И.Троицкого, то вполне можно было бы рассуждать об особом дворянском ментальном настрое, господствовавшем в «группе Тухачевского», что не могло не диссонировать с ментальными настроениями других членов «группы». Однако эта ситуация, несомненно, смягчалась еще некоторыми свойствами данной «группы». Примерно половина выше поименованных лиц так или иначе хранили в своей «культурной» памяти связь с реальными или воображаемыми «польско-литовскими предками». Самое же главное, что нейтрализовало возможные внутренние противоречия и внутригрупповые коллизии, это то, что почти все члены «группы Тухачевского» – «гвардейцы», «генштабисты», «дворяне-аристократы», русские, поляки, литовцы и т.д. – прошли в рядах Красной Армии, ее командирами и начальниками штабов под командованием М.Тухачевского через гражданскую войну. Это были именно те люди, о которых Н.Какурин сказал, что они «разделяли оперативно-стратегические» взгляды М.Тухачевского. Некоторые из них – Н.Какурин, А.Готовский, М.Баторский, Н.Варфоломеев – разрабатывали отдельные положения стратегической «доктрины Тухачевского» – концепцию «революции извне» - «стратегии сокрушения». Некоторым из них она представлялась частным случаем концепции «наступательной войны».

С 1926 г. было выделено специальное наблюдательное «дело Тухачевского» для агентурного наблюдения «кружка бонапартистов»[1368]. В связи с его разработкой начали привлекаться к негласному сотрудничеству с ОГПУ некоторые сослуживцы М.Тухачевского в качестве секретных агентов[1369]. В 1926 г. из Управления Ленинградского военного округа в Оперативное управление Штаба РККА был переведен Д.Зуев, который уже являлся секретным сотрудником ОГПУ. Вероятно, сам М.Тухачевский способствовал этому переводу, поскольк-

[1368] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 101.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ку, как ранее отмечалось, Д.Зуев был в близких приятельских отношениях с А.Зайончковским и Н.Какуриным. Так или иначе, но перевод этот был осуществлен в интересах наблюдательного «дела Тухачевского». Д.Зуев стал одним из активных секретных агентов, приставленных к М.Тухачевскому и поставлявших информацию о начальнике Штаба РККА[1370].

Наблюдение за поведением М.Тухачевского осуществлялось и вполне легально. В 1926 г. происходит ряд кадровых перестановок среди ответственных сотрудников М.Тухачевского по Штабу РККА. Видимо, тех из них, которые фактически не выполнили своих функций секретных сотрудников ОГПУ и не дали никаких сведений о своем начальнике, были заменены на более «удобных» в этом отношении и «полезных»[1371]. 16 декабря 1926 г. начальник 2-го (Организационнно-мобилизационного) управления Штаба РККА С.Венцов-Кранц[1372] был смещен со своей должности без назначения, «для особых поручений при Председателе РВС СССР». Эта формулировка часто скрывала «опальное» состояние офицера и генерала. Вместо него на освободившуюся должность был назначен Н.Ефимов[1373]. Предшествующая служба Н.Ефимова весьма красноречиво свидетельствует о его служебных функциях не только в качестве начальника 2-го Управления Штаба РККА. Дело в том, что Н.Ефимов с лета 1921 г. и до января 1924 г. служил в войсках ВЧК-ГПУ на ответственных должностях 2-го помощника начальника управления войск ВЧК и начальника штаба войск ГПУ. Последнюю должность он исполнял под непосредственным

[1369] Военные архивы России. – Выпуск № 1. – С. 101.
[1370] Там же.
[1371] Как говорится в «Справке по проверке обвинений...», «органы НКВД привлекли к негласному сотрудничеству некоторых сослуживцев Тухачевского и направили их на разработку этого кружка, называя его «бонапартистским». Однако никто из них, в том числе Овсянников, не сообщали о какой-либо антисоветской деятельности Тухачевского». – Военные архивы России. Выпуск № 1, с. 101.
[1372] Венцов-Кранц Семен Иванович (1897-1937). Еврей, пропорщик 1917 г. Член РКП (б). В РККА с 1919 г. Служил сначала военным комиссаром. В 1921 г. принимал участие в подвалении Тамбовского восстания в качестве начальник штаба у И.Уборевича, с которым в той же должности воевал в Белоруссии . В 1922 г. окончил Академию Генерального штаба. С апреля 1924 г. – начальник Организационного (организационно-мобилизационного) управления Штаба РККА.
[1373] Ефимов Николай Алексеевич (1897-1937), русский, подпоручик военного времени, член РКП (б). В РККА с 1918 г. Активный участник гражданской войны. Служил в основном начальником штабов бригад и дивизий. В 1921 г. – 2-й помощник начальника управления войск ВЧК. В 1922-1923 гг. – на стажировке в войсках ГПУ. С 1923 по январь 1924 г. – начальник штаба войск ГПУ. С января 1924 до 16 декабря 1926 г. – начальник командного управления ГУРККА. С 1926 по 1929 гг. – начальник 2-го (Организационного) Управления Штаба РККА. В 1929-1930 гг. – заместитель начальника вооружений РККА, а с 1930 и до конца службы – начальник Главного артиллерийского управления РККА.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

начальством Г.Ягоды. Именно то обстоятельство, что человек этот был не только опытным и способным работником, но также «проверенный» и «преданный», видимо, сыграло важную роль в его назначении на должность начальника Командного управления Штаба, а затем ГУРККА в январе 1924 г. Как раз в наиболее острый период политической борьбы и начавшейся «чистки» советской военной элиты. Назначение Н.Ефимова (можно сказать «человека Ягоды») на должность начальника 2-го Управления Штаба РККА в конце 1926 г. означало совершенно «легально» приставить к М.Тухачевского «наблюдателя из ОГПУ». Не исключено, что аналогичные соображения играли роль и при замене в должности начальника Научно-уставного отдела Штаба РККА с 1 ноября 1925 г. «ветерана» 5-й армии и «креатуры» М.Тухачевского А.Лапина[1374] на В.Меликова[1375].

Во-вторых, по существу, сразу же после назначения К.Ворошилова новым Председателем РВС СССР и Наркомом должностные обязанности М.Тухачевского как начальника Штаба РККА начали постепенно, но неуклонно сужаться. В компетенции начальника Штаба РККА оставалось все меньше и меньше сфер контроля, управления армейскими процессами и меньше рычагов влияния на них.

Одновременно 13 ноября 1925 г. из структуры Штаба РККА были выведены Инспекторат и Управление Боевой подготовки. Именно те структурные элементы, за включение которых в состав Штаба РККА М.Тухачевский вел острые дискуссии в 1924 г. с оппонентами, особенно с А.Егоровым.

[1374] Лапин Альберт Янович (1899-1937), латыш, из рабочих, член РКП (б) с 1917 г. Красногвардеец. В РККА с 1918 г. Служил сначала военным комиссаром, затем на командных должностях в 5-й армии М.Тухачевского. Ветеран 26-й и 27-й стрелковых дивизий 5-й армии. По рекомендации М.Тухачевского был выдвинут на должность, сначала командира стрелковой бригады, затем – 30-й стрелковой дивизии в конце 1919 г. В 1921-1922 гг служил на высших командных должностях на Дальнем Востоке, был командующим Забайкальским военным округом в 1921-1922 гг. Окончил Военную академию РККА в 1925 г. В 1925-1926 гг. – военный советник в Китае. С 10 февраля 1925 по 1 ноября 1925 г. – начальник управления по исследованию и использованию опыта войн в Штабе РККА. В последующие годы на высших штабных и командных должностях, в том числе – в ВВС РККА.

[1375] Меликов Владимир Арсеньевич (1897-1946), русский, член РКП (б) с 1921. Красногвардеец. В Красной Армии с 1918 г. Служил в комиссариате Всероглавштаба, затем на командных должностях. В 1919-1920 гг. – помощник начальника оперативной части Полевого штаба РВСР. в июне-августе 1920 г. заместитель командующего 4-й армией Западного фронта, затем начальник 13-й стрелковой дивизии. В 1924 г. окончил Военную академию РККА. С начала 1925 г. заместитель начальника управления по исследованию и использованию опыта войн Штаба РККА. Спустя два с половиной года В.Меликов будет в весьма грубой форме дискредитировать М.Тухачевского как полководца.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Вскоре после назначения на должность М.Тухачевский обнаружил и фактическое изъятие из-под его подчинения 4-го (Разведывательного) Управления Штаба РККА. 31 января 1926 г. в докладе наркому М.Тухачевский выражал свое возмущение этим фактом.

«Я уже докладывал Вам словесно о том, что Штаб РККА работает в таких ненормальных условиях, которые делают невозможной продуктивную работу, а также не позволяют Штабу РККА нести ту ответственность, которая на него возлагается положением, - писал он своем докладе. – Основными моментами, дезорганизующими работу Штаба, являются:

а) фактическая неподчиненность Штабу РККА Разведупра и

б) проведение (оперативно-стратегических и организационных) мероприятий за восточными границами помимо Штаба РККА, через секретариаты Реввоенсовета.

Такая организация, может быть, имела смысл при прежнем составе Штаба, когда ряд вопросов особо секретных ему нельзя было доверять»[1376].

Выражая резкое недоумение по поводу недоверия новому составу Штаба РККА, его начальник, М.Тухачевский заявлял: «Штаб РККА не может вести разработки планов войны, не имея возможности углубиться в разведку возможных противников и изучить их подготовку к войне по первоисточникам. В этих уловиях Штаб и в первую очередь его начальник, ведя нашу подготовку к войне, не может отвечать за соответствие ее предстоящим задачам.... Если, например, Штаб РККА подготовит наше стратегическое развертывание ошибочно, если все преимущества перейдут на сторону противника, то мы рискуем величайшими поражениями.... Естественно, всех собак будут вешать на Штаб РККА, но по существу, при настоящих условиях, он не может нести за это полной ответственности»[1377].

[1376] «В настоящее время, когда новый состав Штаба в его основных секретных отделах доведен почти до 100% коммунистов, считаю такой подход к нему совершенно неправильным. Иначе не было бы смысла перетряхивать весь старый Штаб и потом не доверять новому», - писал М.Тухачевский. – РГВА. «Маршал М.Н.Тухачевский (1893-1937)». Комплект документов из фондов РГВА. Доклад начальника Штаба РККА М.Тухачевского Председателю РВС СССР тов. Ворошилову от 31 января 1926 г. - Л. 1.

[1377] РГВА. «Маршал Тухачевский...». Комплект документов из фондов РГВА. - Л. 1-2.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевский выражал возмущение и категорически заявлял в связи с вышеизложенным: «...В нынешних условиях я считаю свое положение ложным и организацией изучения противника не занимаюсь и при всем желании не могу заниматься».

Особое внимание наркома М.Тухачевский обратил на вредную практику проведения «оперативных мероприятий помимо Оперупра и Штаба РККА». «Здесь положение еще хуже, - указывал начальник Штаба. – Если Разведупр дает Штабу РККА хотя бы сухие выводы (которые не всегда удовлетворяют Штаб), то благодаря вышеуказанной работе, проводимой тайно от Штаба РККА, руководящий состав последнего, в силу объективного ходя вещей, постоянно вводится в заблуждение. Ибо, если Разведупр говорит о том, что делается у противников, секретариаты, ведущие зарубежную работу, скрывают это»[1378]. В доказательство порочности и опасности такого рода практики М.Тухачевский обратил внимание К.Ворошилова на конкретный и весьма симптоматичный факт.

«В ночь с 22-го на 23-е января сего года, по Вашему личному приказанию, Зам. Нач. Штаба РККА тов. Пугачев сделал ряд распоряжений по производству демонстрации к Маньчжурской границе. Штаб к этому не был подготовлен. В курсе происходящих событий он не был. Тов. Уншлихт запрашивал меня, что можно было бы сделать для демонстрации, но лишь в предварительном порядке, не посвящая в подробности обстановки. Никаких указаний Штаб не получал, а сам вести подготовки не мог, ибо полностью оттерт от такого рода работы. В результате получилась запоздалая демонстрация. Если бы Штаб РККА действительно выполнял работу, которую он должен выполнять, то еще 17-19 января он сделал бы необходимые приготовления, не вызывая со стороны войск каких-либо подозрений. Те замечания, которые Вы сделали т. Пугачеву, по существу более всего касаются той организационной неразберихи, которая установлена, а в частности и Вашего секретариата (по части Китая)»[1379].

[1378] РГВА. Маршал Тухачевский М.Н. Комплект документов... - Л. 2.
[1379] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Таким образом, проблема уже выходила из рамок организационно-функциональных трений, а становилась проблемой боевой практики. Причины пока еще небольших «провалов» в ней уже начала «сваливать» на Штаб РККА, на его руководство, в том числе и в первую очередь – на М.Тухачевского.

В этом же докладе М.Тухачевский выдвинул свои требования в достаточно решительной, жесткой и категоричной форме.

«...Прошу установить подчинение Разведупра по вопросам агентуры Штабу РККА и РВС СССР на следующих основаниях, - излагал свои требования и условия М.Тухачевский. –

1.В пределах поставленных Штабом РККА задач – начальник Разведупра непосредственно подчиняется начальнику Штаба РККА как по вопросам сети агентуры, так и по личному составу.

2.В объеме заданий РВС СССР Начальник Разведупра непосредственно подчиняется Заместителю председателя Реввоенсовета, коим, сверх того, контролируется вся агентурная работа, в частности и работа по заданиям Штаба РККА.

Вполне понятно, что непосредственные, тесные отношения РВС с Разведупром должны сохраниться, но Штаб в области своих заданий должен действительно иметь в своем распоряжении Разведупр»[1380].

В контексте вышеизложенных требований М.Тухачевский считал необходимым «включение секретариата Лонгвы (Бортновского)[1381] в Оперупр Штаба РККА. Конечно, это не исключает возможности непосредственных сношений РВС с соответствующими лицами в Оперупре и необходимости ведения особого контроля РВС по всем этим вопросам»[1382].

[1380] «Маршал Тухачевский...». Комплект документов из фондов РГВА. Л. 2

[1381] Лонгва Роман Войцехович (1891-1938), поляк, член ППС с 1910; член РСДРП (меньшевиков), с 1918 – большевик. Штабскапитан военного времени. В Красной Армии с 1918 г. В 1920 г. на Западном фронте командовал 1-й польской Красной Армией. С конца 1920 г. служил в Разведуправлении Штаба РККА. В 1921-1923 гг. – начальник Разведуправления Штаба Войск Украины и Крыма, член коллегии ГПУ УССР. С осени 1923 г. помощник начальника штаба ВСУК, а с февраля 1924 г. – и.о. начальника штаба ВСУК и УВО. С апреля 1924 в ГУРККА, затем в секретариате И.Уншлихта, а с мая 1926 г. – военный атташе в Китае. В последующие годы в руководстве войсками связи РККА.

О Б.Бортновском см. в начальных разделах книги.

[1382] РГВА, «Маршал М.Н.Тухачевский...». Комплект документов.... «Доклад начальника Штаба РККА....». - Л. 3-4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В случае неприятия указанных требований и условий М.Тухачевский видел «один выход:

1) назначение более авторитетного начальника Штаба РККА, которому сочтено будет возможным подчинить Разведупр;
2) организационное изъятие Разведупра из состава Штаба РККА и непосредственное его подчинение РВС. Штаб будет ограничиваться выработкой заданий;
3) подбор более авторитетного состава Штаба РККА;
4) изъятие из ведения Штаба РККА подготовки войны на восточных фронтах и полное сосредоточение всех этих вопросов в Вашем секретариате»[1383].

В заключение своего доклада М.Тухачевский писал: «После тщательного изучения затронутых выше вопросов, я должен с полным убеждением доложить о решительной невозможности продолжать работу в вышеочерченных условиях. Мы не подготовляем аппарата руководства войной, а систематически атрофируем его созданием кустарности взаимоотношений и превращением Штаба РККА в аполитичный орган»[1384].

В контексте этого доклада и требований М.Тухачевского в нем изложенных обнаруживается невольное обострение отношений между начальником Штаба РККА и Заместителем Председателя РВС СССР, между М.Тухачевским и И.Уншлихтом. Эти отношения еще с 1920 г. были вовсе не дружественными. И.Уншлихт, член РВС фронта и куратор фронтовой разведки еще при вступлении М.Тухачевского в должность командующего фронтом не скрывал своей к нему подозрительности. Теперь он не мог не реагировать на стремление «красного Бонапарта» изъять из-под его контроля, если не полностью, то, во всяком случае, частично полномочия по руководству разведкой.

Несмотря на столь жесткий конфликт по поводу Разведупра и достигнутый определенный компромисс по данному вопросу, функциональные возможности Штаба РККА и его начальника, равно как и масштабы его должностной компетенции продолжали уменьшаться.

[1383] РГВА. Маршал Тухачевский М.Н. Комплект документов.... - Л. 2,4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

18 февраля 1926 г. из Штаба РККА была изъята мобилизационная работа и передана в ГУРККА в связи с определенными «реорганизационными мероприятиями».

22 июля 1926 г. из Штаба РККА было изъято и передано в ГУРККА Военно-топографический отдел.

В это же время был проведен ряд кадровых перестановок и увольнений из Красной Армии, коснувшихся друзей, соратников и «креатур» М.Тухачевского в войсках. В декабре 1925 г. был смещен с должности помощника начальника штаба Украинского военного округа и переведен на преподавательскую работу в Военную академию РККА С.Бежанов-Сакварелидзе. В это же время был переведен на преподавательскую работу в Военно-политическую академию с должности помощника начальника ВВС РККА Н.Соллогуб. 2 февраля 1926 г. с должности помощника командующего Западным военным округом на ту же в Приволжский военный округ был переведен А.Павлов. Это было явное понижение. В июне 1926 г. с должности командира 16-го стрелкового корпуса был перемещен начальником одного из управлений в Штаб РККА И.Блажевич. В сентябре 1926 г. из РККА неожиданно был уволен инспектор кавалерии Украинского военного округа Г.Армадеров. В то же время был уволен из РККА и переведен военруком в гражданский институт близкий приятель М.Тухачевского, начальник штаба 29-й стрелковой дивизии А.Колесинский. Другой приятель М.Тухачевского и Н.Какурина, Ф.Никонов был в сентябре 1926 г. переведен адъюнктом в Военную академию РККА. Все эти люди так или иначе были связаны с М.Тухачевским и с военно-политическими процессами 1923-1924 гг. Меры принятые в их отношении в завуалированной форме означали «мягкие репрессии». В итоге к концу 1926 г. состав советской военной элиты был следующим:

	Фамилия, имя, отчество.	Год Рождения	Национальность	Социальное происхождение	Образование	Чин в старой армии	В РККА	Должность	Партийность
1.	Ворошилов Клемент Ефремович	1881	русский	Из рабочих			1918	Пред. РВС и НКВМ.	РКП(б)

[1384] РГВА. Маршал Тухачевский М.Н. Комплект документов... - Л. 4.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

								(11.1925)	
2.	Унщлихт Иосиф Станиславович	1879	поляк	Из служащих			1923 (из ГПУ)	1 зам. Пред.РВС и НКВМ (7.1926)	РКП(б)
4.	Тухачевский Михаил Николаевич	1893	русский	Из дворян (13 в.)	Прич. ГШ	Подпор капитан л-г.	1918	Нач. Штаба РККА (10.1925)	РКП(б)
5.	**Каменев Сергей Сергеевич**	1881	русский	Сын офицера	АГШ	Полковник ГШ	1918	Инсп. РККА нач. ГУРККА (8.1926)	Б/п
6.	Пугачев Семен Андреевич	1889	русский	Сын учителя гимназ.	АГШ	Капитан ГШ	1918	Зам нач. Шт. РККА	Б/п
7.	**Левичев Василий Николаевич**	1891	Русский	Из крестьян учитель		Штабс-капитан в/в	1918	Зам. Нач. ГУРККА (8.1926)	РКП(б)
8.	**Куйбышев Николай Владимиров.**	1893	русский	Сын офицера		капитан	1918	Нач. Упр.. начсостав. (12.1926)	РКП(б)
9.	**Дыбенко Павел Ефимович**	1889	украинец	Из крестьян		матрос	1918	Нач. снаб. РККА (11.1926)	РКП(б)
10.	Путна Витовт Казимирович	1893	литовец	Из крестьян художник		Прапорщик в/в	1918	Нач УВУЗ РККА (11.1925)	РКП(б)
11.	**Кулик Григорий Иванович**	1890	Украин.	Из крестьян		Солдат артил.	1918	Нач. ГАУ (11.1926)	РКП(б)
12.	Халепский Иннокентий Андреевич	1893	поляк	Сын портного			1918	Нач. ВТУ	РКП(б)
13.	Корк Август Иванович	1887	эстонец	Из крестьян	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Ком. БВО (11.1925)	РКП(б)
14.	**Сергеев Евгений Николаевич**	1887	русский	Сын художника	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба БВО (12.1926)	Б/п
15.	***Германович Маркиан Яковлевич***	1895	белорусс	Из крестьян		Штабс-капит. В/в	1918	Пом. Ком. БВО (2.1926)	РКП(б)
16.	Якир Иона Эммануилов.	1896	еврей	Сын провизора	Базель у-нт		1918	Ком. УВО (11.1925)	РКП(б)
17.	Кащирин Николай Дмитриевич	1888	русский	Сын станичного атамана		Подъесаул	1918	Пом. Ком. УВО (11.1925)	РКП(б)
18.	Лебедев Павел Павлович	1873	русский	Из дворян	АГШ	Ген-м. ГШ	1918	Нач. штаба УВО (11.1925)	Б/п
19.	Левандовский Михаил Карлович	1890	поляк	Сын унтерофицера		Штабс-капитан	1918	Ком. ОКА (11.1925)	Эсер-макс. РКП(б)
20.	Кузнецов Борис Иннокентьевич	1889	русский	Сын офицера	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба ОКА (2.1925)	Б/п
21.	Авксентьевский Константин Алексеевич	1890	русский	Из служащих		Подпоручик в/в	1918	Ком. Туркфронт. (11.1925)	РКП(б)
22.	**Зиновьев Георгий Васильевич**	1887	русский	Сын воен. чиновн.		Ст. унтерофицер	1918	Пом. Ком. Туркфронт (12.1926)	РКП(б)
23.	Кондратьев Борис Николаевич	1889	русский	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба Туркфронт. (1924)	Б/п
24.	Базилевич Георгий Дмитриевич	1889	русский	Из крестьян		Подпол-	1918	Ком.МВО (11.1925)	РКП(б)

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

						ковник			
25.	Белов Иван Панфилович	1893	русский	Из крестьян		Унтер-офицер	1918	Пом.ком. МВО	РКП(б)
26.	Перемытов Алексей Макарович	1888	русский	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918	Нач. штаба МВО (4.1924)	Б/п
27.	Петин Николай Николаевич	1876	русский	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918	Ком. СибВО (11.1925)	Б/п
28.	Паука Иван Христофоров.	1883	русский	Из мещан	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Нач. штаба СибВО (12.1924)	Б/п
29.	Уборевич Иероним Петрович	1896	литовец	Из крестьян	Прич. ГШ	Подпор. Арт. в/в	1918	Ком. СКВО (2.1925)	РКП(б)
30.	Гайлит Ян Петрович	1894	латыш	Из крестьян		Поручик в/в	1918	Пом.ком. СКВО (4.1924)	РКП(б)
31.	Алафузо Михаил Иванович	1891	русский	Сын офицера	АГШ прич ГШ	Капитан	1918	Нач. штаба СКВО (4.1924)	Б/п
32.	Шапошников Борис Михайлович	1882	русский	Из мещан	АГШ	Полковник ГШ	1918	Ком. ЛВО (10.1925)	Б/п
33.	**Кук Александр Иванович**	1886	эстонец	Из крестьян	АГШ	Щтаб-капитан ГШ	1918	Пом. Нач. штаба ЛВО (12.1926)	Б/п
34.	Седякин Александр Игнатьевич	1893	русский	Из крестьянучитель		Штаб-капитан в/в	1918	Ком. ПриВО (2.1924)	РКП(б)
35.	**Павлов Александр Васильевич**	1880	белорусс	Из крестьян агроном		Поручик в/в	1918	Пом.Ком. ПриВО (2.1926)	Б/п
36.	Артемьев Константин Петрович	1883	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Подполковник ГШ	1918	Нач. штаба ПриВО (4.1924)	Б/п
37.	**Муклевич Ромуальд Адамович**	1890	поляк	Из рабочих			1918	Начальник ВМС СССР (8.1926)	РКП(б)
38.	**Орлов Владимир Митрофанович**	1895	русский	Из служащ.	СПб ун-т	Мичман в/в	1918	Начальник ВМС Ч. М. (10.1926)	РКП(б)
39.	**Викторов Михаил Владимирович**	1892	русский	Из дворян		лейтенант	1918	Нач. ВМС БФ (10.1926)	Б/п
40.	Баранов Петр Ионович	1892	русский	Из рабочих		солдат	1918	Нач. УРККВФ	РКП(б)
41.	**Алкснис Яков Иванович**	1897	латыш	Из крестьян		Прапорщик в/в	1918	Зам. Нач. УРККВФ (8.1926)	РКП(б)
42.	Меженинов Сергей Александрович	1890	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Капитан ГШ	1918	Пом.нач. УРККВФ	Б/п
43.	Хорьков Сергей Гаврилович	1890	русский	Из рабочих		Поручик в/в	1918	Нач. штаба УРККВФ (7.1924)	Б/п

Примечания: жирным шрифтом набраны получившие назначение в 1926.

Возникает вопрос: почему же политическое руководство, почти не скрывая своего недоверия, не отправило в отставку и М.Тухачевского уже в 1926 г.?

Свою роль сыграли в совокупности, прежде всего, два обстоятельства: продолжавшаяся с обострением внутрипартийная борьба, сложная социально-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

политическая обстановка внутри страны и, наконец, так называемая «военная тревога» 1926 – 1927 гг. Кроме того, оставались открытыми вопросы организации, управления и боевой подготовки Красной Армии, проблемы, обусловившие внутрикорпоративные отношения и военно-политические трения в верхнем слое РККА можно свести к следующим: персональный состав высшего руководства Красной Армии; роль и функции Штаба РККА; боевая подготовка армии.

В целом можно сказать, что именно с этого времени весьма заметными оказались процессы дробления военной элиты на глухопротивоборствующие «группировки». С этого времени становится все более напряженным и подозрительным отношение власти к политической лояльности военной элиты.

Во второй половине 20-х годов в советской военной элите фамилиями своих лидеров обозначились две основных «генеральских группировки»: М.Тухачевского и А.Егорова.

…Еще со времен гражданской войны сложилась еще одна «генеральская группировка», которая в 20-е годы не играла первостепенной роли во внутрикорпоративных отношениях. Условно ее можно назвать «группой Якира-Гамарника». Она сформировалась также на основе, преимущественно, военно-земляческих отношений и включала, в основном, соратников И.Якира, ветеранов 45-й стрелковой дивизии, прославившейся своим знаменитым рейдом в 1919 г. Кроме И.Якира и Я.Гамарника, в нее входили их близкие друзья: И.Дубовой, И.Гарькавый, П.Княгницкий, С.Туровский, В.Бутырский, В.Попов. Тяготели к этой группировке и «червонноказачьи командиры» вместе с В.Примаковым. Близок был к ней и Г.Котовский со своими «котовцами». Особенностью этой группировкой было то, что в ней, наряду с «генералами» было много «комиссаров»: Я Лившиц, Л.Картвелишвили, И.Акулов, Ф.Левензон, Н.Голубенко, Н.Орлов. Сказывалось, видимо, «комиссарское» прошлое самого И.Якира.

В номенклатуру военной элиты И.Якир вошел лишь в 1924 г. и до конца 20-х годов не играл в ней ведущей роли. В 20-е годы, да и позже, его репутация «генерала» в советской военной элите и за рубежом была своеобразной.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Лучше других знавший «революционных генералов» гражданской войны Л.Троцкий так характеризовал И.Якира: «...Уже на первых шагах он обнаружил воображение и находчивость стратега: старые офицеры не раз поглядывали на тщедушного комиссара, когда он спичкой тыкал в карту. Свою преданность революции и партии Якир имел случай доказать с гораздо большей непосредственностью, чем Тухачевский. После окончания гражданской войны он серьезно учился. Авторитет, которым он пользовался был велик и заслужен...»[1385].

«Генералы», военные профессионалы, давали ему более сдержанные характеристики. Напутствуя своего подчиненного и приятеля С.Калинина, направленного на новое место службы, в штаб Украинского военного округа в начале 1926 г., командующий Приволжским военным округом А.Седякин выразил собственное мнение о командовании УВО, видимо распространенное среди представителей военной элиты. «Понимаешь, Украинский округ очень большой, работа тебя ждет ответственная. Правда, командующий там Якир..., - с еще большим сожалением сказал Седякин и, заметив мое недоумение, добавил, - воевал, конечно, да кто тогда не воевал.... Но ведь образования военного у него нет.... Зато с начальником штаба тебе повезло. Павел Павлович Лебедев..., умница, опытный генштабист...»[1386].

«Якир, по мнению Конева, - записал К.Симонов, - человек умный, со способностями, но без настоящей военной школы, без настоящего военного образования, человек, не лишенный блеска, но не обладавший сколько-нибудь основательным военным опытом для руководства операциями крупного масштаба...»[1387].

В русском военном зарубежье оценки И.Якира положительные, но довольно сдержанные: «Якир... очень неплохо управлял (не командовал, конечно) КВО, который, по справедливой оценке военных специалистов стоит на первом месте среди советских округов»[1388].

[1385] Троцкий Л. Обезглавление Красной Армии. //Бюллетень оппозиции. - № 56-57. - С. 5.
[1386] Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. - М., 1965. - С. 131.
[1387] Симонов К. Беседы с Маршалом Советского Союза И.С.Коневым. //Симонов К. Глазами человека моего поколения. - С. 395.
[1388] Часовой. – 1937. - № 193. - С. 3.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Впрочем, И.Якир, в 1927-1928 гг. учившийся в военной академии в Германии, получил высокую оценку своих способностей со стороны своих немецких учителей, в том числе и от фельдмаршала П.фон Гинденбурга. Знаменитый военачальник 1-й мировой войны подарил И.Якиру, прочитавшему в германской академии лекции по истории гражданской войны в России. книгу А.фон Шлиффена «Канны» с надписью: «На пямять господину Якиру – одному из талантливых военачальников современности»[1389].

Манера и методы управления подчиненными у И.Якира, очевидно, сформировались под влиянием его первоначального комиссарского опыта. «Он с одинаковой мягкостью и теплотой относился к людям и на службе, и вне службы, - вспоминал генерал С.Калинин. – Причем в его отношениях с подчиненными не проскальзывало даже намека на панибратство или стремления заслужить дешевый авторитет. Простота в обращении не снижала его требовательности к людям, а, напротив, еще больше возвышала его как опытного руководителя и волевого военачальника. Его доклады, выступления перед командирами на разборах итогов учений чаще всего походили на товарищеские беседы»[1390]. Однако, эта несколько «сглаженная» характеристика И.Якира-командующего, думается, хорошо «корректируется» другой, относящейся, правда к более позднему времени.

Комдив И.Капуловский, обратившийся к К.Ворошилову с жалобой на И.Якира, вновь написал письмо «лично» наркому, в котором были следующие строчки: «Когда я хотел обратиться к Вам, меня предупреждали товарищи: «не пиши, не обращаяйся к Ворошилову, ибо Якир тебя за это уложит в гроб».... Когда я все же у Вас был и вернулся, мне сказали: «теперь держись, первый блин из тебя Якир сделает на ближайшем совещании». Так и было...»[1391].

Несмотря на то, что было известно «отеческое отношение Троцкого к Якиру» во время гражданской войны, И.Сталин полностью доверял ему в 20-е годы. В этом отношении примечательна «телеграммная переписка»

[1389] Военно-исторический журнал. – 1962. - № 12. - С. 65-66.
[1390] Калинин С.А. Размышляя о минувшем. - С. 106.
[1391] Цитируется по книге: Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938. - М., 1998. - С. 71.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

К.Ворошилова с И.Сталиным осенью 1929 г. В своей телеграмме от 16 сентября 1929 г. К.Ворошилова спрашивал мнение И.Сталина о кандидатурах на должность начальника Политуправления РККА. «Лично выдвигаю кандидатуры – Якира или Гамарника, - предлагал К.Ворошилов. - Кое-кто называет фамилии Постникова и Картвелишвили...». Ответ И.Сталина: «Можно назначить либо Якира, либо Гамарника. Остальные не подходят»[1392]. Следует обратить внимание не только на то, что И.Сталин в качестве первой кандидатуры на должность начальника ПУР называет И.Якира, но на сам факт рассмотрения И.Якира как человека наиболее подходящего для выполнения функций главного политработника, главного политкомиссара Красной Армии и в конце 20-х годов. Это значит, что в партийно-правительственных, надо думать и в высших военных кругах, И.Якир все-таки воспринимался, прежде всего, как «политработник» и уже во вторую очередь как «генерал».

Упомянутая выше другая ведущая фигура в «группировке Якира-Гамарника» Я.Гамарник никогда не претендовала на «генеральскую» роль. Однако, заняв в 1929 г. должность начальника Политуправления РККА, Я.Гамарник вскоре, летом 1930 г. становится одновременно и заместителем Председателя РВС СССР и Наркомвоенмора. Такое совмещение должностей в руководящем составе РККА появилось впервые. Оно свидетельствовало о весьма большом доверии политического руководства и, в частности, И.Сталина, к этому человеку.

Что касается «группы Фрунзе», то после его смерти она фактически распалась. Во всяком случае, она не представляла более или менее устойчивую внутрикорпоративную целостность. Это обозначилось сразу же после смерти М.Фрунзе. Едва появился новый нарком, как К.Авксентьевский был, вроде бы с повышением, отправлен на один из самых дальних и беспокойных участков – командующим Туркестанским фронтом, а в феврале 1931 г., уже успев побыть командующим Кавказской Краснознаменной армией, был уволен из РККА. Никто не пожелал вспомнить, что он являлся ближайшим другом покойного

[1392] Источник. – 1994. - № 6. - С. 89.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Фрунзе. Возможно, именно поэтому он и был уволен, хотя непосредственным поводом для этого послужил хронический алкоголизм. Все остальные «генштабисты», включая В.Лазаревича, вскоре оказались на преподавательской работе и были окончательно исключены из номенклатуры военной элиты.

Ко второй половине 20-х годов фактически прекратила свое существование «группа Брусилова», поскольку и ее лидеры – генералы А.Брусилов и А.Зайончковский – и «члены» этой группировки в большинстве своем умерли.

Зато продолжала существовать и во второй половине 20-х годов другая, главная группировка «генштабистов», объединявшаяся вокруг генерала, профессора А.Снесарева. Информируя в декабре 1925 г. своих вышестоящих начальников «сексот» ОГПУ Овсянников сообщал о существовании «в настоящее время среди кадрового офицерства и генералитета… 2 течений», которые «наиболее выявились». Одно он определил как «бонапартистское, концентрация вокруг которого происходит вокруг М.Н.Тухачевского». Другое – «монархическое». Имелась в виду как раз «группа Снесарева». В ней по-прежнему сосредоточены были, в основном, бышие генштабисты-преподаватели Военной академии РККА. «Политические убеждения большинства этих людей был республиканско-демократические, - вспоминал А.Свечин, - хотя некоторые из них были ближе к монархии…. Большим успехом в нашем круге пользовалась последние годы оппозиция Бухарина-Рыкова, так как мы видели призыв в ней к уменьшению классовой борьбы и, кроме того, известную опору получили наши надежды на эволюцию Соввласти вправо»[1393].

На основании агентурного наблюдения, начатого еще в 1924 г., ОГПУ уже в 1926 г. расценило внутрикорпоративную «группу Снесарева» как «антисоветскую офицерскую монархическую организацию». Было признано, что ею руководит «Московский центр», возглавляемый А.Снесаревым и что в его состав входят преподаватели Военной Академии РККА, в частности, А.Свечин. Впрочем, аресты «членов антисоветской организации» были произведены только в 1930-1931 гг. Их, в частности А.Свечина, обвиняли в связях с РОВСом.

[1393] Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - С. 649.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

А.Свечин признался, что состоял в «антисоветской организации». Однако реальными основаниями для такого рода обвинений была переписка А.Свечина с братом М.Свечиным, в годы гражданской войны служившим в белой армии генерала А.Деникина и П.Врангеля. А.Свечин переписывался с братом вплоть до 1927 г. Его брат, генерал М.Свечин, являлся членом РОВС. Кроме того, в 1930 г. член РОВС Соколов действительно предпринимал попытку завербовать А.Свечина, однако последний отказался. Такого рода факты, очевидно, и оказались реальной основой для обвинений в антисоветской деятельности. Ясно, что, кроме «антисоветских настроений», никогда не являвшихся тайной для ОГПУ, «антисоветская деятельность» и «антисоветская организация» относились к области предположений и ожиданий в качестве возможной реализации «антисоветского потенциала» бывших генералов и полковников-генштабистов.

…В отличие от первой половины 20-х годов, взаимоотношения внутрикорпоративных группировок второй половины 20-х годов характеризовали не обособленность, а нарастающая враждебность и склонность к конфликтам. Это обусловлено было тесным переплетением межличностных отношений с обострившимися проблемами общеармейского строительства, оперативно-стратегического характера, которые неизбежно выдвигались на военно-политический уровень. Межгрупповые внутрикорпоративные отношения второй половины 20-х годов очевидно тяготели к политическим методам разрешения конфликтных ситуаций. Они явно политизировались.

Впрочем, исходной мотивацией или поводами для конфликта и враждебности могли служить как разногласия по принципиальным вопросам военного строительства и оперативно-стратегического планирования, так и неприязнь, рожденная давними межличностными отношениями. Хроническая неприязнь существовала между М.Тухачевским, с одной стороны, и А.Егоровым, С.Буденным – с другой. Она обусловлена была возникшими еще в 1920 г. соперничеством и роковыми событиями советско-польской войны.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Не столь ярко выраженной, но устойчивой была несовместимость М.Тухачевского и Б.Шапошникова, который, следует отметить, не был определенно инкорпорирован в какую-либо «генеральскую группировку».

Дружба и неприязнь между «генералами» порождалась и сложными, драматичными матримониальными коллизиями. П.Дыбенко рассорился с А.Седякиным из-за того, что последний «увел» у него жену[1394]. Аналогичная ситуация неоднократно складывалась у М.Тухачевского. Это случилось еще в 1923 или 1924 гг., когда он женился в третий раз на Н.Е.Гриневич, «отбив» ее у своего подчиненного, военкома 4-й стрелковой дивизии (затем помполита 5-го стрелкового корпуса) Л.Аронштама[1395]. Затем, после 1926 г. подобные же обстоятельства возникли и в отношениях между М.Тухачевским и его близким другом Н.Кузьминым, видным политработником РККА, о чем выше уже говорилось.

Устойчивая неприязнь возникала и по социокультурным принакам. Выше уже отмечалось негативное отношение крестьянина, унтер-офицера И.Кутякова к «золотопогонникам», «белой кости», «аристократам», бывшим офицерам М.Тухачевскому, А.Корку, Б.Шапошникову, И.Уборевичу. Такая позиция была достаточно типична и генетически она была связана еще с настроениями «классовой борьбы» периода гражданской войны.

Надо сказать, что противоречия по принципиальным военным, оперативно-стратегическим, военно-политическим, «доктринальным» вопросам начали обостряться, начиная с 1924 г. Несомненно, главным истоком их явилось крушение надежд на «мировую революцию», неудача «германского Октября» и нарастающие сомнения в целесообразности применения концепции наступательной «революционной войны» М.Тухачевского, по крайней мере, в прежнем ее варианте. Первыми признаками возникновения дискуссий по этому вопросу, переросших потом в острые противоречия с политическим звучанием, было назначение А.Свечина заместителем Главного руководителя по стратегии к М.Тухачевскому в феврале 1925 г. Таким образом, М.Фрунзе пытался достичь

[1394] Якупов Н. И. Трагедия полководцев. - С. 94.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

некоторого компромисса и хотя бы на время предотвратить противоречия по оперативно-стратегическим вопросам в военной элите.

Надо сказать, что до начала 1924 г. М.Тухачевский и А.Свечин отстаивали единые позиции по ряду вопросов. В этом нет ничего необычного: оба «генерала» отталкивались от К.Клаузевица, будучи почитателями его «классики». Оба отрицательно относились к «милиционной системе», которую намерен был ввести Л.Троцкий[1396]. Оба отстаивали сохранение постоянной регулярной армии. Оба «генерала» придерживались «континентальной» концепциии в рассмотрении «геостратегической доктрины» Красной Армии и СССР. Они придерживались одинаковых взглядов и на применение артиллерии[1397]. Сходными были у них и представления о Генеральном штабе и его роли в Красной Армии[1398].

Анализируя критически боевые действия войск Западного фронта в Варшавском сражении 1920 г., в феврале 1924 г. А.Свечин, зная особенности его личности, сделал в адрес М.Тухачевского и Н.Какурина заметные комплименты. Он писал о «лучших кадрах пехоты, коими когда-либо располагала Красная армия, - победоносные кадры, блестящим броском перекинувшейся с берегов Двины и Березины на Вислу»[1399]. Иными словами «варшавский поход» М.Тухачевского он назвал «блестящим броском». А.Свечин весьма изящно, мимоходом, но определенно назвал Н.Какурина «одним из лучших начдивов в Красной Армии»[1400].

Если пролистать многочисленные статьи А.Свечина за 1917-1924 гг., то, вопреки сложившимся об этом человеке представлениям, в них явственно прослеживается его стремление быть «революционным» генералом.

[1395] Соколов Б. Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала. - Смоленск, 1999. - С. 284.
[1396] Свечин А.А. Милиция как идеал. (Критика тезисов Л.Троцкого). //Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - С. 178-181.
[1397] 21 декабря 1923 года М.Тухачевский на заседании ВНО Военной академии РККА сделал доклад «О новой артиллерии». Как отмечалось в информации по этому поводу, напечатанной в «Военном вестнике», «положение т. Тухачевского о принятии для дивизионной артиллерии гаубицы встретило полную поддержку выступавшего в прениях профессора Свечина, который уазал на настоятельную необходимость создания хорошей гаубицы и сильных групп гаубичной артиллерии». – Военный вестник. – 1924. - № 2. - С. 67.
[1398] Свечин А. Задача Генерального штаба. //Русский инвалид. – 1909. - № 268.
[1399] Свечин А.А. Безмолвный фронт. //Военный вестник. - 1924. - № 6. - С. 17-18.
[1400] Там же, с. 17.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В работах 1924-1926 гг., в которых А.Свечин порой делал некоторые замечания по поводу боевых действий Западного фронта М.Тухачевского в 1920 г., полемика между «генералами» не обрела еще конфликтной остроты.

Одно из наиболее ранних замечаний, обозначивших скрытую полемику между А.Свечиным и М.Тухачевским встречается в начале 1924 г. «Нельзя не приветствовать отказ Советской власти от какого-либо шовинизма, - писал А.Свечин, выражая несогласие с «революцией извне», - от стремления использовать Красную армию для проповеди революции с оружием в руках»[1401]. В это время А.Свечин прямо не критиковал оперативно-стратегическое поведение М.Тухачевского в «варшавском походе». Однако эта критика уже имела место в скрытой, несколько академической форме, во всяком случае, не содержавшей в себе вызова на дискуссию. «Если мы будем рассматривать пространство, оккупированное Красной Армией в 1920 г. при наступлении к Варшаве, - писал А.Свечин, - то... с 15 мая по 15 августа... Красная Армия, в составе 125 тыс., продвинулась по основному направлению приблизительно на 550 километров. Ввиду значительного уменьшения численного состава наших армий, почти равносильного падению войск Наполеона в период наступления к Москве, и недостаточного пополнения, можно оценивать силы красных в середине августа 1920 г. не выше 95 тыс. в пределах оккупированной территории, т.е. всего по 0,5 бойца на кв. километр. Положение могло быть охарактеризовано лишь как чрезвычайно неустойчивое и возможное только благодаря ряду одержанных успехов и выгодной политической обстановке на театре войны. В 1920 г. под Варшавой мы были в 13 раз слабее, чем Мольтке под Парижем»[1402].

В своей «Стратегии» в 1926 г. А.Свечин уже непосредственно дает оценку «варшавскому походу» М.Тухачевского с точки зрения «стратегии сокрушения». «Стилем сокрушения была проникнута большая часть наступления Красной армии от берегов Двины к Висле в 1920 году, - писал он. – Сосредоточение кулака на правом крыле и прямое движение его на сотни километров действительно связало все оперативные контрмероприятия поляков, рушило все их по-

[1401] Свечин А.А. Опасные иллюзии. //Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - С. 268.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

пытки задержаться на выгодных рубежах от Березины до Буга включительно: фехтование, измор эпохи мировой войны испарились. Наполеоновская оглобля, одним ударом решавшая войну, как бы воскресла окрасившись в красный цвет. Однако, на пути Красной армии к Висле, как на пути германских армий к Марне, не удалось одержать экстраординарных побед; на конечную часть наступления стали оказывать влияния географические соображения: в Данцигском коридоре Красные армии стремились отрезать не только сообщения польских армий, сколько важнейшую артерию всего польского государства. Красные армии, как бы игнорируя материальные силы поляков на вооруженном фронте, вступили в бой с Версальским договором. Это уже мистика, в особенности в условиях сокрушения»[1403].

Завершая свои рассуждения по поводу «варшавского похода» М.Тухачевского, генерал А.Свечин писал: «Сокрушение складывается не только из быстроты и прямолинейности, но и из массивности; Красные же армии при подходе к Висле настолько ослабли численно и настолько оторвались от своих источников снабжения, что являлись скорее призраками, чем действительностью. В 1829 году Дибич, в приблизительно таких же условиях появившись вблизи Константинополя, сумел вовремя заключить мир. Наполеон в 1797 году, в несколько лучшем положении вблизи Вены, тоже сумел, подарив разбитой Австрии Венецию, заключить столь желанный революционной Франции мир. Мы же переоценили свои достижения и продолжали наступление; за рубежом Белосток-Брест кульминационная точка наших возможных успехов оказалась далеко позади, и каждый шаг вперед ухудшал наше положение»[1404]. Однако вряд ли приведенная оценка и мнение А.Свечина могли спровоцировать острую дискуссию, приобретающую опасный политический оттенок. Критика и замечания, высказанные А.Свечиным в 1926 г., еще в 1922 г. , в сущности, высказал, один из соратников М.Тухачевского, высоко им ценимый.

[1402] Свечин А.А. Опасные иллюзиию.... - С. 270.
[1403] Свечин А. Стратегия. //Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - С. 321.
[1404] Свечин А. Стратегия.... - С. 321.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Бывший командующий 4-й армией Западного фронта Е.Сергеев в 1922 г. написал книгу «От Двины к Висле», в которой, анализируя причины «варшавской катастрофы» М.Тухачевского, обратил внимание на ряд фактов, событий и решений, которые, по его мнению, и привели победоносное наступление к тяжелому поражению. Е.Сергеев писал, в частности, обращая, таким образом, внимание на одну из причин неудачи: «Нельзя до бесконечности рассчитывать на расстройство войск, отходящих на свои базы и депо пополнений. Бои на Нареве и Буге уже являлись первым предостережением.... Ставка на вспышку польской революции могла серьезно приниматься в расчет только в политических канцеляриях, да и то достаточно удаленных от фронта. В войсках в это мало верили, и, казалось бы, опыт формирования польской красной армии в Белостоке, - крупном фабричном центре, был достаточным доказательством, что источники нашей информации оптимистически смотрели на положение вещей в Польше.... Последующие события показали, что на двух-трехнедельный срок полного покоя можно было свободно расчитывать»[1405]. Е.Сергеев, в то время командующий 4-й армией, как и командарм-3 В.Лазаревич, командарм-15 А.Корк, высказались за остановку на рек Нарев и Буг[1406]. Именно в том, что М.Тухачевский приказал продолжать безостановочное наступление они усматривали одну из предпосылок будущего поражения.

Не задерживая внимание на других причинах «варшавской катастрофы», указанных Е.Сергеевым (это выходит за пределы вопроса военно-теоретической полемики между А.Свечиным и М.Тухачевским), приведу лишь реакцию М.Тухачевского, выраженную им в рецензии на данную работу своего бывшего соратника.

«Автор является сторонником того взгляда, - писал М.Тухачевский, что войска начали истощаться примерно на этнографической границе и что здесь необходима была остановка. Он считает, что одной из важных причин того, что мы не остановились, является политическая информация, что наши политотде-

[1405] Сергеев Е.Н. От Двины к Висле. - Смоленск, 1923. - С. 83. Я цитирую по изданию 1923 г., хотя впервые работа Е.Сергеева была опубликована в 1922-м. Тогда же появилась и рецензия на нее М.Тухачевского.
[1406] Военный вестник. – 1924. - № 40. - С. 62.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лы слишком формально относились к своим сводкам и тем вводили в заблуждение высшее командование. С этим положением трудно согласиться. То, что войска истощались старшему командованию было хорошо известно. Но обстановка была такова, что остановка могла сопровождаться только миром. И мы, и поляки напрягали последние силы и средства, и на новую схватку было трудно рассчитывать. Наконец, если бы мы и могли продолжать наступление, то неужели мы имели право расситывать, что будем сильнее поляков, когда их буржуазии грозила непосредственная смерть, если она не сорганизует громадных боевых средств и когда Франция кидала все, что могла найти, для спасения своего восточного вассала. Конечно нет. Думается, что всякая остановка повела бы к усилению обеих сторон, но к пропорционально большему для белополяков. Вот почему в сложившейся политической обстановке единственно правильным стратегическим решением было: наседание на противника до полного его уничтожения[1407]. Этой же позиции придерживался и Н.Какурин[1408].

Таким образом, М.Тухачевский, в сущности, принимает доводы Е.Сергеева в стратегическом контексте, однако утверждает, что вопрос о продолжении непрерывного, безостановочного наступления на Варшаву уже переместился в политическое, социально-политическое, даже геополитическое поле. Проблема утратила исключительно стратегический характер. М.Тухачевский полемизировал со своими оппонентами не как военный профессионал, стратег, но как политик.

В этой полемике М.Тухачевского и Е.Сергеевым примечателен еще два штриха, свидетельствующих о сохранившихся между ними лояльных, благожелательных отношениях. Во-первых, это ремарка, сделанная М.Тухачевским в адрес своего оппонента в тексте рецензии. «...Автор верно и глубоко понимает военное дело, - писал он, - и метко оценивает обстановку, и верится, что если бы автор продолжал и в последующих боях руководить 4-й армией, то результат нашего похода за Вислу был бы совсем иной»[1409].

[1407] Военный вестник. – 1922. - № 17-18. -. 63.
[1408] Какурин Н. На пути к Варшаве. //Революция и война. – 1921. - № 4-5. - С. 84.
[1409] Военный вестник. – 1922. - № 17-18. - С. 63.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Во-вторых, это сам факт издания книги Е.Сергеева в 1923 г. в Смоленске, через военно-редакционный совет Западного фронта, в состав которого входил и М.Тухачевский.

Решение М.Тухачевского продолжать безостановочное наступление на Варшаву, при очевидном и им самим признанном истощении сил, примерно в то же время было подвергнуто критике и со стороны другого его соратника, бывшего начальника оперативного управления 16-й армии, Н.Варфоломеева. Н.Варфоломеев соглашался с тем, что «преследование, имеющее основной целью поставить неприятеля в условия, обеспечивающие преследующему выигрыш решительного боя, должно вестись с полным напряжением сил. Прежде всего преследование должно быть неотступным, т.е. таким, которое заставило бы отходящего неприятеля все время чувствовать тяжелую, грозно занесенную для сокрушительного, финального удара руку преследующего.... Преследование, как таковое, должно быть непрерывным, ибо оно основано на порыве, как последний, как известно, «не терпит перерыва». Лозунг «не давать отдыха» необходимо применять во всей полноте. Всякое промедление, всякая заминка вредны. Они дают противнику возможность оправиться материально и поднимают его упавший дух. Они опасны, как всякий кризис, ибо могут повлечь за собой упадок энергии у войск преследующего. Ни утомление, ни расстройство тыла не могут служить оправданием перерыва или даже замедления преследования»[1410]. Иными словами, у Н.Варфоломеева не было с М.Тухачевским концептуальных разногласий. Но указывая на причины поражения под Варшавой, он, фактически, подобно А.Свечину и Е.Сергееву, только несколько конкретизируя, утверждают тот же тезис – беспрерывность наступления не была обеспечена необходимым количеством войск. «Наиболее крупная операция на Западном фронте, - пишет Н.Варфоломеев, - летняя кампания 1920 г. – является и наиболее поучительной и в отношении вопроса о фронтовых и армейских ре-

[1410] Варфоломеев Н. Движение преследующей армии к полю решительного сражения. //Революция и война. – 1921. - № 13. - С. 73.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

зервов. В строгом смысле этого понятия их не было, что, по нашему мнению и явилось одной из основных причин отхода от стен Варшавы»[1411].

Обращая внимание на наиболее важные, хотя и частные аспекты поражения под Варшавой в 1920 г., А.Свечин, напомню и вновь процитирую автора, писал: «...На конечную часть наступления стали оказывать влияние и географические соображения: в данцигском коридоре Красные армии стремились отрезать не столько сообщения польских армий, сколько важнейшую артерию всего польского государства. Красные армии, как бы игнорируя материальные силы поляков на вооруженном фронте, вступили в бой с Версальским договором».

На это обстоятельство, как на одну из частных, но важных причин варшавской катастрофы еще в 1922 году указал уже упоминавшийся и цитированный выше Е.Сергеев. «Все эти дни (имеется в виду собственно Варшавская битва. – С.М.), - писал Е.Сергеев, - 4 армия, слишком широко поняв свою задачу, продолжала углубляться одной дивизией в Данцигский коридор..., оторванность 4-й армии так далеко на запад тяжело отозвалось на боях 15 армии. Директивой командующего фронтом от 15 августа 4-й армии было приказано всеми силами повернуть обратно и ударить по левому флангу 5-й польской армии. Этот маневр был выполнен лишь частично, так как в районе восточнее г. Серпец были только 18-я и 54-я дивизии 4-й армии. Остальные части были далеко западнее и, вероятно, не получив нового приказа, продолжали свои операции, так удивившие французский штаб и польское командование своей бесцельностью. (Французский автор пишет буквально следующее: «Казалось, что 4-я армия уже не принимает участия в войне с Польшей, она находится в состоянии войны против ...Версальского договора и задалась целью восстановить мост из ВосточнойПруссии в Германию»).... Трудно предугадать, чем бы окончились эти бои под Варшавой, если бы 4-я армия продолжала свои удары по левому флангу 5-й польской армии.... Французский автор определенно указывает на

[1411] Варфоломеев Н. Движение преследующей армии.... - С. 93.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

отсутствие на поле сражения войск 4-й армии, как на одну из причин поражения армий Западного фронта»[1412].

Весьма красноречива реакция М.Тухачевского по этому поводу в его упоминавшейся выше рецензии на книгу Е.Сергеева: «Под этими основными выводами можно целиком расписаться»[1413]. В 1923 г. в своих лекциях «Поход за Вислу», прочитанных в Военной академии РККА, М.Тухачевский, говоря о причинах поражения под Варшавой, в качестве одной из главных назвал поведение 4-й армии. «Несуразные действия 4-й армии, - делал он вывод, - вырвали из наших рук победу и в конечном свете повлекли за собой нашу кататстрофу»[1414]. Следовательно, у не было оснований полемизировать по этому аспекту и с А.Свечиным, который, в сущности, ничего нового в связи с этим и не сказал. Пожалуй, он и опирался в своих стратегических положениях на исследования вышеупомянутых отечественных и зарубежных авторов.

Таким образом, военно-исторические по своему существу оценки А.Свечина, которые он давал «варшавскому походу» и поражению М.Тухачевского в сущности не отличались от критических оценок соратников и сотрудников М.Тухачевского и вряд ли могли служить основанием для обострения их полемики по принципиальным вопросам стратегии и личной неприязни. Ведь этого не произошло в его отношениях с бывшими подчиненными. Надо сказать, что М.Тухачевский, в общем, не реагировал на эти замечания, учитывая их научно-академический, а не политико-публицистический характер. Другим признаком вполне лояльного отношения между М.Тухачевским и А.Свечиным можно считать также тот факт, что в своих лекциях и разработках по оперативно-стратегическим вопросам в 1926 г. в качестве первоисточников и научной опоры для слушателей академии А.Свечин рекомендовал две работы: «Стратегию» А.Свечина и «Армейскую операцию» М.Тухачевского[1415].

[1412] Сергеев Е.Н. От Двины к Висле. - С. 90, 91, 101.
[1413] Военный вестник. – 1922. - № 17-18. -. 63.
[1414] Тухачевский М. Поход за Вислу. //М.Тухачевский. Поход за Вислу. Ю.Пилсудский. Война 1920 года. - М., 1992. - С. 87.
[1415] Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - С. 673.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Дискуссии между ними начинают обретать конфликтную остроту после 1927 г. и особенно в 1929-1931 гг., когда критические «антисвечинские» выступления М.Тухачевского приобретают весьма заметный «привкус» политического компромата. Впрочем, все это имело место уже после «военной тревоги» 1926-1927 гг. и происходило в особой и для А.Свечина, и для М.Тухачевского политической ситуации. На этом я остановлюсь отдельно.

Если с А.Свечиным и «генштабистами» отношения у М.Тухачевского обострились после 1927 г., то с «красными генералами», в числе которых были и его соратники по гражданской войне, и подчиненные, его поддерживавшие в 1923-1924 гг., отношения начали портиться с 1925-1926 года. Охлаждение между ними в значительной мере были обусловлены постепенным отходом М.Тухачевского от некоторых оперативно-тактических привычек, сложившихся в период гражданской войны. Ослабление роли «революционного духа» и возрастание материально-технических факторов сдвигали акценты в представлениях о грядущей войне. Многие «герои гражданской войны», не имевшие иного военного образования, кроме фронтового опыта гражданской войны, с трудом воспринимали новые идеи и «увлечения» М.Тухачевского. Многие, особенно кавалеристы, - С.Буденный, Н.Каширин, О.Городовиков и др. – не принимали его тезисов об ослаблении значения конницы и усилении роли мотомеханизированных войск в грядущей войне.

«Вот только что закончились очередные полевые занятия с командирами дивизий, - вспоминал один из сослуживцев обстановку 1925 г. в комсоставе Западного военного округа. – Тухачевский подводит итоги. И вдруг поднимается Степан Вострецов, командир 27-й Омской, четырежды награжденный орденом Красного Знамени…. Волнуясь, он говорит, что на занятиях было много поучительного, но ему кажется, что очень уж они отличались от недавних боев в Сибири и на Дальнем Востоке. Накручивая большущие усы, с места поддерживает Вострецова командир 2-й стрелковой дивизии и также кавалер четырех орденов

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Красного Знамени Ян Фабрициус: «Мы, Михаил Николаевич, в гражданскую войну действовали иначе»[1416].

Еще в 1926 г. на даче М.Тухачевский ходил вместе с П.Дыбенко играть в городки[1417] и уже в том же году между ними также наметилось охлаждение. П.Дыбенко все больше сходился с другой, видимо, более «демократичной» группой «генералов», объединявшихся вокруг А.Егорова и С.Буденного.

Особенно обострились отношения между «генеральскими группировками» в конце 20-х годов, после «военной тревоги» 1926-1927 гг., когда возникла проблема модернизации Красной Армии и смены военных элит. Об этом красноречиво свидетельствует тон и фразология дискуссии, развернувшейся на Пленуме РВС СССР в октябре 1930 г. На постановку М.Тухачевским проблемы переподготовки командных, в том числе высших командных кадров РККА, К.Авксентьевский, в частности, отвечал: «Все мы генералы от революции и всех сразу не заменишь, и надо нас учить.

Реплика М.Тухачевского: «Здесь же размагничивать?».

Авксентьевский: «Кого размагничивать? Ну, Михаил Николаевич, не из моих уст получили идеологию, от которой размагничиваются. Я достаточно тверд и это не выйдет. И прошу реплики такие не подавать»[1418].

Выступает командующий Среднеазиатским военным округом П.Дыбенко и слегка критикует М.Тухачевского: «...23 сабли и то вы их превращаете в ординарцев.... Надо не хоронить конницу, а хорошенько ее оснастить техникой. У нас очень хорошо умеют использовать конницу на маневрах для ординарческой службы, но...».

Реплика М.Тухачевского: «Это в Среднеазиатском округе».

П.Дыбенко продолжает: «...Если взять нашу конницу, то среднеазиатская конница будет скорее ходить, чем твои десанты, которые ты высаживал (смех в зале). Если бы при высадке десанта стояло у противника 3-4 пулемета, то этот незначительный десант пришлось бы прикрывать не меньше, чем 100 самоле-

---

[1416] Телятников И.А. Вникая во все. //Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - С. 172-173.
[1417] Ладухин В.Н. Славное имя. //Там же. - С. 186-187.
[1418] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 195-сс. Л. 71.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

тами с воздуха (смех в зале). Я имел возможность высаживать десант против неорганизованного противника, против басмачей и то не рассаживался, как у тещи на именинах».(Смех в зале)[1419].

Или образец полемики между К.Ворошиловым и М.Левандовским. М.Левандовский, в это время командующий Сибирским военным округом, относился к сторонникам «механизации» Красной Армии. «...Мне думается, что нормы, которые сейчас существуют в наших уставах, устарели, - говорит он.

Реплика К.Ворошилова: «Сколько танк должен дать км в час, если у нас он проходит км в 30 секунд?».

М.Левандовский: «...80 км в час».

К.Ворошилов: «Тогда он должен делать 120 км в час. Таких танков на свете нет».

М.Левандовский: «Есть танки Т-2, о которых в журнале дается характеристика, что они могут в час делать 80 км. В «Красной Звезде» в отделе разных новостей вскользь было сообщение о том, что танки системы «Кристи» могут делать до 100-120 км в час».

К.Ворошилов: «В «Красной Звезде» сплошь и рядом печатают ерунду»[1420].

Хотя к концу 20-х годов в обстановке начавшейся модернизации РККА, перед лицом новых проблем, решение которых так или иначе разрушало привычные стереотипы как 1-й мировой войны, так и войны гражданской, наблюдается разрушение «старых» внутрикорпоративных «генеральских группировок». Они сохраняли еще определенную устойчивость вплоть до окончательного определения «модели» модернизации Красной Армии. Однако возникшие новые внутрикорпоративные «генеральские» группировки в обстановке обостренных взаимоотношений играли доминирующую роль в формирования новой военной элиты в начале 30-х годов.

[1419] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 195-сс. Л. 76-77.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

4.2. «Военная тревога» 1926-1927 гг. и советская военная элита.

1923 год являлся своеобразным рубежом, которым фактически завершался период некой эйфории в ожидании грядущей Мировой Революции, и начиналась длительная эпоха, наполненная драматизмом поисков и частых смен новых парадигм внешней политики СССР. Международная ситуация, характеризовавшаяся крушением надежд на скорую революцию в Германии и Европе; геостратегическая обстановка, обусловленная необходимостью развития тесных и всесторонних связей СССР с Германией; неизбежность в этих целях победоносной войны против Польши; напряженная настороженность в отношении «главного врага» «мировой революции» – Великобритании – все это требовало от советской военной элиты выработки общей геостратегической и геополитической концепции, военной доктрины, учитывавшей все вышеуказанные и иные факторы.

«Неудача германской революции ударила по «индустриалистам», - вспоминал эту ситуацию находившийся в гуще проблем и персон советского внешнеполитического ведомства Г.Беседовский. – Снова начались разговоры о том, что правильным путем социальной революции в Европе является путь через аграрные Балканы в Италию и что надо революционизировать крестьянские массы. Появилась идея организации и расширения «крестинтерна», то есть крестьянского Интернационала, как впомогательного орудия Коминтерна. Но это «аграрное» направление продолжалось недолго. Оно было отодвинуто на задний план открытием нового слабого пункта в европейской капиталистической системе – Англии.... Коминтерн срочно разрабатывал новые маршруты революции. Англии отводилась в них центральная роль. Основное направление удара намечалось по английским колониям и Китаю»[1421].

...Крупнейший специалист по истории и географии Востока генерал-лейтенант Андрей Евгеньевич Снесарев[1422] на своих лекциях в Военной акаде-

---

[1420] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 195-сс. Л. 87.
[1421] Беседовский Г. На путях к Термидору. - С. 100.
[1422] См. подробнее: Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность). - М., 1973.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мии РККА еще в 1920-1922 гг. будущим «красным генштабистам» говорил: «…Советская республика не имеет империалистических целей. Цель советской революции в мировом масштаба – освободить угнетенные народы от империалистической эксплуатации, и особенно принести свободу народам Востока. Самым серьезным прпятствием на этом пути остается британский империализм. Если мы хотим принести свободу народам Азии, мы должны подорвать власть британского империализма. Он по-прежнему остается смертельным врагом этих народов, так же как и нашим врагом. В этом заключается ваша задача…»[1423].

Генерал и профессор А.Свечин, по существу к более фундаментальному, «академическому», обоснованию геополитического положения СССР и определению ее геостратегических приоритетов разворачивал мысль А.Снесарева более масштабно. Он обращал внимание на то обстоятельство, что, хотя на первый взгляд «только германская революция представляет теперь для России положительный интерес в Европе», ни Германия, ни Англия не хотят «поворота России спиной к Европе»[1424]. По мнению А.Свечина, именно поэтому «Англия настаивала на наивыгоднейшем для советских республик варианте этнографической границы с Польшей»[1425]. Объясняя британскую заинтересованность в ангажированности России-СССР европейскими делами, русский стратег сосредоточивает внимание на главном.

«…Будущая война будет также мировой борьбой, в которой интересы, лежащие вне Европы, будут играть большую роль, - писал он в 1924 г. – Еще Наполеон стремился сделать Индию ареной борьбы с Англией…. Германия проиграла мировую войну, так как по неготовности железной дороги в Багдад и вследствие географических условий Турции не имела возможности сколько-нибудь развить давление в направлении Персидского залива, что заставило бы Англию охотнее выслушивать германские мирные предложения. Может быть даже круг мышления германских политиков и стратегов был слишком замкнут

[1423] Бармин А. Соколы Троцкого. - С. 105.
[1424] Свечин А. Опасные иллюзии. //Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - С. 272.
[1425] Свечин А. Опасные иллюзии…. С. 272.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

европейскими условиями, и Германии было бы правильнее с самого начала ограничиваться обороной на западе и направить все усилия свои на то, чтобы обратить Россию в исходную базу для наступления через Герат к Инду»[1426].

А.Свечин, как и А.Снесарев, акцентирует внимание на фундаментальном геостратегическом противостоянии России и Англии. «Английский империализм не может не опасаться переноса в Азию центра русского внимания, - продолжает свои рассуждения А.Свечин. – Советский Союз унаследовал от старого режима русские позиции в Средней Азии, это волчье, с английской точки зрения, облачение русской политики. Как бы миролюбивы мы ни были, англичане будут видеть нас одетыми в волчью шкуру и рыскающими на подступах к Индии.... Англичане не поверят нам, даже если бы сам лорд Керзон занял пост Чичерина, и особенно не поверят нам, если мы будем систематически разоружаться.... В случае возникновения какой-либо континентальной коалиции – не явится ли безоружная Россия готовой базой для повторения похода Александра Македонского?»[1427].

Наконец, А.Свечин обращает внимание, в связи с вышецитированными его рассуждениями, на самое главное. «...Где и как сложится борьба за Индию? – задается он вопросом и отвечает. - ...И в будущем, волчья шкура, надетая на нас географией, в связи с несколькими десятками миллионов фунтов стерлингов, израсходованных на поддержку воинствующих партий, на подкуп и нейтрализацию лидеров, на государственные субсидии, приведут в движение ожерелье лимитрофных государств. Индия будет защищаться от попытки нападения, существующей, может быть, только в мозгу английских империалистов, на всем пространстве от Ладожского озера до Днестра включительно, с эпизодическими десантами на всех омывающих Россию морях. Англия позаботится, чтобы мы не уходили из Европы»[1428].

С 1923 по 1924 гг. фактически официальной стратегической доктриной Красной Армии являлись геостратегические и оперативно-стратегические

[1426] Свечин А.А. Опасные иллюзии.... – С. 272..
[1427] Там же, с. 273.
[1428] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

взгляды и позиции М.Тухачевского. 13 августа 1924 г. он был назначен Главным руководителем по стратегии академий РККА и оставался в этой должности до осени 1930 г. Таким образом его стратегическая доктрина стала, можно сказать, официальной. Правда, 1 июня 1925 г. были назначены два заместителя Главного руководителя по стратегии: Н.Варфоломеев, давний соратник и единомышленник М.Тухачевского, но «умеренный» сторонник «стратегии сокрушения», разработчик теории «последовательных операций», и А.Свечин, сторонник «стратегии измора». Это означало, что М.Фрунзе удалось достичь компромисса между указанными «генералами» по стратегическим вопросам. «Стратегический экстремизм» М.Тухачевского сдерживался взвешенными «академическими» взглядами «генштабистов» старой армии. Известно, что безусловный сторонник «революционной наступательной войны» в начале 20-х годов М.Фрунзе к 1925 г., в основном, придерживался стратегических позиций А.Свечина. «Фрунзе стоял на точке зрения измора», - утверждал сам А.Свечин[1429].

Как известно, основой стратегических взглядов М.Тухачевского являлись его идеи «революции извне», «стратегия сокрушения», а также теория «таранной стратегии» на основе «последовательных операций» (на опыте германского наступления на Париж в 1914 г и советского наступления М.Тухачевского на Варшаву в 1920 г.).

Крушение надежд на германскую революцию 1923 г. и обнаружившаяся небоеспособность Красной Армии, требовавшая серьезных ее реформ, вынуждали политическое и военное руководство СССР оставить надежды на ближайший революционный кризис на Западе и разработать общую геостратегическую концепцию.

«Доктринально-стратегический» компромисс между М.Тухачевским, А.Свечиным и Н.Варфоломеевым был достигнут, очевидно, благодаря смещению акцентов в сферу геополитических, геостратегических проблем и вопросов принципиального характера по структуре, организации и боевой подготовки

[1429] Коммунистическая академия. Записки. - М., 1930. - Т. 1. - С. 30.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

советских вооруженных сил в целом. М.Тухачевский и его сторонники следующим образом определяли основные очертания этой концеции.

В основу ее была заложены, совершенно очевидно, были заложены вышеизложенные геостратегические предположения А.Свечина и определенная самим М.Тухачевским уже в 1924 г. «стратегия организации». Она разрабатывалась им на основе итогов 1-й мировой войны, с учетом тех выводов, которые делались в зарубежной (в частности, немецкой) военной мысли, и переносила акцент в решении оборонных и геостратегических проблем на так называемую «маневренную» организацию использования военного потенциала страны. При этом предполагалось исходить из тех геостратегических целей, которые последовательно вставали перед государством.

Обращалось внимание на органическую связь геополитического положения государства и страны (в данном случае СССР) и геостратегических задач и целей, которые должны и могут из этого положения вытекать.

Анализируя причины поражения России в 1-й мировой войне, как и поражения Германии, М.Тухачевский ссылался и на исследования генерала Гренера. Он считал, что если «Англия, несмотря на весь блеск германской сухопутной стратегии, показала себя более дальновидной в военном отношении», определив, исходя из своего островного положения, свои главные усилия на «создании мощной морской орагнизации». Она приняла, таким образом, такую стратегию организации, которая «вполне соответствовала тем задачам, которые перед Англией вставали и которые она, в конечном счете, блестяще разрешила»[1430]. Германия же и Россия допустили в этом отношении фундаментальный просчет. Их геополитическое положение порождало стратегические цели континентального, а не «морского» характера. Для их достижения и Германии, и России нужна была мощная армия, а не флот, выполнявший второстепенную, вспомогательную роль. Ссылаясь на мнение германского военного министра Гренера, М.Тухачевский считал, что «Вильгельм сделал крупную ошибку, что такие громадные средства истратил на морской флот, а не на сухопутную ар-

[1430] Тухачевский М.Н. Стратегия организации. //Военный вестник. – 1924. - № 28. – С. 27-28.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мию»[1431]. Если бы эта ошибка не была допущена, «если бы мошь сухопутной германской армии была подготовлена в большем масштабе, а это было вполне возможно, то исход осенней кампании 1914 года во Франции мог бы окончиться для последней полным крахом, что предрешило бы и исход войны»[1432].

По мнению М.Тухачевского, «царская Россия шла по пути Германии.... Империалистические мечтания заставили ее строить непомерно сильный флот, в то время как армия, которой предстояло решать основные задачи войны, была недостаточно вооружена и совершенно не обеспечена промышленностью в военном отношении»[1433]. Исходя из этого опыта, М.Тухачевский считал, что и для СССР, как континентальной державы, следует определить в качестве основополагающей «континентальную» геостратегическую концепцию.

«Мы находимся в положении прямо противоположном Японии и Англии. Морскими операциями даже самых мощных мировых империалистов нельзя нарушить ни нашей экономической, ни политической целостности. У нас нет такой внутренней коммуникации, которой могли бы угрожать морские флоты противника.... Морской флот (для СССР) играет чисто вспомогательную роль при выполнении наших операций. Сухопутная армия и Воздушный Флот – вот основные киты, на которых фактически зиждится наша оборона страны»[1434].

Вот концепция М.Тухачевского. В сущности это был радикальный поворот в геостратегической ориентации: со времен Петра Великого Россиия была определена «морской державой», и безуспешно пыталась бороться с Британией за «владение морем», обрести выход на морские просторы Средиземноморья и Атлантики.

Геостратегическая «континентальная» концепция М.Тухачевского определяла и иерархию «партнеров» и «противников» СССР и Красной Армии: во-первых, это «лимитрофы» – Польша, Румыния, страны Балтии, Финляндия и уже постольку, во-вторых, более серьезные противники, обеспечивающие под-

---

[1431] «На борьбу с «лимитрофами». Стенограмма заседания РВС СССР с командующими войсками МВО, УВО и БВО и начальниками морских сил Балтийского и Черного морей от 8 мая 1928 г. //Военно-исторический журнал. – 1993. № 4. - С. 56.
[1432] Тухачевский М.Н. Стратегия организации. - С. 28-29.
[1433] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

держку «лимитрофам» – Великобритания и Франция. В качестве же потенциальных «друзей» и «союзников» М.Тухачевский видел Германию, с которой у СССР были общие антипольские интересы, Италию и Венгрию.

В дискуссии, продолжавшейся с 1924 по 1928 гг., в качестве оппонирующей была выдвинута в сущности традиционная геостратегическая концепция (против которой выступал М.Тухачевский), являвшаяся частным проявлением концепции «владения морем». Она была разработана и выдвинута представителями русского морского Генерального Штаба, оставшимися в рядах РККФ – М.Петровым, Жерве, Н.Игнатьевым, Н.Власьевым, А.Тошаковым. Они получили определенную поддержку у командующего ВМС РККА Р.Муклевича. Эти видные представители морских сил Красной Армии выдвигали свои аргументы, также ссылаясь на военно-исторический опыт дореволюционной России, отстаивая концепцию, что СССР, как и раньше, это, прежде всего, морская держава, и деля из этого соответствующие выводы.

В частности, М.Петров справедливо указывал на фундаментальные стратегические просчеты российского политического и военного руководства, начиная еще с первой половины 19 в., недооценивавшего стратегическую значимость «проливов» и Константинополя, в частности, в период 1-й мировой войны. М.Петров и его единомышленники утверждали, и не без основания, что главным противником в геостратегическом плане для России и СССР являлась и является Великобритания. «Задача утвердить влияние Англии на Балтике была для нее постоянной задачей», - считал М.Петров[1435].

В контексте геостратегических идей так называемой «старой школы», к которой принадлежали вышеперечисленные военно-морские специалисты, оставшиеся в Красном Флоте во главе с уже упомянутым выше профессором М.Петровым, задачи флота определялись стремлением на «океанский простор», «на широкие морские пути». А так как всеми выходами из русских вод владели другие государства, то нужно было эти выходы захватить.

[1434] Стенограмма заседания РВС СССР с командующими.... От 8 мая 1928 г. - С. 55-56.
[1435] Там же, с. 58-59.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Один из молодых военно-морских начальников Красного Флота, оппонент этих взглядов, назвал эту линию «активно-проливной»[1436]. Поясняя взгляды сторонников «старой школы» – «владения морем». Бывший военно-морской летчик А.Якимычев в 1928 г. констатировал, что «царская Россия, состоявшая в известных договорных отношениях с Францией и Англией, готовилась к войне на море против турецкого флота и части германского флота»[1437]. Оппоненты сторонников «владения морем» из числа молодых флотских командиров, аргументировали свою позицию и потерей СССР большей части военно-морских портов на Балтике, и возросшей ролью военно-морской авиации и подводного флота, и скудостью экономических возможностей, но главное – «коренным изменением политики Советского государства»[1438]. Они поддерживали точку зрения М.Тухачевского и Штаба РККА. Они считали, что, в отличие от положения царской России, «Советское правительство вынуждено иметь военно-морскую силу исключительно для защиты завоеваний Октября, а не с целью агрессивных намерений, а также в числе своих вероятных противников имеет коалицию, возглавляемую государством, обладающим первоклассным надводным флотом...»[1439].

Расставляя все точки над «и», сторонники «континентальной» геостратегической концепции (М.Тухачевский, из моряков – И.Лудри, К.Душенов, И.Кожанов и др.) считали, что «Советское государство переживает период «мирной передышки». Антисоветский блок, возглавляемый Англией, принимает все более и более отчетливые формы. В случае войны судьба Советского государства, а значит и пролетарской революции, будет решаться на сухопутном фронте войны, следовательно, морское направление по отношению к сухопутному явится лишь вспомогательным»[1440].

[1436] Душенов К.И. К истории вопроса о «малой войне» на море. //Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах 1917-1940. - М., 1965. - С. 697.
[1437] Якимычев А.М. Война «малым (слабым) флотом» и «малая война» в эпоху парового флота. //Вопросы стратегии и оперативного искссва в советских военных трудах 1917- 1940. - С. 700.
[1438] Там же.
[1439] Там же.
[1440] Там же, с. 701.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Впрочем, дискуссия по проблеме «геостратегической концепции» – «континентальной» или «владения морем» – продолжалась с 1924 по 1928 гг., поскольку в указанный промежуток времени советское правительство и военное руководство не исключало возможности и перспектив придерживаться перспктив (хотя бы отчасти) «владения морем». Имел место расчет на возвращение Францией большого надводного флота, уведенного врангелевскими адмиралами в 1920 г. в Бизерту. С этой целью туда был направлен Е.Беренс, однако, несмотря на достигнутое в принципе соглашение, в конце концов пришли к выводу, что приобретение «готового» «линейного флота» устраняло бы необходимость затрат на его строительство, но было невыгодно в силу «старости» и в основном уже боевой непригодности этих кораблей бывшего императорского военно-морского флота России.

…Таким образом, в мае 1928 г., после вышеупомянутой дискуссии в Штабе РККА, была принята за основу геостратегическая «континентальная» концепция М.Тухачевского.

Итак, указанная выше дискуссия выявила: военная элита СССР во второй половине 20-х годов, признавая своим главным потенциальным противником Великобританию, непосредственных своих противников видела в лимитрофах – Польше, Румынии, странах Балтии, Финляндии.

Однако в среде самих сторонников «континентальной» геостратегической концепции не было единства, и весьма острые стратегические расхождения обнаружились уже в 1926-1927 гг., вылившись особенно наглядно в идейное и политическое противоборство М.Тухачевского и профессора А.Свечина. В изучаемый период времени, особенно с 1924-1925 гг., он был солидарен с М.Тухачевским и придерживался, как и последний, «континентальной» стратегической концепции. Он также отталкивался от опыта 1-й мировой войны. Он мотивировал свою точку зрения также и теми соображениями, что наши флоты не имеют прямого выхода к крупным водным пространствам, что флот – оружие дорогое.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Подобно М.Тухачевскому, но с более пространными экскурсом в историю недавней 1-й мировой войны, А.Свечин считал, что русская армия «могла бы сравниться по технике с германской только в случае нашего отказа от постройки линейного флота; последний в условиях чрезвычайно невыгодного расположения русских портов в глубине оперативных задворок морей, лишенный надлежащего базирования, был обречен на бездействие. Однако после Цусимы и первой революции мы вновь начали строить кораблики, что отвлекло крупную часть сумм, ассигнуемых на оборону, и еще более существенную часть нашей еще более слабой промышленности»[1441].

Рассматривая очертания будущей войны, А.Свечин считал, что сложившаяся Версальская система нестабильна, что она была создана в интересах прежде всего Франции, всегда стремившейся к созданию неустойчивых образований на своих границах и в целом в Европе. «Мышление французской внешней политики веками, со времен Ришелье, воспитывалось на создании в Европе таких условий раздробленности, чересполосицы и необороноспособности. В результате работы французской политики, идеи которой вылились в Версальском мирном договоре, вся серединная Европа-Германия-Польша, Чехо-Словакия и т.д. – поставлена в условия, исключающие оборону и позиционность...»[1442]. А.Свечин делал вывод о том, что Европа чревата войной. Таким образом, истоом грядущей, как впрочем, и существующей, геостратегической ситуации в Европе, что коренным образом затрагивает положение и СССР, является геостратегическая «версальская система», созданная Францией. Франция, таким образом, как это вытекает из высказываний А.Свечина, является определяющей геостратегической «фигурой» международных отношений, провоцирующей грядущую войну, в которой активнейшую роль должна будет сыграть Германия. Учитывая всю совокупность геостратегических обстоятельств, в которых оказалась Россия-СССР, и ее внутреннее слабое экономическое состояние, техническую отсталость, требуется, по мнению А.Свечина, придержи-

[1441] Цитируется по статье А.А.Кокошина и В.Н.Лобова «Предвидение (генерал Свечин об эволюции военного искусства). //Знамя. – 1990. - № 2. - С. 175.
[1442] Там же, с. 173.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ваться «оборонительной доктрины» для Красной Армии, отказа от «стратегии сокрушения», отдать предпочтение выработке навыков оборонительной боевой подготовки.

Исходя из материально-технических возможностей РККА в 20-е годы, А.Свечин спасение СССР видел в ее пространственно-климатических условиях, позволяющих «истощать» возможности противника, втягивая в глубь территории страны[1443]. На этой почве и обострились идейные противоречия между А.Свечиным и М.Тухачевским. Впрочем, не только с М.Тухачевским, но и с покойным единомышленником «красного Наполеона» А.Зайончковским и той частью старых «генштабистов», которые придерживались концепции «стратегии сокрушения»[1444].

Уже в 1924 г., после неудачи «германского Октября» и «крушения Тухачевского», А.Свечин (еще раз процитирую) пишет: «Нельзя не приветствовать отказ Советской власти от какого-либо шовинизма, от стремления использовать Красную Армию для проповеди революции с оружием в руках»[1445]. Иными словами, А.Свечин как бы констатирует смену стратегической парадигмы Красной Армии: стратегия «революции извне» М.Тухачевского, опиравшаяся на «революционный дух», на «революционный миф», утратила свои основания. «Революционный дух» рассеялся, «революционный миф» потерял своих «верующих». Отныне доктринально-определяющим фактором для СССР и Красной Армии вновь становится их геополитическое положение и геостратегические интересы.

Однако А.Свечин предупреждает о пагубности самоуспокоения тех, кто надеется на огромные географические пространства России и суровость ее климата, которые могут спасти ее от нашествия неприятеля при слабости Красной Армии.

[1443] Свечин А. Стратегия. - М., 1927. - С. 41-43, 173-182.

[1444] Еще с дореволюционных времен среди военных теоретиков и военачальников произошло размежевание на сторонников «стратегии сокрушения» и «стратегии измора». К сторонникам «стратегии сокрушения» принадлежали практически все крупные русские военачальники периода 1-й мировой войны – А.Брусилов, Н.Рузский, М.Алексеев и др. Все они придерживались взглядов ведущего русского стратега и военного ученого Г.А.Леера.

[1445] Свечин А.А. Опасные иллюзии. //Военная мысль и революция. – 1924. - Книга 2. - С. 48-49. – См. также: Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - С. 268.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Таким образом, обострившаяся дискуссия по принципиальным стратегическим вопросам корнями своими уходила в дореволюционный период. Однако оказавшийся на «вершине» одного из полюсов дискуссии М.Тухачевский придавал академическому спору явно политический смысл. Особенно с 1926 г., когда была впервые издана книга А.Свечина «Стратегия». В ней неоднократно прямо и косвенно подвергалась критике стратегия сокрушения, в частности, и на примерах германского наступления на Париж в 1914 г., и наступления М.Тухачевского на Варшаву в 1920 г.[1446] В 1927 г. это исследование А.Свечина, постулирующее приоритет «стратегии измора» перед «стратегией сокрушения» в принципе и для СССР, в частности, было переиздано.

1 мая 1927 г. центральная партийная газета «Правда» поместила статью А.Свечина «Военное искусство в будущей войне», в которой автор, вновь касаясь варшавской операции М.Тухачевского и Красной Армии в 1920 г., оценил ее как «злоупотребление революционными лозунгами»[1447]. Статья эта появилась как своего рода реация военного специалиста на переворот Чан-Кай-ши (апрель 1927 г.).

Следует заметить, что военная помощь китайской гоминдановской революции многочисленными военными советниками с В.Блюхером (Галиным) во главе – они фактически и осуществляли оперативно-стратегического руководство китайскими «революционными армиями» - представляла собой ничто иное, как реализацию на практике идей М.Тухачевского, его доктрины «революции извне», ее лозунга – «движение на выстрелы».

В перевороте Чан-Кай-ши усматривалось полное крушение этой доктрины: оказание помощи «революционной армии» Китая, доведение этой армии до победы советским «генералом» В.Блюхером и его товарищами, обернулось не торжеством «социальной революции», а ее крушением – «бонапартизмом». Так в самой иедологии «революции извне», в идеологии «революционной войны», главным пропагандистом и теоретиком которой был М.Тухачевский, будто и впрямь, в соответствие с мнением Л.Троцкого, проявились очертания «бона-

[1446] Свечин А.Стратегия. - С. 29, 41-43, 53.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

партизма», и не только китайского, но и маячившего в глазах советского политического руководства «бонапартизма» в Красной Армии.

В этом смысле примечательно и расхождение мнений относительно Чан-Кай-ши и китайской политической действительности, обнаружившееся в позициях политического советника СССР в Китае М.Бородина и военного советника В.Блюхера (Галина). В отличие от М.Бородина, считавшего, что у Чан-Кай-ши весьма незначительная социально-политическая база и нет поддержки «революционной армии», «тов. Галин (Блюхер), - как сообщал советский представитель М.Юшкевич, - считает, что многие товарищи ошибаются, умаляя значение военного фактора в обстановке на Юге. Массовое рабочее и крестьянское движение – большая сила в развитии национальной революции, но вместе с тем, эта сила не решающая. За Чан-Кай-ши, по мнению Галина, большая часть армии»[1448]. Блюхер считал, что Чан-ай-ши готов был продолжить сотрудничество с военными советниками из Красной Армии, при условии удаления из Китая политического советника РКП (б) М.Бородина, и В.Блюхер считал, что на это следовало идти[1449]. В сущности, это означало, что в Китае возникал политический вариант, в котором доминирующая роль от российской компартии должна была перейти к Красной Армии, от политиков-коммунистов, к «генералам». В этом, видимо, многие в СССР усматривали обстоятельства, благоприятствовавшие «бонапартизации» советской военной элиты. Таким образом, обстановка, с одной стороны, обозначала крушение одного из основополагающих положений «революции извне» – роль классовой борьбы и трудящихся классов, - зато усиливала чисто военный фактор – роль Красной Армии. Пример китайской революционной армии и военно-политической судьбы Чан-Кай-ши демонстрировал политический итог «революционной войны», ее идеологов и «вождей». Одних он пугал, другим мог послужить соблазном.

[1447] Правда. - 1927. – 1 мая.
[1448] Картунова А.И. Почему В.К.Блюхер поддерживал Чан-Кай-ши. //Военно-исторический журнал. – 1995. - № 5. - С. 62.
[1449] Там же, с. 63.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Однако был еще один важный фактор, внутренне органично взаимосвязанный с вышесказанным, один из основополагающих всей геостратегической ориентации советской военной элиты – польский.

...Варшавская катастрофа была сильнейшим ударом для М.Тухачевского. Понятно, что М.Тухачевский был человеком, не только глубже других «революционных генералов» осмыслившим свой драматичный боевой опыт сражения под Варшавой, но и более других, острее ощущавшим потребность боевого реванша. И ситуации для него подходящие возникали, начиная с 1922 г. не раз: летом-осенью 1923 г., в конце 1924 г. Именно тогда в связи с встречным стремлением главнокомандующего Рейхсвером генерал-полковника Г.фон Секта сначала на уровне внешнеполитических ведомств в Германии и СССР, а затем ведомств военных была предпринята попытка подготовки совместной войны против Польши. И действительно, уже весной повсеместно на западных рубежах СССР, на съездах Советов, прошедших в мае 1925 г. в Белоруссии, на Украине, в Молдавии, господствовало торжественно-агрессивное настроение и звучали недвусмысленные, вызывающие лозунги и призывы.

«Мы не требуем, - говорил председатель молдавского ЦИК Старый на 9-м сеукраинском съезде Советов в мае 1925 г., - маневров корпуса Котовского на левом берегу Днестра, но мы выражали непременное желание, чтобы правительство заявило румынским насильникам, что Бессарабия является неотъемлимой частью Советской республики. Мы должны сказать этим держимордам, что за все свои насилия над молдавским населением они получат воздаяния. Тов. Котовский, командир кавалерийского корпуса, говорит о готовности Красной Армии в любой момент прийти по призыву рабочих и крестьян на помощь братскому населению Бессарабии от насилий румынских бояр»[1450].

На прошедшем незадолго до 9-го Всеукраинского Съезда Советов Первом съезде Общества бессарабцев в апреле 1925 г. Г.Котовский говорил: «Вопрос об освобождении Бессарабии, вопрос о том, чтобы сделать Бессарабию красной, мог бы быть разрешен хорошим ударом нашего корпуса, куда входит

[1450] Красная Звезда. – 1925. - 7 мая.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

и Бессарабская кавалрийская дивизия, или, в крайнем случае, еще парой наших корпусов.... Если рабоче-крестьянское правительство, руководимое коммунистической партией, скажет, что довольно дипломатических переговоров, прикажет нашей Красной Армии броситься к границам Румынии, Бессарабии, на помощь восставшим рабочим и крестьянам, наш кавалерийский корпус будет впереди! Мы уверены, что, если этот исторический момент настанет, наша красная конница перемахнет одним прыжком через Днестр...»[1451].

М.Тухачевский, в то время командующий Западным военным округом, специально приехавший в Минск, в своем выступлении на 7-м Всебелорусском съезде Советов в мае 1925 г. говорил: «Крестьяне Белоруссии, угнетенные польскими помещиками, волнуются и, конечно, придет тот час, когда они этих помещиков сбросят. Красная Армия понимает, что эта задача является для нас самой желанной, многожданной.... Мы уверены, и вся Красная Армия уверена в том, что наш Советский Союз, и в первую очередь Советская Белоруссия послужит тем оплотом, от которого пойдут волны революции по всей Европе.... Красная Армия с оружием в руках сумеет не только отразить, но и повалить капиталистические страны.... Да здравствует Советская зарубежная Белоруссия! Да здравствует мировая революция!»[1452].

Обозначив общий военно-политический курс и настроения армии, М.Тухачевский затем обосновал ее боевую готовность.

«...В техническом отношении мы в значительной мере сравнялись и достигли западноевропейских государств.... Успехи в области пехоты, в области артиллерии...определяют возможность ее участия в самых жестоких и самых сильных столкновениях с нашими западными соседями.... Танки мы имеем хорошие, и в этом отношении можем состязаться с нашими соседями. Конница наша является сейчас лучшей конницей в мире.... Наша авиация является одной из самых блестящих родов войск.... Ни у одного из наших соседей нет такой подготовленной, блестящей, смелой и боеспособной авиации»[1453]. И, за-

[1451] Котовский Г.И. Документы и материалы. - Кишинев, 1956. - С. 502-504.
[1452] 7-й Всебелорусский Съезд Советов, май 1925 г. Стенографический отчет. - С. 24-25.
[1453] Там же, с. 211,230-231.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ключая, М.Тухачевский прямо заявлял: «Нам нужно только, чтобы советское правительство Белоруссии поставило в порядок своего дня вопрос о войне(!)»[1454].

В связи с вышецитированным следует также заметить, что все делегаты съезда с бурным восторгом встретили появление М.Тухачевского на трибуне, награждали его неоднократно аплодисментами, а председательствующий Червяков прямо заявил: «Будем работать над тем, чтобы наш Советский Союз расширился далеко за теперешние пределы, чтобы там, где теперь неустойчивые правительства, были устойчивые советские правительства.... Даешь Советскую Европу! Да здравствует Союз Советских Республик всего Света!»[1455]. Здесь, как говорится, комментарии излишни.

В 1926 г. в одной из своих военно-теоретических статей М.Тухачевский писал: «Наша промышленность дорастает до уровня довоенного, а мы знаем, что промышленность наша после ее мобилизации в 1916 г. в значительной мере удовлетворяла потребности царской армии. Уже одно это говорит о том, что мы дорастаем до уровня способности вести крупную войну массовых армий»[1456]. Как бы отвечая на сомнения своих оппонентов относительно способности СССР вести войну по причинам экономической слабости, М.Тухачевский считал: «Развитие производительных сил нашего Союза далеко не достигает тех размеров, которые мы видим на Западе. Но зато мы имеем то преимущество, что вся крупная промышленность объединена в руках государства и направлена по общему плану развития социалистического хозяйства»[1457].

На 1 января 1926 г. в РККА было 610 тысяч человек в составе:

1.70 стрелковых дивизий;

а) 13 кадровых дивизий усиленного состава;

б) 22 кадровых дивизий сокращенного состава;

в) 35 территориальных дивизий;

[1454] 7-й Всебелорусский съезд Советов.... - С. 231.
[1455] Там же, с. 312.
[1456] Тухачевский М.Н. К вопросу о современной стратегии. //Война и военное искусство в свете исторического материализма. - М., 1927. - С. 135.
[1457] Там же, с. 126-127.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

г) 7 территориальных резервных стрелковых полков.

2.11 кавалерийских дивизий.

3.8 кавалерийских бригад.

4.6987 орудий всех калибров.

5.30162 пулеметов.

6.60 танков.

7.99 бронеавтомобилей.

8.42 бронепоезда.

9.694 самолета.

10.3 линкора, 2 крейсера, 8 эсминцев, 9 подводных лодок, 12 сторожевых катеров (на Балтийском море).

11.2 крейсера, 4 эсминца, 6 подводных лодок, 21 сторожевой катер (на Черном море)[1458].

Когда внешнеполитическая ситуация для СССР начала складываться крайне неблагоприятно и возникла «военная тревога» на его западных границах Народный комиссариат по военным и морским делам составил заявку на первый год боевых действий. Стало ясно, что для этого потребуется 32 млн. снарядов и 3,25 млрд. винтовочных патронов. Однако обнаружилось, что военная промышленность не в состоянии удовлетворить эти потребности. Реально Красная Армия могла получить только 29% потребности в патронах и 8,2% - в снарядах[1459]. Следует иметь в виду, что заявка составлялась из расчета ведения боевых действий не более 6 месяцев в году и расход боеприпасов будет на уровне последнего года гражданской войны[1460].

В связи с нарастающей «военной тревогой» на западных рубежах СССР, по требованию правительства, начальник Штаба РККА М.Тухачевский 26 декабря 1926 г. представил доклад «Оборона Союза Советских Социалистических республик». В нем он дал анализ геостратегического и геополитического положения страны и армии и сделал весьма жесткие выводы.

[1458] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 16. Д. 3. Л. 434.
[1459] Там же, Л. 432.
[1460] Там же, Д. 13. Л. 71.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Основные положения этого доклада сводились М.Тухачевским к следующему:

«1.Наиболее вероятные противники на западной границе имеют крупные вооруженные силы, людские ресурсы, высокую пропускную способность железных дорог. Они могут рассчитывать на материальную помощь крупных капиталистических держав.

2.Слабым местом блока является громадная протяженность его восточных границ и сравнительно ничтожная глубина территории.

3.В случае благоприятного для блока развития боевых действий первого периода войны, его силы могут значительно возрасти, что в связи с «западноевропейским тылом» может создать для нас непреодолимую угрозу.

4.В случае разгрома нами в первый же период войны хотя бы одного из звеньев блока, угроза поражения будет ослаблена.

5.Наши вооруженные силы, уступая по численности неприятельским, все же могут рассчитывать на нанесение контрударов.

6.Наших скудных материальных боевых мобилизационных запасов едва хватит на первый период войны. В дальнейшем наше положение будет ухудшаться (особенно в условиях блокады).

7.Задачи обороны СССР РККА выполнит лишь при условии высокой мобилизационной готовности вооруженных сил, железнодорожного транспорта и промышленности.

8.Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы»[1461].

В тот же день, 26 декабря 1926 г. в заключение своего доклада на Политбюро ЦК ВКП (б) М.Тухачевский сказал прямо: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы. Наших скудных материальных боевых мобилизационных запасов едва хватит на первый период войны. В дальнейшем наше положение будет ухудшаться (особенно в условиях блокады)»[1462].

[1461] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 16. Д. 3. Л. 334-335. См. также: Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. - М., 1996. - С. 65.
[1462] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 16. Д. 3. Л. 335.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В виду надвигающейся угрозы войны руководство Красной Армии в январе – августе 1927 г. осуществило ряд кадровых перестановок в высшем комсоставе, обращая особое внимание на западные приграничные военные округа. В результате проведенных мероприятий в руководстве Красной Армии и военных округов к сентябрю 1927 г. оказались следующие лица:

1.Ворошилов К.Е. – Председатель РВС СССР и Наркомвоенмор.

2.Уншлихт И.С. – 1-й заместитель Председателя РВС СССР и наркомвоенмора.

3.Каменев С.С. – 2-й заместитель Председателя РВС СССР и Наркомвоенмора (20.5.1927-3.6.1930). «1918».

4.Тухачевский М.Н. – начальник Штаба РККА (13.11.1925-5.5.1928). **«1920».**

5.Пугачев С.А. – заместитель начальника Штаба РККА (7.2.1925-20.9.1928).

6.Левичев В.Н. – начальник ГУРККА (20.5.1927-20.10.1928). «1924».

7.Седякин А.И. – заместитель начальника ГУРККА (2.8.1927-1929). **«1924».**

8.Егоров А.И. – командующий БВО (5.5.1927-17.4.1931). «1919».

9.Германович М.Я.- помощник командующего БВО.

10.Сергеев Е.Н. – начальник штаба БВО (1.12.1926-20.10.1928). «1925».

11.Якир И.Э. – командующий УВО. **«1924».**

12.Каширин Н.Д. – помощник командующего УВО (13.11.1925-15.5.1928).

13.Лебедев П.П. – начальник штаба УВО (11.1925-9.1928). **«1919».**

14.Шапошников Б.М. – командующий МВО (5.5.1927-5.5.1928). «1921».

15.Перемытов А.М. – начальник штаба МВО (4.1924-20.10.1928).

16.Корк А.И. – командующий ЛВО (5.5.1927-5.5.1928).

17.Кук А.И - помощник командующего ЛВО (1.12.1926-1.1.1928).

18.Фельдман Б.М. – начальник штаба ЛВО (1.12.1926-7.1931).

19.Уборевич И.П. – командующий СКВО (7.2.1925-1.11.1927).

20.Белов И.П. - помощник командующего СКВО (15.6.1927-1930).

21.Федько И.Ф. – начальник штаба СКВО (15.2.1927-20.10.1928).

22.Левандовский М.К. – командующий ККА (13.11.1925-20.10.1928).

23.Алафузо М.И. – начальник штаба ККА (15.2.1927-1936).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

24.Базилевич Г.Д. – командующий ПриВО (5.5.1927-2.1931).

25.Павлов А.В. – помощник командующего ПриВО (2.1926-1931).

26.Симонов М.Е. – начальник штаба ПриВО.

27.Авксентьевский К.А. – командующий САВО (13.11.1925-20.10.1928).

28.Зиновьев Г.В.- помощник командующего САВО (15.2.1927-5.1928).

29.Кондратьев Б.Н.- начальник штаба САВО.

30.Петин Н.Н. – командующий СибВО (13.11.1925-10.11.1928).

«Военная тревога», как это видно по персональному составу военно-окружного командования и кадровым перестановкам, вынудило высшее политическое и военное руководство вновь обратиться к услугам тех лиц, которые имели репутацию результативных военачальников и опытных генштабистов. Именно бывших кадровых офицеров, в том числе «генштабистов» вновь привлекли к командованию «фронтовыми» округами. А.Егоров был возвращен в номенклатуру военной элиты и назначен командующим самым главным - Белорусским военным округом. Начальником штаба к нему перевели из Ленинграда Е.Сергеева. В 1920 г. он с успехом командовал 4-й армией Западного фронта. Прекрасно знавшими Прибалтийский театр военных действий А.Корка и А.Кука назначили руководить Ленинградским военным округом. И Якиру, еще недостаточно опытному в руководстве самым большим из округов во «фронтовой» ситуации – Украинским дали лучшего «генштабиста» – П.Лебедева. В кризисной ситуации приходилось отдавать приоритеты профессионалам перед политически благонадежными.

Опасность войны возросла в течение лета 1927 г. В конце июня 1927 г. Ранцау передавал информацию, что Красная Армия заняла боевые позиции вдоль западной границы. В начале июля 1927 г. германское посольство сообщило дополнительные детали, указывающие на концентрацию войск к Гомелю, на движение людей и снаряжения изнутри страны на запад, о сооружении новых военных аэродромов и ускорении работ на военных заводах. «Военная тревога» достигла своей высшей напряженности в сентябре. Согласно краткому сообщению «ведущего члена» Наркоминдела, сложилась угрожающая ситуа-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ция, когда Британия хотела бы блокировать СССР на море и побудить Польшу к нападению на суше, к которому присоединилась бы Румыния на Юге и Финляндия на севере[1463].

Стремясь использовать все возможные средства для решения военных проблем, если ситуация перерастет в открытые военные действия на советско-польской границе, М.Тухачевский намечает привлечь к ним «специальные» боевые ресурсы. 28 марта 1927 г. в своем письме советскому военному атташе в Германии С.Петренко-Луневу начальник Штаба РККА М.Тухачевский дает специальное задание. Он считает необходимым изменить план формирования «красных вооруженных сил» в треугольнике Киль-Бреслау-Штольп, которые должны будут не только соединиться с наступающими войсками РККА в Польше, но в первый период также отвлекать внимание Польши к ее западной границе. М.Тухачевский, в связи с этим, считал, что «при известных условиях, возможно, будет необходимо даже открытое наступление красных немецких формирований на польскую границу со стороны коридора с целью вызвать общие политические осложнения в Западной Европе»[1464]. А 9 июля 1927 г., в период нарастающего обострения военно-политической обстановки на советско-польской границе уже военный атташе С.Петренко-Лунев сообщал М.Тухачевскому, что поставленные им задачи выполняются[1465].

…Особенного напряжения и обострения военно-политическая ситуация достигла к сентябрю 1927 г. Командование Красной Армии решило провести «большие маневры» в районе Одессы, мобилизуя боевые соединения Украинского военного округа и Черноморского флота. Маневры продолжались достаточно долго: с 17 по 28 сентября. Главным руководителем маневров был начальник Штаба РККА М.Тухачевский, а в качестве начальника штаба у него – В.Триандофиллов. На маневрах присутствовали А.Рыков, К.Ворошилов, А.Бубнов, С.Буденный, А.Егоров, И.Уборевич, И.Якир, Р.Муклевич, Р.Эйдеман, П.Дыбенко и др. Иными словами и глава правительства, и нарком-

[1463] Dyck H.L. Weimar Republic and Soviet Russia 1926-1933. - London, 1966. - P. 97-98.
[1464] Излагается и цитируется по: Прокопенко А.С. Чего хотел Тухачевский. //Военно-исторический журнал. – 1990. - № 8. - С. 60.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военмор и вся военная элита. Примечательно, что командующий УВО И.Якир фактически был отстранен от руководства войсками как военачальник, которого в это время не считали подготовленным для командования войсковыми массами в таких масштабах и с такими оперативно-стратегическими задачами. К тому же его имя мало что говорило западным политическим и военным кругам. М.Тухачевский же был фигурой «знаковой» в военно-политическом плане. Его имя придавало значимость и самим маневрам. Наконец, масштабы, характер, оперативные задания и М.Тухачевский в качестве руководителя маневров обнаруживали и оперативно-стратегическую концепцию, заложенную в основу плана оперативного развертывания советских войск в случае войны на западном театре военных действий. Ведущая роль придавалась юго-западному направлению. Несомненно, в этом сказалось влияние взглядов бывшего начальника Штаба РККА П.Лебедева, занимавшего к 1927 г. должность начальника штаба УВО. Это была позиция Полевого штаба РВСР еще в 1920 г., выраженная публично Б.Шапошниковым в полемике с М.Тухачевским[1466]. Б.Шапошников, с мая 1927 г. вернувшийся в Москву на должность командующего МВО, очевидно, оказывал влияние на оперативно-стратегические позиции С.Каменева. Последний, став летом 1927 г. 2-м заместителем Председателя РВС СССР и наркома, таким образом, скрытно восстанавливался в формально не обозначенной должности Главкома. Одновременно проводились маневры в Ленинградском, Белорусском и Северо-Кавказском военном округах. Проведена была мобилизация и проверка боеспособности Осоавиахима.

Итак, это шла боевая проверка готовности советских вооруженных сил по всей линии западной границы и демонстрация силы. Их масштабы, ход и состав участников и руководителей афишировались нарочито в центральной прессе. Западу «угрожали» вновь М.Тухачевским, «главнокомандующим» маневрами. Одесские маневры, как главные, обрели благодаря присутствию на них Председателя Совнаркома СССР А.Рыкова общегосударственную значимость.

[1465] Военно-исторический журнал. – 1990. - № 8. – С. 60.
[1466] Шапошников Б.М. На Висле. – М., 1924.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Официальная оценка итогов одесских маневров и уровня боеспособности Красной Армии была сделана начальником Оперативного управления Штаба РККА В. Триандофилловым 5 октября 1927 г. в беседе с корреспондентом «Красной Звезды». «Маневры этого года, - отвечал он на вопросы, - имели целью проверить умение нашей армии вести общевойсковой бой. До последних лет мы все свое внимание фиксировали на действиях отдельных родов войск. В качестве очередной большой задачи перед нами ставится вопрос о еще большем развитии смелости, решимости и инициативы в бою. Осуществление этой задачи – поставит нашу армию по своей выучке и способности вести бой в один ряд с лучшими современными европейскими армиями»[1467].

«Между строк» цитированного выше отзыва М.Тухачевского, за «парадными высказываниями», можно вычитать:

1.Соединения и части Красной Армии обнаружили отсутствие умения взаимодействия родов войск. Для этого и понадобилось попытаться провести совместные маневры войск УВО и Черноморского флота.

2.Командирам соединений и частей недоставало смелости, решимости и инициативы в бою.

Красная Армия обнаружила на одесских маневрах неготовность к войне.

Германский консул в Киеве писал 17 сентября, передавая сообщение о теплом приеме, оказанном офицерам, и дал краткое изложение немецких впечатлений. «Русская армия еще не готова, - писал он. – Высшее командование полагает, в чем наше командование никогда не сомневалось, что армия будет боеготова через три года»[1468]. По мнению германских специалистов от 6 июля 1928 г., Красная Армия могла бы ответить на нападение Польши, но вряд ли она была бы в состоянии предпринять наступательные операции в каком-либо масштабе в настоящий момент[1469]. Полковник Миттельбергер, посетивший с визитом Москву в марте 1928 г., отметил в качестве серьезного недостатка Красной Армии отсутствие достаточно подготовленного комсостава, «несмотря

[1467] Красная Звезда. - 1927 . – 5 октября.
[1468] Erickson J. The Soviet High Command: A Military-Political history 1918-1941. - London – New York, 1962. - P. 260.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

на то, что значительную роль еще играли офицеры бывшей императорской армии»[1470].

Так называемая «военная тревога» 1926-1927 гг., едва не прорвавшаяся новой войной на советско-польской границе, обнаружила неготовность Красной Армии к серьезному военному конфликту. Об этом уже говорилось ранее достаточно подробно. Перед политическим и военным руководством СССР к октябрю-ноябрю 1927 г. встал один главный вопрос – во что бы то ни стало не допустить войны (а ситуация была чревата ею не только на польской границе, но и на Дальнем Востоке, и с Великобританией). Мне представляется, что именно с этой целью решено было использовать старые офицерские связи М.Тухачевского и его «гвардейское» прошлое.

...В военных кругах русской белой эмиграции в связи с «делом Тухачевского» и развернувшимися в СССР с 1937 г. массовыми репрессиями высшего и старшего комсостава Красной Армии выдвинута была своя версия причин и смысла этого «дела». По свидетельству И.Гессена, «на юбилейном вечере Корниловского полка (19 сентября 1937 г. – С.М.) генерал Деникин в приветственной речи, между прочим, сказал, что «теперь (т.е. после раскрытия заговора и расстрела военачальников) нет больше оснований скрывать, что Тухачевский встречался в Париже с Кутеповым»[1471]. Эта информация была подтверждена в газете «Возрождение» (5 ноября 1937 г.)[1472]. «Деникин на собрании корниловцев 19 сентября 1937 г. сказал, - сообщалось в газете, - что теперь уже об этом можно говорить, что генерал Кутепов находился в сношениях с Тухачевским и со служащим у большевиков генералом Потаповым. Когда генерал Потапов приезжал в Париж, генерал Кутепов виделся с ним и даже представил его великому князю Николаю Николаевичу. Генерал Деникин, однако, добавил, что, как выяснилось впоследствии, и Тухачевский, и Потапов действовали с ведома большевиков и, таким образом, были лишь представителями очередного треста.

[1469] Erickson J. Op. cit. – P. 260.
[1470] Ibid, p. 261, 262.
[1471] Гессен И. Годы изгнания. Жизненный отчет. //Русская идея. - М., 1994. - Т. 1. - С. 358-359.
[1472] Возрождение. - 1937. – 5 ноября.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Как бы то ни было, сомневаться в том, что некоторые красные генералы имели тенденцию войти в общение с белыми не приходится»[1473].

...Встреча эта имела место, скорее всего, не позднее декабря 1927 года[1474]. Косвенными доводами в пользу таковой ориентировочной датировки можно считать и неожиданное оживление всевозможных слухов вокруг фигуры М.Тухачевского, и особое к ней внимание. Так, в январе 1928 года в Париже вышла небольшая книга П.Фервака «Михаил Тухачевский – вождь Красной Армии»[1475]. Она по своему содержанию совершенно очевидно выполняла главную задачу – дать ответ заинтересованным политическим и военным кругам, прежде всего французским, равно как и французской общественности, на вопрос: кто такой и что такое М.Тухачевский? Тогда же начали распространяться слухи о намерении М.Тухачевского совершить военный переворот[1476], а 21 марта 1928 года в газете «Возрождение» в Париже появились получившие широкую известность в эмиграции деникинские «письма» к анонимному «Красному

[1473] Возрождение. – 1937. – 5 ноября. Два обстоятельства усиливали ощущение достоверности: генерал А.Деникин в последние годы жизни и деятельности А.Кутепова являлся одним из ближайших друзей и конфидентов последнего.Он был активным соучастником его конспиративных дел и замыслов.

Второе обстоятельство: А.Деникин вплоть до второй мировой войны оставался под впечатлением конспирации «белого» и «красного» вождей, внушившей ему убеждение, что Красная Армия пропитана национально-государственным русским духом антибольшевизма и выполняет двойную миссию – оборону России, а затем свержения большевиков.

[1474] А.Деникин в своей информации об этой встрече упоминает вместе генерала Н.Потапова и М.Тухачевского, как встречавшихся с А.Кутеповым в Париже. Более того, Н.Потапова руководитель РОВСа представил Великому князю Николаю Николаевичу Младшему. Эта поездка Н.Потапова имела место в марте 1927 года.

К сказанному можно добавить также следующие соображения. Вряд ли эта встреча могла иметь место до октября 1927 г. Прежде всего потому, что вся первая половина года представляла собой столь напряженную работу по подготовке к возможной войне, что начальника Штаба РККА просто не могло быть физической возможности для поездки на эту встречу. Кроме того, обострение международной обстановки для СССР обозначилось после «китайского кризиса» в марте-апреле 1927 г. Переворот Чан-Кай-ши, затем разрыв дипломатических отношений с Великобританией, наконец, в июне 1927 г. убийство П.Войкова в Варшаве. Именно к этому времени отчетливо обозначился и социально-экономический кризис. Так что, отправляться с секретной миссией в Париж до этих событий не было обусловлено сколько-нибудь серьезными причинами. Затем же началась лихорадочная подготовка к вероятному вооруженному конфликту на западных границах. Особой остроты ситуация достигла в июле-августе 1927 г. Потом, в сентябре 1927 г. были проведены под руководством М.Тухачевского большие Одесские маневры. В октябре 1927 г. М.Тухачевский завершил их анализ. Тогда и определились основные проблемы в оборонной системе СССР. Вот тогда-то и пришли к выводу о необходимости во что бы то ни стало не допустить войны в 1928 г. Поэтому, скорее всего, ориентировочное время состоявшейся встречи А.Кутепова и М.Тухачевского в Париже - это ноябрь-декабрь 1927 г.

[1475] Fervacque Pierre. Le chef de l'armee Rouge – Mikail Toukatchevski. Paris, 1928.

[1476] 30 января 1928 года в Москву поступило сообщение советского военного атташе в Великобритании Ключко. Он писал: «29 и 30 января вся польская пресса полна самыми фантастическими сообщениями о восстании Красной Армии; говорится о восстании 4 дивизий во главе с т.Тухачевским, наступающим будто бы на Москву;

за два дня сообщения польской прессы перелетели в английскую, а оттуда они вновь перепечатывались польской прессой; характерно, что основную кампанию ведет официоз «Глос правды»...». - Военно-исторический архив. М., 1997, выпуск № 2, с. 34.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

командиру»[1477]. Они, как мне кажется, позволяют получить некоторые представления о содержании переговоров М.Тухачевского с А.Кутеповым.

Вступая в переговоры с «Красным командиром», А.Деникин писал: «Я совершенно согласен с вами, что над Россией нависли грозовые тучи со всех сторон.... Теперь уже открыто говорят о разделе России»[1478]. Генерал оправдывал службу военспецов старой армии в Красной Армии их патриотическими мотивами. Шокируя многих своих читателей и прежних соратников, он при этом утверждал, что необходимо в случае войны поддержать Красную Армию, которая должна выступить на защиту родных очагов. Совершенно необычным и новым в предлагавшейся генералом политической тактике антибольшевистских сил русской эмиграции был призыв использовать в дальнейшем эту армию для свержения «коммунистической власти»[1479]. Как известно, эти настроения характерны были для определенной части белого генералитета еще в начале 20-х годов.

Возможно, никаких «писем Красного командира» не было. Это был публицистический прием, позволяющий выразить собственную политическую позицию в отношении определенных политических сил. Таковую позицию выражал пользовавшийся достаточно большим авторитетом в эмиграции генерал А.Деникин. Это была его политическая позиция по отношению к Красной Армии, которую генерал представил как вооруженную силу, возглавляемую бывшими офицерами старой русской армии и как (возможно именно в силу этого) воплощение «национально-патриотических сил» в СССР. Это вполне мог быть ответ «анонимному» для подавляющего большинства эмигрантов, но вполне определенному для А.Деникина «красному командиру» – М.Тухачевскому. Это был ответ генерала А.Кутепова, председателя РОВС «вождя» бывшей белой армии «вождю» Красной Армии М.Тухачевскому. Это могло быть неведомо большинству читателей «Возрождения», но он был понятен М.Тухачевскому, тем, кто его направил, и это был, своего рода, призыв к бывшим белым офице-

[1477] Возрождение. - 1928. – 21 марта.
[1478] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

рам, призыв их бывшего главнокомандующего генерала А.Деникина. Косвенным подтверждением таковых патриотических взглядов А.Кутепова могут служить следующие документы.

В своем письме генералу А.Лукомскому 22 октября 1928 г. генерал А.Кутепов вступает в полемику со своим адресатом. «В письме Вашем (пункт 1) Вы пишете: «По-видимому, японцы хотят помочь сформировать русский отряд, который должен быть подчинен Чжан-Шуэ-Ляну (сыну убитого Чжан-Дзо-Лина) и якобы помочь ему очистить Монголию от красных.... Получив же помощь для работы в Монголии, можно будет развить более интенсивную работу на русской территории».

По этому вопросу я хочу сообщить для Вашего сведения то, что **мне известно о настроении национально-мыслящих кругов в Советской России**[1480]. Там считают, что проникновение советской власти в Монголию, даже под флагом 3 Интернационала, **в сущности есть продолжение национальной русской политики,** которую вела наша дипломатия Императорского периода. **Я лично держусь этого же мнения.** С другой стороны, в Монголии, по-видимому, не очень разбираются в разнице между большевиками и небольшевиками, и тех, и других считают русскими. Мне кажется, что при обсуждении японских предложений, касающихся Монголии, следует внимательно взвесить вышеизложенные соображения, чтобы не восстановить против себя мнение национально-мыслящих кругов в советской России и **не повредить интересам не только большевиков, но и национальной России»**[1481].

Этой-же национально-патриотической позиции А.Кутепов продолжал придерживаться и в 1929 г. Инструктируя генерала А.Лукомского, как начальника Дальневосточного отдела РОВС, 23 апреля 1929 г. генерал А.Кутепов писал: «Китай (Маньчжурия) провоцирует вооруженное наступление СССР. Провоация в этом случае должна быть весьма сильная, так как мы видели тому два

[1479] Возрождение. – 1928. – 21 марта. См. так же: Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. - М., 1966. - С. 233-234; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. - М., 1986. - С. 202.
[1480] Здесь и далее в данном документе выделено мною. – С.М.
[1481] ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 153. Л. 91. – Документ опубликован в сборнике документов: Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг. Документы и материалы. - М., 1999. - С. 42-43.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

года назад, даже обыск советских учреждений в Пекине и удаление полпреда из Китая не вызвали вооруженного выступления СССР, хотя его силы были тогда больше, чем в настоящее время. Если на этот раз СССР будет наступать на Китай (в Маньчжурии или в Монголии), то перед русскими встанет вопрос, как им быть. Вопрос этот очень сложный, так как, с одной стороны, желательно сражаться с властью красного интернационала, но, с другой стороны, - **нельзя бить по национальным интересам России.**[1482] **Такими интересами я считаю Восточно-Китайскую железную дорогу.**[1483]

Мои руководящие указания на этот случай следующие:

При указанном выше положении дела и без особых гарантий со стороны Китая, **я считаю полезным для русских воздержаться от участия в войне между Китаем и СССР.**[1484] ...Призыва или разрешения на это со стороны русских общественных организаций **без особых условий**[1485] дано быть не может.... Призывать к организации частей Вам не следует...»[1486].

Из всего сказанного можно в общих чертах представить предмет переговоров между А.Кутеповым и М.Тухачевским.

М.Тухачевский должен был «разыграть» «национально-патриотическую карту» в контексте уже сложившегося за рубежом мнения о «националистическом» настрое комсостава РККА и персонально – М.Тухачевского. Все это должно было выглядеть как действия военной элиты во главе с М.Тухачевским, рядом с которой «национально-настроенные» высокопоставленные большевики, готовые поддержать военный переворот. Этот переворот должен будет привести к «национальной диктатуре» в России во главе с М.Тухачевским. Именно тогда и появилась политическая «формула Деникина» о «двойной задаче Красной Армии», которой он придерживался и в 1938 году: сначала Красная Армия разгромит внешнего врага, а затем свергнет большевистскую власть.

[1482] Выделено мною. – С.М.
[1483] Выделено А.Кутеповым.
[1484] Выделено мною. – С.М.
[1485] Выделено А.Кутеповым.
[1486] Часовой. – 1929. - № 13-14. - С. 2.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Логика убеждений, обращенных к руководству РОВС, была такова: как русские патриоты помогите Красной Армии. Не принимайте участия в интервенции против СССР, уговорите французское, английское, польское руководство воздержаться от вооруженного конфликта с СССР. В случае же войны, с оружием руках выступите против врагов России. Одолев врага, М.Тухачевский, при поддержке «национал-большевиков», совершит переворот, свергнет коммунистический режим и установит «национально-военную диктатуру» в стране[1487].

Доводы М.Тухачевского казались простыми, разумными, естественными в его устах: настоящие «белые» – патриоты. Если это так, то «белые» за рубежом и «патриоты» в Красной Армии вполне могут объединить свои усилия на «политической платформе» – защита России от внешнего врага и установление в ней «национальной» военной диктатуры[1488].

Однако позиция А.Деникина и А.Кутепова была категорически отвергнута Председателем РОВС и Главнокомандующим Русской Армии генералом

[1487] Отставка М.Тухачевского в мае 1928 г. с должности начальника Штаба РККА должна была лишь укрепить доверие к нему.

...Видимо, к лету 1928 года генерал А.Кутепов был уже убежден в целесообразности поддержать М.Тухачевского и будущую его «военную диктатуру» в России. В этом смысле интересна информация, связанная с «миссией А.Попова и Н.Де-Роберти» весной-летом 1928 г.

Отчитываясь 27 июля 1928 г. о поездке в Лондон, Берлин, Париж (с апреля по июль 1928 г.), А.Попов сообщил о своей встрече с генералом А.Кутеповым, его ближайшим советников С.Мельгуновым и начальником контрразведки А.Зайцовым.

«Во время второго свидания, - информировал агент А.Попов, - Кутепов поднял вопрос о переходном времени и необходимости на этот период установления твердой и сильной диктатуры. «Фотограф» (псевдоним Попова) ответил, что этот вопрос у нас разбирался, и что мы именно решили, что первые 1,5-2 года... мы предполагали установить на этот срок диктатуру. Тогда Кутепов задал сразу вопрос, как мы в этом случае смотрим на Тухачевского. Таким образом, очевидно, Мельгунов передал Кутепову разговор с ним на эту тему, во время которого «фотограф» указывал ему на Тухачевского, как на предполагаемого нами в будущем диктатора. К этому времени Кутепов уже достаточно выпил, и «фотограф», отвечая ему, заявил, что нами был намечен этот кандидат только потому, что в своих рядах мы не находили человека, пользующегося в армии и у населения такой популярностью и симпатией, как Тухачевский».

Мне представляется, что агент А.Попов все-таки переоценивал степень своего авторитета и убедительности, когда полагал, что А.Кутепов предложил в качестве диктатора М.Тухачевского потому, что он, А.Попов в предшествующем разговоре с С.Мельгуновым назвал именно эту фамилию.

Думается, что, выдвигая М.Тухачевского в качестве будущего диктатора, А.Кутепов исходил из собственных соображений, сформировавшихся под впечатлением личной встречи с «красным Бонапартом».

Оказала влияние и характеристика М.Тухачевского, составленная А.Кутеповым по сведениям из разных источников.

Генерал находился также и под влиянием своих ближайших советников, в том числе генерала А.Деникина.

[1488] А.Кутепов вполне искренне выдвигал М.Тухачевского в диктаторы. Это косвенным образом подтверждается пожеланием французского Генштаба «пропаганды в войсках идей бонапартизма путем выдвижения Тухачевского». Оно появилось при активном содействии А.Кутепова. Это пожелание было выдвинуто в декабре 1928 г. А.Кутепов и РОВС были тесно связаны с французским Генштабом, и таковые настроения Генштаба Француз-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

П.Врангелем. «В печати в последнее время появилась переписка между Красным Офицером и генералом Деникиным и ряд статей, вызванных этой перепиской, - заявлял в своем приказе по армии 7 апреля 1928 г. генерал П.Врангель. – Главнокомандующий относится самым несочувственным образом к опубликованию этой переписки. ...Генерал Врангель находит, что сношения с представителями Армии, верно служащей власти, поработившей нашу Родину и удушающей Русский Народ, недопустимо и напоминает «братание» на фронте, которое наблюдалось в ужасные дни 1917 года. Опубликование упомянутой переписки вредно еще и потому, что в конечном результате она может посеять в умах сомнение в значении и смысле «белой борьбы»[1489].

Таким образом, готовность вести переговоры и склонность оказать содействие М.Тухачевскому со стороны А.Кутепова[1490] и А.Деникина, по воле П.Врангеля, как старшего начальника Русской Армии, «белые», РОВС вынуждены были отказать Красной Армии в своей поддержке.

На первый взгляд «миссия Тухачевского» окончилась неудачей, и главным препятствием ее успеху оказался Главком Русской Армии и Председатель

ской армии, несомненно, были результатом определенного обмена мнениями с А.Кутеповым. //Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 99.

[1489] Приказ № 86 от 7 апреля 1928 г. – См. Приложение к книге: Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля. - СПб, 1996. - С. 146.

[1490] В контексте приведенных выше фактов, так или иначе, указывающих на ориентировочное время встречи А.Кутепова с М.Тухачевским, следует отметить еще одно своеобразное свидетельство.

15-м июня 1928 г. датируется рукопись В.Посторонкина, бывшего офицера блой армии, которая представляла собой его личные воспоминания о М.Тухачевском.

В этих воспоминаниях автор дает характеристику М.Тухачевскому, которая свидетельствует о честолюбии, выдающихся способностях, решимости, жесткости этого человека еще с училищных времен, когда с ним познакомился В.Посторонкин.

Мне представляется, что появление этой рукописи именно в июне 1928 г. с характеристикой М.Тухачевского, как человека вполне способного на осуществление «военной диктатуры» и способного переметнуться из соображений карьеры от «красных» к «белым», как когда-то он перешел к большевикам, было не случайно.

Кажется, свои воспоминания не для публикации В.Посторонкин сделал тоже как ответ на служебный заказ вышестоящего начальства.

Несомненно, многое мог рассказать и А.Зайцов, поручиком служивший вместе с подпоручиком М.Тухачевским в л-г.Семеновском полку в 1914-1915 гг.

Появление книги П.Фервака о М.Тухачевском в январе 1928 г. было, очевидно, следствием обращения А.Кутепова к руководству французского Генштаба после встречи с М.Тухачевским. Генштаб, в свою очередь, тоже решил обратиться к экспертам. Одним из них был П.Фервак. Не исключено, что соответствующие военно-дипломатические демарши был сделаны А.Кутеповым и к польскому военному руководству. Следует иметь в виду, что в Военном министерстве Польши в качестве одного из сотрудников находился бывший сослуживец М.Тухачевского по л-г. Семеновскому полку полковник С.Соллогуб.

В Польше нашел себе прибежище и другой офицер-поляк, тоже «семеновец» и к тому же однокашник М.Тухачевского по Александровскому военному училищу (впрочем, как и С.Соллогуб) полковник Р.Бржозовский. С ним у М.Тухачевского были вполне приятельские отношения. Они и могли получить инфор-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

РОВС генерал П.Врангель. Не исключено, что само появление «ответа» генерала А.Деникина на «письма Красного Командира (или Красного Офицера)» в газете «Возрождение» 21 марта 1928 г. было уже следствием отказа П.Врангеля поддержать позицию А.Кутепова. Это был способ выражения «белого» мнения, оппозиционного врангелевскому. А.Кутепов, в силу дисциплинарного порядка, сделать это не мог. А.Деникин, официально не являвшийся членом РОВС, в этом плане был вполне свободен[1491].

Примечательно, что кампания по подготовке отставки М.Тухачевского с должности начальника Штаба РККА обозначилась в СССР после выявления позиции П.Врангеля и «ответов» А.Деникина в «Возрождении», в конце марта 1928 г. Тем не менее, впечатление о неудаче «миссии Тухачевского» было ложным. На самом деле ее организаторы достигли тройной цели: во-первых, в руководство РОВС был внесен раскол и боевая решимость белого военного зарубежья была нейтрализована; во-вторых, была создана почва для «оперативной игры» ОГПУ с «легендой о заговоре Тухачевского»; наконец, в-третьих, сложились благоприятные условия для отставки М.Тухачевского и обозначилась перспектива радикальной «чистки» советской военной элиты.

...Неготовность страны и армии к обороне, обнаруженная «военной тревогой», обострила конфликт в руководстве РККА. Следовало ответить на вопрос: кто виноват в небоеспособности Красной Армии?

Один из давних и достаточно близких сотрудников М.Тухачевского, в том числе и в Штабе РККА, Г.Иссерсон вспоминал: «Узкому кругу работников Штаба РККА было известно, что в 1928 г. он (М.Тухачевский) написал док-

---

мацию от А.Кутепова о настроениях М.Тухачевского, став, в свою очередь источником слухов о «нелояльности» «красного Бонапарта» Советской власти.

[1491] В литературе весьма распространено мнение, что скоропостижная смерть генерала П.Врангеля 25 апреля 1928 г. была следствием действий советских спецслужб. Действительно, не отличавшийся болезненностью П.Врангель неожиданно заболел 18 марта 1928 г. Болезнь сопровождалась странными симптомами и привела генерала к смерти.

Если его смерть в самом деле была «организована» ОГПУ, то она могла быть вполне логичным следствием его отношения к «миссии Тухачевского».

Генерала П.Врангеля следовало физически и политически устранить, во-первых, как препятствие на пути контактов с РОВС; во-вторых, как свидетеля, информированного о «миссии Тухачевского».

В то же время, приняв эту версию его смерти, можно полагать, что П.Врангель был информирован о «миссии Тухачевского» и не поддержал А.Кутепова до 18 марта 1928 г. Получив такую информацию и провале «миссии Тухачевского» ОГПУ и предприняло действия по устранению барона. – См. Бортневский А.Г. Загадка смерти генерала Врангеля. - СПб, 1996.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ладную записку о необходимости перевооружения нашей армии и развития военно-воздушных и бронетанковых сил. В записке Тухачевский говорил, что наша армия в техническом оснащении и развитии авиации отстает от европейских армий. Необходимо, писал он, немедленно приступить к ее полному техническому перевооружению, создать сильную авиацию с большим радиусом действий и бронетанковые силы из быстроходных танков, вооруженных пушкой и перевооружить пехоту и артиллерию, дать армии новые средства связи (главным образом радиосредства) и новые переправочные имущества. Для решения этих задач нужно развивать нашу военную промышленность и построить ряд новых заводов. Далее давался расчет количества новых средств вооружения всех видов. Для того времени предлагаемые цифры были действительно грандиозными. В заключение Тухачевский указывал, что для осуществления этой программы потребуются большие ассигнования из государственного бюджета»[1492].

Действительно, 20 декабря 1927 г. М.Тухачевский направил на имя Народного комиссара по военным и морским делам докладную записку «О радикальном перевооружении РККА». В этой докладной записке он изложил свое видение перспектив и необходимых основных направлений и масштабов развития советских вооруженных сил. М.Тухачевский не указывал «виновных» в неподготовленности Красной Армии к войне. Однако, заостряя внимание на тех или иных аспектах армейских и оборонных проблем, он косвенно обращал внимание именно на них.

...«Численность Вооруженных Сил и их техническое снабжение составляет основу боевой мощи страны, - определял исходные проблемы и концептуальные позиции своих предложений М.Тухачевский, - что должно соответствовать промышленным, транспортным и прочим экономическим возможностям государства»[1493]. Автор докладной считал, что «наши ресурсы... позволяют:

[1492] Иссерсон Г. Воспоминания современника о Тухачевском. //Военно-исторический журнал. – 1963. - № 4. - С. 66.
[1493] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 12.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

развить массовые размеры армии, увеличить ее подвижность, повысить ее наступательные возможности»[1494].

«...Наша армия в техническом оснащении и развитии отстает от европейских армий. Следует немедленно приступить к ее полному перевооружению, - писал начальник Штаба РККА Наркому. - ...Необходимо совершенно поновому подойти к задаче развития и реконструкции РККА. Поправками и надбавками в тех или иных участках строительства армии ограничиваться невозможно. Необходимо подойти к структуре РККА реконструктивно, в полном соответствии с нашими хозяйственными успехами.... Рост авиационных и танковых сил правильнее всего можно определить, если исходить из производственных возможностей, а не из увеличения существующих авиа-и бронесил РККА на столько-то и столько-то процентов»[1495].

М.Тухачевский предлагал координировать 5-летний перспективный план строительства вооруженных сил и военных заказов с перспективой развития отраслей экономики. Это план, по предложению начальника Штаба РККА включал выполнение всех мероприятий по техническому оснащению Красной Армии, насыщению ее недостающими техническитми средствами, накопление мобзапасов, обеспечивающих развитие вооруженных сил[1496]. В связи со всем вышесказанным в своей записке начальник Штаба РККА приводил конкретные соображения о развитии технических родов войск, развитии оборонной промышленности, строительства новых заводов и дополнительного финансирования этих программ[1497].

Несомненно, в этих предложениях присутствовал элемент «фантастичности» в контексте военно-экономических возможностей 1927 г. Главным образом в количественных показателях по численности дивизий, авиа- и бронетехники. Это давало основание для споров, дискуссий по проблеме. Однако в контексте того круга вопросов, которые вызывают интерес в связи с исследованием советской военной элиты, просматриваются несколько иные аспекты.

[1494] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 13.
[1495] Там же, Л. 17.
[1496] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Акцентируя внимание на проблеме общего и технического обеспечения Красной Армии, а именно в этом виделась главная причина неготовности армии к войне, М.Тухачевский «задевал» репутацию А.Егорова и П.Дыбенко. Ведь именно А.Егоров с мая 1926 по май 1927 г. являлся заместителем Председателя Военно-промышленного управления ВСНХ и членом коллегии ВСНХ. Именно он, как представитель высшего командования и боевой генерал должен был нести значительную долю ответственности за плачевное состояние дел в техническом обеспечении РККА. П.Дыбенко с 25 мая 1925 г. до 16 ноября 1926 г. являлся начальником Артиллерийского управления РККА, а с ноября 1926 по октябрь 1928 г. занимал должность начальника Управления снабжения Красной Армии. Но ведь именно сфера снабжения армии всем боевым снаряжением и находилась в зоне его должностной ответственности. Косвенным образом, основную долю ответственности начальник Штаба возлагал на Наркома. Однако самое главное: М.Тухачевский предлагал альтернативный правительственному оборонный проект.

Он предлагал программу, которыя смещала военно-экономическую доминанту в оборонную сферу. Это уже была особая концепция развития страны и государства. Сам же М.Тухачевский, желая того или нет, но этой концепцией обозначил себя в качестве военно-политического «лидера» в реализации этой концепции.

Как симптомы нарастающего конфликта в высших эшелонах политической и военной власти вновь начали распространяться слухи о «бонапартистах» в Красной Армии. В обстановке предельно обострившейся внутрипартийной борьбы обе стороны указывали на угрозу «бонапартизма» со стороны высшего комсостава РККА. Правда, ни та, ни другая сторона не называла имен, но лишь пыталась связать своих оппонентов с «бонапартистами».

Еще в декабре 1925 г. один из сторонников Г.Зиновьева в Ленинградской губернской парторганизации К.Шелавин предупреждал: «В армии все явственнее проскальзывает намерение подчинить политорганы командованию.... Надо

[1497] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 17.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

обратить внимание, что с этими уклонами борьба ведется нерешительно...»[1498]. В 1926 и 1927 гг. представители «группы Сапронова –Смирнова» официально заявляли высшему партийному руководству: «Особо опасное положение создается в Красной Армии. Командный состав ее... в значительной степени сформирован из старых офицеров и кулацких элементов крестьянства. Органичение участия в армии нетрудовых элементов все более отменяется. В терчастях, особенно конных, преобладает зажиточное крестьянство, на низших командных должностях, главным образом кулачество. Что касается партийцев-краскомов, то на них не может не отражаться бюрократизация партии и ослабление ее связи с рабочими. Влияние пролетариата в армии ослабевает. При таких условиях Красная Армия грозит превратиться в удобное орудие для авантюр бонапартистского пошиба»[1499]. Г.Зиновьев на октябрьском Пленуме ЦК ВКП (б) утверждал: «Не может быть сомнения в том, что в период НЭПа в связи с ростом кулака и новой буржуазии вообще, среди военспецов «подросли и вырастают» люди, мечтающие о роли русского Чан-Кай-ши. Рабочий класс СССР должен реально обеспечить такую постановку дела Красной Армии, которая автоматически уничтожила бы всякого Чан-Кай-ши раньше, чем он поднял бы руку против нашей революции»[1500].

Ментальную почву для такого рода мнений и настроений создавали и высказывания зарубежных политических деятелей. В начале 1927 г. в «Социалистическом вестнике» была помещена статья известного меньшевика Гарви под названием: «Красная Армия под знаком бонапартизации». Автор статьи писал: «Постепенная эволюция Красной Армии есть лишь производная от общей эволюции, проделываемой советским государством, образующими его общественными классами, наконец, правящей коммунистической партией. Эта эволюция в сторону буржуазно-бонапартистского перерождения подходит, повидимому, к той черте, за которой Красная Армия из безвластного орудия диктатуры начи-

---

[1498] Геронимус А. Партия и Красная Армия. - М-Л., 1928. - С. 184.
[1499] Там же.
[1500] Цитируется по книге: Ворошилов К.Е. Статьи и речи. - М., 1936. - С. 149.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нает постепенно превращаться в субъекта политического действия, в политический фактор, претендующий на самостоятельную роль».

Весьма примечательно, что такого рода обширные цитаты перепечатывались и публиковались центральной армейской газетой «Красной Звездой» и именно в декабре 1927 г[1501]. Будто бы кто-то преднамеренно формировал определенный настрой общественного мнения в стране, приучал общественность Красной Армии к мысли о наличии в ее высшем комсоставе «бонапартистов». Оставалось сделать последний шаг: назвать их поименно.

…Первые признаки грядущей «опалы» и отставки начальника Штаба РККА М.Тухачевского обозначились еще в январе 1928 г. Это предшествовал ряд событий «подготовительного характера». В ноябре-декабре 1927 г. в Женеву в составе советской делегации в подготовительную комиссию по сокращению и ограничению вооружений был командирован заместитель начальника Штаба РККА С.Пугачев. И это сделано было не случайно. Не только потому, что С.Пугачев занимал указанную должность, но и потому, что «политически контрастируя» с М.Тухачевским, он воспринимался как представитель «умеренной» части советской военной элиты, как «сторонник мира», а не «революционной войны». В марте-апреле 1928 г. С.Пугачев в этом качестве вторично ездил с делегацией в Женеву.

В конце 1927 г., демонстрируя «миролюбивые намерения», советская сторона направила в Польшу нового военного атташе Клочко И.Г., а 28 января 1928 г. прислали и нового помощника военного атташе – Богового В.Г. Эти кадровые замены могут быть косвенным указанием на неудачу «миссии Тухачевского» к А.Кутепову. Какие-то смутные слухи об оппозиционности и политической нелояльности М.Тухачевского уже муссировали на Западе и в Москве. В этом смысле весьма примечательно объяснение мотивов отставки М.Тухачевского, изложенных полковником В.фон Бломбергом, побывавшем в Москве в августе 1928 г.

[1501] Подсотский К. «Меньшевизм и троцкизм о Красной Армии». //Красная Звезда. - 1927. – 1 декабря.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Существует две версии отставки Тухачевского, - информировал он свое начальство в Берлине, - согласно первой, он был сторонником превентивной войны против Польши, что не могло удовлетворять правительство; согласно второй – его политическая благонадежность была поставлена под сомнение, и в военном вожде кое-кто увидел тень вождя возможного мятежного движения»[1502]. В контексте вышесказанного, видимо, следует рассматривать и характеристику М.Тухачевского, которую довел до сведения своего руководства полковник Х.фон Миттельбергер (нач. отдела штаба сухопутных войск рейхсвера), посетивший СССР в марте 1928 г.[1503] «Тухачевский, гвардии подпоручик старой армии, чрезвычайно умен и честолюбив, - сообщал полковник рейхсвера, - один из выдающихся талантов Красной Армии. Однако, общеизвестно, что он является коммунистом лишь исключительно по карьерным причинам. Он может переходить с одной стороны на другую, если это будет отвечать его интересам. Здесь отдают должное и его личному мужеству, и решимости отойти от коммунизма[1504], если в ходе последующего развития событий ему это покажется целесообразным» [1505]. Словно в продолжение вышесказанного советский военный атташе в Польше И.Г.Клочко 30 января 1928 г. сообщал в Москву: «29 и 30 января вся польская пресса полна самыми фантастическими сообщениями о восстании в Красной Армии; говорится о восстании 4-х дивизии во главе с т. Тухачевским, наступающим будто бы на Москву; за два дня до сообщения польской прессы перелетели в английскую, а оттуда они вновь перепечатыва-

---

[1502] Erickson J. The Soviet High Command. – P. 266.

[1503] С М.Тухачевским ему встретиться не удалось. Тот по каким-то причинам отсутствовал в Москве. Однако рейхсверовский эмиссар весьма интересовался личностью начальника Штаба РККА.

[1504] Таким образом, представлялась возможность неофициального объяснения причин его отставки для зарубежья. Одновременно демонстрировалось отмежевание советских властей от «агрессивного генерала», как свидетельство миролюбия СССР. Наконец, «бонапартист» М.Тухачевский оказывался, сам того не ведая, важным и убедительным фактором «дезинформационной игры» советских спецслужб с «активистами» РОВС для нейтрализации их агрессивности. Это было лучшее средства обнадежить и хотя бы временно успокоить, удержать от войны белое зарубежье и через него - французский Генштаб. Уже к концу 1928 г. он поручает изыскивать возможности «пропаганды в войсках идей бонапартизма путем выдвижения Тухачевского».

[1505] Из текста данной характеристики можно понять, что информация о готовности М.Тухачевского «отойти от коммунизма» почерпнута полковником из «местных», советских источников. Следовательно, советская сторона преднамеренно распространяла мнение о потенциальной политической нелояльности начальника Штаба Красной Армии. Не исключено, что источником данной характеристики М.Тухачевского был или сам И.Уншлихт или кто-либо из его окружения в Разведуправлении. И.Уншлихт был главной фигурой, через которую проходили секретные деловые контакты Красной Армии с Рейхсвером.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лись польской прессой; характерно, что основную кампанию ведет официоз «Глос Правды»...[1506].

Информация о «восстании 4 дивизий во главе с т.Тухачевским, наступающим будто бы на Москву», появившаяся в польской и английской прессе 29 и 30 января 1928 г., даже не будучи достоверной, несомненно способствовала формированию нужного идеологического фона будто бы «бонапартистских» намерений М.Тухачевского. Не исключено, что она могла быть инспирирована из Москвы или оказалась результатом весьма преображенных сведений о каких-то реальных событиях, на чем я остановлю внимание ниже. Примечательно, что сам М.Тухачевский в своей юбилейной статье в «Правде» 23 февраля 1928 г. «Буржуазия об армии пролетариата» волей-неволей проинформировал советского читателя, незнакомого с книгой П.Фервака и с зарубежной прессой, о «бонапартистских слухах» вокруг его фамилии[1507]. Он опровергал, значит «оправдывался. Это исподволь готовило ментальную почву для принятия в последующем в качестве достоверного косвенным образом формируемое мнение о действительно «бонапартистских» намерениях М.Тухачевского. «Мятеж Тухачевского» должен был восприниматься и в Польше, и в Англии, и в целом на Западе, как вполне логичный «ответ» «красного Бонапарта» на нежелание политического руководства в Москве начать войну против Польши. В то же время, как выше уже отмечалось, в январе 1928 г. в Париже на французском языке вышла книга П.Фервака «Михаил Тухачевский – вождь Красной Армии»[1508]. Автор книги был близким приятелем М.Тухачевского по германскому плену[1509] и делился с читателями своими воспоминаниями о начальнике Штаба РККА, информируя об особенностях его характера, мировоззрении, политических

[1506] «Справка о проверке обвинений.... «М.Н.Тухачевский и «военно-фашистский заговор». //Военно-исторический архив. - М., 1997. - Выпуск № 2. - С. 34.
[1507] Тухачевский М.Н. Буржуазия об армии пролетариата. //Правда. – 1928. – 23 февраля.
[1508] Fervacque P. Le chef de l'armee Rouge – Mikail Toukhatchevski. - Paris, 1928.
[1509] Под псевдонимом «Пьер Фервак» скрывался бывший саперный лейтенант французской армии Реми Рур, оказавшийся в плену вместе с М.Тухачевским и Ш.Де Голлем в крепости Ингольштадт. По убеждениям в те годы он принадлежал к анархо-синдикалистам. Впоследствии Р.Рур стал достаточно известным журналистом близким Ш.Де Голлю.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

взглядах, симпатиях и антипатиях[1510]. В интерпретации П.Фервака, М.Тухачевский - ярко выраженный «антизападник», антисемит, антихристианин, антидемократ, поклонник самодержавного деспотизма Петра Великого, Екатерины 2, Наполеона. Он близок к Л.Троцкому – символу «мировой революции». Он готов завоевать всю Европу под лозунгом «мировой революции» и восстановить Византийскую империю, подчинив ее России и уничтожая западную культуру. В то же время, М.Тухачевский, по мнению автора книги, скорее политический фантазер и мечтатель. Он лишь внешне очень похож на Наполеона, но совершенно не обладает характером «великого корсиканца».

Вряд ли эта книга появилась случайно именно в январе 1928 г. П.Фервак журналист право-либеральной ориентации предлагал ее преимущественно читателям, владеющим французским языком. Она предназначалась, несомненно, прежде всего, французской политической общественности, а также той части русской эмиграции, которая владела французским языком. Это, определенно, русская интеллигенция, преимущественно либеральных или либерально-демократических настроений, но не офицерство РОВСа. Большинство бывших офицеров-бойцов белой армии плохо владели французским, либо вообще им не владели. Вызывают серьезные сомнения слабо обснованные доводы А.Василенко, убежденного в том, что книга П.Фервака была инспирирована происками И.Сталина через К.Радека[1511]. П.Фервак, в молодости, по собственному признанию, приверженный идеям анархо-синдикализма, позднее стал убежденным право-либеральным журналистом, лично и по идейным соображениям близким к будущему президенту Ш.Де Голлю, их общему с М.Тухачевским приятелю по Ингольштадту. Похоже, что это был своеобразный ответ А.Кутепову и А.Деникину, которые своей «национально-патриотической» позицией поддержки М.Тухачевского, пытались влиять на влиятельные политические круги Франции и, в первую очередь, на французский Генштаб. «Портрет» М.Тухачевского, нарисованный П.Ферваком должен

[1510] Ранее мне приходилось уже достаточно пространно цитировать фрагменты воспоминания П.Фервака при характеристике личности М.Тухачевского. Не буду повторяться, но лишь отмечу некоторые оценки политического облика «красного Бонапарта», предложенные автором указанной книги.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

был произвести отрицательное впечатление на французскую общественность и либерально-демократическую часть русской эмиграции. Книга достигла своей политической цели. Это красноречиво выразил А.Керенский спустя десять лет. «Его (М.Тухачевского) наделили, кстати, уже всякими пороками, - писал А.Керенский, - ненавистник французского народного фронта, анти-демократ, антисемит, поклонник Муссолини и т.д.»[1512].

Независимо от степени соответствия этого «образа» реальному политическому лицу М.Тухачевского, ясно, что книга П.Фервака, несомненно, сделала свое дело. Вновь М.Тухачевский представал перед западным, французским, английским, общественным мнением как символ «мировой революции», «революции извне», «революции на штыках», которую жаждет внести в Европу М.Тухачевский. Несколько поблекший и забытый «образ» «красного Бонапарта-Аттилы» ярко вспыхнул на востоке Европы, гальванизируя успокоившиеся было страхи.

В ситуации неготовности к войне и осложнившейся социальной и внутриполитической обстановки И.Сталин и советское руководство стремились не допустить военного столкновения с Польшей, Великобританией и Западом в целом. Одним из важных, символических во внешней политике шагов, сделанных советским руководством в демонстрации миролюбивых намерений было бы «устранение» М.Тухачевского с «фронта» внешней политики, как символ «войны», как политического «ястреба».

Примечательно, что В.фон Бломберг, встречавшийся в Москве с уже новым начальником Штаба РККА Б.Шапошниковым, передал свои впечатления о нем: «Выхоленный, причесанный на пробор офицер английского типа..., сдержанный, представляет ту часть Красной Армии, которая стремилась избежать войны с Польшей. Он считает своей задачей и целью всего советского высшего командования мирное и систематическое строительство Красной Армии»[1513]. В.фон Бломберг усмотрел в новом начальнике Штаба РККА олицетворение из-

[1511] Василенко А. Наполеон. //Молодая гвардия. – 1996. - № 5. – С. 135-137, 142-145.
[1512] Новая Россия. - Париж, 1937. - № 30. - С. 14.
[1513] Erickson J. The Soviet High Command. - P. 266.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

менение того направления, которое отождествлялось с М.Тухачевским, предшественником Б.Шапошникова на посту начальника Штаба РККА[1514].

Итак, устранение М.Тухачевского с должности начальника Штаба РККА для успокоение и умиротворения политических кругов на Западе было удобным и благоприятным условием и фактором в разрешении уже давно обострившихся военно-политических проблем, связанных с личностью начальника Штаба Красной Армии. В этом заключалась лишь одна из причин отставки М.Тухачевского.

…31 марта 1928 г. в центральном печатном органе Красной Армии газете «Красная Звезда» была помещена развернутая информация о защите диссертации В.Меликова в Военной Академии им. М.В.Фрунзе «Марна-Висла-Смирна»[1515]. В ней резкой критике подверглась оперативно-стратегическая деятельность М.Тухачевского во время «похода за Вислу». В газете приводились развернутые цитаты из выступлений участников обсуждения диссертации и самого диссертанта. Публикация материалов защиты данной диссертации в центральной армйской газете создавала необходимый контекст для неофициального, но публичного обсуждения проблемы войны с Польшей. Речь шла о советско-польской войне 1920 г., однако имелась в виду неначавшаяся в 1927 г. новая война СССР против Польши и Западного мира. Данная публикация позволяла публично продемонстрировать военно-политические позиции начальника Штаба РККА М.Тухачевского и его оппонентов. Она позволяла открыто критиковать и опровергать стратегическую «доктрину Тухачевского». Таким образом в центральной армейской печати ненавязчиво, но вполне определенно поставить под сомнение авторитет М.Тухачевского как главного стратега Красной Армии и показать всем, в том числе и для западной общественности несогласие советского военного и политического руководства с точкой зрения своего начальника Штаба РККА. В.Меликов, оценивая действия М.Тухачевского в «походе на Варшаву», позволил себе, а центральная армейская газета опубликовала, весьма резкие обвинения начальника Штаба РККА в авантюризме и сомне-

[1514] Erickson J. Op. cit. – P. 266.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ния в наличии у него полководческих способностей[1516]. Это была откровенная дискредитация, на которую В.Меликов вряд ли осмелился без санкции или даже побуждения «сверху» [1517]. Примечательно, однако, и выступление самого М.Тухачевского на этой защите. Оппонируя В.Меликову, М.Тухачевский утверждал: «Нельзя считать ошибкой нашей политики военную задачу в 1920 г. Несмотря на то, что наши силы были на исходе, при рациональном их использовании, пожалуй, они могли бы дать необходимую победу. В кампанию 1920 г. мы наделали много ошибок. Мы не провели аграрной политики. Если бы польский ревком роздал крестьянам землю, то неизвестно, как бы сложилась обстановка»[1518].

Оставим в стороне вопрос о степени убедительности и доказательности приведенной точки зрения М.Тухачевского. Она, судя по всему, принципиально не изменилась по сравнению с 1922-1923 гг. Важно другое.

Во-первых, в марте 1928 г. начальник Штаба РККА М.Тухачевский утверждает возможность победоносного исхода «польской кампании» 1920 г. Надо полагать, он и в начале 1928 г. считал, что даже при «малых силах» («наши силы были на исходе»), но при «рациональном их использовании» в совокупности с верными социально-экономическими и социально-политическими мероприятиями можно добиться успеха в войне с противником более сильным в военном отношении. Таким образом, он как бы указывал на возможность победоносной перспективы вероятного военного столкновения с Польшей в 1927 г. при «рациональном использовании» имеющихся сил и соответствующих социально-политических и экономических мероприятий. Иными словами, нельзя исключать его готовность и решимость к войне в 1927 г. Это обстоятельство, видимо, также создавало почву для слухов, о которых своему начальству сообщал В.фон Бломберг в 1928 г.

[1515] Красная Звезда. - 1928. – 31 марта.
[1516] Там же.
[1517] Это было тем более удивительно и даже неожиданно, если учесть, что в 1925 г. он был соавтором Н.Какурина при написании и издании книги о русско-польской войне. В ней оценки деятельности М.Тухачевского в 1920 г. были совсем иными. Это было неожиданно и потому, что В.Меликов с 1924 г. был в числе близких сотрудников М.Тухачевского по Штабу РККА. Позднее и сам В.Меликов осознавал то, что он сделал и в узком кругу высказывал по этому поводу сожаление.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Во-вторых, преднамеренно или нет, но М.Тухачевский указал на существенные ошибки, допущенные польским ревкомом в 1920 г. В его составе находился и И.Уншлихт, занимавший к 1928 г. должность 1-го заместителя Председателя РВС СССР. При обсуждении диссертации В.Меликова М.Тухачевский изложил свою позицию и косвенным образом обратил внимание и на И.Уншлихта, как одного из «виновников» неудачи «польской кампании 1920 г.». Это можно было понять и как «недоверие» к И.Уншлихту и в условиях едва не начавшейся новой советско-польской войны. Во всяком случае, эта акция с публикацией материалов защиты диссертации В.Меликова на злободневную тему в конце марта 1928 г. была, несомненно, преднамеренной со стороны политического и военного руководства. Она шла в русле создания соответствующей военно-политической почвы для отставки М.Тухачевского. Это был первый в СССР «знак» грядущей «опалы» для «красного Бонапарта».

В.Меликов не был единственным критиком оперативно-стратегических взглядов М.Тухачевского. С критикой стратегических взглядов М.Тухачевского во «внешней войне», в войне с Польшей выступил и давний соратник начальника Штаба РККА и единомышленник по оперативным вопросам Н.Варфоломеев[1519]. Мнение Н.Варфоломеева было тем более значимо, что он являлся с 1925 г. заместителем М.Тухачевского как Главного руководителя по стратегии в Военной академии РККА. В число критиков М.Тухачевского, вольно или невольно, оказался вовлечен и другой его соратник по гражданской войне и «польскому походу» В.Путна. На его книгу «К Висле и обратно» ссылались и ее цитировали в 1928 г. «Мы пытались методы и шаблоны внутренней гражданской войны, - писал В.Путна, - механически применить и в войне, хотя и классовой, революционной, но все же, по существу, внешней и притом – в условиях недостаточного классового расслоения во вражеской стране»[1520]. В этом

[1518] Красная Звезда. - 1928. - 31 марта.
[1519] Варфоломеев Н. Стратегическое нарастание и истощение в гражданской войне. //Гражданская война в СССР 1918-1921 гг. - М., 1928. - Т. 2. - С. 280. Привлечение его «пера» к кампании критики М.Тухачевского в 1928 г. было, кажется, обусловлено и имевшимся на него «компроматом» «дела Варфоломеева» 1922-1923 гг.
[1520] Варфоломеев Н. Стратегическое нарастание и истощение в гражданской войне. - С. 279.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

же направлении шла критика «стратегии Тухачевского» в «польской кампании» и со стороны А.Вольпе[1521].

Таким образом, в центральной военной прессе и литературе официальной пропагандой подготавливалась почва для отставки М.Тухачевского с должности начальника Штаба РККА. Грядущая отставка объяснялась несостоятельностью «военной доктрины Тухачевского» – его концепции «революционной войны», а главным виновником неподготовленности РККА к войне определялся М.Тухачевский и его штаб.

М.Тухачевский, в свою очередь, пытался вновь выдвигать и отстаивать свою точку зрения на причины и виновников неготовности Красной Армии к войне. Он видел ее в конечном счете в ошибочном определении места и роли Штаба РККА. Новая вспышка дискуссии по этому вопросу лишь ускоряла отставку М.Тухачевского. В двух докладных записках на имя наркома еще в феврале и марте 1927 г., обеспокоенный низким уровнем боевой подготовки командных кадров, М.Тухачевский вновь возвращается к проблеме, вызывавшей острые дискуссии еще в 1924 г. Он был обеспокоен, в частности, неподготовленностью штабных работников к боевой обстановке и предлагал передать функции их подготовки из ГУРККА в Штаб РККА. «В противном случае, - писал он, - считаю неизбежным снять со Штаба РККА ответственность за состав и подготовку штабов, переложить ее за подготовку войсковых штабов на командующих округов, а армейских – на Главное управление РККА, но это пагубно отразиться на подготовке и боеспособности Красной Армии»[1522].

На заседаниях РВС СССР и в своих докладных на имя наркома М.Тухачевский предлагал провести реорганизацию Штаба РККА, которая фактически предусматривала превращение его в Генеральный Штаб. Он считал, что Штаб РККА должен стать единым планирующим и организующим центром. Это предложение не было принято. Мотивировали это опасением, что «будет один докладчик, который и планирует, и проводит, и инспектирует, сле-

---

[1521] Вольпе А. Преследование в гражданской войне. //Гражданская война в СССР. 1918-1921 гг. - Т. 2. - С. 233-253.
[1522] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 229. Л. 97.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

довательно имеет все критерии в своих руках. В руках же руководства почти ничего: соглашайся и иди на поводу у Штаба»[1523].

5 апреля 1928 г. в письме К.Ворошилову начальник Штаба РККА М.Тухачевский писал: «В дополнение к тем соображениям, которые я высказывал Вам после заседания РВС, считаю необходимым доложить два основных момента, делающих работу Штаба РККА совершенно ненормальной.... Прежде всего, и в текущей, и в плановой работе создается такое положение, что зачастую может казаться, будто Вы, как нарком, работаете сами по себе, а Штаб РККА сам по себе, что совершенно противоестественно, так как по существу штаб должен быть рабочим аппаратом в Ваших руках по объединению всех сторон и работ по подготовке войны. Если он таким аппаратом не является, то значит дело не в порядке»[1524].

16 апреля 1928 г. командующий Белорусским военным округом А.Егоров, инспектор кавалерии РККА С.Буденный и начальник снабжения РККА П.Дыбенко направили К.Ворошилову письмо, в котором обвиняли начальника Штаба РККА в стремлении захватить всю власть в армии. «Штаб РККА, - писали они, - имеет внутри себя тенденции, если не сказать хуже, целевую установку, заменить собой, или вернее взять в свои руки руководящую роль по всем вопросам строительства и оперативного руководство РККА».

Авторы письма предлагали заменить начальника Штаба РККА лицом с «более высокими организаторскими способностями, а равно и с большим опытом боевой практической работы»[1525]. Их позиция была поддержана 1-м заместителем Председателя РВС СССР и Наркома И.Уншлихтом[1526]. Эта позиция разделялась и начальником ГУРККА М.Левандовским и заместителем начальника УВУЗ РККА Н.Кузьминым[1527].

То, что именно эти три «генерала» написали коллективное послание К.Ворошилову с требованием отставки М.Тухачевского объясняется, как выше

[1523] Захаров М.В. Ученый и воин. - М., 1974. - С. 67.
[1524] «Справка по проверке обвинений....». //Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 78.
[1525] Захаров М.В. Ученый и воин. - С. 66-67.
[1526] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мне пришлось отмечать, отчасти тем, что начальник Штаба РККА «задел» их репутацию, косвенно указывая на ведомства, несущие ответственность за неготовность Красной Армии. Вскоре К.Ворошилов пригласил М.Тухачевского для разговора по этому поводу. Разговора не получилось. «Он сам подал рапорт о своем уходе, вспоминал Г.Иссерсон, - в котором писал Наркому: «После нашего последнего разговора вынужден оставить свой пост»[1528]. Он писал, что старался сделать Штаб Красной Армии инициативным, но помимо его воли Штаб превратился в простой технический аппарат[1529]. 3 мая 1928 г. К.Ворошилов подписал приказ о перемещении М.Тухачевского с должности начальника Штаба РККА на должность командующего Ленинградским военным округом[1530].

Примечательно, что почти одновременно с письмом А.Егорова, С.Буденного, П.Дыбенко, 17 апреля 1928 г. был подписан план поездки агента ОГПУ А.Попова в Париж к А.Кутепову, которому следовало представить М.Тухачевского честолюбивым властолюбцем, готовым к захвату власти[1531]. Очевидно, предполагалось, что ко времени встречи А.Попова с А.Кутеповым в Париже, М.Тухачевский уже будет смещен с поста начальника Штаба РККА, и это будет красноречивым доказательством его «бонапартизма», слухи о котором как бы подтвердились отставкой[1532]. Следовательно, надо полагать, вопрос

[1527] Коротков И.А. История советской военной мысли. - М., 1980. - С. 82; Данилов В. От Штаба РККА к Генштабу РККА (1924-1935). //Военно-исторический журнал. – 1978. - № 8. - С. 104.

[1528] Иссерсон Г. Воспоминания современника о Тухачевском. //Военно-исторический журнал. – 1963. - № 2. - С. 66.

[1529] Никулин Л. Тухачевский. - С. 167.

[1530] Красная Звезда. - 1928. – 5 мая. Приказ вступал в силу с 5 мая 1928 г. Однако еще 8 мая М.Тухачевский продолжал фактически возглавлять Штаб РККА. Нарком явно не планировал именно в это время отправить в отставку начальника Штаба РККА. Он стремился замаскировать конфликтную подоплеку ухода М.Тухачевского, «сгладить» нежелательные пока впечатления от данной политически значимой кадровой перестановки.

[1531] Напомню, что А.Попов должен был инсценировать наличие в СССР крупной антисоветской организации, которая готовит восстание и планирует после свержения советской власти назначить диктатора.

«Считаясь со свойствами характера, с популярностью как в обществе, так и особенно в армии, и с жизненной подготовкой, - так предписывалось информировать А.Кутепова, - организация наметила на эту роль Тухачевского...». А.Попов должен был обязательно пояснить, что сам М.Тухачевский «конечно, об этом не знает, но окружение его в этом случае настолько подготовлено в нужном направлении, что у нас нет никаких сомнений, что в решительную минуту он будет с нами и во главе нас». – Военные архивы России. Выпуск № 1, с. 98.

[1532] На отсутствие действительной криминально-политической подоплеки в обстоятельствах отставки М.Тухачевского косвенно указывают его показания на следствии 1 июня 1937 г.

В связи с отставкой с должности начальника Штаба РККА в мае 1928 г. М.Тухачевский в своих показаниях ограничился одной сугубо протокольной фразой: «В 1928 г. я был освобожден от должности начальника штаба РККА и назначен командующим войсками ЛВО». Правда, далее он отметил, что был «недоволен своим поло-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

о его отставке был решен 16-17 апреля 1928 г.[1533] Одновременно с отставкой М.Тухачевского и вслед за ней был проведен ряд кадровых перестановок и отставок, с ней связанных.

1.Кук А.И.(помощник командующего ЛВО)[1534] – комендант Карельского укрепрайона (с 15.2.1928).

2.Корк А.И.(командующий ЛВО) – для особо важных поручений при Наркоме и Председателе РВС СССР (с 5.5.1928).

3.Петренко-Лунев С.В.(военный атташе в Германии) – заместитель начальника ЦАГИ (с 5.1928).

4.Германович М.Я.(помощник командующего БВО) – помощник командующего САВО (с 15.5.1928).

5.Ландин И.А.(командир 56-й Отдельной авиаэскадрильи) – уволен в бессрочный отпуск (с 15.5.1928).

6.Кауфельдт Ф.П.(помощник начальника штаба ЛВО) – начальник сектора ПВО г. Ленинграда (с 1.8.1928).

7.Пугачев С.А.(заместитель начальника Штаба РККА) – для особо важных поручений при Наркоме и Председателе РВС СССР (с 31.8.1928).

8.Нейман К.А.(командир 17 СК) – старший руководитель Военной Академии РККА (с 31.8.1928).

9.Вольпе М.М.(начальник Управления устройства и службы войск ГУРККА) – старший руководитель Военной академии РККА (с 31.8.1928).

10.Алкснис Я.Я.(начальник Управления по войсковой мобилизации и укомплектованию ГУРККА) – старший руководитель Военной академии РККА (с 31.8.1928).

11.Широкий И.Ф.(командир 6-й СД) – старший руководитель Военной академии РККА (с 31.8.1928).

жением и отношением ко мне со стороны руководства армии». – Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. – В кн.: Кровавый маршал Михаил Тухачевский. 1893-1937. СПб, 1997, с. 83.

[1533] Письмо А.Егорова, С.Буденного и П.Дыбенко, датированное 16 апреля, вряд ли стало само по себе поводом для отставки М.Тухачевского, которая решена была уже к 17-му апреля. Это решение, очевидно, было принято до 16-17 апреля. Письмо же «генералов» могло появиться, возможно, уже в связи с кулуарно принятым решением.

[1534] В скобках указывается прежняя должность, с которой смещался «генерал».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

12.Уваров Н.М.(командир 57-й СД) – старший руководитель Военной академии РККА (с 31.8.1928).

13.Будкевич С.Р.(начальник отдела внешних сношений Разведупра Штаба РККА) – в распоряжение Председателя РВС СССР (с 14.8.1928).

14.Сокк Р.И.(командир 79-й СД) – уволен в долгосрочный отпуск (с 8.1928).

15.Сергеев Е.Н.(начальник штаба БВО) – в распоряжение наркома по военным и морским делам (20.10.1928).

16.Петин Н.Н.(командующий Сибирским военным округом) – для особо важных поручений при РВС СССР (с 9.11.1928).

Обращает на себя внимание, что из 16-ти «отставленных» «генералов» 14 (кроме Я.Алксниса и Н.Петина) являлись старыми соратниками М.Тухачевского[1535], в том числе ветеранами 27-й стрелковой дивизии (К.Нейман, Р.Сокк, Н.Уваров), а некоторые входили в круг его друзей и близких приятелей (А.Кук, С.Пугачев, Ф.Кауфельдт).

Примечательно, что «чистке» подверглось руководство и ответственные сотрудники Штаба РККА (М.Тухачевский, С.Пугачев, С.Будкевич, С.Петренко-Лунев), ГУРККА (Я.Алкснис, М.Вольпе), командование «фронтовых» военных округов: Ленинградского (А.Корк, А.Кук, Ф.Кауфельдт) и Белорусского (М.Германович, Е.Сергеев), а также командиры соединений Украинского военного округа (К.Нейман, Р.Сокк).

Нельзя не заметить, что 5 «генералов» фактически были отправлены во временную «отставку» (С.Пугачев, Е.Сергеев, Н.Петин, А.Корк, С.Будкевич). 5 были переведены с командной на преподавательскую работу (Я.Алкснис, М.Вольпе, К.Нейман, Н.Уваров, И.Широкий), что всегда расценивалось как явное понижение в должности и «опалу». Это особенно заметно, учитывая, что все отправленные в Военную академию РККА в качестве преподавателей были молодыми и перспективными строевыми командирами, совершенно неподго-

[1535] К.Нейман, Н.Уваров, Р.Сокк были ветеранами 27-й стрелковой дивизии, М.Вольпе – 26-й стрелковой дивизии. Все они были участниками победоносной кампании 5-й армии на Востоке в 1919 г. Некоторые принимали участие в «польской кампании» и в подавлении «мятежного Кронштадта».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

товленными для преподавания в военной академии. 2 боевых командира (Р.Сокк и И.Ландин) были уволены из РККА.

М.Тухачевский, как начальник Штаба РККА, и его заместитель С.Пугачев фактически были признаны ответственными за «стратегическую доктрину», обусловившую внешний военно-политический курс, оказавшийся несостоятельным перед лицом войны и расходившимся с правительственным внешнеполитическим курсом.

С.Будкевич[1536], как глава военных внешнеполитических отношений, и С.Петренко-Лунев, советский военный атташе в Берлине несли ответственность за проведение «линии Тухачевского» в Германии[1537].

Все они, особенно М.Тухачевский, С.Будкевич, С.Петренко-Лунев, рассматривались как «партия войны», а точнее – «революционной войны». Остальные «генералы» были отставлены как явные или скрытые сторонники М.Тухачевского во «фронтовом командовании» и среди командиров соединений.

Однако были и другие причины отставки М.Тухачевского, «чистки» советской военной элиты и кадровых перемещений в ее составе в 1928 г. Выше уже излагались различные слухи, распространившиеся в Москве и за рубежом о причинах отставки М.Тухачевского и его «политической неблагонадежности», а также сенсационное сообщение польских и английских газет в конце января 1928 г. о «восстании 4 дивизий во главе с т. Тухачевским, наступающим будто бы на Москву».

Выше отмечалось, что действительно, в августе 1928 г. был уволен из РККА командир 79-й стрелковой дивизии Р.Сокк, один из героев 27-й стрелковой дивизии. Такая мера в отношении «орденоносца», перспективного 32-летнего командира дивизии должна была мотивироваться вескими основания-

---

[1536] С.Будкевич и в 1929 г. продолжал, подобно М.Тухачевскому, считать, что в 1920 г. «проиграла не политика, а стратегия». Он считал, что, если бы командование 4-й красной армии не допустило бы ряд серьезных оперативных ошибок, то «маневр Тухачевского вокруг Варшавы» мог бы увенчаться успехом и Варшавская битва была бы выиграна Красной Армией. Во всяком случае, неуспех М.Тухачевского не был бы таким масштабным. – Будкевич С.Р. Операции польских армий на Висле в 1920 г. //Коммунистическая академия. Записки. - М., 1931. - № 2. - С. 60, 77.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ми. Кроме того, неожиданно переведены на преподавательскую работу командир 57-й стрелковой дивизии Н.Уваров, командир 6-й Орловской стрелковой дивизии И.Широкий.

Действительно, некоторая информация, по крайне мере, позволяет объяснить опасения и подозрительность политического руководства СССР. В связи с вышесказанным находятся показания заместителя наркома внутренних дел Г.Прокофьева от 25 апреля 1937 г., в которых он, в частности, вспоминал: «Еще в 1928 г. были показания полковника Шафрова[1538] о существовании контрреволюционной организации военспецов в наркомате обороны. В показаниях имелся список нескольких лиц, лично известных Ягоде. Ягода этот материал забрал к себе и дал прямое запрещение что-либо предпринимать»[1539]. Возможно, в связи с информацией «полковника Шафрова» находится еще один факт.

...От арестованного в 1930 г. С.Бежанова-Сакварелидзе «добились» показаний против С.Пугачева (вскоре был арестован) и Б.Шапошникова о том, что эти офицеры, якобы, входили в состав «Московского контрреволюционного центра». Если таковой факт имел место, то это могло быть лишь в период с мая 1927 по сентябрь 1928 г.[1540]

Примечательно, что в 1928 г. был уволен из РККА «по болезни» офицер Г.Лимаренко, состоявший «для особо важных поручений при начальнике Штаба РККА». До этого он занимал должность для особых поручений при командующем Московским военным округом. Он состоял в этой должности с июля

[1537] Выше я упоминал о его переписке с М.Тухачевским по поводу оперативного предназначения отрядов «Ротфронта» в 1927 г.

[1538] Похоже, что Г.Прокофьев немного исказил фамилию полковника. Среди военспецов такого чина не встречается «полковник Шафров», но есть полковник Генштаба (1906) Шавров Борис Николаевич, который в 1918 г. некоторое время был начальником штаба, а затем командиром Олонецкой пехотной дивизии Красной Армии.

[1539] ЦА ФСБ. Д. 11472. Л. 55-67. – Документ опубликован в сборнике: «Генрих Ягода.... - С. 522. Не исключено, что этими показаниями полковника Шафрова была спровоцирована «оперативная игра» ОГПУ с РОВС и А.Кутеповым в 1928 г. через агентов А.Попова и Н.Де-Роберти.

[1540] Именно в этот промежуток времени и С.Пугачев, и Б.Шапошников служили в Москве: первый – заместителем начальника Штаба РККА, второй – командующим Московским военным округом, а с мая 1928 г. – начальником Штаба РККА. Эти обстоятельства косвенным образом «цепляли» и М.Тухачевского, который до мая 1928 г. являлся, как известно, начальником Штаба РККА. При этом следует учесть, что С.Пугачев на должности заместителя начальника Штаба РККА, которую он занял в феврале 1925 г., появился как «протеже» М.Тухачевского.

Известно, что на очной ставке 13 марта 1931 г. арестованный С.Пугачев и не арестованный Б.Шапошников доказали ложность показаний С.Бежанова-Сакварелидзе. С.Пугачев тогда же был освобожден из-под ареста, а Б.Шапошников вообще аресту не подвергался. //Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 106.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

1927 г. Он был переведен на эту должность из штаба Ленинградского военного округа, где служил помощником начальника отдела штаба округа. Служебные перемещения этого офицера почти совпадают по времени со служебными перемещениями Б.Шапошникова: до мая 1927 г. он являлся командующим Ленинградским военным округом; с мая 1927 до мая 1928 г. – командующим Московским военным округом; с мая 1928 г. – начальником Штаба РККА. Совершенно ясно, что Б.Шапошников, переходя с одной должности на другую, начиная с 1927 г. брал Г.Лимаренко с собой. Это был его адъютант. Увольнение Г.Лимаренко, даже с уважительной формулировкой «по болезни», не может не вызывать подозрений.

Известно также, что в том же 1928 г. по непонятной причине застрелился Г.Хвощинский, бывший ближайший сотрудник П.Лебедева по руководству Штабом РККА, уволенный из Красной Армии 14 марта 1924 г.[1541] Возможно, его самоубийство было связано с причинами увольнения из РККА: он и его непосредственный начальник П.Лебедев по одной из версий, были уволены за связь с представителями белой военной эмиграции[1542].

Впрочем, приведенная выше информация может служить лишь поводом для различных предположений о наличии каких-то «заговорщических организаций» в Красной Армии в 1928 г. Указанных выше сведений и степени их достоверности явно недостаточно для каких-либо определенных выводов на этот счет. Но их было вполне достаточно, для слухов и подозрений, тревоживших бдительность ОГПУ и правительства. Достаточно для того, чтобы предпринимать, на всякий случай, превентивные меры в отношении наиболее амбициозных «генералов», имевших соответствующую политическую репутацию. Среди таковых на первом месте, несомненно, находился М.Тухачевский, если учесть его «наполеоновскую репутацию» в кругах бывших офицеров старой армии.

Указанные выше обстоятельства также, очевидно, являлись одной из причин отставки М.Тухачевского, слухов о его политической неблагонадежности и

[1541] Брусилов А.А. Мои воспоминания. //Военно-исторический журнал. – 1991. - № 2. - С. 39.

[1542] «По поводу их увольнения рассказывали, - вспоминал А.Брусилов, - будто бы за их поручительством был устроен какой-то гродненский гусар, который оказался шпионом белых». - Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

кадровых перемещений в 1928 г. Во всяком случае, всего этого ОГПУ было достаточно для далекоидущих выводов.

4.3. Социо-культурные и политические аспекты модернизации Красной Армии и появление новой военной элиты.

Каждая новая война, и тем более, поражение в войне, как правило, влечет за собой смену военной элиты, а эта ситуация, в свою очередь, рождает драматизм столкновения «старой» и «новой» элит. Этот процесс сам по себе неизбежный и в определенном смысле – естественный. В обществе же, само существование которого, в силу господства геополитических факторов его возникновения и развития, обусловлено не проблемой «образа жизни», а проблемой «выживания»; где «оборонный фактор» оказывается «естественно-доминирующим», смена военных элит оказывается одним из немногих способов удержания власти в руках «политиков» и нейтрализации политических и геополитических амбиций «генералов».

В своем выступлении на печально-знаменитом заседании Военного совета при Наркоме обороны 2 июня 1937 г. И.Сталин вольно или невольно обозначил именно этот способ борьбы с амбициозными «генералами».

«В нашей армии непочатый край талантов, - мотивировал свою позицию И.Сталин. – В нашей стране, в нашей партии, в нашей армии непочатый край талантов, - повторил он, нарочито обращая внимание присутствовавших на свою мысль. – Не надо бояться выдвигать людей, смелее выдвигайте снизу. Вот вам испанский пример. Тухачевский и Уборевич просили отпустить их в Испанию. Мы говорим: «Нет, нам имен не надо. В Испанию мы пошлем людей мало известных…. Мы им говорили, если вас послать, все заметят, не стоит. И послали людей мало заметных, они же там чудеса творят»[1543].

«Испанский пример» был не первым. Советское политическое руководство уже имело опыт глухого противоборства с «генералами», чья популяр-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ность резко возрастала не только от одержанных побед, но даже в ожидании таковых. Это опыт той же несостоявшейся «германской революции» 1923 г., резко усилившей авторитет и популярность М.Тухачевского, который должен был вновь «играть первую скрипку» в ожидавшейся новой «революционной войне». В Китай, к Сун-Ят-сену и Чан-Кай-ши в 1924-1925 гг. отправили уже «людей мало заметных» для международных наблюдателей. «Новую» военную элиту должны были составить «генералы-китайцы» с В.Блюхером (Галиным) во главе: В.Путна, В.Примаков, В.Степанов, А.Лапин, М.Сангурский, Черепанов, А.Благодатов и др. Но китайская революция и связанная с ней «военная тревога» 1926-1927 гг. окончились «поражением» Красной Армии и СССР. Это была ситуация, благоприятная для смены элит. Виновниками этих «поражений» были определены М.Тухачевский со своими «бонапартистами» и «военспецы-генштабисты». Они должны были уступить место «новой» военной элите. Ее уже готовили в германской Военной академии.

...Осенью 1927 г. на учебу в Германию на тринадцать месяцев направили И.Уборевича. Видимо, уже тогда И.Сталин наметил именно его для прорыва в модернизации РККА, превратив И.Уборевича в нового, «своего вождя» Красной Армии, сделав его собственной «креатурой» в полном смысле этого слова. И ранее с большим вниманием относившийся к опыту германской армии (отчасти, благодаря свойствам своего характера и темперамента), после интенсивного и разностороннего обучения, И.Уборевич превратился в самого «любимого» и последовательного «ученика» немецких генералов «старой» кайзеровской школы. «Товарищам, особенно Уборевичу, в рейхсвере были открыты почти все двери, за исключением лишь абсолютно секретных вещей.... Уборевичу, к которому немцы относились с особой симпатией, они показали... больше, чем другим, и он, несомненно, может считаться сейчас одним из самых лучших иностранных (а не только русских) знатоков современной германской армии.... В дальнейшем общении с ним немцы убедились, что Уборевич очень талантли-

---

[1543] Стенограмма выступления И.В.Сталина на расширенном заседании Военного совета при Наркоме обороны. 2 июня 1937 г. //По публикации в кн.: Кривицкий В. Я был агентом Сталина. - М., 1996. - С. 296.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вый и многообещающий полководец и это усилило их симпатии к нему»[1544]. Немцы считали И.Уборевича «прямолинейным и симпатичным человеком..., открыто выступавшим в пользу германской ориентации...»[1545]. Все это, конечно же, было известно И.Сталину.

Следует иметь в виду, что перед своим отъездом в Германию И.Уборевича 4 ноября 1927 года принял И.Сталин. Сам по себе этот факт указывает на особую заинтересованность И.Сталина в «миссии Уборевича» в Германии. Ведь поездки советских «генералов» в Германию в 1925-1933 гг. были явлением вполне рутинным и исключительно в сфере ведения К.Ворошилова, Разведуправления Штаба РККА (И.Уншлихта и Я.Берзина) и ОГПУ (Г.Ягоды). Со всеми другими высшими офицерами, в связи с этим, И.Сталин не встречался.

Выводы и настроения И.Уборевича, сформированные его «германским опытом», в начале 1929 г. акцентировались на использовании «германской модели» развития вооруженных сил[1546]. Эта модель стала основой того направления в модернизации Красной Армии, которое было определено в качестве официального с 1929 г.

И.Уборевич, подводя в своем отчете итоги пребывания в Германии, сделал (скорее всего, не предумышленно) и далеко идущие политические выводы, возможно, и не подозревая об их именно политически-опасных последствиях.

[1544] Цитируется по: Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920-1933 гг. //Новая и новейшая история. – 1990. - № 5. - С. 17-18.

[1545] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 269. Документ опубликован в кн.: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР.... - С. 121.

[1546] Старая «германская школа» - в лице генералов К.фон Хаммерштейна, В.фон Фрича, Л. фон Бека,В.Адама и др. - отчетливо выражавшая свои взгляды на перспективы развития вооруженных сил, по-прежнему, «обернувшись назад» к «германскому опыту» 1-й мировой войны, главным фактором этого развития считала профессиональную подготовку офицеров и солдат и традиционных видов вооруженных сил: пехоты, кавалерии, артиллерии, авиации и, в последнюю очередь – танков. вернувшись из своей немецкой командировки, М.Тухачевский высказался по этому поводу четко и вполне определенно: «Руководящий состав Рейхсвера мыслит себе войну примерно в формах последнего маневренного периода империалистической войны. Он не способен представить себе новые формы боя, вытекающие из нового вооружения: авиации, танков, автоматической винтовки и пр.... Гаммерштейн мне прямо заявил, что он не признает механизированных соединений, а допускает лишь частичную моторизацию. Да и к этой последней он относится подозрительно. Не признает он и автоматической винтовки. Таких же взглядов придерживается и большинство руководящих генералов и офицеров Рейхсвера». Подытоживая свои впечатления, М.Тухачевский отметил: «В общем, я считаю, что руководство Рейхсвера не стоит на высоте с точки зрения использования новейших технических средств.... Над всеми этими генералами довлеет опыт империалистической войны и слава было организации и тактики германской армии...». – РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 235. Л. 44-45. //Военно-исторический журнал. – 1997. - № 2. - С. 37.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас, - писал И.Уборевич. – Мне кажется, что мы должны покупать этих специалистов, привлекая умело к себе… Я не думаю, что бы немецкие специалисты оказались бы хуже политически и более опасными, чем наши русские специалисты»[1547]. Иными словами, И.Уборевич считал военспецов-генштабистов из старой русской армии «политически опасными». В связи с цитированными выше выводами И.Уборевича о смене ориентаций с «русских генштабистов» на «немецких» уместно привести свидетельство одного из его сослуживцев.

«При нем в округе существовало ничем не оправданное неофициальное деление старшего командного состава на две так называемые «школы» – старую и новую, - вспоминал соратник И.Уборевича. - Практически это выражалось в том, что часть командного состава (представители «новой школы») получала всевозможные привилегии, пользовалась особым уважением командующего, а другая часть (представители «старой школы», к которой Уборевич относил всех, чья точка зрения на обучение и воспитание войск не совпадала с его взглядами) находилась как бы в тени, далеко не всегда получала поддержку даже в осуществлении ценных начинаний»[1548].

Мнение и выводы И.Уборевича в отношении этой «старой русской школы», следовательно, не были случайными. Они были логичными, последовательными и устойчивыми. Не только в военном, но и, пожалуй, в военно-политическом смысле.

Не столь прямолинейно, но с более фундаментальным обоснованием, по существу, той же позиции выступил на Пленуме РВССССР осенью 1930 г. и М.Тухачевский. «Наши недостатки, - сказал он, - в организации управления и в тактической подготовке настолько велики, что на это нужно обратить внимание и организационно обеспечить те установки, которые будут даны Реввоенсове-

---

[1547] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 295. Л. 183. Документ опубликован в кн.: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Указ. соч. - С. 258.

[1548] «Так, например, по мнению Уборевича, не следовало придавать серьезного значения строевой выучке состава. Если же иные командиры, вопреки указанию сверху, выкраивали время на строевую подготовку, коман-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

том Союза»[1549]. М.Тухачевский обратил внимание на то, что указанные «недостатки сказались и на маневрах, они сказались и в действиях ОКДВА»[1550]. Это была критика В.Блюхера. Причины такого положения, по мнению М.Тухачевского, коренились в том, что «новая методика в Военной Академии по-настоящему не проводится и основные уставы ПУ-29 и БУП-27 по-настоящему не усвоены»[1551]. Он считал, что одной из причин этой ситуации является то, что «наши штабы, состоя по своему составу далеко не из лучших строевых элементов и получая подготовку отвлеченную, теоретическую, академическим порядком, а не практическую, которую требовал Реввоенсовет, в своих приказах, являются не совсем работоспособными»[1552]. М.Тухачевский подверг критике систему и содержание военного образования. «У нас до сего времени, - продолжал он, - программы Военной академии и учебная деятельность УВУЗа оторваны от Штаба РККА»[1553]. М.Тухачевский требовал «подчинить Штабу РККА деятельность Военной академии и УВУЗа»[1554]. Он делал весьма серьезный вывод и предупреждение: «Если новая методика обучения не будет заложена во всей системе, - мы не будем иметь подготовленный штаб и подготовленный высший комсостав»[1555].

Этой же позиции придерживались В.Триандофиллов и И.Якир. «Найди такого, который учил бы по-настоящему», - бросил он реплику на том же Пленуме РВС СССР[1556].

Все это вполне совпадало с мнением ОГПУ и И.Сталина и означало переориентацию в военном строительстве с военспецов-генштабистов старой русской армии на немецких военных специалистов из старой кайзеровской армии. В обстановке обострившегося социально-политического кризиса выводы и рекомендации И.Уборевича можно было расценить тоже как сигнал к началу «чи-

---

дующий, не скрывая иронии, говорил: «Сразу видна старая школа!». //Калинин С.А. Размышляя о минувшем. - С. 118.

[1549] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 195 сс. Л. 30.

[1550] Там же.

[1551] Там же, Л. 29.

[1552] Там же, Л. 29-30.

[1553] Там же, Л. 30.

[1554] Там же.

[1555] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

стки» Красной Армии и ее элиты от этого, весьма опасного и подозрительного военно-политического слоя, утратившего свою полезность для Советской власти. «В РККА, преимущественно в высших учреждениях на службе состоит значительное количество бывшего кадрового офицерства, - сообщалось в справке ОГПУ. – Эта категория военспецов является по своему бывшему и социальному положению наиболее чуждой Советской власти.... Все они ждут падения Советской власти»[1557].

...«Германская модель» модернизации РККА И.Уборевича, учитывая вышеизложенное, не представляла собой смену парадигмы в развитии советских вооруженных сил. Это было совершенствование внутри старой парадигмы, основанной, как и у «военспецов-генштабистов» старой русской армии, на опыте 1-й мировой войны. Это, в сущности, была все-равно «консервативная модель» модернизации Красной Армии. Во всяком случае, теперь главной военно-теоретической, военно-технической и военно-политической опорой, объективно, становился рейхсвер и его «представитель» в СССР, самое доверенное лицо среди советских «генералов» И.Уборевич. В этом, а не только в симпатиях и доверии к ним И.Сталина, вероятно, также следует искать одну из причин кратковременного военно-политического взлета И.Уборевича.

...15 июля 1929 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О состоянии обороны СССР», которое подвело итоги предшествующего начального периода реконструкции вооруженных сил и модернизации оборонной системы СССР и признало этот процесс неудовлетворительным.

В соответствии с заданиями Политбюро к концу пятилетки отмобилизованная РККА должна была насчитывать: не менее 3 миллионов человек, иметь 3 тысячи танков, 3759 легких пушек, 798 тяжелых пушек, 1218 зенитных орудий среднего калибра, 712 зенитных орудий малого калибра, 120 орудий большой мощности, а также предполагалось к концу пятилетки иметь не менее 150-180 тысяч автомобилей и нужное количество тракторов.

[1556] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 195-сс. Л. 70.
[1557] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 102.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

На основании принятых партийных постановлений и правительственных решений, в июле же 1929 года была учреждена должность начальника вооружений РККА, а 19 ноября 1929 года на эту должность был назначен И.Уборевич.

«Программа модернизации Уборевича» концептуально опиралась на точку зрения штаба Рейхсвера, начальник которого генерал В.Адам выразил ее вполне определенно: «Я категорически придерживаюсь того мнения, что танки в будущей войне будут играть вспомогательную роль и что нам надо обратить особое внимание на противотанковые средства: при хороших противотанковых средствах танки не будут иметь большого значения.... Большие битвы никогда не будут решены танками, а людьми»[1558].

...В своем докладе о реконструкции Красной Армии 28 октября 1929 года на заседании РВС СССР И.Уборевич утверждал, что, во-первых, нужна «модернизация старых систем, старых запасов снарядов, ...старых танков путем перестволения». Решающую роль в будущих сражениях И.Уборевич отводил тяжелой артиллерии. Возможно, в этом вопросе сказывались и его профессиональные пристрастия. Впрочем, вряд ли стоит видеть в этих размышлениях (И.Уборевича, В.Адама) лишь консерватизм немецких генералов «старой школы». Сами они, как и их «любимый ученик» И.Уборевич, обоснованно отводили большую роль боевой профессиональной подготовке личного состава. Именно высокое качество подготовки солдат и офицеров рейхсвера произвело наибольшее впечатление на М.Тухачевского во время его пребывания на маневрах в Германии в 1925 году[1559].

Вслед за немецкими генералами, И.Уборевич считал «самым страшным – неумение войск пользоваться этой техникой. Танки выпускаются быстрее, чем командиры специалисты. Подготовка квалифицированных бойцов требует большого времени. Положение должно быть таково, чтобы подготовка в армии людских ресурсов и оснащение армии техническими средствами должно идти

[1558] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 375. Л.22-40. Документ фрагментарно опубликован в кн.: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Указ. соч. - С. 126,127.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

параллельно»[1560]. Это было весьма справедливое опасение. Этими соображениями И.Уборевич мотивировал необходимость постепенности насыщения армии новейшими средствами войны, в том числе танками. Именно, танковый вопрос, пожалуй, и оказался принципиальным в расхождении взглядов на модернизацию РККА генералов рейхсвера, И.Уборевича и М.Тухачевского (их оппонента).

Программа И.Уборевича была принята, а сам он, как выше отмечалось, 19 ноября 1929 г. был назначен на только что учрежденную должность начальника вооружений РККА. Материальной базой перевооружения армии, ее модернизации, должно было стать тесное и всестороннее сотрудничество с германской фирмой «Рейнметалл».

Политическое сближение СССР и Германии, как известно, обусловлено было и общей антипольской направленностью внешнеполитических курсов обеих стран. И.Уборевич и в этом отношении весьма импонировал немцам. Во время одной из своих многочисленных поездок в Германию, 12 февраля 1930 года на обеде, устроенном в его честь германским командованием, он сказал: «Не продвинемся ли мы за два года настолько, что сможем поставить вопрос о ревизии границ и избиении поляков? В самом деле, мы должны еще раз разделить Польшу»[1561].

...Принятие курса на модернизацию Красной Армии с опорой на более тесные отношения с Рейхсвером и в соответствие с «германской моделью» реконструкции вооруженных сил, а также на основе формирования «новой военной элиты» из «генштабистов», подготовленных в германской Военной академии, обусловили и существенные изменения в номенклатурном составе советской военной элиты к началу 1930 г. К этому времени в нее входили следующие лица:

[1559] РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 243. Л. 62-64. Документ опубликован в издании: Рейхсвер и Красная Армия. Документы из военных архивов Германии и России. 1925-1931. - Кобленц, 1995. - С. 82-90.

[1560] Эту точку зрения в Рейхсвере особенно твердо отстаивал генерал Л.Бек, впоследствие начальник штаба Рейхсвера. Именно эта позиции по проблеме реконструкции немецких сухопутных сил стала одной из главных принципиальных причин его конфликта с А.Гитлером в 1937-1938 гг.

[1561] Цитируется по кн.: Castellan G. Reichswehr et Armee Rouge. 1920-1939. //Les relations germano-sovietiques de 1933 a 1939. - Paris, 1954. - P. 274.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

	Фамилия, имя, отчество.	Год Рождения	Национальность	Социальное происхождение	Образование	Чин в старой армии	В РККА В воен. элите	Должность	Партийность
1.	Ворошилов Клемент Ефремович	1881	русский	Из рабочих			1918 1921	Пред. РВСССР нарком (11.1925)	РКП(б)
2.	Уншлихт Иосиф Станиславович	1879	поляк	Из служащ.			1923 1923 (ГПУ)	1зам. Пред. РВСССР и наркома (7.1926)	РКП(б)
3.	Каменев Сергей Сергеевич	1881	русский	Сын офицера	АГШ	Полковник ГШ	1918 1918	2зам. Пред. РВСССР и наркома (5.1927)	Б/п
4.	Шапошников Борис Михайлович	1882	русский	Из мещан	АГШ	Полковник ГШ	1918 1921	Нач. Штаба РККА (5.5.1928)	Б/п
5.	Триандофиллов Владимир Кириакович	1894	грек	Из крестьян учитель	«ГА»	Штабкапит. в/в	1918 1928	Зам нач Шт. РККА (10.1928)	Эсер, РКП(б)
6.	***Куйбышев Николай Владимирович***	1893	Русский	Сын офицера		капитан	1918 1925	Начальник ГУРККА (12.1929)	РКП(б)
7.	Гарькавый Илья Иванович	1888	Украин.	Из крестьян учитель		поруч в/в	1918 1928	НачУпр. Начсостав. (1.1928)	РКП(б)
8.	Уборевич Иероним Петрович	1896	литовец	Из крестьян	Прич ГШ «ГА»	Подпор. Арт. в/в	1918 1922	Нач. вооруж. РККА (11.1929)	РКП(б)
9.	Ефимов Николай Алексеевич	1897	русский	Из служащ.		Подпоручик в/в	1918 1924	Зам. нач.воор. РККА (11.1929)	Эсер РКП(б)
10.	Бондарь Георгий Иосифович	1893	Украин.	Из мещан		Капитан арт.	1918 1929	Нач. ГАУ (11.1929)	РКП(б)
11.	Халепский Иннокентий Андреевич	1893	поляк	Сын портн.			1918 1924	Начальник УММРККА (10.1929)	РКП(б)
12.	Калиновский Константин Брониславович	1897	поляк	Из дворян			1918 1929	Зам. Нач. УММРККА (11.1929)	РКП(б)
13.	Синявский Николай Михайлович	1891	поляк	Из служащ.			1918 1929	Нач. ВТУ (11.1929)	РКП(б)
14.	Седякин Александр Игнатьевич	1893	русский	Из крестьян уситель		Штабкапит. В/в	1918 1924	Инспектор пехоты РККА (10.1929)	РКП(б)
15.	Буденный Семен Михайлович	1883	русский	Из крестьян		вахмистр	1918 1920	Инспектор кавалерии РККА (11.1929)	РКП(б)
16.	Грендаль Владимир Давыдович	1884	Швед (обрусевший)	Сын офицера	АА	Полковник арт.	1918 1929	Инспектор артиллерии РККА (5.1925)	Б/п
17.	Малевский Арсений Дмитриевич	1891	поляк	Из служащ.		подполковник	1918 1929	Инспектор инж. войск РККА (11.1929)	Б/п
18.	Егоров Александр Ильич	1883	русский	Из мещан	прич ГШ	полковник	1918 1919	Ком БВО (1927)	Эсер, РКП(б)
19.	Тодорский Александр Ива-	1893	русский	Сын священ.		Капит. в/в	1918 1928	Пом ком. БВО	РКП(б)

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

	нович							(11.1928)	
20.	Перемытов Алексей Макарович	1888	русский	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918 1921	Нач штаба БВО (9.1928)	Б/п
21.	Якир Иона Эммануилов.	1896	еврей	Сын провизора	Базель у-нт		1918 1924	Ком. УВО (11.1925)	РКП(б)
22.	***Дубовой Иван Наумович***	1896	Украин.	Из крестьян		Прапорщик в/в	1918 1929	Пом.ком. УВО (10.1929)	РКП(б)
23.	**Пугачев Семен Андреевич**	1889	русский	Сын учителя гимназ.	АГШ	Капитан ГШ	1918 1921	Нач. штаба УВО (12.1928)	Б/п
24.	Корк Август Иванович	1887	эстонец	Из крестьян	АГШ	Подполков. ГШ	1918 1922	Ком. МВО (11.1929)	РКП(б)
25.	***Каширин Николай Дмитриевич***	1888	русский	Сын станичного атамана		подъесаул	1918 1925	Пом.ком. МВО (11.1928)	РКП(б)
26.	Шиловский Евгений Александрович	1888	русский	Из дворян	АГШ	Капитан ГШ	1918 1928	Нач. штаба МВО (10.1928)	Б/п
27.	**Тухачевский Михаил Николаевич**	1893	русский	Из дворян	Прич ГШ	Подпоркапит. Л-г.	1918 1920	Ком. ЛВО (5.1928)	РКП(б)
28.	Федько Иван Федорович	1897	Украин. Из Бессарабии.	Из крестьян		Прапорщик в/в	1918 1927	Пом. Ком. ЛВО (10.1928)	РКП(б)
29.	Фельдман Борис Миронович	1891	еврей	Из мещан		солдат	1918 1927	Нач. штаба ЛВО (3.1927)	РКП(б)
30.	Белов Ивен Панфилович	1893	русский	Из крестьян		Унтерофицер	1918 1925	Ком.СКВО (11.1927)	РКП(б)
31.	Гайлит Ян Петрович	1894	латыш	Из крестьян		Поручик в/в	1918 1924	Пом. Ком. СКВО (11.1927)	РКП(б)
32.	Верховский Александр Иванович	1886	русский	Из дворян	АГШ	Ген-м. ГШ	1919 1929	Нач. штаба СКВО (12.1929)	Б/п
33.	Авксентьевский Константин Алексеевич	1890	русский	Из служащ. учитель		Подпоручик в/в	1918 1925	Ком.ККА (10.1928)	РКП(б)
34.	Смолин Иван Иванович	1891	русский	Из служащ.		Капитан	1918 1929	Пом.ком. ККА (12.1929)	РКП(б)
35.	Алафузо Михаил Иванович	1891	русский	Сын офицера	АГШ Прич ГШ	Штабкапит.	1918 1921	Нач.штаба ККА (1927)	Б/п
36.	Базилевич Георгий Дмитриевич	1889	русский	Из крестьян		подполковник	1918 1924	Ком. ПриВО (5.1927)	РКП(б)
37.	Павлов Александр Васильевич	1880	белорусс	Из крестьянагроном		Поручик в/в	1918 1924	Пом. Ком. ПриВО (2.1926)	Б/п
38.	Лисовский Николай Васильевич	1885	Поляк (обрусевший)	Из дворян	АГШ	Капитан ГШ	1918 1927	Нач. штаба ПриВО (1927)	Б/п
39.	Левандовский Михаил Карлович	1890	поляк	Сын унтерофицера		Штабкапит.	1918 1921	Ком.СибВО (12.1929)	Эсермакс. РКП(б)
40.	Серпокрылов Матвей Степанович	1895	русский	Из крестьян		Поруч. В/в	1918 1929	Нач. штаба СибВО (12.1929)	РКП(б)
41.	Дыбенко Павел Ефимович	1889	Украин.	Из крестьян		матрос	1918 1925	Ком. САВО (10.1928)	РКП(б)
42.	Германович Маркиан Яков-	1895	белорусс	Из крестьян		Прапорщик	1918 1926	Пом. Ком. САВО	РКП(б)

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

	левич					в/в		(5.1928)	
43.	Кондратьев Борис Николаевич	1887	русский	Из мещан	АГШ	Капитан ГШ	1918 1924	Нач. штаба САВО (1924)	Б/п
44.	Блюхер Василий Константинович	1890	русский	Из крестьян		Унтер-офицер	1918 1922	Ком.ОДВА (8.1929)	РКП(б)
45.	Лапин Альберт Янович	1899	латыш	Из крестьян			1918 1929	Нач. штаба ОДВА (8.1929)	РКП(б)
46.	Муклевич Ромуальд Адамович	1890	поляк	Из рабочих			1918 1925	Нач. ВМС РККА (8.1926)	РКП(б)
47.	Викторов Михаил Владимирович	1892	русский	Из дворян		лейтенант	1918 1921	Нач. Мор. сил БМ (1926)	Б/п
48.	Орлов Владимир Митрофанович	1895	русский	Из служащ.	СПб у-нт	Мичман в/в	1918 1926	Нач. Мор.сил ЧМ (1926)	РКП(б)
49.	Баранов Петр Ионович	1892	русский	Из рабочих		солдат	1918 1924	Нач. УРККВФ (12.1924)	РКП(б)
50.	Алкснис Яков Иванович	1897	латыш	Из крестьян		Прапорщик в/в	1918 1926	Зам. Нач. УРККВФ (8.1926)	РКП(б)
51.	Меженинов Сергей Александрович	1890	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Капитан ГШ	1918 1921	Пом.нач. УРККВФ (11.1925)	Б/п

Примечания к таблице: курсивом набраны фамилии «генералов», введенных в номенклатуру военной элиты в 1928-1929 гг.; жирным шрифтом набраны фамилии «генералов», перемещенных на другие должности в 1928-1929 гг.

Итак, в результате проведенных в 1928-1929 гг. кадровых перестановок к военной элите, к 1930 г. сложился ее новый «образ». Из 51 «генералов» 19 (41,5%) получили новые назначения во второй половине 1929 г. и 13 (22,6%) в 1928 г. Всего – св.64%.

10 (22,6%) «генералов» были включены в номенклатуру военной элиты в 1929 г. и 3 (7,5%) в 1928 г. Таким образом, обновление номенклатурной военной элиты к 1930 г. произошло более чем на 30%.

Всего же в составе номенклатурной военной элиты к 1930 г. было 36 (66%) «генералов», включенных в нее с 1924 г.

В составе номенклатурной военной элиты после проведенных кадровых перемещений и введения в нее новых «генералов» оставалось 22 кадровых офицера(43,1%), в том числе: 1 генерал (ок.2%), 7 штаб-офицеров (13,7%) и 14 обер-офицеров (27,4%). Среди остальных «генералов» было 15 офицеров военного времени (29,4%), 7 бывших унтер-офицеров и солдат (13,7%) и столько же не служивших без военного образования (13,7%). В составе военной элиты оставалось всего 13 «генералов» из дореволюционных «генштабистов» (28,3%). Таким образом, наблюдается продолжение процесса сокращения % бывших

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

кадровых офицеров с нормальным военным образованием и «генштабистов». Обе эти группы в военной элите к 1930 г. утратили свою доминирующую роль и впервые оказались в меньшинстве. Их место к этому времени начинают занимать прежде всего бывшие офицеры военного времени, а также бывшие унтер-офицеры, соладты и не служившие. Всего – почти 57%. Этот процесс сопровождался прогрессирующим ростом членов партии в военной элите. Эта ее часть, по сравнению с ноябрем 1925 г. увеличилась почти на 13% и составила 72,5% всех «генералов». Впрочем, учитывая все вышесказанное о смене ориентиров на германский Генштаб, такое сокращение «военспецов-генштабистов» оказалось вполне закономерным. В то же время к 1930 г. в составе номенклатурной военной элиты было уже 2 (11,3%) «генерала», получивших образование при «германском Генштабе». Сложившийся обновленный состав военной элиты в целом характеризуют следующие социометрические данные.

Средний возраст – 39,7 лет. Среди 51 «генерала» было 32 (62,7%) от 30 до 40 лет; 18 (35,3%) – до 50 лет; 1(ок.2%) – свыше 50 лет. Таким образом, хотя «генералы» в возрасте до 40 лет по-прежнему составляли большинство в военной элите, однако % их значительно снизился по сравнению с ноябрем 1925 г.: с 72,7% до 62,7%. Он оказался самым низким за все время, начиная с мая 1922 г. Были заметны некоторые тенденции к «старению» военной элиты. В отличие от первой половины 20-х годов, когда в военную элиту «проникали» молодые (до 30 лет) «генералы» поколения 90-х годов, на данном этапе ротация поколений явно замедлилась. К 1930 г. в составе военной элиты не было ни одного генерала моложе 31 года. Пополнение и «обновление» ее происходило за счет «ветеранов гражданской войны». Представителей «поколения 900-х годов» в военной элите пока не было.

Этно-культурные группы в составе военной элиты к 1930 г. определились в следующем процентном и численном соотношениях. Русские составили 27 человек (ок.53%); польско-литовская группа – 9(17,6%); украинцы – 5(9,8%); белоруссы – 2(3,9%); латыши – 3(5,9%); евреи – 2(3,9%); эстонцы – 1(ок.2%); шведы – 1(ок.2%); грек – 1(ок.2%). Вся совокупная «русско-православная» эт-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

но-культурная группа (русские, украинцы и белоруссы) составила 34 человека и соответственно ок.63%. Это было заметное уменьшение по сравнению с ноябрем 1925 г. (68,5%). Особенно было заметно сокращение числа этнических русских среди «генералов»: более чем на 10% по сравнению с ноябрем 1925 г. В то же время заметно увеличилась «украинская группа» по сравнению с ноябрем 1925 г. примерно в четыре раза.

В социо-культурном отношении военная элита к 1930 г. состояла из 7 дворян (13,7%); 5 офицерских детей (9,8%); 8 служащих и интеллигенции (15,7%); 6 мещан (11,8%); 18 крестьян (35,3%); 3 рабочих (5,9%); и по одному из семей священника, провизора, портного и унтер-офицера. Таким образом, дворяне, представлявшие самую большую социо-культурную группу в военной элите до января 1924 г. (35%), к 1930 г. составили лишь 13,7%. Даже вместе с детьми офицеров (23,5%) их было меньше «крестьян» (35,3%), которые впервые превратились в преобладающую социо-культурную группу в военной элите. Однако процесс модернизации и изменения состава военной элиты прошел пока лишь первую, начальную стадию.

…После отставки с должности начальника Штаба РККА в мае 1928 г. М.Тухачевский признавался, что был «недоволен своим положением и отношением к нему со стороны руководства армии»[1562]. Это действительно так и имело целый комплекс причин, о которых уже достаточно подробно говорилось. «Опала» М.Тухачевского открыла «свободу» критики стратегической концепции М.Тухачевского и его полководческого опыта в период советско-польской войны. В 1929 г. появилась еще одна фундаментальная работа, в которой критиковались действия М.Тухачевского в «польской кампании», а виновниками поражения Красной Армии в советско-польской войне определялись М.Тухачевский и С.Каменев. Это книга А.Егорова «Львов-Варшава. 1920 г. Взаимодействие фронтов». В военной печати возникла полемика по книге А.Егорова. С.Буденный целиком был солидарен с выводами автора книги.

[1562] Показания Тухачевского М.Н. 1 июня 1937 г. //Кровавый маршал Михаил Тухачевский 1893-1937. – СПб, 1997. - С. 83.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Н.Какурин весьма квалифированно опровергал основополагающие звенья концепции А.Егорова.

В контексте проводимого мной исследования не столь важно вновь обращаться к вопросу о причинах поражения и виновниках его во время советско-польской войны. Важно, что этот вопрос, как и в начале 20-х гг. расчленял советскую военную элиту на «группировки». Это были группировки по частным аспектам одной стратегической концепции, которую, в сущности, поддерживали в принципе дискутировавшие стороны: и сторонники А.Егорова, и сторонники М.Тухачевского. Обострение дискуссии вело к ожесточению взаимоотношений «генералов», ослабляло их. В этом отношении гальванизация проблемы в 1929 г. совершенно очевидно оказалась инспирирована в политических целях.

С одной стороны явно просматривалось стремление пересмотреть сложившееся мнение и «свалить» всю ответственность за поражение под Варшавой на М.Тухачевского. Так можно было «развенчать» его полководческий авторитет и размыть популярность. Сделать его политически безопасным.

С другой стороны, новым обсуждением проблемы легко можно было окончательно рассорить «генералов» между собой, превращая исподволь политическую власть в арбитра их неразрешимых споров.

Кроме того, таким образом, можно было спровоцировать взаимную дискредитацию всех дискутирующих сторон, подготавливая идеологическую почву для смены элиты армии.

Наконец, все это целенаправленно работало на усиление и рост авторитета политической власти и окончательное подчинение «революционной армии» политической «номенклатуре» во главе с ее вождем.

Решено было обсудить проблему на заседании Военно-научного общества при Военной академии РККА. Дискуссия на этом заседании, в котором принял участие М.Тухачевский приобрела очень острый характер. Дело дошло до открытого столкновения М.Тухачевского, с «наступавшим» на него

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В.Меликовым. Заседание пришлось прервать. Отзвуки этой дискуссии прорвались и на страницы «Красной Звезды»[1563].

В контексте всего вышесказанного обращает на себя внимание, можно сказать, «программное» выступление М.Тухачевского на заседании военной секции при Коммунистической академии 16 декабря 1929 г. В своем докладе «О характере современных войн в свете решений 6 Конгресса коминтерна» М.Тухачевский в русле концепции «революции извне», по-прежнему, «постулировал», что «грандиозные войны, пока большая часть света не станет социалистической, являются неизбежными» и поэтому, считал он, «задачей компартии является настойчивая, повседневная пропаганда борьбы против пацифизма»[1564].

Утверждая, что «масштаб нашего военно-теоретического мышления ниже довоенного уровня» и опровергая заявления своих оппонентов, что, «...мол, Красной Армии и в будущих войнах придется воевать на пониженном технически-экономическом базисе», М.Тухачевский убеждал, что «такое представление идет вразрез с достижениями нашей промышленности сегодняшнего дня». По мнению М.Тухачевского, это «не отвечает, и тем более оно противоречит пятилетнему плану развития нашего хозяйства и всей генеральной линии нашей партии»[1565]. Ссылаясь на решения 6-го Конгресса Коминтерна, М.Тухачевский отстаивал правомочность ведения «войн» социализма против империализма» и «оборону национальных революций и государств с пролетарской диктатурой...». По мнению М.Тухачевского, решение вопроса о немедленном ведении революционной войны зависит исключительно от «материальных условий осуществимости этого и интересов социалистической революции, которая уже началась...»[1566]. Как считал М.Тухачевский, «действительно революционной вой-

---

[1563] Проблема «виновников» и причин поражения в сражении под Варшавой и в советско-польской войне «перетекла» в 1930 г. Она всплывала даже при обсуждении иных, новых армейских и военно-научных проблем. При этом, стало совершенно очевидным, что, во-первых, внимание методично акцентировалось на «виновности» М.Тухачевского.

[1564] Тухачевский М.Н. О характере современных войн в свете решений 6 Конгресса Коминтерна. (Доклад на заседании военной секции при Комакадемии 16.12.1929 г.). //Коммунистическая академия. Секция изучения проблем войны. Записки. - М., 1930. - Т. 1. - С. 8.

[1565] Там же, с. 21.

[1566] Там же, с. 24-25.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ной в настоящий момент была бы война социалистической республики... с одобренной со стороны социалистической армии целью – свержение буржуазии в других странах»[1567].

Но в этом докладе М.Тухачевского просматривалось и нечто концептуально-новое – синтез идей «революции извне» и концепции «войны моторов». Эта концепция оперативно-тактических методов, так называемой, «глубокой операции», генетически выраставшей из боевого опыта и теоретических установок «последовательных операций» и «таранной стратегии» М.Тухачевского, была научно разработана В.Триандофилловым.

Не удивительно, что критике со стороны А.Свечина и В.Меликова в 1929 г. подверглись не только взгляды М.Тухачевского, но и как единомышленника последнего, такого же сторонника «стратегии сокрушения» В.Триандофиллова[1568].

Книга В.Триандофиллова «Характер операций современных армий», изданная в 1929 г.[1569] оказалась первым фундаментальным военно-научным трудом, целостно обозначившим новые перспективы развития военного искусства. Собственно говоря, она явилась военно-теоретической предпосылкой принятия радикальных решений для принципиальной модернизации советских вооруженных сил. В контексте этой книги В.Триандофиллова по сути дела почти весь боевой опыт старой русской армии в период 1-й мировой войны и Красной Армии в период гражданской войны, если выражаться «мягко», сдвигался в «историю». Актуальность и ценность сохранял преимущественно боевой опыт германской армии 1914 г., отчасти русский «брусиловский» опыт 1916 г. и «польский поход» М.Тухачевского. Речь шла о совершенно иных по размаху, глубине и технической насыщенности боевых операций грядущей войны. Важнейшим основанием для такого вывода оказывалось быстрое и разностороннее развитие военной техники, с появлением принципиально новых ее видов, прежде всего, танков, неизвестных прежним войнам.

[1567] Тухачевский М.Н. О характере современных войн в свете решений 6-го конгресса Коминтерна. – С. 24-25.
[1568] Там же, с. 30-31.
[1569] Триандофиллов В.К. Характер операций современных армий. - М., 1929.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Военно-теоретический смысл книги В.Триандофиллова обнаруживал синтез прежней «стратегии сокрушения», «революции извне» М.Тухачевского с технической модернизацией вооруженных сил. Концепции В.Триандофиллова, таким образом, пока на теоретическом уровне, преодолевала «бессилие» наступления перед «силой» обороны, казалось бы доказанное итогами 1-й мировой войны. На этом, в сущности, строилась концепция А.Свечина. Можно сказать, это и становилось военно-теоретической основой крушения авторитета специалистов «старой школы» и не только «русской», но, пожалуй, и «германской». Эти обстоятельства в значительной мере предопределяли появление новой военной элиты.

Принятие или неприятия этой книги в качестве основополагающего теоретического опыта затрагивало очень многие военные судьбы. Заявляя о «войне моторов», как о «войне будущего», даже в мягкой и некатегоричной форме, В.Триандофиллов, желая того или нет, поставил вопрос о судьбе кавалерии, артиллерии, пехоты и вообще традиционных военных и боевых ценностях. Образно выражаясь, «отставка» стала угрожать «кавалеристам», «героям гражданской войны», «генштабистам старой армии». Книга В.Триандофиллова «взорвала» образованную военную общественность и советскую военную элиту.

...М.Тухачевский, пристально следивший за происходившими процессами, 11 января 1930 года направил на имя К.Ворошилова докладную записку, в которой, на основе предшествующей докладной записки от 20 декабря 1927 года, изложил развернутую программу и план модернизации РККА с учетом геостратегических целей и геополитического положения СССР. М.Тухачевский, в частности, считал, что «необходимо совершенно по-новому подойти к задаче развития и реконструкции РККА. Поправками или надбавками в тех или иных участках строительства армии ограничиться невозможно. Необходимо подойти к структуре РККА реконструктивно, в полном соответствии с хозяйственными успехами»[1570]. В докладной записке М.Тухачевский делал определенные выводы, прогнозы, намечал концепции оперативно-стратегического характера, в ко-

[1570] РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 17-19.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

торых ясно просматривались новые, нигде дотоле не очерченные аспекты будущей «войны моторов»[1571].

М.Тухачевский считал необходимым к концу пятилетки иметь Красную Армию в составе 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий артиллерии большой мощности и минометов, а также обеспечить войска к указанному времени 40 тыс. самолетов и 50 тыс. танков[1572]. Однако существо концепции модернизации М.Тухачевского заключалась, как он предлагал, в необходимости «ассимиляции производства, которая должна представлять из себя двусторонний процесс: военные производственные мощности, частично занимающиеся выпуском мирной продукции, и гражданские производства, которые путем дополнительных затрат приспосабливаются к быстрому переходу на военные рельсы»[1573]. М.Тухачевский считал, что «мобилизация промышленности, во-первых, в эти короткие сроки начнет выпускать во много раз больше военной продукции, чем в прошлую войну. Способность страны к быстрой мобилизации своих промышленно-экономических ресурсов является одним из крупнейших показателей ее военной мощи»[1574].

Однако его программа была воспринята высшей политической и военной властью как «сверхрадикальная».

...5 марта 1930 г. К.Ворошилов писал И.Сталину: «...Направляю для ознакомления копию письма Тухачевского и справку штаба по этому поводу. Тухачевский хочет быть оригинальным и радикальным. Плохо, что в КА есть порода людей, которая этот радикализм принимает за чистую монету. Очень прошу прочесть оба документа и сказать свое мнение»[1575]. И.Сталин, судя по весь-

---

[1571] «...На основе учета всех новейших факторов техники и возможностей массового военно-технического производства, а также сдвигов, происшедших в деревне, количественного роста различных родов войск, - по мнению М.Тухачевского, - появятся новые пропорции, новые структурные изменения....

Реконструированная армия вызовет новые формы оперативного искусства.... Увеличение количества танков и авиации позволяет завязать генеральное сражение одновременно ударом 150 стрелковых дивизий на фронте в 450 км и в глубину на 100-200 км, что может повлечь полное уничтожение армии противника. – Там же, л. 18-20.

Это углубленное сражение может быть достигнуто высадкой массовых десантов в тыловой полосе противника путем применения танково-десантных прорывных отрядов и авиадесантов». – РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 170. Л. 18-20.

[1572] Там же, Л. 19.

[1573] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1107. Л. 62.

[1574] Там же.

[1575] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 78.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ма быстрой реакции, проявил большой интерес к сообщению К.Ворошилова и отнесся к предложениям М.Тухачевского резко отрицательно. Уже 23 марта 1930 г. в ответном письме К.Ворошилову он сообщал: «...Я думаю, что «план» т.Тухачевского является результатом увлечения «левой» фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем «игрой в цифири», а марксистская перспектива роста Красной Армии – фантастикой. «Осуществить» такой «план» – значит наверняка загубить и хозяйство страны и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции...»[1576].

Опираясь на оценку И.Сталина, нарком сразу же сообщил о ней М.Тухачевскому. «Она не очень лестна, - писал К.Ворошилов, - ...но, по моему глубокому убеждению, совершенно Вами заслужена. Я полностью присоединяюсь к мнению т. Сталина, что принятие и выполнение Вашей программы было бы хуже всякой контрреволюции, потому что оно неминуемо повело бы к полной ликвидации социалистического строительства и к замене его какой-то своеобразной и, во всяком случае, враждебной пролетариату системой «красного милитаризма»[1577].

Письмо И.Сталина по поводу предложений М.Тухачевского, вместе с нижеприведенными «квалификациями» К.Ворошилова, было оглашено на расширенном Пленуме РВС СССР 13 апреля 1930 года.

Возмущенный фальсификацией своих предложений в интерпретации Штаба РККА, М.Тухачевский 19 июня 1930 г. отправил письмо лично И.Сталину. «...Я не собираюсь подозревать т. Шапошникова в каких-либо личных интригах, но должен заявить, что Вы были введены в заблуждение, что мои расчеты от Вас были скрыты, а под ширмой моих предложений Вам были представлены ложные, нелепые, сумасшедшие цифры»[1578], - писал М.Тухачевский.

[1576] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 58. И.В.Сталин – К.Е. Ворошилову, 23 марта 1930 г. Документ опубликован: Исторический архив. – 1998. - № 5-6. - С. 147-152; Советское руководство. Переписка 1928-1941. - М., 1999. - С. 113.

[1577] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 79.

[1578] РГВА. П.Б. ЦК ВКП (б) т. Сталину, копия т.Ворошилову. М.Тухачевский, Ленинград, 19 июня 1930 г. Документ опубликован в сборнике документов: РГВА. Отдел научного использования документов архивного фонда России. Маршал М.Н.Тухачевский (1893-1937). (Комплект документов из фондов РГВА). Составитель: П.А.Аптекарь, И.В.Успенский. Под редакцией к.и.н. Н.Е.Елисеевой. Ксерокопия. - М., 1994. - Л.1(88).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Опровергая «шапошниковскую» интерпретацию своей докладной записки, М.Тухачевский утверждал, что имел в виду отмобилизованную для ведения войны армию с учетом потерь и потенциальных резервов мобилизационных возможностей военной и гражданской промышленности. «По моим расчетам, - пояснял М.Тухачевский, - для организации нового типа глубокого сражения необходимо по мобилизации развернуть 8-12 тысяч танков, о чем я заявлял на РВС еще не зная Вашего письма....[1579] Необходимо иметь в виду, что в танковом вопросе у нас до сего времени подходят очень консервативно к конструкции танка, требуя, чтобы все танки были специально военного образца.... Танки, идущие обычно во 2-м и 3-м эшелонах, могут быть несколько меньшей быстроходности и большего габарита.... А это значит, что такой танк может являться бронированным трактором...»[1580]. В этом же направлении рассуждал М.Тухачевский и об авиации.

Он отмечал далее, что «Штаб РККА указывает на необходимость постройки многих крупнейших заводов, что я считаю совершенно неправильным. Военное производство может в основном базироваться на гражданской промышленности.... Я исхожу из стремления минимальных затрат в мирное время, - продолжал М.Тухачевский, - путем изыскания способов приспособления мирной продукции и органов хозяйственно-культурного строительства для целей войны»[1581].

Таким образом, в принципиальных вопросах развития военно-промышленного комплекса и технической модернизации вооруженных сил, М.Тухачевский остро полемизировал с начальником Штаба РККА Б.Шапошниковым и начальником вооружений РККА И.Уборевичем. М.Тухачевский, по существу, ставил вопрос о кардинальной перестройке прин-

---

[1579] Если верить извинениям И.Сталина перед М.Тухачевским за критику его концепции и программы модернизации РККА, изложенным Генсеком в письме к М.Тухачевскому от 7 мая 1932 г., то существо неприятия предложений будущего маршала сводилось к вопросу о численности армии. М.Тухачевский, фактически, предлагал увеличение армии до 8 млн. человек. Штаб РККА представил это как 11 млн. человек. И.Сталин извинялся перед М.Тухачевским за резкость и необоснованность своей критики и соглашался на увеличение армии до 6 млн. человек. – РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 56-57. И.В.Сталин- М.Н.Тухачевскому 7 мая 1932 г. Опубликовано: Исторический архив. – 1998. - № 5-6. - С. 147-152; Советское руководство. Переписка. 1928-1941. - М., 1999. - С.169-170.

[1580] РГВА. Маршал М.Н.Тухачевский. Комплект документов.... - Л. 6-8 (90-91).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ципиальных основ советского ВПК, о новых принципах структурирования ВПК. Однако возникшая полемика содержала для М.Тухачевского не только аспекты профессионального характера: принципы и пути технического модернизации РККА, оборонной системы СССР, кардинальной реконструкции основ ВПК. Весьма опасными представлялись аспекты политического порядка. И.Сталин и К.Ворошилов квалифицировали «программу Тухачевского» как план, намерения, цели, «хуже всякой контрреволюции», и, по существу, обвиняли М.Тухачевского в стремлении заменить социализм «системой красного милитаризма». Понятие «красный милитаризм» в контексте фразеологии и идеологии тех лет являлось смысловым синонимом понятия «революционная война», из которой, как в свое время выразился Л.Троцкий, «вырос бонапартизм». Следовательно, И.Сталин и К.Ворошилов усмотрели в «программе Тухачевского» программу «бонапартизации» СССР. Таким образом, полемика по проблеме технической модернизации Красной Армии совершено определенно смещалась из военно-профессиональной и военно-технической, в случае с М.Тухачевским, в сферу острой политической борьбы.

Скептически расценивавший экономический, в частности военно-промышленный, потенциал, а следовательно, и перспективы технической модернизации Красной Армии в виду угрозы войны, А.Свечин, почти одновременно с М.Тухачевским, предлагал свой вариант решения оборонной проблемы. В марте 1930 г. он разработал свой оперативно-стратегический «план войны». А.Свечин предлагал исходить, в случае войны СССР на западе, из концепции «стратегии измора». Это значило, что нужно было готовиться к затяжной коалиционной войне; создавать новые военно-промышленные комплексы за Волгой и на Урале; главную стратегическую группировку войск размещать не на западном, а на южном направлении против более слабого противника. Это может гарантировать победу и позволит ударить во фланг и в тыл основного врага[1582]. Такого рода стратегические соображения, как ранее отмечалось, и послужили основой острой, политизированной полемики между А.Свечиным и

[1581] РГВА. Маршал М.Н.Тухачевский. Комплект документов.... - Л. 10 (92).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевским в 1929-1931 гг. Этот «свечинский план» вызвал и возражения Б.Шапошникова, которому он был передан для рассмотрения.

Проблема модернизации Красной Армии, вышедшая на уровень межперсонального конфликта четырех видных представителей военной элиты – М.Тухачевского, И.Уборевича, Б.Шапошникова и А.Свечина – обозначила в их лице острое противостояние трех групп высшего комсостава и военной элиты: «бонапартистов» М.Тухачевского (сторонников «революционной войны), представителей «германской школы» И.Уборевича («новой школы») и военспецов-генштабистов («старой школы») в лице Б.Шапошникова и А.Свечина.

...Общий социальный кризис, охвативший СССР с 1927 г. и, особенно в 1929-1931 гг., усугубленный коллективизацией, обострил во властных структурах опасение за лояльность определенных социальных слоев. Особую опасность, согласно выводам ОГПУ, представляли не только широкие слои крестьянства, из которых комплектовался так называемый «переменный состав» РККА, но, особенно, - бывшие кадровые офицеры, служившие в Красной Армии, а также «обиженные» представители военной элиты.

Так называемая операция «Весна», проведенная ОГПУ в начале 1930 года, в результате которой было арестовано св.3 тыс. бывших военспецов, была своеобразным ответом на социальную ситуацию и логическим завершением агентурного дела «Генштабисты». В 1930-1931 гг. репрессиям, выразившемся в арестах, заключении на более или менее длительный срок в тюрьмы и концлагеря, в расстрелах, подверглись многие достаточно известные, весьма авторитетные в годы гражданской войны и в 20-е годы «военспецы-генштабисты». В их числе были А.Снесарев, А.Свечин, В.Ольдерогге, П.Сытин, Ф.Новицкий, А.Верховский, Н.Раттель, Н.Соллогуб, А.Малевский, А.Балтийский, Г.Потапов, Д.Зуев, Ю.Гравицкий, Н.Морозов, А.Гутор, А.Базаревский.

Уже в конце 1929 г. политическая настороженность стала проявляться и в отношении М.Тухачевского. Это, несомненно, было связано и с особой позицией, или точнее, оппозицией М.Тухачевского выраженной им осенью этого года

[1582] Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. - С. 633.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

по перспективам военного строительства. От главного «поставщика» информации «по Тухачевскому» секретного агента Зайончковской потребовали сводную «справку», которая была ею представлена в декабре 1929 г.[1583]

Смутность ситуации позволяла И.Сталину предполагать одним из наиболее вероятных руководителей военного переворота (по заданию «правых») наиболее популярного и оппозиционного в армии, наиболее «обиженного» И.Сталиным и К.Ворошиловым командующего ЛВО М.Тухачевского. И.Сталина должны были настораживать весьма решительные и резкие строчки письма М.Тухачевского от 19 июня 1930 г., адресованные ему, И.Сталину. И.Сталин понимал, что обладавший холодным умом, осторожный М.Тухачевский позволил себе продемонстрировать «эмоции» и решительность своих позиций, противопоставив их «сталинским», вероятно, имея за собой достаточно солидную военную и, наверное, политическую поддержку.

…Арестованный особым отделом ОГПУ 18 августа 1930 г. Н.Какурин, на допросе 26 августа 1930 г. о причастности М.Тухачевского и «его группы», так называемых «бонапартистов», к политической борьбе, развернувшейся в это время в высших эшелонах власти, показал следующее: «В момент и после 16 съезда было уточнено решение сидеть и выжидать, организуясь в кадрах в течение времени наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК. Но тогда же Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции, как цели развязывания правого уклона и перехода на новую высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон. В дни 7-8 июля у Тухачевского последовали встречи и беседы вышеупомянутых лиц и сделаны были последние решающие установки, то есть ждать, организуясь»[1584].

М.Тухачевский, в общем, подтверждал вышецитированные свидетельства Н.Какурина. Он говорил о том, что осуществлял до 16-го съезда ВКП (б)[1585] «прощупывание командно-политических кадров». Однако, что касается их «подпольной организации», то он «ничего конкретного предпринять не успел,

---

[1583] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 109.
[1584] Там же, с. 103.
[1585] Проходил с 26 июня до 13 июля 1930 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

так как осенью 1930 г. Какурин выдвинул против меня обвинение в организации военного заговора, и это обстоятельство настолько меня встревожило, что я временно прекратил всякую работу и избегал поддерживать установившиеся связи»[1586].

Итак, в ответ на прямое «обвинение в организации заговора» М.Тухачевский и в 1937 г. объяснял, что ничего, кроме рассуждений и предположений в связи с внутрипартийной борьбой 1929-1930 гг. во время «застольных» разговоров не было. Эта информация свидетельствовала лишь о том, что во время работы 16-го съезда партии и сразу же после него (после 13 июля), во время «наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК», М.Тухачевский предлагал «сидеть и выжидать, организуясь в кадрах». Кроме того, он обсуждал со своими друзьями «вопрос о политической акции». Имелось в виду установление «военной диктатуры», санкционированной «правым уклоном» в партии. Иными словами, «правые» в партии привлекают военных во главе с М.Тухачевским для установления «военного положения» на случай «безвластия» и неспособности властных структур справиться с ситуацией анархии.

Последние решения были приняты «в дни 7-8 июля», когда «у Тухачевского последовали встречи и беседы» с приятелями «и сделаны были последние решающие установки». Впрочем, суть этих «решающих (!) установок» заключалась по-прежнему в том, чтобы «ждать, организуясь» [1587].

[1586] «В 1928 и 1929 гг., - показывал М.Тухачевский, - я много работал над боевой подготовкой округа и, изучая проблемы пятилетнего плана, пришел к выводу, что в случае осуществления этого плана характер Красной Армии должен резко измениться. Я написал записку о реконструкции РККА, где доказывал необходимость развития металлургии, автотракторостроения и общего машиностроения для подготовки ко времени войны реконструированной армии в составе 260-ти дивизий, до 50000 танков и до 40000 самолетов. Резкая критика, которой подверглась моя записка со стороны армейского руководства, меня крайне возмутила, и потому, когда на 16 партийном съезде Енукидзе имел со мной второй разговор, я весьма охотно принимал его установки. Енукидзе, подозвав меня во время перерыва, говорил о том, что правые, хотя и побеждены, но не сложили оружия, перенося свою деятельность в подполье. Поэтому, говорил Енукидзе, надо и мне законспирированно перейти от прощупывания командно-политических кадров к их подпольной организации на платформе борьбы с генеральной линией партии за установки правых. Енукидзе сказал, что он связан с руководящей верхушкой правых и что я буду от него получать дальнейшие директивы. Я принял эту установку, однако ничего конкретного предпринять не успел, т.к. осенью 1930 г. Какурин выдвинул против меня обвинение в организации военного заговора, и это обстоятельство настолько меня встревожило, что я временно прекратил всякую работу и избегал поддерживать установившиеся связи». - Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. //Кровавый маршал Михаил Тухачевский. 1893-1937. - С. 85-86.

[1587] «В 1928 и 1929 гг., - показывал М.Тухачевский 1 июня 1937 г., - я много работал над боевой подготовкой округа и, изучая проблемы пятилетнего плана, пришел к выводу, что в случае осуществления этого плана характер Красной Армии должен резко измениться. Я написал записку о реконструкции РККА, где доказывал необходимость развития металлургии, автотракторостроения и общего машиностроения для подготовки ко

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Видимо, после завершения работы съезда, т.е. после 13 июля, более ничего не произошло. Возможно, новая информация от сексота уже не поступала. Это настораживало, пугало и ОГПУ решилось прибегнуть к аресту Н.Какурина и И.Троицкого, близких «конфидентов» М.Тухачевского. Но они, судя по всему, ничего нового не сообщили. Скорее всего, ничего нового и не происходило.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: привлечение М.Тухачевского в качестве временного «военного диктатора» в руководстве «правого уклона» в период работы 16 съезда ВКП (б), видимо, все-таки обсуждался. Возможно, также, что по этому поводу велись какие-то переговоры и с самим М.Тухачевским. Однако никаких решений на этот счет не принималось, равно как не было и никаких такого рода инициатив со стороны М.Тухачевского. Его лишь просили, на всякий случай, «ждать» и «организовывать» преданных ему людей.

...Слухи о возможном «дворцовом перевороте» дошедшие до И.Сталина стали, мне думается, по крайней мере, одной из причин, побудившей И.Сталина, Г.Орджоникидзе и К.Ворошилова уехать из Москвы. И.Сталин отправился почти на трехмесячный отпуск с 20 июля до 14 октября 1930 г., а - почти на двухмесячные отпуска Г.Орджоникидзе и К.Ворошилова с 15 июля и до середины сентября 1930 г. Это чем-то напоминало «бегство» из столицы. Бегство «на всякий случай», из страха перед возможным «дворцовым» или «военным переворотом». В связи с возникшими опасениями государственного переворота и были проведены ряд мероприятий по укреплению власти.

Еще 2 июня 1930 г. на должность заместителей Председателя РВС СССР и Наркомвоенмора, вместо отставленного И.Уншлихта, были назначены

времени войны реконструированной армии в составе 260-ти дивизий, до 50000 танков и до 40000 самолетов. Резкая критика, которой подверглась моя записка со стороны армейского руководства, меня крайне возмутила, и потому, когда на 16 партийном съезде Енукидзе имел со мной второй разговор, я весьма охотно принимал его установки. Енукидзе, подозвав меня во время перерыва, говорил о том, что правые, хотя и побеждены, но не сложили оружия, перенося свою деятельность в подполье. Поэтому, говорил Енукидзе, надо и мне законспирированно перейти от прощупывания командно-политических кадров к их подпольной организации на платформе борьбы с генеральной линией партии за установки правых. Енукидзе сказал, что он связан с руководящей верхушкой правых и что я буду от него получать дальнейшие директивы. Я принял эту установку, однако ничего конкретного предпринять не успел, т.к. осенью 1930 г. Какурин выдвинул против меня обвинение в организации военного заговора, и это обстоятельство настолько меня встревожило, что я временно прекратил всякую

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

И.Уборевич (начальник вооружений РККА) и Я.Гамарник (начальник ПУР-ККА), в состав РВС СССР был введен командующий УВО И.Якир. Все они пользовались полнейшим доверием И.Сталина[1588]. Это были меры по укреплению его позиций в Красной Армии перед 16-м съездом партии.

Следующая серия мер еще более определенного назначения была принята вскоре после окончания партийного съезда.

20 июля 1930 г. Л.Каганович был назначен секретарем Московского Обкома ВКП (б), а 21 июля – членом РВС МВО. 1 августа 1930 г. и.о. Председателя РВС СССР и наркома был официально назначен и вступил в должность И.Уборевич[1589]. 28 июля 1930 г. Г.Векличев был назначен членом РВС и начальником ПУ МВО, а бывший начальник Политотдела спецвойск г. Москвы А.Ярцев был назначен помощником начальника ПУ МВО. Все указанные назначения (кроме Л.Кагановича) официально вступали в силу с 1 августа 1930 г. В силу сложившейся политической ситуации особую роль начал играть И.Уборевич.

Избранный на 16 съезде ВКП (б) кандидатом в члены ЦК ВКП (б), начиная с 5 августа по 5 октября 1930 г. И.Уборевич постоянно присутствует на заседаниях Политбюро ЦК. Усиление его роли вызывало глухой ропот и опасения в средних и высших слоях партийной элиты. «...Тов. Ворошилов отшит от работы, его заменили Уборевичем, человеком беспринципным, дьявольски самолюбивым, явным термидорианцем», - рассуждали в кулуарах партийного аппарата[1590]. – Т. Ворошилов по сути дела в Наркомвоене не работает – всеми военными делами занимается главным обраом тов. Уборевич, который, как известно, при выборах в ЦК получил несколько сот голосов против. Это в случае

работу и избегал поддерживать установившиеся связи». - Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года. //Кровавый маршал Михаил Тухачевский. - С. 85-86.

[1588] Телеграмма К.Е.Ворошилова – И.В.Сталину от 16.9.1929 г.; Телеграмма И.В.Сталина – К.Е.Ворошилову. // «Источник». – 1994. - № 6. - С. 89.

[1589] Фактически назначение его состоялось, очевидно, тоже 20 или 21 июля, до отъезда К.Ворошилова из Москвы.

[1590] Из сообщения Б.Резникова в ЦК ВКП (б) о совещании группы С.И.Сырцова 22 октября 1930 г. – Документ опубликован в кн.: Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. - М., 1995. - С. 97.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

интервенции представляет особую опасность в смысле возможности проявления бонапартизма»[1591].

Итак, в партийных кругах И.Уборевича не любили, ему не доверяли, его боялись, считая потенциальным «Бонапартом». Но именно эта нелюбовь и недоверие усиливали его зависимость от И.Сталина. И.Уборевич был его «креатурой», «его человеком», «его шпагой», управляемым им «генералом».

Таким образом, 1 августа 1930 г. мероприятия по предотвращению возможного государственного переворота были проведены. Позиции И.Сталина и его сторонников укреплены на уровне политической власти (Л.Каганович), высшей военной власти (И.Уборевич) и Московского военного округа (Г.Векличев и А.Ярцев). Теперь можно было приступить к выявлению «неблагонадежных» и политически «подозрительных». Теперь можно было арестовать Н.Какурина и И.Троицкого. а затем и М.Тухачевского.

…8 октября 1930 года приказом РВС СССР № 779 членом Реввоенсовета Ленинградского военного округа назначается секретарь Ленинградского обкома ВКП (б) С.М.Киров. Этот приказ фактически ставил командующего округом М.Тухачевского под контроль С.Кирова, как высшего партийного руководителя в области и члена Политбюро ЦК. В октябре же 1930 года поднялась новая волна «разоблачений» и дискредитации оперативно-стратегического авторитета М.Тухачевского. Высказывания В.Меликова, без каких-либо ограничений в определениях и сравнениях, резких и оскорбительных в отношении М.Тухачевского появились в октябрьском номере за 1930 г. журнала «Война и революция». В статье «Сражение на Висле в свете опыта майско-августовской кампании 1920 г.» автор всю полноту вины за поражение под Варшавой в августе 1920 г. «сваливает» лишь на М.Тухачевского и С.Каменева.

Не исключено, что в качестве вспомогательного средства по «делу Тухачевского» было раскручено, так называемое «семеновское дело» в октябре 1930 г. 25 октября 1930 года в Ленинграде[1592] были арестованы 22 бывших офицера

[1591] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. - С. 99.
[1592] Следует помнить, что М.Тухачевский был в то время командующим Ленинградским военным округом.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

л-г.Семеновского полка, однополчан М.Тухачевского[1593]. Члены семей некоторых из арестованных обращались за помощью к М.Тухачевскому, но они не знали, что он сам в это время оказался под угрозой ареста. Мне неизвестно, насколько «семеновское дело» во время следствия соприкасалось с «делом Тухачевского» и соприкасалось ли. Однако сам факт раскручивания этого дела именно в данный период времени и именно в Ленинграде, учитывая, что среди арестованных были не только сослуживцы, но и когда-то близкие к М.Тухачевскому люди[1594], не мог быть случайным[1595].

[1593] Генерал-майор Я.Я.Сиверс; полковники П.Н.Брок, Л.В.Дренякин, Н.А.Кавтарадзе, А.М.Поливанов, Д.А.Шелехов; капитаны Д.В.Комаров, В.В.Шрамченко; штабс-капитаны Г.И.Гильшер, Н.В.Томашевский; подпоручики Б.Я.Розе, Г.К.Столица; прапорщики Е.И.Кудрявцев, П.П.Куликов, Ф.А.Максимов, Я.С.Полосин, М.Р.Радкевич, А.Е.Родионов, К.П.Смирнов, А.Ф.Тимофеев, Н.В.Фольборт, В.В.Христофоров. – Поливанов А. Пока не потеряно знамя. //Родина. – 1999. - № 1. - С. 46; Поливанов А.И. Воители из рода Поливановых. //Военно-исторический журнал. – 1994. - № 2. - С. 58.

Не исключено, что арестованных «семеновцев» было больше. Возможно, аресту подверглись также бывшие офицеры л-г-Семеновского полка: генерал-майор М.Н.Васильев, полковник А.А.Веселаго, полковник Г.А.Давыдов, Генштаба подполковник П.И.Ермолин, капитан А.А.Типольт, подпоручик М.Э.Мейендорф. Все эти офицеры-семеновцы служили в Красной Армии. В числе арестованных были бывший командир 7-й роты л-г.Семеновского полка летом-осенью 1914 г. П.Брок, непосредственный ротный начальник тогдашнего подпоручика М.Тухачевского; Д.Комаров, в 1914 году поручик, приятель М.Тухачевского и сослуживец по 7-й роте. Все вышеперечивленные прапорщики служили вместе с М.Тухачевским в октябре-декабре 1917 г. в запасном батальоне гв. Семеновского полка. Напомню, что из бывших офицеров-семеновцев близким соратником М.Тухачевского в 1919-1922 гг. был подполковник П.Ермолин. В составе 27-й стрелковой дивизии в 1922-25 гг. служил на Западном фронте М.Мейендорф. Близким другом в период службы в полку у М.Тухачевского был капитан А.Типольт.

[1594] Например, полковник П.Брок, капитан Д.Комаров. По этому делу можно было привлечь П.Ермолина, А.Типольта, М.Мейендорфа. Они служили рядом с М.Тухачевским уже в Красной Армии, в его штабе или в войсках. М.Мейендорф, в частности, в июле 1929 г. завершивший учебу в высшей офицерской школе «Выстрел» и, казалось бы, подготовленный к дальнейшей строевой службе и карьере, 15 октября 1930 года переводится на преподавательскую работу (он не был офицером Генерального штаба и не имел ни склонности, ни навыков к такого рода деятельности). При этом он переводился преподавателем не в военное училище и не в Военную Академию РККА, а в Военно-политическую Академию, которая, как известно, находилась в Ленинграде. Мне представляется очевидной связь этого поворота в его карьере с «семеновским делом». Дальнейшая судьба М.Мейендорфа мне неизвестна. В 30-е годы его фамилия среди личного состава РККА не встречается. Нет его и среди репрессированных военных в 1936-1938 гг. Не исключено, что он был уволен из РККА, возможно, уже в 1931 г. и вскоре репрессирован. Во всяком случае, последняя запись о его службе в РККА в послужном списке датируется 15 октября 1930 г. Следует отметить, что последняя запись в послужном списке П.Ермолина также относится к 1930 г. И, хотя арестованный 22 июля 1937 г. П.Ермолин был в должности начальника кафедры Военной Академии им. М.В.Фрунзе, не исключено, что он подвергался аресту и в 1930 г. в связи с «семеновским делом».

[1595] Мне представляется, что с «делом Тухачевского» могло быть связано и еще одно событие: 19 октября 1930 года умер И.Захаров, заместитель начальника Учебно-строевого управления ГУРККА, человек в период гражданской войны очень близкий к М.Тухачевскому.

Была ли его смерть естественной именно в это время, хотя она таковой могла быть из-за давней хронической болезни И.Захарова?

И.Захаров был болен туберкулезом уже в 1918 г. Однако болезнь была стабилизирована и блокирована постоянными сеансами лечения. Смерть И.Захарова в «критический» для М.Тухачевского период (октябрь 1930 г.) вполне могла быть следствием резкого обострения болезни, вызванным серьезным нарушением жизненного режима и режима лечения. Это мог быть и арест, заключение в следственный изолятор и просто стрессовое состояние.

Возможно, что аресту подвергся еще один давний соратник М.Тухачевского комендант Карельского УР А.Кук. Прямых указаний на его арест в моем распоряжении нет. Однако 16 марта 1930 г. он смещается с долж-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Н.Кузьмин, старый приятель М.Тухачевского, с которым у него к 1930 году личные отношения приобрели весьма сложный характер, в своих показаниях 1937 года (уже после расстрела маршала) вносит достаточно примечательные штрихи к характеристике политического поведения М.Тухачевского осенью 1930 г. Возвратившийся в октябре 1930 года из Парижа, Н.Кузьмин 1 ноября 1930 года был в Ленинграде на квартире М.Тухачевского и обедал у него. «Эту дату, - вспоминал подследственный, - я помню хорошо, потому что это день рождения моей дочери, жившей с моей прежней женой у Тухачевского. Тухачевский женат на моей бывшей жене и очень внимательно относился к моей дочери. Поэтому товарищеские отношения с ними после ухода моей жены не испортились. Беседуя с ним, я информировал его о встречах с Суварином в Париже. Я прямо сказал ему, что Суварин в беседах со мной просил передать ему привет от Троцкого и его личный, что он проинформирован о том, что группа наиболее талантливых военных во главе с ним находится в опале, что пора перейти к активной борьбе, что провал сталинской политики ведет страну к гибели, что кризис переживает не только партия в СССР, но и компартии за границей. Тухачевский на это мне ответил, что те методы и формы борьбы, которые применяли троцкисты, ничего реального, кроме разгона по тюрьмам, дать не могут»[1596].

ности и направляется «в распоряжение РВС СССР и НКВМ». В этом состоянии он оставался до 1 февраля 1931 г.

Иными словами, его смещение не было связано с назначением на новую должность, а ведь это был высший офицер РККА, весьма дельный и полезный для службы, чтобы оставаться без определенной должности до марта 1931 г.

Такого рода формулировки в послужном списке – «в распоряжение РВС СССР и НКВМ» - для данного периода времени, весьма часто, означали арест.

Примечательны в этом же смысле записи в послужном списке одного из завсегдатаев «группы Тухачевского», близкого и давнего друга Н.Какурина, коменданта Полоцкого УР Ф.Кауфельдта. 1 февраля 1931 г. он неожиданно переводится в распоряжение ГУРККА. Поскольку такие записи в послужном списке делались на основе официальных приказов (а они часто, а в случае ареста, как правило, издавались задним числом), то фактическое отстранение Ф.Кауфельдта от должности, возможно, имело место раньше, в январе 1931 г, или даже в декабре 1930 г.

Я полагаю, что он тоже был арестован после декабрьских показаний Н.Какурина. И как в случае с С.Пугачевым и А.Куком, Ф.Кауфельдт также был освобожден из-под ареста 1 марта 1931 г. и назначен преподавателем Военно-технической Академии. (Следует обратить внимание: со строевой должности переведен на преподавательскую, не будучи для этого специально подготовленным и имея всего 37 лет от роду).

[1596] Цитируется по: Бобренев В. Большевик Николай Кузьмин. //Расправа. Прокурорские судьбы. Возвращение к правде. - М., 1990. – Выпуск 4. - С. 137.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Возможно, что приведенные выше показания Н.Кузьмина являются свидетельством провокационных действий со стороны ОГПУ[1597]. Содержание его показаний о посещении М.Тухачевского обнаруживает явно провокационные мотивы: якобы приветы от Л.Троцкого, почти открытые призывы к выступлению против власти, и пр.

В то же время следствие по «делу Какурина» продолжалось. Продолжались допросы, применялись все более жесткие методы дознания для получения «нужных показаний» по «заговору Тухачевского» [1598]. В дополнение к своим прежним показаниям Н.Какурин сообщал: «... Михаил Николаевич говорил, что... можно рассчитывать на дальнейшее обострение внутрипартийной борьбы. Я не исключаю возможности, сказал он, в качестве одной из перспектив, что в пылу и ожесточении этой борьбы страсти и политические и личные разгораются настолько, что будут забыты и перейдены все рамки и границы. Возможна и такая перспектива, что рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина...»[1599]. Комментируя эту информацию, Н.Какурин высказывал догадки и предположения: «У Михаила Николаевича, возможно, есть какие-то связи с Углановым и возможно с целым рядом других партийных или околопартийных лиц, которые рассматривают Тухачевского, как возможного военного вождя на случай борьбы с анархией и агрессией. Сейчас, когда я имел время глубоко продумать все случившееся, я не исключу и того, что, говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности»[1600]. Это уже было обвинение

[1597] Известно, что Н.Кузьмин вообще сыграл в 1929-1930 гг. в Париже, будучи советским консулом, весьма подозрительную, кажется, провокационную роль в «деле генерала А.Кутепова».

[1598] ...В своем письме к жене из Ярославского политизолятора 16 апреля 1933 г. Н.Какурин, в частности, сообщая о своем здоровье, мимоходом, но со значением писал: «Дело в том, что мой протез верхней челюсти разлетелся у меня во рту вдребезги еще в конце 30 г. Остался у меня в верхней челюсти всего единственный зуб...». – Опубликовано А.П.Ненароковым в приложении к изданию: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. - М., 1990. -т. 2. - С. 401-402.

Так Н.Какурин в завуалированной форме мог сообщить близкому человеку, что в конце 1930 г. на допросе его избивали, вынуждая дать такие показания, которые оказались бы достаточно веским основанием для ареста М.Тухачевского. И он вынужден был дать их.

[1599] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 104.

[1600] Там же, с. 104. Известно, что А.Енукидзе был связан узами личной дружбы с М.Томским. Они были к тому же соседями по квартирам в Кремле. Возможно, именно от А.Енукидзе узнал М.Тухачевский о стычке между

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

М.Тухачевского в «террористических замыслах» против партийного руководства. «... Я дал показания о Тухачевском и его окружении и подтвердил их на очной ставке с Тухачевским в присутствии тт. Сталина, Ворошилова, Орджоникидзе и др. членов Политбюро...», - вспоминая обстоятельства своего ареста и следствия в 1930 г., писал И.Троицкий, когда был вторично арестован в 1937-м[1601].

В «Справке по проверке обвинений... 1961 г.» записано: «Сталин совместно с Орджоникидзе и Ворошиловым решили проверить показания Какурина и Троицкого в отношении Тухачевского. В этих целях Какурину и Троицкому была дана с Тухачевским очная ставка, на которой они подтвердили свои показания»[1602]. Однако, если судить по показаниям М.Тухачевского 1937 г., он не признал себя виновным в «организации заговора», но лишь в «застольных» групповых обсуждениях сложившейся политической ситуации. В связи с этими обстоятельствами «опрошены были также видные военные деятели Гамарник, Якир и Дубовой...»[1603].

«Мы обратились к тт. Дубовому, Якиру и Гамарнику, - подтвердили факт очной ставки И.Сталин и К.Ворошилов. - Правильно ли, что надо было арестовать Тухачевского как врага. Все трое сказали нет, это должно быть какое-нибудь недоразумение, неправильно...[1604]. Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть»[1605].

Судя по записям в журнале посетителей Генерального секретаря ЦК, И.Сталин встречался с И.Якиром, И.Дубовым и Г.Хаханьяном[1606] 1 января 1931

М.Томским и И.Сталиным еще в 1928 году, когда в пылу ссоры М.Томский пригрозил И.Сталину, что застрелит его.

[1601] Военные архивы России. - Выпуск № 1. - С. 105.

[1602] Там же. С. 104

[1603] Там же.

[1604] В этом месте К.Ворошилов прервал И.Сталина репликой: «Мы очную ставку сделали». И.Сталин подтвердил: «Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть. Теперь оказывается, что двое военных, показавших на Тухачевского, показывали правильно...». – Там же.

[1605] И.Сталин говорил это на заседании Высшего военного совета при Наркоме Обороны 2 июня 1937 г.- Там же.

[1606] В журнале записи посетителей в этот день не отмечен Я.Гамарник. В архивах не найдено записей бесед И.Сталина, Г.Орджоникидзе и К.Ворошилова с Я.Гамарником, И.Якиром и И.Дубовым. Вероятно, в воспоминания И.Сталина на заседании 1937 г. вкралась ошибка (возможно, преднамеренная). Возможно, опрашивали именно командование Украинским военным округом в лице И.Якира, И.Дубового и Г.Хаханьяна. Фамилию последнего в 1937 г. И.Сталин заменил на Я.Гамарника (так было логичнее для событий 1937 года). Впрочем, это обстоятельство не исключает разговор И.Сталина с Я.Гамарником на эту тему.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

года[1607]. Все трое составляли руководство Украинского военного округа, т.е. осуществляли военную власть на Украине. И.Якир был в это время командующим этим военным округом, И.Дубовой –помощником командующего, Г.Хаханьян – начальником Политуправления округа[1608]. Так что по «делу Какурина-Тухачевского» они были «опрошены» именно в этот день. В тот же день, 1 января 1931 г., И.Сталин совещается в Кремле с В.Менжинским, Е.Евдокимовым, В.Балицким, а также с В.Молотовым. Трое названных высших руководителя ОГПУ были прямо связны с делом генштабистов», операцией «Весна» и арестами сотрудников штаба УВО[1609].

За день до этого, 30 декабря 1930 г.[1610] М.Тухачевский написал И.Сталину весьма резкое по тону письмо с возмущением в адрес начальника

[1607] Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924-1953 гг. Алфавитный указатель. //Исторический архив. – 1998. - № 4. - С. 66, 182, 201.

[1608] И.Якир выехал в Москву вместе с И.Дубовым 29 или 30 декабря 1930 г.

Это объясняли информацией, полученной И.Якиром об аресте группы высших штабных офицеров Украинского военного округа, проведенном по распоряжению начальника ГПУ Украины В.Балицкого.

По свидетельству родственников И.Якира, он сам об этом им сказал и решил срочно, несмотря на грядущий праздник, выехать в Москву.

Действительно, к этому времени были арестованы начальник штаба Украинского военного округа С.Пугачев и начальник оперативного управления штаба округа В.Попов.

В.Попов был давним соратником И.Якира еще по его знаменитому рейду 45-й стрелковой дивизии в 1919 г. Помимо чисто человеческих, приятельских отношений, в контексте которых арест В.Попова не мог не взволновать И.Якира, арест этого, близкого к нему человека не без оснований мог восприниматься И.Якиром и как угроза ему самому. Этим обстоятельством, скорее всего, во многом предопределялась позиция И.Якира в «деле Тухачевского».

И.Дубовой был давним соратником и другом И.Якира и приятелем арестованного В.Попова. Эти факторы были достаточны для мотивировки позиции И.Дубового, поддержавшего своего командующего и друга. Г.Хаханьян, ветеран 27-й стрелковой дивизии, прошедший под командованием М.Тухачевского поход в Сибирь в 1919-м и поход на Польшу – в 1920-м. Во главе одной из бригад 27-й стрелковой дивизии Г.Хаханьян штурмовал Кронштадт в 1921-м, опять же под командованием М.Тухачевского. С 1922 до начала 1923 г. он, назначенный М.Тухачевским командиром своей 27-й стрелковой дивизии, вновь служил под командованием своего «старого» командующего на Западном фронте. Их отношения, если и нельзя было назвать дружескими, но – вполне близкими приятельскими. Позиция Г.Хаханьяна в пользу М.Тухачевского также была предопределена.

Однако известно, что В.Попов и С.Пугачев, а также ряд других сотрудников штаба Украинского военного округа были арестованы еще в июле 1930 г. Поэтому вряд ли можно считать, что И.Якир выехал в Москву сразу же после ареста сотрудников своего штаба. Скорее всего «срочность» выезда была обусловлена вызовом из Москвы, направленным И.Сталиным.

[1609] Весьма вероятно, что все вышеперечисленные посетители И.Сталина 1 января 1931 г. встречались у него вместе.

Возможно, это и было то совещание, на котором высокопоставленные руководители ОГПУ – председатель ОГПУ СССР В.Менжинский, начальник ГПУ Украины В.Балицкий и начальник Секретно-оперативного управления ОГПУ Е.Евдокимов - должны были обосновать перед командованием Украинского военного округа причины арестов в штабе округа и заодно указать на их связь с «делом Тухачевского» и «делом Промпартии». Н.Какурин и И.Троицкий были арестованы в связи с «делом Промпартии», а «дело» это «организовал» Е.Евдокимов, до 1929 г. полпред ОГПУ по Сверному Кавказу.

[1610] Именно в это время И.Якир, скорее всего, получил из Москвы вызов «срочно» туда выехать, поскольку 1 января 1931 г. он был уже на совещании у И.Сталина. Следовательно, из Киева он должен был выехать не позднее 30 декабря.

Однако требуется учесть также и свидетельства самого М.Тухачевского. Он утверждал, что «осенью 1930 г. Какурин выдвинул против меня обвинение в организации военного заговора».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Штаба РККА Б.Шапошникова, выражая тревогу по поводу ситуации, складывающейся вокруг собственной личности. В этом письме М.Тухачевский, в частности, писал: «...Формулировка Вашего письма, оглашенного тов. Ворошиловым на расширенном заседании РВС СССР, совершенно исключает для меня возможность вынесения на широкое обсуждение ряда вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности, например, я исключен как руководитель по стратегии из Военной Академии РККА, где вел этот предмет в течение шести лет. Между тем я, столь же решительно, как и раньше, утверждаю, что Штаб РККА беспринципно исказил предложения моей записки.... И вообще положение мое в этих вопросах стало крайне ложным...»[1611].

Итак, прежде всего, ясно, что «корень зла» для сложившегося вокруг него весьма тревожного политического положения, М.Тухачевский усматривал в своей «программе модернизации РККА. В письме, однако, ничем не проявлена информированность и обеспокоенность М.Тухачевского «показаниями Какурина и Троицкого». Похоже, что он к этому времени о них ничего не знал.

В «Журнале посещений И.Сталина в Кремле» указывается, что М.Тухачевский был у И.Сталина 9 января 1931 г. Скорее всего, именно 9 января и была проведена его очная ставка с арестованными друзьями.

Это не значит, что М.Тухачевский узнал об этом осенью 1930 г. Это значит, что ему стало известно о том, что Н.Какурин выдвинул это обвинение осенью, а информацию об этом сам М.Тухачевский мог получить и позже, в декабре, например, или даже в январе 1931 г.

Это обвинение со стороны Какурина появилось после 5 октября 1930 г. В его показаниях этого времени прямых обвинений М.Тухачевского в заговоре нет.

До 24 октября 1930 г. М.Тухачевский участвовал в работе Пленума РВС СССР по итогам боевой подготовки РККА за 1929-1930 г. В стенограмме выступлений участников Пленума, в том числе и М.Тухачевского нет ничего, чтобы указывало на их «анагажированность» «показаниями Какурина». К началу ноября М.Тухачевский уже вернулся в Ленинград, где Н.Кузьмин имел с ним ранее цитированный провокационный разговор 1 ноября 1930 г.

Вряд ли разговоры такого рода были бы нужны, если бы уже имелись необходимые показания Н.Какурина. К тому же в сообщении Н.Кузьмина была попытка связать М.Тухачевского с Л.Троцким, в то время как через Н.Какурина определялась связь с «Промпартией» и «правыми».

Надо полагать, что «осенние показания» Н.Какурина с обвинениями М.Тухачевского в «заговоре» были «выбиты» из него в ноябре 1930 г.

Выше приводились слова И.Сталина о том, что по «делу Тухачевского» он советовался также с Я.Гамарником.

В журнале посещений И.Сталина в Кремле имеется запись, что с Я.Гамарником он встречался в Кремле 23 ноября 1930 г., вместе с И.Уборевичем и Б.Шапошниковым. Тогда это были вышие руководители армии: два заместителя наркома и начальник Штаба РККА. Следующая встреча с Я.Гамарником имела место лишь в ноябре 1931 г.

Возможно, именно 23 ноября 1930 г. И.Сталин и вел разговор о «деле Тухачевского» с Я.Гамарником, а заодно с И.Уборевичем и Б.Шапошниковым.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

...Выше уже говорилось, что срочный выезд И.Якира и его помощников в Москву 29 или 30 декабря 1930 г. вместе с начальником ГПУ Украины В.Балицким был обусловлен арестом группы генштабистов и числа сотрудников штаба УВО. Среди них были начальник штаба УВО С.Пугачев и начальник оперативного отдела штаба округа В.Попов[1612]. Их арест явился следствием показаний ранее арестованного, бывшего помощника начальника штаба УВО С.Бежанова-Сакварелидзе, который к 1930 г. являлся преподавателем Военной Академии РККА[1613]. От С.Бежанова-Сакварелидзе «добились» показаний против С.Пугачева и Б.Шапошникова о том, что эти офицеры, как и А.Свечин, якобы, входили в состав «Московского контрреволюционного центра», образовавшегося к 1926 г. и возглавленного А.Снесаревым. Была сделана, таким образом, попытка «прощупать» связь (или «создать» ее) «антисоветской офицерской монархической организации» А.Снесарева-А.Свечина с М.Тухачевским через С.Пугачева и С.Бежанова-Сакварелидзе. Контакты же, которые не по воле А.Свечина состоялись у него с посланцем РОВСа в 1930 г., могли, таким образом, скомпрометировать всех вышеупомянутых «генералов», в том числе и М.Тухачевского.

Будучи с декабря 1928 г. начальником штаба Украинского военного округа, С.Пугачев в течение двух лет являлся одним из самых близких сотрудников И.Якира. Таким образом, его арест, как и арест В.Попова, как и арест С.Бежанова-Сакварелидзе, создавал и определенную угрозу командующему УВО. Тень подозрения неизбежно ложилась и на него, и он не мог оставаться спокойным в такой ситуации.

В феврале 1931 г. с должности начальника Штаба РККА был смещен Б.Шапошников и переведен на должность командующего Приволжским военным округом. Это было несомненное понижение и свидетельство «опалы». И хотя на очной ставке 13 марта 1931 г. арестованный С.Пугачев и не арестован-

---

[1611] Цитируется по фрагменту, опубликованному в предисловии Маршала Советского Союза С.Бирюзова «М.Н.Тухачевский» к изданию: Тухачевский М.Н. Избранные произведения. - М., 1964. - Т. 1. - С. 12.
[1612] Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. - М., 1965.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ный Б.Шапошников доказали ложность показаний С.Бежанова-Сакварелидзе (С.Пугачев тогда же был освобожден из-под ареста), их новые назначения[1614] вполне можно расценить как «почетные ссылки». ...Муссировали всевозможные слухи о конспиративных замыслах и других лидеров военной элиты, о попытках оппозиционных внутрипартийных группировок втянуть их в политическую борьбу.

Как свидетельствовал несколько лет спустя арестованный А.С.Попов – офицер для особых поручений при В.Блюхере, «в декабре 1930 или январе 1931 года на квартире у Блюхера собралась группа высшего и старшего комполитсостава, приехавших на совещание. Во время этой встречи я поинтересовался библиотекой своего начальника. Взял одну из книг и когда ее листал, то из нее выпало письмо. Я бегло прочел его содержание. Запомнилось: «В недалеком будущем Вам предстоит встать во главе всех вооруженных сил, как самому выдающемуся и авторитетнейшему командиру Красной Армии». Письмо было адресовано Василию Константиновичу и подписано «А.И.Рыков». Я понял, что речь идет о замыслах Рыкова и Блюхера. Тогда я обратился к присутствующему здесь заместителю начальника политуправления Скворцову, показал ему письмо и объяснил, где и при каких обстоятельствах его обнаружил. Скворцов тут же пригласил в отдельную комнату Блюхера и задал ему вопрос: «Что это за письмо?...». Блюхер ответил: «Провокационная афера. Я предупрежден особым отделом». На этом разговор был закончен. А письмо Блюхер забрал»[1615]. Скорее всего, как считают исследователи этого вопроса, это была провокация[1616]. Она напоминает выше приводившуюся информацию Н.Кузьмина о раз-

---

[1613] Поскольку в должности помощника начальника штаба УВО он оставался до конца 1925 года, свидетелем «контрреволюционной» деятельности С.Пугачева в штабе УВО он быть не мог, хотя у него могли «вытянуть» показания против начальника оперативного управления штаба УВО В.Попова.

[1614] Как отмечалось выше, Б.Шапошников был назначен командующим ПриВО, а С.Пугачев - начальником штаба Среднеазиатского военного округа. Несомненно, перемещение в Среднюю Азию после руководства штабом УВО, равно как и перемещение с должности начальника Штаба РККА на округ в Самару, было понижением и опалой. Примечательно, что и А.Кук также получает определенное назначение в марте 1931 г. А.Кук был назначен военным атташе в Японию. Такого рода назначения всегда расценивалось как наказание для высших офицеров, занимавших высокие командные должности в войсках. Хотя А.Кук имел большой опыт организатора военной разведки, но до этого он никак не соприкасался с дальневосточными проблемами. Впрочем, спустя год он умер от туберкулеза в Ялте.

[1615] Викторов Б.А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. - С. 246-247.

[1616] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

говоре с М.Тухачевским в ноябре 1930 г. Послденему, якобы от Б.Суварина и Л.Троцкого также задавался провокационный вопрос на предмет вооруженного сопротивления И.Сталину. Однако эта «провокация» с В.Блюхером превращалась в слухи, казавшиеся в то время вполне правдоподобными и отражающими истинное положение вещей и политических склонностей «генералов». Тогда же в 1930 г. В.Блюхера подозревали «в сочувствии Сырцову»[1617].

Подобные же слухи распространялись даже о С.Буденном, находившемся «в личных близких отношениях с Томским..., с которым Буденный поддерживал личную связь все годы»[1618]. В ОГПУ-НКВД поступала информация, что в 1931 г. «Буденный был у Рыкова и выражал ему свое сочувствие. Буденный много говорил Рыкову о недовольстве крестьян коллективизацией и в конце разговора заявил: «Прикажи Алексей Иванович, и я тебя поддержу – на Дону и Кубани мои ребята только и ждут моего приказа садиться на лошадей. Я, знаешь, человек военный»[1619].

Несколько ранее мне приходилось цитировать и «признания» А.Свечина, отражавшие настроения «военспецов-генштабистов». Они сходны по политическим симпатиям с настроениями и склонностями лидеров советской военной элиты 20-х годов – М.Тухачевского, В.Блюхера, С.Буденного. Как известно, в 1928-1929 гг. даже К.Ворошилов симпатизировал политическим взглядам «правого крыла» в ВКП (б). В какой бы мере не соответствовали истине слухи о «правых» политических симпатиях лидеров РККА, их склонностях и намерениях сыграть активную политическую роль во внутрипартийной и внутриполитической борьбе, эти лидеры и эта военная элита внушала сомнения в политической лояльности.

...Завершение военно-политической борьбы и дискуссий по поводу модернизации Красной Армии приходится на лето 1931 г. Оно ознаменовалось возвращением М.Тухачевского в центральное руководство РККА и назначением его, вместо И.Уборевича, 11 июня 1931 г. заместителем Председателя РВС

[1617] Возрождение. – 1936. - 3 октября.
[1618] Судьбы генеральские. Справка. Буденный Семен Михайлович. Заместитель народного комиссара обороны СССР. //Военно-исторический журнал. – 1994. - № 1. – С. 15.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

СССР и наркомвоенмора и начальником вооружений РККА. Знаменательно это было тем, что с приходом на эту должность М.Тухачевского произошло действительное и радикальное изменение парадигмы развития советских вооруженных сил. «Германская модель» была отвергнута. Была принята модель модернизации, предложенной М.Тухачевским. Она предполагала два существенных условия: ускоренность и «автаркийность».

Возвращение М.Тухачевского в центральное руководство РККА сопровождалось многочисленным кадровыми перестановками в высшем комсоставе РККА и привело в июле 1931 г. к завершению ротации советской военной элиты, начавшейся еще весной 1928 г., в состав в июле 1931 г. вошли:

	Фамилия, имя, отчество.	Год Рождения	Национальность	Социальное происхождение	Образование	Чин в старой армии	В РККА В воен. элите	Должность	Партийность
1.	Ворошилов Клемент Ефремович	1881	русский	Из рабочих			1918 1921	Пред. РВССССР и нарком (11.1925)	РКП(б)
2.	Гамарник Ян Борисович	1894	еврей	Из служащ.	Киевский у-нт		1918 *1929*	1 зам.пред. РВССССР и наркома (6.1930)	РКП(б)
3.	**Тухачевский Михаил Николаевич**	1893	Русский	Из дворян (13 в.)	прич ГШ	Подпоркапит. Л-г.	1918 1920	2 зам.пред. РВССССР и наркома (6.1931)	РКП(б)
4.	Каменев Сергей Сергеевич	1881	русский	Сын офицера	АГШ	Полковник ГШ	1918 1918	3 зам.пред. РВССССР и наркома (5.1927)	РКП(б)
5.	**Егоров Александр Ильич**	1883	русский	Из мещан	Причислен к ГШ	полковник	1918 1919	Нач. Штаба РККА (4.1931)	Эсер, РКП(б)
6.	Триандофиллов Владимир Кириакович	1894	грек	Из крестьян учитель	АГШ	Штабкапит. в/в	1918 *1928*	Зам. Нач Шт. РККА (10.1928)	Эсер, РКП(б)
7.	**Левичев Василий Николаевич**	1891	русский	Из крестьян учитель		Штабкапит. В/в	1918 *1924*	Зам. нач.Шт. РККА (7.1931)	РКП(б)
8.	**Фельдман Борис Миронович**	1891	еврей	Из мещан		солдат	1918 *1927*	Начальник ГУРККА, ВУЗРККА (7.1931)	РКП(б)
9.	Савицкий Сергей Михайлович	1897	Украин.	Из крестьян		Подпоручик в/в	1918 *1930*	Нач. Упр. Начсостав. (12.1930)	РКП(б)
10	Ефимов Николай	1897	русский	Из слу-		Подпо-	1918	Зам. Нач.	Эсер

[1619] Там же, с. 15, 16.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

.	Алексеевич			жащ.		ручик в/в	*1924*	воор. РККА нач.ГАУ (11.1929)	РКП(б)
11.	Халепский Иннокентий Андреевич	1893	поляк	Сын портн.			1918 *1924*	Начальник УММРККА (10.1929)	РКП(б)
12.	Калиновский Константин Брониславович	1897	поляк	Из дворян			1918 *1929*	Зам. Нач. УММРККА (11.1929)	РКП(б)
13.	Синявский Николай Михайлович	1891	поляк	Из служащ.			1918 *1929*	Нач. ВТУ (11.1929)	РКП(б)
14.	Седякин Александр Игнатьевич	1893	русский	Из крестьян уситель		Штабкапит. В/в	1918 *1924*	Инспектор пехоты РККА (8.1923)	РКП(б)
15.	Буденный Семен Михайлович	1883	русский	Из крестьян		вахмистр	1918 1920	Инспектор кавалерии РККА (11.1929)	РКП(б)
16.	Грендаль Владимир Давыдович	1884	Швед (обрусевший)	Сын офицера	АА	Полковник арт.	1918 *1925*	Инспектор артиллерии РККА (5.1925)	Б/п
17.	Петин Николай Николаевич	1876	Русский	Из дворян	АГШ	Полковник ГШ	1918 1919	Инспектор инж. войск РККА (5.1930)	Б/п
18.	**Уборевич Иероним Петрович**	1896	литовец	Из крестьян	прич ГШ «ГА»	Подпоручик артил. В/в	1918 1922	Ком. БВО (6.1931)	РКП(б)
19.	Тодорский Александр Иванович	1893	русский	Сын священ.		Капит. в/в	1918 *1928*	Пом.ком. БВО (11.1928)	РКП(б)
20.	***Венцов-Кранц Семен Иванович***	1897	еврей	Из служащ.	«ГА»	Прапорщик в/в	1918 **1931**	Нач. штаба БВО (3.1931)	РКП(б)
21.	Якир Иона Эммануилов.	1896	еврей	Сын провизора	Базель у-нт		1918 *1924*	Ком. УВО (11.1925)	РКП(б)
22.	Дубовой Иван Наумович	1896	Украин.	Из крестьян		Прапорщик в/в	1918 *1929*	Пом. Ком. УВО (10.1929)	РКП(б)
23.	***Кучинский Дмитрий Александрович***	1898	поляк	Из дворян	«ГА»	Прапорщик в/в	1918 **1931**	Нач.штаба УВО (3.1.1931)	РКП(б)
24.	Корк Август Иванович	1887	эстонец	Из крестьян	АГШ	Подполков. ГШ	1918 1922	Ком. МВО (11.1929)	РКП(б)
25.	***Шеко Яков Васильевич***	1893	Украин.	Из казаков		Штабкапит. В/в	1918 **1931**	Пом.ком. МВО (7.1931)	РКП(б)
26.	***Мерецков Кирилл Афанасьевич***	1897	русский	Из крестьян			1918 **1931**	Нач.штаба МВО (7.1931)	РКП(б)
27.	**Белов Иван Панфилович**	1893	русский	Из крестьян		Унтерофицер	1918 *1925*	Ком.ЛВО (6.1931)	РКП(б)
28.	**Гарькавый Илья Иванович**	1888	Украин.	Из крестьян		Подпоручик в/в	1918 *1928*	Пом.ком. ЛВО (7.1931)	РКП(б)
29.	***Урицкий Семен Петрович***	1895	еврей	Из служащ.		Прапорщик в/в	1918 **1931**	Нач. штаба ЛВО (7.1931)	РКП(б)
30.	**Каширин Николай Дмитриевич**	1888	русский	Сын станичного атамана		подъесаул	1918 *1925*	Ком. СКВО (6.1931)	РКП(б)
31.	**Великанов Михаил Дмитрие-**	1893	русский	Сын священника		Поручик в/в	1918 *1924*	Пом.ком. СКВО	РКП(б)

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

	вич							(6.1931)	
32.	***Белицкий Семен Маркович***	1889	еврей	Из мещан	«ГА»	ефрейтор	1918 **1931**	Нач. штаба СКВО (1.1931)	РКП(б)
33.	**Федько Иван Федорович**	1897	Украин. Из Бессраб.	Из крестьян		Прапорщик в/в	1918 *1927*	Ком. ККА (2.1931)	РКП(б)
34.	Смолин Иван Иванович	1891	русский	Из служащ.		Капитан	1918 *1929*	Пом.ком. ККА (12.1929)	РКП(б)
35.	Алафузо Михаил Иванович	1891	русский	Сын офицера	АГШ Прич ГШ	Штабкапит.	1918 1921	Начальник штаба ККА (2.1927)	Б/п
36.	**Шапошников Борис Михайлович**	1882	Русский	Из мещан	АГШ	Полковник ГШ	1918 1921	Ком. ПриВО (2.1931)	Б/п Сталин
37.	***Софронов Георгий Павлович***	1894	Русский	Из крестьян		Подпоручик в/в	1918 **1931**	Пом. Ком. ПриВО (2.1931)	РКП(б)
38.	Лисовский Николай Васильевич	1885	Поляк (обрусевший)	Из дворян	АГШ	Капитан ГШ	1918 *1927*	Нач. штаба ПриВО (1927)	Б/п
39.	Левандовский Михаил Карлович	1890	поляк	Сын унтерофицера		Штабкапит.	1918 1921	Ком.СибВО (12.1929)	Эсермакс. РКП(б)
40.	Серпокрылов Матвей Степанович	1895	русский	Из крестьян		Поруч. В/в	1918 *1929*	Нач. штаба СибВО (12.1929)	РКП(б)
41.	Дыбенко Павел Ефимович	1889	Украин.	Из крестьян		матрос	1918 *1925*	Ком.САВО (10.1928)	РКП(б)
42.	Грязнов Иван Кенсарионович	1897	Русский	Из крестьян		Прапорщик в/в	1918 *1930*	Пом.ком. САВО (1930)	РКП(б)
43.	**Пугачев Семен Андреевич**	1889	русский	Сын учителя гимназ.	АГШ	Капитан ГШ	1918 1920	Нач.штаба САВО (3.1931)	Б/п
44.	Блюхер Василий Константинович	1890	Русский	Из крестьян		Унтерофицер	1918 1922	Ком. ОДВА (8.1929)	РКП(б)
45.	Сангурский Михаил Владимирович	1894	поляк	Из служащ.	Моск у-нт	Поручик в/в	1918 *1930*	Нач. штаба ОДВА (1930)	РКП(б)
46.	**Орлов Владимир Митрофанович**	1895	русский	Из служащих	СПб ун-т	Мичман в/в	1918 *1926*	Нач. Мор. сил РККА (6.1931)	РКП(б)
47.	Викторов Михаил Владимирович	1892	Русский	Из дворян		лейтенант	1918 1921	Нач. Мор. сил Б М (1926)	Б/п
48.	***Кожанов Иван Кузьмич***	1897	русский	Из крестьян		Мичман в/в	1918 **1931**	Начальник Мор. сил Ч М (6.1931)	РКП(б)
49.	**Алкснис Яков Иванович**	1897	латыш	Из крестьян		Прапорщик в/в	1918 *1926*	Нач. УРККВФ (6.1931)	РКП(б)
50.	**Меженинов Сергей Александрович**	1890	русский	Из дворян (16 в.)	АГШ	Капитан ГШ	1918 1921	Зам. Нач. УРККВФ (6.1931)	Б/п
51.	***Наумов Алексей Константинович***	1895	русский	Из крестьян		Прапорщик в/в	1918 **1931**	Пом. Нач. УРККВФ (7.1931)	РКП(б)

Примечание к таблице: курсивом набраны фамилии «генералов», введенных в номенклатуру военной элиты в 1931 г.; жирным шрифтом набраны фамилии «генералов», перемещенных на новые должности в 1931 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В возрастном отношении из 51 «генералов» 34(66,7%) были в возрасте от 30 до 40 лет; 16(31,4%) – в возрасте от 41 года до 50 лет; 1(2%) – свыше 50 лет. Средний возраст равнялся 39 годам.

Из 51 «генерала» 27 (52,9%) были русские; 6(11,8%) украинцев; 6(11,8%) евреев; 7(13,7%) поляков; 1(2%) литовец; 1(2%) латыш; 1(2%) эстонец; 1(2%) швед, 1(2%) грек.

7(13,7%) «генералов» были из дворян (2 из древнего рода); 4(7,8%) – из офицерских детей; 7(14,6%) – из служащих и интеллигенции; 7(13,7%) – из мещан; 1(2%) – сын провизора; 2(4%) – из духовного сословия; 1(2%) – из солдатских детей; 20(39,2%) – из крестьян; 1(2%) – из рабочих; 1(2%) – из портных.

По образовательному цензу 14(27,4%) «генералов» были кадровыми офицерами старой русской армии. В их числе: 6(11,8%) старших офицера (полковники и подполковники); 8(15,7%) – младших офицеров (от подпоручика до капитана). 24(47%) – офицера военного времени. 6(11,8%) – служили солдатами и матросами и 7(14,6%) не служили. 9 (17,6%) «генералов» – генштабисты старой армии. 15 (29,4%) «генералов» прослушали курс в германской Военной академии.

43 (84,3%) «генералов» являлись членами партии.

Из 48 «генералов» и «адмиралов», входивших в июле 1931 г. в номенклатуру советской военной элиты, 1 (2%) находился в ее составе с 1918 г. (С.Каменев). 2(4%) были в ее составе с 1919 г. (А.Егоров, Н.Петин). 3 (6%) были в составе элиты с 1920 г. (М.Тухачевский, С.Буденный и С.Пугачев). Таким образом, из «генералов», вошедших в номенклатуру военной элиты в период гражданской войны, в 1931 г. осталось в ней всего 10%. 6 (11,8%) вошли в состав военной элиты с 1921 г. (К.Ворошилов, С.Меженинов, М.Алафузо, Б.Шапошников, М.Левандовский, М.Викторов). 3 (5,9%) оказались в составе военной элиты в 1922 г. (И.Уборевич, В.Блюхер и А.Корк). Из «генералов», вошедших в номенклатуру военной элиты в период с 1921 по 1923 гг., в 1931 г. осталось в ней всего 29,4%. 6 (11,8%) были включены в состав военной элиты в 1924 г. 3 (5,9%) вошли в состав военной элиты в 1925 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Из «генералов», вошедших в номенклатуру военной элиты в период «реформ Фрунзе», в 1924-1925 гг., в 1931 г. осталось в ней 17,7%. Это были те генералы, которые вошли в номенклатуру военной элиты при М.Фрунзе. 2 (3,9%) вошли в состав военной элиты в 1926 г. 3 (5,9%) оказались в составе военной элиты в 1927 г.

Из «генералов», вошедших в номеклатуру военной элиты, вошедших в нее до окончания «военной тревоги 1926-1927 гг.», в 1931 г. осталось в ней ок.10%. 3 (5,9%) вошли в состав военной элиты в 1928 г. 7 (13,7%) вошли в состав военной элиты в 1929 г. 3 (5,9%) вошли в состав военной элиты в 1930 г. 9 (17,6%) вошли в состав военной элиты в 1931 г.

Итак, с 1928 по 1931 гг. номенклатурный состав военной элиты обновился на 43,1%. С учетом 1926-1927 гг., можно сказать, что 53% новых «генералов» вошли в номенклатуру военной элиты при К.Ворошилове. Всего же кадровым перестановкам подверглись в 1931 г. 24(47%) «генерала». Всего же, начиная с 1924 г. по 1931 г. номенклатурный состав военной элиты обновился на 70%. Однако «перевес» «новой элиты» над «старой» определенно обозначился уже в ноябре 1925 году. Уже тогда «номенклатурные генералы», введенные в состав военной литы, начиная с лета 1923 г., составили 57%. Именно этот год можно считать переломным в структурировании «новой» номенклатурной военной элиты Красной Армии.

Следует отметить, что «генштабисты» старой армии уже не играли существенной роли в военной элите. Их вытеснили «генштабисты» «немецкой школы». Они же (И.Якир, в частности) заняли лидирующее положение в военной элите. Примечательно, что лишь 11 «генералов» оказались включенными в номенклатуру благодаря своим подлинным выдающимся заслугам в гражданской войне или в послевоенный период. Это: М.Тухачевский, С.Каменев, П.Лебедев, С.Пугачев, А.Егоров, И.Уборевич, А.Корк, В.Путна, В.Блюхер, В.Триандофиллов, К.Калиновский.

В номенклатурном составе военной элиты к июлю 1931 г. можно определить несколько более или менее внутренне спаянные группировки «генералов».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Одна из них группировалась вокруг М.Тухачевского. Эту группировку «генералов» нельзя назвать «группой Тухачевского», однако это были «генералы», чаще всего, склонные поддерживать М.Тухачевского по важным военным вопросам. Среди них были друзья, давние соратники и единомышленники в служебных вопросах. В нее можно включить: самого М.Тухачевского, С.Каменева, А.Корка, С.Пугачева, В.Триандофиллова, Б.Фельдмана, В.Путну, Е.Шиловского, а также К.Калиновского, А.Наумова, отчасти И.Халепского. Однако, за исключением С.Пугачева и отчасти Е.Шиловского, ни один из названных «генералов» не принадлежал прежнему близкому окружению М.Тухачевского. Из названных «генералов» близким другом М.Тухачевского и его «креатурой» являлся лишь Б.Фельдман.

Другая «группировка генералов» – вокруг Я.Гамарника и И.Якира. Можно условно назвать ее «украинской». В нее входили: Я.Гамарник, И.Якир, И.Гарькавый, И.Дубовой, В.Левичев, С.Урицкий. Эти люди были связаны друг с другом узами давней дружбы.

Третья группировалась вокруг А.Егорова. В ее состав входили: А.Егоров, М.Левандовский, П.Дыбенко, И.Федько, В.Левичев, С.Меженинов, А.Тодорский, отчасти С.Урицкий.

Четвертая группа состояла из М.Великанова и Н.Каширина.

Самостоятельную группировку составляли И.Уборевич, Н.Ефимов, С.Венцов-Кранц, отчасти С.Урицкий.

Исследование персонального состава «новой военной элиты», сформировавшейся в основном к июлю 1931 г. позволяет определить степень ее ангажированности советской политической элитой и лично И.Сталиным. Итоги такого исследования позволяют считать, что «креатурами» И.Сталина в составе «новой военной элиты» совершенно определенно являлись нарком К.Ворошилов, его 1-й заместитель начальник ПУРККА Я.Гамарник, командующий УВО И.Якир. Эти лица по своему политическому опыту и ментальному настрою были и в разной мере оставались «политическими комиссарами». Одним из «молодых лидеров» РККА, явно протежируемым И.Сталиным, являлся В.Блюхер.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

А.Егоров, давний соратник И.Сталина, несомненно, был заинтересован в «патронаже» со стороны И.Сталина, особенно в обстановке постоянных хронических и «глухих» трениях с К.Ворошиловым. Во всяком случае, И.Сталин мог в политическом плане полагаться в то время на А.Егорова. Очевидным расположением и доверием И.Сталина пользовался Б.Шапошников. И.Сталин и К.Ворошилов протежировали и способствовали продвижению И.Белова. Таким образом, определенно можно констатировать, что непосредственное влияние И.Сталин оказывал или мог оказывать лишь на вышеуказанных 7 генералов. Однако, через них «просталинские» настроения формировались у приятелей этих «генералов». Поэтому влияние И.Сталина на «генералитет» входивший в «новую военную элиту» было более масштабное. В сфере этого влияния в 1931 г. находились примерно до 20 «генералов» (42%).

В то же время, относительно независимую позицию, но лишь в военных, а не политических вопросах, могли занимать несколько «генералов», чьи деловые качества и выдающиеся заслуги позволяли им ее отстаивать в спорных ситуациях. В их числе можно назвать М.Тухачевского, В.Путну, С.Пугачева, П.Лебедева и некоторых других.

В целом «новая элита» идеологически была более управляема и в гораздо большей мере склонна подчиниться воздействию политической элиты и лично И.Сталина. Однако она не была безусловно послушна и всецело управляема.

Это были знаковые перестановки. Обусловлены они были и той, совершенно определенной поддержкой, которую оказала М.Тухачевскому в начале 1931 г. «украинская группировка генералов» во главе с И.Якиром, Я.Гамарником, И.Дубовым, Г.Хаханьяном. Думается, что именно их позиция оказалась решающей в снятии обвинений с М.Тухачевского и в его возвращении в центральный аппарат на должность, от которой освободили И.Уборевича – заместителя председателя РВС СССР и наркома и начальника вооружений РККА.

…Сам И.Уборевич, позднее в письме к Г.Орджоникидзе, оправдываясь, признавалася, указывая на причины своей отставки: «Будучи начальником воо-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ружения, я работал, как никогда в жизни, без выходных дней, ночами, очищая невероятную заваль и запущенность. Будучи начальником вооружения, я знаю,... что много было сделано, очень много ошибок. Оправданием мне служит одно – я чертовски боялся войны в 1930 и 1931 годах, видя нашу неготовность. Я торопился. Когда торопишься, делаешь ошибки чаще»[1620].

Итак, можно сказать, что сам И.Уборевич усматривал в качестве основной причины своей отставки в двух взаимосвязанных обстоятельствах: ошибки им допущенные в проведении технической модернизации армии и в ее подготовке к войне.

Общие показатели процесса модернизации к 1931 г. были плохие. Запланированные показатели в среднем были выполнены лишь на две трети. По танкам же и по самолетам, по артсистемам выполнение достигало к 1931 г. лишь 42-53%[1621]. Плохо работала военная промышленность, в которой производство новых видов вооружения (танки) или новых типов его (самолеты) зависело от импортных образцов[1622]. Они в значительной мере поступали из Германии. Об этом выше уже говорилось. В этом усматривалась и вина непосредственно самого И.Уборевича. Известно, что причину активно искали и во «вредительстве» старых «спецов», в их числе и «военспецов». Целая серия дел о «вредительстве, сопровождавшаяся арестами и репрессиями «буржуазных специалистов» (в том числе и в военной промышленности, в авиастроении, в Военной академии РККА, «заговор генштабистов» и т.д.) не могла не затрагивать и служебную репутацию И.Уборевича. В этом же контексте следует рассматривать, и об этом выше говорилось, и отставку Б.Шапошникова с должности начальника Штаба РККА и его «ссылку» в Самару. В сущности, они являлись главными оппонентами «программы Тухачевского».

Дело в том, что, поставив во главу угла технической модернизации РККА «германскую модель», И.Уборевич делал упор на артиллерийское перевоору-

---

[1620] Письмо 1936-го. И.П.Уборевич – Г.К.Орджоникидзе.(Предисловие и публикация А.П.Ненарокова и Н.В.Орловой-Чернышевой). //Факел-90. - М., 1990. - С. 237
[1621] Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. - М., 1996. - С. 84.
[1622] Там же, с. 74-78, 81-87.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

жение. В частности, предусматривалось введение новых (германских «по происхождению») систем тяжелой, полевой (армейской), противотанковой, зенитной артиллерии и минометных систем, он заключил в апреле 1930 г. соответствующий договор с германской фирмой «Рейнметалл». Однако уже в мае 1930 г. появились первые симптомы неблагополучия в этой сфере. Побывавшие в Германии высшие авиационные начальники Я.Алкснис и С.Меженинов достаточно красноречиво и ясно выразили свои впечатления о немецких «друзьях»: «Общее впечатление такое, что внешне немцы с нами исключительно любезны, предупредительны и внимательны, по существу же они лишь терпят нас, стремятся получить от нас как можно больше и дать нам возможно меньше из своих достижений в области тактики и особенно техники.

Мы полагаем, что в беседе с Миттельбергером при предстоящем посещении им Москвы и Липецка в мае с.г. еще раз нам следует подчеркнуть ему, что Липецкая организация как школьно-тренировочный центр на устаревшей материальной части нас очень мало интересует и удовлетворяет и что уже в ближайшее время мы хотели бы видеть в Липецке те новые объекты техники воздушного флота, которые перечислены в январском списке генерала Миттельбергера...»[1623].

Прежняя парадигма советско-германского военного сотрудничества, в сущности, себя исчерпала, обнаружив малую эффективность. 2 июня 1930 г. с должности 1-го заместителя Председателя РВС СССР и наркома был смещен И.Уншлихт, фактически руководивший этим направлением в РВС СССР. Вместо него заместителями Председателя РВС СССР и наркома были назначены И.Уборевич, исполнявший обязанности 1-го заместителя, и начальник ПУР РККА Я.Гамарник. 13 июня РВС СССР утвердил уточненный план строительства РККА на 1929-1932 гг.

Однако ситуация продолжала осложняться и в дальнейшем. Активизация профранцузский политических действий со стороны германского правительства начала вызывать серьезное беспокойство советского высшего политического и

[1623] РГВА. Ф. 29. Оп. 23. Д. 276. Л. 136. //Военно-исторический журнал. – 1997. - № 2. - С. 34.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военного руководства. В частности К.Ворошилов (очевидно, вслед за И.Сталиным) выражал по этому поводу особое беспокойство, полагая, что германское политическое и военное руководство уже взяло курс на свертывание советско-германского военного сотрудничества. Советский военный атташе в Германии В.Путна, наоборот, считал, что повода для беспокойства нет. «Взяв для оценки всю сумму (все виды) нашего сотрудничества с «друзьями», - писал он 1-му заместителю Председателя РВС СССР и наркома И.Уборевичу 23 января 1931 г., - нельзя найти сколько-нибудь убедительных симптомов и доказательств, чтобы приходить к заключению о наличии со стороны «друзей» тенденции к свертыванию отношений в целом. Периодические поклоны в сторону французов бывают, но у нас, и в частности Старик, слишком чувствительны к этим эпизодам.... Немцы вели и будут вести двойную политику. Она отражается и на поведении руководства рейхсвера.Но нас, как крупнейшую карту, они никогда окончательно на стол не положат.... Наше положение по сравнению с 1929 годом сильно улучшилось и окрепло тем, что мы имеем в отношениях такие элементы заинтересованности германской военной промышленности, каких раньше не было, и они страхуют нас от неожиданностей»[1624].

Однако и В.Путна вынужден был признать, что «в частном деле предприятий положение совершенно иное. Предприятия были созданы «друзьями» в то время, когда нигде в другом месте в Европе им нельзя было прикорнуть. Свои предприятия они создали с ограниченными задачами, главным образом учебными. Мы долго по своей вине в этом деле не могли разобраться и уяснить себе, что характер предприятий нас не устраивает, и разобрались лишь тогда, когда «друзья» свои учебные задачи почти выполнили и для дальнейшего их осуществления имеют в других местах возможности значительно более дешевого осуществления»[1625].

Далее В.Путна указывает на существо проблемы. Он признает, что у «друзей» отчетливый курс на свертывание» потому, что их военные предпри-

[1624] РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 204. Л. 42. //Военно-исторический журнал. – 1997. - № 2. - С. 35.
[1625] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ятия в СССР «пожирают у них сравнительно много денег»[1626]. «Судя по Вашим и Старика письмам, - заключает советский военный атташе, - мы или не усвоили, или просто не хотели усвоить происходящего. Вопрос же ясен. Если мы не пойдем на уменьшение расходов «друзей», они предприятия ликвидируют, не рассматривая это как полный разрыв»[1627].

Итак, уже в январе 1931 г. возникла угроза ликвидации военных предприятий и экспериментальных баз испытания авиа- и бронетехники и подготовки соответствующих специалистов по ее обслуживанию. Устранение этой угрозы зависило от увеличения советских капиталовложений в указанные предприятия. Возникли разногласия между военным атташе в Германии В.Путной и руководством наркомата в лице К.Ворошилова и И.Уборевича. Вскоре последовал отзыв В.Путны из Германии. Курс наркомата оставался прежним. Это не способствовало улучшению процесса модернизации армии.

На встрече с генералом В.Адамом и сопровождавшими его Кестрингом, Гофмейстером и Манштейном 10 ноября 1931 г. «Тухачевский указал, что, несмотря на некоторые достижения и успехи, темпы работы совместных предприятий все же чрезвычайно медленны, а техническая база их настолько узка, что эффект от совместного сотрудничества крайне неудовлетворительный и не оправдывается ни со стороны материальных затрат, ни с политической»[1628]. М.Тухачевский указал еще на одну из главных причин неудачи «модернизации» И.Уборевича. «Дело в том, - писал М.Тухачевский, - что Уборевич и Ефимов провели заключение договора с фирмой «Рейнметалл» на продажу нам и постановку у нас на производство целого ряда артиллерийских систем. При испытании этих систем, производившихся одновременно с постановкой на производство, выяснилось, что они недоработаны. В связи со всем этим я стал на точку зрения ликвидации договора с фирмой «Рейнметалл». В полученных нами перехватах германский посол Дирксен высказывал недовольство мной. Благодаря моей критике заключенного с фирмой «Рейнметалл» договора, в даль-

[1626] РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 204. Л. 42.
[1627] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нейшем благодаря проведенному расторжению договора с этой фирмой, я испортил отношения как с Уборевичем, так и с Ефимовым»[1629].

Действительно, проблема деловых взаимоотношений с «Рейнметаллом» по договору, заключенному с этой фирмой И.Уборевичем (несомненно опиравшимся на мнение Н.Ефимова) еще в апреле 1930 г., нашла свое отражение и в других документах. Очевидно эта проблема и оказалась одной из главных причин, вызвавших приезд в Москву 10 октября 1931 г. миссии во главе с начальником штаба Рейхсвера генералом В.Адамом.

В официальных и неофициальных обстоятельствах переговоры с высшим военным и дипломатическим представительством вел также германский посол в Москве фон Дирксен. «Я беседовал особенно много с Тухачевским, который имеет решающее значение в деле сотрудничества с «Рейнметаллом»…. Он далеко не является тем прямолинейным и симпатичным человеком, столь открыто выступавшим в пользу германской ориентации, каковым являлся Уборевич, - писал фон Дирксен в Берлин 17 октября 1931 г. – Он скорее замкнут, умен, сдержан. Надеюсь, что и он будет сотрудничать лояльно, когда он убедится в необходимости и выгодности этого сотрудничества»[1630].

Некоторую конкретизацию содержания бесед фон Дирксена с М.Тухачевским содержит информация, переданная германским послом в Берлин 13 ноября 1931 г. «Меня интересовал в особенности вопрос о сотрудниче-

---

[1628] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 375. Л. 162. – Документ опубликован в сборнике документов: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР…. - С. 122.

[1629] Показания Тухачевского М.Н. 1 июня 1937 года. //Кровавый маршал Михаил Тухачевский…. - С. 89. Действительно, в письме фон Бюлову 17 ноября 1931 г. германский посол фон Дирксен информировал своего корреспондента: «Я беседовал очень много с Тухачевским, который имеет решающее значение в деле сотрудничества с «Рейнметаллом»…. Он далеко не является тем прямолинейным и симпатичным человеком, столь открыто выступающим в пользу германской ориентации, каковым являлся Уборевич. Он – скорее замкнут, умен, сдержан…». – Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР…. - С.121.

Это была реакция на состоявшуюся 13 ноября 1931 г. беседу посла с начальником вооружений РККА. Информируя советника германского посольства в СССР, фон Дирксен писал: «Тухачевский высказал… ряд жалоб, которые все сводились к тому, что мы снабжаем советское правительство материалами неудовлетворительными и что оно информируется по многим вопросам более полно со стороны Англии либо Италии. В связи с этим он упомянул, в особенности, о новых танках германской конструкции, которые мы, очевидно, держим в секрете, в то время как с английской стороны нам предоставлены чертежи».

Примерно те же претензии выразил М.Тухачевский начальнику штаба Рейхсвера генералу В.Адаму в беседе 10 ноября 1931 г., указав, что «несмотря на некоторые достижения и успехи, темпы работы совместных предприятий чрезвычайно медленны, а техническая база их настолько узка, что эффект от совместного сотрудничества крайне неудовлетворительный и не оправдывается ни со стороны материальных затрат, ни с политической…». – Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

стве в области специальной индустрии, - писал фон Дирксен. – Для меня является сомнительным, сможет ли быть выполнен строительный план, относительно которого состоялось соглашение, на что указано в договоре и выполнение которого ожидает Советское правительство»[1631]. Посол, указывая, правда, на объективные, как он считает, причины, тем не менее признавал, что «не развертывается производство всех трех предусмотренных в договоре различных типов, а производится только 10-сантиметровый тип»[1632].

Фон Дирксен прямо отмечает, что «Тухачевский высказал затем еще ряд различных жалоб, которые все сводились к тому, что мы снабжаем Советское правительство материалами неудовлетворительно и что оно информируется по многим вопросам более полно со стороны Англии либо Италии»[1633].

Судя по контексту цитированного выше фрагмента из письма германского посла, на договор с «Рейнметаллом» было обращено особое внимание и позиция М.Тухачевского оказалась «решающей» в продолжении или прекращении действия указанного договора. Кроме того, со слов фон Дирксена ясно, что с М.Тухачевским ему пришлось встретиться и познакомиться впервые и последний произвел впечатление отнюдь не активного сторонника тесного советско-германского сотрудничества. Иными словами М.Тухачевский произвел впечатление выразителя военно-политического курса, отличного от того, олицетворением которого являлся И.Уборевич. Однако о качестве поставок и характере взаимоотношений с фирмой «Рейнметалл» М.Тухачевский смог судить уже после того, как возглавил Управление вооружений РККА. Следовательно эти обстоятельства были не причиной, а следствием назначения М.Тухачевского.

Несомненно, что приход М.Тухачевского в руководство Управлением вооружений РККА знаменовал принципиальное изменение всей «концепции

[1630] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 269. – Документ опубликован в сборнике: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч уовался в СССР.... - С. 121.
[1631] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 259. //Там же, с. 123.
[1632] Там же. Имеется в виду договор с «Рейнметаллом», заключенный И.Уборевичем в апреле 1930 г. Содержание этого договора изложено в записке В.Куйбышева в политбюро ЦК ВКП (б) от 22 апреля 1930 г. – РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 112. Л. 74-77. (Документ опубликован в указанном сборнике, составленном Ю.Л.Дьяковым и Т.С.Бушуевой. - С. 111-114).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

модернизации» РККА. На это указывает и принятие правительством СССР в начале августа 1931 г. уточненного плана строительства РККА на 1931-1933 гг., и принятие постановлением СТО от 1 августа 1931 г. так называемой «большой танковой программы». В постановлении, в частности, указывалось, что технические достижения в области танкостроения «создали прочные предпосылки к коренному изменению общей оперативно-тактической доктрины по применению танков и потребовали решительных организационных изменений автобронетанковых войск в сторону создания высших механизированных соединений, способных самостоятельно решать задчи как на поле сражения, так и на всей оперативной глубине современного боевого фронта. Эта новая быстроходная материальная часть создавала предпосылки к разработке теории глубокого боя и операции»[1634].

Как отмечал в докладной записке на имя К.Ворошилова сам М.Тухачевский 2 ноября 1931 г., «к концу 31-го года мы будем иметь около 1000 танков. К концу 32-го года – около 4000.... К концу 33-го года, будем иметь в армии до 8500 танков.... Учитывая постановление К.О. о подготовки мобилизационной мощности промышленности к концу 1932 года в 40 000 танков...»[1635]. Все это вполне соответствовало тем предложениям и рассчетам, которые представил М.Тухачевский в своей докладной записке от 11 января 1930 г.

Почему же высшее политическое руководство, скажем прямо, И.Сталин, решило пойти на радикальную смену «парадигмы» военно-технической модернизации, приняв концепцию М.Тухачевского, которую всего год назад, столь жестко критикуя, оно отвергло? И было ли это обстоятельство основной или единственной определяющей причиной отставки И.Уборевича и «возвращения» М.Тухачевского?

[1633] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 262. //Опубликован там же. - С. 124.
[1634] Цитируется по: Рыжаков А. К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной Армии в 30-е гг. //Военно-исторический журнал. – 1968. - № 8. - С. 107.
[1635] РГВА. М.Тухачевский – Народному комиссару по военным и морским делам К.Е.Ворошилову, 2 ноября 1931 г. – Документ опубликован в виде ксерокопии в подборке документов: Маршал М.Н.Тухачевский.... - С. 1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Обращают на себя внимание некоторые сведения, преимущественно косвенного характера, позволяющие усомниться в том, что проблема технической модернизации являлась единственной причиной возвращения М.Тухачевского в центральный аппарат на указанную выше должность. Примечательно, что и 1-й заместитель начальника вооружений РККА Н.Ефимов, и 2-й его заместитель В.Гарф остались на своих должностях. Сохранилось в прежнем составе и Управление по механизации и моторизации РККА. Лишь в июле 1931 г. появился новый заместитель начальника этого управления – И.Грязнов. Однако это было связано с трагической гибелью в авиакатастрофе 12 июля 1931 г. его предшественника К.Калиновского.

А ведь Н.Ефимов, фактически, определял политику технической модернизации Красной Армии, так сказать «концепцию модернизации» и являлся наиболее квалифицированным организатором и исполнителем ее. При этом следует так же иметь в виду, что если И.Уборевич по специальности был «технарь», артиллерист и, как таковой, разбирался существе и тонкостях артиллерийского оружия и его модернизации, то М.Тухачевский не имел таковой технической подготовки. Он был, как известно, офицер гвардейской пехоты, «гуманитарий» по ментальному настрою. Он, несомненно, прекрасно владел навыками оперативно-тактического применения артиллерии и иной техники, однако не обладал достаточной глубиной инженерно-технических представлений и навыков в этих вопросах. Роль оставшегося при нем в качестве 1-го заместителя Н.Ефимова не только сохраняла прежнюю значимость, но, в известном смысле, должна была возрасти.

Конфликт с «Рейнметаллом» и изменение общей «концепции модернизации» с упором на «автаркийность» в этих вопросах и определенный сдвиг «германской помощи» на второй план, естественно рождал конфликт М.Тухачевского с Н.Ефимовым. Об этом выше уже говорилось. Это проявлялось и в «жалобах» самого Н.Ефимова. «У меня здесь пару дней сидит Ефимов, приехавший из Кисловодска, - писал К.Ворошилов 6 декабря 1931 г Я.Гамарнику из Сочи. – Он горько жалуется на положение с Управлением Воо

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ружений и говорит, что М.Н.(Тухачевский) всем занимается кроме своего Управления. Он очень встревожен и просит принимать какие-либо радикальные меры, или, как он говорит, будет поздно. Что тут поделаешь? Пока что, нажмите на него, указав, что Сталин может в любой момент заинтересоваться всяким вопросом из круга его деятельности, поэтому он обязан вплотную заниматься делом и все знать, а главное обязан почаще и регулярно принимать подчиненных ему начальников управлений. Было бы не худо, если бы на РВС или просто один раз заслушали краткие доклады о положении дела в управлениях – связи, химии, инженерном и, если будет время, то и артиллерийском. Можно это сделать в присутствии М.Н.(Тухачевского), можно и без него. М.Н.(Тухачевскому) пока, до моего приезда, ничего не говорите.

…Наш Георгиев, много лет работающий над механической трубкой, как будто бы добился каких-то результатов, Тухачевский утверждает, что вполне удовлетворительных. Ефимов категорически заявляет, что Георгиевская трубка не доработана, а на валовое производство может быть поставлена не ранее 3-4 лет. Ефимов настаивает на немедленной закупке техпомощи у немцев, давно нам ее предлагающих…»[1636].

Судя по данному фрагменту, отношения между М.Тухачевским и его заместителем Н.Ефимовым в это время были действительно плохими. Но трения между ними порождены были не только отношениями с «Рейнметаллом». Из текста письма следует, что М.Тухачевский фактически не занимался в 1931 г. проблемами вооружения Красной Армии, свалив все на своего заместителя. Даже если учесть в жалобах Н.Ефимова преувеличения обиженного человека, вряд ли эти жалобы были совершенно лишены оснований. В чем же было дело? Подобное отношение к порученному делу не похоже на М.Тухачевского. Что его отвлекало?

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, бегло упомянутое И.Уборевичем: «я чертовски боялся войны в 1930-1931 гг.(!), видя нашу неготовность(!)».

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Э.Волленберг считал, что «понадобились захват японцами Маньчжурии и резкое ухудшение военного положения, чтобы Тухачевский стал замнаркома»[1637]. Однако это не совсем так.

Причиной возвращения М.Тухачевского, принятие его «концепции модернизации» и кадровых перестановок в военной элите не было обострение военно-политической обстановки на Дальнем Востоке. Японские войска захватили Мукден и начали оккупацию Маньчжурию только 18 сентября 1931 г. При этом «боевая тревога» в ОКДВА еще не объявлялась. Численность войск, находившихся под командованием В.Блюхера оставалась неизменной вплоть до 1932 г.[1638] Японская армия летом 1931 г. технически была слабой. Лишь в июле 1931 г. было принято решение о ее технической модернизации, поэтому она не могла в 1931 г. внушать серьезных опасений советскому политическому и военному руководству[1639]. Легкое беспокойство в высших военно-политических кругах начало проявляться только в июле 1931 г.[1640], т.е. уже после проведенных кадровых перестановок и возвращения в центральное руководство М.Тухачевского. Только 5 июля 1931 г. Политбюро ЦК приняло решение о поездке К.Ворошилова на Дальний Восток[1641]. Лишь 14 ноября 1931 г. М.Литвинов беседовал с польским посланником в СССР Патеком, а неделю спустя предложил последнему начать переговоры о заключении «пакта о ненападении» ввиду осложнения ситуации на Дальнем Востоке. При этом, примечательно, что Политбюро 20 ноября 1931 г. предложило Литвинову «сегодня же, или, в крайнем случае завтра, начать формальные (!) переговоры с Патеком...» по этому вопросу[1642]. Следовательно, в это время советское руководстве еще не решилось менять внешнеполитическую концепцию: западное направления продолжало оставаться приоритетным. Лишь 27 ноября 1931 г. И.Сталин в письме

[1636] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 44. Л. 41-51. К.Е.Ворошилов – Я.Б.Гамарнику, 6 декабря 1931 г. Сочи. //Советское руководство. Переписка 1928-1941. - С. 164-165.
[1637] Wollenberg E. The Red Army. – Излагается по фрагментам, опубликованным в журнале «Новая жизнь» под заголовком «За кулисами Красной Армии». – 1938. - № 51. - С. 8.
[1638] Горбунов Е. 20 августа 1939. - М., 1986. - С. 68.
[1639] Там же, с. 39.
[1640] Горбунов Е. 20 августа 1939. - С. 39.
[1641] Советское руководство. Переписка. 1928-1941. - М., 1999. - С. 156.
[1642] Там же, с. 163.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

к К.Ворошилову поставил задачу заняться «сейчас же организацией ряда серьезных предупредительных мер военного и невоенного характера...» на Дальнем Востоке[1643]. «Главное теперь – в подготовке обороны на Дальвосте», - совершенно ясно определил внешнеполитические приоритеты И.Сталин 27 ноября 1931 г.[1644]

Кроме того, смещение «военной тревоги» с Запада на Дальний Восток вряд ли могло вынудить политическое и военное руководство к радикальному изменении концепции модернизации, к превращению в доминирующую установку – решение «танкового вопроса». Характер дальневосточного театра военных действий, сам противник указывали на нецелесообразность применения танков в качестве приоритетного и решающего средства оперативно-тактических решений и уж тем более формирование для этого крупных мотомеханизированных соединений. На это вполне обоснованно указывали высшие офицеры РККА, хорошо знакомые с дальневосточным театром военных действий. Танки и мотомеханизированные соединения целесообразно было использовать именно на западном театре военных действий. Однако все это было уже после возвращения М.Тухачевского в центральный аппарат и после принятия его «программы модернизации» и в ее рамках «большой танковой программы».

В 1930-1931 гг. наблюдалось обострение советско-польских и германо-польских отношений, а так же симптомы охлаждения советско-германских отношений, вызывавших серьезные опасения у советского политического и военного руководства. Выше об этом уже говорилось. Отчасти это было вызвано стремлением влиятельной части германского политического руководства в сторону сближения с Францией на антисоветской основе, вплоть до войны против СССР. Отчасти и переговорами, а затем заключением в начале 1931 г. советско-французского пакта о ненападении, а так же начавшимися переговорами с польским правительством о заключении аналогичного пакта.

В стремлении сохранить и улучшить дружеские отношения с Германией советское руководство на встречах с германскими официальными лицами

[1643] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 49. //Советское руководство. Переписка. 1928-1941. - № 91. - С. 162.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

стремилось всячески затушевать значимость указанных договоров. «Ворошилов самым категорическим образом подчеркивает неизменное чувство дружбы, питаемое здесь к Германии, - сообщал в своем письме фон Бюлову 17 октября 1931 г. германский посол в Москве фон Дирксен. – По его словам, как переговоры с Францией, так и переговоры с Польшей представляют из себя явления чисто политического и тактического характера, которые диктуются разумом. В особенности же ясно отдают себе здесь отчет в отсутствии внутренней ценности договора о ненападении с Польшей.... Границы с Польшей Ворошилов считает, как это он подчеркивал в разговоре с Адамом, неокончательными»[1645].

Мне представляется, что возвращение М.Тухачевского в центральный аппарат и назначение его на должность заместителя Наркома обусловлено было именно новой «военной тревогой» на западных границах СССР. Эта «тревога» носила более сложный и опасный характер, поскольку таила в себе возможность разрыва прежних дружеских отношений с Германией. Известно, что к 1932 г. М.Тухачевский был негласно назначен главнокомандующим советскими войсками на западном театре военных действий на случай советско-польской войны. Назначение М.Тухачевского могло носить, кроме всего прочего, и знаковый характер: демонстрация антипольской настроенности СССР ввиду общераспространенного мнения о «полонофобии» М.Тухачевского.

В контексте этих мер можно рассматривать также спровоцированные дезинформацией ОГПУ сведения о наличии в СССР группы политиков и генералов, настроенных антикоммунистически и националистически[1646]. Эти сведения были рассчитаны на набиравших быстрыми темпами политическое влияние нацистов. Известно, что на выборах в рейхстаг 20 мая 1928 г. нацисты получили лишь 12 мест. На выборах в Рейхстаг 14 сентября 1930 г. они уже получили 107 мест из 577, став второй по величине парламентской фракцией. Эта тенденция сохранялась и в дальнейшем. 13 марта 1932 г. на выборах президента А.Гитлер получает 13,7 млн голосов, а 31 июля 1932 г. на выборах в Рейхстаг нацисты

[1644] Советское руководство. Переписка. 1928-1941. - С. 163.
[1645] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 70. Л. 269; См. так же: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Указ. соч. - С. 121.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

получили уже 230 мест из 608 и становятся первой по величине парламентской фракцией. Было ясно, что за нацистами и их сторонниками ближайшее политическое будущее Германии. Следовало нейтрализовать их антисоветизм информацией о наличии в СССР родственной им по политическим и идеологическим настроениям тайной силы, которая вот-вот захватит власть. В ноябре 1932 г. в военных кругах Германии, приближенных к генералу К.фон Шлейхеру, пронацистски настроенному, была распространена информация о существовании в СССР националистически и антисемитски настроенной «военной партии» во главе с М.Тухачевским[1647].

Очевидно в целях распространения этой информации (или, скорее, дезинформации) в высшем руководстве ОГПУ воспользовались имевшимися еще с начала 1924 г. сведениями об антисемитских, антитроцкистских националистических настроениях комсостава Западного фронта, который нашел уже тогда себе «вождя единомышленника» в лице М.Тухачевского. Это знал резидент РОВС генерал А.фон Лампе, который в состоянии был подтвердить достоверность информации в контактах с генералами Рейхсвера. Возможно, должны были сыграть благоприятную в этом направлении роль и давние контакты М.Тухачевского (еще с 1923 г.) с «черным рейхсвером» через К.фон Шлейхера. Многие члены «черного рейхсвера» к 1932 г. стали нацистами.

Еще ранее, тоже в 1932 г. в Берлине вышла книга Р.Гуля «Тухачевский. Красный маршал», переведенная на немецкий язык, в которой М.Тухачевский был представлен как выдающийся, самый авторитетный советский военачальник, который, однако, является аристократом по происхождению, бывшим офицером императорской гвардии, антидемократом, сторонником диктатуры, националистом и антисемитом, потенциальным «русским Бонапартом».

Причина, кажущегося «небрежения» заместителя наркома делами Управления вооружений, очевидно, заключалась в том, что М.Тухачевский был занят разработкой плана операции по разгрому Польши, предусматривая нанесение

[1646] Очерки истории Российской внешней разведки. - М., 1996. - Т. 2. - С. 196-201; Военно-исторический архив. – 1997. - Выпуск № 2. - С. 8-10.
[1647] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«ударов тяжелой авиации по району Варшавы»[1648]. В 1932 г. план был готов. Этот план носил оборонительный характер и бомбардировка предусматривалась как упреждающая дезорганизующая мера в случае сосредоточения польских войск в Западной Украине и Западной Белоруссии. «В связи с новой программой танкостроения, мы имеем полную возможность к концу 1932 г. превратить стрелковые дивизии, расположенные в прифронтовой полосе БВО (Белорусского военного округа) и УВО (Украинского военного округа), в механизированные бригады и корпуса, - писал М.Тухачевский в пояснительно записке к оперативному плану[1649]. При этом М.Тухачевский в своей докладной записке пояснял: «Я не касался ни Румынии, ни Латвии. Между прочим, операцию подобного рода очень легко подготовить против Бессарабии»[1650].

В связи с вышесказанным, видимо, было высказано 12 марта 1932 г. согласие К.Ворошилова в записке советскому полпреду в Берлине Хинчуку на совместную с Германией разведку против Польши[1651]. Об этом запрашивал у наркома полпред Хинчук в письме 1 марта 1932 г.[1652]

Именно в это время М.Тухачевский негласно был назначен главнокомандующим советскими войсками на западном театре военных действий в случае начала военных действий на Западе. Скорее всего, именно, в обстановке резкого обострения военно-политической ситуации на Дальнем Востоке И.Сталин и написал свое «письмо-извинение» М.Тухачевскому 7 мая 1932 г., заявив по поводу собственной критики «модернизации Тухачевского», что «я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма – не во всем правильными»[1653].

Примечательно, что И.Сталин свел предложения М.Тухачевского 1930 г. к увеличению количества дивизий до 246 или 248 и численности армии до 11 миллионов душ. И.Сталин признал, что М.Тухачевский, на самом деле, предла-

---

[1648] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 400. Л. 14-29.
[1649] Там же.
[1650] Там же.
[1651] Там же, Д. 342. Л. 179-180.
[1652] Там же, Л. 180.
[1653] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 56. //Историческом архиве. – 1998. - № 5-6; См. также в сборнике документов: Советское руководство. Переписка. 1928-1941. - С. 171.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

гал увеличить армию до 8 миллионов, и соглашался довести ее до 6 миллионов[1654]. Несомненно, это было следствием резко изменившейся геостратегической обстановки. Она диктовала и резкое, радикальное ускорение технической модернизации, увеличение численности войск и количества боевых соединений, она обусловила возвращение М.Тухачевского в центральное военное руководство на «первые роли» в ожидании вероятной войны на Западе и для ее предотвращения.

Итак, мне представляется, что назначение М.Тухачевского заместителем Председателя РВС СССР и наркома по военным и морским делам, а также главнокомандующим советскими вооруженными силами на западном театре военных действий в случае войны, а также начальником Вооружений РККА, прежде всего были обусловлены угрозой войны на Западе. Остальное – было следствием этого обстоятельства и этого назначения. Этими же соображениями, в первую очередь, было обусловлено и назначение И.Уборевича командующим одним из важнейших прифронтовых округов – Белорусского. Не во всем успешное руководство А.Егоровым Белорусским военным округом во многом обусловило его перемещение в центр. Он был назначен на одну из самых главных в руководстве РККА должностей – начальника Штаба РККА. Однако это означало, прежде всего, стремление иметь на этой ключевой должности «своего человека». Фактически разработкой оперативных планов продолжал ведать В.Триандофиллов, 1-й заместитель начальника Штаба РККА. 2-м заместителем А.Егорова в июле 1931 г. был назначен В.Левичев, имевший большой опыт организационно-административной работы в качестве заместителя и начальника ГУРККА с 1924 г. Попытаемся понять смысл и других кадровых изменений в номенклатуре советской военной элиты летом 1931 г.

Опасениями грядущей близкой войны на Западе было обусловлено и назначение на должности начальников штабов прифронтовых военных округов – Белорусского и Украинского – соответственно, давнего соратника И.Уборевича С.Венцова-Кранца и Д.Кучинского, только что получивших «высшее» образо-

[1654] Советское руководство. Переписка. 1928-1941. - С. 172.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вание в «германской академии». Этими же соображения руководствовались правительство и РВС СССР при назначении в июле 1931 г. командиром дислоцированным в киевском, приграничном, районе 14-м стрелковым корпусом только что вернувшегося из Германии В.Путны. Один из самых близких друзей, боевых соратников И.Якира, его родственник И.Гарькавый был назначен помощником командующего Ленинградским военным округом. Борис Миронович Фельдман, назначенный начальником ГУРККА и ВУЗ РККА, в силу своего нового должностного положения, получивший контроль за кадровыми перемещениями, к этому времени стал уже близким другом М.Тухачевского. Б.Фельдман с 1927 г. занимал должность начальника штаба ЛВО. Будучи человекомнезаурядным и способным начальником штаба округа, он сумел завоевать доверие и дружбу М.Тухачевского. «Я не знаю, как будет работать Фельдман, - писал К.Ворошилов Я.Гамарнику 12 июля 1931 г. из вагона поезда, направляясь на Дальний восток, - но его хвалят (не только М.Н.Тухачевский) и общее мнение, что справится. Вы его ориентируйте на кадры и школы. Он свежий человек, может и улучшить работу»[1655]. Судя по цитированному замечанию К.Ворошилова, Б.Фельдман не был его «креатурой», скорее его выдвинул М.Тухачевский. Однако указание на то, что «его хвалят (не только М.Н)», позволяет полагать, что Б.Фельдман был назначен не только как «выдвиженец» М.Тухачевского, но и благодаря поддержке других «генералов». Имеется информация, что Б.Фельдман был дружен с И.Якиром, И.Уборевичем, Э.Аппогой, С.Урицким, С.Кутяковым. По совместной службе его хорошо знал В.Блюхер. Поэтому, нет оснований считать, что Б.Фельдман получил это высокое назначение как «креатура» М.Тухачевского.

Анализируя персональный состав лиц военной элиты, занявших указанные ранее должности к июлю 1931 г. нельзя не заметить, что доминирующее положение в военной элите к лету 1931 г. заняла «группа Якира-Гамарника».

Я.Гамарник оказался 1-м заместителем Председателя РВС СССР и наркома; сам И.Якир возглавлял самый крупный и политически влиятельный Ук-

[1655] РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 44. Л. 44. //Советское руководство. Переписка. 1928-1941. - М., 1999. - С. 155.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

раинский военный округ, взяв к себе в заместители своего близкого и давнего друга И.Дубового; Близкий друг и родственник И.Якира И.Гарькавый оказался в руководстве Ленинградского военного округа. Взяв под свою защиту М.Тухачевского, И.Якир превратил его в одного из близких и в определенном смысле «зависимых» людей. С назначением М.Тухачевского на должность 2-го заместителя наркома И.Якир получил, фактически, возможность весьма сильно влиять на деятельность военного ведомства в целом. Передача в распоряжение Б.Фельдмана ГУРККА и вместе с ним Управления по начальствующему составу РККА обеспечила «группе Якира-Гамарника» контроль над кадровой политикой в Красной Армии.

Итак, кадровые перемещения в номенклатуре советской военной элиты, проведенные к июлю 1931 г. с завершением «чистки» от генштабистов «старой школы» и насыщением генштабистами «новой школы» (германской) были обусловлены новой «военной тревогой» на Западе, а затем и на Дальнем Востоке, и необходимостью, в связи с этими обстоятельствами, радикального улучшения в процессе технической модернизации РККА.

Смена номенклатурной военной элиты к 1931 г. не была обусловлена изменением геостратегической ситуации СССР. Обострение военно-политических отношений с Японией в Маньчжурии произошло вскоре, в конце 1931 г. Однако эти обстоятельства не вызвали заметных кадровых перестановок в составе военной элиты. Таковые начались с 1933 года, но это уже процессы происходившие в иной военно-политической обстановке и в составе «новой военной элиты», определившейся уже летом 1931 г. На них, несомненно, влияли в гораздо большей мере изменения геостратегического характера. При этом, вскоре стало заметно, что смещение геостратегической доминанты военной и внешней политики СССР на Дальний Восток, обнаружило несоответствие вектора модернизации, реорганизации и боевой подготовки РККА требованиям дальневосточного театра военных действий и боевым свойствам японской армии, как вероятного предполагаемого противника.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Формирование же нового состава военной элиты в основном завершилось к июлю 1931 г. и происходило, в сущности, в обстановке прежней геостратегической ситуации, определившейся с 1920 г. Она по-прежнему определялась доминантой западного театра военных действий, как наиболее вероятного. Курс модернизации РККА и ее боевая подготовка определялись ориентацией на «западный фронт» и предполагали наступательную войну.

Таким образом, несостоятельность советской военной элиты перед лицом войны на Западе, политическая неблагонадежность и необходимость модернизации РККА явились главными причинами и факторами почти полной смены номенклатурной военной элиты Красной Армии к лету 1931 г.

Однако это не было еще следствием результатов модернизации Красной Армии по программе М.Тухачевского. Они сказались, в том числе и на составе военной элиты лишь в 1933 г., что повлекло за собой новую ротацию состава элиты, но это относится к сюжетам, выходящим за рамки заявленной проблемы и требует отдельного исследования.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Исследование советской военной элиты 20-х годов, ее происхождения, состава, структуры, эволюции, внутрикорпоративных отношений, персональных особенностей лиц, входивших в ее состав, ее лидеров, политической ангажированности – все это позволяет обратить внимание на самое существенное, определить смыслообразующие итоги проделанной работы.

…Масштаб революционного разорения России был равноценен масштабу цивилизационной катастрофы. Потому и решения, которые предлагались, цели, которые ставились претендентами на роль творцов новой цивилизации или восстановителей старой соответствовали масштабности проблемы.

…Революционная стихия, вырвавшаяся в феврале 1917 года из недр России на несколько лет стала мощной силой с которой сознательно или неосознанно, начиная с 1917 по 1921 г. вели в той или иной форме борьбу, сменявшие друг друга волны все новых, все более радикальных революционных элит. Борьбу, в общем-то, безуспешную до тех пор, пока обстоятельства 1921 г. не подвели ей и самому буйству Революции своеобразный итог. «Страшный русский бунт, бессмысленный и беспощадный» был жесточайшим образом подавлен «революционной Красной Армией» во главе с М.Тухачевским и с другими «революционными генералами». Советская власть и большевистская партия, оказавшиеся бессильными перед Кронштадтом и Тамбовщиной, были спасена подпоручиком императорской лейб-гвардии и военной элитой Красной Армии, 80% которой составляли бывшие генштабисты и кадровые офицеры царской армии, в своем подавляющем большинстве беспартийные. Так советская военная элита заявила претензии на «действительного и единственного спасителя большевиков и национальной государственности» и на право принимать активное участие в будущем России и армии. Она оказалась единственной дееспособной силой в борьбе с социальной стихией, разрушившей Российскую Империю.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Великодержавно-государственная» политическая и цивилизационная ориентация советской военной элиты, «спасавшей большевиков» в 1921 году, по существу, являла собой одну из форм, назову ее так – «офицерского», в контексте российской культурно-исторической традиции, или «имперского», в масштабе цивилизационного решения проблемы. В пределах той же «офицерской» «великодержавно-государственной» парадигмы начиная с конца 1917 г. предпринималось решение «российской проблемы» белым движением, особенно на юге России. Поляризация позиций «красной» и «белой» армий опиралась на социо-культурный и социо-ментальный настрой комсостава той и другой армии, представленного «офицерами военного времени». Кадровое же офицерство, особенно генштабисты, носители военно-профессиональных ценностей, отождествлявшихся ими всегда с квинтэссенцией великодержавно-государственного смысла, были морально готовы к компромиссу между «генштабистами» «красной» и «белой» армий. Эта тенденция обозначилась еще летом 1919 г. в «деле» о так называемом «заговоре в Полевом Штабе РВСР». Она вполне определилась к 1921 г.

Можно с полным основанием считать, что в первой половине 20-х годов (по крайней мере) в условиях неопределенности российского грядущего, таким образом, вполне явственно и достаточно убедительно просматривался один из вполне реальных вариантов вектора ее постреволюционного и поствоенного развития. Разумеется, речь не идет о пристальном рассмотрении альтернативных моделей возможного развития России и их политических или морально-этических оценках. Речь идет лишь о моменте конкретно-исторического выбора, который сам по себе в своем исходном состоянии и в политическом, и в морально-этическом, и в социо-культурном смысле нейтрален. Ясно одно - военная элита в сложившейся коньюнктуре оказалась склонной подчиниться соблазну «присвоить себе» право выбора варианта национально-государственного развития. Однако это вовсе не значит, что она уже имела или способна была сама выработать «модель развития» или, тем более, самостоятельно реализовать какую-либо из уже предлагавшихся «моделей». Во всяком

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

случае, гражданская война в России такие возможности предоставила «белым армиям» и их «вождям», но ни одна и не один из них не сумел с ними справиться.

Красная Армия, ее военно-профессиональная элита, ее лидер М.Тухачевский оказались победителями в гражданской войне между «красными» и «белыми». Оперируя именами-символами, можно сказать, что «Тухачевский» выиграл схватку за лидерство над «человеком с ружьем» на полях гражданской войны. Он символически воплощал, таким образом, «победителя» и нового «лидера» не только «красной», но и «белой» части вооруженной силы России, оставшейся на ее развалинах от былого «имперского великодержавия». Тухачевский оказался, пожалуй, последним в ряду, который начатом генералом Л.Корниловым.

В контексте приведенных утверждений нельзя не обратить внимания на один из стержневых факторов политической ангажированности советской военной элиты 20-30-х годов. Позволю себе для «рабочего» употребления назвать его «Тухачевский-фактор». И речь не идет обязательно о действительной роли или обязательно о функционально-политических свойствах этой личности.

В силу совокупности многих причин, и не в последнюю очередь, социоментальной устремленности военной элиты, некий «архетип Тухачевского» с течением времени начал принимать активное участие в социально-политических, социокультурных процессах, функционируя все чаще независимо от своего реального прототипа. Он превратился в разновидность «военно-политической привычки», «модели» политического поведения военной элиты, особенно в восприятии элиты политической. Так или иначе, но в этом имени обрело знаковое воплощение участие военной элиты в политических процессах. Причем смыслоопределяющим политическую роль военной элиты 20-х годов уже тогда становится «архетип заговора Тухачевского».

«Харизматические» свойства личности М.Тухачевского в сочетании с кажущейся затаенностью его намерений, спрятанных маской «молчаливости»; его «реваншистские» настроения, не получившие ожидаемого «выплеска» в но-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вой «революции извне»; наличие в его распоряжении преданных ему лучших в республике войск, аполитично-беспартийных, пронизанных этно-социальной «обиженностью» и руководимых его давними соратниками, столкнулись с раздраженным и нескрываемым намерением политического центра «отнять у него армию» (читай: отнять у него смысл существования). К сказанному следует добавить разочарование «генштабистов» и значительной части армейских «революционных командиров» в Л.Троцком. Первых «вождь Красной Армии» не защитил от «чистки», активно начатой с весны 1923 г., вторых - от последствий сокращения армии. Эти настроения М.Тухачевский должен был чувствовать весьма остро. Тогдашнему его положению одного из трех «вождей» Красной Армии угроза исходила от всей политической элиты: Л.Троцкого, И.Сталина, Г.Зиновьева. Любая из этих трех фигур, независимо от исхода их борьбы между собой, представлялась угрозой М.Тухачевскому и группировавшихся вокруг него «генштабистов» и «красных командиров».

В обстановке преобладание в советской военной элите беспартийных «спецов-генштабистов» и отсутствие в Республике политического «вождя» (уже свершившаяся политическая, а вскоре и физическая смерть В.Ленина и обнаружившаяся политическая слабость Л.Троцкого) - все это складывалось в уникальную политическую коньюнктуру. Она подталкивала его к «военному перевороту» с той же решимостью и настойчивостью, с которой несколько лет назад невыносимость «германского плена» упрямо толкало его к неоднократным «лагерным конспирациям» и побегам. В ситуации смерти В.Ленина, явной политической «капитуляции» Л.Троцкого, отсутствия авторитета у ожидаемых «победителей», недовольства армии, давно требовавшей ликвидации надзора со стороны комиссаров и ГПУ, во всяком случае, от осторожного и настороженного М.Тухачевского требовался выбор.

Можно заключить, что в январе-марте 1924 г. М.Тухачевский допускал возможность, не подавляя собственных намерений, но (так или иначе) не смог сыграть (или ему помешали это сделать) политическую роль, молчаливо (или

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

не совсем!) «порученную» ему представителями «красной» и «белой» военных элит.

В январе-марте 1924 г., ознаменовавшийся арестом М.Тухачевского, был уже предопределен социально-политический и социо-культурный вектор будущей судьбы страны и армии. Именно в М.Тухачевском аккумулировали всю свою политическую энергию, настроения и надежды «красные» и «белые» остатки «русского офицерского корпуса». Ныне ясно, что эти процессы уже тогда, с 1924 г. начали развиваться не в рамках «офицерской» парадигмы. Пожалуй, с этого времени в общественном мнении, подпитываясь растущей и напряженной настороженностью партийно-политической элиты, возникает «архетип заговора Тухачевского», оказывавшего столь губительное воздействие на советскую военную элиту 20-30-х годов.

В то же время советская военная элита, сложившаяся по итогам гражданской войны, начинает терять свою социокультурную значимость и перспективу стать автономным субъектом в политических процессах с «падением» М.Тухачевского. Процесс «падения Тухачевского», начавшийся в 1924 г., протекал медленно. Его замедленность обусловлена была не только обстоятельствами внутрисоветскими и позицией, занятой представителями «новой военной элиты». Пока интеллектуальной и профессиональной опорой Красной Армии оставались «военспецы-генштабисты», пока, следовательно, над сознанием не только советской военной элиты, но и над сознанием элиты партийно-политической довлел авторитет специалиста старой русской армии, сохранялся и авторитет «зеркального отражения» Красной Армии – армии Белой в изгнании и ее военных специалистов. Белое военное зарубежье сохраняло вплоть до конца 20-х годов репутацию главного врага. Но именно для этого врага, в гораздо даже большей мере, чем для «спецов» в Красной Армии, «наполеоновская легенда Тухачевского» до конца 20-х оставалась уникальной реальностью, способной примирить их с постреволюционной Россией. Они готовы были принять «красного Бонапарта» в качестве и своего лидера тоже и стать «под знамена Тухачевского». Именно эта вера русского военного зарубежья в «ха-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ризму» М.Тухачевского помогала, постоянно подпитывая и «гальванизируя» ее «информационными играми» ОГПУ, удерживать лидеров Белой армии в изгнании от вооруженного вмешательства в дела СССР, не располагавшего силой, способной уверенно этому противостоять в 20-е годы.

Предпринятая попытка проанализировать внутренние психо-ментальные, социокультурные, «архетипические» импульсы, предопределявшие поведение, поступки, вкусы и пристрастия М.Тухачевского, позволяет считать, что он самоопределялся в окружавшем его социо-культурном пространстве прежде всего как «аристократ». Более того – как «аристократ в демократии». Его отношение к политической власти носило характер аристократически-снисходительный, порой пренебрежительный, несколько богемный, «ироничный». Это не значило, что М.Тухачевский обладал иммунитетом к соблазнам власти. Были ситуации, когда он оказывался на грани «покушения на власть», однако нужна она была ему, скорее всего, в качестве либо «аристократической игрушки», либо как одно из множества иных средств получения самого из «аристократических удовольствий» – удовольствие Войны.

В контексте, таким образом, сложившегося мнения необходимо отметить обнаружившееся противоречие между сложившейся в СССР и в русском военном зарубежье «наполеоновской легендой Тухачевского», «архетипом заговора Тухачевского» и затаившейся в его личности мотивацией его социокультурного поведения, не лишенного преднамеренной «политической театральности» с элементами «фарса». Это противоречие обладало потенциалом драматического и даже трагического «разворота» в судьбе значительной части советской и «антисоветской» военной элиты в 20-е годы, соблазненной «видением харизмы Тухачевского».

М.Фрунзе оказавшийся во главе Красной Армии, фактически, уже в 1924 г. был, несомненно, менее яркой фигурой чем М.Тухачевский или Л.Троцкий, но столь же, несомненно, более военной, чем последний, политически независимой и весьма способной. Однако М.Фрунзе по своей ментальной ориентации, генетически определившейся на революционных баррикадах, в каторжных

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

тюрьмах, «табуированной» революционно-партийной моралью, был все-таки «революционером» и «партийцем», а не «офицером». Его, по сей день кажущаяся загадочной, криминально-затененная скоропостижная смерть действительно открыла шлюзы для проталкивания на место «вождя Красной Армии» вполне заурядного человека – «человека-плакат», К.Ворошилова. Через него партийно-политическая элита и ее лидеры получали возможность, пусть постепенно, но уверенно ввести военную элиту в жесткие номенклатурно-государственные нормы «повиновения и исполнения». «Вычищая» из нее «непокорных» и «самоуверенных в своей профессиональной образованности» «генералов», власть вводила в ее состав «управляемых» и «партийно-дисциплинированных».

…В политическом и социо-культурном плане с 1923 и до 1931 г. наблюдалась явная тенденция к вытеснению из состава военной элиты людей «знаменитых» и к постепенной замене их людьми «новыми», «неизвестными». «Меритарные» свойства элиты уступали место номенклатурным. Своими подвигами и славой вознесшийся в военную элиту, и потому «независимый», склонный к «самостийности» и «умничанию» «генерал», постепенно вытеснялся «назначенцем». Нельзя сказать, чтобы этот процесс завершился к 1931 г. Однако ясно, что старая военная элита вышедшая из гражданской войны к лету 1931 г. более чем на 80% была уже заменена «новыми людьми». Следует также отметить, что сначала, в 1924-1926 гг., «генштабистов» меняют на менее квалифицированных, но политически лояльных и управляемых, подчас достаточно известных, не лишенных способностей, но лишенных образованности «красных командиров». На этой стадии, бесспорно, профессональные качества элиты приносились в жертву ее политической покорности и благонадежности. Однако с 1928-1931 гг. на изменение состава военной элиты начинает активно воздействовать, внося нравственное оправдание самому процессу, фактор модернизации армии, постепенно обретая определяющий смысл.

Отказ от услуг генштабистов старой армии, обнаружившаяся явная непригодность «доктрины революционной войны» М.Тухачевского и обострив-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

шаяся проблема профессиональной и боевой подготовки комсостава армии вывели политическое руководство на решение этой проблемы при помощи генштабистов Рейхсвера, но в основном на старой парадигмальной основе подготовки армии вообще (на основе опыта 1-й мировой войны). Это решение обусловило и курс на новую радикальную ротацию военной элиты. Предполагалась «чистка» как от «генштабистов», так и от «краскомов», отличившихся в гражданскую войну. Новая элита должна была вырастать из лиц, получивших «генштабистское» образование в Германии. Она начала осуществляться с выдвижения на роль лидера «новой военной элиты» И.Уборевича. Использование И.Сталиным И.Уборевича, как предполагаемого лидера новой военной элиты, фактически, стало началом новых реформ.

Этот период был обозначен дискуссионным поиском модели модернизации Красной Армии. В ходе дискуссий столкнулись в основном две модели модернизации: «германской» И.Уборевича и М.Тухачевского. Неудача модернизации «по-Уборевичу» и на основе рекомендаций руководства Рейхсвера в условиях обострения международного положения СССР и внутриполитической борьбы, приводит к принятию программы модернизации М.Тухачевского. Во главу угла было положено радикальное и форсированное обеспечение современной боевой техникой советских вооруженных сил, преимущественно на основе собственных ресурсов и на технологических принципов «двойного назначения».

Этот период, особенно в 1931 г. ознаменовался окончательным устранением генштабистов старой армии не только из состава военной элиты (они уже не играли в ней сколько-нибудь существенной роли), но и из комсостава РККА. Определившийся в основном совершенно новый состав военной элиты, в основном из партийных командиров и отчасти «креатур» представителей правящей политической элиты обозначился с 1931 г. лидирующим положением И.Якира и Я.Гамарника. М.Тухачевский, сохранявший репутацию наиболее авторитетного советского военачальника, ценного организатора и проводника

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

модернизации Красной Армии, утратил почти полностью свое политическое влияние.

…Советская военная элита 20-х годов, рожденная гражданской войной, прошла три основных этапа в своем «крушении». Рубежи двух из них определялись судьбами ее «лидеров»: арест и начало «падения» М.Тухачевского в марте 1924 г. и смерть М.Фрунзе в октябре 1925 г. Третий рубеж – «военная тревога» 1926-1927 гг. – сомнение в соответствии военной элиты своему назначению, обозначившее ее скорое «разрушение» и формирование «новой элиты», возникавшей в обстановке начавшегося процесса технической модернизации Красной Армии.

Это не была обычная ротация элит в пределах единой военной традиции. Это была, скажем так: эпохальная смена качества военной элиты. В России, в СССР военная элита, выросшая из гражданской войны, в общем, сохраняла преемственность и профессиональную, и ментально-генетическую связь со старой русской армией – до 80% ее составляли «генштабисты» дореволюционной русской школы. «Генштабисты» – элита и «мозг армии», ее мысль, интеллект, военная интеллигенция, как часть русской интеллигенции, аккумулировали в своих социокультурных установках и ментальной направленности дворянское, военно-аристократическое самоощущение. Они продолжали мыслить военное дело привилегией гуманитарно-, а не только военно-образованной части элиты российского общества. Они были убеждены в своей особой военно-государственной, «имперски-культурной» миссии «хранителей» вековых традиций русской армии и русского офицера – социокультурного стержня Империи и культуры. Этот ментальный ориентир в 20-е годы (особенно в их начале) притягивал нравственно-профессиональные настроения и «красных командиров», вышедших из разночинной и часто малообразованной среды «скороспелых» прапорщиков и унтеров «германской войны». Однако с обнаружившейся несостоятельностью военной элиты перед лицом «военной тревоги» 1926-1927 гг., ответственность за неготовность армии к которой была возложена на нее, обозначилась явственная тенденция не только к формированию «новой военной

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

элиты», но такой, чьи социо-культурные привычки, устремленность и ментальная ориентация парадигматически определялась уже не старинными, «священными» военно-историческими дворянско-аристократическими, потому, преимущественно гуманитарными, по существу, традициями, а техникой.

Не аристократ-кавалерист, «благородный рыцарь» или интеллектуал-генштабист, «мозг армии», теперь были объектом уподобления в качестве элитарного образца, а «механик», грубоватый, но сноровистый «мастеровой». Военное дело спускалось с высот «одухотворенного свыше» военного искусства до прозы обычного ремесла и умелого, профессионального обслуживания боевой техники. Не «кентавр» из глубин веков, но механическое чудовище-танк с заводского конвейера уже претендовал на господствующее положение в грядущей «войны моторов». Поэтому, несомненная профессиональная деградация военной элиты по качественному составу с 1923 до 1931 г. оказывалась, в каком-то смысле, объективно объяснимой и, можно сказать, морально оправданной: «генштабист» старой армии к концу 20-х чаще всего, по многим причинам, не соответствовал новому оружию.

Можно сказать, что советская военная элита 20 годов была разрушена не только обстоятельствами военно-политического и персонального характера, но и обстоятельствами, скажем так, цивилизационного свойства: на поле сражения Человек уступал место смертоносной Технике, «убивающему Артефакту». Организм теперь считался слабее Механизма. Наступала эпоха «войны машин, где дышит интеграл». Таким образом, прихотливые, небескорыстные стремления и намерения политической элиты сошлись с неумолимостью коньюнктуры развития цивилизации, разрушая и уничтожая остатки социо-культурных элементов прежней российской военно-исторической и военно-культурной традиции.

Все это стало фактором не только в судьбе советской военной элиты 30-х годов, но и влияло на дальнейшую судьбу страны, ее политики и культуры в целом.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.Источники.

Архивные фонды:

1. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

1.1. Ф. 5853. Оп. 1. – Дневник генерала А.А. фон Лампе. 1919-1926.

2. РГВА – Российский Государственный военный архив.

1.2. Ф. 4. - Управление делами РВС СССР и НКО СССР. Штаб РККА. Стенографические отчеты Пленумов РВС СССР 1924-1936 гг. Пятилетний план строительства Вооруженных сил и мобилизационная заявка на год ведения войны. Сборники секретных приказов РВСР-РВС СССР 1923-1924 гг.Стенограммы закрытых заседаний РВС СССР и Военного совета при Наркоме обороны СССР (1928, 1936 гг.).

1.3. Ф. 7. Оп. 1. – Докладная записка начальника Штаба РККА Тухачевского М.Н. на имя Народного комиссара по военным и морским делам Ворошилова К.Е. «О радикальном перевооружении РККА» от 20 декабря 1927 г.; Докладная записка командующего Ленинградским военным округом Тухачевского М.Н. на имя Народного комиссара по военным и морским делам Ворошилова К.Е. «О реконструкции Вооруженных сил» от 11 января 1930 г.

1.4. Ф. 104. – Управление армиями Западного фронта. Штаб фронта. Политуправление Западного фронта. Секретариат РВС фронта. Комиссии при РВС фронта.

1.5. Ф. 33987. - Секретариат Председателя РВС СССР.

1.6. Ф. 37605. Оп. 2. – М.Н. Тухачевский. (Личный фонд).

1.7. Маршал М.Н.Тухачевский. (Комплект документов (19) из фондов РГВА, ксерокпии). Составители: П.А. Аптекарь, И.В.Успенский. Под редакцией к.и.н. Елисеевой. - РГВА, 1994.

1.8. **-Послужные списки**: Алексеева И.Т.; Андерса А.К.; Анникова Г.М.; Армадерова Г.А.; Ассарита Я.Я.; Варфоломеева Н.Е.; Виноградова А.Н.; Гатовского А.Н.; Залесского В.Д., Зуева Д.Д., Ермолина П.И., Кауфельдта Ф.П.; Кеппена А.Г.; Колесинского А.К.; Корка А.И.; Корфа С.Я.; Кука А.И., Лавиновского Б.Я.; Мейендорфа М.Э.; Мерклинга И.М.; Навроцкого М.Л.; Надеждина Л.А.; Никонова Ф.П.; Ольшевского Ф.И.; Павлова А.В.; Пятосина Е.С.; Садлуцкого В.К.; Сакварелидзе-Бежанова С.Г.; Симонова А.А.; Сокка Р.И.; Тухачевского А.Н.; Хвощинского Г.Н.; Чернавина В.В.; Шах-Тахтинского С.Г.; Шестуна В.В., Эбергардта С.Ю.; Эссена Н.Г. и др.

3. РГВИА – Российский Государственный военно-исторический архив.

1.9. Ф.291. Оп. 1. – О родословной и дворянстве Тухачевских, Зайончковских и др.

1.10. Ф.2576. – Лейб-гвардии Егерский полк.Списки по старшинству в чинах генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам лейб-гвардии Егерского полка (1901, 1903, 1914 гг.).

1.11. Ф. 2577. – Лейб-гвардии Измайловский полк.Списки по старшинству в чинах генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам лейб-гвардии Измайловского полка (1907, 1910, 1913 гг.).

1.12. Ф. 2583. – Лейб-гвардии Преображенский полк. Списки по старшинству в чинах генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам лейб-гвардии Преображенского полка (1914 г.).

1.13. Ф. 2584. – Лейб-гвардии Семеновский полк. Списки по старшинству в чинах генералам, штаб- и обер-офицерам классным чиновникам лейб-гвардии

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Семеновского полка (1901, 1906, 1913, 1916, 1917 гг.).

1.14. Ф. 3547. – Лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Марии Федоровны полк. Списки по старшинству в чинах генералам, штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества Марии Федоровны полка (1903-1904, 1907, 1912 гг.).

1.15. **Послужные списки**: Колесинского В.В.; Тухачевского М.Н., Зайончковского А.М., Какурина Н.Е., Свечина А.А., Де-Лазари А.Н., Снесарева А.Е., Зуева Д.Д., Ермолина П.И. и др.

4. ГАОО – Государственный архив Орловской области.

1.16. Ф. 68. - Орловского Дворянского Депутатского собрания

1.17. Ф. 580 - Канцелярии Орловского губернатора.

1.18. Ф. 672 - О предоставлении дворянам в Орловское Дворянское Депутатское собрание доказательств о дворянстве

1.19. Памятные книги Орловской губернии

за 1890 год	за 1900 год
за 1891 год	за 1904 год
за 1894 год	за 1905 год
за 1895 год	за 1906 год
за 1897 год	за 1907 год
за 1898 год	за 1908 год
за 1899 год	за 1909 год

Опубликованные архивные документы.

1.20.Август Корк. Документы и материалы. /Сост. Я.М.Горелик, кандидат военных наук. - Таллин.: «Ээсти Раамат», 1981. – 176 с.

1.21.Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. - М.: «Терра», 1990. – Т.1. – 256 с.; Т.2. – 256 с.; Т.3. – 256 с.; Т.4. – 280 с.

1.22. Большевистское руководство. Переписка 1912-1927. Сборник документов. / Составители: А.В.Квашонкин, О.В.Хлевнюк, Л.П.Кошелева, Л.А.Роговая. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 1996. – 423 с.

1.23.В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЕН), 1999. – 607 с.

1.24.Внутрипартийные дискуссии 20-х годов. Документы. // Известия ЦК КПСС. – 1990. - № 5. – С.165-179.; № 6. – С.189-195.; № 7. – С.174-192.; № 10. – С.167-191.; № 12. – С.164-180.; 1991. – № 3. – С.201-220.

1.25.Востребованный компромат на Г.М.Штерна. Справка на генерал-полковника Штерна Григория Михайловича. // Военно-исторический журнал. – 1994. - № 3. – С.18-23.

1.26.Генрих Ягода. Нарком внутренних дел, Генеральный комиссар госбезопасности. Сборник документов. / Составители: В.К.Виноградов, А.А.Зданович, В.И.Крылов, А.Л.Литвин, Я.Ф.Погоний, В.Н.Сафонов. - Казань, 1997. – 542 с.

1.27.Дело о так называемой «антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии».// Известия ЦК КПСС. – 1989. - № 4. – С.42 – 80.

1.28.Диктатор Крыма. (Публикации документов о возвращении генерала Я.Слащова). //Неизвестная Россия. 20 век. – М.: Историческое наследие, 1993. – Выпуск № 3. – С. 85-118.

1.29.Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922). - М.: Военное издательство Министерства обороны СССР. – 1978. - Т. 4. – 728 с.

1.30.Доклад М.В.Фрунзе: «Об итогах реорганизации Красной Армии».//Военно-исторический журнал. – 1966. - № 6. – С.66 – 75.; № 8. – С.64 – 73.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1.31.Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. - М.: Советская Россия, 1992. – 384 с.
1.32.И.А.Ильин и П.Н.Врангель: 1923-1928 гг.// Русское прошлое. – СПб, 1996. - № 6. – С.209 – 289.
1.33. «Ильич был тысячу раз прав». (Из переписки членов Политбюро ЦК РКП (б) в июле – августе 1923 г.). // Известия ЦК КПСС. – 1991. - № 4. – С.192-208.
1.34. «Красная Армия придет в Германию с запозданием». Письмо Э.Фиммена – Г.Зиновьеву. 19 октября 1923 г. //Источник. – 1995. - № 2. _ С.26-32.
1.35.Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. «Антоновщина». Документы и исследования. – Тамбов.: «Редакционно-издательсткий отдел», 1994. – 334 с.
1.36.Кронштадт. 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. /Составление, введение и примечания В.П.Наумова, А.А.Косаковского. М.: Фонд «Демократия», 1997. – 432 с.
1.37.Кронштадтская трагедия 1921 года.// Вопросы истории. – 1994. - № 4. – С.3 – 21.; № 5. – С.3 – 23; № 6. – С.24 – 44.; №7. – С.3 – 33.
1.38.Кронштадтская трагедия 1921 г. Документы. М., 1999, в 2-х книгах.
1.39.Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года.//Вопросы истории. – 1992. - № 2-3. – С.3–44.; № 4-5. – С.3–36.; №12; 1993. - № 2. – С.3-33.; № 5. – С.3-23.; № 6. – С.3-30.; № 7. – С.3-24.; № 8. – С.3-26.; № 9. - С.3-32.; 1994. - № 1. – С.12-28.; № 2. – С.3-29.; № 6. – С.3-23.; № 8. – С.3-29.; № 10. – С.3-27.; № 12. – С.3-29.; 1995. № 1. – С.3-28.; № 2. – С.3-26.; № 3. – С.3-15.; № 4. – С.3-18.; № 5-6. – С.3-24.; № 7. – С.3-25.; № 8. – С.3-25.; № 10. – С.3-28.; № 11-12. – С.3-23.
1.40.Монархия пала, а антисемитизм остался. Документы Информационного отдела ОГПУ 1920-х годов. //Неизвестная Россия. 20 век. – М.: Историческое наследие, 1993. – С. 324-360.
1.41.На борьбу с лимитрофами.... Стенограмма заседания РВС СССР с командующими войсками МВО, УВО и БВО и начальниками морских сил Балтийского и Черного морей от 8 мая 1928 г. Публикация Н.Ю.Березовского.// Военно-исторический журнал. - 1993. - № 4. – С.53 – 62.
1.42. «Назначить Революцию в Германии на 9 ноября». Документы Политбюро ЦК РКП (б). // Источник. – 1995. – № 5. – С.115-139.
1.43. «Немцы вели и будут вести двойную политику...». Рейхсвер глазами командиров Красной Армии.// Военно-исторический журнал. – 1997. - № 2. – С.30-38.
1.44.Письма 1936. И.П.Уборевич – Г.К.Орджоникидзе. Предисловие и публикация А.П.Ненарокова и Н.В.Чернышевой. //Факел-90. – М., 1990. – С.236 – 238.
1.45.1937. Показания маршала Тухачевского.// Военно-исторический журнал. – 1991. - № 8. – С.44 – 53; № 9. – С.55 – 63.
1.46.Погибли в годы беззакония.//Военно-исторический журнал. 1993. - № 2. – С.81 – 83.; № 4. – С. ; № 5. – С.66 – 67.; № 6. – С.4-12.
1.47.Показания Тухачевского М.Н. от 1 июня 1937 года.// Кровавый маршал Михаил Тухачевский. 1893-1937./ Сост. Г.В.Смирнов. - СПб.: Корона, 1997. – С.81 – 111.
1.48.Политическая история русской эмиграции 1920-1940. Документы и материалы. / Под редакцией профессора А.Ф.Киселева. - М.: ВЛАДОС, 1999. – 776 с.
1.49.Рейхсвер и Красная Армия. Документы из военных архивов Германии и России. 1925-1931. - Кобленц-Москва.: Федеральный архив Германии. Государственная архивная служба России. Российский Государственный военный архив, 1995. – 128 с.
1.50.Протоколы допросов адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе-феврале 1920 г. //Архив русской революции. – М., «Терра», 1991. – Т.10. – С.177-321.
1.51.Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака. (Стенографический отчет). //Арестант пятой камеры. – М.: Политиздат, 1990. – С.243-477.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1.52.Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. - М.: «Гея», 1998. - Т.1, книга первая. – 426 с.
1.53.Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. М.: «Гея», 1998. – Т.2, книга вторая. – 752 с.
1.54. «Ряд иностранных разведок действует по нашим указаниям». А.Артузов. Краткая справка о деятельности КРО ОГПУ за 1923-24 операционный год. 30 ноября 1924 г. //Источник. – 1995. - № 4. – С.72-80.
1.55.7-й Всебелорусский съезд Советов. Май 1925 г. Стенографический отчет. - Минск, 1925. - .
1.56.Советское руководство. Переписка 1928-1941. Сборник документов. / Составители А.В.Квашонкин, Л.П.Кошелева, Л.А.Роговая, О.В.Хлевнюк. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЕН), 1999. – 519 с.
1.57.Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА (к 1 марта 1923 г.). - М.: Штаб РККА. - 1923. – 261 с.
1.58.Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене Родине, терроре и военном заговоре.//Военные архивы России. – 1993. - Выпуск 1. – С.29 – 113.
1.59.Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене Родине, терроре и военном заговоре. //Военно-исторический архив. - 1997. - Выпуск 1. – С.173 – 255.
1.60.Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене родине, терроре и военном заговоре. //Военно-исторический архив. – 1997. Выпуск 2. – С.3 – 117.
1.61.Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. / Составители: О.В.Хлевнюк, А.В.Квашонкин, Л.П.Кошелева, Л.А.Роговая. - М.: «АИРО – XX», 1995. – 340 с.
1.62.Стенограмма выступления И.В.Сталина на расширенном заседании Военного совета при Наркоме обороны 2 июня 1937 г. // Источник. – 1994. - № 3. – С.72-88.
1.63.Стенограмма выступления И.В.Сталина на расширенном заседании Военного совета при Наркоме обороны 2 июня 1937 г. // Кривицкий В. Ябыл агентом Сталина. – М.: Современник, 1996. – С.280-299.
1.64.Судебный отчет (по делу антисоветского право-троцкистского блока 2-12 марта 1938 г.). - М.: «Международная семья», 1997. – 688 с.
1.65.Судьбы генеральские… . Справка на заместителя народного комиссара обороны Союза ССР Маршала Советского Союза тов. Кулика Г.И.// Военно-исторический журнал. – 1993. - № 12. – С.16-21.
1.66.Судьбы генеральские… . Справка на Буденного Семено Михайловича, Заместителя народного комиссара обороны СССР. // Военно-исторический журнал. – 1994. № 1. – С.15-23.
1.67.Танки против линкоров. Фрагменты стенограммы совещания Реввоенсовета СССР с командующими войсками Московского, Белорусского и Украинского военного округов и начальниками морских сил Балтийского и Черного морей от 8 мая 1928 г. Публикация, примечания и комментарии П.Аптекаря. //Родина. – 1995. - №. – С.84 – 90.
1.68.Чему свидетели мы были… . Переписка бывших царских дипломатов. 1934-1940. Сборник документов в двух книгах . - М.: «Гея», 1998. – Книга первая: 1934-1937. – 562 с.
1.69.Чему свидетели мы были… . Переписка бывших царских дипломатов. 1934-1940. Сборник документов в двух книгах. – М.: «Гея», 1998. – Книга вторая: 1938-1940. – 624 с.
1.70.6-й Всебелорусский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Стенографический отчет. - Минск, 1924. - .
1.71.Щаденко, Запорожец, Кирпонос, Ковалев, Конев – заговорщики?… Справка на Щаденко Ефима Афанасьевича, члена ВКП (б); Справка на Запорожца Александра Ивановича, 1899 года рождения, из рабочих, члена ВКП (б) с 1919 года; Справка на командующего КОВО генерал-полковника Кирпоноса М.П.; Справка на командующего Забайкальским военным ок-

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

ругом генерал-лейтенанта Ковалева М.П.; Справка на командующего СКВО генерал-лейтеннта Конева Иван Степановича. //Военно-исторический журнал. – 1994. - № 2. – С.7-12.

Мемуары, дневники, записки.

1.72.Агабеков Г. Секретный террор. - М.: Современник, 1996. – 447 с.
1.73.Александр Тодорский. Воспоминания друзей и соратников. - М.: Военное издательство, 1986. – 184 с.
1.74.Александр Иванович Гучков рассказывает… Беседы А.И.Гучкова с Н.А.Базили (история стенограмм). //Вопросы истории. – 1991. - № 7-8. – С.191-216.; № 9-10. – С.186-211.; № 11. – С.178-195.; № 12. – С.165-175.
1.75.Аралов С.И. Ленин вел нас к победе. Воспоминания. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – 176 с.
1.76.Бабель И. Конармейский дневник 1920 года. //Бабель И. Конармия. – М.: «Правда», 1990. – С.124-207.
1.77.Бармин А. Соколы Троцкого. - М.: Современник, 1997. – 527 с.
1.78.Беляков А.В. В полет сквозь годы. – М.: Воениздат, 1981. – 350 с.
1.79.Бенуа Г. Сорок три года в разлуке. //Простор. – 1967. - № 9. – С. 59-73.
1.80.Беседовский Г. На путях к Термидору. - М.: Современник, 1997. – 461 с.
1.81.Благодатов А.В. Записки о китайской революции 1925-1927 гг. – М.: «Наука», 1975. – 278 с.
1.82.Блюхер Г.И. С Василием Константиновичем Блюхером – шесть лет. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 3. – С.93-96.; № 4. С.79-86.; № 5. – С.88-94.; 1990. - № 1. – С.79-87.
1.83.Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964. – 360 с.
1.84.Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1943. – 264 с.
1.85.Брусилов А.А. Мои воспоминания. Часть 2. // Военно-исторический журнал. - 1989. - № 10. – С.66-73.; № 12. – С.54-57.; - 1990. - № 2. – С.56-63.; - 1991. - № 2. – С.38-44.
1.86.Будберг А. Дневник. //Архив русской революции. – М.: «Терра», 1991. – Т.12. – С.197-212.
1.87.Буденный С.М. Пройденный путь. – М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1958. – Книга первая. – 448 с.; 1965. – Книга вторая. - 391.; 1973. – Книга третья. – 408 с.
1.88.Василевский А.М. Дело всей жизни. – М.: Издательство политической литературы, 1988. – Книга первая. – 320 с.
1.89.Верховский А.И. На трудном перевале. – М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1959. – 448 с.
1.90.Верховский А.И. Россия на Голгофе. (Из походного дневника 1914-1918 гг.). //Военно-исторический журнал. – 1992. - № 10. – С.; № 11. – С.; № 12. – С.; 1993. - № 1. – С.64-69.; № 3. – С.35-42.; № 4. – С.31-43.; № 5. – С.82-88.; № 7. – С.60-68.; № 8. – С.62-73.
1.91.Воронов Н.Н. На службе военной. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1963. – 440 с.
1.92.Врангель П.Н. Записки . Кавказская армия. – М.: Голос, 1995. – Часть 1. – 432 с.
1.93.Врангель П.Н. Записки. Последний Главком. – М.: Голос, 1995. – Часть 2. – 350 с.
1.94.Гай (Ланге) Л. Незабываемые встречи. // Коммунист. – 1965. - 15 октября.
1.95.Гальдер Ф. Военный дневник. - М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968. - Т.1. – 512 с.; 1969. – Т.2. – 628 с.
1.96.Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. – Париж: «Военно-историческое издательство «Танаис», 1970. – Т.2. – 221 с.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1.97.Громов М. Через всю жизнь. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 190 с.
1.98.Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков. //Архив русской революции. – М.: «Терра», 1993. – Т.14. – С. 39-131; Т.15. – С.162-232.
1.99.Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. – М.: «Наука», 1991. – 520 с.
1.100.Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. – М.: «Наука», 1991. – 377 с.
1.101.Деникин А.И. Очерки русской смуты. //Вопросы истории. – 1990. - №№ 3-12. – с.; 1991. - №№ 1-12. – с.; 1992. - №№ 1-9. – с.; 1993. - №№ 2, 4-12. – с.; 1994. - №№ 1-12. – с.; 1995. - №№ 1-4, 7. – с.
1.102.Деникин А.И. Путь русского офицера. – М.: Современник, 1991. – 300 с.
1.103.Джунковский В.Ф. Воспоминания. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1997. – Т.1. – 736 с.; Т.2. – 688 с.
1.104.Дневники Императора Николая 2. – М.: «Орбита», 1991. – 736 с.
1.105.Дубинский И. Портреты и силуэты. - М.: Советский писатель, 1987. – 496 с.
1.106.Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. – М.: «Наше наследие», 1996. – 576 с.
1.107.Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. - М.: Агентство печати Новости, 1971. – 701 с.
1.108.Зайцов А. Семеновцы в 1914 году. Люблин-Ивангород-Краков. – Гельсингфорс: «Литера», 1936. – 114 с.
1.109.Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Правда, 1989. – Т.1, книги 1-3. – 592 с.; Т.2, книги 4-5. – 448 с.
1.110.Иссерсон Г.С. Воспоминания современника о М.Тухачевском.//Военно-исторический журнал. – 1963. - № 2. – С. 64-78.
1.111.Иссерсон Г.С. Судьба полководца.// Дружба народов. – 1988. - № 5. – С.179-192.
1.112.Казаков М.И. Над картой былых сражений. – М.: Воениздат, 1965. – 224 с.
1.113.Калинин С.А. Размышляя о минувшем. - М.: Воениздат, 1963. – 222 с.
1.114.Касаткин-Ростовский Ф.Н., князь. Воспоминания о Тухачевском. // Часовой. – 1936. - № 162. – С.12-14.
1.115.Качелин М.М. Дальний костер. Воспоминания. - М.: Воениздат, 1968. – 240 с.
1.116.Клингер А. Соловецкая каторга. //Архив русской революции. – М.: «Терра», 1993. – Т.19. – С.157-211.
1.117.Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников. - М.: Военно издательство Министерства обороны СССР, 1964. – 258 с.
1.118.Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. - М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1965. - 261.
1.119.Красовский С.А. Жизнь в авиации. - М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1968. – 376 с.
1.120.Кривицкий В. Я был агентом Сталина. - М.: Современник, 1996. – 415 с.
1.121.Лобанов М.М. Мы – военные инженеры. - М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1977. – 223 с.
1.122.Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. - М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1965. – 248 с.
1.123.Махров П.С. В штабе генерала Деникина. //Русское прошлое. Парижский выпуск. Архивы эмиграции. – СПб, 1992. – Книга 3. – С.140-166.
1.124.Мерецков К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. - М.: Издательство политической литературы, 1968. – 464 с.
1.125.Мюллер В. Я нашел подлинную родину. Записки немецкого генерала. - М.: «Прогресс», 1974. – 326 с.
1.126.Неизвестное о Тухачевском. Посторонкин В.Н. Тухачевский. // Военно-исторический журнал. – 1990. - № 12. – С.88-90.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1.127.Норд (Загорская) Л. Воспоминания о Маршале М.Н.Тухачевском. //Возрождение. – Париж, 1957. - Тетрадь № 63. – С.48-81.; № 64. – С.47-70.; № 65. – С.71-92.; № 66. – С.98-123.; № 67. – С.111-135.; № 68. – С.84-112.; № 69. – С.41-66.
1.128.О Михаиле Фрунзе. Воспоминания, очерки, статьи современников. М.: Политиздат, 1985. – 287 с.
1.129.Ока Городовиков. Воспоминания. Исследования. Документы. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1974. – 304 с.
1.130.Опишня И. Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства. //Возрождение. – 1955. – Тетрадь 39. – С.106-112.
1.131.Орлов В. Двойной агент. - М.: Современник, 1998. – 350 с.
1.132.Орлов А. Сенсационная подоплека осуждения Сталина. // Был ли Сталин агентом охранки. Сборник статей, материалов и документов. – М.: Терра-Книжный клуб, 1999. – С.30-45.
1.133.Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. - М.: «Автор», 1991. – 352 с.
1.134.Рабичев В. Тухачевский. //Неделя. – 1983. - № 6 (7-13 февраля).
1.135.Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. - М.:Современник, 1998. – 415 с.
1.136.Савинков В. «Красные»(Записки). //Родина, 1999, № 7. – С. 58-63.
1.137.Семенов Ю. Ненаписанные романы. – М.: ДЭМ, 1990. – 288 с.
1.138.Серебрякова Г. О других и о себе. Полководцы. // Серебрякова Г. Собрание сочинений. - М.: 1979, т. 5. – С.476-480.
1.139.Симонов К. Беседы с Маршалом Советского Союза И.С.Коневым. // Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. - М.: Издательство Агентства печати Новости, 1988. – С.392-421.
1.140.Симонов К. К биографии Г.К.Жукова. // Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. - М.: Издательство Агентства печати Новости, 1988. – С.307-391.
1.141.Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. - М.: Издательство Агентства печати Новости, 1988. – 480 с.
1.142.Сиротинский С.А. Путь Арсения. Биографический очерк о М.В.Фрунзе. – М.: Воениздат, 1980. – 223 с.
1.143.Сквирский Л.С. В предвоенные годы. // Вопросы истории. – 1989. - № 9. – С.55-68.
1.144.Слащов-Крымский Я.А.Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. – М.: Наука, 1990. – 272 с.
1.145.Софронов Г.П. Неподвластное времени. - М.: Воениздат, 1976. – 376 с.
1.146.Спатарель И.К. Против черного барона. – М.: Воениздат, 1967. – 256 с.
1.147.Спиридович А.И. При царском режиме. //Архив русской революции. – М.: «Терра», 1993. – Т. 15. – С.85-206.
1.148.Степанов-Скворцов И.И. С Красной армией на панскую Польшу. Впечатления и наблюдения. - М.: Госиздат, 1920. – 80.с.
1.149.Страницы большой жизни. Сборник воспоминаний о Маршале Советского Союза С.М.Буденном. – М.: Воениздат, 1983. – 256 с.
1.150.Судоплатов П. Разведка и Кремль. - М.: «Гея», 1996. – 498 с.
1.151.Троцкий Л.Д. Моя жизнь. - М.: Книга, 1990. – Т.1. – 328 с.; Т.2. – 344 с.
1.152.Троцкий Л.Д. Сталин. - М.: Терра-Политиздат, 1990. - Т.1. – 323 с.; Т.2. – 286 с.
1.153.Трубецкой В.С. Записки кирасира. //Князья Трубецкие. Россия воспрянет. – М.: Воениздат, 1996. – С.367-508.
1.154.Тухачевская Е.Н. В тени монумента. //Огонек. – 1988. - № 17. – С. 20-21.
1.155.Тухачевский М.Н. Первая армия в 1918 году. Воспоминания. //Революция и война. – 1921. - № 4-5. – С.190-208.
1.156.Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров). //Архив русской революции. – М.: «Терра», 1993. – Т. 20. – С.5-207.
1.157.Хацкевич И. Второе призвание маршала. //Ключ-город. – Смоленск, 1963. – с. 275-282.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1.158.Хлебников Н.М. Под грохот сотен батарей. - М.: Воениздат, 1979. – 376 с.
1.159. Хренов А.Ф. Мосты к победе. – М.: Воениздат, 1982. – 349 с.
1.160.Черепанов А.И. Поле ратное мое. - М.: Военное издательство, 1984. – 304 с.
1.161.Черепанов А.И. Строители Красной Армии. //От Зимнего до Перекопа. Сборник воспоминаний. – М.: Воениздат, 1978. – С. 36-51.
1.162.Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин. (Записи бесед с В.М.Молотовым). – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 736 с.
1.163.Шелленберг В. Мемуары. – Минск: Родиола-плюс, 1998. – 480 с.
1.164.Шпальке К. Источники истории о Михаиле Тухачевском. // Гутен Таг. - 1988. – С.36-38.
1.165.Штрассер О. Гитлер и я. - Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – 384 с.
1.166.Энгельгардт Б.А. Воспоминания камер-пажа. //Военно-исторический журнал. – 1993. - № 12. – С.54-59.; 1994. - № 1. – С.52-59.; № 2. – С.52-56.; № 3. – С.76-83.; № 4. – С.63-67.; № 5. – С.66-71.; № 6. – С.70-74.; № 7. – С.79-83.; № 9. – С.52-58.
1.167.Эфрон С.Я. Записки добровольца. – М.: Возвращение, 1998. – 240 с.
1.168.Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. – М.: Воениздат, 1981. – 176 с.
1.169.Devies J.E. Mission to Moscow. - New-York, 1943. – P.56-246.
1.170.Fervacque P. Le chef de l'armee Rouge – Mikail Toukhatchevski. - Paris, 1928. – 173 p.
1.171.Gamelin M. Servir. Le prologue du drame (1930-aout 1939). - Paris, 1946. - T.2. – P.195-196.
1.172.Lacouture J. De Gaulle. - Paris, 1969. – P. 30.
1.173.Tabouis G. They Called me Cassandra. - New-York, 1942. – P.
1.174.Thyssen F. I paid Hitler. New-York – Toronto, 1941. – P.163.

Статьи, исследования, выступления политических деятелей и военачальников 20-30-х годов.

1.175.Баторский М. Несколько мыслей о факторах, влияющих на формы будущих войн. //Революция и война. – 1921. - № 13. – С.63-70.
1.176.Блюхер В.К. Статьи и речи. - М.: Воениздат, 1963. – 232 с.
1.177.Бубнов А.С. О Красной Армии. - М.: Воениздат, 1958. – 240 с.
1.178.Буденный С.М. Рецензия на книгу А.Егорова. «О книге тов. А.Егорова «Львов-Варшава». //Военный вестник. - 1929. - № 15. – С. 54-57.
1.179.Варфоломеев Н.Е. Движение преследующей армии к полю решительного сражения. //Революция и война. – 1921. - № 13. – С.71-97.
1.180.Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Российский военный сборник. - М.: «Русский путь», 1999. – 636 с.
1.181.Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах. 1917-1940. - М.: Воениздат, 1965. – 768 с.
1.182.Вопросы тактики в советских военных трудах. 1917-1940. - М.: Воениздат, 1970. – 520 с.
1.183.Ворошилов К.Е. Статьи и речи. - М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. – 667 с.
1.184.Ворошилов К.Е. Памяти доргого друга Михаила Васильевича Фрунзе. //Правда. – 1925. – 11 ноября.
1.185.Ворошилов К.Е. Речь на 14 московской губпартконференции (13 декабря 1925 г.). //Правда. – 1925. – 20 декабря.
1.186.Ворошилов К.Е. Красная Армия – оплот мира. //Правда. – 1926. – 23 февраля.
1.187.Ворошилов К.Е. Восемь лет Красной Армии. //Правда. – 1926. – 4 марта.
1.188.Ворошилов К.Е. Речь на торжественном заседании в Доме Союзов, посвященном выпуску командиров Красной Армии. //Правда. – 1926. – 21-22 сентября.
1.189.Ворошилов К.Е. М.В.Фрунзе – друг и вождь Красной Армии. //Правда. – 1926. – 31 октября.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1.190.Ворошилов К.Е. Девять лет. //Правда. – 1927. – 23 февраля.
1.191.Ворошилов К.Е. Оборона страны и состояние Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Доклад на 4 Всесоюзном съезде Советов 25 апреля 1927 г. //Оборона СССР. – М.: Военный вестник, 1928. – С.5-48.
1.192.Ворошилов К.Е. Красная Армия и трудящиеся СССР – на-чеку. Из доклада на собрании рабочих в клубе им. Загорского 9 июня 1927 г. //Оборона СССР. – М.: Военный вестник, 1928. – С.81-90.
1.193.Ворошилов К.Е. Против клеветы на Красную Армию. Речь на Краснопресненской райпартконференции 2 ноября 1927 г. //Правда. – 1927. – 12 ноября .
1.194.Ворошилов К.Е. Беседа с французской делегацией. 17 ноября 1927 г. //Ворошилов К.Е. Статьи и речи. – Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. – С.163-187.
1.195.Ворошилов К.Е. Вопросы обороны и пятилетка. Речь на 15 съезде ВКП (б) 13 декабря 1927 г. //Стенографический отчет 15 съезда ВКП (б). – М.: Партиздат, 1935. – С.840-858.
1.196.Ворошилов К.Е. Десятилетие Красной Армии. //Правда. – 1928. – 22-23 февраля.
1.197.Ворошилов К.Е. Речь на 8 Всесоюзном съезде профессиональных союзов. //Стенографический отчет 8 съезда профессиональных союзов СССР. – М.: ВЦСПС, 1929. – С.14-17.
1.198.Ворошилов К.Е. Сталин и Красная Армия. //Правда. – 1929. – 21 декабря.
1.199.Ворошилов К.Е. Будет ли война? //Ворошилов К.Е. Статьи и речи. – М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. – С.425-433.
1.200.Ворошилов К.Е. Речь на 16 съезде ВКП (б). //Стенографический отчет 16 съезда ВКП (б). – М.: Партиздат, 1935. – С.504-516.
1.201.Гусев С.И. Гражданская война и Красная Армия. - М.: Воениздат, 1958. – 224 с.
1.202.Егоров А.И. Львов-Варшава. 1920. Взаимодействие фронтов. - М.: Госвоениздат, 1929. – 212.с.
1.203.Зайончковский А.М. Рецензия на книгу Какурина Н.Е., Меликова В.А. «Война с белополяками» 1920 год. //Печать и революция. – 1925. – Книга 5-6. – С. 251-254.
1.204.Зайцов А. Шестнадцать лет РККА. //Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Российский военный сборник. – М.: Русский путь, 1999. – С.223-260.
1.205.Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками. 1920 г. – М.: Госвоениздат, 1925. – 520 с.
1.206.Какурин Н.Е. Война с белополяками. – М-Л.: Госвоениздат, 1930. – 88 с.
1.207.Какурин Н.Е. На пути к Варшаве. (Боевые операции 10 стрелковой дивизии под Варшавой в августе 1920 года в связи собщей стратегической обстановкой на левом фланге 16 армии). //Революция и война. – 1921. - № 4-5. – С.83-121.
1.208.Какурин Н.Е. Рецензия на книгу А.Егорова «Львов-Варшава». //Война и революция. – 1929. - № 5. – С. 145-156.
1.209.Какурин Н.Е. Рецензия на книгу Б.Шапошникова «На Висле. К истории кампании 1920 года». //Печать и революция. – 1925. - Книга 2. – С. 245-247.
1.210.Какурин Н.Е. Стратегический очерк гражданской войны. – М-Л.: Госвоениздат, 1926. – 160 с.
1.211.Какурин Н.Е. Стратегия пролетарского государства. – Смоленск: РВС Западного фронта, 1921. – 31 с.
1.212.Какурин Н.Е. Как сражалась революция. - М.: Политиздат, 1990. - Т.1. – 272 с.; Т.2. – 431 с.
1.213.Лебедев П.П. Государственная оборона. – М.Госвоениздат, 1924. – 48 с.
1.214.Лебедев П.П. Государственная оборона. //Военно-исторический журнал. – 1990. - № 6. – С.4-9.; № 7. – С.75-82.
1.215.Ленин В.И. Военная переписка. – М.: Воениздат, 1987. – 438 с.
1.216.Литке С.Р. Нужны ли сейчас Красной Армии военные комиссары. //Революция и война. – 1922 - № 14-15. – С.46-51.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1.217.Лузгин М. Единое военно-политическое воспитание. //Революция и война. - 1922. - № 14-15. – С.5-7.
1.218.Меликов В.А. Марна - 1914 года. Висла – 1920 года. Смирна – 1922 года. - М-Л.: Госиздат, 1928. – 468 с.
1.219.Меликов В.А. Сражение на Висле в свете опыта майско-августовской кампании 1920 г. //Война и революция. – 1930. - № 10. – С. 17-44.
1.220.Мовчин Н. Последовательные операции по опыту Марны и Вислы. - М-Л.: Гвиз, 1928. – 172 с.
1.221.Невежин К. Русско-польская война 1919-1920 г. – На правах рукописи. - 1923. – 178.с.
1.222.Обсуждение диссертации В.Меликова «Марна-Висла-Смирна». //Красная Звезда. – 1928 - 31 марта.
1.223.Огородников Ф. Единая военная доктрина и Красная Армия. //Революция и война. – 1921 – № 9-10. – С.31-43.
1.224.Огородников Ф. Красная Армия в войне с Польшей. //Революция и война. - 1921 - № 6-7. – С.19-28.
1.225.Огородников Ф.Е. Красноармеец в отзывах комсостава (военно-психологический очерк). //Революция и война. – 1921. - № 8. – С.132-143.
1.226.Огородников Ф.Е. Методика подготовки Красной Армии. //Революция и война. – 1921. - № 13. – С.6-17.
1.227.Огородников Ф. От доктрины к делу. //Революция и война. – 1921 - № 14-15. – С.19-35.
1.228.Петровский Д. Единая военная доктрина. Рецензия на статью М.В.Фрунзе. //Военный вестник. – 1921. - № 4. – С.2-4.
1.229.Петровский Д. Рецензия на книгу Какурина Н.Е. «Стратегия пролетарского государства». //Военный вестник. – 1921. - № 7. – С.19-20.
1.230.Петровский Д. Рецензия на книгу Троцкого Л.Д. «Новый этап». //Военный вестник. – 1921 - № 8. – С.25-26.
1.231.Петровский Д. Рецензия на книгу М.Тухачевского «Война классов». //Военный вестник. – 1921. - № 6. – С.22-23.
1.232.Петровский Д. Рецензия на работы А.Корка (журнал «Красный боец, № 7,8) и Какурин Н.Е. Стратегия пролетарского государства.(Революция и война. № 11,12). //Военный вестник. – 1922. - № 1. – С.35-36.
1.233.Петровский Д. Русская революция и строительство в Красной Армии. (Беглые заметки). //Военная наука и революция. – 1921. - № 1. – С.24-29.
1.234.Постижение военного искусства. Идейное наследие А.Свечина. Российский военный сборник. - М.:Русский путь, 1999. – 690 с.
1.235.Радек К.Б. Война польских белогвардейцев против Советской России. Доклад на собрании агитаторов Московской организации коммунистической партии. - М.: Госиздат, 1920. – 24 с.
1.236.Радек К.Третий год борьбы Советской республики против мирового капитала. Война с Польшей. //Красная новь. – 1921. - № 1. – С.107-120.
1.237.Свечин А.А. Стратегия. - М.Гвиз, 1926. – 327 с.
1.238.Сергеев Е.Н. От Двины к Висле. – Смоленск: РВС Западного фронта, 1923. – 110 с.
1.239.Триандофиллов В.К. Взаимодействие между Западным и Юго-Западным фронтами во время летнего наступления Красной Армии на Вислу в 1920 году. //Война и революция. – 1925. - № 11. – С. 20-44.
1.240.Триандофиллов В.К. Характер операций современных армий. - М.: Гвиз, 1929. – 190 с.
1.241.Троцкий Л.Д. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. //Военная наука и революция. - 1921. - № 2. – С.205-234.
1.242.Троцкий Л.Д. Военное знание и марксизм. //Военная мысль и революция. – 1924. - № 4. – С. 2-20.
1.243.Тухачевский М.Н. Бой пехоты. – Смоленск: РВС Западного фронта, 1923. – 34 с.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1.244.Тухачевский М.Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями. // Война и революция. – 1926. - № 7. – С.3-17.; № 8. – С.3-15.; № 9. – С.3-16.
1.245.Тухачевский М.Н. Буржуазия об армии пролетариата. // Правда. – 1928. - 23 февраля.
1.246.Тухачевский М.Н. Война. //Сборник Военной Академии РККА им. М.В.Фрунзе. – 1926. - Книга 1. – С.3-15.
1.247.Тухачевский М.Н. Война как проблема вооруженной борьбы. // Большая Советская Энциклопедия. - М.,1928. – Стлб. 576-598.
1.248.Тухачевский М.Н. К вопросу о современной стратегии. //Война и военное искусство в свете исторического материализма. - М-Л.: Госиздат, 1927. – С.124-136.
1.249.Тухачевский М.Н. Война классов. Статьи 1919-1920 гг. – Смоленск: Госиздат 1921. – 140 с.
1.250.Тухачевский М.Н. Война клопов. Отклик на доклад Петина «Маневр как основной стимул стратеги и тактики». //Революция и война. – 1923. - № 22. – С.187-189.
1.251.Тухачевский М.Н. Тухачевский М.Н. Война и милиционная армия. //Правда. - 1921. - 26 февраля.
1.252.Тухачевский М.Н. Вопросы высшего командования. М.: Воениздат, 1924. – 16 с.
1.253.Тухачевский М.Н. Вопросы организации и тактики пехоты. //Выстрел. – 1925. - № 2. – С.7-17.
1.254.Тухачевский М.Н. Вопросы современной стратегии. - М.: «Военный вестник», 1926. – 20 с.
1.255.Тухачевский М.Н. Действие и противодействие. //Революция и война. – 1923. - Книга 19. – С.69-77.
1.256.Тухачевский М.Н. Доклад о боевой подготовке на 7-й окружной партийной конференции ЛВО. //Красная звезда, ЛВО. – 1929. - 11 января.
1.257.Тухачевский М.Н. Доклад о состоянии Красной Армии на 7-м Всебелорусском съезде Советов 7 мая 1925 г. //7-й Всебелорусский съезд Советов. 4-9 мая 1925 г. Стенографический отчет. – Минск, 1925. – С.205-212.
1.258.Тухачевский М.Н. Задачи общевойсковой подготовки. //Война и революция. - 1927. – Книга 10-11. – С.1-13.
1.259.Тухачевский М.Н. Заключительное слово на дискуссии (о реальной пехоте). //Красная Звезда. – 1924. - 20 июля.
1.260.Тухачевский М.Н. Заключительное слово тов. Тухачевского на 7-й окружной партконференции ЛВО. //Красная Звезда, ЛВО. – 1929. - 13 января.
1.261.Тухачевский М.Н. Заключительное слово на 7-м Всебелорусском съезде Советов 7-го мая 1925 г. //7-й Всебелорусский съезд Советов 4-9 мая 1925 г. Стенографический отчет. – Минск, 1925. – С.230-231.
1.262.Тухачевский М.Н. Из уроков гражданской войны. //Правда. – 1928. - 23 февраля.
1.263.Тухачевский М.Н. Инвалидное дело. Рецензия на журнал «Военное дело». //Революция и война. - 1920. - № 1. – С.101-103.
1.264.Тухачевский М.Н. Искоренение бандитизма. //Революция и война. – 1922. - № 16. – С.40-47.
1.265.Тухачевский М.Н. Итоги дискуссии о реальной пехоте. //Красная Звезда. - 1924. - 26 августа.
1.266.Тухачевский М.Н. К съезду ВНО. //Военная мысль и революция. – 1924. - Книга 6. – 204-206.
1.267.Тухачевский М.Н. Консервативная стратегия. Предисловие к переводу книги английского генерала Морриса «Стратегия». //Красная Звезда. – 1931. - 7 августа.
1.268.Тухачевский М.Н. Красная Армия и милиция. – Смоленск: Политуправление РВС Западного фронта, 1921. – 23 с.
1.269.Тухачевский М.Н. Красная армия на 6-м году революции. //Красная присяга. - 1923. - № 18. – С.22-23.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1.270.Тухачевский М.Н. Курган-Омск. //Борьба за Урал и Сибирь. - М.: Госиздат. - 1926. – С.74-88.
1.271.Тухачевский М.Н. Ленинское в терсистеме. //Красная Звезда. – 1926. - 21 января.
1.272.Тухачевский М.Н. Лучший памятник. //Красная Звезда. – 1926. - 22 июля.
1.273.Тухачевский М.Н. Маневр и артиллерия. - М.: Высший военно-редакционный совет, 1924. – 42 с.
1.274.Тухачевский М.Н. Машинизация пехоты. К дискуссии в Совете по подготовке РККА. //Военный вестник. – 1924. - № 29. – С.4-7.
1.275.Тухачевский М.Н. Модные заблуждения. //Революция и война. – 1923. - № 21. С.66-76.
1.276.Тухачевский М.Н. На базе достигнутого – к новым задачам. Из доклада на совещании высшего начсостава ЛВО. //Красная звезда. – 1929. – 13 октября.
1.277.Тухачевский М.Н. Наша военная мысль. //Красная Звезда. – 1924. - 30 декабря.
1.278.Тухачевский М.Н. Новые вопросы войны. //Военно-исторический журнал. - 1962. - № 2. – С.62-77.
1.279.Тухачевский М.Н. Новые силы. //Красная Армия. Вестник ВНО при Военной Академии РККА. – 1921. - № 3-4. – С.3-5.
1.280.Тухачевский М.Н. Новые учебные задачи. //Война и революция. – 1929. – Книга 11. – С.3-20.
1.281.Тухачевский М.Н. О боевом применении и организации артиллерии. Доклад на Всесоюзном артиллерийском съезде 23 мая 1924. //Военный вестник. – 1924. - № 21. – С.
1.282.Тухачевский М.Н. О новой артиллерии. Краткое изложение доклада. //Военный вестник. – 1924. - № 2. – С.67-68.
1.283.Тухачевский М.Н. О новом Полевом Уставе РККА. //Красная Звезда. – 1937. - 6 мая.
1.284.Тухачевский М.Н. О пехоте. Сборник статей. – Смоленск: издательство ВНО, 1923. – 60 с.
1.285.Тухачевский М.Н. О реальной пехоте. Еще несколько слов. //Красная Звезда. - 1924. - 24 июля.; 21 августа.
1.286.Тухачевский М.Н. О социалистической армии. Тезисы. //Правда. – 1921. - 12 марта.
1.287.Тухачевский М.Н. О стратегических взглядах профессора Свечина. //Против реакционных теорий на военно-научном фронте. - М.: Госвоениздат, 1931. – С.3-16.
1.288.Тухачевский М.Н. О тактике авиации. //Военная наука и революция. – 1921. - № 1. – С.87-94.
1.289.Тухачевский М.Н. О характере современных войн в свете решений 6-го Конгресса Коминтерна. Доклад на заседании военной секции при Комакадемии 16 декабря 1929 г. //Записки Коммунистической академии. – 1930. - Т.1. – С.6-29.
1.290.Тухачевский М.Н. Об антиснабженцах. //Красная звезда. – 1925. – 5 июля.
1.291.Тухачевский М.Н. Об обороне. //Революция и война. – 1923. - № 24. – С.53-56.
1.292.Тухачевский М.Н. Оборона и наступление пехоты. //Выстрел. – 1925. - № 1. – С.7-14.
1.293.Тухачевский М.Н. Обучение взаимодействию. //Война и революция. – 1926. - № 6. – С.3-9.
1.294.Тухачевский М.Н. Общевойсковая подготовка. //Красная звезда. – 1927. – 1 января.
1.295.Тухачевский М.Н. Общие сборы. //Война и революция. – 1928. – Книга 4. – С.3-14.
1.296.Тухачевский М.Н. Объяснительная записка ко 2-й части Полевого Устава РККА, 1925 г. //Временный Полевой Устав. Ч. 2, дивизия, корпус. – М., 1926. – С.3-21.
1.297.Тухачевский М.Н. Оперативное искусство и учение о войне. Из доклада Главрука военных академий по стратегии командующего Западным военным округом тов. Тухачевского. //Красная Звезда. – 1925. - 21 октября.
1.298.Тухачевский М.Н. Организация боевой подготовки. //Красная звезда. – 1929. – 22 декабря.
1.299.Тухачевский М.Н. Памятка красноармейцу на маневрах. – М.: Воениздат, 1931. – 32 с.
1.300.Тухачевский М.Н. Письмо товарищу Зиновьеву. //Тухачевский М.Н. Война классов. Статьи 1919-1920 гг. – 1920: Госиздат, 1921. – С.138-140.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1.301.Тухачевский М.Н. Подготовка железнодорожных войск. //Красная звезда. – 1924. – 20 декабря.
1.302.Тухачевский М.Н. Полевой Устав 1929 года. //Красная Звезда. – 1929. - 18 июля.
1.303.Тухачевский М.Н. Политика и стратегия в гражданской войне. //Революционный фронт. – 1920. - № 2. – С.14-16.
1.304.Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. Лекции, прочитанные на дополнительном курсе Военной академии РККА, 4-10 февраля 1923 г. – Смоленск: РВС Западного фронта, 1923. – 54 с.
1.305.Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. //Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. Пилсудский Ю. 1920 год. - М.: Новости, 1992. – С.33-88.
1.306.Тухачевский М.Н. Предисловие к книге Г.Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории». Т.4. Новое время. - М.: Госиздат, 1930. – С.3-16.
1.307.Тухачевский М.Н. Предисловие к книге Дж. Фуллера «Реформация войны». Перевод с английского. - М.: Госвоениздат, 1931. – 86 с.
1.308.Тухачевский М.Н. Приветственное слово на 7-м Всебелорусском съезде Советов. //7-й Всебелорусский съезд Советов, май 1925 г. Стенографический отчет. – Минск, 1925. – С.24-25.
1.309.Тухачевский М.Н. Прохождение службы командным составом. //Военный вестник. – 1924. - № 21. – С.5-6.
1.310.Тухачевский М.Н. Пути обучения. //Красная звезда. – 1927. – 10 июля.
1.311.Тухачевский М.Н. Распространение военной литературы. //Красная звезда. – 1925. – 14 января.
1.312.Тухачевский М.Н. Реальная пехота. //Красная Звезда. – 1924. - 15 июля.
1.313.Тухачевский М.Н. Революция извне. //Революция и война. – 1920. - № 3. – С.45-54.
1.314.Тухачевский М.Н. Реформа в Красной Армии. Беседа с помощником начальника Штаба РККА М.Н.Тухачевским. //Красная Звезда. – 1924. - 5 апреля.
1.315.Тухачевский М.Н. Реформа, которой требует жизнь. //Красная Звезда. – 1929. - 8 марта.
1.316.Тухачевский М.Н. Рецензия на книгу Е.Н.Сергеева «От Двины к Висле». //Военный вестник. – 1922. - № 17-18. – С.62-63.
1.317.Тухачевский М.Н. Сближение. //Революция и война. – 1923. - № 24. – С.65.
1.318.Тухачевский М.Н. Сближение и развертывание батальона. //Красная звезда. 1929. – 25 апреля.
1.319.Тухачевский М.Н. Современный полк. //Военная мысль и революция. – 1924. - № 5. – С.39-49.
1.320.Тухачевский М.Н. Сторожевое охранение. //Революция и война. – 1923. - № 23. – С.37-40.
1.321.Тухачевский М.Н. Стратегия национальная и классовая. Лекция, читанная в Академии Красного Генерального Штаба 24 декабря 1919 года. - Ростов-на Дону: Издательский отдел штаба Кавказского фронта, 1920. – 19 с.
1.322.Тухачевский М.Н. Стратегия организации. //Военный вестник. – 1924. - № 28. – С.26-30.
1.323.Тухачевский М.Н. Съезд ВНО. //Красная Звезда. – 1924. - 17 августа.
1.324.Тухачевский М.Н. Тактика и обучение. //Военный вестник. – 1925. - № 24. – С.8-21.; № 25. – С.3-13.
1.325.Тухачевский М.Н. Тактика и обучение. Пехота. – М.: «Военный вестник», 1927. – 120 с.
1.326.Тухачевский М.Н. Теория в практике. (Из блокнота руководителя маневрами). //Красная звезда. – 1928. – 13 сентября.
1.327.Тухачевский М.Н. Управление армией и фронтом. Доклад на заседании ВНО Военной академии РККА 3 апреля 1922 г. Краткое изложение. //Военнй вестник. – 1922. - № 8. – С.46-47.
1.328.Тухачевский М.Н. Учение, а не экзамен. //Красная звезда. – 1926. – 16 сентября.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

1.329.Тухачевский М.Н. Фрунзе – стратег. //Красная звезда. – 1926. – 31 октября.
1.330.Тухачевский М.Н. Что говорит комвойсками ЛВО тоы. Тухачевский о маневрах 11 дивизии. //Красная звезда ЛВО. – 1929. – 28 февраля.
1.331.Тухачевский М.Н. Что мы ожидаем от «Войны и революции». //Война и революция. – 1929. - № 12. – С.3-8.
1.332.Фрунзе М.В. Избранные произведения. - М.: Воениздат, 1957. - Т.1. – 472 с.; Т.2. – 500 с.
1.333.Фрунзе М.В. Единая военная доктрина и Красная Армия. //Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1957. – Т.2 – С.4-22.
1.334.Фрунзе М.В. Военно-политическое воспитание Красной Армии. Доклад на совещнии командного и комиссарского состава войск Украины и Крыма и флота Черного и Азовского морей 1 марта 1922 г. //Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1957. – Т.2 – С.34-61.
1.335.Фрунзе М.В. Регулярная армия и милиция. //Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1957. – Т.2 – С.61-92.
1.336.Фрунзе М.В. Основные задачи момента. Доклад и заключительное слово на совещании военных делегатов 11 съезда РКП (б). //Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1957. – Т.2 – С.92-105.
1.337.Фрунзе М.В. Красная Армия прежде и теперь. //Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1957. – Т.2 – С.117-120.
1.338.Фрунзе М.В. Фронт и тыл в войне будущего. // Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1957. – Т.2 – С. 133-143.
1.339.Фрунзе М.В. Итоги и перспективы военного строительства. В связи с реорганизацией 1924 г. //Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1957. – Т.2 – С. 145-185.
1.340.Фрунзе М.В. Очередные вопросы военного дела. Речь на гарнизонном собрании в Тифлисе 15 апреля 1925 г. //Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1957. – Т.2 – С. 237-253.
1.341.Фрунзе М.В. Красная Армия и Оборона Советского Союза. Доклад на 3 съезде Советов СССР 19 мая 1925 г. //Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1957. – Т.2 – С. 253-289.
1.342.Фрунзе М.В. Красная Армия и единоначалие. //Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1957. – Т.2. – С. 289 – 297.
1.343.Фрунзе М.В. Кадровая армия и милиция. //Фрунзе М.В. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1957. – Т.2. – С. 365-382.
1.344.Шапошников Б.М. На Висле. К истории кампании 1920 года. М.: Гвиз, 1924. – 208 с.
1.345.Эйдеман Р.П. К изучению истории гражданской войны. //Война и революция. – 1932. - № 2. – С. 91-172.

Периодические издания.

1.346.Военная наука и революция. Все №№ за 1921-1925 гг.
1.347.Революция и война. РВС Западного фронта. Все №№ за 1921-1923 гг.
1.348.Военный вестник. Все №№ за 1921-1924 гг.
1.349.Армия и революция. Все №№ за 1921-1922 гг.
1.350.Революционный фронт. Все №№ за 1920 г.
1.351.Красная присяга. ПУ Западного фронта. Все №№ за 1923 г.
1.352.Красная Звезда. Все №№ за 1924-1937 гг.
1.353.Возрождение. Все №№ за 1936-1937 гг.
1.354.Новая Россия. Все №№ за 1936-1938 гг.
1.355.Последние новости. Все №№ за 1936-1937 гг.
1.356.Бюллетень оппозиции. Все №№ за 1937-1938 гг.
1.357.Часовой. Все №№ за 1929-1938 гг.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

II. Литература.
Монографии, статьи, очерки.

2.1.Академия Генерального Штаба. – М.: Воениздат, 1976. – 280 с.
2.2.Алдан-Семенов А.И. Слово о командарме. (Об И.П.Уборевиче). - М.: Политиздат, 1981. – 112 с.
2.3.Абрамов Н. «Дело Тухачевского»: новая версия. Рассекреченные документы из Архива внешней политики СССР. //Новое время.- 1989.- № 13. – С. 37-39.
2.4.Агеев А. Военный теоретик и военный историк А.А. Свечин. (К 100-летию со дня рождения). //Военно-исторический журнал. – 1978. - № 8. – С. 127-128.
2.5.Айрапетян Г.А. Железный Гай. - М.: Воениздат, 1980. – 124 с.
2.6.Айрапетян Г.А. Комкор Хаханьян. – Ереван: «Айастан», 1970. – 164 с.
2.7.Андрей Евгеньевич Снесарев. (Жизнь и научная деятельность). - М.: Наука, 1973. – 160 с.
2.8.Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время. //Вопросы истории.- 1989. - № 1. – С. 82-103; № 2. – С. 84-102; № 3. – С. 106-124; № 4. – С. 85-96; № 6. – С. 101-117; № 7. – С. 93-110; № 8. – С. 96-109; № 9. – С. 134-153; № 10. – С. 83-101.
2.9.Антошин А.М. Военная реформа 1924-1928 гг. - М., 1951. – 158 с.
2.10.Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920-1933 гг. //Новая и новейшая история. – 1990. - № 5.
2.11.Ахтамзян А.А. Рапалльская политика. - М.: Международные отношения, 1974. – 304 с.
2.12.Бабаков А. Советские военные округа. //Военно-исторический журнал. – 1982. - № 9.
2.13.Базурин Р. Открывают неограниченные возможности. //Ленинградская правда. – 1966. - 22 декабря.
2.14.Базурин Р.М. Тухачевский и развитие реактивной техники. //Авиация и космонавтика. – 1966. - № 12.
2.15.Бахтин М.М. Проблемы творчества. Поэтики Достоевского. – Киев: NEXT, 1994. – 510 с.
2.16.Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
2.17.Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2.18.Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Мысль, 1990. – 220 с.
2.19.Бердяев Н.А. Новое средневековье. //Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. – М.: Искусство, 1994. – Т.1. – С. 406-464.
2.20.Бердяев Н.А. Русская идея. //Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли 19 века и начала 20 века. Судьба России. – М.: Сварог, 1997. – С. 4-220.
2.21.Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. - М.: Мысль, 1991. – 320 с.
2.22.Бердяев Н.А. Ставрогин. //Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. – М.: Искусство, 1994. – Т.2. – С. 176-186.
2.23.Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. - М.: Искусство, 1994. - Т.1. – 544 с.; Т.2. – 513 с.
2.24.Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. - М.: Вече, 2000. – 512 с.
2.25.Берхин И.Б. Военная реформа в СССР 1924-1925 гг. - М.: Воениздат, 1958. – 510 с.
2.26.Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобщему анализу. – М., 1992. – 136 с.
2.27.Борисов. Зарницы национальной революции (о национально-революционном характере «заговора Тухачевского»). //Часовой. – 1938. - № 205. – С. 20-21.
2.28.Булдаков В. Красная смута. - М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.
2.29.Бурин С. Григорий Котовский. Легенда и быль. – Смоленск: Русич, 1999. – 462 с.
2.30.В преддверии близкого конца. (Беседа с советским дипломатом). //Часовой. – 1938. - № 208. – С. 6.
2.31.Варгин Н.Ф. Флагман флота Кожанов. - М.: Воениздат, 1980. – 112 с.
2.32.Васецкий Н.А. Троцкий. Опыт политической биографии. - М.: Республика, 1992. – 351 с.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

2.33.Василенко А. Наполеон. //Молодая гвардия. – 1996. - № 3. – С. 123-161.
2.34.Викторов Б. «Заговор» в Красной Армии. //Правда. – 1988. - 29 апреля.
2.35.Викторов Б. «Заговор» в Красной Армии. //Викторов Б.А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. - М.: Юридическая литература, 1990. – С. 215-256.
2.36.Виноградов А. «Красный Бонапарт» и его маршалы. //Виноградов А. Тайные битвы 20 столетия. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – С. 196-203.
2.37.Военная Академия имени М.В.Фрунзе. – М.: Воениздат, 1980. – 280 с.
2.38.Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина: в 2 кн. - М.: Новости, 1989. - Кн. 1. – 622 с.
2.39.Волкогонов Д.А. Троцкий. – М.: Новости, 1992. – Книга 1. – 416 с.; Книга 2. – С. 416 с.
2.40.Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. - М.: Советская Россия, 1991. – 624 с.
2.41.Гареев М.А. М.В.Фрунзе – военный теоретик. - М.: Воениздат , 1985. – 448 с.
2.42.Гессен И. Года изгнания. Жизненный отчет. //Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. - М.: Искусство, 1994. - Т.1. – С. 342-381.
2.43.Голубев А. Выдающийся советский военный теоретик. (В.К. Триандофиллов). //Военно-исторический журнал. – 1968. - № 3. – С. 111-115.
2.44.Горелик Я.М. Август Корк. //Вопросы истории. – 1987. - № 7. – С. 173-178.
2.45.Горелик Я.М. Красный командарм. //Военно-исторический журнал. – 1980. - № 10. – С. 179-182.
2.46.Горелик Я.Р. Маршал М.Н.Тухачевский. - Пенза, 1986. – 215 с.
2.47.Горелик Я.Р. Один из активных строителей Советской Армии. //Исторические записки. –1980. - № 105.
2.48.Горелик Я.Р. Они работали вместе. //Неделя. – 1961. - № 47.
2.49.Горлов С.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы. //Военно-исторический журнал. – 1991. - № 9. – С. 4-11.
2.50.Горьков Ю. Кремль. Ставка. Генштаб. - Тверь, 1995. – 384 с.
2.51.Григорьев А. Тухачевский и военно-морской флот. //Страж Балтики. – 1967. - 27 июня.
2.52.Гуль Р. Тухачевский. //Гуль Р. Красные маршалы. - М.: Терра, 1995. – С. 433-532.
2.53.Гуль Р. Красные маршалы (Ворошилов, Блюхер, Котовский). //Гуль Р. Красные маршалы. -М.: Терра, 1995. – С. 533-654.
2.54.Давыдов Л. Верность. О Д.М. Карбышеве. – М.: Политиздат, 1984. – 127 с.
2.55.Дайнес В.О. Командарм Корк. //Советский воин. – 1988. - № 20. – С. 13-15, 33.
2.56.Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский. //Вопросы истории. – 1989. - № 10. – С. 38-60.
2.57.Данилов В. Совершенствование системы центральных органов военного рководства в 1929-1939 гг. //Военно-исторический журнал. – 1982. - № 6.
2.58.Данилов В. От Штаба РККА к Генштабу Рабоче-Крестьянской Красной Армии. (1924-1935). //Военно-исторический журнал. – 1978. - № 8. – С. 98-106.
2.59.Двойных Л., Стеганцев М. Маршал Тухачевский. //Неделя. – 1987. - № 47.
2.60.Деко А. Дело Тухачевского. //Люди-загадки 20 века. – М.: Прибой, 1998. – С. 220-236.
2.61.Деникин А.И. Доклад о «заговоре Тухачевского». //Часовой.- 1938. - № 205. – С. 28-29.
2.62.Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. - СПб., 1883. – 258 с.
2.63.Достоевский Ф.М. Бесы. //Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1957. – Т.7. – 757 с..
2.64.Душенькин В. Пролетарский маршал. - М.: Политиздат, 1974. – 128 с.
2.65.Жигалов И. Повесть о балтийском матросе. - М.: Политиздат, 1973. – 135 с.
2.66.Жаворонков Г., Парийский В. В немилость впавший. //Факел-90. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 154-162.
2.67.Захаров М.В. Ученый и воин. (О маршале Советского Союза Б.М.Шапошникове). - М.: Политиздат, 1974. – 112 с.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

2.68.Звягинцев В.Е. «Изъять до последнего...». //Военно-исторический журнал. 1994. - № 6. – С. 63-67.
2.69.Зенькович Н.А. Маршалы и генсеки. – Смоленск: Русич, 1997. – 666 с.
2.70.Иванов А.М. Логика кошмара. - М.: Русский вестник, 1993. – 190 с.
2.71.Иванов В.М. Маршал М.Н.Тухачевский. - М.: Воениздат, 1990. – 320 с.
2.72.Иссерсон Г. Развитие теории советского оперативного искусства в 30-е годы. – Военно-исторический журнал. – 1965. - № 1. – С. 36-47.
2.73.История Ордена Ленина Ленинградского военного округа. - М.: Воениздат, 1974. – 613 с.
2.74.Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. – М.: Издательство КСП, 1998. – 576 с.
2.75.Казаков В.Г. Красный комбриг (о Г.И.Котовском). - М.: Политиздат, 1981. – 96 с.
2.76.Карпов В. Расстрелянные маршалы. - М.: Вече, 2000. – 480 с.
2.77.Картунова А.И. Почему В.К.Блюхер поддерживал Чан-Кай-ши. //Военно-исторический журнал. – 1995. - № 5. – С. 59-64.
2.78.Киевский Краснознаменный. История Краснознаменного Киевского военного округа 1919-1972. - М.: Воениздат, 1974. – 432 с.
2.79.Киршнер Л.А. Колокол громкого боя. (О П.Дыбенко). – Л.: Лениздат, 1985. – 318 с.
2.80.Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы из истории. – М.: Терра, 1995. – Т.1. – 544 с.; Т.2. – 528 с.
2.81.Кокошин А.А., Лобов В.Н. Предвидение.(Генерал Свечин об эволюции военного искусства). //Знамя. – 1990. - № 2. – С. 170-182.
2.82.Кокошин А.А. А.А.Свечин. О войне и политике. //Международная жизнь. – 1988. – Октябрь. – С. 133-142.
2.83.Колпакиди А., Прудникова Е. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 560 с.
2.84.Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. - М., 2000. - Т.1. – 464 с.; Т.2. – 448 с.
2.85.Кондратьев Н. На линии огня. (эпизоды из жизни командарма И.Ф.Федько). - М.: Политиздат, 1974. – 128 с.
2.86.Кондратьев Н. На фронте в огне. Эпизоды из жизни Яна Фабрициуса. - М.: Политиздат, 1982. – 128 с.
2.87.Кондратьев Н. Маршал Блюхер. - М.: Воениздат, 1965. – 296 с.
2.88.Королев В.Г. Ян Лацис. - М.: Политиздат, 1980. – 144 с.
2.89.Корольченко А. Выбитый генералитет. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 512 с.
2.90.Коротков И.А. История советской военной мысли. - М.: Наука, 1980. – 272 с.
2.91.Костерин С. Дело Тухачевского. //Советская Россия. – 1988. - 18 сентября.
2.92.Костиков В. Не будем проклинать изгнанье. Пути и судьбы русской эмиграции. – М.: Международные отношения, 1990. – 464 с.
2.93.Краснознаменный Белорусский военный округ. - М.: Воениздат, 1983. – 408 с.
2.94.Краснознаменный Закавказский. Очерки истории Краснознаменного Закавказского военного округа. - М.: Воениздат, 1969. – 448 с.
2.95.Краснознаменный Приволжский. Исторический очерк. - Куйбышев, 1980. – 480 с.
2.96.Краснознаменный Туркестанский. - М.: Воениздат, 1976. – 438 с.
2.97.Краснознаменный Уральский. История Краснознаменного Уральского военного округа. - М.: Воениздат, 1983. – 285 с.
2.98.Кришке В. Дело Тухачевского. //Гутен Таг. – 1992. - № 1. – С.10-11.
2.99.Кровавый маршал. Михаил Тухачевский. 1893-1937. – СПб: КОРОНА, 1997. – 384 с.
2.100.Лобов В.Н. Актуальные вопросы развития теории советской военной стратегии 20-х-середины 30-х годов. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 2. – С. 41-50.
2.101.Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (18-начало 19 века). – СПб: Искусство-СПб, 1994. – 399 с.
2.102.М.В.Фрунзе. Военная и политическая деятельность. - М.: Воениздат, 1984. – 275 с.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

2.103.Мещеряков Г. Зарождение советской военной науки (1918-1924). //Военно-исторический журнал. – 1959. - № 11. – С. 69-80.
2.104.Минаков С.Т. За отворотом маршальской шинели. – Орел: Орелиздат, 1999. – 360 с.
2.105.Минаков С.Т. Маршал Тухачевский. //Политическая агитация. – Орел. – 1988. - 8 апреля. – С. 17-21.
2.106.Минаков С.Т. Борьба за модернизацию Красной Армии в конце 20-сер. 30-х годов. (Из истории военного строительства в СССР в годы первых пятилеток). – Орел: Знание, 1989. – 30 с.
2.107.Минаков С.Т. Модернизация советских вооруженных сил в 30-е годы в контексте проблемы цивилизационной катастрофы России в 20 веке. //Реформы и контрреформы в России: прошлое и настоящее. - Орел, 1996. – С. 47-59.
2.108.Минаков С.Т. «Бесы» Ф.Достоевского и политическое мифотворчество М.Тухачевского. //Историк – художественная литература и публицистика. - Орел, 1991. – С. 17-20.
2.109.Минаков С.Т. Наполеон или Ставрогин? (Полифонизм М.Бахтина – Ф.Достоевский и личность в историческом событии). //Бахтинские чтения. – Орел. – 1994. - Выпуск № 1. – С. 88-97.
2.110.Минаков С.Т. Советская военная элита 1920-30-х годов и Запад. //Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины 20 века. - М.: Институт Российской истории РАН, 1998. – С.168-196.
2.111.Минаков С.Т. Советская военная элита 1920-30-х годов и Запад. //Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины 20 века. – Russia and the West. The development of foreign policy stereotypes in the consciousness of the russian society of the first half of 20-th century. - New York, 1999. – P. 168-196.
2.112.Минаков С.Т. О некоторых аспектах начального периода Великой Отечественной войны. //Краеведческие записки. – Орел. – 1999. - Выпуск № 3. – С. 125-137.
2.113.Минаков С.Т. «Дело Тухачевского» и Орловщина. //Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. – Орел, 1998. - Т. 4. – С. 346-356.
2.114.Минаков С.Т. Социально-политическая роль военных реформ в истории России. //Реформы в России и СССР: критика исторического опыта. - Орел, 1993. – С.53-58.
2.115.Минаков С.Т. М.Тухачевский – лидер военной элиты СССР. //Российская ментальность и мировая цивилизация. - Орел, 1997. – С. 44-46.
2.116.Минаков С.Т. М.Тухачевский: особенности социо-культурной самоидентификации в политическом контексте «1937 г.». //Актуальные проблемы гуманитарных наук. - Орел, 1997. – С. 51-53.
2.117.Минаков С.Т. Миф о «красном Наполеоне». //Общественное сознание в политической истории России 19-20 вв. – Орел, 1993. – С. 35-49.
2.118.Минаков С.Т., Веркеенко Г.П. Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А.Деникина. - М., 1993. – 288 с.
2.119.Митрополит Иоанн. Самодержавие Духа. Очерки русского самосознания. – Саратов: Надежда, 1995. – 336 с.
2.120.Млечин Л. «Фермер» сообщает из Парижа. - М.: Московская правда, 1992. – 63 с.
2.121.Млечин Л. Алиби для великой певицы. - М.: Гея, 1997. – 272 с.
2.122.Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. – 480 с.
2.123.Московичи С. Машина, творящаяя богов. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. – 560 с.
2.124.Назаров М. Миссия русской эмиграции. – Ставрополь: Кавказский край, 1992. – 416 с.
2.125.Ненароков А.П. Верность долгу. - М.: Политиздат, 1989. – 158 с.
2.126.Ненароков А.П. Историк гражданской войны. //Военно-исторический журнал. – 1965. - № 11. – С. 42-49.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

2.127.Ненароков А.П. Штабс-капитан, маршал, враг народа. //Родина. – 1989. - № 10. – С. 24-29.
2.128.Николаев В. Отдаю себя революции. - М.:Политиздат, 1972. – 128 с.
2.129.Никулин Л. Тухачевский. - М.: Воениздат, 1964. – 200 с.
2.130.Новиков Г. Тухачевский М.Н. //Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь «Гранат». - М.: Советская энциклопедия, 1989. - С. 161-163.
2.131.Новохатко В. Шесть дней июля. О Г.Д.Гае. - М.: Политиздат, 1987. – 112 с.
2.132.Нордау М. Вырождение. – М.: Республика, 1995. – 400 с.
2.133.Ноймайр. Диктаторы в зеркале медицины. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. – 480.
2.134.Обертас И.Л. Командарм Федько. - М.: Воениздат, 1973. – 165 с.
2.135.Ордена Ленина Московский военный округ. - М.: Воениздат, 1971. – 464 с.
2.136.Орлов Б.М. В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-е годы. //Вопросы истории. – 1990. - № 4. – С. 40-53.
2.137.Пайпс Р. Русская революция. - М.: РОССПЭН, 1994. – Т.1. – 398 с.; Т.2. – 584 с.
2.138.Пайпс Р. Россия при большевиках. - М.: РОССПЭН , 1997. – 672 с.
2.139.Панков Д. В моем сердце Отчизна одна. - М.:ДОСААФ, 1977. – 88 с.
2.140.Парнов Е. Заговор против маршалов. - М.: Терра, 1997. - Кн. 1.- 432 с.; Т.2. – 432 с.
2.141.Пильняк Б. Повесть непогашенной луны. - М.: Книжная палата, 1989. – 352 с.
2.142.Плющев Николай Томин. - М.:Воениздат, 1966. – 148 с.
2.143.Полевая академия. История Высших офицерских…курсов «Выстрел».... – М.: Воениздат, 1983. – 290 с.
2.144.Поливанов А.Н. Воители из рода Поливановых. //Военно-исторический журнал. – 1994. - № 2. – С. 57-69.
2.145.Поливанов А. Пока не потеряно знамя.... //Родина. – 1999. - № 1. – С. 44-46.
2.146.Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии. – СПб: Русский христианский гуманитарный институт, 1997. – 576 с.
2.147.Попов А.С. Труд, талант, доблесть. - М.: Политиздат, 1973. – 112 с.
2.148.Прокопенко А.С. Чего хотел Тухачевский. //Военно-исторический журнал. – 1990. - № 8. – С. 60-62.
2.149.Психология и психоанализ власти. – М.: «БАХРАХ», 1999. – Т.1. – 608 с.; Т.2. – 576 с.
2.150.Ракитин А.В. В.А.Антонов-Овсеенко. Историко-биографический очерк. - Л.: Лениздат, 1989. – 351 с.
2.151.Раковский Л. Первое испытание. //Смена. – 1966. - 26 января.
2.152.Раковский Л. Полководец ленинской школы. //На страже Родины. – 1966. - 16 февраля.
2.153.Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А. Измена Родине. - М.: Стрелец, 1995. – 464 с.
2.154.Роговин В. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. - М.: Терра, 1992 – 400 с.
2.155.Роговин В. 1937. - М., 1996. – 480 с.
2.156.Роговин В. Партия расстрелянных. - М., 1997. – 528 с.
2.157.Родин А.М. А.С.Бубнов. - М.: Воениздат, 1988. – 174 с.
2.158.Рыжаков А. К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной Армии в 30-е годы. //Военно-исторический журнал. – 1968. - № 8. – С. 103-110.
2.159.Савостьянов В., Егоров П. Командарм первого ранга. (И.П.Уборевич). – М.: Политиздат, 1966. – 215 с.
2.160.Савушкин Р.А. Развитие советских Вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период (1921-1941 гг.). - М. Воениздат, 1989.
2.161.Селиванов П. А.И.Кук. //Военно-исторический журнал. – 1976. - № 1. – С. 125-126.
2.162.Сергеев Ф. История одного политического подлога: «дело Тухачевского». //Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки 1933-1945. - М.: Политиздат, 1991. – 415 с.
2.163.Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. - М.: РОССПЭН, 1996. – 336 с.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

2.164.Сиротинский С.А. Путь Арсения. Биографический очерк о М.В.Фрунзе. - М.: Воениздат, 1980. – 223 с.
2.165.Смирнов Г., Зенин Д. Тухачевский: легенды и реальность. //Русский рубеж. - М., 1991. – С. 227-246.
2.166.Советские вооруженные силы. История строительства. - М.: Воениздат, 1978. – 516 с.
2.167. Соколов Б. Истребленные маршалы. – Смоленск: Русич, 2000. – 528 с.
2.168.Соколов Б. Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала. – Смоленск: Русич, 1999. – 512 с.
2.169.Соколов Ю.В. Алексей Алексеевич Брусилов. //Вопросы истории. - 1988. - № 11. - С. 80-97.
2.170.Соломин Н.И. Легенда о командарме. (О командарме 2 ранга М.К.Левандовском). - М., 1989.
2.171.Сувениров О.Ф. Всеармейская трагедия. //Военно-исторический журнал. – 1989. - № 3. – С. 39-47.
2.172.Сувениров О.Ф. Если бы не та вакханалия. //Военно-историческийжурналю – 1989. - № 2. – С. 51-59.
2.173.Сувениров О.Ф. Коммунистическая партия – организатор политического воспитания Красной Армии и Флота 1921-1928. - М.: Наука, 1976. – 292 с.
2.174.Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937-1938. - М.: Терра, 1998. – 528 с.
2.175.Суворов В. Очищение. Зачем Сталин обезглавил свою армию? - М.: Издательство АСТ, 1998. – 480 с.
2.176.Такер Р. Сталин. Путь к власти 1879-1929. История и личность. – М.: Прогресс, 1990. – 480 с.
2.177.Тарасов Е.П. Красном Генрих Эйхе. - М.: Воениздат, 1975. – 151 с.
2.178.Теплов Б.М. Ум полководца. – М.: Педагогика, 1990. – 208 с.
2.179.Тимофеев Е.Д. С.С.Вострецов. - М.: Воениздат, 1981. – 151 с.
2.180.Тодорский А.И. Маршал Тухачевский. - М.: Политиздат, 1964. – 93 с.
2.181.Тополянский В. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. - М.: Права человека, 1996. – 320 с.
2.182.Уотт Д.К. Кто против кого устроил заговор? //Вопросы истории. – 1989. - № 6. – С. 51-63.
2.183.Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу. – М.: Наука, 1977. – 352 с.
2.184.Фишер Л. Жизнь Ленина. - М.: Книжная лавка-РТР, 1997. – Т. 1. 480 с.; Т.2. – 496 с.
2.185.Хорев А. Маршал Тухачевский. //Красная Звезда. – 1988. - 4 июня.
2.186.Чернобаев А. С винтовкой и пером. - М.: Московский рабочий , 1984. – 192 с.
2.187.Шишканов А.И. Военный историк А.Н.Де-Лазари. //Военно-исторический журнал. – 1990. - № 3. – С. 72-80.
2.188.Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М.: Мысль, 1986. – 272 с.
2.189.Шкуратов В.А. Историческая психология. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.
2.190.Щетинов Ю.А., Старков Б.А. Красный маршал. - М.: Молодая гвардия, 1990. – 303 с.
2.191.Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. Психоаналитеческое историческое исследование. – М.: Медиум, 1996. – 506 с.
2.192.Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс-Универс, 1996. – 336 с.
2.193.Юнг К.Г. Психологические типы. – СПб-М.: Прогресс-Универс, 1995. – 716 с.
2.194.Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Киев-Москва: Порт-Рояль – Совершенство, 1997. – 384 с.
2.195.Якупов Н.М. Трагедия полководцев. – М.: Наука, 1992. – 205 с.
2.196.Якир П.И., Геллер Ю.А. Командарм Якир. М., 1963.
2.197.Яров С.В. Владимир Триандофиллов и его дело. //Новый часовой. – 1997. - № 5. – С. 307-312; 1998. - № 6-7. – С. 320-330.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

2.198.Ясперс К. Стриндберг и Ван-Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. – СПб:Гуманитарное агентство академический проект, 1999. – 238 с.
2.199.Alexandrov V. L'affaire Toukhatchevsky. - Paris, 1962. – 218 p.
2.200.Anonim. Zum Fall Tuchatchevski. //Gegenwart. – 1978. - № 13.
2.201.Benoist-Mechin. Histoire de l'Armee allemande. - Paris, 1964. - T. 2,3.
2.202.Butson T.G. The tsar's leutenant, the soviet marshal. - New-York, 1984. – 586 p.
2.203.Carsten F. Les relations germano-sovietiques de 1933-1939. //Survey. – 1962. - № 44-45.
2.204.Carsten F. The Reichswehr and the Red Army. //Survey. – 1962. - № 44-45.
2.205.Castellan G. Le rearmement clandestine du Reich 1930-1935. - Paris, 1954. – 510 p.
2.206.Castellan G. Reichswehr et Armee Rouge 1920-1939. //Les relations germano-sovietiques de 1933 a 1939. - Paris, 1954. – 268 p.
2.207.Dyck H.L. Weimar Germany and Soviet Russia 1926-1933. A study in Diplomatic Instability. - London, 1966. – 352 p.
2.208.Erickson J. The Soviet High Command: A Military-Political history 1918-1941. London-New-York, 1962. – 528 p.
2.209.Heroys A., Thevenin L. L'Armee Rouge et la guerre sociale. - Paris, 1931. – 52 p.
2.210.Garthoff R.L. Soviet Milinary Policy. - Wash.- New-York, 1966. – 218 p.
2.211.Garthoff R.L. Soviet Military Doctrine. - New-York, 1962. – 185 p.
2.212.Glantz D.V. Stumbling Colossus. The Red Army on the eve of World War. - Lawrence (Kansas), 1998. – 548 p.
2.213.Kochan L. Russia and Weimar Republic. 1954. – 315 p.
2.214.Scott W.E. Alliance against Hitler. The origins of the Franco-Soviet Pact. - Durham, 1969. – 286 p.
2.215.Sella R.A. Red Army doctrine and training on the eve of the Second World War. //Soviet Studies. – 1975. - Vol. 27. - № 2. – P. 245-261.
2.216.Sontag J.L. The Soviet War Scare of 1926-27. //The Russian Review. – 1975. - Vol. 34. - № 1. – P. 66-77.
2.217.Strobinger R. Stalin enthauptet die Rote Armee. - Stuttgart, 1990. – 488 p.
2.218.Wieczorkiewiecz P.P. Sprawa Tuchaczewskiego. - Warsawa, 1994. – 267 p.

Справочные издания.

2.219.Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура. (Материалы для справочника). М., 2000.
2.220.Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987.
2.221.Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь "Гранат". (Репринтное издание) М., 1989.
2.222.Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). М., 1997.
2.223.Советская военная энциклопедия. М., 1932, т.1.
2.224.Советская военная энциклопедия. М., 1980,тт. 1-8.
2.225.Советская военная энциклопедия. М., 1990, тт.1,2.
2.226.Советская историческая энциклопедия. М., 1961-1976, тт. 1-16.
2.227.Справочник. Кто руководил НКВД. 1934-1941. М., 1999.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

ГАРФ – Государственный архив Российской федерации.
РГВА – Российский Государственный военный архив.
РГВИА – Российский Государственный военно-исторический архив.
ГАОО – Государственный архив Орловской области.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

РГАСПИ – Российский Государственный архив социально-политической истории.
ГУРККА – Главное управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии.
ГУВУЗ – Главное управление военными учебными заведениями.
ВСУК – Вооруженные Силы Украины и Крыма.
УВО – Украинский военный округ.
ЗВО – Западный военный округ.
МВО – Московский военный округ.
ПВО – Петроградский военный округ.
ЛВО – Ленинградский военный округ.
СКВО – Северокавказский военный округ.
САВО – Среднеазиатский военный округ.
СибВО – Сибирский военный округ.
НРА ДВР – Народно-революционная армия Дальневосточной республики.
ОКА – Отдельная Кавказская армия.
ККА – Кавказская Краснознаменная армия.
ОКДВА – Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия.
ПриВО – Приволжский военный округ.
Офицер в/в – офицер военного времени.
СК – стрелковый корпус.
СД – стрелковая дивизия.
КД – кавалерийская дивизия.
ВНО – Военно-научное общество.
АГШ – Академия Генерального штаба.
ГА – Германская академия.
БМ – Балтийское море.
ЧМ - Черное море.
ГАУ – Главное Артиллерийское управление.
ВТУ – Военно-техническое управление.
УРККВФ – Управление Рабоче-Крестьянского-Красного Воздушного Флота.
УММ РККА – Управление мото-механизации РККА.